Получен Октябрь 1911 г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLII-й. ОКТЯБРЬ. 1911 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Памяти П. А. Столыпина.** . . . . . I— II

II. **Французская Академія.** Статья А. С. Пушкина, съ послѣсловіемъ Н. О. Лернера. Н. Лернера. . 3— 33

III. **Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова.** А. А. Мазона. . . . . 34— 62

IV. **Дневникъ академика В. П. Безобразова.** 1886. Сообщ. М. В. Безобразова. . . . . 63— 70

V. **Къ біографіи Л. А. Мея.** Левъ Александровичъ и Софья Григорьевна Мей, ихъ родные и знакомые. (Семейная хроника). А. Г. Полянской. 71— 79

VI. **Изъ Подольской старины.** В. Сл. и Ѳ. Ф—ко. 80— 97

VII. **Воспоминанія 50-хъ годовъ.** Е. М. Новоселовой. . . . . 98—111

VIII. **Датская экспедиція 1850 г.** Н. А. Епанчина. . . . . 112—127

IX. **Императоръ Николай I и Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ 1830—1831 г.** (Изъ переписки Николая I и Цесаревича Константина Павловича съ 14 января 1830 г. по 15 іюня 1831 г.). В. Тимощукъ. . . . . 128—145

X. **Воспоминанія о Николаѣ Ильичѣ Стороженко.** (Дорогой памяти Николая Ильича и Ольги Ивановны Стороженко). В. С. . . . 146—150

XI. **Воспоминанія стараго педагога.** А. Ѳ. Андріяшева. 151—158

XII. **Изъ архива кн. Л. А. Ухтомскаго.** Сообщ. А. В. Жиркевичъ. . . . . 159—174

XIII. **Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ II—Н. А. Наркевичъ.** Сообщено М. Н. Кулябко-Корецкимъ. . . . . 175—181

XIV. **М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны.** (Изъ воспоминаній). А. Е. К. . . . . 182—190

XV. **По подляшью.** (Посадъ Ломазы и его окрестности). В. П. М—на. . . . . 195—213

XVI. **Изъ записной книжки „Русской Старины“: Курьезы цензуры.** Д. В. Баланина. . . . . 191—194

XVII. **Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 6 апрѣля по 30 іюня 1911 г.** . . 214—230

XVIII. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

Приложенія. Портреты: Петра Аркадьевича Столыпина и Ивана Петровича Епанчина 2.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1911 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. т-ва п. ф. «Электро-Тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.

1911.

X-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го октября 1911 года.

Библіографическій листокъ.

Исторія Правительствующаго Сената за двѣсти лѣтъ. 1711—1911 гг. Томы I—V. Спб. 1911.

22 февраля нынѣшняго года минуло 200 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Петръ I вызвалъ къ жизни Правительствующій Сенатъ „для управленія", для суда, „какъ между народомъ, такъ и въ дѣлѣ государственномъ", и для „сбиранія казны и людей и прочаго всего, чего государя и государства сего интересы требуютъ". Къ этому дню вышла пятитомная исторія Сената, составленная особо для этого учрежденной комиссіей, въ два слишкомъ года исполнившей возложенную на нее задачу. „Обсудивъ"—разсказывается въ предисловіи—„условія предстоящаго ей труда, она предположила раздѣлить историческій очеркъ дѣятельности Правительствующаго Сената на четыре тома, изъ коихъ два первые посвятить исторіи Сената въ XVIII столѣтіи, а два послѣдующіе—Сенату XIX столѣтія. Въ дополнительный, пятый томъ, предположено было отнести всѣ тѣ статьи и матеріалы, которые по своему содержанію или объему не могли бы быть помѣщены въ примѣчаніяхъ и приложеніяхъ къ тексту основныхъ четырехъ томовъ. Поставивъ своею цѣлью по возможности полное и точное изображеніе дѣятельности Сената во всѣ эпохи его двухвѣковой жизни, комиссія имѣла въ виду сочетать въ порученномъ ей изданіи серьезность ученаго изслѣдованія съ доступностью литературнаго изложенія. Она не останавливалась предъ необходимостью архивныхъ изысканій и командировала своихъ сочленовъ въ архивы Сенатскій и Государственный, въ архивъ Государственнаго Совѣта, въ главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, въ архивъ министерства юстиціи въ Москвѣ, въ Императорскую публичную библіотеку, въ библіотеку Императорской академіи наукъ, а также и въ архивъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Привлекая къ дѣлу матеріалы, еще не бывшіе въ научномъ обращеніи, комиссія надѣялась придать своему труду историческую полноту и свѣжесть и тѣмъ увеличить его внутреннюю цѣнность. Обсужденіе общаго плана изданія показало комиссіи, что существо дѣла требуетъ различной системы изложенія для исторіи Сената въ первомъ и во второмъ вѣкахъ его существованія. Въ XVIII столѣтіи, будучи органомъ верховнаго управленія, Сенатъ пережилъ рядъ колебаній въ своемъ составѣ и организаціи, въ широтѣ своихъ полномочій и въ силѣ своего вліянія, благодаря тѣмъ перемѣнамъ, которыя обусловливались личнымъ характеромъ и политическими взглядами монарховъ, правившихъ имперіей, и ихъ довѣренныхъ лицъ, стоявшихъ у власти. Съ началомъ же XIX столѣтія Сенатъ превратился въ высшій органъ управленія подчиненнаго и фактически сталъ болѣе далекимъ отъ верховной власти учрежденіемъ; посему перемѣны царствованій весьма мало стали вліять на положеніе Сената въ общей системѣ управленія. Въ зависимости отъ указаннаго различія въ положеніи Сената, исторію его въ XVIII столѣтіи представлялось болѣе удобнымъ изложить по царствованіямъ, въ отношеніи же Сената XIX столѣтія принять дѣленіе лишь на двѣ эпохи—до реформъ императора Александра II и послѣ этихъ реформъ. Въ исполненіе принятаго комиссіею общаго плана содержаніе отдѣльныхъ томовъ изданія опредѣлилось такимъ образомъ. Въ первомъ томѣ, вслѣдъ за общимъ введеніемъ, посвященнымъ очерку устройства верховнаго управленія въ до-Петровской Руси, помѣщены отдѣлы: „Правительствующій сенатъ въ царствованіе Петра Великаго", „Высокій Сенатъ въ царствованіе Екатерины I и Петра II" и „Правительствующій Сенатъ въ царствованія Анны Іоанновны и Іоанна Антоновича". Во второмъ томѣ находятся отдѣлы: „Правительствующій Сенатъ въ царствованія Елисаветы Петровны и Петра Ѳеодоровича", „Правительствующій сенатъ въ царствованіе Екатерины II" и „Правительствующій Сенатъ въ царствованіе Павла I". Въ третьемъ томѣ помѣщенъ отдѣлъ: „Правительствующій Сенатъ въ XIX столѣтіи до реформъ 60-хъ годовъ". Въ четвертомъ томѣ находится отдѣлъ: „Правительствующій Сенатъ въ XIX столѣтіи послѣ реформъ 60-хъ годовъ". Въ дополнительномъ, пятомъ, томѣ помѣщены статьи: „Мѣстонахожденіе, помѣщеніе и убранство Сената со дня его учрежденія и по настоящее время", „Изданія при Сенатѣ" и „Форменная одежда сенаторовъ, чиновъ оберъ-прокурорскаго надзора и канцеляріи Правительствующаго Сената". Засимъ, въ видѣ приложеній, помѣщены списокъ сенаторовъ съ 22 февраля 1711 г. по 15 января 1911 г. и алфавитные указатели. Для отдѣловъ, вошедшихъ въ составъ первыхъ двухъ томовъ, принятъ былъ болѣе или менѣе однообразный порядокъ изложенія, по которому въ каждомъ отдѣлѣ одинаково, послѣ вступительной главы, слѣдуютъ главы, выяснявшія для даннаго періода времени: а) отношеніе Сената къ верховной власти и другимъ высшимъ учрежденіямъ, б) устройство Сената, в) кругъ его вѣдомства, г) дѣлопроизводство Сената и д) очеркъ дѣятельности Сената въ данный періодъ. Въ томахъ третьемъ и четвертомъ, вмѣсто простого раздѣленія отдѣловъ на главы, было признано болѣе удобнымъ расчленить ихъ на рядъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ очерковъ, общая послѣдовательность коихъ воспроизводила бы въ существенныхъ чертахъ тотъ же принятый для первыхъ томовъ изданія порядокъ изложенія. Громадный объемъ подлежавшаго обработкѣ архивнаго матеріала, въ большинствѣ своемъ не опубликованнаго и даже вовсе неизвѣстнаго, а съ другой стороны, краткость времени, бывшаго въ распоряженіи комиссіи для ея работъ, объясняютъ и въ значительной степени оправдываютъ нѣкоторые недочеты изданія. Къ ихъ числу комиссія относитъ, между прочимъ, неравномѣрность въ обработкѣ различныхъ періодовъ исторіи Сената и значительное количество выписокъ изъ старинныхъ документовъ въ текстѣ изданія, относящемся къ XVIII вѣку. Какъ то, такъ и другое было слѣдствіемъ зависимости изслѣдователей отъ сырого историческаго матеріала, не подвергнутаго до настоящаго времени никакому предварительному изслѣдованію, никакой критической обработкѣ. „Въ томахъ, посвященныхъ XIX столѣтію, также допущена нѣкоторая неравномѣрность: отдаленнымъ отъ нашего времени десятилѣтіямъ отведено болѣе мѣста, нежели послѣднимъ годамъ русской жизни, ибо реформы послѣдняго

Памяти П. А. Столыпина.

5-го сентября с. г. скончался въ Кіевѣ отъ руки убійцы послѣ пятидневныхъ, геройски переносимыхъ, тяжкихъ страданій Предсѣдатель Совѣта Министровъ Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ.

Скончался государственный дѣятель, исполненный блестящихъ талантовъ, дивной силы духа, пламенной любви къ родинѣ и непоколебимой вѣры въ ея великую будущность.

Теперь не время подводить итоги его дѣятельности—про то скажетъ безпристрастный судъ исторіи.

Позволимъ себѣ только напомнить заслуги родинѣ П. А. Столыпина при новомъ укладѣ русской жизни, если сравнимъ то положеніе, въ которомъ находилась Россія, когда онъ скончался, съ тѣмъ безотраднымъ, на нашей памяти, положеніемъ, когда въ 1906 году онъ сталъ во главѣ Совѣта Министровъ.

П. А. родился въ 1862 году, послѣ окончанія курса въ петербургскомъ университетѣ въ 1885 году и поступилъ на службу въ Министерство Земледѣлія и Государственныхъ

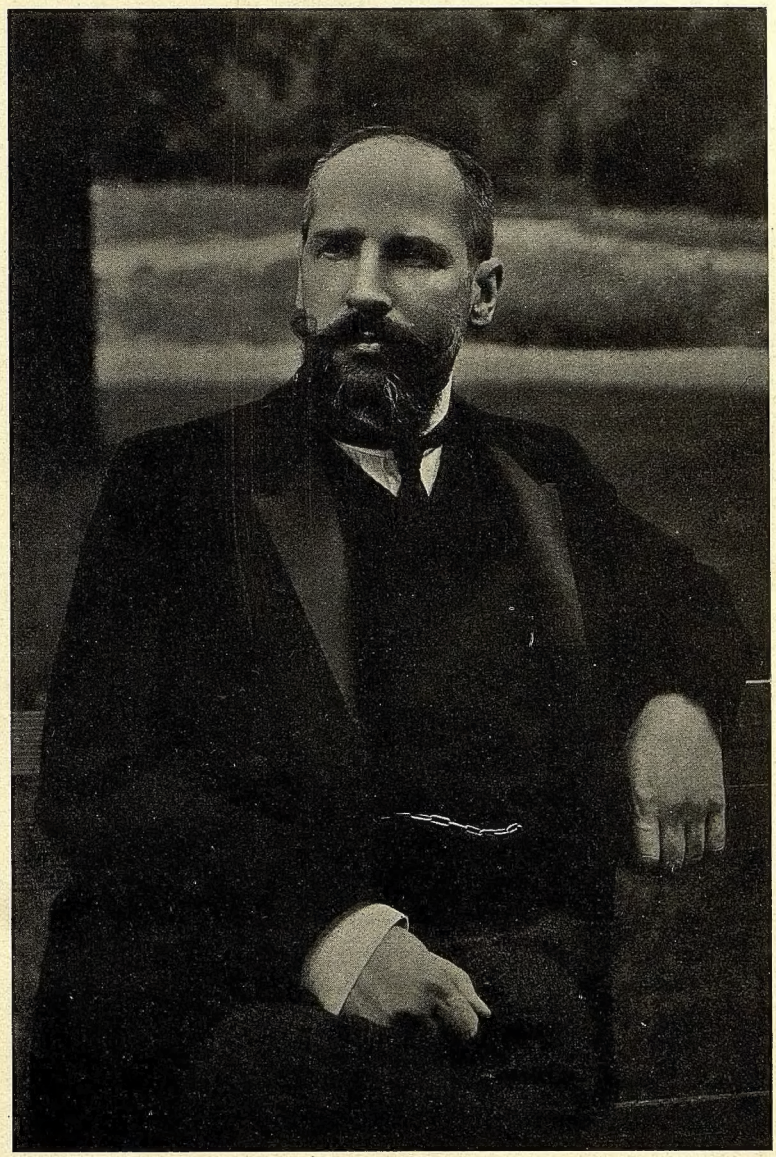
Имуществъ, въ 1889 г. назначенъ ковенскимъ уѣзднымъ, а затѣмъ и губернскимъ предводителемъ дворянства, въ 1902 г. онъ былъ уже и. д. гродненскаго губернатора, а черезъ годъ получилъ постъ губернатора въ Саратовѣ.

Въ 1906 году онъ былъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, и въ этомъ же году Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ.

Въ теченіе своей, сравнительно краткой, жизни П. А. не зарылъ своихъ талантовъ въ землю, а посвятилъ свои силы всецѣло служенію дорогой ему Россіи.

Уже давно завѣщалъ Петръ Аркадьевичъ похоронить его тамъ, гдѣ его убьютъ.

Воля почившаго была въ точности исполнена, и прахъ его покоится въ Кіевѣ возлѣ могилъ двухъ борцовъ за великую Россію—Искры и Кочубея.



Петръ Аркадьевичъ
СТОЛЫПИНЪ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Иванъ Петровичъ
Епанчинъ 2-й

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
на 1912 годъ.

Вступая въ 1912 году въ сорокъ третій годъ своего существованія, **„Русская Старина“**, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ 1912 году: Статьи и матеріалы о 1812 годѣ. **А. Ф. Кони.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля“. Воспоминанія **И. И. Янжула** о пережитомъ и видѣнномъ. **В. М. Спасская.**—Воспоминанія о Гончаровѣ. **А. А. Лебедева.**—Г. Е. Благосвѣтловъ и Н. Г. Чернышевскій. **Бар. Ш.**—Изъ воспоминаній о Некрасовѣ. **Анучина.**—Берлинскій конгрессъ 1878 г. (авторъ пишетъ о кн. Горчаковѣ, гр. Шуваловѣ, гр. Милютинѣ, кн. Бисмаркѣ, кронпринцѣ Фридрихѣ, Дизраэли, гр. Андраши и др). **Р. И. Сементковскаго.**—Встрѣчи и столкновенія съ Л. Н. Толстымъ, С. П. Боткинымъ, А. П. Чеховымъ, М. Ф. Калердже, С. Монюшко, М. М. Стасюлевичемъ, С. П. Бѣляевымъ, Е. А. Кожуховымъ, М. П. Соловьевымъ, А. К. Пыпинымъ, М. О. Вольфомъ, И. А. Гончаровымъ, Н. К. Шильдеромъ, И. К. Мердеромъ, И. Е. Андреевскимъ, А. Д. Градовскимъ, П. Г. Рѣдкинымъ, П. А. Гайдебуровымъ, К. В. Трубниковымъ, В. В. Стасовымъ, Ф. Ѳ. Павленковымъ, А. Ф. Марксомъ, П. И. Вейнбергомъ, А. М. Скабичевскимъ, В. П. Безобразовымъ, М. М. Шершевскимъ, Робертомъ Молемъ и др. **Н. А. Мурзановъ.**—Къ біографіи декабристовъ: кн. С. А. Волконскаго, В. А. Давыдова и М. С. Лунина. **В. В. Шереметевскаго.**—Басурманская неволя. **М. В. Безобразовой.**—Дневникъ академика В. П. Безобразова. **А. И. Слезскинскій.**—Тайный другъ Пушкина. **В. Н. Свѣтозаровъ.**—Развитіе легенды о смерти Царевича Дмитрія. **П. Л. Юдинъ.**—Къ дѣлу Мировича. Изъ астраханской жизни Суворова. **Е. Г. Вейденбаумъ.**—Присяга Ермолова Императору Николаю I-му. **И. П. Мордвинова.**—Письма Г. Р. Державина къ Е. И. Горихвостовой. **В. Д. Корсаковой.**—Князь Платонъ Степановичъ Мещерскій и письма къ нему Екатерины II, Павла I, Румянцева Задунайскаго и др. **А. И. Сергѣева.**—Изъ быта духовенства. **Н. А. Лашкова.**—Посѣщеніе Спасо-Яковлевскаго монастыря Императрицей Маріей Ѳеодоровной и Императоромъ Александромъ I. **Е. А. Разгозиной.**—Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг., при чемъ авторъ, описывая жизнь Турціи и ея обитателей, касается гр. Игнатьева, Нелидова, Ону, Макѣева, кн. Церетели, Гобартъ-паши, сэра Элліота, Зичи, гр. Корти, лорда Сольсбери, бар. Каличе, Кіамиль-паши, Османъ п., Керимъ, Намукъ, Сивфетъ, Мухтаръ-пашей и др. **А. Н. Смѣловскій.**—К. С. Аксаковъ. **А. Ф. Петрушевскаго.**—Изъ моихъ воспоминаній. **А. Г. Воронова.**—Іоганъ Урсиніусъ. **И. И. Онноре.**—11 лѣтъ въ театрѣ. **М. Ф. Чулицкій.**—Изъ старыхъ дѣлъ („Сонное видѣніе“, „Преступная мысль“ и „О сумасбродѣ Иванѣ Андреевѣ“). **М. М. Мариной.**—Лэди Портеръ. **П. А. Данилова.**—Сибирская дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 гг. **Л. Н. Любимова.**—Изъ жизни инженера путей сообщенія. **В. Ф. Руднева.**—На крейсерѣ „Африка“. **Королькова.**—Колтовской дьячекъ. **Н. А. Поповъ.**—Изъ замѣтокъ стараго ремонтера. **А. Синицына.**—Изъ воспоминаній стараго врача. **Е. В. Андріашевой.**—Воспоминанія стараго педагога. Воспоминанія **Веселовскаго, Леваковскаго, Виноградскаго, Скворцова** и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса”.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Новаго Времени“, Невскій, 40;

„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостиный дв., 18, и Невскій, 13,

и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждаго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1911.

ОКТЯБРЬ. — НОЯБРЬ. — ДЕКАБРЬ.

СОРОКЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ВОСЬМОЙ.

25368
19г.

Журнальный отдел
Московская обл. библиотека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1911.

Французская Академія.

Статья А. С. Пушкина.

Крибъ въ Академіи. Онъ занялъ кресла Арно, умершаго въ прошломъ году.

Арно сочинилъ нѣсколько трагедій, которыя въ свое время имѣли большой успѣхъ, а нынѣ совсѣмъ забыты. Такова участь поэтовъ, которые пишутъ для публики, угождая ея мнѣніямъ, примѣняясь къ ея вкусу, а не для себя, не въ слѣдствіе вдохновенія независимаго, не изъ безкорыстной любви къ своему искусству! Двѣ или три басни, остроумныя или граціозныя, даютъ покойнику Арно болѣе права на титло поэта, нежели всѣ его драматическія творенія. Всѣмъ извѣстенъ его *Листокъ*:

De ta tige détachée,
Pauvre feuille desséchée
Ou va tu?—Je n'en sais rien, etc.

Участь этого маленькаго стихотворенія замѣчательна. Костюшко передъ своею смертью повторилъ его на берегу Женевскаго Озера; Александръ Ипсиланти перевелъ его на Греческій языкъ; у насъ его перевели Жуковскій и Давыдовъ,

Нашъ боецъ чернокудрявый
Съ бѣлымъ локономъ на лбу.

Можетъ быть, и самъ Давыдовъ не знаетъ стиховъ, которые написалъ ему Арно, услыша о его переводѣ. Онъ помѣстилъ ихъ въ примѣчаніяхъ къ своимъ сочиненіямъ*.

При вступленіи своемъ въ Академію Скрибъ произнесъ блестящую рѣчь, на которую столь же блистательно отвѣчалъ Вильменъ, а J. Janin въ своемъ фельетонѣ осмѣялъ того и другаго. Въ семъ случаѣ всѣ три представителя Французскаго остроумія были на сценѣ.

РѢЧЬ Г. СКРИБА.

Мм. Гг.

„Когда Генуэзская Республика, какъ вамъ извѣстно, дерзнула сопротивляться Лудовику XIV, тогда Дожъ ея принужденъ былъ явиться въ Версаль, чтобъ испросить прощеніе у великаго Короля. Въ то время, какъ удивлялся онъ Версальскимъ садамъ, гдѣ каждый шагъ представляетъ побѣду искусства надъ природою, ихъ шумнымъ водопадамъ, апельсиннымъ рощамъ и висячимъ террасамъ, его спросили: что находитъ онъ всего необыкновеннѣе въ Версали? Дожъ отвѣчалъ: „мое присутствіе!“

Такъ и я, Мм. Гг., видя вокругъ себя всѣ знаменитости Франціи, окруженный славными воспоминаніями литтературнаго величія, я долженъ бы удивляться всего болѣе моему здѣсь присутствію, еслибъ только одна мысль не успокоивала и не ободряла меня:

Академія, эта представительная Палата Литтературы, желала, чтобы всѣ роды произведеній, получившіе право гражданства по силѣ Буаловой хартіи и законовъ вкуса, имѣли въ нѣдрахъ ея своихъ уполномоченныхъ, ею утверждаемыхъ: подобно нашимъ законодательнымъ собраніямъ, гдѣ избранный небольшою деревнею сидитъ рядомъ съ Депутатомъ большаго города, она предоставила мнѣ входъ въ свое собраніе и возвысила тѣмъ незначительный родъ сочиненія,

---

* La *Feuille* a obtenu dans plus d'une langue les honneurs de la traduction. Celle qui en a été faite en russe par le général Davouidoff, est, dit-on, remarquable par son élégance et sa fidélité. M. Davouidoff est un de ces hommes qui, nés avec le don de la poësie, ne s'y livrent que par caprice et pour se délasser de la guerre et des plaisirs. Instruit de l'honneur qu'il en avoit reçu, l'auteur de ces fables lui en adressa un exemplaire avec cet envoi:

A vous, poëte, à vous, guerrier,
Qui sablant le champagne au bord de l'Hipocrène
Avez d'une feuile de chêne
Fait une feuille de laurier.

котораго я представитель; я бы гордился этимъ позволеніемъ, еслибъ авторъ водевилей имѣлъ право гордиться.

Да, М. Г., я не ошибаюсь въ истинной причинѣ моего сюда назначенія! Если довольно долго испытывалъ я свои силы на второстепенной сценѣ и старался изобразить Талію въ миніатюрѣ, если иногда на театрѣ, болѣе возвышенномъ, я старался начертать нѣсколько картинъ большаго размѣра; такія усилія не даютъ еще мнѣ права почитать себя здѣсь однимъ изъ представителей комедіи. Вы же, Мм. Гг., и не нуждаетесь въ новыхъ: вы имѣете блистательныхъ авторовъ *Домашняго Тирана*, *Адвоката*, *Двухъ Зятей*, *Школы Стариковъ*; вамъ хотѣлось только, чтобы кресла Ложона не оставались надолго праздными!

Въ его имени вы дали *Пѣсни* грамоту на дворянство; вы захотѣли передать ее мнѣ, и я только этому обстоятельству обязанъ честью занимать мѣсто между вами.

Можетъ быть, этотъ родъ сочиненія, по видимому столь незначительный, котораго названіе странно слышать подъ классическими сводами этой залы, можетъ быть, онъ достоинъ вашего вниманія; и мнѣ должно было бы по всей справедливости, или по крайней мѣрѣ изъ благодарности къ своему протектору, защищать его; мнѣ бы должно разсказать вамъ исторію Водевиля (Val de ſire) отъ его колыбели до нашихъ дней; но обязанность болѣе важная и торжественная занимаетъ мои мысли и останавливаетъ на устахъ веселые напѣвы.

Много уже времени прошло съ тѣхъ поръ какъ я въ первый разъ былъ въ этой залѣ. Я учился тогда въ Наполеоновскомъ Лицеѣ, и на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ все осталось попрежнему, намъ раздавали награды. Товарищи, соперники, друзья были здѣсь, какъ и теперь! Тамъ родные, сестры, матери!... Счастливъ, кто имѣетъ мать свидѣтельницею своего торжества! Я тогда былъ счастливъ! На этой сторонѣ сидѣли наши учители, начальники, знаменитые литтераторы и государственные люди: пальмы, назначенныя въ награду слабымъ достоинствамъ, раздавались тогда, какъ и теперь, великими талантами. Я спросилъ у моего сосѣда, какъ зовутъ Президента? Онъ отвѣчалъ: это Г. Фонтанъ (C'est le Grand-Maître M. de Fontanes). А возлѣ него кто это съ такимъ важнымъ и прекраснымъ видомъ? Главный Секретарь Университета, Г. Арно, авторъ *Маріи въ Минтурнѣ*, трагедіи, которой прелестные стихи мы знали наизустъ... Авторъ *Маріи въ Минтурнѣ*! Я привсталъ, чтобъ посмотрѣть на него: думалъ ли я тогда, что ученикъ займетъ мѣсто своего учителя—и что приду въ это святилище я—положить кипарисную вѣтвь на гробъ раздававшаго вѣнки!

Зачѣмъ, по крайней мѣрѣ, голосъ сильнѣе и выразительнѣе моего не призванъ говорить похвальное слово этому добродѣтельному человѣку и поэту, о которомъ вы сожалѣете? По какому послѣднему для него нещастію трудная честь оцѣнить произведенія трагической его музы досталась въ удѣлъ питомцу пѣсни?

Увлеченный съ юныхъ лѣтъ непреодолимою наклонностію къ поэзіи, Г. Арно былъ еще очень молодъ, когда издалъ *Марія въ Минтурнѣ*, первое свое произведеніе; это было смѣлое предпріятіе для молодаго человѣка 24-хъ лѣтъ: возбудить участіе къ отвратительному Марію, человѣку, наполнившему Италію кровью и кознями, человѣку, который обезславилъ себя хищеніемъ и грабительствомъ, не имѣлъ подобно Силлѣ ни довольно величія души, чтобъ остановиться во время, ни довольно смѣлости, чтобъ оставить свое поприще; но Г. Арно понялъ, что въ глазахъ толпы нещастіемъ искупаются преступленія. Онъ избралъ героемъ не Марія гонителя, а Марія изгнанника, побѣдителя Кимвровъ, скитающагося бѣглеца; онъ чувствовалъ, что бываетъ на свѣтѣ великое и благородное зрѣлище: слава въ борьбѣ съ нещастіемъ, неудача, переносимая съ мужествомъ—и онъ отгадалъ! Не подражая авторамъ, до него изображавшимъ этотъ предметъ, не призывая на помощь ни постороннихъ интригъ, ни женщинъ, ни трагической любви, онъ приступилъ къ своему предмету съ строгою простотою древности—и создалъ историческую картину, надъ которой возвышается вездѣ великій образъ Марія. И помните ли вы, Мм. Гг., какое впечатлѣніе производилъ этотъ рабъ, этотъ Кимвръ, когда онъ, испуганный при видѣ Консульскаго чела, покрытаго сорокалѣтнею славою, бросалъ кинжалъ и убѣгалъ повторяя:

„Я никогда не буду въ состояніи умертвить Марія!“

Эта трагедія была посвящена Его Свѣтлости Графу Прованскому, будущему Лудовику XVIII. Арно былъ привязанъ къ дому его потому, что принцъ любилъ литтературу, и покровительство его могло быть полезно молодому поэту: въ тѣ времена оно было необходимо даже и для литтературнаго успѣха; времена измѣнились, и слава Богу, теперь писатель не имѣетъ надобности просить вельможъ удостоить его покровительствомъ! Въ своемъ трудѣ находитъ онъ славу—и еще болѣе, если возможно—свою независимость.

Въ началѣ революціи Гр. Прованскій удалился въ чужіе края; а Арно, подвергаясь отъ того многимъ опасностямъ, поспѣшилъ переѣхать въ Англію. Странная была его участь! Покровитель, имъ избранный, тогдашній Принцъ, а въ послѣдствіи Король, былъ причиною двукратнаго удаленія Арно изъ Франціи: въ 92 году своимъ отъѣздомъ, въ 1815 своимъ прибытіемъ.

Арно старался снова возвратиться на родину. Захваченный какъ эмигрантъ въ Дункирхенѣ, онъ былъ брошелъ въ тюрьму и освобожденъ изъ нея по приказу Комитета общественнаго спокойствія (Comité de salut public), который постановилъ, и на этотъ разъ справедливо, что законъ объ эмигрантахъ не распространяется на литераторовъ, а слѣдовательно и на автора Марія въ Минтурнѣ, поэтически предполагая, что вселенная принадлежитъ поэту, и что его отечество повсюду.

Наступили лучшіе дни для Франціи: республика еще существовала, но безъ кровавыхъ топоровъ Децемвировъ, даже безъ строгостей Рима и Спарты. По невоздержному вкусу къ роскоши и удовольствіямъ, по забвенію прошедшаго и безпечности о будущемъ, можно было бъ назвать республику Аѳинскою, если бъ у кого только достало смѣлости сравнить Барраса съ Периклomъ! Мы были тогда подъ правленіемъ Директоріи, правленіемъ слабымъ, веселымъ, роскошнымъ, правленіемъ, такъ сказать, Регенства Революціи.

Обратившись къ литературнымъ трудамъ, Арно издалъ сперва трагедію *Оскаръ*, гдѣ такъ мило выражены тихія чувства любви и дружбы; потомъ трагедію *Венеціанцы*, коихъ пятый актъ есть лучшій актъ драмы новѣйшихъ временъ. Впрочемъ, для исторической вѣрности, мы должны сказать, что Арно не одинъ сочинилъ этотъ пятый актъ. Сперва онъ далъ щастливую развязку своей пьесѣ. Montcassin, герой ея, не умиралъ, а былъ спасенъ своимъ соперникомъ отъ казни; эта развязка не понравилась одному Члену Института, котораго Арно зналъ въ Италіи, и которому читалъ свою трагедію. Этотъ Членъ Института былъ генералъ Бонапартъ, котораго мнѣнія въ литературѣ были столь же тверды и рѣшительны, какъ и въ политикѣ; онъ терпѣть не могъ Вольтера, имѣлъ нещастіе не любить Расина, но Корнеля готовъ былъ сдѣлать первымъ министромъ *. Бонапартъ любилъ развязки разительныя и хотѣлъ, чтобъ даже и на театрѣ всѣ препятствія уничтожались штыкомъ.

Конецъ пятаго акта *Венеціанцовъ* былъ для этого человѣка неестественъ: онъ находилъ, что щастіе любовниковъ портило развязку. Еслибъ нещастіе было неисправимо, говорилъ онъ г-ну Арно, то минутное ощущеніе, которое оно произвело во мнѣ, осталось бы у меня до вечера, до завтра!... Нужно, чтобъ герой умеръ, надо непремѣнно убить его! Убейте его! и Montcassin былъ казненъ, по повелѣнію Наполеона, къ великому удовольствію публики, утвердившей приговоръ рукоплесканіями. Безполезно упоминать, что

* См. Mémorial de Las-Cazes.

трагедія *Венеціанцы* была посвящена генералу Бонапарту: это и справедливо.

Бонапартъ любилъ Арно, и эта дружба никогда не измѣнялась; Арно, какъ надежному человѣку, Бонапартъ поручалъ образованіе Іонійскихъ острововъ; Бонапартъ принимаетъ Арно въ своемъ домѣ, въ улицѣ Шантерень, позволяя ему участвовать въ домашнихъ разговорахъ, которые тогда были исторіею; послѣ, на адмиральскомъ кораблѣ, который везъ въ Египетъ Кесаря и его фортуну, Бонапартъ и Арно толкуютъ объ Оссіанѣ и Гомерѣ; потомъ Бонапартъ-императоръ даетъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ Университетѣ. Наполеонъ постоянно уважалъ Арно, хотя не разъ могъ бы жаловаться на его сатирическія выходки и рѣзкую откровенность. Тотъ, кто однимъ взглядомъ умѣлъ отгадать, оцѣнить достоинство, въ первый день своего прибытія въ Италію, рукою побѣдителя написалъ на своихъ памятныхъ табличкахъ имя Арно: и двадцать три года спустя послѣ того, рукою умирающаго, писалъ онъ это же имя въ своемъ завѣщаніи, съ утесовъ Св. Елены.

Что могу я прибавить къ этому свидѣтельству?

Послѣ стодневнаго переворота, Арно былъ изгнанъ, а что и того удивительнѣе, лишенъ мѣста, которое онъ занималъ между вами и на которое онъ вами былъ призванъ. Касательно стиховъ и поэзіи, Мольеръ сказалъ:

„Hors qu'un commandement exprès du roi ne vienne...

Повелѣніе пришло и исключило Арно изъ Института.

Во время своего изгнанія, которое Арно перенесъ съ благородствомъ и твердостію, онъ сочинилъ послѣднее отдѣленіе Басень, лучшее, по моему мнѣнію, литтературное его произведеніе: ибо здѣсь онъ создалъ новый родъ, который останется образцомъ, тѣмъ болѣе, что авторъ не старался подражать ни Лафонтену, ни Флоріану; здѣсь нѣтъ веселой простоты перваго, нѣтъ изящной и граціозной чувствительности втораго: здѣсь эпиграмма, здѣсь сатира, здѣсь Ювеналъ, сдѣлавшійся баснописцемъ—можетъ быть, по одинаковой причинѣ.

Не былъ ли Арно увлеченъ самъ своею гиперболою? Не представлялось ли ему общество слишкомъ порочнымъ, а люди слишкомъ злыми? Справедливо упрекали Флоріана за излишнее множество овечекъ, разсыпанныхъ въ его сочиненіяхъ. Кажется, въ басняхъ Арно не слишкомъ ли много волковъ?...

Въ отсутствіе Арно, трагедія его *Германикъ* игралась въ Парижѣ и была принята съ успѣхомъ въ первый день, а на другой изгнана изъ театра подобно автору ея, изгнанному изъ Франціи.

Наконецъ, когда послѣ пятилѣтней ссылки насталъ для него день правосудія, онъ возвратился въ отечество и опять занялъ свое мѣсто между вами... Тутъ неожиданный случай снова и уже навсегда похитилъ его у вашей дружбы! Младшій изъ его сыновей испыталъ жестокую потерю; отецъ спѣшилъ утѣшить сына и предпринялъ роковое для себя путешествіе. Арно имѣлъ привычку долго прогуливаться пѣшкомъ; на ходу сочинилъ онъ всѣ свои творенія. Однажды утромъ, по сильному жару, онъ проходилъ и просочинялъ болѣе обыкновеннаго; усталый онъ воротился домой; легъ на кровать и сказалъ дочери: поиграй на фортопіано; дочь повиновалась; отецъ, будто отдыхая, все болѣе и болѣе поникалъ головою: онъ уже былъ мертвъ, а она еще играла.

Онъ скончался безъ страданія, безъ предсмертныхъ мученій, съ улыбкою на устахъ, думая о своихъ утреннихъ трудахъ, о дѣтяхъ, о друзьяхъ, можетъ быть, о васъ, Мм. Гг.!

Онъ умеръ, оставивъ намъ троихъ сыновей, свою и нашу надежду! троихъ сыновей, которые на поприщахъ литературномъ, военномъ и судебномъ, достойно поддерживаютъ честь отцовскаго имени. Одинъ изъ нихъ, авторъ Регула, доказалъ, что принадлежитъ къ одной изъ тѣхъ фамилій, которыхъ слава наслѣдственна, доказалъ, что аристократическое право дворянства, доставаемое авторствомъ, подобно купленному оружіемъ, можетъ учреждать маіоратство.

Хотя ничто не подавало повода думать о скорой кончинѣ Арно, но съ нѣкотораго времени здоровье его видимо слабѣло. Сильные удары, безжалостно направленные на человѣка и писателя, поколебали его крѣпкую, но чувствительную и раздражительную организацію.

Въ наши времена существуетъ ядовитый родъ критики, которая достигаетъ до сердца; ею не поскупились для Арно: и, не смотря на свои сѣдины, на прежніе тріумфы, онъ не могъ, подобно Марію въ Минтурнѣ, обезоружить Кимвра.

Надобно сказать и то, весьма часто ошибались въ характерѣ Арно. Въ душѣ этого человѣка глубоко напечатлѣвались всѣ воспоминанія и добра и зла. Если онъ никогда не забывалъ нанесеннаго ему зла, то вѣчно за то носилъ въ сердцѣ благодѣяніе. Признáемся также, что, по живому и острому расположенію ума своего, Арно не могъ удержаться отъ остраго слова, и если прибавимъ къ этому недостатку необыкновенную откровенность Арно, то намъ будетъ понятно, отъ чего онъ имѣлъ столько враговъ. Между тѣмъ не было человѣка добрѣе его. Неразъ доказывалъ онъ это; неразъ, занимая важную должность при Университетѣ, онъ подавалъ руку помощи

отвергнутому таланту или скромному достоинству. Арно принялъ въ свою канцелярію нашего поэта Беранже, котораго онъ одинъ тогда разгадалъ. Разговоръ Арно былъ исполненъ выраженій смѣлыхъ и живописныхъ, носилъ на себѣ отпечатокъ той насмѣшливости, которая встрѣчается въ его басняхъ, разныхъ стихотвореніяхъ и даже въ пѣсняхъ, оригинально веселыхъ.... да, Мм. Гг., въ пѣсняхъ Арно, въ пѣсняхъ трагическаго писателя! Я такъ горжусь этимъ обстоятельствомъ, что спѣшу заговорить о немъ: это для меня важный авторитетъ, это новое доказательство въ пользу рода сочиненія, которому я осмѣливаюсь, можетъ быть, дерзко доставить между вами право гражданства.

Для этого, Мм. Гг., мнѣ бы должно развернуть передъ вами то, что я назову героическими временами пѣсни, когда она сопутствовала въ сраженіяхъ Роланду и храбрымъ рыцарямъ Карла Великаго, или когда съ Труверами и Менестрелями съ арфою въ рукахъ она приходила къ дверямъ Дворца и садилась за столъ съ владѣтелемъ замка; показать вамъ, потомъ, какъ она отправилась въ крестовые походы и возвращалась съ первыми христіанскими баронами; какъ она, сидя у готическаго очага, веселымъ напѣвомъ о Султанѣ Саладинѣ забавляла досуги благородныхъ дамъ. Потомъ я бы долженъ былъ представить вамъ ее, когда нѣжная и воинственная съ Агнесою Сорель она научала Карла VII, какимъ образомъ возвращаютъ королевства; какъ она, насмѣшливая и щеголеватая, писала съ Францискомъ I веселые куплеты на стеклахъ Шамбора, потомъ вдругъ, фанатическая и возмутительная, съ крестомъ Лиги, или подъ знаменемъ Фронды, нападала на Королей, низвергала министровъ, перемѣняла Парламенты; и можетъ быть, желая изобразить исторію пѣсни, я бы неожиданно разсказалъ вамъ всю исторію Франціи.

Въ знаменитой рѣчи, исполненной тонкихъ и остроумныхъ мыслей, одинъ изъ первыхъ нашихъ драматическихъ авторовъ доказывалъ здѣсь, что если бы какой нибудь ужасный переворотъ истребилъ съ лица земли всѣ историческіе документы, оставивъ невредимымъ лишь собраніе нашихъ комедій, то это собраніе замѣнило бы всѣ лѣтописи. Литтературная свобода Академіи позволитъ ли мнѣ не вполнѣ раздѣлять это мнѣніе? Я не думаю, чтобъ комическій авторъ былъ историкомъ: это не его назначеніе; не думаю, чтобъ въ самомъ Мольерѣ можно было найти исторію нашей страны. Комедія Мольера говоритъ ли намъ что нибудь о великихъ происшествіяхъ вѣка Лудовика XIV? Есть ли въ ней хотя слово о заблужденіяхъ, слабостяхъ и ошибкахъ великаго Короля! Говоритъ ли она объ уничтоженіи Нантскаго эдикта? Нѣтъ, Мм. Гг., точно

также, какъ комедія временъ Лудовика XV молчитъ о Parc-au-cerf, комедія временъ Имперіи—о страсти къ завоеваніямъ! Если прибавимъ къ этому новую невѣроятность (меня такъ часто упрекали въ этомъ недостаткѣ, что мнѣ позволено будетъ прибавить еще тысячу первую въ пользу истины) и если въ свою очередь предположимъ, что, подобно тому намѣстнику Магомета, который сжегъ всю библіотеку Александрійскую и сохранилъ только книгу Пророка, найдется въ наши времена какой нибудь побѣдитель Калмыцкій или Татарскій, любитель веселостей, пристрастный къ пѣснямъ какъ Омаръ къ Алкорану, сожжетъ всѣ историческія книги, а пощадитъ только собраніе нашихъ пѣсенъ разнаго рода и водевилей, напечатанныхъ донынѣ, посмотримъ, не льзя ли будетъ съ пособіемъ однихъ этихъ документовъ возстановить главнѣйшіе факты нашей исторіи? Быть можетъ, я заблуждаюсь; быть можетъ, это одинъ только парадоксъ: но мнѣ кажется, что съ помощію этого веселаго архива, этихъ поющихъ лѣтописей, легко было бы отыскать имена, числа, произшествія, забытыя комедіею, или историческія лица, пощаженныя ею.

Подобная вѣрность не возможна для комической музы, я знаю; я это говорю ей не въ укоризну, а разсказываю просто, какъ есть дѣло; я увѣренъ, что ни Лудовикъ XIV, ни Лудовикъ XV, ни Наполеонъ, не потерпѣли бы на театрѣ великихъ поученій исторіи, и не позволили бы вывести на сцену то, что бы до нихъ близко касалось. Нынѣшній комическій авторъ въ семъ отношеніи не имѣетъ больше преимущества передъ своими предшественниками. У насъ раздражительность партій заступила мѣсто раздражительности Правительства; въ нашъ вѣкъ свободы, мы не вольны изображать на сценѣ все смѣшное: всякая партія защищаетъ своихъ и позволяетъ занимать смѣшное лишь у сосѣда; самое книгопечатаніе, эта неограниченная власть свободныхъ правленій, книгопечатаніе хочетъ говорить правду всему свѣту, но не любитъ, чтобъ говорили ему истину. Я здѣсь, повторяю, не хочу укорять комедію, но напротивъ оправдать ее и доказать, что отъ нее требовали невозможнаго, требовали, чтобъ она заступила мѣсто исторіи.

По крайней мѣрѣ, комедія намъ описываетъ нравы?... Справедливо! Согласенъ, что она ближе къ точности и истинѣ нравоописательной, нежели къ исторической; но со всѣмъ тѣмъ, исключая нѣкоторыя, весьма рѣдкія произведенія (какъ наприм. *Туркаретъ*, образецъ точности), мы находимъ театръ, по какой-то довольно странной судьбѣ, почти всегда въ прямомъ противорѣчіи съ обществомъ. Напримѣръ, Мм. Гг., касательно нравовъ? Разберемъ эпоху Регенства! Если комедія выражаетъ постоянно общество, то комедія тѣхъ временъ должна бы намъ представить странныя воль-

ности и веселыя сатурналіи. Совсѣмъ нѣтъ; она холодна, точна, взыскательна и благопристойна. Такова комедія Детуша, она не смѣется или смѣется очень мало, комедія Лашоссе плачетъ. Подъ скиптромъ Лудовика XV, или лучше подъ скиптромъ Вольтера, въ ту минуту, когда разрѣшались эти великіе вопросы, измѣнившіе всѣ общественныя мысли и въ быстромъ движеніи увлекавшіе осьмнадцатое столѣтіе, столь полное настоящимъ и будущимъ, мы видимъ на театрѣ Дора, Мариво, Де Лану, т. е. остроуміе, романизмъ и пустоту.

Во время самыхъ жестокихъ періодовъ революціи, когда трагедія, какъ говорили, рыскала по улицамъ, что представлялъ театръ? Сцены человѣколюбивыя и чувствительныя, какъ напримѣръ: *Женщины*, *Сыновняя Любовь*, а въ Январѣ 93 года, во время суда надъ Лудовикомъ XVI, давали *Прекрасную Мызницу*, комедію пастушескую и чувствительную. Во время Имперіи, въ царство славы и побѣдъ, комедія не была побѣдительницею и воинственною! При возстановленіи Бурбоновъ, правленіи мирномъ, лавры, военные мундиры, завладѣли сценою; Талія надѣла эполеты! А въ наши времена? Въ эту самую минуту, въ которую я говорю съ вами, вообразите иностранца, новаго Анахарсиса, упавшаго съ неба посреди нашей образованности и отправляющагося въ театръ, чтобъ узнать точное и положительное состояніе Парижскихъ нравовъ въ 1835-мъ году? Какъ бы испугался этотъ почтенный иностранецъ! Онъ не посмѣлъ бы показаться въ улицахъ Парижа невооруженный, не посмѣлъ бы сдѣлать шага, чтобъ не встрѣтить убійства, прелюбодѣянія, кровосмѣшенія; а все отъ того, что его увѣрили, будто театръ есть выраженіе общества.

И еслибъ потомъ кто нибудь взялъ этого иностранца за руку и ввелъ въ наши гостиныя, въ нашъ семейный кругъ, съ какимъ бы удивленіемъ увидѣлъ онъ, что ни въ одну эпоху, можетъ быть, нравственность наша не была такъ хороша, какъ теперь; что кромѣ нѣкоторыхъ изключеній, о которыхъ говорятъ только по ихъ рѣдкости, никогда еще подъ домашнею кровлею не жило столько добродѣтелей. Еслибъ ему сказать, что прежде высшіе классы подавали примѣръ порока, что часто самъ Дворъ ничтожилъ народную нравственность; если сказать ему, что теперь добродѣтель низходитъ къ намъ свыше и отражается отъ престола на обществѣ: то, помирившись съ этимъ обществомъ, которое онъ обвинялъ по незнанію, иностранецъ съ радостію сказалъ бы: меня обманули; слава Богу, театръ не всегда служитъ выраженіемъ современныхъ нравовъ!

Какимъ же образомъ растолковать, Мм. Гг., это постоянное

противорѣчіе между театромъ и обществомъ? Случай ли этому причиною, или скорѣе современный вкусъ и наклонности, отгаданныя и разработанныя авторами? Вы идете въ театръ не за нравоученіемъ или исправленіемъ, а для развлеченія и удовольствія. Васъ увеселяетъ болѣе вымыселъ, нежели истина! Представляя то, что вы имѣете ежедневно передъ глазами, не льзя вамъ понравиться; но то, чего не видите вы въ обыкновенной жизни, все чрезвычайное, романическое, вотъ что васъ очаровываетъ,—теперь это и представляютъ вамъ.

Такъ во дни ужаса революціи, именно потому, что вашимъ глазамъ больно было смотрѣть на кровавыя сцены и грабительства, вы были счастливы, находя на театрѣ человѣколюбіе и благотворительность, которыя тогда были вымыслами....

Точно такъ и во времена возстановленія Бурбоновъ, вамъ напоминали тѣ дни, когда вы давали Европѣ законы—и прошедшее утѣшало васъ въ настоящемъ.

Слѣдственно театръ весьма рѣдко бываетъ выраженіемъ современнаго общества; по крайней мѣрѣ, какъ мы видѣли, онъ часто выражаетъ противоположное, такъ что должно искать произшествія въ томъ именно, о чемъ театръ молчитъ. Комедія изображаетъ страсти всѣхъ временъ, какъ изображали ихъ Мольеръ, Данкуръ и Пикаръ, съ такою веселостію, какъ Коленъ д'Арлевилль, съ такою прелестью, какъ Андріё; она описываетъ рѣдкія изключенія и минутныя странности; она едва приподнимаетъ завѣсу и показываетъ намъ только уголокъ общества; но нравы цѣлаго народа, цѣлыя эпохи, изящныя или грубыя, развратныя или набожныя, кровавыя или героическія, кто ихъ намъ откроетъ? Хороши онѣ были или дурны, ихъ вы найдете, Мм. Гг., въ тѣхъ лѣтописяхъ, о которыхъ я вамъ сейчасъ говорилъ:

Ces peintures naives,
Des malices du siècle immortelles archives.

Пѣсня! она не имѣла никакой выгоды скрывать истину, а появлялась напротивъ именно для того, чтобъ высказать ее! И такъ, Мм. Гг., пробѣжимъ снова тѣ эпохи, о которыхъ мы говорили, начнемъ съ Регенства, такъ мало сохраненнаго комическими авторами того времени и прибѣгнемъ къ пѣсенникамъ: не будутъ ли они болѣе вѣрными живописцами общества? Колле, напримѣръ:

Chansonniers, mes confrères,
Le coeur, l'amour sont des chimères,
Dans vos chansons legères
Traitez de vieux abus
Ces vertus
Qu'on n'a plus.

Не бойтесь, Мм. Гг., я вамъ прочту только одинъ куплетъ и то отрывками:

L'amour est mort en France
C'est un
Défunt
Mort de trop d'aisance!
. . . . . .
Et tous ces nigauds
Qui font des madrigaux
Supposent à nos dames
Des coeurs
Des moeurs,
Des vertue, des ames!
Et remplissent de flammes
Nos amans presque eteints,
Ces pantins
Libertins!

Не видите ли вы, Мм. Гг., всего Регенства въ этихъ стихахъ? А что было бы, еслибъ я прочиталъ всю пѣсню до конца!

Хотите ли узнать общество осьмнадцатаго столѣтія? Это общество щегольское и остроумное, разсудительное и скептическое, которое вѣрило не въ Бога, а въ наслажденія? Хотите ли имѣть понятіе о его нравахъ, философіи и маленькихъ ужимкахъ? Не спрашивайте Комедію—она вамъ ничего не скажетъ! Прочтите пѣсни Вуазенона, Буфлера и кардинала Берни.

Пойдемте далѣе къ тѣмъ временамъ, когда испуганной Пѣснѣ приходилось изломать свирѣль свою: она и тутъ не молчитъ, не перестаетъ описывать нравовъ своего времени; она неотлучна какъ вѣрное эхо, при всякой громкой эпохѣ принимаетъ звуки и передаетъ ихъ намъ. Такъ въ нашу революцію, раздѣляющуюся на двѣ различныя половины, періодъ ужасовъ изображенъ въ безбожныхъ пѣсняхъ 93 года, періодъ геройства и славы въ воинственныхъ гимнахъ, которые повели нашихъ воиновъ на завоеваніе Европы.

Я не говорю вамъ о славѣ Имперіи—она имѣла историографами всѣхъ пѣсенниковъ той эпохи, начиная съ Дезожье, перваго пѣсенника всѣхъ временъ, который производилъ пѣсни, какъ Лафонтенъ басни!

Что касается до временъ возстановленія Бурбоновъ, то не спрашивайте о нихъ наши театры, не ищите ихъ въ столбцахъ Монитёра: для этого у насъ есть пѣсни Беранже."

— Въ концѣ рѣчи своей, остроумный ораторъ представляетъ Пѣсню во всегдашнемъ бореніи съ господствующею силою: онъ припоминаетъ, какъ она воевала во времена Лиги и Фронды, какъ

осаждала палаты кардиналовъ Ришельё и Мазарина, какъ дерзала порицать важнаго Лудовика XIV, какъ осмѣивала его престарѣлую любовницу, безталантныхъ министровъ и несчастныхъ генераловъ; какъ при умномъ и безнравственномъ Регентѣ и при слабомъ и холодномъ Лудовикѣ XV нападенія ея не прекратились; какъ наконецъ въ безмолвное время грознаго Наполеона она одна возвысила свой голосъ, и приводитъ въ примѣръ извѣстную пѣсню: Le roi d'Ivetot.

Il étoit un roi d'Ivetot,
Peu connu dans l'histoire,
Se levant tard, se couchant tôt,
Passant le jour à boire,
Et couronné par Jeanneton
D'un simple bonnet de coton etc.

Признаюсь: врядъ ли кому могло войти въ голову, чтобъ эта пѣсня была сатира на Наполеона. Она очень мила (и чуть-ли не лучшая изо всѣхъ пѣсень хваленаго Béranger), но ужь конечно въ ней нѣтъ и тѣни оппозиціи.

ОТВѢТЪ Г. ВИЛЬМЕНА, НЕПРЕМѢННАГО СЕКРЕТАРЯ АКАДЕМІИ.

М. Г.!

Ваша рѣчь имѣла успѣхъ такой же, какъ и ваши комедіи; здѣсь встрѣчаютъ васъ тѣ-же рукоплесканія, которыя раздаются при вашемъ имени на всѣхъ театрахъ Франціи и почти всей Европы. Академія это предвидѣла: она была увѣрена, что избрать васъ было дѣломъ справедливости и народности. Во всѣхъ родахъ литературы всякая прочная слава даетъ право на Академическое званіе; никому не можетъ быть дозволено въ продолженіи 20 лѣтъ безнаказанно морить со смѣху публику.

Напрасно, М. Г., слѣдуя законамъ оффиціальной скромности, вы бы стали унижать предъ нами постоянные ваши успѣхи, опираясь на легкую форму вашихъ сочиненій; все дѣло въ произведеніи вкуса не въ предметѣ и не въ формѣ—но въ талантѣ. Есть пѣсни, которыя гораздо лучше эпической поэмы. Знаменитый Академикъ, котораго вы теперь занимаете мѣсто и котораго вы такъ удачно характеризировали, послѣ великихъ трагическихъ произведеній отличился особенно своею оригинальностію въ эпиграммахъ, названныхъ имъ Баснею. Этотъ человѣкъ съ умомъ и талантомъ умѣлъ бы оцѣнить всю творческую силу, которая видна въ безчисленныхъ и разнообразныхъ вашихъ комическихъ произведеніяхъ. Онъ бы не

упрекнулъ васъ, ни за многихъ вашихъ сотрудниковъ, ни за многія прелестныя ваши произведенія, которыя принадлежатъ не вамъ одному, но которыя безъ васъ никогда бы не существовали. Арно зналъ, что вкусъ, который умѣетъ выбирать и совершенствовать, есть важная часть изобрѣтенія, что мысль вполовину принадлежитъ тому, кто умѣетъ придать ей настоящую цѣну. Онъ съ радостію-бы принялъ предложеннаго вами ему сотрудника—Наполеона, котораго краткую и страшную піитику вы такъ удачно изобразили.

Только пятый актъ *Венеціанцевъ* они создали вмѣстѣ. Если это сообщество не было дѣятельнѣе, то виною тому не генералъ Бонапартъ, который въ первомъ жару молодости и славы, между побѣдой надъ Италіей, управленіемъ Франціей, завоеваніемъ Египта, занимался всѣмъ, думалъ обо всемъ вдругъ, и не зналъ, куда дѣваться съ своими мыслями и изобрѣтеніями въ ожиданіи Императорскаго престола. Арно привязался къ нему съ похода въ Италію, со времени трагедіи *Оскаръ*, которую послалъ онъ героическому обожателю Оссіана. Вскорѣ потомъ онъ принялъ участіе въ Египетской экспедиціи и послѣдовалъ за Кесаремъ въ Александрію. Во время переѣзда на адмиральскомъ кораблѣ *Востокъ*, который несъ въ себѣ столько ученыхъ и военныхъ знаменитостей, Арно безпрестанно бесѣдовалъ съ Генераломъ. Говорили о войнѣ, объ искусствахъ, о свободѣ, о завоеваніи всего свѣта, о литературѣ, о трагедіи. Бонапартъ часто возвращался къ этому послѣднему предмету, для котораго онъ составилъ себѣ цѣлую теорію. Политика, общественная польза—вотъ что по его мнѣнію могло быть единственными предметами трагедіи; гдѣ дѣло шло о любви, о сердечныхъ бореніяхъ, не исключая и *Заиры*, все это онъ причислялъ къ комедіи. Арно противился этимъ нововведеніямъ и однажды послѣ долгаго спора, когда Генералъ сказалъ ему: „Какъ бы то ни было, но мнѣ хочется сочинить съ вами вмѣстѣ трагедію.“—Охотно, отвѣчалъ Арно,—тогда, когда мы сочинимъ вмѣстѣ планъ сраженія!—

Не смотря на эту короткость въ обращеніи, которой бы многіе позавидовали, несмотря на довѣрчивость счастливой звѣздѣ завоевателя, Арно не окончилъ путешествія. Долгъ службы задержалъ его въ Мальтѣ при началѣ завоеванія. Но онъ былъ изъ первыхъ между тѣми, которые призывали героя изъ Египта и приготовляли къ тому общее мнѣніе.

18-е Брюмера Арно находился при Бонапартѣ однимъ изъ ревностныхъ участниковъ военнаго переворота, который основалъ Имперію, и находился при немъ безъ всякихъ личныхъ расчетовъ. Литераторъ въ полномъ смыслѣ слова, нѣсколько безпечный и гордый, Арно не заботился болѣе ни о своей будущности, ни о благо-

склонности своего покровителя. Сперва остался онъ въ Мальтѣ, а послѣ въ дали отъ политики и Императорскаго Двора принялъ на себя скромную и важную должность, гдѣ его вліяніе было всегда правосудно и благодѣтельно.

Свободные часы его были всѣ посвящаемы литературѣ. Трагическій авторъ школы *Дюсиса* въ произведеніяхъ своихъ, онъ прибавилъ къ древнимъ формамъ новую степень ужаса, а иногда и простоты. Страстный обожатель Наполеона, онъ не воспѣвалъ его царствованія. Великіе Властители, потрясающіе сильно воображеніе народовъ, пробуждаютъ его у поэтовъ уже долго послѣ своей кончины. Одаренный умомъ колкимъ и насмѣшливымъ, способнымъ болѣе къ коварнымъ намекамъ басни, нежели къ панегирику, Арно выхвалялъ Наполеона лишь послѣ его паденія и то вѣрнымъ языкомъ исторіи. Его пристрастіе было благоговѣніе къ генію и къ несчастію; оно вдохнуло ему много краснорѣчивыхъ страницъ: онъ заплатилъ изгнаніемъ за право написать ихъ. Писатель мирный, врагъ всѣхъ общественныхъ переворотовъ, онъ былъ увлеченъ бурей, сокрушившей династію.

По этому случаю, въ продолженіе нѣкотораго времени, онъ могъ не принадлежать болѣе этой Академіи, гдѣ онъ имѣлъ столько правъ на свое мѣсто, и куда все его призывало. Онъ даже возвратился къ намъ при томъ правленіи, которое такъ несправедливо изгнало его. Во второй разъ услышалъ онъ здѣсь похвалы трудамъ, прославившимъ жизнь его, и таланту, которому никакая революція не могла дать отставки. Ему прочли тѣ стихи, которыми означенъ былъ первый день его изгнанія; и онъ нашелъ въ рукоплесканіяхъ и въ живомъ соучастіи публики сладкую награду своему благородному характеру.

Этотъ характеръ вмѣстѣ съ его славою далъ ему право на мѣсто, требовавшее довѣренности, которое опустѣло между нами послѣ умнаго и почтеннаго *Андріё*, мѣсто, которое требуетъ безкорыстной любви къ словесности, призываетъ иногда къ защитѣ ея достоинства и должно быть нераздѣльно соединено съ тѣми благородными чувствами, которыя она внушаетъ душѣ человѣка.

Какъ должны мы сожалѣть, что внезапная смерть прекратила эту жизнь въ полной ея силѣ и похитила Арно посреди недоконченныхъ трудовъ его! Записки, писанныя имъ съ такимъ остроуміемъ и безпечностію, составляютъ любопытный памятникъ его старости, и могутъ выдержать эту неблагодарную и грубую критику, которая всегда ожидаетъ послѣднихъ произведеній художника и поэта. Арно, какъ умный и нечестолюбивый зритель, замѣшанный въ движенія вѣка, не умѣлъ имъ пользоваться, но видѣлъ много

25-308

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

вещей и всегда умѣлъ оцѣнять ихъ съ тою сильною прямотою совѣсти, отъ которой яснѣетъ самый расчетъ разума. Ни собственная выгода, ни политическія связи не имѣли вліянія на вѣрность его воспоминаній, на его нравственный инстинктъ. Нѣкоторыя несчастья прежней Королевской династіи, можетъ быть, нигдѣ не были описаны съ такимъ живымъ участіемъ, какъ въ книгѣ Арно, изгнаннаго изъ Франціи въ 1815 году.

Это происходило отъ того, что чувства справедливости были у него врожденными; и его строки хотя носятъ иногда печать современныхъ страстей, но дышатъ всегда откровенностію, которой нельзя не уважать.

Вы поняли и достойно оцѣнили талантъ вашего предшественника; но ваше поприще, М. Г., счастливое и легкое, не можетъ сравниться съ его поприщемъ. Вы, я знаю, уважаете музу науки, ученые труды, успѣхи, дорого купленные и добываемые съ боя. Вы все это знаете по слухамъ: для васъ Литтература съ молодости была рядомъ наслажденій, славою, богатствомъ. Это весьма рѣдкая участь, примѣръ опасный, быть можетъ; но его оправдываютъ вашъ талантъ и характеръ.

Не бойтесь, М. Г., я не буду долго останавливаться на этой счастливой участи; но позвольте мнѣ найти причину ея въ вопросѣ болѣе общемъ, который вы сей часъ предложили себѣ и разрѣшили умно и удачно, но можетъ быть, не совсѣмъ справедливо. Тайна вашихъ постоянныхъ успѣховъ заключается, я думаю, въ томъ, что вы счастливо разгадали духъ нашего вѣка; вы создали родъ комедіи, съ которою онъ хорошо сроднился, которая походитъ на него, комедію живую, развязную, быструю; не обширную изящную картину, которую изучить намъ не достаетъ времени, а рядъ портретовъ выразительныхъ, которые блеснутъ, исчезнутъ, но не забываются. И такъ, не раздѣляя мнѣнія, которое вы поддерживаете, не думая, подобно вамъ, что театръ по существу своему долженъ быть въ противорѣчіи съ нравами, противоположнымъ полюсомъ общества, что онъ не долженъ походить на публику, чтобы нравиться публикѣ, я, признаюсь вамъ, придерживаюсь втораго мнѣнія и могу опровергнуть ваши доказательства вашими же комедіями.

Безъ сомнѣнія, одна комедія не составляетъ полной исторіи народа; но она объясняетъ, пополняетъ эту исторію. Она ничего не говоритъ о политическихъ произшествіяхъ, по крайней мѣрѣ со временъ Аристофана (или, если хотите, со временъ Бертрана и Ратона), но она свидѣтельница духа и нравовъ народа, у котораго родились эти произшествія. Не называя никого по имени, она пишетъ лѣтопись каждаго. Узнали ли бъ вы совершенно вѣкъ Лудо-

вика XIV безъ Мольера? Знали ли бы вы, что̀ былъ тогда дворъ, городъ и особенно Тартюфъ? Нѣтъ ни одной пьесы Мольера, не исключая и фантастической драмы Донъ Жуана, которая бы не показала вамъ какой нибудь любопытной стороны народнаго духа въ XVII столѣтіи, не дала бы вамъ понятія о движеніи въ нравахъ и не открыла бъ вамъ броженія мнѣній при мнимой тишинѣ этой величественной эпохи?

Въ послѣдствіи, М. Г., эта мелочная, жеманная драма Дората, Лану, и даже Мариво, котораго вы уже слишкомъ смѣшиваете съ ними, увѣрены ли вы, что она въ сильной противоположности съ своимъ временемъ? XVIII-е столѣтіе, столь полное настоящимъ и будущимъ, выражаясь вашими словами, XVIII-е столѣтіе не походило ли въ праздности высшихъ классовъ, въ злоупотребленіяхъ ума, въ утонченномъ развратѣ нравовъ на натянутую драму, которой оно рукоплескало? И даже не найдемъ ли мы и въ другихъ комедіяхъ того времени, еще болѣе слабыхъ, вѣрнаго изображенія нравовъ, и можетъ быть достойнаго наблюденій Историковъ? Что же касается до хорошихъ комедій той же эпохи, то они говорятъ много, и даже слишкомъ много; напримѣръ, Свадьба Фигаро есть безцѣнное свѣдѣніе для исторіи.

Я боюсь, М. Г., слѣдуя за вами далѣе, броситься ради комедіи въ лѣтописи нашей революціи: но и въ ту эпоху, этотъ сантиментальный наборъ словъ, это идолопоклонство *старости, добродѣтели, дѣтству*, выводимое на театрѣ во время политическихъ ужасовъ, не было ли также чертою нравовъ? Тотъ же самый наглый обманъ не повторялся ли въ рѣчахъ трибуны и въ программахъ народныхъ праздниковъ, гдѣ священныя слова человѣчества смѣшивались съ гнусными преступленіями; — это были проповѣди и гимны новой *Лиги*.

Мнѣ кажется, М. Г., что театръ, хорошъ ли онъ или дуренъ, естественъ ли онъ, или натянутъ, всегда, какъ прежде говорили и доказывали, театръ есть драгоцѣнный свидѣтель для исторіи нравовъ и мнѣній.

Въ нравахъ народа заключены его предразсудки, его воспоминанія, его сожалѣнія; для этого онъ иногда ходитъ въ театръ искать того, что не выражаетъ настоящаго его положенія, но говоритъ ему о томъ, чего онъ желаетъ, или что имъ потеряно. И потому я скажу, М. Г., пользуясь вашимъ же примѣромъ: если въ мирныя времена *возстановленія* ваши отставные полковники, ваши заслуженные храбрые солдаты были въ такой милости у публики, то не отъ того, что эта картина противорѣчила духу времени; но напротивъ потому что льстила ему, лаская обиженное народное само-

любіе; проницательный политикъ могъ бы открыть въ этихъ представленіяхъ, принимаемыхъ толпою съ восторгомъ, страсть не потушенную въ теченіи 15 лѣтъ, и вдругъ вспыхнувшую.

Да, М. Г.! въ вашихъ же произведеніяхъ можно найти эту современную точность, которую вы, отнявъ у комедіи, присвоили одной Пѣснѣ, и сдѣлать васъ Историкомъ противъ вашей воли. Впрочемъ въ этомъ дѣлѣ вы приняли всѣ возможныя предосторожности: вы соединили Пѣсню съ Комедіей, и что ни говори о вашей литтературной теоріи,—со всѣхъ сторонъ васъ ожидаютъ рукоплесканія.

Я признаюсь, что эта теорія дѣлается весьма правдоподобною въ послѣднихъ примѣрахъ вами приведенныхъ. Въ нашихъ глазахъ, почти въ то самое мгновеніе, когда я говорю, исчезло было это соотношеніе, это сходство театра съ публикою, или лучше сказать, казалось, что одинъ изъ нихъ хотѣлъ быть развратителемъ другаго. Но въ этомъ отзывѣ общественному перевороту, въ этомъ безплодномъ броженіи возмутительныхъ головъ, нѣтъ ли чего такого, чѣмъ бы можно было изъяснить эту потребность сильныхъ потрясеній, столь противоположную нашимъ семейственнымъ нравамъ, эту потребность, рѣдко удовлетворенную на театрѣ и которая бы уничтожилась сама собой, скукою публики, даже безъ пособія цензуры? Вы сами, Милостивый Государь, можете судить лучше другихъ объ этомъ, вы не заражены эпидеміею преувеличенія, этой страстью къ ложному, вы умѣете на свободѣ соединять остроуміе съ здравымъ смысломъ, и не нуждаетесь въ неблагопристойныхъ сценахъ для драматическаго эффекта.

Долгіе успѣхи научили васъ этому трудному искусству, отъ котораго вы рѣдко отступали, не смотря на огромное количество пьесъ, писанныхъ наскоро. Аристократъ Буало говорилъ:

Il faut, même en chanson, du bon sens et de l'art.

Этотъ совѣтъ, хотя, кажется, можетъ быть ненужнымъ и лишнимъ въ наше время, но тѣмъ не менѣе можетъ быть примѣненъ съ точностію ко всѣмъ родамъ пѣсни на нашихъ театрахъ. Ни легкость предмета, ни свобода формы, ни шалость ума, никогда не могутъ избавить автора отъ этихъ двухъ старинныхъ условій, требуемыхъ Буало: *здраваго смысла и изящества*; и если бы даже они перестали быть принадлежностію большихъ произведеній, то все бы надо было требовать ихъ соблюденія отъ водевиля и комической оперы.

Такъ въ прошедшемъ столѣтіи человѣкъ съ необработаннымъ талантомъ, Седенъ, съ помощію здраваго смысла и искусства нашелъ новое мѣсто на нашихъ театрахъ и оставилъ незабытыя

произведенія. Вамъ, М. Г., приготовленному съ раннихъ дней изученіемъ литтературы, вамъ предстояло менѣе усилій и затрудненій. Къ той оригинальности, безъ которой ни одинъ писатель не можетъ занять сильно публики, вы присоединили изученіе хорошихъ образцевъ; ваши первыя произведенія, по видимому, импровизированныя посреди юной, безпечной веселости, всегда носили на себѣ отпечатокъ искусства и были написаны съ такою же быстротою, какъ и со тщаніемъ.

Вы ограничивали вашъ талантъ тѣсною и легкою рамкою. Оригинальные характеры, свѣжія, дѣвственныя представленія нравовъ — уже были похищены у васъ прежними мастерами. Бросая наблюдательный взглядъ на наше общество, вы не нашли въ немъ уже тѣхъ рѣзкихъ образовъ, той борьбы между состояніями, того особеннаго характера разныхъ классовъ, столь удобныхъ для высшей комедіи; и не смотря на счастливые примѣры, вы не рѣшились испытать свою силу въ этой изящной сферѣ искусства. Васъ прельщалъ успѣхъ болѣе легкій и скорый. Вмѣсто того, чтобъ сосредоточить вашу комическую силу на какомъ нибудь предметѣ, требующемъ долгаго размышленія, вы раздробили ее на тысячу мелкихъ блистательныхъ очерковъ, возобновили ту изобрѣтательную плодовитость Испанскихъ поэтовъ, которыхъ произведенія и успѣхи считались сотнями. Посреди общества, подведеннаго подъ одинъ и тотъ же уровень, но общества дѣятельнаго, безпокойнаго, вы переносили на сцену его мнѣнія, моды, причуды по мѣрѣ того, какъ онѣ появлялись предъ вами.

Когда трудно было прямо ухватиться за минутную истину, вы часто искусно добирались до ней со стороны; для этого брали, вмѣсто главной черты, мелочные оттѣнки и умѣли заставлять публику рукоплескать даже и тому, о чемъ вы молчали. Многія мелкія пьесы Мольера цѣнятся знатоками наравнѣ съ его большими произведеніями. Вы умѣли быть оригинальнымъ, подражая этимъ небольшимъ пьескамъ; и часто воспоминаніе или противоположная сторона какой-либо мысли великаго поэта подавали вамъ средство написать цѣлую новую пьесу.

Но особенно въ наше время, подъ Парижскимъ горизонтомъ, въ его шумной жизни, въ его дѣлахъ и удовольствіяхъ на биржѣ, въ литтературѣ, вокругъ себя, въ происшествіяхъ вчерашняго вечера, вы умѣли схватить предметы и освятить ихъ вдохновеніемъ. Вашъ театръ приблизился къ тѣмъ *Пословицамъ* гостиныхъ, гдѣ общество обрисовываетъ само себя, и говоритъ своимъ ежедневнымъ языкомъ. Но, пока вы писали подъ диктовку публики, возвращая ей, что она вамъ давала, сколько удачныхъ и остроумныхъ картинъ, сколько

быстрыхъ и живыхъ разговоровъ обличали ваше участіе въ этой общей работѣ.

Вотъ причина, М. Г., почему ваши пьесы забавляютъ всю Францію, переходятъ за границу и тамъ переведенныя, передѣланныя, сокращенныя, увеличенныя, по вкусу разныхъ народовъ, поддерживаютъ всѣ театры отъ Юга до Сѣвера. Вездѣ хохотали, вездѣ съ жадностію хватались за ваши произведенія. Это служитъ доказательствомъ, что не костюмъ и минутные намеки составляютъ главное въ этихъ совершенно Парижскихъ пьесахъ,—но что въ нихъ много истины и много веселости обще-человѣческой.

Мнѣ помнится, одинъ знаменитый Нѣмецкій критикъ, слишкомъ строгій къ нашимъ классическимъ поэтамъ, можетъ быть, умомъ и знаніемъ завлеченный въ невольный парадоксъ, предпочиталъ въ полномъ смыслѣ *Просителя—Мизантропу*. Я увѣренъ, что вы сами несогласны съ этимъ мнѣніемъ; но заблужденіе, въ которое вы ввели такого критика своею остроумною комедіею, служитъ новымъ доказательствомъ въ вашу пользу; такое заблужденіе было бы невозможно, если бы не было много ума и много жизни въ этихъ легкихъ сценахъ, которыя не только играютъ, но на которыя пишутъ комментаріи за границей. Не повторяя словъ критика, я не могу однако же не обратить вниманія на особенное искусство, съ которымъ ведены ваши важнѣйшія пьесы, на быстрое и свободное движеніе вашей драмы, на вѣрность производимыхъ ею впечатлѣній (хотя разговоръ и бываетъ иногда слишкомъ украшенъ или слишкомъ мелоченъ), на вашу тайну обрисовывать предметъ во всѣхъ возможныхъ видахъ, на вашъ разговорный слогъ, то граціозный, то простой, то трогательный и всегда остроумный.

Какое разстояніе отъ *Дипломата* до *Валеріи*, отъ *l'Interieur d'un Bureau* до *Michel et Christine!* Какое разнообразіе, иногда какое остроумное нравоученіе, въ многочисленныхъ пьесахъ, на предметъ профанированный старинымъ театромъ: на бракъ! Одна изъ нихъ, *Женидьба по расчету* (le Mariage d'argent), есть настоящая комедія въ пяти актахъ, безъ куплетовъ, безъ *сотрудниковъ*, поддерживаемая драматическою цѣлостью, единствомъ характеровъ, истиною разговора, силою оставляемаго ею въ душѣ впечатлѣнія. Проза не вредитъ этому творенію, также какъ и прекраснымъ комедіямъ Лесажа и Пикара.

Не надобно спрашивать, М. Г., зачѣмъ вы не пытались чаще возобновлять эту высшую комедію, которая такъ удалася вамъ; у васъ не было недостатка ни въ талантѣ, ни въ источникахъ смѣшнаго. Даже это поприще разширилось при дѣйствіи нашихъ общественныхъ переворотовъ, и вамъ было возможно испытать свои

силы надъ политическою комедіею, этою крайнею вольностію театральнаго искусства. Между большимъ числомъ вашихъ успѣховъ замѣчательны Bertrand et Raton, сколько по новости предмета, столько и по истинѣ подробностей. Эта пьеса сама собою имѣла достоинство случайное, оцѣненное публикою, для которой потребность порядка было чувствомъ народнымъ. Она осмѣивала мятежъ и живо изображала, какое искусственное волненіе и какія мелочныя причины могутъ иногда возмущать спокойствіе Государства.

Впрочемъ, М. Г., это поприще политической комедіи, на которомъ вы сдѣлали нѣсколько шаговъ, скоро закрылось, и вы объ этомъ не сожалѣете. Вашему таланту остроумному и разнообразному не нужно отыскивать смѣшное въ раздорахъ партій; вы и безъ этого средства умѣете возбудить вниманіе и покупать побѣду. Вы еще молоды: публика ожидаетъ отъ васъ многаго. Обратится ли вашъ талантъ къ успѣхамъ болѣе рѣдкимъ, или возобновитъ прежніе, Академія во всякомъ случаѣ не будетъ сожалѣть о своемъ выборѣ. Ибо честь и жизнь Литтературнаго общества тогда только возможны, когда оно привлекаетъ къ себѣ всѣ роды знаменитостей, узаконенныхъ публикою. Это различныя формы, въ которыхъ является состояніе искусства въ какой либо націи. Не всѣ приходятъ вдругъ и не всякой принимаетъ въ этомъ дѣлѣ одинаковое съ другими участіе; строгому вкусу, глубокой учености должно быть мѣсто возлѣ смѣлаго таланта; возлѣ людей, посвятившихъ себя Словесности для самой Словесности, должны быть люди, для которыхъ оно лишь средство дѣйствія на трибунѣ, въ судѣ и въ театрѣ. Всѣ эти различные роды соприкасаются одинъ къ другому и соединяются: сіе-то самое смѣшеніе и составляетъ характеръ Академіи. Каждая наша потеря, какъ и всякій нашъ выборъ, болѣе и болѣе утверждаютъ насъ въ этой мысли. Нѣкогда изъ среды насъ былъ похищенъ ораторъ, котораго важное, возвышенное слово, громко прозвучавъ въ національныхъ собраніяхъ, тихо раздавалось въ нашихъ мирныхъ бесѣдахъ, мужъ доблестный и краснорѣчивый, сохранившій всеобщее уваженіе и въ отдаленіи отъ дѣлъ, и даже при кормилѣ правленія. Кто возвратитъ намъ Лене*?

По крайней мѣрѣ да огласятся эти стѣны нашимъ сѣтованіемъ и да простятъ намъ, что мы поспѣшили воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы гласно принести дань нашего благоговѣнія на его смиренную и еще свѣжую могилу.

---

* Французская академія на мѣсто умершаго Лене выбрала г. Дюпати, мимо представлявшихся кандидатами Балланша, Виктора Гюго и Моле. Академія имѣла на то, вѣроятно ей извѣстныя, причины. Мы же не знаемъ, что такое г. Дюпати.

Безъ особенной натяжки мы можемъ назвать эту статью Пушкина „неизданной“ [1]), потому что, если она была въ свое время напечатана, не кѣмъ инымъ, какъ самимъ авторомъ, и воспроизводится здѣсь (со всею стилистической и орѳографической точностью и лишь съ исправленіемъ нѣсколькихъ явныхъ опечатокъ) съ печатнаго подлинника, то все-же мы имѣемъ право оставить за нею покуда этотъ эпитетъ, такъ какъ ея не только нѣтъ ни въ одномъ собраніи сочиненій великаго писателя, ея не только не знаетъ читатель, съ поля зрѣнія котораго она исчезла три четверти вѣка тому назадъ, но даже ученые спеціалисты, издатели, критики и біографы, не останавливались на ней. Если мы должны, по справедливому слову Бѣлинскаго, дорожить „каждой строкой“ Пушкина, то тѣмъ болѣе интереса для литературы представляетъ цѣлая статья, въ особенности принадлежащая самой зрѣлой порѣ его мышленія и творчества. Помимо общей цѣнности, которую представляетъ собою она, какъ произведеніе пушкинскаго пера, она хранитъ слѣды геніальной мысли и творческой работы. Извлекаемъ ее изъ пушкинскаго „Современника“, гдѣ она была помѣщена.

„Когда дѣло идетъ о такомъ писателѣ, какъ Пушкинъ“,—писалъ Бѣлинскій [2]) по поводу выхода въ свѣтъ трехъ послѣднихъ, IX, X и XI, томовъ посмертнаго изданія его сочиненій—„тогда мелочей нѣтъ, а все, въ чемъ видно даже простое его мнѣніе о чемъ бы то ни было, важно и любопытно: даже самыя ошибочныя понятія Пушкина интереснѣе и поучительнѣе самыхъ несомнѣнныхъ истинъ многихъ тысячъ людей“. Указывая нѣсколько невошедшихъ въ это изданіе статей Пушкина, первоначально помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ и сборникахъ, Бѣлинскій замѣтилъ: „мы не можемъ исчислить ихъ всѣ до одной безошибочно, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны безъ имени автора и составляютъ тайну издателей журналовъ, въ которыхъ были помѣщены“. „Мы желали бы“,—продолжаетъ Бѣлинскій,—„чтобъ не пропала ни одна строка Пушкина, и чтобъ люди, которыхъ онъ называлъ своими друзьями, или съ которыми онъ дѣйствовалъ въ однихъ журналахъ, или у которыхъ въ изданіяхъ когда-либо и что-либо помѣщалъ,—объявили о каждой строкѣ, каждомъ словѣ, ему принадлежащемъ... Мы не думаемъ, чтобъ, кромѣ пропущенныхъ двухъ статей изъ „Современника“, подписанныхъ именемъ Пушкина [3]), не было въ

[1]) Отрывки изъ нея мы напечатали въ № 208 „Рѣчи“ с. г.

[2]) „Отечеств. Записки“ 1841 г., т. XVII, № 8, Библіографическая хроника, стр. 34—35.

[3]) Бѣлинскій говорилъ о нихъ выше.

этомъ изданіи и другихъ статей, принадлежащихъ Пушкину. Такъ, наприм., въ „Современникѣ“ статьи: „Разборъ сочиненій Георгія Конискаго“, „Вольтеръ“, „Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы“ не подписаны именемъ Пушкина, а послѣдняя даже означена *переводъ съ французскаго*,—между тѣмъ всѣ онѣ вошли въ полное собраніе сочиненій Пушкина; почему же не Пушкину принадлежатъ статьи—въ 1-мъ томѣ „Современника“: „Россійская Академія“, „Французская Академія“? [1]) Не нашлось рукописей?—Но неужели же нѣтъ другихъ свидѣтельствъ, и всѣ статьи Пушкина, которыя были напечатаны безъ его имени и которыхъ рукописи затеряны, должны пропасть?“...

Никто изъ тѣхъ лицъ, къ которымъ критикъ обратилъ свое воззваніе, не откликнулся въ печати, несмотря на то, что неполнота и небрежность редакціи посмертнаго изданія были отмѣчены не однимъ Бѣлинскимъ. Лишь Анненковъ пятнадцать лѣтъ спустя, работая надъ своимъ изданіемъ сочиненій Пушкина, расширилъ отдѣлъ его журнальныхъ статей и замѣтокъ [2]), но и онъ не располагалъ точными свѣдѣніями о нихъ, такъ какъ въ первомъ томѣ („Матеріалы для біографіи“) приписалъ Пушкину двѣ рецензіи, напечатанныя въ „Современникѣ“ Гоголемъ [3]). Изъ заинтересовавшихъ Бѣлинскаго статей въ анненковское изданіе вошла только первая, „Россійская Академія“. Внимательнѣе оказался трудолюбивый и точный С. А. Венгеровъ, который въ примѣчаніяхъ къ цитированному мѣсту рецензіи Бѣлинскаго [4]) обнаружилъ знакомство съ другой указываемой имъ статьею и призналъ, что „судя по увѣренному тону и кое-какимъ блесткамъ, она, можетъ быть, принадлежитъ Пушкину“. Послѣ выхода шестого тома комментированнаго Венгеровымъ собранія сочиненій Бѣлинскаго появились два капитальныя изданія сочиненій Пушкина, редактированныя П. А. Ефремовымъ и П. О. Морозовымъ, но оба они не замѣтили ни указанія Бѣлинскаго, ни комментарія Венгерова и, держась рутины, не обратились къ общему пересмотру

---

[1]) Бѣлинскій упоминалъ о ней вскользь и раньше („Молва“ 1836 г., № 13; Сочин. Б., изд. Венгерова, III, 62—63) и не совсѣмъ вѣрно (см. примѣч. Венгерова, стр. 508) обвинилъ Вяземскаго, что онъ, „соблазнившись мыслію Скриба, что въ литературѣ (?) всегда отражается прошедшее, а не настоящее состояніе общества, такъ восхитился ею, что уцѣпился за нее обѣими руками, теребитъ ее такъ и сякъ и прилагаетъ кстати и некстати къ русской литературѣ“ (въ помѣщенномъ въ томъ же томѣ „Современника“ разборѣ „Ревизора“).

[2]) См. т. V, стр. 635—636.

[3]) Стр. 416—417, 418; во второмъ изданіи „Матеріаловъ“, 1873 г., эта ошибка осталась неисправленной.

[4]) См. его изданіе сочин. Бѣлинскаго, VI, 597.

матеріала, предоставляемаго журналистикой пушкинской эпохи и въ частности его „Современникомъ“. Вопросъ о статьѣ „Французская Академія“ ихъ не заинтересовалъ. О ней упомянулъ вскользь, какъ о принадлежащей Пушкину, Н. Янчукъ [1]), но его немотивированное мнѣніе лишено значенія потому, что онъ приписалъ Пушкину огуломъ всѣ анонимныя статьи о литературѣ, помѣщенныя въ „Современникѣ“, въ томъ числѣ извѣстную статью Гоголя „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году“. Подошелъ къ разрѣшенію вопроса, и при томъ почти удовлетворительному, И. А. Шляпкинъ, около того же времени (1903 г.) выпустившій интересный сборникъ матеріаловъ: „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“ и по поводу находящихся въ нихъ упоминаній объ этой статьѣ писавшій: „Мы считаемъ эту статью составленною Пушкинымъ и Одоевскимъ“ [2]).

Она посвящена, какъ мы видѣли, описанію засѣданія Французской Академіи, въ которомъ былъ торжественно принятъ въ „безсмертные“ Скрибъ, и состоитъ изъ трехъ частей: вступительной рѣчи Скриба, отвѣта ему, произнесеннаго постояннымъ секретаремъ академіи Вильменомъ, и вступленія и отдѣльныхъ замѣчаній, принадлежащихъ Пушкину. Въ изданныхъ г. Шляпкинымъ матеріалахъ была напечатана [3]) записка къ Пушкину помогавшаго ему въ работахъ по „Современнику“ князя В. Ѳ. Одоевскаго, относящаяся къ веснѣ 1836 г.: „переводчикъ нашъ занемогъ, и отъ того Вильменова рѣчь опоздала. Я только вчера вечеромъ и получилъ ее. Начало я исправлялъ еще прежде, и отъ того первые листы переписаны, но за слѣдующіе извините, что перемараны жестоко; несмотря на это, вы просмотрите еще разъ“. Судя по выраженію: „Вильменова рѣчь“, можно думать, что постороннимъ переводчикомъ былъ переведенъ только отвѣтъ Вильмена, безъ рѣчи Скриба; во всякомъ случаѣ, нельзя сомнѣваться, что редакторскій карандашъ Пушкина прошелся по переводу, такимъ образомъ, „авторизованному“ имъ. Во вступленіи упоминаются [4]) стихи Дениса Давыдова, посвященное ему французскимъ поэтомъ Арно посланіе и отзывъ Арно о немъ. Прочитавъ статью, Давыдовъ писалъ Пушкину 10 августа 1836 г. [5]): „Ты по шерсти погладилъ самолюбіе мое, отыскавъ Богъ знаетъ гдѣ и прозу, и стихи Арно, о которыхъ я и знать не зналъ“.

---

[1]) „Литературныя замѣтки“—„Извѣстія Отд. русс. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ“, т. XII, кн. 4, стр. 229.

[2]) Назван. книга, стр. 269.

[3]) Тамъ же, стр. 240.

[4]) См. ниже.

[5]) Это письмо также напечатано г. Шляпкинымъ, стр. 267.

Такимъ образомъ, современникъ и близкій Пушкину человѣкъ, при томъ лично заинтересованный въ данной статьѣ, прямо удостовѣряетъ принадлежность ея Пушкину. Впрочемъ, за это ручается самое содержаніе статьи, къ которому и обращаемся.

„Французская Академія“ напечатана во второмъ томѣ „Современника“ [1]), стр. 14—52, непосредственно за пушкинской же статьею „Россійская Академія“, которой составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ pendant. Въ ней нельзя не узнать языка Пушкина, его простого, нѣсколько суроваго прозаическаго стиля, его духа, его воззрѣній. Онъ говорилъ „кресла“, а не „кресло“: въ „Пирѣ во время чумы“ читаемъ: „его здѣсь кресла стоятъ пустыя“. Такъ же онъ иногда говорилъ не „титулъ“, а по-старинному—„титло“: „его титло—спаситель Россіи“, писалъ онъ о Кутузовѣ-Смоленскомъ [2]); „здѣсь крестьяне величаютъ господъ титломъ ваше здоровье;—титло завидное, безъ коего всѣ прочія ничего не значатъ“ [3]). Слова: „нашъ боецъ чернокудрявый съ бѣлымъ локономъ на лбу“—изъ посланія Н. М. Языкова къ Денису Давыдову. „Посланіе къ Давыдову—прелесть!“—писалъ Языкову Пушкинъ [4]) и шутилъ: „нашъ боецъ чернокудрявый окрасилъ было свою сѣдину, замазалъ и свой бѣлый локонъ, но послѣ вашихъ стиховъ опять его вымылъ—и правъ. Это знакъ благоговѣнія къ поэзіи“. (У Давыдова среди черныхъ волосъ выдѣлялся сѣдой локонъ, которымъ этотъ хвастливый человѣкъ изрядно кокетничалъ, называя его „la flamme du génie“). Незадолго до того [5]) Пушкинъ написалъ Давыдову посланіе, начинающееся точнымъ переводомъ перваго стиха пьесы, которую посвятилъ ему Арно: „Тебѣ, пѣвцу, тебѣ, герою!“ Переводъ этой пьесы, принадлежащій Ипсиланти, былъ извѣстенъ Пушкину по имѣвшейся у него [6]) книгѣ Александра Суццо „Histoire de la révolution grècque“ [7]), гдѣ онъ напечатанъ въ подлинникѣ; это собственно не переводъ, а вольное подражаніе, гдѣ „изсохшій листокъ“ замѣненъ „одинокой птичкой“, „mikrò poulàki“; переводъ Давыдова ближе къ подлиннику [8]), вполнѣ хорошъ переводъ Жуковскаго. Литераторъ pur sang

---

[1]) Цензурное разрѣшеніе помѣчено 30 іюня 1836 г.

[2]) „Объясненіе“—„Современникъ“, т. IV, стр. 295.

[3]) Письмо 5 ноября 1830 г. изъ Болдина къ кн. П. А. Вяземскому.

[4]) 14 апрѣля 1836 г.

[5]) 18 января. Напечат. въ „Современникѣ“, т. V, 1837 г., стр. 313.

[6]) См. „Пушкинъ и его современники“, IX—X, 340.

[7]) Paris, 1829, pp. 34—36.

[8]) „Жалѣю“,—писалъ Пушкину Давыдовъ (цитиров. письмо 10 августа),—„что переводъ мой не достоинъ благосклонности и мадригала покойнаго

чувствуется въ приведенныхъ строкахъ Пушкина. Мало-мальски внимательный наблюдатель сразу подмѣчалъ въ немъ черты человѣка литературной профессіи; сидя въ театрѣ, онъ—разсказываетъ графъ В. А. Сологубъ [1])—„слушалъ съ тѣмъ особеннымъ вниманіемъ, съ какимъ слушаютъ только, что называютъ французы, „les gens du métier“, то есть люди сами пишущіе“. Понятны благородныя чувства горечи и достоинства, съ которыми говоритъ онъ о поэтахъ, пишущихъ не по вдохновенію, „не для себя“, а стараясь угодить публикѣ. „Ни одинъ изъ французскихъ поэтовъ“—писалъ Пушкинъ однажды [2])—„не дерзнулъ быть самобытнымъ, ни одинъ, подобно Мильтону, не отрекся отъ современной славы“. Нашъ поэтъ, который столько работалъ „для себя“ и для свѣтлаго будущаго родной литературы, испыталъ, что значитъ не угодить публикѣ,—и она въ послѣдніе годы его жизни твердила на тысячу ладовъ, что Пушкинъ исписался, выдохся, и превозносила Бенедиктовыхъ и Сенковскихъ.

Для живо интересовавшагося литературной жизнью Франціи Пушкина, въ библіотекѣ котораго имѣлись и Скрибъ, и Арно, и Вильменъ, и Жюль Жаненъ [3]), рѣчи Скриба и Вильмена, въ которыхъ, какъ мы пытаемся показать ниже, онъ увидѣлъ совпаденіе съ нѣкоторыми собственными взглядами, были явленіемъ, стоющимъ вниманія; была у него и другая, затаенная цѣль, заставившая его вслѣдъ за отчетомъ о недавнемъ засѣданіи Россійской Академіи помѣстить статью о Французской Академіи. Нужно замѣтить, что мнѣніе его о французской художественной литературѣ никогда не было особенно лестнымъ для нея, и еще въ примѣчаніяхъ къ первой главѣ „Онѣгина“ [4]) онъ не безъ сочувствія писалъ, что въ балетахъ Дидло „одинъ изъ нашихъ романтическихъ писателей находилъ гораздо болѣе поэзіи, чѣмъ во всей французской литературѣ“. Иногда противорѣча себѣ самому въ нѣкоторыхъ частностяхъ, онъ въ своихъ статьяхъ, рецензіяхъ, письмахъ и бесѣдахъ высказывалъ общіе взгляды, весьма неблагопріятные для французской литературы, считалъ пагубнымъ вліяніе ея на русское общество и русскую

академика. Этотъ переводъ ужасно плохъ, такъ плохъ, что въ изданіи стихотвореній моихъ я не смѣлъ его помѣстить“. Онъ напечатанъ, съ приведеннымъ Пушкинымъ французскимъ примѣчаніемъ, въ „Сочиненіяхъ Д. В. Давыдова“, ч. III, М., 1860, стр. 203.

[1]) „Воспоминанія“, СПб., 1887, стр. 115.

[2]) Сочин., изд. литерат. фонда, V, 247.

[3]) См. „Пушкинъ и его современники“, IX—X, 144, 189, 258, 333, 334, 359.

[4]) Изд. 1825 г., стр. 52.

литературу, осуждая ея „отвратительную подлость“ [1]), лежащую на ней печать „отвратительной власти демократіи“ [2]), ея „глубокій и жалкій упадокъ“ [3]). Отдавая вполнѣ справедливо преимущество французской прозѣ передъ поэзіей, Пушкинъ, однако, не умѣлъ оцѣнить значеніе народившагося на его глазахъ французскаго соціальнаго романа, въ которомъ усматривалъ этическую и даже политическую опасность, и въ своихъ рѣзкихъ заключеніяхъ вообще заходилъ далеко. Но въ началѣ 1836 г. дѣйствительность показала ему воочію неправоту его взглядовъ въ ихъ послѣдовательной deductio ad absurdum. Въ томъ самомъ засѣданіи Россійской Академіи, отчетъ о которомъ въ „Современникѣ“ предшествуетъ „Французской Академіи“, Пушкину пришлось услышать рѣчь М. Е. Лобанова „О духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной“. Она поразила его, и онъ въ своемъ отчетѣ [4]) писалъ: „Мнѣніе сіе заслуживаетъ особеннаго разбора какъ по своей сущности, такъ и по важности мѣста, гдѣ оное было произнесено“. Въ слѣдующемъ же томѣ [5]) онъ исполнилъ свое обѣщаніе, обстоятельно разобралъ „мнѣніе“ Лобанова и выдвинулъ противъ него свои возраженія. Встревоженный чрезмѣрнымъ вліяніемъ французской литературы на русскую, Лобановъ „не безъ содроганія“ констатировалъ, что „есть и въ нашей словесности нѣкоторый отголосокъ безнравія и нелѣпостей, порожденныхъ иностранными писателями“, и взывалъ: „ужели жизнь и кровавыя дѣла разбойниковъ, палачей и имъ подобныхъ, наводняющихъ нынѣ словесность въ повѣстяхъ, романахъ, въ стихахъ и прозѣ, и питающихъ одно только любопытство, представляются въ образецъ для подражанія?“ и т. под. Эта сильная тирада должна была напомнить Пушкину его собственныя слова, написанныя нѣсколько лѣтъ назадъ, когда онъ, проклиная, по поводу появленія записокъ палача Самсона, „безнравственную жажду новизны и сильныхъ ощущеній“, восклицалъ: „Явилась толпа людей темныхъ съ позорными своими сказаніями... Журналы наполнились выписками изъ Видока. Поэтъ Гюго не постыдился въ немъ искать вдохновеній для романа, исполненнаго огня и грязи“ [6]). А вскорѣ Пушкинъ еще

---

[1]) Переписка Пушкина, академич. изд., II, 389.

[2]) Начало рецензіи на „Исторію поэзіи“ Шевырева—Сочин. Пушкина, изд. литерат. фонда, V, 286.

[3]) Предисловіе къ „Пѣснямъ западныхъ славянъ“—„Стихотворенія Александра Пушкина“, ч. IV, стр. 108.

[4]) „Современникъ“, т. II, стр. 12.

[5]) III, стр. 94—106.

[6]) „Литературная Газета“ 1830 г., № 5, стр. 39.

рѣзче возставалъ противъ этого „крайняго оскорбленія общественнаго приличія“ и спрашивалъ: „не должна ли гражданская власть обратить мудрое вниманіе на соблазнъ новаго рода, совершенно ускользнувшій отъ предусмотрѣнія законодательства?“ [1]). Лобановъ, ругательски ругая Жюль Жанена, Евгенія Сю и другихъ французскихъ писателей, увѣрялъ, что французамъ „самыя отвратительныя зрѣлища не кажутся таковыми, самыя разрушительныя мысли для нихъ не столь заразительны, ибо они давно ознакомились и, такъ сказать, срослись съ ними въ ужасахъ революціи“. При всей своей дикости это былъ вѣрный выводъ изъ предпосылки (о „безнравственности“ французской литературы), въ которой Пушкинъ долженъ былъ узнать отголосокъ того убѣжденія, возникновенію котораго помогалъ онъ самъ. Возражая Лобанову особенно мягко, по разнымъ причинамъ, изъ которыхъ главныя—цензурныя и политическія опасенія, а второстепенная—необходимость съ тактическою осторожностью отказаться отъ доли своего прежняго мнѣнія, Пушкинъ спрашивалъ: „можно ли на цѣлый народъ изрекать такую страшную анаѳему?“—на „народъ, который произвелъ Фенелона, Расина, Боссюэта, Паскаля и Монтескье... народъ, который оказываетъ столь сильное религіозное стремленіе“... Во всякомъ случаѣ, Лобановъ, находилъ Пушкинъ, преувеличилъ опасность отъ вліянія французовъ на современную русскую прозу, для которой „Лесажъ и Вальтеръ-Скоттъ служили образцами, а не Бальзакъ и не Жюль Жаненъ“, не говоря уже о поэзіи, которая „осталась чужда вліянію французскому“. Возраженіе Лобанову усматривалъ Пушкинъ, конечно, и въ словахъ Скриба о несоотвѣтствіи современнаго французскаго театральнаго репертуара дѣйствительному состоянію нравовъ французскаго общества. Особенно же испугали Пушкина скорпіоны и бичи, которые рекомендовалъ Лобановъ, для борьбы съ ужаснымъ зломъ, приложить къ русской литературѣ. Въ Пушкинѣ заговорилъ честный гражданинъ и литераторъ, и онъ далъ Лобанову достойный отпоръ. „Отъ Лобанова я ничего иного и не ожидалъ“, писалъ негодуя благородный А. И. Тургеневъ и хвалилъ „скромный отвѣтъ“ Пушкина [2]).

Въ началѣ 1836 г. въ число французскихъ „безсмертныхъ“ вступилъ извѣстный плодовитый драматургъ, авторъ множества

---

[1]) Тамъ же, № 20, стр. 162.

[2]) „Остафьевс. Архивъ“, III, 334.—Ср. отзывъ Бѣлинскаго („Отечеств. Записки“ 1841 г., т. XIV, № 2; Сочин. Б., изд. Венгерова, т. V, стр. 524—525.

водевилей и комедій, Скрибъ [1]), занявшій мѣсто Арно [2]), оставившаго по себѣ въ литературѣ память автора посредственныхъ трагедій, но остроумныхъ и язвительныхъ „fables“ („проходите скорѣе, — онъ кусается“, написалъ однажды кто-то подъ его бюстомъ). По этому поводу Скрибъ произнесъ въ торжественномъ засѣданіи Академіи discours de réception, на который отвѣчалъ ему отъ имени Академіи, по обычаю, ея постоянный секретарь, историкъ Вильменъ [3]), а талантливый фельетонистъ Жюль-Жаненъ пошутилъ надъ ними обоими въ „Journal des Débats“ [4]). Для Пушкина, какъ и его круга [5]), это было интересное событіе занимавшей его французской литературной жизни, а къ тому же онъ увидѣлъ въ немъ возможность наглядно показать „безвредность“ современной французской литературы, „невинность“ ея духа, представляемаго Академіей и не заслуживающаго громовъ и молній Лобанова, даже ея ничтожность. Только такъ, въ связи съ тогдашними мыслями Пушкина объ этомъ предметѣ, можно объяснить появленіе обѣихъ рѣчей съ замѣчаніями Пушкина на нихъ въ его журналѣ; иначе—это была бы непонятная случайность, а вѣдь Пушкинъ былъ въ „Современникѣ“ не „почетнымъ редакторомъ“, а „сильной пружиной“, какъ выразился Гоголь, который писалъ въ немъ [6]): „редакторъ всегда

---

[1]) О его вступленіи въ Академію см. „Journal des Débats“ 30 Janvier 1836, „Réception de M. Scribe“, подп.: „Cs“.—Auguste-Eugène Scribe род. въ 1791 г., умеръ въ 1861.—Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ презрительно отозвался о водевиляхъ Скриба (письмо къ М. П. Погодину 11 іюля 1832 г.).

[2]) Antoine-Vincent Arnault род. въ 1766 г., въ Академію вступилъ въ 1799 г. въ 1829 г. былъ выбранъ ея постояннымъ секретаремъ, умеръ въ 1834 г.

[3]) Abel-François Villemain род. въ 1790 г., въ Академію вступилъ въ 1821 г., въ 1832 г. былъ выбранъ ея постояннымъ секретаремъ, умеръ въ 1870 г.

[4]) 3 Février 1836, „M. Scribe et son vaudeville de réception“ (подп. „J. J.“). Фельетонъ Ж. Жанена дѣйствительно очень остроуменъ. Жаненъ сожалѣетъ, что изъ этого, единолично разыгранаго Скрибомъ, водевиля былъ устраненъ хоръ его сотрудниковъ, и язвительно пародируетъ рѣчь Скриба; надо прибавить, что въ фельетонѣ Жанена высказаны нѣкоторыя вѣрныя и серьезныя мысли. Объ отношеніяхъ Пушкина къ Ж. Жанену см. его Переписку, академич. изд., II, 143, его замѣтку „О новѣйшихъ романахъ“ (Сочин. П., изд. литерат. фонда, V, 161; изд. Венгерова, V, 433), „Записки“ А. О. Смирновой, I, 230—231, 328—329.—Jules-Gabriel Janin род. въ 1804, умеръ въ 1874 г.

[5]) А. И. Тургеневъ посылалъ объ рѣчи кн. П. А. Вяземскому—см. его парижскую „Хронику Русскаго“ въ „Современникѣ“. I, 266, а также „Остаф. Арх.“, III, 298,—и можетъ быть отъ Вяземскаго Пушкинъ получилъ ихъ.

[6]) „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году“—т. I, стр. 211. Тамъ же, стр. 218—219, Гоголь говоритъ объ отношеніи русскаго общества къ современной французской литературѣ.

долженъ быть виднымъ лицомъ“. Писательская физіономія Пушкина видна вполнѣ въ опубликовываемой нами статьѣ. Нравилось Пушкину и лощенное изящество этихъ блестящихъ рѣчей; недаромъ онъ называлъ французовъ „остроумнымъ и положительнымъ народомъ“ [1]).

Оставляя въ сторонѣ обильно расточенныя обоими ораторами оффиціальныя похвалы мертвымъ и лесть живымъ, остановимся на двухъ—трехъ мѣстахъ рѣчей Скриба и Вильмена, которыя Пушкинъ долженъ былъ прочитать съ особымъ сочувствіемъ. „Слава Богу,—говорилъ Скрибъ,—теперь писатель не имѣетъ надобности просить вельможъ удостоить его покровительствомъ! Въ своемъ трудѣ находитъ онъ славу—и еще болѣе, если возможно—свою независимость“. Такъ же разсуждалъ и Пушкинъ: „никому отчета не давать, себѣ лишь самому служить и угождать...—вотъ счастье, вотъ права!“ [2]); „у насъ писатели не могутъ изыскивать милости и покровительства у людей, которыхъ почитаютъ себѣ равными“ [3]); „независимость и самоуваженіе однѣ могутъ насъ возвысить надъ мелочами жизни и надъ бурями судьбы“ [4]).

На слово „безталантныхъ“ слѣдуетъ обратить вниманіе; въ своей статьѣ о Лобановѣ Пушкинъ поправляетъ выраженіе Лобанова „безталанный“ (въ смыслѣ „бездарный“) и говоритъ [5]): „г. Лобановъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать безталантный“; однако, въ языкѣ и въ литературѣ удержалось не пушкинское выраженіе. Беранже Пушкинъ недолюбливалъ; находилъ, что онъ „не поэтъ“ и „не имѣетъ ничего страстнаго, вдохновеннаго“ [6]). Въ его пѣсенкѣ о королѣ Ивето дѣйствительно нѣтъ ничего оппозиціоннаго ни по намѣреніямъ автора, ни по содержанію, но, когда она появилась (1813 г.), французское общество, недовольное Наполеономъ, сочло ее сатирою на императора, и она распространилась по всей странѣ въ тысячахъ списковъ; однако, вызванное ею полицейское разслѣдованіе не навлекло на автора никакихъ непріятностей, и онъ даже сохранилъ за собою мѣсто въ коронной службѣ, о чемъ разсказываетъ онъ самъ [7]). Опровергая наличность къ пѣсенкѣ оппозиціоннаго настроенія, Пушкинъ отчасти устраняетъ слабый признакъ того политическаго духа, на который указывалъ Лобановъ: патріар-

---

[1]) Сочин., изд. литерат. фонда, V, 161.
[2]) „Изъ VI Пиндемонте“.
[3]) „Мысли на дорогѣ“.
[4]) „Вольтеръ“—„Современникъ“ 1836 г., т. III, стр. 169.
[5]) „Современникъ“, т. III, стр. 102.
[6]) См. наши „Новооткрытыя страницы Пушкина“, СПб., 1909, стр. 37.
[7]) „Oeuvres posthumes“, Paris, 1858, p. 517.

хальный король Ивето могъ и можетъ сойти за сатиру не на одного Наполеона.

Касаясь лицъ, упомянутыхъ Пушкинымъ въ его примѣчаніи къ рѣчи Вильмена, скажемъ вкратцѣ, что талантъ Гюго нашъ поэтъ признавалъ, хотя считалъ его „второстепеннымъ“ [1]), а Балланша называлъ гордостью Франціи [2]). Объ избраніи Дюпати [3]) на вакансію Лене [4]) и о сопровождавшихъ это избраніе обстоятельствахъ писалъ А. И. Тургеневъ въ своей „Хроникѣ Русскаго“ [5]).

Такимъ образомъ, на статью Пушкина о Французской Академіи, которая отнынѣ, конечно, будетъ вводиться въ собранія его произведеній, нужно смотрѣть не какъ на незначительное пріобрѣтеніе, не какъ на простое матеріальное дополненіе къ собранному до сихъ поръ его творческому наслѣдію, а какъ на важный этапъ его писательскаго пути. Рядомъ и въ связи съ отвѣтомъ Лобанову, она служитъ показателемъ благотворнаго кризиса, совершавшагося въ его ранѣе сложившихся литературныхъ воззрѣніяхъ, но безжалостно оборваннаго смертью и не дошедшаго до полнаго разрѣшенія, отъ котораго можно было бы ждать великихъ послѣдствій для литературы.

Н. Лернеръ.

---

[1]) „О Мильтонѣ и Шатобріановомъ переводѣ Потеряннаго Рая“—„Современникъ“, т. V, 1837 г., стр. 134.

[2]) Въ цитиров. отвѣтѣ Лобанову.

[3]) Louis-Emmanuel-Félicité-Charles Mercier Dupaty (1775—1851 г.г.) былъ напыщенный стихотворецъ и драматургъ, авторъ ямбической поэмы „Délateurs“ (1819); въ академію онъ вступилъ въ 1835 г.

[4]) Joseph-Henri-Joachim vicomte Laîné (1767—1835 г.г.), адвокатъ и политическій дѣятель, замѣчательный ораторъ, не бывъ писателемъ, былъ выбранъ въ Академію въ 1816 г.—Louis-Matthieu comte Molé (1781—1855 г.г.), политическій дѣятель и писатель, въ Академію былъ выбранъ въ 1840 г.

[5]) „Современникъ“, т. I, стр. 281—282.

Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова.

I. Автобіографія И. А. Гончарова.

Въ „Русскомъ Художественномъ Листкѣ“ Тимма появилась въ 1859 г. [1]), безъ подписи, короткая, но содержательная біографическая статья объ И. А. Гончаровѣ. Эта статья послужила однимъ изъ главныхъ источниковъ для свѣдѣній о юности Гончарова: ей воспользовались, хотя часто и изъ вторыхъ рукъ, всѣ біографы Гончарова. Вопросъ же объ ея достовѣрности ставился, насколько намъ извѣстно, только однимъ А. Филоновымъ въ предисловіи къ третьему изданію полнаго собранія сочиненій Гончарова [2]): „свѣдѣнія, писалъ онъ, о томъ, будто Гончаровъ въ дѣтствѣ читалъ разные романы, оставляемъ на отвѣтственности его біографій, напечатанныхъ въ „Русскомъ Художественномъ Листкѣ“ Тимма (1859, № 14), „Сборникѣ историческихъ матеріаловъ о Симбирской губерніи“ (1868, стр. 251) и „Портретной галереѣ русскихъ дѣятелей Мюнстера“ (1869, т. II, стр. 80)“. А. Филоновъ, хотя принципіально и былъ правъ, отказываясь принять на вѣру, безъ доказательствъ, матеріалъ сомнительнаго происхожденія, оказался въ данномъ случаѣ черезчуръ осторожнымъ.

Анонимная статья „Русскаго Художественнаго Листка“, такъ же какъ и нѣкоторыя другія статьи этого журнала—не что иное, какъ

---

[1]) № 14, стр. 37—38.

[2]) Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова“, изд. 3-е, Спб., 1896, т. I, стр. IV, зам. 1.

автобіографія. Покойный И. С. Ремезовъ передалъ въ Императорскую Публичную Библіотеку оригиналъ этой статьи, собственноручно написанный И. А. Гончаровымъ; туда же были имъ переданы собственноручныя автобіографіи другихъ русскихъ писателей или художниковъ [1]).

Такимъ образомъ, если имѣть въ виду заподозрѣнную также А. Филоновымъ статью „Сборника историческихъ и этнографическихъ матеріаловъ о Симбирской губерніи“ за 1868 г., которая является тоже автобіографіею и, поэтому, была переиздана М. Ѳ. Супранскимъ въ „Вѣстникѣ Европы“ [2]), историки литературы располагаютъ въ настоящее время двумя автобіографіями И. А. Гончарова, не считая третьей, которою нельзя пользоваться безъ критики, именно „Воспоминаній“ объ университетѣ и о родинѣ.

Не лишне будетъ познакомить сызнова русскаго читателя съ автобіографіею 1859 г. какъ потому, что она въ редакціи журнала подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ, такъ и потому, что сличеніе ея съ автобіографіею 1868 г. (написанною въ концѣ 1867 г.) [3]) представляетъ несомнѣнный интересъ.

Хранящаяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ автобіографія написана на четырехъ страницахъ одного листа квадратнаго формата очень быстрымъ, небрежнымъ и мѣстами трудно разборчивымъ почеркомъ, съ сокращеніями, исправленіями въ текстѣ и прибавленіями на поляхъ. Она помѣчена 16 декабря 1858 г. Приводимъ ее здѣсь цѣликомъ и въ томъ же неотдѣланномъ видѣ, въ какомъ она представляется въ рукописи, при чемъ указываемъ въ ссылкахъ на самые существенные варіанты печатнаго текста „Русскаго Художественнаго Листа“ (сокращеніемъ: „Р. Х. Л.“) и автобіографіи „Сборника историческихъ и этнографическихъ матеріаловъ о Симбирской губерніи“, переизданной въ „Вѣстникѣ Европы“ (сокращеніемъ: „В. Е.“):

„По желанію Редакціи „Художественнаго Листка“, собраны здѣсь въ безпорядкѣ и изложены кое-какія біографическія свѣдѣнія, какія удалось вспомнить о себѣ самомъ. Перехожу молчаніемъ нѣкоторыя подробности дѣтскаго и юношескаго возрастовъ, которыя

---

[1]) „Отчеты Императорской Публичной Библіотеки“ за 1860 (стр. 58), 1861 (стр. 57), 1871 (стр. 58—59).

[2]) „Вѣстникъ Европы“, 1907, кн. 2, стр. 579—582.

[3]) Эта вторая автобіографія была послана въ Симбирскъ 29 декабря 1867 г. „Вѣстникъ Европы“, 1907, кн. 2, стр. 580.

имѣю въ виду употребить въ дѣло въ одномъ изъ своихъ будущихъ сочиненій [1]), если ему суждено состояться [2]).

Иванъ Александр[овичъ] Гончаровъ родился въ 1813 или 1814 г. [3]) не помню въ точности года [4]): въ Симбирской губерніи. Первоначальное образованіе въ наукахъ и языкахъ, француз[скомъ] и нѣмецк[омъ], получилъ въ небольшомъ пансіонѣ, который содержалъ въ имѣніи княгини Хованской [5]), за Волгой, сельскій священникъ, весьма умный

---

[1]) Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ Гончаровъ, повидимому, предполагалъ уже написать свои „Воспоминанія".

[2]) Весь этотъ вводный параграфъ отсутствуетъ въ „Р. Х. Л."

[3]) „Р. Х. Л.": „Иванъ Александровичъ Гончаровъ родился *въ 1814 году*". Редакторъ журнала думалъ, по всей вѣроятности, что колебаніе въ датѣ рожденія недопустимо для хорошо освѣдомленной біографіи и что лучше всего рѣшить вопросъ въ пользу наиболѣе заинтересованнаго въ дѣлѣ лица.— В. Е.: „И. А. Гончаровъ родился въ Симбирскѣ *въ 1812 году*". На самомъ дѣлѣ, Гончаровъ, какъ видно по семейному лѣтописцу и по метрикѣ („Вѣстникъ Европы", 1907, кн. 2, стр. 576; и *тамъ же*, 1908, кн. 11, стр. 26, зам. 1, статья М. Ѳ. Суперанскаго), родился 6-го іюня 1812 года. Объ этой датѣ свидѣтельствуютъ также хранящіяся въ Архивѣ Департамента Таможенныхъ Сборовъ свидѣтельства о рожденіи и крещеніи Гончарова (Ср. далѣе, стр. 43-44). А. Филоновъ въ вышеупомянутомъ предисловіи къ третьему полному изданію сочиненій Гончарова, стр. 4, даетъ точную дату (6-го іюня 1812 г.), но онъ не могъ ея найти въ тѣхъ статьяхъ, къ которымъ онъ невѣрно отсылаетъ читателя, т. е. въ статьяхъ „Р. Х. Л." и „Портретной галереѣ русскихъ дѣятелей", изд. Мюнстера (Спб., 1869, томъ второй, стр. 80), гдѣ указано только: въ первой, 1814, и во второй, 6-ое іюня 1814 г.

[4]) Предложеніе „я не помню въ точности года", разумѣется, отсутствуетъ въ „Р. Х. Л."—Когда Гончаровъ захотѣлъ поступить въ Департаментъ Внѣшней Торговли, онъ подалъ прошеніе, къ которому приложилъ свидѣтельства о рожденіи и крещеніи (ср. далѣе стр. 43-44). Надо предположить, что онъ или не полюбопытствовалъ тогда взглянуть, когда онъ родился, или, взглянувши, скоро забылъ, или, если не забылъ, то соблазнился невинной привычкой скрывать свои лѣта. Какъ бы это ни казалось страннымъ, но это такъ: Иванъ Александровичъ всегда колебался сказать, въ которомъ году онъ родился. Это колебаніе отразилось и въ оффиціальныхъ бумагахъ, относящихся къ нему: по одному формулярному списку ему 47 лѣтъ 21 января 1860 г., будто онъ родился въ 1813 г. (дѣло Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія, 1855, № 289), а по другому 53 года 29 декабря 1867 г. (Архивъ Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати, № 727 Архива, № 137), будто онъ родился въ 1814 г. Нельзя, во всякомъ случаѣ, не удивляться тому, что, составляя біографическую статейку для симбиряковъ, которымъ легко было бы при помощи метрическихъ книгъ выяснить сомнительный вопросъ, Гончаровъ вспомнилъ вѣрно годъ своего рожденія: 1812 г. („В. Е.", 1907, кн. 5, стр. 581).

[5]) Въ „В. Е." менѣе подробно: „... за Волгой, *въ помѣщичьемъ селѣ*".

и ученый человѣкъ, женатый на иностранкѣ [1]). Тамъ первыя книги, попавшіяся Гончарову въ руку, внѣ классовъ, были сочиненія Державина, которыя онъ и переписывалъ, и училъ наизусть, потомъ Фонъ-Визина Недоросль (Бригадира не давали), Озерова и Хераскова (послѣдняго и тогда онъ одолѣть не могъ не смотря на дѣтскую неразборчивость), далѣе, нѣсколько дѣтскихъ книжекъ естественной исторіи, наконецъ путешествія Кука вокругъ свѣта и Крашенинникова въ Камчатку. Тутъ же находя въ лакейской дома у себя сказки о Еруслапѣ Лазар[евичѣ], Бовѣ Корол[евичѣ] и другія, читалъ и ихъ. И такъ чтеніе продолжалось безъ системы, безъ указанія, съ поглощеніемъ всего болѣе романовъ (Коттенъ, Жанлисъ, Радклифъ въ чудовищныхъ переводахъ) путешествій, описаній неслыханныхъ происшествій, всего что болѣе дѣйствуетъ на воображеніе [2]).

Все это продолжалось до вступленія въ 1831 году въ Московскій Университетъ по словесному факультету, гдѣ знакомство съ греческимъ и римскимъ міромъ, историческое и критическое изученіе отечествен[ной] и иностранной литературъ сообщило страсть къ чтенію и надлежащее направленіе [3]). Юношеское сердце искало

---

[1]) Въ „В. Е.“ говорится *о нѣмкѣ, принявшей православіе*. Слово „нѣмка“ нужно, вѣроятнѣе всего, понять въ простонародномъ смыслѣ, именно *„иностранка“*. Гончаровъ, кажется, не зналъ точно, какой національности была его первая учительница. Это видно, какъ по весьма осторожному и неопредѣленному указанію „Р. Х. Л.“ „иностранка“, такъ и по противорѣчивому характеру другихъ данныхъ: напримѣръ въ одной біографической статьѣ П. Милюкова, матеріалъ которой, вѣроятно, доставилъ устно самъ Иванъ Александровичъ, сказано, что „священникъ этотъ былъ женатъ *на француженкѣ*; воспитанники его пансіона, большею частью дѣти окрестныхъ богатыхъ помѣщиковъ, учились у ней *французскому языку* и, благодаря этому, И. А. началъ имъ обладать съ дѣтства“ („Нива“, 1876, № 18, стр. 324). Возможно, что жена Троицкаго, урожденная Лицманъ („Самарская газета“, 1901, № 199, по воспоминаніямъ Г. Н. Потанина), была швейцарка или эльзаска и владѣла одинаково французскимъ и нѣмецкимъ языками: у нея, гласитъ вторая автобіографія въ „В. Е.“, „Гончаровъ „положилъ основаніе изученію *французскаго и нѣмецкаго языковъ*“.

[2]) Здѣсь значительно подробнѣе, чѣмъ въ „В. Е.“: „... а найденныя въ библіотекѣ священника сочиненія Ломоносова, Державина и другихъ, также описанія нѣкоторыхъ путешествій заронили въ немъ, первыя—охоту къ чтенію, а послѣднія—желаніе, конечно, тогда еще неясное и безсознательное, видѣть описанныя въ путешествіяхъ дальнія страны. До поступленія въ московскій университетъ, не руководимый почти никѣмъ въ выборѣ чтенія, онъ читалъ все, что попадалось подъ руку, между прочимъ произведенія французскихъ беллетристовъ господствовавшей тогда школы, и переводилъ на русскій языкъ романъ „Атаргюль“, отрывокъ изъ котораго былъ помѣщенъ въ журналѣ Телескопъ за 1832 г.“

[3]) Въ „В. Е.“ объясняется то, что Гончаровъ разумѣетъ подъ словами

между писателями симпатіи и отдавалось тогда Карамзину по горячимъ его слѣдамъ, можетъ быть не какъ историку, особенно потому что кафедру исторіи занималъ тогда Карамзинъ, и не какъ поэту, потому что Карамзинъ не былъ художникъ, но какъ гуманнѣйшему изъ писателей. Учрежденіе новыхъ кафедръ тогда эстетики, археологіи (профессоръ Надеждинъ) и исторіи иностранныхъ, древнихъ и новыхъ литературъ (Шевыревъ) и ихъ увлекательныя чтенія, не только расширяли кругъ литературнаго и эстетическаго воззрѣнія молодыхъ слушателей, но и формировали имъ перо: т. е. необходимость вести перечни правильно и краснорѣчиво излагаемыхъ лекцій дѣйствовала конечно благотворно на обработку языка. Между тѣмъ, независимо отъ критическихъ разборовъ съ кафедръ древнихъ и новыхъ поэтовъ и историковъ, когда въ виду слушателей проходили отъ индѣйскихъ эпопей и драмъ, отъ священной поэзіи, Гомеръ, Виргилій, Тацитъ, Дантъ, Сервантесъ, Шекспиръ и проч., чтеніе сверхъ этого шло своимъ непрерывнымъ чередомъ. Долго плѣнялъ Гончарова Тассъ въ своемъ Іерусалимѣ, потомъ онъ перешелъ черезъ рядъ многихъ, между прочимъ Клопштока, Оссіяна, съ критическимъ повтореніемъ нашихъ эпиковъ, къ новѣйшей эпопеѣ Вальтера-Скотта и изучилъ его пристально. Путешествія и всѣ доступно изложенныя (безъ строгихъ научныхъ формъ) сочиненія по части естеств[енной] исторіи занимали [его] вниманіе; его любимымъ чтеніемъ были все-таки произведенія поэзіи.

Живѣе и глубже всѣхъ поэтовъ пораженъ и увлеченъ былъ Гончаровъ поэзіей Пушкина въ самую свѣжую и блистательную пору силы и развитія великаго поэта и въ поклоненіи своемъ остался вѣренъ ему навсегда, несмотря на позднѣйшее, тѣсное знакомство съ корифеями франц[узской], нѣмецк[ой] и англійской литературъ [1]).

По окончаніи курса наукъ въ Университетѣ, Гончаровъ пріѣхалъ въ 1835 году въ Петерб[ургъ] и слѣдуя общему примѣру опредѣлился

надлежащее направленіе: „... но скоро, однако, *онъ отрезвился отъ вліянія современной французской литературы*, какъ чтеніемъ *образцовъ англійской и нѣмецкой литературъ*, такъ и знакомствомъ *съ древними историками и поэтами* въ университетѣ...“

[1]) Всѣ эти цѣнныя указанія на умственное развитіе Гончарова отсутствуютъ въ „В. Е.“. За приведенными выше мѣстами слѣдуетъ перечисленіе тогдашнихъ профессоровъ московскаго университета съ указаніемъ читанныхъ ими предметовъ и, въ видѣ заключенія, краткая фраза: „...живое непосредственное вліяніе на общество Карамзина и Пушкина, бывшаго тогда въ зенитѣ своей славы, не могло не подѣйствовать благотворно и на кругъ молодыхъ студентовъ московскаго университета, въ томъ числѣ и на него“.

на службу. Онъ получилъ мѣсто переводчика по Министерству Финансовъ, потомъ столоначальника и оставался тамъ до 1852 г., а въ этомъ году, вызвавшись по предложенію бывшаго Министра Народн[аго] Просв[ѣщенія] А. С. Норова участвовать въ экспедиціи, снаряженной для открытія торговыхъ сношеній въ Японіей, былъ откомандированъ, по Высоч[айшему] повелѣнію, въ качествѣ секретаря при начальникѣ Экспедиціи, вице-адмиралѣ (нынѣ адмиралѣ и графѣ) Е. В. Путятинѣ, и отправился на фрегатѣ Паллада въ это плаваніе, изъ котораго воротился въ началѣ 1855 года, поступилъ было опять на прежнее мѣсто, но вскорѣ перешелъ въ Министерство Народн[аго] Просвѣщенія, въ должность цензора [1]).

Все свободное отъ службы время посвящалъ литературѣ. Гончаровъ много переводилъ изъ Шиллера, Гете, (прозаич[ескія] сочиненія) также изъ Винкельмана, отрывки нѣкоторыхъ англійскихъ романистовъ, и потомъ уничтожалъ. Сблизившись коротко съ семействомъ артиста—живописца Н. А. Майкова (отца извѣстнаго поэта), Гончаровъ участвовалъ съ ними въ домашнихъ, такъ сказать, т. е. не публичныхъ занятіяхъ литературою. Потомъ это участіе перешло хотя мало и не замѣтно уже въ журналы, въ которыхъ участвовали нѣкоторые изъ друзей Майковыхъ. И Гончаровъ перевелъ и передѣлалъ съ иностранныхъ языковъ нѣсколько разнаго содержанія статей и помѣстилъ въ журналахъ безъ подписи имени [2]). Онъ писалъ, въ этомъ домашнемъ кругу, и повѣсти, также домашняго содержанія, т. е. такія, которыя относились къ частнымъ случаямъ или лицамъ, больше шуточнаго содержанія и ничѣмъ не замѣчательныя [3]).

---

[1]) Въ „В. Е.“ менѣе пространныя указанія на службу Гончарова.—Въ „Р. Х. Л.“ редакторъ прибавилъ одно предложеніе къ концу послѣдней фразы: „... перешелъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ должность цензора, *въ которой состоитъ и до сихъ поръ*“. Врядъ ли такое прибавленіе понравилось Гончарову, который не могъ терпѣть, какъ разсказывалъ намъ М. М. Стасюлевичъ, чтобъ ему напоминали о его цензорскихъ обязанностяхъ.

[2]) За неимѣніемъ положительныхъ доказательствъ, нельзя установить, какія анонимныя статьи главныхъ русскихъ журналовъ за тридцатые и сороковые годы принадлежатъ перу И. А. Гончарова.

[3]) „В. Е“: „Онъ сблизился съ нѣкоторыми домами, любившими литературу, и пробовалъ силы въ домашнихъ сборникахъ, составляемыхъ изъ сочиненій небольшого круга друзей“.—Въ „Р. Х. Л.“ пропущено весьма интересное указаніе для историка литературы: „... повѣсти... *которыя относились къ частнымъ случаямъ или лицамъ, больше шуточнаго содержанія*“; пропущено также характерное, очень скромное сужденіе Гончарова о своихъ первыхъ опытахъ: „ничѣмъ не замѣчательныя“.—Изъ Майковскихъ домашнихъ сборниковъ, на которые намекаетъ Гончаровъ, насколько намъ извѣстно, уцѣлѣли только два: „Подснѣжникъ“ и „Лунныя Ночи“. Гончаровъ не

Въ 1845 и 1846 году онъ написалъ романъ *Обыкнов[енная] исторія*[1]), который былъ помѣщенъ въ феврал[ьской] и мартов[ской] книжкахъ Современника 1847 года [2]). Въ 1848 году задумалъ планъ большаго романа *Обломовъ* и написалъ въ 1849 году первую часть, помѣстивъ главу (*Сонъ Обломова*) въ альманахъ, изданный при Современникѣ того же года. Въ промежуткѣ написалъ юмористическій очеркъ нравовъ изъ чиновничьяго круга (тогда это было въ ходу) подъ заглавіемъ *Иванъ Савичъ Поджабринъ* [3]), помѣщенный въ январьской книжкѣ Современника 1848 года. Продолженіе романа оставлено было до болѣе удобнаго времени. По возвращеніи изъ путешествія въ Японіи, Гончаровъ помѣстилъ въ теченіе трехъ лѣтъ почти всѣ главы путевыхъ своихъ записокъ по разнымъ журналамъ: (Морск[ой] Сборн[икъ], Отеч[ественныя] Зап[иски], Соврем[енникъ] Библ[іотека] д[ля] чт[енія] и Русск[ій] Вѣстникъ), а въ нынѣшнемъ году моск[овскій] книгопродавецъ Глазуновъ собралъ ихъ всѣ и издалъ, подъ заглавіемъ *Фрегатъ Паллада*, (со включеніемъ одной небольшой новой главы Гонъ-Конгъ) въ двухъ томахъ.

Въ 1857 году Гончаровъ ѣздилъ лечиться отъ послѣдствій усиленной работы и сидячей жизни за границу на Маріенбадскія воды и тамъ продолжалъ *Обломова*, а въ нынѣшнемъ году окончилъ его. Романъ въ настоящее время печатается въ Отеч[ественныхъ] Запискахъ и долженъ быть конченъ въ апрѣльской книжкѣ" [4]).

16 декабря 1858 г. И. Гончаровъ.

принималъ участія въ составленіи перваго сборника; во второмъ же находится его первый разсказъ „Счастливая Ошибка", герой котораго, молодой Егоръ Петровичъ Адуевъ, представляетъ черты поразительнаго сходства съ героемъ „Обыкновенной Исторіи" Александромъ Ѳедоровичемъ Адуевымъ (ср. описаніе сборника „Лунныя Ночи" и анализъ повѣсти „Счастливая Ошибка" въ чешскомъ журналѣ „Časopis pro moderni filologii", v Praze 1911, I, стр. 106—111).

[1]) Это хронологическое данное отсутствуетъ въ „В. Е."—Заглавіе романа „Обыкновенная Исторія", такъ же какъ и остальныхъ произведеній Гончарова, подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Здѣсь память измѣнила Гончарову: „Обыкновенная Исторія" была напечатана въ мартовской и въ апрѣльской книжкахъ „Современника".

[3]) Здѣсь память опять, кажется, измѣнила Гончарову. Судя по его собственному свидѣтельству, можно сомнѣваться въ томъ, чтобы юмористическій очеркъ „Иванъ Савичъ Поджабринъ" былъ написанъ „*въ промежуткѣ*", т. е. между „Обыкновенной Исторіей" и первою частью „Обломова", ибо въ книжкѣ „Современника", въ которой онъ былъ въ первый разъ напечатанъ, онъ помѣченъ самимъ авторомъ, рядомъ съ его подписью, датою: 1842 г. (ср. „Современникъ", 1848, томъ VII, стр. 124).

[4]) „Р. Х. Л.": „Этотъ романъ напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" нынѣшняго года".

На полѣ рукописи находится еще слѣдующая фраза, безъ указанія на то мѣсто статьи, куда нужно было бы ее вставить.

„*Обыкн[овенная] исторія*“ вышла потомъ въ двухъ изданіяхъ, одно въ 1848 или 1849 годахъ; другое въ нынѣшнемъ году (1858) въ 2-хъ томахъ издано моск[овскимъ] книгопрод[авцемъ] А. И. Глазуновымъ. *Иванъ Савичъ Поджабринъ* перепечатанъ былъ однажды въ *Легкомъ Чтеніи*“.

II. Увольненіе И. А. Гончарова изъ Московскаго Коммерческаго Училища.

„1822 года іюля 8 числа отправленъ Ваничка въ Москву, а опредѣлился въ коммерческое училище августа 6 дня“, записала Авдотья Матвѣевна Гончарова въ семейный лѣтописецъ, который хранится въ музеѣ Симбирской Архивной Комиссіи. Иванъ Александровичъ засталъ тамъ своего брата Николая, который былъ въ томъ же училищѣ (Императорское Коммерческое Училище на Остоженкѣ) съ начала 1820 г. [1]). Кромѣ указаній на юношескія чтенія, находящихся въ двухъ его автобіографіяхъ [2]), до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній о годахъ ученія Гончарова. Извѣстно только, благодаря любезно сообщенной намъ, по нашей просьбѣ, нынѣшнимъ директоромъ училища выпискѣ изъ журнала засѣданій совѣта училища отъ 13 сентября 1830 г., что онъ, по прошенію матери, былъ уволенъ изъ училища въ началѣ учебнаго года 1830—1831 по причинѣ „разстройства коммерческихъ дѣлъ“ своей семьи [3]):

„1830-го года Сентября 13 дня. Въ Субботу. Въ Совѣтъ Московскаго Коммерческаго Училища прибыли Господа: Градскій Глава Мазуринъ, Непремѣнный Почетный Членъ и Кавалеръ Куманинъ, Помощникъ Градскаго Главы и Экономъ Спиридоновъ, Почетные Члены: Коммерціи Совѣтники: Москвинъ и Петровъ, Селивановскій и Куманинъ, да Директоръ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Каменецкій, по полуночи въ 9-ть часовъ.

---

[1]) Ср. отрывки семейнаго лѣтописца, изданные М. Ѳ. Суперанскимъ въ „Вѣстникѣ Европы“, 1907 г., кн. 2, стр. 576—577.

[2]) Ср. выше, стр. 37.

[3]) Отецъ Гончарова, Александръ Ивановичъ, по воспоминаніямъ Александра Николаевича Гончарова, „занимался хлѣбной торговлей“ и „имѣлъ амбары для ссыпки хлѣба въ Симбирскѣ, подъ горой на берегу Волги“. По другимъ извѣстіямъ, у него былъ еще въ Симбирскѣ свѣчной заводъ, („Вѣстникъ Европы“, 1908 г. кн. 11, стр. 24). Неизвѣстно, какія были, послѣ его смерти (10 сентября 1819 г.), „коммерческія дѣла“ его вдовы.

Слушавъ присланное въ сей Совѣтъ отъ Симбирской купеческой вдовы Авдотьи Матвѣевой Гончаровой прошеніе, въ которомъ прописываетъ, что въ Августѣ 1822 года записанъ былъ въ число полныхъ пансіонеровъ сего Училища сынъ ея Иванъ, который по трудной болѣзни брата своего Николая, обучавшагося также въ семъ Училищѣ, долженъ безотлучно находиться при немъ; а какъ окончанія сей болѣзни предвидѣть невозможно, да и по разстройству коммерческихъ дѣлъ ея, Гончаровой, она не въ состояніи будучи продолжать платы пансіонныхъ денегъ за сына своего Ивана Гончарова, проситъ Совѣтъ уволить его изъ Училища и изключивъ изъ списка пансіонеровъ снабдить его объ ученіи и поведеніи надлежащимъ свидѣтельствомъ.

По справкѣ съ дѣлами Совѣта оказалось, что сынъ умершаго Симбирскаго купца Александра Иванова Гончарова Иванъ въ Августѣ 1822 года, записанъ былъ въ число полныхъ пансіонеровъ сего Училища, и продолжалъ въ ономъ ученіе по 26-е іюня сего года, и деньги за обученіе и содержаніе его по 22-е іюля сего жъ года получены. Положили: На основаніи 5-й статьи Высочайше утвержденнаго объ Училищѣ плана и по уваженію причинъ, изложенныхъ въ прошеніи, Симбирской купеческой вдовы Гончаровой, сына ея Ивана Гончарова изъ числа полныхъ пансіонеровъ сего Училища уволить, изъ списковъ изключить, объ ученіи и поведеніи снабдить надлежащимъ свидѣтельствомъ [1]).

Подлинный подписали: Алексѣй Мазуринъ, Константинъ Куманинъ, Христоforъ Спиридоновъ, Александръ Москвинъ, Андрей Петровъ, Семенъ Селивановскій, Александръ Куманинъ, Директоръ Титъ Каменецкій. Секретарь Совѣта Никита Гольтеповъ".

III. Поступленіе И. А. Гончарова въ Департаментъ Внѣшней Торговли.

Вслѣдствіе шумныхъ приключеній, симбирскій гражданскій губернаторъ Александръ Михайловичъ Загряжскій, при которомъ И. А. Гончаровъ исполнялъ, хотя и неоффиціально, должность чиновника особыхъ порученій, былъ уволенъ и вызванъ въ Петербургъ 5-го марта 1835 г. [2]). Съ цѣлью поступить на службу Гончаровъ

[1]) Это свидѣтельство находится въ Архивѣ Московскаго Университета („Историческій Вѣстникъ", 1906, кн. 9, стр. 885, статья Д. Языкова).

[2]) Разсказъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ А. М. Загряжскій былъ уволенъ отъ губернаторской должности, находится въ опубликованныхъ въ „Русской Старинѣ" (1878, т. XXIII, стр. 647—654) воспоминаніяхъ Е. И. Стогова. Дата увольненія Загряжскаго указана въ его формулярномъ спискѣ, хранящемся въ Архивѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

поѣхалъ туда же и, нѣсколько недѣль спустя, подалъ прошеніе въ Департаментъ Внѣшней Торговли „объ опредѣленіи въ оный". Прошеніе, къ которому были приложены свидѣтельства о рожденіи и крещеніи и подлинный аттестатъ, выданный изъ московскаго университета, было помѣчено „мая... дня 1835 года". Подписавшійся „дѣйствительный студентъ Гончаровъ" забылъ прибавить число мѣсяца на заранѣе составленномъ имъ прошеніи и, поэтому, на верху листа написано чужою рукою, крупнымъ шрифтомъ, какъ будто съ намѣреніемъ подчеркнуть разсѣянность молодого человѣка: *„15-го мая 1835 г."*.

Свидѣтельства о рожденіи и крещеніи Гончарова гласятъ слѣдующее:

„По указу Его Императорскаго Величества, изъ Казанской Духовной Консисторіи, умершаго Симбирскаго купца Александра Иванова сына Гончарова женѣ вдовѣ Авдотьѣ Матвѣевой, дано сіе свидѣтельство по резолюціи Его Высокопреосвященства Филарета, Архіепископа Казанскаго и Симбирскаго и Кавалера, въ слѣдствіе прошенія съ Гончаровой, въ томъ, что по метрическимъ за тысяча восемь сотъ двѣнадцатый годъ книгамъ поданнымъ отъ Священноцерковнослужителей Симбирской Вознѣсенской церкви, въ записаніи въ числѣ рожденныхъ подъ № 42-мъ значится такъ: „іюля шестаго числа [1]) у Симбирскаго купца Александра Ивановича Гончарова родился сынъ Иванъ, крещенъ одиннадцатаго числа, воспріемникомъ былъ Надворный Совѣтникъ Николай Николаевъ сынъ Трегубовъ, молитвовалъ и крестилъ приходскій Священникъ Михайлъ Байдеряковскій, при крещеніи были: Діаконъ Александръ Ивановъ, Дьячекъ Петръ Зиновьевъ и Пономарь Сергій Андрѣяновъ". Сіе свидѣтельство выдается ей Гончаровой на предметъ опредѣленія означеннаго сына ея Ивана въ Университетъ или въ какую-либо Государственную службу; въ другихъ же случаяхъ по производящимся дѣламъ Свидѣтельство сіе силы и дѣйствія, по указу 1809-го года іюня 8-го дня, имѣть не можетъ. Августа 15-го дня 1831-го года. Въ семъ свидѣтельствѣ почистокъ и поправокъ нѣтъ.

Протоіерей Іоаннъ Ястребовъ.

Секретарь Андрей Стефанскій [2]).

У сего свидѣтельства Его Императорскаго Величества Казанской духовной Консисторіи печать

Въ должности повытчика Саблуковъ".

---

[1]) Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что *„іюля"* представляетъ собою весьма обычную ошибку вмѣсто *„іюня"* (ср. въ свидѣтельствѣ о крещеніи: *„іюня"*).

[2]) Трудно разборчивая подпись: кажется, Стефанскій.

„1822 года маія 16-го дня мы нижеподписавшіеся симъ свидѣтельствуемъ, что Иванъ Александровъ Гончаровъ законный сынъ покойнаго купца Александры [1]) Иванова Гончарова, дѣйствительно родился тысяча восемьсотъ двѣнадцатаго года іюня шестого дня въ городѣ Симбирскѣ, гдѣ и крещенъ [въ] [2]) церкви Вознесенія Господня священникомъ Михайломъ Афанасьевымъ Бадеряковскимъ; а при крещеніи были воспріемникомъ: Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Николай Николаевичъ сынъ Трегубовъ; а воспріемницею купечествующая вдова Дарья Михайлова Косолапова.—Вознесенскій священникъ Михаилъ Бадеряковскій; Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Трегубовъ".

Три дня спустя, 18-го мая 1835 г., „въ слѣдствіе прошенія дѣйствительнаго студента Ивана Александровича Гончарова... Директоръ Департамента Внѣшней Торговли приказалъ опредѣлить его, Гончарова, въ число канцелярскихъ чиновниковъ сего Департамента... на средній окладъ жалованья".

Немедленно по назначеніи молодому канцелярскому чиновнику пришлось пострадать за свою неопытность, о чемъ и свидѣтельствуетъ слѣдующая бумага:

6 іюня 1835 г.

„Въ Департаментъ Внѣшней Торговли.

Въ исполненіе предписанія сего Департамента отъ 23-го маія за № 8519 взысканные съ опредѣленнаго въ оный Департаментъ дѣйствительнаго студента Гончарова за употребленную въ Департаментѣ по сему дѣлу вмѣсто гербовой простую бумагу шесть рублей, сего числа по кассовой книгѣ записаны въ приходъ подъ № 955, о чемъ Департаменту имѣю честь донести, представляя при семъ присяжный листъ по коему Гончаровъ приведенъ къ присягѣ.

Экзекуторъ правящій должность казначея Грозновъ".

При этой же бумагѣ находится собственноручное „объявленіе" И. А. Гончарова, безъ указанія года ни мѣсяца, такого содержанія:

„Я нижеподписавшійся объявляю, что я не принадлежу ни къ какимъ ложамъ масонскимъ, или инымъ тайнымъ обществамъ, внутри Имперіи или внѣ ея существовать могущимъ, и что я и впредь принадлежать отнынѣ не буду.

Губернскій секретарь Гончаровъ" [3]).

---

[1]) Такъ въ рукописи.

[2]) Пропущенное писаремъ *въ* было здѣсь возстановлено.

[3]) „Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова, Воспоминанія, II, На родинѣ", изд. Маркса, 1899, Спб., томъ XII, стр. 70: „я помню, что съ насъ, сту-

Таковы единственные слѣды, сохранившіеся въ Архивѣ Департамента Внѣшней Торговли о первыхъ шагахъ служебной карьеры И. А. Гончарова [1]).

IV. По поводу заглавія романа „Обыкновенная Исторія".

Въ LVIII-мъ и LIX-мъ томахъ „Отечественныхъ Записокъ" 1848 г. былъ напечатанъ переводъ нѣкогда знаменитаго романа англійской писательницы миссисъ Инчбальдъ „Simple Story" [2]). Переводчикъ предполагалъ сначала назвать этотъ романъ „Обыкновенной Исторіей", но вслѣдствіе письма Гончарова къ А. А. Краевскому отъ 12-го мая 1848 г. [3]) онъ принялъ окончательно заглавіе „Простая Исторія", подъ которымъ переводъ и появился въ печати [4]). Приводимъ здѣсь цѣликомъ письмо Гончарова:

Милостивый Государь
Андрей Александровичъ,

Вчера я случайно узналъ, что Вы хотите назвать романъ миссъ Инчбальдъ, переводимый въ Отеч[ественныхъ] Запис[кахъ], *Обыкновенной Исторіей*. Такое заглавіе мнѣ кажется не удобнымъ, какъ для меня, такъ и для Вашего журнала: для меня потому, что довольно и одинокихъ заглавій, чтобъ подать поводъ къ нелѣпому сравненію обоихъ романовъ, при чемъ выводъ окажется конечно не въ мою

дентовъ, при вступленіи въ университетъ, отбиралась подписка „въ непринадлежности къ тайнымъ обществамъ". Эта мудрая мѣра производила одно дѣйствіе: тѣмъ, кто изъ молодежи и во снѣ не видали никакихъ тайныхъ обществъ, этимъ давалось о нихъ понятіе—и только. Принадлежавшимъ же къ этимъ обществамъ—если были такіе—она, я полагаю, преградою не служила". Если Гончаровъ не спуталъ поступленіе въ университетъ съ поступленіемъ на службу, надо предположить, что ему пришлось объявить два раза о своей непринадлежности къ тайнымъ обществамъ.

[1]) Архивъ Департамента Таможенныхъ Сборовъ, № 1367, дѣло начатое 15 мая 1835 г.

[2]) Elizabeth Simpson Inchbald (1753—1821) была актриса и между тѣмъ написала двѣ повѣсти (A simple Story, 1791; Nature and Art, 1796) и многочисленныя драматическія произведенія (The british Theatre, 1806—1809; Modern Theatre, 1809; Farces, 1809). Ея „Простая Исторія" переведена на главные европейскіе языки.

[3]) Это письмо принадлежитъ къ собранію писемъ А. А. Краевскаго, пожертвованному въ Императорскую Публичную Библіотеку В. А. Бильбасовымъ. Ср. „Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки" за 1889 г., Спб., 1893, стр. 224. и „Приложеніе" къ этому отчету, стр. 4.

[4]) „Отечественныя Записки", 1848, т. LVIII, отд. 4, стр. 125—234, т. LIX, отд. I, стр. 129—232.

пользу: романъ миссъ Инчбальдъ несравненно выше моего. Для чего же давать возможность ставить на одну доску два сочиненія, совершенно различныя по достоинству и содержанію, во вредъ одного изъ нихъ, когда можно избѣжать этого? И такъ уже, при выходѣ моего романа, нѣкоторые, основываясь только на сходствѣ заглавій, говорили, что я перевелъ свое сочиненіе съ англійскаго: чего же нельзя ожидать отъ такихъ судей? Для Васъ можетъ быть не выгодно бы было назвать *Обыкновенной Простую исторію* [1]), потому что Васъ стали бы, еще пожалуй печатно, упрекать въ присвоеніи, изъ какихъ-нибудь особенныхъ видовъ, печатаемому у Васъ роману заглавія другого сочиненія, которое имѣло успѣхъ. Наконецъ могутъ упрекнуть Васъ, и весьма основательно, еще и въ невѣрности перевода заглавія: по англійски эта книга называется *Simple Story* [2])—простая исторія т. е. исторія не сложная, не запутанная, безъ эффектовъ и нечаянностей, какова она и есть, но отнюдь не безъ особенностей, какъ въ идеѣ, такъ и въ характерѣ дѣйств[ующихъ] лицъ, слѣдовательно уже и не *обыкновенная* [1]); тогда какъ *обыкновенная исторія* [1]) значитъ исторія—*такъ по большой части случающаяся* [1]), какъ написано.

По всѣмъ этимъ уваженіямъ, я бы покорнѣйше просилъ Васъ замѣнить заглавіе *Обык[новенная] Ист[орія]* [1]) тѣмъ, которое принадлежитъ роману миссъ Инчбальдъ, въ подлинникѣ, т. е. *Простая Исторія* [1]). Будучи увѣренъ, что Вы не приписываете никакой важности тому или другому заглавію, я надѣюсь, что исполненіе моей просьбы не будетъ для Васъ затруднительно.

Прошу Васъ принять увѣреніе въ моемъ постоянномъ уваженіи и преданности.

Гончаровъ.

12-го мая 1848 г.

V. Литературныя занятія И. А. Гончарова въ Симбирскѣ въ 1849 году.

Съ 15-го іюля 1849 г., И. А. Гончаровъ былъ въ отпускѣ у своихъ въ родномъ городѣ Симбирскѣ, сначала на 29 дней и потомъ съ отсрочкой на три мѣсяца [3]). Къ этому времени относятся воспоми-

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.—Замѣтимъ, по поводу этого объясненія Гончаровымъ заглавія „Обыкновенной Исторіи“, что французскій переводчикъ этого романа Гальперинъ-Каминскій передалъ невѣрно заглавіе словами „Simple Histoire“. Не можетъ быть перевода, въ данномъ случаѣ, вѣрнѣе буквальнаго: „Histoire ordinaire“. Ср. англійскій и нѣмецкій переводы „A common Story“ и „Eine alltägliche Geschichte“.

[3]) Формулярный списокъ И. А. Гончарова. (Архивъ Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати).

нанія симбирскаго старожила Г. Н. Потанина [1]), которыя, несмотря на отсутствіе удовлетворительной точности фактическихъ данныхъ [2]), даютъ, по крайней мѣрѣ, живое представленіе о тогдашнемъ, только что увѣнчанномъ успѣхомъ авторѣ „Обыкновенной исторіи". Къ этому же времени относятся и нѣкоторыя указанія самого Гончарова, на ходъ его литературныхъ занятій и въ особенности слѣдующія строки: „Тутъ толпой хлынули ко мнѣ старыя, знакомыя лица, я увидѣлъ еще не отжившій патріархальный бытъ, и вмѣстѣ новые побѣги, смѣсь молодого со старымъ. Сады, Волга, обрывы Поволжья, родной воздухъ, воспоминанія дѣтства—все это залегло мнѣ въ голову и почти мѣшало кончить „Обломова", котораго написана была первая часть, а остальныя гнѣздились въ головѣ. Я унесъ новый романъ, возилъ его вокругъ свѣта въ головѣ и въ программѣ, небрежно написанной на клочкахъ—и говорилъ, разсказывалъ, читалъ вслухъ всѣмъ кому попало, радуясь своему запасу [3])".

Цѣннымъ дополненіемъ къ этимъ двумъ источникамъ служитъ письмо Гончарова къ редактору „Отечественныхъ Записокъ" А. А. Краевскому отъ 25-го сентября 1849 г. [4]). Это письмо заключаетъ въ себѣ новыя біографическія данныя и свидѣтельствуетъ о медленности процесса творчества у Гончарова, объ его взыскательности къ самому себѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о нѣкоторой его преждевременной апатіи даже по отношенію къ добровольнымъ авторскимъ обязанностямъ:

Милостивый Государь
Андрей Александровичъ,

Вы вѣроятно до сихъ поръ считали меня пропавшимъ безъ вѣсти; шлю теперь позднюю вѣсть о себѣ, но къ несчастію только *вѣсть*, а не *повѣсть* [5]). Чувствую, какъ виноватъ передъ Вами, тѣмъ болѣе, что причины, которыя могу привести въ свое оправданіе,

[1]) „Историческій Вѣстникъ", 1903, кн. 4, стр. 99—125.

[2]) Ср. напримѣръ неточности, на которыя указалъ М. Ѳ. Супранскій въ „Вѣстникѣ Европы", 1907, кн. 2. стр. 578 — 579, и 1908, кн. 11. стр. 22, зам. 2. Кстати замѣтимъ еще, что, будучи студентомъ въ Москвѣ (1831—1834), Гончаровъ не могъ писать своему брату восторженныхъ писемъ о Les Mystères de Paris Евгенія Сю, которые появились только въ 1842-мъ году („Историческій Вѣстникъ", 1903, кн. 4, стр. 105).

[3]) „Полное собраніе сочиненій. Лучше поздно чѣмъ никогда", изд. Маркса, Спб., 1899, т. I, стр. 38.

[4]) Это письмо находится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

[5]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

всякому другому, кромѣ меня, покажутся, пожалуй, неуважительными. Кому нужда знать, что я не могу воспользоваться всякимъ свободнымъ днемъ и часомъ, что у меня *вещь вырабатывается въ головѣ медленно и тяжело*, что наконецъ, *особенно съ лѣтами, рѣже и рѣже приходитъ охота писать*[1]) и что безъ этой охоты никогда ничего не напишешь? Ѣдучи сюда, я думалъ, что тишина и свободное время дадутъ мнѣ возможность продолжать начатый и извѣстный Вамъ трудъ[2]). Оно бы вѣроятно такъ и было, еслибъ можно было продолжать. Но, прочитавши внимательно написанное, я увидалъ, что все это до крайности пошло, что я не такъ взялся за предметъ, что одно надо измѣнить, другое выпустить, что словомъ работа эта никуда почти не годится. Моя поѣздка и всѣ пріобрѣтенныя въ ней впечатлѣнія дали мнѣ много матеріяла[3]) на другой разсказъ: но все это пока матеріялъ, который еще не убродился въ головѣ и что изъ него выйдетъ, я хорошенько и самъ не знаю[4]).

Вотъ въ какомъ печальномъ положеніи нахожусь я теперь. Я бы давно написалъ Вамъ объ этомъ, но все надѣялся, что успѣю что-нибудь сдѣлать. Я запирался въ своей комнатѣ, садился каждое утро за работу, но все выходило длинно, тяжело, необработанно, все въ видѣ матеріяла. А дни все шли да шли и наконецъ пришли къ тому, что послѣ завтра я ѣду въ Петербургъ и не везу съ собой ничего, кромѣ сомнительной надежды на будущіе труды, сомнительной потому, что въ Петербургѣ опять не буду свободенъ по утрамъ, и что наконецъ *боюсь, не потерялъ ли я въ самомъ дѣлѣ отъ старости*[5]) *всякую способность писать*[1]).

Впрочемъ, чтобъ сколько-нибудь очистить свою совѣсть передъ Вами, я готовъ, если Вы пожелаете, пожертвовать къ Новому Году началомъ своего романа, какъ оно ни дурно; но въ такомъ случаѣ продолжать его уже не стану, потому что для продолженія нужно и начало другое[6]).

Во всякомъ случаѣ, помня взятое на себя противъ Васъ обязательство—представить къ Новому Году, или рукопись, или обратно

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Несомнѣнно романъ „Обломовъ“.

[3]) Такъ въ подлинникѣ.

[4]) Ср. вышеупомянутое мѣсто изъ „Воспоминаній“: „Сады, Волга, обрывы Поволжья, родной воздухъ, воспоминанія дѣтства—все это залегло мнѣ въ голову и почти *мѣшало кончить Обломова...*“

[5]) Гончарову было тогда тридцать семь лѣтъ.

[6]) Ср. выше, стр. 40, „автобіографію „Русскаго Художественнаго Листка“: „Продолженіе романа *оставлено было* до болѣе удобнаго времени“.

мзду [1]), я продалъ часть своей небольшой собственности и не замедлю по пріѣздѣ вручить Вамъ долгъ [2]). Я даже думалъ послать деньги впередъ себя, чтобы пощадить себя отъ неизбѣжнаго при свиданіи съ Вами смущенія, и потомъ явиться не иначе какъ съ рукописью, или вовсе не явиться. Можетъ быть такъ и сдѣлаю. А въ наказаніе за трехмѣсячную продержку наложите на меня сообразно съ божескими и человѣческими законами эпитимію и да буду предъ Вами чистъ и неповиненъ.

Завтра я выѣзжаю въ деревню къ сестрѣ, гдѣ пробуду сутокъ двое, да дня три или четыре въ Москвѣ, а къ 15-му октября надѣюсь быть въ Петербургѣ.

Будьте увѣрены въ моемъ искреннемъ уваженіи, преданности и желаніи быть Вамъ полезнымъ.

Иванъ Гончаровъ.

Возьмите на себя трудъ передать мой усердный поклонъ Лизаветѣ Яковлевнѣ [3]) и Дудышкину [4]): послѣднему я бы написалъ давно, да не зналъ куда адресовать. Въ Москвѣ [5]) одинъ молодой авторъ читалъ мнѣ прекрасную комедію; я хлопоталъ о ней для Вашего журнала, а онъ хочетъ отдать ее на тамошній театръ. Какъ пріѣду въ Москву, буду опять хлопотать [6]).

Симбирскъ, 25 сентября 1849.

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Денежныя обстоятельства И. А. Гончарова не были, на первыхъ порахъ, такъ благопріятны, какъ предполагаютъ до сихъ поръ многіе изъ біографовъ. Кромѣ займа у Краевскаго въ видѣ заранѣе уплаченнаго гонорара, извѣстенъ еще заемъ у брата двухъ тысячъ рублей на кругосвѣтное плаваніе („Вѣстникъ Европы“, 1908, кн. 11. стр. 33), на которое онъ получилъ пособіе отъ Департамента Внѣшней Торговли въ тысячу рублей (Архивъ Департамента Внѣшней Торговли, дѣло 5099). Въ письмѣ къ своей сестрѣ Музалевской отъ 21 сентября 1861 г. онъ вспоминаетъ *„щель въ какой жилъ прежде“* („Вѣстникъ Европы“, 1908, кн. 12, стр. 424).

[3]) Лизавета Яковлевна Краевская, жена А. А. Краевскаго.

[4]) И. А. Гончаровъ былъ довольно близко знакомъ съ С. С. Дудышкинымъ. Ср. статью А. В. Старческаго въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, 1886, кн. 3, стр. 360—386: „Одинъ изъ забытыхъ журналистовъ“.

[5]) Въ Москвѣ, т. е. когда Гончаровъ былъ проѣздомъ въ Москвѣ по дорогѣ въ Симбирскъ.

[6]) Не былъ ли этотъ молодой авторъ Александръ Николаевичъ Островскій? Не была ли эта комедія „Банкротъ“, т. е. первый набросокъ комедіи „Свои люди—сочтемся“, которую Островскій читалъ въ Москвѣ всю зиму 1849 г., то у Погодина, то у гр. Ростопчиной, то у кн. Мещерскихъ, у Шереметьевыхъ и др.? (Русскій Біографическій Словарь, Спб., 1905, стр. 426, статья Б. В. Варнеке объ Островскомъ). Это очень соблазнительная догадка, но, за неимѣніемъ другихъ свидѣтельствъ о возможности этого перваго

VI. И. А. Гончаровъ въ Сибири въ 1854—55 годахъ.

Два года плаванія не то что утомили Гончарова, а утолили вполнѣ его жажду путешествія. Ему хотѣлось „домой, въ свой обычный кругъ лицъ, занятій и образа жизни". Онъ намекнулъ адмиралу Путятину о своемъ желаніи воротиться: тотъ сначала отказалъ ему, но наконецъ, послѣ нѣсколькихъ разговоровъ „сжалился":—„Богъ съ вами, поѣзжайте, сказалъ онъ Гончарову: я знаю, что здѣсь вамъ скучно будетъ теперь". Гончаровъ не заставилъ повторять себѣ этого приглашенія, и „ни одну бумагу, въ качествѣ секретаря, не писалъ такъ усердно, какъ предписаніе себѣ самому, отъ адмирала, слѣдовать до С.-Петербурга" [1])...

По поводу отъѣзда И. А. Гончарова, адмиралъ Евѳимъ Васильевичъ Путятинъ, 27-го іюля 1854 г., писалъ Морскому Министру, между прочимъ, слѣдующее:

„... Я счелъ болѣе сообразнымъ съ обстоятельствами предоставить командированному, по Высочайшему повелѣнію, въ должность секретаря при мнѣ, Столоначальнику Департамента Внѣшней Торговли Коллежскому Ассесору Гончарову, отправиться, сухимъ путемъ черезъ Сибирь, въ С.-Петербургъ, къ мѣсту его настоящаго служенія, ибо не предвижу нынѣ здѣсь почти никакой переписки, и вообще занятій, до должности секретаря относящихся.

Доводя о семъ до свѣдѣнія Вашего Превосходительства, я не могу не выразить вновь моей благодарности за благосклонное ходатайство Ваше о назначеніи г. Гончарова въ экспедицію. Онъ, до конца пребыванія своего при мнѣ, отличался тою же дѣятельностью и усердіемъ, о которыхъ я уже свидѣтельствовалъ въ препровожденномъ къ Вамъ, съ Лейтенантомъ Кроуномъ [2]), представленіи моемъ отъ 4/16 декабря прошлаго года, за № 134. Къ изложеннымъ тамъ отзывамъ моимъ о Г. Гончаровѣ, съ удовольствіемъ прибавлю, что онъ, по своимъ способностямъ и образованію, весьма

знакомства Гончарова съ Островскимъ—лишь простая догадка. Впослѣдствіи оба писателя были коллегами по „Современнику", и въ 1860 г. Гончаровъ написалъ, по порученію Академіи Наукъ, весьма похвальную рецензію о „Грозѣ".

[1]) „Черезъ двадцать лѣтъ", изд. Маркса, т. VII, стр. 255.

[2]) „Не предвидя на долгое время возможности сноситься съ С.-Петербургомъ, я счелъ за нужное отправить въ началѣ декабря лейтенанта Кроуна курьеромъ, чрезъ Гонъ-Конгъ и Остъ-Индію"... („Морской Сборникъ", 1856, т. XXIV, стр. 56 „Всеподданнѣйшій отчетъ генералъ-адъютанта графа Путятина о плаваніи отряда военныхъ судовъ нашихъ въ Японію и Китай, 1852—1855 годъ").

полезенъ для службы и я смѣло могу рекомендовать его Вашему Превосходительству для исполненія всякаго рода важныхъ порученій [1])...

27 іюля 1854 года, Фрегадъ Паллада,
Амурскій лиманъ".

О своей поѣздкѣ черезъ Сибирь Гончаровъ подробно разсказалъ въ послѣднихъ главахъ „Фрегата Паллада [2])", въ статьѣ „Черезъ двадцать лѣтъ", вошедшей впослѣдствіи въ „Фрегатъ Палладу [3])" въ видѣ заключенія и, наконецъ, въ оставшейся до сихъ поръ внѣ полнаго собранія его сочиненій статьѣ „По Восточной Сибири [4])". Однако, читатель найдетъ еще кое-какія дополнительныя свѣдѣнія объ этой поѣздкѣ въ обоихъ слѣдующихъ письмахъ, изъ которыхъ одно написано изъ Якутска въ сентябрѣ 1854 г. (безъ указанія числа) А. А. Краевскому и второе изъ Иркутска, 31-го декабря 1854 г., якутскому губернатору Константину Никифоровичу Григорьеву [5]):

Якутскъ, сентября 1854 года.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій Андрей Александровичъ! По настоящему мнѣ бы не слѣдовало писать туда, куда ѣду самъ, а скорѣе писать назадъ, гдѣ былъ, въ Китай или Индію, но возвращеніе мое во свояси, ко всему отечественному, между прочимъ и къ запискамъ, совершается съ медленностью, истинно одиссеевскою, и между началомъ и концомъ этого возвращенія лежитъ треть года, двѣ трети полушарія и половина царства. Стало быть написать можно тѣмъ болѣе изъ Якутска, откуда Вы едва-ли отъ когонибудь и когда-нибудь получали письма. Медленность странствія моего происходитъ: частію и отъ употребительнаго здѣсь и тоже достойнаго гомеровской эпохи способа ѣзды, то верхомъ, то на лодкѣ, а индѣ пѣшкомъ, гдѣ нѣтъ ни земли, ни воды подъ ногами,

---

[1]) Архивъ Департамента Таможенныхъ Сборовъ, дѣло 5099 (ср. „Систематическій каталогъ по дѣламъ Департамента Внѣшней Торговли", Спб., 1877, стр. 555).

[2]) „Фрегатъ Паллада", т. II, гл. VII—IX, изд. Маркса, т. VII, стр. 142—252.

[3]) Статья „Черезъ двадцать лѣтъ" была сначала напечатана въ сборникѣ „Складчина" подъ заглавіемъ „Изъ воспоминаній и разсказовъ о морскомъ плаваніи", „Складчина", Спб. 1874, стр. 525—560.

[4]) „Русское Обозрѣніе", 1891. кн. 1, стр. 5—29.

[5]) Оба письма находятся въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки. Ср. „Отчетъ Императорской Библіотеки за 1889, Спб., 1893, стр. 224 (собраніе писемъ къ А. А. Краевскому), и за 1891, Спб., 1894, стр. 113. Второе письмо было передано въ Императорскую Публичную Библіотеку А. В. Григорьевымъ.—Константинъ Никифоровичъ Григорьевъ,

а есть своего рода пятая стихія, тундры т. е. мохъ, прикрывающій тину, воду, переплетшіеся корни деревьевъ и еще многое другое, о чемъ можетъ быть „не грезилось нашимъ геологамъ“, частію же отъ опухоли въ ногахъ, пріобрѣтенной мной не то въ лодкѣ, не то на лошади, среди болотъ, при легкихъ утреннихъ морозахъ, которые такъ полезны для рябины и другихъ плодовъ здѣшняго климата, и совсѣмъ безполезны для ногъ. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ меня пробыть въ столицѣ якутскаго царства долѣе, нежели нужно вообще и нежели я желалъ въ особенности. Если опухоль скоро не опадетъ то, пожалуй, придется сидѣть у берега и ждать буквально погоды зимней, когда станетъ Лена, а это можетъ случиться мѣсяца черезъ полтора. Берегомъ или, какъ здѣсь говорятъ, *горой* [1]) можно ѣхать, только всетаки верхомъ, другого способа нѣтъ, и не при однихъ только утреннихъ морозцахъ. Отъ нечего дѣлать я осматривалъ здѣшнюю столицу, въ ней много замѣчательнаго, есть и древности, напримѣръ остатки деревянной крѣпостной стѣны съ башнями и гостиный дворъ. Крѣпость построена казаками, за 200 лѣтъ, для защиты отъ набѣговъ якутовъ, которыхъ казаки сами же и притѣсняли. Твердыня очень тверда, топоръ не беретъ дерева, отъ чего оно и предпочитается здѣшними мѣщанами, при постройкѣ домовъ, всякому новому еловому и сосновому дереву, за которымъ еще надо ѣздить въ лѣсъ, тогда какъ это лежитъ готовое на площади. Губернаторъ велѣлъ однако огородить эту древность заборомъ, не противъ набѣговъ мѣщанъ и не изъ антикварскихъ побужденій, а потому что стѣны и башни клонятся все на сторону, между тѣмъ якутки ходятъ садиться въ тѣнь ея, за тѣмъ ли, чтобъ оплакивать свой Іерихонъ или съ другою болѣе практическою цѣлью, это я, въ своихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ, добиться не могъ. Гостиный дворъ, зданіе величественное, облѣзлое, выцвѣтшее, заплеванное, засморканное и зачиханное, что все придаетъ ему зеленовато-античный видъ. Его засморкало время, больше некому, купцовъ нѣтъ, они всѣ сидятъ дома и лавки отпираются, когда являются покупатели. Затѣмъ слѣдуютъ допотопныя древности, гребни и коробочки изъ мамонтовой кости, съ древними надписями на русскомъ языкѣ, видимыми еще и по нынѣ на фарфоровыхъ чашкахъ: „въ знакъ любве“ и т. п. Гребня я себѣ не купилъ: плохо сдѣланы, никакъ не расче-

---

бывшій оренбургскій вице-губернаторъ и костромской губернаторъ, состоялъ якутскимъ губернаторомъ отъ 1 ноября 1851 до 26 августа 1856 г. Гончаровъ въ статьѣ „По Восточной Сибири“ называетъ его Игорьевымъ („Русское Обозрѣніе“, 1891, кн. 1, стр. 5—29).

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

шешь волосъ... Есть еще здѣсь шесть церквей и сотни три четыре домовъ, все деревянные, кромѣ одного, и всѣ похожіе на домъ Бабы-Яги, не исключая и губернаторскаго. Вотъ и Якутскъ. Лена, говорятъ, прекрасна и широка, даже, говорятъ мнѣ, я живу на самомъ ея берегу. Не знаю; можетъ быть: я ея не видалъ, хотя даже переправился черезъ нее. Я вижу изъ окошекъ огромные луга, пески, болота и озера, но подъ этимъ всѣмъ мнѣ велятъ разумѣть Лену. Путешествіе мое по Якутской области, т. е. отъ Охотскаго моря до сихъ древнихъ стѣнъ, представило мнѣ нѣсколько замѣчательныхъ фактовъ. Майковы, если при свиданіи спросите ихъ, подробнѣе разскажутъ обо всемъ, между прочимъ и о томъ, какъ вступивъ на наши берега, я изъ путешественника вдругъ обратился только въ *проѣзжаго* [1]), потомъ какъ мы (съ товарищи) втроемъ совершили этотъ переѣздъ съ патріархальной трезвостью, достойной самого патера Mathew, по милости нашихъ слугъ, которые *пролили* [2]) весь запасъ господскаго вина и водки на *Джукджурѣ* [2]), Якутскомъ Монбланѣ [3]), а достать его было нельзя и отъ Аяна до Якутска пьяныхъ хоть шаромъ покати, не встрѣтишь ни одного; какъ далѣе, вязли въ болотахъ, карабкались надъ пропастями; терялись въ лѣсахъ и т. д. Всего замѣчательнѣе мнѣ показалось, что здѣсь якуты не учатся по-русски, а русскіе по-якутски говорятъ до непозволительной степени. Въ одной юртѣ вижу хорошенькую бѣленькую дѣвочку лѣтъ 11-ти, у которой скулы не похожи на оглобли и нѣтъ медвѣжьей шерсти на головѣ, вмѣсто волосъ, словомъ русскую. Спрашиваю какъ ее зовутъ: „Она не говоритъ по русски“ отвѣчаетъ Егоръ Петровъ Бушковъ, мѣщанинъ содержатель почтовыхъ лошадей, ея отецъ.—„Что такъ? Мать у ней якутка?“—„Никакъ нѣтъ: русская“.—„Отъ чего жъ она не говоритъ по-русски?“ Молчаніе. Далѣе Егоръ Петровичъ, везя меня, встрѣтилъ въ одной слободѣ съ лица русскаго человѣка и заговорилъ съ нимъ по-якутски. „Кто это? спросилъ я.—Братъ мой“.—Да онъ говоритъ по-русски?“—„Какъ же, онъ природный русскій!“—Зачѣмъ же Вы говорите по-якутски? Молчаніе. И всю дорогу вездѣ подобные

---

[1]) „Фрегатъ Паллада“, т. II, гл. VIII, изд. Маркса, т. VII, стр. 231: „Свѣтъ малъ, а Россія велика, говоритъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, пришедшій также кругомъ свѣта въ Сибирь. Правда. Между тѣмъ пріѣзжайте изъ Россіи въ Берлинъ, васъ сейчасъ произведутъ въ путешественники; а здѣсь изъѣздите пространство втрое больше Европы, и все-таки будете только *пріѣзжій*. Въ Россіи нѣтъ путешественниковъ, все проѣзжіе“...

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[3]) Гончаровъ разсказалъ о своемъ восхожденіи на Джукджуръ во „Фрегатѣ Паллада“, т. II, гл. VII, изд. Маркса, т. VII, стр. 160—163.

случаи. Станціонные смотрители, всѣ русскіе, говорятъ съ ямщиками по-якутски. Мало того; на одной станціи съѣхался я съ двумя чиновниками, такими же, какъ и мы всѣ, въ вицъ-мундирахъ. Мы размѣнялись поклонами и молча глядѣли другъ на друга. Одинъ изъ нихъ обратился къ ямщикамъ и на чистѣйшемъ якутскомъ діалектѣ отдалъ приказаніе, за нимъ другой тоже. Я такъ и ждалъ, что вдругъ они спросятъ меня: „parlez-vous yacouth?“ и чувствовалъ, что краснѣя отъ смущенія, отвѣтилъ бы какъ бывало въ дѣтствѣ „non, monsieur“, когда спрашивали „parlez-vous français?“ Здѣсь есть цѣлая русская слобода, Амгинская, на р. Амгѣ, гдѣ почти ни одинъ русскій не говоритъ т. е. не знаетъ по-русски, а все по-якутски [1]) Чего! недавно только дамы въ Якутскѣ, жены и дочери чиновниковъ перестали въ публичныхъ собраніяхъ говорить этимъ языкомъ. Вы, можетъ быть, подумаете, что все это такъ, анекдоты, литературный пріемъ à la Dumas: клянусь Вашей сѣдиной, все правда. Послѣдній случай я почерпнулъ изъ вѣрныхъ рукъ. Нетолько языкъ, даже начали перенимать обычай у якутовъ, отдавали дѣтей на воспитаніе якуткамъ, которыя прививали имъ свои нравы и многое другое, между прочимъ сифилисъ. Но теперь зло остановлено.

Вы конечно спросите, что я дѣлаю. Да теперь пока вотъ что: вчера и сегодня, напримѣръ, лежу, а не сижу, какъ Маниловъ на балконѣ, лежу въ полумракѣ, ноги натерты спиртомъ, и зудятъ до смерти. У меня нѣтъ желаній ни ѣхать впередъ 9.800 верстъ, ни назадъ 20.000 миль, опять по морямъ. Закроешь глаза, мерещится крупная надпись: *Очеркъ Исторіи Якутской области. Историческій опытъ въ 2-хъ частяхъ, И. Г., съ приложеніями, картами, литографическими снимками замѣчательнѣйшихъ рукописей, хранящихся въ Якутскомъ архивѣ* [2]), 1855 г., СПБ. Въ Типогр. Э. Праца; цѣна 5 р. сер. Вѣдь завлекательно! Въ перспективѣ рисуется академическій вѣнокъ, Демидовская премія, потомъ отличный разборъ Дудышкина въ От[ечественныхъ] Зап[искахъ], гдѣ я помѣщалъ прежде большой отрывокъ [3]) и взялъ съ Васъ неимовѣрное количество денегъ. Я ужъ говорилъ съ Преосв. Инокентіемъ [4]) и думалъ, не шутя, выманить

---

[1]) Ср. также „Фрегатъ Паллада“, гл. VII, изд. Маркса, стр. 182:—„Охъ, еще сильна у насъ страсть къ иностранному: не по-французски, не по-англійски, такъ хоть по-якутски пусть дѣти говорятъ“.

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ .

[3]) Этотъ отрывокъ принадлежитъ къ оставшимся до сихъ поръ анонимными статьямъ И. А. Гончарова. Ср. автобіографію, стр. 39.

[4]) Камчатскій, алеутскій и курильскій архіепископъ Иннокентій (въ мірѣ Иванъ Евсѣевичъ Веніаминовъ, 1797—1879), сдѣлавшійся впослѣдствіи мо-

что-нибудь для Васъ, но онъ человѣкъ такаго, какъ говоритъ нѣмецкій булочникъ Каратыгина [1]), *здороваго* [2]) ума, что у него не выманишь. Самъ онъ, какъ видно, трудится и надъ исторіей, и надъ языкомъ якутовъ, но если будетъ издавать, то осторожно, „потому что я въ этомъ случаѣ буду единственнымъ авторитетомъ, говоритъ Его Преосвященство, которому конечно повѣрятъ, слѣдовательно, надо говорить вѣрно, а вѣрнаго мало“. Есть еще здѣсь любитель древностей купецъ Москвинъ, съ которымъ увижусь. Ну, какъ они да на бѣду мою дадутъ мнѣ свѣдѣнія, источники: что я стану съ ними дѣлать? хуже чѣмъ Маниловъ съ своимъ мостомъ. Я цѣликомъ отошлю и отвезу къ Вамъ, а Вы дѣлайте, что хотите. Иногда я просматриваю свои путевыя тетради—какая нагая пустота! ни какой учености, нѣтъ даже статистическихъ данныхъ, цифръ, ничего. Ну какъ пошлешь что-нибудь къ Вамъ, и что? Вотъ на выдержку вынулся *Шанхай* [2]), нѣтъ, нельзя: тутъ много ипотезъ черезъ-чуръ смѣлыхъ, надо свѣрить съ какими-нибудь источниками, а я не могъ одолѣть даже о. Іоакинфа [3]), а ужъ онъ ли не весело пишетъ! *Сингапуръ*— [2]) тутъ много восторговъ: не по лѣтамъ. Ищу *Мадеры* [2]) (острова), но напрасно шарю рукой, я вспомнилъ, что она еще въ проэктѣ, какъ *Очеркъ исторіи Якутской области* [2]); Мысъ Д[оброй] Надежды—это цѣлая книга, съ претензіями на историческій взглядъ: надо повыкрасть кое-какихъ данныхъ изъ другихъ путешествій; *Анжеръ* [2]) на Явѣ—годится, да всего три страницы. *Манилла* [2])... вотъ Маниллу бы хорошо, она готова почти, да того, не переписана, а здѣсь писарей не видать, да и кто пойдетъ сюда въ писаря, когда вина такъ мало, а какъ и есть, такъ то проливается на горахъ? Вотъ къ Майковымъ если не полѣнюсь, такъ выпишу страницы двѣ о томъ, какъ мы

сковскимъ и коломенскимъ митрополитомъ. Объ немъ ср. „Фрегатъ Паллада“, кн. II, гл. VIII, и „Русское Обозрѣніе“, 1891, кн. 1, стр. 5—29. Біографія Иннокентія была написана Ив. Барсуковымъ: „Иннокентій, митрополитъ московскій и коломенскій, по сочиненіямъ, письмамъ и разсказамъ современниковъ“, Москва, 1883.

[1]) Гончаровъ намекаетъ тутъ на водевиль Петра Андреевича Каратыгина „*Булочная или петербургскій нѣмецъ*“, Спб., 1843, явленіе III, стр. 20 „... мнѣ надо отъ него совѣтъ достать, говоритъ булочникъ Клейстеръ, онъ человѣкъ *здороваго ума*“.

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[3]) Т. е. отецъ Іакинѳъ (Никита Яковлевичъ *Бичуринъ*), архимандритъ, извѣстный синологъ (1777—1853). Здѣсь Гончаровъ имѣетъ вѣроятно въ виду слѣдующіе его труды: „Китай, его жители, нравы, обычаи, просвѣщеніе“ (1840), „Статистическое описаніе Китайской Имперіи“ (1842), „Китай въ гражданскомъ и нравственномъ его состояніи“ (1848). Ср. въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“, Спб., 1897, стр. 153—155, біографію и научную оцѣнку о. Іакинѳа Н. Веселовскимъ.

изловили акулу, единственно потому, что они рыболовы. Если эта страница будетъ годиться въ печать, то тисните её пожалуй—куда-нибудь подальше въ *Смѣсь*, гдѣ тискаются разные подобнаго рода анекдоты изъ иностр[анныхъ] журналовъ, но только *безъ подписи имени*, conditio sine qua non. Совѣстно, слишкомъ ничтожно, да и въ смѣси подъ статьями не подписываются. О помѣщеніи же чего-нибудь побольше въ О[течественныхъ] З[аписках]ъ изъ моихъ записокъ мы потолкуемъ при свиданіи, если только пожелаете Вы. Благодарю Васъ за присылку выканюченнаго у Васъ Языковымъ экземпляра О[течественныхъ] З[аписокъ], но я ихъ, вмѣстѣ съ своими книгами, отдалъ одному изъ нашихъ новыхъ поселеній въ Татарск[омъ] проливѣ, гдѣ еще нѣтъ никакихъ записокъ. Приношеніе принято съ благодарностію.

Будьте здоровы и не забудьте искренно-преданнаго.

Гончаровъ.

С. С. Дудышкину зѣло кланяюсь: не пишу потому, что полагаю когда онъ будетъ у Васъ, Вы дадите ему прочесть это письмо, изъ котораго онъ и узритъ, что я, гдѣ и какъ. Домашнимъ Вашимъ, т. е. Елизаветѣ Яков[левнѣ] мое почтеніе, чадамъ тоже; на нихъ совѣтую положить мѣтки, какъ на бѣльѣ, чтобъ гости, въ томъ числѣ и я, могли узнавать, который Евгеній, который Александръ. Если у Васъ по прежнему бываютъ Заблоцкіе [1]), Милютины, Арапетовъ, Никитенко, всѣмъ имъ при случаѣ прошу напомнить обо мнѣ и кланяться. Если видитесь съ кн. Одоевскимъ и ему подвернется Соллогубъ [2]), и тому поклонитесь, наконецъ даже и Алексѣю Гр. Теплякову. Ужъ если будете кланяться Теплякову такъ почему же не поклониться и Элькану [3]).

Милостивый Государь
Константинъ Никифоровичъ,

Не могу уѣхать изъ Сибири, не засвидѣтельствовавъ Вашему Превосходительству еще разъ искренней благодарности за постоян-

[1]) Гончаровъ былъ знакомъ съ Заблоцкими уже давно по салону Майковыхъ. Ср. воспоминанія А. В. Старчевскаго въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, 1886, кн. 2, стр. 378.

[2]) Гр. В. А. Соллогубъ былъ собратомъ Гончарова по „Современнику“: драма „Мѣстничество“ и „Сонъ Обломова“ появились одновременно въ „Литературномъ Сборникѣ“, изданномъ редакціей „Современника“ въ 1849 г. Это сближеніе, впрочемъ, не помѣшало Гончарову высказаться, въ качествѣ цензора, въ 1867 г. противъ поставки на сцену драмы „Мѣстничество“ въ томъ видѣ, въ какомъ она была напечатана („Русская Старина“, 1911, кн. 3, стр. 478—480).

[3]) По всей вѣроятности: писатель Алексѣй Львовичъ Эльканъ.

ное радушіе, которымъ Вы заставляли меня забывать скуку двухъ мѣсячнаго пребыванія моего въ Якутскѣ. Вы лишили меня всякаго права жаловаться на Якутскъ въ какомъ бы то ни было отношеніи, начиная съ самаго города до границы области, т. е. до Каменской станціи включительно. Но за то съ Жербинской станціи начались мои дорожныя мученія: тамъ господствуетъ совершенная анархія, на которую я грозилъ пожаловаться Государю Императору, потомъ Генералъ-Губернатору, наконецъ самому исправнику. Только послѣдняя угроза и расшевелила ямщиковъ. Но окончательно подѣйствовали на нихъ волостные старшины, черезъ посредство которыхъ я только и могъ получить лошадей. До этой печальной станціи мы ѣхали цѣлымъ обществомъ и очень весело. Душею нашего общества былъ Павелъ Петровичъ Л... [1]), который переходилъ изъ экипажа въ экипажъ, но болѣе проводилъ время въ возкѣ К... [1]). Я думалъ, что онъ укрывается тамъ отъ жестокихъ морозовъ и находилъ это весьма естественнымъ, но когда онъ воротился отъ насъ назадъ, мужъ горько жаловался мнѣ, что Павелъ Петровичъ, сверхъ прямыхъ своихъ обязанностей, т. е. осмотра станцій, занимался дорогой, лежа въ возкѣ, еще тѣмъ, что ловилъ M-me К... за ноги. Они всѣ уѣхали отъ меня впередъ и я, прибывши на Жербинскую станцію, К... не засталъ, а нашелъ только одного Павла Петровича, выбритаго, расфранченнаго и съ лукавымъ выраженіемъ на лицѣ.

Могу ли просить покорнѣйше Ваше Превосходительство взять на себя трудъ выразить чувства моей признательности Его Преосвященству за его благосклонное ко мнѣ расположеніе, которымъ я такъ дорожу и которое постараюсь сохранить за собой и на будущее время? Не имѣя теперь достаточнаго повода, я не рѣшаюсь тревожить Владыку [2]), особымъ письмомъ, но какъ только представится удобный случай, я возьму на себя эту смѣлость.—Я не даромъ противился совѣтамъ Преосвященнаго на счетъ дороги: морозы созданы какъ будто не для меня, или ужъ я черезъ чуръ нагрѣлся въ тропикахъ, только я въ одной дохѣ [3]) сносилъ ихъ весьма равнодушно, ни разу не почувствовавъ нужды ни въ медвѣжьемъ одѣялѣ, ни въ мѣховыхъ горностаевыхъ панталонахъ, которыми совѣтовалъ запастись Его Преосвященство. И мнѣ остается пожалѣть, что не заказалъ себѣ такихъ панталонъ, развѣ только потому, что, по пріѣздѣ въ

---

[1]) Здѣсь указана нарочно лишь первая буква фамиліи, котсрая въ рукописи написана цѣликомъ.

[2]) Т. е. Иннокентій; см. выше, стр. 54, зам. 4.

[3]) Слово *доха* употребляется преимущественно въ восточной Сибири: оно обозначаетъ родъ просторной шубы изъ оленьяго мѣха (или изъ мѣха дикихъ козъ) шерстью вверхъ.

Петербургъ, нечего будетъ подарить дамамъ на шапки и на муфты.— Наледей я правда, видѣлъ много, но только больше у себя подъ носомъ. Сосульки, бахромой висѣвшіе на шапкѣ, капали оттуда на брови, съ бровей на носъ и подъ носомъ постоянно присутствовала глыба льда, отъ чего у меня и образовались двѣ шишки, одна въ носу, другая въ роту [1]), съ нестерпимою болью. Я, по милости ихъ, отчаявался уже видѣть Иркутскъ, но докторъ вылечилъ меня съ неимовѣрной быстротой: онъ приложилъ къ шишкамъ винную ягоду, а на другой день ткнулъ меня однимъ пальцемъ въ носъ, другимъ въ ротъ, шишки прорвались и я черезъ день былъ уже у Николая Николаевича, потомъ на балѣ въ Собраніи. Достопримѣчательностей Лены я почти не видалъ, т. е. знаменитыхъ *столбовъ* и *щекъ* [2]), потому что больше интересовался поверстными столбами и наблюдалъ за своими собственными щеками, стараясь уберечь ихъ отъ ознобовъ на рѣкѣ и отъ сучьевъ въ лѣсу и вообще отъ всякихъ подобныхъ путевыхъ впечатлѣній.

Морозы однакожъ мѣшали спать въ экипажѣ: если не закрываться, мерзнулъ носъ, закроешь лицо, того и гляди задохнешься. Вотъ отъ чего поневолѣ приходилось останавливаться ночью на нѣсколько часовъ для отдыха. Не мудрено послѣ этого, что путешествіе мое кончилось только 24-го декабря ночью. Два дня я просидѣлъ дома, а 27-го выѣхалъ. Въ тотъ день я обѣдалъ у Николая Николаевича [3]), а на другой день у К. К. Венцеля [4]). Мнѣ подтвердилось все, что Вы говорили мнѣ объ этомъ семействѣ. Добрѣе и радушнѣе людей найти трудно. Я передалъ имъ Вашъ поклонъ. Карлъ Карловичъ сказалъ, что онъ ожидалъ Васъ самихъ и что Вы обѣщали у него остановиться. Николай Николаевичъ встрѣтилъ меня также благосклонно и ласково, какъ и на устьяхъ Амура [5]), и вмѣсто того, чтобы гнать вонъ за неумѣренно-долгое пребываніе въ Якутскѣ, онъ, съ свойственною ему любезностію, приглашаетъ погостить.

[1]) Такъ въ рукописи.

[2]) „Въ верстахъ въ 250 ниже Киренска, между дер. Частинскою и Дубровскою, находятся такъ называемыя *Щеки* или крутые живописные утесы, возвышающіеся то на правомъ, то на лѣвомъ берегу Лены... Въ 180 верстахъ выше Якутска, противъ станціи Синей и Батамая, находятся самыя живописныя скалы всего теченія Лены, извѣстныя подъ именемъ *Ленскихъ столбовъ*“... (П. Семеновъ, „Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи“, т. III, Спб., 1867, подъ словомъ *Лена*, стр. 29—30).

[3]) Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Николай Николаевичъ Муравьевъ. Ср. „Русское Обозрѣніе“, 1891, кн. 1, стр. 23—25.

[4]) Иркутскій военный и гражданскій губернаторъ, генералъ Карлъ Карловичъ Венцель, „котораго очень хвалили всѣ, начиная съ генералъ-губернатора, за его мягкость, гуманность“... „Русское Обозрѣніе“, 1891, кн. I, стр. 28.

[5]) „Фрегатъ Паллада“, гл. VII, изд. Маркса, стр. 142—146.

Здѣсь всѣ ожидаютъ большого бала, который онъ собирается дать.

Я бы за пріятный трудъ счелъ сообщить Вамъ здѣшнія новости, но за долго впередъ до этого письма отправляются Г.г. Мартыновъ [1]) и князь Энгалычевъ [2]) курьерами, первый въ Камчатку, второй въ Аянъ: они конечно передадутъ Вамъ все. Къ сожалѣнію я не засталъ здѣсь ни Буссе [3]), ни Козакевича [4]), ни Волконскаго [5]), но за то имѣлъ удовольствіе познакомиться съ Г. Корсаковымъ [6]).

За тѣмъ имѣю честь, съ искреннимъ уваженіемъ и преданностію быть Вашего Превосходительства

покорнѣйшимъ слугою

И. Гончаровъ.

Кланяюсь усердно И. П. Антонову [7]) и Николаю Ивановичу: кончилась ли ихъ ссора? Исполнилъ ли Николай Ивановичъ мое порученіе поцаловать Дарью, мерячку [8])?

Иркутскъ.
31 декабря 1854.

---

[1]) Адъютантъ генералъ-губернатора восточной Сибири есаулъ Мартыновъ („Морской Сборникъ", 1856, т. XXIV, стр. 97, „Всеподданѣйшій отчетъ генералъ-адъютанта графа Путятина о плаваніи отряда военныхъ судовъ нашихъ въ Японію и Китай, 1852—1855 годъ").

[2]) Такъ въ рукописи, вмѣсто правильной орѳографіи: *Енгалычевъ*. О семьѣ Енгалычевыхъ ср. „Всемірная Иллюстрація", 1877, т. XVII, № 435, 437 и 439.

[3]) Генералъ Николай Васильевичъ Буссе (1828—1866), послѣ экспедиціи на островъ Сахалинъ (25 августа 1853 г.—19 мая 1854 г.), пробылъ нѣсколько времени въ Иркутскѣ и принималъ дѣятельное участіе въ экспедиціяхъ для присоединенія Амурскаго края („Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853—1854 г.г. Дневникъ Н. В. Буссе", Спб., 1872, предисловіе издателя, стр. 2). Впослѣдствіи, съ 1848 г. по 1866 г., въ качествѣ военнаго губернатора, онъ управлялъ Амурскою областью.

[4]) Вѣроятно, Петръ Васильевичъ Козакевичъ, о которомъ упоминаютъ баронъ Н. Г. Шиллингъ („Русскій Архивъ", 1892, кн. 5, стр. 137) и А. М. Линденъ („Русская Старина", 1905, кн. 4, стр. 123) въ своихъ путевыхъ запискахъ.

[5]) „Русское Обозрѣніе", 1891, кн. 1, стр. 26: „Я тогда не засталъ уже въ Иркутскѣ молодого князя Н. С Волконскаго".

[6]) Михаилъ Семеновичъ Корсаковъ состоялъ тогда чиновникомъ особыхъ порученій при Н. Н. Муравьевѣ. Снарядивъ экспедицію на рѣку Амуръ, въ которой самъ участвовалъ, онъ отбылъ въ Петербургъ для снаряженія второй амурской экспедиціи.

[7]) И. П. Антоновъ не фигурируетъ въ „Адресъ-Календарѣ" за 1854 г.: быть-можетъ, родственникъ иркутскаго Ф. Антонова, возражавшаго на статью Завалишина объ Амурѣ въ „Морскомъ Сборникѣ", т. XLVI, стр. 396—447.

[8]) *Мерячка* или, по сибирскому произношенію, *мирячка*: ж. р. слова мерекъ, сиб. мирякъ; кто мірячитъ, одержимъ мірячествомъ, т. е. припадочной

15-го января. Письмо залежалось до сихъ поръ. Я ѣду отсюда 15-го января. Унковскій [1]) пріѣхалъ: онъ въ восторгѣ отъ Васъ и отъ Якутска.

VI. И. А. Гончаровъ въ Маріенбадѣ лѣтомъ 1859 года.

Въ 1859 году Высочайшимъ Приказомъ отъ 9-го апрѣля № 15, И. А. Гончаровъ былъ уволенъ въ отпускъ за границу, по болѣзни, на четыре мѣсяца, съ 22 мая по 22 сентября 1859 г. [2]). Къ этой поѣздкѣ за границу и относится слѣдующее письмо къ А. А. Краевскому отъ 7/19 іюля 1859 г. изъ Маріенбада:

7/19 іюля 1859 г., Маріенбадъ.

Вотъ ужъ скоро полтора мѣсяца, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, какъ я разстался, а писать нечего, ибо сижу все въ Маріенбадѣ, самомъ красивомъ и самомъ скучномъ уголкѣ по образу жизни, по жителямъ, по образу леченія. Встаютъ въ пять часовъ (я въ семь), обѣдаютъ въ часъ (я въ четыре) и ложатся въ десять (я въ 12). Русскихъ, говорятъ, здѣсь около ста сорока человѣкъ: нѣкоторые скучны, другіе забавны, третьи невозможны даже у насъ, не только за границею. Какъ, напримѣръ, одна барыня...

...Леченіе мое приходитъ къ концу: еще надо взять ваннъ шесть, между прочимъ три изъ грязи; я уже одинадцать взялъ и началъ было понимать удовольствіе свиньи валяться въ грязи, да вотъ скоро кончу и поѣду куда-нибудь, можетъ быть, въ Парижъ, а если полѣнюсь, то проведу остатки лѣта въ Дрезденѣ, потому что переѣзды изъ конца въ конецъ, безъ всякаго любопытства, безъ страсти видѣть новое, куда какъ утомительны. Докторъ посылаетъ меня къ морю, но, кажется, я надую его и не поѣду. Еслибъ меня не ждала служба, такъ я, пожалуй, и воротился бы домой въ августѣ, чтобъ не прямо къ осени пріѣхать, но не тороплюсь, чтобъ отложить удовольствіе засѣдать въ Комитетѣ какъ можно долѣе.

болѣзнью весьма похожей на кликушество и на одержанье (Толковый словарь живого великорусскаго языка Владиміра Даля", 3-е изд., т. II, подъ словами *мерекать* и *міръ*, стр. 831 и 863).

[1]) Командиръ Фрегата „Паллада" флигель-адъютантъ И. С. Унковскій („Морской Сборникъ", 1856, т. XXIV, стр. 23, „Всеподданнѣйшій отчетъ генералъ-адъютанта графа Путятина").

[2]) Формулярный списокъ И. А. Гончарова (Архивъ Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати).

Сталъ было я пописывать, но такъ повредилъ сидѣньемъ и пристальной работой леченью, что долженъ былъ бросить. Я всталъ изъ за письменнаго стола блѣдный, ходилъ цѣлый день какъ шальной и чувствовалъ шумъ въ головѣ и потому бросилъ; докторъ испугалъ тѣмъ, что я могу нажить себѣ этимъ, при водахъ, другую сложную болѣзнь. Онъ вообще говоритъ, что по сложенію своему и темпераменту я принадлежу къ числу тѣхъ людей, которымъ нужно какъ можно меньше дѣлать дѣло.

Теперь я ограничилъ свою дѣятельность чтеніемъ нѣмецкихъ газетъ, притомъ австрійскихъ и нашелъ большое сходство въ той брани и желчи на насъ, на французовъ, съ нашими газетами во время крымской войны. Почти одни или тѣже насмѣшки, нападки, а съ перемирьемъ вдругъ оборвалось и газеты приняли опять свой педантически-оффиціальный тонъ.

Мнѣ очень хотѣлось бы знать, начали ли печатать *Обломова* [1]), но къ сожалѣнію, до пріѣзда едва-ли о томъ узнаю: отвѣтить мнѣ сюда Вы не успѣете, а куда я поѣду отсюда, я и самъ еще не знаю. Тутъ на Рейнѣ гдѣ-то Влад[иміръ] Майковъ съ женой: можетъ быть, съ ними къ морю сговорюсь вмѣстѣ ѣхать, въ Булонь или Діеппъ; если же встрѣчу кого-нибудь изъ пріятелей въ Парижѣ, то застряну тамъ, мнѣ все равно. Поторопитесь печатаніемъ, если можно къ началу осени: меня то и дѣло русскіе спрашиваютъ здѣсь, когда выйдетъ отдѣльно, я всѣмъ обѣщаю въ концѣ сентября. Хотя въ лондонскомъ изданіи, какъ слышалъ, меня царапаютъ [2]), да и не меня, а будто всѣхъ русскихъ литераторовъ, но я этимъ не смущаюсь, ибо знаю, что еслибъ я написалъ чортъ знаетъ что—и тогда бы пощады мнѣ никакой не было за одно только мое званіе и должность. Но какъ бы тамъ ни царапали, а все таки расходу книги это не помѣшаетъ; слѣдовательно желалось бы видѣть ее скорѣе въ печати.—Вотъ теперь съ удовольствіемъ почиталъ бы Отечеств[енныя] Записки, потому что ихъ нѣтъ, а С.-П[етербургскія] Вѣдомости такъ и проглатывалъ бы. Но есть Bohemia, Boehm[ische] Presse, Preussische Zeitung и т. д. Что за бумага, что за печать! Мерзость!

---

[1]) „Обломовъ“ былъ напечатанъ въ январской, февральской, мартовской и апрѣльской книжкахъ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1859 г. Гончаровъ имѣетъ здѣсь въ виду печатаніе отдѣльнаго изданія, которое было разрѣшено цензурою 8-го мая того-же года.

[2]) Гончаровъ намекаетъ, вѣроятно, на весьма ѣдкую статью Герцена, на которую Е. Бобровъ обратилъ вниманіе въ „Извѣстіяхъ Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ“ (1906, кн. IV, стр. 369—371). Эта статья была напечатана въ „Колоколѣ“, № 6, за декабрь 1857 г., стр. 49.

Въ Дрезденѣ видѣлъ я Аполлона Майкова, хотѣлъ добиться, что случилось съ Григоровичемъ, и онъ не могъ ничего узнать.

Здѣсь жара невыносимая, а я угораздился простудиться послѣ теплой ванны; теперь у меня насморкъ и побаливаютъ виски. Въ воскресенье хочу уѣхать.

Прощайте, жму Вашу руку и остаюсь Вашъ И. Гончаровъ.

А. А. Мазонъ.

Дневникъ академика В. П. Безобразова[1].

1886.

Августъ. Болгарскія дѣла меня очень тревожатъ.

Новая война будетъ бѣдствіемъ для Россіи, хотя бы на первое время и оживились коммерческія дѣла. А потомъ изнуреніе. На этотъ разъ могутъ быть глубокіе внутренніе перевороты. Ихъ желаютъ наши революціонеры. Нѣкоторые откровенно мнѣ высказывались въ пользу войны въ этомъ смыслѣ. Въ голосахъ газетчиковъ, возбуждающихъ единодушно къ войнѣ, слышится эта революціонная струя. Неужели Государь не пойметъ, по какому скату онъ идетъ. Конечно, перевороты (и перевороты вслѣдствіе войны легче, чѣмъ вслѣдствіе революціи) могутъ быть спасительны для судебъ народа. Но мнѣ жалко нашъ народъ—онъ бѣденъ и слабъ; для него тяжки эти терзанія, которыхъ онъ столько испыталъ въ своей исторіи. Судьбы Божіи неисповѣдимы! Можетъ быть, наконецъ, наша нація безпрерывными изнуреніями (безсмысленными войнами) будетъ доведена до ничтожества. Этого желаютъ всѣ правители зап. европейскихъ націй, страшась нашего варварства. Можетъ быть, они и правы. Можетъ быть, даже въ видахъ Провидѣнія и для пользы человѣчества совсѣмъ не нужно могущества Россіи. Все это я понимаю. Но по чувству русскаго все это мнѣ тяжело и грустно. „Господи, да будетъ воля Твоя“.

Рабочій вопросъ. Пироговъ мнѣ говорилъ, какъ прекрасно устроены рабочія помѣщенія у Раззореновыхъ подлѣ Кинешмы—небольшіе домики для 20 семействъ. Фабрика сгорѣла и не возобновится. Нѣтъ капитала. Не было ли излишней роскоши? Также

[1]) См. „Русская Старина“ февраль 1910 г.

какъ хороши (но не такъ) рабочія помѣщенія на Волжской мануфактурѣ, выше Кинешмы. Вообще громадный прогрессъ не только въ 25, но даже въ 6 лѣтъ (со времени моего послѣдняго посѣщенія этихъ мѣстъ) въ бытѣ рабочихъ. Добродушный костромскій народъ! Разговоры вечеромъ съ лакеемъ въ гостиницѣ. „Шиповъ“, говоритъ онъ, „безъ просыпу пьянъ“.

24 августа. Послѣ завтрака у Калачевыхъ отправился отъ нихъ на самолетскомъ пароходѣ „Джонъ Кокериль“ въ 3 ч. на Ярославль. Много говорили съ Калачевымъ о мѣстномъ земскомъ самоуправленіи. Онъ такъ же, какъ и я, сильно стоитъ за его сохраненіе и говоритъ о невозможности замѣнить его казеннымъ управленіемъ; такъ же, какъ и я, онъ находитъ нужнымъ исправить земскія учрежденія, а не ломать. На пароходѣ такая же грязь, какъ всегда, съ прибавленіемъ темноты—не зажигаютъ болѣе лампъ (керосиновыхъ) послѣ катастрофы съ „Вѣрой“.

На пароходѣ купецъ изъ Нижняго: гибель русской промышленности отъ иностранной и польской конкурренціи (желѣзо). Все одна и та же пѣснь о необходимости таможенной охраны и пр.; все ссылки на рабочихъ. Купцы въ Нижнемъ ликуютъ по поводу рѣзкаго отвѣта Государя Баттенбергу.

Въ торговомъ мірѣ желаніе войны для оживленія промышленныхъ дѣлъ.

Матушка (очень мрачная) съ развязной красивой дѣвицей, посѣщающей педагогическіе курсы въ Петербургѣ.

М а т ь. Послѣ смерти моего мужа это ей послужитъ къ пользѣ (кусокъ хлѣба).

Д о ч ь. Совсѣмъ не то: я отъ нечего дѣлать, отъ скуки хожу на курсы.

И она проникнута тоской по чему-то.

Вотъ наша туманность задачъ высшаго женскаго образованія

Матушка (изъ Ярославля) съ сыномъ гимназистомъ, не выдержившимъ экзаменъ въ кадетскій корпусъ.

Чуть-чуть не опоздалъ къ поѣзду въ Ярославль. Вмѣсто 5 ч. пароходъ пришелъ въ 10 (и ушелъ изъ Костромы въ 3 вмѣсто 12), и это всегда такъ.

25 августа, Троица Сергія. Прибылъ сегодня въ 6½ ч. утра къ Троицѣ. Остановился въ новой гостиницѣ.

26 августа. Былъ вчера у моего духовника, отца Аврамія и у намѣстника, архимандрита Леонида.

На этотъ разъ бесѣда Леонида была пріятна: онъ нисколько не вдавался въ фанатическія церковныя воззрѣнія, которыя его иногда посѣщаютъ, но напротивъ говорилъ весьма либерально о православіи.

Но все-таки хотѣлось бы видѣть менѣе раздражителыхъ выходокъ и болѣе христіанской терпимости со стороны монаха.

Очень непріятно было вечеромъ у Амфитеатрова (споръ о болгарскихъ дѣлахъ). Я виноватъ, что раздражаюсь его словами, особенно во время говѣнія, но не могу, любя Россію, выносить этотъ грубый, варварскій, китайскій, шовинизмъ, который такъ всегда былъ пагубенъ для Россіи. Великое зло оказываетъ Россіи Катковъ, поддерживая этотъ шовинизмъ. Теперь легіонъ такъ разсуждающихъ. Они хотятъ „согнуть въ бараній рогъ“ сопротивляющуюся, какъ и растлѣнную Европу и завоевать немедленно Константинополь и весь Балканскій полуостровъ. Думаютъ, что это зависитъ отъ воли Государя. У насъ еще не мало людей, которые увѣрены, что русскій Царь повелитель свѣта (подобно тому, какъ думаютъ о своемъ богдыханѣ китайцы) и что только по своей слабости онъ не принуждаетъ всѣхъ исполнить свою волю.

Ильинское, 29 августа. 27 августа причастился Св. Тайнъ. Хотя при непрерывной работѣ (для „Рус. Вѣд.“ „Дорожныя письма“) между службами мнѣ было не легко говѣть, но я былъ очень доволенъ, что говѣлъ, покаялся въ своихъ грѣхахъ и облегчился душой.

Бесѣда прощальная съ Леонидомъ была очень интересна, между прочимъ о Константинополѣ (гдѣ онъ очень долго былъ въ миссіи).

Онъ очень здраво разсуждаетъ, что мы еще не достойны занять Константинополь и прежде должны поработать надъ собой, что занятіе Константинополя, куда бросятся наши генералы и бары, можетъ только повредить намъ, отвлекая наши силы отъ работы въ Россіи, что, наконецъ, Константинополь совсѣмъ намъ не нуженъ, а только проливы, и мы гораздо лучше обезпечимъ ихъ за собой, отдавъ къ грекамъ (эти мысли очень близки моимъ).

28 августа поѣхалъ въ Ильинское и оставался тамъ до 31 августа. В. К. С. А., П. А., и В. К. Е. Ѳ. были особенно ко мнѣ милы. Первые искренно меня любятъ. Ничего серьезнаго въ Ильинскомъ не было, да и нѣтъ времени описывать. Я много говорилъ съ великими князьями (В. К. Павелъ Алек. только что былъ въ Петербургѣ съ Государемъ) о болгарскихъ дѣлахъ. Они находятъ ихъ очень опасными для Россіи и вовсе не говорятъ въ духѣ нашихъ руссопетовъ, только ликующихъ (по случаю телеграммы Государя Баттенбергу).

2 сентября. Выѣздъ изъ Москвы въ 10½ ч. утра по Брестской жел. дор. Вагоны очень хороши; у насъ цѣлое отдѣленіе въ I кл.

Туристъ—испанецъ Форбесъ съ секретаремъ ежегодно проводитъ 4 мѣсяца въ путешествіи по всему свѣту. Теперь по Россіи. Жуиръ. Vous ne travaillez jamais.

— Seulement quand je mange. Кажется, порядочный (богатый) человѣкъ. Типъ европейскаго туриста—космополита. Очень доволенъ Россіей. Брестъ Литовскій. Содержатели буфета татары отъ Донона. Угощаютъ насъ. Великолѣпная зала.

3 сентября. 9 часовъ вечера пріѣздъ въ Варшаву. А. Р. Ратько насъ встрѣчаетъ. Блестящее впечатлѣніе Варшавы, какъ европейскаго города. Остановились въ Европейской гостиницѣ. Прекрасно. Двѣ большія комнаты 5 р.

4 сентября. Сейчасъ былъ у Бліоха и просилъ оказать содѣйствіе къ посѣщенію Лодзи. Нашелъ самый просвѣщенный европейскій пріемъ. Обѣщалъ устроить мою поѣздку наилучшимъ образомъ. Какъ легко живется съ европейцами и въ особенности евреями. Грустно думать, какъ они лучше меня понимаютъ и цѣнятъ, чѣмъ мои соотечественники.

Обѣдали съ Ратько въ ресторанѣ „Викторія“. Дорого и не хорошо.

Ужинали съ Бліохомъ въ ресторанѣ „Брюль“. Онъ много говорилъ о безсмысленномъ гнетѣ Россіи въ Польшѣ (самый тяжкій—гоненіе на польскій языкъ). Онъ ожидаетъ близкой войны съ Германіей, которой нужно захватить земли въ зап. Россіи для колонизаціи—оторвать Ковно, Гродно, но не Польшу.

Вся польская промышленность нѣмецкая. Поляки недовольно солидны для промышленности. Противъ этого къ огражденію русской промышленности ничего нельзя сдѣлать. Если изгонятъ отсюда нѣмцевъ, то они устроятъ фабрики въ Москвѣ. Пришлось бы запретить всякое не русское имя, но тогда будутъ подставныя русскія имена. Сила лодзинской промышленности только въ большой цивилизаціи.

6 сентября. Обѣдали съ Бліохомъ въ ресторанѣ „Брюль“. Шатались по парку Лазенокъ. Вечеромъ свиданіе въ Европейской гостиницѣ съ С. А. Грейгомъ.

Лодзь, 6 сентября. Вечеромъ поѣхалъ въ Лодзь, гдѣ въ гостиницѣ „Мантейфель“ ночевалъ. Сперва по Вѣнской линіи до ст. Колюшки и оттуда съ экстреннымъ поѣздомъ въ Лодзь (1/2 ч.), и такъ на другой день обратно.

Насъ сопровождалъ по порученію Бліоха г. Нуоффферъ (очень любезный человѣкъ, говоритъ, что полякъ, но, кажется, еврей).

Потомъ присоединился къ намъ, какъ чичероне, еще молодой инженеръ—полякъ (изъ Института Путей Сообщенія), очень милый.

Оля провела день у какого-то служащаго у Бліоха, г. Багинскаго (изъ Витебской губ., ополяченнаго, но не очень); жена англичанка. Онъ говоритъ, что когда переѣхалъ въ Лодзь, то не зналъ, гдѣ онъ,—въ Россіи, Польшѣ, Германіи, или Америкѣ. Это очень характеристично. Тутъ нѣтъ никакой, ни исторической, ни національной почвы.

Потомъ, вечеромъ, пришелъ ко мнѣ знакомый Бліоха комиссіонеръ купецъ Френкель (торгуетъ углемъ). Отъ всѣхъ нихъ получилъ я разныя свѣдѣнія, которыя будутъ ниже.

Мы ѣздили по городу и были на фабрикѣ Шейблера. Тутъ нашли только молодого человѣка бухгалтера, обѣщавшаго прислать мнѣ свѣдѣнія о производствѣ, цѣнахъ и проч., которыя онъ давалъ Янжулу и компаніи.

Старикъ Шейблеръ умеръ. Его молодые сыновья занимаются фабрикою, но главное зять Гербетъ (его не было, я послалъ ему карточку и благодарилъ за пріемъ).

Это самая большая и старѣйшая здѣсь фабрика — наибольшая послѣ Морозова въ Россіи. Хлопчато-бумажное производство — пряденіе, ткачество суровыхъ тканей: миткаля, шертинга, главное, это наноситъ вредъ конкурренціи Россіи, и немного разныя крашеныя матеріи, но не ситцы. Ситцевъ вообще здѣсь не фабрикуютъ. Немного фабрикуютъ ихъ въ районѣ Сосновицъ.

Въ Лодзи много продаютъ московскихъ ситцевъ, и вотъ нелѣпое представленіе о наводненіи лодзинскими ситцами.

Кромѣ хлопчато-бумажной мануфактуры шерстяная (ея много, а также смѣшанной) и шелковая фабрикація. 160 т. жителей —Лодзь самый большой городъ послѣ Варшавы и одинъ изъ наибольшихъ въ Россіи. Особый типъ новѣйшихъ фабричныхъ городовъ — историческое начало и все содержаніе фабрика.

Широкія, отличныя улицы, хотя бы въ Петербургѣ—дома каменные, большіе—дворцы бароновъ-фабрикантовъ въ новѣйшемъ стилѣ въ родѣ берлинскихъ. Маленькіе дома скупаются и срываются. Они еще остались—также пустыя мѣста—прежнія пашни (есть и теперь) вездѣ—это особая физіономія.

Необычайно мало церквей—2 костела, 2 протестантскія, 1 синагога (великолѣпная) и 1 православная.

Шейблеръ (самъ протестантъ) далъ денегъ на костелъ, протестантскую, православную и синагогу, и это характеристично.

Начало фабрикаціи въ Лодзи въ 1820 г. съ гр. Лубенскаго, который ее насадилъ здѣсь и во всемъ Царствѣ Польскомъ. Эта исторія что-то не ясна: надо съ нею ближе познакомиться.

Но все-таки возрастаніе Лодзи и вообще все, что есть, продуктъ только самаго недавняго времени.

Говорятъ, что этотъ подъемъ съ послѣдней восточной войны. Впрочемъ, вопросъ, почему такую страшную конкурренцію наноситъ Лодзь (и также Сосновицы?) нашей внутренней фабрикаціи, вопросъ загадочный (какъ выразился бухгалтеръ у Шейблера). Разрѣшитъ ли его работавшая здѣсь комиссія? Она пробыла 3 недѣли,

возбудила страхъ, что будутъ какіе-то новые налоги на польскую промышленность. Вообще объ этой комиссіи говорятъ очень различно. Иные хорошо, большая часть дурно (будто требовали къ себѣ конторскія книги, въ чемъ имъ было отказано).

Шейблеръ здѣсь первая механическая фабрика. До этого была (давно) фабрикація ручная, которая отчасти существуетъ до сихъ поръ.

Всего теперь крупныхъ паровыхъ заведеній въ районѣ Лодзи (на 21 в.) 400 (трубъ). До чего быстро ростетъ эта фабрикація: въ два послѣдніе года открылось 40 новыхъ фабрикъ. Когда въ Россіи сокращается производство, здѣсь оно возрастаетъ, а сбытъ на тѣхъ же рынкахъ даже у Московской — больше средняя Азія, впрочемъ и отсюда везутъ теперь на Кавказъ,—чего нельзя понять.

Говорятъ, главныя причины силы, что здѣсь продаютъ дешевле, но не даютъ кредита долѣе 3-хъ мѣсяцевъ, нѣсколько дешевле горючій матеріалъ (каменный уголь), и фабриканты сами занимаются, а не имѣютъ дорогихъ директоровъ.

Рабочія платы, насколько я убѣдился, выше. Праздниковъ меньше; пьянства безусловно нѣтъ.

Здѣсь нѣтъ ночной работы; не было прежде до новаго закона. (Это должно бы ставить въ низшее положеніе въ конкурренціи?).

Прядильщики въ недѣлю—задѣльно (здѣсь все задѣльно, кромѣ высшихъ мастеровъ) 4 — 8 р., ткачи 4 р. 50 к. — 7 р. 80 к. Работаютъ 12 часовъ.

Какой національности рабочіе, нельзя понять, особенно теперь, когда, благодаря преслѣдованію иностранныхъ рабочихъ, скрываютъ ихъ происхожденіе. Сколько я могъ понять изъ сообщеній и изъ личныхъ моихъ наблюденій надъ рабочими, большинство ихъ, прежде водворившихся и вновь пришедшихъ, нѣмцы. Нѣмецкій языкъ господствуетъ; есть и поляки, но они какъ будто онѣмеченные. Трудно понять, что это за національность, это какой-то космополитическій рабочій людъ, имѣющій отечествомъ только фабрику.

Всего здѣсь 100 т. рабочихъ,—такой массы нигдѣ нѣтъ.

Почти всѣ (говорятъ, всѣ) рабочіе русскіе подданные. Всѣ вѣшаютъ у себя портреты Импер. фамиліи, какъ говорятъ, чтобъ ихъ считали вѣрноподданными. Нѣтъ ни одного еврея между фабричными рабочими, хотя ихъ очень много въ Лодзи.

Всѣ высшіе техники нѣмцы, германскіе подданные. Прежде здѣсь сильно покровительствовали приливу нѣмцевъ, давали пособія и земли для ихъ колонизаціи. Въ новѣйшее время очень покровительствовалъ переселенію сюда нѣмцевъ намѣстникъ Бергъ. Все это вѣ-

роятно дѣлалось въ смыслѣ противодѣйствія полякамъ. Но вотъ національныя преслѣдованія сами себя наказуютъ: теперь руссофиламъ гораздо противнѣе и кажутся опаснѣе въ Польшѣ нѣмцы, чѣмъ поляки.

Осматривалъ жилища рабочихъ у Шейблера—казармы въ родѣ нашихъ, но меньше. До 50 семействъ въ каждомъ домѣ. И все такъ въ Лодзи, кромѣ живущихъ на своихъ квартирахъ (но этихъ мало). Есть и маленькіе дома, но, кажется, ихъ очень мало.

Общій типъ жилья, какъ я это видѣлъ (у Шейблера) тотъ же приблизительно, какъ и у насъ въ казармахъ, но въ самыхъ лучшихъ. Очень опрятно. Въ каждой комнатѣ семейство, Не позволяютъ жить болѣе 8 человѣкъ. Вообще лучше, чѣмъ у насъ: такъ убранство комнаты, одежда, въ особенности дѣтей, мебель и всякія украшенія. Въ каждой комнатѣ маленькая кухня. Все-таки особый тонъ быта этихъ людей. Платятъ $6^1/_2$ р. за комнату. Высшіе мастеровые живутъ даромъ. Уголь покупаютъ у Шейблера. У него же лавка всякихъ припасовъ. Даютъ и въ кредитъ.

Вообще народонаселеніе здоровое, довольное, смирное. Никогда не бываетъ непріятностей съ рабочими. Нѣтъ атома пьянства. О немъ ничего не знаютъ, хотя есть гдѣ выпить.

Праздниковъ гораздо меньше, чѣмъ въ Россіи (этимъ объясняютъ большую рабочую силу?).

Всѣ рабочіе семейные. Безсемейные исключеніе (живутъ нахлѣбниками). Говорятъ, нравы очень чистые (?).

Странный, непонятный типъ этихъ людей. Можно понять только, что онъ денаціонализированный, какъ все въ Лодзи. Некрасивый, небойкій, блѣдный, безъ всякаго типа, характера, не симпатичный и не антипатичный.

Я былъ пораженъ величіемъ (промышленнымъ) Лодзи. Это превосходитъ всякія ожиданія. Главная улица 7 в. въ родѣ если не Невскаго, то немного уже Литейнаго. Эти громадные размѣры подавляютъ.

Что это въ сравненіи съ Ивановымъ, хотя это то же самое, но Иваново пигмей. Все-таки цивилизація неизмѣримо выше. Но никакой исторіи, никакихъ традицій: эти люди признаютъ какое угодно правительство, которое только будетъ имъ удобно. Это нѣмецкая космополитическая колонія, какая не можетъ даже быть въ Америкѣ, гдѣ люди гордятся тѣмъ, что они граждане великой республики. Здѣсь никакого воодушевленія; никакой поэзіи; кромѣ заработка и барыша никто ничего не знаетъ.

Все это нѣмецкіе капиталы и фабриканты изъ всей Германіи (всего менѣе, да и нѣтъ, кажется, изъ Австріи).

Ни одной польской фирмы, все нѣмецкія и еврейскія. Это продуктъ нашего таможеннаго тарифа. Начало возвышенія Лодзи съ золотого тарифа.

Здѣсь 2 нѣмецкія газеты, и онѣ главныя, и 1 польская. Нѣмцы зовутъ Лодзь „Лучъ“, и это имя здѣсь господствуетъ.

У Шейблера 6 т. рабочихъ. Составъ ихъ вообще не измѣняется.

8/20 сентября. Прибыли въ Вѣну въ 4½ часа дня.

Сообщ. М. В. Безобразова.

Къ біографіи Л. А. Мея.

Левъ Александровичъ и Софья Григорьевна Мей, ихъ родные и знакомые.

(Семейная хроника)[1].

(Окончаніе).

Глава XII.

Новые знакомые.

Въ 1858 г. Л. Ал. познакомился съ цѣлымъ обществомъ молодыхъ людей, не принадлежащихъ къ литературѣ. Это были два брата Рехневскіе, изъ которыхъ старшій, Станиславъ Симоновичъ, хотя еще слушалъ лекціи въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, но въ то же время и самъ уже читалъ ихъ въ качествѣ адъюнкта профессора геодезіи. Въ то время онъ жилъ на Пулковской обсерваторіи. Младшій братъ его Алекс. Сим. былъ офицеръ Путей Сообщенія; М. Ю. Арнольдъ; В. П. Куроѣдовъ и М. А. Загуляевъ. Молодые люди наперерывъ старались доставлять удовольствія своимъ новымъ знакомымъ. Загуляевъ познакомилъ свое семейство съ семьею Л. Ал. Мея. У Загуляева была взрослая сестра, для которой дѣлались вечера, на которыхъ для танцующихъ бывало очень весело. Впослѣдствіи Н. Ан. Загуляева [2]) вышла замужъ за М. Ю. Арнольда.

Съ наступленіемъ весны и хорошей погоды Ст. Сим. Рехневскій сдѣлалъ праздникъ у себя на обсерваторіи и пригласилъ все общество. Тамъ извѣстный профессоръ астрономіи и директоръ Пулковской обсерваторіи Струве показалъ гостямъ обсерваторію, луну и звѣздное небо, прочелъ имъ цѣлую лекцію.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ май 1911г.

[2]) Стихотвореніе *„Оборотень“* написано въ это время и посвящено Надеждѣ Андреевнѣ Загуляевой.

Въ этотъ годъ поправляли шпицъ на Петро-Павловскомъ соборѣ—въ крѣпости. В. П. Куроѣдовъ, Арнольдъ и младшій Рехневскій, подъ начальствомъ, тогда еще полковника, Д. И. Журавскаго, прикомандированы были къ крѣпостнымъ постройкамъ. Ихъ помѣстили въ свободные казематы. Перваго августа молодые люди устроили тамъ праздникъ для того же кружка. Гостямъ показали крѣпость; поднимались на подмостки смотрѣть видъ на Петербургъ и окрестности. Л. Ал. поднялся на подъемной машинѣ почти до самаго шпица. Приготовленными для него золочеными листами обтянули всѣ стѣны мрачнаго каземата, какъ сплошными зеркалами. Въ широкихъ амбразурахъ оконъ помѣстилось по четыре стула. Пріѣхали музыканты и казематъ превратился въ бальную залу, гдѣ подавалось мороженое, фрукты, конфекты, прохладительные напитки. Веселый говоръ, смѣхъ и танцы продолжались до самой зари. Праздникъ окончился хорошимъ ужиномъ. На Невѣ гостей ожидала шлюпка коменданта, въ которой двѣнадцать гребцовъ, съ пѣснями, перевезли ихъ на другую сторону рѣки, къ Лѣтнему саду. На небѣ загоралась заря, на Невѣ уже дымились пароходы.

Глава XIII.

Новое время и новые мыслители.

Но настало грустное время, когда все великое и прекрасное осмѣивалось. Поэзія какъ искусство изгонялась изъ литературы и допускалась только какъ проводникъ новыхъ мыслителей. Они волновали общество и пользуясь обстоятельствами старались выдвинуть напередъ свои личности и сдѣлаться пророками толпы.

Менѣе талантливые поддерживали ихъ: угождая вкусу публики, пѣли на тотъ же ладъ, а потому считали себя тоже передовыми людьми. Поэзія, какъ старая мода, казалась уже смѣшною и не нужною роскошью. Редакторы газетъ и журналовъ печатали только современное; каждая бездарность, проводившая извѣстныя мысли, возводилась въ первоклассные таланты, требовалась *злоба дня* и вздохи о младшихъ братьяхъ. Большой надо было имѣть стоицизмъ, чтобы сохранить свою самобытность и идти наперекоръ толпы. Но жить литературой, не подчиняясь новымъ требованіямъ, дѣлалось невозможно. Л. Ал. Мей не сочувствовалъ новымъ идеямъ, и скорѣе умеръ бы голодною смертью, чѣмъ написалъ хотя бы одну строчку, противную своимъ убѣжденіямъ: ни лесть, ни деньги, ни минутная слава не могли его къ этому принудить. Л. Ал. никогда не поддавался никакимъ вліяніямъ, и писалъ только то, что создавало его собственное воображеніе и созрѣвало въ его собственномъ

умѣ. Писать по заказу онъ могъ только ученыя статьи, да прозаическіе переводы. Но онъ свято охранялъ свои творческія произведенія отъ всякой лжи и неправды. Въ это трудное время гр. Г. А. Кушелевъ поддержалъ Л. Ал., какъ истинный его другъ.

Глава XIV.

Различныя изданія.

Въ 1860 г. Л. Ал. задумалъ издавать газету для народа „*Мірское Слово*“. Онъ предполагалъ выпускать по одному листу въ недѣлю и разсылать для крестьянъ по приходамъ. Въ сотрудники Мей думалъ пригласить всѣхъ лучшихъ литераторовъ, знавшихъ хорошо народъ и народный языкъ, начиная съ Даля, съ которымъ онъ уже списался. По разсчету, для первоначальныхъ издержекъ требовалось 3.000 рублей, которые гр. Кушелевъ далъ ему. Но Л. Ал. желалъ принять на себя только литературный трудъ и искалъ себѣ отвѣтственнаго редактора-издателя. Онъ нашелъ его въ лицѣ нѣкоего А. Д. Масалова. Все было подготовлено къ изданію: программа написана и вручена Масалову; условіе тоже было готово, и въ октябрѣ мѣсяцѣ 1860 г. подписано Меемъ и Масаловымъ. Захвативъ бумаги, Масаловъ исчезъ, а черезъ два мѣсяца вышелъ листокъ „Мірское Слово“ подъ редакціею Масалова. Онъ воспользовался мыслью и программой Л. Ал. Выхлопоталъ разрѣшеніе и началъ самъ издавать „Мір. Сл.“, конечно, вовсе не такое, о которомъ мечталъ Л. Ал. Онъ былъ пораженъ такимъ коварствомъ.

Въ 1860 г. Л. Ал. переѣхалъ въ домъ Бажанова: на углу Николаевской и Колокольной улицъ. По одной лѣстницѣ съ нимъ, но выше этажемъ жилъ Камбекъ, онъ издавалъ какую-то газету, не имѣвшую подписчиковъ, и очень бѣдствовалъ. Л. Ал. часто помогалъ ему. Камбекъ ходилъ въ типографію Владимира Ивановича Головина, помѣщавшуюся въ домѣ барона Фредерикса, какъ разъ противъ Колокольной улицы. Узнавъ, что Камбекъ знакомъ со Л. Ал., Головинъ заявилъ о желаніи съ нимъ познакомиться. Тогда Камбекъ сдѣлалъ вечеръ и позвалъ того и другого.

На этомъ вечерѣ Л. Ал. прочелъ въ первый разъ „Александра Невскаго“. А когда В. И. Головинъ прочелъ нѣсколько своихъ переводовъ со шведскаго, Л. Ал. пришелъ въ восторгъ, просилъ быть знакомымъ и звалъ его къ себѣ. Но прошло довольно долгое время, а Головинъ все еще не приходилъ. Тогда Л. Ал. самъ къ нему отправился. Головинъ показалъ ему свое заведеніе: въ то

время оно только что начиналось, а черезъ нѣсколько лѣтъ это сдѣлалась знаменитая „печатня“ Влад. Ив. Головина. Въ 1870 года, на Петербургской выставкѣ, В. И. получилъ за свои работы Государственный гербъ. Высшая награда, данная чуть ли не единственной частной типографіи въ Россіи.

Возвратясь домой, Л. Ал. съ большимъ уваженіемъ отзывался о личности В. И. Головина, а когда тотъ пришелъ, Л. Ал. сразу отличилъ его отъ другихъ посѣтителей и почувствовалъ къ нему особую симпатію. Скоро В. И. Головинъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ близкихъ ему людей, и одинъ изъ самыхъ частыхъ посѣтителей его дома.

Л. Ал. не прерывалъ дружескихъ отношеній со своими товарищами-лицеистами. Они предложили издать его сочиненія: В. П. Ефремовъ и Г. В. Кондоиди дали ему средства для перваго выпуска. Это было изданіе В. П. Печаткина, оно вышло въ 1861 году. Л. Ал. говоритъ о немъ такъ:

„Первою мыслію и первыми средствами собрать и издать мои „сочиненія и переводы“ я обязанъ моимъ товарищамъ по Императорскому Александровскому лицею, Василію Павловичу Ефремову и Григорію Владимировичу Кондоиди.

Долгомъ считаю заявить имъ дружескую мою признательность за ихъ совѣтъ и помощь

Л. Мей.“

Но когда не состоялось предполагавшееся изданіе „Мірское Слово“, гр. Г. Ал. Кушелевъ, въ вознагражденіе этой неудачи, предложилъ въ свою очередь Л. Ал. издать полное собраніе его сочиненій.

Было условлено печатать 5.000 экз. Л. Ал. разсчитывалъ, что по уплатѣ графу личнаго долга, который былъ незначителенъ, и за расплатою по изданію, когда оно разойдется, у него могло остаться 10.000 руб. Деньги эти онъ предназначалъ на уплату его небольшихъ долговъ (большихъ у него не было), а остальное оставлялъ въ наслѣдство своей женѣ, ежели она его переживетъ. Бумаги и рукописи свои Л. Ал. держалъ всегда въ большомъ порядкѣ такъ, что тотчасъ же было приступлено къ набору его драмъ.

Чтобы поддержать мужа, Софья Григорьевна задумала издавать модный журналъ. Она сама написала программу; заняла у друга своего дѣтства двѣ тысячи рублей, для первоначальныхъ расходовъ, и 1 января 1862 г. вышелъ первый № „Моднаго Магазина“. Онъ сразу имѣлъ большой успѣхъ. Л. Ал. принялъ самое живое участіе въ изданіи жены. Въ 1 № находится его стихотвореніе, передѣланное

изъ нѣмецкой легенды „*Рынокъ фей*“ и прозаическій переводъ изъ Дикенса „*Святочная пѣсня*“.

Глава XV.

Смерть Льва Александровича Мея.

Это было въ 1862 г. Одинъ разъ, въ началѣ мая, утомленный работою, Л. Ал. заснулъ въ своемъ кабинетѣ на диванѣ, близъ дурно прикрытаго окна. Послѣ жаркаго дня, ночь была сырая и холодная, онъ проснулся съ воспаленіемъ легкихъ. Сейчасъ же послали за докторомъ, прописанныя ему лекарства онъ принималъ, но ни убѣжденія доктора, ни просьбы жены не могли заставить его лечь въ постель и повременить заниматься. Въ продолженіе всей болѣзни онъ жилъ своей обыкновенной жизнью. Въ это время печатался 1-й томъ его сочиненій: это были драмы, онъ очень торопился выпустить ихъ. Уже совершенно больной, ежедневно прочитывалъ и подписывалъ къ печати корректуры, приносимыя изъ типографіи гр. Кушелева. Онъ подписалъ послѣдній листъ 1-го тома 15 мая, наканунѣ своей смерти. „Слава Тебѣ Господи“, сказалъ Л. Ал. и набожно перекрестился. Послѣ этого онъ легъ въ постель. Отдохнувъ немного, онъ, не вставая, началъ переводить и диктовать вслухъ окончаніе повѣсти для „Моднаго Магазина“, чтобы не задержать №. Къ утру онъ совершенно утомился, голосъ его ослабъ, и онъ заснулъ. Въ тотъ же день—15 мая, онъ потерялъ волосы своей матери, съ которыми никогда не разставался. Какъ ни старались ихъ отыскать, но не нашли. „Теперь я умру“, сказалъ Л. Ал.

16-го мая 1862 г. онъ всталъ часовъ въ десять и одѣлся. Немного ходилъ, что-то читалъ, потомъ легъ на постель и закрылъ глаза. Всѣ вышли изъ комнаты, чтобы не мѣшать ему уснуть, при немъ осталась только служившая имъ женщина. Когда, черезъ четверть часа, къ нему опять вошли, Л. казался спящимъ, но былъ чрезвычайно блѣденъ. Жена тронула его руку, она была холодна, какъ ледъ. Софья Гр. испугалась. Въ это время пріѣхалъ докторъ. „Что съ нимъ“, спросила она. „Ничего“, отвѣчалъ лечившій его докторъ Віо, „онъ очень ослабъ; прикажите сварить ему куриный бульонъ“. Но когда она ушла, докторъ послушалъ Л. Ал. пульсъ, тронулъ лобъ, приложилъ ухо къ сердцу и сказалъ окружающимъ: „онъ умеръ“.

Софья Гр. была поражена смертью мужа и опасно занемогла. Одна изъ ея близкихъ пріятельницъ увезла ее къ себѣ въ домъ, гдѣ С. Гр. оставалась недѣли съ двѣ, пока не поправилась, а по-

томъ переѣхала на дачу въ Павловскъ. Дѣла „Моднаго Магазина“ были уже настолько хороши, что С. Гр. могла похоронить его на свой счетъ, а по времени, заплатила нѣкоторые его долги.

Самымъ близкимъ человѣкомъ Льву Александровичу послѣ его смерти оказался Вл. Ив. Головинъ. На долю его выпало грустное и тяжелое бремя—хоронить Л. Ал. Мея. Такъ какъ никого не было изъ близкихъ родныхъ, В. Ив. принялъ на себя всѣ хлопоты и формальности сопряженыя съ погребеніемъ. Надо было ѣздить на кладбище, писать въ газетахъ, увѣдомлять родныхъ и пр., и никому изъ прежнихъ друзей Л. Ал. и въ голову не пришло помочь В. Ив. Головину. Онъ телеграфировалъ брату Л. Ал. Вячеславу Ал. Мею, жившему въ то время въ Москвѣ. Онъ пріѣхалъ въ день похоронъ. Было холодно, рѣзкій сѣверо-восточный вѣтеръ разносилъ столбы пыли по улицамъ; за гробомъ мало шло народу. Л. Ал. похоронили на Митрофаньевскомъ кладбищѣ, вблизи отъ большой церкви. Когда его опускали въ могилу, кто-то сказалъ въ толпѣ: „Это хоронятъ послѣдняго русскаго поэта“. Люди, привыкшіе бывать у него, почувствовали себя осиротѣвшими; негдѣ было собраться, некому прочесть, не съ кѣмъ посовѣтоваться. Николай Ив. Кроль горько оплакивалъ смерть Л. Ал. и вскорѣ послѣ него тоже умеръ.

Глава XVI.

Послѣ смерти.

Послѣ смерти Л. Ал. изданіе его сочиненій продолжало печататься, его редактировалъ Н. В. Гербель. Но прежде, чѣмъ оно было совершенно окончено и выпущено въ свѣтъ, гр. Кушелевъ прекратилъ изданіе своего журнала „*Русское Слово*“ и уѣхалъ за границу. А типографія его, и вмѣстѣ съ нею изданіе сочиненій Л. Ал. Мея перешло почему-то къ Благосвѣтлову. Такъ назывался послѣдній редакторъ „Русскаго Слова“. Онъ жилъ одно время въ Лондонѣ у Герцена, въ качествѣ домашняго учителя, а потомъ ходилъ по Парижу, отыскивая какого-нибудь занятія. Ник. Ив. Кроль гдѣ-то съ нимъ встрѣтился. Въ качествѣ русскихъ, они тотчасъ же познакомились, сошлись, и Кроль представилъ его гр. Кушелеву какъ извѣстнаго ученаго, опытнаго редактора и благонамѣреннаго человѣка. Въ торжественныя минуты, желая придать себѣ интересъ новаго—передового человѣка, Благосвѣтловъ дѣлался недоступенъ: хмурилъ брови; принималъ видъ Олимпійца; таинственно на что-то намекалъ; чего-то не договаривалъ; вскользь ввертывалъ имя Герцена, фамильярно назы-

валъ его дочь Вѣрочкой и давалъ чувствовать, что вотъ въ немъ-то, въ Благосвѣтловѣ, и заключалась вся сила „Колокола“.

Захвативъ безправно чужое изданіе, Благосвѣтловъ не осмѣлился гласно дѣлать о немъ объявленій и пускать его въ продажу. Это сдѣлалось какое-то подпольное изданіе. Кому и гдѣ оно было продано, неизвѣстно. Вѣроятно букинисты распродали его гдѣ-нибудь на отдаленныхъ ярмаркахъ.

Такимъ образомъ имя Л. Ал. Мея изчезло изъ русской печати: современники начали забывать его, а новое поколѣніе и вовсе не знаетъ.

Льву Ал. Мею, какъ говорится, на роду было написано не богатѣть. Дѣдъ его разорился отъ наводненія; отецъ, или вѣрнѣе мать ограблена темными людьми; Масаловъ обманулъ его и помѣшалъ издавать народную газету; а послѣ его смерти, какой-то Благосвѣтловъ сдѣлался неожиданнымъ наслѣдникомъ всей его умственной дѣятельности и на четверть вѣка вычеркнулъ имя Л. Ал. Мея изъ литературы, убилъ о немъ память. Но вотъ, черезъ 25 лѣтъ послѣ его смерти, когда вышло новое изданіе его сочиненій, обо Львѣ Ал. Меѣ опять заговорили, хотя и не всегда справедливо. Въ этомъ случаѣ болѣе всего грустно, что В. Р. Зотовъ, принявшій на себя трудъ редактировать сочиненія Л. Ал. Мея, въ полномъ его изданіи: книгопродавца Н. Г. Мартынова 1887 г. и написавшій такой прекрасный, вполнѣ сочуственный, и добросовѣстный, критическій разборъ сочиненій Л. Ал. Мея, имѣлъ такъ мало данныхъ для составленія личной біографіи покойнаго поэта. Жизнеописаніе его не только не полно, но во многихъ случаяхъ невѣрно и не справедливо. Такъ напримѣръ: В. Р. Зотовъ называетъ отца Л. Ал. „обрусѣвшимъ чиновникомъ“. Александръ Ивановичъ Мей никогда не былъ чиновникомъ, это былъ одинъ изъ героевъ отечественной войны. Онъ умеръ еще совершенно молодымъ, такъ что Ольгѣ Ивановнѣ не пришлось ходить за старымъ мужемъ, хотя дѣйствительно *ей выпала тяжелая участь*, слишкомъ рано потерять его.

Далѣе: на ст. XXVIII, стараясь разгадать причину смерти Л. Ал., біографъ его относитъ ее почему-то къ знакомству съ гр. Кушелевымъ и съ молодыми писателями, которыми Л. Ал. окружилъ себя въ послѣдніе годы своей жизни. В. Р. Зотовъ начинаетъ свой перечень съ Моллера, котораго въ то время уже не было. Далѣе называются Толбинъ и Шишкинъ. Кто эти господа?. Такихъ именъ вовсе не встрѣчалось между окружавшими Л. Ал.; можетъ быть, онъ ихъ зналъ, но они не были въ числѣ его знакомыхъ. Алферьева Л. Ал. зналъ еще въ Москвѣ, они служили вмѣстѣ въ канцеляріи

Московскаго генер.-губер., но въ то время, о которомъ говорится, Алферьева давно уже не было на свѣтѣ. Л. Ал. говоритъ о немъ въ своемъ стихотвореніи „*Покойнымъ*“:

„Поклонникъ пламенный и мученикъ искусства:
Не могъ ты подчинить труду живого чувства,
Разсудкомъ обуздать не могъ своей мечты—
И пѣлъ, что пѣлося, безъ ладу, безъ разбора,
Какъ малое дитя, едва-ли разумѣвъ,
Что есть условный строй, наслушанный напѣвъ...
Не могъ перенести ты злого приговора
Заносчивыхъ судей: довѣрчивый поэтъ,
Ты видѣлъ въ гаерѣ Ахилла гнѣвъ и силу,
И—грустно вымолвить—сложилъ тебя въ могилу
Нахальной выходкой журнальный пустоцвѣтъ“.

Съ Ап. Ал. Григорьевымъ Л. Ал. былъ знакомъ тоже еще въ Москвѣ. Они работали вмѣстѣ въ „Москвитянинѣ“ у М. М. Погодина и Л. Ал. доканчивалъ переводъ романа Гете „Вильгельмъ Мейстеръ“, начатый А. Ал. Григорьевымъ, но почему-то перешедшій къ Л. Ал. Мею. Тамъ же находится „Пѣсня Миньены“. Кроля Л. Ал. не могъ не знать, это былъ родной братъ гр. Кушелевой; что же касается до Благосвѣтлова, то Л. Ал. не любилъ его, имѣя съ нимъ отношенія, только какъ съ редакторомъ „Рус. Сл.“, да и то старался имѣть дѣло съ графомъ, который вовсе не повиненъ въ смерти Л. Ал. Какъ это предполагаетъ В. Р. Зотовъ, гр. Кушелевъ любилъ Л. Ал. какъ брата и помогалъ ему, слѣдовательно, облегчалъ его существованіе. Л. Ал. умеръ отъ случайной простуды, слѣдствіемъ которой было воспаленіе легкихъ. Да еще отъ того, что не слушалъ предписаній доктора и истощилъ себя работой. Затѣмъ разсказывается дикая исторія: какъ Л. Ал., въ присутствіи двухъ пріятелей, принесъ изъ кухни топоръ и изрубилъ на полѣнья шкафъ орѣховаго дерева—приданое жены. Любопытно бы знать имена двухъ пріятелей, при которыхъ это совершалось? Ничего подобнаго никогда не было. И откуда взялся орѣховый шкафъ—приданое жены, ежели вся ихъ мебель была продана еще въ Москвѣ—въ гимназіи, послѣ того какъ Л. Ал. былъ переведенъ въ Одессу. Туда были отправлены только сундуки съ бѣльемъ, платьемъ, мелкими вещами и нѣкоторыми книгами Л. Ал.

Трудно тоже повѣрить, чтобы Л. Ал. во всю свою жизнь не написалъ ни одного письма, кромѣ трехъ записочекъ къ М. Ан. Загуляеву. Опъ писалъ къ матери, сестрѣ, брату, къ дядѣ, къ тестю и тещѣ, къ роднымъ и друзьямъ; наконецъ къ женѣ своей, когда

въ 1856 году она ѣздила въ Гапсаль, брать морскія ванны, и въ 1861-мъ году въ Каширу хлопотать о деньгахъ для журнала. Но послѣднія письма слишкомъ интимны, а изъ первыхъ многихъ давно уже нѣтъ на свѣтѣ. Кто еще живъ, далеко отъ Петербурга, да едва-ли В. Р. Зотовъ могъ къ нимъ обращаться, не имѣя понятія объ ихъ существованіи.

Л. Ал. не удалось видѣть на сценѣ свою „Псковитянку“, какъ онъ объ этомъ ни хлопоталъ. Только черезъ 28 лѣтъ, послѣ того какъ она была напечатана, и почти черезъ 26 лѣтъ послѣ его смерти: 27-го января 1888 г. въ бенефисъ Стрепетовой въ первый разъ появилась она на сценѣ. Благодаря А. А. Потѣхину, знавшему Л. Ал. еще въ 50-хъ годахъ, и режисеру г-ну Ѳедорову, „Псковитянка“ поставлена на сцену такъ хорошо, какъ только этого могъ желать самъ авторъ.

1-го февраля, послѣ второго представленія „Псковитянки“ участвовавшими въ ней артистами, на Митрофаньевскомъ кладбищѣ, на могилѣ Л. Ал. отслужена была панихида.

Л. Ал. Мей какъ личность и какъ поэтъ, ни разу не измѣнившій своему высокому призванію, вполнѣ заслуживаетъ любовь и уваженіе потомства.

„Человѣкъ онъ былъ!“.

А. Г. Полянская.

Изъ Подольской старины[1]).

IV.

Полученіе прихода.—Рукоположеніе въ санъ священника.—Консисторскіе порядки.—Добываніе іерейской грамоты.—Бытъ подольскаго духовенства въ половинѣ прошлаго столѣтія.—Бывшіе уніатскіе священники.—Архіерейскіе объѣзды.—Благочинные и ихъ значеніе въ округѣ.—Соборики.

По окончаніи паломничества въ Почаевъ я направился къ родителямъ своей невѣсты, а потомъ въ іюнѣ или іюлѣ 1853 года съ будущимъ шуриномъ ѣздилъ въ Каменецъ съ цѣлію пріискать приходъ. Въ это время въ городѣ свирѣпствовала страшная холера.

Справившись въ консисторіи о праздныхъ священническихъ мѣстахъ, я остановился на Иванковцахъ Хребтіевскихъ, приходѣ, считавшемся очень хорошимъ, гдѣ служили люди солидные, и подалъ прошеніе епископу Евсевію о зачисленіи прихода за мною. Въ виду недостатка въ достойныхъ кандидатахъ архіерей внялъ моей просьбѣ. Нужно было спѣшить съ женитьбою. Стоящая страдная пора не позволила скоро сдѣлать это, и только въ сентябрѣ мѣсяцѣ я обвѣнчался, а подъ рукоположеніе явился въ Каменецъ уже въ ноябрѣ. Причиною послѣдняго обстоятельства было неимѣніе денегъ, необходимыхъ на посвященіе и пріобрѣтеніе соотвѣтствующаго служенію сану платья. Тесть, хотя и слылъ за человѣка со средствами, хорошаго хозяина, денегъ не имѣлъ и едва могъ дать мнѣ 40 рублей, которые занялъ у кузнеца. Въ санъ пресвитера я былъ посвященъ 20 ноября. Вновь рукоположенные іереи обыкно-

[1]) См. „Русская Старина“ сентябрь 1911 г.

венно должны были служить въ архіерейской церкви, что продолжалось недѣлю. Впрочемъ, этотъ срокъ сокращался или увеличивался въ зависимости отъ того, какую мзду вносилъ служащій наблюдающему архіерейскому духовнику.

Въ описываемое время новорукоположеннымъ священникамъ выдавались изъ консисторіи 30 рублей на первоначальное обзаведеніе. Деньги, данныя тестемъ, понемногу разошлись, а потому я послѣ перваго служенія иду въ присутствіе, чтобы получить причитающееся по положенію. Формальностей тогда я еще не зналъ и спросилъ тамъ, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Мнѣ посовѣтовали обратиться къ столоначальнику Яблонскому, имѣвшему отношеніе и къ казначейству консисторіи. Являюсь къ нему и прошу его объяснить, какъ мнѣ поступить, чтобы получить слѣдуемые мнѣ 30 рублей: „Дайте мнѣ 3 рубля, а я вамъ 27 рублей дамъ“, былъ отвѣтъ. Дѣлать было нечего; пришлось дать обѣщаніе. Послѣ этого Яблонскій приказалъ мнѣ написать продиктованное имъ прошеніе и подать его въ присутствіе. Здѣсь секретарь сдѣлалъ на немъ отмѣтку, и я съ прошеніемъ снова возвратился къ Яблонскому, который выдалъ мнѣ 27 рублей, а 3 рубля по условію удержалъ. Такіе тогда были порядки въ консисторіи! Взяточничество процвѣтало въ неимовѣрной степени. Я былъ доволенъ и тѣмъ, что мнѣ удалось получить хоть 27 рублей. На эти деньги я предполагалъ пріобрѣсть себѣ теплую рясу, но вышло иначе, такъ какъ и изъ нихъ мнѣ пришлось выдѣлить значительное количество на консисторцевъ же.

Въ подвальномъ этажѣ консисторскаго зданія жили два служителя. Только что я вышелъ изъ присутствія, вдругъ подбѣгаетъ одинъ изъ служителей и проситъ зайти къ нему въ помѣщеніе. Оно, какъ я послѣ узналъ, носило спеціальное названіе „закусочной“, которой не миновалъ ни одинъ ставленникъ. Съ недоумѣніемъ спускаюсь за нимъ. Онъ ввелъ меня въ чисто убранную комнату. Посрединѣ ея стоялъ накрытый скатертью столъ, за которымъ на первомъ планѣ сидѣлъ членъ консисторіи протоіерей Лотоцкій. Хотя онъ и считался служащимъ, но, по ограниченности своей, ничего не дѣлалъ; подписывалъ лишь бумаги, написанныя столоначальникомъ, да скрѣплялъ метрическія книги. Тутъ же были и еще какіе-то чиновники. На столѣ стоялъ графинчикъ водки и большой графинъ бессарабскаго краснаго „протоіерейскаго“ [1]) вина и закуска: селедка, икра, ветчина домашняго приготовленія и др. „Закусите съ нами“, вѣжливо предложили мнѣ. Сами присутствующіе

[1]) Это только вино и пилъ прот. Лотоцкій, вслѣдствіе чего оно и носило такое названіе.

усердно потребляли находившееся предъ ними. Я сѣлъ. Дѣло было послѣ службы; голодъ давалъ себя чувствовать, и потому я не заставилъ себя долго упрашивать, а, воспользовавшись любезнымъ приглашеніемъ, выпилъ и закусилъ. Они бесѣдовали, а я думалъ, откуда такое благоволеніе консисторцевъ. Свою мысль я высказалъ и вслухъ. „То конселяція (consolatio)“, говорятъ мнѣ, „слѣдуетъ дать за это шесть рублей“. Какъ ни тяжко мнѣ было сдѣлать это, но былъ долженъ отсчитать требуемое, хотя не съѣлъ, можетъ быть, и на полтинникъ. Теплой рясы уже не пришлось купить.

Пробѣжала и очередная недѣля. Являюсь къ руководившему духовнику подписать „дѣло“, касающееся меня и моей службы. Духовникъ былъ человѣкъ грубый и корыстолюбивый. До монашества онъ состоялъ сельскимъ священникомъ, попалъ подъ уголовный судъ и, говорили, только благодаря уходу въ монашество, избѣгъ достойнаго возмездія. Дѣло его состояло въ томъ, что онъ, поймавши воровъ въ своей конюшнѣ, истязалъ ихъ, подвязавъ пальцами къ балкѣ. Происшедшее какъ-то обнаружилось, и онъ былъ привлеченъ къ суду. Это прошлое не помѣшало ему быть архіерейскимъ духовникомъ. Къ нему нужно было идти съ вознагражденіемъ. Денегъ у меня уже почти совсѣмъ не было, а потому я предложилъ ему только одинъ рубль. Конечно, такая мизерная мзда не могла удовлетворить монаха, и онъ рѣшительно отказался подписать мое „дѣло“, и, чтобы вызвать на болѣе щедрую подачку, послалъ еще служить въ Троицкій монастырь, на другой день—въ соборъ, потомъ снова въ крестовую церковь. Вижу, что добра мнѣ отъ него не ждать, и безъ денегъ онъ не подпишетъ моего дѣла, что необходимо было для полученія священнической граматы, отправляюсь къ соборному священнику Виноградову, бывшему моему профессору, высказываю свою печаль, даю три рубля и прошу подписать. Онъ тотчасъ же далъ обо мнѣ и моемъ служеніи хорошій отзывъ, съ которымъ я пошелъ къ письмоводителю Родкевичу, бывшему моему товарищу по училищу; онъ выдавалъ граматы. Предлагалъ было и ему рубль, но онъ по знакомству не захотѣлъ взять денегъ, и я получилъ такимъ образомъ грамату совершенно безмездно. Легко вздохнулъ я, получивъ на руки этотъ необходимый документъ, и отправился къ своей паствѣ въ Иванковцы Хребтіевскіе.

Съ энергіей молодого человѣка я взялся за служеніе церкви Божіей и простому народу. Но къ сожалѣнію съ первыхъ же шаговъ началъ встрѣчать своей дѣятельности отпоръ и въ невѣжествѣ прихожанъ, и въ несочувствіи помѣщика-католика, не находилъ поддержки и въ своихъ собратьяхъ-священникахъ.

Составъ подольскаго духовенства того времени по образованію

былъ даже болѣе пестрый, чѣмъ теперь. Окончившихъ курсъ семинаріи было мало. Большинство же были недоучки изъ разныхъ отдѣленій и классовъ семинаріи и духовнаго училища, достигшіе священства тяжелою службою въ дьякахъ и діаконахъ. Конечно, эти люди не удовлетворяли своему назначенію. Единственнымъ ихъ достоинствомъ, къ чести ихъ сказать, была искренняя вѣра, вѣра простая безъ всякаго богословствованія.—По своей малокультурности и мало развитости они мало отличались отъ своихъ прихожанъ.

Многіе были совсѣмъ малограмотны: съ трудомъ писали, плохо читали не только по-русски, но и по-славянски. Одинъ напр. читалъ Варнава вмѣсто Варавва. Понятно, что при такомъ низкомъ уровнѣ образованія духовенства проповѣдничество, учительство, какъ одна изъ главнѣйшихъ функцій пастырства, далеко не процвѣтало. Во всѣ церкви была разослана книга „о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“, изъ которой и предписано было читать поученія народу.

Впрочемъ, образованнымъ священникамъ вмѣнялось въ обязанность писать поученія собственнаго составленія и представить не меньше трехъ такихъ поученій цензору, которымъ въ округѣ былъ благочинный, а послѣдній отсылалъ ихъ въ консисторію, гдѣ они безслѣдно исчезали. Помню такой случай въ нашемъ округѣ. Священникъ Самолевичъ, человѣкъ честолюбивый, любилъ очень произносить поученія экспромптомъ, писалъ проповѣди, впрочемъ, большею частію по одному шаблону. Не получая ихъ, вѣроятно, отъ благочиннаго, онъ заподозрилъ послѣдняго въ недобросовѣстности и потому обратился къ преосв. Евсевію съ жалобою. Въ ней онъ высказалъ, что онъ часто представляетъ благочинному Стрѣльбицкому поученія, но какова ихъ судьба дальнѣйшая не знаетъ, предполагаетъ же, что онѣ не получаютъ движенія, а остаются у благочиннаго, „око де благочиннаго Стрѣльбицкаго лукаво, яко азъ благъ есмь“. На этомъ прошеніи послѣдовала такая резолюція преосвященнаго: „за неумѣстное употребленіе священнаго писанія запретить навсегда священнику Самолевичу говорить поученія“. Это для него было сильнымъ наказаніемъ. Вообще же проповѣдничество было развито мало, говорили изъ книги или по тетрадкѣ. Живого, понятнаго народу слова тогда почти не раздавалось съ церковной каѳедры. Для поднятія проповѣдничества принимались кое-какія мѣры. Напр. сельскіе священники вызывались для произношенія поученій въ уѣздный соборный храмъ и въ самый г. Каменецъ. Здѣсь предварительно являлись къ каѳедральному ключарю, протоіерею Троицкому, который тогда былъ духовнымъ цензоромъ. При

представленіи проповѣди вручали ему и мзду въ количествѣ одного рубля. И только по полученіи денегъ о. протоіерей чертилъ: „Слово сіе съ словомъ Божіимъ согласно“ и проч. Мнѣ, помню, назначено было написать проповѣдь на день коронаціи Государя Императора Николая Павловича, который къ тому времени уже скончался. По-видимому ѣздить съ ненужнымъ уже поученіемъ не было необходимости, но, боясь взысканія и штрафа со стороны епархіальнаго начальства, я все-таки слово приготовилъ, поѣхалъ въ Каменецъ, выполнилъ всю процедуру съ цензурою и явился къ архіерею, который вышелъ ко мнѣ и, выслушавъ, отпустилъ домой, давши наставленіе молиться объ упокоеніи души Государя. Выходило, что я ѣздилъ за 60 верстъ „киселя хлебать“.

Существующая церковная проповѣдь была тогда поставлена въ очень узкія рамки, и проповѣднику, желавшему что-нибудь сказать, приходилось поступать осмотрительно. Ввести въ проповѣдь, такъ сказать, публицистическій элементъ, говорить на современныя событія, злободневныя темы, было довольно опасно, да этого не долюбливали помѣщики и начальство разнаго рода. Поэтому проповѣдь по необходимости носила характеръ слишкомъ отвлеченный, была недоступна пониманію народа и никакого дѣйствія на слушателей не производила. Для характеристики того времени въ отношеніи проповѣдничества нельзя не упомянуть о слѣдующемъ фактѣ. Въ 1853 году было разослано по церквамъ воззваніе Сѵнода, гдѣ говорилось объ осажденномъ Севастополѣ. Воззваніе было характера строго патріотическаго. По полученіи этого воззванія я, посовѣтовавшись со своими сосѣдями-соокружниками, рѣшилъ его не читать, чтобы не вызвать какого-нибудь движенія въ народѣ, напр. массоваго поступленія въ ратники ополченія. Народъ могъ хлынуть въ ратники не только изъ патріотическаго чувства, но больше чтобы хоть на время избавиться отъ тягостей крѣпостного права. Священникъ же сосѣдняго со мною прихода с. Отрокова Кондрацкій прочелъ крестьянамъ воззваніе и объяснилъ его. Народъ, дѣйствительно, заволновался. Разслѣдовали дѣло, помѣщикъ, поддерживаемый полиціею, настоялъ на томъ, чтобы священникъ былъ взятъ въ тюрьму, изъ которой, впрочемъ, былъ выпущенъ вслѣдствіе хлопотъ его родныхъ, но новаго прихода уже не получилъ. И это за чтеніе не своего измышленія, а сѵнодскаго воззванія... Въ скоромъ времени это воззваніе совсѣмъ отобрали у насъ.

Жило подольское духовенство въ описываемое время бѣдно, такъ какъ бѣдняки-прихожане, которые и въ церковь-то часто не имѣли времени заглянуть, за требы давали очень незначительную плату. Такъ за бракъ и погребеніе получался одинъ рубль, за заказную

литургію съ панихидою—30 коп., за прочія требы еще меньше. Священники жили отъ земли. Они сами хозяйничали, держали много скота. Но заниматься тогда сельскимъ хозяйствомъ, при томъ еще съ первобытными орудіями производства, представляло мало выгоды, если принять во вниманіе существовавшія низкія цѣны на сельскохозяйственные продукты.

По закону положено было, чтобы помѣщикъ обработывалъ священнику 3 десятины озимины, столько же ярины и 1 десятину сѣнокосу. Но это рѣдко дѣлалось, такъ какъ помѣщики, поляки по преимуществу, относились къ духовенству пренебрежительно и даже враждебно. Нѣкоторые изъ священниковъ жаловались на пановъ и тягались съ ними, но на это рѣшались, впрочемъ, лишь немногіе смѣльчаки. Тогда при забитости и приниженности православнаго духовенства тягаться съ богатыми польскими панами, еще не скомпрометтировавшими себя мятежемъ и пользовавшимися пока довѣріемъ правительства, имѣвшими громадныя связи, задаривавшими судей и полицію, было трудно, почти невозможно.

Для улучшенія матеріальнаго быта духовенства съ 1842 г. было положено причтамъ Юго-Западнаго края казенное жалованье, впрочемъ, не во всѣхъ приходахъ одинаковое. Приходы по жалованью были раздѣлены на нѣсколько (7) классовъ. Первые три класса не получали жалованья. Въ четвертомъ классѣ въ годъ давалось 140 р., въ пятомъ—120 р., въ шестомъ—100 р. и въ седьмомъ—80 р. Въ случаѣ какого-либо несчастія или тяжелаго семейнаго положенія по представленію благочиннаго выдавалось иногда пособіе изъ Епархіальнаго Попечительства. Такъ разъ мой дядя, пострадавшій отъ пожара, получилъ 80 рублей.

Въ своемъ домашнемъ быту духовенство было поразительно просто. Оно жило почти тѣми же интересами, что и крестьяне. Служба церковная и требы были единственною работою по приходу. Немудреный трудъ этотъ осложнялся занятіями по хозяйству, при чемъ нерѣдко самъ священникъ со всѣми своими домочадцами выходилъ въ поле пахать, боронить, сѣять, жать и пр. Нѣкоторые даже рисовались этимъ. Разъ ѣду въ лѣтнюю пору на своихъ лошадяхъ въ натачанкѣ и по дорогѣ нагоняю человѣка, одѣтаго въ простую рубаху, съ косою на плечахъ.

Всматриваюсь—священникъ Самолевичъ. Привѣтствую и спрашиваю: „Что вы это въ такомъ видѣ?“ „А вы что?“ говоритъ онъ съ своей стороны. „Вы по-пански ѣдете, бо паны, а я бидный чоловикъ; мнѣ нужно работать. Не имѣю возможности нанять косарей и самъ иду на сѣнокосъ“.

Развлеченій у духовенства почти никакихъ не было. Не было

ни книгъ, ни газетъ для чтенія, такъ онѣ были недоступны по цѣнѣ, не было ни картъ, ни игры на музыкальныхъ инструментахъ. Все сводилось къ разговорамъ и выпивкѣ. Всякое семейное торжество, свадьба, крестины, похороны справлялись очень продолжительно. Обыкновенно съѣзжалась вся родня и близкіе священники съ семействами. Такъ же праздновался и престольный праздникъ. Бывало, соберемся гдѣ-нибудь на праздникѣ, разсядемся, запалимъ длинные чубуки. Заводятся степенные разговоры о погодѣ, о лошадяхъ, о хозяйствѣ, о приходскихъ дѣлахъ. Женщины въ другой комнатѣ ведутъ свои разговоры. Такъ идетъ время до закуски. И только за закускою и обѣдомъ подъ вліяніемъ выпивки языки постепенно развязывались. Становилось шумно, весело; то и дѣло слышались шутки, остроты и смѣхъ. Иногда такое праздничное времяпрепровожденіе разнообразилось прогулками, играми, пѣніемъ, при чемъ пѣли все больше простыя, малороссійскія пѣсни. Такъ проходило нѣсколько дней. Пора уже разъѣзжаться и по домамъ. Гости прощались съ хозяевами. Въ сѣняхъ хозяинъ останавливалъ ихъ, просилъ выпить на дорожку; гости не въ силахъ были отказать, возвращались въ комнату; завязывался продолжительный разговоръ. Наконецъ выходили на дворъ и здѣсь выпивали чарки. Это называлось пить „дышлёвэ“ (дышловое—отъ дышловой упряжки лошадей). Такимъ образомъ прощанье продолжалось часа два и болѣе.

Жили священники и жизнью своихъ прихожанъ; они были участниками всякихъ семейныхъ торжествъ послѣднихъ. Родится ребенокъ, священникъ приглашался давать молитву родильницѣ и наречь имя ребенку непремѣнно на домъ, гдѣ предлагали ему выпить и закусить. То же самое было и на крестинахъ и на поминкахъ. И нужно правду сказать, что чарка много способствовала тогда единенію, сближенію священника со своими прихожанами.

Въ описываемое время были еще доживавшіе свой вѣкъ священники—бывшіе уніаты. Когда уничтожилась унія, большинство уніатскихъ священниковъ перешло въ католичество, нѣкоторые ушли въ Галицію и только немногіе согласились перейти въ православіе. Интересный типъ представляли эти перешедшіе изъ уніи священники, тяготѣвшіе ко всему польскому и католическому. Бытъ ихъ ничѣмъ не отличался отъ быта католическихъ ксендзовъ. Для характеристики скажу о протоіереѣ Лабейковскомъ, бывшимъ въ 50-хъ годахъ настоятелемъ Николаевской церкви въ г. Каменцѣ. Не знавшій его съ удивленіемъ останавливался, когда видѣлъ фигуру довольно странную по необычайности и смѣшенію одежды и убранства православныхъ священниковъ съ католическими. Онъ былъ

очень высокаго роста, худощавый, гладко выбритый, носилъ „габиту“ и въ то же время наперсный крестъ и камилавку. Семинаристы глумились надъ нимъ и называли „млыньскій слупъ“ (мельничный столбъ). Одинъ изъ архіереевъ подольскихъ настойчиво убѣждалъ Лабейковскаго перемѣнить одежду и запустить бороду, но тотъ ни за что не хотѣлъ этого сдѣлать. Служилъ онъ на католическій манеръ, уставъ церковный зналъ очень плохо, да и не справлялся съ нимъ, а служилъ такъ, какъ подсказывала ему его плохая память, а иногда и фантазія. Лабейковскій не признавалъ никакихъ начальственныхъ распоряженій. Вѣнчалъ самые невозможные браки и даже развѣнчивалъ повѣнчанные другими. Велъ жизнь вполнѣ свѣтскаго человѣка и любилъ играть въ карты. Разсказывали про него, что онъ однажды прямо изъ-за картъ пришелъ въ церковь на страсти въ Великій Четвертокъ и, такъ какъ былъ въ проигрышѣ, страшно сердился и перепуталъ всю службу къ соблазну немногочисленныхъ, впрочемъ, богомольцевъ. Во время богослуженія онъ велъ себя вообще вольно и безъ подобающаго благоговѣнія. Такъ однажды Лабейковскій совершалъ кажденіе въ церкви во время всенощнаго бдѣнія. Проходя мимо одной своей хорошей знакомой барыни, онъ подалъ ей руку, остановился и началъ разговаривать, опомнился лишь тогда, когда псаломщикъ, пропѣвши все, ему положенное, замолчалъ. Разъ во время всенощной же, когда псаломщикъ пѣлъ ирмосъ: „Коня и всадника“, онъ обратился къ нему и громко на всю церковь сказалъ: „Досыть тэго коня (довольно того коня), спивай южъ воды прошедъ“; выраженіе, сдѣлавшееся крылатымъ и долго употреблявшееся въ видѣ присловья среди подольскаго духовенства.

Прот. Лабейковскій былъ членъ консисторіи, но ничего въ дѣлахъ не понималъ и лишь подписывалъ бумаги. Взятки брать все-таки не стѣснялся.

Въ мое время ходило очень много разсказовъ о странностяхъ бывшихъ уніатскихъ священниковъ, перешедшихъ въ православіе.

Въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, извѣстный кіевскій протоіерей Скворцовъ по предписанію Св. Синода ревизовалъ нашу епархію и ѣздилъ по приходамъ ея чуть-ли не два года. Ревизовалъ онъ и въ Ярмолинцахъ. Еще не доѣзжая до этого мѣстечка, въ которомъ прежде былъ католическій „кляшторъ“, Скворцовъ уже слышалъ отъ многихъ, что священникъ въ Ярмолинцахъ, Левицкій изъ уніатовъ, человѣкъ образованный, кончившій курсъ за границею. Скворцовъ пріѣхалъ въ Ярмолинцы, но не засталъ дома священника Левицкаго. Очень можетъ быть, что тотъ нарочно избѣгалъ

встрѣчи съ синодальнымъ ревизоромъ, благодаря и особенностямъ своего характера очень замкнутаго и недовѣрчивымъ отношеніямъ ко всѣмъ вообще представителямъ русской власти. Скворцову, спросившему о мѣстонахожденіи священника, сказали предположительно, что онъ вышелъ въ поле.

Скворцовъ отправился по указанному пути и на полянѣ, подъ стогомъ сѣна нашелъ Левицкаго, углубившагося въ чтеніе какой-то книжки. Скворцовъ подсѣлъ къ ярмолинецкому батюшкѣ. Книжка, которую онъ читалъ, оказалась Горацiемъ въ подлинникѣ. Между ними завязалась бесѣда, которая продолжалась очень долго. Ученый протоіерей былъ пріятно удивленъ, что въ глуши нашелъ вполнѣ образованнаго человѣка. По пріѣздѣ въ Каменецъ, онъ разсказалъ тогдашнему преосв. Кириллу и просилъ его наградить Левицкаго значительной по тому времени наградою—скуфьей, выдававшейся еще Св. Синодомъ по представленію Епархіальнаго начальства. Просьба Скворцова была исполнена. Тогда было въ обычаѣ вызывать награжденнаго въ Каменецъ для того, чтобы самъ архіерей возлагалъ на него награду. Указомъ консисторіи вызванъ былъ и Левицкій въ Каменецъ. Долго тотъ собирался. Наконецъ, приладивши возъ, набравши корму не менѣе, какъ на недѣлю и столько же съѣстныхъ припасовъ, хотя Ярмолинцы были всего въ 60-ти верстахъ отъ Каменца, Левицкій поѣхалъ туда. Но доѣхавши почти до самаго города остановился, долго раздумывалъ и повернулъ домой къ неописуемому удивленію своего возницы. Дома пріѣздъ его также надѣлалъ не мало переполоху. Думали, что случилось какое-нибудь несчастіе съ „панъ-отцомъ“. На вопросы своей жены Левицкій объявилъ, что онъ въ Каменецъ не поѣдетъ. Но побуждаемый неоднократными указами консисторіи и усиленными просьбами своей жены, снова двинулся въ Каменецъ, но съ дороги опять вернулся домой и ужь послѣ того ни указы консисторіи, ни мольбы и упреки жены не могли поколебать его рѣшенія. Такъ преосв. Кириллъ и не дождался Левицкаго въ Каменецъ.

Другого, перешедшаго изъ уніи свящ. Гречину, изъ с. Байраки, я лично видѣлъ нѣсколько разъ. Онъ, будучи правосл. священникомъ, носилъ сутану, брился и только предъ смертью запустилъ бороду. За то, что во время 2-го польскаго мятежа онъ скомпрометтировалъ себя и не умѣлъ служить по православному, былъ вызванъ въ Каменецъ и лишенъ прихода.

Бывшіе уніатскіе священники, какъ и вообще католическіе ксендзы, ради привлеченія народа, а слѣдовательно и доходовъ, измышляли „отпусты“—торжественныя празднества. Иллюстраціей того, какъ

они это устраивали, можетъ служить случай съ тестемъ моего тестя Монастырскимъ.

По преклонности лѣтъ онъ не имѣлъ прихода и жилъ при зятѣ. Привычка получать доходы осталась, а удовлетворить ее не было возможности. Онъ прибѣгаетъ къ слѣдующему. Въ церкви стояли безъ употребленія старыя хоругви, на которыхъ иконы были писаны на полотнѣ красками. Онъ вырѣзываетъ эти иконы и ночью несетъ на криничку (колодчикъ), находившуюся на церковномъ полѣ. Криничка представляла изъ себя стокъ воды, и воды прекрасной, бьющей изъ камня. Здѣсь онъ зажигаетъ свѣчи, бросаетъ на дно кринички иконы, которыя хорошо были видны сквозь чистую воду. Народъ постоянно пользовался водою изъ этой кринички. Приходитъ одна женщина, другая и съ удивленіемъ видятъ: горятъ свѣчки, а въ криничкѣ какія-то свящ. изображенія; заключаютъ, что они явленныя. Слухъ скоро разносится по селу. Крестьяне толпами стекаются на поле, къ криничкѣ. Монастырскому того и нужно было. Онъ является туда въ церк. облаченіи, читаетъ акафисты, поетъ молебны. Цѣль достигнута: мѣдяки и даже серебро щедро попадаютъ въ его карманъ. Между тѣмъ мѣстный діаконъ, понявъ, въ чемъ дѣло, тотчасъ отправился къ благочинному и доложилъ ему обо всемъ. Благочинный приказалъ ему тайкомъ свѣчи потушить, а криничку совершенно засыпать, что онъ и сдѣлалъ.

Однообразіе жизни духовенства нарушалось архіерейскими ревизіями, которыхъ, поэтому, нельзя пройти молчаніемъ.

Вѣсть о томъ, что архіерей ѣдетъ по ревизіи, повергала духовенство тѣхъ мѣстъ, гдѣ долженъ былъ проѣзжать онъ, въ трепетъ и смятеніе. Архіерей ѣхалъ обыкновенно съ многолюдной свитой и хоромъ пѣвчихъ. Вся эта прожорливая стая, кстати сказать, между духовенствомъ носившая названіе „саранчи“, вела себя въ высшей степени безцеремонно. Она не только съ неимовѣрнымъ аппетитомъ истребляла всякія снѣди, приготовленные запасы водокъ, наливокъ, вина, но и нагло вымогала, гдѣ только могла и сколько могла, презрѣнный металлъ. Забитый деревенскій священникъ того стараго времени изъ кожи лѣзъ, чтобы угодить каждому изъ архіерейскихъ приспѣшниковъ. Онъ трепеталъ не только предъ архіереемъ и сопровождавшимъ его ключаремъ, но и предъ протодіакономъ и другою челядью, не исключая кучера, которая вела себя въ высшей степени гордо и важно. Особенно отличались такою важностію и по осанкѣ и по голосу протодіаконы. Мнѣ припоминается необыкновенно типичная въ этомъ отношеніи фигура протодіакона Красицкаго. Онъ окончилъ курсъ семинаріи при преосв. Кириллѣ, уже будучи въ санѣ діакона. Тогда это можно было. Я представляю его себѣ съ необыкновенною

важностію выступающимъ по улицѣ. Встрѣчавшіеся деревенскіе батюшки низко, низко ему кланялись, а онъ еле отвѣчалъ на эти поклоны. Впрочемъ, если люди пожилые и старые вели себя такъ почтительно по отношенію къ протодіакону Красицкому, легкомысленная молодежь жестоко издѣвалась надъ нимъ. Семинаристы не давали ему прохода и при встрѣчѣ всегда дразнили его. Впрочемъ, о. протодіаконъ и въ такомъ случаѣ не терялъ своей важности. Обыкновенно онъ на всѣ чинимыя ему обиды отвѣчалъ, обращаясь больше къ публикѣ, чѣмъ къ своимъ обидчикамъ: „Жаль, что не взялъ трости, сейчасъ бы пошелъ къ Владыкѣ“.

Низкопоклонство духовенства доходило до того, что нѣкоторые изъ священниковъ цѣловали у Красицкаго руку, что тотъ снисходительно позволялъ дѣлать. Разсказывали, что когда онъ путешествовалъ на свою родину въ Волынскую губернію и по пути заѣзжалъ къ сельскимъ батюшкамъ, то вездѣ былъ встрѣчаемъ ими съ большимъ почетомъ. Его угощали на славу и давали ему безплатно лошадей до слѣдующей станціи. „Отъ меня *про* никогда не отпадетъ, говорилъ онъ угощающимъ батюшкамъ, сегодня протодіаконъ, а завтра протоіерей“. Дѣйствительно, когда Красицкій началъ терять голосъ и принужденъ былъ выйти въ священники въ одинъ изъ сельскихъ приходовъ, его вскорѣ назначили благочиннымъ.

Но при своей природной недалекости онъ такъ разлѣнился и разжирѣлъ, что совершенно былъ не въ состояніи заниматься по благочинію и былъ уволенъ въ скоромъ времени отъ должности благочиннаго.

Красицкій и его преемники: Туровичъ, Разворовичъ, Левицкій обладали прекрасными голосами и любили выпить. Разворовичъ, напр., напивался до того, что валялся иногда на губернаторской площади. А какіе это были могучіе голоса!.. Левицкій при преосв. Евсевіи былъ діакономъ въ предмѣстьѣ Каменца Польскихъ Фольваркахъ, раздѣленныхъ отъ города глубокой стремниной. И вотъ что разсказывали. Архіерейскій пѣвчій Шумлянскій, одинъ изъ собутыльниковъ Левицкаго, кричитъ изъ архіерейскаго сада чрезъ оврагъ на Польскіе Фольварки къ Левицкому (разстояніе было около версты): „Ку-у-рта!“ (прозвище Левицкаго). А тотъ отвѣчаетъ: „Чего ты орешь?“ Пѣвчій кричалъ: „Давай на „глазъ“ („глазъ“ въ шутку замѣнилъ „око“ — штофъ водки по мѣстному нарѣчію). Преосв. Евсевій услышалъ перекличку и поставилъ обоихъ на поклоны, хотя не мало подивился ихъ богатырскимъ голосамъ. Вотъ такія-то личности находились въ свитѣ архіереевъ при ихъ объѣздѣ по епархіи и которыхъ нужно было духовенству задаривать.

Если нашествіе архіерейской среды пугало духовенство, которое такъ почтительно заискивающе относилось къ лицамъ архіерейской свиты, то самъ виновникъ этой суматохи—архіерей, даже одно представленіе о немъ, повергало духовенство прямо въ ужасъ. Обсуждалась каждая мелочь, предугадывались всякія могущія встрѣтиться случайности. Но, конечно, всего нельзя было предвидѣть, и потому никто не могъ даже гадательно что-нибудь сказать опредѣленное относительно того, какъ сойдетъ ревизія.

Архіерей могъ обратить вниманіе на то, что никому и въ голову не приходило, могъ разгнѣваться за всякое опущеніе, иногда только кажущееся. Всякій представлялъ владыкъ именно какъ владыкъ—непремѣнно и прежде всего строгихъ, въ высшей степени взыскательныхъ, каковыми большею частію они и были на самомъ дѣлѣ. И не даромъ въ умахъ и представленіи приниженнаго духовенства форма отношеній его къ своимъ архипастырямъ установилась чисто восточная. Одни (сельское духовенство) въ трепетѣ и смятеніи падали предъ владыками ницъ, а тѣ при этомъ выраженіи уваженія къ нимъ напоминали собою фигуру того восточнаго деспота, о которомъ говорится: „Гнѣвъ царя, аки ревъ льва“...

При ревизіяхъ для ночлега и отдыха вообще архіереи останавливались большею частію у помѣщиковъ, не только русскихъ, но и поляковъ; съ подвѣдомственнымъ же духовенствомъ разговаривали мало. Ревизію ограничивали бѣглымъ осмотромъ храма и церковныхъ документовъ. При этомъ часто срывали на духовенствѣ дурное расположеніе духа, происходившее отъ многихъ причинъ: и отъ тягостей дорожныхъ, и отъ утомленія, и отъ собственныхъ немощей, обусловливаемыхъ всегда почти болѣе или менѣе преклоннымъ возрастомъ. Исключеніе составлялъ лишь „смиренный“, всегда обходительный, добрѣйшій, вѣжливый Кириллъ. Преосв. Елпидифоръ былъ очень вспыльчивъ. Малѣйшая ошибка могла служить для него поводомъ напуститься и раскричаться на провинившагося.

Однажды Арсеній назначилъ ревизію въ с. Кузьминѣ, куда съѣхались для представленія ему священники изъ двухъ благочинническихъ округовъ. Точно дня, а тѣмъ болѣе часа архіерейскаго прибытія въ маршрутѣ, конечно, не было указано. Не желая подвергнуться непріятностямъ отъ епископа, заблаговременно съѣхавшееся въ Кузьмино духовенство наняло жидовскій постоялый дворъ (заѣздъ) и жило тамъ два дня. Спали вездѣ, гдѣ только можно было, на полу, на соломѣ. Наконецъ пріѣхалъ со свитою такъ долго ожидаемый преосв. Арсеній. Осмотрѣвши церковь, онъ зашелъ въ

домъ мѣстнаго священника Добржанскаго, который былъ и благочиннымъ. Усѣвшись въ небольшой горницѣ около стола и понюхавши табаку, Арсеній обвелъ всѣхъ, робко толпившихся въ комнатѣ священниковъ и псаломщиковъ, глазами и спросилъ своимъ гнусавымъ голосомъ: „А что мы сейчасъ будемъ дѣлать?“ и затѣмъ, немного помолчавши, самъ же отвѣтилъ: „Экзаменовать... Ну, начнемъ съ хозяина“...

Пожилой, почтенный о. благочинный, смущенный присутствіемъ подвѣдомственнаго ему духовенства, подошелъ къ столу, за которымъ сидѣлъ архіерей. Въ это самое время вошла хозяйка дома. Деревенская матушка совсѣмъ утомилась за хозяйственными и кухмистерскими хлопотами. Кому, кому, а на ея долю больше всего досталось трудовъ и заботъ по пріему гостей. Нужно всѣхъ накормить и ублаготворить, А народу не мало!... Однихъ пѣвчихъ два фургона. Нужно накормить и фурмановъ (кучеровъ) и о лошадяхъ позаботиться. Мужъ все время—съ владыкою, а слѣдовательно, не могъ раздѣлить ея трудовъ. Не мудрено, что матушка, вошедшая въ чистую горницу за какими-то болѣе деликатными припасами, въ родѣ рису или чего-нибудь подобнаго, была въ приподнятомъ настроеніи духа. Одѣта она была по-домашнему въ башмаки на босу ногу, въ подтыканной юбкѣ и съ платочкомъ на плечахъ.

— А вотъ и матушка пришла... Желаетъ послушать, какъ будетъ отвѣчать ея мужъ,—замѣтилъ преосвященный.

Чаша терпѣнья бѣдной сельской попадьи была переполнена. Изъ устъ ея неудержимымъ потокомъ полилась нервная, гнѣвная рѣчь.

— Эге-э!.. Будэ вже того... На що жь винъ кинчывъ ту семинарію? Доки жъ його будутъ экзаменовать? Но то жъ його попомъ зробылы?.. и дальше въ томъ же родѣ.

Хозяинъ сталъ бѣлѣе полотна. Гости пришли еще въ большій трепетъ и смятеніе, чѣмъ прежде. И самъ архіерей въ первыя минуты нѣсколько разстерялся и не зналъ, что ему предпринять. Наконецъ, когда потокъ краснорѣчія хозяйки видимо сталъ изсякать, и она на мгновеніе смолкла, Арсеній промолвилъ добродушнымъ тономъ:

— Такъ развѣ не экзаменовать?.. Хозяйка не велитъ... Ну, такъ не будемъ экзаменовать, — и началъ просматривать документы.

Вотъ это-то добродушіе преосв. Арсенія, несмотря на его грубость, рѣзкость и суровость, выгодно отличало его среди другихъ подольскихъ владыкъ нашего времени и было причиною того, что

у духовенства сохранились о немъ въ общемъ хорошія воспоминанія.

Не таковъ былъ одинъ изъ ближайшихъ его преемниковъ преосв. Евсевій,—человѣкъ гордый, холодный, взыскательно, презрительно относившійся къ духовенству.

Вскорѣ по поступленіи на приходъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ одной его ревизіи. Собрали насъ въ село Ивашковцы, имѣніе русской помѣщицы, генеральши Дивовой. Туда пріѣхало насъ человѣкъ 8 окружныхъ священниковъ съ документами. Архіерея встрѣтили мы въ церкви. Народъ совершенно отсутствовалъ, такъ какъ былъ занятъ въ полѣ на лѣтней работѣ. Былъ іюль мѣсяцъ и убирали хлѣбъ. Евсевій, внимательно осмотрѣвши насъ, замѣтилъ нѣкоего Лотоцкаго, старика-священника изъ с. Барсуковецъ, отъ природы не имѣвшаго ни усовъ, ни бороды.

— А, вскричалъ Евсевій, ты усы сбрилъ!.. Ну, я съ тобой расправлюсь!

Изъ храма преосвященный поѣхалъ въ домъ генеральши, куда былъ приглашенъ и нашъ благочинный. Мы же всѣ собрались въ саду и ждали дальнѣйшихъ распоряженій. Долго сидѣли мы и сдержанно разговаривали. Слышно было изъ открытаго окна звяканье посуды и говоръ гостей. Видѣли, какъ суетился управляющій помѣщицы Пафнутій Левицкій, сынъ священника, но тѣмъ не менѣе свысока относившійся къ намъ, наблюдали, какъ пробѣгали по двору лакеи. Стало уже смеркаться. Наконецъ, обѣдъ, повидимому, кончился и въ садъ вышелъ ѣздившій съ архіереемъ экономъ архіерейскаго дома Антоній. Онъ подошелъ къ намъ. Мы попросили его доложить о насъ владыкѣ, что онъ и исполнилъ.

— „А я и забылъ“, отвѣтилъ Евсевій и велѣлъ намъ войти. Едва мы перешагнули порогъ, какъ архіерей спросилъ:

— А тотъ, что усы сбрилъ, есть? и, замѣтивши Лотоцкаго, обратился къ нему съ вопросомъ: „Ты на что сбрилъ усы?“ Тотъ такъ перепугался, что ни слова не могъ сказать архіерею въ объясненіе.

— Въ уѣздный соборъ... на эпитимію... служить!—крикнулъ разгнѣванный владыка.

Хорошо, что благочинный какъ-то рѣшился доложить архіерею, что у Лотоцкаго отъ природы нѣтъ усовъ. Арсеній все-таки не повѣрилъ его словамъ, а взялъ свѣчу и поднесъ къ лицу старика. Осмотрѣвши его и убѣдившись въ справедливости доложеннаго благочиннымъ, онъ сказалъ Лотоцкому: „Ну, Богъ съ тобой, ступай!..“

Непосредственнымъ, ближайшимъ начальствомъ, съ которымъ

чаще всего приходилось имѣть дѣло духовенству, былъ благочинный. Въ описываемое время благочинные имѣли большую силу и значеніе. Мы, рядовые священники, въ присутствіи ихъ стояли и безъ приглашенія не смѣли сѣсть. Да и не мудрено!.. Донесеніямъ благочиннаго архіерей и консисторія вѣрили безъ всякой провѣрки. По всякому дѣлу требовался отзывъ благочиннаго. Ко мнѣ мой благочинный почувствовалъ сразу недоброжелательство и вотъ по какому случаю. Отъ церквей тогда поступали взносы: „На храненіе и приращеніе на пользу церкви". Съ моего прихода мой предшественникъ платилъ по 12 рублей, сумму значительную для того времени, если принять во вниманіе, что валовой доходъ церковный равнялся 50-ти рублямъ въ годъ. Разспросивши другихъ своихъ соокружниковъ, я узналъ, что они вносятъ по 3, по 4, 5 и 6 р. Тогда и я уменьшилъ сумму взноса до 6 р. Послѣ праздниковъ Рождества Христова явились мы съ церковнымъ старостою къ благочинному съ годичными отчетами и по обычаю привезли благочинному корецъ овса, который староста спеціально для этой цѣли насбиралъ съ прихода и 1 р. деньгами изъ церкви. Староста отъ себя лично еще преподнесъ штофъ водки. Заглянувши въ приходо-расходныя книги, которыя у насъ тогда носили названіе „реэстровъ", и замѣтивши на половину уменьшенную сумму взноса, благочинный страшно разсердился на меня и сталъ кричать: „Я вамъ сдѣлаю Андреевскій крестъ (т. е. перечеркнетъ на-крестъ) въ вашихъ реэстрахъ и представлю въ консисторію: васъ лишатъ прихода". Я спокойно выслушалъ это начальническое распеканіе, но приходо-расходной книги не исправилъ. Успокоился и благочинный и пригласилъ меня выпить вмѣстѣ съ другими по рюмкѣ водки и закусить. Здѣсь же былъ и сынъ благочиннаго, семинаристъ. Онъ по предложенію отца досталъ изъ буфетнаго шкафа бутылку рому и началъ угощать насъ: „пыйте, пыйте, бо то хабаръ" (взятка). Никто этимъ не смущался, такъ какъ взятки всякаго рода были въ обычаѣ. Все же благочинный всегда косо смотрѣлъ на меня. И вообще онъ не долюбливалъ священниковъ изъ окончившихъ курсъ семинарскій, какъ людей равныхъ ему по образованію. Съ нихъ и взятки не такъ было удобно брать, какъ съ той братіи, которая пролѣзла во іереи, Богъ вѣсть, какими путями, имѣя иногда образовательный цензъ первыхъ классовъ духовнаго училища, а всякаго рода взятки среди благочинныхъ, какъ, впрочемъ, и среди всякаго начальства духовнаго и свѣтскаго, были явленіемъ обычнымъ. Однако такого хищенія, какое было раньше, въ описываемое время уже не наблюдалось; о немъ осталось одно лишь воспоминаніе. Когда я еще учился, разсказывали, напр. такой случай. Пріѣзжаетъ благо-

чинный Бялковскій въ одинъ приходъ и, замѣтивъ въ церкви на престолѣ серебряные подсвѣчники, говоритъ священнику: „Это уніатчина; этого нельзя въ православной церкви держать... Представить въ благочиніе!..“ И подсвѣчники представляются въ благочиніе, т. е. тому же Бялковскому. Послѣ его смерти оказалось больше $1^1/_2$ пуда серебра въ разныхъ вещахъ, похищенныхъ указаннымъ способомъ изъ церквей своего округа. Когда вышло жалованье духовенству, этотъ же благочинный самовольно удерживалъ его въ свою пользу подъ видомъ штрафовъ за разныя провинности. Впрочемъ, чужое, незаконно нажитое добро, не пошло впрокъ. Послѣ смерти Бялковскаго оно попало моему дядѣ, женившемуся на его дочери. Однажды случился у него пожаръ, которымъ уничтоженъ былъ домъ, все имущество, сгорѣла даже и жена. Наказаніе Божіе за незаконные прибытки преслѣдовало Бялковскаго и въ его дѣтяхъ. Сынъ его тоже не былъ чистъ на руку. Когда онъ учился въ 6 классѣ семинаріи, вдругъ стали пропадать ученическія вещи: шинели, сюртуки и др. Оказалось, что это онъ при соучастіи другихъ кралъ и сбывалъ евреямъ. Подъ вліяніемъ страсти онъ не щадилъ даже своихъ родителей. Разъ его мать привезла въ Каменецъ для продажи натканное ею полотно, куръ, гусей, масло, сыръ и т. п. сельскіе продукты, всего на двухъ фурахъ. Оставивши около возовъ старосту, сама отлучилась подыскать покупателя. Между тѣмъ сынокъ какъ-то прослышалъ объ этомъ и, взявши еврея, подошелъ къ старостѣ и и говоритъ: „мама прислала меня сказать, чтобы ты все отвезъ туда-то, къ нему (указалъ на еврея). Она все продала и уже получила деньги“. Староста, не подозрѣвая злого умысла, дѣлаетъ по указанію батюшкинаго сына. Чрезъ нѣсколько часовъ приходитъ мать. „Гдѣ привезенное?..“—„Да, приходилъ панычъ и сказалъ отвезть все туда-то, я и отвезъ“. Всплеснула мать руками, но уже поздно было.

Разъ тотъ же Александръ Бялковскій въ компаніи съ другими двумя семинаристами (Янковскимъ и Грепачевскимъ) ухитрились стянуть у губернатора Грохольскаго серебряный самоваръ съ кипяткомъ. За это преступленіе ихъ взяли въ тюрьму, или, какъ тогда говорили, „въ крѣпость“, потому что тюрьма помѣщалась въ бывшей турецкой крѣпости. Долго они сидѣли, Янковскій, малый даровитый и учившійся потомъ въ духовной академіи, написалъ прошеніе архіерею и даже сочинилъ стихи. Архіерей внялъ мольбѣ молодыхъ людей, похлопоталъ, предъ кѣмъ слѣдовало, и ихъ отпустили. Послѣ этого случая Бялковскій былъ уволенъ изъ семинаріи. Понесенное имъ наказаніе на него не подѣйствовало, онъ не исправился. Въ Бессарабіи онъ обокралъ нѣсколько церквей и снова по-

палъ въ тюрьму. Здѣсь Бялковскій вдругъ пересталъ говорить. Его допрашиваютъ, а онъ только мычитъ, дѣлая видъ, что не можетъ сказать ни слова, такъ какъ отнялся языкъ. Бились съ нимъ, ничего не могли подѣлать. Черезъ нѣсколько времени его въ такомъ состояніи взялъ на поруки мой дядя. У него жилось Бялковскому очень хорошо. Ничего онъ не дѣлалъ, лишь гулялъ по саду или въ лѣсу. Скажутъ: „Александръ, иди кушать“. Идетъ, наѣстся, выпьетъ хорошо и отправляется на токъ, ложится на солому и преспокойно спитъ на солнышкѣ. Дядя, правду сказать, не вѣрилъ нѣмотѣ Бялковскаго. И вотъ разъ, когда тотъ сладко спалъ, пришелъ на токъ и надъ его ухомъ крикнулъ: „Александръ“. Тотъ со сна вскочилъ и откликнулся: „Га“.—Такимъ образомъ обнаружился его обманъ. Его судили, но суды въ то время были не всегда неподкупные. Вмѣшались родственники, кое-гдѣ подмазали, и Бялковскій былъ оправданъ. Онъ поступилъ послѣ этого на службу въ Бессарабіи же, но снова прокрался и попалъ въ тюрьму. Для того, чтобы доставить себѣ свободу, онъ вдругъ умираетъ; его похоронили. Какъ это онъ устроилъ, трудно сказать. Говорили, что онъ подкупилъ тюремныхъ служителей, и умершаго какого-то арестанта погребли подъ его именемъ, а то, можетъ быть, и просто пустой гробъ. Теперь онъ уже навсегда покинулъ Бессарабію и работалъ въ Подоліи. Человѣкъ онъ, безъ сомнѣнія, былъ умный и какимъ-то образомъ занялъ должность дѣлопроизводителя Миньковецкаго окружного казеннаго имѣнія. Жизнь велъ разгульную, пьянствовалъ и обиралъ крестьянъ. Разъ я встрѣтился съ нимъ въ какомъ-то селѣ у священника. Онъ позвалъ старшину и пошелъ съ нимъ по селу. Чрезъ нѣсколько времени является, неся въ рукахъ цѣлый, порядочной величины, кожанный мѣшокъ, полный денегъ. Позвякивая ими, онъ обращается ко мнѣ: „Бачь, скильки грошей маю“ и съ этими словами высыпалъ деньги на столъ. Тутъ были и серебряные рубли, и мелочь, и мѣдяки, которые онъ стянулъ съ бѣдныхъ мужиковъ. На службѣ онъ получалъ чины и имѣлъ орденъ Анны 3-й ст. По упраздненіи означеннаго учрежденія онъ былъ писаремъ у мирового посредника. Въ концѣ концовъ купилъ имѣніе въ Кіевской губерніи и спился. Для объединенія дѣятельности духовенства иногда бывали у насъ пастырскія окружныя собранія, называвшіяся „соборикамн“. Соборики эти назначались и для слушанія консисторскихъ указовъ. Обыкновенно бывало такъ, что благочинный прочитаетъ указъ, духовенство прослушаетъ его и распишется въ томъ, что слушало. Часто тѣмъ только и ограничивались эти собранія. Позже по предписанію епархіальнаго начальства разсуждали одинъ разъ объ улучшеніи духовно-учебныхъ заведеній въ матеріальномъ

отношеніи. Однажды вслѣдствіе жалобы на поборы благочиннаго Лапчинскаго консисторія предписала назначить ему опредѣленное жалованье. Духовенство собралось на соборикъ, долго разсуждало и такъ какъ Лапчинскій всѣмъ надоѣлъ своею недобросовѣстностію, плутнями и взятками, жалованья ему никакого не положило. Лапчинскій вскорѣ былъ уволенъ, а вмѣсто него назначенъ свящ. Киселевичъ. При немъ снова было подтвержденіе епархіальнаго начальства о назначеніи жалованья благочинному. Опять собралось духовенство на соборикѣ. Киселевичъ, какъ лицо заинтересованное, и чтобы не стѣснять никого своимъ начальническимъ авторитетомъ, ушелъ въ другую комнату, предоставивши собравшемуся духовенству самому поразсуждать по поднятому вопросу. Духовенство, потолковавъ, положило жалованье благочинному въ количествѣ двухъ рублей съ каждаго подвѣдомственнаго ему прихода, но съ тѣмъ при томъ, чтобы благочинный ничего не бралъ при сдачѣ годичной отчетности. Киселевичъ, узнавши о состоявшемся рѣшеніи, страшно разсердился на духовенство своего округа, а особенно на меня, считая меня главнымъ агитаторомъ среди духовенства въ пользу такого невыгоднаго для него рѣшенія.

В. Сл. и Ѳ. Ф—ко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія 50-хъ годовъ.

Памяти отца.

I.

Родилась я отъ умныхъ, добрыхъ, могу сказать рѣдкихъ по душѣ родителей. Мать моя—это былъ идеалъ женской нервности, мягкости. Красивая, умная, по тому времени вполнѣ образованная: она прекрасно говорила по-нѣмецки, по-англійски, по-французски, играла на фортепіано бѣгло и съ экспрессіей, много рисовала, обладая тонкостью кисти и карандаша. У меня сохранился ея портретъ карандашомъ, который она рисовала сама въ подарокъ жениху. Прекрасный бюстъ ея и весь обликъ увѣковѣчилъ въ статуѣ у сената (богиня правосудія) намъ извѣстный скульпторъ Пименовъ. Его семейство состояло въ дальнемъ родствѣ съ семьей Б., и въ первой молодости онъ былъ страстно влюбленъ въ Eudoxie Б., мою дорогую мать, но взаимностью не пользовался. Нравился ей другой, молодой морякъ; отецъ, котораго она боготворила, не пожелалъ этого брака, и она покорилась.

Родители мои сошлись по взаимному уваженію, по желанію своихъ родителей—и хотя оба были нудные люди, жили дружно между собою, но не думаю, чтобы союзъ ихъ принадлежалъ къ числу счастливыхъ. Ни тотъ, ни другой не сдѣлали несчастными другъ друга, но по воспитанію и развитію, отецъ мой во многомъ уступалъ матери; ей приходилось, такъ сказать, спускаться къ нему. И она это дѣлала со всею своею женскою мягкостью и уваженіемъ къ доброму мужу и отцу семейства. Хорошо было мое дѣтство подъ

покровомъ этихъ дорогихъ людей. До пяти лѣтъ, правда, колотила меня наемная нянька въ отсутствіе матери, но когда это открылось, ее прогнали. Все же, думаю, это наложило на мой характеръ нѣкотораго рода застѣнчивость и сосредоточенность.

Дѣтство! о чудная дивная пора, гдѣ все было улыбка, свѣтъ и радость! И единственная спокойно безмятежная эпоха моей жизни... Почти у всѣхъ дѣтство оставляетъ лучшее воспоминаніе, но такое лучезарное, какъ мое... многимъ ли оно выпало на долю! Словно волшебно развертывающіяся картины встаетъ оно передо мною!

Жили мы, дѣти, такою полною и чисто дѣтскою жизнью. Жизнь взрослыхъ была намъ неизвѣстна и чужда. Мы удалены были отъ всѣхъ дрязгъ, заботъ, тревогъ, несогласій взрослыхъ людей. Ореолъ чистоты и невинности окружалъ наши безпечные годы. До смерти матери, почти до 14-ти лѣтъ не знала я практической жизни, съ ея неприглядной стороны. Міръ любви и правды царилъ въ нашей семьѣ.

II.

Умерла моя чудная мать, а съ нею и радость нашего незабвеннаго дѣтства. Меня и сестру, старшихъ въ семьѣ, отдали въ институтъ. Братьевъ и младшую сестру на воспитаніе въ нѣмецкій домъ. Отецъ служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при департаментѣ корабельныхъ лѣсовъ, потому долженъ былъ находиться въ постоянныхъ разъѣздахъ.

Сколько слезъ пролила я въ новой, чуждой для меня обстановкѣ, вспоминая мать и свѣтлую жизнь дома. Но время взяло свое, и я привыкла.

Рваться домой... но вѣдь дома у меня не было. И я полюбила свой классъ, своихъ подругъ, свой милый институтъ. То была пора, когда насъ никуда не пускали. Во все время моего четырехлѣтняго пребыванія въ стѣнахъ дорогого мнѣ заведенія помню два событія: Первое, это путешествіе наше, т. е. всего института въ Таврическій садъ для лѣтней прогулки. Шли мы со Знаменской улицы стройными рядами подъ предводительствомъ классныхъ дамъ. Впереди шествія выступалъ нашъ швейцаръ съ булавою, а позади всего отряда институтокъ ѣхала карета съ докторомъ, фельдшеромъ и необходимою аптекою на всякій случай. Смотрѣть по сторонамъ мы не смѣли, да и трудно это было въ нашихъ бѣлыхъ туго накрахмаленныхъ коленкоровыхъ шляпкахъ-кибиткахъ.

Вышли мы въ походъ часовъ въ 5 по полудни, погуляли парами въ тѣнистомъ саду, закусили пирожками и чаемъ въ дворцовыхъ

комнатахъ и также чинно и торжественно со швейцаромъ во главѣ вернулись къ 9 часамъ въ наше мирное убѣжище.

Ни на какія каникулы насъ не отпускали. Вмѣсто уроковъ съ іюня до половины августа мы занимались шитьемъ бѣлья для нашего института и вышиваньемъ гладью въ пяльцахъ подъ руководствомъ рукодѣльной дамы въ особо устроенномъ рукодѣльномъ классѣ. Бѣлье мы шили въ саду, въ большомъ славномъ саду внутри зданія, обнесенномъ каменными стѣнами. Каждый классъ имѣлъ свое отдѣленіе въ длинной, длинной галлереѣ. Обѣдали въ другой галлереѣ, тоже въ саду около дома. Послѣобѣденную рекреацію проводили въ играхъ въ серсо, въ бѣганьи на гигантскихъ шагахъ. И такъ съ утра до ночи всѣ каникулы. Раздавались намъ и книги для чтенія по желанію.

Вторымъ происшествіемъ, вызвавшимъ насъ изъ стѣнъ института, была поѣздка въ крѣпость для прощанія со въ Бозѣ почившимъ Императоромъ нашимъ Николаемъ Павловичемъ. Какъ потрясла насъ эта кончина! сколько слезъ было пролито, когда мы шили наши траурные передники, какъ прерывались рыданіями совершаемыя ежедневно между уроками панихиды. А между тѣмъ далеко не всѣ видѣли своего Государя, такъ какъ онъ не часто посѣщалъ институты. Но институтки всегда относились съ любовью и довѣріемъ къ Царской Семьѣ; Императрица и Великія Княгини такъ добры и ласковы были къ намъ при своихъ посѣщеніяхъ. Я особенно *обожала* (по институтскому выраженію) Цесаревну, ставшую Императрицей, Марію Александровну. Помню, какъ по выходѣ изъ института, сестра моя, оставшаяся пепиньеркой, прислала мнѣ въ деревню большой бѣлый круглый пакетъ. Развертывая его, я забросала листами бумаги всю свою комнату и обрѣла наконецъ маленькую шелковую черную пуговку отъ платья Государыни, которую она потеряла при своемъ посѣщеніи института. Я долго хранила эту пуговицу, даръ вниманія ко мнѣ моихъ милыхъ подругъ.

Вышли мы изъ института почти наканунѣ Рождества въ годъ кончины Государя, тогда севастопольская война еще не окончилась и въ пылу патріотизма дали другъ другу обѣщаніе не покупать ничего англійскаго или французскаго. По выѣздѣ изъ института почти каждая изъ насъ первымъ дѣломъ посѣщала съ родными Казанскій Соборъ. При разставаніи мы, разумѣется, горько плакали, а когда черезъ часъ послѣ прощанья встрѣтилась я въ Соборѣ съ своей любимой подругой, мы бросились въ объятія другъ друга, словно не видѣлись много лѣтъ и такъ шумно выражали свою радость, что роднымъ пришлось остановить нашъ пылкій восторгъ.

Да, свѣтлую память оставилъ институтъ въ нашихъ сердцахъ. Ограждены мы были въ немъ отъ всего злого и дурного, отъ всякихъ порочныхъ вѣяній, изсушающихъ молодыя души въ самомъ ихъ расцвѣтѣ.

Часъ пробилъ, пора разстаться.
Въ міръ заботъ пора идти,
Гдѣ со счастьемъ повстрѣчаться
Рѣдкій можетъ на пути.
Здѣсь безпечно имъ играли
Въ тѣсномъ мы кругу своемъ,
Ни заботъ, ни нуждъ не знали
Въ семъ убѣжищѣ святомъ.

Правду говоритъ эта прощальная выпускная пѣснь институтокъ. Чистыми сердцемъ, съ любовью къ ближнимъ и свѣтлымъ взглядомъ на жизнь выходили мы изъ стѣнъ своего убѣжища. Напрасно прогрессивные люди такъ уничтожали замкнутое воспитаніе и насмѣхались надъ наивностью институтокъ. Умныя изъ насъ быстро осваивались съ жизнью, а если глупенькія и жантильничали сначала своей наивностью, то не велика въ этомъ бѣда. Неужели лучше съ самой ранней молодости знать пошлость и грязь жизни.

III.

Черезъ двѣ недѣли послѣ выпуска отецъ увезъ меня въ деревню, за 200 верстъ отъ Петербурга, въ большомъ возкѣ, который мы съ сестрой прозвали Ноевымъ Ковчегомъ. Отецъ вышелъ въ отставку за годъ до нашего выпуска и поселился въ своемъ имѣніи, гдѣ до сихъ поръ не жилъ. Я знала деревню только лѣтомъ, когда мы съ матерью проводили въ ней не болѣе двухъ—трехъ мѣсяцевъ, какъ на дачѣ. И показалась она мнѣ новою и странною зимою. Когда послѣ почтовыхъ станцій по шоссе впрягли въ нашъ возокъ собственныхъ лошадей *гуськомъ* для слѣдованія по проселочной дорогѣ послѣднихъ 40 верстъ, я не могла безъ смѣха смотрѣть на эту ѣзду: цѣлыхъ три лошади одна за другой, а не въ рядъ! При поворотѣ случалось, что передняя морда и въ окно нашего Ноева Ковчега заглядывала.

Ну вотъ, наконецъ, въѣхали мы на большой весь покрытый снѣгомъ барскій дворъ. Масса слугъ и знакомыхъ, и незнакомыхъ мнѣ ожидала насъ на парадномъ подъѣздѣ. Всѣ привѣтливо кланялись и подходили къ рукѣ, приговаривая: „здравствуйте, матушка-ба-

рышня!“ что меня немного конфузило по непривычкѣ къ такому почтенію. Хозяйкой вступала я въ домъ, какъ старшая дочь.

Увидѣла я тутъ старушку въ сарафанѣ и повойникѣ. „Это моя кормилица“, сказалъ мнѣ папенька, когда она смиренно мнѣ кланялась. Я поцѣловала ее, сказавъ: „здравствуй, бабушка!“ что видимо произвело на нее и на отца моего хорошее впечатлѣніе. Онъ еще въ дорогѣ сказалъ мнѣ: „не знаю, понравится ли тебѣ, что моя старуха живетъ у насъ въ домѣ и вмѣстѣ пьетъ чай. Она говоритъ „захочетъ ли этого барышня“.

И сдружилась я съ этой бабушкой. Приходила она ко мнѣ въ комнату со своей прялкой, разсказывала про домовыхъ, лѣсовиковъ и лѣшихъ; а я поддразнивала ее, говоря, что, гуляя, встрѣтила того или другого, что они сватались за меня. Или шутила, что она не моя бабушка. „Молчи, дитя!“ грозила она мнѣ, качая старой головой: „я твоего отца кормила, я твоя бабушка“.

Какой это чудный человѣкъ былъ мой отецъ.

Былъ 55 годъ, и крѣпостное право еще существовало. Первымъ дѣломъ его было поправить всѣхъ своихъ неисправныхъ и раззоренныхъ крестьянъ послѣ гнета много лѣтъ хозяйничавшаго безъ него управляющаго. Кому отпустилъ лѣсу на избу, кого обзавелъ скотиной и пр. Всѣхъ устроилъ и тѣмъ расположилъ къ себѣ.

Очутилась я въ какомъ-то патріархальномъ мірѣ тишины и спокойствія, и потекла моя молодая жизнь скучно и однообразно.

Я старалась держать себя на высотѣ своего положенія, какъ хозяйка дома и наставница моей 10 лѣтней сестры, которую готовила къ поступленію въ институтъ. Но не всегда это мнѣ удавалось въ мои 18 лѣтъ. Бывало, дѣлаешь какое-либо распоряженіе, а женщина, жившая еще при маменькѣ и знакомая мнѣ съ дѣтства, возразитъ: „вотъ что, барышня; вы еще глупы, молоды, при маменькѣ не такъ было“.

И я соглашаюсь съ нею, потому что то, что было при маменькѣ, для меня неопровержимый аргументъ.

Выйду изъ своей комнаты утромъ совсѣмъ одѣтая и причесанная и скажу горничной: „убери у меня, Прасковья“. Идетъ Прасковья мести мою спальню. Наконецъ она не выдерживаетъ. „Барышня! позвольте вамъ сказать“, обращается она къ своей госпожѣ. „Вы нехорошо поступаете. Вѣдь стыдно барышнѣ самой одѣваться и все себѣ дѣлать. Что скажутъ сосѣди, матушка, когда узнаютъ!“

— Да вѣдь я такъ привыкла въ институтѣ. Мы всегда все сами себѣ дѣлали.

— Не знаю, матушка, а это не дѣло, когда у васъ есть горничная,—учитъ меня съ дѣтства служившая намъ Прасковья.

— Да помнишь, вѣдь и маменька не позволяла намъ одѣваться иначе, какъ самимъ.

— Вы были тогда маленькія,—возражаетъ упорная камеристка, сосѣднія барышни ничего сами себѣ не дѣлаютъ.

Наконецъ я весело расхохоталась.

— Да не хочу такъ, какъ онѣ. Вотъ мы ночевали въ гостяхъ и я видѣла, что ихъ служанка одѣваетъ, какъ куколъ или безрукихъ.

— Ну, воля ваша!—не то недоумѣвая, не то соглашаясь, возражаетъ добрая любящая Прасковья.

А иной разъ въ большомъ пустомъ залѣ вожусь я съ Каро, лягавой собакой; вскочивъ на стулъ, учу его ловить подачку, и неожиданно войдетъ слуга за какимъ-либо распоряженіемъ. Я быстро дѣлаюсь важной и степенной хозяйкой, а добрый слуга дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ моего смущенія, и отвѣчаетъ: „слушаюсъ“ на мое приказаніе. Хорошіе, милые были наши крѣпостные.

IV.

Познакомилъ меня папенька съ сосѣдями. Такіе это были старосвѣтскіе, простые и добрые люди, жили, не мудрствуя лукаво. Ко мнѣ отнеслись съ уваженіемъ, какъ къ образованной петербургской барышнѣ. Никакихъ вопросовъ, ни мужскихъ, ни женскихъ у насъ не существовало.

Да и я, которая жаждала дѣятельности на пользу ближнимъ, выходя изъ института, принесла пользу только сестрѣ, устроивъ съ нею правильныя классныя занятія, да еще по примѣру отца имѣвшаго аптеку, принялась лѣчить крестьянъ, такъ какъ о докторахъ у насъ въ ту пору и рѣчи не было. Приводили и приносили ко мнѣ дѣтей. Справляясь съ лѣчебникомъ, я давала имъ лѣкарства и совѣты, радуясь, что дѣло идетъ успѣшно. Этимъ неиспорченнымъ натурамъ помогали самыя простыя средства; матери моихъ выздоровѣвшихъ паціентовъ приносили мнѣ въ знакъ благодарности яичекъ, огурчиковъ, грибковъ.

Вотъ какъ-то папенька пришелъ ко мнѣ и съ улыбкой объявилъ, что меня именно желаетъ видѣть больной изъ очень далекой отъ насъ чужой деревни. „Наслышанъ, что дочка твоя горазда лѣчить“, говоритъ. Съ пріятнымъ сознаніемъ своего успѣха на пользу бѣдующихъ выхожу къ мужику лѣтъ 40. Онъ начинаетъ описывать мнѣ свой недугъ до того мнѣ непонятный, что передаю его на пользованіе папенькѣ.

V.

Къ концу лѣта привезъ папенька изъ института сестру.

Наступила осень, а съ нею обычные зимніе порядки и крестьянскія свадьбы. Вотъ вызываетъ насъ Прасковья въ дѣвичью. Не успѣли мы войти, какъ падаетъ къ намъ въ ноги молодая здоровая крестьянка.

— Барышни, спасите! замужъ насильно отдаютъ.

— Ты не хочешь замужъ? или хочешь за кого другого?

Она мнется и не рѣшается сказать.

— Можетъ, ты любишь кого?

— Да, любъ мнѣ Ѳедоръ.

— Такъ отчего же не за него?

— Староста назначилъ.

Мы къ отцу. „Папенька, что же это у васъ дѣлается? Насильно хотятъ вѣнчать дѣвушку“.

Засуетился папенька, призвалъ старосту.

— Иванъ, что же это значитъ? вѣдь я говорилъ тебѣ никого не принуждать.

— Да что съ ними подѣлаешь, Миронъ Михайловичъ! Она хочетъ за бѣднаго, а родители не позволяютъ, хотятъ за богатаго.

Но мы отстояли Варвару. Предоставили ей „красоваться“, какъ это водилось у нихъ наканунѣ свадьбы, въ нашемъ залѣ и подарили ей необходимое зеркальце. Прасковья сказала намъ, что вся деревня на Варвару смѣется: сама себѣ мужа высватала.

Мы съ сестрой жили своею жизнью словно въ терему. Всегда однѣ, да изрѣдка навѣщали патріархально-мирныхъ сосѣдей и они насъ также. Не разъ приходилось мнѣ въ разговорахъ съ ними невпопадъ отвѣчать на ихъ хозяйскіе вопросы, какъ старшей, мнѣ выпало на долю держать себя положительнѣе своихъ лѣтъ. Я больше говорила съ барынями, а сестра съ барышнями. Тальки, холсты, сколько напрядено, наткано, сборъ ягодъ, грибовъ по воскресеньямъ—всѣ эти отрасли женскаго хозяйства мы уничтожили.

Какъ-то приходитъ къ намъ молодая женщина и слезно проситъ отпустить ее домой, потому что у нея боленъ ребенокъ. Оказывается, что она работаетъ въ ткацкой; а Домна Степановна, управительница, ее не пускаетъ. Сейчасъ же послѣдовало отъ насъ распоряженіе черезъ нашего министра Прасковью, чтобы ни минуты не задерживать бѣдную мать на нашей работѣ. А мы опять къ папенькѣ. Какъ можно такое варварство! Богъ съ ними съ холстами.

— Я и самъ думалъ, друзья мои, уничтожить ткацкую, если вы согласны на это.—Ну, конечно, мы не только согласны, мы не желаемъ ткацкой.

— Вотъ такъ хозяйки петербургскія пріѣхали! давай все уничтожать,—посмѣивались наши сосѣдки. И на отца сосѣди немного косились за его льготы по *барщинѣ*.—Балуетъ народъ, говорили окрестные помѣщики, люди далеко не злые. Не нравилось имъ, что по окончаніи полевыхъ работъ устраивался у насъ обѣдъ на бѣломъ дворѣ. Разставлялись столы на доскахъ; щи, пироги, каши, селедки и пр. деревенскія кушанья обильно разставлялись на нихъ, домашнее пиво, иной разъ и медъ. Пьянства отецъ не терпѣлъ и самъ никогда не употреблялъ спиртныхъ напитковъ. Все же передъ обѣдомъ давалось желающимъ по чаркѣ водки и больше ни-ни.

Когда бывало жниво, мы отправлялись съ цѣлыми корзинами сочной спѣлой малины изъ нашего прекраснаго плодоваго сада и угощали ею разгоряченныхъ женщинъ.

Въ Свѣтло Христово воскресенье у насъ, заѣзжая изъ церкви, разговлялись сосѣди. Послѣ нихъ приходили христосоваться крестьяне. Я, какъ старшая хозяйка, не мало бородъ, бывало, перецѣлую. Глубоко вѣруя въ Христа Искупителя, съ радостнымъ сердцемъ исполняла я этотъ обрядъ общенія любви съ ближними. А папенька былъ доволенъ. Истинно религіозный человѣкъ, онъ не держался узкаго показного благочестія, но былъ того мнѣнія, что господа обязаны своимъ поведеніемъ служить примѣромъ для подвластныхъ.

Сколько любви, тепла и мягкости было въ этой свѣтлой душѣ! Всѣ его любили и шли къ нему безъ малѣйшаго страха передъ бариномъ, кто за совѣтомъ, кто съ жалобой. Просто, сердечно вразумлялъ и наставлялъ онъ крестьянъ. „Мой другъ“, говорилъ каждому. А какъ хорошо относился къ старухѣ-кормилицѣ! Вечерній чай она всегда пила съ нами, а по окончаніи вставала и крестилась на образъ. Мы съ сестрой шаловливо прислушивались, какъ она благодаритъ Господа, что накормилъ ее „сахарнымъ кусомъ“.

Въ залѣ у насъ теплилась лампадка передъ кіотомъ съ образами, а подъ нимъ стояли растенія въ кадкахъ. „Можетъ, тебѣ это не нравится“, сказалъ мнѣ папенька; „можно иначе устроить“. Полная религіознаго чувства послѣ институтской жизни, гдѣ мы и пѣли и сами читали въ церкви, я, конечно, съ удовольствіемъ принялась ходить за растеніями и зажигать лампадку. По вечерамъ, стоя на колѣняхъ и осѣняя себя широкимъ крестомъ, молилась тутъ старая кормилица. Къ слугамъ папенька относился крайне внимательно. Послѣ 9 часовъ вечера онъ никогда не позволялъ намъ требовать чего-либо изъ омшеника или погреба, особенно въ темныя или хо-

лодныя ночи. Заранѣе слѣдовало позаботиться о вечерней закускѣ. На свои отношенія къ подвластнымъ онъ смотрѣлъ, какъ на священный долгъ.

Много простого, чистаго, яснаго было въ нашей жизни. И полное довольство, отсутствіе всякихъ недостатковъ. Но мы скучали и томились, желали веселья и смѣха, общенія съ людьми вмѣсто нашего мирнаго, замкнутаго, одинокаго существованія въ деревнѣ. Просили отца переѣхать въ Петербургъ.

— Нельзя, друзья мои, средствъ не хватитъ, я не служу теперь.

Да онъ и самъ, привычный къ дѣятельной служебной жизни, къ разъѣздамъ, тяготился, я думаю, иной разъ все сидѣть въ деревнѣ. Помню, какъ оживлялся нашъ папенька, когда пріѣзжали братья изъ корпуса на Рождество или Святую. Суетится, хлопочетъ, лошадей высылаетъ. И вотъ въ одну такую суетню, когда онъ распоряжался, снаряжалъ кучера и экипажъ, спрашиваетъ насъ старуха, что такое случилось?

— Да вѣдь ты говорила, бабушка, что небо расшанется, вотъ папенька и хлопочетъ.

— Миронъ Михайловичъ! вправду небо-то скоро расшанется?

— Что?—спрашиваетъ ее всегда внимательный къ ней отецъ.

— Небо расшанется, такъ вотъ ты хлопочешь.

— Иди, иди, не мѣшай.

А мы заливаемся хохочемъ надъ своей шалостью.

Каждую зиму мы ѣздили на короткое время въ Петербургъ, гдѣ жили съ бабушкой наши тетки, сестры маменьки. Повеселимся, побываемъ въ театрахъ, нашьемъ себѣ костюмовъ, купимъ изящную обувь, перчатки, запасемся разными ситцами на платья дворовымъ и со слезами возвращаемся восвояси. Были разъ въ губернскомъ городѣ по случаю выборовъ и на балахъ въ дворянскомъ собраніи. Но тутъ лучше всего намъ нравилось кататься въ нашихъ троичныхъ саняхъ и заѣзжать въ фруктовые магазины для закупки всевозможныхъ гостинцевъ. Ходили съ папенькой въ церковный соборъ. Идемъ однажды отъ всенощной и недалеко отъ дома встрѣчаемъ нашего второго кучера Ивана съ городскими санями.

— Ты куда?—спрашиваетъ отецъ.

— А вотъ думалъ барышнямъ подслуговаться: взялъ да и запрегъ Сѣрко.

— Ну, сворачивай назадъ.

Иванъ, повернувъ сани, угодилъ прямо на тротуаръ; лошадь ткнулась въ заборъ дома, а возница нашъ медленно опустился изъ опрокинувшихся саней.

— Дурень, куда ты?

— А вотъ ужо вылѣзу, Меероновъ Михалычъ,—равнодушно отвѣчаетъ дурень.

Смѣху-то что намъ доставилъ, благо горячая лошадь не понесла, что не разъ случалось съ нашимъ Иваномъ.

VI.

Вскорѣ распространилась вѣсть о возможности уничтоженія крѣпостного права, о *волѣ*. Помѣщики, разговаривая объ этомъ предметѣ и ожидаемыхъ осложненіяхъ, крѣпко запирали двери, чтобы подвластные имъ не подслушали чего. Навострила уши и я. Если объявятъ волю, мы переѣдемъ въ Петербургъ, и все будетъ такъ же хорошо, какъ было при маменькѣ, думала я съ затаенной радостью. Я нисколько не заботилась объ осторожной скрытности съ людьми и въ одно изъ отсутствій папеньки въ городъ, расхаживая въ воскресенье по бѣлому двору и завидя идущаго изъ церкви нашего главнаго кучера, закричала: „что, Яковъ, не читали ли въ церкви о *волѣ*?“

— Ничего не слышалъ, барышня!—отвѣтилъ онъ съ улыбкой.

Чего мнѣ было опасаться нашихъ дворовыхъ и крестьянъ! Они насъ любили и мы ихъ также, и они вовсе не думали о волѣ, даже не желали ея. Что еще тамъ будетъ, говорили они, а теперь намъ хорошо живется.

Почему папенька такъ любилъ крестьянъ? При его доброй, совсѣмъ не эгоистичной натурѣ, искра этой любви и сочувствія угнетенныхъ, мнѣ кажется, загорѣлась въ немъ съ дѣтства.

Онъ и два брата его росли сиротами подъ властью отчима. Мать его вдова влюбилась въ полкового доктора, вышла за него замужъ и предоставила дѣтей и все ихъ имѣніе въ полное распоряженіе этого человѣка. Не мало наслышались мы отъ старыхъ слугъ о жестокостяхъ того времени. Сынъ дьякона, ставшій дворяниномъ, забралъ обожавшую его жену въ свои властныя руки. Заброшены были бѣдные мальчики и росли на рукахъ дворовыхъ. Не разъ говаривалъ папенька, когда братья мои прихотничали надъ кушаньями: „а я съ братьями, бывало, радъ былъ, если дворовые дарили намъ бѣлую булку“. Жили они среди крѣпостныхъ, эти малолѣтніе владѣльцы хорошаго имѣнія, а достаткомъ ихъ пользовался опекунъ со своей семьей и устраивалъ свое благосостояніе на ихъ счетъ, затѣмъ отвезъ ихъ въ корпусъ и предоставилъ судьбѣ.

Отецъ женился 30 лѣтъ. До брака отчимъ все держалъ въ рукахъ и, передавая имѣніе законнымъ наслѣдникамъ, затребовалъ

черезъ жену большой кушъ съ доходовъ. За отказъ возбудилъ противъ нихъ дѣло въ судѣ, которое длилось всю супружескую жизнь моего отца, налагая на нее мрачную тѣнь. Вызывался отецъ на личную ставку съ матерью, чего онъ уже не могъ выдержать. Хорошо, что одинъ изъ его братьевъ, холостой, полный негодованія, замѣнялъ его. Мало было отчиму устроить себѣ и своимъ дѣтямъ небольшую усадьбу, которую крестьяне втихомолку называли маленькимъ „Воронино“, по имени нашего имѣнія, онъ еще хотѣлъ получать съ нихъ извѣстную дань.

Помню, какъ мрачное пятно на своемъ свѣтломъ дѣтствѣ горе моего отца; какъ ни старались наши родители все скрыть отъ насъ, мы съ сестрой многое видѣли и понимали. Отецъ лишенъ былъ чиновъ и всякихъ наградъ во всю свою честную, безкорыстную службу, потому что шло въ судѣ его дѣло съ матерью. Были минуты, что онъ предавался отчаянію. Ходитъ по комнатѣ, никого не замѣчая: „я въ тюрьмѣ, жена, дѣти нищіе“. А милая, нѣжная, любящая моя мать старается его успокоить. О, сколько перестрадала и она подъ этимъ гнетомъ! Никогда не слышала я слова упрека изъ устъ отца; онъ почиталъ свою мать, несмотря на преслѣдованія отчима. Все дѣло кончилось въ пользу папеньки и его братьевъ, когда мы уже были въ институтѣ.

Но вотъ приблизился знаменитый 61 годъ. Эту зиму отецъ, съѣздивъ съ нами въ Петербургъ, оставилъ насъ у знакомыхъ дамъ нѣмокъ, гдѣ воспитывались до корпуса братья, а самъ уѣхалъ въ деревню. Въ воздухѣ носилось ожиданіе чего-то необыденнаго. Впервые столкнулась я съ такъ называемою передовою молодежью, чающей эмансипаціи.

Вначалѣ марта папенька пріѣхалъ за нами. 5 марта взялъ онъ меня съ собою къ родственникамъ для прощальнаго визита. Насъ встрѣтилъ мой кузенъ, горячій *передовой* юноша, Коля Анненскій.

— Поздравляю Васъ! у Васъ нѣтъ болѣе крѣпостныхъ,—былъ его радостный привѣтъ.

Узнавъ о прочтеніи манифеста, папенька поспѣшилъ уѣхать для скорѣйшихъ сборовъ въ деревню и вечеромъ того же дня укатилъ одинъ въ имѣніе.

Мы съ сестрой вооружились манифестомъ, и, призвавъ нашу вѣрную Прасковью, проживавшую съ нами въ Петербургѣ, прочитала я ей великія слова: Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ! при чемъ перекрестились и мы, и она по нашему примѣру. Обѣ мы были въ приподнято радостномъ настроеніи. Отчетливо и ясно произносила я каждое слово царскаго манифеста. Кончила.—Стоитъ Прасковья неподвижно.

— Поздравляемъ тебя съ свободой! ты больше не крѣпостная.

Заморгала, заморгала наша Прасковья и бухъ намъ въ ноги.

— Матушки, барышни! не оставьте меня сироту, не прогоните. Куда я пойду, завопила она.

Удивленныя ея горемъ, мы давай ей втолковывать, какъ важно для каждаго человѣка сознаніе личной свободы. Ничего она не понимала и успокоилась только тогда, когда увѣрилась въ нашемъ желаніи жить съ нею по-прежнему. Тутъ она стала насъ разспрашивать, что будетъ съ крестьянами. У ней въ деревнѣ жила семья дяди, горячо ею любимаго, у котораго она выросла. Почтенный человѣкъ былъ этотъ Илья. Папенька любилъ съ нимъ бесѣдовать и въ наше отсутствіе часто приглашалъ его на совмѣстное чаепитіе.

Какъ же было не любить намъ этихъ милыхъ, преданныхъ намъ людей! Но мы скучали въ деревнѣ среди нихъ. Хотѣлось общества болѣе равныхъ по воспитанію и понятіямъ.

Помѣщики-дворяне не скоро освоились съ новымъ положеніемъ вещей. Люди средняго состоянія, какъ мой отецъ, конечно должны были сжаться при невѣдомомъ будущемъ, а мелкопомѣстные, какъ большинство нашихъ сосѣдей, и совсѣмъ съежились. Богатые мало потерпѣли.

Пошли переговоры съ крестьянами по поводу надѣловъ. Пріѣзжалъ для этого посредникъ. Кстати сказать, въ нашемъ уѣздѣ выбранъ былъ сынъ предводителя дворянства, человѣкъ дѣльный, любившій и понимавшій народъ, А. П. Рыкачевъ. Вчерашніе Ваньки, Гришки, Степки и пр. стали Иванъ, Григорій, Степанъ. У папеньки дѣло шло успѣшно, и при хорошихъ надѣлахъ крестьяне добровольно пошли на выкупъ; а послѣ смерти его купили все наше имѣнье міромъ съ большой разсрочкой отъ моихъ братьевъ, не пожелавшихъ хозяйничать. Папенька надѣлилъ землею и всѣхъ дворовыхъ. По манифесту они освобождались безъ земли, потому что всѣ знали разныя ремесла. Умирая, почти передъ самой кончиной онъ сказалъ братьямъ: „не забудьте, что я не успѣлъ надѣлить Ивана“.

Ушла изъ міра эта прекрасная благородная душа, не оцѣненная многими, но до сихъ поръ сказаніе о добромъ баринѣ-помѣщикѣ живетъ въ томъ небольшомъ уголку, гдѣ пришлось ему дѣйствовать. Всего три года прожилъ онъ по освобожденіи. Огорченія и заботы сократили его полезную жизнь. Я вышла замужъ не по его желанію за студента безъ имени и средствъ, что вынудило его озаботиться о своей старшей дочери, надѣлить ее средствами. Младшій сынъ не хотѣлъ кончать корпуса, требуя университета. Избалованный юноша не понималъ положенія отца и корилъ его въ отсталости. Все пало

на бѣднаго папеньку, но ни слова упрека, ни слова жалобы никто не слышалъ отъ него, всегда думавшаго о другихъ, всегда забывавшаго о себѣ. Близкіе его до того привыкли къ отсутствію въ немъ эгоизма, что никогда не думали ни объ удобствахъ, ни объ огорченіяхъ его, а послѣднія особенно отзывались на его здоровьѣ.

Остался онъ одинокъ въ своей усадьбѣ. Сестра моя тоже вышла замужъ за сосѣда-помѣщика, младшая сестра училась въ Петербургѣ, братья жили тамъ же. Заперся онъ въ своемъ домѣ, словно въ кельѣ, отапливая только двѣ необходимыя ему комнаты. Экономилъ на себѣ елико возможно для дѣтей. Долговъ на имѣніи у него не было; на службѣ онъ считался *чудакомъ*, что не пользовался *безгрѣшными* доходами.

Сколько тяжелаго, мучительнаго пережило его бѣдное сердце въ этомъ одиночествѣ! Даже любимую гитару, на которой онъ, бывало, любилъ наигрывать полонезъ Огинскаго, и ту увезъ зять, вѣдь онъ не умѣлъ отказывать въ одолженіи, умѣлъ только самъ переносить лишенія. А музыку онъ сильно любилъ и прекрасно понималъ ее, но плохое воспитаніе не развило въ немъ этой способности.

Заболѣвъ, онъ никому не сообщалъ о своемъ недугѣ. Говорилъ о нездоровьѣ въ письмахъ къ дѣтямъ, но никто изъ насъ не подозрѣвалъ опасности. Я съ семьей была въ Ковенской губерніи, гдѣ служилъ мужъ. Братья узнали о болѣзни отца черезъ одну изъ нашихъ бывшихъ служанокъ, случайно пріѣхавшую въ Петербургъ. Они поспѣшили къ нему одинъ за другимъ, но уже поздно.

Спокойно и терпѣливо переносилъ папенька свои страданія, страшныя боли въ груди. Не могъ онъ много говорить и написалъ братьямъ на клочкѣ бумаги: „благодарю Господа за прожитое, жить болѣе не желаю“. Сдѣлалъ распоряженія на счетъ похоронъ; сорокоуста по себѣ не заказалъ, но поминки велѣлъ устроить для крестьянъ и написалъ, какія должны быть кушанья по случаю рождественскаго поста; онъ умиралъ въ декабрѣ.

Никто изъ дочерей не былъ на его похоронахъ. Я была далеко, сестра болѣла и ужасно убивалась, что не могла быть при немъ въ его болѣзни. Третья дочь была въ Петербургѣ въ кори.

Лежитъ онъ на сельскомъ кладбищѣ вмѣстѣ со своимъ отцомъ.

Однажды лѣтомъ я гостила у сестры, въ 8 верстахъ отъ нашей бывшей усадьбы. Вмѣстѣ съ нею поѣхали мы въ нашу бывшую церковь. Она прошла впередъ, я стала въ народѣ. Вдругъ чувствую, чья-то жесткая рука гладитъ меня по спинѣ и голосъ говоритъ: „Это Катерина, Вѣрина сестра, добрая она“. Оглядываюсь—дочь нашей бывшей птичницы. А съ амвона при поминовеніи усопшихъ то-и-дѣло повторяется имя Мирона. Потомъ сестра объяс-

нила мнѣ, что папенька записанъ въ поминовеніи почти у всѣхъ крестьянъ. „Несмотря на отсутствіе памятника, посмотрѣла бы ты, какъ убрана березками его могила въ Троицынъ день“, сказала мнѣ Вѣра.

Памятникъ ему поставили крестьяне. Взяли они монументъ, привезенный для могилы старшаго брата нашего отца, который хранился у насъ въ сараѣ за невозможностью разыскать эту могилу на городскомъ кладбищѣ, гдѣ онъ былъ похороненъ. Сестра и братья очень затруднялись, какъ передѣлать высѣченную на камнѣ надпись; городъ далеко, и выписывать мастера трудно. Крестьяне это устроили на сумму, оставшуюся у нихъ отъ сбора на погорѣвшую церковь. Теперь уже осталось одно преданіе о нашемъ отцѣ у потомковъ современныхъ ему людей. Простые, добрые и религіозные, они были лучше смѣнившаго ихъ поколѣнія.

Е. М. Новоселова.

Датская экспедиція 1850 г.

Лѣтомъ 1850 г. произошло событіе интересное какъ въ политическомъ, такъ и въ военно-морскомъ отношеніи.

По волѣ Императора Николая I почти весь нашъ тогдашній Балтійскій флотъ былъ отправленъ въ датскія воды съ цѣлью энергическимъ образомъ повліять на рѣшеніе Шлезвигъ-Голштинскаго вопроса.

Рѣшительный образъ дѣйствія Императора Николая I въ датскомъ вопросѣ увѣнчался полнымъ успѣхомъ, и задуманное Пруссіей завоеваніе части датскихъ владѣній не удалось осуществить, вслѣдствіе рѣшительнаго сопротивленія русскаго Царя.

Въ политическомъ отношеніи датская экспедиція нашего флота есть событіе весьма интересное и знаменательное, такъ какъ это единственный случай въ теченіе XIX столѣтія, когда мы стали въ открыто враждебныя отношенія къ Пруссіи.

Въ военно-морскомъ отношеніи это событіе поучительно, какъ сосредоточеніе значительныхъ морскихъ силъ въ однѣхъ рукахъ и въ одномъ мѣстѣ, при томъ при условіяхъ весьма сложныхъ. А именно война не была объявлена, а между тѣмъ по сложности политической обстановки столкновеніе могло произойти внезапно и при томъ не съ одной только Пруссіей. Ввиду этого начальнику русской эскадры, вице-адмиралу Ивану Петровичу Епанчину, была дана широкая иниціатива — дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ. „Предписывается Вамъ,—сказано было въ инструкціи—не иначе вступать въ бой, какъ послѣ перваго выстрѣла со стороны

непріятеля, *отвѣтствуя тогда уже безъ различія, кто бы они ни были*“ [1]).

Прослѣдимъ обстоятельства, которыя предшествовали посылкѣ русскаго флота въ датскія воды.

Въ 1848 году въ Шлезвигѣ и Голштиніи началось движеніе съ цѣлью отдѣленія отъ Даніи.

Герцогства Шлезвигъ и Голштинія, совершенно отдѣльныя отъ Датскаго королевства, принадлежали датскому королю въ качествѣ герцога. Они имѣли каждое свою отдѣльную администрацію, но были подвластны одному общему государю. Когда въ 1815 году былъ основанъ Германскій союзъ, въ него вошла только Голштинія, а Шлезвигъ остался внѣ союза, при чемъ Голштинія осталась подвластной и датскому королю.

Къ этимъ осложненіямъ присоединились еще недоразумѣнія на почвѣ національности. Дѣло въ томъ, что во всей Голштиніи и въ южной части Шлезвига населеніе было нѣмецкое, а въ сѣверной части Шлезвига—датское.

Постепенно начала развиваться идея національности, и подъ вліяніемъ событій 1848 г. нѣмцы въ Голштиніи не хотѣли оставаться датчанами; мало того, нѣмецкая партія въ обоихъ герцогствахъ требовала включенія Шлезвига въ составъ Германскаго союза и вслѣдствіе отказа короля она возстала и образовала временное правительство. Нѣмецкая партія, центромъ которой былъ Киль, дѣйствовала при помощи добровольцевъ и регулярныхъ войскъ, явившихся изъ Германіи.

Война началась въ августѣ 1848 г. и продолжалась до іюля 1850 года, прерываемая перемиріями, которыя раздѣлили ее на три періода.

Въ первомъ періодѣ датская армія отбросила за Эдеръ нѣмцевъ Шлезвига и Голштиніи и добровольцевъ изъ Германіи; тогда прусскія войска принудили датчанъ очистить герцогства.

Во второмъ періодѣ нѣмецкія войска Голштиніи вторглись въ Ютландію, но были отбиты.

Въ третьемъ періодѣ Россія, Англія и Франція рѣшили на лондонской конференціи поддерживать цѣлость датской монархіи, признавъ ее необходимой для европейскаго равновѣсія.

Тогда прусскій король, очутившись изолированнымъ, отвелъ свои войска, а голштинскія войска были окончательно разбиты датской арміей въ іюлѣ 1850 года.

---

[1]) Дѣло инспекторскаго департамента Морского Министерства „о плаваніи 2 и 3 флотскихъ дивизій въ датскихъ водахъ“. № 325/7215. Князь Меншиковъ вице-адмиралу Епанчину, 5/17 іюля 1850, № 1315.

Вотъ въ краткихъ словахъ общій ходъ тѣхъ событій, вслѣдствіе которыхъ въ іюнѣ 1850 г., согласно условіямъ лондонской конференціи, сильный русскій флотъ явился въ датскихъ водахъ для защиты Даніи противъ войскъ Пруссіи и Германскаго союза.

Этотъ рѣшительный образъ дѣйствій Императора Николая привелъ къ тому, что Пруссіи тогда не удалось присоединить Шлезвигъ и Голштинію, что она исполнила впослѣдствіи, въ 1864 году.

Заступничество за Данію и рѣшительный образъ дѣйствій Императора Николая по отношенію къ Пруссіи объясняется тѣмъ, что Государь не могъ сочувствовать германскому движенію, какъ вслѣдствіе революціоннаго его происхожденія, такъ и ради преслѣдуемой имъ цѣли—объединенія Германіи. Чѣмъ тѣснѣе была родственная его связь съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV, тѣмъ съ большимъ прискорбіемъ взиралъ онъ на слабость, проявленную королемъ въ дни испытаній, тѣмъ строже осуждалъ уступчивость его революціоннымъ требованіямъ и заигрываніе съ засѣдавшими во Франкфуртѣ самозванными законодателями Германіи.

Русскій Императорскій кабинетъ объявилъ берлинскому, что если прусскія войска не остановятся въ наступленіи, то Россія вынуждена будетъ объявить войну Пруссіи, потому, что право на сторонѣ Даніи и что Пруссія вооруженнымъ вмѣшательствомъ своимъ нарушила порядокъ, установленный въ герцогствахъ вѣнскимъ конгрессомъ.

Но Россія не ограничилась и этимъ шагомъ; по соглашенію съ Франціей было объявлено берлинскому двору, что если онъ не измѣнитъ своихъ отношеній къ мятежнымъ голштинцамъ, то русскія войска вступятъ въ Силезію, а французскія одновременно займутъ принадлежащія Пруссіи прирейнскія области.

Заступничество Россіи спасло Данію и, какъ мы увидимъ далѣе, достаточно было появленія русскаго флота въ датскихъ водахъ, чтобы заставить Пруссію исполнить всѣ требованія Россіи.

Конечно прежде всего это объясняется тѣмъ, что въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ XIX столѣтіи *престижъ* Россіи достигъ необычайныхъ размѣровъ.

„Когда я былъ молодъ, писалъ Стокмаръ въ концѣ 1851 г., надъ материкомъ Европы господствовалъ Наполеонъ. Теперь русскій Императоръ занялъ мѣсто Наполеона и будетъ, по крайней мѣрѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, предписывать законы Европѣ“ [1]).

---

[1]) Внѣшняя политика Императора Николая I, С. С. Татищева, стр. 127.

2-го іюня 1850 года командующему 2-ю флотскою дивизіею контръ-адмиралу Балку было послано слѣдующее предписаніе [1]):

„Государю Императору угодно, чтобы во время настоящаго практическаго плаванія Вашего ввѣренная Вамъ дивизія крейсировала между островами Мэна и Рюгена".

„Во исполненіе сей Высочайшей воли, Ваше Превосходительство имѣете, съ полученія сего, направить ваше плаваніе къ вышеупомянутымъ островамъ, стараясь въ мѣрѣ возможности продолжать оное до полученія Вами дальнѣйшихъ указаній".

Въ концѣ этого предписанія было сказано, что для исправленія должности начальника штаба дивизіи назначается флигель-адъютантъ капитанъ 1 ранга Глазенапъ „по извѣстности ему датскихъ водъ и лицъ тамошнихъ управленій и на случай могущихъ быть сношеній".

Инструкція, данная контръ-адмиралу Балку, была Высочайше утверждена 21 іюня [2]) и послана 24 іюня съ курьеромъ нашему посланнику въ Копенгагенѣ для передачи контръ-адмиралу Балку.

„Цѣль предписаннаго Вашему Превосходительству, по Высочайшему повелѣнію, отъ 2 сего іюня № 1299, съ ввѣренною Вамъ дивизіею плаванія между островами Мэномъ и Рюгеномъ, состоитъ главнѣйше въ томъ, чтобы способствовать перевозкѣ датскихъ войскъ, въ случаѣ возобновленія военныхъ ихъ противъ голштинцевъ дѣйствій, безъ всякаго однако со стороны нашего флота вступленія съ непріятелемъ въ бой, развѣ бы того потребовали крайняя необходимость или неизбѣжные случаи, что можетъ встрѣтиться при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

„Во-первыхъ, ежели бы датчане пожелали сдѣлать десантъ на берега враждующихъ съ ними Голштиніи и Шлезвига, то предоставляется имъ употребить на это суда нашей эскадры въ количествѣ какое понадобится, но суда наши, принявъ десантъ, только въ такомъ случаѣ могутъ вступить въ боевыя дѣйствія, когда встрѣтили бы боевое, при принятіи или высадкѣ датскихъ войскъ, сопротивленіе со стороны непріятеля или другихъ помогающихъ ему войскъ, безъ различія, будутъ ли то пруссаки или войска Германскаго союза.

---

[1]) Дѣло инспекторскаго департамента Морского Министерства „о плаваніи 2-й и 3-й флотскихъ дивизій въ датскихъ водахъ съ особою начальникамъ сихъ дивизій инструкціею" № 325/7215. Предписаніе контръ-адмиралу Балку 2 іюня 1850 г. № 1299.

[2]) Высочайше утвержденная инструкція контръ-адмиралу Балку въ Петербургѣ 21 іюня 1850 г. (то же дѣло).

„Во-вторыхъ, равнымъ образомъ ежели датчане, тѣснимые на берегу непріятелями, будутъ просить помощи у нашего флота, то, принявъ ихъ на суда эскадры, оказывать имъ всякую защиту, какую только *собственно съ моря* оказать можно.

„И въ третьихъ, ежели бы въ виду нашей эскадры оказалось, что со стороны пруссаковъ или другихъ націй Германскаго союза появились въ водахъ Даніи суда съ явною цѣлью помогать непріятелю, либо для отдѣльнаго противу Даніи дѣйствія съ моря, либо же для высадки десанта враждебныхъ нашему союзнику войскъ, то флотъ нашъ обязывается принять всѣ зависящія отъ него мѣры къ недопущенію сего и въ крайнемъ случаѣ, при боевомъ сопротивленіи непріятельскихъ судовъ, дѣйствовать противу тѣхъ равномѣрно, т. е. боевою же силою.

„Исполненіе всѣхъ вышеупомянутыхъ пунктовъ конечно зависитъ отъ политическихъ обстоятельствъ, которыя ближе извѣстны будутъ посланнику нашему въ Копенгагенѣ, барону Унгернъ-Штернбергу. Поэтому, не угодно ли будетъ Вашему Превосходительству, держась съ эскадрою у острова Мэна до дальнѣйшихъ для Вашего плаванія и дѣйствій указаній—ожидать уже отъ посланника, доставляя мнѣ [1]) о всякой принятой Вами, на основаніи сей инструкціи, мѣрѣ, обстоятельныя при первой возможности, свѣдѣнія“.

Содержаніе этой инструкціи было сообщено въ тотъ же день, т. е. 21 іюня, Льву Григорьевичу Сенявину, управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Не прошло трехъ дней, какъ Государь утвердилъ эту инструкцію, и не успѣлъ адмиралъ Балкъ ее получить, какъ уже произошли перемѣны въ отношеніяхъ Пруссіи и Даніи.

Именно 24 іюня кн. Меншиковъ писалъ контръ-адмиралу Балку, что „по телеграфу получено изъ Берлина предварительное увѣдомленіе о заключенномъ между Даніею и Пруссіею мирѣ. Слѣдствіемъ этого оборота дѣлъ вѣроятно будетъ повелѣніе отозвать сюда ввѣренную Вамъ дивизію, а потому предваряя Васъ объ этомъ, я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство, во всякомъ случаѣ, существованіе данной Вамъ инструкціи не дѣлать во всѣхъ ея подробностяхъ гласнымъ, особенно датчанамъ, которымъ извѣстно только, что флотъ нашъ разрѣшенъ способствовать перевозкѣ ихъ десанта, если бы то обстоятельствами потребовалось [2])“.

---

[1]) т. е. начальнику Главнаго Морскаго Его Императорскаго Величества Штаба князю Меншикову.

[2]) Письмо кн. Меншикова к.-ад. Балку отъ 24 іюня 1850 г. № 1306. Письмо это было отправлено только 5 іюля вмѣстѣ съ инструкціей.

Черезъ четыре дня послѣ отправки инструкціи контръ-адмиралу Балку было принято новое рѣшеніе, о которомъ 28 іюня начальникъ главнаго морского Его Императорскаго Величества штаба кн. Меншиковъ писалъ начальнику 3-й флотской дивизіи вице-адмиралу Епанчину [1]).

„Государю Императору угодно, чтобы Ваше Превосходительство съ ввѣренной Вамъ дивизіею отправились немедленно на смѣну 2-й, находящейся нынѣ на крейсерствѣ въ датскихъ водахъ".

Въ то же время кн. Меншиковъ увѣдомилъ вице-адмирала Епанчина, „что обязанности начальника штаба при ввѣренной Вамъ дивизіи возлагаются на того же флигель-адъютанта Глазенапа, который исполняетъ ихъ по сіе время при смѣняемой Вами 2-й флотской дивизіи".

„Сообщая Вашему Превосходительству,—писалъ кн. Меншиковъ вице-адмиралу Епанчину,—о сей Высочайшей волѣ, покорнѣйше Васъ прошу, по полученіи сего, немедленно отправиться къ означенной смѣнѣ и о дальнѣйшихъ Вашихъ занятіяхъ ожидать отъ меня дополнительнаго предписанія, особо".

Въ то время какъ было дано Высочайшее повелѣніе объ отправленіи 3-й флотской дивизіи въ датскія воды, дивизія эта была въ полной готовности, такъ какъ была вооружена къ практическому плаванію, и на другой же день, какъ состоялось Высочайшее повелѣніе объ ея отправленіи, т. е. 29 іюня, она ушла съ кронштадтскаго рейда въ море.

2-я дивизія должна была отплыть въ Кронштадтъ только тогда, когда 3-я дивизія прибудетъ на мѣсто, о чемъ былъ увѣдомленъ командующій этой дивизіей контръ-адмиралъ Балкъ, при чемъ о причинѣ смѣны не было сказано ни слова [2]).

Въ тотъ день, когда 3-я флотская дивизія ушла изъ Кронштадта по назначенію, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ было получено отъ нашего посланника въ Стокгольмѣ увѣдомленіе, что шведское правительство отправляетъ въ датскія воды и свой флотъ „съ тѣмъ же назначеніемъ, какое получили и наши суда", при чемъ нашъ посланникъ, сообщая объ этомъ въ своей депешѣ отъ 24 іюня (6 іюля), писалъ, что рѣшеніе это было принято швед-

---

[1]) Князь Меншиковъ начальнику 3-й флотской дивизіи вице-адмиралу Епанчину, отъ 28 іюня 1850 года, № 1310.

[2]) Предписаніе контръ-адмиралу Балку отъ 28 іюня 1850 года № 1311. Замѣчательно, что инструкція, которой долженъ былъ держаться адмиралъ Балкъ, была послана послѣ этого предписанія, а именно 5 іюля.

скимъ правительствомъ „вслѣдствіе его представленія, результатомъ котораго былъ успѣхъ столь же быстрый, какъ и благопріятный [1]).

Такимъ образомъ рядомъ съ нашей эскадрой въ датскихъ водахъ должна была явиться шведско-норвежская. Она состояла изъ трехъ норвежскихъ корветовъ Nordstjernen, Ellida и Ornen, двухъ шведскихъ корветовъ Lagerbjelke и Najaden; затѣмъ можно было предполагать, что къ эскадрѣ этой присоединится и шведскій корветъ Farramas.

О рѣшеніи шведскаго правительства былъ тотчасъ же поставленъ въ извѣстность начальникъ нашей эскадры вице-адмиралъ Епанчинъ.

„Поспѣшаю сообщить Вашему Превосходительству, — писалъ кн. Меншиковъ 6 іюля [2]) изъ Петергофа, — что здѣсь получено извѣстіе, изъ Стокгольма, о данномъ шведской эскадрѣ королевскомъ повелѣніи: направиться въ предѣлы датскихъ водъ, для совокупнаго плаванія съ нашей эскадрою и съ тою же какъ наши суда цѣлью“.

„Такъ какъ на вышеупомянутой эскадрѣ находится шведскій принцъ Оскаръ и предполагается, что онъ ею командуетъ, то Государю Императору угодно, чтобы Ваше Превосходительство, по соединеніи съ Вами сказанной флотиліи, отдали первые визитъ молодому принцу и изъ учтивости представили бы его Королевскому Высочеству о состояніи дивизіи рапортъ“.

Такимъ образомъ нашъ адмиралъ съ его эскадрой не былъ подчиненъ принцу Оскару, но долженъ былъ сдѣлать ему визитъ и „изъ учтивости“ представить рапортъ; съ другой стороны и молодой принцъ не былъ подчиненъ русскому адмиралу, который былъ гораздо старше его. Собственно командованіе шведскимъ флотомъ было возложено на принца Оскара потому, что онъ, какъ принцъ крови, считался въ Швеціи старшимъ въ ряду офицеровъ одного съ нимъ чина [3]).

Какъ мы видѣли выше, начальникъ нашей эскадры, вице-адмиралъ Епанчинъ, передъ отправленіемъ изъ Кронштадта не получилъ инструкціи, посему было сообщено, что она будетъ выслана „особо“.

„Такая инструкія была дана въ предписаніи отъ 5 іюля, въ которомъ было сказано, что при немъ, препровождается „копія съ

---

[1]) Депеша барона Крюденера изъ Стокгольма отъ 24 іюня (6 іюля). 1850 г. № 35.

[2]) Кн. Меншиковъ вице-адмиралу Епанчину 6 іюля 1850 г. изъ Петергофа.

[3]) Депеша барона Крюденера отъ 24 іюня (6 іюля) 1850 г. № 34.

той Высочайше утвержденной инструкціи, которая дана была командующему 2-ю флотскою дивизіею".

Но такъ какъ съ тѣхъ поръ произошли перемѣны въ отношеніяхъ Пруссіи и Даніи, то въ дополненіе этой инструкціи были даны слѣдующія указанія [1]).

„Изъ содержанія сей инструкціи Вы усмотрите, въ чемъ состоитъ главнѣйшая цѣль плаванія нашей эскадры въ датскихъ водахъ и въ какихъ крайнихъ случаяхъ инструкція эта можетъ быть примѣнена къ дѣлу.

„А какъ въ настоящее время между Даніей и Пруссіей заключенъ уже миръ и слѣдовательно есть все вѣроятіе, что военныхъ дѣйствій между ними не будетъ, то и упомянутая выше инструкція, при сохраненіи ея, до времени, негласною, только въ томъ случаѣ можетъ быть принята Вами къ руководству и исполненію, если бы послѣдовала перемѣна въ мирныхъ политическихъ обстоятельствахъ Даніи и объ этомъ получили бы Вы оффиціальное извѣщеніе отъ посланника нашего въ Копенгагенѣ барона Унгернъ-Штернберга.

„Въ согласіе же съ теперешнимъ положеніемъ дѣлъ, прилагаемая здѣсь инструкція, оставаясь по сущности своей и нынѣ въ полной силѣ, поясняется только нижеслѣдующими замѣчаніями.

1) „При исполненіи требованія датчанъ, принятіемъ ихъ десанта на суда наши, Вы, конечно, должны избѣгать, высадкою его на предуказанный берегъ, поставить себя въ такія же обстоятельства, въ какихъ находились датскіе: корабль „Христіанъ VIII" и фрегатъ „Гефіонъ" у Екернфіорде, и вообще стараться отклонить высадку войскъ въ тѣ мѣста, гдѣ мелководіе можетъ подвергнуть суда наши явной гибели.

2) „По заключеніи мира между Даніей и Пруссіею, нельзя, конечно, ожидать, чтобы у насъ были столкновенія съ пруссаками. Однако во всякомъ случаѣ, предписывается Вамъ объ обстоятельствахъ, инструкціею предусмотрѣнныхъ, не иначе вступать въ бой, какъ послѣ перваго выстрѣла со стороны непріятеля, отвѣтствуя тогда уже безъ различія, кто бы они ни были.

3) „Хотя предположительно, пруссаковъ, по тѣмъ же причинамъ, на морѣ ожидать нельзя, но если бы ихъ суда, или чьи бы то ни было, явились подъ флагомъ Германскаго союза, для враждебныхъ дѣйствій противъ датчанъ, то и дѣйствія нашей эскадры во всемъ должны быть согласны съ 3-мъ пунктомъ инструкціи, имѣя только въ виду упомянутое выше замѣчаніе на счетъ вступленія въ бой.

„И наконецъ, 4) сказанное въ заключеніе инструкціи на счетъ

---

[1]) Кн. Меншиковъ вице-адмиралу Епанчину 5 (17) іюля 1850 г. № 1315.

крейсерства эскадры нашей у острова Мэна, въ настоящее время, само собою перестаетъ быть условіемъ плаванія Вашего, такъ какъ по всей вѣроятности и смѣняемую Вами дивизію Вы найдете уже у береговъ Шлезвига".

Такимъ образомъ согласно третьяго пункта этой инструкціи нашъ адмиралъ обязанъ былъ силою противодѣйствовать пруссакамъ, если бы они выслали свой флотъ противъ датчанъ. Сообщая начальнику штаба 3-й флотской дивизіи флигель-адъютанту Глазенапу о содержаніи данныхъ адмиралу Епанчину указаній, кн. Меншиковъ писалъ ему въ тотъ же день 5 іюля:

„Имѣйте въ виду, что въ Кильской бухтѣ, у крѣпости Friedrichs-Wt и передъ Килемъ поперекъ залива у Dysterlabrook, противъ батарей погружены подводныя мины [1])".

При отправленіи 3-й флотской дивизіи предполагалось, что плаваніе ея продолжится два мѣсяца; но уже вскорѣ явилось предположеніе, что срокъ этотъ недостаточенъ, о чемъ 5 іюля кн. Меншиковъ писалъ адмиралу Епанчину, что быть можетъ обстоятельства потребуютъ долгайшаго пребыванія Вашего за границею [2])".

7-го іюля изъ Кронштадта былъ отправленъ на соединеніе съ нашимъ флотомъ, въ распоряженіе адмирала Епанчина, пароходъ „Отважный"; этотъ пароходъ главнымъ образомъ назначался для службы связи, „для сношеній съ датчанами, а также для необходимыхъ разсылокъ при эскадрѣ [3])".

При отправленіи изъ Кронштадта „Отважный" долженъ былъ доставить депеши нашему адмиралу и нашему посланнику въ Копенгагенѣ, а также экстраординарную сумму въ достаточномъ количествѣ, для нашей эскадры [4]).

Дѣйствія нашей эскадры въ датскихъ водахъ.

3-я дивизія благополучно прибыла въ датскія воды и тотчасъ приступила къ исполненію возложенныхъ на нее порученій:

Въ составъ эскадры подъ флагомъ вице-адмирала Епанчина вошли:

9 кораблей, 2 фрегата, 1 корветъ, 3 парохода, 2 брига и 3 шхуны, всего 20 судовъ. Корабли были слѣдующіе: „Россія", „Выборгъ", „Фершампеноазъ", „Ретвизанъ", „Арсисъ", „Іезекіиль", „Кацбахъ",

---

[1]) Кн. Меншиковъ флигель-адъютанту Глазенапу 5 іюля 1850 г. № 1316.

[2]) Кн. Меншиковъ адмиралу Епанчину 5 іюля 1850 г. № 1318.

[3]) Записка флигель-адъютанта Глазенапа отъ 3 іюня 1850 г.

[4]) Кн. Меншиковъ главному командиру Кронштадтскаго порта 6 іюля 1850 г. № 1324.

„Бріенъ“, „Сысой-Великій“. Фрегаты: „Константинъ“ и „Архимедъ“. Корветъ—„Наваринъ“. Пароходы: „Архимедъ“, „Отважный“ и „Смѣлый“. Бриги—„Парисъ“ и „Агамемнонъ“. Шхуны—„Дождь“, „Стрѣла“ и „Опытъ“.

13 іюля, по соединеніи со 2-й флотской дивизіей, былъ отправленъ къ маяку Белькъ (Бюлькъ) у входа въ Кильскій заливъ, контръ-адмиралъ Кутыгинъ съ кораблями „Фершампенуазъ“, „Выборгъ“ и „Ретвизанъ“, на смѣну находившагося тамъ отряда изъ трехъ кораблей подъ начальствомъ контръ-адмирала Моллера. 14 іюля, по просьбѣ датчанъ, съ эскадры нашей были посланы въ Фленсбургъ врачи и фельдшера для оказанія помощи раненымъ, которые въ числѣ 680 человѣкъ были перевезены на пароходахъ „Отважный“ и „Смѣлый“ въ Копенгагенъ. 16 іюля по просьбѣ главнокомандующаго датской арміей генерала Крои, въ его распоряженіе были отряжены корабль „Бріенъ“ и фрегатъ „Архимедъ“.

18 іюля начальникомъ нашей эскадры было получено отношеніе нашего посланника въ Копенгагенѣ, въ которомъ онъ просилъ воспрепятствовать выходу военныхъ судовъ изъ Кильскаго порта для предупрежденія столкновеній между этими судами и датскими судами и недопущенія нападеній голштинцевъ на занятый датчанами островъ Фемарнъ.

Обращаясь съ этой просьбой, нашъ посланникъ въ Копенгагенѣ писалъ, что эта мѣра необходима потому, что уже были столкновенія датскихъ военныхъ судовъ съ судами, вышедшими изъ голштинскихъ портовъ. „Эти экспедиціи, писалъ посланникъ, выходятъ изъ портовъ, которые пользуются такими же правами нейтралитета, какъ вся остальная Германія, но которые сравнительно съ германскими портами имѣютъ ту привилегію, что они состоятъ въ войнѣ съ Даніей, при чемъ однако же Данія не имѣетъ права посылать туда свои суда. Такимъ образомъ эти экспедиціи могутъ быть подготовлены въ этихъ портахъ въ полной безопасности и состоять изъ германскихъ военныхъ силъ, чего нѣмцы не позволили бы себѣ сдѣлать въ германскихъ портахъ [1])“.

Исполненіе этой задачи адмиралъ Епанчинъ возложилъ на отрядъ контръ-адмирала Кутыгина, при чемъ снабдилъ его слѣдующей инструкціею [2]). „Всякое военное вооруженное судно, которое желало бы выйдти изъ Кильскаго порта подъ флагомъ германскимъ

---

[1]) Письмо барона Унгернъ-Штернберга, изъ Копенгагена отъ 15 (27 іюля) 1850 года (на французскомъ языкѣ).

[2]) Рапортъ вице-адмирала Епанчина отъ 25 іюля 1850 года № 915, на кораблѣ „Россія“ на Зондербургскомъ рейдѣ.

или шлезвигъ-голштинскимъ, остановить, объявляя ему, что выйдти изъ Кильскаго порта ему нельзя, а предоставляется ему возвратиться туда; только въ случаѣ упорства такого судна въ своемъ намѣреніи, заставить его силою исполнить требуемое отъ него, но въ письменныя сношенія ни подъ какимъ видомъ не входить". Для усиленія отряда контръ-адмирала Кутыгина былъ посланъ корветъ „Наваринъ", который приказано было отъ времени до времени посылать для осмотра острова Фемарнъ, и, въ случаѣ, если онъ тамъ встрѣтитъ какія-либо военныя вооруженныя суда, то долженъ былъ воспрепятствовать имъ приблизиться къ этому острову и требовать возвращенія такихъ судовъ въ порты, изъ которыхъ они вышли. Попытка выйдти изъ Киля была сдѣлана прусскимъ пароходомъ „Бонинъ", подъ флагомъ адмирала Бомми; пароходъ этотъ хотѣлъ пройдти въ Экернферде для соединенія съ стоявшимъ тамъ на мели фрегатомъ „Гефіонъ" [1]). Въ этомъ требованіи пруссакамъ было отказано и они вернулись въ Киль.

19 іюля, по занятіи датскими войсками Экернферде, въ заливѣ его собрался небольшой отрядъ датскихъ военныхъ пароходовъ и командующій датской эскадрой командоръ Билле просилъ адмирала Епанчина отрядить туда одинъ пароходъ, который бы могъ принять часть экернфердскаго гарнизона, въ случаѣ нападенія на него значительныхъ силъ. Съ этой цѣлью въ Экернферде былъ посланъ фрегатъ „Отважный".

Въ тотъ же день, 19 іюля, адмиралъ Епанчинъ на кораблѣ „Россія" пришелъ на Зондербургскій рейдъ, приведя съ собой корабли „Арсисъ" и „Іезекіиль", фрегатъ „Константинъ" и шхуну „Опытъ". Контръ-адмиралъ Матюшкинъ въ то же время былъ отправленъ на рейдъ острова Ліэ съ кораблями „Кацбахъ" и „Сысой Великій".

25 іюля на Зондербургскій рейдъ прибылъ отрядъ шведскихъ и норвежскихъ судовъ подъ начальствомъ принца Оскара; эскадра эта черезъ 2 дня ушла въ Фленсбургъ, а 1-го августа принцъ съ отрядомъ своимъ возвратился на Зондербургскій рейдъ и отправился въ Большой Бельтъ. Главныя силы нашей эскадры продолжали въ это время стоять на Зондербургскомъ рейдѣ, отрядъ контръ-адмирала Матюшкина у острова Ліэ, а отрядъ контръ-адмирала Кутыгина блокировалъ Кильскій портъ; этотъ отрядъ 29 іюля былъ смѣненъ

---

[1]) „Гефіонъ" стоялъ на мели въ Экернферде близъ самого города подъ прусскимъ флагомъ. Такъ какъ Гефіонъ былъ уступленъ Даніей—Германскому союзу по мирному договору, то датчане по занятіи Экернферде требовали, чтобы прусскій флагъ былъ спущенъ. Объ этомъ завязалась переписка.

отрядомъ контръ-адмирала Шихманова, состоявшимъ изъ 2 кораблей, 1 фрегата и 1 брига.

4 августа, въ 5 час. вечера, изъ-за крѣпости Фридрихсортъ показались подъ голштинскими флагами два парохода и пять канонерскихъ лодокъ. Навстрѣчу имъ вышелъ датскій пароходъ „Текла“. Тогда голштинскія суда открыли по немъ огонь и канонада эта продолжалась до 8 часовъ вечера. Во время этой канонады датскій корабль „Скіольдъ“ и нашъ бригъ „Парисъ“ находились подъ парусами; послѣдній въ случаѣ выхода голштинцевъ изъ залива долженъ былъ остановить ихъ, а если бы онъ встрѣтилъ сопротивленіе, то эскадра вице-адмирала Шихманова готова была вступить подъ паруса для атаки непріятельскихъ судовъ.

6 августа расположеніе нашихъ судовъ было слѣдующее:

На Зондербургскомъ рейдѣ подъ флагомъ вице-адмирала Епанчина корабли: „Россія“ (флагманскій), „Выборгъ“, „Фершампеноазъ“ и „Ретвизанъ“.

Пароходы: „Архимедъ“, „Отважный“ и „Смѣлый“.

Бригъ—„Агамемнонъ“,

Шхуны—„Дождь“, „Стрѣла“ и „Опытъ“.

У входа въ Киль, подъ флагомъ контръ-адмирала Шихманова. Корабли: „Арсисъ“ и „Іезекіиль“.

Фрегатъ—„Константинъ“.

У острова Лиэ подъ флагомъ контръ-адмирала Марошкина. Корабли: „Кацбахъ“, „Бріенъ“ и „Сысой Великій“.

Корветъ—„Наваринъ“.

У острова Фемарна. Бригъ—„Парисъ“.

21 августа на Зонденбургскій рейдъ прибылъ на фрегатѣ „Паллада“ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Великій Князь осматривалъ нашъ флотъ, посѣтилъ датскія береговыя батареи, гавани, осмотрѣлъ датскія суда и сдѣлалъ маневры нашему флоту.

26 августа Великій Князь и Великая Княгиня Александра Іосифовна простились съ нашей эскадрой, которая вернулась на Зондербургскій рейдъ.

1 сентября въ окрестностяхъ Экернферде происходило довольно жаркое дѣло, послѣ котораго въ Копенгагенъ было доставлено 130 человѣкъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ, какъ увѣрялъ командиръ Билле, начальникъ штаба нашей эскадры, одинъ унтеръ-офицеръ и нѣсколько рядовыхъ прусскихъ войскъ, получившихъ отъ своего начальства, 1 августа 1850 года, отпускъ на одинъ годъ, для вступленія въ шлезвигъ-голштинскую службу [1]). Между тѣмъ европей-

[1]) Рапортъ начальника штаба эскадры флигель-адъютанта Глазенапа 6—18 сентября 1850 г. № 36.

скія державы пришли къ соглашенію относительно участи Даніи и 2 августа Россія, Англія, Франція, Швеція и Норвегія подписали лондонскій протоколъ, гарантировавшій неприкосновенность Даніи.

Въ виду этого наше правительство приняло рѣшеніе отозвать изъ датскихъ водъ нашу эскадру, оставивъ тамъ только часть судовъ. Вслѣдствіе этого 30 августа Государь Императоръ утвердилъ предписаніе вице-адмиралу Епанчину, содержаніе котораго было слѣдующее [1]):

„Во-первыхъ, имѣете Вы, 15-го числа наступающаго сентября мѣсяца, съ ввѣренными Вамъ судами, кромѣ поименованныхъ ниже въ третьемъ пунктѣ, оставить датскія воды и идти обратно въ россійскіе порты.

„Во-вторыхъ, не дѣлая ни на берегу, ниже на судахъ дивизіи извѣстнымъ объ обратномъ Вашемъ направленіи въ предѣлы Россіи, Вы можете, подъ предлогомъ эволюціоннаго плаванія, сняться въ сказанное выше число съ якоря и идти по предначертанію, а если въ то время по какимъ-либо обстоятельствамъ, Вы будете уже въ плаваніи, то для исполненія симъ предписываемаго, примете надлежащія мѣры къ возвращенію съ эскадрою въ Россію.

„Въ-третьихъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, имѣете Вы предварительно распорядиться объ оставленіи находящихся при эскадрѣ пароходо-фрегатовъ: „Архимедъ“, „Смѣлый“ и „Отважный“, а равно и пришедшаго съ симъ предписаніемъ парохода „Камчатка“, въ предѣлахъ датскихъ водъ, подъ начальствомъ флигель-адъютанта Глазенапа, которому съ симъ вмѣстѣ предписывается особо: оставаться тамъ съ поименованными пароходами до 1-го, а буде обстоятельства потребуютъ, то и до 10-го будущаго октября мѣсяца, дѣйствуя во всемъ согласно съ прежними инструкціями, которыя могутъ быть отъ посланника нашего въ Копенгагенѣ.

„И наконецъ, въ-четвертыхъ, ежели признается нужнымъ вмѣстѣ съ пароходами оставить еще одно изъ мелкихъ судовъ, которое бы могло потомъ быть прибуксировано — то распоряженіе объ этомъ предоставляется вполнѣ ближайшему благоусмотрѣнію Вашего Превосходительства“.

Получивъ 6 сентября съ пароходо-фрегатомъ „Камчатка“ приказаніе о возвращеніи въ Россію, адмиралъ Епанчинъ тотчасъ приступилъ къ распоряженіямъ для обратнаго плаванія эскадры. Но 9 сентября адмиралъ получилъ увѣдомленіе, что 14—26 сентября от-

---

[1]) Высочайше утвержденное предписаніе вице-адмиралу Епанчину 30 августа 1850 г. Въ тотъ же день оно было сообщено вице-адмиралу Епанчину за № 1352.

правится изъ Гельсингера въ Фленсбургъ король датскій и 15—27 сентября, въ день назначенный для отплытія эскадры, пройдетъ черезъ Зондербургскій рейдъ; 16—28 сентября король долженъ былъ отправиться въ г. Шлезвигъ для осмотра дѣйствующей датской арміи и вернуться въ Фленсбургъ, откуда 18—30 сентября онъ долженъ былъ идти на пароходѣ въ Копенгагенъ черезъ Зондербургъ и намѣревался посѣтить нашу эскадру.

Въ виду этого, посланникъ нашъ увѣдомилъ адмирала Епанчина, что, по его мнѣнію, необходимо отложить на нѣсколько дней отплытіе эскадры; при этомъ посланникъ нашъ желалъ присутствовать при посѣщеніи королемъ эскадры; онъ прибылъ въ Зондербургъ 12—24 сентября на посланномъ за нимъ пароходо-фрегатѣ „Камчатка“ и остановился на флагманскомъ кораблѣ „Россія“.

Получивъ извѣстіе о намѣреніи короля посѣтить нашу эскадру 18—30 сентября, адмиралъ Епанчинъ рѣшилъ немедленно послѣ того, какъ король оставитъ эскадру, вступить подъ паруса и, подъ предлогомъ практическаго крейсерства, начать обратное плаваніе въ Россію [1]). 18 сентября состоялось посѣщеніе эскадры королемъ Фридрихомъ VII, который въ воздаяніе помощи, оказанной нашимъ флотомъ Даніи, пожаловалъ адмиралу Епанчину знаки ордена Данеброга 1-й степени съ брилліантами.

22 сентября эскадра вице-адмирала Епанчина снялась съ якоря и пошла къ острову Мэну, гдѣ, по сигналу съ флагманскаго корабля, отъ эскадры отдѣлился отрядъ судовъ подъ начальствомъ флигель-адъютанта Глазенапа. 23 сентября эскадра прибыла къ Мэну и 24 сентября, вслѣдствіе совершеннаго штиля, стала близъ Мэна на якорь.

Во время пребыванія въ датскихъ водахъ здоровье команды на нашей эскадрѣ было въ самомъ хорошемъ состояніи. Этому способствовали какъ ученья, которыя постоянно производились на судахъ, такъ и хорошая, свѣжая пища, а также сбитень, особенно полезный во время холодной погоды, начавшейся въ концѣ августа. 5-го октября эскадра благополучно вернулась въ Кронштадтъ.

Отрядъ судовъ Глазенапа остался въ Даніи до начала октября, а съ 5 октября суда начали возвращаться въ Кронштадтъ: послѣднія суда ушли изъ Копенгагена 10 октября.

Таковъ краткій очеркъ плаванія нашей эскадры въ датскихъ водахъ; въ составъ нашей эскадры входилъ почти весь тогдашній Балтійскій флотъ, и въ исторіи нашего флота это былъ случай наибольшаго сосредоточенія нашихъ морскихъ силъ. Энергичный образъ

---

[1]) Рапортъ вице-адмирала Енаковича 15 сентября 1850 г. № 1045.

дѣйствій Императора Николая въ датскомъ вопросѣ увѣнчался полнымъ успѣхомъ и задуманное Пруссіей завоеваніе части датскихъ владѣній не удалось осуществить, вслѣдствіе рѣшительнаго сопротивленія русскаго царя.

Надо сказать, что Императоръ Николай I былъ неизмѣннымъ другомъ Даніи; онъ не ограничился дипломатическими представленіями берлинскому двору, а послалъ свой флотъ на защиту Копенгагена. Въ это время, какъ мы уже говорили, политическое преобладаніе Россіи въ Европѣ достигло своего апогея и вліяніе русскаго царя было чрезвычайно велико; и дѣйствительно, одного появленія нашего флота подъ стѣнами датской столицы оказалось достаточнымъ, чтобы спасти Данію отъ грозившей ей опасности. *„Не бойся, король датскій, Епанчинъ съ тобою“*, сказалъ, говорятъ, королю Фридриху VII русскій адмиралъ, ветеранъ Наварина, командовавшій русской эскадрой, и въ этихъ простодушныхъ словахъ, какъ вѣрно замѣтилъ С. С. Татищевъ, *скрывался глубокій политическій смыслъ* [1]).

Съ политической точки зрѣнія датская экспедиція нашего флота есть событіе весьма интересное и знаменательное, такъ какъ это единственный случай въ теченіе XIX столѣтія, когда мы стали въ открыто враждебныя отношенія къ Пруссіи. Русскій царь рѣшительно сталъ на сторону маленькой Даніи и предписалъ своему адмиралу, *что если бы пруссаки*, или кто бы то ни были, *выступили для враждебныхъ дѣйствій противъ Даніи, то нашъ флотъ долженъ былъ силою воспротивиться этому*; но при этомъ однако было предписано не иначе вступать въ бой, какъ послѣ перваго выстрѣла со стороны непріятеля, *„отвѣтствуя тогда уже безъ различія, кто бы онъ ни былъ“*.

Не лишнее отмѣтить слѣдующую замѣчательную особенность положенія нашей эскадры во время датской экспедиціи. Несмотря на то, что мы состояли въ союзѣ съ Англіей, Франціей и Швеціей, мы съумѣли сохранить *полную самостоятельность*, и адмиралъ нашъ долженъ былъ дѣйствовать *независимо* отъ дѣйствій союзниковъ; только по отношенію къ начальнику шведской эскадры адмиралъ нашъ долженъ былъ *„изъ учтивости“* соблюсти нѣкоторыя формальности, а именно представить принцу Оскару рапортъ, что, очевидно, было сдѣлано изъ уваженія къ высокому положенію начальника шведской эскадры.

Исполненіе такой самостоятельной, но въ то же время сложной и щекотливой операціи требовало проявленія со стороны нашего

---

[1]) В. Скальковскій, Внѣшняя политика Россіи, стр. 148—149.

адмирала всесторонних морских знаній и искусства въ веденіи переговоровъ, которые легко могли обостриться каждую минуту.

Рѣшительность характера, проявленная адмираломъ Епанчинымъ за время его продолжительной службы, служила порукой въ успѣшности исполненія возложеннаго на него важнаго порученія, а благопріятные результаты, достигнутые плаваніемъ нашей эскадры въ датскихъ водахъ, составляютъ одну изъ лучшихъ страницъ дѣятельности и службы адмирала Ивана Петровича Епанчина [1]).

Н. А. Епанчинъ.

---

[1]) Первоначально статья о Датской экспедиціи была помѣщена въ изданіи Н. В. Шапошникова—„Heraldica“, томъ I. Въ настоящемъ видѣ она пополнена и переработана. Портретъ адмирала И. П. Епанчина снятъ вскорѣ послѣ экспедиціи.

Императоръ Николай I и Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ 1830—1831 г.

(Изъ переписки Николая I и Цесаревича Константина Павловича съ 14 января 1830 г. по 15 іюня 1831 года) [1].

Въ тотъ день, когда русскія войска вступили въ предѣлы Царства Польскаго, Императоръ Николай Павловичъ сообщалъ Цесаревичу, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Берлина, гдѣ перлюстровывались письма, приходившія изъ Варшавы, поляки упали духомъ.

„Императоръ австрійскій прислалъ мнѣ письмо князя Адама къ его брату Константину, привезенное нѣкіемъ Рачинскимъ“, писалъ Государь [2]); въ этомъ письмѣ князь Адамъ проситъ его умолить Императора замолвить слово за Польшу, *да не такого нашелъ*; въ отвѣтъ на это Императоръ велѣлъ передать ему экземпляръ воззванія къ полякамъ, приказавъ сказать „что онъ ничего лучшаго не можетъ посовѣтовать ему, какъ исполнить возможно скорѣе то, что въ немъ повелѣвается“.

Особенное значеніе Императоръ придавалъ извѣстію о доносѣ подполковника Добрянскаго, вслѣдствіе котораго были арестованы и допрошены: Лелевель, Островскій и Брониковскій.

„Это первый шагъ, писалъ Николай, подождемъ дальнѣйшихъ; пусть они раздерутся и попросятъ, какъ милости, чтобы мы пришли и покончили эту трагедію“.

---

[1]) См. „Русская Старина“ май 1911 г.

[2]) Письмо отъ 13/25 января 1831 г.

Какъ бы въ подтвержденіе извѣстій, дошедшихъ въ Петербургъ изъ-за границы, Цесаревичъ писалъ одновременно брату, со словъ плѣнныхъ поляковъ, что въ Варшавѣ начались раздоры, что землевладѣльцы и крестьяне не принимали никакого участія въ возстаніи, что ими руководила лишь молодежь и академисты, и солдаты скорбѣли о случившемся и были очень расположены къ русскимъ.

Вынужденный участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ, Цесаревичъ глубоко скорбѣлъ объ этомъ душою.

„Фельдмаршалъ (Дибичъ) двинулся сегодня въ полдень къ границѣ, которую онъ перейдетъ завтра, писалъ Константинъ Павловичъ 24 января (5 февраля). Резервъ, коимъ я командую, перейдетъ ее послѣ завтра. Брестскій и 5-й кавалерійскій корпуса выступили въ походъ сегодня. И такъ, сегодня начинается новая эра; да благословитъ насъ милосердый Господь. Позвольте мнѣ, дорогой и несравненный братъ, при этомъ важномъ и торжественномъ случаѣ, поручить вамъ то, что у меня есть самаго дорогого на свѣтѣ, т. е. жену и сына. Если меня постигнетъ бѣда, у нихъ не останется иной поддержки, кромѣ васъ. Не лишайте ихъ вашей милости и покровительства, коими они пользовались при моей жизни, съ которой я разстанусь тогда спокойно, служа Богу и моему Государю“.

„Мы всѣ въ рукахъ Божьихъ, отвѣчалъ Государь; не тревожьтесь за судьбу тѣхъ, кто дорогъ Вамъ, они равно дороги и намъ. Да хранитъ Васъ всѣхъ Господь; что касается Васъ лично, то *позвольте* мнѣ *приказать* Вамъ принять всѣ мѣры предосторожности, какія только разумъ повелѣваетъ принять въ странѣ убійцъ и негодяевъ (assassins et misérables), у которыхъ нѣтъ ничего святого. Я требую этого отъ Васъ именемъ Бога и данной Вами присяги [1])“.

Заботясь объ участи близкихъ ему лицъ, Константинъ Павловичъ не забылъ и о приближенныхъ къ нему военныхъ и гражданскихъ чинахъ и о своихъ слугахъ, которымъ просилъ сохранить получаемое ими жалованье; въ особенности онъ поручалъ Государю Куруту, своего стараго испытаннаго друга, „ce viel ami de près de 45 ans“; вспомнилъ также и близкихъ его сердцу поляковъ: „будьте снисходительны и милосердны къ полякамъ, писалъ онъ, которые не могли или не были въ состояніи побороть потокъ, увлекшій ихъ на путь клятвопреступленія“.

Одновременно съ этимъ письмомъ Императоръ получилъ извѣстіе о томъ, что Хлопицкій сложилъ съ себя полномочія.

„Я считаю, писалъ онъ брату, что этотъ шагъ будетъ имѣть

[1]) Письмо отъ 31 января 1831 г.

рѣшающее значеніе по тому громадному впечатлѣнію, какое онъ неминуемо произведетъ какъ на демагоговъ, которые смотрятъ на него, какъ на сумасшедшаго, такъ и въ особенности на военныхъ; ибо тѣ изъ нихъ, кои сохранили хоть тѣнь совѣсти и чести, не могутъ не послѣдовать его примѣру, и быть можетъ расправятся съ виновными; самое меньшее это можетъ повести къ анархіи и междоусобицѣ, въ чемъ мы можемъ пожелать имъ *премного удовольствія.* Говорятъ, будто Вейсенгофъ отказался принять командованіе, предложенное ему *моимъ преемникомъ Адамомъ I...* Почтовый чиновникъ Новицкій, въ письмѣ къ одному служащему на почтѣ въ Берлинѣ, пишетъ, что (въ Варшавѣ) ожидаютъ со дня на день страшнаго взрыва и что онъ и всѣ благомыслящіе люди трепещутъ за свою жизнь".

„Быть можетъ, въ настоящую минуту уже льется кровь [1])! Какъ печальна, какъ тягостна эта мысль! Но по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что мы истощили всѣ средства къ примиренію прежде, нежели дойти до этого! Послѣднія извѣстія изъ Варшавы такъ нелѣпы, начиная съ назначенія главнокомандующимъ Радзивилла и нашего, такъ называемаго, низложенія, и кончая восхваленіемъ героевъ 14-го декабря, что я не нахожу словъ, чтобы выразить это, и никакъ не могу объяснить себѣ это. Какъ будто длань Господня тяготѣетъ надъ этимъ народомъ и заставляетъ его истощить всякое терпѣніе и отнять всякую возможность спасти его у тѣхъ, кто *подобно намъ* не потерялъ еще на это надежды!".

„Что касается Велепольскаго и Льва Сапѣги, то здѣсь получены ихъ донесенія князю Адаму, изъ коихъ видны ихъ происки, но вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что они почти окончательно разочаровались въ своихъ надеждахъ на поддержку со стороны англійскаго и французскаго правительствъ... Здѣсь ожидаютъ съ нетерпѣніемъ военныхъ дѣйствій; впрочемъ, узнавъ о томъ, какой оборотъ приняли дѣла въ Варшавѣ, всѣ до нѣкоторой степени успокоились". „Было бы недурно, конечно, если бы все то, что разсказываютъ возвратившіеся изъ Варшавы солдаты о настроеніи войска, оказалось справедливымъ, но, признаюсь, я этому плохо вѣрю. Тѣмъ не менѣе я убѣжденъ, что благомыслящіе люди не довольны избраніемъ князя Радзивилла главнокомандующимъ, поэтому примѣръ Хлопицкаго въ этомъ отношеніи весьма важенъ; но г.г. подпрапорщики умѣютъ повидимому заставить молчать генераловъ и полковниковъ; это просто непостижимо".

Наканунѣ рѣшительнаго боя подъ Прагою, Цесаревичъ, крайне этимъ удрученный, писалъ Императору изъ Милосны [2]):

[1]) Письмо отъ 27 января 1831 г.

[2]) Письмо изъ Милосны 13/25 февраля 1831 г.

„Вотъ уже четыре дня, какъ мы стоимъ передъ Прагой; со дня на день ожидаютъ рѣшительнаго сраженія. Поляки дерутся превосходно и выказываютъ примѣрную храбрость". „Не скрою отъ Васъ, что они очень возбуждены противъ насъ; изъ мѣстныхъ жителей лишь весьма немногіе расположены въ нашу пользу. Въ числѣ плѣнныхъ я встрѣтилъ нѣсколько человѣкъ знакомыхъ, напр. графа Завадскаго, маіора Сомковскаго, подпоручика Шамовскаго, капитана Борткевича. Послѣдній особенно неистовствовалъ въ ту ночь, когда происходило возстаніе. Солдаты—иное дѣло; они все тѣ же, какими я ихъ оставилъ, и говорятъ со мною довѣрчиво. Это какой-то хаосъ, какая-то путаница, въ которой я не могу разобраться. Да будетъ воля Господня, но надобно сознаться, что мое положеніе весьма тягостно. Когда я подумаю, что каждый раненый и убитый нами можетъ упрекнуть меня въ томъ, что я былъ шестнадцать лѣтъ во главѣ арміи, которая причиняетъ имъ столько зла! Впрочемъ, извиненіемъ можетъ служить мнѣ то, что я только исполнялъ приказанія свыше, которыя клонились къ ихъ благу, Богъ имъ судья, такъ же какъ и мнѣ; тѣмъ не менѣе положеніе мое, гдѣ бы я ни находился, самое тяжелое".

Сраженіе подъ Прагою, которое могло оказаться пагубнымъ для поляковъ, окончилось, какъ извѣстно, для нихъ довольно благопріятно, благодаря тому, что фельдмаршалъ Дибичъ, неожиданно прекративъ бой въ пять часовъ вечера, не нанеся полякамъ рѣшительнаго удара, въ то время какъ ихъ дѣла были далеко не блестящи. И когда, послѣ удачной, съ нашей стороны, кавалерійской атаки, паника охватила у нихъ не только солдатъ, но и начальствующихъ лицъ, не исключая главнокомандующаго, князя Радзивилла, ускакавшаго съ свитой въ Варшаву, гдѣ въ тотъ моментъ всѣ считали себя на краю гибели и гдѣ уже выбирали депутацію для поднесенія побѣдителю ключей отъ города и испрошенія помилованія. Такимъ образомъ „фельдмаршалъ потерялъ благопріятный моментъ, чтобы овладѣть Варшавой и однимъ ударомъ покончить кампанію, которая развилась въ продолжительную и кровопролитную войну" [1]).

Столь странный образъ дѣйствій фельдмаршала объясняется различно. Графъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ приписываетъ внезапное бездѣйствіе графа неумѣстнымъ совѣтамъ Цесаревича Константина Павловича; онъ говоритъ:

„Когда Дибичъ велъ свои колонны на пражскія укрѣпленія, одинъ генералъ далъ ему совѣтъ пріостановить нападеніе, чтобы

---

[1]) Шильдеръ, стр. 338.

избѣжать кровопролитія, и онъ имѣлъ слабость его послушаться. Дибичъ никогда не хотѣлъ назвать этого генерала по имени и тайну свою унесъ въ могилу, но на смертномъ одрѣ сказалъ графу Орлову:

„Мнѣ дали этотъ пагубный совѣтъ; послѣдовавъ ему, я провинился передъ Государемъ и Россіею. Главнокомандующій одинъ отвѣчаетъ за всѣ свои дѣйствія". „Думаютъ, продолжаетъ Бенкендорфъ, что совѣтъ, остановившій карательный мечъ, поднятый имъ надъ крамольною Варшавою, принадлежалъ Цесаревичу Константину Павловичу. Видъ этого города, гдѣ Цесаревичъ жилъ и начальствовалъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, гдѣ образовались его связи, и устроился его бракъ, гдѣ укрѣпились всѣ его привычки,—видъ этого города въ минуту грозящаго ему бѣдствія могъ тронуть сердце Цесаревича и внушить ему мысль о спасеніи Варшавы. Если точно имъ данъ былъ этотъ совѣтъ, то онъ понесъ жестокое наказаніе въ горестяхъ и уничиженіи, не перестававшихъ съ тѣхъ поръ его преслѣдовать и низведшихъ его вскорѣ въ гробъ, вдали отъ сбереженной имъ Варшавы".

При томъ крайне удрученномъ состояніи, въ какомъ находился Константинъ Павловичъ во время битвы, жестоко страдая при мысли о бѣдствіяхъ, какія могли постигнуть поляковъ и въ коихъ онъ явился бы невольнымъ соучастникомъ, этотъ порывъ состраданія и жалости къ Варшавѣ и желанія спасти ее отъ гибели, психологически вполнѣ понятны.

Самъ же Цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ Государю 14 (26) февраля: „Не буду докучать вамъ, дорогой и несравненный братъ, описаніемъ вчерашняго кровопролитнаго сраженія, скажу одно, что *если бы* всѣ оказались на своихъ мѣстахъ, то, какъ это слѣдовало ожидать, день былъ бы рѣшительнымъ и кампанія оконченной. Но Богу угодно было рѣшить иначе и все отложено до другого раза. *А если бы* князь Шаховской прибылъ на наше правое крыло, какъ онъ долженъ былъ сдѣлать это, никогда полякамъ не увидать бы снова Праги, но—не понимаю—произошло какое-то колебаніе. Впрочемъ поговорка говоритъ: que sans des *si* et des *mais*, l'on met des villes dans des bouteilles". „Прага занята нашими войсками; потери поляковъ очень велики, особенно много они потеряли артиллеріи и лошадей". „Шестой корпусъ, бывшій литовскій, доказалъ въ эту кампанію, какой духъ его одушевляетъ; благодареніе за это всемогущему Богу; это показываетъ, что поляки, хорошо руководимые, могутъ и умѣютъ быть вѣрны своему долгу".

„Поляки перешли, со всѣми своими силами, Прагу, мы остались

по сію сторону ея, занявъ частью предмѣстье, они же занимаютъ тэтъ-де-понъ. Говорятъ, что ихъ пѣхота занимаетъ столицу, а кавалерія стоитъ въ окрестностяхъ".

Узнавъ объ исходѣ сраженія, императоръ Николай очень скорбѣлъ. „Я ничего не понимаю ни во всемъ томъ, что происходитъ, ни въ вашихъ намѣреніяхъ, писалъ онъ Дибичу и съ покорностью волѣ Божіей ожидаю того, что Ему въ Его милосердіи будетъ угодно сотворить изъ всего этого".

„Трудно судить о сраженіи издалека, писалъ Государь Константину Павловичу [1]), но, какъ никакъ, нельзя понять, почему атака велась съ самой невыгодной стороны, тогда какъ если бы ее повели съ праваго фланга при помощи гренадеръ и всей превосходной кавалеріи, то для поляковъ могла бы произойти вторая Березинская переправа. Для нихъ, съ военной точки зрѣнія, очень почетно, что они сохранили почти всю свою артиллерію и могли, послѣ такого пораженія, въ одну ночь перейти Вислу по одному мосту". „Я искренно радъ, что Вы остались послѣ этого кровопролитнаго сраженія здравы и невредимы. Я, также какъ и Вы, искренно сожалѣю, что столько пролитой крови и столько доблестныхъ усилій не привели къ окончанію войны, или, по крайней мѣрѣ, къ какому-нибудь положительному разультату, но видно, такъ угодно Богу; мы должны и впредь приложить всевозможныя усилія къ тому, чтобы окончить эту гнусную войну какъ можно скорѣй. Неудивительно, что поляки дерутся хорошо—видно, чьи они ученики, но развѣ не прискорбно видѣть, что они выказываютъ такое мужество въ такомъ печальномъ дѣлѣ".

Пользуясь пріостановкой военныхъ дѣйствій, Константинъ Павловичъ уѣхалъ для свиданія съ женою въ Бѣлостокъ; наблюденія, сдѣланныя имъ по пути относительно настроенія мѣстнаго населенія, сулили мало хорошаго. „Къ намъ относятся чрезвычайно враждебно, писалъ Цесаревичъ брату [2]), и я полагаю, что благодаря принятому нами способу продовольствовать войско и производить фуражировки, это неудовольствіе будетъ расти съ каждымъ днемъ; разумѣется иной способъ продовольствія войска обошелся бы дороже, но за то былъ бы порядокъ и жители не видѣли бы, что у нихъ отнимаютъ ихъ добро по большей части даромъ и прекратился бы грабежъ. Мѣстность, по которой я ѣхалъ вдоль операціонной линіи, производитъ самое гнусное впечатлѣніе; въ другихъ мѣстахъ все въ порядкѣ. Впрочемъ, я мѣшаюсь въ то,

---

[1]) Письмо изъ Спб., отъ 22 февраля (16 марта) 1831 г.
[2]) Письмо изъ Бѣлостока, отъ 19 февраля (3 марта) 1831 г.

что меня не касается; но это невольно вылилось у меня изъподъ пера".

Томясь безъ дѣла въ Бѣлостокѣ, Цесаревичъ рѣшилъ съ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій немедленно возвратиться къ своему гвардейскому отряду, но Императоръ былъ противъ этого и находилъ неудобнымъ, „чтобы его братъ принялъ на себя вторично ту незначащую и не соотвѣтствующую занимаемому имъ положенію роль, которую онъ уже разъ разыгралъ". Между нимъ и Цесаревичемъ завязалась по этому поводу переписка, въ которой оба настойчиво отстаивали свое мнѣніе; считая своимъ нравственнымъ долгомъ отвлечь брата отъ этого намѣренія, Государь принялъ наконецъ совершенно необычный для него по отношенію къ Константину Павловичу рѣшительный и непреклонный тонъ.

„Вы сдѣлали все, писалъ Императоръ Цесаревичу, что могла потребовать отъ васъ честь и Ваша любовь къ вашей славной гвардіи; войско было свидѣтелемъ того, какъ Вы подвергали себя опасности подъ огнемъ мятежниковъ, коихъ Ваше присутствіе должно было вернуть на путь долга; повторяю, Вы сдѣлали въ этотъ тяжелый мѣсяцъ *болѣе того, что Вамъ повелѣвалъ долгъ*. Теперь, позвольте мнѣ говорить съ Вами откровенно, какъ я къ тому привыкъ; до сихъ поръ мнѣ ничего не оставалось, какъ предоставить Вамъ полную свободу принять то или иное рѣшеніе и восхищаться Вашими рѣшеніями, которыя, *признаюсь*, вполнѣ совпадаютъ съ тѣмъ, что я и самъ сдѣлалъ бы въ Вашемъ тяжеломъ положеніи. Теперь положеніе дѣлъ измѣнилось; Вы заплатили долгъ признательности войску, и нужно подумать о томъ, *приличествуетъ ли* Вамъ вернуться къ арміи, дабы принять командованіе, надъ чѣмъ— надъ *пятью* полками! Вы не пожелали принять командованіе арміей; Вы не захотѣли, по своему великодушію, лишить Розена командованія корпусомъ и имѣете душевное удовлетвореніе знать, что корпусъ обезсмертилъ себя; что Вамъ нужно еще? принимая во вниманіе *Ваше положеніе, Ваше происхожденіе*, дальнѣйшее Ваше пребываніе въ арміи было бы неприлично, и что еще важнѣе, оно было бы опасно, ибо въ тотъ моментъ, когда безуміе, злоба и отчаяніе побуждаютъ несчастныхъ не гнушаться никакими средствами, покушеніе на Васъ *легко могло бы быть приведено въ исполненіе*; кто поручится, что оно не удастся, *что Васъ не захватятъ, чтобы имѣть въ Вашемъ лицѣ заложника*; подумайте, какъ это было бы ужасно, и какія это могло бы имѣть неисчислимыя послѣдствія! Поэтому я думаю, что эту мысль (уѣхать въ Бѣлостокъ) внушилъ Вамъ самъ Господь. *Оставайтесь тамъ, гдѣ Вы находитесь теперь*. Я увѣренъ, Вы поймете побужденія, заставляющія меня

говорить это, и не истолкуете превратно слова брата, который *цѣною своей крови* готовъ бы искупить весь ужасъ Вашего положенія... Обдумайте все это хорошенько и не огорчайте меня, стараясь найти какія-либо иныя причины или какія-либо заднія мысли тому, что я говорю Вамъ откровенно, въ силу моей искренней къ Вамъ дружбы".

На это ясно и опредѣленно выраженное желаніе Государя, Цесаревичъ отвѣчалъ болѣе чѣмъ уклончиво, съ плохо скрытымъ чувствомъ обиды и раздраженія.

„Я былъ глубоко тронутъ, читая Ваше письмо,—писалъ онъ [1]) своему августѣйшему брату,—тѣмъ болѣе, что Вы благоволили отдать справедливость тѣмъ чувствамъ, кои руководили мною при этихъ трудныхъ и тяжкихъ обстоятельствахъ (pénibles et cruelles circonstances). Я цѣню, дорогой и несравненный братъ, Вашу нѣжную заботливость обо мнѣ (простите мнѣ это выраженіе); она исходитъ изъ сердца брата, который умѣетъ любить и чувствовать; поэтому, я принимаю изъявленіе этихъ чувствъ съ Вашей стороны съ почтительной покорностью и величайшей признательностью.

Я исполню, насколько это будетъ въ моей власти, Ваше желаніе относительно моего пребыванія здѣсь, но на все есть предѣлъ; разумѣется, ничто не вынуждаетъ меня вернуться къ арміи, я радъ, что я могъ исполнить мои обязанности по отношенію къ ней, но что касается моего долга по отношенію къ преданной мнѣ гвардіи, раздѣлявшей со мною всѣ опасности, все горе и всѣ лишенія, то онъ не можетъ быть ликвидированъ такъ легко, на это нужно время. Впрочемъ, повторяю, Вы будете довольны моимъ поведеніемъ, я не стану дѣлать ничего поспѣшно, всѣ мои рѣшенія будутъ приняты съ величайшимъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ, отнюдь не вредя Вашимъ интересамъ и моимъ собственнымъ—да позволено это мнѣ будетъ сказать—столь тѣсно связаннымъ съ судьбою тѣхъ лицъ, кои стали жертвою моей судьбы. Я не думаю, чтобы мнѣ не приходилось опасаться козней, но они могутъ быть вездѣ, ихъ не избѣжать.

„Повторяю, и даже обѣщаю, не дѣлать ничего поспѣшно и предпринимать дальнѣйшіе шаги лишь по зрѣломъ размышленіи. Что касается командованія, то я не добиваюсь его и только радуюсь и благодарю Бога за примѣрное поведеніе 6-го корпуса... Справедливость, которую Вы отдаете мнѣ, въ высокой степени для меня драгоцѣнна; я дорожу ею, какъ чѣмъ-то лично мною пріобрѣтеннымъ, такъ называемое общественное мнѣніе для меня въ вы-

[1]) Письмо отъ 2 (14) марта.

сокой степени безразлично, въ особенности въ мои лѣта и прослуживъ 35 лѣтъ, но съ другой стороны я прекрасно знаю, что я обязанъ по отношенію къ самому себѣ и что мнѣ повелѣваетъ долгъ по отношенію къ себѣ; могу Васъ увѣрить, что мои рѣшенія не будутъ приняты скоропостижно, а лишь по зрѣломъ размышленіи[1])".

Нѣсколько дней спустя, Цесаревичъ снова возвращается къ вопросу о своемъ дальнѣйшемъ пребываніи въ арміи и, не давая все же никакихъ положительныхъ обѣщаній, подтверждаетъ свои рѣшенія „поступать впредь обдуманно и осторожно". „Повѣрьте, дорогой и несравненный братъ,—пишетъ Цесаревичъ,—что Ваша заботливость во всемъ, что меня касается непосредственно, налагаетъ на меня священную обязанность отвѣтить на это во всѣхъ отношеніяхъ достойнымъ образомъ и что сердце мое преисполнено величайшей къ вамъ признательности. Положитесь на меня; я льщу себя надеждою, что я сумѣю, при этихъ щекотливыхъ для меня обстоятельствахъ, заслужить Ваше одобреніе и согласовать то, чѣмъ я обязанъ по отношенію къ людямъ и къ моей печальной и болѣе чѣмъ безполезной личности, вся жизнь которой была лишь слѣпымъ повиновеніемъ и которая, въ концѣ концовъ, была оскорблена въ томъ, что человѣку дороже всего на свѣтѣ, т. е. въ чести, испытавъ неблагодарность и подлость, подобныхъ которымъ свѣтъ не видалъ. Я не жалуюсь, ибо такова воля Господня, но позволительно вѣдь чувствовать весь ужасъ своего положенія и сознавать, сколько человѣкъ обязанъ тѣмъ, кто отрекшись отъ всего, что у нихъ было самаго дорогого въ мірѣ, пожертвовали собою изъ одной такъ сказать преданности, чтобы доказать свое усердіе и преданность такой печальной личности (triste individu), какъ я. Повѣрьте мнѣ также, дорогой и несравненный братъ, что война не интересуетъ и не прельщаетъ меня, я достаточно насмотрѣлся на нее за свою слишкомъ 35-лѣтнюю службу, и въ мои 52 года; но бываютъ обстоятельства, вынуждающія Васъ, помимо воли, быть тамъ, гдѣ бы Вы не хотѣли быть. Впрочемъ, повторяю еще разъ данное мною обѣщаніе".

Вышеприведенныя строки писаны Цесаревичемъ послѣ бесѣды съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, пріѣзжавшимъ для свиданія съ нимъ изъ Гродно, куда онъ прибылъ для смотра войскамъ, имѣя отъ Государя между прочимъ порученіе развѣдать дальнѣйшія намѣренія Цесаревича Константина Павловича и склонить его на точку зрѣнія, которой держался Императоръ. Это ему не

[1]) Письмо изъ Бѣлостока отъ 12 (24) марта 1831 г.

удалось, и Николай Павловичъ, узнавъ о результатѣ ихъ бесѣды, счелъ нужнымъ еще болѣе настойчиво и рѣшительно подтвердить Цесаревичу свой взглядъ на дѣло.

„Я узналъ изъ письма Михаила, что онъ видѣлся съ Вами, дорогой Константинъ,—писалъ Государь [1]),—онъ счастливѣе меня, онъ видѣлъ Васъ, онъ могъ бесѣдовать съ Вами и излить Вамъ свою душу послѣ всѣхъ бѣдствій, коими послѣднее время было такъ чревато. Онъ счастливѣе меня, ибо я не знаю еще, когда мнѣ удастся увидѣть Васъ. Онъ исполнилъ данное ему мною порученіе къ Вамъ, и я не безъ огорченія и не безъ искренней печали узналъ отъ него о Вашемъ намѣреніи возвратиться къ арміи, не взирая на все то, что я осмѣлился высказать Вамъ противъ этого плана. Между тѣмъ, долгъ, налагаемый на меня моимъ положеніемъ, которое я занимаю, какъ оно ни тягостно, *лишь въ силу Вашей воли*, повелѣваетъ мнѣ пренебречь всѣми иными соображеніями; поэтому, мнѣ приходится, къ сожалѣнію, вернуться къ этому вопросу, имѣющему столь важное значеніе въ такой моментъ, когда все имѣетъ огромное значеніе“.

„*Дорогой Константинъ, Вы не должны возвратиться къ арміи, чтобы играть въ ней снова ту ничтожную и не соотвѣтствующую Вашему рангу и Вашему положенію роль, какую Вы играли въ ней послѣднее время.* Это предосудительно и для Вашего званія и для того, чѣмъ Вы были для насъ и чѣмъ Вы остаетесь до сихъ поръ. Вамъ угодно было часто говорить мнѣ, что *Вы ревностно и преданно будете служить мнѣ*, такъ позвольте же мнѣ во имя этого обѣщанія, даннаго съ Вашей стороны, и подъ видомъ личной мнѣ услуги, попросить ея у Васъ, потребовать ея.

„Вся эта война мѣняетъ свой характеръ; изо дня въ день она становится болѣе серьезной, болѣе ожесточенной, благодаря толкамъ, которые вожаки умѣютъ давать ей, пользуясь нашимъ долгимъ бездѣйствіемъ; уже однимъ изъ предлоговъ, которымъ они пользуются между прочимъ для воодушевленія противъ насъ войскъ, является бывшее Ваше присутствіе въ арміи, какъ доказательство прямой мести. Отстранимъ даже призракъ такой мысли. Я уже сказалъ Вамъ и снова повторяю: никто не имѣетъ права упрекать Васъ въ томъ, что Вы не раздѣлили опасностей Вашихъ храбрецовъ; благопріятный для этого моментъ миновалъ; другія соображенія, болѣе настоятельныя, должны противиться Вашему возвращенію туда. Вы отказываетесь также отъ командованія гвардіей, хотя я предлагалъ Вамъ снова вступить въ него, что было бы

[1]) Письмо отъ 16 (28) марта.

вполнѣ естественно и въ порядкѣ вещей, а въ будущемъ объединило бы все подъ Вашимъ начальствомъ. Вы сего не желаете, вѣроятно, у Васъ должны быть свои причины отказываться отъ него; но, повторяю, это именно то, чего я желаю.

„Болѣзненное состояніе моей несравненной сестры, о чемъ Михаилъ сообщаетъ мнѣ подробности, также является могущественнымъ побужденіемъ, чтобы въ настоящее время Вамъ оставаться возлѣ нея. Однимъ словомъ, дорогой Константинъ, *я долженъ настаивать на томъ, чтобы въ настоящую минуту Вы отказались отъ своего намѣренія, на которое мнѣ невозможно согласиться*“.

Рѣшительное слово было сказано, но и на этотъ разъ всѣ доводы Императора оказались тщетны; Цесаревичъ настаивалъ на своемъ мнѣніи и отвѣтилъ на ясно выраженную волю Государя нижеслѣдующими строками, въ которыхъ ясно чувствовалась горечь затаенной обиды.

„Письмо (отъ 16-го марта), полученное мною сегодня утромъ [1]), по своему содержанію настолько для меня важно, что я не могу не отвѣтить на него немедленно.

„Воля монарховъ, коимъ я служилъ, была всегда священна для меня, равно какъ и воля того, кому я служу въ настоящее время. Льщу себя надеждою, что никто не станетъ оспаривать эту истину, къ тому же факты говорятъ за себя и мое тягостное положеніе въ данную минуту, когда я сталъ, такъ сказать, жертвою своего прошлаго послушанія, не уклоняясь въ теченіе 17 лѣтъ отъ данныхъ мнѣ приказаній, которыя я постоянно исполнялъ, нерѣдко вопреки своему убѣжденію, съ величайшей добросовѣстностью свидѣтельствуютъ о томъ, что все то, что я говорю, есть истина. И такъ, я счелъ себя въ правѣ, не взирая на ваше настояніе, осмѣлиться умолять Васъ положиться на мою осторожность, съ какою я воспользовался бы удобнымъ моментомъ, чтобы вернуться къ арміи, которую я, безъ сомнѣнія, не покинулъ бы ни на минуту, если бы я только могъ предвидѣть то ложное и болѣе чѣмъ щекотливое положеніе, въ какое меня поставило мое прискорбное отсутствіе изъ арміи. Вообще, я, какъ видно, неудачникъ и въ моемъ преклонномъ возрастѣ, послѣ долгихъ лѣтъ дѣйствительной службы, никто такъ не чувствуетъ своего ничтожества, какъ я; я говорю это не изъ ложной скромности, но по самому глубокому внутреннему убѣжденію передъ Богомъ и людьми. Что касается командованія, которое Вамъ угодно было предложить мнѣ, я уже имѣлъ счастье высказать Вамъ, въ моихъ

[1]) Писано 21 марта/2 апрѣля 1831 г.

предъидущихъ письмахъ, что я не честолюбивъ, и, разумѣется, не въ мои лѣта можно сдѣлаться честолюбцемъ, когда, такъ сказать, разсѣеваются всякія иллюзіи и человѣкъ становится равнодушнымъ почти ко всему мірскому; такимъ образомъ, изъ-за возстанія въ Польшѣ я потерялъ командованіе въ этой странѣ и, разумѣется, не мнѣ судить о томъ, заслуженно это или нѣтъ по прошествіи 16½ лѣтъ заботъ, трудовъ и непрестаннаго старанія склонить, такъ сказать, общественное мнѣніе въ пользу учрежденія, созданнаго нашимъ блаженной памяти Императоромъ, и противъ котораго всѣ возставали какъ у насъ, такъ и въ другихъ странахъ. Короче сказать, дѣло было проиграно, равно какъ всѣ труды и заботы, положенныя на него, были потеряны. Мнѣ остались вѣрны только Императорскія войска, которыя я имѣлъ счастье привести, съ Божіей помощью, въ цѣлости къ нашей границѣ, предоставивъ Вамъ, дорогой и несравненный братъ, дѣйствовать сообразно съ Вашими намѣреніями". „Прибывъ на границу, я нашелъ свой бывшій литовскій корпусъ переименованнымъ и включеннымъ въ главную армію". Что оставалось мнѣ дѣлать въ подобный моментъ? Ничего иного, какъ остаться съ тѣми, кои раздѣлили мои опасности и мои труды и выказали мнѣ преданность, о каковой я всегда сохраню въ сердцѣ своемъ благодарное воспоминаніе. Въ концѣ концовъ у меня отняли и литовскихъ гренадеръ, которые были причислены къ 6 корпусу; и я остался съ тѣми, съ коими я остался во время возстанія цѣлъ и невредимъ... Я молчалъ и повиновался. Все это доказываетъ, что я умѣю, по крайней мѣрѣ, повиноваться.

„Теперь Вамъ угодно предложить мнѣ командованіе петербургской гвардіей, которой я не командую уже 17 лѣтъ и которая мнѣ почти совсѣмъ чужая. Не захотѣвъ отнять командованіе у моего стараго товарища Розена, могу ли я тѣмъ болѣе, оставаясь послѣдовательнымъ, лишить командованія моего брата и стать во главѣ его; мало того, случись подъ моимъ командованіемъ какая-нибудь бѣда, вся отвѣтственность падетъ, само-собою разумѣется, на меня и что еще хуже, всякій въ правѣ будетъ сказать, что если бы гвардіей командовалъ Великій Князь Михаилъ, то этого бы не случилось.

„Я хотѣлъ вернуться къ своимъ войскамъ, меня не прельщала слава командовать ими, я хотѣлъ только исполнить священный долгъ по отношенію къ офицерамъ и солдатамъ. Вы этого не желаете; это должно быть для меня закономъ; но вѣдь на все есть предѣлъ; позвольте мнѣ умолять Васъ, дорогой и несравненный братъ, не стѣсняться со мной и сказать мнѣ безъ обиняковъ, что Вы въ моей службѣ болѣе не нуждаетесь; смѣю Васъ увѣрить, что я немедленно брошу долгую и трудную карьеру и вернусь къ частной

жизни, что мнѣ слѣдовало, конечно, сдѣлать въ 1829 г., если бы меня не удержало отъ этого глупое желаніе прослужить 35 лѣтъ.

„Осмѣливаюсь еще разъ умолять Васъ стать въ мое положеніе и не препятствовать мнѣ вернуться къ преданнымъ мнѣ войскамъ, что, повторяю еще разъ, будетъ сдѣлано мною съ величайшей осторожностью и въ подходящій моментъ.

„Простите за откровенность, съ какою я пишу, но честь обязываетъ меня не скрывать отъ Васъ ничего меня касающагося".

На это письмо, въ которомъ Цесаревичъ, съ плохо скрываемымъ раздраженіемъ, излилъ всю горечь, накопившуюся у него на душѣ, Императоръ отвѣчалъ коротко и рѣшительно [1]): „исчерпавъ *все*, что только у меня было на душѣ высказать Вамъ, какъ въ качествѣ *брата*, такъ и въ качествѣ *преданнаго друга*, и наконецъ,—что мнѣ было и постоянно будетъ самымъ тягостнымъ,—*по долгу моего положенія* (par devoir de ma place), *я не имѣю* къ этому ничего прибавить... Полагаюсь на Вашу собственную совѣсть; рѣшайте, приличествуетъ ли Вамъ во всѣхъ отношеніяхъ вернуться къ Вашимъ пяти полкамъ. Вы властны дѣйствовать въ настоящемъ случаѣ согласно Вашей совѣсти, Вашимъ убѣжденіямъ, — и я умолкаю".

Не легко было Императору Николаю писать все это брату, который, по выраженію Государя, былъ его властелиномъ и остался таковымъ навсегда въ глубинѣ его сердца (vous qui avez été notre maître et qui pour moi l'êtes toujours au fond de mon coeur), но долгъ въ умѣ Императора, какъ и всегда взялъ верхъ надъ чувствомъ; Цесаревичъ покорился волѣ Государя, которая, по его словамъ, „для него была, есть и будетъ святая", и остался въ Бѣлостокѣ.

Съ этого времени для Цесаревича наступилъ самый тяжелый въ его жизни періодъ. Мое положеніе такое, писалъ онъ Ѳ. П. Опочинину, что дѣйствительно я живу со дня на день, и нельзя даже обратить мысль или желаніе на будущее. Одна надежда на Господа Бога и упованіе на Его всемогущую волю. Безъ того есть съ чего съ ума сойти. Жена у меня шибко была больна и теперь еще столь слаба, что лежитъ въ кровати. Всѣ ея недуги не суть иное, какъ послѣдствіе нашего выгона изъ Варшавы и претерпѣнія всѣхъ безпокойствъ, какъ физическихъ, такъ и моральныхъ, а хуже всего продолженіе сего положенія, ибо по всѣмъ обстоятельствамъ конца не предвидится ни въ чемъ, слѣдовательно, и надежды нѣтъ къ тому".

---

[1]) Письмо отъ 30 марта (11 апрѣля).

Нѣсколько времени спустя онъ писалъ тому же Опочинину: „Я здоровъ, но до крайности скученъ, и признаюсь, что надо много и много духу и твердости, дабы перенести теперешнее мое положеніе, вспоминая каждую минуту прошедшее... есть минуты таковыя, что голова идетъ въ кругъ и до сумасшествія не далеко. Я бы былъ одинъ, почти все потерявъ, бѣда небольшая, но всѣ сіи невинныя жертвы и страдальцы каждую минуту передъ глазами и изъ мысли не выходятъ".

„Какая для меня разница въ окончаніи моихъ пятидесяти двухъ лѣтъ отъ роду и начатіи пятьдесятъ третьяго года съ предыдущими, и признаюсь, что никогда не воображалъ, чтобы могли постичь меня и моихъ тѣ всѣ несчастія, которыя уже были и продолжаютъ преслѣдовать въ награду трудовъ, усердія, ревности къ службѣ и исполненія возможнаго въ теченіе 16½ лѣтъ. Богъ есть судія виновникамъ всего сбывающагося со всѣхъ сторонъ съ нами. Мое дѣло—молчаніе, терпѣніе и упованіе твердое на милость и благость Господа Всемогущаго, что поздно или рано выведетъ изъ сего столь труднаго положенія... Сегодня два года тому назадъ, какъ былъ торжественный въѣздъ Государя въ Варшаву, и гдѣ онъ былъ принятъ съ восторгомъ и съ изъявленіемъ наиживѣйшихъ чувствъ привязанности и усердія. Я же былъ счастливъ тѣмъ, что могъ какъ бы сказать, водворить моего Государя, представя ему плоды заботъ всѣхъ родовъ, 16½ лѣтъ продолжавшихся. Кто бы могъ тогда вообразить, что, спустя два года, все будетъ поставлено вверхъ дномъ столь неистовыми, столь подлыми, столь неблагодарными, столь измѣнническими и столь стыдными способами, и которые завлекли цѣлый народъ и ¾ онаго противъ желанія и благополучія, которымъ онъ пользовался, въ бездну пропасти несчастія, въ угодность лицемѣровъ и ихъ пользу, дабы воспользоваться трудами другихъ. Волосы дыбомъ становятся, только что объ этомъ подумаешь".

Покоряясь волѣ брата, Цесаревичъ, въ дальнѣйшихъ письмахъ воздерживался отъ сѣтованій и отъ выраженія своихъ горестныхъ чувствъ, ограничиваясь передачею свѣдѣній и слуховъ, доходившихъ до него тѣмъ или инымъ путемъ изъ Польши; болѣе всего угнетало его въ то время почти полное отсутствіе достовѣрныхъ свѣдѣній о ходѣ военныхъ дѣйствій.

„Что касается меня, я здоровъ, писалъ Константинъ Павловичъ Государю 29 марта (10 апрѣля), но признаюсь откровенно, я буду чувствовать себя вполнѣ хорошо только тогда, когда я получу добрыя вѣсти объ арміи и о Вильно.

Тревожное настроеніе, вызванное неудачной для насъ кампаніей

усугубилось появленіемъ въ Западномъ краѣ холеры, которая начала свирѣпствовать и среди войска.

Государь, въ свойственномъ ему упованіи на Бога, не терялъ бодрости и не падалъ духомъ. Раздѣляя скорбь брата по поводу неудачныхъ дѣйствій арміи, онъ считалъ необходимымъ, болѣе чѣмъ когда-либо, скрывать свои опасенія и поддерживать своимъ примѣромъ доблесть тѣхъ, кто падалъ духомъ вслѣдствіе неудачъ, правда, чувствительныхъ, но отнюдь не столь рѣшительныхъ, чтобы отъ нихъ зависѣлъ окончательный исходъ кампаніи. „Твердо надѣясь на милосердіе Божіе и дѣйствуя настойчиво, мы можемъ поправить свои дѣла,—писалъ онъ брату,—и добиться результата, отвѣчающаго надеждамъ и желаніямъ всѣхъ честныхъ людей. Я боюсь одного—чтобы не упали духомъ начальствующія лица, ибо это легко можетъ сообщиться войску“.

Въ эти печальные дни, Государя тревожила еще мысль о личной безопасности Цесаревича и его супруги; уже въ началѣ апрѣля онъ предвидѣлъ для нихъ необходимость уѣхать изъ Бѣлостока, гдѣ пребываніе становилось небезопаснымъ, такъ какъ въ окрестностяхъ города появился польскій отрядъ Хлаповскаго. Въ первыхъ числахъ мая Цесаревичъ увѣдомилъ Государя, что фельдъегерь, прибывшій отъ Михаила Павловича, привезъ ему извѣстіе о томъ, что непріятель, съ значительными силами, перешелъ Бугъ, вслѣдствіе чего онъ рѣшилъ оставить Витебскъ, откуда онъ и выѣхалъ 9 (21) мая въ Слонимъ.

„Простите мнѣ мои каракули,—писалъ Цесаревичъ, за часъ до отъѣзда изъ Бѣлостока,—руки такъ сильно дрожатъ отъ всей суеты, связанной съ отъѣздомъ, что я еле держу въ рукахъ перо“.

Узнавъ объ отъѣздѣ Константина Павловича, Государь очень совѣтовалъ ему пріѣхать въ принадлежавшее ему Стрѣльно: „по крайней мѣрѣ Вы были бы тамъ у себя,—писалъ онъ,—съ людьми, которые всей душою Вамъ преданы. Съ тѣхъ поръ, какъ событія приняли столь печальный оборотъ, эта кочевая жизнь въ странѣ, гдѣ все такъ небезопасно,—невыносима. Подумайте объ этомъ хорошенько“.

На это предложеніе Цесаревичъ не отвѣчалъ ничего положительнаго, но, какъ мы знаемъ изъ предыдущихъ писемъ, онъ не хотѣлъ жить въ Петербургѣ, гдѣ, какъ онъ говорилъ, для него не было мѣста и гдѣ пребываніе вблизи двора было бы для него въ тягость.

По мѣрѣ того какъ Цесаревичъ удалялся изъ Польши, его настроеніе все болѣе и болѣе омрачалось; извѣстія, которыя ему при-

ходилось сообщать Государю, были очень непріятны; иниціатива военныхъ дѣйствій была нами окончательно потеряна.

Особенно трудно было Цесаревичу помириться съ мыслью, что „остатки преданной ему польской гвардіи были обречены на партизанскую войну: они были посланы въ Гродно, чтобы противодѣйствовать отрядамъ Гелгуда и Хлановскаго и такъ какъ этотъ гвардейскій отрядъ былъ довольно слабъ и не мало пострадалъ за послѣдніе семь мѣсяцевъ, въ особенности отъ холеры, то Константинъ Павловичъ „боялся, чтобы онъ не потерпѣлъ пораженія, такъ какъ это могло повредить его репутаціи; впрочемъ,—писалъ онъ,— да будетъ воля Господня, но признаюсь, я не понимаю, какъ можно употреблять гвардію для партизанской войны. Если это сдѣлано потому, что не были увѣрены въ вѣрности этого, нѣкогда столь прекраснаго и состоявшаго по большей части изъ поляковъ, войска,— то крайне недальновидно употреблять его въ собственно польскихъ провинціяхъ, въ родномъ краѣ“ [1]).

„Признаюсь откровенно, отсутствіе извѣстій объ остаткахъ моей гвардіи очень тревожитъ меня, и я осмѣлюсь повторить въ настоящемъ письмѣ то, что я говорилъ въ предыдущихъ, а именно, что было крайне непредусмотрительно, чтобы не сказать болѣе, со стороны фельдмаршала, послать гвардейскій отрядъ, чтобы вести, такъ сказать, партизанскую войну и заставлять его дѣйствовать въ родномъ краѣ, быть можетъ противъ отца, брата, родныхъ, тогда какъ, оставаясь въ массѣ войска, онъ могъ бы быть гораздо полезнѣе; при томъ же у нихъ остались въ Варшавѣ жены и дѣти. Да избавитъ ихъ Господь отъ новыхъ бѣдствій, которыя обрушиваются на нихъ, также, — осмѣлюсь сказать, какъ и на меня, вотъ уже цѣлыхъ 7 мѣсяцевъ!“ [2]).

Страшась за свою супругу, Цесаревичъ поспѣшилъ уѣхать изъ Орши по Бѣлорусскому тракту, черезъ Минскъ въ Витебскъ. Это былъ его послѣдній этапъ.

Тутъ, въ домѣ генералъ-губернатора, князя Хованскаго онъ скончался отъ холеры 14 (26) іюня 1831 г.

Изъ Витебска Цесаревичъ послалъ Государю свои послѣднія три письма; въ одномъ изъ нихъ отъ 7 (19) іюня, онъ коснулся еще разъ своего тягостнаго положенія и невозможности возвратиться въ С.-Петербургъ.

„Что касается меня лично, дорогой и несравненный братъ, позвольте мнѣ говорить съ Вами откровенно въ отвѣтъ на Ваше

[1]) Письма изъ Толочина отъ 26 мая (7 іюня) и изъ Каміонки близъ станціи Коханово отъ 29 мая (10 іюня).

[2]) Письмо изъ Орши отъ 1 (13) іюня.

любезное предложеніе поселиться мнѣ близъ Петербурга, говоря слишкомъ лестныя для меня слова, что десятидневный карантинъ будетъ мгновеніемъ по сравненію съ тѣмъ промежуткомъ времени, которое протекло съ нашей послѣдней разлуки. При всей моей признательности за все, что Вы благоволили высказать мнѣ, я осмѣливаюсь настоятельно умолять Васъ войти въ мое тягостное положеніе данной минуты, и въ ту фальшивую роль, которую я вынужденъ играть; блуждая, какъ я, разлученный съ плачевными остатками моихъ (войскъ), которыхъ я не долженъ былъ бы покинуть иначе, какъ разставшись съ жизнью, изъ чувства благодарности за вѣрность, которую они проявляли и доказывали мнѣ со времени всѣхъ моихъ несчастій; съ какимъ лицомъ и съ какимъ выраженіемъ хотите Вы, дорогой и несравненный братъ, чтобы я явился къ Вамъ въ С.-Петербургъ, гдѣ уже, слава Богу, меня, надѣюсь, почти забыли? Или я могъ бы приблизиться къ Вамъ съ выраженіемъ стыда? Или же съ выраженіемъ недовольнаго, какимъ я, конечно, никогда не буду? Или же съ видомъ огорченнаго, который будетъ истолкованъ своими и чужими въ смыслѣ недовольства и фамильной распри, которая равнымъ образомъ есть и будетъ совершенно чуждой мнѣ, но которая, несмотря на это, будетъ по-своему истолкована недовольными, которые кишатъ повсюду? Или, наконецъ, для того, чтобы запереться у себя, почти не выходя оттуда, такъ какъ, признаюсь, я не буду въ состояніи показаться куда бы то ни было, не ощущая стыда за ту жалкую роль, которую я вынужденъ играть послѣ 36 лѣтъ службы. Таково истинное положеніе вещей, и всѣ въ правѣ будутъ сказать: онъ бросилъ своихъ, не захотѣвъ или побоявшись остаться съ ними, и пріѣхалъ сюда, чтобы жить спокойно и не подвергаться опасности; я не могу представить всѣмъ говорунамъ въ свое оправданіе письма, которыя Вы соблаговолили написать мнѣ; они увидѣли бы изъ нихъ только мою покорность и мое послушаніе, во исполненіе Вашей Высочайшей воли, которая до конца моей жизни будетъ для меня непреложнымъ закономъ... Благоволите также подумать, сколько людей потребуютъ отъ меня отчета въ своихъ родственникахъ и дѣтяхъ, которыхъ они мнѣ ввѣрили, и которыхъ, я, повидимому, покинулъ, не будучи въ состояніи отвѣтить имъ съ доказательствами въ рукахъ, и, тѣмъ не менѣе, они съ трудомъ этому повѣрятъ“.

Читая эти скорбныя строки, Императоръ понялъ всю глубину душевныхъ страданій брата и не настаивалъ болѣе на его возвращеніи въ Петербургъ; онъ даже предложилъ ему, уговоривъ свою супругу отправиться въ Петербургъ одной, вернуться въ дѣйствующую армію, „хотя, повторяю, Ваша роль тамъ была бы не та, въ

какой я хотѣлъ бы видѣть Васъ въ арміи,—присовокуплялъ Николай Павловичъ.—И такъ Вы вольны поступить, какъ хотите, и Вамъ извѣстны теперь самыя сокровенныя мои мысли".

Цесаревичъ ни согласился послать жену въ Петербургъ одну, гдѣ, вдали отъ него, „среди чуждаго ей міра" она, въ особенности какъ полька, не могла бы чувствовать себя хорошо, какое бы вниманіе ей ни оказывали; что касается его собственной дальнѣйшей участи, то онъ рѣшилъ окончательно не ѣхать въ столицу, гдѣ онъ, послѣ 19 лѣтняго почти отсутствія, сталъ всѣмъ чужой и гдѣ ему всѣ стали чужими; онъ рѣшилъ ожидать дальнѣйшихъ событій и приказаній Императора въ Витебскѣ.

Пространное письмо отъ 13 (25) іюня, въ которомъ Константинъ Павловичъ благодарилъ Императора и еще разъ излагалъ ему свои мысли относительно создавшагося для него положенія, было его послѣднимъ письмомъ къ августѣйшему брату. На другой день послѣ отправленія этого письма, въ ночь съ 14 на 15 іюня (ст. ст.) 1831 г. цесаревичъ заболѣлъ холерой и въ тотъ же день, въ $7^1/_4$ часовъ вечера, скончался.

Княгиня Ловичъ увѣдомила Государя о случившемся печальномъ событіи краткимъ письмомъ:

„Мой братъ, Вы будете очень несчастны, потому что несчастна я, а одно лишь обстоятельство въ мірѣ могло сдѣлать меня несчастной. Въ четыре часа онъ заболѣлъ, а въ восемь вечера!.. О, мой Боже, сжальтесь надъ нами, надъ императоромъ, надо мною, надъ нами. Мой братъ, каковы будутъ Ваши приказанія относительно его?"

Въ послѣдній моментъ судьба какъ бы сжалилась надъ Цесаревичемъ: за два дня до кончины, онъ получилъ извѣстіе о первомъ удачномъ для насъ сраженіи,—о побѣдѣ, одержанной 7 іюня нашими войсками подъ Вильно, надъ отрядами Гелгуда и Хлаповскаго, которые вынуждены были уйти въ прусскіе предѣлы. Въ этомъ сраженіи отличились войска польской гвардіи, составлявшія предметъ такой нѣжной заботливости Великаго Князя.

Поздравляя Императора съ побѣдой его бывшихъ войскъ, Цесаревичъ писалъ:

„Благодареніе Богу, что Онъ благословилъ, по своей неизреченной милости, оружіе этихъ храбрыхъ и превосходныхъ людей, которые мнѣ дороже моей собственной жизни, послѣ той преданности и вѣрности, которыя они выказали мнѣ на дѣлѣ, хотя я и не имѣлъ счастья раздѣлить въ этотъ день вмѣстѣ съ ними опасность".

В. Тимощукъ.

Воспоминанія о Николаѣ Ильичѣ Стороженко.

(Дорогой памяти Николая Ильича и Ольги Ивановны Стороженко).

Это было какъ одинъ свѣтлый день! Такъ говорилъ Николай Ильичъ о своей супружеской жизни, когда миновала первая острота безъисходнаго отчаянія, въ которое ввергла его кончина горячо любимой жены. И всякій, кто только зналъ Н. И., не могъ не чувствовать глубокой правды, заключавшейся въ этихъ прекрасныхъ словахъ. Мягкая, гармоническая натура Николая Ильича, какъ бы пронизанная лучами украинскаго солнца, помогла ему найти счастье для его сердца и беречь его, охраняя его нѣжною и трепетною любовью, пока неумолимая смерть не вырвала это сокровище изъ его рукъ.

Какъ у Ромео съ Юліей, такъ и у него съ его невѣстой страстное чувство вспыхнуло и загорѣлось въ бальной залѣ, но его избранница, при всемъ блескѣ своей красоты и обаятельности своего существа, была скромная труженица на нивѣ просвѣщенія русскаго народа, только немногіе часы досуга отдававшая молодому веселью. И когда она соединила свою судьбу съ судьбой популярнаго московскаго профессора и европейски—знаменитаго ученаго, она сумѣла сдѣлаться достойной спутницей его жизни.

„Мы жили совершенно одними чувствами и мыслями“,—говорилъ Николай Ильичъ. Нельзя было не вѣрить этому всей душой. Невольно вспоминается сцена изъ далекаго прошлаго. На квартиру Н. И. на Плющихѣ является просительница. Профессора нѣтъ дома. Она проситъ позволенія подождать, и ее проводятъ въ кабинетъ. Изъ другихъ комнатъ слышно пѣніе канарейки и веселые дѣтскіе голоса. Раздается звонокъ; дѣти бѣгутъ навстрѣчу мамѣ. Высокая, стройная красавица входитъ немного погодя въ кабинетъ и обращается къ просительницѣ съ привѣтливыми словами. Она ви-

дитъ, какъ та нервно мнетъ въ рукахъ какой-то конвертъ, понимаетъ своимъ чуткимъ сердцемъ, сколько надеждъ связано съ этимъ письмомъ, и въ своей тонкой деликатности наводитъ разговоръ на посторонія темы, стараясь этимъ успокоить взволнованную незнакомку и отвлечь ее отъ тревожныхъ думъ. Но вотъ она исчезла. Изъ внутреннихъ комнатъ снова доносится щебетанье дѣтей: „Это кто будетъ чай пить, мама?“—„Гостья, дѣточки, гостья“. Добродушнаго вида прислуга приноситъ чай въ кабинетъ; затѣмъ опять приходитъ очаровательная хозяйка и томительное время ожиданія разсѣиваетъ своей милой, непринужденной бесѣдой.

На всю жизнь остается воспоминаніе о ласковомъ взглядѣ этихъ бархатныхъ глазъ, о мелодичныхъ звукахъ этого чуднаго голоса...

Раздѣляя всѣ интересы своего мужа, его любовь къ литературѣ и театру, его рѣдкое по теплотѣ сердечной отношеніе къ учащейся молодежи, Ольга Ивановна непосредственно, въ силу стихійной доброты своей природы возлюбившая меньшую братію, съ своей стороны вдохновляла и направляла Николая Ильича на разныя гуманныя начинанія. Такъ, по ея иниціативѣ возникла и ея трудами и заботами поддерживались Маршизовская амбулаторія, приходившая на помощь страждущему крестьянскому люду Лохвицкаго уѣзда

Но судьба завистлива къ человѣческому счастью, и въ домѣ гдѣ царила только радость, водворилась непрестанная тревога.

Въ каждомъ письмѣ Николая Ильича слышится безпокойство о здоровьѣ жены, онъ останавливается на различныхъ болѣзненныхъ симптомахъ, съ трогательнымъ чувствомъ минутнаго успокоенія упоминаетъ о томъ, что, хотя ей передъ тѣмъ было нехорошо, но сейчасъ она заснула. Вѣчный страхъ, что у него можетъ быть отнятъ завѣтный цвѣтокъ его сердца, отражается и на его научной дѣятельности, мѣшаетъ ему предпринять капитальный трудъ, какую-нибудь работу *de longue haleine*.

Такъ проходитъ нѣсколько лѣтъ въ постоянныхъ колебаніяхъ между надеждой и боязнью рокового исхода. И въ то самое время, когда надежда, казалось, возобладала побѣдительницею въ этомъ спорѣ, все-таки является безпощадная смерть.

Только нѣжная и терпѣливая любовь дочери-подростка и ея горячая христіанская вѣра спасаютъ Николая Ильича отъ порывовъ безумнаго отчаянія, побуждавшихъ его уйти добровольно вслѣдъ за женой туда, откуда нѣтъ возврата.

Онъ остается жить. Но душевныя силы его надломлены страшнымъ горемъ. Въ его внутреннемъ мірѣ совершается переворотъ. Относившійся раньше легко и свѣтло ко многимъ явленіямъ жизни, скользившій какъ-будто по впечатлѣніямъ, онъ начинаетъ глубже

задумываться надъ ними, подводить имъ психологическіе итоги. Все вокругъ него измѣняется. Ему кажется, что онъ находится не въ водоворотѣ реальнаго существованія, но что все, что онъ видитъ и переживаетъ теперь,—одни только призраки, призраки...

Одиночество мучительно угнетаетъ его. Въ обществѣ, гдѣ онъ по-прежнему продолжаетъ вращаться, онъ встрѣчаетъ женщинъ—красивыхъ, остроумныхъ свѣтски блестящихъ. Онъ еще не чувствуетъ себя старикомъ, но сдѣлать шагъ хотя бы къ самой привлекательной изъ нихъ онъ не можетъ. Всегда и всюду сопутствуетъ ему образъ его дорогой умершей. Онъ видитъ ее передъ собой то сіяющую и жезнерадостную, какой она была въ безмятежные годы ихъ счастья, то изнемогающую въ непосильной борьбѣ съ болѣзнью, то готовую воспрянуть духомъ, чтобы вновь отдаться всѣмъ своимъ любвеобильнымъ сердцемъ „благотворительности тайной семьѣ и людямъ безъ числа“.

Онъ не въ состояніи посѣщать тѣ зданія, тѣ мѣстности, гдѣ бывалъ съ нею и, съ другой стороны, въ силу замѣчательной тонкости чувства, не можетъ рѣшиться, даже ради научныхъ цѣлей, поѣхать за границу, такъ какъ ему не удалось свозить туда жену.

А между тѣмъ здоровье этого крѣпкаго и мощнаго на видъ человѣка начинаетъ постепенно расшатываться. Друзья и почитатели его съ трепетомъ ужаса слѣдятъ за тѣмъ, какъ имъ все болѣе и болѣе овладѣваетъ жестокій, неизлѣчимый недугъ.

Наступаетъ послѣдній періодъ въ жизни Николая Ильича, періодъ, исполненный глубокаго трагизма.

Больной, совсѣмъ безпомощный, онъ мужественно переноситъ страданія, продолжая черезъ силу писать, упорно надѣясь почерпнуть въ работѣ бодрость и нравственную поддержку. Но иногда уныніе беретъ верхъ въ его душѣ... И вотъ, на трудномъ пути ниспосланныхъ ему испытаній ему встрѣтилось утѣшеніе и награда. Женской любви онъ не искалъ и не хотѣлъ искать послѣ смерти жены, но онъ нашелъ преданную женскую дружбу, смягчившую для него и острую горечь его утраты, и муки его послѣднихъ лѣтъ. Съ трогательной скромностью пишетъ онъ объ этомъ „дарѣ небесъ“ одному товарищу по несчастью, котораго считалъ небогатымъ друзьями: „Не понимаю, за что судьба такъ благосклонна ко мнѣ и безжалостна къ Вамъ“.

Его „вѣрность до гроба“ той, которая ему подарила свѣтлый день его жизни, осталась нетронутой и неповрежденной до самаго конца. Она жила на днѣ его души, своими наружными проявленіями то умиляя, то глубоко потрясая окружающихъ. Онъ видитъ напр. у своихъ друзей пріѣзжую иностранку, чѣмъ-то напоминающую покойную Ольгу Ивановну, и послѣ этого всю ночь ему снится

жена. Заходитъ рѣчь о супругахъ, разлученныхъ смертью лишь на краткій срокъ, и онъ какъ будто съ завистью восклицаетъ: „Нѣтъ большаго счастія, какъ умереть одновременно съ любимымъ существомъ!“—„Такая смерть встрѣчается въ старинномъ англійскомъ романѣ *Джонъ Галифаксъ*“, — вспоминаетъ его собесѣдникъ. — „И еще въ *Гаѣ Ливингстонѣ*“, — прибавляетъ онъ.

Пока силы позволяли, онъ каждое воскресенье ѣздилъ на кладбище, долго просиживая на скамьѣ у дорогой могилы, украшая ее цвѣтами. Въ эти часы благоговѣйной сосредоточенности, окруженный безмолвнымъ покоемъ смерти, онъ и для себя подъискивалъ иногда эпитафіи. Одной изъ нихъ, выборъ которой характеренъ для его необычайнаго смиренія, было четверостишіе, очевидно, прочитанное имъ на одномъ изъ кладбищенскихъ памятниковъ:

Не строгимъ Ты, о Господи,
Мнѣ буди Судіей,
Но судъ мой сотвори, молю,
По милости Твоей [1]).

Болѣзнь, однако, быстро прогрессировала; она приковала Николая Ильича къ креслу и лишила его послѣдней отрады, этихъ поѣздокъ на Ваганьково.

Все чаще онъ, теперь недвижимый, останавливаетъ взоры на портретѣ жены, точно предчувствуя близость свиданія съ ней въ загробномъ мірѣ. А рядомъ, между тѣмъ, расцвѣлъ другой, живой ея портретъ, въ образѣ его дочери Маруси, его Антигоны, его Корделіи, какъ съ восхищеніемъ называли ее друзья дома. И это сходство красавицы-дочери съ матерью какъ-будто придавало еще болѣе яркости вереницѣ воспоминаній, проносившихся въ душѣ страдальца-отца...

На протяженіи 20-ти лѣтъ я смотрѣла издали, какъ развертывалась жизнь Николая Ильича, и въ ней мнѣ постепенно открывалась прекрасная и патетическая поэма любви, торжествующей надъ смертью. Ея страницы, долгое время свѣтлыя и радостныя, затѣмъ то скорбныя, то обвѣянныя тихою грустью, я читала и въ его литературныхъ произведеніяхъ, начиная со статьи о М-me Сталь, посвященной его невѣстѣ, и кончая одной изъ послѣднихъ его работъ, поэтически ароматнымъ изображеніемъ любви Ромео и Юліи, подъ

[1]) Дочь Ник. Ильича свято исполнила желаніе отца. На памятникѣ, который она ему поставила, вырѣзано именно это четверостишіе, а за нимъ другая надпись, заимствованная изъ одного изъ сонетовъ Шекспира:

„Ни смерти не страшись, ни горечи забвенья,
Нѣтъ, въ памяти людей ты будешь жить всегда“.

(Позднѣйшее примѣчаніе).

заглавіемъ котораго стоитъ надпись: „Посвящается Марусѣ Стороженко“. И какъ въ своей личной жизни онъ остался вѣренъ истинѣ, что „Любовь сильнѣе смерти“, такъ чрезъ всю его общественную и научную дѣятельность проходитъ, въ общечеловѣческомъ значеніи, тотъ же возвышенный лозунгъ.

Въ настоящую минуту русское общество живетъ ускореннымъ темпомъ, охваченное лихорадкой тревоги; приступы холоднаго отчаянія чередуются въ немъ съ жаркими приливами надежды. Взоръ свой оно устремляетъ впередъ. „Что ожидаетъ насъ?“—вотъ тотъ вопросъ, который его волнуетъ.

Быть можетъ, подъ вліяніемъ такого настроенія и первая годовщина смерти Николая Ильича прошла почти незамѣтно. Близкимъ его могло, пожалуй, показаться, что онъ уже забытъ, что лишь немногія сердца хранятъ и лелѣютъ въ себѣ благоговѣйную память о немъ. Но развѣ это возможно? Нѣтъ, нѣтъ! Всѣ бывшіе ученики его, разбросанные по разнымъ концамъ нашей обширной отчизны, всѣ, знавшіе Николая Ильича, всѣ тѣ, кому случалось въ трудную минуту искать у него помощи и совѣта, безъ сомнѣнія, сберегутъ навсегда неизмѣнно теплую и благодарную любовь къ дорогому учителю и руководителю, къ человѣку безконечной доброты, всю свою жизнь неутомимо исполнявшему святой апостольскій завѣтъ: Носите бремена другъ друга!

Когда же русскому народу сплоченными и стойкими усиліями его истинныхъ избранниковъ удастся наконецъ заложить фундаментъ царства свободы и правды въ нашей измученной странѣ, и она получитъ возможность вздохнуть и спокойно оглянуться на прошлое, тогда предъ русскимъ обществомъ снова встанетъ во всей своей духовной красотѣ свѣтлый образъ профессора-гуманиста.

„Младая жизнь“, которая теперь играетъ у его гробового входа, превратившись въ стремящуюся къ знанію юность, углубится въ изученіе его трудовъ и почувствуетъ свою гражданственную близость съ тѣмъ, кто на склонѣ лѣтъ, удрученный горемъ и страданіемъ, не переставалъ съ восторженной вѣрой молодости провозвѣщать конечное торжество лучшихъ идеаловъ человѣчества: Создать міръ—дѣло Бога; сдѣлать его свободнымъ и счастливымъ — дѣло людей [1]).

В. С.

Январь 1907 г.

---

[1]) Créer le monde—c'est l'affaire de Dieu; le rendre libre et heureux—c'est l'affaire des hommes.—Афоризмъ, принадлежащій Н. И. Стороженко и вписанный имъ въ альбомъ Эдитъ Брандесъ, дочери знаменитаго датскаго критика.

Воспоминанія стараго педагога.

VII [1]).

Вступленіе на престолъ Императора Александра II.—Новыя вѣянія.—Вліяніе ихъ на мое настроеніе.—Мысли о назначеніи человѣка, о воспитаніи, объ умственномъ развитіи, о предметахъ обученія.—Различные взгляды на жизнь.

Такъ процвѣтали гимназическіе порядки до 1855 г. Въ февралѣ мѣсяцѣ этого года, а именно 18 февраля, въ Черниговѣ получено извѣстіе о кончинѣ Императора Николая Павловича. На престолъ вступилъ Императоръ Александръ II. Уже съ первыхъ годовъ его царствованія повѣяли новые вѣтры. Безчисленныя милости, дарованныя манифестомъ по случаю коронаціи, а затѣмъ и возбужденіе вопроса объ освобожденіи крестьянъ сразу измѣнили настроеніе умовъ. Всѣ начали чего-то ждать, о чемъ-то волноваться. Началось такъ называемое переходное время, время, которое тянулось безъ конца и наконецъ перешло въ болѣзненные потуги, въ игру въ либерализмъ только для вида, которые хорошо извѣстны по своимъ послѣдствіямъ. Общее настроеніе умовъ отразилось и въ нашей скромной гимназіи.

Вторая половина пятидесятыхъ годовъ во многихъ отношеніяхъ представляетъ замѣчательную эпоху въ исторіи нашего отечества. Послѣ севастопольской кампаніи всѣ какъ будто пробудились послѣ

---

[1]) См. „Рус. Стар.“ май 1911 г.

вѣковѣчнаго сна, всѣ начали сознавать неудовлетворительность положенія дѣлъ и стремились и желали чего-то лучшаго, не будучи въ состояніи выяснить себѣ, что именно необходимо. Тѣмъ не менѣе громили все прошлое, или, какъ тогда говорилось въ ироническомъ смыслѣ: „доброе старое время“, видя въ немъ источникъ всѣхъ бѣдъ на Руси. Прежній строгій правительственный режимъ сталъ казаться всѣмъ невыносимымъ гнетомъ, задерживающимъ и подавляющимъ развитіе народной жизни; начали раздаваться голоса о свободѣ, зародился такъ называемый либерализмъ. Стремленіе скинуть съ себя прежній гнетъ, избавиться отъ всякаго ограниченія свободы составляло почти общій лозунгъ тогдашняго направленія. Но подъ именемъ свободы по большей части понималась не столько нравственная свобода, свобода дѣйствія, сколько свобода говоренія. Новый цензурный уставъ, свобода печати стали вопросомъ дня. Выступило на сцену много новыхъ литературныхъ дѣятелей, готовыхъ поучать и пропагандировать новыя идеи, а иногда и просто охотниковъ поболтать и погаерствовать передъ публикою. Но среди праздныхъ толковъ раздались и трезвые голоса, явились солидные органы печати, которые имѣли самое благотворное вліяніе на русское общество того времени. Они пробудили въ немъ и укрѣпили добрыя начала, разъяснили многіе общественные вопросы, воспитали любовь къ самоусовершенствованію и благородному движенію впередъ. Я имѣлъ привычку въ это время дѣлать замѣтки о своихъ впечатлѣніяхъ по поводу прочитаннаго. По нимъ теперь, спустя болѣе 30 лѣтъ, я составляю понятіе о томъ, что занимало насъ въ то время.

Прежде всего не мало волновала всѣхъ севастопольская война, или, лучше, неудачи русскаго оружія. Почти всѣ наши неудачи объяснялись недостатками правительственной машины, нашими отечественными неурядицами. Говорилось, что подъ Севастополемъ насъ побили не французы и не англичане, а побили мы сами себя своими милыми порядками. Такой пессимистическій взглядъ, имѣвшій, быть можетъ, и нѣкоторое основаніе, но, тѣмъ не менѣе, въ существѣ дѣла односторонній и потому несправедливый, породилъ не мало разсказовъ и анекдотовъ о бѣдствіяхъ подъ Севастополемъ. Разсказывали о злоупотребленіяхъ интендантовъ, препровождавшихъ будто бы воловъ и муку только на бумагѣ и обогащавшихся на счетъ солдатскаго желудка. Не мало было толковъ и объ отсутствіи въ Россіи сколько-нибудь сносныхъ путей сообщенія. Во всѣхъ бѣдахъ винили доброе старое время и доказывали необходимость реформъ. Духъ реформъ обуялъ всѣхъ, но главнымъ образомъ поддерживался самимъ правительствомъ, выдвигавшимъ на сцену во-

просы за вопросами. Правительство какъ-бы шло навстрѣчу желаніямъ общества. Въ это время званіе либерала дѣлалось предметомъ нѣкотораго почета, а названіе консерватора чуть не обратилось въ ругательное слово. Всѣ жаждали новаго и въ немъ искали спасенія отъ всѣхъ бѣдъ. При такихъ обстоятельствахъ поднятъ державной волей Государя великій вопросъ объ освобожденіи 20-ти милліоновъ рабовъ. Пошли адресы отъ дворянъ, сразу проникнувшихся горячимъ желаніемъ благодѣтельствовать крестьянъ. За адресами послѣдовали комитеты и комиссіи, занявшіеся разработкой вопроса и подготовкою къ изданію закона объ освобожденіи крестьянъ. Дѣятельно готовилась великая реформа, которая дѣйствительно легла въ основу обновленія Россіи. Я не стану подробно описывать, на сколько волновали насъ и не могли не волновать эти захватывающіе душу обще-государственные вопросы, постараюсь ограничиться болѣе скромною сферою, сферою педагогическою. Ограничусь однако извлеченіемъ изъ замѣтокъ, сохранившихся въ бумагахъ.

Какое назначеніе человѣка, я спрашивалъ себя не однократно и обыкновенно утверждался въ томъ убѣжденіи, что назначеніе человѣка въ самоусовершенствованіи. Самоусовершенствованіе возможно только при безпрерывномъ упражненіи силъ духовныхъ и физическихъ. Трудъ—назначеніе человѣка.

Только рабство было причиною, что исторически образовался взглядъ на трудъ физическій, какъ на занятіе, унижающее достоинство человѣка. Трудъ есть источникъ бодрости силъ и самодовольства, одно изъ главнѣйшихъ средствъ къ воспитанію въ себѣ добрыхъ началъ. Борьба человѣка за существованіе, борьба съ природою и съ внѣшними препятствіями составляетъ силу и величіе человѣка. Міръ, въ которомъ все заранѣе было бы приготовлено, гдѣ не существовало бы потребностей и нуждъ, произвелъ бы самую презрѣнную породу людей. Безъ борьбы, безъ усилій воли и напряженія своихъ силъ, безъ энергіи—человѣкъ ничтожество. Трудъ великая школа, въ которой вырабатывается и возвышается характеръ человѣка. Конечно, трудовая жизнь съ нуждой за плечами воспитатель строгій, но благодѣтельный.

Трудъ не есть только орудіе, оплодотворяющее нашу прекрасную землю, покоряющее моря, порабощающее грубую матерію, служащую для удовлетворенія нашихъ нуждъ, но вмѣстѣ и источникъ нашей силы, нашего здоровья, школа мужества, терпѣнія, упорства въ достиженіи своей цѣли. Горе тому, кто не научился работать! Самыя

наслажденія покоемъ такого несчастливца обратятся во вредъ ему. Не зная удовольствія, получаемаго отъ достиженія цѣли трудомъ, онъ не будетъ въ состояніи понять удовольствія, испытываемаго труженикомъ во время отдыха. Недаромъ говоритъ Чаннингъ, что нѣтъ усталости утомительнѣе той, которая овладѣваетъ человѣкомъ, преданнымъ праздности!

Такимъ образомъ, если человѣкъ хочетъ и можетъ возвыситься, то не презрѣніемъ къ труду, не желаніемъ вырваться изъ своего званія и положенія, не желаніемъ занять высшее мѣсто въ общественной лѣстницѣ, а усовершенствованіемъ своихъ способностей, возвышеніемъ внутренняго своего достоинства. Счастіе не внѣ насъ, а въ насъ самихъ. Не положилъ Богъ для человѣка счастія въ однѣхъ только внѣшнихъ вещахъ: въ богатствѣ, въ почестяхъ. Истинное счастіе человѣкъ можетъ отыскать только въ своемъ самообразованіи и усовершенствованіи, въ твердости и постоянствѣ воли, въ исполненіи своего долга.

Одно изъ самыхъ гибельныхъ ученій нашего времени это мнѣніе, что обязанность нравственнаго воспитанія какъ личности человѣка, такъ и цѣлаго общества должна лежать на государствѣ. Налагая на государство тяготу, которой оно не въ состояніи понести, мнѣніе это только вноситъ личное раздраженіе и недовѣріе къ правительству. Государство существуетъ главнымъ образомъ для охраненія общей безопасности. Оно должно главнымъ образомъ заботиться, чтобы люди могли спокойно и безпрепятственно направлять свои силы для общественнаго и частнаго блага. Истинный прогрессъ или движеніе впередъ зависитъ не столько отъ внѣшнихъ причинъ, или, лучше сказать, не столько отъ внѣшнихъ мѣръ, сколько отъ той силы и энергіи, которая живетъ въ сердцѣ каждаго гражданина, направляющаго свои силы къ своему личному и къ общему благу. Каждой личности должна быть дана полная возможность свободнаго и самостоятельнаго развитія. Жизнь общества тѣсно связана съ неприкосновенностію правъ личности. Общество, ограничивая индивидуальную свободу, совершаетъ преступленіе, слѣдствія котораго пагубны для него самого и для государства. Но полная свобода возможна въ томъ только случаѣ, когда чувство долга въ сердцѣ каждаго человѣка дѣлается исходною точкою всей его дѣятельности. Огражденіе правъ личности съ одной стороны и развитіе чувства законности съ другой составляютъ лучшее достояніе всякой страны. Только огражденіе правъ личности и свободы развитія дало голландцамъ и англичанамъ столько даровитыхъ и ученыхъ людей. Напро-

тивъ, недостатокъ этой свободы притупилъ проницательный разумъ итальянцевъ и погасилъ свѣтлый умъ испанцевъ.

О воспитаніи я также думалъ не мало; но, признаюсь, смотрѣлъ на него преимущественно съ отрицательной стороны. Я прежде всего не могъ не видѣть всѣхъ недостатковъ тогдашней системы чисто формальнаго воспитанія, основаннаго главнымъ образомъ на безусловномъ подчиненіи воли ребенка волѣ воспитателя. Я находилъ, что безусловное повиновеніе воспитанника вещь только хорошая для воспитателя, облегчая его трудъ, но въ то же время плохое средство для воспитанія воли воспитанника. Здравая педагогика требуетъ, чтобы по мѣрѣ развитія разсудка дитяти ему давалась и большая степень свободы въ дѣйствіяхъ. Система запрещеній и наказаній, всякое принужденіе и насиліе—плохія орудія воспитанія. Никогда не слѣдуетъ забывать, что въ дѣтяхъ, какъ и у взрослыхъ, всегда таится въ сердцѣ искра добра и чувство долга. Нужно только умѣть пріобрѣсть довѣріе ребенка, открыть путь къ его сердцу, и всегда можно надѣяться на пробужденіе въ немъ сознанія долга. Совѣсть этотъ внутренній законъ, который долженъ владычествовать и управлять дѣятельностію дѣтей, какъ и дѣятельностію взрослыхъ.

Въ исторіи развитія умственныхъ силъ есть бездна неуловимыхъ тайнъ, много личныхъ, субъективныхъ деталей, которыя нельзя подвести подъ какія-либо общія правила. Напрасно поэтому думаютъ, что одни предметы имѣютъ образовательную силу, другіе напротивъ не имѣютъ никакого образовательнаго значенія. Всѣ предметы въ рукахъ дѣльнаго преподавателя могутъ расширять умственный кругозоръ дитяти, а потому всѣ равно пригодны для его умственнаго развитія.

Умственное развитіе есть воспитаніе тѣхъ началъ, которыя положены въ зародышѣ на днѣ души дитяти, воспитаніе чувства добра, правды, чувства прекраснаго. Умственное развитіе есть возведеніе этихъ началъ въ сознательный принципъ и въ убѣжденіе, проникающее во всю массу знанія, пріобрѣтаемаго наукою и сообщаемаго окружающею ребенка дѣйствительною жизнію. Правильнымъ развитіемъ называется постепенный, ни кѣмъ не стѣсняемый и не искажаемый ходъ внутренней работы, ходъ гармоническаго

развитія всѣхъ умственныхъ способностей ребенка, расширеніе путемъ знанія его умственнаго горизонта. Правильное развитіе идетъ осторожно и медленно; всякая форсировка его такъ же вредна и опасна, какъ замедленіе его. Опасенъ застой въ развитіи, но не менѣе вредно и слишкомъ раннее, преждевременное пріобрѣтеніе знаній, которыхъ молодой разумъ не въ состояніи ни переварить, ни усвоить. Оно въ результатѣ даетъ только скороспѣлокъ и резонеровъ, однимъ словомъ, поверхностныхъ людей.

Усвоеніе предметовъ обученія не должно быть дѣломъ одной памяти, но должно имѣть въ виду развитіе и другихъ способностей и силъ разума, развитіе способности мышленія. Независимо отъ того ученіе не должно быть абстрактнымъ, чуждымъ жизни, не должно имѣть цѣлью одно накопленіе теоретическихъ знаній безъ органическаго отношенія ихъ къ живой дѣйствительности. Ученіе должно дѣйствовать воспитательно на ученика, знакомя его съ окружающимъ міромъ, со всѣми условіями той среды, въ которой учащемуся, какъ будущему гражданину, придется жить и дѣйствовать.

Изучая людей, всматриваясь въ ихъ характеръ, направленіе и образъ мыслей, мы замѣчаемъ слѣдующіе взгляды на жизнь:

1. Первый взглядъ совершеннаго равнодушія ко всему окружающему. Нечего много думать и стараться разъяснить то, что необъяснимо или что до насъ не касается и не доставляетъ намъ прямой выгоды. Думая много, можно потерять аппетитъ и сонъ, а сонъ нуженъ для трудовъ и наслажденій, труды и наслажденія—для счастья.

2. Второй взглядъ старообрядческій. Ничего новаго нѣтъ подъ луной. Живите по старинѣ, соблюдайте всѣ обряды и не мудрствуйте лукаво. Живите, какъ живется, какъ жили ваши дѣды и отцы.

3. Третій взглядъ чисто практическій. Трудясь для себя и для своего семейства, аккуратно исполняйте ваши обязанности, собирая копейку на черный день. Въ сомнительныхъ случаяхъ, если одна обязанность противорѣчитъ другой, избирайте то, что вамъ выгоднѣе; или по крайней мѣрѣ, что для васъ менѣе вредно. Впрочемъ, каждому предоставьте спасаться на свой ладъ. Объ убѣжденіяхъ точно такъ же, какъ и о вкусахъ, не спорьте и не хлопочите. Съ полнымъ карманомъ можно жить и безъ убѣжденій.

4. Четвертый взглядъ также практическій. Хотите быть счастливыми, думайте себѣ, что вамъ угодно и какъ угодно, а говорите и дѣлайте такъ, какъ для васъ выгодно, а главное, умѣйте съ людьми уживаться. Про нужныхъ вамъ людей худо не отзывайтесь и ни въ какомъ случаѣ имъ не противорѣчьте, умѣйте и сказать и помолчать, или лучше говорите такъ, чтобы скрыть, что вы думаете. Если не хотите быть ослами для другихъ, то сами умѣйте на другихъ ѣздить; только, молча, въ кулакъ себѣ смѣйтесь.

5. Пятый взглядъ пессимистическій. Не хлопочите объ улучшеніяхъ и усовершенствованіяхъ; лучшаго ничего не придумаете. Всѣ ваши усилія напрасны. Что будетъ, то будетъ. Червякъ, на кучѣ грязи, вы смѣшны и жалки, когда мечтаете, что вы стремитесь къ совершенству. Зритель и комедіантъ, какъ ни бейтесь, лучшаго не сдѣлаете. Бѣлка въ колесѣ, вы забавны, думая, что бѣжите впередъ. Не зная, откуда взялись, вы умрете, не зная зачѣмъ жили.

6. Шестой взглядъ самоувѣренный. Каждый человѣкъ составляетъ звено въ цѣпи міроздания, каждый есть членъ организма общественнаго; каждый поэтому долженъ жить не столько для себя, сколько для общества. Счастье и благосостояніе общества есть его благосостояніе и счастье. Вся жизнь человѣка должна быть направлена къ добру и къ усовершенствованію, а также и къ искорененію зла на землѣ. Препятствія не должны останавливать; внутреннее сознаніе долга должно ставить человѣка выше всякой преграды.

7. Седьмой взглядъ очень благоразумный. Умѣйте отдѣлять теорію отъ практики. Можете принимать какую угодно теорію для своего развлеченія, но на практикѣ старайтесь узнать, какую роль вамъ выгоднѣе играть, узнавъ, выдержите ее до конца, не стараясь выставлять ее какъ бы напоказъ. Счастье есть искусство. Достигнувъ его трудомъ и талантомъ, не забывайтесь и не хвалитесь; сдѣлавъ промахъ, никого не пеняйте и не унывайте. Противъ теченія не плывите. Всякому человѣку не являй сердца твоего, чтобы онъ дурно не отблагодарилъ тебя (Премудр. сына Сирахова гл. 2 ст. 22).

Предаваясь всѣмъ этимъ размышленіямъ, я въ то же время много думалъ, какъ устроить свою жизнь. Прежде всего я искалъ сверхъ своихъ учительскихъ занятій серьезнаго дѣла. Я началъ изучать исторію учебныхъ заведеній, копался въ архивахъ, собиралъ матеріалы и мало-по-малу въ теченіе 1858 и 1859 года со-

ставилъ исторію учебныхъ заведеній Черниговской губерніи. Работы эти поглотили все мое вниманіе и лежатъ, такъ сказать, на рубежѣ моей десятилѣтней черниговской жизни. Онѣ для меня имѣли весьма важное значеніе, служа какъ бы подготовкой къ болѣе широкой административной дѣятельности, начавшейся съ переѣздомъ моимъ въ Кіевъ, въ должности инспектора, а затѣмъ въ скорости и директора Кіевской 1-й гимназіи.

А. Ѳ. Андріяшева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ архива князя Л. А. Ухтомскаго [1].

III.

Перейдемъ теперь къ личнымъ воспоминаніямъ князя Л. А. Ухтомскаго объ адмиралѣ Нахимовѣ.

До меня дошелъ черновикъ стараго письма его (безъ даты) къ неизвѣстному лицу, гдѣ, между прочимъ, покойный пишетъ:

„Все время осады Севастополя я былъ тамъ: первую половину осады—на Малаховомъ Курганѣ, а вторую—адъютантомъ штаба.—Во все это время велъ дневники, пополненные, по окончаніи войны, участниками обороны. Къ этимъ матеріаламъ было приложено нѣсколько оффиціальныхъ документовъ. И все это я отправилъ въ редакцію „Морского Сборника“, гдѣ посланное и пропало безслѣдно, такъ что теперь пишу кое-какъ, по воспоминаніямъ, уже смутнымъ“.

Изъ журналовъ князя видно, что онъ много разъ собирался составить объ оборонѣ Севастополя, на основаніи своего архива и другихъ данныхъ, капитальный трудъ. Но по натурѣ покойнаго, подобная систематическая, кропотливая работа каждый разъ оказывалась ему не подъ силу: то новое увлеченіе женщиной, то служба, то просто природная лѣнь ему мѣшали привести задуманное въ исполненіе.

Въ одномъ изъ дневниковъ его, набросанныхъ послѣ Севастопольской осады, есть такое мѣсто:

---

[1]) См. „Русская Старина“ сентябрь 1911 г.

„Предпринятыя мною записки имѣли планомъ — обнять всю дѣятельность флота во время обороны Севастополя. Но для того, чтобы это было яснѣе, нужно, по возможности, подробнѣе сказать о предыдущей жизни Черноморскаго флота.

Къ счастью для дѣла сохранились юношескія мои записки, гдѣ мѣстами говорится о дѣятельности флота. А для того, чтобы и это выяснить—приходится сказать нѣсколько словъ и о себѣ.

Выросшій въ деревнѣ, я поступилъ въ Морской корпусъ въ 1842 году, какъ разъ въ одно время съ назначеніемъ директоромъ корпуса Корсакова, и, по производствѣ въ офицеры, былъ переведенъ въ Черноморскій флотъ (въ 44-й флотскій экипажъ).

Воспитанный въ развратной школѣ Корсакова, да еще въ школѣ закрытой, не начинавшей еще жизнь, я былъ уже испорченъ.

Такимъ человѣкомъ я поступилъ въ Севастополь, гдѣ круглый годъ кипѣла морская служба, гдѣ большинство офицеровъ были развиты, энергичны и съ полнымъ увлеченіемъ отдавались службѣ, гдѣ каждый экипажъ имѣлъ своихъ замѣчательныхъ офицеровъ и матросовъ, извѣстныхъ всему флоту, гдѣ каждое судно соперничало съ другимъ, одна дивизія съ другою, и гдѣ имена Лазарева, Корнилова и Нахимова царили надъ всѣмъ этимъ, давая разумное направленіе всей этой дѣятельности.

Охваченный такой службою, я не могъ съ нею слиться. Но всѣмъ, что привилось ко мнѣ хорошаго, я обязанъ Севастополю и своимъ сослуживцамъ. Вотъ почему я такъ люблю Севастополь, такъ храню воспоминанія о немъ.

Прибавьте къ этому, что я тогда былъ юношею и что все, связанное съ юношествомъ, особенно дорого каждому.

Для довершенія же любви моей къ Севастополю, разразилась ужасная война, окончившаяся уничтоженіемъ Севастополя, стараго Черноморскаго флота. И все это происходило день за день, медленно терзая наши чувства, и потомъ еще сильнѣе врѣзалось въ память“.

Черновые наброски князя, повѣренные мнѣ, носятъ имъ же составленное общее заглавіе.

„Нѣсколько словъ о старомъ Черноморскомъ флотѣ и объ адмиралѣ П. Ст. Нахимовѣ по поводу столѣтія, исполнившагося со дня его рожденія нынѣ 28 іюля 1902 года“.

А вотъ и самыя воспоминанія князя [1]).

---

[1]) Нѣкоторые морскіе термины разъяснены мнѣ самимъ авторомъ замѣтокъ, и эти поясненія я привожу подъ текстомъ настоящей статьи моей, для тѣхъ читателей, которые, какъ и я, съ ними незнакомы.

„Я—старый морякъ. Мнѣ скоро будетъ 73 года; я давно въ отставкѣ; теперь проживаю въ г. Смоленскѣ; уже моря давно не видѣлъ, и только гравюры Севастопольскаго рейда и морскіе виды Айвазовскаго напоминаютъ мнѣ прошлое. Но когда мыслію переносишься назадъ, то живо представляется мнѣ прошлая морская служба моя въ Черномъ морѣ, затѣмъ припоминается мнѣ громъ Синопскаго сраженія, знаменитая оборона Севастополя, гдѣ мы всѣ томились, и физически, и нравственно.

Припоминаю пріѣздъ Государя Императора Николая Павловича въ Севастополь, смотръ его Черноморскому флоту и послѣ того, прикомандированіе къ этому флоту многихъ офицеровъ изъ Балтійскаго флота.

По этому случаю на Царской пристани толковали, что это—недаромъ, что быть войнѣ.

Тогда же Государь осматривалъ Севастопольскую крѣпость и, кажется, тогда же начали строить оборонительную стѣнку на южной сторонѣ. Припоминали, что въ послѣднюю турецкую войну (1829 г.) тоже было прислано въ Черное море много офицеровъ изъ Балтики.

Послѣдующій ходъ дѣлъ подтвердилъ наши предположенія.

Сколько помню, въ газетахъ говорили, что турецкій султанъ хочетъ отдать ключи отъ Гроба Господня католикамъ, чего будтобы онъ не имѣлъ права дѣлать—на основаніи прежнихъ трактатовъ, заключенныхъ съ Россіей; что по этимъ трактатамъ ключи Гроба Господня всегда хранились у православнаго патріарха.

Событія того времени шли быстро. Уже въ 1853 году наши войска заняли Дунайскія княжества, и началась осада Силистріи. Осада велась очень медленно, и нашъ главнокомандующій кн. Паскевичъ отзывался, что дорога русскихъ въ Константинополь лежитъ черезъ Вѣну.

Въ февралѣ 1853 года князь Меншиковъ отправился въ Константинополь уполномоченнымъ посломъ и вернулся въ маѣ мѣсяцѣ, прервавъ переговоры, такъ какъ послѣднимъ противились Англія и Франція.

Говорили, что и въ Константинополѣ кн. Меншиковъ не упускалъ случая сострить. Усѣвшись въ залѣ засѣданія пословъ, онъ сказалъ: „хотя этотъ диванъ и на англійскихъ пружинахъ, но я постараюсь усидѣть“.

Однако этого не случилось, переговоры были прерваны, и кн. Меншиковъ вернулся въ Одессу.

Тогда нашему Черноморскому флоту пришлось пошевелиться подъ неусыпнымъ рвеніемъ и заботами Корнилова.

Электрическаго телеграфа въ тѣ дни не было и, опасаясь ежедневно высадки турецкихъ войскъ на Кавказское прибрежье Чернаго моря, изъ мелкихъ судовъ была устроена сторожевая линія до Константинополя.

Одновременно сняты были Кавказскія береговыя укрѣпленія и молодецки перевезена пѣхотная дивизія изъ Севастополя на Кавказъ отрядомъ судовъ подъ флагомъ контръ-адмирала Нахимова.

Затѣмъ дали знать, что въ Синопской бухтѣ сосредоточенъ турецкій флотъ, для того, чтобы высадить десантъ на Кавказъ.

Произошло славное Синопское сраженіе. Россія и Черноморскій флотъ ликовали. Но Нахимовъ говорилъ, что нужно ждать европейской войны, что англичане не простятъ намъ Синопской побѣды и употребятъ всѣ силы, чтобы уничтожить Черноморскій флотъ.

Въ морѣ происходили стычки съ тѵрками. Такъ, фрегатъ „Флора“ отразилъ нападеніе турецкаго парохода [1]).

Болѣе жаркое дѣло произошло, когда пароходъ „Владиміръ“ сражался и взялъ въ плѣнъ Египетскій пароходъ Первазъ-Бахри“ [2]).

Наконецъ, въ началѣ сентября у Херсонскихъ береговъ показалась армада судовъ. Это были соединенные флоты Англіи, Франціи и Турціи.

Сдѣлана была высадка между Евпаторіей и Севастополемъ около Альмы.

Мы въ Севастополѣ, конечно, волновались: что предприметъ непріятель?—Сдѣлаетъ ли высадку, или войдетъ прямо съ флотомъ на Севастопольскій рейдъ. Началось общее движеніе: войска двигались за городъ, навстрѣчу непріятелю, а для загражденія входа въ рейдъ рѣшено было затопить поперекъ фарватера наши линейные корабли.

Подумайте, какъ тяжело было для насъ, моряковъ, затопить свои любимые корабли, на которыхъ была сосредоточена вся наша забота, съ которыми мы недавно одержали Синопскую побѣду и не теряли надежды помѣряться съ англичанами!! И вдругъ—затопить...

Въ то же время рѣшено было морскія команды обратить на защиту Севастополя, но что именно предпринять—рѣшено не было. Повидимому, предстояло Альминское сраженіе. Оно произошло 9 сентября [3]).

Отъ флота на Альму посланы были два десантныхъ орудія.

---

[1]) На самомъ дѣлѣ, бой былъ не съ однимъ турецкимъ пароходомъ, а съ тремя, при томъ до Синопскаго боя (См. описаніе обороны Севастополя и Тотлебена). *А. Ж.*

[2]) Тоже до Синопскаго боя.

[3]) 8-го сентября. („Описаніе обороны Севастополя“ Тотлебена).—*А. Ж.*

Союзники въ этомъ сраженіи имѣли такое превосходство въ оружіи, даже въ нашихъ резервахъ были убитые и раненые, а нашихъ не подпускали близко для рукопашнаго боя.

Сраженіе было потеряно. Большая часть войскъ отступила къ Симферополю, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ сообщенія съ Россіей, Къ намъ же, въ Севастополь, приходили только отсталые и раненые.

Конечно, Севастополь былъ въ большомъ безпокойствѣ.

Всѣмъ распоряжался Корниловъ. Наконецъ, выяснилось, что непріятельскія войска передвигаются на южную сторону Севастополя и готовятся къ правильной осадѣ. Французы оставались въ Карантинной бухтѣ, англичане въ Балаклавѣ, а турки направились въ Евпаторію.

Тогда мы и начали подготовленія къ отпору: морскія орудія были поставлены на оборонительную линію—и образовались укрѣпленія. Въ это время и явился къ намъ Тотлебенъ, все указывалъ и руководилъ нашими моряками—въ дѣлѣ расположенія батарей.

Замѣчательно, что Тотлебенъ пріѣхалъ изъ-подъ осады Силистріи, гдѣ наши войска бездѣйствовали, въ отпускъ, и говорятъ, что Меншиковъ его неохотно принялъ.

Повидимому, этотъ ударъ Россіей не былъ предусмотрѣнъ. Такъ, у Меншикова не было ни войскъ, ни запасовъ, ни провіанта, ни даже штаба, а командовавшій Севастопольскимъ портомъ Станюковичъ такъ растерялся, что велѣлъ весь запасъ водки выпустить—изъ страха, что нижніе чины будутъ безчинствовать.

Въ дополненіе, трагизмъ обороны Севастополя заключался въ томъ, что фронтовое ученье и шагистика совсѣмъ убили самостоятельность въ русской арміи. Во время обороны матросы ни во что ставили солдатъ. Бывало, сигнальщикъ кричитъ: „Бомбу разорвало благополучно, только двухъ армейскихъ убило“. На вылазкахъ, гдѣ командовали оберъ-офицеры, можно было всегда разсчитывать на успѣхъ, но чуть вылазкой распоряжался штабъ-офицеръ или полковникъ—вѣрная неудача. Такіе же были и генералы. Мы, моряки, только одного Степ. Алекс. Хрулева признавали генераломъ. И при этомъ составѣ офицеровъ, да при такомъ начальникѣ, какъ Горчаковъ, можно было заранѣе предсказать, что падетъ Севастополь неминуемо. Къ этому прибавимъ, что во время командованія Меншикова, когда много можно было наладить по укрѣпленію Севастополя, отъ военнаго министра Долгорукова не видно было никакого содѣйствія.

Впослѣдствіи, при разговорѣ моемъ съ С. Мальцевымъ, владѣльцемъ Брянскихъ заводовъ, Мальцевъ говорилъ, что еще въ 1838 г. онъ видѣлъ въ Англіи штуцеры и предлагалъ ихъ Императору

Николаю; что генералы воспротивились этому, говоря, что тогда пропадетъ темпъ ружья, и потому въ Крымскую кампанію мы остались при кремневыхъ ружьяхъ, а непріятель имѣлъ штуцеры.

Съ весны французы смѣнили англичанъ при атакѣ Малахова Кургана. Когда ихъ сильныя батареи очень разрушали насъ, то поставили имъ во флангъ Волынскій и Селенгинскій редуты (названные такъ по имени полковъ, ихъ возводившихъ).

Это было въ февралѣ мѣсяцѣ [1]). Сознавая опасность отъ редутовъ, французы сдѣлали на нихъ нападеніе, но были отбиты.

Впослѣдствіи оказалось, что редуты эти трудно удержать—и они были оставлены. — Рѣшено было, взамѣнъ ихъ, построить впереди Малахова Кургана Камчатскій редутъ. Дѣло было упорное. Въ продолженіе 10-ти дней почти цѣлый полкъ былъ уничтоженъ и осталось отъ него только 400 человѣкъ. Пальба ружейная и пушечная въ то время кипѣли.

Къ нашему горю, адмиралъ Истоминъ, герой Малахова Кургана, былъ убитъ: ему оторвало голову [2]).

Эта потеря для Севастополя была незамѣнима. Какъ и Корнилова, Истомина похоронили въ склепѣ Владимірскаго собора.

Припоминаю объ адмиралѣ Истоминѣ.

На свой бастіонъ онъ смотрѣлъ, какъ на корабль, гдѣ онъ—командиръ, гдѣ безъ него никто не смѣетъ распоряжаться. Часто выходило не то, что слѣдуетъ: армейскіе генералы путали и затрудняли дѣло. Истоминъ приказывалъ: „никого не пускать на Малаковъ Курганъ! Гоните вонъ! А кто не послушается—тому пулю въ лобъ!..“

Въ припадкѣ раздраженія на армейскіе порядки, Истоминъ однажды выразился: „Всю помощь армейцевъ въ Севастополѣ можно изобразить такъ... Пусть васъ вырветъ на чистый листъ бумаги. Всѣ рисунки, какіе, при этомъ, получатся, это и есть дѣйствія арміи — на столько они безпорядочны и сбивчивы... Хотя бы вылазки... Тамъ, гдѣ молодые офицеры начальниками—выходитъ отлично. Будетъ же начальникомъ полковникъ или генералъ—непремѣнно напутаютъ“.

Припоминаю одинъ случай относительно Истомина. — Какъ-то разъ зимою подходитъ англійскій пароходъ подъ парламентерскимъ флагомъ. Конечно, всеобщее любопытство. Оказалось, что англійскій адмиралъ Лаисъ [3]), при письмѣ, послалъ своему другу Истомину

---

[1]) 1855 г.

[2]) 7 марта 1855 года, на Камчатскомъ люнетѣ (редутѣ).

[3]) Лайонсъ. (Такъ называется адмиралъ въ „Описаніи обороны Севастополя“ Тотлебена).

большой кругъ сыра и вина. Чтобы не остаться неблагодарнымъ, Истоминъ распорядился въ Біясахъ настрѣлять дикихъ козъ и тоже черезъ парламентера отослалъ ихъ Лаису.

Припоминаю также, что послѣ одной большой вылазки былъ поднятъ парламентерскій флагъ и приступлено, затѣмъ, къ уборкѣ тѣлъ съ обѣихъ сторонъ. Тутъ мы разговорились съ французами. Они заявляли, что противъ русскихъ ничего не имѣютъ, подчивали насъ табакомъ, коньякомъ. „Такъ зачѣмъ вы пришли въ нашу сторону?“ спросили мы. „Что же дѣлать! Такъ приказалъ императоръ Наполеонъ“.—Во время нашей бесѣды подошелъ англійскій офицеръ и сдѣлалъ какой-то жестъ. Мы полюбопытствовали узнать, что это значитъ?—И французъ съ улыбкою отвѣчалъ, что англичане торопятъ французовъ съ уборкою тѣлъ, а уже прошло много времени безъ пушечной пальбы и мы, русскіе, успѣли много исправить батарей.

Помню хорошо первый день бомбардировки [1]). Какимъ негодованіемъ наполнилось сердце каждаго, когда убитые и раненые десятками валились кругомъ, и когда каждому изъ насъ хотѣлось отплатить непріятелю тѣмъ же!

Многіе обыватели со всѣмъ хозяйствомъ и семьями столпились около зданія морского госпиталя, гдѣ былъ поднятъ бѣлый флагъ, какъ въ мѣстѣ перевязочнаго пункта: всѣ были увѣрены, что въ этотъ пунктъ стрѣлять не будутъ. Но вышло иначе: сюда-то и бросали больше снарядовъ.

Со смертью Корнилова морская администрація была въ рукахъ адмирала Станюковича, а вскорѣ начальникомъ гарнизона былъ назначенъ графъ Сакенъ, его помощникомъ—адмиралъ Нахимовъ, начальникомъ штаба начальникъ гарнизона — князь Васильчиковъ, который на бастіонахъ былъ любимымъ начальникомъ.

Изстрадались мы за 11 мѣсяцевъ убійственной обороны Севастополя!

Какія же вѣсти имѣли изъ главнаго штаба арміи?!.. Что идутъ переговоры о мирѣ, что миръ скоро будетъ заключенъ, а, значитъ, и Севастополь оживетъ. Но не того ждали мы, защитники Севастополя!.. Мы ждали помощи арміи, для того, чтобы поразить врага и добить его совмѣстной вылазкою... Но, увы...

Истоминъ только и уважалъ одного ген. Степ. Алек. Хрулева; остальныхъ же генераловъ въ грошъ не ставилъ. „Да и гдѣ же нашимъ генераламъ разсуждать“, говорилъ онъ. „Всю жизнь, всю службу ихъ учили не разсуждать, а стоять смирно. Вотъ они въ

[1]) 5 октября 1854 г.

генеральскихъ чинахъ и совсѣмъ отвыкли разсуждать. А тутъ приходится распоряжаться!..

Между арміей и флотомъ не имѣлось никакой связи. Возьмите вы, напримѣръ, Инкерманское сраженье... Чего было проще взять въ проводники нашихъ матросовъ-охотниковъ. Они Инкерманскія высоты знаютъ, какъ свои пять пальцевъ. А то къ нимъ, флотскимъ, не обратились. Войска заблудились, и даже нѣкоторые полки уперлись въ Малаховъ Курганъ!.. Да и многое можно было бы указать въ такомъ же родѣ"...

Помню обидное для насъ отступленіе на сѣверную сторону Севастополя и тяжелый миръ, по которому мы лишены были права имѣть линейный флотъ на Черномъ морѣ. Почти не дочиталъ я до конца ни одного очерка о Крымской кампаніи: досадно читать, полагая, что, будь другіе распорядители, этого позора не было бы...

Служа въ составѣ Черноморскаго флота въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, одно время находился я подъ командою адмирала Нахимова. И, по случаю предстоящаго юбилея хотѣлось бы сказать что-нибудь о героѣ Синопа и Севастополя.

Но очень трудно черезъ 55 лѣтъ привести что-либо обстоятельное. Да, къ тому же, и подъ рукою нѣтъ никакихъ матеріаловъ.

Однако, постараюсь кое-что припомнить.

Передъ этимъ сдѣлаю небольшое отступленіе.

Со времени Петра Великаго нашъ флотъ считаетъ у себя много славныхъ именъ, и въ числѣ ихъ можно смѣло помѣстить имя адмирала Мих. Петр. Лазарева. Этотъ адмиралъ, не имѣя случая проявить себя, какъ флотоводецъ,—какъ главный командиръ Черноморскаго флота стяжалъ себѣ, однако, неувядаемую славу.

Припоминая исторію Черноморскаго флота, скажемъ, что предшественникъ Лазарева адмиралъ Грейгъ былъ замѣчательный администраторъ. Но только Лазаревъ придалъ этому флоту настоящую выдержку и стойкость, почему его можно считать основателемъ или преобразователемъ Черноморскаго флота.

Лазаревъ имѣлъ много учениковъ и искреннихъ почитателей, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ поставить и адмирала Нахимова.

Послѣ сего небольшого отступленія перехожу къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ.

Осенью 1847 г. я вышелъ изъ Пажескаго корпуса мичманомъ и назначенъ былъ въ Черное море, въ 44-й флотскій экипажъ.

Пріѣхавъ въ Николаевъ, явился я къ главному командиру М. П. Лазареву и на другой же день былъ приглашенъ къ адмиральскому столу.

— „Не забудьте!.. Ровно въ два часа",—сказалъ Лазаревъ мнѣ, прощаясь.

Оказалось, что подтвердилъ это адмиралъ потому, что нѣсколько дней передъ тѣмъ мой товарищъ—Сталль, тоже приглашенный къ столу, не разслыхавъ назначеннаго часа, опоздалъ на цѣлый часъ—и всѣ его ждали. Конечно, юноша былъ сконфуженъ и на другой день, надѣвъ вицъ-мундиръ, пошелъ извиняться.

Явившись за полчаса до обѣда, я отправился въ адъютантскую комнату, гдѣ познакомился съ адъютантами адмирала Лазарева—лейтенантами Ив. Ал. Шестаковымъ и Ив. Сем. Уньковскимъ. То были сыновья бывшихъ товарищей Лазарева.

Разговоры велись служебные: Шестаковъ былъ командиромъ тендера и вмѣстѣ съ другимъ тендеромъ, подъ командою Гр. Ив. Бутакова, готовился идти въ опись къ Турецкимъ берегамъ Чернаго моря, а Уньковскій, командуя адмиральской яхтою „Оріадна“ [1]), собирался идти съ яхтою въ Кронштадтъ—на предстоявшую гонку яхтъ.

Надо замѣтить, что эта яхта была любимымъ дѣтищемъ Лазарева. Отдѣлка и чистота ея были поразительныя. Команда и не жила на ней въ гавани. Все было подъ чехлами. Даже дневальные приходили сюда безъ сапогъ, что бы чего-нибудь не поцарапать.

Мѣсяца черезъ два я отправился въ Севастополь, къ мѣсту моего назначенія—въ 44-й флотскій экипажъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Николаева, явился я въ штабъ главнаго командира, адмиралу Корнилову, авторитетъ котораго былъ большой между черноморцами.

Вл. Алекс. Корнилова можно также считать ученикомъ Лазарева.

Говорятъ, что когда Корниловъ былъ молодымъ офицеромъ на кораблѣ, которымъ командовалъ Лазаревъ, послѣдній обратилъ на него вниманіе и, между прочимъ, замѣтивъ, что каюта юнаго мичмана наполнена французскими романами, приказалъ ихъ выбросить за бортъ и, вѣроятно, убѣдилъ Корнилова въ томъ, что подобное чтеніе мѣшаетъ службѣ [2]).

---

[1]) Надо замѣтить, что военныя суда Черноморскаго флота назывались именами священныхъ силъ, кажется, въ память судовъ эскадры адмирала Синявина, во времена Екатерины II: были „Гавріилъ“, „Уріилъ“, „Двѣнадцать Апостоловъ“ и т. п. Мелкія суда назывались именами греческой миѳологіи: „Орестъ“, „Пиладъ“, „Орфей“ и т. д. (Примѣч. кн. Ухтомскаго).

[2]) Въ первый же день бомбардировки Севастополя—5 октября 1854 года—Корниловъ былъ смертельно раненъ и, умирая, шепталъ: „Михаилъ Петровичъ! Я иду къ тебѣ“.

Извѣстно, что адмиралъ Лазаревъ скончался въ 1851 году, и все послѣднее время Корниловъ оставался начальникомъ штаба Черноморскаго флота. (Примѣчаніе кн. Ухтомскаго).

Въ Севастополь я пріѣхалъ весною 1848 года.

Въ то время командиромъ 44-го флотскаго экипажа былъ капитанъ перваго ранга Верницкій. Онъ же состоялъ и командиромъ только что спущеннаго фрегата „Коварна“.

Вскорѣ я былъ назначенъ ревизоромъ на этотъ фрегатъ, который имѣлъ назначеніе — идти къ Абхазскимъ берегамъ. Отрядомъ судовъ былъ назначенъ командовать контръ-адмиралъ Нахимовъ.

Нужно сказать, что это были трудныя плаванья, но въ то же время то была и хорошая школа для нашего флота: приходилось крейсировать у открытыхъ Кавказскихъ береговъ и сторожить военныхъ контрабандистовъ, при чемъ суда наши подвергались опасности быть выброшенными на берегъ и попасть въ плѣнъ къ черкесамъ, что и случилось однажды въ 1837 году.

Въ скоромъ времени послѣдовало назначеніе офицеровъ въ предстоящую кампанію; все это были лучшіе офицеры.

Старшимъ офицеромъ былъ Ст. Ст. Лисовскій — впослѣдствіи управляющій морскимъ министерствомъ; первымъ вахтеннымъ— Андрей Александровичъ Поповъ—впослѣдствіи ретивый начальникъ эскадры дальняго плаванія и строитель „поповокъ“; третьимъ вахтеннымъ — Алекс. Павл. Жандръ, который составилъ сложное росписаніе для командъ линейныхъ судовъ, а впослѣдствіи явился организаторомъ и директоромъ пароходнаго общества „Кавказъ и Меркурій“. Изъ назначенныхъ въ кампанію мичмановъ упомянемъ Вик. Ив. Зарудnаго, поступившаго въ Морской корпусъ по окончаніи университета. То былъ прекрасный астрономъ, увлекавшійся морскими науками и впослѣдствіи замѣчательный гидрографъ Чернаго моря.

Всѣ эти офицеры заслуживаютъ біографій—для характеристики нашего флота.

Между мичманами находился и морякъ, поэтъ Мих. Ив. Верещагинъ, который иногда поэтизировалъ морскіе маневры. Напримѣръ, хорошо—наполненныя брамсели [1]) напоминали ему перси молодой дѣвушки, а, смотря на ровный ходъ фрегата, онъ декламировалъ стихи въ родѣ слѣдующихъ:

„Подъ фокомъ, гротомъ, марселями [2])
Спѣшу, мой другъ, къ тебѣ стрѣлой...“

Во время обороны Севастополя Верещагинъ все время командовалъ батареей, а, по окончаніи войны, назначенъ былъ начальни-

---

[1]) Брамсель—верхній парусъ.

[2]) Разные виды парусовъ на кораблѣ.

комъ тюрьмы морского вѣдомства одиночныхъ заключеній, гдѣ скоро и умеръ.

Да, вмѣстѣ съ очеркомъ объ адмиралѣ Нахимовѣ такъ и хочется написать что-либо въ родѣ Иліады о черноморскихъ морякахъ!!. Жаль, что я ранѣе не велъ соотвѣтствующихъ замѣтокъ!..

Напримѣръ, какъ не вспомнить, во время обороны Севастополя, кажется, лейтенанта Липскаго!.. Онъ командовалъ одною изъ батарей, и когда борьба кипѣла, когда было много убитыхъ и выбывшихъ изъ строя, а царскія награды сыпались на защитниковъ Севастополя (такъ что нѣкоторые молодые лейтенанты, не имѣя ни одного ордена, получали Владиміра 4 ст. съ бантомъ, а другіе были произведены въ слѣдующіе чины за отличія и т. п.)—все какъ-то случалось, что Липскаго постоянно обходили наградами. При разговорахъ объ этихъ наградахъ, онъ скромно замѣчалъ:

„Что дѣлать!.. Къ тѣмъ милостивы, а ко мнѣ—справедливы“...

Липскій былъ убитъ во время обороны.

Или другой офицеръ—Авениръ Ивковъ, человѣкъ необыкновенныхъ правилъ, набожный, трудолюбивый, исполнительный. Въ первой бомбардировкѣ онъ былъ командиромъ 3-го бастіона. Всѣ удивлялись, когда онъ спитъ?—День и ночь на ногахъ. Чуть разсвѣтъ. Люди—по своимъ мѣстамъ, и онъ, обходя орудія, говоритъ у каждаго орудія рѣчь:

„Ребята! Вы здѣсь у орудія, какъ передъ престоломъ Божьимъ. Вы должны отбросить всѣ неудовольствія другъ къ другу, все простить, потому что, какъ знать, можетъ быть, каждую минуту вы будете убиты. Но Богъ милостивъ, можетъ быть, вы останетесь живы. Помните постоянно, что вы должны стрѣлять мѣтко, но щадить людей. Мы не должны убивать ихъ, а только уничтожать то орудіе, которымъ они дѣйствуютъ противъ насъ“.

Какія возвышенныя чувства и какой языкъ среди кровопролитной и варварской войны!!..

Еще вспоминается капитанъ-лейтенантъ Серебряковъ.

Онъ три мѣсяца былъ командиромъ праваго фаса 4-го бастіона и, при заложеніи Камчатскаго люнета, выбранъ туда траншей-маіоромъ. Офицеръ смѣлый, дѣятельный и распорядительный. Говорятъ, что съ назначеніемъ его французскія осадныя работы не подвинулись ни на шагъ, что солдаты его очень любили. Здѣсь онъ пробылъ недолго. Наводя изъ траншеи орудія по непріятельскимъ работамъ, ночью, онъ выпалилъ, но, въ отвѣтъ на наше сверкнувшее пламя, французы пустили гранату, которая лопнула надъ головою Серебрякова, положивъ его на мѣстѣ, также какъ и командира, стоявшаго съ нимъ рядомъ.

Да и многое нашлось бы о чемъ разсказать...

Простите старику, который все отклоняется въ сторону, стараясь о многомъ говорить одновременно!..

Вернемся къ предстоящему плаванью фрегата „Коварна“.

Такой выдающійся составъ нашихъ офицеровъ нужно объяснить тѣмъ, что въ Черноморскомъ флотѣ адмиралы Нахимовъ и Корниловъ извѣстны были, какъ хорошіе моряки, хотя и строгіе начальники: лестно было служить подъ ихъ командою; можно было обратить на себя скорѣе вниманіе начальства, а, слѣдовательно, надѣяться на заграничное плаванье или на высшее назначеніе.

Нашъ фрегатъ вышелъ на Севастопольскій рейдъ въ концѣ апрѣля, и затѣмъ мы пошли въ Новороссійскъ, на смѣну зимнему отряду судовъ, куда пришли послѣ нѣсколькихъ дней плаванья.

Новороссійскъ—большая, красивая бухта, обрамленная высокими горами.

Вѣтеръ былъ хорошій, брамсельный [1]). Молодецки убрали паруса и также молодецки слѣдовало стать на якорь, т. е. съ расхода [2]). Но тутъ случилась неудача: по командѣ отдали якорь; канатъ запрыгалъ въ батарейной палубѣ, нѣкоторые стопора [3]) не выдержали—канатъ стало сучить, и цѣпь лопнула. Отдали другой якорь: фрегатъ остановился; якорь же, съ нѣсколькими десятками саженей цѣпи, потерянъ... На фрегатѣ всѣ были недовольны. Начались разбирательства: какъ, почему это случилось?!. Якорь слѣдовало достать съ глубины 6—7 саженей. Водолазовъ при насъ въ то время и въ поминѣ не было (развѣ гдѣ-нибудь въ Одессѣ или въ Николаевѣ). Пришлось изворачиваться самимъ. Къ счастью, между нижними чинами команды оказался матросъ Сидоренко, который хорошо плавалъ и нырялъ. Вся надежда была на него. „Попробую“, сказалъ онъ, готовясь нырять. Нужно было взять тонкій кончикъ лаглиня, продѣть его въ обухъ якоря и подать наверхъ [4]). Конечно, во время этого событія, всѣ были на палубѣ и съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдили. Сидоренко нырнулъ разъ, другой—все безуспѣшно. Даже кровь у него пошла изъ ушей. Наконецъ, кончикъ былъ продѣтъ; за нимъ протащили перлинь [5])—и успѣхъ

---

[1]) Т. е. такой, при которомъ можно было поставить брамсельные паруса. На морскомъ языкѣ „вѣтеръ въ 6 балловъ“.

[2]) „Стать на якорь съ расхода“ говорится, когда корабль, входя на рейдъ и не уменьшая хода, сразу, молодецки убираетъ всѣ паруса и отдаетъ якорь.

[3]) Задерживающія приспособленія при якорномъ канатѣ.

[4]) Лаглинь, обухъ—части якоря.

[5]) Перлинь—веревка толщиною отъ 1 до 4 дюймовъ.

полный: якорь достали. Оказалося, что цѣпь лопнула совсѣмъ на свѣжемъ изломѣ.

Въ морѣ вообще приходилось много работать—пока все наладилось, тѣмъ болѣе, что половина команды была изъ новобранцевъ, еще не видѣвшихъ моря. Ученья производились по росписанію. Адмиралъ Нахимовъ постоянно находился, во время ихъ, наверху, слѣдилъ за всѣми работами, все замѣчалъ, всѣхъ распекалъ, а матросовъ наказывали жестоко, по-старинному. Такъ иногда цѣлый пакъ марсовыхъ [1]) наказывали за худо убранный марсель.

Былъ и такой случай: принято было на ночь брать рифы у марселей [2]), и, между прочимъ, адмиралъ требовалъ, чтобы марса-фалы шли быстрѣе: марсовые спускались на марса-фалу. На этотъ разъ съ гротъ-марса [3]) это не было исполнено, какъ слѣдуетъ, и, по приказанію адмирала, виновные были жестоко наказаны.

Павелъ Степановичъ Нахимовъ, будучи строгъ и взыскателенъ по службѣ, въ то же время былъ очень добръ и заботливъ о своихъ подчиненныхъ—офицерахъ и матросахъ. Корабельные чиновники, шкиперъ, комиссаръ и другіе, были имъ почтены: имъ даны были и рабочіе, и экономическіе матеріалы, чтобы построить дома.

Нахимовъ про нихъ говорилъ: „Они завѣдуютъ большимъ казеннымъ имуществомъ, на десятки тысячъ рублей; жалованье же получаютъ маленькое. Такъ, чтобы они не крали и были не только исправны, но и ретивы,—нужно поддержать ихъ“.

Заботливость Нахимова о матросахъ доходила до педантизма: ни за что, напримѣръ, не позволялось потребовать матроса во время отдыха, или посылать на берегъ шлюпку безъ особой надобности.

Нахимовъ былъ холостой и всегда возставалъ противъ того, чтобы молодые офицеры женились. Бывало, ежели какой-либо мичманъ увлечется и вздумаетъ жениться, его старались отправить въ дальнее плаванье для того, чтобы эта любовь вывѣтрилась.

„Женатый офицеръ—не служака“, говаривалъ адмиралъ.

Особенно же сердечность Павла Степановича высказалась во время Севастопольской обороны.

Помню, какъ Нахимовъ, въ походѣ на фрегатѣ „Коварна“, сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе за то, что моя „десятка [4])“ плохо выкрашена, или уключины [5]) были не въ порядкѣ.

---

[1]) „Пакъ марсовыхъ“—отдѣленіе матросовъ.

[2]) Уменьшать площадь паруса.

[3]) Нижняя площадка на гротъ-мачтѣ.

[4]) „Десятка“—десятивесельная шлюпка.

[5]) „Уключины“—часть лодки, куда вставляется весло.

Характеристика Нахимова будетъ неполная, ежели мы не коснемся, хоть вкратцѣ, состоянія Черноморскаго флота того времени.

Всѣми экипажными командами обращалось большое вниманіе на пищу матросовъ. Экипажные хутора, гдѣ выращивались разныя овощи, находились на берегу южной бухты, какъ разъ противъ сѣверныхъ укрѣпленій, и ниже. Они были отличны. Между ними первое мѣсто занималъ хуторъ 42-го экипажа, гдѣ былъ тогда командиромъ Вукотичъ. На одномъ бригѣ, напримѣръ, пробовали изъ тѣхъ же раціоновъ дѣлать два и три кушанья. Чай казенный тогда еще не полагался.

Денегъ у матросовъ было много, такъ называемыхъ „масляныхъ“ [1]), и нѣкоторые матросы, уходя въ отставку, уносили съ собою по нѣсколько сотъ рублей.

Были мелкія суда, на которыхъ совсѣмъ не употреблялись леньки [2]).

Перейдемъ къ гонкамъ гребныхъ судовъ.

Сколько бывало приготовленій, напримѣръ, при состязаніи вельботовъ! [3]) Нѣкоторые офицеры даже смазывали подводную часть ихъ портеромъ—по примѣру англійскихъ моряковъ.

Или также гонки гребныхъ судовъ подъ парусами, когда старались проходить подъ кормою адмиральскаго корабля, чтобы при этомъ все было исправно до мелочей.

А мелкія суда прямо щеголяли своими маневрами и уборкою парусовъ.

Мнѣ памятенъ бригъ „Орфей“ подъ командою Стройнилова и

---

[1]) „О масляныхъ деньгахъ“ существуетъ въ русскомъ флотѣ такое преданіе: Петръ Великій не разъ кушалъ пищу моряковъ и, вѣроятно, кушалъ ее изрядно, почему и размѣръ порціи, для матросскаго обихода, тоже опредѣлилъ изрядный; при этомъ онъ завѣщалъ, что матросъ, по трудной своей службѣ, долженъ быть сытъ. Кто изъ его, Петра, преемниковъ увеличитъ матроскую порцію,—да поможетъ ему Богъ, а кто оную порцію убавитъ—да отсохнутъ у того руки...

Этой провизіи было такъ много, особенно масла, что излишекъ возвращался въ казну, а людямъ выдавалось деньгами. И эти деньги были немалыя, такъ что за годъ плаванья на кораблѣ получалось иногда по нѣсколько сотъ рублей.

Такой порядокъ продолжался до 60-хъ годовъ, и во время управленія флотомъ Великаго Князя Константина Николаевича эти „масляныя деньги“ были уничтожены.

Насколько помню, на эти суммы стали давать матросамъ чай, сахаръ, табакъ и т. п. предметы обихода. (Изъ письма кн. Ухтомскаго къ Жиркевичу—отъ 25 іюня 1908 года).

[2]) Леньки—тонкія бичевки, которыми тѣлесно наказывали матросовъ.

[3]) Вельботъ—шестивесельная шлюпка.

старшаго офицера Шестакова, когда этотъ бригъ, пройдя Графскую пристань Севастополя, тотчасъ же весь рангоутъ убралъ по-зимнему, и команда, забравъ койки, съ пѣснями ушла въ казармы.

Также помню, какъ корвету Завадовскаго [1]) велѣно было съ 24-мя или 48-ью человѣками команды съ зимняго положенія все принять и выйдти въ море—въ наблюдательный постъ.

Надо замѣтить, что передъ войною весь нашъ флотъ былъ на рейдѣ и суда, по очереди, выходили для практики и наблюденій въ море.

Сколько нужно было при этомъ искусства, чтобы все вышло хорошо!..

Все это перетолковывалось и обсуждалось потомъ, по вечерамъ, на Графской пристани, морскою публикой.

Также интересовались: видѣлъ ли Павелъ Степановичъ Нахимовъ и что сказалъ?

Вообще, это четырехъ-мѣсячное плаванье съ Нахимовымъ осталось мнѣ памятнымъ: всѣ суетились, волновались изъ-за пустяковъ, и, какъ говорится, лѣзли вонъ изъ кожи.

Бывало, передъ авраломъ [2]), снимались батарейные трапы [3]), для того, чтобы, по свистку, люди быстрѣе лѣзли бы на верхъ; а отстающихъ боцмана подгоняли леньками.—Всѣ смотрѣли въ оба, чтобы не получить выговора отъ адмирала.

Припоминаю такой случай: при спускѣ брамъ-рей и брамъ-стенегъ [4]), Нахимовъ остался недоволенъ гротъ-марсомъ и, съѣзжая на берегъ, приказалъ двадцать разъ сряду поднять и спустить брамъ-рей и брамъ-стеньгу. Особенно досталось салинговымъ [5]), которымъ приходилось бѣгать по вантамъ [6]) вверхъ и внизъ, едва переводя духъ.

Во время адмиральскаго обѣда или при другихъ случаяхъ Павелъ Степановичъ объяснялъ намъ, молодымъ офицерамъ, что требовательность и строгость на службѣ — необходимы; что только этимъ путемъ вырабатываются хорошіе матросы. Онъ говорилъ еще, что необходимо, чтобы матросы и офицеры были постоянно заняты; что праздность на суднѣ не допускается и что, ежели на кораблѣ всѣ работы идутъ хорошо, то нужно придумать новыя (хоть перетаскивать орудія съ одного борта на другой)—лишь бы

---

[1]) Кажется „Оресту“. (Примѣч. кн. Ухтомскаго).

[2]) „Авралъ“—команда, которою вызываются всѣ на общую работу.

[3]) Трапъ—лѣстница на суднѣ.

[4]) Виды парусовъ.

[5]) Салинговые—матросы на салингѣ (верхней площадки мачты).

[6]) Ванты—веревочныя лѣстницы.

люди не сидѣли сложа руки. Офицеры, по его мнѣнію, тоже должны были быть постоянно занятыми: если у нихъ есть свободное время, то пусть занимаются съ матросами ученіемъ грамоты, или пишутъ за нихъ письма на родину...

„Все ваше время и всѣ ваши средства должны принадлежать службѣ“ поучалъ меня однажды Нахимовъ: „Напримѣръ, зачѣмъ мичману жалованье? — Развѣ только затѣмъ, чтобы лучше выкрасить и отдѣлать ввѣренную ему шлюпку, или, при удачной шлюпочной гонкѣ, дать гребцамъ по чаркѣ водки... Повѣрьте-съ, г. Ухтомскій, что это такъ! Иначе офицеръ, отъ праздности, или будетъ пьянствовать, или станетъ картежникомъ или развратникомъ. А ежели вы отъ натуры лѣнивы, сибаритъ, то лучше выходите въ отставку! Повѣрьте, я много служилъ, много видалъ и говорю это вамъ по опыту. Я самъ прошелъ тяжелую, служебную школу у Мих. Петр. Лазарева, и за это ему очень благодаренъ, потому что сталъ человѣкомъ“.

„А школа эта была тяжелая“, продолжалъ Нахимовъ: „Напримѣръ, мы были съ Лазаревымъ на фрегатѣ три года въ кругосвѣтномъ плаваньи. Мы, гардемарины, исполняли всѣ матросскія работы. И разъ, за упущенье или непослушанье, приказано было обрѣзать выблинки на бизань-вантахъ [1]), и мы, гардемарины, должны были снова идти на марсъ и продолжать ученье“.

„Берите примѣръ съ вашего старшаго офицера—Ст. Ст. Лисовскаго, говорилъ мнѣ въ другой разъ адмиралъ: „Онъ—вѣчно начеку, и днемъ, и ночью. А замѣтьте, что Ст. Ст. окончилъ курсъ въ офицерскихъ классахъ, знакомъ съ иностранными языками. Теперь посмотрите на него!.. Какъ онъ знаетъ матросскія работы! Онъ можетъ указать каждому матросу, какъ и что сдѣлать, знаетъ, сколько и какой работы матросъ можетъ исполнить. А это дается только ученіемъ и настойчивостью, т. е. убѣжденіемъ, что это необходимо. Вотъ изъ какихъ офицеровъ будетъ толкъ. И только отъ нихъ выиграетъ морская служба“.

Сообщ. А. В. Жиркевичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

[1]) Бизань-ванты—веревочная лѣстница на мачтѣ.

Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ II—Н. А. Наркевичъ.

Около 2 мѣсяцевъ тому назадъ я узналъ о существованіи чрезвычайно интересной и единственной въ своемъ родѣ иконы, которой Императоръ Александръ II въ 1869 г. благословилъ при крещеніи воспитанницу Смольнаго института О-ва благородныхъ дѣвицъ Туганъ-Мирзу-Барановскую и, согласно желанію послѣдней, сдѣлалъ собственноручную надпись на бархатѣ оборотной стороны этой иконы. Вскорѣ мнѣ удалось познакомиться съ обладательницей этой иконы—крестницей Императора Александра II—Натальей Александровной Туганъ-Мирза-Барановской, нынѣ вдовой генерала Наркевичъ. Н. А. имѣла любезность не только показать мнѣ вышеназванную икону, но и познакомить меня со своими воспоминаніями объ Александрѣ II, а также разрѣшить мнѣ записать эти воспоминанія съ ея словъ, чтобы помѣстить ихъ въ „Русской Старинѣ“.

Наша семья происходитъ отъ старинной татарско-польской фамиліи, объ одномъ изъ предковъ которой разсказываетъ Мицкевичъ въ своей балладѣ „Свитежъ“ (историческое событіе, послужившее сюжетомъ для этой баллады, относится къ эпохѣ литовскаго князя Миндовга, т. е. къ XIII в.); другой изъ нашихъ предковъ *Тугановъ* геройски отличился въ Грюнвальденской битвѣ (15 іюня 1410 г.); отецъ мой Амуратъ Туганъ-Мирза-Барановскій на 44-мъ году жизни

былъ измѣннически зарѣзанъ въ своей квартирѣ въ Варшавѣ во время польскаго возстанія въ 1864 г. (по распоряженію такъ называемаго временнаго народнаго правительства „*ржонда народоваго*“); бросившаяся защищать отца наша мать была вся изранена, что послужило причиной ея преждевременной кончины. Вслѣдствіе трагической смерти нашего отца, его осиротѣвшая семья сдѣлалась съ тѣхъ поръ предметомъ самаго внимательнаго и заботливаго отношенія со стороны нашего Царствующаго Дома, начиная съ Императора Александра II. Старшій братъ мой подполковникъ Кирасирскаго полка Александръ Амуратовичъ Т.-М.-Б. (1847—84), небезъизвѣстный военный писатель, авторъ „Исторіи лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Его Величества полка“ (СПБ. 1872), написанной по желанію Великаго Князя Николая Николаевича, а также „Исторіи Орденскаго Драгунскаго полка“, поднесенной шефу послѣдняго германскому императору Вильгельму.

По смерти отца, наша семья, по желанію Государя, уѣхала изъ Варшавы въ Петербургъ, гдѣ всѣ мы были ему представлены въ Зимнемъ дворцѣ. Увидавъ мою плачущую мать, у которой правая рука и голова были перевязаны, и старшую сестру съ такой же перевязкой на головѣ, Государь подалъ матери руку и успокоивалъ ее словами: „не плачь, я замѣню отца твоимъ дѣтямъ, которыхъ беру на свое попеченіе“! Вскорѣ двое моихъ братьевъ были зачислены въ училище Правовѣдѣнія, двое другихъ—въ Александровскій лицей, а я и сестра моя Боженна были отданы въ Смольный институтъ О-ва благородныхъ дѣвицъ и такъ какъ мнѣ шелъ всего 9-ый годъ, а сестрѣ 11-ый, то насъ поселили у инспектрисы института г-жи Крафтъ. Опекуномъ нашимъ былъ назначенъ принцъ П. Г. Ольденбургскій, который относился ко всѣмъ намъ съ живѣйшимъ участіемъ и доводилъ до свѣдѣнія Государя обо всемъ, что касалось нашей семьи.

Когда черезъ годъ послѣ поступленія нашего въ Смольный сестра умерла, я страшно затосковала и ни за что не хотѣла оставаться больше въ стѣнахъ, гдѣ все напоминало мнѣ о моей утратѣ. Государь, которому сообщили о смерти Боженны и о моей просьбѣ взять меня изъ Смольнаго, сказалъ мнѣ: „я исполню любое твое желаніе, но ты должна остаться въ институтѣ, чтобы закончить свое образованіе. Говори мнѣ, чего ты хочешь“?

Я задумалась и сказала, что хочу надѣть голубое платье, такъ какъ это былъ всегда мой любимый цвѣтъ. Но въ такой цвѣтъ одѣвали воспитанницъ старшихъ классовъ, и мой наивный отвѣтъ естественно вызвалъ улыбку на лицѣ Государя; однако онъ велѣлъ

исполнить мое желаніе, и на слѣдующій день я сдѣлалась уже старшей ученицей.

Въ то время воспитанницъ Смольнаго института не отпускали къ роднымъ даже на Рождество и Пасху, кромѣ совершенно исключительныхъ случаетъ на 1 день, не болѣе. Меня же, согласно приказу Государя, всегда отпускали по требованію больной матери въ Царское Село и Петербургъ.

Заботы Государя о нашей матери этимъ не ограничились: онъ нѣсколько разъ отпускалъ деньги изъ своего Кабинета на ея леченіе за границей, а также приказалъ моего старшаго брата Александра изъ сумскихъ гусаръ перевести въ лейбъ-гвардіи Кирасирскій Его Величества полкъ, чтобы такимъ образомъ братъ, поселившійся въ Царскомъ, могъ безотлучно быть при матери.

* * *

Въ числѣ другихъ представителей нашего Царствующаго Дома, очень заботливо отнесся къ нашей семьѣ Великій Князь Николай Николаевичъ; онъ и его супруга В. К. Александра Петровна были воспріемниками при крещеніи моего старшаго брата Александра.

Помню, однажды В. К. Николай Николаевичъ пріѣхалъ къ намъ въ институтъ на балъ съ Великой Княгиней и спросилъ: „а гдѣ маленькая Туганъ-Барановская“? Когда меня привели къ нему, Его Высочество взялъ меня за руку и сказалъ: „пойдемъ, я представлю тебя Княгинѣ; мы оба крестили твоего брата“ и онъ зашагалъ по залу своей обычной походкой; я едва за нимъ поспѣвала и не шла, а бѣжала рядомъ съ нимъ. Замѣтивъ это, Великій Князь сказалъ: „да что тутъ съ тобой церемониться“, взялъ меня на руки и принесъ къ Великой Княгинѣ.—А вотъ и сестра нашего новаго крестника—обратился онъ къ В. К. Александрѣ Петровнѣ, которая обласкала меня и потомъ отпустила. Когда впослѣдствіи, послѣ выпуска моего, я была во дворцѣ уже взрослой барышней, то, вспоминая этотъ случай, Великій Князь Николай Николаевичъ разсмѣялся, прибавивъ: „ну, теперь на руки не возьмешь!“

* * *

Мать моя и четверо братьевъ (Николай, Владиміръ, Алексѣй и Сергѣй) приняли крещеніе въ С.-Петербургѣ, въ домашней церкви министра Двора графа Влад. Ѳед. Адлерберга; при чемъ воспріемниками были Императоръ Александръ II и Государыня Марія Але-

ксандровна. Старшая сестра (Александра) имѣла своими воспріемниками Великаго Князя Петра Николаевича съ матерью его Александрой Петровной. Двое моихъ братьевъ—Владиміръ и Алексѣй Амуратовичи,—несмотря на то, что за заслуги отца они были освобождены отъ отбыванія воинской повинности, оба пожелали служить и обратились къ Государю съ просьбой назначить ихъ въ Текинскую экспедицію. Государю понравилось ихъ желаніе, но подобная мысль казалась ему смѣшной, такъ какъ оба были слишкомъ молоды: Владиміру шелъ 18-ый, а Алексѣю—16-ый годъ; при томъ они не получили никакого военнаго образованія. Однако въ концѣ концовъ Государь благословилъ ихъ въ походъ, изъ котораго (послѣ взятія Геокъ-Тепе) они вернулись георгіевскими кавалерами. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Владиміръ издалъ „Русскіе въ Ахалъ-Теке, 1879“ (СПБ. 1881), затѣмъ служилъ въ канцеляріи Государственнаго Совѣта († 1887).

* * *

23 марта 1869 г. я приняла крещеніе въ церкви Смольнаго института и получила имя Наталіи; воспріемниками были, какъ я уже говорила, Государь Александръ II и нынѣ вдовствующая Государыня Марія Ѳеодоровна. Священникъ Гречулевичъ произнесъ при этомъ случаѣ рѣчь. Чрезъ нѣсколько дней, незадолго до Пасхи, принцъ П. Г. Ольденбургскій вызвалъ меня и вручилъ мнѣ небольшой образъ Казанской Божьей Матери отъ Государя Императора, которымъ и благословилъ меня. Во вторникъ на Святой недѣлѣ Государь посѣтилъ нашъ институтъ, при чемъ, какъ всегда, я шла рядомъ съ нимъ и весело смѣялась. Въ это время издали послышался голосъ начальницы г-жи Леонтьевой: „Natalie, remerciez Sa Majesté pour l'image!“

Но я молчала. Тогда Государь обернулся ко мнѣ и, весело улыбаясь, спросилъ „отчего же ты не хочешь благодарить меня за образъ?“

— Ваше Величество, на образѣ нигдѣ не написано, отъ кого онъ. Государь удивился.—Гдѣ же на образѣ можно писать?

— Ваше Величество, можно сдѣлать надпись на бархатѣ.

Государь пожалъ плечами и сказалъ: „да развѣ я могу писать по бархату“?

— Вы—Государь, и можете все, что захотите!

— Ну, что съ тобой подѣлаешь, надо будетъ надписать—согласился съ веселой улыбкой Государь.

Между тѣмъ икона была принесена; Государь, взявъ перо, сказалъ: „вотъ задала мнѣ работу! За то первый и послѣдній разъ

пишу по бархату... Что же я долженъ писать"? спросилъ онъ, снова обращаясь ко мнѣ.

— Alexandre!

Когда наконецъ, послѣ долгихъ усилій, надпись была сдѣлана (чернилами по красному бархату), Государь благословилъ меня этой иконой; я поцѣловала его руку со словами: „теперь это будетъ для меня дорогой памятью на всю жизнь"...

Восторгу моему не было границъ. Начались поздравленія подругъ и начальствующихъ лицъ... „Счастливая Natalie"! раздалось со всѣхъ сторонъ...

— Ну, теперь будешь знать, отъ кого образъ?—спросилъ меня Государь, и мы разстались.

Черезъ два дня, въ четвергъ, въ пріемномъ залѣ, по распоряженію начальницы, этотъ образъ показывался, какъ рѣдкость, всѣмъ родителямъ, приходившимъ въ институтъ навѣстить своихъ дѣтей.

Нѣсколько дней спустя, незадолго до нашего выпуска изъ института, мы стояли въ церкви у всенощной. Вдругъ появляется курьеръ съ большимъ пакетомъ въ рукахъ. Начальница вызвала меня изъ рядовъ и, вручая мнѣ пакетъ, сказала: „Государь Императоръ посылаетъ тебѣ 2000 рублей на выпускное платье"; я тутъ же расписалась въ полученіи денегъ и простояла остальную часть службы рядомъ съ начальницей, что считалось знакомъ большого вниманія съ ея стороны.

* * *

Въ 70-хъ годахъ я очень часто встрѣчалась съ Государемъ въ Царскомъ Селѣ. Онъ такъ привыкъ видѣть меня на прогулкѣ, что нерѣдко встрѣчалъ меня вопросомъ: „ты что же это вчера не приходила"?

Помню, какъ однажды во время прогулки зимой Государь началъ тереть себѣ уши.

— Не отморозили ли, Ваше Величество? Въ такомъ случаѣ лучше всего помогаетъ леченіе гусинымъ жиромъ.

Государь разсмѣялся такому моему простодушному замѣчанію, но я продолжала распространяться на ту же тему, указывая ему на то, что онъ имѣлъ привычку въ зимній холодъ одѣваться въ легкое пальто.

— А сама ты вѣдь тоже легко одѣта,—прервалъ онъ меня. Я смутилась и увѣряла его, что такъ одѣваются вообще всѣ дамы: по наружному виду какъ будто легко, но подъ этими легкими покровами онѣ носятъ все теплое... „C'est le secret de notre toilette", прибавила я, окончательно смутившись, что еще болѣе развеселило

Государя.—А вотъ Вы, Ваше Величество, должны одѣваться вдвое теплѣе!

— А почему?

— Потому что Вы должны себя беречь и для себя, и для насъ всѣхъ!—отвѣчала я и такъ какъ мой отвѣтъ дышалъ неподдѣльной искренностью, то Государь былъ имъ замѣтно растроганъ и, разставаясь со мной, поцѣловалъ меня въ лобъ.

* * *

Когда одинъ разъ онъ захотѣлъ, чтобы я ему сама разсказала объ убійствѣ отца, я замѣтила во время разсказа слезы на его глазахъ... Желая скорѣе отвлечь его отъ этихъ воспоминаній и боясь расплакаться сама, я воскликнула съ веселымъ видомъ: „утѣшимся, Государь, хоть мыслью, что смерть пощадила меня въ тотъ день—иначе мы не гуляли бы сегодня съ Вами“.

Помню еще одну прогулку, на которой Государь самъ показывалъ мнѣ Царскосельскій дворецъ.

Въ другой разъ, идя съ нимъ по саду, я замѣтила какого-то старика съ бумагой въ рукахъ. Я указала на него Государю, который подозвалъ просителя къ себѣ и, взявъ у него бумагу, успокоилъ его словами: „иди домой и не безпокойся о твоемъ прошеніи: я разсмотрю его самъ“!

* * *

Матеріальныя заботы Государя о нашей семьѣ, и въ частности обо мнѣ не прекращались до самой его кончины; помимо всего необходимаго для жизни, я неоднократно бывала вознаграждаема Государемъ довольно неожиданнымъ образомъ.

Однажды на прогулкѣ, наканунѣ именинъ Императрицы Маріи Александровны, онъ спросилъ меня: „ну, какъ завтра, выпьешь ли ты шампанскаго за здоровье Государыни“? Я отвѣчала, что шампанскаго не пью и при томъ оно стоитъ очень дорого. Мой отвѣтъ слегка насмѣшилъ Государя, и на слѣдующій день я получила отъ него 500 рублей на шампанское.

Въ другой разъ, узнавъ о моемъ желаніи побывать на Всемірной выставкѣ въ Парижѣ, онъ велѣлъ выдать мнѣ на эту поѣздку 2000 рублей.

* * *

Во время моего пребыванія за границей, я неоднократно посылала Государю поздравительныя телеграммы, на которыя всегда получала немедленно самые сердечные отвѣты. Когда по возвращеніи,

при встрѣчѣ съ нимъ, я хотѣла первымъ долгомъ благодарить его за такое вниманіе ко мнѣ, онъ первый сказалъ: „благодарю тебя, что не забываешь обо мнѣ“...

Такимъ образомъ, онъ въ этомъ отношеніи предупредилъ меня, и его деликатность глубоко меня растрогала.

* * *

Въ концѣ разсказа Наталіи Александровны я спросилъ ее, какъ она встрѣтила извѣстіе о трагической смерти Императора Александра II?

— О, это былъ самый ужасный день въ моей жизни... Я вторично, уже въ сознательномъ возрастѣ, еще разъ пережила то, что смутно помню съ дѣтства, когда убили отца въ Варшавѣ.

Я сперва не вѣрила, не хотѣла вѣрить... Потомъ, когда опомнилась, то первымъ дѣломъ бросилась къ Принцу Ольденбургскому. Онъ вышелъ ко мнѣ заплаканный, и тутъ я въ первый разъ сознала и поняла, что это правда... что Государя не стало, и разрыдалась... Я пережила все равно, какъ если бы моего второго отца убили...

Такими словами закончила свои воспоминанія г-жа Наркевичъ [1]).

Сообщено М. Н. Кулябко-Корецкимъ.

---

[1]) Мнѣ остается лишь прибавить, что образъ, которымъ благословилъ ее Императоръ Александръ II, прекрасно сохранился, въ особенности надпись по бархату, къ которой плотно прижата винтами пластинка изъ толстого стекла (чтобы предохранить надпись отъ пыли). Такъ какъ г-жа Наркевичъ бездѣтна и, крайнѣ дорожа своей иконой, не знаетъ, кому завѣщать эту драгоцѣнность въ цѣляхъ ея наиболѣе вѣрнаго сохраненія, то я убѣдилъ ее предложить пріобрѣсти у нея эту икону какому-нибудь музею или государственному учрежденію. Лица и учрежденія, интересующіяся этой иконой, могутъ обращаться за свѣдѣніями по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ. Офицерская ул., д. № 50, кв. № 15.

М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны [1].

(Изъ воспоминаній).

На манеру принца Фридриха Карла держать себя со своими частями войскъ и съ ихъ начальниками нельзя смотрѣть просто, какъ на его поведеніе по отношенію къ нимъ, говорилъ Мих. Ив. Драгомировъ;—то была добрая часть цѣлой системы воспитанія войскъ.

Еще Фридрихъ Великій—это образецъ „во всемъ всего“ для пруссаковъ, а затѣмъ и для нѣмцевъ вообще, въ числѣ прочихъ пріемовъ, придерживался съ особой строгостью именно „этого способа знакомства съ войсками и рекомендованія себя имъ“. Онъ этимъ путемъ узнавалъ каждаго командира, каждаго начальника, каждаго офицера, а они, еще тверже въ его лицѣ, усваивали предъявлявшіяся къ нимъ требованія.

Для него въ этомъ относительно намѣченныхъ избранныхъ имъ лицъ была гарантія ихъ доблестнаго поведенія въ бояхъ, а также веденія ими своихъ частей и въ мирное время и въ дѣлахъ; они же, т. е. наиболѣе совершенные изъ нихъ, въ этомъ твердомъ знакомствѣ со своимъ шефомъ, черпали для себя увѣренность въ непоколебимости своего положенія; эта увѣренность развязывала имъ руки.

Во всемъ этомъ виденъ рядъ благодѣтельной „несмѣняемости“, широко примѣняемой и примѣняемой именно въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ довѣріе является наиболѣе важнымъ; эта несмѣняемость, какъ спутница вѣры въ полную во всемъ добросовѣстность тѣхъ, кому она дана, вызывала для пруссаковъ колоссальные успѣхи на войнѣ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1911 г.

Честь и слава Фридриху Великому въ томъ, что онъ, заставъ эту систему въ своей арміи, неуклонно слѣдовалъ и усиленно развивалъ ее; честь и слава всѣмъ тѣмъ военачальникамъ, которые, послѣ многихъ лѣтъ вынужденнаго отдыха прусскаго оружія,—при обнаружившейся необходимости новаго обнаженія меча, не забыли прежде всего крѣпко ухватиться за этотъ способъ, за эту систему.—Они такимъ образомъ содѣйствовали тому, что вложенный послѣ Наполеоновскихъ громовъ мечъ не остался на всегда заржавленнымъ и притупленнымъ.—Такъ какъ во главѣ ихъ, дѣйствуя прямо или косвенно, находился принцъ Фридрихъ-Карлъ, то ему прусская, а впослѣдствіи и вся ново-германская, армія второй половины XIX вѣка больше всего обязана своею непобѣдимостью.

Нравственный элементъ—главное условіе побѣдоносности всякой арміи—стоитъ высоко, если начальники частей имѣютъ возможность твердо держаться на пути самоувѣренности; а все, что принцъ Фридрихъ-Карлъ предпринималъ для блага фатерландской арміи, съ одной стороны именно рождало эту благодѣтельную самоувѣренность, а съ другой просѣивало и удерживало въ арміи, для ея блага высшихъ чиновъ, полныхъ этой здоровой самоувѣренности, которая у нихъ всегда была приправлена отмѣнно тонкой дисциплиной.

* * *

Сопоставляя съ перечисленными въ этомъ очеркѣ талантливыми военачальниками другихъ генераловъ, М. И. Драгомировъ въ особенности часто останавливался на Фойгтсъ-Рецѣ и на Штейнмецѣ.

О первомъ изъ нихъ, кромѣ высказаннаго вообще по поводу его способностей образа мыслей, особаго отношенія къ нашему отечеству, положенія, занимавшагося имъ въ арміи и при дворѣ [1]), а также о роли, выполненной имъ въ моментъ, предшествовавшій Хлумъ-Кенигсгрецкой развязкѣ этой, совершенно особенной войны [2]),—М. И. всегда подчеркивалъ крайнее разнообразіе его талантовъ; управляя въ теченіе многихъ лѣтъ департаментомъ общихъ дѣлъ военнаго министерства, этотъ генералъ провелъ массу преобразованій, благодѣтельно отозвавшихся на строѣ и бытѣ арміи; кромѣ того его громадная заслуга, ощущавшаяся во всѣхъ войнахъ Вильгельма—введеніе и усовершенствованіе особой системы военныхъ развѣдокъ; на него, въ ранней его молодости это дѣло было возложено еще во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ военнымъ министромъ барономъ (впослѣдствіи графъ) Врангелемъ,—предмѣстникомъ Фонъ-Роона и въ его вѣдѣніи оставалось вплоть до франко-

---

[1]) См. „Русск. Стар.“ декабрь 1910 г., стран. 617 и 618.

[2]) См. „Русск. Стар.“ январь 1911 г., стран. 226.

германской войны;—разработавъ эту систему въ мельчайшихъ подробностяхъ, онъ явился создателемъ ея, онъ же настойчиво и энергично проводилъ ее, заставляя армію, какъ говорилъ М. Ив., сродниться съ нею, проникнуться, пропитаться ею. Кому не извѣстна развѣдочная и сторожевая бдительность, проявлявшаяся прусской арміей во всѣхъ тѣхъ войнахъ. Рекогносцировочно-развѣдывательной системѣ Фойгтсъ-Реца она была обязана въ тысячахъ важныхъ случаевъ, а одинъ изъ нихъ стоитъ громадной массы ихъ: всѣ помнятъ, какая была подчеркнута на военномъ совѣтѣ, собранномъ передъ Кенигсгрецомъ, проявленная Фойгтсъ-Рецомъ энергичная настойчивость относительно того, чтобы армія кронпринца была, во что бы то ни стало, притянута къ Хлумъ-Липо-Кенцгсгрецкой позиціи; не простыя военныя соображенія талантливаго генерала толкали его на такую изъ ряда вонъ выходившую настойчивость; онъ былъ подвинутъ на нее самыми полученными имъ точными свѣдѣніями, которыя съ необыкновеннымъ искусствомъ были собраны о малѣйшихъ деталяхъ всего происходившаго въ тѣ минуты въ томъ пунктѣ австро-саксонской арміи. Въ одинъ голосъ всѣ признавали и твердили: прусская армія пожала въ тотъ счастливый день то, что Фойгтсъ-Рецъ много лѣтъ сѣялъ. Дѣйствительно выработанные и усвоенные способы наблюдательности оказали въ тотъ день сверхъестественную услугу пруссакамъ.

Не разъ Мих. Ив. подробно разсказывалъ о созданной Фойгтсъ-Рецомъ системѣ, давшей цѣлую школу; воспроизведенія этихъ его разсказовъ можно было бы ожидать на страницахъ спеціально военнаго журнала; здѣсь же, среди его воспоминаній частнаго характера, нѣтъ мѣста этимъ свѣдѣніямъ. — Достаточно вспомнить о томъ, что Мих. Ив. Драгомировъ всесторонне подчеркивалъ роль, выпавшую на долю этого талантливаго пруссака въ Хлумскій день, столь славно завершившій кампанію, подвергшій въ изумленіе всю Европу и заставившій ее встрепенуться.

* * *

Нельзя не остановиться, также съ нѣкоторыми подробностями, на отзывахъ и разсказахъ М. И. Драгомирова о Штейнмецѣ. Слыша отдѣльные разсказы изъ жизни этого генерала, онъ полюбопытствовалъ разузнать подробности его біографіи и нерѣдко приводилъ изъ нея выдержки, какъ представляющіяся, по его словамъ, крайне поучительными для каждаго военнаго и назидательными для военныхъ школьниковъ. Объ этомъ генералѣ онъ всегда говорилъ, какъ о генералѣ совершенно особаго типа,—такого, какой всегда, для всякой арміи очень желателенъ и большой находкой оказался бы среди генераловъ нашей арміи, а въ ней, какъ изстари богатой ге-

роями, онъ несомнѣнно могъ бы не только явиться, но легко развиться.

— Чувства мои къ нѣмцу вообще извѣстны, говаривалъ Мих. Ив.; а между тѣмъ, когда я разсказываю объ нѣкоторыхъ изъ Тевтоновъ, касаясь ихъ способностей, дѣяній, а также полной и умѣлой ихъ подготовленности для дѣла чисто военнаго, ими всегда облюбованнаго,—можетъ казаться, что я къ нимъ питаю особое благорасположеніе и повѣствую о нихъ съ пристрастіемъ. — Ни любви, ни расположенія выискивать не приходится, а что касается пристрастія, то конечно мнѣ его въ противную сторону остерегаться приходится. Могу однако съ глубокимъ убѣжденіемъ сказать, что ни въ ту, ни въ другую сторону пристрастнаго ничего не проявляю; къ этому могу смѣло добавить, что не проявляю ни по отношенію къ пруссакамъ, ни по адресу австрійцевъ; первыхъ приходится мнѣ не рѣдко дарить пріятною для нихъ самихъ оцѣнкою ихъ всесторонникъ военныхъ достоинствъ, а о послѣднихъ нѣтъ-нѣтъ, да въ простомъ разсказѣ можетъ проскользнуть что-либо подобное осужденію, какъ тщательно ни старался бы я его избѣгать.

Война 1866 года застала Штейнмеца на 71-мъ году [1]) его жизни во главѣ V-го, армейскаго корпуса въ I-ой арміи, которою командовалъ принцъ Фридрихъ-Карлъ.

До этого почтеннаго возраста ему посчастливилось сохраниться въ такой степени, въ какой вообще люди его достатка, его труда и среды рѣдко сохраняются даже къ 50-ти годамъ,—до такой степени онъ поражалъ всѣхъ своею кипучею дѣятельностью, исключительною энергіей и поистинѣ желѣзною настойчивостью характера во всякихъ дѣлахъ. При первомъ знакомствѣ съ нимъ, я, говорилъ М. И., положительно имъ залюбовался и заслушался его; краснорѣчивый, величественный, сѣдой, какъ лунь, съ львиной гривой, весь громадный, онъ много напоминалъ нашего героя Алексѣя Петровича Ермолова, который, думается мнѣ, при всей своей извѣстной, отборной ненависти ко всему швабскому, не погнушался бы ни этимъ сравненіемъ, ни такимъ сходствомъ.

Въ довершеніе всего, Штейнмецъ гордился тѣмъ, что владѣлъ въ совершенствѣ русскимъ языкомъ, въ тѣ времена это была большая рѣдкость.—По словамъ графа В. П. Голенищева-Кутузова сухой нѣмецъ этотъ, начавъ понемногу самоучкой читать сначала русскія газеты, а потомъ легкіе разсказы, увлекся красотами Пушкин-

---

[1]) Генералъ Карлъ-Фридрихъ фонъ Штейнмецъ родился 15 декабря 1796-го года; десяти лѣтъ онъ былъ отданъ своимъ отцомъ въ Кульмскій кадетскій корпусъ, въ которомъ обучался до 17-ти лѣтняго возраста.

скаго языка и изучилъ его со свойственной его націи добросовѣстностью. Съ перваго взгляда на него и съ первыхъ услышанныхъ отъ него словъ можно было, между прочимъ прямо придти къ убѣжденію, что онъ ничего не искалъ и не добивался во взглядахъ другихъ людей на него; всякое мнѣніе о немъ было для него дѣломъ пустымъ, а вообще онъ выказывалъ предпочтеніе скорѣй тому, чтобы его боялись, чѣмъ тому, чтобы любили.—Онъ былъ заклятый врагъ всякаго популярничанья и не разъ говорилъ, что готовъ былъ бы многое простить Бонапарту послѣ того, какъ прочелъ въ его сочиненіи объ Юліи Цезарѣ нападки на страсть этого великаго римскаго гражданина диктатора Императора къ исканію популярности.

* * *

Въ 1813-мъ году Штейнмецъ, портупей-юнкеръ Кульмскаго кадетскаго корпуса, былъ отправленъ на службу въ первый гв. полкъ, находившійся въ составѣ дѣйствовавшей противъ полчищъ Наполеона арміи; прибывъ въ свою часть въ Бреславль, онъ, въ одномъ изъ первыхъ боевъ, получилъ офицерскій чинъ; въ теченіе 13 и 14 годовъ онъ былъ нѣсколько разъ раненъ, а за отличіе въ сраженіи при Лаонѣ и Парижѣ получилъ желѣзный крестъ, учрежденный тогда королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III (отцомъ Вильгельма). Впослѣдствіи онъ командовалъ гв. рез. батальономъ и съ нимъ, во время уличныхъ схватокъ 1848 г. въ Берлинѣ, взялъ штурмомъ сильно укрѣпленную и вооруженную баррикаду.—По объявленіи Датской войны въ 1848 г. онъ командовалъ 2 гв. корол. полкомъ; слава этого полка гремѣла въ теченіе всей кампаніи, а особенно полкъ отличился близъ Магдебурга при Дюппелѣ (см. ниже). Въ 1849 году онъ, съ полубатальономъ своего полка обезоружилъ и арестовалъ четырехбатальонный полкъ Берлинскаго ландвера.

По всей прусской арміи были во время войны 1866 года разсѣяны офицеры, которые за особую честь считали вспоминать время нахожденія своего на школьной скамьѣ въ Берлинскомъ кадетскомъ корпусѣ, когда директоромъ его состоялъ Штейнмецъ; въ арміи же съ особымъ уваженіемъ указывали на бывшихъ питомцевъ Штейнмеца—они, какъ говорилось тогда, имѣли совершенно особый стальной закалъ, которымъ обязаны были лично своему директору. Вездѣ и всегда онъ славился необыкновенною твердостью.

Много разъ случалось слышать въ арміи разсказъ о томъ, какъ онъ, будучи комендантомъ въ Касселѣ, во главѣ съ одной еле набранной, какъ говорится съ сосенки да съ бору, ротой ворвался въ вооруженную толпу нѣсколькихъ тысячъ возмутившихся солдатъ,

рабочихъ, горожанъ, крестьянъ и, среди громадной опасности быть взорваннымъ вмѣстѣ со складами горючаго матеріала и взрывчатыхъ веществъ,—отнялъ у этихъ бунтарей возможность увезти забранныя ими артиллерійскія орудія съ обозомъ, со снарядами и съ казной.

Послѣ столь разнообразной службы, ген. фонъ-Штейнмецъ, прокомандовавъ нѣсколько лѣтъ дивизіей, получилъ въ 1864-мъ году II-й арм. корпусъ, а затѣмъ вскорѣ V-й. Вся прусская армія считала за непреложное, что если ходомъ боевъ и передвиженіями арміи въ теченіе конца кампаніи 1866 года содѣйствовали чудовищно успѣшному исходу ея, кромѣ наиболѣе высокихъ чиновъ, т. е. самого короля Вильгельма, Мольтке, наслѣднаго принца Фридриха-Карла, еще фонъ-Роонъ, Блументаль, Фойгтсъ-Рецъ, и другіе, то не менѣе того, громадная заслуга энергичнаго содѣйствія именно такому исходу должна быть засчитана за ген. Штейнмецемъ: 15-го іюня подъ Находомъ, 16-го подъ Скалицемъ и 17-го подъ Швейншеделемъ онъ, въ главѣ своего V-го корпуса, неустанно сражался, какъ освирѣпѣлый левъ и въ теченіе трехъ сутокъ разбилъ три непріятельскихъ корпуса; послѣ этого уже все повернулось для арміи Вильгельма такъ, что австро-саксонскія войска начали повсемѣстно усиленно и спѣшно уходить отъ прусскихъ отрядовъ, полковъ, дивизій и корпусовъ.

Отдавая себѣ отчетъ въ дальнѣйшихъ, со времени трехдневнаго штейнмецкаго тріумфа, событіяхъ, послѣ наступившаго сравнительно скоро конца кампаніи, можно было сказать, что такой исходъ надлежало предвидѣть со дня швейншедельскаго боя; а если Кёнигсгрецъ явился неожиданностью, то лишь потому, что скромность, овладѣвшая тогда пруссаками, не давала развитія увѣренности, которую многіе въ душѣ склонны были бы счесть за простое бахвальство. Проще сказать, надѣялись и не рѣшались вѣрить въ счастье; въ кружкахъ генеральнаго штаба всѣ носились съ затаенно созрѣвшею увѣренностью, какъ съ драгоцѣнною хрупкою ажурною фарфоровою вещицею, боясь разбить ее; благодаря Бога, не долго пришлось ее таить.

Мольтке и окружавшіе его не сомнѣвались въ томъ, что ударъ, нанесенный корпусомъ Штейнмеца австрійцамъ уже при Находѣ и при Скалицѣ, какъ обозначившійся окончательно, явился рѣшительнымъ и что послѣ того „наступило начало конца“, но у нихъ не хватало силы въ этомъ сознаться, а главное рѣшиться объ этомъ до поры до времени даже громко произносить.

Не даромъ по настоятельному требованію Мольтке разстроенныя, усталыя, обезсиленныя мощными побѣдами, войска V-го корпуса

были двинуты съ героемъ-командиромъ во главѣ, за наслѣднымъ принцемъ; имъ подобало участвовать въ окончательной развязкѣ своего же подвига. — Штейнмецъ пришелъ къ Хлуму вслѣдъ за кронпринцемъ, но въ бой вступить ему не оказалось возможнымъ; довольно того, что онъ посмотрѣлъ, полюбовался, какъ результаты подвиговъ его геройскихъ войскъ ярко выказались 3 іюля уже при участіи героевъ этого дня.

Возложивъ на генер. Штейнмеца послѣ Кёнигсгрецкаго сраженія орденъ Чернаго Орла, король Вильгельмъ кромѣ того поразилъ армію пожалованіемъ ему полумилліона талеровъ [1]); при этомъ по поводу побѣдъ 15-го, 16-го и 17-го іюня, онъ сказалъ: Пруссія ничѣмъ не могла бы купить такихъ трехъ дней; награда, которую я вамъ даю, является каплей въ морѣ по сравненію съ вашимъ гигантскимъ подвигомъ.

Эта необычайная, граничащая съ расточительностью, щедрость короля была проявлена имъ благодаря, похожей на совѣтъ, просьбѣ кронпринца, который, какъ и всѣ въ арміи, высоко ставилъ необычайную, чудодѣйственную заслугу старика; кстати онъ зналъ, что матеріальные достатки Штейнмеца были далеко не въ блестящемъ состояніи.

М. И. Драгомировъ былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ личной распорядительности ген. Штейнмеца въ теченіе тѣхъ трехъ дней, во время которыхъ мощный старикъ раздавилъ три корпуса, отщепленные войсками принца Фридриха-Карла отъ остальной части австро-германской арміи и предоставленные, по личному выбору принца, V-му армейскому корпусу.

Генерала Драгомирова въ особенности поразилъ успѣхъ, выпавшій на долю корпуса 16-го числа,—при Скалицѣ: позиціи тамъ такія, что названіе мѣстечка вполнѣ оправдывается,—это сплошныя недоступнѣйшія скалы, на которыхъ съ замѣчательнымъ искусствомъ были австрійцами расположены и сильно заняты, прочно построенныя укрѣпленія.

* * *

— Вскорѣ послѣ Кёнигсгрецкаго боя довелось мнѣ, разсказывалъ М. И., провести нѣсколько часовъ въ бесѣдѣ со Штейнмецемъ, при чемъ я, выражая ему удивленіе по поводу видѣннаго мною, высказалъ, что не разъ задавалъ себѣ вопросъ,—какимъ образомъ могли имѣть успѣхъ атаки этой удивительной позиціи?

— Эти вещи удаются просто, отвѣтилъ Штейнмецъ: посланныя

[1]) Соотвѣтственно нынѣшней германской монетной системѣ это составляло болѣе милліона теперешнихъ марокъ.

въ атаку части, въ случаѣ неудачи, посылаются вновь и посылаются до тѣхъ поръ, пока не дадутъ полнаго успѣха.

— Неужели же въ такихъ случаяхъ не является нужды смѣнять атакующія части?

— Какъ! смѣнять!! съ азартомъ воскликнулъ Штейнмецъ; затѣмъ, какъ бы спохватившись, добавилъ спокойнымъ тономъ: нѣтъ, смѣнѣ въ такихъ случаяхъ не можетъ быть мѣста. Нельзя не признаться въ томъ, что человѣкъ всегда остается человѣкомъ, а люди остаются людьми при всевозможныхъ обстоятельствахъ; если атаковавшая часть, въ случаѣ неудачи, замѣнена другою, другая видитъ, что именно произошло, и изъ берущихся при такихъ условіяхъ, т. е. видѣвшихъ это новыхъ десяти частей, девять безъ уговора, безъ соглашенія, инстинктивно поторопятся сбыть атаку такъ, чтобы скорѣе дождаться въ свою очередь смѣны; нѣтъ, часть, попавшая въ атаку, должна оставаться въ ней до конца дѣла;—когда ей это извѣстно и извѣстно, что это соблюдается неизмѣнно твердо, результатъ можетъ явиться только одинъ,—она, идя въ бой, будетъ стремиться ускорить приближеніе конца только полнымъ своимъ успѣхомъ; наблюдите, полюбуйтесь, какъ мужественно идутъ въ бой и дерутся тѣ части, которыя знаютъ, что иного конца не можетъ быть и что смѣны не бываетъ; изрѣдка въ очень крайнемъ случаѣ представляется нужнымъ и возможнымъ нѣсколько подкрѣпить, усилить атакующую часть, это другое дѣло; но отступившая часть всегда вся цѣликомъ должна быть вновь обращаема въ атаку.

Штейнмецъ, по обыкновенію, высказалъ все это такъ твердо, съ такой спокойно убѣжденной силой, что становилось понятнымъ, къ какимъ подвигамъ способенъ привести всякаго этотъ стальной человѣкъ; на сколько способенъ онъ разбудить и подчиненнаго и равнаго къ тому, чтобы всѣ его силы направились исключительно къ достиженію полнѣйшаго успѣха.

Къ этому Мих. Ив. добавлялъ и въ частной бесѣдѣ и въ оффиціальномъ отчетѣ: вполнѣ оцѣнивая по достоинству всѣ усовершенствованія вооруженія, Штейнмецъ всегда считалъ наиболѣе важнымъ пріученіе солдата беззавѣтно и безостановочно идти впередъ подъ бой барабана (tambour battant) [1]).

Въ слѣдующіе послѣ Кёнигсгреца дни М. И. Драгомировъ слышалъ отъ другихъ, а между прочимъ и отъ графа В. П. Голенищева-Кутузова, что впервые такими атаками Штейнмецъ прославился

---

[1]) Отчетъ полковника М. И. Драгомирова объ австрійской войнѣ, смотри главу „Характеристика личностей, стоявшихъ во главѣ прусской арміи“.

въ 1848 году во время Датской войны, командуя 2-мъ гв. полкомъ при Дюпелѣ, гдѣ и получилъ за это орденъ „Pour le merite“.

До того времени ген. Драгомировъ держался противоположнаго взгляда, т. е. считалъ, что атаки вообще нужно возобновлять обязательно свѣжими частями; видѣнные имъ штурмы Скалицкихъ высотъ и слышанные имъ по поводу ихъ отзывы Штейнмеца убѣдили его въ томъ, что эти теоретическіе взгляды надо бросить.

Въ 1877 году, приступая къ переправѣ черезъ Дунай, онъ подготовлялъ свою 14-ую дивизію къ такому Штейнмецкому пріему; но примѣнить этого ему не случилось: во-первыхъ, въ случаѣ какой-либо неудачи 15-го іюня отступить было бы некуда, такъ какъ въ тылу на пути отступленія, оставался лишь Дунай, а во-вторыхъ, турки, къ счастью, и не оказали такого сопротивленія, которое могло бы вызвать даже намекъ на необходимость отступленія.

Появившись въ августѣ того года на Шипкѣ, М. И., въ самое короткое время пребыванія на ней [1]), услышалъ отъ занимавшаго тамъ позицію въ теченіе недѣли генерала Ник. Григ. Столѣтова, что Сулейманъ атаковалъ его позицію, не давая роздыха войскамъ.

Ген. Драгомировъ, тогда же, осматривая позиціи, успѣлъ подробно разсказать Ник. Григорьевичу о видѣнныхъ имъ въ 66 году Штейнмецкихъ атакахъ.

Разсказывая вообще о Штейнмецѣ и объ его рѣшительномъ характерѣ, а также объ проявлявшейся имъ во всѣхъ распоряженіяхъ твердости, М. И. говоритъ: вотъ типъ генерала, которому подобнаго не можетъ явиться и развиться въ австрійской арміи.

А. Е. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Извѣстно, что М. И. Драгомировъ 13-го августа на Шипкѣ, по прибытіи, былъ тяжело раненъ въ ногу и тотчасъ же свезенъ въ м. Габрово.

Курьезы цензуры.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Въ 1897 году въ „Военномъ сборникѣ“ были напечатаны статьи „Турецкій походъ 1877—1878 годовъ“, въ которыхъ авторъ, пользуясь своимъ краткимъ дневникомъ, веденнымъ во время кампаніи, подѣлился съ читателями впечатлѣніями юнаго офицера, которому выпало на долю принять участіе въ достопамятномъ походѣ за освобожденіе нашихъ угнетенныхъ братьевъ-славянъ отъ турецкаго ига.

Замѣтки эти, изложенныя безхитростно и въ патріотическомъ духѣ, были проникнуты любовью къ арміи, снова покрывшей свои знамена неувядаемою славою, и докатившейся грозными волнами до воротъ Царьграда.

Въ отчетѣ редакціи военному министру было высказано такое мнѣніе объ этихъ статьяхъ: „живой разсказъ о впечатлѣніяхъ автора, бывшаго тогда молодымъ офицеромъ, поставленнымъ впервые лицомъ къ лицу съ непріятелемъ и призваннымъ къ исполненію своего долга, представляетъ интересъ въ психологическомъ отношеніи, обнаруживая, какимъ образомъ различные факты походной и боевой жизни отражались на духѣ войскъ. Многіе эпизоды военныхъ дѣйствій, затронутые въ этихъ статьяхъ и уже изложенные обстоятельно другими военными писателями, освѣщены субъективными объясненіями автора, дающими иногда новыя точки зрѣнія для историка“. Автору желательно было получить отдѣльные оттиски своихъ статей, о чемъ и было сдѣлано соотвѣтственное заявленіе.

Послѣ долгаго ожиданія, авторъ получилъ письмо отъ редактора „Военнаго сборника“ съ приглашеніемъ зайти въ редакцію переговорить по интересующему его дѣлу.

Оказалось слѣдующее: по недоразумѣнію, вмѣсто того чтобы прислать просимые имъ 25 оттисковъ, эти статьи были дословно отпечатаны въ видѣ отдѣльной брошюры, которая по существующимъ правиламъ и была представлена на просмотръ военному цензору генералъ-маіору Л. Л. Лобко.

Не взирая на то, что статьи уже были напечатаны въ „Военномъ сборникѣ“, цензоръ не согласился выпустить на свѣтъ Божій эту невинную брошюрку и, пустивши въ ходъ свой красный карандашъ, заявилъ, что разрѣшеніе будетъ дано лишь тогда, когда зачеркнутыя имъ фразы будутъ исключены. Такъ какъ эти скромныя замѣтки не были настолько интересны и важны, чтобы вновь набирать брошюру и нести извѣстные расходы на ея печатанье, то и не стоило подымать изъ-за пустяковъ исторію и подавать жалобу въ главное управленіе по дѣламъ печати.

Представляется интереснымъ отмѣтить, что именно было признано недопустимымъ въ этихъ статьяхъ. Описывая форсированное движеніе, при крайне тяжелыхъ условіяхъ, авторъ упоминалъ, что „появились отсталые и среди нихъ, конечно, оказались и охотники попользоваться чужимъ добромъ,—благо не всегда возможно было отличить турецкое отъ болгарскаго“. Говорилось также „что случаи мародерства неизбѣжны, даже при самыхъ строгихъ мѣрахъ къ ихъ искорененію. Проявленіе подобныхъ несимпатичныхъ поступковъ бывало всегда и во всѣхъ войскахъ, и счастлива та армія, въ которой мародерство могло быть примѣнимо лишь изрѣдка къ отдѣльнымъ единицамъ сложнаго войскового организма“.

Указывалось далѣе, что „нашлись охотники итти по стопамъ мародеровъ, но что появленіе офицера пріостановило штурмъ виннаго подвала; братушки и обратили въ постыдное бѣгство главныхъ зачинщиковъ грабежа“.

Всѣ эти фразы, взятыя въ кавычки, были вычеркнуты строгимъ цензоромъ, по мнѣнію котораго, очевидно, нельзя было говорить о возможныхъ случаяхъ мародерства въ нашей арміи.

Какъ будто война представляла собою увеселительную прогулку, а тысячи солдатъ—институтъ благородныхъ дѣвицъ добраго стараго времени!

По поводу неудачнаго размѣщенія войскъ на ночлегъ и отсутствія иниціативы у частныхъ начальниковъ, было сказано: „очевидно, что высшее начальство, руководившее операціями многихъ частей, разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ, не могло входить въ разсмотрѣніе различныхъ деталей, а тѣмъ болѣе порядка расположенія войскъ на ночлегъ.

„Мирная подготовка войскъ тоже давала себя чувствовать,—

расположеніе по квартирамъ на маневрахъ не практиковалось и недостатокъ навыка въ этомъ дѣлѣ велъ къ болѣе частому расположенію войскъ бивачнымъ порядкомъ, что, безъ сомнѣнія, тяжело отзывалось на здоровьи людей".

Все это рука цензора зачеркнула,—видя въ этомъ, должно быть, злонамѣренную критику дѣйствій начальства!

При описаніи расположенія войсковой части, на третій день боя въ окрестностяхъ Филиппополя, въ деревнѣ Кукленъ, брошенной жителями, упоминалось, что эта деревня была полною чашею, что въ ней было найдено много скота, домашней птицы и всякой провизіи, особенно же обиліе сладостей—громадные кувшины варенья и мѣшки очищенныхъ грецкихъ орѣховъ, почему солдаты и окрестили ее наименованіемъ Медовой. Разумѣется, всѣми запасами мы воспользовались даже свыше мѣры. Въ эту же ночь по близости въ г. Станимака, провелъ нѣсколько часовъ главнокомандующій турецкой арміей Сулейманъ-паша, съ остаткими разбитой арміи; этого мы, къ сожалѣнію, не знали и упустили случай нанести туркамъ послѣдній ударъ.

Обстоятельства слагались для насъ, въ это время, чрезвычайно благопріятно, но неправильная организація отрядовъ, отсутствіе между ними связи и малая распорядительность частныхъ начальниковъ лишили насъ возможности вплести еще новые лавры въ побѣдный вѣнокъ доблестной нашей арміи.

Свое повѣствованіе объ этомъ эпизодѣ авторъ закончилъ словами: „все можно объяснить случайными и неблагопріятными обстоятельствами, но человѣку, даже не чувствующему за собой вины, какъ-то неловко было вспомнить, что нѣсколько часовъ, проведенныхъ нами въ Медовой деревнѣ, лишили насъ славы"...

И эта фраза почему-то не понравилась цензору! Описывая форсированный переходъ къ Адріанополю, авторъ упомянулъ, что усталые люди еле передвигали ногами, „а насъ все гнали и гнали точно на пожаръ"...

А затѣмъ, когда войска, прибывши на ночлегъ, долго ждали приказаній, лежа въ грязи и подъ дождемъ, то было отмѣчено, что „отсутствіе иниціативы у частныхъ начальниковъ и тутъ принесло свои горькіе плоды".

Тяжелая рука цензора не пощадила и этихъ строкъ...

Къ указаніямъ на нѣкоторые безпорядки, при перевозкѣ больныхъ изъ С. Стефано на родину, цензоръ отнесся прямо таки удивительно,—изъ текста были имъ вычеркнуты слѣдующія слова: „мы отнюдь не имѣемъ въ виду осуждать недостаточную, быть можетъ, распорядительность нѣкоторыхъ лицъ, поставленныхъ во главѣ

дѣла, такъ какъ, во-первыхъ, не знаемъ хорошо тѣхъ условій, въ которыхъ они находились, а, во-вторыхъ, вполнѣ понимаемъ трудность новаго и сложнаго дѣла, которое они призваны были осуществить".

Тутъ даже трудно понять тѣ мотивы, которыми руководствовался цензоръ, зачеркивая эти строки. Видимо, онъ просто считалъ, что своя рука владыка:—хочу пропущу, захочу зачеркну!

Послѣднее онъ, кажется, сдѣлалъ съ особымъ удовольствіемъ, когда авторъ, описывая тяжелое положеніе больныхъ, послѣ 2 дневнаго плаванія по морю въ свѣжую погоду, въ трюмахъ парохода, еще не приспособленнаго для ихъ перевозки, выразился такъ: „лишь съ горькою ироніею можно было назвать наше временное жилище санитарнымъ пароходомъ".

Какъ-то странно вспоминать теперь, что всего 13 лѣтъ тому назадъ возможно было такое, выражаясь деликатно, легкомысленное отношеніе къ серьезному дѣлу!

Невольно напрашивается вопросъ: можетъ ли идти вполнѣ хорошо какое бы то ни было дѣло при такихъ дѣятеляхъ и каково было положеніе авторовъ, которымъ приходилось вступать въ непосредственныя сношенія съ подобнымъ цензоромъ?

Сообщилъ Д. Баланинъ.

По подляшью [1].

Посадъ Ломазы и его окрестности.

I.

Исторія посада.

Настоящій очеркъ моихъ путевыхъ замѣтокъ я посвятилъ посаду Ломазы, расположенному въ центрѣ Подляшья, находя, что эта мѣстность можетъ представлять изъ себя интересъ любителямъ старины вообще, а въ частности лицамъ, близкимъ къ нашему Забужью. Ломазы и прилегающія къ нимъ мѣстности—древнѣйшія поселенія Подляшья и здѣсь впервые поселились татары, о появленіи которыхъ въ Царствѣ Польскомъ имѣются самыя скудныя свѣдѣнія.

Въ 16 верстахъ отъ ст. Бѣлы, Варшавско-Брестскаго участка Привислинскихъ жел. дор. по шоссе расположено одно изъ древнѣйшихъ поселеній Подляшья—посадъ Ломазы, о которомъ имѣются два преданія его возникновенія, по одному—селеніе „Ломаки“ или „Ломазы“, было нѣкогда расположено на самомъ берегу р. Зелявы въ урочищѣ „Церковиско“ въ очень близкомъ разстояніи отъ мѣста нахожденія нынѣшняго посада; въ пользу этого преданія гово-

---

[1]) Источники, послужившіе матеріаломъ для настоящаго историческаго очерка: Холмская Русь П. Н. Батюшкова, Червенскіе города А. В. Лонгинова, Холмско-Варшавскій епарх. вѣстникъ 1886, 1891 и 1902 г.г., матеріалы для этнографіи Сѣдлецкой губ. И. В. Бессараба, Лѣтопись Ломазской церкви за 1876—1906 г.г. и личныя наблюденія и разспросы на мѣстѣ старожилъ.

ритъ то, что названное урочище лежитъ на возвышенномъ мѣстѣ, на самой рѣкѣ и здѣсь же разбросано большое количество громадныхъ камней. Другое сказаніе народное объясняетъ происхожденіе названія „Ломазы“ такимъ образомъ: въ незапамятныя времена пришли враги въ страну, покрытую непроходимыми лѣсами и напали на древнія жилища, расположенныя по берегамъ р. Зелявы; жители, съ цѣлью защиты отъ нападенія, рубили лѣсъ (ломъ) и загораживали путь непріятелю и на этихъ огражденіяхъ и было основано селеніе Ломазы (Ломаки).

О Ломазахъ, какъ городѣ, упоминается въ исторіи лишь въ первой половинѣ XV вѣка, по слѣдующему именно случаю: Ломазы и Полюбичи входили въ составъ Литовскаго княжества, поляки захватили ихъ и подчинили Парчевской экономіи, на этотъ захватъ литовцы въ 1446 г. подали жалобу польскому королю Казимиру IV Ягелончику, который, уваживъ эту просьбу, возвратилъ обратно названные выше два города Литвѣ и присоединилъ ихъ къ землѣ Брестско-Литовской [1]). Эти историческія данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что Ломазы, очевидно, существовали еще въ болѣе древнія времена.

Первыми поселенцами Ломазъ были славяне, это безспорно, ибо историки какъ древніе, такъ и настоящіе категорически указываютъ, что на пространствѣ между р.р. Вислой и Западнымъ Бугомъ съ самыхъ незапамятныхъ временъ проживали славянскія племена [2]), среди которыхъ была распространена православная вѣра иноками Кіево-Печерской лавры, и этимъ русскимъ славянамъ главнымъ образомъ и обязаны Ломазы своимъ основаніемъ.

Посадъ Ломазы, благодаря своему удобному для торговли мѣстоположенію (между Брестомъ и Люблиномъ) на границѣ Литвы и Польши все болѣе и болѣе разростался и уже въ XVI в. превратился въ большой городъ, въ которомъ, благодаря старанію православнаго собственника его Евстафія Волловича, государственнаго человѣка того времени и великаго патріота Литвы, грамотами королей Владислава IV (29 апр. 1533 г.) и Сигизмунда Августа (6 окт. 1568 г.) укрѣплено Магдебургское право со всѣми привилегіями и городу этому присвоенъ особый гербъ съ изображеніемъ въ немъ волчьей головы, поддерживаемой орлиными лапами. Въ числѣ привилегій, предоставленныхъ этими королями, между прочимъ, было освобожденіе города за надѣленныя ему земли и угодья отъ взноса

---

[1]) Батюшковъ 28 и Лонгиновъ 196.

[2]) Ревизія Дмитрія Сапѣги 25 апрѣля 1566 г.

въ казну повинностей и податей за время 1566—1570 г.г. [1]). Это исключительное положеніе Ломазъ было вызвано тѣмъ, чтобы защитить этотъ русско-литовскій посадъ отъ гнета польскаго и оградить вѣру православную отъ католическаго вліянія; эти мѣры были особенно важны потому, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ предполагалась Люблинская унія, цѣлью которой было совершенное поглощеніе Польшею княжества Литовскаго. Благодаря этимъ условіямъ городъ Ломазы сталъ быстро заселяться и обогащаться, чему много способствовало съ одной стороны географическое положеніе его при р. Зелявѣ, притокѣ Кржны, впадающей въ Бугъ, какъ сплавной рѣкѣ, такъ и главному грунтовому пути между Брестомъ и Люблиномъ, съ другой, отсутствію евреевъ, и тѣмъ самимъ сосредоточенію въ рукахъ ломазскихъ гражданъ всего земледѣлія, ремеселъ и торговли. Послѣднее обстоятельство подтверждается тѣмъ, что въ ревизіи Дмитрія Сапѣги не встрѣчается ни одного имени и фамиліи еврейскихъ, а также прямымъ указаніемъ „торгъ поставляемъ и даемъ имъ мети въ дни субботни на кажды тыдень“ [2]).

Такимъ образомъ евреевъ въ то время въ Ломазахъ не было, ибо въ противномъ случаѣ былъ бы назначенъ для торговли не субботній, а другой день. Въ 1776 году на варшавскомъ сеймѣ было рѣшено уничтожить въ столовыхъ королевскихъ имѣніяхъ Магдебургское право, но въ Ломазахъ приведеніе этого рѣшенія въ исполненіе встрѣтило упорное сопротивленіе, и лишь крутыми мѣрами и грубою силою въ 80-хъ годахъ XVIII столѣтія королевскаго старосты Тизенгаузена, ломазскіе мѣщане были лишены ихъ имуществъ и привилегій и зарегистрованы крѣпостными. Всѣ жалобы на незаконныя и произвольныя распоряженія не получили удовлетворенія, и только Высочайшій Указъ 19 февраля 1864 года освободилъ ихъ наравнѣ со всѣми крестьянами отъ крѣпостной зависимости.

1 іюня 1869 года городъ Ломазы, какъ имѣющій менѣе 5.000 народонаселенія, переименованъ въ посадъ съ замѣною магистратскаго управленія гминнымъ.

На этомъ краткомъ описаніи я и оканчиваю исторію, пережитую посадомъ Ломазы.

---

[1]) Лонгиновъ 17.

[2]) Евреи поселились лишь съ 8 іюня 1744 г., съ того дня, какъ всѣ шинки королевскою комиссіей переданы были изъ рукъ мѣщанъ-христіанъ евреямъ.

II.

Ломазская церковь.

Построеніе первой церкви въ Ломазахъ относится, по народнымъ преданіямъ, къ глубокой древности; указывается даже точное мѣсто, гдѣ она стояла, сохранившее и понынѣ свое древнее названіе „Церковиско“, на этомъ мѣстѣ, какъ упомянуто выше, и былъ древній городъ. Здѣсь же и было кладбище, чему свидѣтельствуютъ камни съ выдолбленными на нихъ крестами [1]): есть основаніе къ предположенію, что первые піонеры распространенія православной вѣры иноки-сподвижники св.св. Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ (XI и XII в.в.) избрали это мѣсто для построенія одной изъ первыхъ церквей въ Прибужскомъ краѣ. Храмъ этотъ, по преданію, былъ освященъ въ честь безсребренниковъ Косьмы и Деміана и во имя тѣхъ же святыхъ угодниковъ была построена вторая церковь въ Ломазахъ уже по перенесеніи посада въ настоящее мѣсто (1533). Эта церковь, вѣроятно, построена 27 іюня 1688 г., судя по сохранившейся надъ косякомъ входныхъ дверей надписи [2]). Какъ по расположенію алтаря (на востокъ), такъ и другимъ даннымъ, церковь эта искони была православная [3]). Она совершенно обветшала и въ 1890 г., по постановленію мѣстнаго братства, весь годный матеріалъ былъ переданъ въ Горбачевскій православный приходъ для постройки церковно-приходской школы въ дер. Колодѣ. Инвентарь обветшавшей церкви перенесенъ частью въ новый ломазскій храмъ, именно, чудотворная икона Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, помѣщающаяся и нынѣ надъ царскими вратами въ особомъ кіотѣ, частью въ мѣстную кладбищенскую церковь [4]), гдѣ

---

[1]) Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1894 года учитель Ломазскаго начальнаго училища Демьянъ Жукъ (нынѣ ипотечный секретарь въ г. Бѣлѣ) нашелъ въ этомъ мѣстѣ, за рѣкою Зелявой, между полями крестьянъ дер. Студзянка и Любенка, указанія на погребеніе и по раскопкѣ этого мѣста обнаруженъ скелетъ, голова котораго обращена къ востоку, здѣсь же найдены два камня съ высѣченными на нихъ крестами, при чемъ одинъ изъ крестовъ осьмиконечный, все это свидѣтельствуетъ о существованіи въ этой мѣстности въ давнія времена православнаго кладбища.

[2]) „Року Божьяго 1688 г. мѣсяца іюня 27 дня.

[3]) Въ помянникѣ Яблочинскаго Свято-Онуфріевскаго монастыря за 1688, 89 и 90 г.г. упоминаются записи о поминовеніи жителей изъ гор. Ломазъ.

[4]) Сооружена въ 1855 г. и освящена во имя Іоанна Богослова; въ 1870 г. церковь эта совершенно обветшала и лишь въ 1883 г. средствами мѣстнаго братства отремонтирована.

и въ настоящее время хранятся остатки иконостаса [1]) (лики 12 апостоловъ) и одна половина царскихъ вратъ. На мѣстѣ упраздненнаго храма сооруженъ братскими средствами крестъ на каменномъ пьедесталѣ, сохранившійся и по нынѣ; здѣсь же осталась и деревянная звонница, старинной архитектуры, совершенно сгнившая и близкая къ паденію въ самомъ недалекомъ будущемъ. На ней имѣются три колокола, на одномъ изъ нихъ, самомъ большомъ, отчетливо видны годъ „1706“ и надпись по-польски о сооруженіи его ломазскимъ церковнымъ братствомъ, а на двухъ другихъ, меньшихъ славянская надпись „Року Божія ящме“ (1745). Вблизи старой церкви на посадскомъ плацу въ честь тѣхъ же святыхъ 22 октября 1891 года была торжественно освящена вновь выстроенная, нынѣ существующая, церковь очень хорошей архитектуры, строго выдержаннаго византійскаго стиля. Интересно то, что этотъ новый храмъ, по преданію, подтвердившемуся и нѣкоторыми фактическими данными, былъ сооруженъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ лѣтъ 300 или больше тому назадъ стоялъ древлеправославный храмъ; подтвержденіемъ этому предположенію служитъ, во-первыхъ, то, что разъ сохранившаяся старая церковь была построена по однимъ источникамъ въ 1688 г., а по другимъ въ 1668 г., то естественно, до того времени былъ православный храмъ въ Ломазахъ, вѣроятно, разрушенный или шведами или поляками во время войнъ, бывшихъ преимущественно изъ-за религіозныхъ интересовъ, или при насильственномъ насажденіи уніи, ибо въ противномъ случаѣ возможно ли допустить, чтобы городъ имѣлъ свою церковь за двѣ версты (Церковиско) внѣ его границы, а во-вторыхъ, что при раскопкахъ грунта подъ фундаментъ для новой церкви, найдено нѣсколько древнихъ серебряныхъ монетъ, вѣроятно, положенныхъ при закладкѣ прежняго храма.

До XVIII вѣка Ломазская церковь пребывала въ православіи, съ этого же года началось постоянное измѣненіе внѣшняго вида храма и внутренней его жизни, и онъ постепенно все болѣе и болѣе сталъ приближаться къ костелу, какъ по обрядамъ, такъ и по чину богослуженія. Время это относится къ 1780 году, именно тому періоду жизни Ломазъ, когда происками упомянутаго выше Тизенгаузена личная свобода мѣщанъ была сведена на нѣтъ и всѣ ихъ владѣнія (52 уволоки) были забраны и они обращены были въ крѣ-

[1]) Тотъ самый иконостасъ, который былъ уничтоженъ Тимоѳеемъ Щуровскимъ, ревностнымъ послѣдователемъ уніи, но подъ конецъ своей жизни возвратившимся снова въ католичество и похороненнымъ въ г. Парчевѣ на католич. кладбищѣ.

постныхъ крестьянъ, вотъ въ это-то время и совершилось посягательство на ихъ святую вѣру, но благодаря ихъ стойкости, лишь въ 1785 году монахи Бѣльскаго базиліанскаго монастыря положили начало уніи въ Ломазахъ. Въ этотъ годъ уничтоженъ иконостасъ [1]), и поразительно, что никакого сопротивленія этому своеволію Тизенгаузена оказано не было, объясняется это тѣмъ только, что послѣдній своими звѣрскими и излишне крутыми мѣрами навелъ на жителей города такую панику, что многіе изъ нихъ покинули свои жилища и бѣжали въ окрестные лѣса; ближайшимъ сподвижникомъ Тизенгаузена былъ Тимофей Щуровскій, начальникъ миссіи Базиліанскаго ордена, суперіоръ Бѣльскаго монастыря. Окончательному паденію православія и даже полному приближенію уніи къ католицизму способствовалъ бывшій въ 1795 г. пожаръ, уничтожившій до тла римско-католическій костелъ, и съ этого года ксендзы отправляли свои мессы въ мѣстномъ храмѣ и благодаря совершенному ополяченію уніатскихъ священниковъ, получившихъ образованіе отъ монаховъ римско-католическаго ордена, издревле православная церковь во имя Св. Козьмы и Деміана стала праздновать свой храмовой праздникъ не 1 ноября, а 29 іюня, въ день святыхъ апостоловъ Петра и Павла, во имя коихъ былъ освященъ истребленный пожаромъ костелъ. Въ церкви совершались латинскіе отпусты и раздавались папскія индульгенціи. Такъ продолжалось долгое время и даже послѣ постройки новаго костела въ 1854 году, ксендзы находили умѣстнымъ совершать иногда богослуженія въ уніатской церкви, чему, какъ ни странно, не препятствовало уніатское духовенство, даже способствовало этому — одинъ священникъ ввелъ въ употребленіе органъ, пріобрѣтенный Ломазскимъ братствомъ за 138 злотыхъ и 13 грошей; вслѣдъ за этимъ новшествомъ въ церкви стали пѣть польскія пѣсни, а въ 50-хъ годахъ все русское и православное было окончательно вытѣснено изъ церкви, вмѣсто чтенія часовъ передъ литургіей пѣлись польскія „годзинки“, а вмѣсто молебновъ и акаѳистовъ—рожанцы. Только въ 1875 году воспослѣдовало соединеніе уніатовъ въ православной церкви и возобновилось богослуженіе древле православное.

Такимъ образомъ въ посадѣ Ломазахъ было три церкви, а вѣроятнѣе всего существовала и четвертая — первая доисторическая въ урочищѣ Церковиско, вторая на мѣстѣ нахожденія нынѣ церкви (съ 1533 г.), третья, построенная въ 1688 или 1668 г.г. и четвертая—1891 года.

---

[1]) Объ иконостасѣ упомянуто выше.

Необходимо сказать еще нѣсколько словъ о церковно-приходскомъ братствѣ. Оно, какъ упоминаетъ сохранившійся при дѣлахъ церкви старинный документъ, существовало съ незапамятныхъ временъ, именно со времени образованія первыхъ братствъ Львовскаго и Виленскаго, утвержденныхъ константинопольскимъ патріархомъ Іереміей (1589 г.). Это предположеніе вытекало изъ того, что, какъ указано выше, покровитель Ломазъ подканцлеръ великаго княжества Литовскаго православный дворянинъ Волловичъ, исходатайствовалъ для своего города Магдебургское право, желалъ и охранять въ этомъ городѣ православіе отъ всякихъ посягательствъ, съ какою цѣлью открылъ въ немъ, по примѣру Виленскаго братства, церковно-приходское братство.

Братство это дѣйствовало энергично въ первые годы своей жизни, но потомъ, благодаря апатіи и обезличенію руководителей его, мѣстныхъ настоятелей, съ каждымъ годомъ падало и свело свою дѣятельность лишь къ пріобрѣтенію воска для свѣчей; въ довершеніе всего въ 1860 году оно, единственное изъ всѣхъ существовавшихъ братствъ, стало именоваться „архибратствомъ“, поставившимъ себѣ цѣлью обряды и богослуженія греко-восточной церкви замѣнить западными—латинскими. Лишь въ 1881 году уже по возсоединеніи холмско-подляшскихъ уніатовъ съ православною церковью, былъ изданъ новый уставъ для всѣхъ приходскихъ братствъ епархіи и съ этого года Ломазское братство было возстановлено.

III.

Окрестности посада Ломазъ.

а) дер. Студзянка.

Въ 2-хъ верстахъ отъ посада Ломазъ находится деревня Студзянка, гдѣ впервые поселились татары въ Царствѣ Польскомъ. Къ сожалѣнію точныхъ свѣдѣній [1]) о времени заселенія ими этой деревни не имѣется, такъ какъ всѣ письменные документы, хранившіеся въ мѣстной мечети, уничтожены пожаромъ, истребившимъ около 100 лѣтъ тому назадъ мечеть со всѣми хранящимися въ ней памятниками старины.

Относительно времени и обстоятельствъ, при которыхъ татары появились въ дер. Студзянкѣ, сохранилось только преданіе, которое можно считать вполнѣ достовѣрнымъ, въ связи съ нѣкоторыми исто-

[1]) Татары поселились въ этой мѣстности въ началѣ XV вѣка при великомъ князѣ литовскомъ Витовтѣ (Бессарабъ 197).

рическими данными, на которыя я и сошлюсь. Вотъ какъ гласитъ это преданіе: Король Янъ Собѣскій (1674—1696 г.) болѣе 200 лѣтъ тому назадъ, въ силу сложившихся тогда для него неблагопріятныхъ обстоятельствъ и осложненій—политическихъ и внутренней неурядицы, потерялъ довѣріе къ своей придворной стражѣ и просилъ турецкаго султана [1]) прислать ему въ Варшаву 400 человѣкъ лучшихъ и надежнѣйшихъ солдатъ съ офицерами во главѣ, предложивъ имъ занять особое близкое къ нему положеніе, образовавъ отрядъ опричниковъ или тѣлохранителей. Просьба эта султаномъ была исполнена, и вскорѣ были высланы въ Варшаву выдающіеся красотою и отвагою воины, которые, пробывъ на службѣ всего лишь около 10 лѣтъ и послѣ успокоенія края, были отпущены королемъ Собѣскимъ домой съ награжденіемъ ихъ всевозможными привилегіями, а офицерамъ кромѣ сего были дарованы земли изъ королевскихъ имѣній Брестской экономіи. Имѣются даже свѣдѣнія, кто изъ татаръ какія получили деревни и имѣнія: Азулевичъ—Студзянку и Ортель-Королевскій (Княжескій Ортель принадлежалъ кн. Радзивиллу), братья Бѣляки—Кошолы, Костеневичи и Полоски, Лисовскій, Бучадскій, Чимбаевичъ, Богуяновичъ, Романовичъ и др.—большіе и малые Малашевичи, Михалковъ, Троянки, Ольшинъ, Рудно и др., и такимъ образомъ вся эта обширная мѣстность очутилась въ рукахъ татаръ. Офицеры стали помѣщиками, а солдаты, не возвратившіеся на родину, что составило большинство, поступили къ нимъ на службу. Интересно то, что Собѣскій, надѣляя татаръ привилегіями и землями, разрѣшилъ имъ жениться на полькахъ-католичкахъ, при этомъ дѣти отъ этихъ браковъ могли быть магометанами; послѣ этого распоряженія многіе офицеры и солдаты женились на полькахъ и нѣкоторые изъ нихъ приняли фамиліи женъ.

Самое большее число татаръ въ упомянутыхъ мѣстностяхъ доходило до 5.000 чел., а въ Студзянкѣ до 170 чел., которые составляли до 30 семействъ. Главное ихъ занятіе было всегда земледѣліе, и только немногіе изъ нихъ находились на военной или гражданской службѣ.

Послѣ освобожденія крестьянъ магометане-помѣщики обѣднѣли, большинство изъ нихъ продали свои имѣнія и разбрелись въ разныя стороны, такъ что въ настоящее время изъ 5.000 человѣкъ осталось всего лишь нѣсколько десятковъ душъ, а въ Студзянкѣ всего 8 семействъ (около 40 душъ). Всѣ они полуинтеллигентные и занимаются по-прежнему земледѣліемъ.

---

[1]) Магомета IV.

Когда Янъ Собѣскій заселялъ татарами новую (въ то время) деревню Студзянку вблизи самаго города Ломазъ, то надѣлилъ ихъ землею изъ Ломазской королевской экономіи; впослѣдствіи при королѣ польскомъ Іоаннѣ III татарскій ротмистръ Романовскій успѣлъ всевозможными способами отнять у ломазцевъ еще 68 уволокъ изъ чиншевой земли. Тогда жители города Ломазъ подали жалобу королю Августу II, и послѣдній грамотою 1698 года, въ коей онъ, именуя себя королемъ польскимъ, великимъ княземъ Литовскимъ, Русскимъ, Прусскимъ, Жмудскимъ, Мазовецкимъ, Кіевскимъ, Волынскимъ, Подольскимъ, Подлясскимъ, Смоленскимъ, Сѣверскимъ и Черниговскимъ, владѣтельнымъ княземъ Саскимъ (Саксонскимъ) и Electorum, повелѣлъ Романовскому возвратить ломазцамъ всѣ 68 уволокъ со всѣми прежде дарованными имъ правами и привилегіями, предоставивъ имъ навсегда свободную аренду этими землями [1]).

Здѣсь считаю не лишнимъ возвратиться вновь къ Ломазскому кладбищу „Церковиско“. До перенесенія гор. Ломазъ на настоящую территорію всѣ земли возлѣ упомянутаго кладбища принадлежали Ломазскому обществу, а затѣмъ уже перешли въ вѣдѣніе Ломазской королевской экономіи. Когда же король Янъ Собѣскій заселилъ татарами дер. Студзянку, кладбище это, какъ входящее въ составъ земель королевской экономіи, попало въ руки татаръ и въ вѣдѣніи ихъ состояло до 1889 года,—времени пріобрѣтенія этого мѣста однимъ православнымъ крестьяниномъ. Въ посадѣ и нынѣ существуетъ преданіе, что это святое мѣсто, хотя бывшее долгое время во владѣніи невѣрныхъ, осталось чистымъ, святымъ; говорятъ, что одинъ татаринъ дерзнулъ запахать, эту мѣстность, но тотчасъ же волы его пали замертво, и съ этого памятнаго дня и татары боялись не только вспахивать эту землю, но и трогать разбросанные на ней камни-памятники вѣчнаго покоя древнихъ православныхъ ломазцевъ.

Въ дер. Студзянкѣ имѣется мечеть, деревянная, небольшихъ размѣровъ и не изящной архитектуры, единственная на пять губерній въ Привислинскомъ краѣ, она построена въ 1817 году на средства магометанъ, мечеть эта уже третья по числу, первыя двѣ уничтожены пожаромъ. Студзянскіе татары непоколебимо придерживаются своей вѣры, живутъ дружно съ сосѣдями-односельчанами, и

[1]) Вышеупомянутая грамота написана на пергаментѣ, скрѣплена большою сургучною королевскою печатью, пришнурованною и прикрѣпленною въ металлической коробкѣ и подписана (собственноручно) Augustus rex; хранилась она первоначально въ Ломазскомъ гминномъ управленіи, а нынѣ у мѣстнаго ксендза.

большинство изъ нихъ говоритъ по-польски, что и вполнѣ понятно, такъ какъ каждая семья — потомки татарина и польки; при этомъ долженъ сказать, что они совершенно не сторонятся русскихъ и если только мало-мальски объясняются на русскомъ языкѣ, то охотно вступаютъ въ разговоръ и идутъ навстрѣчу поддержать его, хотя бы имъ это стоило большихъ затрудненій. Это отношеніе татаръ къ русскимъ служитъ явнымъ доказательствомъ, что, несмотря на близость ихъ по крови къ полякамъ, они не только не питаютъ къ русскому населенію антагонизма, но, наоборотъ, всѣми средствами стараются поддержать съ нимъ самыя лучшія отношенія. Въ Царствѣ Польскомъ всего два муллы, изъ коихъ одинъ проживаетъ въ дер. Студзянкѣ, а другой въ городѣ Волковыскѣ, Сувалкской губ.; при каждомъ изъ нихъ состоитъ маязимъ (діаконъ), они выбираются на должности мѣстнымъ населеніемъ и утверждаются губернаторомъ, духовное же ихъ начальство „муфти“ проживаетъ въ гор. Уфѣ. Все богослуженіе совершается на арабскомъ языкѣ и лишено всякой пышности и обрядности, собираются въ мечеть по пятницамъ [1]), когда бываетъ „Теубе“—исповѣдь передъ престоломъ Всевышняго. Обрядъ похоронъ „Намозъ Джума“ состоитъ въ запечатаніи гроба при чтеніи Корана и молитвъ; вообще все богослуженіе состоитъ только изъ чтенія. Всѣхъ мусульманъ въ краѣ до 600 человѣкъ.

б) урочище Глухъ.

Само названіе наводитъ уже на мысль, что мѣстность эта, лежащая вблизи посада около р. Зелявы, издревле была покрыта дремучими лѣсами и представляла, какъ и нынѣ сохранила, тотъ недоступный видъ, благодаря непроходимымъ болотамъ, увеличивающимся во время весенняго половодія, когда эта мѣстность образуетъ изъ себя островъ, окруженный широко полосою разлившейся воды. Достаточно быть на мѣстѣ, чтобы придти къ несомнѣнному убѣжденію, что издревле оно служило убѣжищемъ для окрестныхъ жителей отъ набѣговъ непріятелей, созданнымъ самою природою.

Эта мѣстность, а равно и къ ней прилегающія были населены еще до распространенія христіанства, чему наглядно свидѣтельствуютъ найденныя языческія могилы; одна изъ нихъ была открыта при слѣдующихъ условіяхъ: крестьянинъ дер. Любенка Василій Ярошукъ въ 80 годахъ, замѣтивъ, что въ одномъ мѣстѣ на его полѣ плохой урожай, желалъ доискаться причины этого явленія, для чего и рѣшилъ раскопать землю, при чемъ на незначительной глубинѣ

[1]) Въ пятницу было объявленіе въ г. Мединѣ Корана (1252 г.).

наткнулся на цѣлую груду громадныхъ камней, а подъ ними покоились кости человѣка-великана; отсутствіе предметовъ обряда погребенія, по удостовѣренію археологовъ, служило неопровержимымъ доказательствомъ того, что кости этого богатыря принадлежатъ дикарю-ятвягу, проживавшему здѣсь въ доисторическія времена. Въ этой же мѣстности нѣсколько лѣтъ тому назадъ были найдены при раскопкѣ нѣкоторые предметы домашняго быта, относящіеся по ихъ внѣшнему виду въ эпохѣ X вѣка; результаты этихъ роскопокъ заставляютъ съ довѣріемъ отнестись къ преданію, гласящему, что на „Глуховѣ“ въ давно минувшія времена существовало русское поселеніе съ православною церковью, основанное еще задолго до введенія уніи. Вотъ какъ говоритъ народъ на своемъ языкѣ объ этомъ обстоятельствѣ: „Кажутъ, що на Глухови колись была церква, но запалася. На Великдень, на першій день, якъ люде вышли изъ церквы, баба зачала замитати церкву и ударилася ногою о порогъ, и закляла: „А щобъ тая церква запалася“. И церква запалася и вышла въ Кіеви. И де туолько западетця церква, то выходитъ въ Кіеви и оттого въ Кіеви такъ мнуого церквуовъ. Коли прійти на Великдень, на першій день на Глухъ, на тое міесьце, де церква стояла, и нагнутися до самои земли и слухати, то чути якъ звоны звонятъ и якъ спиваютъ въ туой церкви. Но не всіе почуютъ якъ звонятъ и спиваютъ въ туой церкви, добавляютъ иные разсказчики, а туолько щасливыи у Бога“.

Это народное преданіе свидѣтельствуетъ о церковно-религіозной связи русскаго Подляшья съ древнимъ Кіевомъ во времена удѣльныхъ русскихъ князей, впослѣдствіи же историческая связь эта (со времени введенія уніи 1596 г.) постепенно ослабѣвала и наконецъ окончательно порвалось. Во всякомъ случаѣ это преданіе ясно указываетъ, что Глуховская церковь была православная, видно это изъ того, что народъ считалъ ее въ числѣ кіевскихъ православныхъ святынь.

Независимо отъ существованія упомянутой православной церкви въ этой мѣстности, въ народѣ сохранились многія легенды, переходившія отъ поколѣнія къ поколѣнію въ теченіе многихъ вѣковъ, которыя въ общемъ сводятся къ тому, что урочище Глухъ въ воображеніи народа рисуется какимъ-то заколдованнымъ мѣстомъ, возбуждающимъ суевѣрный страхъ въ окрестномъ населеніи.

в) Монастырище.

Въ 6 верстахъ отъ посада Ломазы вблизи селъ Ортеля и Докудова пользуется извѣстностью мѣсто „Монастырище“; по народному преданію здѣсь находился древній православный монастырь, осно-

ванный, по всей вѣроятности, во времена удѣльныхъ русскихъ князей и прекратившій свое существованіе уже лѣтъ 300 и болѣе тому назадъ. Расположенъ онъ былъ на недоступномъ возвышенномъ луговомъ островѣ; подтвержденіемъ преданія существованія Докудовскаго монастыря служитъ отчасти самая мѣстность, на которой еще имѣются слѣды бывшей жизни, именно, искусственно сооруженный валъ, пни фруктовыхъ деревьевъ, кирпичи и наконецъ въ землѣ находятъ большое количество человѣческихъ костей; предположеніе это подтверждается и другими данными—Докудовская церковь построена въ 1716 году Карломъ Радзивилломъ, между тѣмъ какъ въ ней мы находимъ много иконъ, книгъ и церковныхъ принадлежностей, начала XVI в.; имѣя же въ виду, что въ этой мѣстности церкви не было, возможно съ полною вѣроятностью допустить, что сохранившіеся предметы старины въ этой церкви перенесены въ нее изъ бывшаго съ нею въ сосѣдствѣ монастыря. Наконецъ, о существованіи послѣдняго имѣется намекъ и у Батюшкова (Холмская Русь), именно, что Докудовскій монастырь находился „межи водами“ [1]). Это мѣсто, вѣроятно, представляло изъ себя языческое кладбище, такъ какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ при раскопкѣ холма-кургана, въ числѣ другихъ старинныхъ вещей, были найдены глиняные сосуды, наполненные пепломъ сожженныхъ покойниковъ, каковой обычай имѣлъ мѣсто въ языческія времена. Одинъ документъ—духовное завѣщаніе наглядно свидѣтельствуетъ, что Докудовъ и смежныя съ нимъ мѣстности были населены еще въ XVI в. русскими дворянами-помѣщиками, такъ какъ это завѣщаніе изложено на русскомъ языкѣ [2]).

IV.

Обычаи, повѣрья и обряды.

Явнымъ доказательствомъ близости описываемой мною мѣстности къ коренной Руси, а къ Украйнѣ въ особенности, служатъ сохранившіеся до сего времени многіе древніе обычаи, повѣрья, пѣсни и обряды, занесенные сюда роднымъ по крови, плоти и вѣрѣ русскимъ народомъ. Къ сожалѣнію, большинство обычаевъ и пѣсенъ живутъ еще среди стараго поколѣнія, молодежь же предается и увлекается больше веселыми польскими пѣснями, а старые обычаи и пѣсни забросили. Вообще народные обычаи, а особенно повѣрья

---

[1]) Между рѣками Зелявой и Крмной; въ народѣ эта мѣстность извѣстна подъ названіемъ „Намостырь“.

[2]) Акты Виленской арх. комиссіи.

въ настоящее время значительно ослабѣли и нѣкоторыя изъ нихъ близки къ исчезновенію въ недалекомъ будущемъ, что же касается русскихъ религіозныхъ обычаевъ и обрядовъ, издревле вошедшихъ въ жизнь мѣстнаго населенія, то многіе изъ нихъ во время господства уніи замѣнились католическими, и послѣдніе такъ сильно вкоренились въ народныя массы, что исчезнутъ, быть можетъ, только во время полнаго развитія въ народѣ сознанія своей національности.

Подѣлюсь съ читателями тѣми немногими остатками старины, сохранившимися еще въ нѣкоторыхъ семьяхъ и понынѣ: въ Рождественскій сочельникъ приготовляется обильный ужинъ (вечеру) изъ многихъ постныхъ блюдъ, до первой звѣзды (зоры) кромѣ маленькихъ дѣтей почти всѣ взрослые ничего не ѣдятъ и даже воды не пьютъ. Днемъ ходятъ по хатамъ мальчики и дѣвочки въ одиночку и поютъ: Ой, Коляда, Колядиця. Дайдэ мачку и кутицю и т. д. Имъ даютъ по маленькой булочкѣ, нарочно испеченной для этой цѣли. Вечеромъ, когда покажется на небѣ первая звѣзда, настилаютъ на столъ сѣна, закрываютъ его бѣлою скатертью (обрускомъ), а въ переднемъ углу подъ образами (на покути) ставятъ ржаной снопъ. Когда вся семья соберется въ хату на ужинъ, то передъ ѣдой, какъ всегда дѣлается, всѣ крестятся и молятся, затѣмъ садятся за столъ. Въ 60-хъ годахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Забужья, между прочимъ, и въ Ломазскомъ приходѣ существовалъ польскій обычай передъ ужиномъ дѣлиться облатками, купленными у органиста ближайшаго костела или у странствующаго католическаго монаха, собирающаго милостыню для своего монастыря, и теперь этотъ обычай во многихъ мѣстахъ еще существуетъ. Во время ужина обыкновенно приходитъ какая-нибудь бѣдная старуха подъ окно хозяина и колядуетъ. Ей выносятъ кусокъ ситнаго хлѣба и пирогъ (колядникъ).

На первый день Рождества Христова послѣ возвращенія изъ церкви собираютъ сѣно со стола и отдаютъ его воламъ и коровамъ, а ржаной снопъ остается на покути до Крещенія.

На второй день въ Ломазахъ, а въ другихъ мѣстахъ и на третій, парни и мальчики отдѣльными группами ходятъ вечеромъ колядовать: одни безъ звѣзды, а другіе со звѣздой. Звѣзду эту (гвязду) дѣлаютъ изъ „обичайки“, стараго рѣшета или сита и бѣлой бумаги, намазанной льнянымъ масломъ для лучшаго пропуска свѣта отъ поставленной внутри горящей свѣчки. Придя цѣлой компаніей подъ окно хаты, колядущіе всѣ хоромъ говорятъ громогласно: „Нехъ бендзе похвалены Езусъ Христусъ. Чи кажэтэ піесню піети свуой дуомъ вэселити“. А изъ хаты отзываются: „А якой, руськой, чи

пуольской". Въ одной хатѣ просятъ пѣть русскую такую-то колядку, а въ другой—польскую такую-то пѣсню. И всѣ поютъ, иногда охрипшими голосами, подъ аккомпанементъ скрипки; послѣ окончанія пѣнія выносятъ имъ колядникъ—ржаной, ситній или пшеничный хлѣбъ, который кладутъ въ мѣшокъ. Затѣмъ подходятъ по очереди къ сосѣдней хатѣ и поютъ русскую или польскую колядку по желанію домохозяевъ. Такимъ образомъ обходятъ всѣ хаты въ селѣ или мѣстечкѣ и собранные „колядники" на другой день продаютъ и деньгами дѣлятся поровну. Иногда дѣвушки на вырученныя деньги отъ продажи колядниковъ покупаютъ для церкви иконы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Забужья, какъ, напримѣръ, въ Докудовѣ, Студзянкѣ, Ломазахъ, существуетъ обычай среди парней—ходить по хатамъ въ Рождественскіе праздники (на второй и третій день) ряженными: козой, конемъ, смертью съ косой, евреемъ, цыганомъ, Иродомъ со свитой, старшиной. Эта труппа доморощенныхъ актеровъ, представляющая собою живой малороссійскій вертепъ или польскую шопку, за свою игру съ польскими и малорусскими діалогами получаетъ въ каждой хатѣ отъ 5 до 10 копѣекъ.

Канунъ Новаго года называютъ здѣсь Гоготами, а вечеръ Щедрымъ вэчуромъ, такъ какъ ходятъ по хатамъ щедровать (или по мѣстному выраженію) гоготати. Парни и дѣвушки, нерѣдко переодѣвшись въ цыганъ, нищихъ, странниковъ, съ самодѣльными масками на лицѣ врываются шумно въ хаты и выпрашиваютъ у хозяевъ хлѣба, сала, денегъ—при этомъ же норовятъ, ловко оглядѣвъ хату, въ шутку стащить, что ближе попадется имъ подъ руку. Новый Годъ знаменуется тоже хожденіемъ съ поздравленіями и пѣснями дѣтей по хатамъ. Въ Крещеніе же необходимо зажигается освѣщенная свѣча — грумница и копотью ея каждый домохозяинъ дѣлаетъ крестъ въ хатѣ на балкѣ потолка и на верхнихъ косякахъ дверей и оконъ, а хата со всѣми чуланами и сараями окропляется іорданской водой „щобъ нэчистую силу выгнати, бо якъ свячона вода капнэ на злого духа, то вуонъ втикае, бо его палить, якъ огонь".

Въ Срѣтенье несутъ въ церковь для освященія самодѣльныя большія свѣчи — грумницы, копотью которой отецъ семейства дѣлаетъ на потолкѣ хаты черный крестъ. Затѣмъ подходятъ жена и дѣти, становятся подъ крестомъ и батько каждому изъ нихъ поджигаетъ крестообразно концы волосъ вокругъ головы. Кромѣ того свѣча эта зажигается во время грозы „щобъ пэрунъ не вдаривъ", и она же подается въ руки умирающему „щобъ одогнати злого духа". Польско-католическій обычай освящать свѣчи на Срѣтеніе, принятый уніатами, и теперь сохранился въ православныхъ забуж-

ныхъ церквахъ, и въ каждой хатѣ здѣшняго мѣщанина или крестьянина непремѣнно находится грумница, какъ у православныхъ въ Россіи страстная свѣча.

Масленица отправляется въ этомъ краѣ довольно скромно—блиновъ не пекутъ, лишь парни съ дѣвками устраиваютъ себѣ танцы и вечеринку. Но вотъ наступаетъ и Великій постъ со своею исповѣдью и причащеніемъ, передъ которыми и старъ и младъ просятъ другъ у друга прощеніе. А въ Вербное воскресеніе, какъ и въ Малороссіи, дѣти бьютъ другъ друга освященными вербами съ прибауткой: „Вэрба бье, не я бью, Вэликдэнь за тыждэнь“. Освященную вербу затыкаютъ за образа или хранятъ ее въ какомънибудь укромномъ мѣстѣ въ коморѣ до тѣхъ поръ, пока рогатый скотъ стоитъ въ хлѣву. Когда же, весной въ первый разъ его выгоняютъ на пастбище, то этой вербой ударяютъ его и окропляютъ святой водой, чтобы волы и коровы были здоровы и чтобы не съѣли ихъ волки. Послѣ этого вербу или прячутъ или сжигаютъ.

На Пасху, какъ и вездѣ, красятъ яйца въ разные цвѣта, но преимущественно въ красный. Этотъ праздникъ, какъ повсюду, встрѣчаютъ здѣсь съ большою радостью, и самый бѣдный человѣкъ старается сдѣлать себѣ обновку и приготовить пасхальный столъ. По народному вѣрованію, кто умретъ въ первый день Пасхи, тотъ пойдетъ въ Царство небесное, хотя бы былъ и великимъ грѣшникомъ, даже разбойникомъ. Обычая цѣловаться при христосованіи здѣсь нѣтъ, но при встрѣчахъ привѣтствуютъ другъ друга словами: Христосъ Воскресъ! Воистэльно воскресъ! Это привѣтствіе употребляется мѣстными жителями съ перваго дня Пасхи до Вознесенія, а въ другое же время года здѣсь существуетъ характерное польское привѣтствіе: „Нехъ бэндзе похвалены Езусъ Христусъ“.—Съ отвѣтомъ „На вѣки вѣкувъ амэнъ“. „Похвалены“ здѣсь можно слышать на каждомъ шагу, даже и тогда его говорятъ, когда идутъ другъ съ другомъ ругаться и драться. У польской интеллигенціи этого обычая не существуетъ. Разговни у пановъ тѣ же, что и въ Россіи, а мѣщане и крестьяне не накрываютъ пасхальнаго стола, а все съѣстное приготовленное на Пасху держатъ въ коморѣ, какъ въ болѣе прохладномъ мѣстѣ, и когда вся семья соберется въ хату, чтобы разговѣться, то батько самъ выноситъ оттуда большой коробъ, наполненный всякой снѣдью, и говоритъ: Христосъ воскресъ! Воистэльно или богоистэльно воскресъ! отвѣчаетъ семья, и всѣ начинаютъ разговляться, начиная съ яичка и пасхи. Въ этотъ торжественный праздникъ сосѣди и родственники навѣщаютъ другъ друга. При входѣ въ избу привѣтствуютъ хозяина и его жену съ дѣтьми: Христосъ воскресъ! — Богоистэльно воскресъ! отвѣчаютъ

гости—и начинается угощеніе ихъ и обоюдныя пожеланія здравія за закуской и водкой — а затѣмъ и разговоръ дѣлается болѣе свободнымъ—повѣряются другъ другу свои бѣды, радости и частенько сквозятъ въ этихъ бесѣдахъ обиды стараго поколѣнія на нынѣшнее молодое. „Роспуста вэликая тэпэрь на сьвити. Якъ мы были малыми щэ за паньщины, то боялися Бога и встыдалися людіей—батькуовъ и матэруовъ своихъ шановали. А тэпэрь що. Молодыи палять папиросы, никому доброго слова нэ дадутъ, гуляютъ до свитэня, а якъ посварити ихъ трохи, що такъ нэ годытця робити, то вони туолько смиютьця и злуютъ и насъ старыхъ дурнями называютъ". Такъ высказываютъ свое мнѣніе старики о молодомъ поколѣніи, выросшемъ на свободѣ послѣ уничтоженія крѣпостного права. И дѣйствительно замѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Забужья, что въ послѣднія времена нравственность среди молодого поколѣнія понизилась сравнительно со старымъ, болѣе дисциплинированнымъ въ крѣпостное время.

На Троицу хаты украшаютъ зеленью, и привязываютъ къ рогамъ коровъ и воловъ березовыя вѣтви, а на Зеленьця (15 іюня) дѣвушки приготовляютъ вѣночки изъ мелкихъ душистыхъ цвѣтовъ и несутъ въ церковь для освященія, а во время грозы, когда зажигается грумныця, кадятъ этими вѣночками въ хатѣ „щобъ пэрунъ нэ спаливъ хаты".

На праздникъ Рождества Предтечи и Крестителя Господня Іоанна подъ стрѣху хатъ прикрѣпляютъ зеленыя вѣтви. Въ Докудовѣ мальчики надѣваютъ вѣнки изъ цвѣтовъ, а дѣвушки пускаютъ свои вѣнки на рѣку и по плаванію ихъ гадаютъ о замужествѣ. Въ эту ночь, по народному повѣрію „папороть цвитэ и хто той цвіетъ найдэ, то будэ міети вэлике щасьце". Въ этотъ праздникъ у поляковъ существуетъ обычай обливать водою поутру, когда еще спятъ: близкіе знакомые входятъ въ спальню и выливаютъ стаканъ воды на голову спящаго, а когда тотъ въ недоумѣніи вскакиваетъ—ему говорятъ „А святого Яна". И потревоженный неожиданнымъ обливаніемъ успокаивается и пускается въ шутливый разговоръ съ посѣтителемъ.

На Успеніе 15 августа освящаютъ макъ, астры, гвоздику и другіе цвѣты. Изъ каждой хаты несутъ пучекъ этихъ цвѣтовъ въ церковь и послѣ освященія закладываютъ его за образа, а когда кто умретъ, то кладутъ въ гробъ (труну) эти цвѣты.

Изъ древнихъ обычаевъ и повѣрій сохранились слѣдующіе: когда кто проходитъ мимо работающихъ, то послѣ обычнаго привѣтствія „Похвалены" всегда говорятъ: „Помогай Вамъ Боже до роботы.—Бугъ заплаць за доброе слово", отвѣчаютъ ему рабочіе. Если чужой войдетъ

въ хату во время ѣды за столомъ, то хозяинъ или хозяйка всегда говоритъ посѣтителю: Просимо васъ на полудэнь (или на вечеру или на снэдане). А вошедшій отвѣчаетъ: Иіежтэ (или поживайтэ) здоровы. Когда кто чихнетъ, ему говорятъ: на здорове, и онъ за это благодаритъ: Бугъ заплацъ. Когда у маленькихъ дѣтей выпадетъ зубъ, то его бросаютъ подъ печку и говорятъ: На тобіе, мышко, зубокъ костяный, а мніэ дай зеліезны. Плевать въ огонь грѣшно, „и хто плюнэ, тому языкъ спрыщитъ“. Если баба перейдетъ дорогу съ пустыми ведрами или заяцъ перебѣжитъ дорогу передъ идущимъ или ѣдущимъ, то это считается дурнымъ предзнаменованіемъ, и говорятъ, что будетъ несчастіе. Здѣсь вѣрятъ въ сглазъ, заговоры, ворожбу и дурныя предзнаменованія и примѣты. Нельзя на себѣ починить одежды и бѣлья „бо розумъ муожня зашити“. Всякое явленіе природы и общественной жизни простой народъ объясняетъ по-своему, такъ, напримѣръ, войны бываютъ для того, чтобы меньше людей было на землѣ, а то земля не могла бы держать много народа. О происхожденіи Юліанскаго и Григоріанскаго календарей существуетъ въ народѣ такое объясненіе: когда Христосъ родился, то всѣ народы шли къ нему поклониться и принести свои подарки. Полякъ, нѣмецъ, французъ, какъ болѣе ловкіе, наскоро одѣлись и прежде русскихъ прибыли въ Виѳлеемъ; „повуольны“ русинъ же, пока одѣлъ свой сукманъ и обулся въ постолы, да пока снаряжался въ путь и, наконецъ, добрелъ до мѣста рожденія Христова, то опоздалъ послѣ поляка, нѣмца и француза на 12 дней, и вотъ почему Рождество и другіе русскіе праздники бываютъ на 12 дней позже польскихъ праздниковъ.

Изъ приведенныхъ образцовъ Ломазской рѣчи видно, что словарь этого говора составленъ изъ двухъ главныхъ элементовъ, развившихся органически въ народной рѣчи—общерусскаго и южнорусскаго, и третьяго—иноязычнаго, вошедшаго впослѣдствіи въ языкъ народа Забужнаго края, т. е. словъ польскихъ, греческихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и тюрко-татарскихъ. Какъ лучшіе (яркіе) образцы ломазскаго говора можно привести мѣстныя народныя пѣсни, центромъ которыхъ служатъ пѣсни свадебныя. Въ этихъ пѣсняхъ отражаются картинно народные обычаи и обряды, которые традиціонно исполняютъ женихъ, невѣста и свашки съ дружбами. Самымъ главнымъ въ свадебномъ дружбѣ считается старшій маршалокъ, который играетъ роль чашника во время свадебныхъ пиршествъ. Вся эта дружба въ теченіе 3-хъ дней находится неотлучно при молодыхъ и исполняетъ разныя свадебныя обязанности и церемоніи: дѣлаютъ коровай, одѣваютъ невѣсту, распѣваютъ пѣсни и т. д.

Привожу выдержки изъ пѣсенъ.

„Маршалокъ сыръ крае
Бо золотой ножикъ мае } 2 раза.
Сріэбную тарилочку
И гуркую горилочку.

———

Кланяйся Марысько
Старому малому
Батенькови родному
Въ ручки, въ нуожки падай
Одъ Бога доли жадай.

———

Найіэхали пэрэзвьяки
Що ажъ погнулися лавки; } 2 раза.
Якъ щэ пива напьютьця,
То щэ нэ такъ погнутьця“.

Кончаются пиры обыкновенно пѣсней, которую напослѣдокъ затягиваютъ уходящіе гости во здравіе хозяина, его жены и дѣтей:

Нашъ хозяинъ най живе,
Многа лита най мае
Многая, многая лита (3 раза).
Его жинка най живе,
Многа лита най мае
Многая, многая лита (3 раза).
Его диты най живе,
Многа лита най мае
Многая, многая лита. (3 раза).

Вообще нигдѣ въ нашемъ краѣ не сохранилось столько пѣсенъ, какъ въ описанной мною мѣстности.

Упомянутые выше остатки глубокой древности въ урочищахъ Церковиско, Глухѣ и Монастырищѣ несомнѣнно свидѣтельствуютъ не только о заселеніи описанной мною мѣстности въ доисторическія времена, но главнымъ образомъ о просвѣщеніи этого края свѣтомъ вѣры Христовой тотчасъ же по крещеніи всей Руси; возможно допустить, что въ Ломазахъ и ихъ окрестностяхъ были учреждены первыя православныя церкви какъ св. Равноапостольнымъ Княземъ Владиміромъ, такъ и просвѣтителями земли Русской свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ и лишь благодаря географическому положенію этой мѣстности, стоящей сторожевымъ пунктомъ Подляшья, постоянно отражавшимъ враговъ, всѣ памятники старины истреблялись не-

пріятелями при ихъ набѣгахъ и во время междуусобныхъ войнъ, а затѣмъ и намѣренно уничтожались врагами русской народности и православія. Сохранились только преданія о древнихъ памятникахъ православія въ нашемъ краѣ; документальныя же свѣдѣнія имѣются лишь о постройкѣ въ X-мъ вѣкѣ одной только церкви во имя Святителя Николая въ г. Люблинѣ [1]), но едва-ли возможно допустить, что въ этомъ вѣкѣ былъ только одинъ православный храмъ.

Завѣсу, скрывающую отъ насъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о первыхъ вѣкахъ жизни православія и русской народности на Подляшьѣ, могутъ сдвинуть лишь работы археологическаго общества, которому и слѣдовало бы проявить свою энергію, именно въ этой мѣстности, гдѣ столь много интереснаго и драгоцѣннаго для каждаго русскаго человѣка, но необходимо по возможности скорѣе приступить къ этимъ поистинѣ благимъ трудамъ, ибо съ каждымъ годомъ сохранившіяся еще немногія преданія меркнутъ, а съ ними рука объ руку и уничтожаются безжалостною силою времени тѣ остатки памятниковъ, которые могутъ еще служить вѣхами къ достиженію благихъ результатовъ—раскрытія цѣнныхъ матеріаловъ нашей родной старины этого издревле русскаго края.

В. П. М—нъ.

---

[1]) Батюшковъ, стр. 39.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 6 апрѣля по 30 іюня 1911 г.

Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ, герой севастопольской войны. М. 1911. Изд. и тип. Е. Коноваловой и К°, 3-е (Б. Андроніевская, св. д.). 18° (12×18). 108 стр. Вѣсъ 4 л. 12.000 экз.

Антикварная книжная торговля В. И. Клочкова. Каталогъ № 505. Спб. 1911. Тип. Аргольда (Литейный, 59). 8° (17 × 24). 16 стр. Вѣсъ 3 л. 1.200 экз.

Антикварный каталогъ русскихъ книгъ № 33. Книжнаго магазина И. М. Фадѣева въ Москвѣ. М. 1911. Тип. А. И. Снегиревой (Савеловскій пер., соб. д.). 8° (17×25). 16 стр. Вѣсъ 1 л. 1.500 экз.

Блиновъ, Ив. Отношенія Сената къ мѣстнымъ учрежденіямъ въ XIX вѣкѣ. Спб. 1911. Тип. Сенатская. 4° (23×32). 288 стр. Скл.: Сергіевская, 75, у автора. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 3 ф. 100 экз.

Бродскій, Л. К. Священникъ Ѳеодосій Левицкій и его сочиненія, поднесенныя Императору Александру Первому. Матеріалы къ исторіи мистицизма въ началѣ XIX вѣка. Спб. 1911. Тип. Синодальная. 8° (16×24). XXXV+860+III стр. Вѣсъ 2 ф. 9 л. 1.200 экз.

Введенскій, Д. Святитель Іоасафъ Бѣлгородскій. М. 1911. Тип. Русская печатня (Садовая Тріумф., 170). 8° (16×23). 24 стр.+1 листъ рис. Вѣсъ 3 л. 600 экз.

Виппперъ, Р., проф. Учебникъ древней исторіи съ рис. и историческими картами. М. 1911. Изд. 8-е. Тип. т-ва И. Н. Кушнерева и К° (Пименовская, св. д.). 8° (17×24). 212 стр. Съ рис. и картами. Складъ: Кн. магаз. В. С. Спиридонова и А. М. Михайлова (Тверская, Столешниковъ пер., д. Ліапозова). Ц. 1 р. Вѣсъ 25 л. 15.000 экз.

Волковичъ, Н. М., проф. Н. И. Пироговъ какъ хирургъ и его значеніе для русской медицины. Рѣчь на торжественномъ празднованіи Кіевскимъ Университетомъ 100-лѣтія рожденія Н. И. Пирогова, 13-го ноября 1910 г. Кіевъ. 1911. Тип. акц. о-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (17×26). 16 стр. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Державинъ, Г. Р. Избранныя сочиненія. Русская классная библіотека. Спб. 1911. Изд. 2-е и тип. Глазунова (Казанская, 8). 8° (15×23). 121 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 12 л. 4.050 экз.

Добрынинъ, К. И. Краткій курсъ Русской Исторіи (съ дополненіями изъ Всеобщей) для III класса женскихъ гимназій. М. 1911. Изд. В. С

Спиридонова (Столешниковъ пер., д. Ліанозова). Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, св. д.). 8° (15×23). 161 стр. Съ рис. Ц. 60 к. Вѣсъ 16 л. 5.500 экз.

Достоевскій, Ѳ. М. Полное собраніе сочиненій. Съ многочисленными приложеніями. Томъ седьмой. Униженные и оскорбленные. Романъ въ 4-хъ частяхъ съ эпилогомъ. Спб. 1911. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“ (Спб., Забалканскій пр., 75). Тип. акц. об-ства „Самообразованіе“ (Забалканскій, 75). 12° (13 × 19). 520 стр. и 1 снимокъ. Ц. 28 р. за 21 т.т. Вѣсъ 28 л. 5.300 экз.

Достоевскій, Ѳ. М. Полное собраніе сочиненій. Съ многочисленными приложеніями. Томъ Восьмой. Преступленіе и наказаніе. Романъ въ 6-ти частяхъ съ эпилогомъ. Часть I—III. Спб. 1911. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“ (Спб., Забалканскій пр., 75). Тип. акц. об-ства „Самообразованіе“ (Забалканскій, 75). 12° (13×19). 394 стр. и 1 снимокъ, Ц. 28 р. за 21 т.т. Вѣсъ 22 л. 5.000 экз.

Ермакъ завоеватель Сибири. Историческая повѣсть. Съ приложеніемъ пѣсни. М. 1911. Изд. и тип. Е. Коноваловой и К° (Б. Андроніевская, соб. д.). 18° (11×17). 108 стр. Вѣсъ 4 л. 12.000 экз.

Жизнь препод. и богоноснаго отца нашего Сергія, игумена Радонежскаго чудотворца. М. 1911. Изд. 2-е Русск. Пантелейм. монастыря. Тип. И. Ефимова (Б. Якиманка, соб. д.). 16° (12×16). 46 стр. Съ рис. Ц. 5 к. Вѣсъ 2 л. 5.000 экз.

Житіе преподобнаго Тихона и благодатныя знаменія, явленныя имъ страждущему человѣчеству. М. 1911. Изд. 4-е. Тип. И. Ефимова (Бол. Якиманка, св. д.). 8° (16×24). 106 стр.+1 листъ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 8 л. 5.000 экз.

Загоскинъ, М. Н. Юрій Милославскій или русскіе въ 1612 году. Историческій романъ. (Иллюстрированная библіотека соч. М. Н. Загоскина № 1). М. 1911. Изд. 2-е, кн. скл. М. В. Клюкина (Ваганьковскій пер., 9). Тип. А. П. Поплавскаго (Лялинъ пер., соб. д.). 16° (13×17). 287 стр. Съ рис. Ц. 40 к. Вѣсъ 19 л. 5.000 экз.

Зноско, Владиміръ, свящ. Жизнь и чудеса Святителя Павла (Коніоскевича), Митрополита Тобольскаго и Сибирскаго, нетлѣнно почивающаго въ усыпальницѣ Великой церкви Кіево-Печерской Лавры. Кіевъ. 1911. Тип. Кіево-Печер. Успенск. Лавры. 8° (15×22). 76+1 листъ рис. Вѣсъ 7 л. 10.000 экз.

Иловайскій, Д. И. Руководство ко всеобщей исторіи. Курсъ Старшаго возраста. М. 1911. Изд. автора 28-е. Тип. Н. Машистова (Б. Садовая, св. д.). 8° (15×21). 302 стр. Адр. издателя: Пименовская, соб. д. Ц. 75 к. Вѣсъ 22 л. 7.000 экз.

Историко-статистическое описаніе Тамбовской епархіи. Изданіе канцеляріи Тамбовской Духовной Консисторіи подъ ред. А. Андріевскаго. Съ приложеніемъ алфавитнаго указателя и карты Тамбовской губерніи. Тамбовъ. 1911. Тип. Н. Бердоносова и Ф. Пригорина. 8° (17×26). 24 нен.+878+IV+10 стр.+1 карта. Ц. 3 р. 75 к. Вѣсъ 2 ф. 13 л. 1.500 экз.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Вып. 35. Спб. 1911. Изд. тов. Гранатъ. Тип. Мин. Путей Сообщенія. 4° (21×28). 161+267 стр. Съ 18 рис. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 15.400 экз.

Казначеева, Анна. Св. Михаилъ, князь тверской. М. 1911. Тип. Русская Печатня. 16° (12×17). 19 стр. Вѣсъ 1 л. 1.650 экз.

Карамзинъ, Н. М. Бѣдная Лиза, Наталья боярская дочь. Марѳа Посадница или покореніе Новгорода. Повѣсти (Универсальная библіотека № 514). М. 1911. Изд. Польза, В. Антикъ и К° (Козицк. п., 2). Тип. А. Левенсонъ (Мамоновск. п., с. д.). 16° (9×14). 131 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 5.200 экз.

Карамзинъ. Н. М. Повѣсти. Дешевая библіотека. Спб. 1911. Изд. 10-е и тип. А. С. Суворина (Эртелевъ пер. 13). 16° (12×17). 183 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 7 л. 6.000 экз.

Каталогъ антикварной книжной торговли Д. Е. Смолина-Степанова. Саратовъ. 1911. Тип. Л. А. Аметистъ. 8° (16×23). 20 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Каталогъ библіотеки при Ржевской уѣздной Земской управѣ. Составленъ въ октябрѣ 1910 г. Тверь. 1911. Тип. Губ. земства. 8° (18 × 26) 78 стр. Вѣсъ 10 л. 300 экз.

Каталогъ временно распродающихся книгъ съ громадной скидкой книжнаго магазина и склада А. К. Гомулина (Спб., Литейный, 49) № 12, 1911 г. Спб. 1911. Тип. т-ва „Свѣтъ“ (Невскій, 136). 16° (14×18). 32 стр. Вѣсъ 2 л. 40.000 экз.

Каталогъ изданій по обозной части. Военно-книжный складъ П. Болотова. Спб. 1911. Тип. Гольдберга (Столярный, 7). 8° (14×20). 16 стр. Вѣсъ 1 л. 3.000 экз.

Каталогъ книгъ О. М. Блюмбергъ. Спб. 1911. Тип. Лурье (Гороховая. 48). 4° (27×35). 4 стр. Адр. Изд. Спб., Невск. пр., 52. Вѣсъ 1 л. 3.000 экз.

Каталогъ книгъ книжн. склада „Плодоводство“. Спб. 1911, Изд. Имп. Рус. Общ. Плодоводства. Тип. Градоначальства. 8° (17×24). 27 стр. Вѣсъ 4 л. 4.000 экз.

Каталогъ книжнаго склада „Наука“. Для г.г. книгопродавцевъ. М. 1911. Тип. Печатное дѣло Ф. Я. Бурча (Тверской бульв.). 8° (15×23). 80 стр. Вѣсъ 8 л. 8.000 экз.

Коганъ, П. Очеркъ по исторіи новѣйшей русской литературы, Томъ III. Современники. Вып. I. М. 1911. Изд. Книгоизд. ‘Заря 2-е. Тип. Рекордъ (Б. Афанасьевскій пер., 32). 8° (16×22). 185+7 нен. стр. Складъ: Кн. Маг. Сотрудникъ Провинціи (уг. Тверск. бульв. и Мал. Бронной). Ц. 1 р. Вѣсъ 95 л. 5.000 экз.

Кречетовичъ, І. П., прот. Крестьянская реформа въ Оренбургскомъ краѣ (по архивнымъ даннымъ). Томъ I. Подготовка реформы. М. 1911. Изд. Импер. Об-ва Ист. и древн. Россійск. при Москов. Унив. Тип. Синодальная. 8° (18×28). VIII+628 стр. Вѣсъ 2 ф. 27 л. 300 экз.

Крыловъ, П. И. Комитетъ Нижегородскаго Художественнаго и Историческаго Музея. I Художественный отдѣлъ. Н.-Новгородъ. 1911. Изд. 4-е. Тип. Нижегородское Печатное дѣло. 16° (11×19). 89 стр. Вѣсъ 6 л. 1.200 экз.

Лансонъ, Г. Методъ въ исторіи Литературы. Перев. съ франц. и послѣсловіе М. Гершензона. М. 1911. Изд. т-ва Міръ (Знаменка, 9). Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, соб. д.). 8° (15×22). 76 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 7 л. 2.000 экз.

Меліоранскій, Борисъ. Изъ посмертныхъ бумагъ и записной тетради покойнаго профессора по исторіи церкви въ С.-Петербургскомъ университетѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ. Содержаніе. Вмѣсто предисловія. Замѣтки и этюды религіознаго, богословскаго, философскаго и культурно-историческаго содержанія. Двѣ сцены изъ „Фауста“ Гете. Сти-

хотворенія. Одиссены. Финалъ изъ трагедіи: „1796 годъ“. О женщинахъ и женскомъ вопросѣ вообще. Спб. 1911. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (17×23). 142 стр. Съ портр. Ц. 1 р. Вѣсъ 17 л. 500 экз.

Михеевъ. С. Исторія русской арміи. Вып. V. Эпоха реформъ. М 1911. Изд. С. Михеева и А. Казачкова. Тип. Штаба Моск. Воен. Окр. 8° (18×27). 112 стр. Съ рис. и портр.+1 портр. Складъ: Александровское воен. уч. Ц. 60 к. Вѣсъ 15 л. 1.200 экз.

Михневичъ. А. П. Полвѣка назадъ. 19 февраля 1861. Освобожденіе крестьянъ. (Чтеніе для школъ, войскъ и народа). Спб. 1911. Изд. И. В. Казначеева (Офицерск. ул., 23, кв. 11), 2-е. Тип. Смирнова (Екатер. кан. 45). 8° (17×24). 40 стр. Съ 8 рис. Ц. 35 к. Вѣсъ 6 л. 1.500 экз.

Модестъ, архим. Жизнь Спасителя, какъ образецъ и прим. нравственной жизни. М. 1911. Тип. Русская печатня (Б. Садовая, 170). 8° (17×24). 14 стр. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Модестъ, архим. Св. Астерій Амасійскій. Его жизнь и проповѣдническая дѣятельность. М. 1911. Тип. А. Снегиревой (Савеловскій пер., св. д.). 8° (18×27). 151 стр. Складъ: Знаменскій монастырь. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 20 л. 510 экз.

Плотниковъ. К. Исторія русскаго раскола старообрядчества. Спб. 1911. Изд. 6-е Тип. М. И. Акинфіева (Басковъ пер., 10). 8° (16 × 25). II+218 стр. Ц. 1 р. 15 к. Вѣсъ 19 л. 2.000 экз.

Покровскій, В. Александръ Петровичъ Сумароковъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1911. Изд. 2-е, Тип. Г. Висснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. п., с. д.). 8° (17×26). 150 стр. Складъ: Кн. маг. Спиридонова и А. Михайлова (Столешниковъ п., д. Ліанозова). Ц. 40 к. Вѣсъ 15 л. 3.000 экз.

Покровскій, М. Н. при участіи Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева. Русская исторія. Томъ 3-й, книга пятая. Съ древнѣйшихъ временъ. М. 1911. Изд. Т-ва „Міръ“. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (19×28). 145 стр.+12 лист. рис. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 5.000 экз.

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ. Арапъ Петра Великаго. М. 1911. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 18° (13×19). 95 стр. Вѣсъ 4 л. 12.000 экз.

Пушкинъ, А. С. Борисъ Годуновъ. Драма. М. 1911. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 18° (12 × 18). 108 стр. Вѣсъ 5 л. 12.000 экз.

Радичъ, В. Запорожская старина. Историческіе разсказы. Библіотека для семьи и школы. М. 1911. Изд. ред. журн. „Юной Россіи“. 2-е (Б. Молчановка, 18). Тип. К. Меньшова (Никольск. пер., 21). 8° (15×21). 180 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 18 л. 3.600 экз.

Разумовскій, В. И. Николай Ивановичъ Пироговъ, его жизнь и дѣятельность. Рѣчь, произнесенная въ торжеств. публичн. Собраніи Николаевскаго университета 13 Ноября 1910 г. по случаю 100-лѣтія со дня рожд. Н. И. Пирогова. Саратовъ. 1911. Изд. Университета. Тип. Союза печ. дѣла. 8° (17×25). 24 стр. Вѣсъ 3 л. 150 экз.

Сикорскій, И. А., проф. Психологическое направленіе художественнаго творчества Гоголя. (Рѣчь). Кіевъ. 1911. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Мерингов., 6). 8° (18×26). 11 стр. Вѣсъ 2 л. 400 экз.

Систематическіе каталоги книжныхъ магазиновъ Т-ва М. О. Вольфъ.

XI. Каталогъ книгъ для студентовъ по исторіи. Спб. 1911. Изд. и тип. М. О. Вольфъ. 2-е. 16⁰ (13×17). 110 стр. Вѣсъ 7 л. 3.000 экз.

Систематическіе каталоги книжныхъ магазиновъ т-ва Вольфъ. XI. Каталогъ книгъ по исторіи. Спб. 1911. Изд. и тип. М. О. Вольфъ, 2-е. 16⁰ (13×17). 110 стр. Вѣсъ 7 л. 7.000 экз.

Соловьевъ, С. М. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Книга III. Т. XI — XV. Спб. 1911. Изд. и тип. „Обществ. Польза“ 3-е (Б. Подъяческая, 39). 8⁰ (20 × 28). 1580 столб. (въ 2 ст.). Вѣсъ 3 ф. 8 л. 3.500 экз.

Страница изъ жизни Московскаго университета. Изъ записокъ профессора Н. П. Боголѣпова. М. 1911. Тип. С. П. Яковлева (Салтыковск. п., 9). 8⁰ (15×20). 133 стр. Вѣсъ 13 л. 600 экз.

Толстой, Л. Н. Собраніе сочиненій. Томъ 8-й. 1) Что такое искусство. 2) О Шекспирѣ и о драмѣ. Спб. 1911. Изд. В. М. Саблина. Тип. „Энергія“ (Загородный 17). 8⁰ (15×20). 333 стр. Складъ: Спб., Невск., 28 и 3 Рождеств., 26. Ц. 1 р. Вѣсъ 27 л. 8.000 экз.

Толстой, Л. Н. Три старца. Кающійся грѣшникъ. М. 1911. Изд. Посредника (Арбатъ, д. Тѣстова), 4-е Тип. Вильде (М. Кисловка, с. д.). 32⁰ (10×13). 32 стр. Вѣсъ 1 л. 24.000 экз.

Тростянскій, М. И. Русская литература XIX в. и вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Кіевъ. 1911. Изд. Кіевской 1-й гимназіи. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 8⁰ (18×26). 18 стр. Съ портр. + 1 листъ портр. Ц. 40 к. Вѣсъ 6 л. 400 экз.

Ѳирсовъ, А. Историческое описаніе Холмогорскаго Успенскаго женскаго монастыря. М. 1911. Изд. 2-е. Тип. Русск. Тов. (Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д.). 8⁰ (17×26). 40 стр. Вѣсъ 5 л. 1.000 экз.

Акціонерное издательское и книготорговое общество „Лекторъ“. Каталогъ художеств. изданій, альбомовъ и картинныхъ галлерей. Спб. 1911. Изд. „Лекторъ“ (Правленіе въ Вильнѣ). Тип. Шт. Отд. Корп. Прогр. Стр. (В. О., у Биржи). 8⁰ (14×20). 34 стр. Вѣсъ 3 л. 2.000 экз.

Бѣляевъ, И. С. Практическій курсъ изученія древней русской скорописи для рукописей XV—XVIII столѣтій. М. 1911. Изд. автора, 2-е. Тип. Синодальная. 8⁰ (19×28). 100 стр. Складъ кн. маг. Карбасникова. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 19 л. 1.300 экз.

Вальзеръ, д-ръ. Лѣченіе питательными солями. Вольный перев. съ нѣм. Рига. 1911. Изд. Г. Сете (Александровская, 16). Тип. І. А. Фрей и К⁰ (Александровская, 13). 8⁰ (13×20). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 3.000 экз.

Вахтина, М. Роль женщины въ исторической эволюціи и другіе доклады. Спб. 1911. Тип. М. М. Стасюлевича. 8⁰ (16×23). 102 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 18 л. 500 экз.

Великая реформа. Русское Общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Юбилейное изданіе. Томъ VI. (Историческая комиссія Учебнаго отдѣла О. Р. Т. З. Редакція А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. М. 1911. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 8⁰ (22×29). 378 стр. съ рис. +31 листъ рис. Вѣсъ 4 ф. 16 л. 3.000 экз.

Достоевскій, Ѳ. М. Полное собраніе сочиненій. Съ многочисленными приложеніями. Томъ девятый. Преступленіе и наказаніе. Романъ въ 6-ти частяхъ съ эпилогомъ. Части IV—VI. Спб. 1911. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“. Тип. Акц. Об-ства „Самообразованіе“ (Забалканск. пр., 75). 12⁰ (13×19). 388 стр. и 1 снимокъ. Ц. 28 р. за 21 т. Вѣсъ 22 л. 5.000 экз.

Достоевскій, Ѳ. М. Полное собраніе сочиненій. Съ многочисленными приложеніями. Томъ десятый. Идіотъ. Романъ въ 4 частяхъ. Часть I—II. Спб. 1911. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“. Тип. Акц. О-ва „Самообразованіе“ (Забалканск. пр., 75). 12⁰ (13×19). 492 стр. и 1 портр. Ц. 28 р. за 21 т. Вѣсъ 27 л. 5.000 экз.

Достоевскій, Ѳ. М. Собраніе сочиненій. Хозяйка и другіе разсказы. Спб. 1911. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“. Тип. Акц. Об-ства „Самообразованіе“ (Забалканскій пр., 75). 12⁰ (13 × 19). 377 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 19 л. 10.000 экз.

Достоевскій, Ѳ. М. Честный воръ. Изъ записокъ неизвѣстнаго. Разсказъ. Библіотека „Просвѣщенія“ 103. Спб. Изд. и тип. Книгоиздат-ва Тов-ва „Просвѣщеніе“ (Забалканскій пр., д. 75), 2-е. 16⁰ (13×18). 27 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз.

Историческій каталогъ музея Севастопольской обороны. Спб. 1911. Изд. 3-е испр. и доп. Тип. Глав. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8⁰ (13×20). 188 стр. Вѣсъ 15 л. 2.400 экз.

Карамзинъ, Н. М. Избранныя сочиненія. Часть первая. Повѣсти.—Разсужденія.—Стихотворенія.—Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. А. Н. Чудинова. Пособіе при изученіи русской литературы. Вып. VIII. Спб. 1911. Изд. 2-е и тип. Глазунова (Казанская ул., 8). 8⁰ (16×21). П+200 стр.+1 рис. и 1 портр. Ц. 55 к. Вѣсъ 19 л. 4.050 экз.

Каталогъ учебныхъ пособій и книгъ по русской и всеобщей исторіи. Педагогическая выставка въ г. Ригѣ 11—17 апрѣля 1911 года. Историко-филологическій отдѣлъ. Историческая секція. Рига. 1911. Тип. Шнакенбургъ (Конюшенная, 5). 8⁰ (15×23). 48 стр. Вѣсъ 5 л. 500 экз.

Каталогъ художественнаго отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III. Спб. 1911. Тип. Энергія (Загородный, 17). 8⁰ (18×25). 164 стр. Вѣсъ 22 л. 5.000 экз.

Кузес., Елисавета. Русская литература—краткій обзоръ 1.000 лѣт. „Для всѣхъ“. Пермь. 1911. Изд. автора. Тип. губ. земства. 8⁰ (16 × 24). 1 нен.+294 стр. Складъ: зданіе Историческаго Музея, кв. Ляпуновыхъ. Ц. 2 р. Вѣсъ 18 л. 4.000 экз.

Лобода, А. М., проф. Лекціи по Исторіи Новой Русской Литературы. (XVIII-й вѣкъ). Часть I. Кіевъ. 1911. Изд. Студ. Истор. филол. фак. Унив. Тип. К. В. Андрусича (Крещатикъ, 36). 8⁰ (17×25). 223+1 нен. стр. Вѣсъ 26 л. 450 экз.

Михайловскій, Н. К. Полное собраніе сочиненій. Томъ первый. Спб. 1911. Изд. 5-е. Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. О., 5-я лин., д. 28). 8⁰ (19×28). VII + 970 ст. (въ 2 ст.) и 1 портр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 24 л. 3.000 экз.

Острогорскій, Викторъ. Николай Васильевичъ Гоголь. Литературно-біографическій очеркъ. Спб. 1911. Изд. Вятск. Т-ва, 2-е (Екатер. ул., 4, кн. скл. Провинція). Тип. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., д. 28). 8⁰ (14 × 21). 41 стр. Съ портр. Ц. 10 к. Вѣсъ 5 л. 6.100 экз.

Придикъ, Евг. Мельгуновскій кладъ 1763 года. Матерьялы по археологіи Россіи № 31. Спб. 1911. Изд. Археологич. Комиссіи. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 4⁰ (27 × 37). 23 стр. + 5 таб. Вѣсъ 24 л. 875 экз.

Толстой, Л. Н. Кавказскій плѣнникъ. Быль. Спб. 1911. Изд. Вятск. т-ва. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., д. 28). 8⁰ (14 × 20). 32 стр. Складъ: Екатер. ул., 4, кн. складъ Провинція. Ц. 5 к. Вѣсъ 4 л. 6.100 экз.

Толстой, Левъ. Кругъ чтенія. Избранныя, собранныя и расположенныя на каждый день мысли многихъ писателей объ истинѣ, жизни и поведеніи. Т. II. Вып. I М. 1911. Изд. 4-е Посредника. (Арбатъ, д. Тѣстовыхъ). Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, соб. д.). 8° (14×20). 293 стр. Ц. 80 к. Вѣсъ 29 л. 10.200 экз.

Толстой, Л. Н., графъ. О жизни. Спб. 1911. Тип. Корпуснова (Мучной пер., 7). 16° (14×18). 160 стр. Складъ: Спб. Апраксинъ дворъ № 310/20. Ц. 75 к. Вѣсъ 12 л. 5.000 экз.

Толстой, Л. Н. Собраніе сочиненій. Серія 1-я Томы 2-й, 3-й, 11-й и 12-й. Спб. 1911. Изд. В. М. Саблина. Тип. Энергія (Загородный, 17). 8° (15×20). 392+314+354+302 стр. Складъ: Спб. Невскій, 28; 3 Рожд., 26. Адр. изд.: Москва. Петровка, д. Обидиной. Ц. по 1 р. Вѣсъ 3 ф. 8 л. По 8.100 экз.

Содержаніе: Т. II—Въ чемъ моя Вѣра; Исповѣдь и Религія и Нравственность. Т. III—Мелкіе разсказы и тексты къ лубочнымъ картинамъ. Т. XI—XII—Воскресеніе.

Торжество труда или жертва предразсудка. II вып. Другъ въ бѣдѣ. 12 вып. Соперникъ. Варшава. 1911. Изд. Печатное слово. Тип. Левинсона (Лешно, 68). 16° (11 × 15). 641 — 768 стр. Ц. по 5 к. Вѣсъ 4 л. По 13.000 экз.

Багалѣй, Д. И., проф. Русская исторія. Курсъ, составленный по лекціямъ. Часть 7-я, вып.1-й. (Удѣльный и московскій періоды). Подъ редакціей В. А. Барвинскаго. Харьковъ. 1911. Изд. Об-ва взаимопом.студ. филол. Харьков. Унив. Тип. С. Иванченко (Костюринскій, 2). 8° (18×27). 400 стр. Вѣсъ 1 ф. 31 л. 650 экз.

Бунинъ, Наркизъ Николаевичъ. Записка объ основаніи портретной галлереи и веденіи лѣтописи Курскаго дворянства. Курскъ. 1911. Тип. Губ. Зем. 8° (17×25). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 270 экз.

Въ память Л. Н. Толстого. Альбомъ изображеній Толстого и о Толстомъ. Подъ ред. Юрія Битовтъ. II. (41—80). М. 1911. Изд. и тип. Худ. фототипіи К. А. Фишеръ (Кузнецкій. 15). 4° (26×35). 41—80 лист. рис. и портр. Вѣсъ 1 ф. 24 л. 1.200 экз.

Грузинскій, К. Павловскъ. Историческій очеркъ и описаніе съ планомъ Павловска и картою окрестностей. Спб. 1911. Тип. А. М. Менделевича (Садовая, 81). 8° (17×22). 79 стр.+1 планъ+1 карта. Вѣсъ 12 л. 1.100 экз.

Козловскій, И. П. Андрей Виніусъ, сотрудникъ Петра Великаго. (1641—1717). Спб. 1911. Тип. Н. Я. Стойковой (Знаменская, 27). 8° (17×25). 79 стр. Вѣсъ 9 л. 100 экз.

Назаревскій, Борисъ. Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой. Его жизнь и произведенія. М. 1911. Изд. Комиссіи по устр. общ. образов. чтеній для фабр. раб. (Трубниковск. пер., д. Ржановой). Тип. Штаба. Моск. воен. окр. (Остоженка, д. воен. вѣд.). 8° (18×27). 109 стр. Вѣсъ 12 л. 6.000 экз.

Никольскій, Н. Древній Израиль. Популярные очерки по исторіи евреевъ въ научномъ освѣщеніи. М. 1911. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка. 9). Тип. А. А. Левенсонъ. 16° (13×18). VI+324 стр. съ рис.+1 карта+1 планъ. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 30 л. 3.000 экз.

Озеровъ. Таинственный монахъ. Историческій романъ изъ временъ царствованія Петра I, заимствованный изъ сочиненія Р. М. Зотова, изд.

1836 года. М. 1911. Изд. и тип. Е. Коноваловой и К° (Б. Андроньевская, соб. д.). 18° (12×18). 108 стр. Вѣсъ 4 л. 12.000 экз.

Сборникъ матеріаловъ по Рус.-Турецкой войнѣ 1877—78 гг. на Балканскомъ полуостровѣ. Выпускъ 85-й. Спб. 1911. Изд. Воен.-Историч. комис. Гл. Упр. Ген. Штаба. Тип. Обществ. Польза (Больш. Подъяческая, 39). 8° (20×29). XXI+374 стр. Вѣсъ 2 ф. 22 л. 220 экз.

Тулуповъ, Н. В. Родныя сказки. Сборникъ русскихъ сказокъ для дѣтей (по Аѳанасьеву, Ушинскому и другимъ). Вып. IV. М. 1911. Изд. 8-е. Тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8° (16 × 21). 46 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 8 л. 10.000 экз,

Эрнъ, Владиміръ. Борьба за логосъ. Опыты философскіе и критическіе. М. 1911. Изд. к-ва Путь. Тип. т-ва А. И. Мамонтова (Леонтьевскій пер., 5). 8° (15×22). VIII+361+4 нен. стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 2.000 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Собраніе сочиненій въ 6 томахъ. Съ портретомъ, автографами и письмами автора, указателемъ разбираемыхъ писателей и произведеній, указателемъ темъ и вопросовъ, затрагиваемыхъ авторомъ попутно въ различныхъ статьяхъ и критико-біографическомъ очеркомъ Г. В. Александровскаго. Подъ ред. Б. К. Фукса. Т. II. Кіевъ. 1911. Изд. Книгоизд. Б. К. Фукса. Тип. Акц. О-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (16×24). 322+11 стр. Складъ: кн. маг. В. А. Просяниченко (Фундуклеевская, 6). Ц. за 6 т. 3 р. 50 к. Вѣсъ 29 л. 6.000 экз.

Дорошенко, Петръ. Очеркъ крѣпостного права въ Малороссіи и крестьянской реформы въ Черниговской губерніи (От. изъ журн. „Земскаго Сборника“). Черниговъ. 1911. Тип. губ. земства. 8° (15×23). 36 стр. Вѣсъ 4 л. 30 экз.

Знойко, Николай. Краткій курсъ Всеобщей Исторіи. Сост. примѣнительно къ программамъ городскихъ училищъ. Одесса. 1911. Изд. 2-е. Тип. Л. Нитче (ул. Кондратенко, 30). 8° (16 × 22). IV + 243 + 1 нен. стр. Складъ: Книжн. Маг. Нов. Времени. Ц. 75 к. Вѣсъ 19 л. 7.500 экз.

Зносько, Владиміръ, свящ. Рясофорный монахъ (дѣвица) Досиѳей, затворникъ Кіево-Печерской лавры и первый руководитель наставникъ преп. Серафима Саровскаго. Кіевъ. 1911. Изд. и тип. Кіево-Печерской Лавры. 3-е. 8° (15×22). 66 стр.+1 листъ рис. Вѣсъ 6 л. 5.000 экз.

Ивановъ, Ив. Ив. Разсказы о старинѣ. Халдеи. Культурно-историческіе очерки. Библіотека для семьи и школы. М. 1911. Изд. ред. журн. Юная Россія (Б. Молчановка, 18), 2-е. Тип. К. Л. Меньшова (Никольскій пер., 21). 8° (15×20). 96 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 10 л. 3.600 экз.

Коганъ, П. Бѣлинскій. М. 1911. Изд. книгоизд. Заря. Тип. Общественная Польза (3-я Ямская, 34—35). 8° (13×20). 80 стр. Складъ: кн. маг. Сотрудникъ Провинціи (уг. Тверск. бульв. и Мал. Бронной). Ц. 30 к. Вѣсъ 7 л. 5.000 экз.

Лобода, А. М. Грани жизни Н. В. Гоголя. Кіевъ. 1911. Тип. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (17×25). 15 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Лукьяновъ, Л. 11-й гренадерскій фанагорійскій генералиссимуса князя Суворина, нынѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Дмитрія Павловича полкъ. Подъ ред. полковой исторической комиссіи. М. 1911. Тип. П. П. Рябушинскаго (Страстной бульв., св. д.). 16° (13×19). 60 стр.+8 лист. рис. и портр. Вѣсъ 5 л. 250 экз.

Мазаевъ, Иванъ Ивановичъ. Записки. Вып. 2-й. Воспоминаніе

дѣтства, отрочества и болѣе поздняго времени. Таганрогъ 1911. Изд. П. А. Мазаева. Тип. К. Д. Чумаченко. 4° (27×35). 48 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 16 л. 600 экз.

Незеленовъ, А. И. Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. (Въ двухъ частяхъ). Изд. подъ ред. В. В. Каллаша Ч. 2. (Карамзинскій и Пушкинскій періоды). М. 1910. Изд. В. В. Думнова, 17-е (Мясницк., д. Обидиной). Тип. Г. Лисснеръ и Д. Собко (Крестовоздвиж. п., с. д.). 8° (15 × 22). VI + 268 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 25 л. 7.000 экз.

Сикорскій, И. А., проф. Н. И. Пироговъ какъ мыслитель и человѣкъ (Рѣчь, сказанная 13 ноября 1910 г. въ день празднованія столѣтія рожденія Пирогова). Кіевъ. 1911. Тип. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Мариновская, 6). 8° (18×27). 16 стр. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Спасскій, А. А., проф. Лекціи по древней церковной исторіи, читанныя въ Московской Духовной Академіи. М. 1911. Изд. Студ. Москов. Духовн. Акад. Тип. С. М. Мухарскаго. 8° (18×27). 258 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 200 экз.

Ульяновъ, Н. А. Указатель журнальной литературы. М. 1911. Изд. Наука. (Б. Никитск.). Тип. П. Рябушинскаго (Путниковск. п., с. д.). 8° (17×25). 12 стр. Вѣсъ 2 л. 2.000 экз.

Айхенвальдъ, Ю. Предисловіе къ третьему изданію книги Силуэты русскихъ писателей. Вып. I. (Оттискъ). М. 1911. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовск., соб. д.). 8° (17×24). L стр. Вѣсъ 9 л. 300 экз.

Антикварная книжная торговля В. И. Клочкова. Каталогъ № 507. Спб. 1911. Тип. Арнгольда (Литейный, 59). 8° (17 × 24). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 1.200 экз.

Антикварная книжная торговля В. И. Клочкова. Каталогъ № 508. Спб. 1911. Тип. Арнгольда (Литейный, 59). 8° (17 × 24). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 1.200 экз.

Антикварная книжная торговля Ѳ. Шилова. Каталогъ № 13. Беллетристика, Поэзія, Собранія сочиненій. Спб. 1911. Тип. Арнгольда (Литейный, 59). 8° (17×24). 32 стр. Вѣсъ 4 л. 2.000 экз.

Антоній, архіеп. (Храповицкій). Полное собраніе сочиненій. Въ трехъ томахъ. Томъ III. Спб. 1911. Изд. 2-е, И. Л. Тузова (Гостин. Дв., 45). Тип. М. Н. Фроловой (Галерная, 6). 8° (16 × 24). 712 + II + 6 стр. Ц. 6 р. за три тома. Вѣсъ 2 ф. 5 л. 3.000 экз.

Бардовскій, А. Ф. Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій — другъ истины, добра и красоты. (Его жизнь и литературная дѣятельность). Спб. 1911. Изд. Ком. Нар. чтеній. Тип. И. В. Леонтьева (Басковъ пер., 4). 8° (16×25). 24 стр. Съ портр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

Грибарь, Игорь. Русскіе художники: Собраніе иллюстрированныхъ монографій. Вып. I. Яремичъ, С. Михаилъ Александровичъ Врубель, жизнь и творчество. Спб. 1911. Изд. І. Кнебель (Москва). Тип. Р. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (24×31). 187 стр. Съ 125 рис. Вѣсъ 3 ф. 13 л. 15.000 экз.

Достоевскій, Ѳ. М. Собраніе сочиненій. Неточка Незванова. Маленькій герой. Дядюшкинъ сонъ. Спб. 1911. Изд. Кн-ства „Просвѣщеніе“, 8-е. Тип. Акц. Общества „Самообразованіе“ (Забалканск. пр., 75). 12° (13×19). 497 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 23 л. 10.000 экз.

Клочковъ, М. Населеніе Россіи при Петрѣ Великомъ по переписямъ

того времени Т. I. Переписи дворовъ и населенія (1678—1721). Спб. 1911. Изд. Спб. Университета. Тип. Сенатская. 8⁰ (17×25). IV+435 стр. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 800 экз.

Князьковъ, С. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный и его время. Историческій очеркъ. М. 1911. Изд. І. Кнебель (Петровскія линіи), 3-е. Тип. А. Левенсонъ (Мамоновскій пер., св. д.). 8⁰ (13×20). 118 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 7 л. 9.000 экз.

Лермонтовъ, М. Ю. Герой нашего времени. Романъ. Иллюстрированная Лермонтовская библіотека. № 16. Спб. 1911. Изд. 6-е. Ф. Павленкова (Лештуковъ пер., 2). Тип. М. Меркушева (Невскій, 8). 16⁰ (10 × 16). 272 стр. Съ портр. и 22 рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 9 л. 6.100 экз.

Мережковскій, Д. С. Полное Собраніе Сочиненій. Томъ III. Христосъ и Антихристъ. Трилогія. II. Воскресшіе Боги Леонардо да Винчи. Спб. 1911. Изд. и тип. Тов. М. О. Вольфъ (Вас. О., 16 л., д. 5-2). 8⁰ (16×23). 376 стр. Ц. 18 р. за 15 т. Вѣсъ 1 ф. 7 л. 5.100 экз.

Музыкальная старина. Сборникъ статей и матерьяловъ для исторіи музыки въ Россіи, издаваемой Ник. Финдейзенъ. Вып. VI. Спб. 1911. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8⁰ (17 × 24). 103—171 стр. Съ 2 рис. Складъ: (ул. Гоголя, № 6). Ц. за V и VI вып.—3 р. Вѣсъ 10 л. 300 экз.

Назаревскій, В. В. Чтеніе изъ исторіи Царствующаго Дома Романовыхъ 1613 — 1913. Вып. I. Смутное время и дѣятельность патріарха Гермогена 1598 — 1610. Спб. 1911. Изд. Училищ. Совѣта при Святѣйш. Синодѣ. Тип. Синодальная. 8⁰ (18 × 27). 48 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 6 л. 20.000 экз.

Назаревскій, В. В. Чтеніе изъ исторіи Царствующаго Дома Романовыхъ 1613 — 1913. Вып. II. Троицкія грамоты и народныя ополченія въ 1611 и 1612 г.г. Спб. 1911. Изд. Училищ. Совѣта при Святѣйш. Синодѣ. Тип. Синодальная. 8⁰ (18 × 27). 40 стр. Съ рис. Ц. 15 к, Вѣсъ 5 л. 20.000 экз.

Олевинскій, П. А. Курсъ исторіи всеобщей литературы. Часть I. Читанъ въ музыкальномъ драматическомъ училищѣ московскаго филармоническаго общества въ 1910 — 1911 г. М. 1911. Тип. Т. А. Подрѣзкова. 8⁰ (18×28). 548 стр. Вѣсъ 2 ф. 18 л. 110 экз.

Описаніе архива Александро-Невской Лавры за время царствованія Императора Петра Великаго. Томъ второй. 1717 — 1719 годы. Спб. 1911. Тип. Синодальная. 4⁰ (20×31). X+1927 стр. Вѣсъ 7 ф. 16 л. 500 экз.

Острогорскій, М. Исторія Россіи съ картинками для народныхъ и другихъ низшихъ училищъ. Спб. 1911. Изд. 29-е. Тип. Тренке и Фюсно (Максимиліановскій пер., 13). 8⁰ (16×24). 112 стр. Съ 32 рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 13 л. 30.000 экз.

Покровскій, В. Денисъ Ивановичъ Фонвизинъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1911. Изд. 3-е. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. пер., 9). 8⁰ (16 × 25). 192 стр. Складъ: Кн. маг. В. Спиридонова и А. Михайлова (Тверская, Столешниковъ пер., д. Ліанозова). Ц. 50 к. Вѣсъ 18 л. 3.000 экз.

Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію Имп. Археографическою Коммиссіею. Т. XXII. Русскій хронографъ. Ч. I. Хронографъ редакціи 1512 года. Спб. 1911. Изд. Археограф. Ком. (Надеждинская, 27). Тип. Александрова (Надеждинская, 48). 4⁰ (26 × 35). VII+568+1 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 4 ф. 16 л. 500 экз.

Пругавинъ, А. С. О Львѣ Толстомъ и о Толстовцахъ. Очерки, воспоминанія, матеріалы. М. 1911. Изд. автора (Спб., Введенская, 17). Тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8⁰ (14 × 20). 323 стр. Ц. 80 к. Вѣсъ 25 л. 3.500 экз.

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ. Избранныя сочиненія. Съ біографическимъ очеркомъ. Составила Е. Н. Тихомирова. Для школьнаго возраста. Младшій возрастъ. Библіотека для семьи и школы. М. 1911. Изд. 11-е ред. журн. Юная Россія (Б. Молчановка, 18). Тип. К. Л. Меньшова (Арбатъ, Никольск. пер., 21). 8⁰ (15 × 22). 205+II стр. Съ рис. и портр. Ц. 30 к. Вѣсъ 14 л. 4.800 экз.

Пушкинъ, А. С. Капитанская дочка. Исторія села Горохина. № 518. Универсальная библіотека. М. 1911. Изд. К-ства Польза, В. Антикъ и К⁰ (Козицкій пер. 2). Тип. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., св. д.). 16⁰ (10×15). 160 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 5 л. 7.000 экз.

Пушкинъ, А. С. Моцартъ и Сальери. Драматическій очеркъ. Иллюстрированная Пушкинская библіотека. № 21. Спб. 1911. Изд. Ф. Павленкова, 6-е (Лештуковъ пер., 2). Тип. М. Меркушева (Невскій, 8). 16⁰ (10×16). 16 стр. Съ портр. Ц. 2 к. Вѣсъ 1 л. 4.100 экз.

Пушкинъ. Сочиненія. Переписка подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Томъ 3-й (1833—1837). Спб. 1911. Изд. и тип. Академіи Наукъ. 8⁰ (17×24). XV+473 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 25 л. 3.138 экз.

Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. XIV. Спб. 1911. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8⁰ (17×25). 230 стр. Вѣсъ 29 л. 730 экз.

Пѣсни Сіона. Части I и II. Спб. 1911. Изд. 2-е, испр. и доп. и тип. Книгоизд. Полезн. литературы (В. О., 24 л., д. 11). 8⁰ (13×18) 163+V стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 11 л. 5.000 экз.

Пѣтуховъ, Е. В., проф. Русская литература. Историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода. Древній періодъ. I. Введеніе. II. Древнѣйшая эпоха. III. Средніе вѣка. IV. Переходное время. Юрьевъ. 1911. Тип. Маттисена. 8⁰ (17 × 24). 751 стр. Ц. 4 р. Вѣсъ 2 ф. 8 л. 300 экз.

Сборникъ матеріаловъ по Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 гг. на Балканскомъ полуостровѣ. Вып. 80. Ч. I. Дневники частей инженерныхъ войскъ. Спб. 1910. Изд. Воен. истор. коммиссіи Гл. Упр. Ген. Штаба. Тип. С.-Петерб. тюрьмы (Арсенальная наб., 5). 8⁰ (20 × 28). 274 стр. и 4 карты. Вѣсъ 1 ф. 29 л. 1.200 экз.

Сборникъ первый. О Владимірѣ Соловьевѣ. М. 1911. Изд. Книгоизд. Путь (Знаменская, 11). Тип. Университета. 8⁰ (15 × 22). 222 + 2 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 22 л. 3.000 экз.

Соболевъ, Г. Н. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, его жизнь и міросозерцаніе. Чтеніе въ Кіевскомъ Православномъ Религіозно-просвѣтительномъ Обществѣ. Кіевъ. 1911. Изд. Кіев. Правосл. Религ. Просв. Об-ва. Тип. Русская Печатня (Михайловскій пр., 20). 8⁰ (15 × 22). 37 стр. Вѣсъ 3 л. 600 экз.

Шестовъ, Левъ. Собраніе сочиненій. Т. 2. Добро въ ученіи Толстого и Нитше. (Философія и проповѣдь). Спб. 1911. Изд. „Шиповника“ 2-е. Тип. „Екатеринг. Печ. дѣло“ (Екатеринг. пр., 10). 8⁰ (16 × 21). 187 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 20 л. 2.200 экз.

Анисимовъ, Н. В. и Зиневичъ, А. К. Исторія Русской Арміи.

Эпоха Петра Великаго 1699—1762 г. Чугуевъ. 1911. Тип. И. А. Лубенцова. 8⁰ (18×26). 86 стр. и 4 табл. Ц. 90 к. Вѣсъ 10 л. 1.000 экз.

Иллюстрированная Гоголевская библіотека А. С. Панафидиной. „Тарасъ Бульба“. Повѣсть. М. 1911. Изд. Панафидиной, 4-е (Лялинъ пер., с. д.). Тип. „Русскаго товарищества“ (Рыбниковъ пер., св. д.). 16⁰ (11×15). 208 стр. Съ 8 рис. Ц. 18 к. Вѣсъ 10 л. 10.000 экз.

Ильинскій, Л. К. Народныя пѣсни (частушки), записанныя въ Казанской губерніи. Казань. 1911. Тип. университета. 8⁰ (17 × 25). 9 стр. Вѣсъ 3 л. 50 экз.

Леонтьевъ, К. О романахъ гр. Л. Н. Толстого. Анализъ, стиль и вѣяніе. (Критическій этюдъ). Писано въ Оптиной Пустыни въ 1890 г. М. 1911. Тип. Б. М. Саблина (Петровка, д. Обидиной). 8⁰ (19 × 25). 125 стр. Съ портр. Складъ: Спб. 3 Рождественская, 26. Ц. 1 р. Вѣсъ 28 л. 3.000 экз.

Статистика произведеній печати, вышедшихъ въ Россіи въ 1910 г. Спб. 1911. Изд. Гл. Упр. по дѣламъ печати. Тип. Мин. Вн. Дѣлъ. 8⁰ (17×25) 113 стр. Вѣсъ 30 л. 600 экз.

Толстой, Л. Н. Кругъ чтенія. Повѣсти и разсказы. Спб. 1911. Тип. Графическаго Института (5 Рождественск., 44). 8⁰ (13×19). 168 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 13 л. 5.000 экз.

Андреевскій, В. В., подполк. Военно-историческая лѣтопись 2-го Закаспійскаго желѣзнодорожнаго баталіона, нынѣ 8-го желѣзнодорожнаго баталіона, съ 1885 г. по 1910 г. за 25 лѣтъ службы и постройки имъ 1.101 версты Закаспійской военной желѣзной дороги Военнаго Вѣдомства отъ Кизилъ-Арвата до Самарканда съ 1885 г. по 1888 г. Кіевъ. 1910. Изд. подполковн. В. В. Андреевскаго. Тип. А. Пономарева и И. Врублевскаго (Крещатикъ, 58). 4⁰ (23×31). 640+IX стр. Съ рис. Вѣсъ 4 ф. 2.000 экз.

Андреевскій, В. В. Кратчайшая военно-историческая лѣтопись 2-го Закаспійскаго желѣзнодорожнаго баталіона, нынѣ 8-го желѣзнодорожнаго баталіона, съ 1885 года по 1911 годъ за 26 лѣтъ службы и постройки имъ 1.101 версты Закаспійской военной желѣзной дороги Военнаго Вѣдомства отъ Кизилъ-Арвата до Самарканда съ 1885 г. по 1888 годъ. Кіевъ. 1911. Изд. подполковн. В. В. Андреевскаго. Тип. А. Пономарева и И. Врублевскаго (Крещатикъ, 58—2). 4⁰ (23×31). 36 стр. Съ рис. Вѣсъ 7 л. 2.000 экз.

Антикварная книжная торговля В. И. Клочкова. Каталогъ № 509. Спб. 1911. Тип. Арнгольда (Литейный, 59). 8⁰ (17 × 24). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 1.200 экз.

Антикварный книжный магазинъ С. Н. Котова. Каталогъ книгъ № 2. Спб. 1911. Тип. Бернштейна (3 Рождеств., № 7а). 8⁰ (16×24). 128 стр. Вѣсъ 9 л. 3.000 экз.

Достоевскій, Ѳ. М. Полное собраніе сочиненій. Съ многочисленными приложеніями. Томъ двѣнадцатый. Бѣсы. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Части I—II (начало). Спб. 1911. Изд. Т-ва „Просвѣщеніе“. Тип. Акц. Об-ва „Самообразованіе“ (Забалканскій пр., 75). 12⁰ (13×19). 451 стр. и 1 снимокъ. Ц. 28 р. за 21 томъ. Вѣсъ 26 л. 5.000 экз.

Достоевскій, Ѳ. М. Полное собраніе сочиненій. Съ многочисленными приложеніями. Томъ тринадцатый. Бѣсы. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Части II—(оконч.)—III. Спб. 1911. Изд. Т-ва „Просвѣщеніе“. Тип. Акц. Об-ва „Самообразованіе“ (Забалканскій, 75). 12⁰ (13×19). 513 стр. Ц. 28 р. за 21 т. Вѣсъ 27 л. 5.000 экз.

Достоевскій, Ѳ. М. Полное собраніе сочиненій. Съ многочисленными приложеніями. Томъ одиннадцатый. Идіотъ. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Часть III—IV. Спб. 1911. Изд. Т-ва „Просвѣщеніе“. Тип. Акц. Об-ства „Самообразованіе“ (Забалканскій пр., 75). 12⁰ (13×19). 451 стр. и 1 снимокъ. Ц. 28 р. за 21 т. Вѣсъ 24 л. 5.000 экз.

Достоевскій, Ѳ. М. Полное собраніе сочиненій. Т. XIV и XV. Подростокъ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1911. Изд. Т-ва Просвѣщеніе. Тип. „Самообразованіе“ (Забалканскій, 75). 12⁰ (13 × 19). 413 + 439 стр. Ц. 28 р. за 21 т. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 5.000 экз.

Дубинушка. Новый пѣсенникъ. Сборникъ русскихъ пѣсенъ и стихотвореній. М. 1911. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина. 16⁰ (13 × 16). 32 стр. Вѣсъ 2 л. 30.000 экз.

Дьяконовъ, К. П. Крѣпостное право и 19 февраля 1861 г. Казань. 1911. Изд. Казан. Дух. Акад. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8⁰ (14×22). 18 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Заболотскій, П. А. 1) Гоголь и славянство. Рѣчь, произнесенная на актѣ 14 апр. 1909 г. въ Институтѣ кн. Безбородко. 2) „Великому Нѣжинцу!“ Рѣчь, произнесенная у памятника Гоголя въ Нѣжинѣ. Нѣжинъ. 1911. Тип. Насл. В. К. Меленевскаго. 8⁰ (18×27). 29 стр. Вѣсъ 4 л. 600 экз.

Заборовскій, Александръ. Книжка вопросовъ и замѣчаній къ произведеніямъ нашихъ писателей. М. 1911. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина. 8⁰ (14×21). 91+IV стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 8 л. 3.000 экз.

Корикъ, Г. Энциклопедія сочиненій для училищъ и учащихся. Выпускъ 3-й. Ломоносовъ, Сумароковъ, Екатерина II. Полный разборъ произведеній Ломоносова, Сумарокова, Екатерины II въ пересказахъ, планахъ и образцовыхъ сочиненіяхъ, примѣнительно къ устнымъ отвѣтамъ и письменнымъ работамъ на темы, предложенныя въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и на конкурсныхъ испытаніяхъ съ 1891 г. по настоящій годъ. Одесса. 1911. Тип. газеты „Одесскія Новости“ (Дерибасовская, 20). 8⁰ (17 × 25). 72+16 стр. Ц. 45 к. Вѣсъ 9 л. 2.000 экз.

Кубаловъ, Б. Къ Исторіи Московско-Крымскихъ отношеній конца XVII вѣка. Одесса. 1911. Тип. М. Прищекова. 8⁰ (16 × 22). 44 стр. Вѣсъ 7 л. 100 экз.

Мей, Л. А. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. П. В. Быкова. Т. I—III. Спб. 1911. Изд. и тип. тов. Маркса (Измаил. просп., 29). 8⁰ (15×22). 510+1 портр.+443+349 стр. Ц. 5 р. Вѣсъ 3 ф. 15 л. 1.650 экз.

Мережковскій, Д. С. Полное собраніе сочиненій. Томъ IV. Христосъ и Антихристъ. Трилогія. III. Антихристъ. Петръ и Алексѣй. Спб. 1911. Изд. и тип. т-ва М. О. Вольфъ (Вас. О., 16 л.). 8⁰ (16×23). 264 стр. Ц. 18 р. за 15 т. Вѣсъ 28 л. 5.100 экз.

Сологубъ, Ѳедоръ. Собраніе Сочиненій. Томъ XI. Разсказы. Спб. 1911. Изд. Шиповника. Тип. Андерсона и Лойцянскаго (Вознесенск., 53). 8⁰ (16×21). 232 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 25 л. 2.300 экз.

Фонвизинъ, Д. И. Двѣ комедіи: I. Бригадиръ. II. Недоросль. Съ біографіей Д. И. Фонвизина, его портретомъ и объяснит. словаремъ къ его комедіямъ. Дешевая библіотека № 2. Спб. 1911. Изд. 11-е, и тип. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 16⁰ (11×16). 159 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 6 л. 10.000 экз.

Чупровъ, А. И., проф. Ученые труды въ изданіи Императорскаго Московскаго Университета. Часть вторая. Вып. II. Курсъ политической

экономіи. М. 1911. Тип. Университета. 8⁰ (17 × 28). XIII + 354 стр. Ц. 1 р. 20 к. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 3.000 экз.

Андреевъ, А. Исторія Россіи въ памятникахъ (862 — 1911 г.). М. 1911. Тип. Печатникъ 4⁰ (26×35). 18 стр. рис. + 3 стр. Вѣсъ 12 л. 500 экз.

Армсгеймеръ, И. И. Наполеонъ и Реннинъ при Аустерлицѣ. Героическій эпизодъ изъ исторіи подвиговъ кавалергардскаго полка въ 2-хъ картинахъ. Речитативъ и каватина Наполеона для пѣнія съ ф. п. Спб. 1911. Изд. автора. Тип. Шмидта (4 р., № 20). 4⁰ (27×35). 14 стр. Складъ: маг. Циммермана. Ц. 85 к. Вѣсъ 9 л. 300 экз.

Баіовъ, А., проф. Генералъ-фельдмаршалъ графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ - Задунайскій. (Военно - біографическій очеркъ). (Отд. оттискъ изъ 2-го вып. изд. И. Р. А. и Ф.) М. 1911. Тип. Русск. товарищ (Мыльников. пер., св. д.). 8⁰ (18×26). 42 стр. съ картами. Вѣсъ 11 л. 50 экз.

Гриневичъ, П. Ф. (П. Ф. Якубовичъ). Очерки русской поэзіи (Пушкинъ. — Некрасовъ. — Фетъ. — Тютчевъ. — Надсонъ. — Современныя миніатюры. — О старомъ и новомъ настроеніи). Спб. 1911. Изд. 2-е, ж. „Русское Богатство“. (Уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9). Тип. I-й Спб. Трудовой Артели (Лиговка, 34) 8⁰ (17×23). 403 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 3.000 экз.

Зеленскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико - библіографическихъ статей. Ч. I. М. 1911. Изд. 4-е. Тип. Вильде (М. Кисловка, с. д.). 8⁰ (16×24). XLIV + 192 + 4 нен. стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 21 л. 1.200 экз.

Знойко, Николай. Систематическій курсъ исторіи Новыхъ Вѣковъ. Часть 1-я. Курсъ IV класса мужскихъ и женскихъ гимназій. Составилъ примѣнительно къ послѣднимъ учебнымъ планамъ. Одесса. 1911. Изд. 5-е. Тип. Нитче. 8⁰ (16×22). 177 стр. Съ рис. + 1 нен. Ц. 75 к. Вѣсъ 15 л. 3.000 экз.

Каталогъ № 8 общеполезныхъ интересныхъ и рѣдкихъ книгъ книжнаго склада „Самопомощь“ Кіевъ, Тарасовская, № 10. Кіевъ. 1911. Тип. К. Ш. Круглянскаго (Спасская, 10). 16⁰ (12 × 17). 112 стр. Вѣсъ 5 л. 25.000 экз.

Корикъ, Г. Энциклопедія сочиненій для учащихъ и учащихся. Выпускъ 4-й. Фонвизинъ. Державинъ. Херасковъ. Богдановичъ. Хемницеръ. Капнистъ. Полный разборъ произведеній Фонвизина, Державина, Хераскова, Богдановича, Хемницера, Капниста, въ пересказахъ, планахъ и образцовыхъ сочиненіяхъ, примѣнительно къ устнымъ отвѣтамъ и письменнымъ работамъ на темы, предложенныя въ ср. учеб. завед. и на конкурсн. испыт. съ 1891 г. по настоящій годъ. Одесса. 1911. Изд. кн. маг. „Одесскихъ Новостей“. Тип. „Одесскія Новости“. 8⁰ (16×26). 100 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 11 л. 2.000 экз.

Корикъ, Г. Энциклопедія сочиненій для учащихъ и учащихся. Вып. 5-й. Карамзинъ. Дмитріевъ. Озеровъ. Батюшковъ. Полный разборъ произведеній Карамзина, Дмитріева, Озерова и Батюшкова въ пересказахъ, планахъ и образцовыхъ сочиненіяхъ, примѣнительно къ устнымъ отвѣтамъ и письменнымъ работамъ на темы, предложенныя въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и на конкурсныхъ испытаніяхъ съ 1891 г. по настоящій годъ. Одесса. 1911. Изд. кн. маг. „Одесскихъ Новостей“. Тип. „Одесскія Новости“. 8⁰ (17×26). 100 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 11 л. 2.000 экз.

О сильномъ и могучемъ богатырѣ Добрынѣ Никитичѣ. Русскія народныя былины. М. 1911. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 18⁰ (12×18). 32 стр. Вѣсъ 1 л. 30.000 экз.

Отечественная война или нашествіе двунадесяти языковъ на Россію въ 1812 году. М. 1911. Изд. И. А. Морозова. Тип. Вильде (М. Кисловка, св. д.). 18⁰ (12×19). 24 стр. Вѣсъ 1 л. 12.000 экз.

Погесскій, А. Александръ Васильевичъ Суворовъ, генералиссимусъ русскихъ войскъ. Его жизнь и побѣды. Спб. 1911. Изд. Березовскаго, седьмое. Тип. Тиханова (Садовая, 27). 8⁰ (14 × 21). 74 стр. Съ рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 5 л. 3.000 экз.

Савостинъ, Н. Великая отечественная война. Къ 100-лѣтнему юбилею. 1812 — 1912 г. М. 1911. Изд. Военно-народ. журн. Воинъ и Пахарь (Пречистинская набережная, 213). Тип. В. Рихтеръ (Мамоновскій пер., соб. д.). 8⁰ (15 × 22). 106 стр. Съ рис. Ц. 35 к. Вѣсъ 10 л. 700 экз.

Сборникъ матеріаловъ по Русско-Турецкой войнѣ 1877—78. На Балканскомъ полуостровѣ. Выпускъ 75. Спб. 1911. Изд. Воен.-Истор. Комис. Глав. Упр. Ген. Штаба. Тип. Рус. Скоропеч. (Екатер. кан., 94). 8⁰ (19×28). 403 стр. и 1 карта. Вѣсъ 2 ф. 24 л. 220 экз.

Сборникъ Новгородскаго Общества Любителей Древности. Вып. IV. Новгородъ. 1911. Тип. Губернская. 8⁰ (17×25). 15+IX+206 стр.+5 таб. Скл.: Николаевская, 7. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 500 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Собраніе сочиненій въ шести томахъ. Съ автографами и письмами автора, указателемъ разбираемыхъ писателей и произведеній, указателемъ темъ и вопросовъ, затрагиваемыхъ авторомъ попутно въ различныхъ статьяхъ и критико-біографическимъ очеркомъ Г. В. Александровскаго. Подъ ред. Б. К. Фукса. Томъ I. Кіевъ 1911, Изд. Книгоизд. Б. К. Фукса, 3-е. Тип. К. Ш. Круглянскаго (Спасская, 10). 8⁰ (16×24). VIII+311 стр.+2 портр. Складъ: Кн. маг. Просяниченко (Фундуклеевская, 6). Ц. за 6 т. 3 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 6.000 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Собраніе сочиненій въ шести томахъ. Съ автографами и письмами автора, указателемъ разбираемыхъ писателей и произведеній, указателемъ темъ и вопросовъ, затрагиваемыхъ авторомъ попутно въ различныхъ статьяхъ и критико-біографическимъ очеркомъ Г. В. Александровскаго. Подъ ред. Б. К. Фукса. Т. III. Кіевъ. 1911. Изд. Книгоизд. Б. К. Фукса, 3-е. Тип. К. Ш. Круглянскаго (Спасская, 10). 8⁰ (16×24), 330 стр. Складъ: Кн. маг. В. А. Просяниченко (Фундуклеевская, 6). Ц. за 6 т. 3 р. 50 к. Вѣсъ 30 л. 6.000 экз.

Достоевскій, Ѳ. М. Собраніе сочиненій: 1) Село Степанчиково и др. 2) Записки изъ подполья и др. Спб. 1911. Изд. 8-е, Т-ва Просвѣщенія. Тип. Самообразованіе (Забалканск., 75). 12⁰ (13×19). 499+630 стр. Ц. по 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 21 л. По 10.000 экз.

Достоевскій, Ѳ. М. Полное собраніе сочиненій. Т. XVI. Братья Карамазовы. Ч. I—II (начало). Спб. 1911. Изд. „Просвѣщеніе“. Тип. Самообразованіе (Забалканскій, 75). 12⁰ (13 × 19). 484 стр. Ц. 28 р. за 21 т. Вѣсъ 26 л. 5.000 экз.

Окуличъ-Казаринъ, Н. Ѳ. Спутникъ по древнему Пскову. (Любителямъ родной старины). Псковъ. 1911. Изд. Псковскаго Археологич. Общ. Тип. Губ. Земства. 8⁰ (15×24). IV + 316 стр. Съ 58 рис.+4 плана. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 1.000 экз.

Павскій, Г. А. Краткая исторія Западно-Русскаго Края отъ начала Русскаго Государства до нашихъ дней. Минскъ. 1911. Изд. Минск. Правосл. Нар. Бр. во имя Животвор. Креста Господ. Тип. С. А. Некрасова (Захарьевская, № 52). 8⁰ (15×22). 47+1 стр. Ц. 7 к. Вѣсъ 3 л. 1.500 экз.

Пивоваровъ, Ѳедоръ Константиновичъ, свящ. Очерки въ память о столѣтнемъ существованіи Николаевской церкви сел. Верхняго Рогачика. Составлены по даннымъ церковныхъ документовъ. Мелитополь. 1911. Изд. К. П. Тип. Г. Лившица. 8⁰ (14 × 21). 24 стр. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Турцевичъ, Ар. Русскіе крестьяне подъ владычествомъ Литвы и Польши. Вильна. 1911. Тип. А. Г. Сыркина (Большая, соб. д.). 8⁰ (16×22). 1 нен.+73+1 нен. стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 7 л. 3.000 экз.

Фонвизинъ, Д. И. Недоросль. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Образцовая Библіотека. № 21. Вильна. 1911. Изд. книгоизд. Эдиторъ. Тип. І. Завадзскаго. 16⁰ (10 × 14). 181 стр. + 1 портр. Ц. 20 к. Вѣсъ 7 л. 2.000 экз.

Фурманъ, П. Р. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Историческая повѣсть. Подъ ред. В. П. Авенаріуса. Рис. Р. Г. Шнейдера. М. 1911. Изд. А. Д. Ступина. Тип. Т ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰ (Пименовская, св. д.). 8⁰ (17×20). 88 стр. Съ рис. Ц. 35 к. Вѣсъ 13 л. 5.000 экз.

Кольцовъ, А. В. Библіотека новой школы Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. Стихи и пѣсни. Для старшихъ. М. 1911. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина, 2-е (Пятницкая, св. д.). 16⁰ (13×17). 32 стр.+1 портр. Ц. 3 к. Вѣсъ 2 л. 10.000 экз.

Ниве. П. А. Отечественная война 1812 года. Спб. 1911. Изд. Книгоиздат. В. Ильинчика. Тип. Морс. Министерства (въ Глав. Адмиралтействѣ). 8⁰ (21×27). 160 стр. Съ 49 рис. и карта. Вѣсъ 2 ф. 5 л. 5.000 экз.

Соловьевъ. С. М. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Кн. IV т. XVI—XX. Спб. 1911. Изд. 3-е и тип. Общ. Польза (Б. Подъяческая, 39) 8⁰ (19×28). 1656 стр.+1 таб. Вѣсъ 3 ф. 13 л. 3.500 экз.

Тавастшерна, А. В. Столѣтіе Военнаго Министерства. Военно-тюремныя учрежденія. 1802—1902. XII. Часть III. Спб. 1911. Тип. М. О. Вольфа (В. О., 16 линія, 5—7). 8⁰ (23×29). 583 стр. Вѣсъ 4 ф. 2.200 экз.

Тарапыгинъ, Ѳ. А. Замѣчательныя историческія сооруженія. Храмы, дворцы, памятники въ Москвѣ и С.-Петербургѣ. Редакція Б. Б. Глинскаго. Спб. 1911. Тип. И. В. Леонтьева (Басковъ пер., 4). 4⁰ (23×30). 72 стр.+6 таб. рис. и 3 рис. Ц. 75 к. Вѣсъ 21 л. 500 экз.

Шенкъ, полковникъ. Свита Государя Императора Николая II—по 1 апрѣля 1910 г. Спб. 1911. Изд. воен. походн. канцеляріи Его Имп. Велич. Тип. В. Д. Смирнова (Екатер. кан., 45). 8⁰ (17×25). 41 стр. Вѣсъ 11 л. 200 экз.

Багалѣй, Д. И., проф. Русская исторіографія. Харьковъ. 1911. Изд. Об-ва взаимопом. студ.-филог. Харьков. унив. Тип. С. Иванченко (Ксетюринскій пер., 2). 8⁰ (17×26). 462 стр. Вѣсъ 1 ф. 22 л. 250 экз.

Багалѣй, Д. И., проф. Рѣчь. Г. С. Сковорода и Л. Н. Толстой. Историческая параллель. Харьковъ. 1911. Тип. М. Зильберберга С-вей (Донецъ-Захарж., с. д.). 8⁰ (17×26). 8 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Беллярминовъ, И. Элементарный курсъ всеобщей и русской исторіи. Спб. 1911. Изд. 39-е. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8⁰ (16×22). 384 стр. Съ рис.+1 карта. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 15.000 экз.

Бенуа, Александръ. Путеводитель по картинной галлереѣ Импе-

раторскаго Эрмитажа. Спб. Изд. Общины св. Евгеніи. Тип. Голике и Вильборгъ. 16⁹ (12×16). IV+446+135 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 600 экз.

Исторія Нашего Времени. (Современная культура и ея проблемы). Подъ ред. профессоровъ М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Выпускъ четвертый. Спб. 1911. Изд. Т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°“. Тип. Мин. Пут. Сообщ. 4⁰ (20×27). 241—320 стр. Съ 16 рис. Ц. 1 р. 40 к. Вѣсъ 1 ф. 3.200 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсяника-Куликовскаго. Вып. 23. М. 1911. Изд. Т-ва Міръ (Знаменская, 9). Тип. П. Кушнерева и К° (Пименовская, с. д.). 8⁰ (19×28). 33—112 стр.+6 портр. Вѣсъ 21 л. 13.050 экз.

Ключевскій, В., проф. Курсъ Русской Исторіи. Часть 1. М. 1911. Изд. 4-е, автора (Житная, д. Ключевскаго). Тип. Моск. Гор. Арнольдо-Третьяковск. учил. глухонѣмыхъ (Донская, соб. д.). 8⁰ (14×22). 264 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 10.000 экз.

Норцовъ, А. Н. Норцовы — Изюмскіе гусары. Историческій очеркъ. Тамбовъ. 1911. Тип. Н. Бердоносовъ и Ф. Пригоринъ. 8⁰ (17 × 26). 27 стр.+1 листъ рис.+1 табл. Вѣсъ 5 л. 300 экз.

Переворотъ 1762 года. Сочиненія и переписка участниковъ и современниковъ. М. 1911. Изд. Моск. Книгоиздательскаго Т-ва „Образованіе“, 5-е испр. (Камергерскій пер., 4). Тип. Русск. Т-ва (Мыльниковъ пер., соб. д.). 8⁰ (17×25). 159 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 4.000 экз.

Покровскій, В. И. Гавріилъ Романовичъ Державинъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1911. Изд. 3-е. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиж., Крестовоздв., 9). 8⁰ (16×25). 126+2 нен. стр. Складъ: кн. маг. В. Спиридонова и Л. Михайлова (Тверская, Столешниковъ пер., д. Ліанозова). Вѣсъ 13 л. 3.000 экз.

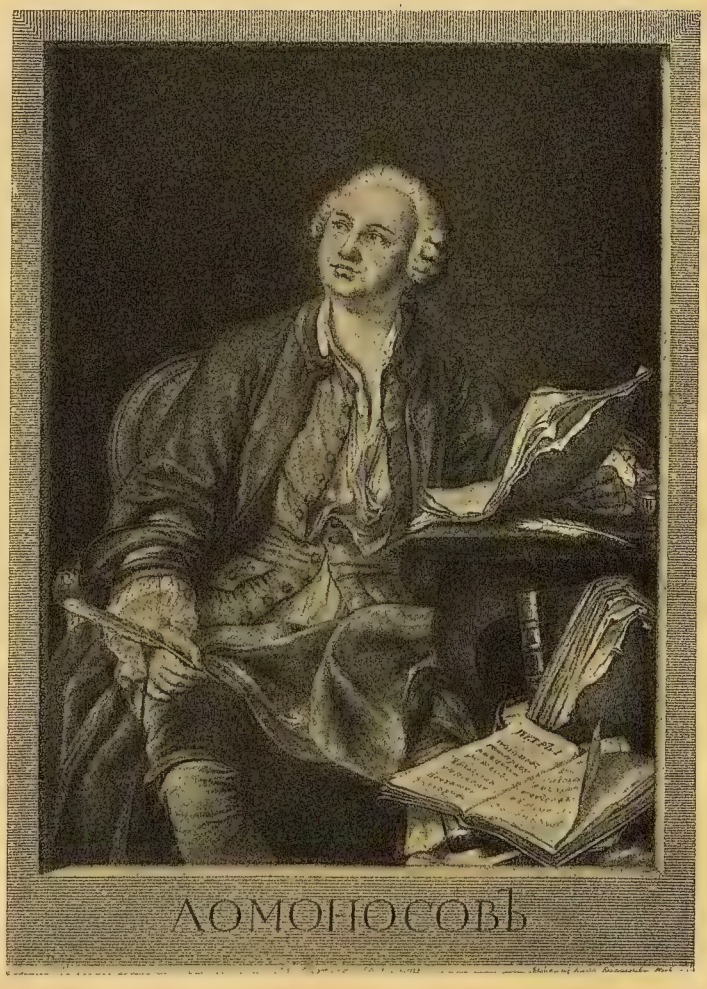
Поселянинъ, Е. Письма о монашествѣ. Подвижничество русскихъ женщинъ и русскіе женскіе монастыри. Преподобный Нилъ Сорскій, какъ представитель истиннаго монашества. Тогда и теперь. Опять въ Саровѣ. Открытое письмо В. В. Розанову. Спб. 1911. Изд. И. Л. Тузова (Гостин. дв., 45). Тип. М. П. Фроловой (Галерная, 6). 8⁰ (15 × 22). 191+1 нен. стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 7 л. 3.000 экз.

Сборникъ Варшавскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества. Подъ ред. Ф. К. Гершельмана. Вып. I. Варшава. 1910. Тип. Русск. Об-ва. (пл. Св. Александра, 4). 4⁰ (22×31). 150+8+2 нен. стр. Ц. 2 р. 60 к. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 500 экз.

Поправки: Въ статьѣ „Одинъ изъ людей Іосифа Сѣмашко“ (іюль 1911 г.) на страницѣ 100, 5 стр. снизу, вмѣсто святая слѣдуетъ читать свѣтлая и 1 строка снизу вмѣсто почитаніемъ слѣдуетъ пониманіемъ.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

BIBLIOTECA
KIEV



ЛОМОНОСОВЪ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
на 1912 годъ.

Вступая въ 1912 году въ сорокъ третій годъ своего существованія, **„Русская Старина“**, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ 1912 году: Статьи и матеріалы о 1812 годѣ. **А. Ф. Кони.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля“. Воспоминанія **И. И. Янжула** о пережитомъ и видѣнномъ. **А. А. Мазона**—Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Ганчарова. **В. М. Спасская.**—Воспоминанія о Гончаровѣ. **А. А. Лебедева.**—Г. Е. Благосвѣтловъ и Н. Г. Чернышевскій. **Бар. Ш.**—Изъ воспоминаній о Некрасовѣ. **Анучина.**—Берлинскій конгрессъ 1878 г. (авторъ пишетъ о кн. Горчаковѣ, гр. Шуваловѣ, гр. Милютинѣ, кн. Бисмаркѣ, кронпринцѣ Фридрихѣ, Дизраэли, гр. Андраши и др). **Р. И. Сементковскаго.**—Встрѣчи и столкновенія съ Л. Н. Толстымъ, С. П. Боткинымъ, А. П. Чеховымъ, М. Ф. Калердже, С. Монюшко, М. М. Стасюлевичемъ, С. П. Бѣляевымъ, Е. А. Кожуховымъ, М. П. Соловьевымъ, А. К. Пыпинымъ, М. О. Вольфомъ, И. А. Гончаровымъ, Н. К. Шильдеромъ, И. К. Мердеромъ, И. Е. Андреевскимъ, А. Д. Градовскимъ, П. Г. Рѣдкинымъ, П. А. Гайдебуровымъ, К. В. Трубниковымъ, В. В. Стасовымъ, Ф. Ѳ. Павленковымъ, А. Ф. Марксомъ, П. И. Вейнбергомъ, А. М. Скабичевскимъ, В. П. Безобразовымъ, М. М. Шершевскимъ, Робертомъ Молемъ и др. **Н. А. Мурзановъ.**—Къ біографіи декабристовъ: кн. С. А. Волконскаго, В. А. Давыдова и М. С. Лунина. **В. В. Шереметевскаго.**—Басурманская неволя. **М. В. Безобразовой.**—Дневникъ академика В. П. Безобразова. **А. И. Слезскинскій.**—Тайный другъ Пушкина. **В. Н. Свѣтозаровъ.**—Развитіе легенды о смерти Царевича Дмитрія. **П. Л. Юдинъ.**—Къ дѣлу Мировича. Изъ астраханской жизни Суворова. **Е. Г. Вейденбаумъ.**—Присяга Ермолова Императору Николаю I-му. **И. П. Мордвинова.**—Письма Г. Р. Державина къ Е. И. Горихвостовой. **В. Д. Корсаковой.**—Князь Платонъ Степановичъ Мещерскій и письма къ нему Екатерины II, Павла I, Румянцева Задунайскаго и др. **А. И. Сергѣева.**—Изъ быта духовенства. **Н. А. Лашкова.**—Посѣщеніе Спасо-Яковлевскаго монастыря Императрицей Маріей Ѳеодоровной и Императоромъ Александромъ I. **Е. А. Разозиной.**—Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг., при чемъ авторъ, описывая жизнь Турціи и ея обитателей, касается гр. Игнатьева, Нелидова, Ону, Макѣева, кн. Церетели, Гобартъ-паши, сэра Элліота, Зичи, гр. Корти, лорда Сольсбери, бар. Каличе, Кіамиль-паши, Османъ п., Керимъ, Намукъ, Сивфетъ, Мухтаръ-пашей и др. **А. Н. Смѣловскій.**—К. С. Аксаковъ. **А. Ф. Петрушевскаго.**—Изъ моихъ воспоминаній. **А. Г. Воронова.**—Іоганъ Урсиніусъ. **И. И. Онноре.**—11 лѣтъ въ театрѣ. **М. Ф. Чулицкій.**—Изъ старыхъ дѣлъ („Сонное видѣніе“, „Преступная мысль“ и „О сумасбродѣ Иванѣ Андреевѣ“). **М. М. Мариной.**—Лэди Портеръ. **П. А. Данилова.**—Сибирская дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 гг. **Л. Н. Любимова.**—Изъ жизни инженера путей сообщенія. **В. Ф. Руднева.**—На крейсерѣ „Африка“. **Королькова.**—Колтовской дьячекъ. **Н. А. Поповъ.**—Изъ замѣтокъ стараго ремонтера. **А. Синицына.**—Изъ воспоминаній стараго врача. **Е. В. Андріашевой.**—Воспоминанія стараго педагога. Воспоминанія **Веселовскаго, Леваковскаго, Виноградскаго, Скворцова** и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса”.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Новаго Времени“, Невскій, 40;

„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостиный дв., 18, и Невскій, 13,

и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждаго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля.

XV [1]).

Вводя въ Россіи заимствованный съ Запада институтъ государственныхъ обвинителей, составители Судебныхъ Уставовъ стояли передъ трудною задачею. Надо было создать должностное лицо, несущее новыя, необычныя обязанности и дѣйствующее не въ тиши „присутствія“, а въ обстановкѣ публичнаго столкновенія и обмѣна убѣжденныхъ взглядовъ,—и дѣйствующаго при томъ невѣдомымъ дотолѣ оружіемъ—живымъ словомъ. Гдѣ было взять пригодныхъ для этого людей? Не будутъ ли они слѣпыми подражателями западнымъ образцамъ, не перенесутъ ли они на русскую почву страстныхъ и трескучихъ пріемовъ французскихъ обвинителей, столь часто обращающихъ свое участіе въ судебныхъ преніяхъ въ запальчивую травлю подсудимаго? Богатый образчиками въ видѣ подлинныхъ и переводныхъ рѣчей французскихъ прокуроровъ, путь такого подражанія, сравнительно легкій и свободный отъ смущающихъ душу сомнѣній, являлся опаснымъ. На немъ могъ выработаться типъ настойчиваго обвинителя quand même et malgré tout,—обвинителя, такъ блестяще охарактеризованнаго Лабулэ, изобразившимъ его говорящимъ присяжнымъ про подсудимаго: „я беру его со времени рожденія; имѣя годъ отъ роду, онъ укусилъ свою кормилицу,—двухъ лѣтъ онъ показалъ языкъ своей матери,—трехъ лѣтъ укралъ два куска

[1]) См. „Русская Старина“ февраль 1911 г.

изъ сахарницы своего дѣда,—четырехъ лѣтъ таскалъ яблоки изъ чужого сада, и если негодяй въ пять лѣтъ отъ роду не сдѣлался отцеубійцей, то лишь потому, что имѣлъ счастье быть сиротой". На этомъ пути дешевый успѣхъ и легкая карьера всего болѣе могли бы быть обезпечены и тѣмъ нежелательнѣе былъ онъ для правосудія. Нѣмецкій Staatsanwalt того времени былъ въ сущности докладчикомъ тщательно составленной записки, въ которой мертвая догматика часто занимала мѣсто краснорѣчиваго голоса жизни. Сознавая недостатки своихъ пріемовъ, нѣмецкіе обвинители съ тѣхъ поръ постепенно вступили на путь французскаго краснорѣчія, утративъ въ немъ блестящую форму и галльское остроуміе, но придавъ судебнымъ преніямъ и отдѣльнымъ заявленіямъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ громкихъ процессовъ послѣдняго времени, тяжеловѣсный и грубый характеръ. Не подходила во многомъ для подражанія—въ силу особенностей британскаго уголовнаго процесса—и рѣчь англійскаго обвинителя, раздѣленная цѣлымъ перекрестнымъ допросомъ на двѣ отдѣльныя и независимыя одна отъ другой части, при чемъ въ первой обвинитель говорилъ о томъ, *что* онъ будетъ доказывать, а во второй дѣлалъ выводы о томъ, что онъ, по его мнѣнію, доказалъ на судебномъ слѣдствіи.

Въ старомъ судебномъ строѣ была прекрасная должность губернскаго прокурора. Наслѣдіе Петровскихъ временъ и одно изъ лучшихъ Екатерининскихъ учрежденій—должность эта, при всей своей полезности,—къ сожалѣнію, не достаточно сознанной при поспѣшномъ ея упраздненіи,—не представляла однако элементовъ для выработки обвинительныхъ пріемовъ. „Блюститель закона" и „Царское око"—охранитель интересовъ казны и свободы частныхъ лицъ въ случаяхъ учрежденія опекъ съ ограниченіемъ ихъ правъ,—ходатай за арестантовъ и наблюдатель за содержаніемъ ихъ „безъ употребленій орудій, закономъ воспрещенныхъ",—внимательный „читатель" опредѣленій всѣхъ присутственныхъ мѣстъ,—возбудитель „безгласныхъ" дѣлъ, находившійся въ прямыхъ сношеніяхъ съ министромъ юстиціи, губернскій прокуроръ, по существу своихъ правъ и обязанностей, былъ представителемъ центральной правительственной власти, вдвинутымъ въ среду мѣстнаго управленія. Но во всей его многообразной дѣятельности не было почвы для судебнаго состязанія, при которомъ взаимно создаются и разрушаются аргументы и установляются новыя и не всегда ожиданныя точки зрѣнія не только на приложеніе закона, но и на личность подсудимаго, взятую не отвлеченно, а выхваченную изъ жизни со всѣми своими корнями и вѣтвями. При томъ на практикѣ губернскіе прокуроры, за нѣсколькими блестящими исключеніями въ родѣ Ровинскаго или Ланге,

далеко не соотвѣтствовали идеалу, начертанному въ учрежденіи о губерніяхъ. Если ко многимъ изъ нихъ было бы несправедливо примѣнить рѣшительную оцѣнку Собакевича въ его отзывѣ о „христопродавцахъ“, то не лишеннымъ справедливости представлялось напутствіе Чичикова умершему губернскому прокурору: „а вѣдь если разобрать хорошенько дѣло, то на повѣрку у тебя всего только и было, что густыя брови“.

Такимъ образомъ не было ни школы, ни подготовки для прокуроровъ-обвинителей, кромѣ вредныхъ и чуждыхъ образцовъ, но былъ зато на-лицо вѣчный припѣвъ противъ осуществленія реформъ, призванныхъ оживить и облагородить нашъ общественный строй: „нѣтъ людей“! Жизнь, однако, блистательно опровергла эти зловѣщія опасенія, способныя оправдать всякія неудачи и подорвать всякія начинанія. Люди нашлись. Быстро и съ запасомъ неожиданныхъ силъ появились у насъ въ первые же мѣсяцы послѣ преобразованія судовъ судебные ораторы, не только глубоко понявшіе свою новую роль, но и умѣвшіе владѣть словомъ и вносившіе въ это умѣнье иногда и истинный талантъ. И не слѣпыми подражателями французскому образцу явились они. Самостоятельно пошли они своей дорогой, еще разъ доказавъ способность духовной природы русскаго человѣка. Если еще рано говорить о вполнѣ выработанномъ типѣ русскаго прокурора, то, во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что общій характеръ и пріемы русской обвинительной рѣчи имѣли очень мало общаго съ тѣмъ, что, подъ вліяніемъ страстности національнаго темперамента, односторонняго отношенія къ подсудимому и освященныхъ годами привычекъ, излагаютъ на судѣ, въ большинствѣ, французскіе прокуроры. Основныя черты слагавшагося русскаго типа обвинителя были—за исключеніемъ рѣдкихъ, но печальныхъ уклоненій въ область бездушной риторики,—спокойствіе, отсутствіе личнаго озлобленія противъ подсудимаго, опрятность пріемовъ обвиненія, чуждая и возбужденію страстей, и искаженію данныхъ дѣла и, наконецъ, что весьма важно, полное отсутствіе лицедѣйства въ голосѣ, въ жестѣ и въ способѣ держать себя на судѣ. Къ этому надо прибавить простоту языка, свободнаго, въ большинствѣ случаевъ, отъ вычурности или отъ громкихъ и „жалкихъ“ словъ. Лучшіе изъ нашихъ судебныхъ ораторовъ новаго времени поняли, что въ стремленіи къ истинѣ всегда самыя глубокія мысли сливаются съ простѣйшимъ словомъ. Слово—одно изъ величайшихъ орудій человѣка. Безсильное само по себѣ—оно становится могучимъ и неотразимымъ, сказанное умѣло, искренно и во-время. Оно способно увлекать за собою самого говорящаго и ослѣплять его и окружающихъ своимъ блескомъ. Поэтому нравственный долгъ судеб-

наго оратора—обращаться осторожно и умѣренно съ этимъ оружіемъ и дѣлать свое слово лишь слугою глубокаго убѣжденія, не поддаваясь соблазну красивой формы или *видимой* логичности своихъ построеній и не заботясь о способахъ увлечь кого-либо своею рѣчью. Онъ долженъ не забывать совѣта Фауста Вагнеру: „говори съ убѣжденіемъ, слова и вліяніе на слушателей придутъ сами собою".

Судебные Уставы, создавая прокурора-обвинителя, начертали и нравственныя требованія, которыя облегчаютъ и возвышаютъ его задачу, отнимая у исполненія ея формальную черствость и бездушную исполнительность. Такъ, они устранили, указывая задачу прокурора, требованіе обвиненія во что бы то ни стало, и старались удержать его отъ близорукой или ослѣпленной односторонности. Составители Уставовъ, въ своей объяснительной запискѣ 1863 г., указывали на необходимость вмѣнить обвинителю въ обязанность не возбуждать непріязненныхъ къ подсудимому чувствъ. Въ окончательной редакціи это вылилось въ наставленіи прокурору, что въ рѣчи своей онъ не долженъ ни представлять дѣла въ одностороннемъ видѣ, извлекая изъ него только обстоятельства, уличающія подсудимаго, ни преувеличивать значеніе доказательствъ и уликъ, или важности преступленія. Такимъ образомъ, въ силу этихъ этическихъ требованій, прокуроръ приглашается сказать свое слово даже въ опроверженіе обстоятельствъ, *казавшихся*, при преданіи суду, сложившимися противъ подсудимаго, при чемъ въ оцѣнкѣ и взвѣшиваніи доказательствъ онъ вовсе не стѣсненъ цѣлями обвиненія. Иными словами ему сказано, что онъ *говорящій публично судья*. На обязанности его лежитъ сгруппировать и провѣрить все изобличающее подсудимаго и, если подведенный имъ итогъ съ необходимымъ и обязательнымъ учетомъ всего, говорящаго въ пользу обвиняемаго, создастъ въ немъ убѣжденіе въ виновности послѣдняго, заявить о томъ суду. Сдѣлать это надо въ связномъ и послѣдовательномъ изложеніи, со спокойнымъ достоинствомъ исполняемаго грустнаго долга, безъ паѳоса, негодованія и преслѣдованія какой-либо иной цѣли, кромѣ правосудія, которое достигается не непремѣннымъ *согласіемъ* суда съ доводами обвинителя, а непремѣннымъ *выслушаніемъ* ихъ.

Такимъ взглядомъ на свои обязанности было проникнуто большинство членовъ прокуратуры въ столицахъ и провинціи въ первое десятилѣтіе судебной реформы. Тогда въ устахъ прокурора слово „проигралъ дѣло" по случаю оправдательнаго приговора было бы большимъ диссонансомъ со всѣмъ характеромъ дѣятельности; тогда еще не успѣлъ проявить свое дѣйствіе министерскій циркуляръ, требовавшій отчета о числѣ и причинѣ

оправданій по обвиненіямъ, поддержаннымъ тѣмъ или другимъ лицомъ. Когда одинъ изъ товарищей прокурора, придя сказать мнѣ объ исходѣ своего обвиненія въ рядѣ мошенничествъ, сказалъ мнѣ: „ну хоть я и проигралъ, но зато *ему* всю морду сапогомъ вымазалъ,—останется доволенъ!“, разумѣя подъ *нимъ* подсудимаго, я устранилъ его надолго отъ выступленій въ качествѣ обвинителя, возложивъ на него другія обязанности. „Пройтись на счетъ подсудимаго“, безъ сомнѣнія, иногда бываетъ соблазнительно, особливо въ тѣхъ случаяхъ, когда обвинитель глубоко убѣжденъ въ его виновности и возмущенъ его поступкомъ, какъ отраженіемъ нравственной непригодности личности обвиняемаго. Но этому соблазну не слѣдуетъ поддаваться. На государствѣ лежитъ задача охраненія общества, между прочимъ, преслѣдованіемъ нарушителей закона, и практическое служеніе этой важной задачѣ выпадаетъ въ судебномъ состязаніи на долю прокурора-обвинителя. Исполняя свой тяжелый долгъ, онъ служитъ обществу. Но это служеніе только тогда будетъ полезно, когда въ него будетъ внесена строгая нравственная дисциплина и когда интересъ общества и человѣческое достоинство личности будутъ ограждаться съ одинаковою чуткостью и усердіемъ. Знаменитый московскій митрополитъ Филаретъ въ своей рѣчи „о назиданіи ссыльныхъ“ говоритъ, что относиться къ преступнику надо „съ христіанскою любовью, съ простотою и снисхожденіемъ и остерегаться всего, что унижаетъ или оскорбляетъ: низко преступленіе, а человѣкъ достоинъ сожалѣнія“. Но если таково должно быть отношеніе къ *осужденному* преступнику, составляющее одну изъ прекрасныхъ нравственныхъ чертъ русскаго народа,—то нѣтъ никакого основанія иначе относиться къ *подсудимому*. А это должно неминуемо отражаться на формахъ и пріемахъ обвинительной рѣчи, нисколько не ослабляя ея правовой и фактической доказательности.

Поэтому въ обвинительной рѣчи совершенно недопустима насмѣшка надъ подсудимымъ или употребленіе относительно его тѣхъ эпитетовъ, которые могутъ найти себѣ мѣсто для характеристики его личности и дѣйствій въ частномъ разговорѣ лишь послѣ того, какъ о немъ состоится обвинительный приговоръ. Точно такъ же неумѣстенъ и юморъ въ рѣчи прокурора. Не говоря уже о томъ, что это оружіе—обоюдоострое и требующее въ обращеніи съ собой большого умѣнья, тонкаго вкуса и спеціальнаго дарованія, юмористическія выходки — къ которымъ, къ слову сказать, нерѣдко прибѣгаютъ повѣренные гражданскихъ истцовъ — противорѣчатъ той „печали трезвой мысли зрѣлой“, которою должна быть проникнута рѣчь понимающаго свои обязанности обвинителя.

Мнѣ вспоминается, какъ въ одномъ весьма серьезномъ процессѣ, разбиравшемся въ Судебной Палатѣ, защитникъ, пробовавшій внести юморъ въ свою рѣчь и постоянно цитировавшій куплеты изъ „Стряпчаго подъ столомъ“—былъ остановленъ угрюмымъ замѣчаніемъ Старшаго предсѣдателя: „не довольно ли водевилей?“ Въ другомъ, тоже крупномъ дѣлѣ, повѣренный гражданскихъ истцовъ, разбирая въ своей рѣчи вредное для него показаніе свидѣтеля, принявшаго участіе въ 1871 году въ возстаніи коммуны въ Парижѣ, сказалъ, стараясь вызвать веселое настроеніе въ публикѣ: „но вѣдь что такое этотъ свидѣтель?—это бывшій коммунаръ, а коммунары такіе люди, что одинъ извѣстнѣйшій писатель сказалъ, что если бы ихъ накрыть стекляннымъ колпакомъ, то они переѣли бы другъ друга, какъ свиньи“. На вопросъ мой при встрѣчѣ: кто этотъ извѣстнѣйшій писатель? онъ весело отвѣчалъ мнѣ: „а я почемъ знаю?“. Нельзя того же, что объ юморѣ, сказать про иронію. Тамъ, гдѣ она имѣетъ своимъ источникомъ лживыя объясненія подсудимаго и свидѣтелей, направленныя къ тому, чтобы „втереть очки“, иронія можетъ служить хорошимъ средствомъ для яркаго и образнаго разоблаченія обмана.

Отчеты объ уголовныхъ процессахъ послѣднихъ лѣтъ показываютъ, однако, что въ отношеніе къ подсудимому иногда начинаетъ вноситься развязность тона, которая, по моему мнѣнію, не находитъ себѣ оправданія въ задачахъ обвинителя. Нѣтъ сомнѣнія, что для характеристики подсудимаго прокуроръ имѣетъ право пользоваться данными, почерпнутыми изъ предосудительныхъ сторонъ его дѣятельности, выразившихся въ руководящихъ побужденіяхъ его преступнаго дѣянія, и что онъ можетъ дѣлать выводы изъ справокъ о судимости по однороднымъ дѣламъ. Но касаться наружности подсудимаго или копаться въ его прошломъ, не имѣющемъ прямого отношенія къ разсматриваемому дѣлу, или почерпать матеріалъ для характеристики въ отношеніи къ подсудимому тѣхъ или другихъ общественныхъ сферъ—значитъ злоупотреблять своимъ положеніемъ. Поэтому, напримѣръ, въ моихъ ушахъ прокурора старыхъ временъ болѣзненно звучатъ такіе эпитеты, какъ „героиня бульварной прессы“, „львица Биржевыхъ Вѣдомостей“,—„престарѣлая прелестница, промышлявшая своими дряхлѣющими прелестями и своимъ вліяніемъ на сіятельныхъ старичковъ“, или удивленіе товарища прокурора, что среди людей могутъ существовать такіе субъекты, какъ подсудимый, „являющій собою нѣчто худшее, чѣмъ даже тигръ—врагъ человѣчества“, или, наконецъ, названіе подсудимаго морскимъ чудищемъ. Вообще обращеніе къ спеціальнымъ областямъ знанія—къ физикѣ, химіи, астрономіи, зоологіи и т. п. должно

покоиться на точномъ знаніи того, о чемъ говорится, иначе примѣры изъ этихъ областей могутъ оказаться крайне неудачными. Весьма тяжело слышать или видѣть, когда обвинитель не брезгаетъ въ своихъ цѣляхъ ничѣмъ, подобно Осипу въ „Ревизорѣ“, говорящему „давай и веревочку—и веревочка пригодится“. Мнѣ пришлось предсѣдательствовать по дѣлу, въ которомъ талантливый товарищъ прокурора палаты, сдѣлавшій затѣмъ блистательную и высокую карьеру, желая „доѣхать“ подсудимаго, обвинявшагося въ поддѣлкѣ акцій, ставилъ ему въ вину найденный въ его бумагахъ счетъ маленькаго портного съ заголовкомъ—*Его Сіятельству N. N.* Обвинитель усматривалъ въ этомъ стремленіе подсудимаго присвоить себѣ непринадлежащій титулъ, за что и выслушалъ заслуженную и серьезную отповѣдь защитника, напомнившаго оратору кое-что изъ его собственной біографіи и обратившаго вниманіе присяжныхъ на привычку извозчиковъ лихачей, обращающихся ко всѣмъ, хорошо одѣтымъ, сѣдокамъ съ этимъ же самымъ титулованіемъ.

Если по отношенію къ личности подсудимаго можно желать спокойной сдержанности обвинителя, сильнаго въ доводахъ, а не въ эпитетахъ, то еще болѣе можно требовать отъ послѣдняго уваженія къ суду представителей общественной совѣсти. Рѣшенія присяжныхъ засѣдателей, конечно, не всегда безупречны съ точки зрѣнія соотвѣтствія ихъ отвѣта на вопросъ о виновности съ данными, собранными противъ обвиняемаго, который при томъ нерѣдко и самъ сознался. Но не надо забывать, что этотъ отвѣтъ подсказывается господствующими въ обществѣ воззрѣніями и чувствами и что слова: „нѣтъ, невиновенъ“, пишутся, какъ итогъ соображенія уже перенесенныхъ подсудимымъ страданій, долговременнаго лишенія свободы и той неуловимой, но осязательной житейской правды, въ силу которой подъ справедливостью разумѣется не одно лишь возмездіе. „Qui n'est que juste—est cruel“, справедливо говорятъ французы. Поэтому среди рѣшеній присяжныхъ встрѣчаются такія, съ которыми—съ юридической точки зрѣнія—трудно согласиться, но нѣтъ такихъ, которыхъ нельзя было бы объяснить, а слѣдовательно и понять. Высоко цѣня судъ присяжныхъ, какъ общественное учрежденіе, и считая непозволительнымъ относиться съ упрекомъ къ голосу ихъ внутренняго убѣжденія, выработаннаго нерѣдко тяжелымъ трудомъ участія въ судебномъ засѣданіи, прокуратура моего времени никогда не рѣшалась высказывать присяжнымъ порицаніе за ихъ приговоры. А между тѣмъ нынѣ зачастую встрѣчаются въ печати указанія на то, что въ обвинительной рѣчи товарищъ прокурора, ссылаясь на предшествовавшій оправдательный

приговоръ, говорить: „Сегодня вы уже оправдали одного грабителя“, или: „послѣ того, какъ вы ужъ оправдали мошенника“, или заканчиваетъ свою рѣчь словами: „впрочемъ, принимая во вниманіе вашъ оправдательный вердиктъ по первому дѣлу, не стоитъ говорить, какъ вамъ поступить съ подсудимымъ“. Послѣдствіемъ такихъ заявленій бывала просьба присяжныхъ о занесеніи въ протоколъ оскорбительнаго къ нимъ отношенія представителя обвинительной власти.

Особаго такта и выдержки требуетъ и отношеніе обвинителя къ противнику въ лицѣ защитника. Прокурору не приличествуетъ забывать, что у защиты, теоретически говоря, одна общая съ нимъ цѣль содѣйствовать, съ разныхъ точекъ зрѣнія, суду въ выясненіи истины доступными человѣческимъ силамъ средствами и что добросовѣстному исполненію этой обязанности, хотя бы и направленному къ колебанію и опроверженію доводовъ обвинителя, ни коимъ образомъ нельзя отказывать въ уваженіи. Это прекрасно понималось въ первые годы существованія новыхъ судовъ, и я лично съ искреннимъ чувствомъ симпатіи и уваженія вспоминаю своихъ, нынѣ покойныхъ, противниковъ въ Харьковѣ, Казани и Петербургѣ. Мы часто горячо и убѣжденно боролись, но никогда ни мнѣ, ни моимъ товарищамъ не приходилось слышать по своему адресу какихъ-либо личныхъ упрековъ, инсинуацій или задорныхъ выпадовъ, и думаю, что и никому изъ насъ поставить въ вину что-либо подобное тоже было невозможно. Какъ живой проходитъ предо мною покойный же В. Д. Спасовичъ съ его рѣзкими угловатыми жестами, неправильными ударѣніями надъ непослушными, но вѣскими словами, которыя онъ вбивалъ какъ гвозди въ точно соотвѣтствующія имъ понятія,—съ чудесной архитектурой рѣчей, въ которыхъ глубокая психологія сливалась съ долгимъ житейскимъ опытомъ. Изъ каждаго нашего состязанія съ нимъ я выносилъ поучительный примѣръ строго нравственнаго отношенія къ пріемамъ и формамъ судебной борьбы и воспоминаніе о широкихъ горизонтахъ философскихъ, соціальныхъ и даже естественно-научныхъ знаній, которые онъ такъ искусно умѣлъ открывать взору слушателя сквозь лѣсную чащу фактическихъ данныхъ дѣла. Съ нимъ мнѣ чаще всего приходилось состязаться, или, какъ онъ любилъ выражаться, „скрещивать шпаги“. Но на чью бы сторону изъ насъ ни склонялись вѣсы приговора, я возвращался домой благодарнымъ ученикомъ моего перваго профессора уголовнаго права. Не разъ послѣ жаркихъ преній, въ которыхъ мы, не задѣвая лично другъ друга, наносили взаимно чувствительные удары, мы ѣхали съ нимъ въ засѣданіе неоффиціальнаго тогда юридическаго общества, собиравшагося у него

на квартирѣ, и общими силами разрабатывали различные вопросы въ духѣ Судебныхъ уставовъ. Въ моихъ „Судебныхъ рѣчахъ [1])“ и въ пятомъ томѣ сочиненій Спасовича помѣщены судебныя пренія по дѣлу Янсенъ и Акаръ, обвиняемыхъ во ввозѣ въ Россію фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, и по дѣлу Егора Емельянова, обвиняемаго въ утопленіи своей жены,—которые характеризуютъ пріемы и способы судебной борьбы между нами. По обоимъ дѣламъ послѣдовали обвинительные приговоры. Въ дѣлѣ Емельянова, по окончаніи судебнаго слѣдствія, Спасовичъ сказалъ мнѣ: „вы, конечно, откажетесь отъ обвиненія: дѣло не даетъ вамъ никакихъ красокъ—и мы могли бы еще сегодня собраться у меня на юридическую бесѣду“.—„Нѣтъ, отвѣчалъ я ему, краски есть: онѣ на палитрѣ самой жизни и въ роковомъ стеченіи на одной узкой тропинкѣ подсудимаго, его жены и его любовницы“. Несмотря на горячія нападенія Спасовича на то, что онъ называлъ „романомъ, разсказаннымъ прокуроромъ“, присяжные согласились со мной, и Спасовичъ подвезъ меня домой, дружелюбно бесѣдуя о предстоявшемъ на другой день засѣданіи юридическаго общества, гдѣ долженъ былъ разбираться запутанный въ то время вопросъ о существѣ самоуправства. Вспоминаю я Буймистрова съ его содержательнымъ и вѣскимъ словомъ,—взволнованную и изящную, всегда проникнутую искреннимъ чувствомъ рѣчь Языкова,—тонкое словесное кружево Хартулари и красивую, живую рѣчь Герарда. Конечно, дѣло не обходится и безъ комическихъ воспоминаній. Такъ возстаетъ въ нихъ предо мною очень образованный и словообильный защитникъ, рѣчи котораго, богатыя историческими ссылками и не всегда удачными цитатами изъ Священнаго Писанія, скорѣе походили на горячія публицистическія статьи, при чемъ его паѳосъ не достигалъ своей цѣли вслѣдствіе страннаго расположенія опредѣленій, которыя шли обыкновенно въ убывающемъ по силѣ порядкѣ. „Господа присяжные!“ восклицалъ онъ: „положеніе подсудимаго предъ совершеніемъ имъ преступленія было поистинѣ *адское*. Его нельзя не назвать *трагическимъ* въ высшей степени. *Драматизмъ* состоянія подсудимаго былъ *ужасенъ;* оно было *невыносимо*, оно было чрезвычайно *тяжело* и, во всякомъ случаѣ, по меньшей мѣрѣ *неудобно*“. Защищая женщину, имѣвшую послѣдовательно рядъ любовниковъ и отравившую жену послѣдняго изъ нихъ, онъ, ссылаясь на прошлое подсудимой, просилъ объ оправданіи, приводя въ примѣръ Христа, простившаго блудницу, „зане возлюбила много“, что дало поводъ обвинителю замѣтить, что защитникъ, повидимому, не различаетъ разницы между

[1]) С.-Петербургъ. 1906 г. Изд. 4-ое.

много и *многихъ*.—Я не могу забыть и двухъ молодыхъ адвокатовъ въ Харьковѣ. Одинъ изъ нихъ горячо протестовалъ противъ предложенной мною низшей мѣры самаго слабаго по уложенію наказанія за преступленіе подсудимаго, и на предложеніе Суда высказаться, чего же онъ хочетъ,—по незнакомству съ *мѣстницей наказаній* требовалъ перехода отъ арестантскихъ отдѣленій на *одинъ годъ* къ смирительному дому на *четыре* года и затѣмъ, запутавшись окончательно, сталъ просить перейти для своего кліента къ слѣдующему роду наказанія, а когда оно оказалось заключеніемъ въ крѣпости на *пять* лѣтъ, то, безнадежно махнувъ рукою, бросилъ уложеніе о наказаніяхъ и сѣлъ на свое мѣсто. Другой же по дѣлу объ убійствѣ въ дракѣ, — при чемъ старшиной присяжныхъ былъ бывшій профессоръ уголовнаго права, отличавшійся въ своихъ сочиненіяхъ очень тяжелымъ слогомъ,—желая блеснуть опредѣленіемъ драки, сказалъ съ большой увѣренностью въ себѣ: „Драка, господа присяжные засѣдатели, есть такое состояніе, субъектъ котораго, выходя изъ границъ дозволеннаго, совершаетъ вторженіе въ область охраняемыхъ государствомъ объективныхъ правъ личности, стремясь нарушить цѣлость ея физическихъ покрововъ повторнымъ нарушеніемъ таковыхъ правъ. Если одного изъ этихъ элементовъ нѣтъ на лицо, то мы не имѣемъ юридическаго основанія видѣть во взаимной коллизіи субстанцію драки“.— „Господа присяжные засѣдатели“, долженъ былъ сказать я въ своемъ возраженіи: „я думаю, что вамъ всѣмъ извѣстно—и пожалуй по собственному опыту изъ дѣтства,—что такое драка. Но ужъ если нужно ее въ точности опредѣлить,—то позвольте вмѣсто длинной формулы защитника сказать, что драка есть такое состояніе, въ которомъ одновременно каждый изъ участниковъ наноситъ и получаетъ удары“.—„Что вы сдѣлали, сказалъ мнѣ защитникъ, когда присяжные ушли совѣщаться: вѣдь я это опредѣленіе составилъ совершенно въ духѣ старшины-профессора и увѣренъ, что онъ его оцѣнилъ: недаромъ онъ такъ внимательно склонилъ голову на бокъ и одобрительно ею покачивалъ“.

Составители Судебныхъ Уставовъ разумѣли уголовную защиту какъ *общественное служеніе*. Въ ихъ глазахъ уголовный защитникъ представляется какъ vir bonus, dicendi peritus, вооруженный знаніемъ и глубокой честностью, умѣренный въ пріемахъ, безкорыстный въ матеріальномъ отношеніи, независимый въ убѣжденіяхъ, стойкій въ своей солидарности съ товарищами. Онъ долженъ былъ являться лишь правозаступникомъ и дѣйствовать только на судѣ или на предварительномъ слѣдствіи, тамъ, гдѣ это допускается, быть не слугою своего кліента и не пособникомъ ему въ стремленіи уйти отъ заслуженной кары правосудія, но помощникомъ и совѣтникомъ

человѣка, который, по его искреннему убѣжденію, невиновенъ *вовсе* или *вовсе не такъ* и *не въ томъ* виновенъ, какъ и въ чемъ его обвиняютъ. Не будучи слугою кліента, защитникъ, однако, въ своемъ общественномъ служеніи слуга государства, и можетъ быть *назначенъ* на защиту такого обвиняемаго, въ помощь которому по собственному желанію онъ бы не пришелъ. И въ этомъ случаѣ его вполнѣ безкорыстная роль почтенна, ибо нѣтъ такого падшаго и преступнаго человѣка, въ которомъ безвозвратно былъ бы затемненъ человѣческій образъ и по отношенію къ которому не было бы мѣста слову снисхожденія. Говоря, при наличности доказаннаго преступленія, о снисхожденіи—защитникъ исполняетъ свою обязанность—свою завидную обязанность—вызывать на-ряду со строгимъ голосомъ правосудія, карающаго преступное дѣло, кроткіе звуки милости къ человѣку, иногда глубоко несчастному. Къ этому идеалу защитника болѣе или менѣе стремились почти всѣ изъ адвокатовъ, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло, будучи прокуроромъ. Къ сожалѣнію, внѣшнія осбтоятельства, а отчасти и невѣрный взглядъ на смыслъ своей дѣятельности уже и тогда начинали способствовать образованію той наклонной плоскости, по которой постепенно начали двигаться многіе малодушные предъ соблазнительностью скораго и крупнаго заработка или заманчивостью дешевой и не всегда опрятной популярности. Учрежденіе присяжной адвокатуры, пришедшей на смѣну старинныхъ ходатаевъ, крючкотворцевъ и челобитчиковъ „съ задняго крыльца“—было встрѣчено горячимъ общественнымъ сочувствіемъ. Но этому сочувствію былъ нанесенъ ударъ учрежденіемъ частныхъ повѣренныхъ безъ высшаго образовательнаго ценза и сословной организаціи, наводнившихъ адвокатуру и понизившихъ ея нравственный уровень въ глазахъ публики, переставшей im Grossen und Ganzen различать два разныхъ элемента, входившихъ въ личный составъ того, что ею разумѣлось подъ общимъ названіемъ *адвокатовъ*. Этому содѣйствовало и то, что у насъ не введено французское раздѣленіе на *avocat* и *avoué*, строго различающее судебныя функціи адвоката отъ исполнительныхъ функцій стряпчаго, а къ защитѣ по уголовнымъ дѣламъ допускаются и совершенно чуждые адвокатурѣ люди, имѣющіе право быть представителями обвиняемыхъ въ уголовномъ судѣ безъ всякаго нравственнаго или образовательнаго ценза. На ряду съ этимъ въ самой средѣ присяжныхъ повѣренныхъ сталъ проводиться взглядъ на защитника, какъ на производителя труда, составляющаго извѣстную цѣнность, оплачиваемую эквивалентомъ въ зависимости отъ тяжести работъ и способности работника. Какъ для врача, въ его практической дѣятельности, не можетъ быть дурныхъ и хоро-

шихъ людей, заслуженныхъ и незаслуженныхъ болѣзней, а есть лишь больные и страданія, которыя надо облегчить,—такъ и для защитника нѣтъ чистыхъ и грязныхъ, правыхъ и неправыхъ дѣлъ, а есть лишь даваемый обвиненіемъ поводъ противопоставить доводамъ прокурора всю силу и тонкость своей діалектики, служа ближайшимъ интересамъ кліента и не заглядывая на далекій горизонтъ общественнаго блага. Эта теорія, опровергаемая прежде всего разностью цѣлей правосудія и цѣлей врачеванія, въ примѣненіи ея на судебной практикѣ создала не мало случаевъ, къ которымъ можно было примѣнить извѣстный стихъ Некрасова: «Ликуетъ врагъ,—молчитъ въ недоумѣньи вчерашній другъ, поникнувъ головой". Нельзя безъ справедливой тревоги видѣть, какъ въ отдѣльныхъ случаяхъ защита преступника обращается въ оправданіе *преступленія*, при чемъ, искусно извращая нравственную перспективу дѣла, заставляютъ потерпѣвшаго и виновнаго помѣняться ролями,—или какъ широко оплаченная ораторская помощь отдается въ пользованіе притѣснителю слабыхъ, развратителю невинныхъ, расхитителю чужихъ трудовыхъ сбереженій или безсовѣстному обкрадывателю народа... Въ этихъ случаяхъ невольно приходится вспомнить негодующія слова пророка Исаіи: „горе глаголющимъ лукавое быти доброе и доброе—лукавое, полагающимъ тьму свѣту и свѣтъ тьмѣ". Есть основанія для такой тревоги и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительные интересы обвиняемаго и огражденіе присяжныхъ засѣдателей отъ могущихъ отразиться на достоинствѣ ихъ приговора увлеченій, приносятся въ жертву эгоистическому желанію возбудить шумное вниманіе къ *своему* имени—дѣлается попытка человѣка, а иногда и цѣлое учрежденіе, обратить въ средство для личныхъ и въ концѣ концовъ корыстныхъ цѣлей. Нерѣдко во всѣхъ этихъ случаяхъ щедро оплаченный языкъ ораторовъ оправдываетъ себя словами короля Лира: „Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ". Но господа, прячущіеся за этотъ афоризмъ, вѣроятно, забываютъ, что ему предшествуютъ слѣдующія слова: „Подъ шубой парчевою нѣтъ порока!—закуй злодѣя въ золото—стальное копье закона сломится безвредно;—одѣнь его въ лохмотья—и погибнетъ онъ отъ пустой соломенки пигмея!".

Было бы однако въ высшей степени несправедливо обобщать эти случаи и поддерживать, на основаніи такого обобщенія, слагающійся въ послѣднее время неблагопріятный и нерѣдко даже враждебный взглядъ на такую необходимую жизненную принадлежность состязательнаго процесса, какъ защита. Нельзя забывать тѣ достойныя глубокаго уваженія имена, которыя оставили и оставятъ свой нравственный слѣдъ въ рядахъ присяжной адвокатуры и ту постоян-

ную и вполнѣ безкорыстную работу, которую, нерѣдко съ большимъ напряженіемъ силъ, приходилось и приходится нести членамъ этой адвокатуры, защищая подсудимыхъ, по назначенію отъ суда, въ огромномъ числѣ дѣлъ. Поэтому нельзя не отнестись съ крайнимъ сожалѣніемъ къ тѣмъ случаямъ, нерѣдкимъ въ послѣднее время, когда съ прокурорской трибуны раздаются намеки и даже прямыя указанія на то, что защита руководится лишь денежными соображеніями, когда, напримѣръ, говорится присяжнымъ, что „увѣренія защитника въ невинности обвиняемаго вызваны не столько убѣжденіемъ, сколько крупнымъ гонораромъ", или что „къ психіатрическимъ экспертизамъ защитники прибѣгаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда хотятъ вырвать изъ рукъ правосудія своего кліента, котораго никоимъ образомъ оправдать нельзя", или указывается на то, что защитники способны „своими закупленными руками на массажъ закона и массажъ подзащитныхъ". Оскорбленіе противника обвиненіемъ, бросаемымъ ему лично или сословію, къ которому онъ принадлежитъ, вноситъ въ судебныя пренія крайнее раздраженіе и ядъ оскорбленнаго самолюбія. Неудивительно поэтому, что по одному дѣлу, какъ видно изъ сообщенія газетъ южной Россіи, защитникъ, на заявленіе товарища прокурора о большомъ гонорарѣ, заставляющемъ прибѣгать къ искаженію истины, отвѣтилъ расцѣнкою рѣчи обвинителя соотвѣтственно времени, употребленному на ея произнесеніе и получаемому послѣднимъ содержанію, и опредѣлилъ ея стоимость въ *пятиалтынный*.

Главнымъ образомъ должны быть признаны недопустимыми въ рѣчахъ обвинителя выходки по поводу племенныхъ или вѣроисповѣдныхъ особенностей подсудимаго и объясненіе его дѣйствій свойствами народности, къ которой онъ принадлежитъ, при чемъ эти свойства съ непродуманной поспѣшностью, въ качествѣ огульнаго обвиненія, являются результатомъ обобщенія отдѣльныхъ, не связанныхъ между собою случаевъ и субъективныхъ впечатлѣній оратора. Въ бытность мою оберъ-прокуроромъ уголовнаго кассаціоннаго департамента я нѣсколько разъ самымъ энергическимъ образомъ выступалъ противъ такихъ пріемовъ, и Сенатъ, въ интересахъ истиннаго правосудія, кассировалъ приговоры, состоявшіеся послѣ *такихъ* обвинительныхъ рѣчей. Сюда же надо отнести—наравнѣ со стремленіемъ расшевелить въ присяжныхъ религіозную или племенную обособленность, во-первыхъ, запугиваніе присяжныхъ результатами ихъ оправдательнаго приговора; во-вторыхъ—пользованіе ихъ малой юридической освѣдомленностью, въ третьихъ—пренебрежительное отношеніе къ ихъ, имѣющему послѣдовать, рѣшенію, въ четвертыхъ—личное удостовѣреніе предъ ними такихъ обстоятельствъ, ко-

торыя имѣютъ характеръ свидѣтельскихъ показаній, облеченныхъ въ форму дѣйствующей на воображеніе картины и въ пятыхъ—пользованіе поведеніемъ подсудимаго на судѣ, какъ уликою противъ него. Мнѣ вспоминается шустрый провинціальный прокуроръ, хвалившійся тѣмъ, что умѣетъ говорить съ присяжными понятнымъ имъ языкомъ, а не „разводить—какъ онъ выражался — антимонію". По дѣлу о *шайкѣ* конокрадовъ, наличность которой отрицала защита, онъ обратился къ присяжнымъ со слѣдующими словами: „вотъ вамъ говорятъ, что здѣсь нѣтъ шайки, а простое стеченіе виновныхъ въ одномъ преступленіи; однако, господа присяжные, посчитайте-ка по пальцамъ—сколько тутъ подсудимыхъ?!—Одинъ, два, четыре, шесть, семь! — ну какъ же не шайка?!" — „Вамъ говорятъ — продолжалъ онъ, — что вина ихъ не доказана, и просятъ о ихъ оправданіи. Что жь! оправдайте — воля ваша! Только вотъ что я вамъ скажу: смотрю я въ окошко и вижу на дворѣ вашихъ лошадей, и брички, телѣги и нетычанки, въ которыхъ вы собрались со всѣхъ концовъ уѣзда и собираетесь уѣхать домой. Что жь! оправдайте:—пѣшкомъ уйдете!.." Въ 1903 году товарищъ прокурора одного изъ большихъ поволжскихъ судовъ, въ обвинительной рѣчи своей сказалъ: „я согласенъ, что улики, предъявленныя противъ подсудимыхъ, малы и ничтожны,—скажу даже болѣе, что, будь я вмѣстѣ съ вами, г-да присяжные, въ вашей совѣщательной комнатѣ, то я конечно, какъ судья, долженъ былъ бы признать эти улики недостаточными для обвиненія. Но какъ представитель обвиненія, а слѣдовательно представитель общества и государства, я поддерживаю, тѣмъ не менѣе, обвиненіе противъ подсудимыхъ и громко заявляю, что и на будущее время при столь же малыхъ уликахъ я буду составлять обвинительные акты: слишкомъ ужъ много кражъ развилось за послѣднее время, и мы будемъ оберегать отъ нихъ общество, засаживая въ предварительное заключеніе заподозрѣнныхъ воровъ-рецидивистовъ, хотя бы и по такимъ уликамъ". Въ старые годы такое заявленіе въ устахъ лица прокурорскаго надзора было немыслимо, какъ по своему цинизму, такъ и по совершенному извращенію задачъ обвинителя на судѣ.

Въ воспоминаніяхъ о *свидѣтеляхъ* я уже говорилъ о томъ, какъ осторожно и въ какихъ узкихъ предѣлахъ допустимо взвѣшивать поведеніе подсудимаго на судѣ. Въ моей ранней практикѣ былъ случай, послужившій мнѣ въ этомъ отношеніи тяжелымъ и поучительнымъ урокомъ. Въ качествѣ молодого товарища прокурора Харьковскаго окружного суда я обвинялъ одного мѣщанина въ растлѣніи тринадцатилѣтней дѣвочки. Подсудимый отрицалъ свою вину, а эксперты, какъ тогда часто случалось, совершенно разошлись въ своихъ мнѣніяхъ. Въ то

время, когда потерпѣвшая дѣвочка со слезами разсказывала про гнусность, надъ нею продѣланную, а ея мать съ волненіемъ описывала непосредственные признаки преступленія, видѣнныя ею по горячимъ слѣдамъ, подсудимый, сидѣвшій противъ меня у противоположной стѣны судебнаго зала, не только улыбался, но молчаливо смѣялся во весь ротъ... То же самое дѣлалъ онъ и во время убійственнаго для него показанія эксперта проф. Питры. Возражая защитнику, который ссылался на свидѣтельства сосѣдей подсудимаго, говорившихъ, что онъ человѣкъ скромный, добраго поведенія и богобоязненный, я сказалъ присяжнымъ, что эти его свойства едва-ли подтверждаются его поведеніемъ на судѣ, гдѣ скорбь матери и слезы дочери не возбуждаютъ въ немъ ничего, кромѣ смѣха. Защитникъ не возражалъ, и присяжные ушли совѣщаться. „Я васъ не узнаю,—сказалъ мнѣ почтенный членъ суда, старикъ М. И. Зарудный—что это вы такъ на него напали, вѣдь онъ вовсе не смѣется, а плачетъ все время. У него отъ природы или отъ какого-нибудь несчастнаго случая ротъ до ушей—и судорога лица, сопровождающая слезы, вызываетъ гримасу, похожую на смѣхъ. Я сидѣлъ къ нему гораздо ближе, чѣмъ вы, и мнѣ это было ясно видно". Подойдя вплотную къ мѣсту подсудимаго, я убѣдился въ справедливости словъ Зарудnаго и съ ужасомъ представилъ себѣ, что присяжные могли раздѣлить мое заблужденіе и что слова мои легли тяжелымъ камнемъ на чашу обвиненія. Пословица говоритъ: „кто въ морѣ не бывалъ—тотъ Богу не маливался". Она примѣнима однако и къ другимъ случаямъ жизни—и я испыталъ это въ данномъ случаѣ на себѣ. Вернуть присяжныхъ было невозможно по отсутствію законнаго повода—и тѣ полчаса, которые они совѣщались, показались мнѣ цѣлой вѣчностью. Я рѣшилъ въ душѣ выдти въ отставку, если приговоръ будетъ обвинительный... Мое взволнованное и вмѣстѣ удрученное состояніе разрѣшилось невольными слезами благодарности Богу, когда я услышалъ слова: „нѣтъ! невиновенъ".

Наконецъ, въ рѣчи обвинителя не должно находить себѣ мѣста, личное самолюбіе, ищущее себѣ удовлетвореніе въ томъ, что судъ или присяжные засѣдатели заявляютъ въ своемъ приговорѣ о согласіи съ его доводами. Представитель обвиненія по существу своихъ обязанностей не можетъ быть лично заинтересованъ въ исходѣ дѣла. Возможны случаи, когда этимъ обязанностямъ не противорѣчитъ и содѣйствіе подсудимому въ представленіи на судѣ данныхъ для оправданія, если только таковыя дѣйствительно существуютъ. Первымъ дѣломъ, назначеннымъ къ слушанію въ Казанскомъ окружномъ судѣ въ 1870 г. вскорѣ послѣ его открытія, было дѣло Каляшина и Бѣловой, обвиняемыхъ въ отравленіи и задуше-

ніи мужа послѣдней. Въ воспоминаніяхъ объ *экспертизѣ* мною уже указаны тѣ разнорѣчія между свѣдущими людьми, которыя возникли въ судебномъ засѣданіи. Присяжные засѣдатели сразу встрѣтились съ обвиненіемъ, основаннымъ на косвенныхъ уликахъ. Я считалъ себя обязаннымъ сказать представителямъ общественной совѣсти слѣдующее: „для того, чтобы обсужденіе преступленія было возможно для васъ, господа засѣдатели, надо изслѣдовать всѣ обстоятельства дѣла до мельчайшихъ подробностей, сопоставить и сгруппировать ихъ, пояснить одно другимъ и изъ всего этого сдѣлать выводъ о виновности извѣстнаго лица. Чтобы выяснить предъ вами всѣ темныя стороны дѣла, существуетъ особое учрежденіе—прокурорскій надзоръ, имѣющій на судѣ особую власть—обвинительную. Не обвиняя во что бы то ни стало, не стремясь непремѣнно добиться отъ васъ тяжелаго приговора, обвинитель шагъ за шагомъ идетъ по пути, пройденному преступленіемъ, повѣряетъ вамъ свои наблюденія и выводы и, придя къ убѣжденію въ виновности подсудимаго, обязывается высказать вамъ это убѣжденіе. Если защита найдетъ свѣтлыя стороны въ дѣлѣ и обнаружитъ обстоятельства, которыя инымъ, болѣе отраднымъ лучемъ озарятъ дѣйствіе подсудимаго и заставятъ васъ не повѣрить его виновности или сильно усумниться въ ней—то вы *должны его оправдать*, а у представителя обвинительной власти останется сознаніе, что онъ сдѣлалъ все, что слѣдовало для выполненія своей трудной и подчасъ очень тяжелой обязанности. Но если факты—молчаливые, но многозначительные факты,—не будутъ опровергнуты; если вы не почувствуете въ сердцѣ своемъ невиновности подсудимыхъ и если въ вашемъ умѣ не возникнетъ основательныхъ сомнѣній въ ихъ виновности, то вы, спокойно исполняя свою задачу быть судьями и защитниками общества отъ двухъ одинаковыхъ опасностей—безнаказанности очевиднаго преступленія и осужденія неповиннаго — согласитесь съ обвинителемъ и произнесете обвинительный приговоръ“.

Такого взгляда я держался въ теченіе всей моей восьмилѣтней прокурорской дѣятельности, глубоко сознавая, что для истинной справедливости нѣтъ ничего опаснѣе какъ вывѣтриваніе изъ основныхъ пріемовъ отправленія правосудія возвышающей ихъ человѣчности. Тамъ, гдѣ справедливость и правосудіе не сливаются въ единое понятіе, гдѣ возможно повторить слова Бомарше, влагаемыя въ уста Фигаро и обращенныя къ судебному дѣятелю: „я разсчитываю на вашу справедливость, хотя вы и служитель правосудія“—тамъ общественный бытъ поколебленъ въ своихъ нравственныхъ основаніяхъ. Я имѣлъ радость сознавать, что мои многочисленные товарищи, за небольшими исключеніями, раздѣляли и

осуществляли мои воззрѣнія. Думаю, что правосудіе отъ этого ничего не проиграло, а спокойное достоинство обвинительной власти несомнѣнно выигрывало и въ глазахъ суда, и въ общественномъ мнѣніи. Обязанность прокурора, находящаго оправданія подсудимаго уважительными, не поддерживать обвинительный актъ, опровергнутый судебнымъ слѣдствіемъ, заявивъ о томъ суду по совѣсти,—являетъ собою одно изъ лучшихъ выраженій того духа живого безпристрастія, который желали упрочить въ судебной дѣятельности составители Судебныхъ Уставовъ. Они не ограничились представленіемъ прокурору *права* отказа отъ обвиненія, но вмѣнили ему это въ *обязанность*, предусмотрѣвъ при этомъ и оба вида судебнаго состязанія—судебное слѣдствіе и пренія. Обвинительный актъ, опирающійся на различныя доказательства, между которыми главное мѣсто занимаютъ свидѣтельскія показанія, можетъ оказаться лишеннымъ всякой силы—когда эти доказательства при разработкѣ ихъ судомъ на перекрестномъ допросѣ,—при обозрѣніи ихъ или экспертизѣ предстанутъ совсѣмъ въ другомъ видѣ, чѣмъ тотъ, который они имѣли въ глазахъ обвинителя, составлявшаго актъ. Данныя обвинительнаго акта могутъ остаться и нетронутыми, но то, что будетъ приведено защитой подсудимаго или имъ самимъ въ свое оправданіе, можетъ до такой степени правдиво измѣнить житейскій обликъ подлежащаго суду поступка, установивъ на него иную точку зрѣнія, что поддержаніе обвиненія во что бы то ни стало являлось бы дѣйствіемъ не только безцѣльнымъ, но и нравственно недостойнымъ. Достаточно указать хотя бы на случай, гдѣ первоначальное обвиненіе въ убійствѣ вырождается въ наличность необходимой обороны или такой неосторожности, которую по справедливости, въ виду условій и обстановки происшествія, невозможно вмѣнить въ вину и т. п. Чуждые установленію какихъ-либо формальныхъ рамокъ, составители Судебныхъ Уставовъ мѣриломъ необходимости отказа отъ обвиненія, въ возвышенномъ довѣріи къ духовному складу судебныхъ дѣятелей, поставили единое внутреннее убѣжденіе прокурора, предоставивъ ему находить побужденія къ отказу въ голосѣ его совѣсти. Конечно, такой отказъ не долженъ быть поспѣшнымъ и непродуманнымъ или, точнѣе говоря, непрочувствованнымъ;—точно такъ же онъ не можетъ быть голословнымъ и нуждается въ мотивировкѣ. Сколько мнѣ извѣстно, въ судебной практикѣ отказы отъ обвиненія не часты, а въ первые года существованія новыхъ судовъ эти отказы сопровождались иногда оригинальными послѣдствіями. Такъ въ 1866 году, когда въ стѣнахъ Московскаго окружного суда по дѣлу объ убійствѣ впервые было заявлено товарищемъ прокурора объ отказѣ отъ обвиненія, окружный судъ безъ дальнихъ околич-

ностей объявилъ подсудимыхъ свободными отъ суда, предоставивъ такимъ образомъ прокурору, а не присяжнымъ засѣдателямъ, рѣшить судьбу подсудимаго. Между тѣмъ присяжные засѣдатели иногда относились къ подобнымъ отказамъ вполнѣ самостоятельно. Мнѣ пришлось это испытать на себѣ въ Харьковѣ. Въ лѣтнюю сессію присяжныхъ засѣдателей разсматривалось дѣло о крестьянинѣ Кухарчукѣ, обвиняемомъ въ кражѣ съ повозки въ пути. День былъ душный, дѣло — четвертое по порядку — было начато слушаніемъ въ семь часовъ вечера. Присяжные были уже очевидно утомлены, а на перекрестномъ допросѣ доказательства обвиненія разваливались одно за другимъ. Я рѣшилъ отказаться отъ обвиненія и заявилъ объ этомъ суду, въ сжатомъ изложеніи сопоставивъ данныя обвинительнаго акта съ ихъ существеннымъ измѣненіемъ на судѣ. Къ несчастью для подсудимаго, защитникомъ былъ кандидатъ на судебныя должности, весьма добросовѣстный и знающій человѣкъ, но обладавшій тѣмъ, что называется, суконнымъ языкомъ. Это была его первая защитительная рѣчь, очевидно, написанная заранѣе и неоднократно просмотрѣнная. Вѣроятно, уже за нѣсколько дней до засѣданія онъ училъ ее наизусть и даже, быть можетъ, уподобляясь Мольеру, читалъ ее своей кухаркѣ или кому-нибудь изъ близкихъ, заранѣе волнуясь въ ожиданіи своего maiden speech. Мой отказъ отъ обвиненія разбивалъ его тревожныя надежды и, жалѣя потраченный трудъ, онъ рѣшилъ не ограничиться присоединеніемъ къ моему заявленію. И вотъ въ теченіе почти полутора часовъ медлительно и нудно потекла его рѣчь. Онъ не замѣчалъ невольныхъ знаковъ нетерпѣнія со стороны суда и нѣкоторыхъ изъ присяжныхъ и такъ вошелъ въ свою роль, что совершенно забылъ о моемъ заявленіи. „Напрасно обвинитель силится утверждать, что подсудимый виновенъ“... процитировалъ онъ съ унылымъ паѳосомъ заранѣе написанное мѣсто своей рѣчи, обращаясь въ мою сторону послѣ того, какъ я отказался отъ обвиненія. Я едва удержался, чтобы не разсмѣяться, невольно вспомнивъ только-что появившійся разсказъ Щедрина, въ которомъ одинъ изъ обывателей, пришедшихъ къ новому градоначальнику на поклонъ, повѣствуетъ, какъ послѣдній, выйдя къ нимъ, крикнулъ: „пикните вы только у меня!“—и прибавляетъ: „а мы, сударь, и не пикали“. Послѣ краткаго напутствія предсѣдателя, присяжные ушли совѣщаться, а черезъ четверть часа вынесли вердиктъ, гласившій: „да, виновенъ“. По особой милости судьбы въ дѣлѣ нашлись кассаціонные поводы, и я принесъ протестъ, уваженный Сенатомъ. Первое время дѣятельности новыхъ судовъ высшая прокуратура относилась къ отказамъ отъ обвиненія неодобрительно. Мнѣ извѣ-

стно нѣсколько такихъ случаевъ, и лично я долженъ былъ, будучи товарищемъ въ Петербургѣ, давать по требованію прокурора палаты объясненіе основаній, по которымъ я отказался поддерживать обвиненіе, изложенное въ опредѣленіи Судебной палаты. Бывали, впрочемъ, и обратные случаи, и мнѣ пришлось однажды по одному харьковскому дѣлу, волновавшему на мѣстѣ сословныя страсти, могшія имѣть отголосокъ и въ Петербургѣ, рѣшительнымъ образомъ отклонить вліятельное служебное предложеніе принять на себя обвиненіе съ тѣмъ, чтобы на судѣ отъ него отказаться.

Обращаясь мысленно отъ пріемовъ обвиненія по существу, которыхъ я держался, стараясь быть послѣдовательнымъ въ своемъ взглядѣ на прокурора, какъ на говорящаго судью—къ созданію и къ выработкѣ внѣшней ихъ оболочки—я не могу не припомнить бесѣды съ воспитанниками выпускного класса училища Правовѣдѣнія послѣ одной изъ моихъ лекцій по уголовному процессу въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Они спрашивали меня, что имъ—готовящимся къ судебной дѣятельности—нужно дѣлать, чтобы стать краснорѣчивыми. Я отвѣчалъ имъ, что если подъ краснорѣчіемъ разумѣть даръ слова, волнующій и увлекающій слушателя красотою формы, яркостью образовъ и силою мѣткихъ выраженій, то для этого нужно имѣть особую способность, частью прирожденную, частью же являющуюся результатомъ воспитательныхъ вліяній среды, примѣровъ, чтенія и собственныхъ переживаній. Даръ краснорѣчія, по мнѣнію Бисмарка,—который хотя и не былъ краснорѣчивъ самъ, но умѣлъ цѣнить и испытывать на себѣ краснорѣчіе другихъ,—имѣетъ въ себѣ увлекающую силу, подобно музыкѣ и импровизаціи. „Въ каждомъ ораторѣ,—говорилъ онъ,—который дѣйствуетъ краснорѣчіемъ на своихъ слушателей, заключается поэтъ и только тогда, когда онъ награжденъ этимъ даромъ и когда, подобно импровизатору, онъ властно повелѣваетъ своему языку и своимъ мыслямъ, онъ овладѣваетъ тѣми, кто его слушаетъ“. Поэтому невозможно преподать никакихъ совѣтовъ, исполненіе которыхъ можетъ сдѣлать человѣка краснорѣчивымъ. Иное дѣло умѣть говорить публично, т. е. быть ораторомъ. Это умѣнье достигается выполненіемъ ряда требованій, лишь при наличности которыхъ можно его достигнуть. Этихъ требованій или условій, по моимъ наблюденіямъ и личному опыту, три: нужно знать предметъ, о которомъ говоришь, въ точности и подробности, выяснивъ себѣ вполнѣ его положительныя и отрицательныя свойства;—нужно знать свой родной языкъ и умѣть пользоваться его гибкостью, богатствомъ и своеобразными оборотами, при чемъ, конечно, къ этому знанію относится и знакомство съ сокровищами родной литературы. Наконецъ нужно *не лгать*. Человѣкъ лжетъ въ жизни вообще часто, а въ на-

шей русской жизни и очень часто, троякимъ образомъ: онъ говоритъ не то, что думаетъ—это ложь по отношенію къ другимъ; онъ думаетъ не то, что чувствуетъ—это ложь самому себѣ и, наконецъ, онъ впадаетъ въ ложь, такъ сказать, въ квадратѣ: говоритъ не то, что думаетъ, а думаетъ не то, что чувствуетъ. Присутствіе каждаго изъ этихъ видовъ лжи почти всегда чувствуется слушателями и отнимаетъ у публичной рѣчи ея силу и убѣдительность. Поэтому искренность по отношенію къ чувству и къ дѣлаемому выводу или утверждаемому положенію должна составлять необходимую принадлежность хорошей, т. е. — претендующей на вліяніе рѣчи. Изустное слово всегда плодотворнѣе письменнаго; оно живитъ слушающаго и говорящаго. Но этой животворной силы оно лишается, когда ораторъ самъ не вѣритъ тому, что говоритъ,— и утверждая — втайнѣ сомнѣвается, — или старается призвать себѣ на помощь вмѣсто зрѣлой мысли громкія слова, лишенныя въ данномъ случаѣ, внутренняго содержанія. Слушатель почти всегда въ этихъ случаяхъ невольно чувствуетъ то, что говоритъ Фаустъ: wo Begriffe fehlen, da stellt ein Wort zur rechten zeit sich ein. Вотъ почему лучше ничего не сказать, чѣмъ сказать ничего. „Поэтому, господа,—заключилъ я нашу бесѣду,—не гонитесь за краснорѣчіемъ. Тотъ, кому данъ даръ слова, ощутитъ его, быть можетъ, внезапно, неожиданно для себя и безъ всякихъ приготовленій. Его нельзя пріобрѣсть, какъ нельзя испытать вдохновеніе, когда душа на него неспособна. Но старайтесь говорить хорошо, любите и изучайте величайшую святыню вашего народа—его языкъ. Пусть не мысль ваша ищетъ слова и въ этихъ поискахъ теряетъ время и утомляетъ слушателей,—пусть, напротивъ, слова покорно и услужливо предстоятъ предъ вашею мыслью въ полномъ ея распоряженіи. Выступайте во всеоружіи знанія того, что относится къ вашей спеціальности и на служеніе чему вы призваны, а затѣмъ—не лгите, т. е. будьте искренны, и вы будете хорошо говорить, или, какъ гласитъ французская судебная поговорка: vous aurez l'oreille du tribunal".—Теперь, послѣ долгаго житейскаго опыта, я прибавилъ бы къ этимъ словамъ еще и указаніе на то, что ораторскіе пріемы совсѣмъ не одинаковы для всѣхъ вообще публичныхъ рѣчей, и что, напримѣръ, судебному оратору и оратору политическому приходится дѣйствовать совершенно различно: первый долженъ *доказывать* и стараться *убѣдить*,—второму нужно умѣть, употребляя прекрасное выраженіе Georges Sand „*montrer et émouvoir*", т. е. дѣйствовать преимущественно силою указываемыхъ примѣровъ и вызываемыхъ рѣчью образовъ.

На первомъ планѣ, я, конечно, считалъ нужнымъ ставить изу-

ченіе дѣла во всѣхъ его частяхъ, вдумываясь въ видоизмѣненіе показаній однихъ и тѣхъ же лицъ при дознаніи и слѣдствіи и знакомясь особенно тщательно съ вещественными доказательствами. Послѣдняя скучная и кропотливая работа, казавшаяся порою безплодною, приносила однако во многихъ случаяхъ чрезвычайно полезные результаты, имѣвшіе рѣшительное вліяніе на исходъ дѣла. Вещественныя доказательства не только представляютъ собою орудія и средства, слѣды и плоды преступленія, но вдумчивое сопоставленіе ихъ между собою даетъ иногда возможность прослѣдить постепенную подготовку преступленія и даже самое зарожденіе мысли о немъ. Въ цѣляхъ правосудія это весьма важно, ибо не только даетъ опору обвиненію, но и создаетъ законную возможность отказа отъ него. Въ дѣлѣ Янсенъ и Акаръ, обвинявшихся во ввозѣ въ Россію фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, мнѣ удалось выработать крайне вѣскую улику, сопоставляя между собою номера кредитныхъ билетовъ, расположенныхъ въ двухъ партіяхъ, направленныхъ въ отдаленные одинъ отъ другого города; въ дѣлѣ о диффамаціи въ печати Семирѣченскаго губернатора Аристова, по коему состоялся обвинительный приговоръ въ Судебной Палатѣ,—разборомъ оффиціальной переписки о маленькомъ народцѣ „таранчахъ“, пріобщенной, между прочимъ, къ дѣлу, удалось установить, что г. Семирѣченскій губернаторъ вполнѣ заслужилъ то, что онъ называлъ диффамаціей,—и имѣть удовольствіе отказаться отъ обвиненія. Я уже не говорю о томъ, до какой степени разборъ пріобщаемыхъ къ дѣламъ переписокъ, замѣтокъ, дневниковъ и другихъ рукописей обвиняемыхъ или потерпѣвшихъ даетъ возможность ознакомить судъ съ ихъ личностью иногда ихъ же собственными словами. Могу сослаться въ этомъ отношеніи на характеристики скопца Солодовникова и ростовщика Сѣдкова въ моей книгѣ „Судебныя рѣчи“. Какъ Предсѣдатель суда, я бывалъ не разъ свидѣтелемъ прискорбныхъ сюрпризовъ, которые создавались для сторонъ во время судебнаго засѣданія вслѣдствіе незнакомства ихъ съ тѣмъ, что содержится въ непросмотрѣнныхъ ими пакетахъ и сверткахъ, лежащихъ на столѣ вещественныхъ доказательствъ.

Отсутствіе тщательнаго изученія дѣла не только грозитъ такими сюрпризами, но побуждаетъ обвинителя прибѣгать иногда къ пріемамъ, о нравственномъ значеніи которыхъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Я помню одного извѣстнаго адвоката, талантливаго и знающаго, — въ частной жизни, какъ говорятъ, добраго и готоваго на дружескія услуги—но неразборчиваго ни въ свойствѣ дѣлъ, ни въ свойствѣ пріемовъ, вносимыхъ имъ въ судебное состязаніе. По громкому, волновавшему общество, дѣлу о подлогѣ огромной важ-

ности онъ принялъ на себя обязанности гражданскаго истца и, придя ко мнѣ вечеромъ наканунѣ засѣданія, просилъ дать ему прочесть дѣло, находившееся у меня, какъ у будущаго обвинителя. „Какой томъ? спросилъ я его. А развѣ ихъ много?—въ свою очередь спросилъ онъ. — Четырнадцать, — да семь томовъ приложеній и восемь связокъ вещественныхъ доказательствъ. — Ахъ, чортъ ихъ возьми!.. гдѣ же мнѣ все это разбирать... Но я изучилъ обвинительный актъ: мастерски написанъ!—Такъ какъ мы имѣемъ во многомъ общую задачу въ дѣлѣ, то скажите, какъ вы смотрите на эпизодъ съ N. N.?—А въ чемъ онъ состоитъ?—Да вѣдь ему исключительно посвящена цѣлая глава обвинительнаго акта, который вы изучили...—По правдѣ говоря, я его только перелисталъ, но у меня будутъ *свои доказательства*“. Въ судебномъ засѣданіи, длившемся цѣлую недѣлю, онъ молчалъ все время судебнаго слѣдствія и лишь при заключеніи его потребовалъ, чтобы было прочтено письмо одного изъ умершихъ свидѣтелей, находящееся *въ такомъ-то томѣ, на такой-то страницѣ*, въ которомъ пишущій почти что сознается въ содѣйствіи къ отправленію на тотъ свѣтъ другихъ свидѣтелей, опасныхъ для богатаго и вліятельнаго подсудимаго. Это заявленіе произвело большое впечатлѣніе на присяжныхъ и на публику, такъ какъ среди послѣдней былъ пущенъ ни на чемъ не основанный слухъ, что неудобные для подсудимыхъ свидѣтели „устранены изъ дѣла навсегда“, а присяжные находились подъ впечатлѣніемъ происшедшей у нихъ на глазахъ смерти одного очень волновавшагося свидѣтеля,—послѣдовавшей отъ разрыва сердца. Въ мѣстѣ, указанномъ повѣреннымъ гражданскаго истца, оказалась чистая страница. Онъ указалъ другой томъ производства, котораго, какъ мнѣ было извѣстно, даже не видѣлъ—и тамъ оказалась какая-то незначительная бумага, — а на гнѣвный вопросъ предсѣдателя, послѣ того какъ я и защитники заявили, что такого письма ни въ дѣлѣ, ни въ вещественныхъ доказательствахъ нѣтъ, объяснилъ, что томъ и страница были у него записаны на бумажкѣ, но ее у него „кто-то стащилъ“, при чемъ снова повторилъ содержаніе вымышленнаго письма. Таковы были его „свои доказательства“!

Изученіе и знаніе дѣла во всѣхъ его подробностяхъ было, по крайней мѣрѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, необходимо и для проведенія въ жизнь возможно широкимъ образомъ и въ неприкосновенности основныхъ началъ дѣятельности реформированнаго суда — устности, гласности и непосредственности. Я помню засѣданіе по одному очень сложному и серьезному дѣлу, длившееся шесть дней въ 1872 году. Въ дѣлѣ была масса протоколовъ осмотровъ и обысковъ, показаній неявив-

шихся свидѣтелей и множество документовъ, весьма нужныхъ для судебнаго состязанія. По закону, каждая изъ сторонъ могла требовать ихъ прочтенія, томительнаго и подчасъ трудно уловимаго. Мы съ К. К. Арсеньевымъ, стоявшимъ во главѣ защиты по дѣлу, молчаливымъ соглашеніемъ рѣшили почти ничего не читать на судѣ и провести весь процессъ на строгомъ началѣ устности. Поэтому, во всѣхъ нужныхъ случаяхъ, каждый изъ насъ, съ согласія противника, просилъ разрѣшенія ссылаться на письменный матеріалъ, говоря присяжнымъ: „г-да, въ такомъ-то документѣ, протоколѣ или показаніи — есть такое-то мѣсто, выраженіе, отмѣтка, цифра; прошу удержать ихъ въ памяти; если я ошибся, мой противникъ меня поправитъ“. Такимъ образомъ мы провели все засѣданіе, не *прочитавъ* присяжнымъ ничего, но разсказали очень многое. Конечно, это требовало, кромѣ знанія подробностей дѣла, большого напряженія памяти и взаимнаго уваженія сторонъ. Но первая въ то время у К. К. Арсеньева и у меня была очень сильна, а взаимное уваженіе само собою вытекало изъ одинаковаго пониманія нами задачъ правосудія.

Ознакомясь съ дѣломъ, я приступалъ прежде всего къ мысленной постройкѣ *защиты*, выдвигая передъ собою рѣзко и опредѣлительно всѣ возникающія и могущія возникнуть по дѣлу сомнѣнія, и рѣшалъ поддерживать обвиненіе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда эти сомнѣнія бывали путемъ напряженнаго раздумья разрушены, и на развалинахъ ихъ возникало твердое убѣжденіе въ виновности. Когда эта работа бывала окончена, я посвящалъ вечеръ наканунѣ засѣданія исключительно мысли о предстоящемъ дѣлѣ, стараясь представить себѣ, какъ именно было *совершено* преступленіе и въ какой *обстановкѣ*. Послѣ того, какъ я пришелъ къ убѣжденію въ виновности путемъ логическихъ, житейскихъ и психологическихъ соображеній, я начиналъ мыслить образами. Они иногда возникали предо мною съ такою силой, что я какъ бы присутствовалъ невидимымъ свидѣтелемъ при самомъ совершеніи преступленія, и это безъ моего желанія, невольно, какъ мнѣ кажется, отражалось на убѣдительности моей рѣчи, обращенной къ присяжнымъ. Мнѣ особенно вспоминается въ этомъ отношеніи дѣло банщика Емельянова, утопившаго въ рѣчкѣ Ждановкѣ, для того, чтобы сойтись съ своей прежней любовницей, свою тихую, молчаливую и наскучившую жену. Придя къ твердому убѣжденію въ его виновности (въ чемъ онъ и самъ послѣ суда сознался), несмотря на то, что полиція нашла, что здѣсь было самоубійство, я въ ночь передъ засѣданіемъ, обдумывая свои доводы и ходя, по тогдашней своей привычкѣ, по тремъ комнатамъ моей квартиры, изъ которыхъ лишь двѣ крайнія были

освѣщены, съ такою ясностью видѣлъ, входя въ среднюю темную комнату, лежащую въ водѣ ничкомъ съ распущенными волосами несчастную Лукерью Емельянову, что мнѣ, наконецъ, стало жутко.

Рѣчей своихъ я никогда не писалъ. Раза два пробовалъ я набросать вступленіе, но убѣдился, что судебное слѣдствіе даетъ такія житейскія краски и такъ перемѣщаетъ иногда центръ тяжести изложенія, что даже нѣсколько словъ вступленія, заготовленнаго заранѣе, оказываются вовсе не той *увертюрой*, выражаясь музыкальнымъ языкомъ, съ которой должна бы начинаться рѣчь. Поэтому, въ отношеніи къ началу и заключенію рѣчи, я держался поговорки „какъ Богъ на душу положитъ". Самую сущность рѣчи я никогда не писалъ и даже не излагалъ въ видѣ конспекта, отмѣчая лишь для памяти отдѣльныя мысли и соображенія, приходившія мнѣ въ голову во время судебнаго слѣдствія, и набрасывая схему рѣчи, предъ самымъ ея произнесеніемъ, отдѣльными словами или условными знаками, значенія которыхъ, долженъ сознаться, черезъ два-три мѣсяца уже самъ не помнилъ и не понималъ. Я всегда чувствовалъ, что заранѣе написанная рѣчь должна стѣснять оратора, связывать свободу распоряженія матеріаломъ и смущать мыслью, что что-то имъ забыто или пропущено. Поэтому проф. Тимофеевъ въ своихъ статьяхъ объ ораторскомъ искусствѣ ошибается, говоря, что Спасовичъ и я всегда писали свои рѣчи. Это вѣрно лишь относительно Спасовича, который дѣйствительно подготовлялъ свои рѣчи на письмѣ, чѣмъ довольно коварно пользовались нѣкоторые его противники, ограничиваясь краткимъ изложеніемъ основаній обвиненія и выдвигая свою тяжелую артиллерію уже послѣ того, какъ Спасовичъ сказалъ свою рѣчь, при чемъ его возраженія,—конечно относительно,—бывали слабы. Писалъ свои рѣчи и Н. В. Муравьевъ—крупнымъ, раздѣльнымъ почеркомъ, очень искусно и почти незамѣтно читая наиболѣе выдающіяся мѣста изъ нихъ. Обвиняя подъ моимъ предсѣдательствомъ братьевъ Висленевыхъ и Кутузова, онъ, послѣ рѣчей защиты, просилъ перерыва на два часа и заперся въ моемъ служебномъ кабинетѣ, чтобы писать свое возраженіе. Не надо забывать, что не только тамъ, гдѣ личность подсудимаго и свидѣтелей изучается по предварительному слѣдствію, но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда обвинитель наблюдалъ за слѣдствіемъ и присутствовалъ при допросахъ у слѣдователя, судебное засѣданіе можетъ готовить для него большія неожиданности. Объясненія подсудимыхъ и показанія свидѣтелей на судѣ, лицомъ къ лицу другъ съ другомъ и по принятіи послѣдними присяги, иногда совершенно измѣняетъ сложившееся о нихъ у обвинителя представленіе. Пріема не-писанія рѣчей заранѣе держался и извѣстный

Московскій прокуроръ Громницкій, говорящій въ своихъ воспоминаніяхъ о писанныхъ рѣчахъ, что онѣ „гладки и стройны, но блѣдны, безжизненны и не производятъ должнаго впечатлѣнія; это блескъ, но не свѣтъ и тепло; это красивый букетъ искусственныхъ цвѣтовъ, но съ запахомъ бумаги и клея". Мой опытъ подтверждаетъ этотъ взглядъ. Изъ отзывовъ компетентныхъ цѣнителей и изъ отношенія ко мнѣ присяжныхъ засѣдателей,—отношенія не выражаемаго внѣшнимъ образомъ, но чувствуемаго,—я убѣдился, что мои возраженія, иногда нѣсколькимъ защитникамъ сразу, сказанныя безъ всякой предварительной подготовки и обыкновенно, по просьбѣ моей, немедленно по окончаніи рѣчей моихъ противниковъ—производили наибольшее впечатлѣніе.

Еще до вступленія въ ряды прокуратуры я интересовался судебными преніями и читалъ рѣчи выдающихся западныхъ судебныхъ ораторовъ, преимущественно французскихъ, но долженъ сознаться, что мало вынесъ изъ нихъ поучительнаго. Ихъ пріемы не подходятъ къ природѣ русскаго человѣка, которой чужда приподнятая фразеологія и полемическій задоръ. Замѣчаніе митрополита Филарета о томъ, что „народъ нашъ не настроенъ къ напряженному и продолжительному вниманію и что краткое, близкое къ разумѣнію и сердцу, слово онъ беретъ и, не роняя, уноситъ" вполнѣ справедливо по отношенію къ большинству присяжныхъ засѣдателей. Этимъ объясняется частый неуспѣхъ тѣхъ, иногда весьма способныхъ, ораторовъ, которые говорятъ по нѣсколько часовъ, подвергая присяжныхъ засѣдателей своеобразному измору, при чемъ изморъ этотъ приводитъ зачастую къ неожиданнымъ результатамъ или къ знакамъ нетерпѣнія, смущающимъ говорящаго. Рѣчь обвинителя должна быть сжата и направлена на то, чтобы приковывать вниманіе слушателей, но не утомлять ихъ. Судебный ораторъ долженъ избѣгать того, что еще Аристофанъ въ своихъ „Облакахъ" называлъ „словеснымъ поносомъ", замѣчая, что „у человѣка, съ короткимъ умомъ, языкъ обыкновенно бываетъ слишкомъ долгій". Мнѣ вспоминается адвокатъ при одномъ изъ большихъ провинціальныхъ судовъ на Волгѣ, который любилъ начинать свои рѣчи ab ovo. По дѣлу о третьей кражѣ, предъ усталыми отъ предшествовавшихъ дѣлъ присяжными, онъ, пользуясь апатичнымъ невмѣшательствомъ предсѣдателя, посвятилъ первый часъ своей рѣчи на исторію возникновенія права собственности и на развитіе этого понятія съ древнѣйшихъ временъ, въ связи съ развитіемъ культуры. „Теперь перехожу къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла"—заключилъ онъ свой обзоръ и дрожащею отъ усталости рукою сталъ наливать себѣ въ стаканъ воды. Присяжные засѣдатели состояли, какъ нарочно, изъ купцовъ и мел-

кихъ торговцевъ. Начинало смеркаться, наступало время закрывать лавки и подсчитывать выручку — и вѣроятно у многихъ изъ нихъ мысль невольно обращалась къ тому, что дѣлаетъ теперь „хозяйка“, и какъ управился оставленный вмѣсто себя „молодецъ“. Когда наступила минута общаго молчанія передъ переходомъ оратора отъ Египта, Рима и среднихъ вѣковъ къ „обстоятельствамъ дѣла“, — старшина присяжныхъ съ сѣдою бородой и иконописной наружностью поднялъ давно уже опущенную голову, обвелъ страдальческимъ взглядомъ судъ и оратора и, тяжело вздохнувъ, довольно громко, съ явнымъ унынiемъ въ голосѣ произнесъ: „эхе-хе-хе-эхе!“—и снова опустилъ голову. „Я кончилъ“! упавшимъ голосомъ сказалъ авторъ историческаго изслѣдованія. Увы! непониманіе опасности такого измора существуетъ, какъ видно, и до настоящаго времени, и еще недавно въ одномъ изъ судовъ Украйны товарищъ прокурора, какъ удостовѣрено протоколомъ судебнаго засѣданія, сказалъ: „Я чувствую, что судъ недоволенъ моею рѣчью и дѣлаетъ разнаго рода жестикуляціи; я прошу отдыха и воды—я усталъ“. Можно себѣ представить, какъ должны были устать и судьи и сколько воды, сверхъ выпитой товарищемъ прокурора, оказалось въ его рѣчи.

По поводу „жестикуляцій“, такъ уязвившихъ бѣднаго словоохотливаго обвинителя, я долженъ замѣтить, что всегда считалъ вполнѣ неумѣстными всякіе жесты и говорилъ свои рѣчи опираясь обѣими руками на поставленную стоймя книгу Судебныхъ Уставовъ, купленную въ 1864 году, тотчасъ по выходѣ ея въ свѣтъ и прошедшую со мною весь мой сорокалѣтній судебный путь. Не думаю, чтобы рѣзкіе жесты и модуляціи голоса были по душѣ русскимъ присяжнымъ засѣдателямъ, которые, по моимъ наблюденіямъ, цѣнятъ спокойствіе и простоту въ „повадкѣ“ обвинителя. Я не могъ раздѣлить восхищенія нѣкоторыхъ почтительныхъ цѣнителей предъ краснорѣчивымъ судебнымъ риторомъ, который въ историческомъ процессѣ первѣйшей важности и значенія, характеризуя одного изъ подсудимыхъ съ чисто русской фамиліей, возопилъ „нѣтъ! нѣтъ! онъ не русскій!“ и швырнувъ предъ собою трагическимъ жестомъ длинный карандашъ, въ дѣланномъ безсиліи опустился въ кресло. Такимъ пріемамъ мѣсто на театральныхъ подмосткахъ. Обвинителю, какъ и проповѣднику, не слѣдуетъ забывать совѣта великаго Петра, въ Духовномъ Регламентѣ: „не надобно шататься вельми, будто весломъ гребетъ; не надобно руками сплескивать, въ боки упиратися, смѣяться, да ненадобно и рыдать: вся бо сія лишняя, и неблагообразна суть, и слушателей возмущаетъ“.

Во время моего прокурорства не существовало сборниковъ су-

дебныхъ рѣчей, по которымъ можно было бы подготовиться къ техникѣ рѣчи. Приходилось полагаться на собственныя силы. Уже впослѣдствіи, черезъ много лѣтъ по оставленіи прокуратуры, я сталъ знакомиться съ русскимъ духовнымъ краснорѣчіемъ и нашелъ въ немъ блестящіе примѣры богатства языка и глубины мысли. Несомнѣнно, что первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ митрополиту московскому Филарету, хотя его проповѣди и не согрѣваютъ сердца, какъ нѣкоторыя чудесныя „Слова“ архіепископа Иннокентія, напр. „Слово въ Великій Пятокъ“, и не блещутъ широтою взгляда митрополита Макарія. Умъ, гораздо болѣе, чѣмъ сердце, слышится въ словахъ Филарета, которыя, подобно осеннему солнцу, свѣтятъ, но не грѣютъ. Но въ нихъ нѣтъ зато ни полемическаго задора Амвросія и Никанора, ни узкой „злопыхательной“ нетерпимости нѣкоторыхъ изъ современныхъ проповѣдниковъ. У Филарета поражаетъ чистота и строгость языка и отсутствіе причастій и дѣепричастій и частаго употребленія слова „который“, при чемъ у него въ высшей степени проявляется то, что французы называютъ „la sobrieté de la parole“, и доведено до виртуозности устраненіе всего излишняго. Онъ самъ опредѣляетъ значеніе живого слова, говоря, что оно можетъ быть *изострено* какъ мечъ—и тогда оно будетъ ранить и убивать—и можетъ быть *измягчено* какъ елей—и тогда оно будетъ врачевать. Его проповѣди исполнены красивыхъ и сжатыхъ образовъ и богаты афоризмами. „*Послушалъ* бы *молчанія* Исакова“, говоритъ онъ, упоминая о своемъ несбыточномъ желаніи посѣтить обитель св. Сергія при жизни преподобнаго. „Да благословитъ Богъ,—восклицаетъ онъ,—и слово и молчаніе! Да не будетъ слово праздно и молчаніе безсловесно“. Или вотъ еще нѣсколько афоризмовъ: „Видѣть невидимые, но подлинные грѣхи человѣку иногда мѣшаютъ видимыя, но мнимыя добродѣтели.—Язвы друга, наносимыя по братолюбію, достовѣрнѣе, чѣмъ вольныя лобзанія врага.—Изъ глубины въ день можно видѣть звѣзды—это справедливо—только глубина должна быть крута и чѣмъ глубже человѣкъ въ своемъ смиреніи, тѣмъ яснѣе видитъ онъ небо“. Читая Филарета, нельзя не удивляться искусству, съ которымъ онъ въ сильной и вмѣстѣ сжатой формѣ умѣетъ употребить пріемы уподобленія, повторенія и сравненія, какъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ началѣ „слова“ на Рождество:—„Слава Христу Богу явившемуся въ смиреніи естества нашего, да явитъ намъ образы смиренія. Онъ явился въ вертепѣ, чтобы мы довольны были кельей,—въ ясляхъ, чтобы мы не требовали мягкаго ложа,—въ пеленахъ, чтобы мы любили простую одежду,—въ *несловесіи* младенческомъ, да будемъ яко дѣти простотою и незлобіемъ и да не разрѣшаемъ языка нашего на празднословіе“. Образцы истиннаго краснорѣчія

находятся и въ Четьихъ-Минеяхъ Макарія. Мученики говорятъ въ нихъ Діоклетіану, Игемонамъ и Префектамъ цѣлыя рѣчи, дышащія вдохновеніемъ и исполненныя красоты сильнаго и содержательнаго слова, чему, конечно, способствуетъ и церковно-славянскій языкъ. Достаточно въ этомъ отношеніи указать хотя бы на житіе св. Уара, заключающее въ себѣ настоящіе перлы краснорѣчія. Сжатость языка, скупость словъ и рядомъ съ этимъ богатство содержанія, въ нихъ влагаемаго, достойны внимательнаго изученія въ Четьихъ-Минеяхъ. Какъ много говорятъ, напримѣръ, такія выраженія, какъ „тѣсное и прискорбное житіе“, — „общій естества человѣческаго смертный долгъ“, — „положить человѣка въ сердцѣ своемъ“, — „воевать тайнымъ коварствомъ во образѣ правды“ и т. д.

О построеніи обвинительныхъ рѣчей мнѣ трудно сказать что-нибудь болѣе полное, содержательное и поучительное, чѣмъ то, что заключается въ замѣчательной книгѣ П. Сергѣевича: „Искусство рѣчи на судѣ“. Лично о себѣ могу сказать, что никогда не слѣдовалъ какому-либо общему и предвзятому пріему. Черпая свои доводы изъ житейскаго опыта, психологическаго анализа побужденій и изъ сопоставленія между собою объективныхъ обстоятельствъ дѣла, я начиналъ рѣчи то съ краткаго описанія событія преступленія, то съ оцѣнки бытового значенія преступнаго дѣянія, о которомъ шло дѣло, то съ характеристики главнѣйшихъ личностей въ дѣлѣ, то, наконецъ, съ изложенія шагъ за шагомъ хода тѣхъ слѣдственныхъ дѣйствій, результатомъ которыхъ явилось преданіе суду. Желая убѣждать присяжныхъ въ томъ, въ чемъ я самъ былъ убѣжденъ, а не производить на нихъ впечатлѣніе, я старался избѣгать дѣйствовать на ихъ воображеніе и подчасъ видя со стороны присяжныхъ довѣріе и сочувствіе къ тому, что я говорю, я сознательно стиралъ слишкомъ рѣзкіе контуры вызываемыхъ мною образовъ, за что подвергался иногда строгой критикѣ прямолинейныхъ обвинителей. Сознаніе нѣкотораго дара слова, который мнѣ данъ судьбою, заставляло меня строго относиться къ себѣ какъ къ судебному оратору и никогда не забывать предъ лицомъ человѣка, на судьбу котораго я могъ повліять, завѣта Гоголя: „со словомъ надо обращаться честно“.

Еще въ юности глубоко врѣзались въ мою память прекрасныя слова Лабуле: „Avec le pauvre, l'enfant, la femme et le coupable même—la justice doit se defier de ses forces et craindre d'avoir trop raison“. Вотъ почему черезъ тридцать шесть лѣтъ по оставленіи мною прокурорской дѣятельности, я спокойно вспоминаю свой трудъ какъ обвинителя и думаю, что едва-ли между *моими* подсудимыми были люди, упосившіе съ собою, будучи поражены судеб-

нымъ приговоромъ, чувство злобы, негодованія или озлобленія противъ меня лично. Въ рѣчахъ моихъ я не могъ, конечно, оправдывать ихъ преступнаго дѣла и раздѣлять взглядъ, по которому tout comprendre—c'est tout pardonner, или безразлично „зрѣть на правыхъ и виновныхъ". Но я старался понять, какъ дошелъ подсудимый до своего злаго дѣла и въ анализъ совершеннаго имъ пути избѣгалъ вносить надменное самодовольство оффиціальной безупречности. Я не забывалъ русской поговорки: „чужими грѣхами святъ не будешь" и мнѣ часто приходили на память глубокія слова Альфонса Карра: „Я не могу удержаться,—говоритъ онъ,—отъ упрека нѣкоторымъ судебнымъ ораторамъ въ томъ, что они иногда забираются на нравственную высоту, недоступную для большинства обыкновенныхъ смертныхъ. Мнѣ хочется чувствовать человѣка въ моемъ судьѣ и обвинителѣ и знать, что если высокая добродѣтель и оградила его отъ пропасти, въ которую я упалъ, то, по крайней мѣрѣ, онъ измѣрилъ взоромъ ея глубину и знаетъ по собственнымъ наблюденіямъ, какъ легко въ нее оступиться. Если бы мнѣ приходилось быть судимымъ ангелами, то я предпочелъ бы быть осужденнымъ заочно".

Вотъ почему я не разъ считалъ себя въ правѣ просить присяжныхъ засѣдателей о признаніи подсудимыхъ заслуживающими, по обстоятельствамъ дѣла, снисхожденія. По дѣлу объ убійствѣ Филиппа Штрамъ, совершенномъ его племянникомъ, при чемъ мать убійцы Елизавета Штрамъ обвинялась въ укрывательствѣ, я сказалъ о ней въ концѣ своей рѣчи: „Невольная свидѣтельница злодѣянія своего сына, забитая нуждою и жизнью, она сдѣлалась укрывательницей его дѣйствій потому, что не могла найти въ себѣ силы изобличать его... Трепещущія и безсильныя руки матери вынуждены были скрывать слѣды преступленія своего сына потому, что сердце матери по праву, данному ему природой, укрывало самого преступника. Поэтому вы, господа присяжные, поступите не только милостиво, но и справедливо, если скажете, что она заслуживаетъ снисхожденія". Гдѣ было возможно отыскать въ дѣлѣ проблески совѣсти въ подсудимомъ или указаніе на то, что онъ упалъ нравственно, но не погибъ безповоротно, я всегда подчеркивалъ это передъ присяжными въ такихъ выраженіяхъ, которыя говорили подсудимому, особливо, если онъ былъ еще молодъ, что предъ нимъ еще цѣлая жизнь и что есть время исправиться и честной жизнью загладить и заставить забыть свой поступокъ. Я никогда не сочувствовалъ, однако, той *жестокой чувствительности*, благодаря которой у насъ нерѣдко совершенно изчезаютъ изъ виду обвиняемый и дурное дѣло, имъ совершенное, а на скамьѣ сидятъ отвлеченные подсудимые, не подлежащіе карѣ закона и называемые обыкновенно *средою*, по-

рядкомъ вещей, темпераментомъ, страстью, увлеченіемъ. Я находилъ, что страсть многое объясняетъ, и ничего не оправдываетъ; что никакой политическій строй не можетъ извинить попранія въ себѣ и въ другихъ нравственнаго начала; что излишнее довѣріе, отсутствіе или слабость надзора не уменьшаютъ вины того, кто этимъ пользуется. Увлекаясь чувствительностью въ отношеніи къ виновному, нельзя становиться жестокимъ къ потерпѣвшему, къ пострадавшему, и къ нравственному и матеріальному ущербу, причиненному преступленіемъ, присоединять еще и обидное сознаніе, что это ничего не значитъ, что за это ни кары, ни порицанія не слѣдуетъ, и что законъ, который грозитъ спасительнымъ страхомъ слабому и колеблющемуся, есть мертвая буква, лишенная практическаго значенія. Но тамъ, гдѣ на-ряду со строгимъ словомъ осужденія умѣстно было слово милости и снисхожденія, я ему давалъ звучать въ своей рѣчи. Такое отношеніе къ подсудимымъ по одному дѣлу оставило во мнѣ своеобразныя воспоминанія. Помѣщикъ одной изъ сѣверныхъ губерній, брачная жизнь котораго сложилась неудачно, былъ дружески принятъ въ семьѣ другого мѣстнаго помѣщика, и изливалъ скорбь по поводу своихъ житейскихъ невзгодъ передъ сестрой этого помѣщика, молодой впечатлительной дѣвушкой, только что окончившей воспитаніе въ институтѣ. Она стала его жалѣть, и эта жалость, какъ часто бываетъ у русской женщины, перешла въ любовь, которою и воспользовался сладкорѣчивый неудачникъ. Черезъ нѣкоторое время, замѣтивъ, что она нравится мѣстному энергичному земскому дѣятелю, онъ, пустивъ въ ходъ свое неотразимое на нее вліяніе, уговорилъ ее выйти замужъ, предложивъ себя, съ циничесой самоувѣренностью, въ ея посаженные отцы. Бѣдная дѣвушка, внявшая его настойчивымъ совѣтамъ, вскорѣ убѣдилась, что нашла въ мужѣ довѣрчиваго, благороднаго и горячо любящаго человѣка, видящаго въ ней утѣшеніе и поддержку въ своей тревожной, полной борьбы, общественной дѣятельности. Такъ прошло семь лѣтъ, и однажды, когда, вернувшись въ свою усадьбу изъ уѣзднаго города, мужъ сталъ разсказывать про происки и вражду своихъ противниковъ и высказалъ женѣ, какое огромное нравственное значеніе имѣетъ для него непоколебимая вѣра въ ея любовь и чистоту, она почувствовала, что не можетъ и не должна скрывать отъ него истину о своемъ прошломъ и разсказала ему „все“. Это запоздалое признаніе ошеломило несчастнаго человѣка, разрушило и осквернило въ его глазахъ счастіе его многихъ лѣтъ и возбудило въ немъ, на почвѣ оскорбленнаго самолюбія ревность, которая стала питать сама себя болѣзненными представленіями и приводившими его въ ярость подозрѣніями.

Заставляя жену почти ежедневно терзать его и терзаться самой подробнымъ разсказомъ о своемъ „паденіи“, онъ, наконецъ, потребовалъ, чтобы она повторила въ лицо своему соблазнителю все то, что разсказала мужу,—и затѣмъ сталъ его преслѣдовать настойчивыми требованіями „сойти со сцены“. Посаженный отецъ бѣжалъ за границу, но оскорбленный мужъ, въ сопровожденіи почти обезумѣвшей отъ страданій жены, бросился за нимъ въ погоню, искалъ его по всей Европѣ и, наконецъ, настигъ, вернувшись вслѣдъ за нимъ въ Петербургъ, гдѣ ворвался въ его квартиру и убилъ его ударами кинжала, приказавъ при этомъ женѣ стрѣлять въ него изъ револьвера. Оба были преданы суду—онъ за убійство, она за покушеніе. Обвиняя по этому дѣлу, обратившему на себя особое общественное вниманіе, и изображая на основаніи объективныхъ данныхъ послѣдовательное развитіе преступной рѣшимости у подсудимаго, я не могъ не указать присяжнымъ на глубину душевныхъ страданій, перенесенныхъ подсудимымъ, и не обратить ихъ вниманія на несчастную судьбу молодой женщины, не сумѣвшей заглушить въ себѣ вопля совѣсти, уставшей скрывать истину отъ любимаго и достойнаго уваженія человѣка. Присяжные дали ему снисхожденіе, а жену его, потерявшую голову въ поднятой ею бурѣ и ставшую слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ своего мужа, оправдали. Она пошла за мужемъ въ ссылку на поселеніе въ Сибирь. Я не терялъ ихъ изъ виду и, когда представился случай, черезъ нѣсколько лѣтъ, въ качествѣ управляющаго департаментомъ министерства юстиціи, помогъ облегченію его участи.

Этотъ процессъ былъ долгое время причиной непечатанія мною сборника моихъ судебныхъ рѣчей, такъ какъ безъ него послѣдній былъ бы неполонъ, а мнѣ не хотѣлось давать поводъ случайнымъ читателямъ моей книги растравлять своимъ любопытствомъ, намеками или безтактными вопросами начавшія заживать у подсудимыхъ раны прошлаго. Между тѣмъ изданіе такого сборника представлялось мнѣ необходимымъ, такъ какъ въ прокуратурѣ начинали водворяться нежелательные пріемы, отъ которыхъ я хотѣлъ отвратить примѣрами моей дѣятельности какъ *говорящаго судьи*. Послѣ долгихъ колебаній я нашелъ исходъ въ томъ, что, печатая отчетъ объ этомъ процессѣ, ни разу не упомянулъ объ именахъ и фамиліи подсудимыхъ, замѣнивъ ихъ словами „обвиняемый“, „обвиняемая“, „подсудимый“, „подсудимая“. Вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ перваго изданія „Судебныхъ рѣчей“, я получилъ письма отъ моихъ бывшихъ подсудимыхъ, въ которыхъ сквозило чувство признательности за употребленный мною пріемъ умолчанія и съ тѣхъ поръ между мною и этими прекрасными въ существѣ своемъ людьми устано-

вилась переписка. Онъ сообщалъ мнѣ о своихъ взглядахъ на разныя общественныя дѣла и событія, она съ трогательнымъ довѣріемъ писала мнѣ о своей счастливой семейной жизни и дѣтяхъ, горячо принимая къ сердцу мои личныя и общественныя скорби и радости. Нѣсколько лѣтъ назадъ, давно прощенный и принятый на службу, онъ умеръ, пользуясь уваженіемъ окружающихъ, а я и до сихъ поръ нѣсколько разъ въ годъ получаю съ далекаго Юга письма отъ нея, исполненныя благоговѣйныхъ воспоминаній о мужѣ и нѣжной тревоги о моемъ пошатнувшемся здоровьѣ... Невольно вспоминаются мнѣ по этому поводу упреки Герцена нашей привычкѣ налѣплять заранѣе сдѣланные ярлыки, изъ-за которыхъ не желаютъ видѣть настоящаго человѣка. Извѣстенъ взглядъ, связанный въ нашемъ обществѣ со словомъ „жандармъ“... а между тѣмъ я зналъ въ моей провинціальной жизни жандармскаго генерала Коваленскаго въ Харьковѣ—человѣка исключительной доброты и благородства—и полковника Ларіонова въ Казани, гробъ котораго студенты несли на рукахъ до кладбища. „*Душѣ* все внѣшнее подвластно“—говоритъ Лермонтовъ. Иногда, получая письма, о которыхъ я только что говорилъ, я переношусь въ дни, послѣдовавшіе за судебнымъ засѣданіемъ по этому дѣлу, когда различныя дамы изъ общества удивлялись моему „непозволительно-мягкому“ отношенію къ подсудимой и, негодуя на оправдательный приговоръ, находили, что ее-то и слѣдовало наказать особенно строго за ея неумѣстную откровенность. „Кто ее тянулъ за языкъ?“ спрашивали меня нѣкоторыя чувствительныя особы съ нескрываемымъ къ ней презрѣніемъ. Я получилъ и нѣсколько открытыхъ анонимныхъ писемъ съ намеками на то, что мое снисходительное къ ней отношеніе, конечно, ничѣмъ инымъ не можетъ быть объяснено, какъ влюбленностью, столь неумѣстною въ прокурорѣ. Такое вольное и невольное непониманіе роли прокурора съ особенной силой проявилось въ нашумѣвшемъ въ свое время дѣлѣ Мясниковыхъ, обвиняемыхъ въ составленіи подложнаго завѣщанія отъ имени разбогатѣвшаго приказчика ихъ отца Бѣляева, коимъ все его очень большое, но запутанное состояніе, заключавшееся въ разныхъ предпріятіяхъ, лѣсныхъ дачахъ, пріискахъ, паяхъ и т. п., было будто бы оставлено имъ своей женѣ, которая не замедлила по договору передать его подсудимымъ за 392 тысячи, чѣмъ были нарушены права законныхъ наслѣдниковъ, отдаленныхъ родственниковъ мнимаго завѣщателя.

Отсутствіе здоровой политической жизни въ тогдашнемъ петербургскомъ обществѣ сказывалось въ томъ страстномъ отношеніи, которое проявляли различные круги къ процессамъ, выдающимся или по свойству преступленія или по общественному положенію

обвиняемыхъ. При всякаго рода стѣснительныхъ и запретительныхъ мѣрахъ по отношенію къ публичнымъ чтеніямъ—сравнительно свободная рѣчь могла быть услышана, за исключеніемъ рѣдкихъ публичныхъ засѣданій ученыхъ обществъ, лишь изъ проповѣдническихъ устъ духовныхъ ораторовъ, на оффиціальныхъ торжествахъ и юбилеяхъ и, наконецъ, въ судѣ. Но на духовномъ витійствѣ лежала мертвящая рука, втискивавшая живое слово въ узкія рамки предвзятыхъ и не связанныхъ съ вопросами жизни текстовъ. Этимъ, конечно, объяснялся успѣхъ такихъ ораторствующихъ богослововъ, какъ, напримѣръ, пресловутый лордъ Редстокъ, пріѣзжавшій гастролировать въ Петербургъ. Въ его развязномъ обращеніи съ Евангеліемъ и въ великосвѣтской проповѣди „вѣры безъ дѣлъ“ слышалось все-таки независимое слово, и это невольно плѣняло слушателей, давно мучимыхъ духовнымъ голодомъ.

Такъ же мало удовлетворенія доставляли и разныя торжественныя юбилейныя и застольныя рѣчи. Произносимыя въ узкихъ предѣлахъ даннаго случая, онѣ были проникнуты той условной ложью, которая заставляла звучать изображеніе дѣйствительности „октавой выше“, при чемъ иногда самъ юбиляръ или иной „виновникъ торжества“ долженъ былъ чувствовать себя сконфуженнымъ отъ раздутаго превознесенія своихъ скромныхъ заслугъ предъ вѣдомствомъ, отечествомъ и даже человѣчествомъ, въ глубинѣ души, быть можетъ вспоминая стихъ Гаммерлинга: „Lasst uns lachen— über die *Grossen* — die *keine* sind“. Къ тому же эти торжества бывали доступны небольшому числу лицъ. Оставались судебныя засѣданія. Здѣсь слово тоже было ограничено конкретными обстоятельствами даннаго дѣла, но оно вырабатывалось въ свободной и наглядной борьбѣ сторонъ и въ содержаніе его вливалась неподдѣльная настоящая жизнь съ ея скорбями, паденіями и роковыми осложненіями, при чемъ толкованіе закона открывало путь критикѣ различныхъ общественныхъ отношеній. Поэтому въ словахъ подсудимыхъ, свидѣтелей, защитниковъ и подчасъ самихъ обвинителей и въ поведеніи публики нерѣдко слышались отголоски отдаленныхъ надеждъ, душевной неудовлетворенности, возмущеннаго чувства или сдержаннаго негодованія на тяжкія условія и обстановку оффиціальной жизни и общественной среды. Какъ ни старался судъ иногда оградить себя отъ внѣшняго міра съ его страстями и упованіями плотиною строгихъ процессуальныхъ правилъ, напоръ бывалъ такъ силенъ, что взволнованная общественная стихія, просачиваясь сквозь послѣднюю, то тутъ, то тамъ прорывала ее и вторгалась въ спокойное отправленіе правосудія. Нашъ новый судъ долгое время былъ единственной отдушиной, въ которую неизбѣжно

и неотвратимо вылетали со свистомъ и шумомъ пары повсюду пригнетаемыхъ общественныхъ вожделѣній. Это заставляло при каждомъ выходящемъ изъ ряду дѣлѣ волноваться всѣ тѣ элементы, которые, не будучи призваны судить, приходили однако въ соприкосновеніе съ судомъ. Понятно, какую роль при этомъ могла играть и играла ежедневная печать, отражая на себѣ это волненіе. Въ дѣлѣ Мясниковыхъ было нѣсколько поводовъ для возбужденія исключительнаго и болѣзненнаго любопытства публики. Дѣло тянулось четырнадцать лѣтъ, по большей части въ старыхъ судахъ, нѣсколько разъ кончаясь ничѣмъ и снова возникая. А суды эти не безъ основанія внушали обществу подозрительное къ себѣ отношеніе. Обвиняемые были людьми очень богатыми и ихъ монументальный домъ на Знаменской улицѣ въ то, еще бѣдное красивыми постройками въ Петербургѣ, время, вѣроятно не разъ останавливалъ на себѣ завистливое вниманіе проходящихъ. Одинъ изъ Мясниковыхъ былъ адъютантомъ главнаго начальника III Отдѣленія, т. е. состоялъ въ глазахъ общества въ ближайшемъ распоряженіи той власти, къ которой оно, въ лицѣ многихъ, относилось съ чувствомъ боязливаго и тревожнаго недружелюбія. Вокругъ наслѣдственныхъ правъ безвѣстнаго сарапульскаго мѣщанина Ижболдина, предъявившаго гражданскій искъ о признаніи завѣщанія подложнымъ, образовалась группа далеко не безкорыстныхъ радѣтелей и участниковъ будущаго дѣлежа, коихъ, конечно, лишь съ этой точки зрѣнія интересовало предстоящее „торжество правосудія“, къ которому они усиленно и постоянно взывали на довѣрчивыхъ страницахъ мелкой прессы. Все это, вмѣстѣ взятое, создало напряженный интересъ къ дѣлу.

Подсудимые, Александръ и Иванъ Мясниковы,—изъ которыхъ одинъ, старшій, разбитый жестокимъ параличемъ, производилъ, лежа въ длинномъ креслѣ, очень тяжелое впечатлѣніе—виновными себя не признали,—а третій подсудимый, мѣщанинъ Амфилогій Каргановъ, сознавшійся въ поддѣлкѣ подписи Бѣляева на завѣщаніи,—имѣлъ видъ нервно-больного человѣка, очень волновался, съ трудомъ овладѣвалъ нитью разсказа и настойчиво сбивался на повѣствованіе о своей жизни на отдаленномъ заводѣ, гдѣ онъ предавался безпробудному пьянству, обрекаемый на него скукой и разладомъ съ женою, бывшею прежде „близкою знакомой“ одного изъ обвиняемыхъ. Предъ судомъ прошло множество разнорѣчивыхъ свидѣтелей, изъ которыхъ нѣкоторые, особливо со стороны гражданскаго истца, давали показанія, съ чрезвычайной страстностью,—а настоящая по моему мнѣнію потерпѣвшая, Екатерина Бѣляева, женщина уже весьма не молодыхъ лѣтъ, въ свѣтлой шляпкѣ съ розами, горячо и

упорно заступалась за подсудимыхъ, считая себя вполнѣ удовлетворенной полученными отъ Мясниковыхъ деньгами. Гдѣ было нужно, она отзывалась ослабленіемъ памяти—и стойко выдержала болѣе, чѣмъ двухчасовой перекрестный допросъ, вовсе не представляя изъ себя „трепетной лани“, какъ ее называлъ насмѣшливо повѣренный гражданскаго истца. Судебныя пренія были очень оживленныя и продолжительныя. Кончая свою обвинительную рѣчь, я сказалъ: „Господа присяжные, обвиненіе мое окончено;— я старался, не увлекаясь, спокойно и сжато изложить передъ вами существенныя обстоятельства этого сложнаго дѣла и тѣ данныя, которыя почерпнуты мною изъ письменныхъ документовъ. Если я упустилъ что-либо, то дополнитъ это ваша память, въ которой отпечатлѣлись, безъ сомнѣнія, всѣ черты, всѣ оттѣнки этого дѣла. Я обвиняю Александра Мясникова въ томъ, что онъ задумалъ составить подложное завѣщаніе отъ имени Бѣляева и привелъ это намѣреніе въ исполненіе. Ни въ общественномъ и матеріальномъ его положеніи, ни въ его образованіи не нахожу я никакихъ обстоятельствъ, по которымъ можно бы говорить о снисходительномъ отношеніи къ его поступку: онъ виновенъ — и только виновенъ. Обращаясь къ Ивану Мясникову, я по совѣсти долженъ заявить, что въ дѣлѣ нѣтъ указаній на его непосредственное участіе въ преступленіи. Это не значитъ, однако, чтобы онъ не участвовалъ въ немъ косвенно. Нѣтъ сомнѣнія, что Александръ Мясниковъ не могъ бы рѣшиться составить подложное завѣщаніе, не имѣя на то предварительнаго, быть можетъ молчаливаго, согласія со стороны брата,—онъ не могъ бы составить завѣщанія, не бывъ напередъ увѣренъ въ томъ, что братъ его безпрекословно приметъ всѣ послѣдствія этого, что при этомъ между ними не выйдетъ недоразумѣній. Ему надлежало быть увѣреннымъ, что Иванъ Мясниковъ будетъ смотрѣть сквозь пальцы въ то время, когда онъ станетъ дѣйствовать. Иванъ Мясниковъ зналъ хорошо, какое преступленіе подготовляется, и не остановилъ брата, не предупредилъ своимъ вліяніемъ преступленія, не напугалъ своими угрозами. Поэтому я обвиняю Ивана Мясникова въ попустительствѣ. Карганова я обвиняю въ томъ, что онъ, послѣ подготовительныхъ занятій, подписалъ бумагу чужимъ именемъ, зная, что это дѣлается для духовнаго завѣщанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не могу не замѣтить, что Каргановъ былъ орудіемъ въ рукахъ другихъ, умственно и матеріально болѣе чѣмъ онъ сильныхъ лицъ, что онъ находился подъ давленіемъ своей привязанности къ хозяевамъ, и что жизнь его разбита навсегда и непоправимо. Я прошу васъ поэтому признать его заслуживающимъ полнаго снисхожденія; равнымъ обра-

зомъ, думаю я, что не будетъ несправедливымъ признать заслуживающимъ снисхожденія и Ив. Мясникова. Взглянувъ на него, близкаго къ гробу и разбитаго параличемъ, вы, господа присяжные, поймете, подъ вліяніемъ какого чувства я указываю вамъ на возможность этого признанія. Излишне говорить вамъ, что приговоръ вашъ будетъ имѣть большое значеніе. Дѣло это тянется *четырнадцать* лѣтъ и возбудило цѣлую массу толковъ. Общественное мнѣніе клонилось по отношенію къ нему то въ одну, то въ другую сторону, и судомъ общественнаго мнѣнія дѣло это было нѣсколько разъ, и самымъ противуположнымъ образомъ, разрѣшаемо. Подсудимыхъ признавали то закоренѣлыми преступниками, то жертвами судебнаго ослѣпленія. Но судъ общественнаго мнѣнія не есть судъ правильный, не есть судъ свободный отъ увлеченій, общественное мнѣніе бываетъ часто слѣпо, оно увлекается, бываетъ пристрастно и—или жестоко не по винѣ, или милостиво не по заслугамъ. Поэтому приговоры общественнаго мнѣнія по этому дѣлу не могутъ и не должны имѣть значенія для васъ. Есть другой высшій судъ,—судъ общественной совѣсти. Это—вашъ судъ, господа присяжные. Мы переносимъ теперь дѣло Мясниковыхъ изъ суда общественнаго мнѣнія на судъ общественной совѣсти, которая не позволитъ вамъ не признать виновности подсудимыхъ, если они дѣйствительно виноваты, и не допуститъ васъ уклониться отъ оправданія ихъ, если вы найдете ихъ невиновными. Произнося вашъ приговоръ, вы или снимете съ нихъ то ярмо подозрѣній и слуховъ, которое надъ ними тяготѣетъ издавна—или скрѣпите его вашимъ спокойнымъ и рѣшительнымъ словомъ. Если вы произнесете приговоръ обвинительный, если согласитесь съ моими доводами и проникнетесь моимъ убѣжденіемъ, то изъ него будетъ видно, что передъ судомъ по Судебнымъ Уставамъ нѣтъ богатыхъ и бѣдныхъ, нѣтъ сильныхъ и слабыхъ, а всѣ равны, всѣ одинаково отвѣтственны"...

Присяжные засѣдатели совѣщались пять часовъ и среди всеобщаго напряженнаго вниманія вынесли рѣшеніе о томъ, что завѣщаніе не подложно, и тѣмъ самымъ произнесли оправдательный приговоръ относительно подсудимыхъ. Приговоръ этотъ былъ понятенъ. Если съ нимъ трудно было согласиться съ точки зрѣнія тяжести и доказательности уликъ, собранныхъ по дѣлу, совокупность которыхъ должна бы привести присяжныхъ къ обвинительному отвѣту, согласному съ логикой фактовъ, то съ другой стороны, съ точки зрѣнія житейской, рѣшеніе присяжныхъ было легко объяснимо. Предъ ними были люди, выстрадавшіе четырнадцать лѣтъ мучительнаго состоянія подъ подозрѣніемъ; одинъ изъ нихъ лежалъ предъ ними безсильный и разрушенный физически, другой—

Каргановъ—стоялъ полуразрушенный духовно, собирая послѣднія силы своего мерцающаго ума на защиту своихъ бывшихъ хозяевъ. Если изъ дѣла выяснялось, что путемъ подложнаго завѣщанія Мясниковы завладѣли имуществомъ Бѣляевой, то съ другой стороны было съ несомнѣнностью ясно, что все это имущество было Бѣляевымъ пріобрѣтено отъ Мясниковыхъ, благодаря участію его въ ихъ дѣлахъ. Присяжнымъ было видно, что Бѣляевъ съ преданностью вѣрнаго слуги любилъ сыновей своего стараго хозяина, какъ родныхъ дѣтей и что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ думалъ, какъ видно было изъ клочковъ бумаги, на которыхъ онъ пробовалъ написать проектъ завѣщанія, объ обезпеченіи своей жены, но не выразилъ этого окончательно, вѣроятно лишь по свойственному многимъ боязливому отвращенію къ составленію завѣщанія. Затѣмъ, въ дѣлѣ не было дѣйствительно *пострадавшаго отъ преступленія* и ввергнутаго въ нищету или тяжелое матеріальное положеніе, такъ какъ та спутница жизни Бѣляева, которой онъ несомнѣнно собирался оставить часть своего имущества, признавала себя совершенно удовлетворенной и обезпеченной сдѣлкой съ Мясниковыми, доказывая своимъ поведеніемъ во время тяжелаго допроса на судѣ, что volenti non fit injuria. Наконецъ, къ этому имуществу тянулись жадныя руки цѣлой компаніи искателей золотого руна, своего рода аргонавтовъ, окружившихъ совершенно чужого для Бѣляева человѣка, ничѣмъ не заслуженное благополучіе которыхъ должно было быть построено, въ случаѣ признанія завѣщанія подложнымъ, на ссылкѣ въ Сибирь трехъ предстоявшихъ передъ судомъ людей. Все это должны были видѣть и чувствовать присяжные засѣдатели. И они произнесли оправдательный приговоръ, отпустивъ подсудимымъ ихъ вину. Такъ же поступили черезъ полгода и присяжные засѣдатели въ Москвѣ,—куда вслѣдствіе кассаціи, согласно моему протесту, приговора было перенесено дѣло Мясниковыхъ,— несмотря на крайнія усилія повѣреннаго гражданскихъ истцовъ, подготовлявшаго обвинительный приговоръ статьями въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и усиленнымъ розысканіемъ и доставленіемъ въ Москву новыхъ свидѣтелей обвиненія, показаніе одного изъ которыхъ вызвало оригинальный вопросъ присяжнаго засѣдателя: „значитъ, вы состоите у мѣщанина Ижболдина на *иждивеніи*?“

Приговоръ петербургскихъ присяжныхъ вызвалъ въ Петербургѣ ропотъ и шумные толки, искусно подогрѣваемые и питаемые матеріальнымъ разочарованіемъ „аргонавтовъ“. На судъ посыпались самыя грубыя нареканія и инсинуаціи. Окончаніе моей рѣчи вызвало въ печати ядовитыя выходки. Мнѣ не хотѣли простить того, что я не представилъ изъ себя французскаго обвинителя, видящаго въ

оправдательномъ приговорѣ личную для себя обиду. Не только мелкая пресса, но и нѣкоторые болѣе солидные органы—выражавшіе четыре года спустя свое крайнее сожалѣніе по поводу оставленія мною прокуратуры,—нападали на меня за *слабость* обвиненія, а одинъ, имѣвшій крупную извѣстность въ беллетристикѣ, талантливый улавливатель общественныхъ настроеній даже назвалъ въ своемъ фельетонѣ мое обвиненіе защитительною рѣчью. Вообще вокругъ рѣшенія присяжныхъ загорѣлась страстная полемика, вызванная тѣми причинами, лежащими въ общественномъ строѣ, на которыя я указалъ выше. Тогда только что были введены открытыя письма съ исключенною впослѣдствіи надписью, что почтовое управленіе не отвѣчаетъ за содержаніе письма. И я сталъ получать ругательныя письма самаго злобнаго содержанія, при чемъ, судя по стилю, иногда по нѣсколько штукъ ихъ подъ рядъ исходили отъ одного и того же лица, которому, очевидно, доставляло особое удовольствіе дѣлиться своимъ негодованіемъ съ почтальонами и швейцарами. Я былъ молодъ, впечатлителенъ и еще недостаточно „обстрѣленъ“ въ общественной дѣятельности, и вся эта травля противъ меня, суда и присяжныхъ дѣйствовала на меня удручающимъ образомъ. Но и теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, я не могу безъ грусти вспомнить о томъ ослѣпленіи, къ которое вводилось по рядовому въ сущности дѣлу общественное мнѣніе. Vivit sub pectore vulnus!—Присяжные засѣдатели, какъ форма суда, составляли одно изъ драгоцѣннѣйшихъ пріобрѣтеній для безправнаго и безгласнаго русскаго общества, а въ судѣ шла творческая работа по созиданію согласныхъ съ народнымъ характеромъ и требованіями истиннаго правосудія типовъ судебныхъ дѣятелей — прокурора, защитника и судьи. Мнѣ было тяжко видѣть грубое и въ значительной степени умышленное непониманіе моего участія въ этой работѣ и искаженіе смысла моихъ словъ, въ особенности со стороны тѣхъ, кто, горделиво присваивая себѣ роль руководителей общественнаго мнѣнія, такъ мало заботились о его нравственномъ воспитаніи по отношенію къ святому дѣлу правосудія. Непосредственные результаты этой шумихи и ея практическая безплодность сказались очень скоро. Въ Москвѣ, гдѣ обвиненіе метало громы и молніи въ подсудимыхъ, а гражданскій истецъ ожесточенно копался въ интимныхъ подробностяхъ ихъ жизни, присяжные совѣщались по дѣлу лишь *полчаса* и вынесли такой же приговоръ, какъ въ Петербургѣ.

Не избѣжала нападеній по этому дѣлу и адвокатура. Противъ К. К. Арсеньева было воздвигнуто цѣлое словесное и печатное гоненіе за то, какъ смѣлъ онъ выступить защитникомъ одного изъ Мясниковыхъ. Были забыты его научныя и литературныя заслуги,

благородство его судебныхъ пріемовъ и то этическое направленіе въ адвокатурѣ, котораго онъ, вмѣстѣ съ В. Д. Спасовичемъ, былъ виднымъ представителемъ. Люди, знакомые съ дѣломъ лишь по случайнымъ фельетонамъ, сенсаціоннымъ замѣткамъ и зауголь-ному шушуканію „аргонавтовъ“, не хотѣли допустить мысли, что онъ могъ быть убѣжденъ въ невиновности обратившагося къ нему подсудимаго, и съ пѣной у рта вопили о полученномъ имъ за свой тяжелый и продолжительный трудъ вполнѣ законномъ возна-гражденіи. Быть можетъ, въ этихъ завистливыхъ нападкахъ лежала одна изъ причинъ того, что вскорѣ русская адвокатура утратила въ своихъ рядахъ такого безупречнаго и чистаго, какъ кристаллъ, дѣятеля.

А. Ѳ. Кони.

О цѣнѣ за ревизскую душу въ 1827 г. въ Малороссіи.

Георгій Ильичъ Бажановъ, занимавшій должность черниговскаго губернскаго прокурора, пишетъ въ 1827 году письмо кн. Н. Г. Репнину и спрашиваетъ его, не продастъ ли крестьянъ для переселенія, при чемъ указываетъ на помѣщика переяславскаго уѣзда (полт. губ.) Семена Михайловича Капцевича, готоваго дать за ревизскую душу 200 р. асс., при этомъ принимаетъ на себя уплату пошлинъ. Но если „продавецъ, писалъ онъ, возьметъ на себя пошлины и продажу крестьянъ подвергнетъ не собственному выбору, а жребію, какія по ревизіи окажутся (за исключеніемъ семейства прикащика)“, тогда онъ готовъ дать по 250 р. безъ всякаго торга. Но кн. Репнинъ нашелъ эту цѣну недостаточной. Вотъ что онъ писалъ Бажанову:

„На письмо ваше отъ 25 прошлаго марта, честь имѣю увѣдомить васъ, что у меня дѣйствительно въ мглинскомъ повѣтѣ есть такія, какія я могъ продать, но на условія г. Капцевича я согласиться не могу, какъ по ничтожности цѣны, предлагаемой имъ, такъ и потому, что опытъ подобной продажи Скаржинскому проучилъ уже меня“.

Съ истиннымъ почтеніемъ etc. [1])

Годомъ раньше, въ 1826 году Викторъ Петровичъ Скаржинскій купилъ у супруги князя, княгини Варвары Алексѣевны Репниной въ мглинскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Демьяновѣ сто пять душъ, которыя и переведены имъ въ херсонскія его имѣнія, но выдача купчей замедлилась по неокончанію разсчетовъ. Въ 1833 году князь Репнинъ писалъ въ Петербургъ Алексѣю Даниловичу (кто онъ былъ, не знаемъ) и просилъ его помочь женѣ его, бывшей также въ Петербургѣ, ускорить полученіе купчей крѣпости. Вотъ на это и намекаетъ кн. Репнинъ въ письмѣ къ Бажанову [2]).

Сообщ. И. Ф. Павловскій.

---

[1]) Арх. Г. Правл. 1827. № 114. Партикулярная переписка, письмо Бажанова и отвѣтъ л. 22 и 23.

[2]) Арх. Г. Правл. о партикулярной перепискѣ г. военнаго губернатора, дѣло № 2. 1833 года.

М. В. Ломоносовъ.

Духовныя силы русскаго общества, вновь вызванныя къ жизни преобразовательнымъ временемъ царя Петра, очень скоро должны были почувствовать необходимость высказаться, вылиться въ иныя формы, обнаруживая то новое міровоззрѣніе, какое слагалось подъ перекрестнымъ вліяніемъ нахлынувшихъ чужеземныхъ понятій и сохранявшейся старорусской сущности. Для этого нужно было, усвоивъ современную научную мысль, создать школу, соотвѣтствующую обстановку, подходящій языкъ. Нѣсколько русскихъ поколѣній трудилось для достиженія указанныхъ цѣлей, но ни одно имя среди дѣятелей въ области просвѣщенія не пользовалось въ XVIII вѣкѣ такимъ безусловнымъ почтеніемъ, такимъ всеобщимъ признаніемъ, какъ имя Михаила Васильевича Ломоносова. Научная разносторонность, при геніальности дарованій, возвышенный складъ художественной мысли, цѣльное міровоззрѣніе—все давало ему право на непререкаемость авторитета въ умственной жизни русскаго образованнаго общества въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ. Такое всеобъемлющее значеніе дѣятельности Ломоносова было опредѣлено впослѣдствіи Пушкинымъ слѣдующимъ образомъ: „Между Петромъ I и Екатериною II онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый русскій университетъ; онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ“. Другіе писатели, какъ Кантемиръ и Тредьяковскій, не могли создать прочно установившагося направленія для своихъ преемниковъ; на современниковъ они также не производили большого впечатлѣнія. Дѣятельность перваго сатирика ограничивалась узкими рамками, самый характеръ его творчества не давалъ поло-

жительныхъ образцовъ для будущаго; да и ранняя смерть помѣшала полному развитію его таланта. Что касается Тредьяковскаго, то несмотря на почтенность его трудовъ въ области науки (не оцѣненныхъ въ свое время), школьный педантизмъ и бездарность поэтическихъ опытовъ только роняли значеніе литературной и научной дѣятельности въ глазахъ общества, нуждавшагося въ широкой популяризаціи науки и въ воспитаніи чувства уваженія къ просвѣщенію и поэзіи. Ломоносовъ же понялъ многообразныя духовныя потребности перерождавшейся Россіи, понялъ, что его необученнымъ современникамъ одинаково необходимъ учебникъ реторики, какъ и учебникъ русской грамматики, физики, какъ и торжественная ода. Дикое поле нужно было засѣять различными сѣменами и обработать, а рабочихъ рукъ было мало, все приходилось дѣлать самому; отсюда тѣ постоянные переходы отъ одного занятія къ другому, та многосторонность Ломоносова, которая не дала возможности оставить въ міровой наукѣ имя, соотвѣтствующее его высокимъ дарованіямъ, но за то для русскаго дѣла такая самоотверженная работа по своей плодотворности въ извѣстныхъ областяхъ вполнѣ могла выдержать сравненіе съ преобразовательною дѣятельностью Петра (сравненіе, впервые высказанное въ 1816 году Батюшковымъ и развитое Бѣлинскимъ). Болѣе образованные изъ современниковъ и ближайшаго потомства Ломоносова, привлеченные его звучными одами, не могли не замѣтить и его многочисленныхъ научныхъ занятій; сначала въ отдѣльныхъ единицахъ, а затѣмъ и въ болѣе широкихъ кругахъ общества пробуждается интересъ къ наукѣ, а то обстоятельство, что простой русскій человѣкъ своею ученостью и талантами достигъ общественнаго признанія, должно было впослѣдствіи вызвать въ массѣ довѣріе къ освободительной силѣ просвѣщенія. Но наибольшее и немедленное вліяніе Ломоносова сказалось въ русской литературной рѣчи, и здѣсь-то выразилась съ совершенною полнотою его творческая преобразовательная дѣятельность, утвердившая за нимъ названіе „отца“ нашей новой литературы,

„Что чистый слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію“.

Свѣдѣнія о жизни Ломоносова и до нашего времени не отличаются точностью и полнотою, несмотря на изобиліе изслѣдованій. Годъ его рожденія не выясненъ: одни свидѣтельства указываютъ на 1709, 1710 и даже 1715 г.г. Болѣе принято считать этимъ годомъ—1711 г., какъ значится на могильномъ памятникѣ въ Александро-Невской лаврѣ. Родомъ Ломоносовъ былъ изъ деревни Денисовки, Болото тожъ, близъ Холмогоръ, Архангельской губерніи. Отецъ его Василій Дорофѣевъ былъ зажиточный крестьянинъ, у него была земельная собственность и морскія суда, на которыхъ

онъ занимался рыбною ловлею и совершалъ далекіе морскіе разъѣзды съ казенною и частною кладью. Мать—дочь дьякона. Какъ грамотная женщина, она внушила ему первые начатки религіи, а можетъ быть, и грамотности. Но она скоро умерла, отецъ женился вторично, и мачеха не взлюбила пасынка; на его занятія она смотрѣла какъ на пустую трату времени и на неохоту къ работѣ. О дѣтскихъ впечатлѣніяхъ будущаго великаго человѣка С. М. Соловьевъ говоритъ такъ: „Намъ неизвѣстно время рожденія отца русской науки и литературы: очень можетъ быть, что онъ и самъ съ точностью не могъ опредѣлить этого времени; но намъ извѣстно мѣсто его рожденія; поморская или бѣломорская страна—пустынная, холодная, но прилегавшая къ морю, которое принадлежало Европѣ, на которомъ появлялся европейскій корабль. Сюда явился очень скоро молодой преобразователь, жаждавшій моря; эта страна впервые почувствовала прикосновеніе его сильной руки. Страна, народонаселеніе которой давно привыкло къ трудной и опасной, развивающей силы, дѣятельности, давно привыкла къ тѣмъ явленіямъ, которыя стояли теперь на очереди, сильно потребовались,—эта страна наполнилась новымъ духомъ, новымъ движеніемъ, кто-то сильный, необыкновенный явился, прошелъ, оставилъ неизгладимые слѣды, поразилъ воображеніе, овладѣлъ памятью народа. Всюду для людей чуткихъ, исполненныхъ силы, слышались слова: „Иди за мной, время наступило!“ Подъ такими впечатлѣніями богатырскаго времени новой Россіи воспитывался одаренный великою духовною силою сынъ Холмогорскаго рыбака. Мать, происходившая изъ духовнаго званія, выучила его грамотѣ, и ребенокъ страстно схватился за книги, разумѣется, за книги церковныя, кромѣ того онъ досталъ грамматику Смотрицкаго, ариѳметику Магницкаго. Работа съ отцомъ, морскія плаванія и промыслы укрѣпляли его физическія силы, дѣлали изъ него богатыря и тѣломъ. Богатырь не усидитъ въ отцовскомъ домѣ: его тянетъ на подвигъ, а подвигъ новой, преобразованной Россіи не разминать въ степи плечо богатырское, а развивать умъ наукою въ школѣ. Семейная обстановка печальна, выживаетъ изъ дому; матери, первой наставницы, уже нѣтъ, вмѣсто нея мачеха, которая, по старому обычаю, „поѣдомъ ѣстъ“ пасынка за то, что онъ не работаетъ, какъ слѣдуетъ крестьянскому сыну,—корпитъ надъ книгами, точно поповичъ. Богатырь уходитъ изъ дому въ Москву“... Кромѣ Смотрицкаго и Магницкаго третьимъ учебникомъ Ломоносова въ деревнѣ была стихотворная псалтирь Симеона Полоцкаго. Эти книги были „вратами его учености“. Что касается ухода Ломоносова изъ дому, то прежде считалось неоспоримымъ, что онъ ушелъ изъ дому тайно, не спросясь родителей; но впослѣд-

ствіи былъ найденъ паспортъ, выданный Ломоносову изъ волостного правленія; паспортъ же этотъ могъ быть выданъ лишь съ согласія родителей, такимъ образомъ становится невозможнымъ предположеніе о бѣгствѣ изъ дому. Какъ путешествіе, такъ и жизнь въ Москвѣ были очень тяжелы для юноши. Прибылъ онъ съ рыбнымъ обозомъ, а по дорогѣ прожилъ нѣкоторое время въ Антоніевомъ Сійскомъ монастырѣ, исполняя обязанности псаломщика; первую ночь въ Москвѣ провелъ въ саняхъ въ рыбномъ ряду, усердно молясь Богу. Когда разсвѣло,—разсказываетъ товарищъ Ломоносова по академіи—Штелинъ, пришелъ какой-то приказчикъ покупать изъ обоза рыбу. Онъ оказался Ломоносову землякомъ и, узнавъ о намѣреніяхъ юноши, взялъ его къ себѣ въ домъ и помѣстилъ среди слугъ хозяина, у котораго жилъ. Затѣмъ по знакомству тотъ же приказчикъ устроилъ его въ Заиконоспасскія школы. Мужика не приняли бы по уставу и разсказываютъ, что Ломоносовъ оказался сыномъ священника (метрическихъ свидѣтельствъ тогда не спрашивали), но потомъ признался въ своемъ обманѣ Ѳеофану Прокоповичу, прося только не удалять его; послѣдній обѣщалъ ему свое покровительство. Объ этихъ годахъ ученія Ломоносовъ такъ вспоминалъ впослѣдствіи въ своемъ письмѣ къ И. И. Шувалову (10 мая 1753 года):

„Обучаясь въ спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти неопредолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ за денежку хлѣба, и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латинѣ учиться!...“ Несмотря на всѣ „отвращающія отъ наукъ стремленія“, Ломоносовъ окончилъ Московскую академію; она дала ему основы классическаго образованія, такъ какъ здѣсь онъ изучилъ латинскій языкъ и познакомился съ римской литературой. Чувствуя преимущественное призваніе къ естественнымъ наукамъ и тяготясь одностороннимъ направленіемъ въ Москвѣ, отправился въ 1734 году въ Кіевъ, но скоро вернулся

обратно, обманувшись въ своихъ надеждахъ на хорошее преподаваніе тамъ любимыхъ его наукъ. Ломоносову представлялась возможность получить мѣсто священника, но въ то самое время по представленію начальника Академіи барона Корфа сенатъ распорядился „изъ учениковъ, кои есть въ Москвѣ въ спасскомъ училищномъ манастырѣ, выбрать въ наукахъ достойныхъ двадцать человѣкъ, и о свидѣтельствѣ ихъ наукъ подписаться ректору и учителямъ и выслать въ Санктпетербургъ въ Академію наукъ“... Ломоносовъ попалъ въ число посланныхъ (двѣнадцать человѣкъ) и такимъ образомъ вышелъ на болѣе широкую дорогу. Когда явилась потребность въ людяхъ, знающихъ горное дѣло, и для подготовки къ инженерному дѣлу нужно было посылать за границу, то выборъ палъ на трехъ лицъ, въ томъ числѣ на Ломоносова, уже въ небольшой срокъ обнаружившаго свои выдающіяся способности. Первоначально онъ долженъ былъ заниматься въ Марбургскомъ университетѣ подъ руководствомъ знаменитаго профессора математики и философіи—Вольфа. Профессоръ, сообщая Академіи о жизни и знаніяхъ своихъ учениковъ, съ большою похвалою отзывался о способностяхъ и прилежаніи Ломоносова. Какъ бы въ подтвержденіе этихъ отзывовъ Ломоносовъ послалъ (15/4 октября 1738 года) донесеніе на нѣмецкомъ языкѣ о лекціяхъ, которыя онъ посѣщалъ, и о пріобрѣтенныхъ книгахъ; разсужденіе на латинскомъ языкѣ и, наконецъ, стихотворный переводъ оды Фенелона, написанной въ 1681 году и воспѣвающей счастіе уединенной сельской жизни вдали отъ свѣта, подъ кровомъ музъ. Ода эта принадлежитъ къ числу первыхъ опытовъ у насъ тоническаго стихосложенія [1]). Для вѣрной оцѣнки этого опыта надо имѣть въ виду, въ какомъ состояніи находилась тогда наша литература и какіе образцы представляла для начинающаго писателя. Въ „новомъ способѣ“ стихосложенія Тредьяковскій приводилъ „въ примѣръ“ слѣдующіе стихи: „Красота весны! Роза о прекрасна! Всей о госпожа румяности власна!.. Пойдетъ о вѣкъ долговѣченъ, и многочеловѣченъ; поживемъ въ благостынѣ, мы всѣ вездѣ отъ нынѣ“ и т. д. Правда, первымъ, кто указалъ на необходимость тоническаго стихотворенія для русскаго языка, былъ Тредьяковскій, но только благодаря таланту Ломоносова оно прочно водворилось въ русскомъ языкѣ. Съ первой половины XVII вѣка до Тредьяковскаго и Ломоносова у насъ была въ употребленіи силлабическая версификація въ произведеніяхъ письменной русской поэзіи. Въ XVII и началѣ XVIII в.в. писатели наши, увлеченные теоріей

[1]) Изъ написаннаго Л. ранѣе извѣстны только школьные стихи: „Услышали мухи медовые духи“ и т. д.

польскаго стиха, стремились примѣнить ее у насъ, но ихъ опыты были весьма неудачны въ отношеніи гармоніи и художественности. Симеонъ Полоцкій, принадлежа къ числу поклонниковъ силлабическаго стихосложенія, переложилъ въ стихи псалтырь и святцы; такимъ стихосложеніемъ пользовался Кантемиръ въ своихъ сатирахъ, хотя и въ улучшенномъ видѣ. Но русскому языку, при его разнообразномъ и свободно переходящемъ удареніи, болѣе свойственно стихосложеніе тоническкое, что и было впервые опредѣлено Тредьяковскимъ, который разграничилъ въ своемъ разсужденіи „о древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи россійскомъ“ различныя формы русскаго стихосложенія. Свою теорію основывалъ онъ на изученіи свойства „нашей природной наидревнѣйшей простыхъ людей поэзіи“, т. е. народныхъ пѣсенъ. Но настоящимъ основателемъ русскаго литературнаго языка все-таки является Ломоносовъ, создавъ тоническіе періоды изъ сочетаній звуковъ, въ которыхъ каждое подчиняется одному господствующему ударенію, полагая такимъ образомъ въ основѣ ударенія словъ. — Въ слѣдующемъ 1739 году Ломоносовъ посылаетъ (уже изъ Фрейберга, куда онъ отправился послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Марбургѣ) новую оду „На взятіе Хотина“, въ которой подражалъ отчасти знаменитому тогда нѣмецкому поэту Гюнтеру („На миръ Австріи съ Турціею въ 1718 г.“), отчасти Буало („На взятіе Намура Людовикомъ XIV въ 1692 г.“). Ода создалась подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ побѣды Миниха и была написана по правиламъ ложноклассицизма. Академикъ Куникъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о литературной дѣятельности Ломоносова, сравнивая новую оду съ предшествовавшею, говоритъ: „Какіе успѣхи долженъ былъ сдѣлать Л. въ теченіе года, чтобы создать оду, отличавшуюся высшимъ благородствомъ и чистотою языка, поэтическимъ полетомъ и выдержаннымъ употребленіемъ приличнаго размѣра... Побѣды русской арміи при Ставучанахъ и послѣдовавшее за тѣмъ взятіе Хотина отозвались во всей Европѣ. Возможно ли было не встрепенуться патріотической душѣ Л. и въ тиши горнозаводскаго мѣстечка не излить свои чувства въ поэтической формѣ, при вѣсти о томъ, что русская армія такъ блистательно отомстила туркамъ за пораженіе Петра при Прутѣ... Первыя слова оды на взятіе Хотина: „Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ“, которыми Л. описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него вѣстію о *побѣдѣ* надъ мусульманами, могъ повторить за нимъ и каждый поэтически настроенный читатель, чтобы передать впечатлѣніе, произведенное на него этимъ стихотвореніемъ.

Однимъ словомъ, это была *побѣда* въ области человѣческаго духа“. Къ одѣ было приложено „письмо о правилахъ россійскаго

стихотворства". Объ оды Л., несмотря на ихъ громадное значеніе въ исторіи русской поэзіи, не были въ свое время напечатаны и послужили только для Академіи Наукъ доказательствомъ литературныхъ способностей Ломоносова. Въ приложенномъ „Письмѣ" Л. кромѣ доводовъ въ пользу новаго, основаннаго на силѣ удареній, а не на долготѣ слоговъ, стихосложенія, указываетъ между прочимъ на значеніе и выборъ поэтическихъ словъ, на богатство русскаго языка, отвергая одно сплошное риемачество.

Личная жизнь Ломоносова складывалась тогда не легко.

Въ Фрейбергѣ, вслѣдствіе предупрежденія Академіи, узнавшей о вольной жизни студентовъ въ Марбургскомъ университетѣ, новый ихъ наставникъ Генкель обращался съ учениками очень строго, а Академія мало посылала денегъ на содержаніе; произошелъ разрывъ съ профессоромъ, и Л. вернулся въ 1740 г. въ Марбургъ. Научныя занятія заброшены не были, изученіе любимыхъ естественныхъ наукъ, химіи, металлургіи не прекращалось, не оставлялось и изученіе языковъ; но въ это время Л. женился въ Марбургѣ на дочери, по однимъ извѣстіямъ, портного, по другимъ—бывшаго члена городской думы и церковнаго старшины—Елизаветѣ Цильхъ. Долги все увеличивались, и существуетъ разсказъ, какъ Л., спасаясь отъ кредиторовъ, тайно бѣжалъ въ Голландію, но по дорогѣ прусскіе вербовщики напоили его, уговорили поступить на военную службу и отвели въ крѣпость Везель, откуда онъ ночью спасся бѣгствомъ и вернулся въ Марбургъ. Лѣтомъ 1741 года Ломоносовъ возвратился въ Россію, уже извѣстный въ Петербургѣ и своими одами, и отличными отзывами однихъ его наставниковъ въ Германіи и очень дурными отзывами другихъ, и собственными признаніями въ безпорядочномъ поведеніи. По своимъ познаніямъ и дарованіямъ Ломоносовъ имѣлъ право на одно изъ первыхъ мѣстъ въ Академіи, но его съ самаго начала встрѣтили препятствія: профессора долгое время держали его двѣ ученыя работы безъ одобренія, оставляя его безъ мѣста и безъ жалованья. Нѣсколько разъ просилъ онъ конференцію объ опредѣленіи его адъюнктомъ,—и все безуспѣшно; академическая канцелярія не хотѣла поручать ему профессорскую каѳедру. Вмѣсто этого Л—у поручили привести въ порядокъ металлургическій кабинетъ, что онъ блестяще и выполнилъ. Но и послѣ этого его не назначили профессоромъ и откладывали это назначеніе до тѣхъ поръ, пока онъ не подалъ прошеніе на Высочайшее имя; въ этомъ прошеніи онъ говорилъ о своихъ правахъ на профессорскую каѳедру, о своихъ работахъ и знаніяхъ. Тогда его опредѣлили адъюнктомъ физическаго класса, и въ программѣ было выставлено: „Михайла Ломоносовъ, адъюнктъ Академіи, руководство въ физи-

ческую географію, чрезъ Крафта сочиненное, публично толковать будетъ, а приватно охотникамъ наставленіе давать намѣренъ въ химіи и исторіи натуральной о рудахъ, также обучать въ стихотворствѣ и штилѣ". Такимъ образомъ, съ самаго начала занятія словесностью становятся рядомъ съ преподаваніемъ естественныхъ наукъ. Въ то же время онъ долженъ былъ писать различныя научныя работы.

Черезъ три года Ломоносовъ былъ назначенъ профессоромъ химіи и въ этомъ званіи оставался до конца жизни. Химія и была главною спеціальностью Ломоносова, но она не отвлекла его отъ занятій другими науками; отъ химіи и физики онъ переходилъ къ изученію отечественнаго языка, отечественной исторіи, риторики, къ составленію Россійскаго атласа. Его геніальная мысль не могла и не хотѣла заключиться въ тѣсной сферѣ одной какой-либо науки. Химія не помѣшала составленію риторики, которая принесла огромную пользу въ дѣлѣ „украшенія Россійскаго слова"; не помѣшала появленію „Россійской грамматики", бывшей для своего времени образцовой, и созданію прекрасныхъ поэтическихъ произведеній. И всѣ эти разнообразныя занятія объединялись цѣльнымъ міровоззрѣніемъ, возвышеннымъ взглядомъ на науку, съ помощью которой только и можетъ человѣкъ достигнуть настоящаго умственнаго и нравственнаго достоинства, познавая высшіе законы бытія.

Въ 1757 г. Ломоносовъ становится членомъ академической канцеляріи, а затѣмъ управляющимъ гимназіей и университетомъ, и такимъ образомъ долженъ принимать участіе въ администраціи Академіи. Съ момента вступленія его въ число членовъ Академіи Наукъ у него начинаются настоящія столкновенія съ засѣвшими тамъ иностранцами. „Академическая, т. е. служебная и ученая дѣятельность Ломоносова", говоритъ Н. С. Тихонравовъ, исполнена глубокаго интереса и чрезвычайно поучительна. Живого, пылкаго рыбака, который покинулъ отчій домъ для того только, чтобы удовлетворить своей страсти къ наукѣ, вдругъ поставили среди того неопредѣленнаго, разнохарактернаго учрежденія, которое тогда называлось Академіею Наукъ. Здѣсь Л. былъ свидѣтелемъ явленій, которыя возмущали его душу: онъ видѣлъ, какъ многіе изъ призванныхъ нѣмцевъ „не давали свободно возрастать насажденію Петра Великаго", какъ многіе „употребляли Божье дѣло для своихъ пристрастій", не думая „о приращеніи наукъ въ Россіи". Этого не могъ перенести Л. равнодушно. Да и ему ли было не вознегодовать на подобнаго рода явленія? Онъ самъ прошелъ суровую школу; онъ самъ не получалъ въ Германіи денегъ отъ Генкеля, которому онѣ высылались Академіею, самъ съ трудомъ перебрался оттуда въ Россію, на его собственныхъ глазахъ многіе изъ присланныхъ

въ Академію изъ Москвы „безъ призрѣнія и добраго смотрѣнія, будучи въ уничтоженіи отъ унынія и отчаянія, опустились въ подлость и тѣмъ потеряны". Ему ли не вступиться за дѣло Петра? И онъ началъ борьбу за дѣло, которое всегда было близко его сердцу, онъ весь посвятилъ себя этой борьбѣ „съ непріятелями наукъ Россійскихъ". Но его усилія не увѣнчались успѣхомъ. Ему поручили, напр., дѣланіе Россійскаго атласа и потомъ оттерли его отъ произведенія къ совершенію „Россійскаго атласа". Занимательная борьба! Цѣлый періодъ жизни Л—а наполненъ ею, и здѣсь онъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ, *„великій поборникъ русскаго образованія"*. Неудовлетворительное состояніе Академіи происходило главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что въ странѣ, какою была тогдашняя Россія, гдѣ наука не могла еще пустить глубокихъ корней, нельзя было наполнить ученаго учрежденія все достойными членами: большинство подавало поводъ къ разнаго рода упрекамъ относительно исполненія обязанностей, роняя этимъ ученую дѣятельность и академическое званіе, чѣмъ пользовались люди, желавшіе управлять Академіею; они выставляли на видъ, что ученые не способны, не достойны сами управлять, что ими слѣдуетъ управлять другимъ, и достигали своей цѣли. Главнымъ непріятелемъ Ломоносова была академическая канцелярія, захватившая въ свои руки управленіе и хозяйственными и учеными дѣлами Академіи, такъ что ученая корпорація профессоровъ находилась у нея въ зависимости и не имѣла самостоятельности. Во главѣ канцеляріи стояли—начальникъ ея Шумахеръ и его помощникъ и зять, Таубертъ,—люди, по словамъ Л., „скудные въ наукахъ". Но, пользуясь покровительствомъ временщиковъ, они захватили въ свои руки власть и распоряжались всѣмъ по-своему, сообразуясь лишь со своими интересами и пренебрегая интересами казны и науки. Таубертъ распоряжался казенными деньгами, какъ своими. Ломоносовъ жаловался, что Шумахеръ и Таубертъ занимаютъ лучшія квартиры, пользуются доходами и не обращаютъ вниманія на университетъ и гимназію, что они больше думаютъ о роскошныхъ шкапахъ, чѣмъ о книгахъ и ихъ содержаніи. Причины своей безпрерывной борьбы Л. изложилъ въ письмѣ къ Теплову въ 1761 г. „Я бы охотно молчалъ и жилъ въ покоѣ, писалъ онъ, да боюсь наказанія отъ правосудія и всемогущаго Промысла, который не лишилъ меня дарованія и прилежанія въ ученіи, далъ терпѣніе и благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ всего дороже... За общую пользу, а особливо за утвержденіе наукъ въ отечествѣ, и противъ отца своего родного возстать за грѣхъ не ставлю... Я къ сему себя посвятилъ, чтобъ до гроба моего съ непріятелями наукъ

россійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ: стоялъ за нихъ съ молоду, на старость не покину". Можно, однако, пожалѣть, что свойства характера Ломоносова помѣшали установиться хорошимъ отношеніямъ его съ двумя выдающимися нѣмецкими академиками—Шлёцеромъ и Милеромъ, которые оказали огромныя заслуги для русской исторіографіи. Этотъ раздоръ былъ безусловно вреденъ для успѣховъ только-что нарождавшагося историческаго знанія, т. к. Ломоносовъ ставилъ имъ препятствія къ свободному изслѣдованію изъ-за опасенія „иностранства" или „худого характера", а также возможныхъ „занозливыхъ" рѣчей о Россіи.

Но у Ломоносова былъ свой покровитель—Ив. Ив. Шуваловъ, вѣрившій и понимавшій его. Шувалову пришла мысль основать университетъ въ Москвѣ, и Ломоносовъ съ радостью ухватился за нее. Онъ вѣрилъ, что въ Москвѣ не будетъ нѣмцевъ и значитъ не будетъ тѣхъ неустройствъ и ненормальностей, которыя были въ Петербургѣ. Л. составляетъ планы, штаты для профессоровъ, проектируетъ устройство гимназіи при университетѣ. Послѣ учрежденія Московскаго университета онъ разсчитываетъ хлопотать объ открытіи такого же университета, не зависящаго отъ Академіи, въ Петербургѣ. Онъ пишетъ, что его „единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы привести въ вожделѣнное теченіе гимназію и университетъ, откуда могутъ произойти многочисленные Ломоносовы". Но планамъ его не суждено было осуществиться: императрица не утвердила ихъ, т. к. была больна, и дѣло надолго было отложено.

Кромѣ нѣмцевъ къ числу непріятелей Ломоносова принадлежали также Третьяковскій и Сумароковъ. Унизительное подобострастіе и схоластическій педантизмъ перваго возмущали его живую душу такъ же какъ и хвастливость и надутость при весьма небольшихъ познаніяхъ второго.

Дѣятельность Ломоносова на пользу русской науки и литературы оставила глубокіе слѣды. Несмотря на разнообразіе научныхъ интересовъ, онъ въ естественныхъ наукахъ стоялъ на одномъ уровнѣ съ современными западными учеными, а въ нѣкоторыхъ открытіяхъ и теоретическихъ выводахъ опередилъ свое время, какъ то установлено спеціалистами (профессорами Московскаго университета въ книгѣ, изданной въ 1865 г. по поводу столѣтія со дня смерти писателя). Первоклассные ученые XVIII вѣка, какъ Эйлеръ, Вольфъ и др., отдавали должное таланту и трудамъ Ломоносова.

Кромѣ того Ломоносовымъ была написана почти вся исторія Россіи, подъ отдѣльными заглавіями, изъ нихъ сохранилась только первая часть: Древняя Россійская Исторія отъ начала Россійскаго народа до кончины В. К. Ярослава перваго.

Русскому обществу его времени при невысокомъ уровнѣ образованія не было возможности разобраться въ достоинствахъ его научныхъ трудовъ, но общій характеръ его энергической и непрерывной умственной работы не могъ не произвести впечатлѣнія на окружающихъ. Тѣмъ болѣе, что многія свои научныя познанія онъ излагалъ въ написанныхъ великолѣпнымъ языкомъ „словахъ“, „письмахъ“ и даже „одахъ“, дѣлая доступными для неспеціалистовъ свои ученыя мысли. Что же касается значенія Ломоносова въ русской литературѣ, то здѣсь онъ является истиннымъ преобразователемъ. Онъ создалъ литературный языкъ, далъ его теорію и показалъ на практикѣ въ поэтическихъ произведеніяхъ, преимущественно въ одахъ. Онъ далъ также теорію словесности, въ первой русской грамматикѣ, и риторики, и его взгляды господствовали до начала слѣдующаго вѣка, когда появился Карамзинъ, а затѣмъ Пушкинъ. Но для того, чтобы оцѣнить, что было здѣсь сдѣлано Ломоносовымъ, нужно оглянуться назадъ и вспомнить, чѣмъ была до него русская литературная рѣчь. „До-петровская литература“, говоритъ Н. С. Тихонравовъ, „замкнутая, въ сферѣ религіозной и сжатая господствомъ церковнаго авторитета, признавала своимъ языкомъ церковно-славянскій, а не русскій. Россіи новой, сбросившей съ себя иго средневѣкового авторитета и смѣло вступившей въ общеніе съ общечеловѣческими началами европейской образованности, нуженъ былъ иной литературный языкъ,—языкъ, выработанный изъ богатыхъ и обильныхъ стихій родного слова. Освобожденіе русскаго народа къ новой, независимой духовной жизни вызывало созданіе русскаго литературнаго языка. Эту великую историческую задачу исполнилъ Ломоносовъ“. „Въ русской литературѣ перваго сорокалѣтія XVIII вѣка господствовали всевозможные варваризмы“, „дикія нелѣпости слова“, по выраженію Ломоносова; русская литература этого времени еще не говорила русскимъ языкомъ. Эта литературная разноголосица наконецъ улеглась; новое направленіе въ русской словесности получило единство, крѣпость и ввело Россію въ ближайшія сознательныя отношенія къ просвѣщенію и жизни Европы, благодаря дѣятельности Ломоносова; онъ далъ нашей литературѣ ту централизацію, которую государство получило отъ Петра Великаго“. Послѣдующее развитіе русской литературы привело къ отрицанію въ Ломоносовѣ настоящаго поэтическаго дарованія, но его заслуги въ области языка незыблемы, а имя Ломоносова остается навсегда великимъ въ нашей исторіи, какъ перваго и крупнаго русскаго ученаго, созидателя русской науки и поборника русскаго просвѣщенія.

Къ біографіи художника Д. Г. Левицкаго.

Покойный писатель В. П. Горленко интересовался знать, былъ ли знаменитый художникъ-портретистъ Д. Г. Левицкій († 1822) въ Малороссіи, откуда онъ былъ родомъ (с. Мачко, кобелякскаго у. полтавской губ.) и работалъ ли онъ здѣсь, на родинѣ своей. Нижеслѣдующее письмо полтавскаго губернскаго прокурора Горбовскаго указываетъ, что онъ былъ въ Полтавѣ осенью 1818 года и писалъ портреты для присутственныхъ мѣстъ. Вотъ что онъ писалъ третьему малороссійскому генералъ-губернатору кн. Н. Г. Репнину. Сообщая въ началѣ письма, что описи имѣнія наслѣдниковъ ст. сов. Паскевича отправлены подлинниками въ Петербургъ, онъ пишетъ: „Левицкій, портретный мастеръ, сюда прибылъ и распоряжается заняться работой для присутственныхъ мѣстъ портретовъ, выпросивъ при томъ послѣднюю цѣну за каждый по 100 р. асс.“. На письмѣ есть помѣта: Черниговъ, 4 Ноября 1818 года. А письмо писано 4 Октября 1818 г. Позднее полученіе письма въ Черниговъ, спустя мѣсяцъ, объясняется тѣмъ, что кн. Репнинъ подолгу проживалъ въ своемъ имѣніи Яготинѣ и собирался вскорѣ быть въ Черниговѣ, куда и приказалъ адресовать къ нему письма. Къ сожалѣнію, портретовъ въ губернскомъ правленіи, окружномъ судѣ и казенной палатѣ, этихъ трехъ присутственныхъ мѣстахъ, для которыхъ и могъ писать портреты знаменитый художникъ, не сохранилось [1]).

Сообщ. И. Ф. Павловскій.

Октября 4 дня.
1818 года.

---

[1]) Арх. Полт. Г. Правл. 1818 г. 156 л. 159.

Нѣсколько листковъ изъ семейнаго архива въ связи съ воспоминаніями объ Императорѣ Александрѣ II.

4-го ноября 1910 года исполнилось 60 лѣтъ со дня смерти одного изъ дѣятелей Николаевской эпохи, жизнь и служба котораго тѣсно связаны съ младенчествомъ и юностью покойнаго Государя Императора Александра II. Мы говоримъ о генералъ-адъютантѣ Александрѣ Александровичѣ Кавелинѣ, бывшемъ сперва адъютантомъ Императора Николая I (въ бытность его еще Великимъ Княземъ), позже—однимъ изъ самыхъ приближенныхъ лицъ его свиты, а затѣмъ,—послѣдовательно,—директоромъ Пажескаго корпуса, воспитателемъ Цесаревича Александра Николаевича, предсѣдателемъ комиссіи по разслѣдованію дѣлъ о государственныхъ преступникахъ въ Виленскомъ военномъ губернаторствѣ и, наконецъ, военнымъ генералъ-губернаторомъ С.-Петербурга. Такая разносторонняя дѣятельность на высшихъ служебныхъ постахъ, при томъ почти цѣликомъ протекшая вблизи Престола и Царской Семьи,—разумѣется, дѣлала Александра Александровича близкимъ очевидцемъ и даже участникомъ многихъ, не только интересныхъ, но и знаменательныхъ для нашей исторіи событій, и невольно удивляешься, почему память объ этомъ,—какъ мы увидимъ,—далеко не заурядномъ человѣкѣ, оставила такъ мало слѣдовъ среди знавшихъ его современниковъ: только въ извѣстныхъ воспоминаніяхъ бар. М. А. Корфа посвящено ему нѣсколько страницъ, да еще мелькомъ упомянуто о немъ въ двухъ, трехъ другихъ мемуарахъ, относящихся къ тому времени. Но помимо той неизбѣжной неумолимой быстроты, съ какой

наступаетъ забвеніе для каждаго изъ отошедшихъ изъ жизни, въ данномъ случаѣ это объясняется еще и той чертой характера, которая была въ высшей степени свойственна самому Кавелину и какъ бы по наслѣдству передана имъ и дѣтямъ: черта эта — необыкновенная скромность, боязнь для себя всего показного, боязнь той дешевой популярности, какая пріобрѣтается всякой оглаской, той популярности, за которой такъ часто гоняются въ наше демократическое время, но которой по какому-то,—быть можетъ безсознательному,—инстинкту истиннаго „духовнаго“ барства, избѣгали и чуждались дѣятели прошлаго—наши отцы;—да впрочемъ чуждаются ея и теперь лучшіе изъ нашихъ современниковъ. Это свойство замѣтно руководило покойнымъ Кавелинымъ во всѣхъ случаяхъ его жизни и только благодаря этому, даже въ семьѣ его, осталось мало слѣдовъ его дѣятельности: такъ всѣ его бумаги, документы, вся переписка, могущая быть достояніемъ исторіи (какъ напр., письма поэта Жуковскаго, одновременно съ Кавелинымъ бывшаго наставникомъ Наслѣдника), цѣликомъ препровождена послѣ смерти его вдовой М. П. Кавелиной въ архивъ Аничкова дворца, и только очень небольшое число писемъ и другихъ документовъ случайно сохранилось для его потомковъ. Эти немногіе матеріалы относятся главнымъ образомъ ко времени, когда Кавелинъ руководилъ воспитаніемъ Цесаревича, и ихъ-то мы намѣрены предложить вниманію читателей, въ надеждѣ, что они представляютъ несомнѣнный историческій интересъ; а все, что касается дѣятельности Кавелина въ качествѣ предсѣдателя слѣдственной комиссіи въ Вильнѣ, мы откидываемъ, какъ, хотя и нелишенное большого историческаго значенія, но немогущее войти въ настоящій очеркъ, посвященный памяти Царя-Освободителя, а отчасти и въ виду исключительно секретнаго и политическаго характера всѣхъ сохранившихся отъ этого времени отчетовъ, инструкцій, рескриптовъ и т. п. Предавая гласности эти немногія страницы изъ жизни покойнаго Александра Александровича, мы тѣмъ нарушаемъ его всегдашнее стремленіе—оставить въ тѣни все, касающееся его самого, но нами руководитъ въ этомъ случаѣ единственное желаніе: заглянуть въ далекое прошлое, теперь, на разстояніи 60 лѣтъ ставшее уже исторіей, и отмѣтить въ немъ все, что было бы жаль предать забвенію, все—достойное памяти и, скажемъ даже,—уваженія.

Вотъ какова была въ краткихъ чертахъ жизнь и дѣятельность Кавелина: родившись въ 1793 году въ семьѣ тульскаго помѣщика, Кавелинъ рано осиротѣлъ и воспитывался у родственниковъ до 10-лѣтняго возраста, когда отвезенъ былъ въ С.-Петербургъ для опредѣленія въ Пажескій корпусъ; здѣсь сразу сталъ онъ въ число

лучшихъ какъ по ученію и способностямъ, такъ и по своимъ нравственнымъ качествамъ. Окончивъ корпусъ камеръ-пажемъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, онъ въ 1810 году произведенъ былъ въ офицеры въ л.-гв. Измайловскій полкъ, въ рядахъ котораго участвовалъ въ кампаніи 12-го года, и 19 лѣтъ отъ роду, во время Бородинскаго сраженія, былъ тяжело раненъ на Шевардинскомъ редутѣ, получивъ за этотъ бой золотое оружіе. Въ 1818 году, уже въ чинѣ капитана, Кавелинъ назначенъ былъ адъютантомъ къ Вел. Кн. Николаю Павловичу, что произвело полный переворотъ въ его жизни, проходившей до тѣхъ поръ исключительно въ товарищеской строевой средѣ. Необходимость вступить въ самое высшее общество столицы, появляться при Дворѣ, что было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ его новаго назначенія,—сильно испугала застѣнчиваго и скромнаго отъ природы Кавелина, и онъ со свойственной ему прямотой и откровенностью высказалъ свои опасенія командиру Измайловскаго полка, ген.-ад. Храповицкому; Кавелинъ просилъ своего командира передать Великому Князю его глубокую благодарность за лестное назначеніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, довести до свѣдѣнія Его Высочества о полной его непригодности къ этой новой должности; по его словамъ, неспособность эта не замедлитъ обнаружиться на дѣлѣ, и лучше бы, если Великій Князь заранѣе остановилъ свой выборъ на комъ-нибудь другомъ. Казалось однако, что именно эта скромность въ связи съ прямотой характера еще болѣе утвердила Великаго Князя въ его выборѣ. Назначивъ Кавелина своимъ адъютантомъ, онъ съ самаго начала сталъ оказывать ему исключительную милость и довѣріе, за что покойный Александръ Александровичъ платилъ Великому Князю самой безграничной преданностью и любовью. Онъ неотлучно находился при Николаѣ Павловичѣ и часто исполнялъ многія важныя порученія. Быстро освоившись въ новой для него обстановкѣ, благодаря вниманію и ласкѣ Великаго Князя, Кавелинъ, однако, и въ новомъ положеніи не измѣнилъ своего скромнаго образа жизни. Со вступленіемъ на престолъ Николая Павловича Кавелинъ назначенъ былъ флигель-адъютантомъ; во время декабрьскаго бунта Государь ему поручилъ 7-ми лѣтняго въ то время Наслѣдника, Александра Николаевича, и ему удалось доставить будущаго Царя-Освободителя изъ Аничкова дворца въ Зимній, благополучно пробравшись среди мятежныхъ войскъ.

Въ 1828 году, будучи уже свиты ген.-маіоромъ, Кавелинъ въ должности коменданта Императорской Главной Квартиры, участвовалъ въ Турецкой войнѣ и находился въ битвѣ подъ Шумлой и при осадѣ Варны. Этотъ годъ былъ также и годомъ его женитьбы на фрейлинѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Маріи Павловнѣ Чи-

хачевой. Въ этотъ періодъ своей жизни Кавелинъ по-прежнему находился въ постоянной близости къ Государю. Что близость эта не носила характера одного поклоненія и лести обычной царедворцамъ; что съ другой стороны и самъ Государь, несмотря на извѣстную свою недоступность и величіе, допускалъ и даже поощрялъ въ своихъ приближенныхъ правдивое и нелицепріятное отношеніе къ себѣ, — о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующій эпизодъ: во время одного изъ смотровъ, когда Императоръ Николай со своей свитой поравнялся съ выстроеннымъ для смотра полкомъ, онъ замѣтилъ непорядокъ въ одной изъ ротъ; это сильно раздражило Императора, строго и требовательно относившагося къ военному дѣлу и не допускавшаго въ немъ ни малѣйшаго упущенія. Съ обычной горячностью обрушилъ онъ весь свой гнѣвъ на злополучнаго командира сплоховавшей роты, распорядившись подвергнуть его строгому взысканію. Но едва Государь успѣлъ отъѣхать, слѣдуя дальше по рядамъ войскъ, какъ къ пораженному ужасомъ ротному командиру подъѣхалъ отдѣлившійся отъ свиты Кавелинъ и, разспросивъ подробно о причинахъ совершившейся оплошности, убѣдился, что она произошла вслѣдствіе неудачнаго распоряженія одного изъ высшихъ начальствующихъ лицъ. Онъ не замедлилъ доложить объ этомъ Государю, который, сознавъ свою ошибку, немедленно отмѣнилъ наказаніе, наложенное на ни въ чемъ неповиннаго офицера.

Между тѣмъ, Императоръ Николай открылъ Кавелину, что уже давно готовитъ его на должность воспитателя Наслѣдника Александра Николаевича. Новость эта привела Кавелина въ такое смущеніе, такъ недоступно высока и непосильна показалась ему эта задача, что онъ не задумался излить всѣ свои опасенія въ обращенномъ къ Государю письмѣ, которое самъ онъ называлъ впослѣдствіи своей исповѣдью. Не щадя себя, высказалъ онъ въ немъ всѣ свои недостатки, какъ они ему представлялись; говорилъ о томъ, что совѣсть не позволяетъ ему принять на себя такую великую отвѣтственность предъ народомъ русскимъ, умолялъ Государя не возлагать на его слабыя силы черезчуръ важнаго долга. Письмо это, написанное съ полной искренностью и отъ всей души, убѣдительно подѣйствовало на Императора, и онъ ввѣрилъ воспитаніе Наслѣдника полковнику Мердеру, въ то же время назначивъ Кавелина къ себѣ генералъ-адъютантомъ, а въ 1830-мъ году—директоромъ Пажескаго корпуса. Занимая эту должность до 1834 года, Кавелинъ ввелъ въ систему обученія пажей многія преобразованія и между прочимъ привлекъ къ этому дѣлу лучшія преподавательскія силы столицы. Въ 1834 году, за болѣзнью Мердера, Государь, несмотря на новыя возраженія Кавелина, настоялъ на принятіи имъ

дѣла воспитанія Наслѣдника, опираясь на то, что Кавелинъ успѣлъ за эти годы достаточно доказать свою полную способность къ педагогической дѣятельности въ должности директора Пажескаго корпуса. Съ этимъ 7-ми-лѣтнимъ періодомъ (до 1841 года) новой дѣятельности Кавелина совпадаетъ наиболѣе интересная, по отношенію къ этому очерку, полоса его жизни; т. к. къ нему относятся приложенные дальше въ видѣ особыхъ добавленій документы, касающіеся преимущественно трехъ путешествій, предпринятыхъ Наслѣдникомъ въ сопровожденіи своего воспитателя Кавелина. Первое изъ нихъ, въ 1837 году, имѣло цѣлью ознакомить будущаго Императора съ Россіей и его подданными; въ слѣдующемъ 38-мъ году состоялось второе по Европѣ и въ Эмсъ для пользованія водами; и наконецъ въ 40-мъ году, третье — въ Дармштадтъ, когда совершилась помолвка Цесаревича съ дочерью Герцога Гессенскаго, будущей Императрицей Маріей Александровной.

Во все время служенія при Наслѣдникѣ, Кавелина—по собственному его признанію, не покидала мысль о своей непригодности и недостаточной подготовкѣ къ великому дѣлу воспитанія будущаго Русскаго Царя. Онъ напрягалъ всѣ свои силы души и ума, чтобы хотя по мѣрѣ возможности приблизиться къ осуществленію этой трудной задачи. Но его сильно утѣшало и ободряло то, что Императоръ Николай самъ постоянно руководилъ имъ въ этомъ дѣлѣ и личными и письменными наставленіями.

Кавелинъ въ свою очередь не пропускалъ доносить Государю все, касающееся Наслѣдника,—какъ въ смыслѣ мельчайшихъ замѣчаній о его здоровьѣ, расположеніи духа, усматриваемыхъ измѣненіяхъ въ его характерѣ и нравственномъ складѣ, такъ и всѣ подробности его образа жизни и времяпровожденія въ періоды разлуки съ Государемъ. Не упуская изъ виду ни одной мелочи, относящейся къ Наслѣднику, Кавелинъ былъ такъ всецѣло поглощенъ заботами о порученномъ ему Царственномъ юношѣ, что очень мало времени и вниманія удѣлялъ своей личной жизни.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1841 года окончилась служба Кавелина при Цесаревичѣ, и ему повелѣно было присутствовать въ Сенатѣ и быть членомъ совѣта военно-учебныхъ заведеній, а въ августѣ того же года онъ назначенъ былъ, въ званіи сенатора, предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи въ Вильнѣ надъ лицами, обвиненными въ преступныхъ замыслахъ противъ правительства. Въ данномъ на имя Кавелина по окончаніи этого порученія рескриптѣ, Императоръ Николай обращается къ нему съ словами благодарности и даетъ всей дѣятельности его самую высокую оцѣнку. Но едва-ли не болѣе лестно для памяти покойнаго Александра Александровича то

обстоятельство, что, какъ пришлось намъ убѣдиться, воспоминаніе о немъ, какъ о человѣкѣ чрезвычайно справедливомъ и гуманномъ, не совсѣмъ исчезло и среди мѣстнаго виленскаго населенія. Однако такая отвѣтственная и постоянно связанная съ большимъ напряженіемъ всѣхъ умственныхъ и душевныхъ силъ работа стала сказываться на здоровьи Кавелина, а назначеніе его въ 1842 году на новый тяжелый постъ—военнаго генералъ-губернатора С.-Петербурга, который занималъ онъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ, окончательно надломило его силы, и онъ впалъ въ сильное нервное разстройство. Согласно его прошенію Государь уволилъ его отъ послѣдней должности, сохранивъ за нимъ званіе генералъ-адъютанта и назначивъ членомъ Государственнаго Совѣта. Въ новомъ милостивомъ рескриптѣ Императоръ Николай Павловичъ выразилъ Кавелину глубокую благодарность за 28-лѣтнюю неутомимую службу, душевно сожалѣя о болѣзни его, которая по мнѣнію Государя явилась всецѣло слѣдствіемъ того горячаго усердія, съ какимъ Кавелинъ всегда относился къ своему долгу. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь приказалъ отвести ему сначала Стрѣльнинскій Дворецъ, а затѣмъ помѣщеніе въ Гатчинскомъ Дворцѣ и самъ вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ посѣщалъ больного. На казенномъ пароходѣ Александръ Александровичъ отправленъ былъ для леченія въ Данцигъ, но и это поправило его лишь на короткое время. Душевная болѣзнь оказалась неизлѣчимой, такъ какъ весь организмъ былъ расшатанъ долгими годами напряженія всѣхъ силъ на выпавшемъ на его долю трудномъ поприщѣ. Но въ его разстроенномъ умѣ сохранилось постоянное представленіе о томъ, что составляло главную цѣль и смыслъ его существованія: мысль его, бывшаго въ теченіе всей жизни религіознымъ человѣкомъ, постоянно обращалась къ Богу, а всѣ воспоминанія и разговоры вращались исключительно около Государя и Наслѣдника Александра Николаевича, которымъ онъ былъ такъ беззавѣтно преданъ. Наконецъ 4 ноября 1850 года Кавелинъ скончался въ Гатчинскомъ Дворцѣ отъ нервнаго удара. Бар. М. А. Корфъ, описывая личность и жизнь покойнаго Кавелина, заканчиваетъ свои воспоминанія о немъ слѣдующими словами: „миръ праху твоему, благородный человѣкъ, отдавшій на служеніе своему Царю и Родинѣ лучшее, что есть у человѣка—его разумныя силы“.

Инструкція къ Путешествію Наслѣдника по Россіи, врученная г.-ад. Кавелину, написанная подъ личную диктовку Государя Николая Павловича.

Путешествіе Наслѣдника имѣетъ двоякую цѣль—узнать Россію, сколь сіе возможно, и дать себя видѣть будущимъ подданнымъ.

Время, на сіе назначенное, достаточно, чтобы исполнить обѣ цѣли, не обременяя силъ Великаго Князя. Но осматривая всѣ любопытные предметы, откинуть излишніе,—разумѣю подъ симъ посѣщеніе нѣсколькихъ предметовъ однородныхъ; к. т.—фабрикъ или заводовъ того же самаго рода. Посѣщать тѣ только, которые пріобрѣли заслуженно знаменитость. Осмотру подлежать будутъ вездѣ непремѣнно всѣ казенныя учебныя заведенія; госпитали, ежели въ нихъ нѣтъ прилипчивыхъ болѣзней; заведенія Приказовъ общественнаго призрѣнія и тюрьмы. Казармы осматривать тогда, когда только дозволитъ время и тамъ, гдѣ красота зданій и устройство сего заслуживаетъ, т. е. въ крѣпостяхъ.

Раздѣленіе и порядокъ путешествія примѣрно будетъ слѣдующій: вставъ въ 5-ть часовъ, ѣхать въ 6-ть утра, не останавливаясь для обѣда, ни завтрака на дорогѣ до ночлега; буде на пути есть предметъ любопытный, то остановиться для осмотра, не принимая нигдѣ ни обѣдовъ, ни завтраковъ. По пріѣздѣ на мѣсто, посѣтить въ губернскихъ городахъ соборъ или даже въ уѣздныхъ тѣ мѣста, гдѣ хранятся предметы особаго Богомолія. За симъ по пріѣздѣ на квартиру обѣдать, призывая къ столу только губернаторовъ, вечеръ посвятить записыванію въ журналъ всего видѣннаго въ теченіе дня и ложиться поранѣе спать.

На другое утро вставъ въ 7-мь часовъ, ежели воскресный или праздничный день, быть у обѣдни въ соборѣ. Потомъ въ условленное время принять представленіе дворянства, чиновниковъ и купечества. Потомъ видѣть тѣ полевыя войска, которыя въ томъ мѣстѣ находятся; гарнизонныхъ же не нужно. За симъ начать осмотръ назначенныхъ къ посѣщенію предметовъ. По возвращеніи взять часъ отдыха; потомъ обѣдать, приглашая губернатора, губернскаго предводителя, купеческаго голову и тѣхъ почетныхъ изъ отставныхъ, кои службой и отличіями на оной полученными сего заслуживаютъ. Приглашеній же къ обѣду нигдѣ не принимать. Гдѣ есть военное начальство, приглашать главныхъ къ столу. Буде Наслѣдникъ будетъ званъ на балъ, принимать подобное приглашеніе въ губернскихъ городахъ; въ прочихъ отклонять, извиняясь неимѣніемъ времени. На сихъ балахъ Его Высочеству танцовать съ нѣкоторыми

изъ почетныхъ дамъ Польскій; съ молодыми же знакомыми или лучше воспитанными французскія кадрили два или три, но никакихъ другихъ танцевъ. На ужинъ не оставаться и вообще не долѣе часа или двухъ, и уѣзжать непримѣтно. Гдѣ по росписанію назначено пробыть болѣе одного дня, предметы къ осмотру раздѣлять соображаясь съ временемъ и удобствомъ. Тогда на другой день обѣдать съ одними своими, приглашая только губернатора и ежели есть войско полевое—главнаго ихъ командира. Такъ располагать порядкомъ путешествія. Ежели представляемы будутъ прошенія, не отказывая принимать и запечатавъ въ особый пакетъ присылать ко Мнѣ въ собственныя руки. Бѣднымъ же требующимъ скорой помощи давать, оставляя на сіе губернатору съ архіереемъ и дворянскимъ предводителямъ въ губернскихъ городахъ по 5 т. на раздачу.

Прошенія на крестины принимать съ крайней разборчивостью; тоже и помѣщеніе дѣтей въ заведенія пансіонерами Его Высочества.

Изъ каждаго губернскаго города присылать Мнѣ фельдъегеря съ извѣстіями о благополучномъ путешествіи Наслѣдника; отправлять же ихъ предъ выѣздомъ въ дальнѣйшій путь. Фельдъегери будутъ для сего туда предварительно высланы.

Доктору Енохину собственноручно присылать Мнѣ донесенія о здоровьи Его Высочества и сопровождающихъ, тѣми же фельдъегерями.

Ежели, чего Боже упаси, Его Высочество сдѣлается нездоровъ, то по требованію Енохина остановиться гдѣ нужно будетъ или продлить пребываніе по его усмотрѣнію; Мнѣ же немедля донести съ нарочнымъ.

На пути Его Высочество никто и ни подъ какимъ видомъ изъ мѣстныхъ начальниковъ сопровождать не долженъ, что наистрожайше запрещаю. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ повѣщено будетъ, что Его Высочество изволитъ остановиться для осмотру, начальствующему встрѣтить у самаго предмета. Въ городахъ же сопутствовать главному лицу, а въ губернскихъ городахъ губернатору ѣхать съ Его Высочествомъ въ одномъ экипажѣ.

Дорогой у церквей не останавливаться, развѣ будетъ встрѣча со крестомъ, къ которому всегда прикладываться.

Карауловъ нигдѣ не принимать, ставить однихъ часовыхъ у воротъ дома и при экипажахъ.

Въ дорогѣ экипажамъ дѣлиться на два отдѣленія: въ первомъ, которому отправляться съ вечера, быть: 1) фельдъегерю, заготовляющему лошадей, 2) кухнѣ, 3) камердинеру Его Высочества, 4) ко-

ляскѣ полковника Юрьевича, 5) коляскѣ полковника Назимова. Во второмъ отдѣленіи: 6) коляскѣ Его Высочества, 7) коляскѣ генералъ-адъютанта Кавелина съ докторомъ Енохинымъ, 8) фельдъегерю при Его Высочествѣ, 9) дормезу князя Ливена, 10) коляскѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Жуковскаго; а фельдъегерю платящему прогоны № 11, заключать шествіе 6-ю часами позже. Въ дорогѣ Его Высочеству и всей свитѣ быть въ сюртукахъ; въ городахъ, гдѣ бываетъ пребываніе для осмотра, въ обыкновенныхъ мундирахъ. Въ губернскихъ городахъ при принятіи представленій въ полковомъ мундирѣ и шарфѣ, а при смотрахъ войскъ по числу оныхъ въ той же формѣ, или когда дивизія въ строю, то въ полной парадной формѣ.

Во время пребыванія въ Москвѣ Его Высочеству остановиться въ Чудовомъ, въ мѣстѣ своей родины, въ моихъ комнатахъ, въ которыхъ провелъ первую ночь своей жизни. Въ Москву сноровить пріѣздъ поздно вечеромъ. На другое утро въ полной парадной формѣ слѣдовать сперва пѣшкомъ въ Успенскій соборъ, потомъ черезъ красное крыльцо въ Грановитую палату и во дворецъ; оттоль ѣхать, явиться къ военному генералъ-губернатору и послѣ того быть къ разводу, гдѣ на сей разъ почести принять Его Высочеству Наслѣднику. За симъ быть въ Чудовскій соборъ; и придя къ себѣ, принять представленіе всѣхъ военныхъ, гражданскихъ чиновъ, дворянства и купечества. Потомъ раздѣться, отдохнуть и ѣхать съ княземъ Голицынымъ прогуляться; во время сей прогулки остановиться у Образа Иверской Божіей Матери и приложиться. Пріѣхавъ домой, отдохнуть и ѣхать обѣдать къ князю Голицыну за малый столъ. Потомъ вечеромъ быть въ Русскомъ театрѣ. Слѣдующіе дни употребить на смотръ войскъ, арсенала, кадетскаго корпуса и прочихъ любопытныхъ предметовъ.

Буде Его Высочеству пріятно будетъ, то можно будетъ переѣхать на остальное время въ Александринскій дворецъ.

Во все сіе время черезъ день приглашать къ обѣду знатнѣйшія лица, какъ военныя, такъ и гражданскія поочередно.

Приглашеніе принять на балы какъ въ залѣ Дворянскаго собранія, такъ и у знатныхъ особъ; но не на обѣды, кромѣ у князя Сергія Михайловича Голицына. Ежели время дозволитъ, можно объѣхать и любопытныя мѣста въ окрестностяхъ.

Въ Кіевъ Наслѣдникъ долженъ пріѣхать подъ вечеръ прямо въ Печерскій монастырь, гдѣ приложиться къ образу и мощамъ въ соборѣ, и послѣ того ѣхать на свою квартиру.

На другой же день рано утромъ ѣхать, явиться къ фельдмаршалу князю Сакену, въ полной парадной формѣ, потомъ къ обѣднѣ

въ Софійскій соборъ, и на поклоненіе въ Михайловскій монастырь къ мощамъ св. Варвары. Потомъ, переодѣвшись въ обыкновенную форму, ѣхать въ Печерскій монастырь для посѣщенія пещеръ. За симъ посвятить время на осмотръ арсенала, крѣпостныхъ работъ и прочаго любопытнаго. Для осмотра войскъ условиться съ корпуснымъ командиромъ. Балъ, ежели предложенъ будетъ, то принять оный у графа Гурьева, но не отъ дворянства.

Для издержекъ по путешествію Наслѣдника отпустится первоначально 50 т. и кредитивъ на таковую же сумму на губернскія казначейства, когда первая сумма истощится.

Петергофъ.
3 марта 1837 г.

Вопросы, обращенные г.-а. Кавелинымъ къ Императору Николаю Павловичу, и отвѣты на нихъ Государя, написанные собственноручно на поляхъ карандашемъ.

Такъ какъ многіе изъ г.г. губернаторовъ находятся въ затрудненіи, не зная чѣмъ руководствоваться, при встрѣчѣ, въ проѣзды Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича по губерніямъ; то не благоугодно ли будетъ Вашему Императорскому Величеству изъявить Высочайшую волю Министру Внутреннихъ Дѣлъ для предписанія губернаторамъ о томъ, чтобы они не выѣзжали на встрѣчу Его Высочества на границы губерній своихъ, а оставались бы въ губернскихъ

Уже исполнено. городахъ; графу же Протасову дать повелѣніе касательно встрѣчи духовенства.

Также не угодно ли будетъ Вашему Императорскому Величеству разрѣшить о нижеслѣдующемъ:

Нѣтъ. 1. Осматривать ли присутственныя мѣста въ губернскихъ городахъ и какого рода осмотромъ.

Ни подъ какимъ видомъ. 2. Случится Его Высочеству проѣзжать чрезъ такія мѣста, гдѣ есть раскольничьи монастыри. Можно ли заходить Великому Князю въ оные и какія при томъ наблюдать правила.

Какъ для меня. 3. Прогоны платить одинакіе, или двойные въ замѣнъ понесенной потери содержателями станцій и ямщиками отъ прекращенія на нѣкоторое время, по случаю проѣзда Его Высочества, гоньбы на почтовыхъ лошадяхъ.

4. Ваше Императорское Величество приказать изволили оставлять въ губернскихъ городахъ для бѣдныхъ по 5 т. руб. Распространять ли раздачу сей суммы и на бѣдныхъ по уѣзднымъ городамъ, гдѣ останавливаться будемъ, или оставлять оныхъ сверхъ того, и также въ случаѣ недавняго пожара въ городѣ увеличивать ли сумму сію. *Обыкновенныя милостыни дѣлать кромѣ того, но съ строгой разборчивостью; на пожары давать только, ежели Губернаторъ засвидѣтельствуетъ, что нужно.*

5. Въ Суздалѣ можно ли будетъ осмотрѣть Спасо-Ефимовскій монастырь. *Нѣтъ нужды.*

6. Предводителей дворянства и архіереевъ принимать въ общихъ представленіяхъ или особенно. *Архіереевъ особо; а двор. Предв. съ прочими.*

7. Приглашать ли архіереевъ къ обѣденному столу. *Не нужно.*

Генералъ-адъютантъ Кавелинъ.

4 апрѣля 1837 г.

Краткая вѣдомость расхода во время путешествія Его И. В. Государя Наслѣдника по Россіи.

Принято изъ разныхъ Казначействъ одинъ милл. руб. . . 1.000.000

РАСХОДЪ:

1. Въ 31-мъ губернскомъ городѣ пожаловано на вспомоществованіе бѣднымъ жителямъ городовъ	195.000
2. Въ 186 уѣздныхъ городахъ, заводахъ и разныхъ селеніяхъ, пожаловано на бѣдныхъ жителей	78.000
3. На прогоны и водочныя ямщикамъ	198.500
4. На вспомоществованіе разнаго званія лицамъ, нижнимъ воинскимъ чинамъ, отставнымъ и безсрочно отпускнымъ, карауламъ отъ войскъ, содержаніе двора и прочіе разные расходы издержано	464.765
Итого въ расходѣ . . .	936.265

Москва.
1 ноября 1837 г.

Г. лейбъ-медику Его Императорскаго Величества дѣйствительному статскому совѣтнику Арендту.

Такъ какъ Его Императорское Высочество желаетъ ѣздить на охоту и брать участіе въ разныхъ публичныхъ на водахъ увеселеніяхъ, то прошу Ваше Превосходительство для обезпеченія отъ отвѣтственности меня передъ Государемъ Императоромъ и передъ Россіей, изложить мнѣ письменно мнѣніе Ваше, касательно рода жизни и діеты, которую нужно наблюдать для сохраненія здоровья

Его Высочества. И такъ же прошу Ваше Превосходительство написать Ваше мнѣніе противъ пунктовъ, изложенныхъ здѣсь на оборотѣ листа. Прошу Васъ принять въ соображеніе и то, что здѣшній докторъ Франкъ находитъ нѣкоторыя изъ забавъ, въ которыхъ Его Высочество желалъ бы брать участіе, несовмѣстимыми съ пользованіемъ водами.

Генералъ-адъютантъ Кавелинъ.

№ 366.
4 августа 1838 г.
ЭМСЪ.

1. Можетъ ли Его Высочество ѣздить на охоту, въ какое время и сколько именно посвятить на это.

2. Можетъ ли ходить на публичные балы и концерты, гдѣ при большомъ стеченіи публики, температура бываетъ иногда весьма жаркая и Его Высочество оттуда возвращается въ 10 часу вечера, не упустивъ изъ виду, что здѣшній докторъ Франкъ не позволяетъ Его Высочеству выходить на воздухъ послѣ захожденія солнца.

3. На сихъ балахъ можетъ ли Его Высочество танцовать.

Генер.-адъют. Кавелинъ.

1. Охота для Его Высочества только тогда допущена быть можетъ, ежели погода весьма хороша, безъ сильнаго вѣтра;—Его Высочество на оной не долженъ восходить на горы; оная должна быть между трехъ и пяти час. по-полудни и не продолжаться болѣе часа.

2. Балы и концерты для Его Высочества явно вредны, ибо на оныхъ при большомъ стеченіи народа и освѣщеніи воздухъ слишкомъ дѣлается тепелъ и испорченный, и при выходѣ Его Высочество легко можетъ простудиться, и болѣзнь вновь возвратится.

3. Танцы для Его Высочества въ теперешнемъ состояніи его здоровья явно вредны.

Лейбъ-медикъ Арендтъ.

Какъ здѣшній докторъ Франкъ находитъ охоту совершенно несовмѣстною съ употребленіемъ водъ—и какъ кондиціи, которыя предположены мною были при охотѣ, довольно трудно исполнить, то и я изъ предосторожности полагаю, что вѣрнѣе будетъ на охоту Великому Князю не ѣздить.

Лейбъ-медикъ Арендтъ.

Имѣю счастіе всеподданнѣйше представить Вашему Императорскому Величеству краткій отчетъ объ израсходованіи пятидесяти тысячъ рублей ассигнаціями, полученныхъ мною изъ Государственнаго Казначейства на издержки по путешествію Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника Цесаревича.

Генералъ-адъютантъ Кавелинъ.

23 ноября 1839 г.

Краткій отчетъ

о суммѣ, полученной изъ Государственнаго Казначейства на расходы по путешествію Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника Цесаревича.

	Руб.	Коп.
1. Двойныхъ прогоновъ отъ Москвы до Могилева и отъ Могилева до Царскаго Села	8.852	34
2. Водочныхъ ямщикамъ, за починку и смазку экипажей	4.146	—
3. На столъ Его Императорскаго Высочества . . .	10.458	62
4. Роздано прислугѣ и разнымъ лицамъ въ награду	5.435	—
5. Пожаловано на бѣдныхъ и погорѣлыхъ въ городахъ Могилева и Витебска и отставнымъ нижнимъ чинамъ	14.985	—
6. На подъемъ чиновнику канцеляріи, тремъ офицерамъ Фельдъегерскаго корпуса и порціонныхъ имъ же и придворнослужителямъ . . .	3.540	—
7. За освѣщеніе дома въ г. Могилевѣ, гдѣ Его Императорское Высочество имѣлъ пребываніе, и на прочіе мелочные расходы	2.583	—
Всего пятьдесятъ тыс. руб. ассигнаціями .	50.000	—

Генералъ-адъютантъ Кавелинъ.

Реестръ брилліантовымъ перстнямъ, препровожденнымъ г. генер.-адъютанту Кавелину отъ Г-на Министра Императорскаго Двора 14 минувшаго сентября за № 107.

№№		Рубли.	
345	1) съ топазомъ . . .	551	17 сентября пожалованъ головѣ г. Гжатска Андрею Жукову, за ночлегъ Государя Наслѣдника Цесаревича.

№№		Рубли.	
1321	2) съ изумрудомъ .	470	15 сентября пожалованъ Можайскому уѣздному врачу за безмездное пользованіе крестьянъ с. Бородина.
1276	3) Такой же	447	На лицо.
1275	4) Такой же	447	26 октября пожалованъ хозяину дома Татищеву за ночлегъ Его Высочества.
1327	5) съ топазомъ . .	440	3 ноября пожалованъ подпоручику Папской службы Мацотти, привезшему изъ Рима тѣло покойнаго князя Ливена.
1346	6) съ гранатомъ . .	437	20 октября пожалованъ въ г. Могилевѣ губернскому землемѣру.
1325	7) съ топазомъ . .	425	На лицо.
737	8) съ аметистомъ . .	372	15 сентября пожалованъ прапорщику Рязанскаго пѣхотн. полка Мюльгаузену, поднесшему Его Высочеству рисунки въ Москвѣ.
655	9) съ топазомъ . .	361	20 октября пожалованъ въ г. Могилевѣ смотрителю за дворянскимъ домомъ, дворянину Чекотовскому, который занималъ Его Высочество.
656	10) Такой же	361	20 сентября пожалованъ въ г. Орлѣ хозяину дому, дворянину Сурину, за ночлегъ Его Высочества.
976	11) съ хризолитомъ .	324	20 октября пожалованъ въ г. Могилевѣ аптекарю фонъ-Шульцу.
1361	12) съ аметистомъ .	313	20 октября пожалованъ въ г. Могилевѣ капельмейстеру Кременчугскаго егерск. полка.
	Итого . . .	4.948	

Реестръ брилліантовымъ вещамъ, принадлежащимъ Его Императорскому Высочеству, Государю Наслѣднику Цесаревичу.

---

1) Крестъ и звѣзда брилліантовые ордена св. апостола Андрея Первозваннаго. Пожалованы при крещеніи мая 5-го 1818 г.
2) Крестъ и звѣзда брилліантовые ордена св. апостола Андрея Первозваннаго. Пожалованы Его Императорскимъ Высочествомъ Николаемъ Павловичемъ мая 5-го 1818 г.

Вещи, доставшіяся на часть Его Высочества послѣ покойнаго Императора Павла Петровича и послѣ покойнаго Императора Александра I-го.

Императора Павла I-го:

№ 11. Крестъ брилліантовый ордена св. апостола Андрея Первозваннаго . . . . . 15.600 р.

Императора Александра I-го:

№ 1. Звѣзда брилліантовая орд. св. апостола Андрея Первозваннаго . . . . . 11.000 „
№ 6. Крестъ брилліантовый ордена св. Анны, съ большимъ брилліантомъ . . . . . 1.600 „
№ 60. Шпага, у коей эфесъ осыпанъ брилліантами и розами . . . . . 20.200 „
№ 19. Запонка съ двумя брилліантами . . . . . 1.025 „

Итого . . 49.425 р.

По завѣщанію Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны:
1) Второй брилліантъ изъ ожерелья Ея Величества.
2) S-te Cécile, подаренный Ея Величеству Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ (находится на сохраненіи у Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны).

М. К.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Отпускъ въ Москву на коронацію Импер. Елизаветы Петровны комедіантовъ.

Въ собраніи 15 марта 1742 года [1]) дѣйствительный тайный совѣтникъ, кавалеръ и генералъ-прокуроръ Правительствующему Сенату словесно предлагалъ, что изъ Санктъ-Петербурга въ Москву ко двору Ея Императорскаго Величества повелѣно комедіантовъ отправить по Тихвинскому тракту въ два отпуска и дать имъ уѣздныя подводы, изъ которыхъ одна партія въ Москву прибыла, а достальныя и по нынѣ не бывали и что для скорѣйшаго оныхъ препровожденія послать изъ Сената нарочнаго курьера, приказалъ по Тихвинской дорогѣ до Ладоги послать изъ Сената нарочнаго курьера, давъ ему двѣ почтовыя подводы съ возвратомъ и на нихъ прогонныя деньги изъ Штатсъ-конторы и велѣть тому курьеру, гдѣ онъ тѣхъ комедіантовъ найдетъ, объявить имъ, чтобъ они ѣхали въ Москву, не мѣшкавъ нигдѣ, и для того, чтобъ въ подводахъ остановки не было, ѣхать ему передъ ними напередъ, и тѣ подводы по даннымъ имъ подорожнымъ къ пріѣзду ихъ готовить, чтобъ нигдѣ въ пути остановокъ не было. И какъ оные комедіанты гдѣ проѣдутъ, то поставленныя по той дорогѣ подводы отпустить безъ удержанія и о томъ въ ямскую канцелярію, въ Штатсъ-контору и куда подлежитъ послать указы: секретарь Гаврiилъ Замятнинъ.

Сообщилъ И. С. Б.

---

[1]) Моск. Архивъ М. Ю. Книга Правит. Сената № 2202, л. 68.

Изъ Подольской старины[1]).

V.

Мой приходъ.—Иванковцы Хребтіевскіе, храмъ и священническій домъ.—Помѣщикъ Собанскій.—Его отношенія къ духовенству и крѣпостнымъ.—Бытъ хребтіевскихъ крестьянъ, нѣкоторые ихъ обычаи.—Хребтіевскіе раскольники; столкновеніе съ ними.—Уходъ мой въ другой приходъ.

Церковь села Иванковецъ-Хребтіевскихъ, куда я назначенъ былъ настоятелемъ, какъ и большинство тогдашнихъ сельскихъ церквей, была деревянная, ветхая, маленькая, бывшая уніатская.

Къ моему приходу принадлежало еще нѣсколько деревень: Джуржевка, Пилипы, Шурка и Хребтіевъ, упоминаемый въ извѣстной трилогіи Генриха Сенкевича. Всѣ эти деревни находились въ горахъ, недалеко отъ р. Днѣстра и раздѣлены были между собою глубокими оврагами. Въ оврагахъ протекали быстрыя рѣчки, а на нихъ построены были мельницы. Мѣстность отличалась чрезвычайною живописностію, но была очень неудобна для ѣзды. Того и гляди, что, взбираясь или спускаясь по высокой горѣ, ѣдучи ночью съ какой-нибудь требой, попадешь въ оврагъ. Да однажды чуть было и не попалъ.

Помѣщеніе для священника было ветхое, неудобное и мало чѣмъ отличалось отъ обыкновенной крестьянской хаты. Оно находилось въ Хребтіевѣ. Здѣсь когда-то была церковь, но сгорѣла. Преданіе гласило, что спалилъ одну за другою двѣ церкви хребтіевскій помѣщикъ съ тою цѣлію, чтобы воспользоваться церковною землею

---

[1]) См. „Русская Старина“ октябрь 1911 г.

очень хорошею, замѣнивъ ее худшею. И дѣйствительно, въ мое время церковная земля разбросана была клочками, преимущественно на оконечностяхъ около яровъ, подъ лѣсомъ на водоскатахъ.

Вторая церковь сгорѣла въ отсутствіе священника Веселовскаго, который тогда ѣздилъ въ м. Калюсъ на базаръ. Пожаръ произошелъ внутри храма. Но такъ какъ въ церковь въ тотъ день священникъ не ходилъ, то народный голосъ обвинялъ въ поджогѣ помѣщика-поляка, настроившаго, можетъ быть, для того и старосту, какъ своего крѣпостного.

Мои прихожане были люди очень набожные. Зазвонишь, бывало, къ утрени въ 4 часа утра и церковь вскорѣ наполнялась молящимися, стекающимися въ него со всѣхъ приписныхъ деревень. Меня они во всемъ слушались, уважали и даже любили, потому что я умѣлъ отстаивать ихъ интересы предъ помѣщикомъ. При всякой необходимости они охотно шли ко мнѣ на помощь даже безъ просьбы.

Хребтіевомъ издавна владѣли помѣщики Собанскіе — поляки. Въ мое время жилъ Константинъ Собанскій. Выдающейся чертою характера этого человѣка была скупость. Есть основаніе предполагать, что эта черта воспитана была въ немъ еще родителемъ. По крайней мѣрѣ ихъ бывшій казакъ, занимавшій при мнѣ должность церковнаго старосты, разсказывалъ, что отецъ описываемаго Собанскаго жалѣлъ даже для своихъ дѣтей лишній кусокъ хлѣба. Особенно въ лѣтнее время дѣтскій желудокъ давалъ себя чувствовать. Ѣсть хотѣлось, а съѣдобнаго негдѣ было достать, дома не дадутъ. И вотъ часто будущій помѣщикъ, владѣлецъ прекраснаго имѣнія, обращается къ казаку своего отца и между ними происходитъ обычно такой разговоръ:

— Гора (извращенное имя Григорій), ты йівъ, чы ни?

— Ивъ, панычу, хлибъ з'масломъ; мама пислала з'дому, говоритъ тотъ.

— Дай и мнѣ трохи (не много).

— Боже сохраны, панычу, якъ панъ побачитъ, буде не тилькы мини, но и вамъ.

— Да, дай же, Гора! Я до смерти йісты хо̀чу — и онъ чуть не со слезами начиналъ умолять его.

У казака не находилось силъ отказать въ просьбѣ „паныча", онъ отрѣзывалъ хорошій ломоть хлѣба, намазывалъ масломъ и давалъ ему, говоря при этомъ:

— На-те, панычу; но лѣзьте въ грубу (печь) и тамъ зъісте, щобъ не побачили (увидѣли) ча̀сомъ.

Панычъ безпрекословно выполнялъ предложеніе Горы. Скоро онъ утолялъ свой голодъ и появлялся на свѣтъ. Для того, чтобы скрыть слѣды преступленія, Гора предлагалъ:

— На-те, панычу, умыйтесь, щобъ не пизнали (узнали).

Дочки старика-Собанскаго поступали иначе.

Подвалы ихъ отца ломились отъ громаднаго количества холста, покрывалъ, веретъ (налавниковъ), выбитыхъ изъ шерсти. Никто счета имъ не зналъ. Дѣвицы, изыскивая средства утолить свой голодъ, обыкновенно тихонько входили въ кладовыя, захватывали что-нибудь и несли крестьянамъ, а тѣ давали имъ за это хлѣбъ, молоко, сметану съ сыромъ. Дѣвицы эти были невѣстами, а принуждены были ходить въ простыхъ юбкахъ домашняго холста.

Старикъ Собанскій былъ человѣкъ по своему времени образованный, имѣлъ обширную библіотеку, но дѣтямъ своимъ не захотѣлъ дать образованія.

Скупость перешла отъ отца къ сыну Константину, а этотъ ничѣмъ не въ лучшихъ условіяхъ держалъ свою собственную семью. Ѣлъ очень скудно. На ужинъ всегда требовалъ лишь квашеную капусту и печеную картофель. Бывало, если картофель весь не съѣстъ, то приказываетъ лакею оставить его на завтракъ въ слѣдующій день.

Жена Собанскаго, видимо, не могла привыкнуть къ характеру и скаредности своего мужа и большею частью въ мое время жила въ Каменцѣ у своей матери. Это, конечно не нравилось Собанскому и тѣмъ болѣе, что проживаніе въ городѣ соединялось съ значительными денежными тратами. На вопросъ: „гдѣ Ваша жена?“ онъ обыкновенно говорилъ съ раздраженіемъ „моя жóна поѣхàла до Камéнца на пундыки (пирожное, печенье)“.

Собственно для жены Константинъ Собанскій держалъ четверку порядочныхъ лошадей и фаэтонъ. Самъ же для поѣздокъ пользовался обыкновенными экономическими лошадьми, которыхъ кормилъ, кстати сказать, одной соломой. Лошади были, конечно, безсильныя. Бывало, поѣдетъ онъ въ ближайшее мѣстечко Калюсъ за покупками. Приходилось сначала съѣхать съ горы, а затѣмъ снова подниматься на крутую гору. Безсильныя лошади отказывались служить, никакъ не могли взобраться на гору. Въ Хребтіевѣ жили цыгане,—крѣпостные, имѣвшіе порядочныхъ лошадей. Панъ, видя безпомощность своихъ лошадей, начинаетъ громко кричать: „цыганы, Павлы, давайте коней“. Цыгане, услышавъ знакомый голосъ, догадывались, въ чемъ дѣло, брали своихъ лошадей, запрягали въ шарабанъ, съѣзжали къ пану и везли его въ Калюсъ и обратно. Панскія же лошади возвращались домой налегкѣ.

Не трудно догадаться, что отъ такого помѣщика священнику нечѣмъ было поживиться, хотя онъ и имѣлъ на то законное право.— Императоръ Николай, заботясь о благосостояніи православнаго духовенства, приказывалъ помѣщикамъ давать все необходимое для безбѣднаго существованія своего приходскаго пастыря и церкви. Они должны были, напримѣръ, не только ремонтировать церковь, но, если было необходимо, и вновь сооружать ихъ на свои средства, должны были строить приличные причтовые дома, отводить и обработывать, какъ выше было сказано, потребное количество земли. Собанскому все это было, конечно, извѣстно, но онъ по своей скупости игнорировалъ своими обязанностями въ этомъ отношеніи и для побужденія къ исполненію ихъ, поэтому, заставлялъ прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Правда, какъ истый полякъ, онъ очень любезно принималъ меня, словесно готовъ былъ выполнить всѣ мои нужды, но на дѣлѣ было иначе. Напримѣръ, идетъ весна, а у меня поле не вспахано. Являюсь къ помѣщику, прошу поскорѣе дать рабочихъ. Внимательно выслушавъ меня, онъ пишетъ цидулку своему экономy Сваричевскому старику—тоже поляку, въ такомъ родѣ: „для пароха моего Сваричевскій зробитъ то и то“—перечисляетъ все, о чемъ я его просилъ въ данное время. Представляю записку Сваричевскому. Жду, жду, нѣтъ исполненія просимаго. Нужно было такимъ образомъ настойчиво просить разъ пять, чтобы сдѣлали необходимое.—Помнится такой случай. Весна. Вездѣ идетъ посадка въ огородахъ, а у меня и огородъ не обгороженъ, такъ что свиньи свободно ходятъ въ немъ, мало того даже и частоколъ еще не привезенъ. Своихъ средствъ не имѣю и потому обращаюсь къ экономy. Прошу его. По обыкновенію ни отвѣта, ни привѣта. Уже пятая недѣля великаго поста идетъ. Разъ читаю молитвы предъ литургіею преждеосвященныхъ даровъ, приходитъ жена и съ сердцемъ говоритъ мнѣ: „всѣ люди обсѣяли огороды, а у насъ и огорожи нѣтъ, свиньи свободно ходятъ и разрываютъ землю“. Выслушалъ жену и отправился служить въ церковь. Кончилась служба. Утренняя досада не прошла, и я, проходя мимо жилища экономa, зашелъ къ нему, чтобы лично поговорить. И дѣйствительно, поговорилъ основательно... На слѣдующій день все было въ исправности.

Приходилось имѣть счеты съ помѣщикомъ и по другимъ случаямъ. Часто, напримѣръ, скотъ помѣщика „спасалъ“ (вытравлялъ) у меня засѣянныя поля. Отводимая батюшкѣ земля какъ-то всегда приходилась вблизи помѣщичьяго выпаса. Парубки—пастухи почти всегда нерадиво относились къ своему дѣлу и, выгнавъ плохо спутанныхъ лошадей, часто шли гулять въ село. Лошади же мало по малу при-

двигались къ батюшкиному овсу и не столько съѣдали его, сколько топтали. Приходилось по ночамъ самому сидѣть и слѣдить и выгонять лошадей, а иногда для острастки и забирать двухъ-трехъ къ себѣ. Но отъ этого толку было мало. Однажды панскія лошади вытоптали все мое поле, засѣянное овсомъ. На этотъ разъ, панъ, узнавши о потравѣ, приказалъ мнѣ выдать 5 или 6 корцевъ овса. Но могло ли это сравняться съ тѣмъ убыткомъ, который нанесенъ мнѣ былъ его лошадьми?..

Съ крестьянами помѣщикъ обращался очень жестоко, за что и былъ ненавидимъ ими. За глаза они не иначе его называли, какъ „собака“, „собко“.

Наказывали крестьянъ за всякую малую провинность, при чемъ не только не разбирали времени, но не считались даже съ настроеніемъ и положеніемъ наказываемаго. Изъ многочисленныхъ фактовъ наказаній упомянемъ о слѣдующихъ. Выгоняли на барщину и беременныхъ женщинъ. По своему положенію онѣ не могли низко наклоняться и тѣмъ болѣе стиснуть и связать снопъ требуемой величины (въ обхватѣ онъ долженъ быть 5 четвертей). Экономъ, слѣдящій за работою, конечно, усматриваетъ это и, считая такую женщину нерадивою, приказываетъ наказать ее розгами. „Отаманы“, гонявшіе людей на барщину, не смѣли ослушаться такого безчеловѣчнаго распоряженія, копали обыкновенно яму, клали женщину такъ, чтобы животъ находился въ ямѣ и начинали бить ее по голому тѣлу.

У крестьянъ были плужки простой домашней работы. Гужи къ плугу прикрѣплялись посредствомъ деревянныхъ колецъ (тяжей). Обыкновенно выламывался молоденькій грабъ, парился и крутился въ кольцо. Хлопу оборудовать плугъ приказывали, гдѣ достать матеріалу не указывали: доставай, гдѣ угодно, но панскаго лѣсу не тронь. Одинъ мужичекъ не имѣлъ „тяжей“, а между тѣмъ долженъ былъ выйти на паньщину. Онъ пошелъ украдкой въ помѣщичій лѣсъ и вырвалъ два грабка. Кто-то объ этомъ донесъ пану. Что же тотъ дѣлаетъ? Призываетъ виновнаго, а потомъ фельдшера, которому приказываетъ вырвать у мужика два совершенно здоровыхъ зуба. Неискусный дантистъ волочитъ бѣднаго по комнатѣ. Когда операція наконецъ окончилась, панъ, издѣваясь, спрашиваетъ провинившагося: „А что, больно?“ „А якъ-же!“. „Вотъ такъ и у меня болитъ вслѣдствіе того, что ты вырвалъ два грабчика“, заключаетъ помѣщикъ.

Въ мое время правительство, идя на встрѣчу крѣпостному народу, ограничивало произволъ помѣщиковъ и ихъ служащихъ и въ этомъ смыслѣ разсылало циркуляры и напоминанія. Тѣмъ не менѣе

все оставалось по-прежнему и по крайней мѣрѣ въ Хребтіевѣ панъ Сваричевскій не жалѣлъ розогъ и жестоко расправлялся съ неугодившими ему крѣпостными пана. И на этой почвѣ происходили у меня съ экономомъ столкновенія.

Разъ въ Срѣтеньевъ день возвращаюсь отъ Богослуженія изъ Иванковецъ домой. Ѣду мимо фольварка, гдѣ жилъ экономъ. Слышу душу раздирающій крикъ. Смотрю, на подворьѣ онъ самолично производитъ жестокую расправу надъ молоденькой дѣвушкой. Не вытерпѣлъ я, выскочилъ изъ саней и, подбѣжавъ къ Сваричевскому, крикнулъ: „Что ты, бездѣльникъ, дѣлаешь? Имѣешь право что ли на это?“ и съ этими словами вырвалъ изъ его рукъ розгу. По пріѣздѣ домой написалъ бумагу приставу и приложилъ, какъ вещественное доказательство, ту розгу; но никакого отвѣта, конечно, не дождался. Полиція получала отъ помѣщиковъ взятки, иногда очень значительныя, а потому почти всѣ ихъ незаконныя дѣйствія старалась прикрывать и хода жалобамъ большею частію не давала.

Несмотря на запрещенія, помѣщикъ заставлялъ крѣпостныхъ работать часто въ праздничные дни. Вспоминаю такой случай. Былъ Николинъ день. Возвращаюсь изъ Иванковецъ и по пути встрѣчаю массу подводъ съ мѣшками хлѣба. Оказывается, что экономъ распорядился въ этотъ день, чтобы крестьяне перевезли хлѣбъ изъ Хребтіева въ Бебехи, гдѣ находился винокуренный заводъ пана. Видя въ этомъ поступкѣ попраніе правъ человѣка и нарушеніе святости праздничнаго дня и глумленіе иновѣрца надъ православными, я вышелъ изъ повозки и воспретилъ везти хлѣбъ дальше. Требованіе мое было настолько настойчиво, что возчиковъ должны были отпустить на праздникъ по домамъ. Панъ, узнавши объ этомъ, донесъ на меня приставу, а я сдѣлалъ то же и съ своей стороны.

Эксплоатируя трудъ своихъ крѣпостныхъ, помѣщикъ почти нисколько не заботился объ ихъ благосостояніи и даже часто не щадилъ ихъ нравственнаго чувства. Когда Константинъ Собанскій былъ еще молодымъ, то у него существовало ius primae noctis, или, какъ по-своему говорили мнѣ прихожане: „панъ читалъ выводъ нашимъ молодымъ“. Женихъ и невѣста въ субботу предъ вѣнчаньемъ, которое обыкновенно совершалось въ воскресенье, должны были являться къ пану на поклонъ. Съ музыкантами и дружками они входили во дворъ помѣщика. Панъ приказывалъ дать всѣмъ прибывшимъ водки. Невѣста входила въ покои пана. Начинала играть музыка, поднимались танцы, пѣніе, а въ это время помѣщикъ осуществлялъ свое право надъ беззащитной отъ панскаго произвола жертвой.

Собанскій имѣлъ у себя винокуренный заводъ. Водку свою онъ обыкновенно не отдавалъ жидамъ на откупъ. Не было въ его имѣніяхъ и жидовскихъ шинковъ; но онъ самъ выгодно сбывалъ добываемую водку, заставляя раскупать ее своихъ крѣпостныхъ. Случалась ли у нихъ свадьба, крестины, похороны, парастасъ (поминовенье), они должны были предварительно оповѣстить пана. Послѣдній, судя по состоянію хозяина, назначалъ, напримѣръ, на свадьбу взять одному 150, другому 200 или 100 квартъ. Пріѣхавши въ приходъ, я не зналъ о существованіи такого обычая о спаиваніи крестьянъ. Разъ просятъ отправить заупокойную литургію, а затѣмъ зовутъ въ хату отслужить панихиду. Послѣ панихиды просятъ остаться закусить. Я согласился, но былъ не радъ. Посадили меня на почетномъ мѣстѣ за столъ, рядомъ со мною дьячка, далѣе за нимъ размѣстились хозяева, родственники, и началась попойка. На столѣ поставили двѣ или три большихъ миски съ водкой, которыя по мѣрѣ надобности снова наполняли. Водку ложками наливали въ большіе стаканы, которые постоянно наполнялись и переходили изъ рукъ въ руки. Закусывали вареной кислой капустой, кстати сказать, испускавшей страшное зловонье. Имѣла скверный запахъ и неочищенная сивуха. Черезъ нѣсколько времени въ хатѣ непривычному человѣку не возможно было сидѣть за недостаткомъ чистаго воздуха. Голова кружилась. Крестьяне же какъ будто ничего не замѣчали, они только раскраснѣлись, потъ лилъ съ нихъ градомъ, такъ какъ они по своему обыкновенію не снимали своихъ кожуховъ и опанчей, а сидѣли въ нихъ. На первый разъ все это произвело на меня очень непріятное, даже тяжелое впечатлѣніе. Я не выдержалъ и, рѣшительно поднявшись изъ-за стола, сказалъ: „Если вы такимъ же образомъ и потомъ будете поминать своихъ родныхъ, то я въ хаты къ вамъ на панихиды больше не пойду“.— Вообще я всѣми доступными мнѣ мѣрами старался искоренить среди своихъ прихожанъ пьянство. Требованіе водки изъ помѣщичьяго склада стало сокращаться. О моихъ дѣйствіяхъ и словахъ, конечно, было доложено Собанскому. Послѣдній, не видя пока ничего убыточнаго для себя отъ моей проповѣди трезвости, лишь замѣтилъ: „То ксенозъ млодый еще; видно, онъ изъ католиковъ“. (Такъ панъ судилъ, вѣроятно, потому что я бороды не имѣлъ, а волосы у меня еще не отросли). Видимо, онъ предполагалъ, что поживу я дольше на приходѣ и по необходимости примирюсь съ господствующимъ зломъ, буду на него смотрѣть сквозь пальцы, а можетъ быть, стану и потворствовать, какъ это дѣлалъ мой предшественникъ. Но онъ ошибся, вслѣдствіе чего еще неоднократно приходилось мнѣ имѣть столкновенія съ паномъ на почвѣ трезвости.

О просвѣщеніи темнаго крестьянства панъ совершенно не заботился. Когда вышло распоряженіе о заведеніи школъ, я просилъ у Собанскаго дать помѣщеніе и средства для нея. Но мои просьбы остались безъ удовлетворенія. Пришлось открыть школу въ домѣ дьячка, который исполнялъ и должность учителя въ ней. Непріученные крестьяне добровольно не отпускали своихъ дѣтей учиться, а приказывать имъ панъ не находилъ нужнымъ. Поэтому приходило въ школу обучаться грамотѣ только лишь два мальчика. Двѣ зимы они занимались, а потомъ школа должна была окончить свое жалкое существованіе.

Помѣщикъ-католикъ къ своимъ православнымъ крѣпостнымъ относился нетерпимо, особенно пани. Это была фанатичная католичка. Однажды у ней явилась мысль завести католическую пропаганду среди православнаго населенія. Для этой цѣли она прежде всего задумала построить въ селѣ каплицу, хотя въ приходѣ, кромѣ помѣщика съ семьею и экономa, не было ни одного католика. На устройство каплицы необходимо было получить разрѣшеніе отъ епархіальнаго архіерея, къ которому и направлено было ходатайство. Архіерей запросилъ указомъ благочиннаго, есть въ таковой необходимость. Благочинный же, пользовавшійся вспомоществованіемъ матеріальными средствами со стороны Собанскаго, не хотѣлъ производить непріятнаго и могущаго измѣнить хорошія отношенія съ паномъ, послалъ указъ мнѣ для исполненія по нему. Нужно замѣтить, что въ палацѣ Собанскихъ существовала домовая каплица, для которой выдѣлена была небольшая комната. Въ одной изъ стѣнъ ея была ниша, а въ нишѣ была пристроена доска, на которой стояла чаша. Къ этому алтарчику вело нѣсколько ступенекъ. Ниша эта закрывалась створчатыми дверцами.

Помѣщица, узнавъ о предписанномъ мнѣ осмотрѣ и отзывѣ, хотѣла, вѣроятно, расположить меня въ свою пользу и послала три пецы (15 рублей золотомъ). Я, конечно, написалъ то, что было должно. Точно измѣрилъ пространство существующей каплички, описалъ ее и изложилъ свое мнѣніе въ томъ смыслѣ, что при существующемъ числѣ католиковъ, проживающихъ въ Хребтіевѣ, не представляется необходимости строить особенную каплицу. Кто былъ особенно радъ такому отзыву, то это прежде всего панъ Собанскій. Онъ благодарилъ меня. „Пріѣдетъ ксендзъ нашъ, говорилъ онъ, давай ему еще 3 рубля, а то и больше“. Въ вознагражденіе мнѣ не поскупился даже дать 5 корцевъ овса.

Во время польскаго возстанія, происходившаго въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, въ немъ принималъ участіе и Константинъ Собанскій, а равно его два брата и два зятя, изъ которыхъ одинъ

былъ уѣзднымъ исправникомъ гор. Ушицы. Старикъ же держался русской политики. Дѣти и зять, зная убѣжденія отца, скрывали свои темныя дѣлишки, но не настолько умѣло, чтобы тотъ не узналъ о нихъ. И старикъ своеобразно высказалъ имъ свое неудовольствіе. Разъ, какъ передавалъ мнѣ очевидецъ, вышеупоминаемый имъ казакъ Гора, старый Собанскій пригласилъ всѣхъ ихъ къ себѣ на обѣдъ. Тѣ, конечно, всѣ собрались. И вотъ во время обѣда онъ сдѣлалъ жгутъ изъ мокраго полотенца и началъ ходить сзади обѣдавшихъ и бить ихъ этимъ жгутомъ по плечамъ. При этомъ страшно бранилъ ихъ, приговаривая: „Чего вы хотите отъ русскаго Царя? Развѣ за Польшей лучше будетъ. Имѣете вы здѣсь земли, состояніе, крестьянъ и хорошо... Чего еще вамъ нужно?“ Гости, поопускавши головы, молчали, а по окончаніи оригинальнаго наказанія и выговора за свое поведеніе и образъ мыслей, тотчасъ же вышли изъ-за стола и безъ объясненій поспѣшили по своимъ домамъ.

Вслѣдствіе того, что Константинъ Сабанскій сочувствовалъ и содѣйствовалъ польскому возстанію, что не укрылось отъ полиціи, онъ постоянно находился въ подозрѣніи: за нимъ слѣдили и не давали покоя. Разъ во время Севастопольской войны, его даже вызвали въ Каменецъ [1]). По скупости своей онъ нанялъ маленькую комнатку, въ которой нельзя было пройтись, а приходилось только лишь сидѣть. Объ этомъ онъ самъ съ прискорбіемъ разсказывалъ и страшно ругалъ полицію, обвиняя ее въ безчеловѣчіи по отношенію къ себѣ. Полицейскихъ чиновъ вообще онъ очень недолюбливалъ и лишь только слышался колокольчикъ, тотчасъ онъ куда-нибудь прятался, приказывая говорить, что его нѣтъ дома. Помѣщенія для прибывающихъ по дѣламъ чиновъ полиціи не давалъ, а потому приставъ и др. лица обыкновенно останавливались у меня. Домикъ священническій былъ маленькій въ двѣ комнаты, и потому эти посѣщенія слишкомъ стѣсняли и меня, а особенно жену, которая тогда была больна чахоткою. Разъ я вышелъ изъ

[1]) Сосѣдскій же помѣщикъ Сарнецкій по ничтожному, повидимому, обстоятельству подвергся сильному административному взысканію. Въ его дворѣ, гдѣ-то между дровами валялась чугунная пушка, а другая была перекинута надъ дымовою трубою и употреблялась при копченіи окороковъ. Между тѣмъ одинъ лакей, по имени Якубъ, недовольный за что-то на пана, донесъ на него полиціи, говоря, что онъ имѣетъ пушки, и обвиняя въ противоправительственныхъ замыслахъ. По этому доносу былъ произведенъ внезапный обыскъ и въ трубѣ случайно нашлась бутылка, въ которой было закупорено письмо, обнаружившее сношенія Сарнецкаго съ польскими повстанцами. Помѣщикъ этотъ сначала былъ высланъ, кажется, въ Саратовскую губернію, а потомъ по собственной просьбѣ отпущенъ въ Варшаву.

терпѣнія и попросилъ пристава и сопровождавшихъ его удалиться въ другое мѣсто и съ тѣхъ поръ болѣе ихъ уже не принималъ.

Въ числѣ крѣпостныхъ помѣщика Сабанскаго были малороссы, цыгане и „кацапы"—великороссы-раскольники, населявшіе д. Пилицы.

Цыганъ было немного, занимались они большею частью кузнечествомъ и перекупкою лошадей. Барщины они не отправляли потому, что не считались надежными работниками, а должны были только въ лѣтнее рабочее время возить воду на поле для работающихъ тамъ.

Хребтіевскіе крестьяне-малороссы въ общемъ по тому времени были зажиточны. Многіе наживались отъ продажи аниса, фасоли, луку, которые въ обиліи сѣяли, особенно первый. Урожай аниса по вымолоткѣ продавали за мѣрку (гелетку) по 1 р. 50 к., при чемъ бралось зерно съ половою. Имѣли достаточно скота, разводили много свиней, которыхъ покупали у нихъ „кацапы". Многіе занимались охотою. Между хребтіевскими крестьянами были очень хорошіе охотники и въ томъ числѣ упоминаемый церковный староста Григорій. Уже будучи 80-лѣтнимъ старикомъ, онъ имѣлъ очень вѣрный глазъ. Помню такой случай. Я страдалъ однажды сильными головными болями. Пришлось служить. Церковь низкая, воздуху мало и къ тому же дятелъ, какъ нарочно, долбитъ на крышѣ тукъ... тукъ... ровно въ мою голову. Староста стоялъ въ пономарнѣ. Я и говорю ему: „староста, прошу Христомъ Богомъ, сгоните птицу, у меня голова болитъ отъ ея туканья". Староста тотчасъ же вышелъ на церковный погостъ. Здѣсь былъ набросанъ хворостъ, предназначавшійся для загораживанія. Старикъ выбралъ подлиннѣе хворостину съ тоненькимъ кончикомъ. Дятелъ все долбитъ. Староста незамѣтно зашелъ и моментально махнулъ хворостиною, но такъ, что перерѣзалъ шейку пернатаго плотника. Среди службы я замѣтилъ, что стукъ въ крышу прекратился. Кончилась литургія; справлены требы. Прихожу домой, По обыкновенію заходитъ и староста. Даю ему чарку водки и говорю: „спасибо, что прогнали птицу". На эти слова онъ вынимаетъ изъ-за пазухи дятла безъ головы и показываетъ мнѣ. „Это что?" говорю. „А будэ печенэ" (жаркое) сказалъ онъ и передалъ мнѣ все подробно.

Помню и другой случай. Идетъ литургія оглашенныхъ. Смотрю, по жертвеннику бѣгаетъ и рѣзвится мышь. На меня напалъ страхъ. Думаю: „погрызетъ еще агнецъ и литургіи не на чемъ будетъ служить". Говорю тихо старостѣ: „прогони мышь". Староста, несмотря на то, что былъ въ каракатахъ (грубая кожанная обувь безъ голенищъ), тихо идетъ по запрестолъ къ жертвеннику, приноравливается... хвать... и поймалъ мышь.

Самъ онъ разсказывалъ о такомъ происшествіи изъ своей охотничьей жизни. Кругомъ Хребтіева были густые лѣса, въ которыхъ водилось множество козъ, а особенно волковъ. Въ лѣсу была помѣщичья поляна, гдѣ стояла скирда соломы. „Вышелъ я на охоту,— говорилъ онъ—и чтобы выждать удобное время, влѣзъ на скирду, вложилъ ноги въ солому и лежу, накрывшись кожухомъ. Чрезъ нѣсколько времени смотрю, бѣжитъ изъ лѣса волкъ и прямо на меня. Я лежу тихо; ружье находится около меня. Волкъ подбѣжалъ къ скирдѣ, понюхалъ воздухъ и вскочилъ на скирду съ низкой стороны. Затѣмъ покружился, покружился и легъ на мои ноги. Что тутъ дѣлать? Шелохнуться, высвободить ноги нельзя, волкъ можетъ меня заѣсть, но и лежать такъ въ одномъ положеніи съ отерпшими ногами нѣтъ возможности. Наконецъ волкъ засыпаетъ, слышится его храпъ. Тогда я помаленьку высвободилъ ногу и съ силою толкнулъ волка такъ, что у него только ноги мелькнули въ воздухѣ. Моментально затѣмъ схватилъ я ружье и почти безъ прицѣла выпалилъ и попалъ въ звѣря. Потомъ соскочилъ со скирды и прикладомъ добилъ его“. Разсказывалъ онъ и еще о многихъ своихъ похожденіяхъ.

Жили хребтіевцы очень умѣренно. Любимымъ и господствующимъ кушаньемъ ихъ была мамалыга, блюдо, приготовленное изъ заваренной кипяткомъ кукурузной муки. Въ качествѣ приправы къ мамалыгѣ употреблялось молоко, конопляное масло, огурцы, картофель. Кусокъ этого тѣста, завернутый въ скатерть, постоянно былъ на столѣ. Къ краю скатерти привязана была тесемочка. Особенно въ страдную пору, когда взрослыхъ дома нѣтъ, ребенокъ, побѣгавши и проголодавшись, подходитъ къ столу, тянетъ за шнурокъ скатерть, открываетъ мамалыгу, отламываетъ кусокъ ея, ѣстъ, а потомъ опять въ бѣга.

Замѣчательно, что мои прихожане не курили табаку, въ чемъ всего вѣроятнѣе сказалось вліяніе сосѣдей-раскольниковъ. Но за то у нихъ существовало не мало другихъ такихъ обычаевъ и привычекъ, съ которыми приходилось бороться. Упомяну о такъ называемой „Маланкѣ“. Въ Малороссіи и до настоящаго времени существуетъ обычай колдовать на святкахъ. Наканунѣ Новаго Года ходятъ еще съ „Маланкой“. Но въ мое время „Маланка“ имѣла очень неприличный характеръ. Обыкновенно ходило шесть человѣкъ парубковъ, изъ которыхъ трое переряживались въ женскіе костюмы. Одна пара представляла цыганъ, другая—евреевъ, а третья—нищихъ (старцівъ). Компанія эта ходила по хатамъ, гдѣ ихъ поили водкою, пѣла неприличныя пѣсни и давала представленія такого грубаго и неприличнаго содержанія, что о нихъ не-

удобно и говорить. Народъ сознавалъ, пожалуй, неприличіе этого обычая, но безъ внѣшняго вмѣшательства не могъ покончить съ нимъ. Въ день Богоявленія участвовавшіе въ „Маланкѣ“ хлопцы, чтобы, такъ сказать, смыть свой грѣхъ во время чина водоосвященія на рѣкѣ, предварительно сдѣлавши особую прорубь ниже по теченію рѣки, бросались въ воду въ тотъ моментъ, когда погружался св. крестъ и пѣлся тропарь: „Во Іорданѣ крещающуся“. Потомъ моментально выскакивали изъ воды, набрасывали на голое тѣло кожухи и ѣхали домой. Для многихъ это купанье не проходило даромъ, а оставляло слѣды на здоровьѣ, нѣкоторые, поболѣвъ немного, умирали. Сильно я боролся съ описаннымъ некрасивымъ обычаемъ и подъ конецъ достигъ своего. Къ сожалѣнію, послѣ моего ухода онъ снова возобновился, какъ передавали. И не удивительно. „Маланка“, какъ можно судить по пѣснямъ, которыя поются при ней, вышла изъ Бессарабіи, изъ-за Днѣстра по близости и по подражанію, и по прежнимъ воспоминаніямъ хлопцы могли возвратиться къ нему.

Изъ другихъ обычаевъ хребтіевцевъ можно указать на то, что молодой послѣ вѣнца сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ въ шапкѣ. „То князь“, говорили мнѣ въ объясненіе. Но что всего страннѣе— на мертваго мужчину надѣвали шапку и такимъ образомъ вносили въ церковь. Этотъ обычай я скоро вывелъ.

Разъ лѣтомъ прихожу на сѣнокосъ. Замѣчаю, что при приближеніи моемъ значительная кучка парубковъ вдругъ разсѣялась. Это меня заинтересовало, и я спросилъ: „въ чемъ дѣло?“ Одинъ пожилой крестьянинъ объяснилъ мнѣ, что происходила „фризовка“— посвященіе молодого парубка, выходящаго первый разъ на сѣнокосъ, въ косари и побоялись, что батюшка будетъ „ганьбыть“ (бранить) ихъ. Я попросилъ не смущаться и продолжать прерванную церемонію. Состояла она въ слѣдующемъ.

Посвящаемый выставлялъ нѣсколько „окъ“—штофовъ водки. Хлопцы выбирали изъ своей среды распорядителя, который садился на воткнутую въ землю остріемъ конусообразную деревянную посудину, „кушку“, въ которой обыкновенно держалась вода и брусокъ для оттачиванія косы. На капелюхъ (соломенная шляпа) распорядителя надѣвали сдѣланный изъ зеленой травы вѣнокъ. Въ рукахъ его былъ молотокъ (на подобіе креста), обцѣпленный колючею сорною травою. Посвящаемый подводился къ распорядителю, кланялся ему въ ноги, а потомъ цѣловалъ этотъ импровизированный крестъ и ,конечно, сильно кололъ лицо. Въ это время остальные хлопцы сильно звонили лопатками въ косы. Затѣмъ распорядитель поднимался со своего сѣдалища и ударялъ посвящаемаго лопаткою по

плечамъ. Этимъ и закончилось посвященіе. Потомъ распивали „могарычъ“. На другой день приходитъ ко мнѣ отецъ посвященнаго въ косари, кланяется и благодаритъ. „За что?“ спрашиваю. „А какъ же, моему хлопцу пришлось, благодаря вамъ, батюшка, не такъ, какъ другимъ“. Оказалось, что описанная церемонія заканчивалась тѣмъ, что посвящаемаго раскладывали на полянѣ и каждый изъ присутствующихъ могъ бить его лопаткой.

Кацапы-великороссы въ Хребтіевѣ считались наиболѣе зажиточными, какъ народъ трезвый и болѣе предпріимчивый, да къ тому же и барщина ихъ была легче, такъ какъ они почему-то привлекались только къ косьбѣ травы и яровыхъ хлѣбовъ и освобождались отъ жнива. Въ мое время, впрочемъ, и кацапы обѣднѣли и вотъ почему. Въ Севастопольскую войну всѣ взрослые, понакупивъ себѣ крѣпкихъ лошадокъ, отправились въ Крымъ заработать извозомъ, подвозя провіантъ, перевозя раненыхъ и т. п. Но случилась ненастная осень, дороги сдѣлались невозможными для ѣзды. Вслѣдствіе этого хребтіевскіе кацапы потеряли тамъ своихъ лошадей и пришли домой ни съ чѣмъ, съ одними „батижками“ (кнутами) и долго не могли вполнѣ оправиться.

„Кацапы“ были старообрядцы и имѣли свою часовню съ куполомъ и колокольней. Часовня была очень ветхая и покрыта соломою. Однажды, проѣзжая мимо этой часовни на сѣнокосъ, я замѣтилъ, что она была починена, т. е. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказалась новая солома на крышѣ и торчали новыя стропила. Въ виду, того что епархіальное начальство строго предписало намъ слѣдить за старообрядческими часовнями, не дозволять имъ ремонтировать ихъ, а стараться закрывать обветшавшіе молитвенные дома, и я долженъ былъ донести о самовольномъ ремонтѣ часовни начальству.

Правду сказать, дѣлать мнѣ этого очень не хотѣлось, какъ по внутреннему своему убѣжденію, такъ и изъ боязни вооружить противъ себя раскольниковъ, съ которыми я находился въ добрососѣдскихъ отношеніяхъ. Долго я колебался, но боясь обвиненія въ неповиновеніи распоряженіямъ и строгаго наказанія за это (нужно помнить, что времена были тогда суровыя и съ нашимъ братомъ, простымъ сельскимъ попомъ, не церемонились) рѣшилъ донести о ремонтѣ по начальству. Въ скоромъ времени въ сосѣднемъ приходѣ, Песцѣ, преосв. Евсевій освящалъ церковь. Въ числѣ сослужащихъ ему священниковъ назначили и меня. Я заготовилъ репортъ о ремонтѣ старообрядческой часовни, предъ обѣдней посовѣтовался съ благочиннымъ, а потомъ, когда архіерей вышелъ отъ богослуженія, подалъ ему этотъ репортъ. Архіерей, по обыкновенію, съ благочиннымъ пошелъ пить чай къ священнику, а мы

остались на дворѣ, ожидая распоряженій. Тогда было не въ обычаѣ попросту, совмѣстно трапезовать съ архіереемъ да еще такимъ чваннымъ и высокомѣрнымъ, какъ Евсевій: послѣ чая и закуски, проходя мимо и другихъ чиновъ къ своей каретѣ, преосвященный сказалъ: „скоро будете имѣть дѣло“ и указалъ на меня.

Какъ я предполагалъ, такъ и сбылось. Раскольники, узнавши о моемъ доносѣ, страшно разсердились на меня и начали мстить. Однажды съ пастбища одна лошадь пришла съ надрѣзаннымъ ухомъ, въ другой разъ у лошади отрѣзанъ былъ хвостъ. Разъ пытались они украсть пару лошадей моихъ, но, благодаря тому, что онѣ хорошо были спутаны, это имъ не удалось. Опасаясь чего-либо болѣе серьезнаго со стороны недовольныхъ старообрядцевъ и въ виду многихъ неудобствъ своего прихода, я перешелъ на другой приходъ въ село Матвейковцы.

В. Сл. и Ѳ. Ф—ко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

ГЛАВА XII[1]).

Внезапно я была разбужена голосомъ, въ которомъ звучало тревожное недоумѣніе:

— Что съ тобой, дорогая, либимая моя? Что такъ ужасно поразило тебя?—спросилъ Тафти, наклоняясь ко мнѣ, при чемъ взглядъ его блеснулъ подобно яркой звѣздѣ въ темную ночь.

Но мысли мои все еще скользили въ потемкахъ кошмара за предѣлами реальной жизни, наполняя меня сонливыми грезами, и я никакъ не могла опредѣлить, было ли то видѣніе, дѣйствительность или же бредъ затуманенной фантазіи.

— Узинъ!—позвалъ бей нубійца и сказалъ ему по-турецки:—*дюльберимъ*[2]) озябла—надо ее закутать и перенести въ каикъ...

— Эветъ, эфендимъ!—отозвался черный невольникъ, бросаясь къ лодкѣ, и вскорѣ принесъ оттуда какой-то свертокъ въ бумагѣ.

Точно холодная, костлявая рука смерти вдругъ легла мнѣ на сердце; воспоминанія проснулись; яркіе огоньки затрепетали въ глазахъ и на фонѣ ихъ создалась оптическая иллюзія легендарнаго мѣшка...

— Боже мой! Боже мой!—вырвалось стономъ изъ груди и напряженіемъ нервной силы, не сдерживая безумія ужаса, я вскочила на ноги съ громкимъ крикомъ: „помогите! спасите!“—но изму-

---

[1]) См. „Русская Старина“ май 1911 г.

[2]) Моя красавица.

ченная до крайности и продолжая галлюцинировать, упала снова, какъ бы уничтоженная совсѣмъ.

— Аллахъ бенымъ!—кого же она зоветъ?—растерянно прошепталъ Тафти.

Преданный слуга отвѣтилъ загадочной мимикой, и оба отошли на нѣсколько шаговъ дальше.

За плескомъ прибоя слова не доносились до меня; но я видѣла ясно, судя по выразительной жестикуляціи раба, что послѣдній убѣждалъ своего господина не особенно церемониться съ *невѣрной гяуркой*, а мой прекрасный бей также замѣтно горячился и, наконецъ, хмурый, раздраженный вернулся ко мнѣ.

— Да откуда тебѣ что-то мерещится и представляется, красавица моя, тогда какъ рѣшительно ничто не угрожаетъ твоей драгоцѣнной особѣ?—не скрывая іроніи, говорилъ онъ, и странная усмѣшка дрожала у него на губахъ:—съ другой же стороны мнѣ думается невольно, что ты просто капризничаешь по свойственнымъ вашему женскому отродью причудамъ, какъ утверждаетъ Узинъ и вѣроятно, что такъ!...

Съ этими словами онъ развязалъ „подозрительный свертокъ", предметъ моихъ терзаній, который оказался великолѣпной турецкой шалью, и очень заботливо накинулъ ее мнѣ на плечи.

Такой совершенно непредвидѣнный оборотъ дѣла подѣйствовалъ на меня, точно душъ холодной воды, и заставилъ очнуться: туманъ, висѣвшій надъ моимъ сознаніемъ, разсѣялся, призраки скрылись и, побѣжденная неотразимымъ влеченіемъ къ нему, я обвилась вокругъ его шеи въ горячемъ порывѣ любви.

— Скажи лучше, кого ты призывала на помощь?—рѣзкимъ диссонансомъ поразило мой слухъ:—ужъ не того ли африканца? Интересно!...

Мое настроеніе сразу оборвалось. Что-то смутное подсказало мнѣ большую осторожность и, слѣдуя тайному внушенію, я не осмѣлилась сказать ему, что подозрѣвала его въ преступномъ намѣреніи расправиться со мной по-азіатски.

— О, Тафти, мой дорогой другъ! да ничего подобнаго, клянусь тебѣ! Ну, если хочешь знать, правда въ томъ, что мнѣ и въ самомъ дѣлѣ померещилось какое-то чудовищное видѣніе съ рогами и съ мѣшкомъ въ рукахъ!, а когда ты свистнулъ, то оно быстро такъ стало надвигаться на меня, и что произошло затѣмъ,— не помню!... разсказывала я, импровизируя и сама не зная, что бы еще такое придумать, лишь бы успокоить моего строптиваго собесѣдника; но онъ, взглянувъ на меня съ насмѣшливымъ удивленіемъ, перебилъ:

— Отсюда слѣдуетъ, что черти находятся въ моемъ непосредственномъ распоряженіи—великолѣпно! Ну, милая моя, ты не особенно далеко ушла отъ Элиме съ ея дракономъ! И не правъ ли былъ одинъ мудрый дервишъ, когда сказалъ, что въ блеяніи овцы больше здраваго смысла, чѣмъ въ рѣчахъ женщины. Такъ и въ данный моментъ: очевидно, тебѣ приснился чортъ съ мѣшкомъ, и ты подняла цѣлую исторію, а еще образованная европеянка! Вотъ и разсуждай теперь о преимуществахъ западнаго просвѣщенія надъ суевѣріемъ Востока!—громко смѣялся онъ, цѣлуя мнѣ руки и согрѣвая ихъ своимъ дыханіемъ; но глаза его загадочно мерцали.

Я смотрѣла на него съ глубокимъ восхищеніемъ, и красота этого лица въ лунномъ освѣщеніи казалась мнѣ прямо волшебной.

Тѣмъ временемъ нубіецъ причалилъ фелуку къ намъ ближе и подалъ знакъ садиться.

— Однако, пора уходить въ море,—сказалъ Тафти. Сомнѣніе опять задѣло меня и нервнымъ холодкомъ пробѣжало вдоль спины:

— А что, если вся эта затѣя не что иное, какъ ловушка, скрытая игра кошки съ мышью? назойливо шевелилось въ душѣ, но выбора не было...

— Тафти,—почти безсознательно спросила я:—ты отвезешь меня домой сейчасъ—не правда ли?

— Какъ сейчасъ?—удивился онъ:—нѣтъ, мой дорогой, райскій цвѣточекъ, останься еще со мной: для того я и привелъ тебя сюда, чтобы покататься съ тобою въ лодкѣ—ночь такъ обворожительно хороша!

— Къ сожалѣнію,—добавилъ онъ мечтательно:—мы все время только ссорились и, такимъ образомъ, не успѣли даже обмѣняться мнѣніями о практической сторонѣ дѣла—вотъ и случай использовать моментъ!

— Такъ почему же ты раньше не объяснилъ мнѣ своего намѣренія, а устроилъ что-то непонятное и очень странное?—теряя власть надъ собой, съ невольнымъ подозрѣніемъ въ тонѣ спросила я.

Тѣнь досады омрачила его прелестныя черты, и тонкія, изящныя брови сердито сдвинулись.

— Что же тутъ непонятнаго или подозрительнаго!—вспыхнулъ красавецъ негодованіемъ:—ну, просто мнѣ улыбнулась мысль поразить тебя эффектомъ внезапнаго появленія моей хорошенькой фелуки, въ родѣ того, какъ мы читаемъ въ сказкахъ; но я знаю, что̀ ты думаешь!.. впрочемъ, у франковъ всегда такъ бываетъ!—сжимая зубы, не договорилъ онъ чего-то.

— Напримѣръ?—перебила я и получила въ отвѣтъ:

— Терпѣть не могу, когда женщины слишкомъ много разсуждаютъ: ваше дѣло любить насъ и нравиться намъ!—при этомъ онъ взглянулъ такъ, что спорить съ нимъ у меня пропала всякая охота.

— Эфендимъ!—громко и фамильярно обратился къ нему евнухъ:—когда же мы тронемся отсюда? Давно пора: рыбаки уже возвращаются къ берегу—то-то будетъ скверно, если они увидятъ тебя [1]) съ франкой—забирай ее скорѣй!..

Тафти вздрогнулъ, точно просыпаясь, а затѣмъ, безъ всякихъ усилій приподнявъ меня на руки, перенесъ въ каикъ. Гребецъ взмахнулъ веслами, и наша утлая ладья, воздушная, какъ птичка, развернувъ свой парусъ, помчалась впередъ, ныряя съ волны на волну.

Вѣтеръ приносилъ ароматъ цвѣтущихъ рощъ и долинъ; за бортами въ струяхъ воды играли рефлексы лучистаго неба, а томная луна, плавая надъ міромъ, ласково и нѣжно смотрѣла мнѣ прямо въ глаза.

Спутникъ мой, задумчивый и блѣдный, управляя рулемъ, внимательно слѣдилъ за ходомъ фелуки, которую подбрасывало и швыряло то вправо, то влѣво крупною зыбью съ бѣлыми гребешками.

Вскорѣ мы выбрались изъ области волненія и перешли въ полосу затишья восточной бухты, куда не доносились бурные порывы сирокко, дувшаго съ береговъ Африки. Здѣсь море, сверкая огненными бликами луннаго свѣта, съ нѣжнымъ рокотомъ наполняло дремавшую атмосферу звучностью своей вѣчной мелодіи; цѣлый дождь брильянтовыхъ капель сыпался къ намъ въ лодку при каждомъ взмахѣ весла—декорація этой чудной, голубой ночи могла присниться развѣ только художнику или поэту...

Тафти бросилъ руль, и мы закачались надъ бездонной глубиной.

— Что же, успокоилась ты, наконецъ?.. Вѣришь ты мнѣ?—вѣришь, что я привязанъ къ тебѣ всѣми фибрами души?—спрашивалъ онъ отрывистымъ шепотомъ, привлекая меня къ себѣ.

— Да! да!—былъ мой отвѣтъ, и необъятная полнота радости широкимъ потокомъ вдругъ хлынула къ сердцу—тогда счастіе быть всегда съ нимъ представилось мнѣ такимъ громаднымъ, такимъ безграничнымъ, что стало казаться прямо невозможнымъ!

Все еще потрясенная, но безъ борьбы уже захваченная въ плѣнъ

---

[1]) Въ турецкомъ языкѣ не принято наше вѣжливое „вы“ въ обращеніи къ единичному лицу, и даже рабы говорятъ своимъ господамъ „ты“.

фатальной силой его удивительнаго очарованія, я жадно слушала слова любви, воображая, что у меня выросли крылья, и мы оба летѣли къ новымъ горизонтамъ, за которыми скрывался путь, усѣянный розами.

— Мы побѣдимъ и возьмемъ свое счастіе,—говорилъ онъ какъ бы въ экстазѣ:—Довольно я страдалъ и задыхался въ тискахъ гаремнаго фанатизма, а теперь хочу снять цѣпи и зову тебя раздѣлить со мною жизнь. Но чтобы успокоить твою совѣсть клянусь тебѣ священнымъ именемъ пророка и честью мусульманина, что всегда ты будешь моей единственной женой и что ни одна женщина не станетъ между нами—такъ пусть же это словесное обѣщаніе замѣнитъ намъ документъ брачнаго контракта.

Онъ прислонился головой къ моему плечу и съ пылкой страстью обнималъ меня, а я, не отрывая глазъ, любовалась имъ, размышляя о томъ, что счастіе только въ любви и что разумъ никогда не побѣдитъ сердца.

— Греби къ западной косѣ! — крикнулъ Тафти нубійцу. Широкая волна подхватила насъ и унесла за предѣлы внѣшняго рейда, въ сторону отъ сѣвернаго берега залива, гдѣ на фонѣ городского бульвара выступали контуры зданія нашего русскаго консульства съ мачтой надъ крышей для національнаго флага, этой святой эмблемы далекой родины.

Во мнѣ что-то болѣзненно дрогнуло и словно магнитомъ потянуло къ тому, что, казалось, ушло безвозвратно отъ моего существованія. Однако, почему же такъ?.. Ахъ, если бъ можно было отвѣчать на всѣ „почему“ и „отчего“, то вѣроятно мы жили бы какъ боги.

— Мой дорогой, ненаглядный, — заговорила я не совсѣмъ увѣренно, какъ бы не рѣшаясь подойти къ рискованной темѣ: — вернемся назадъ — оттуда ближе до города.

— Нѣтъ! — рѣзко возразилъ онъ: — твой маршрутъ никуда не годится.

Слишкомъ хорошо знакомая съ его нравомъ, я удержалась отъ протеста.

Ночь таяла, расплываясь въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ; лиловые туманы бродили по склонамъ горъ, всползая на ихъ вершины; звѣзды одна за другой уплывали неизвѣстно куда.

Вотъ и Большая Медвѣдица свалилась на край небосклона и стала блѣдная, блѣдная... Мнѣ тогда же пришло на умъ, что она непремѣнно сказала бы: „какъ я устала, какъ уморилась, перетаскивая съ мѣста на мѣста, отъ экватора къ полюсу и обратно эту громоздкую, тяжелую колесницу — пора, пора заснуть!“

Навстрѣчу могучему солнцу уже вышла прелестная Венера, звѣзда любви, и улыбалась тѣмъ, кто не спалъ, а любовался ея красотой.

Крикъ чайки огласилъ воздухъ и послужилъ точно сигналомъ къ пробужденію мусульманскаго міра: съ бастіона крѣпости ударила пушка Езана [1]); ей отвѣтила военная эскадра, и тотчасъ же съ вышки минарета запѣлъ муэдзинъ: „Ла иль Алла иль Аллахъ, ве Мухаметъ ресулъ Аллахъ!“

Гребецъ направилъ фелуку къ песчанымъ отмелямъ косы и причалилъ ее вплотную къ берегу.

— Ну, идемъ! — сказалъ мой дорогой спутникъ, чрезвычайно огорченный необходимостью разлуки: по этой дорогѣ никто не ходитъ, а слѣдовательно нѣтъ основаній тревожиться, что насъ увидятъ.

И мы рука объ руку тронулись въ путь.

— Да, полно, не волнуйся, драгоцѣннѣйшее мое сокровище! — говорилъ онъ съ выраженіемъ тоски въ голосѣ: — у васъ еще будутъ спать, когда ты уже вернешься въ свою комнату. Двери, конечно, намъ отворитъ Али — я прикажу ему не болтать, и онъ не осмѣлится, понятно!...

Но меня захватила минута другого настроенія: я, наконецъ, поняла, что зашла нѣсколько дальше, чѣмъ сама того ожидала, и представила себѣ положеніе вещей въ настоящемъ ихъ видѣ, а затѣмъ печальныя недоразумѣнія отсюда въ служебной карьерѣ моего дяди, замѣнявшаго мнѣ родного отца.

— Нѣтъ, Тафти, нѣтъ! — возражала я, задыхаясь въ страстномъ порывѣ раскаянія, какъ бы желая укрыться отъ чего-то преступнаго и недостойнаго моего сердца: — нельзя начинать съ предательства: Богъ не благословитъ нашего брака — все равно, у меня не хватитъ рѣшимости и настолько злой воли, чтобы обмануть дядю и тетю...

— Вотъ какъ?!..—протянулъ онъ, сжимая мнѣ руки до боли и сверкая зрачками: — это уже мѣняетъ сущность дѣла!.. говори, что дальше?..

— Я буду на колѣняхъ умолять ихъ, — былъ мой отвѣтъ: — они такъ добры, такъ великодушны...

— Однако, тебѣ по всѣмъ вѣроятіямъ очень спать хочется, и ты начинаешь грезить на яву, не давая мнѣ высказаться,—съ нехорошей усмѣшкой перебилъ Тафти: — а иначе, какъ объяснить твою фантазію? Ну, можно ли даже подумать, что представитель

---

[1]) Молитва передъ восходомъ солнца.

государства, чиновникъ Русской Короны, возьметъ на себя иниціативу сближенія православной, да еще родной племянницы съ магометаниномъ? Правда, что Создатель не одарилъ васъ, женщинъ, такимъ разумомъ, какъ мужчину, но соображать все-таки надо! — прибавилъ онъ убѣжденно. Здѣсь, конечно, ярко сказалось мусульманское предубѣжденіе по отношенію къ женскому полу вообще.

— Боже мой, какой мракъ! — думалось мнѣ, и почва стала уходить изъ-подъ ногъ.

А въ то же время мой собесѣдникъ продолжалъ:

— Тяжело и обидно все это; но что подѣлаешь, если такова печальная необходимость! Писанный законъ одно, а законъ сердца — другое; не могу же я по указаніямъ дипломатіи, напримѣръ, не любить тебя и отвернуться отъ счастія, которое такъ неудержимо манитъ съ себѣ...

Слова эти подѣйствовали на меня, какъ шампанское, и голосъ разсудка оказался безсильнымъ въ борьбѣ съ чувствомъ.

— Никакой законъ и никакая власть на землѣ не оторвутъ моего сердца отъ твоего! — съ увѣренностью любви сказала я, воображая, что непремѣнно все такъ и будетъ, какъ представлялось мнѣ тогда.

— Благодарю тебя, моя радость, моя свѣтлая мечта! — отвѣтилъ онъ съ глубокимъ волненіемъ и прибавилъ: — да развѣ стоитъ жить, если ты не будешь со мной...

— Бѣдный, милый дядя! — ласкаясь къ плѣнительному красавцу и прислушиваясь къ упрекамъ совѣсти, размышляла я, глотая непрошенную слезу: — гдѣ искать теперь выхода, когда жребій уже брошенъ?.. Впрочемъ... — И по неуловимой ассоціаціи идей въ глубинѣ моего сознанія вдругъ открылась тайная лазейка...

Заря разгоралась по всему небосклону, и въ сіяніи наступавшаго дня угасала прелестная Венера.

Мы подошли къ дому. Окна вездѣ были прикрыты ставнями — крѣпкій утренній сонъ еще царилъ подъ крышей моего жилища.

— Вотъ сюда уже не будетъ возврата—я унесу тебя въ другую жизнь, — сказалъ мой женихъ, указывая на фронтонъ консульства, гдѣ величественно красовался „двуглавый орелъ“, священный символъ великой русской державы.

И опять что-то болѣзненно задрожало во мнѣ.

Но прежде, чѣмъ разстаться, мы обмѣнялись жаркими объятіями и клятвами — такимъ образомъ судьба моя была рѣшена безповоротно.

На осторожный стукъ въ дверь вышелъ кавасъ.

Тогда неожиданно разыгралась сценка, которая могла бы насмѣшить посторонняго наблюдателя. Обыкновенно чрезвычайно почтительный нашъ милый Али вмѣсто того, чтобы отдать воинскую честь адъютанту паши, бросился назадъ къ двери, затѣмъ вернулся, протеръ себѣ глаза и, наконецъ, вся фигура окончательно растерявшагося старика преобразилась въ полнѣйшее, безграничное недоумѣніе; но во взглядѣ его, какъ по книгѣ, не трудно было прочитать: благородный эфенди и въ роли провожатаго—да еще кого?—женщины, христіанки! Нѣтъ! здѣсь прямо навожденіе дракона, точно для этого не существуютъ голодные, турецкіе солдаты? Ну и пусть себѣ гяуры нанимаютъ ихъ за деньги! но офицеръ арміи Падишаха...

Тафти отозвалъ его въ сторону и что-то сказалъ ему, а затѣмъ удалился.

— Маленькая кокона! — робко и нерѣшительно обратился ко мнѣ Али, видимо смущенный до глубины души такимъ невѣроятнымъ по его мусульманскому міровоззрѣнію событіемъ, —если господа спросятъ меня, съ кѣмъ ты пришла, такъ что же я скажу имъ? высокородный бей приказалъ никому не говорить, что онъ провожалъ тебя?..

Не знаю почему, но мнѣ стало ужасно весело, когда я взглянула на забавно растерянную физіономію нашего добраго, вѣрнаго стража, какимъ онъ и былъ въ дѣйствительности до послѣдняго дыханія своей жизни.

— Милый, хорошій Али, — былъ мой отвѣтъ: — ты разскажешь имъ то, что видѣлъ собственными глазами — вотъ и все!

Онъ только развелъ руками и, укоризненно качнувъ головой, двинулся впередъ, чтобы проводить меня наверхъ.

— Да охранитъ тѣнь Аллаха твой сонъ! — услышала я пожеланіе, съ которымъ и вошла къ себѣ въ комнату.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Страницы изъ годовъ моей жизни.

(Проекты памятниковъ Ломоносову и Островскому).

Кромѣ иниціативы сооруженія памятника Императрицѣ Екатеринѣ II въ Одессѣ, мною было предложены на обсужденіе въ „Русской Старинѣ“ (сентябрь 1889 г.) еще проекты памятниковъ, ожидающимъ своей очереди славнымъ дѣятелямъ русскимъ, а именно: въ Петербургѣ—Ломоносову, а въ Москвѣ—Островскому.

По поводу перваго изъ нихъ у меня возникла даже не безъинтересная переписка съ извѣстнымъ въ то время общественнымъ дѣятелемъ, гласнымъ с.-петербургской думы, тайнымъ совѣтникомъ Иваномъ Ивановичемъ Домонтовичемъ. Вотъ что было у меня напечатано по этому поводу:

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ с.-петербургская дума постановила наименовать садъ у Чернышева моста—Ломоносовскимъ. (Здѣсь редакторъ-издатель „Русской Старины“ Мих. Ив. Семевскій дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Съ удовольствіемъ вспоминаемъ, что это наименованіе дано красивому этому садику—по нашему предложенію, сдѣланному нами, какъ гласнымъ спб. городской думы, въ одномъ изъ ея засѣданій. Кстати замѣтить, что слѣдовало бы этотъ садикъ нѣсколько расширить, такъ какъ размѣръ площади и объѣздовъ вокругъ садика вполнѣ это допускаетъ“. Ред.). Съ тѣхъ поръ прошло не мало времени, и Петербургъ, гдѣ протекла благотворная для Россіи дѣятельность великаго Ломоносова, гдѣ покоится прахъ его и откуда по словамъ поэта:

„Свѣтильникъ свой онъ воспалилъ
И, высоко держа во длани,
Весь край родной имъ озарилъ“,—

не сдѣлалъ ничего болѣе для увѣковѣченія памяти могучаго русскаго генія, одно имя котораго есть русское народное знамя въ области мысли, слова и науки и у котораго по словамъ другого поэта:

„Какъ Русь сама, широкъ былъ геній
И всеобъемлющъ умъ его,
И на листахъ его твореній
Не позабыто ничего“...

Было бы, поистинѣ, не достойно столицы и внушало бы глубокое сожалѣніе, если бы такое, болѣе чѣмъ скромное, отношеніе ея къ памяти Ломоносова тѣмъ только и ограничилось. Удачно положенное начало, напротивъ того, вызываетъ невольно на мысль о довершеніи дѣла постановкой подобающаго ему памятника. Мѣстомъ для такого памятника могъ бы послужить тотъ же переименованный садикъ. Здѣсь, въ виду Министерства Народнаго Просвѣщенія, общества русскихъ литераторовъ и географическаго, 6-ой гимназіи, вблизи коммерческихъ училищъ, двухъ театровъ, народнаго апраксинскаго училища, консерваторіи, театральнаго училища и, наконецъ, того управленія, которое, по словамъ указа, подписаннымъ Царемъ-Освободителемъ въ день столѣтняго поминовенія Ломоносова 6 апрѣля 1865 г. (въ самый день св. Пасхи), имѣло прямою цѣлью „дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства“ — было бы совсѣмъ кстати возвышаться и памятнику родоначальника русскаго творчества“—Что касается до воспроизведенія самого памятника, то, выражая пожеланія, чтобы онъ не походилъ ни на Архангельскій, ни на Московскій, я указываю на то, что наиболѣе подходящею моделью для памятника Ломоносова могла бы послужить та картина Венеціанова, въ которой художникъ изобразилъ его молодымъ рыбакомъ, обувающимся въ лапоть и готовящимся покинуть родину и идти въ далекій путь для выполненія своего призванія. Развивая далѣе эту мысль, я заключаю мою статью слѣдующими словами: „Вотъ настоящій Ломоносовъ, пластическое олицетвореніе генія въ своемъ первобытномъ, народномъ образѣ, и вотъ какого памятника недостаетъ ему, чтобы полюбиться всѣмъ отъ мала до велика и стать такимъ же популярнымъ, какъ теперь безподобный памятникъ „дѣдушки Крылова“. Оригиналъ упомянутой

картины находится въ Эрмитажѣ. Для полнаго впечатлѣнія, эффекта и контраста ради, можно было бы вставить въ пьедесталъ памятника еще и бюстъ его же, Ломоносова, въ томъ его изображеніи, въ какомъ онъ сталъ извѣстенъ всѣмъ впослѣдствіи, по достиженіи апогея своей славы; *но основная фигура памятника, казалось бы, должна быть непремѣнно взята цѣликомъ съ картины Венеціанова*".

По поводу этой статьи моей, какъ я уже сказалъ, у меня завязалась переписка съ И. И. Домонтовичемъ, два письма котораго уцѣлѣли въ моихъ бумагахъ. Привожу ихъ здѣсь цѣликомъ:

Письмо 1-е

М. Г. А. Е.

За много лѣтъ предъ симъ заявлена была мною въ Петербургской Думѣ мысль о постановкѣ въ Александровскомъ нашемъ саду бюстовъ знаменитыхъ русскихъ писателей и др. дѣятелей. Она принята была всѣми благосклонно, но въ исполненіи должна была пріостановиться по недостатку свободныхъ денежныхъ средствъ. Къ счастью, въ нынѣшнемъ году (6 февраля) Дума нашла возможнымъ назначить сумму на постановку еще одного бюста: бюста Ломоносова въ садикѣ его имени. Это назначеніе, меня порадовавшее, доставило мнѣ и пріятный случай получить сочувственное письмо Ваше отъ 12 февраля. Благодарю Васъ за сдѣланное Вами указаніе на статью Вашу о проектѣ памятника, помѣщенную въ сентябрьской книжкѣ „Русской Старины" 1889 г. Съ полнымъ сочувствіемъ къ ревнителю такой идеи, какъ памятникъ Ломоносову, я прочиталъ статью Вашу съ полнымъ вниманіемъ. По прочтеніи отправился въ Эрмитажъ посмотрѣть картину Венеціанова. На вопросъ мой, гдѣ виситъ эта картина, эрмитажный придворный служитель отвѣтилъ мнѣ сначала, что такой картины нѣтъ, а потомъ прибавилъ, что называютъ нѣкоторые Ломоносовымъ нарисованнаго Венеціановымъ мальчика, и указалъ мнѣ на эту небольшую картину, писанную масляными красками. По выраженію лица мальчика я убѣдился, что это та самая картина, на которую Вы указываете въ Вашей статьѣ—удачный идеальный портретъ Ломоносова-отрока въ деревенскомъ быту.

За что же считаютъ эту картину въ Эрмитажѣ? Оказалось, что въ печатномъ каталогѣ эрмитажной галлереи русской школы (2 изд. СПБ. 1890) она показана такъ: „№ 1573. Молодой русскій крестьянинъ. На немъ бѣлая рубашка и холщевые штаны. Онъ сидитъ въ деревенской комнатѣ на сундукѣ и надѣваетъ лапти. Возлѣ него

на бочкѣ шапка и рукавицы. Вдали сѣрый занавѣсъ, висящій на веревкѣ“, При этомъ объяснено, что картина Венеціанова имѣетъ въ длину 8½, въ ширину $6^3/_8$ вершка.

Потомъ видѣлъ я литографію съ этой картины, помѣщенную въ извѣстномъ литографированномъ изданіи эрмитажной галлереи, издававшемся французомъ Paul Petit въ СПБургѣ въ 50-хъ или 60-хъ годахъ. На литографіи сверху надпись: Vénétsianoff, а внизу: Paysan russe. Крестьянскій мальчикъ.

Нигдѣ имени Ломоносова не приведено, и эрмитажный надсмотрщикъ повидимому не вѣритъ, чтобы это былъ портретъ Ломоносова. Интересно бы знать, сохранилось ли это преданіе только изустно, или есть печатныя на него указанія. Не припомните ли Вы, какимъ путемъ оно до Васъ дошло; не случалось ли Вамъ читать о немъ въ какихъ-либо статьяхъ, касающихся Ломоносова, Венеціанова и т. п., куда оно могло хотя-бы случайно попасть.

Въ статьѣ Вашей приведено два отрывка изъ стихотворенія о Ломоносовѣ: одинъ (Свѣтильникъ...) въ 3 строки, другой (Какъ Русь...) въ 4 строки. Весьма обязать изволите, если сообщите имена авторовъ и самыя заглавія стихотвореній.

Благодарю вновь за Ваше письмо отъ 12 февраля, прошу Васъ принять увѣреніе и проч. Ив. Домонтовичъ. 7 марта 1891.

Письмо 2-е.

25 марта 1891.

М. Г. А. Е.

Городская Управа, желая ускорить составленіемъ рисунка для сооруженія бюста Ломоносова въ скверѣ, обратилась ко мнѣ съ просьбой указать на то, какіе по мнѣнію моему стихи помѣстить на пьедесталѣ.

Мнѣ бы казались очень соотвѣтственными стихи, приведенные въ Вашей статьѣ о памятникѣ Ломоносову („Рус. Старина“ сентябрь 1889 г.).

Какъ Русь сама широкъ былъ геній
И всеобъемлющъ умъ его,
И на листахъ его твореній
Не забыто ничего...

Но нужно бы подписать подъ ними имя автора, а отыскать его не могу. Перелистовалъ Пушкина, но стиховъ этихъ у него не нашелъ; спрашивалъ лично у Аполлона Ник. Майкова, онъ очень ихъ одобряетъ, но говоритъ, что не онъ ихъ авторъ, и думаетъ,

что не написалъ ли ихъ Хомяковъ. Не изволите ли припомнить имя автора и самое заглавіе стихотворенія; если можно, хотѣлось бы указать Управѣ и на книгу, въ которой оно помѣщено.

Прошу принять увѣреніе и проч.

Иванъ Домонтовичъ.

Въ отвѣтныхъ письмахъ моихъ почтенному петербургскому общественному дѣятелю, я далъ требуемыя имъ свѣдѣнія какъ относительно картины Венеціанова, такъ и относительно стиховъ, приведенныхъ въ моей статьѣ. О первой я сообщилъ ему, что приписываемое на ней по преданію изображеніе Ломоносова-отрока извѣстно было мнѣ давно, при частыхъ посѣщеніяхъ моихъ Эрмитажа отъ завѣдывавшаго въ ту пору отдѣломъ русской школы, гдѣ эта картина находится; что же касается стиховъ, то они были заимствованы мной изъ „Описанія празднества, бывшаго въ С.-Петербургѣ 6—9 апрѣля 1865 года по случаю столѣтняго юбилея Ломоносова“, составленнаго П. Мельниковымъ и изданнаго Ломоносовскимъ комитетомъ для продажи въ пользу Ломоносовскаго капитала на учрежденіе стипендій и проч. (СПБ., 1865 г. типогр. „Общественная польза“, 6 стран. in gr. folio) и принадлежатъ стихи эти М. П. Розенгейму, прочитаны же они были на торжествѣ И. А. Гончаровымъ.

Памятникъ Ломоносову красуется въ настоящее время въ скверѣ его имени въ Петербургѣ, но скомпонованъ онъ наоборотъ того, какъ я предлагалъ: фигура Ломоносова-отрока изображена въ медальонѣ, вставленномъ въ пьедесталъ, а на верху послѣдняго поставленъ бюстъ писателя, гдѣ онъ изображенъ въ непонятномъ для простолюдина видѣ—парикѣ и французскомъ костюмѣ той эпохи, вслѣдствіе чего о популярности и значеніи его среди народа не можетъ быть и рѣчи. Въ то же время и стихотвореніе для памятника, столь понравившееся Домонтовичу и Майкову, было замѣнено инымъ — Пушкинскимъ:

Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студенаго моря,
Мальчикъ отцу помогалъ и проч.

Относительно памятника А. Н. Островскому, я выразилъ въ проектѣ моемъ слѣдующія основныя мысли:

1) памятникъ Островскому долженъ быть воздвигнутъ въ Москвѣ, и мѣстомъ для него должна быть избрана та часть первопрестольной, откуда почерпалъ свои безсмертные типы покойный драматургъ, т. е. Замоскворѣчіе;

2) считая выраженіе народной признательности къ заслугамъ покойнаго писателя въ видѣ театра-памятника наиболѣе подходящей и желательной, думаю, что всякая иная форма не могла бы болѣе удачно увѣковѣчить его память;

3) чтобы этотъ театръ-памятникъ былъ въ стилѣ русской архитектуры, чтобы въ немъ, какъ въ музеѣ, было собрано все, что имѣетъ отношеніе къ тому, въ честь котораго онъ сооруженъ и именемъ котораго онъ долженъ называться и

4) чтобы на сценѣ этого театра давались преимущественно пьесы Островскаго, въ которыхъ подвизались бы и развивали свой талантъ русскіе молодые даровитые артисты и т. д.

Съ сожалѣніемъ долженъ сказать, что до настоящаго времени Островскому нѣтъ памятника, хотя въ какой-то газетѣ я случайно прочелъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что въ Комитетѣ Общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ, на сооруженіе памятника въ Москвѣ А. Н. Островскому собрано денежныхъ пожертвованій по 1 января 1891 года—9.781 р. 89 к. Съ тѣхъ поръ нигдѣ ничего не слышно о томъ, какъ подвигается это дѣло, и только недавно припомнили и заговорили газеты объ Островскомъ по случаю найденнаго дома рожденія его въ Москвѣ и прибитія на этомъ домѣ мраморной доски съ соотвѣтствующей надписью. Увы! Туги и неповоротливы русскіе люди къ увѣковѣченію памяти великихъ представителей отечественной литературы, науки и искусства!..

Анатолій Егоровъ.

Изъ воспоминаній о Царскомъ Селѣ.

„Ничто не исчезаетъ изъ стараго все развивается и новая жизнь наплываетъ на старые обломки.“ *Гете.*

Въ Царскомъ Селѣ, гдѣ теперь на углу Малой и Конюшенной улицы возвышается красивой архитектуры большая двухъэтажная вилла, принадлежащая генералу Скалону, стоялъ въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія—хорошенькій, небольшой домъ съ мезониномъ—вдовы ротмистра лейбъ-гусарскаго полка Екатерины Петровны Слѣпцовой, рожденной княжны Шаховской.

Чрезвычайно уютный, съ небольшимъ балкономъ-галлереей; съ 4 ступеньками въ садъ, домъ моей бабушки представляется мнѣ, посѣтившей его, въ раннемъ дѣтствѣ, особенно привлекательнымъ.

Помнится мнѣ, что въ комнатахъ, выходящихъ на улицу, было всегда прохладно; что въ нихъ постоянно, даже въ солнечные дни, царилъ таинственный полумракъ, благодаря тѣмъ хорошенькимъ, матоваго стекла, съ нѣжными рисунками—ширмамъ, что стояли на окнахъ. Помнится также, что раскаленныя докрасна, проволочныя спирали курильницъ (которыхъ теперь уже нигдѣ не видно) разносили по всему дому ароматъ Eau de Lavande, смѣшаннаго съ запахомъ дорогого нюхательнаго французскаго табака, который бабушка въ золотой табакеркѣ имѣла всегда при себѣ. Эта прохлада, таинственный полумракъ и благоуханіе придавали такую привлекательную особенность этому дому, были такъ присущи ему, что безъ нихъ мнѣ трудно представить себѣ всю обстановку: ста-

ринную массивную мебель, тяжелую, цѣнную бронзу, портреты, миніатюры и проч., относящееся до той эпохи, до того далекаго прошлаго.

Расположеніе комнатъ, какъ и число ихъ, не сохранилось въ моей памяти; припоминается мнѣ только, почему-то смутно, прохладная маленькая столовая, гдѣ на правой сторонѣ отъ входа висѣла извѣстная большая гравюра, изображающая Императора Николая I-го въ шинели и каскѣ, въ саняхъ, запряженныхъ воронымъ рысакомъ. Разстилавшіяся по всему дому, ковровыя дорожки были закрыты бѣлоснѣжными половиками; на террасѣ стояли оригинальные садовые стулья, въ видѣ римской цифры X изъ мелкихъ зеленыхъ брусковъ. Всего четыре ступеньки вели въ садъ, съ большими высокими липами,—выходившій одной стороной на улицу и граничащій каменной стѣной зданія придворнаго конюшеннаго вѣдомства—съ другой.

Лучше, яснѣе всего прочаго, сохранилось въ моей памяти представленіе о хорошенькомъ маленькомъ дворикѣ, на которомъ были особенно сосредоточены заботы дворника поляка Степана (состоявшаго денщикомъ при дядѣ, въ венгерской кампаніи 1854 года). Болѣе чистаго параднаго дворика я не встрѣчала во всю послѣдующую жизнь,—укатанный, ровный, усыпанный пескомъ, онъ былъ обсаженъ кустами сирени и шпалерами высокорослыхъ георгинъ.

Изъ этого дома, въ 1831 году, въ составъ лейбъ-гусарскаго полка подъ командою графа Гр. Ив. Ностица выступалъ въ походъ, для усмиренія польскаго мятежа, владѣлецъ его, ротмистръ Ник. Серг. Слѣпцовъ. Заливаясь слезами, при проводахъ мужа, бабушка какъ бы предчувствовала, что живымъ не суждено ему вернуться подъ гостепріимную кровлю царскосельскаго дома и что она навѣки разстается съ нимъ! Онъ умеръ въ варшавскомъ госпиталѣ отъ воспаленія мозговыхъ оболочекъ, вслѣдствіе 17-ти сабельныхъ ранъ, нанесенныхъ ему въ штурмѣ предмѣстья Праги 26-го августа 1831 года.

На картинѣ извѣстнаго батальнаго живописца профессора Вильвальда, исполненной по заказу Императора Александра II, въ 1869 году, находящейся въ его кабинетѣ Зимняго дворца, изображенъ тотъ моментъ атаки, когда во время жаркаго боя, старый типичный гусарскій вахмистръ тщетно пытался отразить ударъ врага надъ головой ротмистра Слѣпцова, своего эскадроннаго командира. Потерявшій сознаніе, упавшій съ лошади, онъ былъ доставленъ въ варшавскій военный госпиталь, гдѣ, несмотря на заботливый уходъ, умеръ отъ ранъ, нанесенныхъ сабельными ударами, на 44-мъ году жизни.

Не было въ то время ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ и нескоро черезъ фельдъ-егеря дошла до бабушки роковая вѣсть о кончинѣ ея мужа, погребеннаго на Повонзковскомъ кладбищѣ, возлѣ павшихъ съ нимъ одновременно двухъ боевыхъ его товарищей, Мурузи и Кирѣевскаго (въ 3 ряду 25-го квартала).

Тяжелое предчувствіе бабушки при снаряженіи мужа въ походъ оправдалось; веселая, живая, любившая свѣтъ, танцы, выѣзды, она, овдовѣвъ, стала вести уединенную замкнутую жизнь въ царскосельскомъ домѣ, особенно дорогомъ по воспоминаніямъ о покойномъ мужѣ.

Императоръ Николай I-й, выразивъ вдовѣ искреннее сочувствіе въ понесенной ею утратѣ, принялъ горячее, живое участіе въ осиротѣвшей семьѣ.

Шестилѣтній сынъ Павелъ [1]) былъ немедленно принятъ въ Пажескій Корпусъ, а малолѣтняя дочь Софья (моя мать) зачислена на Николаевскую половину Смольнаго Института.

Бабушка осталась жить въ Царскомъ Селѣ, окруженная множествомъ друзей, какъ лично своихъ, такъ и покойнаго мужа. Одними изъ наиболѣе близкихъ была семья генерала Мердера [2]), жена его Сарра Николаевна (англичанка по рожденію, любившая горячо Россію, какъ свою вторую родину) и дѣти ихъ, изъ которыхъ старшій Петръ Карловичъ (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ) былъ ровесникомъ и товарищемъ моего дяди по корпусу. Со всѣми остальными: Николаемъ (начальникомъ дивизіи), Иваномъ Карловичами [3]) и дочерьми М. К. Бидзевской и А. К. Анненковой [4]) бабушка поддерживала до самой смерти своей самыя дружескія отношенія. Помнятся мнѣ имена: царскосельскаго коменданта генерала Закржевскаго (чрезвычайно требовательнаго ко всему, что относилось до внѣшняго порядка, въ особенности парка и оранжерей), протоіерея Помяловскаго [5]) и другихъ.

Но самымъ близкимъ, дорогимъ другомъ была вдова ея единственнаго брата-близнеца князя Ѳедора Петровича Шаховскаго — княгиня Наталія Димитріевна, рожденная княжна Щербатова. Кня-

---

[1]) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, пользовавшійся до самой смерти особеннымъ расположеніемъ Императора Александра II.

[2]) Которому вмѣстѣ съ В. А. Жуковскимъ и Кавелинымъ было поручено Императоромъ Николаемъ I воспитаніе Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича.

[3]) Почетнымъ опекуномъ, скончавшимся въ декабрѣ 1901 года.

[4]) Начальница Коломенской гимназіи.

[5]) Отецъ профессора-археолога, извѣстнаго филолога И. В. Помяловскаго, впослѣдствіи ректора С.-Петербургскаго университета.

гиня Наталія Димитріевна не только по мужу, но и по отцу находилась въ родствѣ съ Е. П. Слѣпцовой, такъ какъ мой прадѣдъ, князь Петръ Ивановичъ Шаховскій [1]) былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ Щербатовой.

Съ невѣсткой своей, княгиней Наталіей Димитріевной много выѣзжала въ свѣтъ бабушка въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія; съ нею всегда дѣлила она горе и радость. Княгиня Наталія Димитріевна, которую помню я въ Москвѣ въ 70-хъ годахъ минувшаго вѣка уже почтенной глубокой старухой, сохранившей свѣжую память и гибкость ума, была по энергіи, твердости характера, образованію, уму и безпредѣльной добротѣ и отзывчивости замѣчательно выдающеюся женщиной. Горячо любя своего мужа, одного изъ декабристовъ (единомышленника Пестеля, Каховскаго, Муравьева и пр.), она въ 1825 году безъ колебаній и сожалѣній, покинувъ столицу, послѣдовала за нимъ въ ссылку; совершивъ трудный путь безропотно, покорно переносила всѣ труды, лишенія и невзгоды—тяжелой суровой жизни. Когда въ 1831 году умеръ въ Сибири мужъ ея, она съ двумя малолѣтними дѣтьми князьями Иваномъ [2]) и Дмитріемъ [3]) прибыла въ Москву, чтобы быть ближе къ единственной старшей сестрѣ своей княжнѣ Елизаветѣ Димитріевнѣ Щербатовой, жившей зимой въ своемъ домѣ-особнякѣ на Малой Никитской (близъ Трубнаго переулка) и проводившей лѣто въ своемъ подмосковномъ имѣніи Рождественскомъ.

Тѣсно связанныя узами дружбы и родства—невѣстки Е. П. Слѣпцова и княгиня Н. Д. Шаховская вели дѣятельную переписку на французскомъ языкѣ. Письма эти, какъ по содержанію, такъ и по стилю представляютъ особенный интересъ, и многія изъ нихъ, какъ напримѣръ относящіяся къ смерти ротмистра Слѣпцова, помѣчены 21 октября 1831 года, проникнуты такой глубокой вѣрой, исполнены такой философской мудростью, что съ наслажденіемъ перечитываются черезъ 67 лѣтъ и сохраняются тщательно нами-потомками.

---

[1]) Впослѣдствіи новгородскій генералъ-губернаторъ, вторично женатъ на Матренѣ Михайловнѣ Кутузовой.

[2]) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, командиръ 13 арм. корпуса, скончавшійся въ 1891 году и погребенный въ Кіевѣ, женатый 1-мъ бракомъ на графинѣ Ек. Ст. Бержинской, 2-мъ бракомъ на вдовѣ А. Ю. Михайловской.

[3]) Предводитель дворянства Рузовскаго уѣзда Москов. губ., женатый на княжнѣ Нат. Бор. Святополкъ-Четвертинской, начальницѣ общины „Утоли моя печали“ въ Москвѣ.

Въ одномъ только расходились обѣ женщины, чрезвычайно сходныя по воспитанію, уму, характеру; а именно, въ своемъ отношеніи къ личности Императора Николая I. Тогда какъ вдова ротмистра Слѣпцова, искренно благодарная Императору за его великодушное участіе къ ней и нѣжную заботу о ея дѣтяхъ, питала къ нему чувство глубокой благоговѣйной признательности; вдова, декабриста княгиня Наталія Димитріевна, за утвержденіе Императоромъ суроваго приговора верховнаго суда—не могла побороть въ себѣ чувства непріязни, горькой обиды за ссылку въ Сибирь, опалу любимаго мужа. Поселившись въ Москвѣ, она непріязненно, почти враждебно относилась къ Петербургу и мало интересовалась тѣми придворными великосвѣтскими новостями, которыя сообщались ей невѣсткой и подругой Роз. Ил. Посьетъ (кн. Максутовой), женой бывшаго впослѣдствіи Министра Путей Сообщенія (1814—1888 г.). Несмотря на просьбы друзей и сына князя Ивана, командовавшаго въ 50-хъ годахъ эскадрономъ лейбъ-гусарскаго полка и жившаго въ Царскомъ Селѣ, княгиня Наталія Димитріевна не соглашалась хотя бы на время покинуть Москву.

Поселившись въ царскосельскомъ домѣ, бабушка во всю свою жизнь не заглядывала въ родовое имѣніе мужа Саратовской губерніи, Аткарскаго уѣзда (при деревнѣ Березовкѣ-Слѣпцовкѣ, около 800 душъ крестьянъ). Управляющій нѣмецъ Г., при ежегодномъ общемъ отчетѣ, представлялъ доходъ съ вотчинъ ей, какъ опекуншѣ малолѣтнихъ дѣтей, и она, незнакомая съ деревней, никогда не вникала въ хозяйство, ожидала совершеннолѣтія сына, чтобы предоставить ему право распоряженія родовымъ имѣніемъ, но, какъ оказалось впослѣдствіи, дядя также индифферентно отнесся къ владѣнію отцовскимъ наслѣдіемъ, и распоряженіе имъ осталось въ прежнихъ рукахъ. Онъ по окончаніи курса въ 1850 году, по совѣту товарищей, для совмѣстнаго служенія съ наиболѣе близкими изъ нихъ предполагалъ выйти въ конный полкъ, но Императоръ Николай Павловичъ самъ выразилъ желаніе, чтобы сынъ храбраго ротмистра Слѣпцова поступилъ въ ряды того же полка, на черныхъ скрижаляхъ котораго имя отца значилось въ спискѣ „за вѣру, Царя и отечество на полѣ брани животъ свой положившимъ“, и въ знакъ своего милостиваго благоволенія, препроводилъ пожалованный ему мундиръ лейбъ-гусарскаго полка.

Подобная же вторичная монаршая милость, пожалованія мундира лейбъ-гусарскаго полка, была оказана ему въ 1881 году уже внукомъ Императора Николая I-го Государемъ Императоромъ Александромъ III-мъ, прославшимъ ему—всю жизнь прослужившему

въ свитѣ его Августѣйшаго отца и беззавѣтно ему преданному—мундиръ Царя Мученика [1]).

Вскорѣ по выходкѣ изъ полка, П. Н. Слѣпцовъ былъ назначенъ адъютантомъ (вмѣстѣ съ П. К. Мердеромъ, А. В. Адлербергомъ и А. В. Паткулемъ) къ Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу. Когда окончившая съ золотою медалью Смольный Институтъ, мать моя С. Н. вышла замужъ за отца моего Мих. Ив. Бардакова, служившаго въ то время въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ [2]), то бабушка въ теченіе многихъ послѣдующихъ лѣтъ, не разставаясь съ своимъ единственнымъ, горячо любимымъ сыномъ, жила въ томъ царскосельскомъ домѣ, посѣщеніе котораго въ 1859 году сохранилось особенно ясно, свѣтло въ моей памяти.

Это было такъ давно... Съ того времени было пережито такъ много значительнаго, важнаго, знаменательнаго, что было окончательно позабыто, тогда какъ почему-то сильно,—на вѣки врѣзался въ память пріѣздъ въ раннемъ дѣтствѣ, впервые въ Царское Село. Это было, помнится мнѣ, въ іюнѣ 1859 года. Мнѣ было тогда лѣтъ 6, когда насъ съ сестрой (на годъ моложе меня) привезла къ бабушкѣ—наша бонна, потому что въ Петербургѣ внезапно заболѣлъ нашъ маленькій (всего нѣсколько мѣсяцевъ) братъ Митя. Я помню, что въ тотъ ясный лѣтній день мы застали на галлереѣ бабушку, тотчасъ отправившую насъ въ садъ, чтобы разспросить няню о причинѣ нашего неожиданнаго пріѣзда.

Бабушка, никогда не любившая дѣтей, относилась, на сколько я помню, ко всѣмъ намъ оффиціально. Помнится мнѣ, что насъ помѣстили въ маленькомъ мезонинѣ, выходившемъ тремя завѣшанными красными занавѣсками окнами—въ садъ.

Строго было предписано намъ не шумѣть и не надоѣдать бабушкѣ, проводившей большую часть дня на балконѣ за чтеніемъ Journal de S.-Pétersbourg или за перепиской съ друзьями, къ числу которыхъ принадлежалъ извѣстный тогда гомеопатъ докторъ

---

[1]) Который до сихъ поръ какъ святыня сохраняется въ нашей семьѣ.

[2]) Отецъ мой, человѣкъ ученый, многосторонне образованный, начитанный, принималъ, въ качествѣ члена различныхъ комиссій, большое участіе въ различныхъ государственныхъ преобразованіяхъ, которыми было такъ богато царствованіе Императора Александра II. Такъ по военному вѣдомству онъ участвовалъ въ комиссіи по реформѣ воинской повинности, въ Мин. Внутр. Дѣлъ по реорганизаціи сельскаго самоуправленія. Скончался въ 1884 году въ чинѣ дѣйств. статск. совѣтн. въ своемъ родовомъ имѣніи с. Чепелѣвкѣ Черниг. губ. Кролевецкаго уѣзда.

Дерикеръ [1]). Бабушка была горячей почитательницей знаменитаго Ганемана [2]) и не признавала врачей-аллопатовъ.

Рѣзвились мы вволю только въ гостяхъ у князя (И. Ѳ. Шаховскаго), такъ какъ высокая, стройная, изящная тетя Kitty болѣзненно блѣдная (рано умершая), всегда баловавшая насъ наравнѣ съ своими дѣтьми Nini [3]) и Тата [4]) и дарившая много игрушекъ, не запрещала бѣгать и рѣзвиться.

Въ домѣ бабушки, гдѣ всегда царилъ полумракъ, гдѣ такъ симметрично разставлена была старинная мебель, гдѣ по всѣмъ комнатамъ ковровыя дорожки были закрыты бѣлоснѣжными, съ красными каймами — половиками, мы старались ходить робко, неслышными шагами и говорить возможно менѣе громко.

Это было такъ давно, что недѣля, прожитая въ домѣ на углу Малой и Конюшной, представляется мнѣ сномъ—вѣроятно потому, что въ позднѣйшее время не пришлось бывать въ немъ, видѣть его такимъ, какимъ онъ былъ въ ту эпоху.

Съ представленіемъ о маленькомъ мезонинѣ, старыхъ липахъ небольшого сада, нарядномъ дворикѣ, усыпанномъ пескомъ, пробуждается въ памяти воспоминаніе о всѣхъ тѣхъ аксессуарахъ обстановки, что такъ рѣдко можно встрѣтить въ старыхъ родовыхъ усадьбахъ, что даютъ такое характерное стильное представленіе объ этомъ далекомъ прошломъ. Старинная массивная мебель, небольшіе клавикорды съ бронзовыми бляхами и 5-ю неполными октавами; высокіе серебряные подсвѣчники съ толстыми восковыми свѣчами и необходимою къ нимъ принадлежностью съ гравированными по стали рисунками, оригинальной формы щипцами, для сниманія нагара; старыя массивныя лампы карсель съ абажурами изъ плотной бѣлой бумаги, съ проколотыми и надрѣзанными узорами, — днемъ не имѣвшіе никакого вида, но удивительно эффектные при свѣтѣ, такъ какъ листья и цвѣты, подклеенные цвѣтной тонкой бумагой, рельефно выдѣлялись, образуя красивыя гирлянды.

Но самую необходимую принадлежность обстановки того времени составляли вышивки au petit point (Gobelin), надъ которыми проводили цѣлые дни, недѣли и мѣсяцы наши бабушки—изображая на экранахъ и подушкахъ: затѣйливыя фигуры охотниковъ съ большими ружьями, сюжеты сказокъ: Красная шапочка, Снѣгурочка или

---

[1]) Популярный лечебникъ гомеопатіи.

[2]) Фридрихъ Ганеманъ (1775—1843), извѣстный сочиненіемъ „*Organon*“.

[3]) Впослѣдствіи полковникъ Уланскаго Его Величества полка Ник. Ив. Шаховской.

[4]) Жена виленскаго губернатора П. В. Оржевскаго, находившаяся на Дальнемъ Востокѣ въ составѣ сестеръ милосердія Евгеніевской общины.

Котъ въ сапогахъ; пастушки съ бѣлыми барашками, рыцарей въ дорогихъ доспѣхахъ и обитательницъ средневѣковыхъ замковъ—въ богатыхъ причудливыхъ нарядахъ.

Всѣ эти незначительныя отдѣльности, щипцы для нагара, лампы карсель, благоуханія курильницы, наивно идиллическія вышивки бисеромъ и шелками, портреты предковъ, изящныя миніатюры на фарфорѣ, темные дагеротипы и пр., сдѣлавшіеся въ настоящее время антикварною рѣдкостью—имѣютъ въ совокупности большое значеніе, придаютъ какую-то couleur locale и составляютъ такую исключительную характерность обстановки первой половины минувшаго вѣка, что безъ нихъ невозможно представить себѣ существованіе людей, изображенныхъ на портретахъ въ мундирахъ и фракахъ, съ париками или прическами à la Titus и дамъ въ костюмахъ временъ Директоріи или съ куафюрами à la Lavalliere съ небольшими локонами. Такою именно, — въ бальномъ костюмѣ гранатнаго бархата съ короткой таліей и мелкими локонами изображена бабушка на большомъ портретѣ масляными красками и среди той устарѣвшей обстановки, такою молодою жизнерадостною преставляю я ее себѣ, а не худощавой, чопорной, подвижной, бодрой—изысканно одѣтой во все черное, какою была она въ послѣдніе годы своей жизни въ Петербургѣ среди совершенно иной обстановки.

Прошло много лѣтъ... На мѣстѣ стараго невысокаго дома съ мезониномъ возвышалась красивая двухъ-этажная вилла причудливой архитектуры, выстроенная въ началѣ 70-хъ годовъ по плану придворнаго архитектора Видова.

Массивная старомодная мебель, старинная бронза, какъ и устарѣвшая обстановка, была перенесена въ прилегающую къ главному зданію, одноэтажную пристройку, помѣщеніе бабушки, такъ какъ новый домъ составлялъ собственность моего дяди П. Н. Слѣпцова и его молодой жены (москвички С. Н., рожденной Батюшковой).

Все было ново, модно, стильно, красиво; не было ничего стараго, что бы могло внести дисгармонію.—У входа на лѣстницу во 2-й этажъ стояло на заднихъ лапахъ то самое чучело громаднаго медвѣдя, составлявшаго трофей Царской охоты въ Лиссинскомъ лѣсничествѣ, за котораго чуть не расплатился бы жизнью дядя, если бы раненаго, разъяреннаго звѣря, шедшаго на него,—во-время не отбилъ рогатиной подоспѣвшій егерь.

Сквозь стеклянную дверь столовой виднѣлся чудный уголокъ зимняго сада, съ стѣнами, обложенными губчатымъ камнемъ, съ акваріумомъ въ одномъ углу и небольшимъ фонтаномъ въ другомъ и массой пальмъ, цикосъ, латаній и цвѣтущихъ растеній.

Маленькій угольный будуаръ, весь обтянутый съ пола до потолка сѣрымъ съ розовыми цвѣтами кретономъ—заложеннымъ красивыми лучеобразными складками, имѣлъ видъ нарядной бонбоньерки. Съ увеличеніемъ площади, занимаемой домомъ, подвергся измѣненію и садъ со старыми липами, и сталъ значительно меньше. Но больше всего измѣнился до неузнаваемости хорошенькій дворикъ, вымощенный крупнымъ булыжникомъ, застроенный конюшней, экипажнымъ сараемъ, онъ сталъ необыкновенно тѣсенъ и неприглядeнъ.

Измѣнилась не одна только внѣшность дома, но и весь жизненный строй обитателей. Молодые, общительные, гостепріимные новые владѣльцы зажили иною—шумною свѣтскою жизнью. Дружное, тѣсно сплоченное высшее Царскосельское общество того времени умѣло принимать, жить и веселиться. Постоянно устраивались вечера, назначались jours fixe, собирались, чтобы пѣть, играть, декламировать. Особенно охотно посѣщались понедѣльники моего дяди П. Н. Слѣпцова.

Въ большой пунцовой гостиной радушнаго дома талантливый Ник. Егор. Сверчковъ [1]) дѣлалъ свои удачные смѣлые наброски, изображавшіе охоту, собакъ, лошадей, волковъ и пр.

Многіе изъ тѣхъ красивыхъ морскихъ видовъ, которые сохранились въ нашей семьѣ, были тогда же написаны акварелью Ив. Кон. Айвазовскимъ, посѣщавшимъ понедѣльники.

Много изящныхъ силуэтовъ, забавныхъ каррикатуръ было изображено тогда же перомъ А. П. Степанова [2]) (окончившимъ лицей), сыномъ Царскосельскаго коменданта генералъ-лейтенанта Степанова [3]). Къ тому же времени относятся юмористическія стихотворенія П. Н. Слѣпцова, хозяина дома, на злободневныя темы (плохое освѣщеніе Царскосельскихъ улицъ, нѣкоторые дефекты городского самоуправленія). У хозяйки дома было пріятное mezzo soprano и удивительно мягкое красивое toucher, она играла много на память, по слуху, и удачно импровизировала. Постоянными посѣтителями понедѣльниковъ была семья генерала Паткуля (жена его М. А., рожденная маркиза де Траверсе), кирасирскій полкъ съ командиромъ своимъ барономъ А. О. Дризенъ; лейбъ-гусары, товарищи дяди, состоявшіе въ свитѣ Его Величества, не позабытые, какъ великокняжескіе адъютанты въ завѣщаніи въ Бозѣ почившаго

---

[1]) Профессоръ-академикъ (1817—1898 г.), картины жанровыя, охотничьи.

[2]) Профессоръ живописи съ 1847 года. Лучшія картины — Всемірный потопъ, Эпизоды изъ жизни Колумба.

[3]) Братъ М. П., состоявшаго при Великомъ Князѣ Сергѣѣ Александровичѣ.

Императора Александра II [1]) и получившіе картины изъ Таицкаго кабинета Его Величества. Устраивались jours fixe по воскресеньямъ у Паткуль, танцовали по средамъ въ Царскоселъскомъ дворцѣ у Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича, у княгини Амилахвари и пр.

Получивъ назначеніе предсѣдателя строительной комиссіи придворнаго вѣдомства, временно исполнявшій обязанности С.-Петербургскаго градоначальника, Гатчинскаго коменданта, дядя навсегда покинулъ Царское Село, изъ котораго еще раньше выѣхала бабушка, на постоянное жительство въ столицу.

Странное неслыханное злодѣяніе, совершенное 1-го марта 1881 года, мученическая кончина Царя-Освободителя великаго народа, тѣмъ болѣе потрясла П. Н. Слѣпцова, что онъ въ роковое утро 1-го марта по обыкновенію пилъ кофе съ Государемъ въ собственныхъ Его Величества утреннихъ аппартаментахъ; присутствовалъ вмѣстѣ съ Императоромъ и членами его семьи на литургіи въ Малой церкви Зимняго дворца и, получивъ разрѣшеніе Его Величества, по случаю нездоровья, не сопровождать его на обычный воскресный разводъ въ Михайловскомъ манежѣ, послѣ обѣдни вернулся домой на Моховую улицу.

Оглушительный взрывъ, слышанный около 3 часовъ во всѣхъ концахъ города, и вѣсть объ ужасной катастрофѣ близъ Екатерининскаго канала быстро разнеслась по столицѣ.

Поспѣшившему немедленно въ Зимній дворецъ—П. Н. Слѣпцову не суждено было застать въ живыхъ обожаемаго Монарха, котораго онъ всего часовъ за 5 видѣлъ какъ всегда энергичнымъ, здоровымъ, бодрымъ. На немъ, какъ предсѣдателѣ строительной комиссіи придворнаго вѣдомства, лежала забота о склепѣ въ Петропавловскомъ соборѣ. Преодолѣвая недугъ, усиленный нервнымъ потрясеніемъ—отдавалъ онъ послѣднія приказанія, относящіяся къ погребенію, и въ числѣ близкихъ людей, закрылъ крышку гроба съ останками того, кто страданіемъ заслужилъ вѣнецъ мученика и кого такъ неутѣшно, горячо оплакивала Россія.

Всего 10 мѣсяцевъ пережилъ П. Н. Слѣпцовъ Императора Александра II, служенію которому посвятилъ всю свою жизнь съ чина поручика, великокняжескаго адъютанта и состоя впослѣдствіи генералъ-адъютантомъ въ свитѣ Его Величества, послѣ продолжительной тяжкой болѣзни скончался въ Москвѣ 9-го января 1882 года.

Потерявшая единственнаго горячо любимаго сына, бабушка Екатерина Петровна, присутствовавшая при погребеніи его въ

---

[1]) Адлербергъ, Паткуль, Мердеръ, гр. Ностицъ, Воейковъ.

Алексѣевскомъ монастырѣ [1]), не могла пережить своего горя. Тоскуя безутѣшно, она скоропостижно скончалась въ Петербургѣ въ 9-й день со дня смерти сына.

Императоръ Александръ III, увѣдомленный о кончинѣ ея, выразившій участіе моей матери, лишившейся почти одновременно матери и брата, изъявилъ согласіе на исполненіе послѣдней воли покойнаго, человѣка, беззавѣтно преданнаго Его въ Бозѣ почившему отцу,—на зачисленіе въ Пажескій корпусъ единственнаго брата моего А. М., принявшаго фамилію своего бездѣтнаго дяди.

Со времени кончины владѣльцевъ Царскосельскаго дома прошло ровно четверть вѣка.

По наружному виду не подвергшійся существенному измѣненію домъ въ Царскомъ Селѣ, сданный въ 70-хъ годахъ со всей обстановкой графу Ив. Ил. Воронцову-Дашкову [2]) былъ впослѣдствіи занимаемъ маркизомъ Паулуччи, Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ (во время командованія лейбъ-гусарскимъ полкомъ), въ 1892 году, когда мнѣ пришлось провести зиму въ Царскомъ Селѣ—онъ принадлежалъ генералу Скалону.

Съ грустью я проходила тогда мимо него... Въ воображеніи моемъ возникало представленіе о нѣкогда стоявшемъ на этомъ мѣстѣ маленькомъ домѣ, съ мезониномъ, со всей его устарѣвшей традиціонной, характерной, не существующей болѣе обстановкой давно, невозвратно минувшихъ дней.

М. Марина.

---

[1]) Въ Москвѣ неподалеку отъ вокзала Николаевской жел. дороги.

[2]) Въ настоящее время намѣстника Кавказа.

Переписка Ле Дюра съ графомъ Аракчеевымъ въ 1818—1819 годахъ о бронзовой люстрѣ.

Въ Андреевскомъ соборѣ села „Грузино“, Новгородской губерніи, предъ иконостасомъ главнаго (средняго) алтаря, подъ куполомъ, виситъ большая, бронзовая, вызолоченная люстра, дивное произведеніе литейнаго дѣла временъ Императора Александра I; едва-ли гдѣ-нибудь въ другомъ храмѣ найдется что-либо подобное изъ этой эпохи. Люстра сдѣлана по повелѣнію Александра I въ 1818 году, въ Парижѣ знаменитымъ въ то время „бронзовыхъ дѣлъ мастеромъ“ Ле Дюромъ, нѣсколько превосходныхъ работъ котораго находится въ томъ же соборѣ, и пожертвована Императоромъ въ соборъ села „Грузино“, имѣнія графа А. А. Аракчеева.

Люстра — изъ золоченой бронзы, въ 40 свѣчей на трехъ кругахъ, изъ которыхъ средній кругъ больше остальныхъ двухъ. Круги прикрѣплены къ толстому металлическому пруту, проходящему чрезъ ихъ центръ и подвѣшивающему всю люстру къ куполу. Кромѣ того, средній, большой, кругъ связанъ съ прутомъ еще 8 изящными гирляндами изъ листьевъ; эти гирлянды отъ борта круга поднимаются вверхъ; у вершины люстры онѣ опоясаны широкимъ поясомъ съ художественнымъ орнаментомъ и концами загибаются внизъ, образуя красивый вѣнецъ на вершинѣ люстры. Въ средину нижняго круга люстры вставлена бѣлая хрустальная чаша, или глубокое блюдо, по выпуклому краю котораго, по его черной каймѣ, идетъ такая надпись: Ce lustre destiné par la munificence de S. M. Ale-

xandre I Empereur de Russie à orner dans les terres du comte Aractcheeff l'eglise cathedrale de sa campagne de Grousino a été executé par ordre Suprème, par Le Dure bronzier à Paris en 1818 [1]), или по-русски: „Сія люстра, назначенная отъ щедротъ Его Величества Александра I Императора Россіи украшать въ помѣстьяхъ графа Аракчеева соборную церковь его села Грузино, была сдѣлана по Высочайшему повелѣнію Ле Дюромъ, бронзовыхъ дѣлъ мастеромъ въ Парижѣ 1818".

Изъ-за этой люстры между ея мастеромъ, Ле Дюромъ и графомъ Алексѣемъ Андреевичемъ Аракчеевымъ возникла цѣлая переписка, отъ которой только остался русскій переводъ писемъ Ле Дюра къ графу Аракчееву и Маттеуса съ сыномъ въ Руанѣ къ Ле Дюру, счета Ле Дюра на отправку люстры изъ Парижа въ Петербургъ вмѣстѣ съ ея работой, записки, или наставленія, Ле Дюра, какъ распаковать и повѣсить люстру въ соборѣ, но самыхъ оригиналовъ всѣхъ этихъ документовъ, или отвѣтовъ (черновиковъ) графа Аракчеева въ Грузинѣ не сохранилось, русскій же переводъ этой переписки сохранился въ ризницѣ грузинскаго собора въ единственномъ печатномъ экземплярѣ соборной описи подъ такимъ заглавіемъ: „Опись у церковной утвари, имѣющейся въ грузинскомъ соборѣ святого апостола Андрея Первозваннаго, сдѣланной и повѣренной въ 1821 году".

Боясь неудовольствія графа Аракчеева за медленность при исполненіи Высочайшаго заказа и въ то же время желая сдѣлать люстру, какъ можно лучше, и тѣмъ угодить всесильному временщику, Ле Дюръ 15 апрѣля 1818 года написалъ графу Аракчееву письмо, въ которомъ онъ проситъ графскаго разрѣшенія на двойную позолоту люстры для лучшей ея сохранности и предупреждаетъ графа объ увеличеніи платы за двойную позолоту люстры. Ле Дюръ писалъ Аракчееву:

Вы найдете, можетъ быть, что я слишкомъ долго занимаюсь работой вашей люстры; но я признаюсь вамъ, что ревнуя заслужить довѣренность, коею меня удостоиваете, желаю, чтобъ все было совершенно хорошо. Руководствуясь письмомъ вашимъ отъ 5 іюля 1817 года, коимъ вы требуете отъ меня величайшаго старанія въ отдѣлкѣ и изъясняете мнѣ причину сего, такъ какъ подтверждаетъ мнѣ присланная вами надпись, я въ обязанности нахожусь просить васъ, позволить мнѣ позолотить люстру сію, какъ такой памятникъ,

[1]) Орѳографія какъ этой надписи, такъ и ея перевода всѣхъ нижеприведенныхъ писемъ и документовъ, та же, что и въ „Описи церковнаго имущества 1821".

который долженствуетъ переходить изъ потомства къ потомству, въ ознаменованіе причины его сооруженія. Въ семъ случаѣ, я полагаю, что онъ не только долженъ быть совсемъ позолоченъ, но еще и покрытъ двойною позолотою (surdore) такъ, что она стоитъ будетъ 10.000 франковъ. Она совсемъ готова къ позолотѣ, но я буду ожидать вашего отвѣта безъ всякаго замедленія въ работѣ".

Получивъ графское согласіе на двойную позолоту люстры, Ле Дюръ превосходно выполнилъ свою работу и, отправляя заказъ по назначенію, писалъ Аракчееву 6 іюля 1819 года:

„По окончаніи люстры вашей, я не сомнѣваюсь, что произведеніе сіе принесетъ мнѣ достойную честь, ибо всякій, кто только видитъ ее здѣсь, любуется ею; я увѣренъ, что и предъ вами буду столько же счастливъ. Здѣсь прилагается записка, какимъ образомъ должно открывать люстру сію; во избѣжаніе всякаго поврежденія необходимо нужно по ней слѣдовать, равнымъ образомъ прилагаю здѣсь и счетъ о всей суммѣ, слѣдуемой за люстру. Я увѣренъ, что Вашимъ Сіятельствомъ все найдено будетъ въ совершенной исправности, и что люстра сія сдѣлаетъ мнѣ честь".

Вмѣстѣ со своимъ письмомъ Ле Дюръ прислалъ Аракчееву счетъ за люстру и свою записку, или наставленіе, какъ распаковать люстру и повѣсить ее въ соборѣ, такого содержанія:

Щетъ издержкамъ на сей люстрѣ.

За работу и двойную позолоту сей люстры . . .	10.000	франк.
За мѣдную веревку на коей повѣшена люстра . .	160	„
За двойной мѣдной блокъ съ веревкой для подъема оной	180	„
За ящикъ, обшивку онаго и за укладку	530	„
И того по щету мастера Ле Дюра . .	10.870	„
Перевозъ изъ Парижа до Гавра	158 фр.	75
Перевозъ изъ Гавра въ Руанъ	85 „	90
Расходы за пріемъ по таможнѣ и за перевозъ на кораблѣ	75 „	25
За клейменіе консементовъ и пересылку писемъ .	6 „	—
Премія страхованія	243 „	40
Полицейское клейменіе	12 „	50
Страховая комиссія	69 „	50
За провозъ на кораблѣ „Викторѣ" (капитанъ онаго Терудъ) изъ Гавра до С.-Петербурга	490 „	—
И того . . .	1.141 фр.	30
А всего . . .	12.011 „	30

Записка, какъ должно открывать и повѣсить люстру. Ящикъ долженъ быть перевезенъ на саняхъ въ то мѣсто, гдѣ люстра должна быть повѣшена. Сперва надобно снять обшивку и верхъ ящика, который означенъ многими черными кругами, потомъ снять три прута, находящіеся по сторонамъ ящика, равнымъ образомъ и досечка одна за другою, начиная съ верху и слѣдуя къ низу, кромѣ только четырехъ нижнихъ, которые должны оставаться, послѣ сего снимутся солома и жерди съ величайшею осторожностью и безъ употребленія къ тому даже малѣйшаго усилія. Какъ скоро люстра будетъ открыта, можно будетъ свѣсить муфель, съ верху привязавъ его къ потолку, а потомъ повѣсить люстру, но не отрѣзывая еще веревокъ, коими она держится къ ящичьимъ прутьямъ, и когда уже удостовѣрится, что люстра муфелемъ хорошо повѣшена, тогда веревки и бичевки отрѣжутся, но съ величайшею осторожностью. Потомъ снимутся бумаги, причемъ надобно стараться не дотрогиваться пальцами до матовой позолоты, дабы не было пятенъ".

Къ этому же письму Ле Дюръ приложилъ письмо грузоотправителей Маттеуса съ сыномъ въ Руанѣ, изъ котораго видно, что ящикъ съ люстрой, благодаря своему большому размѣру, не могъ пройти въ трюмъ корабля „Викторъ", который долженъ былъ грузъ доставить изъ Руана въ Петербургъ; ящикъ пришлось расшить и вновь упаковать люстру, сколотивъ новыя связи; на эту работу было употреблено нѣсколько дней и нѣсколько рабочихъ, благодаря чему стоимость люстры еще больше увеличилась. Уложивъ люстру на корабль „Викторъ" и сдавъ ее на храненіе капитану его, Теруду, Маттеусъ и сынъ 19 іюня 1819 года увѣдомили Ле Дюра такимъ письмомъ:

„Ящикъ съ люстрою вашею подъ № 99, стоитъ намъ величайшаго труда, ибо онъ такъ огроменъ, что мы были въ затрудненіи спустить его въ какой либо Корабль; работники занимались имъ нѣсколько дней, и мы наконецъ принуждены были расшить его и сколотить боковыя связи, дабы спустить чрезъ люки корабля „Виктора", и потомъ его опять по прежнему въ кораблѣ уложили. Мы застраховали оной, и имѣемъ честь приложить при семъ записку о издержкахъ нашихъ, составляющихъ 651 франкъ 30".

По доставленіи люстры въ Грузино, она 13 сентября 1819 года была распакована, согласно указаніямъ Ле Дюра, подъ наблюденіемъ генералъ-маіора Карбоньера и архитектора Минута, и повѣшена, а на другой день, 14, въ день Воздвиженія честнаго и животворящаго Креста Господня, по случаю пожалованія Высочайшаго дара въ Андреевскій соборъ села Грузина, было „празднество при народ-

номъ собраніи", о чемъ въ вышеназванной „Описи церковной утвари 1821 года" такъ записано:

„Сія люстра, въ которой вѣсу 25 пудъ, поднята и повѣшена на мѣсто трудами генералъ-маіора Карбоньера и архитектора Минута, 13 сентября 1819 года, а 14 числа того же мѣсяца, въ день Воздвиженія честнаго животворящаго Креста Господня, было въ соборѣ празднество при народномъ собраніи, какъ на сей случай, такъ и на полученіе пожалованнаго Государемъ Императоромъ Александромъ I, протоіерею Ѳедору Малиновскому наперстнаго съ брилліантами Креста. („Опись" стр. 108—116).

Н. Лашковъ.

О понудительномъ обученіи дворянскихъ дѣтей въ 1743 году.

Въ собраніи Правительствующаго Синода 16 марта 1743 года слушали. По вѣдѣнію Святѣйшаго Синода, которымъ представляя, что Россійскіе Дворянѣ и протчихъ чиновъ люди дѣтей своихъ *обучаютъ* россійскихъ книгъ только *читать часовники и псалтыри*, а потомъ употребляютъ въ разныя свѣтскія науки каждой по своему намѣренію, а чтобъ прямо знать всеблагого Бога и нашу къ нему должность и догматы православныя христіанскія вѣры, въ чемъ истинный путь спасенія нашего состоитъ, того едва ли кто обучать тщиться. Для того требуетъ, дабы во всероссійское государство публиковать печатными указами въ такой силѣ, чтобъ какъ дворяня, такъ и разнаго чина люди дѣтей своихъ изъ младыхъ лѣтъ сначала обученія россійскихъ книгъ чтенія, обучали бъ прямого знать толкованія букваря и катехизиса, въ коихъ истинное христіанской должности и нашей православной вѣры ясное познаніе есть и дабы по тому указу непремѣнное всегда исполненіе было, того-бъ свѣтскіе всякъ въ своей командѣ, а священники-бъ въ своихъ приходахъ наблюдали-бъ и не радѣтельныхъ въ томъ *понуждали*, чтобъ отъ публикованія того указа въ годъ, а по крайней мѣрѣ въ два года означенному обучились неотмѣнно. И для того при опредѣленіи тѣхъ младыхъ людей въ службы во первыхъ въ знаніи прямого истолкованія букваря и катехизиса свидѣтельствовали, и ежели кто явится въ назначенное темъ вѣденіемъ время не искусенъ, таковыхъ до того времени пока не обучится, ни въ какіе чины не повышать и о протчимъ. Приказалъ: по оному Свя-

тѣйшаго Синода разсужденію, дабы дворянѣ и разнаго чина люди дѣтей своихъ изъ младыхъ лѣтъ и кромѣ тѣхъ, которые уже по силѣ указовъ до сего времени въ разныя науки или службу опредѣлены, сначала обученіе въ россійскихъ книгъ чтенію обучались прямого знанія толкованія букваря и катехизиса, также и другія книги церковныя читать тщались, и дабы все то, какъ въ ономъ Святѣйшаго Синода разсужденія положено исполняемо было, для того во всей Россійской имперіи печатными указами публиковать, ежели же которыхъ дѣтей отцы или кои въ ихъ должностяхъ не имѣя о воспитаніи таковыхъ дѣтей попеченія по вышеозначенному Святѣйшаго Синода опредѣленію небреженіемъ или нерачительствомъ своимъ исполнять не будутъ и въ томъ подлинно обличатся, со оныхъ за такое ихъ тѣхъ малолѣтнихъ во обученіи не рачительство въ губерніяхъ губернатору, а въ провинціяхъ воеводамъ брать *штрафу* за каждаго человѣка съ шляхетства по десяти, съ протчихъ по два рубля, которые собирая на содержаніе Московской Славяно-греко-латинской академіи, отсылать въ коллегію экономіи, а Святѣйшему Синоду о семъ опредѣленіи и дабы для такого многополезнаго дѣла куда надлежитъ тѣ буквари и катехизисы съ довольствомъ разосланы и къ таковымъ обученіямъ знающіе люди опредѣлены сообщить вѣденіе [1]).

Сообщилъ И. С. Б.

---

1) Моск. Архивъ М. Ю. Книги Сената № 2213, л. 251—252.

Воспоминанія стараго педагога.

VIII [1]).

Моя личная жизнь.—Скудость средствъ.—Дешевизна.—Ученическая квартира.—Экзаменъ на магистра.—Перемѣны въ гимназіи.—Мои отношенія къ товарищамъ.—Вторая половина пятидесятыхъ годовъ.—Назначеніе попечителя округа Ребиндера.—Увольненіе директора Богаевскаго и назначеніе попечителемъ Пирогова.—Новыя вѣянія.

Но прежде чѣмъ перейду къ воспоминаніямъ шестидесятыхъ годовъ, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о своей личной жизни. Еще въ октябрѣ мѣсяцѣ 1850 г. я нашелъ свою забазарную квартиру крайне неудобною. Въ то время Черниговъ еще не имѣлъ мостовыхъ. Приходилось, идя въ гимназію, переправляться черезъ базаръ, утопая чуть не по колѣна въ грязи. Я узналъ отъ учителей, что есть свободная квартира не далеко отъ гимназіи возлѣ бульвара. Это былъ домъ будущаго моего тестя Григорія Ѳомича Терещенка. Я перебрался на новую квартиру чуть ли не въ началѣ ноября, а уже къ концу декабря былъ своимъ человѣкомъ въ домѣ своего хозяина, а 28 января 1851 года вступилъ въ законный бракъ съ дочерью его Стефаніею и зажилъ семейною жизнью, о которой много мечталъ и къ которой сильно стремился. Прошли годы, появились дѣти и дѣти при томъ почти погодныя, одно за другимъ. Приходилось мнѣ на свои 32 руб, въ мѣсяцъ содержать семью, съ неизбѣжнымъ штатомъ нянь и прислуги. Мы жили на наши маленькія средства, не входя въ долги, главнымъ образомъ благодаря тому

---

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1911 г.

обстоятельству, что имѣли квартиру въ домѣ тестя безплатно. Кромѣ того въ началѣ пятидесятыхъ годовъ до Севастопольской войны цѣны на жизненные припасы въ Черниговѣ были чрезвычайно дешевы. Такъ десятокъ яицъ покупался за 5 к., фунтъ масла 10 к., сала 7½ к., курица 7½ к., гусь 12½ к., пудъ печенаго хлѣба 25 к., мясо 2 и недороже 3 коп. за фунтъ и так. дал. Деньги на базарахъ считались на монету, то есть четвертакъ за рубль, ассигнаціями или на монету, а рубль серебромъ за четыре рубля ассигнаціями.— Не смотря однако на дешевизну, 32 руб. въ мѣсяцъ было весьма мало для содержанія семьи въ теченіе мѣсяца. По необходимости пришлось подумать о другихъ средствахъ добыванія денегъ. Я открылъ у себя ученическую квартиру, которая мало по малу начала давать до тысячи рублей въ годъ. Деньги эти однако всецѣло употреблялись на расходы по содержанію учениковъ. Мы только выигрывали въ томъ отношеніи, что меньше нуждались, меньше стѣснялись въ своемъ продовольствіи, такъ какъ первымъ долгомъ считали кормить хорошо чужихъ дѣтей. Съ своей стороны время содержанія ученической квартиры я считалъ лучшей эпохой своей жизни, а потому любилъ своихъ питомцевъ и проводилъ съ ними большую часть своего времени, уча ихъ и самъ учась. Дѣти также относились ко мнѣ весьма искренно и сердечно. Въ лѣтнее время, по воскресеніямъ, мы часто отправлялись на прогулки, которыя еще болѣе насъ сближали другъ съ другомъ. Въ матеріальномъ отношеніи я впрочемъ мало выигралъ. За все время содержанія учениковъ, въ теченіе пяти лѣтъ, я сберегъ всего двѣсти рублей и то благодаря брату Михаилу, который жилъ у меня на квартирѣ и по временамъ удѣлялъ понемногу денегъ отъ своего избытка. Изъ этихъ-то денегъ мы и успѣли съ женою сдѣлать маленькое сбереженіе.

Между тѣмъ при всемъ улучшеніи моего матеріальнаго положенія, я не чувствовалъ твердой почвы подъ ногами. На продолженіе преподаванія законовѣдѣнія въ гимназіяхъ я, правду сказать, сталъ мало надѣяться. Готовъ былъ перейти на другой предметъ, но все какъ-то не случалось вакансіи, да и просить не хотѣлось: боялся отказа: такъ какъ не былъ спеціалистомъ по другимъ предметамъ гимназическаго курса, хотя съ перваго же года своей службы постоянно безмездно преподавалъ въ параллельныхъ классахъ и другіе предметы сверхъ 12-ти обязательныхъ уроковъ по законовѣдѣнію. Случалось преподавать и географію, и исторію, и славянскій языкъ.—Чтобы выйти изъ неопредѣленнаго положенія, я держалъ въ 1855 г. экзаменъ на магистра гражданскаго права и выдержалъ его; но получивши степень, засѣлъ безвыѣздно въ Чер-

ниговѣ. Долго я ждалъ, что мнѣ предложатъ каѳедру, но такъ и не дождался. Просить же кого-либо, ѣздить въ Кіевъ я не рѣшался и такъ дотянулъ до конца пятидесятыхъ годовъ, когда юридическій факультетъ въ Кіевскомъ университетѣ сразу укомплектовался новыми профессорами. Я долженъ былъ отказаться отъ всякихъ надеждъ на профессорство и посвятилъ себя педагогіи.

Много перемѣнъ произошло въ Черниговской гимназіи съ 1851 г. Старики педагоги—герои на зеленомъ полѣ—почти всѣ выбыли изъ Чернигова. Понаѣхали новые молодые люди, съ которыми я скоро сошелся. Мы зажили дружно, сходясь одинъ у другого по очереди почти каждую недѣлю и при томъ съ болѣе серьезными цѣлями: то для изученія англійскаго языка, то для литературныхъ бесѣдъ, то просто, чтобы побесѣдовать о разныхъ интересовавшихъ насъ текущихъ вопросахъ. Случалось по временамъ, что мы садились поиграть и въ преферансъ по десятой. Но эта игра была однимъ препровожденіемъ времени и не возбуждала ни пристрастія, ни страстей. Все дѣло оканчивалось пустяками.

Скоро однако это мирное теченіе нашей жизни быстро измѣнилось. Подули новые болѣе теплые сѣверные вѣтры, начались новыя теченія. Съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра II начались реформы, которыя сразу оживили русское общество. Всѣ чего-то ждали, чего-то надѣялись, къ чему-то стремились. Оживленіе сдѣлалось замѣтнымъ даже въ нашей скромной средѣ, чуждой политики. Первое отрадное явленіе, возбудившее горячее сочувствіе съ нашей стороны, было назначеніе на постъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа особаго лица, вмѣстѣ генералъ-губернатора. Попечителемъ назначенъ дѣйств. стат. совѣтникъ Николай Романовичъ Ребиндеръ. Изъ Петербурга онъ ѣхалъ на должность въ Кіевъ лѣтомъ 1856 г. черезъ Черниговъ. Прибывши на почтовую станцію, Ребиндеръ немедленно отправился въ гимназію и зашелъ въ пансіонъ. Былъ воскресный день. Директоръ уѣхалъ въ свое имѣніе, а исправлявшій его должность инспекторъ Ю. И. Герасименко отправился за городъ въ Бобровицу къ бывшему инспектору Савину поиграть въ карты. Надзиратель дежурный также ушелъ въ городъ. Ученики оставались одни и встрѣтили попечителя, какъ постороннее лицо, не прекращая шалостей. Къ счастью одинъ изъ надзирателей, хотя и не дежурный, явился въ пансіонъ и кое-какъ выручилъ попечителя изъ затруднительнаго положенія. Дали знать инспектору. Прилетѣлъ бѣдняга домой, быстро облачился въ мундиръ и явился начальнику на почтовой станціи. Ребиндеръ первымъ дѣломъ заявилъ, что не въ формѣ сущность обязанностей педагога, а главное въ добросовѣстномъ служеніи дѣлу. Слухъ о такомъ пріемѣ и сло-

вахъ новаго попечителя насъ немало порадовалъ и не потому, что мы злорадствовали инспектору, а главнымъ образомъ потому, что въ словахъ попечителя мы усматривали зарю новыхъ порядковъ. И дѣйствительно! Не прошло и мѣсяца, нашъ библіоманъ директоръ, смотрѣвшій на гимназію, какъ на аренду, подалъ въ отставку и вскорѣ былъ замѣненъ новымъ директоромъ. Второе отрадное послѣдствіе вступленія Ребиндера въ должность попечителя было паденіе власти канцеляріи управленія округомъ, такъ какъ Ребиндеръ взялъ все дѣло въ свои руки. Всесильный правитель дѣлъ А. А. Лазовъ долженъ былъ сойти со сцены. Правда, въ дѣятельности новаго попечителя были и свои недостатки: это какая-то нервность, подозрительность, скрытность и вообще качества, которыя могли быть хороши для градоначальника Кяхты, но не совсѣмъ гармонировали съ педагогическимъ дѣломъ. Тѣмъ не менѣе появленіе Ребиндера представляетъ отрадный фактъ въ исторіи учебныхъ заведеній Кіевскаго учебнаго округа.

Назначенный директоромъ на мѣсто Богаевскаго Егоръ Васильевичъ Гудима, родомъ малороссъ, но служившій въ Петербургѣ. Онъ оказался человѣкомъ, повидимому, простымъ и доступнымъ, но довольно однако хитрымъ. Строго говоря, его управленіе гимназіи въ общемъ не измѣнило старыхъ порядковъ; но Гудима умѣлъ все скрасить своею наружною покладливостью и нѣкоторымъ оттѣнкомъ либерализма. Къ тому же Гудима засѣлъ въ Черниговѣ постоянно и сталъ къ гимназіи ближе прежняго начальства. Имѣя самъ дѣтей въ гимназіи, онъ сталъ въ болѣе гуманныя отношенія и къ прочимъ учащимся, что немало повліяло на смягченіе стараго режима, становившагося, благодаря новымъ вѣяніямъ, анахронизмомъ. Начали меньше сѣчь учениковъ. Это ни чуть не имѣло послѣдствіемъ ухудшенія поведенія учениковъ, какъ предсказывали наши консерваторы, и въ числѣ ихъ инспекторъ Герасименко. Директоръ Гудима любилъ приглашать къ себѣ учителей и угощалъ то разговорами, то картами. Однако несмотря на всю любезность его, мы все-таки держали себя въ сторонѣ. Главною причиною было недовѣріе, происходившее вслѣдствіе того, что Гудима окружилъ себя любимцами, не пользовавшимися нашими симпатіями, а еще болѣе то, что эти послѣдніе, чувствуя свою силу, позволяли себѣ чваниться своею близостью къ начальству и смотрѣли на товарищей свысока. Немало смущало насъ также и то, что и новый директоръ остался вѣрнымъ привычкамъ стараго директора-помѣщика въ отношеніи гимназическаго хозяйства. Онъ также всѣ суммы получалъ на руки и, расходуя ихъ по своему усмотрѣнію, косился на членовъ совѣта, которые хотѣли быть блюстителями законности;

не любилъ, когда учители не подписывали кассовыхъ книгъ, не читая. Но ясно было, что времена и нравы измѣнились. Между нами появились храбрецы, которые по повременамъ уклонялись отъ подписи книгъ подъ разными предлогами. Я съ своей стороны считалъ возможнымъ довѣрять дирекціи. Правда, ходили между нами рызные толки и слухи, наприм., что директоръ ѣздитъ на казенныхъ лошадяхъ и проч., но все-таки только темныя подозрѣнія. А какъ я всегда держался правила основывать свои заключенія только на фактахъ, то, при всемъ омерзеніи ко всякой противозаконной наживѣ, укоренившемся во мнѣ по случаю дурного кормленія въ университетѣ, я никакъ не могъ заставить себя начать борьбу изъ-за дрязговъ, а тѣмъ менѣе былъ способенъ возбуждать товарищей къ оппозиціи противъ власти.

Знаменіемъ новаго направленія въ высшихъ правительственныхъ сферахъ и въ русскомъ обществѣ было поднятіе значенія гимназическихъ совѣтовъ. Начались правильныя засѣданія этихъ учрежденій, долго существовавшихъ почти номинально. На засѣданіяхъ совѣта Черниговской гимназіи начали возбуждаться частію самостоятельно, а частію по иниціативѣ округа разные педагогическіе вопросы. Прежде всего и болѣе всего заинтересовалъ педагоговъ вопросъ чисто личнаго свойства—это вопросъ объ увеличеніи содержанія служащихъ въ гимназіи. Результатомъ общихъ жалобъ на недостатокъ жалованья и отвѣтомъ на наши горячія желанія былъ штатъ гимназій 1857 г., по которому жалованье старшихъ учителей возвышено съ 32 до 49-ти рублей въ мѣсяцъ.

Между тѣмъ Ребиндеръ перемѣщенъ въ Петербургъ на должность директора департамента народнаго просвѣщенія, а на его мѣсто назначенъ Николай Ивановичъ Пироговъ. Вступленіе въ должность Пирогова ознаменовалось новымъ оживленіемъ дѣятельности совѣтовъ. Изъ множества вопросовъ, предлагавшихся въ то время на обсужденіе совѣта Черниговскій гимназіи, самое важное мѣсто занимали: 1) вопросъ объ экзаменахъ; 2) о наказаніяхъ учащихся и 3) разсмотрѣніе проекта устава гимназій.

1. По прежнимъ правиламъ объ экзаменахъ преподаватели обязаны были ежемѣсячно подавать вѣдомости объ успѣхахъ учениковъ. Съ мая по 22 іюня производились экзамены окончательные и переводные. Затѣмъ изъ годичныхъ и экзаменаціонныхъ отмѣтокъ дѣлались средніе ариѳметическіе выводы. При чемъ получившіе въ среднемъ выводѣ отмѣтку 2½, т. е. другими словами имѣющіе половину отмѣтокъ неудовлетворительныхъ (2) удостоивались въ 7-мъ классѣ аттестата, а въ прочихъ классахъ—перевода въ высшій классъ. Важную роль играло при всѣхъ этихъ выводахъ раздѣленіе

предметовъ на главные и побочные или второстепенные. Главными предметами считались: законъ Божій, русскій языкъ, латинскій языкъ, русская географія, русская исторія, ариѳметика, геометрія, законовѣдѣніе и естествовѣдѣніе; остальные предметы и новые языки были второстепенными. По первымъ предметамъ въ общемъ выводѣ для аттестата и для перевода требовалось 3, по остальнымъ—2. Такимъ образомъ можно было удостоиться аттестата при цѣлой полдюжинѣ двоекъ, т. е. при успѣхахъ, строго говоря, весьма посредственныхъ. Другой недостатокъ прежняго порядка заключался въ томъ, что рѣшающее значеніе при переводѣ учениковъ и удостоеніи аттестатовъ имѣлъ ариѳметическій выводъ, выводимый чисто механически изъ цифръ, нерѣдко имѣвшихъ случайный характеръ. Это въ особенности можно было сказать о ежемѣсячныхъ отмѣткахъ, ставившихся нерѣдко наобумъ; такъ какъ при краткости времени трудно было составить болѣе или менѣе основательное мнѣніе о познаніяхъ ученика, въ особенности по предметамъ, по которымъ назначалось не болѣе двухъ уроковъ въ недѣлю. Пироговъ въ особенности указывалъ на то, что экзамены отнимали много учебнаго времени совершенно непроизводительно. Совѣтъ Черниговской гимназіи потратилъ на обсужденіе вопроса объ экзаменахъ не мало времени. Происходили большіе дебаты, но согласились наконецъ всѣ, что ежемѣсячная подача вѣдомостей невозможна и что ее слѣдуетъ замѣнить вѣдомостями по третямъ года. Во-вторыхъ, признали необходимымъ отмѣнить раздѣленіе предметовъ на главные и неглавные и рѣшили по всѣмъ предметамъ требовать равно удовлетворительныхъ свѣдѣній. Нельзя сказать, чтобы такое мнѣніе было самостоятельнымъ. Оно, такъ сказать, носилось въ воздухѣ, такъ какъ до Чернигова уже дошли слухи, что Пироговъ выражалъ подобныя же мнѣнія. При томъ проектированный порядокъ былъ крайне простъ и для учителей необременителенъ; а это тоже не послѣднее дѣло. При всемъ либерализмѣ мы прежде всего себя не забывали и хорошо умѣли маскировать личный интересъ соображеніями объ общей пользѣ.

2. Второй вопросъ о взысканіяхъ съ учащихся поручено было совѣтомъ мнѣ лично разработать и, признаюсь, я не мало потрудился сначала надъ выработкой предварительныхъ соображеній или основаній для правилъ о взысканіяхъ, а за тѣмъ и самихъ правилъ. Счастливое было то время! Изъ воспоминаній дѣтства собственнаго и изъ наблюденій тѣхъ милыхъ порядковъ, какіе существовали въ Черниговской гимназіи, я достаточно могъ убѣдиться, что въ школѣ не признается личность человѣческая. Крѣпостническій взглядъ со стороны учителей и начальства на учениковъ, какъ

на безусловное орудіе нашей воли, а иногда и просто нашего самодурства, всегда меня странно возмущалъ. Принимаясь за составленіе новыхъ основаній для отношеній въ школѣ, я радовался прежде всего, что мнѣ быть можетъ суждено и съ своей стороны принести извѣстную долю труда для огражденія права личности человѣческой въ дѣтяхъ. Болѣе всего огорчало меня то, что ученикъ, отданный родителями на попеченіе гимназіи, поступивъ въ заведеніе, былъ совершенно беззащитнымъ отъ произвола начальства и учителей. Такое положеніе его было тѣмъ болѣе несправедливо, что ни начальство, ни учители не трудились стать близко къ дѣтямъ, узнать ихъ нужды и потребности, а по большей части относились поверхностно, свысока, чисто формальнымъ образомъ. При томъ по большей части учители никакъ не могли себѣ уяснить того простого положенія, что не дѣти для школы, а школа для дѣтей. Какъ помѣщики смотрѣли на крестьянъ, такъ по большой части педагоги смотрѣли на дѣтей, имѣвшихъ несчастіе подпасть подъ ихъ ферулу. Въ своей запискѣ при обсужденіи предварительныхъ основаній для правилъ о взысканіяхъ я рѣшился стать на сторонѣ учениковъ и выдвинулъ вопросъ о личности, о нравственной свободѣ ученика, о вмѣняемости и о законной защитѣ ученика. Много было написано жалкихъ словъ въ защиту учащихся и въ обличеніе учащихъ и власть имущихъ. Но благодаря новымъ вѣяніямъ доводы мои не встрѣтили оппозиціи ни въ учителяхъ, ни въ начальствѣ. Рѣшено всѣ мои соображенія и составленный мною проектъ правилъ взысканій представить на благоусмотрѣніе попечителя округа. Пирогову мой трудъ, повидимому, пришелся по душѣ. По крайней мѣрѣ, публикуя новыя правила о взысканіяхъ въ циркулярѣ по округу, онъ предпослалъ правиламъ мою записку, помѣстивъ ее цѣликомъ въ циркулярѣ.

3. Не мало мы потрудились и надъ обсужденіемъ новаго проекта уставъ гимназій, значительно пріумноживъ тотъ сырой матеріалъ, который по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія былъ собранъ и напечатанъ въ нѣсколькихъ томахъ подъ названіемъ: „Сборника замѣчаній на проекты устава“. Мы главнымъ образомъ въ своихъ запискахъ старались доказать всю несостоятельность бифуркаціи гимназіи или проще: говорили противъ двойственности направленія образованія въ тогдашней гимназіи, въ которой дѣти 13-ти лѣтъ должны были рѣшать весьма важный для нихъ въ будущемъ вопросъ: слушать ли законовѣдѣніе и отказаться отъ университета, или напротивъ готовиться къ поступленію въ университетъ, гдѣ въ то время отмѣненъ былъ комплектъ, и двери для всѣхъ желающихъ были раскрыты широко. Мы доказывали, что при

такомъ положеніи воспрещеніе нѣкоторымъ окончившимъ курсъ по законовѣдѣнію поступать въ университетъ въ высшей степени несправедливо. Досталось выслушать при этомъ не мало упрековъ противъ самаго существованія законовѣдѣнія въ курсѣ гимназическомъ. Признаюсь, я не только не защищалъ своего предмета, но старался доказать всю неумѣстность своего преподаванія въ системѣ общаго образованія, несмотря на то, что не могъ не сознавать, что съ принятіемъ моихъ доводовъ мнѣ грозитъ лишеніе службы и что я, оставшись за штатомъ, долженъ буду немало пострадать вмѣстѣ съ моей семьей. Но такова уже сила вещей: съ нею ничего не подѣлаешь!

А. Ѳ. Андріяшева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ архива князя Л. А. Ухтомскаго [1]).

Въ понятіяхъ адмирала Нахимова, хорошо знавшаго морское дѣло, корабль былъ предметомъ одушевленнымъ, гдѣ всякій зналъ свое мѣсто, начиная отъ капитана до юнги.

Подобнаго идеала въ Черноморскомъ флотѣ можно было достигнуть лишь при продолжительномъ плаваньи и при несмѣняемыхъ командахъ, когда ротные командиры шли въ походъ со своими людьми.

Не то было впослѣдствіи, когда одинъ мичманъ завѣдывалъ четырьмя ротами.

Матросъ зналъ, что съ него хотя и взыскиваютъ, но что за него всегда, въ случаѣ нужды, и заступятся.

Припоминаю, что разъ, проходя мимо подкутившихъ матросовъ, я слышалъ такой разговоръ:

Одинъ изъ ссорившихся говоритъ: „Я на тебя пожалуюсь Укотичу“.

— „Чортъ ли мнѣ твой Укотичъ! У меня есть свой—Рагуля!“ [2])

Припоминаю также, какъ одинъ ротный командиръ Н., нынѣ умершій, долженъ былъ выдать около 7 руб. денегъ „масляныхъ“ командѣ, но деньги тѣ проигралъ въ карты. Ожидался на-дняхъ

---

[1]) См. „Русская Старина“ октябрь 1911 г.

[2]) Адмиралъ Вукотичъ былъ бригаднымъ командиромъ, очень популярнымъ между матросами. Генералъ-маіоръ Рагуля былъ командиромъ рабочихъ экипажей или портовыхъ мастеровыхъ. (Прим. кн. Ухтомскаго).

инспекторскій смотръ. Собравъ людей, Н. объявилъ имъ, что денегъ налицо у него нѣтъ, но что скоро онѣ будутъ, прося нижнихъ чиновъ, чтобы на смотру они говорили, будто бы деньги получили. Такъ и вышло. А вскорѣ деньги были уплачены.

Пароходовъ адмиралъ Нахимовъ не любилъ, говоря, что „тамъ нечѣмъ занимать команду“ и предсказывая, что эти „самовары“ убьютъ морскую службу, а офицеры потеряютъ любовь къ морю и его прелестямъ.

Безъ любви же къ морю, по его мнѣнію, немыслимо было любить и морскую службу...

Однажды, во время кампаніи, за адмиральскимъ обѣдомъ, когда Нахимовъ, при мнѣ, говорилъ о взглядахъ и идеалахъ иностранныхъ моряковъ, кто-то изъ присутствующихъ разсказалъ, что великій князь Константинъ Николаевичъ, во время морского путешествія своего, былъ въ гостяхъ, въ Мальтѣ, у англійскаго адмирала Паркера и, между прочимъ, спросилъ адмирала, съ какого дня тотъ считаетъ себя счастливымъ?—„О!“ отвѣчалъ англичанинъ: „Я считаю себя счастливымъ съ того дня, когда мы, послѣ Наполеоновскихъ войнъ, на шпилѣ флагманскаго корабля, дѣлили призы и мнѣ достался, на мою долю, полный милліонъ фунтовъ стерлинговъ“.— На это Павелъ Степановичъ замѣтилъ: „Что это за счастье, ежели подумать, сколько пришлось сжечь непріятельскихъ транспортовъ, сколько погубить людей, для того, чтобы одному адмиралу получить плату въ милліонъ фунтовъ стерлинговъ!.. Что же получили подчиненные его?!. Помилуйте!.. Это мыслимо только въ разбойничьемъ государствѣ, гдѣ всѣ помѣшаны на богатствѣ и на роскоши... Я полагаю, что это совсѣмъ не прельстило бы русскаго адмирала, напримѣръ, М. П. Лазарева... Вотъ было бы лестно идти драться съ непріятелемъ, когда ваши корабли—въ боевой готовности, когда вы увѣрены въ своихъ офицерахъ и командахъ... Да, это я понимаю!.. И когда, послѣ одержанной, славной побѣды, вы можете съ гордостью сказать, что исполнили свой долгъ“...

Къ характеристикѣ Нахимова прибавимъ, что онъ всегда участвовалъ въ экзаменной комиссіи мичмановъ, задавая самъ имъ разные вопросы изъ морской практики, что и заносилось имъ въ его памятную книжку, а въ собраніи флагмановъ и капитановъ принималось въ разсчетъ при назначеніи офицеровъ въ предстоящее плаванье.

О морскомъ офицерскомъ собраніи адмиралъ очень заботился, какъ одинъ изъ старшихъ: обѣдъ тамъ бывалъ хорошій, недорогой; азартныя же игры и ночныя засиживанья не допускались.

Нашъ фрегатъ „Коварна“ простоялъ въ Новороссійскѣ болѣе мѣ-

сяца: намъ предстояла трудная работа—поднять затонувшій тендеръ „Струя“ [1]).

Зима предыдущаго года была очень бурная. У береговъ Кавказа и Новороссійска свирѣпствовала „бора“ [2]) съ морозомъ. Суда, стоявшія на рейдѣ, заковывало толстымъ слоемъ льда. И счастливы были тѣ, кто могъ или уйти въ море, или расклепать якорныя цѣпи и выброситься на берегъ!..

Тендеръ „Струя“ не былъ въ состояніи сдѣлать то или другое и весь обледенѣлый, черезъ нѣсколько сутокъ ужаснаго положенія, затонулъ со всей командою. Надъ поверхностью воды можно было видѣть салингъ [3]) и клотикъ [4]), какъ-бы могильный крестъ. Конечно, будь на рейдѣ нѣсколько бочекъ и мертвыхъ якорей—такого несчастья не могло бы случиться.

Для подъема тендера пришлось ожидать привода шаландъ [5]) и водолазовъ изъ Севастополя.

Окончивъ эту работу, мы выходили въ море—крейсеровать и осматривать берега, ближайшія бухты—нѣтъ ли военныхъ контрабандистовъ, а, увидя гдѣ-нибудь на берегу вытащенную чектырму, разбивали ее ядрами.

Во время этой кампаніи мнѣ часто приходилось бывать за адмиральскимъ столомъ у Нахимова.

Обѣдъ былъ хорошій, вкусный и разнообразный, а вино—неизбѣжная марсала. Разговоры велись служебные. Конечно, говорили только старшіе. Старые лейтенанты вступали въ разговоры и даже иногда спорили съ адмираломъ; а мы, молодые мичмана, молчали и слушали.

Павелъ Степановичъ былъ англоманомъ, получалъ „Таймсъ“, читалъ постоянно англійскія газеты. Онъ высоко ставилъ англійскій флотъ и хвалилъ англійскихъ моряковъ за то, что они занимаются своимъ дѣломъ, при чемъ ворчалъ на русскихъ моряковъ, которые, выйдя изъ морского корпуса недоучками, забрасываютъ свои учебныя книги и морскою службою совсѣмъ не занимаются, зная все, кромѣ этой службы.

Между современными ему русскими адмиралами Нахимовъ вы-

---

[1]) Подъемъ этого тендера описанъ въ „Морскомъ Сборникѣ“ (1849 или 1850 года) лейтенантомъ Макендонскимъ, бывшимъ въ составѣ офицеровъ фрегата „Коварна“ (Примѣчаніе кн. Ухтомскаго).

[2]) „Бора“—жестокая буря въ Южной Россіи, особенно же на восточномъ побережьи Чернаго моря, сопровождаемая морозомъ.

[3]) Салингъ—верхняя площадка на мачтѣ.

[4]) Клотикъ—верхній конецъ мачты.

[5]) Шаланда—грузовая баржа.

соко ставилъ (считая его идеаломъ моряка) Мих. Петр. Лазарева, бывшаго въ то время главнымъ командиромъ.

Лазаревъ, въ тридцатыхъ годахъ, будучи назначенъ въ Черное море, перевелъ къ себѣ выдающихся офицеровъ—Путятина, Вл. Истомина, Нахимова, Шестакова, Уньковскаго и многихъ другихъ.

Эти офицеры были вполнѣ учениками его, Лазарева. Въ свою очередь, они давали тонъ остальнымъ морякамъ.

Такимъ образомъ и составилась та блестящая школа Черноморскихъ моряковъ, тѣ стойкія морскія команды, которыя такъ отличились во время знаменитой обороны Севастополя.

Послѣ наполеоновскихъ войнъ и во время сближенія нашего съ Англіею, въ послѣднюю послано было нѣсколько молодыхъ людей—для практики въ англійскомъ флотѣ, въ томъ числѣ и М. П. Лазаревъ.

Сохранилось въ памяти людей, какъ Лазаревъ впослѣдствіи геройски отстаивалъ свою самостоятельность, въ качествѣ командира кампанейскаго корабля [1]) у знаменитаго Баранова, въ Сѣверо-Американской кампаніи. Затѣмъ, онъ командовалъ фрегатомъ „Надежда“ и въ продолженіе трехъ лѣтъ совершилъ кругосвѣтное путешествіе. На этомъ фрегатѣ было нѣсколько гардемариновъ, въ томъ числѣ и Нахимовъ. Разсказывая объ этомъ интересномъ плаваніи, во время нашей кампаніи, Пав. Степ. говорилъ, что это было трудное плаванье; что гардемарины обучались на бизань-мачтѣ, а во время парусныхъ маневровъ ставили и убирали крюссень [2]). Тутъ-то, однажды, по жалобѣ на гардемариновъ старшаго офицера, Лазаревъ велѣлъ на вантахъ обрѣзать выблинки и, затѣмъ, послалъ гардемариновъ на марсъ—продолжать ученье. На берегъ гардемарины съѣзжали только наливаться водою [3]), дѣлать промѣры или обучаться на гребныхъ судахъ.

Говоря о желѣзномъ характерѣ Лазарева, Нахимовъ привелъ примѣръ, какъ, во время Наваринскаго сраженія, Мих. Петровичъ командовалъ кораблемъ „Азовъ“. Былъ моментъ, когда этотъ корабль подвергался огню двухъ турецкихъ судовъ, а убитыхъ и раненыхъ было столько, что матросы оробѣли, готовые бросить орудія. Тогда Лазаревъ, видя, что слова его не помогаютъ, приказалъ орудіе зарядить картечью, поставить его вдоль борта и бить своихъ: это подѣйствовало—и бой былъ возстановленъ.

---

[1]) Т. е. корабля, принадлежавшаго кампаніи.

[2]) Крюсень—нижній парусъ на бизань-мачтѣ.

[3]) Наливаться водою—дѣлать на берегу запасы воды въ плаваніе.

Таковы были образцы для питомцевъ Лазарева! И какъ зачто они его чтили!!...

„Біографія М. П. Лазарева была бы весьма поучительна для нашихъ моряковъ, если бы нашлись люди, которые ее разработали бы“, говорилъ Павелъ Степановичъ.

Къ сожалѣнію, за подобный трудъ, кажется, еще никто не брался.

Эти мѣсяцы плаванья подъ флагомъ Нахимова явились временемъ, когда я могъ его видѣть близко.

Къ тому же плаванью относится разсказъ В. И. Заруднаго подъ заглавіемъ „Фрегатъ Бальчикъ“.

Къ сожалѣнію, этой статьи талантливаго разсказчика нѣтъ у меня подъ рукою.

Со времени этого плаванья прошло еще нѣсколько лѣтъ.—Къ Россіи приближалась грозная Крымская кампанія—кампанія, убійственная для Черноморскаго флота. Во время нея мы, моряки, еще болѣе сблизились съ Нахимовымъ, на котораго мы смотрѣли съ особымъ уваженіемъ и любовью. Но уже слава его, какъ выдающагося адмирала, поблекла передъ выдающейся личностью адмирала Корнилова.

Многіе говорили уже тогда, что Нахимовъ—человѣкъ недалекій, что теперь не то требуется отъ адмирала, что теперь нужны морскіе офицеры, многосторонніе, съ разнообразною практикою; что Нахимовъ не болѣе, какъ хорошій практикъ, боцманъ. Однимъ словомъ, въ морскихъ сферахъ предчувствовался уже всесокрушающій цензъ...

Припоминаю, что послѣ Синопской побѣды, когда Черноморскій флотъ стоялъ на рейдѣ Севастополя подъ флагомъ адмирала Корнилова, я увидѣлъ однажды Нахимова, прогуливающагося на Графской пристани съ зрительной трубкой подъ мышкою. Я поздоровался съ Павломъ Степановичемъ, и онъ самъ завелъ разговоръ о томъ, что, на какомъ суднѣ, по замѣчанію его, дѣлается.

„Вотъ-съ, г. Ухтомскій“,—съ горечью въ голосѣ сказалъ мнѣ Нахимовъ: „Я теперь, какъ курица, которая вывела утятъ, бѣгаетъ по берегу и смотритъ съ берега, какъ они плаваютъ“...

Извѣстно, что послѣ Синопской побѣды Императоръ Николай I щедро наградилъ моряковъ: адмиралъ Нахимовъ получилъ орденъ Св. Георгія 2-й степени; командиры судовъ были тоже награждены, а всѣ офицеры получили слѣдующіе чины. Недаромъ же Государь сказалъ: „меня удивили Черноморскіе моряки, удивлю и я ихъ“.

По поводу наградъ чинами Нахимовъ выражался, что этого не слѣдовало дѣлать; что такое производство только вызоветъ пута-

ницу по службѣ, ибо морской офицеръ обязательно долженъ пройти всѣ чины согласно положенію, „безъ выскочекъ“, а иначе онъ будетъ лишнимъ балластомъ во флотѣ.

Въ Синопскомъ сраженіи, къ сожалѣнію моему, я не участвовалъ, будучи командированъ въ то время къ берегамъ Кавказа, почему и никакихъ личныхъ подробностей о немъ сообщить не могу.— Знаю только, что Павелъ Степановичъ не любилъ объ этомъ боѣ разсказывать, быть можетъ потому, что заслугу побѣды хотѣли отдать Корнилову, который, спѣша въ Синопъ съ отрядомъ пароходовъ и съ приказомъ принять начальство надъ флотомъ, прибылъ поздно: пароходы наши пришли къ концу сраженія.— Кромѣ того Нахимовъ не любилъ касаться Синопскаго боя, во-первыхъ изъ-за врожденной скромности, а во-вторыхъ, потому что полагалъ, что эта побѣда заставитъ англичанъ употребить всѣ усилія для того, чтобы уничтожить боевой Черноморскій флотъ. Онъ былъ убѣжденъ, что, благодаря Синопской побѣдѣ, невольно сдѣлается причиною, которая ускоритъ нападеніе союзниковъ на Севастополь.

Между прочимъ, про Синопское сраженіе передавали, что велѣно было кормовые флаги прибить гвоздиками, чтобы перебитый фаликъ [1]) не означалъ еще, что флагъ спущенъ. Главная потеря во время сраженія на судахъ была тогда, когда по диспозиціи „Завози шпринги [2])“ не велѣно было стрѣлять и лишь потомъ, когда шпринги были уже вытянуты, начался нашъ убійственный огонь. Во время самаго боя, когда пороховой дымъ застилалъ небо, мѣшая и смотрѣть, и говорить, Нахимовъ послалъ сигнальщика— принести стаканъ воды изъ адмиральской каюты. Возвращая стаканъ матросу, Иванъ Степановичъ замѣтилъ ему: „Смотри, не разбей! Это мнѣ подарокъ Михаила Петровича Лазарева“. Потомъ не мало смѣялись надъ матросомъ, когда онъ, желая уберечь стаканъ, такъ крѣпко сжалъ его въ рукахъ, что тотъ раздавился.

Нахимовъ разсказывалъ, что когда уходили изъ Синопа, то было свѣжо, а многіе корабли имѣли большія поврежденія. Между прочимъ, Кутровъ, командиръ корабля „Трехъ Святителей“, дѣлаетъ сигналъ: „Не могу идти!“—Получается адмиральскій отвѣтъ: „возвратиться въ Синопъ!“ Ну, и корабль справился, благополучно вернувшись въ Севастополь.

Дѣйствительно, предчувствія Нахимова оправдались: въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1854 года союзники подошли къ берегамъ Крыма и сдѣлали

---

[1]) Фаликъ—снасть, подымающая и опускающая флагъ.

[2]) „Завозить шпринги“ значитъ становиться на якорь, чтобы судно не могло отворачиваться по теченію.

высадку около Альмы. Наша армія, послѣ Альминскаго сраженія, должна была отступить къ Симферополю. Противники имѣли надъ нами преимущество и въ оружіи, и въ корабляхъ. Севастополь оказался плохо защищеннымъ. Мы принуждены были затопить на Севастопольскомъ фарватерѣ свои корабли, чтобы заградить входъ непріятельскому флоту; а нашему флоту приказано было корабельныя орудія вытащить на берегъ и устроить кругомъ города береговыя батареи, которымъ окончательное направленіе давалъ Э. И. Тотлебенъ. Благодаря энергіи моряковъ беззащитный городъ въ три недѣли преобразился въ неприступную крѣпость; о нее разбивались удары нашихъ многочисленныхъ враговъ почти въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ.

Во время обороны Севастополя адмиралъ Нахимовъ, будучи назначенъ помощникомъ начальника Севастопольскаго гарнизона генерала Остенъ-Сакена, а вскорѣ и командиромъ Севастопольскаго порта, бывалъ повсюду.

Какъ адъютантъ штаба, припоминаю, что переписки онъ терпѣть не могъ, а запросовъ министерства просто боялся.

Въ это время Павла Степановича можно было назвать душою обороны: онъ постоянно объѣзжалъ бастіоны, справлялся кому что надо—кому снаряды, кому матеріалы на блиндажи, кому артиллерійскую прислугу и проч. Нужно было постоянно торопиться, чтобы за ночь исправить то, что разрушалъ днемъ непріятель. Онъ настоялъ на томъ, чтобы матросамъ, находящимся на береговыхъ батареяхъ, производилась морская провизія, а впослѣдствіи ее выдавали и солдатамъ, поставленнымъ къ нашимъ орудіямъ взамѣнъ все убывавшихъ матросовъ. Квартира адмирала преобразилась въ лазаретъ для раненыхъ морскихъ офицеровъ; личныя же деньги его шли на помощь отъѣзжающимъ семействамъ моряковъ. И, бывало, для каждаго бастіона большимъ удовольствіемъ—видѣть у себя адмирала. Служащіе на батареяхъ, при его посѣщеніяхъ, показывали ему „фарватеръ“, т. е. тѣ тропинки, по которымъ меньше падали непріятельскія бомбы.

Началась безконечная осада, гдѣ мы не видѣли тѣни надежды на успѣхъ, гдѣ моряки и армейцы не понимали другъ друга, такъ какъ всѣ распоряженія шли вразрѣзъ одно другому. Но ни у кого изъ моряковъ не было и тѣни мыслей о сдачѣ. Мы страдали только тѣмъ, что не видѣли конца мукамъ, не видѣли арміи, способной помочь намъ.

Правда, изъ нашего экипажа бѣжали матросы, но поляки—всѣ до одного. Изъ армейскихъ генераловъ Нахимовъ признавалъ одного лишь Хрулева.

Припоминаю, между прочимъ, 6-е іюня, когда генераломъ Хрулевымъ былъ блистательно отбитъ штурмъ на Малаховъ курганъ и на батарею Жерве [1]).

Повидимому, англичане тутъ опоздали и войска ихъ двинулись минутами двадцатью позже тѣхъ, которыя штурмовали 3-й бастіонъ. Непріятель густою цѣпью, въ нѣсколько рядовъ, показался изъ-за Зеленой горы и изъ-за кладбища.—Покуда они не спустились въ балку Южной бухты—до тѣхъ поръ батареи ихъ дѣйствовали ядрами по 4-му бастіону. Англичане, выйдя изъ балки, бросились въ гору на штурмъ Грибка; но тамъ уже успѣли приготовиться, орудія были заряжены картечью, два полка 10-й пѣх. дивизіи (каждый около 500 человѣкъ) и половина артиллерійской прислуги (человѣкъ до 200) были разставлены по банкету.

Англичане, встрѣченные убійственнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, поворотили вправо, на Пересыпку [2]); но и здѣсь, встрѣченные картечью во флангъ съ батарей Перекопскаго и Стааля, они разсыпались за дома Южной бухты и за кладбище, откуда поодиночкѣ перебѣгали назадъ. Тѣмъ и кончился штурмъ.

Чтобы имѣть понятіе о силѣ нашего огня, нужно замѣтить, что одна батарея Ильина (или „Грибокъ“) изъ 13-ти орудій сдѣлала 860 картечныхъ выстрѣловъ, кромѣ того выпустила по 30 гранатъ и по 25 ядеръ на каждое орудіе; солдаты разстрѣляли всѣ патроны. Всѣ эти снаряды потрачены менѣе, чѣмъ въ три часа.

На другой день послѣ этого штурма, передъ нашей линіей были видны цѣлые ряды убитыхъ и раненыхъ. Чуть ли не на два дня состоялось перемиріе по случаю уборки тѣлъ.

Во время уборки тѣлъ 8-го числа насчитали до 200 непріятельскихъ труповъ и многіе тяжело-раненые лежали въ домахъ Слободки, куда эти два дня имъ носили пищу. Вѣроятно, англичане воспользовались этимъ временемъ и успѣли забрать много убитыхъ и раненыхъ. Всю потерю ихъ нужно предполагать около 600 человѣкъ. Потеря же наша въ этотъ день на означенной батареѣ была до 150 челов., въ томъ числѣ 50 челов. матросовъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отбитія нами штурма, мы начали жечь дома Южной бухты, которые до тѣхъ поръ были совершенно цѣлы и могли служить непріятелю на случай новаго штурма.

---

[1]) 1855 года.

[2]) Только одинъ солдатъ добѣжалъ до батареи. Когда его взяли въ плѣнъ, то увидѣли, что онъ былъ совершенно пьянъ. То же самое замѣтили и между плѣнными, взятыми съ 3-го бастіона, что заставляетъ думать, что союзники, готовясь къ штурму, были напоены для храбрости. (Примѣчаніе князя Ухтомскаго).

Пламя этого пожара было такъ сильно, что первыя двѣ ночи нельзя было работать на ближайшихъ батареяхъ. Впослѣдствіи огонь уменьшился и уже горѣло только по 5 или по 6 домовъ. Съ іюля же начались постоянные пожары въ городѣ отъ огромныхъ непріятельскихъ бранскугелей.

Во время упоминаемаго штурма былъ моментъ, когда на Малаховъ курганъ, гдѣ находился Нахимовъ, ворвались французы и ихъ нужно было выбивать штыками. Въ общей свалкѣ нельзя было найти ротныхъ и баталіонныхъ командировъ. Солдаты, кажется, Сѣвскаго пѣхотнаго полка толпятся, безъ команды не идутъ впередъ. Тогда адмиралъ Нахимовъ приказалъ своимъ адъютантамъ—Фельдгаузену и Колтовскому повести полкъ въ штыки.

Но смерть караулила уже Нахимова, и ему суждено было сложить свою голову тамъ, гдѣ пали Корниловъ, Истоминъ и многіе другіе моряки.

Кажется, это было въ концѣ іюля—въ тотъ періодъ обороны, когда непріятель особенно обратилъ свои удары на Малаховъ Курганъ. Адмиралъ поѣхалъ туда, взошелъ на брустверъ для того, чтобы лучше высмотрѣть, откуда сильнѣе бьетъ французъ, гдѣ надо прибавить орудіе, гдѣ усилить стрѣлковъ, ибо французы траншеями уже подошли къ нашему рву. Несмотря на предостереженіе начальника бастіона, Павелъ Степановичъ смотрѣлъ въ зрительную трубу—и этотъ блестящій предметъ былъ замѣтной мишенью: непріятельская пуля попала адмиралу въ високъ, остановившись въ задней части черепа. Онъ упалъ къ общему нашему ужасу и огорченію [1]). Его перенесли на Сѣверную сторону, положили въ лазаретъ, гдѣ два дня онъ пролежалъ, не приходя въ сознаніе, и тихо скончался.

Хоронили Нахимова въ Михайловской церкви торжественно, на сколько позволяли боевыя обстоятельства. Гробъ его покрытъ былъ прострѣленнымъ кормовымъ флагомъ съ корабля „Императрица Марія“, на которомъ адмиралъ находился въ Синопскомъ сраженіи.

Такъ умеръ герой флота. Вѣчная ему память!

Послѣ его смерти защитники Севастополя еще болѣе осиротѣли. Хотя въ тылу у насъ, на Сѣверной сторонѣ и на Инкерманскихъ высотахъ, стояла чуть ли не стотысячная армія, но отъ нея мы не ждали спасенія—послѣ неудачныхъ сраженій—Инкерманскаго и на Черной Рѣчкѣ. Пришлось утѣшаться тѣмъ, что нѣтъ неприступныхъ крѣпостей. При такомъ убѣжденіи все же продолжалась

---

[1]) Это случилось 28 іюля („Описаніе обороны Севастополя“ Тотлебена).

отчаянная оборона, хотя непріятельскіе стрѣлки уже поражали насъ изъ самаго рва Малахова кургана.

—„ Что, Наздрачевъ, сильно васъ бьютъ?“—спросилъ я урядника нашей команды, пришедшаго съ бастіона.

— „Сильно, ваше благородіе“—отвѣчалъ онъ. „И того нѣтъ, и того нѣтъ... А все еще держимся... Ну, а какъ нашихъ вырубятъ по колѣно—тогда уже и куда дѣваться!? Всѣ пропадемъ“.

А вотъ нѣсколько эпизодовъ изъ того времени обороны Севастополя, когда живъ еще былъ Нахимовъ.

Павелъ Степановичъ обходилъ больныхъ въ госпиталѣ. Одному матросу въ это время отнимали ногу.

— „Ваше превосходительство!“—проговорилъ онъ.

— „Чего тебѣ нужно?“—спрашиваетъ адмиралъ.

— „А вѣдь это они намъ за Синопъ отплачиваютъ?“

— „Правда, за Синопъ“.

— „Ну, ужъ и задалъ же я имъ Синопъ!“—отвѣтилъ матросъ, сжимая кулакъ.

— „Ваше превосходительство!“—кричалъ другой, весь обожженный,—Нахимову: „вы меня не узнали?“

— „Да тебя трудно, братецъ, узнать! у тебя все лицо сорвано“.

— „Я форъ-марсовой съ „Двѣнадцати апостоловъ“. Явите милость, позвольте опять на батарею!“

— „Да какъ же тебѣ идти въ такомъ видѣ?“

— „Нѣтъ, ужъ позвольте! А не то въ халатѣ уйду!“

Уважилъ его просьбу, бравому матросу сдѣлали маску на лицо—и онъ отправился на позицію.

Одного матроса рабочаго экипажа ранили въ лицо. Когда его привели въ госпиталь, то жена его уговаривала его не ходить больше на батарею.

—„Молчи, баба! Не твое дѣло!“—отвѣтилъ тотъ.

Но жена все продолжала его уговаривать.

— „Ну, ежели ты еще будешь надоѣдать“—сказалъ онъ, разсердившись: „то я и тебя возьму съ собою“.

И онъ сталъ торопиться къ своему орудію.

Одинъ боцманъ, находясь комендоромъ у орудія на батареѣ, стрѣлялъ цѣлый день, чтобы сбить непріятельское орудіе. Къ вечеру ему оторвало ногу. Когда его несли на перевязочный пунктъ, то онъ обратился къ оставшимся товарищамъ со слѣдующими словами:

— „А вы скажите Сенькѣ, чтобы онъ непремѣнно сбилъ орудіе; а не то я приду и накладу ему!“

Одинъ матросъ носилъ снаряды къ орудію. Когда онъ несъ сна-

рядъ, то его дорогой сильно ранило. Онъ не бросилъ кокоръ, а добѣжалъ до орудія, отдалъ снарядъ, и только тогда закричалъ несвоимъ голосомъ:

„Носилкѣ мнѣ, носилки!“ [1]). Таковъ былъ духъ черноморскихъ моряковъ. Его умѣли внушить имъ ученики Лазарева.

Чуть ли не въ самый день похоронъ Павла Степановича Нахимова, мы, моряки, собрались и рѣшили отправить къ Великому Князю Константину Николаевичу саблю Османа-Паши, взятую съ боя въ Синопѣ, которую адмиралъ всегда носилъ на перевязи во время обороны Севастополя.

Прибавимъ къ сказанному мелочь. Въ день раненія Нахимова, за его обѣденнымъ столомъ, замѣтили на скатерти крестъ, сдѣланный горчицею. Кто сдѣлалъ его—не узнали, но сочли это дурнымъ предзнаменованіемъ.

Вотъ, на стѣнѣ моего кабинета,—пока пишу—виситъ портретъ адмирала Нахимова: строгое и суровое выраженіе лица. Но у Павла Степановича смѣхъ былъ добродушный и вообще, вмѣстѣ со строгостью, въ немъ было много добродушія.

Я тутъ могъ бы закончить передачу того, что имѣется у князя Ухтомскаго на обрывкахъ бумаги о Нахимовѣ. Но мнѣ жаль обойти молчаніемъ и другія его замѣтки о Севастополѣ, крымской кампаніи, сохранившіяся на такихъ же клочкахъ [2]).

Я ихъ приведу, хотя, быть можетъ, и не въ той системѣ, какую намѣтилъ авторъ, потому, что эти замѣтки не помѣчены въ порядкѣ изложенія.

а) „Севастополь. 5 сентября. Солдаты превращены въ машины знали только одинъ фронтъ. Когда союзники высадились на Альмѣ, то корпусный командиръ Киріяковъ кричалъ, что „мы ихъ шапками закидаемъ!“ На дѣлѣ вышло иное.

Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ прочесть слѣдующую краткую замѣтку кн. А. С. Меншикова, въ его дневникѣ, незадолго до высадки непріятеля въ Крыму, послѣ небольшихъ маневровъ въ окрестностяхъ Севастополя 29 августа:

„Увы! Какіе генералы и какіе штабъ-офицеры! Ни малѣйшаго понятія о военныхъ дѣйствіяхъ и расположеніи войскъ на мѣстно-

---

[1]) Послѣдніе пять разсказовъ были сообщены К. Л. Игнатьеву кн. Ухтомскимъ и были напечатаны Игнатьевымъ въ одномъ изъ журналовъ, вскорѣ послѣ осады Севастополя въ статьѣ подъ заглавіемъ „Воспоминанія объ осадѣ Севастополя“.

[2]) Набросанныя рукой кн. Ухтомскаго, я полагаю, что эти замѣтки—трудъ самого князя, а не позаимствованіе.

сти, объ употребленіи стрѣлковъ и артиллеріи. Не дай Богъ настоящаго дѣла въ полѣ!“

Сохранился дневникъ Меншикова 1824 г., когда онъ посѣтилъ Николаевъ и Севастополь, гдѣ объѣзжалъ верхомъ окрестности и не разъ посѣщалъ мѣстности, игравшія такую роль въ его жизни тридцать лѣтъ спустя“.

б) „Кн. Меншиковъ оставался во главѣ арміи въ февралѣ и онъ былъ главнымъ двигателемъ обороны Севастополя. Съ его уходомъ новый главнокомандующій, кн. Горчаковъ, старикъ, выжившій изъ ума, чуждый флота, только чиновникъ [1]), вступивъ въ управленіе арміей и видя большую потерю людей въ Севастополѣ, задался цѣлью, на свой страхъ, бросить Севастополь.

Отсюда — тратизмъ осажденныхъ! Горчаковъ не могъ понять подвижничество севастопольцевъ. Такое отношеніе къ защитѣ главнаго порта Чернаго моря выказалось во всѣхъ послѣдующихъ его дѣйствіяхъ. Въ Петербургѣ на это дѣло смотрѣли иначе, да и Нахимовъ, на военномъ совѣтѣ, настойчиво высказывался за необходимость вести оборону, пока не перебьютъ всѣхъ моряковъ.

Со вступленіемъ въ управленіе Горчакова началось медленное подготовленіе мѣръ къ тому, чтобы бросить Севастополь: устроенъ былъ плавучій мость и многое другое. Задерживали отправлять на оборонительныя работы солдатъ и т. д. Все исходило отъ начальника штаба Коцебу, и между моряками прямо обвиняли послѣдняго въ равнодушіи къ дѣлу и чуть ли не въ измѣнѣ.

В. И. Истоминъ, бывало, очень горячился на Малаховомъ курганѣ, когда ему не давали нужныхъ средствъ, и говорилъ, что если человѣка вырвать на чистый листъ бумаги, то это и будетъ севастопольская оборона“.

в) „Въ сраженіи на Черной рѣчкѣ, говорятъ, непріятелю извѣстенъ былъ весь планъ предстоящаго сраженія, и французскій генералъ, выводя людей на позицію и смотря на часы, сказалъ солдатамъ: „Вы еще имѣете время пить кофе, пока русскіе и т. д.“.

г) „Генералъ-адъютантъ Вревскій, прибывшій отъ Государя къ крымской арміи, доносилъ Государю, что въ Севастополѣ, безъ уси-

[1]) Совсѣмъ иначе на личность кн. М. Д. Горчакова смотритъ, въ своемъ „Описаніи обороны г. Севастополя“ гр. Тотлебенъ. Вотъ, что говоритъ онъ, напримѣръ, по поводу посѣщенія княземъ 8 августа 1855 г. укрѣпленій: „Появленіе, любимаго, благороднаго вождя, совершенно равнодушнаго къ ужасамъ смерти, привело въ восторгъ храбрыя войска и удвоило ихъ готовность стоять и драться до послѣдней капли крови“. Хотя и Тотлебенъ не скрываетъ нерѣшительности престарѣлаго главнокомандующаго, перемѣнчивости его взглядовъ и т. д.

А. Жиркевичъ.

ленная бомбардированія, выбываетъ изъ строя 250 человѣкъ ежедневно, кромѣ потери 7 начальниковъ, что снабженіе войскъ и обороны сопряжено съ большими трудностями. Въ виду чего онъ предлагалъ кн. Горчакову, съ прибытіемъ подкрѣпленій, предпринять что-либо рѣшительное противъ праваго крыла союзниковъ. Кн. Горчаковъ, хотя и увѣренъ былъ въ невозможности такого успѣха, но не имѣлъ характера отказаться отъ предполагаемаго сраженія. На военномъ совѣтѣ главнокомандующаго всѣ генералы высказались за атаку непріятельской позиціи на Черной рѣчкѣ. Противъ этого были генералы Ушаковъ, Остенъ-Сакенъ и Хрулевъ. Если же непремѣнно желаютъ перейти въ наступленіе, то они стояли на томъ, чтобы сдѣлать атаку съ Корабельной слободки, противъ непріятельскихъ батарей на Зеленой горѣ и на Киленбалкѣ. Ген. Тотлебенъ, въ то время раненый, проживалъ на Сѣверной сторонѣ, и, спрошенный о предполагаемомъ наступленіи, находилъ полную невозможность дѣлать нападеніе съ Черной рѣчки и говорилъ, что ежели хотятъ наступать,то можно только съ Корабельной слободки, съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы всѣ предварительныя распоряженія велись тайно, маскируя это нападеніе рекогносцировкою со стороны Чоргуна.

Кн. Горчаковъ, разставаясь съ Тотлебеномъ, на томъ и порѣшилъ, но, возвратясь въ главную квартиру, попалъ подъ вліяніе бар. Вревскаго, Коцебу, Бутурлина и др., и нападеніе съ Черной рѣчки было рѣшено.

Начали сосредоточивать войска на Мекензеевой горѣ и на Бельбекѣ.

Въ исходныхъ числахъ іюля предполагаемое нападеніе было заранѣе извѣстно не только у насъ, но и у непріятеля. Перебѣжчики сообщали намъ, что съ Черной рѣчки ждутъ непріятеля.

Между тѣмъ, кн. Горчаковъ, донося Государю о намѣреніи нападенія, съ каждымъ днемъ убѣждался болѣе и болѣе въ невозможности успѣха.

Такова была распорядительность человѣка, лишеннаго всякихъ военныхъ дарованій!...

Въ роковой день сраженія 4 августа [1]) у насъ выбыло изъ строя 10 тыс. человѣкъ; командующій наступленіемъ ген. Раабъ былъ убитъ въ началѣ сраженія; начальство принялъ самъ Горчаковъ. И какихъ распоряженій не дѣлалось! Одни войска шли на бойню, остальныя были зрителями. Распоряженія начальника штаба Коцебу были такъ непрактичны, что перевязочные пункты находились за нѣсколько верстъ отъ мѣста сраженія, въ деревнѣ Шули,

[1]) 1855 года.

такъ что многіе тяжело раненые скончались на полѣ сраженія, остальные забраны въ плѣнъ.

Наши ружья не только были близкаго боя, но при переправѣ черезъ Черную рѣчку наводимые мосты оказались коротки, люди проваливались въ воду, подмочивъ патроны. Въ числѣ убитыхъ былъ и генералъ Вревскій.

Съ разсвѣтомъ, 5 августа, загремѣли 800 непріятельскихъ орудій [1]); перерывъ намъ давался на нѣсколько часовъ—и тогда исправляли поврежденія. Штуцерныя пули поражали тоже многихъ и отъ навѣснаго огня мортиръ въ городѣ не было ни одного безопаснаго мѣста.

Кн. Горчаковъ доносилъ Государю, что, несмотря на усиленную бомбардировку, Севастополь можетъ держаться пока плавучій мостъ на Сѣверную сторону, черезъ Большую бухту, будетъ готовъ къ 15 августа, и что тогда придется очистить южную часть города.

Нахимовъ былъ противъ устройства такого моста, какъ знака выраженія отступленія, говоря, что волненіе съ моря его разрушитъ. Многіе моряки были того же мнѣнія. Однако, мостъ принялись строить.—15 августа онъ былъ открытъ для движенія. Ширина рейда въ томъ мѣстѣ около 450 саж.

25 августа особенно усилилась бомбардировка. Весь городъ былъ въ дыму, который не расчищался въ послѣдующіе три дня; солнце было едва видно. Несмотря на такую оглушительную трескотню, всѣ поврежденія исправлялись. Кромѣ прямой и навѣсной пальбы было брошено на Малаховъ курганъ нѣсколько бочекъ съ порохомъ.

25 августа одна изъ бомбъ попала въ транспортъ „Березань“ и онъ сгорѣлъ, а ночью, подъ огнемъ, все мелькали бѣлыя птицы, вѣроятно чайки [2]).

Того же числа, въ 10 ч. ночи [3]), когда подошли два нагруженные 200 пудами пороха баркаса, то въ одинъ изъ нихъ попала ракета: весь порохъ взорвало; вся Графская пристань была разрушена; было, при этомъ, много убитыхъ и раненыхъ.

---

[1]) По укрѣпленіямъ Корабельной стороны и по лѣвому фасу 4-го бастіона.

[2]) „Березань“ погибъ не 25, а 24 августа. (См. „Отчеты обороны г. Севастополя“ Тотлебена). *А. Жиркевичъ.*

[3]) Графская пристань была разрушена упоминаемымъ взрывомъ вечеромъ 26 августа. Въ тотъ же день, непріятельскія бомбы зажгли стоявшій на рейдѣ, у Сѣверной стороны, фрегатъ „Коварна“, на которомъ плавалъ когда-то кн. Ухтомскій, и фрегатъ сгорѣлъ.

А. Жиркевичъ.

Въ продолженіе этихъ трехъ дней убыль гарнизона была до 8 тысячъ.

27 августа, съ разсвѣтомъ,—усиленная бомбардировка, особенно по Малахову кургану.

Несомнѣнно, что потерянное нами на Черной рѣчкѣ сраженіе ободрило непріятеля—сдѣлать окончательный ударъ Севастополю.

Около полдня люди на Малаховомъ курганѣ обѣдали. Вдругъ крикнули: „французы!“

Закончивъ пальбу нѣсколькими картечными залпами, французы въ 10 тыс. человѣкъ пошли на штурмъ Малахова кургана, гдѣ было до 2 тыс., преимущественно рекрутъ.

Во второй линіи, за горжею, было еще въ общемъ—2.400 человѣкъ.

Черезъ $^1/_2$ часа французы овладѣли Корниловскимъ бастіономъ и подняли французское знамя.

По всей линіи штурмы были отбиты и только былъ занятъ Малаховъ курганъ.

Кн. Горчаковъ пребывалъ въ дѣлѣ лично и, видя невозможность отбить Малаховъ курганъ, приказалъ очистить городъ. Согласно резолюціи главнокомандующаго отступленіе началось въ 7 часовъ вечера.

Для поддержанія на линіи пальбы, имѣвшей цѣлью—скрыть по возможности отступленіе, были оставлены на батареяхъ охотники, морякамъ поручено было заклепывать орудія, разрушать станки и взрывать пороховые погреба. Отправленіе раненыхъ, больныхъ—нашихъ и непріятельскихъ съ Графской пристани производилось подъ наблюденіемъ кн. Васильчикова, а съ Корабельной стороны—вице-адмираломъ Панфиловымъ. Перевозочными средствами завѣдывалъ капитанъ 2 ранга Воеводскій.

Подъ тяжестью перевозимыхъ орудій, повозокъ и при свѣжемъ морскомъ вѣтрѣ мостъ много погрузился въ воду, но моряки и саперы постоянно подводили подъ него смоляныя бочки.

Затѣмъ послѣдовало сожженіе города. Этимъ дѣломъ завѣдывалъ капитанъ Воробьевъ, состоявшій при князѣ Васильчиковѣ. Стоящій въ одномъ изъ доковъ пароходъ „Первазъ-Бахри“ (Корнилова) былъ сожженъ лейтенантомъ Афанасьевымъ, завѣдующимъ переправкою обозовъ и войскъ по мосту черезъ Южную бухту.

Одновременно съ переправою войскъ затоплены были всѣ оставшіеся корабли военные и транспорты 28 утромъ взорваны были.

Командами охотниковъ были произведены взрывы береговыхъ батарей и Александровская береговая батарея,—29-го береговыя батареи Павловская и Николаевская, а въ ночь съ 30 на 31 затоплены были всѣ пароходы.

30 августа союзники заняли городъ, но такъ какъ онъ представлялъ однѣ развалины, то гарнизоны возвратились въ свои лагери.

Такъ оправдались слова Нахимова, что „оставимъ въ Севастополѣ только трупы и развалины".

Потери съ обѣихъ сторонъ были громадны".

д) „Мудрыя распоряженія главнаго штаба крымской арміи облегчили союзниковъ: взяты были Волынскій, Селенгинскій редуты и Камчатскій люнетъ.

Въ ожиданіи ихъ штурма, отозванъ былъ командующій войсками Корабельной слободы ген. Хрулевъ и вмѣсто него назначенъ былъ ген. Жабокритскій, по замѣчанію кн. Васильчикова въ его запискахъ, заядлый полякъ, не сочувствовавшій войнѣ съ французами. По представленію этого генерала, 22 мая, гарнизоны означенныхъ редутовъ были ослаблены до послѣдней крайности. Вслѣдствіе такого распоряженія главнаго штаба эти редуты были отданы на жертву непріятелю, а также и вся южная часть обороны поставлена была въ беззащитное положеніе.

Когда съ наблюдательныхъ постовъ, 26 мая, замѣчена была готовность непріятеля штурмовать означенныя укрѣпленія, то, вмѣсто того, чтобы послать имъ помощь, Жабокритскій подалъ рапортъ о своей болѣзни и уѣхалъ на Сѣверную сторону.

Назначенный снова начальникомъ войскъ Корабельной слободки ген. Хрулевъ, хотя и принялъ всѣ мѣры къ защитѣ этихъ укрѣпленій, но резервы пришли очень поздно и дѣло было проиграно.

Адмиралъ Нахимовъ лично вмѣшался въ дѣло и едва не попалъ въ плѣнъ.

Самый Малаховъ курганъ былъ почти безъ войска и находился въ беззащитномъ положеніи, и потому его всегда могли взять французы, если бы ихъ начальство распорядилось атакою.

Такъ мы несли наши потери по нераспорядительности штаба.

Сообщ. А. В. Жиркевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Опечатки: Въ сентябрьской кн. „Рус. Ст." за 1911 г. на 412 стр. 7 строка снизу напечатано:—„Съ убитыми—нѣтъ, а съ турками боимся", а слѣдуетъ:—„Съ убыхами—нѣтъ, а съ турками боимся"; на 414 стр., 9—10 стр. снизу: „во время поворота. (дальше съ красной строки) Пароходъ сталъ на мель",—слѣдуетъ: „во время поворота, пароходъ сталъ на мель (безъ красной строки).

Императоръ Николай Павловичъ и Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ ихъ письмахъ 1825—1831 гг.

(Ихъ характеристика и взаимныя отношенія) [1]).

Съ того дня какъ Императоръ Николай Павловичъ вступилъ на престолъ, при совершенно исключительныхъ, можно сказать, безпримѣрныхъ въ исторіи обстоятельствахъ, между нимъ и Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ началась неоффиціальная переписка, которая поддерживалась самымъ дѣятельнымъ образомъ вплоть до кончины Цесаревича. Изданная въ текущемъ году Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ, она составила два объемистыхъ тома.

Письма, которыми августѣйшіе братья обмѣнялись съ 26 ноября 1825 г., съ кончины Императора Александра I по 15 іюня 1831 г., и въ которыхъ они „совершенно откровенно дѣлятся мыслями и взглядами по важнѣйшимъ вопросамъ военнаго дѣла, внутренняго управленія и внѣшней политики и говорятъ о событіяхъ, имѣвшихъ для нихъ интересъ семейный и личный, являются матеріаломъ первостепенной важности для характеристики Императора Николая Павловича и Цесаревича Константина Павловича, и для уясненія тѣхъ отношеній, которыя установились между отрекшимся отъ престола Цесаревичемъ и воцарившимся, въ силу этого отреченія, Государемъ“.

---

[1]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 131 и 132. Спб. 1910. Переписка Императора Николая Павловича съ Великимъ Княземъ Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ.

Н. К. Шильдеръ. Императоръ Николай Павловичъ. Его жизнь и царствованіе. Спб. 1903.

Очень характерно въ этомъ отношеніи письмо Николая Павловича къ Цесаревичу, коимъ онъ извѣщаетъ его о своемъ рѣшеніи подчиниться волѣ покойнаго Императора и его и вступить на престолъ.

„Припадая къ стопамъ Вашимъ, какъ братъ, какъ подданный, я молю Васъ о прощеніи, о благословеніи, дорогой, дорогой Константинъ, писалъ Государь [1]), рѣшайте мою судьбу, приказывайте Вашему вѣрному подданному и разсчитывайте на его безпрекословное послушаніе. Что же, великій Боже, я могу сдѣлать, что могу сказать Вамъ? Вы имѣете мою присягу, я вашъ подданный, я могу лишь покоряться и повиноваться Вамъ; я сдѣлаю это, потому что таковъ мой долгъ, Ваша воля моего владыки, моего Государя, и который никогда не перестанетъ быть имъ для меня; но сжальтесь надъ несчастнымъ, единственное утѣшеніе котораго заключается въ убѣжденіи, что онъ исполнилъ свой долгъ и заставилъ другихъ сдѣлать то же самое...

„Теперь же съ чистою душою передъ Вами, мой Государь, передъ Богомъ, моимъ Спасителемъ, и передъ тѣмъ ангеломъ, которому я обязанъ былъ воздать этотъ долгъ, это обязательство, подыщите слово, какое хотите, я чувствую, но не могу выразить это, спокойно и безропотно покоряюсь я Вашей волѣ и повторяю Вамъ здѣсь клятву передъ Богомъ исполнить Вашу волю, какъ бы тягостна она ни была для меня. Я не могу сказать Вамъ ничего большаго: такъ я исповѣдался передъ Вами, какъ бы передъ самимъ Богомъ“.

Такъ, исполняя свой долгъ, принялъ Николай Павловичъ тяжелое наслѣдіе своего брата, по поводу котораго онъ говорилъ вдовствующей Императрицѣ, своей матери: „не знаю, кто приноситъ бо́льшую жертву, тотъ ли, кто отказывается (отъ престола), или тотъ, кто принимаетъ его при подобныхъ обстоятельствахъ“.

Замѣчательно чувство горячей любви и какого-то особаго благоговѣнія, съ какимъ Государь и Цесаревичъ относились къ памяти покойнаго Императора Александра I. Въ своихъ письмахъ они называютъ его не иначе, какъ „нашъ ангелъ“ или „благодѣтель“; Императоръ Николай Павловичъ многократно повторяетъ, что онъ смотритъ на себя лишь какъ на уполномоченнаго покойнаго Императора, призваннаго продолжать его дѣло и который долженъ быть каждое мгновеніе готовъ отдать ему отчетъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ и что онъ намѣренъ дѣлать. Также смотрѣлъ и Константинъ Павловичъ, совѣтуя брату „ничего не мѣнять изъ того, что было сдѣлано

---

[1]) Письмо отъ 3-го декабря 1825 г.

нашимъ дорогимъ, прекраснымъ и обожаемымъ усопшимъ, какъ въ наиважнѣйшихъ, такъ и въ малыхъ дѣлахъ".

....Ничего не нужно выдумывать, дѣйствуя въ духѣ покойнаго Императора, слѣдуетъ только поддерживать и укрѣплять то, что было сдѣлано имъ, и что стоило ему столько трудовъ" [1]).

Со своей стороны, Цесаревичъ обѣщалъ Государю направить всѣ свои усилія къ его услугамъ, въ силу долга, убѣжденій, „дружбы", и „слѣдуя тому же образу дѣйствій, котораго онъ держался при жизни Императора Александра, откровенно высказывать ему свои взгляды", въ чемъ, какъ онъ сознался въ одномъ письмѣ, „онъ подъ клятвою обязался передъ Александромъ".

„Довѣріе, смѣю сказать безграничное, которое Его Величество, нашъ общій благодѣтель, благоволилъ оказать мнѣ, ручается вамъ за искренность и чистоту моихъ руководящихъ началъ, писалъ Цесаревичъ, я никогда не обманывалъ его; моя откровенность по отношенію къ нему, когда онъ призывалъ меня высказать ему правду, заслужила мнѣ его дружбу, смѣю выразиться такъ, безъ какого бы то ни было тщеславія. Постоянно повинуясь его приказаніямъ, я оставлялъ въ сторонѣ свое мнѣніе, чтобы дѣйствовать сообразно его мнѣнію, нисколько не скрывая отъ него своего взгляда".

„Безмолвное повиновеніе"—черта, характерная для Константина Павловича; это былъ девизъ, усвоенный имъ въ отношеніи къ Николаю Павловичу. Между тѣмъ на дѣлѣ онъ поступалъ не совсѣмъ такъ: повторяя чуть не въ каждомъ письмѣ изъявленія въ своей непоколебимой преданности и готовности безпрекословно подчиняться волѣ Государя, Константинъ Павловичъ очевидно не могъ побороть, ради государственныхъ интересовъ и спокойствія брата, своего личнаго неудовольствія и самолюбія настолько, чтобы оказать Государю ту нравственную помощь и поддержку, въ которой Николай Павловичъ такъ нуждался въ первое время по своемъ воцареніи. Несмотря на самыя настоятельныя, горячія просьбы Императора пріѣхать въ Петербургъ, Цесаревичъ упорно оставался въ Варшавѣ и не пріѣхалъ въ столицу, гдѣ его отсутствіе многими было превратно истолковано и создало Государю много лишняго горя и заботъ.

„Приглашеніе Ваше пріѣхать скорѣе не можетъ быть принято мною,—писалъ Цесаревичъ 2 (14) декабря 1825 г.,—и я объявляю Вамъ, что удалюсь еще дальше, если все не устроится согласно волѣ покойнаго нашего Императора". Въ этихъ словахъ чувствуется какая-то затаенная досада и озлобленіе, отъ которыхъ Цесаревичъ никогда не могъ совсѣмъ отдѣлаться.

---

[1]) Письмо отъ 8-го (20) декабря 1825 года.

Императоръ и послѣ усмиренія декабрьскаго мятежа неоднократно выражалъ брату желаніе видѣть его въ Петербургѣ, полагая, что его пріѣздъ лучше всего могъ успокоить умы.

„Настроеніе умовъ очень хорошо, — писалъ Государь Цесаревичу 23 декабря,—и сдѣлается еще лучше, когда Васъ увидятъ здѣсь“, но Цесаревичъ продолжалъ упорствовать въ своемъ отказѣ пріѣхать въ Петербургъ.

„Не слѣдуетъ, чтобы я, благодаря своему присутствію, послужилъ предметомъ безпорядковъ или предлогомъ, какъ это уже случилось разъ,—отвѣчалъ онъ на просьбы Государя[1]),—прежде всего отчетливо разберитесь во всемъ, захватите всѣхъ этихъ мятежниковъ, такъ сказать укрѣпите себя на вашемъ мѣстѣ“.

Такимъ образомъ, несмотря на ясно выраженное желаніе и волю Императора, Константинъ Павловичъ не счелъ возможнымъ прибыть въ Петербургъ даже на погребеніе Императора Александра; при этомъ онъ считалъ свой образъ дѣйствій совершенно правильнымъ и себя правымъ, а всѣхъ прочихъ виноватыми.

„На его совѣсти,—говоритъ Н. К. Шильдеръ—нисколько не отразилась кровавая расправа 14 декабря и сопряженныя съ нею кровавыя жертвы, вызванныя тѣмъ упорствомъ, съ какимъ онъ не хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ“. Онъ настаивалъ на суровомъ наказаніи виновныхъ и просилъ брата хорошо обдумать свое дальнѣйшее поведеніе; „пусть Ваше милосердіе не увлечетъ Васъ слишкомъ далеко,—писалъ онъ... Какое счастье среди этого горя, что я не былъ въ Петербургѣ во время этого злополучнаго событія въ этотъ критическій моментъ, когда эта сволочь волновалась якобы во имя мое!.. Если это несчастное петербургское событіе, хотя оно и очень велико, можетъ водворить порядокъ въ остальной части имперіи,— это жертва, которая принесетъ извѣстную пользу; въ противномъ случаѣ, сволочь увидитъ, что еще имѣются честные люди, умѣющіе быть преданными, и что не все пройдетъ даромъ!“ [2]).

Государь посылалъ Цесаревичу для прочтенія весь матеріалъ, добытый слѣдственной комиссіей по дѣлу 14-го декабря. Перечитывая эти бумаги и не находя среди обвиняемыхъ польскихъ фамилій, Цесаревичъ радовался, что поляки къ этому дѣлу не причастны.

„Благодареніе Богу,—писалъ онъ Императору,—до настоящаго времени среди этихъ гнусныхъ открытій не скомпрометтировано имя кого бы то ни было изъ тѣхъ, которыхъ мой покойный благо-

---

[1]) Письмо отъ 30 декабря 1825 г.

[2]) Письмо отъ 20 декабря ст. ст. 1825 г.

дѣтель соблаговолилъ ввѣрить моему начальствованію. Здѣсь все спокойно и удивлено и возмущено петербургскими ужасами".

Но радость Цесаревича была не продолжительна; когда изъ показаній подсудимыхъ были обнаружены сношенія между членами тайныхъ обществъ и таковыхъ же обществъ, существовавшихъ въ Польшѣ, Цесаревичъ тотчасъ пытался выгородить виновныхъ поляковъ [1]).

„У насъ до настоящаго времени все, слава Богу, совершенно спокойно и, полагаясь на Его милость, надѣюсь, что такъ оно и продолжится—повторялъ онъ недѣлю спустя [2]). Благоволите разрѣшить мнѣ, добрый братъ, представить Вамъ одно замѣчаніе по поводу всѣхъ сдѣланныхъ Вамъ показаній; мнѣ кажется, что эти несчастные русскіе, оказавшись по своему поведенію недостойными этого имени и видя, что до настоящаго времени среди скомпрометтированныхъ нѣтъ ни одного поляка, за отсутствіемъ доказательствъ, пытаются набросить на нихъ подозрѣнія; мой долгъ велитъ мнѣ обратить на это Ваше вниманіе въ виду того, чтобы тѣ, которые пользовались покровительствомъ покойнаго Императора, не сдѣлались жертвами интриги, подозрѣній и сомнѣній—замѣтьте при этомъ, что всѣ сдѣланныя показанія заставляютъ подразумѣвать, что я задержанъ здѣсь, что я долженъ пріѣхать въ Петербургъ, и многое другое въ томъ же родѣ".

Чтобы удостовѣриться въ томъ, что въ Варшавѣ все было спокойно такъ же, какъ при покойномъ Императорѣ, и что навѣты на поляковъ были не что иное, какъ самая грубая интрига, Цесаревичъ просилъ Государя [3]) прислать въ Варшаву какое-нибудь довѣренное лицо, которое могло бы точно удостовѣриться въ этомъ.

Когда наконецъ въ участіи поляковъ въ заговорѣ, послѣ допроса арестованнаго князя Яблоновскаго, не оставалось никакого сомнѣнія, то Императоръ писалъ брату о необходимости прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости, Цесаревичъ „не счелъ возможнымъ продолжать попрежнему бездѣйствіе" и учредилъ въ Варшавѣ слѣдственный комитетъ для открытія существовавшихъ тамъ тайныхъ обществъ; но когда въ захваченныхъ бумагахъ генерала Княжевича были найдены копіи писемъ, которыми обмѣнялись Императоръ Александръ и Костюшко въ 1814 г. „Цесаревичъ тотчасъ воспользовался этимъ, чтобы въ положительныхъ обѣщаніяхъ, данныхъ Императоромъ польскому патріоту, на которыхъ поляки основывали свои надежды найти оправданіе ихъ участія въ заговорѣ.

---

[1]) Письмо отъ 25 декабря 1825 г.

[2]) Письмо отъ 7 января 1826 г.

[3]) Письмо отъ 9 января 1826 г.

„Что же Вы хотите, чтобы послѣ столь положительныхъ обѣщаній, на которыхъ они основывали свои надежды, имъ говорили въ опроверженіе ихъ поступковъ и ихъ намѣреній“—писалъ Константинъ Павловичъ Императору [1]), на что послѣдній отвѣчалъ: „громадная разница, желать ли чего-либо почти обѣщаннаго или же предупреждать правительство въ его мѣропріятіяхъ путемъ тайныхъ и, слѣдовательно, преступныхъ средствъ“.

Что касается этихъ обѣщаній и вообще взгляда на польскій вопросъ, то на этой почвѣ произошло полное разногласіе въ взглядахъ между Государемъ и Константиномъ Павловичемъ.

Императоръ Николай Павловичъ твердо рѣшилъ соблюдать дарованную Польшѣ конституцію; но не хотѣлъ поддерживать мечтаній, порожденныхъ неопредѣленными обѣщаніями Александра Павловича, тогда какъ Цесаревичъ упорно отстаивалъ Александровскую точку зрѣнія, усвоенную имъ во время десятилѣтняго пребыванія въ Варшавѣ; онъ полагалъ справедливымъ исправить историческую несправедливость, совершенную Екатериною II, между тѣмъ какъ Императоръ явился защитникомъ русской государственной точки зрѣнія и признавалъ для русскаго монарха невозможнымъ какое бы то ни было посягательство на цѣлость Имперіи, и поэтому онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ всякой мысли о присоединеніи къ Польшѣ Литвы, что составляло одно изъ тайныхъ желаній поляковъ.

Разсматриваемая нами переписка вполнѣ уясняетъ взглядъ Императора и Цесаревича на этотъ вопросъ.

„Я остаюсь при глубокомъ убѣжденіи, писалъ Императоръ [2]), что продолжать питать и поддерживать идеи, которыя завѣдомо невозможно осуществить вслѣдствіе неудобствъ, крайне важныхъ и влекущихъ серьезныя послѣдствія, значило бы совершенно не выполнить нашъ долгъ, какъ русскихъ. Вы сами высказали это Грабовскому: „будьте полякомъ, что же касается меня, я—русскій и останусь русскимъ“. Я же говорю: „будьте полякомъ, а я самъ буду тѣмъ и другимъ“. Такимъ образомъ я долженъ былъ бы перестать быть русскимъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, если бы я вздумалъ вѣрить, что возможно отдѣлить Литву отъ Россіи въ чистомъ смыслѣ этого слова...

„Моя совѣсть побуждаетъ меня, дорогой Константинъ, вернуться къ предмету [3]), слишкомъ важному и для будущаго, въ виду ле-

---

[1]) Письмо отъ 15 (27) февраля 1826 г.

[2]) Письмо отъ 14-го марта 1827 г.

[3]) Письмо отъ 24 октября (5 ноября) 1821 г.

жащей на мнѣ отвѣтственности, чтобы я не рѣшился еще поговорить съ вами объ этомъ, рискуя встрѣтить съ вашей стороны противоположный взглядъ. Все время, пока я буду находиться на посту, на который вы и нашъ покойный ангелъ поставили меня, я не могу, не долженъ дѣлать ничего непослѣдовательнаго; въ виду этого я совершилъ бы одну изъ непростительнѣйшихъ непослѣдовательностей, если бы нисколько не заботился, чтобы мои поступки отвѣчали моимъ мыслямъ въ вопросѣ, составляющемъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ моихъ обязанностей. Пока я существую, я никакимъ образомъ не могу допустить, чтобы идеи о присоединеніи Литвы къ Польшѣ могли быть поощряемы, такъ какъ, по моему убѣжденію, это вещь неосуществимая, и которая могла бы повлечь за собою для Имперіи самыя плачевныя послѣдствія. При всемъ томъ это не мѣшаетъ мнѣ быть столь же хорошимъ полякомъ, какъ и хорошимъ русскимъ; я доказалъ и при каждомъ случаѣ буду доказывать это строгимъ и вѣрнымъ соблюденіемъ и охраненіемъ привилегій, которыя нашъ покойный ангелъ даровалъ королевству, но, пока я живъ, я не могу потерпѣть ни малѣйшей попытки сверхъ этого, направленной къ вреду Имперіи, въ чистомъ смыслѣ этого слова; вслѣдствіе этого я не могу питать, а еще менѣе поощрять, какія-либо подобныя надежды". Насколько взглядъ Константина Павловича на этотъ вопросъ расходился со взглядомъ Государя, показываютъ слѣдующія строки:

„Что касается Литвы, то это тема слишкомъ длинная для письма, и въ особенности для письма, нацарапаннаго и сочиненнаго мною, писалъ онъ Государю. Благоволите разрѣшить мнѣ изложить мои мысли въ отдѣльномъ мемуарѣ, который я пришлю вамъ, какъ только онъ будетъ готовъ; но что я позволю себѣ высказать здѣсь, это то, что душою и сердцемъ я былъ, есть и буду, пока буду живъ, русскимъ, но не однимъ изъ тѣхъ слѣпыхъ и глупыхъ русскихъ, которые держатся правила, что имъ все позволено, а другимъ ничего. „Матушка наша Россія беретъ добровольно, наступивъ на горло",—эта поговорка въ очень большомъ ходу между нами и постоянно возбуждала во мнѣ отвращеніе"... „Нѣтъ поляка, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, который не былъ бы убѣжденъ въ истинѣ, что его отечество было захвачено, а не завоевано Екатериною въ продолженіе трехъ произошедшихъ раздѣловъ, которая поступила такъ въ мирное время и безъ объявленія войны, прибѣгнувъ при томъ ко всѣмъ наиболѣе постыднымъ средствамъ, которыми побрезгалъ бы каждый честный человѣкъ. Одно лишь царство Польское было завоевано, и это было освящено договорами послѣ войны и явилось слѣдствіемъ заключенія мира; это чув-

ствуется всѣми и цѣлымъ свѣтомъ; завоеваніе есть плодъ побѣды, тогда какъ захватъ постыдный грабежъ, который рано или поздно падетъ на голову грабителя".

Препровождая Императору составленную имъ записку по польскому вопросу, Цесаревичъ предпослалъ ей нижеслѣдующіе строки [1]), ярко рисующія то душевное настроеніе, въ какомъ онъ находился, когда писалъ это письмо, не зная, какъ будутъ выслушаны и приняты его совѣты и соображенія, и какъ Государь объяснитъ побужденія, заставившія его изложить брату свои мысли.

„Благоволите позволить мнѣ, писалъ Цесаревичъ, представить Вамъ прилагаемую при семъ записку, внушенную мнѣ моею вѣрностью моимъ Государямъ въ теченіе минувшихъ тридцати двухъ лѣтъ. Долгій опытъ, безпрерывныя наблюденія во все продолженіе моей службы, отсутствіе какихъ бы то ни было личныхъ видовъ, однимъ словомъ, одна лишь откровенность и прямодушіе нашли въ ней свое выраженіе съ ясностью, какую только я могъ вложить въ нее; прочтите ее съ вниманіемъ, милостиво, съ благоволеніемъ и снисходительностью. Покойный Императоръ пріучилъ меня время отъ времени посылать ему подобныя записки и оставался доволенъ ими. Истина изложена въ ней такою, какою я понимаю ее; я не подчиняю истину мелочной и узкой политикѣ, а излагаю взгляды широкіе, великодушные, благородные и чистые, которые предъ лицомъ всего міра покажутъ вамъ, чѣмъ долженъ быть Государь Великой Имперіи. Впрочемъ, если я ошибся, если мой поступокъ покажется Вамъ смѣлымъ или неумѣстнымъ, благоволите простить мнѣ его и признать въ немъ лишь проявленіе усердія и преданности Вашей августѣйшей особѣ; это послужитъ мнѣ предупрежденіемъ для будущаго не пользоваться правомъ, пріобрѣтеннымъ при нашемъ покойномъ Императорѣ, и котораго онъ приказывалъ и совѣтовалъ мнѣ держаться; много разъ онъ бранилъ меня за то, что я пользовался имъ со слишкомъ большою скромностью... Но не принимайте меня за самонадѣяннаго, осмѣливающагося давать Вамъ совѣты; какъ я далекъ отъ подобной мысли! Но чувства, излагаемыя брату и идущія изъ преданнаго сердца, не суть совѣты, а дань, воздаваемая ненарушимой привязанностью, питаемой къ нему. Однимъ словомъ, прочтите записку и поступите какъ Вамъ заблагоразсудится, а я выполнилъ долгъ моей совѣсти, безупречной и чистой передъ Богомъ, Вами и людьми".

Какъ ни тяжело было Императору, по его собственнымъ словамъ, затрогивать этотъ вопросъ, но онъ считалъ своимъ долгомъ

[1]) Письмо отъ 31 окт. 1827 г.

передъ Богомъ и передъ Цесаревичемъ совершенно ясно и опредѣленно установить свое отношеніе къ польскому вопросу, „такъ какъ я никогда не буду въ состояніи обманывать Васъ, писалъ онъ, хотя-бы приходилось рисковать временно причинить Вамъ неудовольствіе".

Получивъ и внимательно прочитавъ записку Цесаревича о польскомъ вопросѣ, Государь, въ своемъ отвѣтномъ письмѣ, продолжалъ настаивать на своемъ взглядѣ; онъ писалъ, между прочимъ:

„Мой долгъ, какъ честнаго человѣка, ослаблять эту надежду (о присоединеніи Литвы къ Польшѣ), насколько только я могу, во всякомъ случаѣ не поощрять ея явно, упорствуя при первомъ же представившемся наглядномъ случаѣ въ системѣ, раздѣлять которую я не могу. Вотъ, дорогой Константинъ, моя откровенная и прямодушная исповѣдь, какою она была бы передъ Богомъ".

Не сочувствуя политикѣ Императора Александра въ польскомъ вопросѣ, Николай Павловичъ, съ присущей ему рыцарской лояльностью рѣшилъ однако поддерживать дарованную Польшѣ конституцію и прямодушно держалъ свое слово.

„Всякій честный человѣкъ, даже среди поляковъ, отдастъ мнѣ справедливость, говорилъ онъ, и скажетъ: „я ненавижу его, потому что онъ не исполняетъ нашихъ желаній, но я уважаю его, потому что онъ насъ не обманываетъ!"

Эти слова лучше всего освѣщаютъ основной взглядъ Государя на вопросъ, относительно котораго онъ остался твердъ и непоколебимъ. Говоря, что онъ считаетъ себя обязаннымъ быть столь же хорошимъ русскимъ, какъ и хорошимъ полякомъ, Государь былъ, видимо, вполнѣ искренень, ибо онъ вскорѣ обратился къ Цесаревичу съ просьбою „избрать стараго, надежнаго, хорошо знающаго свое дѣло солдата фронтовика, умѣющаго говорить лишь по-польски" и прислать его въ Петербургъ, чтобы онъ состоялъ при Наслѣдникѣ въ качествѣ *дядьки*, „какъ при немъ уже состоялъ одинъ изъ его полка, наблюдая за нимъ во время его игръ". „Имѣя съ тою же цѣлью возлѣ себя поляка, писалъ Государь, онъ, самъ того не подозрѣвая, пріобрѣтаетъ привычку говорить по-польски". „Необходимо, чтобы въ особенности польскій языкъ былъ, по возможности, настолько же близко знакомъ ему, какъ и русскій".

Приведенныя выдержки изъ писемъ Николая Павловича вполнѣ опредѣленно выясняютъ его взглядъ на польскій вопросъ, относительно котораго онъ не могъ быть единомысленнымъ съ Цесаревичемъ.

Теперь интересно установить, какъ обстояло дѣло относительно другого важнаго вопроса, касавшагося на этотъ разъ внѣшней политики, а именно отношенія Государя и Цесаревича къ Восточному вопросу.

Изъ первыхъ же писемъ, коими они обмѣнялись по поводу греческихъ дѣлъ, ясно видно, что они кореннымъ образомъ расходились во взглядахъ на этотъ вопросъ. Николай Павловичъ, съ первыхъ же дней своего царствованія, составилъ себѣ на этотъ счетъ вполнѣ опредѣленный взглядъ, который легъ въ основу его дальнѣйшей политики по отношенію къ Турціи.

Герцогъ Веллингтонъ, прибывшій на погребеніе Императора Александра I въ качествѣ представителя лондонскаго правительства, послѣ первой же аудіенціи у Государя писалъ своему двору, что Императоръ имѣетъ совершенно опредѣленный взглядъ, что онъ руководится своимъ собственнымъ умомъ и что „въ русскомъ министерствѣ нѣтъ лицъ, которыя могли бы на него вліять".

Поставивъ себѣ за правило обо всемъ совѣтоваться съ Цесаревичемъ, Николай Павловичъ коснулся въ своихъ письмахъ къ нему греческихъ дѣлъ.

„Веллингтонъ находится здѣсь съ четверга,—писалъ Государь 20 февраля 1826 г.—При первомъ же свиданіи онъ сказалъ мнѣ, что облеченъ порученіемъ со стороны своего правительства—предложить мнѣ, вдвоемъ, Россіи и Англіи, покончить съ греческимъ вопросомъ; притворился изумленнымъ и далъ ему свободу высказаться, послѣ чего объяснилъ ему, что могу принять то, что онъ говорилъ, какъ совершенно новый вопросъ. Что касается интересовъ Россіи въ отношеніи Порты, однимъ словомъ, нашихъ претензій, въ виду рѣшенія, принятаго Его Величествомъ Императоромъ, прервать всякіе дальнѣйшіе переговоры или сношенія со дворами, неприкосновенными къ этому дѣлу, то я, конечно, не могу или что-либо измѣнить въ этомъ, или же погрѣшить передъ памятью нашего ангела, или передъ своимъ словомъ, уклонившись отъ образа дѣйствій, котораго онъ, такъ сказать, завѣщалъ мнѣ держаться[1]).

Цесаревичъ, не питавшій, вообще, довѣрія къ Сентъ-Джемскому кабинету и не сочувствовавшій его политикѣ, которую онъ называлъ „меркантильной и своекорыстной", не могъ одобрить совмѣстныхъ выступленій Россіи съ Англіей; онъ писалъ:

„Все, что вамъ говорилъ Веллингтонъ по поводу греческаго вопроса, нимало не удивило меня; я такъ и зналъ, что это и есть истинная цѣль его пріѣзда. Во всякомъ случаѣ, Турецкій вопросъ и наше положеніе въ отношеніи турокъ—вещь щекотливая и изъ крайне сложныхъ.

...Одно занятіе княжествъ, даже безъ нарушенія неприкосновенности турецкой территоріи, само по себѣ является враждебнымъ

[1]) Письмо отъ 4 марта 1826 г.

дѣйствіемъ въ отношеніи ихъ и оно повлекло бы за собою страшное возбужденіе и сотрясеніе во всей Европѣ... Помимо того, къ чему Васъ приведетъ занятіе княжествъ, и въ чемъ заключается цѣль, которой Вы хотите достигнуть? Стѣсняетъ ли Васъ то небольшое количество турецкихъ войскъ, которое находится тамъ? Я не думаю этого. Для того ли, чтобы возстановить вашу торговлю на Черномъ морѣ? Или для того, чтобы тѣмъ испугать турокъ?... Помимо того, я увѣренъ, что разъ княжества будутъ заняты, Вы увидите въ Балтійскомъ морѣ англійскій флотъ... Вы мнѣ пишете, что Ваши финансы въ неудовлетворительномъ положеніи; какъ же Вы хотите тогда начать военныя дѣйствія, разъ для веденія войны нужны деньги, деньги и деньги.... Я прибавлю поэтому то, что покойный Уваровъ говорилъ постоянно покойному Императору, что начать войну—въ его власти, но что кончить ее зависитъ отъ обстоятельствъ и событій, а я не думаю, чтобы его можно было заподозрить въ боязливости или трусости. Вотъ мои убѣжденія, дорогой братъ, такія, каковы они у меня въ сердцѣ и умѣ; я передаю Вамъ ихъ всецѣло, дѣлайте съ нимъ, что Вамъ угодно и, несмотря на свои взгляды, я готовъ дѣйствовать и исполнять Ваши приказанія, отстранивъ всякія разсужденія, и какъ будто объ этомъ не было и рѣчи".

Спеціально по поводу греческихъ дѣлъ Цесаревичъ высказался въ одномъ изъ своихъ писемъ такъ [1]):

„Позволю себѣ замѣтить, что турецкія дѣла одно, а греческія—другое. Я не понимаю, какъ можно требовать отъ первыхъ, чтобы они управляли вторыми тѣмъ или инымъ образомъ; если это такъ, то можно было бы съ такою же справедливостью потребовать отъ нихъ, чтобы мы управляли тѣми или иными нашими подданными, точно также сообразуясь съ интересами сосѣдей, можетъ быть я не понимаю, что я говорю, но свойственная мнѣ откровенность обязываетъ меня изложить Вамъ мои мысли такъ, какъ онѣ приходятъ мнѣ въ голову, ибо въ моихъ глазахъ справедливость вездѣ одна и она незыблема; старая пословица гласитъ: „не дѣлай другому того, что не хочешь, чтобы дѣлали тебѣ".

Неожиданное событіе—Наваринское сраженіе, явившееся непосредственнымъ результатомъ соглашенія, заключеннаго въ Лондонѣ по греческому вопросу, послуживъ поводомъ къ войнѣ съ Турціей,—было воспринято Государемъ и Цесаревичемъ совершенно различно.

Императоръ Николай былъ чрезвычайно доволенъ одержанной

---

[1]) Письмо отъ 24 марта 1828 г.

побѣдой и писалъ Цесаревичу [1]), что „дѣйствуя въ подобномъ случаѣ столь же рѣшительно противъ грековъ, мы докажемъ, что въ этомъ дѣлѣ мы не являемся ни греками, ни турками, но что настойчиво продолжаемъ прилагать всѣ наши усилія, чтобы заставить прекратить эту позорную борьбу съ той и съ другой стороны, и что мы желаемъ лишь порядка и спокойствія".

Иначе смотрѣлъ на послѣдствія, какія могло имѣть это сраженіе, Константинъ Павловичъ. „Что касается Наваринской побѣды, отвѣчалъ онъ Императору [2]), то признавая храбрость и доблесть нашего флота и изъ глубины сердца поздравляя его съ этимъ, я въ то же время могу лишь сожалѣть и о причинахъ, и о результатахъ, и о неисчислимыхъ послѣдствіяхъ этой морской побѣды. Англичанинъ, какъ истый Макіавель, сумѣлъ воспользоваться положеніемъ русскаго и француза, которые во всякомъ случаѣ, будучи прижаты къ стѣнѣ, не могли сдѣлать ничего другого, какъ принять предложеніе сражаться, чтобы не навлечь на себя обвиненія въ трусости. Русскій попалъ въ это положеніе по своему чистосердечію, французъ по своей глупости и одинъ англичанинъ для своихъ выгодъ, уничтожая флотъ, каковъ бы онъ ни былъ, который могъ бы вызывать въ немъ хоть нѣкоторыя опасенія, такъ какъ онъ принялъ за правило не относиться съ пренебреженіемъ ни къ одному челну на водѣ. Простите, дорогой братъ, что я Вамъ излагаю эти мысли: онѣ не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ высказываются Вамъ человѣкомъ, удѣлъ котораго—ничтожность, но я долженъ такъ поступить въ силу моей прямоты и откровенности и какъ бы платя дань откровенности, составляющей мой долгъ въ отношеніи къ Вамъ, и такъ какъ я не могу и не долженъ скрывать отъ Васъ что бы то ни было: таковъ былъ мой образъ дѣйствій въ отношеніи нашего почившаго безсмертнаго Императора, и онъ останется неизмѣнно такимъ же въ отношеніи къ Вамъ до тѣхъ поръ, пока Вы не прикажете поступать иначе".

Въ своемъ отвѣтѣ на это письмо, Императоръ Николай даетъ оцѣнку политическаго значенія Наваринской битвы:

„Наваринское дѣло, какъ оно ни было пагубно для турокъ, является только естественнымъ и законнымъ слѣдствіемъ договора [3]), задолго до того объявленнаго Портѣ и объявленнаго потому, что это было единственнымъ средствомъ прекратить порядокъ вещей, несовмѣстимый съ законнымъ порядкомъ въ этой части вселенной. Турція не

---

[1]) 12 ноября 1827 г.

[2]) 20 ноября 1897 г.

[3]) Лондонскій трактатъ, заключенный 6 іюля 1827 г.

могла покончить одна борьбу, которую какъ съ той, такъ и съ другой стороны, Англія покончила бы своими собственными средствами и такъ, какъ это удобно ей; я не могъ потерпѣть этого, такъ какъ это значило бы добровольно уступить ей право дѣлать тамъ то, что ей заблагоразсудится въ исключительныхъ цѣляхъ не блага дѣла вообще, а блага ея исключительныхъ интересовъ. Поэтому было необходимо принудить ее обязаться предъ лицомъ всей Европы отказаться отъ какихъ бы то ни было видовъ на исключительныя преимущества въ этихъ странахъ; вотъ смыслъ договора 6-го іюля. Франція примкнула къ нему изъ недовѣрчивости, и тѣмъ лучше: такимъ образомъ онѣ обѣ связаны; мы являемся во всемъ этомъ противовѣсомъ или антидотомъ; слѣдствіемъ этого будутъ не республика или республики, а прекращеніе враждебныхъ дѣйствій со стороны турокъ или грековъ; послѣднихъ же мы вскорѣ въ свою очередь заставимъ образумиться, и возстановленіе въ этихъ краяхъ свободы торговли—обстоятельство слишкомъ важное для всего нашего юга, чтобы я могъ довѣрить попеченіе о немъ англичанамъ или даже самому другу Меттерниху. Теперь, если войнѣ суждено произойти, она будетъ крайне прискорбнымъ и даже весьма вѣроятнымъ слѣдствіемъ безразсудства турокъ, но здѣсь уже мнѣ невозможно что бы то ни было предусмотрѣть заранѣе".

Цесаревичъ не могъ стать въ восточномъ вопросѣ на точку зрѣнія Николая Павловича и остался ярымъ противникомъ освобожденія Греціи отъ турецкаго ига, признавая греческое дѣло всецѣло „якобинскимъ дѣломъ".

Четыре мѣсяца спустя послѣ Наваринскаго сраженія, война съ Турціей стала совершившимся фактомъ. „Мы получили знаменитый манифестъ или декларацію турокъ"—писалъ Государь 17 (29) февраля 1828 г.: „это предрѣшаетъ будущее и теперь ясно видно, что намъ остается дѣлать. Мое рѣшеніе принято: оно неизмѣнно (irrévocable) и въ этомъ отношеніи турки оказали намъ услугу. Я не знаю еще, какъ поступитъ Англія; я имѣю основаніе думать, что Франція останется вѣрна своимъ обязательствамъ, и поэтому я надѣюсь, съ помощью Божьей, что будетъ достаточно одной оккупаціи княжества".

Война уже началась, а Константинъ Павловичъ все еще предостерегалъ Государя отъ опрометчивыхъ рѣшеній, совѣтовалъ ему избѣгать разрыва съ Турціей, намекая на возможность непріязненныхъ дѣйствій со стороны Австріи и Пруссіи; онъ ссылался даже на авторитетъ Суворова.

„Во всякомъ случаѣ дѣйствуйте спокойно, безъ поспѣшности и легкомыслія и позвольте мнѣ Вамъ напомнить слова фельдмаршала

Суворова, который говорилъ: „глазъ впередъ, глазъ назадъ, глазъ направо, глазъ налѣво“, присовокупляя, несмотря на свою ненависть къ отступленіямъ, что прежде чѣмъ сдѣлать шагъ впередъ, нужно посмотрѣть назадъ, чтобы убѣдиться, не слѣдуетъ ли сдѣлать въ этомъ направленіи два шага или четыре“.

Когда же Императоръ выразилъ Цесаревичу желаніе двинуть польскую армію въ Турцію, чтобы сражаться рядомъ съ своими русскими собратьями за правое христіанское дѣло, то миролюбивый Цесаревичъ, смотрѣвшій на это какъ на дѣло неполитическое, несвоевременное и *предосудительное* для *легитимности*, пришелъ въ ужасъ и сталъ упорно отстаивать ввѣренную ему польскую армію „отъ привлеченія къ ненавистному ему дѣлу“.

„Эта война лишь дѣло либерализма, писалъ Цесаревичъ; и потому столь превозносится тѣми, которые ему покровительствуютъ, и мнѣнія которыхъ (горжусь тѣмъ) я не раздѣляю теперь, быть можетъ, болѣе чѣмъ когда-либо, по слабому моему разумѣнію, не съ востока можемъ мы ожидать зла, но съ запада, изъ этого очага всякихъ возмутительныхъ мыслей“.

Въ перепискѣ, возникшей между Императоромъ и Цесаревичемъ по поводу участія польской арміи въ войнѣ, Константинъ Павловичъ „систематически старался внушить Государю опасеніе насчетъ предстоящихъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи, какъ Австріи, такъ и Пруссіи; въ особенности онъ старался систематически внушить Императору недовѣріе къ намѣреніямъ прусскаго правительства“, „обвинялъ прусское правительство въ приготовленіяхъ къ войнѣ, сообщалъ свѣдѣнія о мобилизаціи 5-го и 6-го корпусовъ, объ укрѣпленіяхъ порта и пр.“.

„Что касается восточныхъ дѣлъ, писалъ Цесаревичъ, такъ какъ Вы говорите о нихъ со мною, то я считаю своимъ долгомъ не скрывать отъ Васъ своего мнѣнія... Западъ боялся нашей физической силы, съ которой мы могли напасть на него, если бы онъ зашевелился; въ настоящее время, когда наши силы разрознены, онѣ не внушаютъ такого страха и наши западные враги получаютъ возможность дѣйствовать, какъ имъ заблагоразсудится. Въ силу этого, западъ, такъ сказать, освободился отъ нашего наблюденія. Я говорю объ этомъ въ общемъ, ибо каждое потрясеніе, какое бы то ни было, есть посягательство на Ваше достоинство (dignité) и на Ваше могущество. Западъ захотѣлъ создать намъ хлопотъ на востокѣ, и это ему удалось“.

Высказываясь такъ опредѣленно и стараясь повліять на Императора, Константинъ Павловичъ, по своему обыкновенію, спѣшитъ говориться.

„Я никогда не позволю себѣ, дорогой братъ, писалъ онъ, намѣчать Вамъ начала, которыхъ Вы должны придерживаться, какъ Вы пишете это, и если иногда я высказываю Вамъ съ присущею мнѣ откровенностью истину, — то, что я признаю истиною въ душѣ, — это является не чѣмъ инымъ, какъ слѣдствіемъ привычки, привитой обыкновеніемъ поступать такъ въ отношеніи нашего покойнаго безсмертнаго Императора и побуждающей меня дѣйствовать подобнымъ образомъ, и слѣдствіемъ священнаго слова, даннаго ему мною поступать такъ и въ отношеніи Васъ, какъ только его не станетъ, что онъ потребовалъ отъ меня подъ клятвою".

Пока происходилъ этотъ обмѣнъ мнѣній, „моментъ для своевременнаго выступленія польской арміи былъ упущенъ. Но Императоръ не сразу отказался отъ своей мысли; онъ потребовалъ, по крайней мѣрѣ, хотя бы высылки въ дѣйствующую на Дунаѣ армію нѣкотораго числа польскихъ офицеровъ: „pour croiser et fraterniser les uniformes". Но и это скромное желаніе Государя встрѣтило противодѣйствіе со стороны Цесаревича; однако Императоръ настоялъ на своемъ, и Цесаревичъ долженъ былъ покориться Высочайшей волѣ: польскіе офицеры, хотя и въ ограниченномъ числѣ (18 офицеровъ квартирмейстерской части и инженернаго корпуса), явились среди русской арміи на Балканскомъ полуостровѣ, къ величайшему удовольствію Государя".

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1828 г. Императоръ Николай Павловичъ самъ отбылъ къ арміи, чтобы принять личное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и передъ отъѣздомъ обратился къ Цесаревичу, съ слѣдующимъ глубоко прочувствованнымъ прощальнымъ письмомъ:

„Насталъ моментъ, писалъ Государь [1]), когда мнѣ остается только сообщить Вамъ о своемъ отъѣздѣ въ армію. Такъ какъ всякая надежда на возможность избѣжать войны окончательно потеряна, то мнѣ ничего иного не остается; я принялъ это рѣшеніе съ надеждою на Божье покровительство, которая никогда не покидаетъ меня въ критическіе моменты моей короткой, но богатой чрезвычайными событіями жизни".

„Позвольте мнѣ, дорогой Константинъ, принести Вамъ здѣсь заранѣе мои поздравленія съ приближающимся днемъ Вашего ангела; пусть Божественное Провидѣніе осыплетъ Васъ во всемъ всѣми своими благословеніями; пусть Вы останетесь въ отношеніи ко мнѣ постоянно однимъ и тѣмъ же; и въ эту торжественную минуту, когда, быть можетъ, на небесахъ начертано, что я долженъ найти смерть въ этой войнѣ, вѣрьте, что я служилъ Вамъ съ такою же

[1]) Письмо отъ 19 апрѣля 1828 г.

преданностью, и что я испущу послѣднее дыханіе съ тѣмъ же чувствомъ нѣжности и признательности къ Вамъ, которыя постоянно руководили мною во всѣ мгновенія моей жизны; если такова въ самомъ дѣлѣ воля Божія, я покину жизнь съ сознаніемъ, что исполнилъ свой долгъ, какъ честный человѣкъ, и съ сожалѣніемъ, что не могъ быть больше полезнымъ моему дорогому отечеству. Подумайте же тогда о моей бѣдной женѣ, объ этомъ ангельскомъ существѣ, которому я обязанъ всѣми счастливыми моментами моей жизни за эти послѣднія одиннадцать лѣтъ; не откажите замѣнить для нея отца и друга; продолжайте оказывать Ваше расположеніе моимъ дорогимъ дѣтямъ и въ особенности бѣдному, несчастному, которому придется замѣнить меня; однимъ словомъ, знайте тогда, что въ мірѣ однимъ существомъ, преданнымъ Вамъ, станетъ меньше. Благословите меня и не откажите въ прощеніи моихъ, конечно невольныхъ, прегрѣшеній въ отношеніи Васъ".

В. Тимощукъ.

Сибирская казачья дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 годахъ [1]).

(Дневникъ участника съ 2 февраля 1904 года по 30 іюля 1905 года).

---

13 апрѣля, Вагонъ.

11-го апрѣля на станціи „Обь“ принимали фуражъ. Послали казаковъ узнать, гдѣ сѣно и какого качества. Завѣдывающій складомъ оказался штабсъ-капитанъ П—кій. Я его зналъ еще по службѣ въ Виленскомъ округѣ. Казакамъ показали сѣно прессованное, накрытое брезентомъ. Есаулъ Третьяковъ пошелъ его смотрѣть. Сѣно оказалось плохимъ, съ большими клочьями гнили. Нашъ контролеръ М. В. Левинъ этимъ обстоятельствомъ возмутился: забралъ большой клокъ этой гнили, рѣшилъ писать актъ, а когда явился самъ шт.-капитанъ П—кій, то М. В. Левинъ горячился и ни за что не хотѣлъ отдавать ему эту гниль. Завѣдывающій складомъ указалъ на другое сѣно, хорошее, которое онъ предлагаетъ взять; оно было въ ометахъ, непрессованное. Отправились смотрѣть сѣно въ ометахъ; оно оказалось, дѣйствительно, хорошаго качества. Интересенъ конецъ всей этой бури съ сѣномъ, которую поднялъ штабъ Сиб. каз. дивизіи на ст. „Обь“: завѣдующій складомъ предложилъ взять сѣно изъ ометовъ, не вѣшая его, сколько унесутъ казаки, лишь бы мы признали, что получили свои 100 пудовъ. Казаки, конечно, набрали больше: набили вагонъ, предназначенный для сѣна и, кромѣ того, пуда по 4 взяли къ себѣ въ вагоны, гдѣ лошади. Всѣ оказались довольными, но мы предупредили всѣ эшелоны, идущіе за нами, что сѣно на станціи Обь слѣдуетъ брать изъ „ометовъ“.

---

[1]) См. „Русская Старина“ апрѣль 1911 г.

Тоже порядки...

Пища на продовольственномъ пунктѣ на ст. „Обь“ была хороша.

12-го апрѣля поздно вечеромъ прибыли на ст. Тайга. Казаки обѣдали. Обѣдаютъ казаки то утромъ, то днемъ, то вечеромъ. Это неудобство неизбѣжно, при условіи открытія продовольственныхъ пунктовъ въ строго опредѣленныхъ пунктахъ. Послѣ обѣда „отпѣли зорю“, какъ говорятъ казаки, и легли спать. Вечеръ былъ теплый и тихій: видимо, весна вступила въ свои права.

Сегодня утромъ прибыли на ст. Маріинскъ. Здѣсь оказалась настоящая желѣзнодорожная платформа. Воспользовавшимъ этимъ комфортомъ, произвели отличную выводку лошадей. Лошадки рѣзвились, валялись и гуляли. Нѣкоторымъ лошадямъ, видимо, эта тряска въ вагонахъ начинаетъ надоѣдать: есть лошади, которыя жалуются на ноги, а мой „Кореецъ“ выбилъ ногами заднюю стѣнку вагона.

Путь еще далекій: доведемъ ли благополучно лошадей?

Только что ходилъ водворять порядокъ среди поѣздной прислуги. Дежурный по эшелону доложилъ мнѣ, что идутъ большія пререканія между машинистомъ и оберъ-кондукторомъ. Машинистъ не желаетъ ѣхать безъ сигнальной веревки, а оберъ-кондукторъ находитъ, что можно ѣхать и безъ нея. Приказалъ сигнальную веревку прицѣпить, а этихъ господъ записать, чтобы фактъ и фамиліи ихъ передать завѣдывающему передвиженіемъ войскъ.

Тоже порядки...

Въ Маріинскѣ закупили себѣ продовольствія на всю нашу компанію. Собираясь другъ у друга въ купэ, коротаемъ время за долгими бесѣдами, да попутно угощаемся незатѣйливыми сладостями. Генералъ Симоновъ сохранилъ еще конфеты и сегодня угощалъ насъ всѣхъ при общихъ знакахъ восторга... Да, этой роскоши мы скоро не увидимъ вовсе и, вѣроятно, забудемъ вкусъ этихъ произведеній кондитерскаго искусства.

Сегодня съ полудня идетъ дождь, а въ поляхъ и на горахъ лежитъ еще потемнѣвшій снѣгъ.

14-го апрѣля, Красноярскъ.

Сегодня съ утра ѣдемъ среди горъ. Виды чрезвычайно живописны. Не успѣешь налюбоваться однимъ, какъ открывается другой, третій... То видна глубокая долина, ярко освѣщенная солнцемъ, покрытая густыми лѣсами сосны и ели; отдѣльныя макушки ихъ далеко проектируются на синевѣ неба, густыя тѣни лежатъ на покатостяхъ склоновъ; бѣжитъ ручеекъ... Рѣдко встрѣчается только жилье; и работы и жизни человѣка не видно. Природа особенно

живописна, приближаясь къ самому Красноярску. Здѣсь лѣсовъ не видно, но горы величественны. Да и самый городъ поражаетъ красотою своихъ окрестностей. Отъ самаго берега Енисея горы вздымаются къ облакамъ своими зубчатыми вершинами. Горы опять покрыты лѣсами. Среди лѣса еще лежитъ снѣгъ, а облака, точно сѣдая борода, ползутъ по долинамъ и ущельямъ горъ и спускаются низко, низко.

Легкій, изящный желѣзнодорожный мостъ связываетъ оба берега Енисея, и желѣзная дорога долгое время идетъ по его правому берегу. Енисей широкъ и могучъ; глубокія воды его однако мало тревожатся немногочисленными пароходами и баржами. Городъ расположенъ на лѣвомъ крутомъ берегу; онъ живописно рисуется и со стороны станціи, и съ правого берега Енисея особенно.

Здѣсь не только хорошо, но природа создала такое богатство и удобствъ, и красоты, что остается только удивляться, почему жизнь здѣсь не кипитъ ключемъ до настоящаго времени...

Въ Красноярскѣ у насъ дневка. Всѣ офицеры отправились въ городъ; пустилъ и казаковъ командою. Есаулъ Третьяковъ дежуритъ и повѣряетъ хозяйство и имущество. Остался и я приводить въ исполненіе полученныя здѣсь распоряженія черезъ генерала Гершельмана.

Штабъ Маньчжурской арміи приказалъ выслать впередъ квартирьеровъ: 1-го офицера и 2-хъ казаковъ на полкъ и штабъ дивизіи и 1-го штабъ-офицера на всю дивизію—начальникомъ квартирьеровъ. Отправить ихъ приказано въ Ляоянъ.

Отъ штаба дивизіи назначилъ хорунжаго Зарубаева и казаковъ Сѣдого и Елисѣева—обоихъ отмѣнныхъ молодцовъ великановъ. Начальникомъ квартирьеровъ генералъ Симоновъ назначилъ 8 Сиб. каз. полка войскового старшину Желтухина.

Второе распоряженіе штаба Маньчжурской арміи касалось временной высадки 4-го Сиб. каз. полка въ Красноярскѣ, а 5 и 8 Сиб. каз. полковъ въ Иркутскѣ и на Иннокентьевской. Вмѣсто нихъ въ эти эшелоны приказано посадить пѣхоту Сибирскихъ дивизій. Въ каждомъ изъ названныхъ пунктовъ, такимъ образомъ, задерживалось по 7 эшелоновъ казаковъ и вмѣсто нихъ вступали въ очередь 21 эшелонъ пѣхоты 1, 2 и 3 Сиб. пѣх. дивизіи.

Очевидно, на театрѣ войны событія принимаютъ болѣе серьезный характеръ. Точныхъ свѣдѣній здѣсь не имѣется, но надо полагать, что японцы или готовятся наступать на Ялу и даже форсировать переправу. И то и другое скверно: по-моему нельзя допустить форсировку Ялу совершенно; иначе мы и въ Ляоянъ не попадемъ.

Третье распоряженіе: дать въ распоряженіе генерала Волкова первыя сотни 7 Сиб. каз. полка для усиленія охраны Восточно-Китайской жел. дор. Это распоряженіе насъ извело окончательно. Оно свидѣтельствовало о продолжающейся системѣ выхватыванія частей войскъ, для второстепенныхъ надобностей, забывая главную цѣль. Фактъ печальный. Генералу Симонову это распоряженіе крайне не понравилось; трудно было примириться не только съ фактомъ оставленія сотенъ въ пути, но также и съ фактомъ заглазнаго указанія именно сотенъ 7 Сиб. каз. полка. Важно исполнить распоряженіе, но кому исполнить самую задачу—это уже дѣло наше указать: генералу Симонову лучше знать, кого назначить; распоряжаться изъ Ляояна такъ не приходится.

Въ данномъ случаѣ генералъ Симоновъ призналъ болѣе цѣлесообразнымъ и желательнымъ дать въ распоряженіе генерала Волкова 5 и 6 сотни 8 Сиб. каз. полка (полкъ 3 очереди). Пришлось произвести довольно сложныя сношенія по телеграфу по этому вопросу съ командирами 7 и 8 полковъ, съ завѣдывающимъ передвиженіемъ войскъ ген. шт. подполковникомъ Демелунксеномъ и съ генер. Гершельманомъ.

Вообще этотъ вопросъ о выдѣленіи двухъ сотенъ на всѣхъ произвелъ самое удручающее впечатлѣніе. Никто не хотѣлъ примириться съ мыслью прибыть на театръ войны безъ этихъ сотенъ, никто не вѣрилъ въ необходимость такой мѣры; казаки были положительно опечалены этимъ извѣстіемъ, и разговорамъ среди нихъ не было конца.

Побывалъ на продовольственномъ пунктѣ, пробовалъ обѣдъ и ужинъ.

Пища оказалась хорошей. Порядки въ отношеніи чистоты тѣ же.

Казаки хорошо пѣли молитву

Больныхъ казаковъ никого нѣтъ. Лошади также всѣ чувствуютъ себя хорошо.

Погода очень теплая; завтра надо сходить въ городъ.

15 апрѣля, Красноярскъ.

Ходилъ въ городъ и очень сожалѣю, что это сдѣлалъ. Пока я дошелъ по главной улицѣ до магазина, который искалъ, насмотрѣлся на такую разнузданную красноярскую публику, на такія безобразія около какихъ-то казармъ, наслушался такихъ разухабистыхъ разговоровъ, взаимныхъ замѣчаній и привѣтствій, о которыхъ не только писать, но и вспоминать-то не хочется. Красноярскъ,

повидимому, городъ, гдѣ никакихъ законовъ государства не знаютъ, а про воспитаніе, да еще русское, очевидно, никто и понятія не имѣетъ. Это открытый кабакъ на улицѣ и когда, въ какое время...

Генералъ Симоновъ увидѣлъ меня, когда я входилъ въ свой вагонъ, и спросилъ, почему я такой хмурый. Я только выругался по адресу всего того, что видѣлъ и слышалъ въ Красноярскѣ, заразившись невольно нравами его обитателей.

Печальное состояніе обитателей этого благословеннаго края; это благословеніе вѣроятно давно уже превратилось въ Божій гнѣвъ и проклятіе.

16 апрѣля, Канскъ.

Штабъ дивизіи продолжаетъ свой путь. По слухамъ, въ Иркутскѣ будетъ большая задержка. Если слухъ оправдается, то нельзя не сказать, что перевозка войскъ организована безобразно. Задержки въ посадкѣ готовыхъ къ походу войскъ почти на два мѣсяца (вѣдь на западномъ фронтѣ въ этотъ періодъ времени можно войну кончить), высадки въ пути однихъ эшелоновъ и замѣна другими (казаковъ смѣнили пѣхотой), продолжительныя и непроизводительныя остановки „до 7 часовъ“ и т. п. факты говорятъ сами за себя. Не понимаю, что помѣшало сдѣлать правильные и точные разсчеты? Сама Сибирская ж. дор., мнѣ кажется, тутъ ни при чемъ. Малая пропускная способность ея—это ужъ вина заданія ея постройки и непониманіе ея значенія строителей инженеровъ. Въ этомъ отношеніи мнѣ не понятны объясненія техническаго свойства и скудность финансовыхъ средствъ; особенно послѣднее, такъ какъ всѣмъ теперь ясно, что постройка Сибирской ж. д. обошлась непомѣрно дорого, а построена и оборудована она скверно, ибо, помимо войны, она не можетъ выполнить своевременно перевозки всѣхъ грузовъ. Теперь вздохами, да сожалѣніями дѣлу не поможешь и приходится мириться съ тѣмъ, что у насъ правильной перевозки войскъ нѣтъ, а имѣются одни лишь мытарства.

Въ Канскѣ оказался лучшій изъ видѣнныхъ мною продовольственныхъ пунктовъ.

Пища и хлѣбъ хороши.

Сухой плацъ далъ возможность сдѣлать хорошую выводку лошадей. Лошади замѣтно привыкли влѣзать и вылѣзать по крутымъ сходнямъ и большой возни съ этимъ дѣломъ уже нѣтъ. Въ Канскѣ впервые казакамъ штаба дивизіи принесли подарокъ:—чаю, сахару и табаку.

Спасибо большое сказали казаки за вниманіе.

19 апрѣля, Иннокентьевская.

Поѣздъ остановился въ 6 верстахъ отъ Иркутска. Станція Иннокентьевская служитъ какъ-бы дополнительной станціей Иркутска. Кругомъ станціи обширное кочковатое болото. Поселокъ около станціи небольшой. Верстахъ въ двухъ отъ станціи виденъ Иннокентьевскій монастырь.

Здѣсь нашъ эшелонъ выгрузился, такъ какъ казаки и лошади должны идти кругомъ Байкала походомъ.

Ледоколъ перевезетъ лишь вагоны съ грузомъ да платформы съ повозками обоза. Постигнувъ всю эту сложную махинацію, я не вѣрилъ возможности ея существованія. Оказывается, мы уперлись въ мертвую точку Великаго Сибирскаго пути. Какая иронія, какое величайшее глумленіе надъ Россіей со стороны тѣхъ, кто видѣлъ, зналъ и долженъ былъ понимать значеніе этой „мертвой точки“! Вѣдь это обманъ Великаго Царя, иниціатора этого великаго дѣла, это предательскій грабежъ послѣднихъ крохъ достоянія русскаго народа людьми, достойнаго названія которымъ я не могу подобрать...

Войска спѣшать въ бой, а тутъ какія-то измышленія, такъ какъ дальше пути нѣтъ. По льду переправа черезъ Байкалъ прекращена, а ледоколъ „Байкалъ“ работать еще не можетъ. Да и какая его работа: два—три рейса въ сутки, не принимая во вниманіе неизбѣжныхъ поломокъ и неисправностей... При этихъ условіяхъ воевать нельзя съ Японіей и наши надежды на успѣхъ давно похоронены здѣсь въ Байкалѣ. Только я не зналъ этого и вѣрилъ въ несбыточныя мечты. Какое горе, какія муки терзаютъ меня сегодня...

Завтра казаки и лошади пойдутъ походомъ кругомъ Байкала по дорогѣ на Введенщину, Моты, Глубоковскую и Култукъ. Это этапная дорога. Сказали, что на этапахъ заготовленъ фуражъ и обезпечено довольствіе казаковъ и ихъ ночлеги.

Съ казаками назначилъ идти капитана Егорова и хорунжаго Путинцева.

Самъ я ходилъ сегодня пѣшкомъ въ Иркутскъ. Изъ разговоровъ съ завѣдывающимъ передвиженіемъ войскъ подполковникомъ генеральнаго штаба Домелунксенымъ выяснилъ всѣ эти печальныя обстоятельства. Впрочемъ, онъ меня утѣшалъ тѣмъ, что ледоколъ сегодня долженъ пробиться до Танхоя и завтра должна начаться переправа войскъ и грузовъ.

На Иннокентьевской хорошо оборудованная станція: имѣются

казармы (и теперь происходитъ много работъ) для нѣсколькихъ эшелоновъ, продовольственный пунктъ, для офицеровъ выстроена цѣлая гостиница съ буфетомъ и столовой (даже сообщенія дѣлаются здѣсь офицерами, дабы не терять дорогого времени; а сидѣть здѣсь подолгу обязательно). Теперь здѣсь застряли, кромѣ частей Сибирской казачьей дивизіи, около 1.500 человѣкъ запасныхъ, Вост.-Сиб. понтонный баталіонъ, одна батарея 4-го Сибирскаго дивизіона. Комендантъ, 2—3 его помощника и ветеринарный врачъ вѣдаютъ здѣсь всѣми порядками.

Генералъ Симоновъ, подполковникъ Посоховъ, див. контролеръ М. В. Левинъ уѣхали въ Иркутскъ. Прочіе чины штаба дивизіи размѣстились въ номерахъ гостиницы. Мнѣ достался № 22.

Здѣсь-же уже жилъ командиръ 2-й бригады генералъ Чириковъ, съ которымъ мы и провели вечеръ въ бесѣдѣ о нашихъ горестяхъ.

Станція крайне загружена вагонами. Все ждетъ движенія впередъ, но его нѣтъ и пока и быть не можетъ. Ждутъ своей очереди и санитарные поѣзда (между прочими и санитарный поѣздъ В. Княгини Маріи Павловны).

Г. А. Даниловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ архивныхъ мелочей.

1.

Письма А. Ив. Теребенева [1]) гр. В. Ѳ. Адлербергу.

Сіятельнѣйшій Графъ
Владиміръ Ѳедоровичъ!

Съ неизреченнымъ чувствомъ благоговѣйнѣйшей признательности къ Монарху, внявшему высокому предстательству Вашего Сіятельства предъ лицомъ Его, и къ ходатайству за меня Его Превосходительства Флоріана Антоновича [2]) я получилъ сего 22-го мая Всемилостивѣйшее пособіе [3]) въ моей болѣзненной и несчастной участи, которое не только подкрѣпитъ мои недуги, но и дало уже жизнь всему моему семейству.

Умоляю Васъ, Сіятельнѣйшій Графъ, повергнуть Его Величеству чувства наши, которыя переполнены мольбами къ Богу за Царя, отца нашего!

Если Всевышнему угодно будетъ возстановить мое здоровіе, тогда не оставьте меня, Ваше Сіятельство, порученіемъ работы по моей

---

[1]) Этотъ документъ, какъ и слѣдующій, краснорѣчиво говоритъ о томъ, въ какомъ тяжеломъ матеріальномъ положеніи находился въ послѣдніе годы своей жизни нашъ извѣстный скульпторъ, Александръ Ивановичъ Теребеневъ. Онъ родился 25 января 1814 г. и скончался 31 іюля 1859 г. въ Спб. Все письмо писано рукой Теребенева.

[2]) Жиля, дававшаго уроки французскаго языка Наслѣднику Престола, Великому Князю Александру Николаевичу. При Теребеневѣ былъ сперва начальникомъ I-го отдѣленія Эрмитажа и потомъ—его директоромъ. Скончался въ 1865 г., лишивъ себя жизни.

[3]) Триста рублей изъ комнатной суммы.

части, что возобновитъ крѣпость моральныхъ силъ моихъ и дастъ возможность быть еще по силамъ полезнымъ моему отечеству.

Съ чувствомъ глубокаго уваженія честь имѣю быть
Вашего Сіятельства
всепокорный слуга
Александръ Теребеневъ.

23 мая
1858 года.

2.

Всеподданнѣйшее прошеніе А. Ив. Теребенева [1]).

Ваше Императорское Величество!

Однажды спасенный высокимъ участіемъ Вашего Величества, осмѣливаюсь надѣяться, что и на этотъ разъ Вы внемлете просьбѣ того, котораго Монаршее вниманіе Ваше такъ неожиданно возвратило къ жизни.

Въ прошедшемъ 1858 году я лежалъ въ Маріинской больницѣ, безнадежно боленъ, вслѣдствіе многихъ потрясеній, тяжкихъ испытаній, горя и бѣдности, но да будетъ во всемъ святая воля Господа! Вашему Величеству угодно было чрезъ ходатайства министра Двора, Его Сіятельства графа Адлерберга, и начальника I-го отдѣленія Эрмитажа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Жиля посѣтить отеческимъ вниманіемъ меня, малѣйшаго изъ вѣрноподданныхъ своихъ, и тѣмъ самымъ возвратить мнѣ жизнь, которую желалъ бы до конца посвятить служенію отечеству и Вашему Императорскому Величеству.

Умоляю Васъ священнымъ прахомъ незабвеннаго благодѣтеля моего, въ Бозѣ почившаго родителя Вашего, щедротами котораго я постоянно пользовался,—дайте мнѣ возможность къ честному труду и существованію, вмѣстѣ съ сыновьями моими, состоящими на службѣ на Кавказѣ вольноопредѣляющимися.

По неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, одинъ изъ нихъ, юнкеръ Кабардинскаго полка, Петръ Теребеневъ, тяжело раненъ въ дѣлѣ при взятіи Ведени, другой, юнкеръ Нижегородскаго драгунскаго полка, узнавъ о кончинѣ матери своей и крайне бѣдственномъ

---

1) Прошеніе писано цѣликомъ чужою рукой, безъ мѣста отправленія. 30 іюля Адлербергъ дѣлалъ докладъ Императору Александру II, который приказалъ выдать Теребеневу 150 р. изъ комнатной суммы, но на другой день Теребенева не стало! На докладѣ гр. Адлерберга Императору росписка Нестора Теребенева, которую и приводимъ съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника: „Сто пятьдѣсять рублей серебромъ получилъ юнкеръ Нижегородскаго драгунскаго полка Несторъ Александровъ Теребеневъ“.

моемъ положеніи, пріѣхалъ въ отпускъ для свиданія со мною и, заставъ меня въ нищетѣ, не имѣетъ возможности возвратиться въ полкъ, а не вольно подалъ въ отставку.

Я самъ хотя здоровъ, но безъ работъ, безъ средствъ, безъ службы [1]), не знаю, какъ и чѣмъ существовать. Все упованіе мое—на Господа, вся надежда—на Ваше Величество. Да будетъ во всемъ Его святая воля и воля Вашего Императорскаго Величества, которой предаюсь вполнѣ!

Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданный
Императорской Академіи Художествъ
академикъ-скульпторъ
надворный совѣтникъ
Александръ Теребеневъ.

29 мая 1859 года.
Жительство имѣю:
въ домѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Сообщилъ В. А. Алексѣевъ.

---

[1]) Теребеневъ служилъ помощникомъ начальника 2-го отдѣленія Эрмитажа. Вышелъ въ отставку съ чиномъ надворнаго совѣтника, не дослуживъ всего шести съ половиною мѣсяцевъ до пенсіона за пятнадцатилѣтнюю службу.

Генералъ Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ.

(Изъ бумагъ Ал. Н. Попова).

IV [1]).

Республика надоѣла Франціи; въ общемъ презрѣніи и ненависти къ своимъ правителямъ соединялись всѣ враждебныя между собою партіи, и эта ненависть усилилась еще болѣе вслѣдствіе пораженій въ Италіи. Когда Моро возвратился въ Парижъ, Сіесъ ему предлагалъ произвести государственный переворотъ и взять власть въ свои руки. „Въ это время", говорилъ онъ впослѣдствіи передъ судомъ, „я не былъ болѣе республиканцемъ, нежели во всю мою жизнь, однако же показалъ себя самымъ ревностнымъ. На меня смотрѣли съ особеннымъ вниманіемъ и довѣріемъ тѣ лица, которыя располагали силою дать новое направленіе республикѣ. Мнѣ предложили, и это всѣмъ извѣстно, стать во главѣ и произвести такой же переворотъ, какой былъ произведенъ впослѣдствіи 18-го брюмера. Мое честолюбіе, если бы у меня его было много, легко оправдали бы общею пользою и даже чувствомъ любви къ отечеству. Предложеніе было сдѣлано лицами, получившими извѣстность во время революціи своею любовью къ отечеству и своими дарованіями въ нашихъ представительныхъ учрежденіяхъ, но я отказалъ. Я считалъ себя способнымъ предводительствовать войсками, но не хотѣлъ предводительства надъ республикою". Не изъ особеннаго уваженія

[1]) См. „Русск. Стар.", октябрь, 1910 г.

къ тогдашнимъ правителямъ Франціи, не изъ любви къ республиканскому ея устройству Моро отказался произвести государственный переворотъ, который онъ самъ считалъ необходимымъ, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа; но потому, что не считалъ себя призваннымъ къ тому, чтобы властвовать надъ Франціею, а только предводительствовать войсками. Высокая честность Моро, какъ гражданина, выразилась въ этомъ случаѣ во всемъ величіи. Но въ то время, когда онъ отказывался отъ верховной власти надъ Франціею, къ одному изъ ея портовыхъ городовъ (Frėjus) причалила (9-го октября 1799 г.) эскадра изъ четырехъ судовъ. На ней приплылъ Бонапартъ къ берегамъ Франціи, бросивъ въ Египтѣ ввѣренную ему республикою армію на произволъ судьбы. Его прибытію предшествовали только что обнародованные фантастическіе разсказы объ экспедиціи въ Сирію, о побѣдахъ при горѣ Ѳаворѣ, Абу-Кирѣ. Франція встрѣтила его, какъ избавителя; въ Парижѣ всѣ стремились къ нему и вызывали къ дѣйствію, предлагая свои услуги. Правительство, которое могло бы отдать подъ судъ главнокомандующаго, бросившаго вдали свою армію, лишившись всякаго значенія, само чествовало его, какъ героя. Бонапартъ, изучая положеніе дѣлъ, подготовляя средства, показывалъ видъ, что хочетъ держать себя въ сторонѣ. Къ нему стекались всѣ, онъ не бывалъ ни у кого первымъ. Въ этомъ случаѣ онъ сдѣлалъ одно исключеніе. Встрѣтившись съ Моро у предсѣдателя Директоріи, онъ первый поѣхалъ къ нему, желая привлечь его къ себѣ, единственнаго въ то время человѣка, который могъ соперничать съ нимъ, и достигъ своей цѣли. Моро не только не противодѣйствовалъ его замысламъ, но оказалъ ему содѣйствіе во время переворота 18 брюмера. „Когда совершился этотъ переворотъ“, говорилъ впослѣдствіи передъ судомъ Моро, „я былъ въ Парижѣ. Эта революція, вызванная другими, а не мною, не была однако же противна моимъ убѣжденіямъ. Управляемая человѣкомъ, озареннымъ такою славою, она давала поводъ надѣяться, что приведетъ къ счастливымъ послѣдствіямъ. Я содѣйствовалъ ей, тогда какъ меня уговаривали стать во главѣ противной партіи и дѣйствовать противъ нея. Въ Парижѣ я получилъ предписанія отъ генерала Бонапарта и привелъ ихъ въ исполненіе. Такимъ образомъ я способствовалъ ему возвыситься до такой степени могущества, какой требовали обстоятельства того времени“. Въ знакъ благодарности, генералъ Бонапартъ въ первое время послѣ своего возвышенія поддерживалъ добрыя отношенія къ Моро и предложилъ ему начальство надъ рейнскою арміею. Но, стремясь къ неограниченной власти, первый консулъ не могъ съ довѣріемъ относиться къ такому защитнику свободныхъ учрежденій, котораго за-

слуги цѣнила вся Франція и котораго, хотя бы и нѣкоторыя партіи, выставляли какъ его соперника. Назначеніе Моро, удалявшее его изъ Парижа, уже было весьма важно для Бонапарта. Озабоченный военными дѣйствіями, онъ издали не могъ конечно пристально наблюдать за его поступками. Ему поручалось устроить армію въ 130 тысячъ и, съ открытіемъ весны, начать походъ переправою черезъ Рейнъ. Его дѣйствія имѣли рѣшительное значеніе въ глазахъ перваго консула для достиженія главной цѣли всѣхъ военныхъ дѣйствій, которая заключалась въ томъ, чтобы вновь завоевать Италію, исторгнутую изъ-подъ власти Франціи побѣдами Суворова [1]). Удаленіе русскихъ войскъ съ поприща военныхъ дѣйствій давало полную возможность достигнуть этой цѣли. Рейнская армія своими дѣйствіями привлекая на себя непріятеля и вынуждая его обезсиливать войска, дѣйствовавшія въ сѣверной Италіи, могла оказать великую заслугу республикѣ; но эту заслугу можно было впослѣдствіи отодвинуть на задній планъ успѣхомъ войскъ, которыя должны были дѣйствовать въ сѣверной Италіи. Нѣкоторые изъ боевыхъ сотрудниковъ Моро въ этой кампаніи, зная или подозрѣвая, конечно, счеты съ нимъ перваго консула, предполагали даже, что такую многочисленную армію онъ составилъ вовсе не для того, чтобы отдать ее въ распоряженіе Моро; но что онъ самъ хотѣлъ начальствовать надъ нею, поставивъ его въ положеніе своего помощника. Эти слухи доходили до Моро и будто бы онъ за большимъ обѣдомъ, въ присутствіи многихъ генераловъ, говорилъ, что „не допуститъ присутствія маленькаго Людовика XIV при своей арміи и если пріѣдетъ первый консулъ, то онъ немедленно удалится изъ арміи“ [2]). Дѣйствительно, такое намѣреніе имѣлъ первый консулъ, но невозможность оставить Парижъ принудила его отказаться отъ него [3]). Но если первый консулъ долженъ былъ отказаться отъ непосредственнаго начальства надъ Рейнскою арміею въ виду того, что его положеніе не было достаточно крѣпко, и онъ не могъ такъ скоро оставить Парижъ; то, во всякомъ случаѣ, какъ военачальникъ, увѣренный въ своемъ геніи, онъ не могъ быть доволенъ замѣчаніями Моро на предписанный имъ планъ военныхъ дѣйствій и, какъ глава правительства, не могъ не руководить самъ военными дѣйствіями рейнской арміи, тѣмъ болѣе, что они находились въ связи съ дѣйствіями другихъ армій и особенно италіанской, состоявшей

---

[1]) Mémoires de Napoléon, запис. Г. Гурго, изд. 1840 г., стр. 68 и слѣд.

[2]) Mémoires de M. Sent-Syr, т. II, стр. 103.

[3]) Тьеръ, Hist. du Consulat кн. III; Ланфре, Hist. de Napoléon, т. II, стр. 143 и слѣд.

подъ начальствомъ Массены. Положеніе Массены было крайне затруднительно; въ это время, не получая ни подкрѣпленій, ни продовольствія, ни военныхъ запасовъ, съ арміею, простиравшеюся съ небольшимъ до 30 тысячъ, онъ долженъ былъ удерживать Аппенины отъ напора многочисленнаго непріятеля, владѣвшаго уже всею сѣверною Италіею. Не упуская изъ рукъ завоеваній Суворова, Австрія хотѣла укрѣпить ихъ за собою и сосредоточила въ Италіи 120 тысячъ войска подъ начальствомъ барона Меласа. Въ случаѣ успѣшныхъ дѣйствій, на что разсчитывалъ вѣнскій кабинетъ, зная разстройство и малочисленность арміи Массены, онъ долженъ былъ взять Геную, пробиться черезъ линію Вара и вторгнуться во Францію. Значительный англійскій флотъ, постоянно крейсировавшій въ Генуезскомъ заливѣ, долженъ былъ высадить на помощь австрійцамъ 20 тысячный корпусъ англичанъ и эмигрантовъ въ Тулонѣ, куда бы направились войска Меласа. Массена долженъ былъ охранять три прохода черезъ Аппенины, которые вели къ Генуѣ, Савоинѣ и Ниццѣ. Первый консулъ предписалъ ему болѣе всего заботиться о Генуѣ и сосредоточить большую часть своихъ войскъ у Бакетскаго прохода, оставивъ для охраны двухъ другихъ незначительные отряды,—на томъ основаніи, что, прорвавъ линію Вара, австрійцы не рѣшились бы вторгнуться во Францію, если бы въ Генуѣ оставался значительный корпусъ французскихъ войскъ, который могъ бы ударить на нихъ въ тылъ. Очевидно, съ этой стороны угрожала наибольшая опасность, и потому, казалось бы, слѣдовало подкрѣпить и снабдить всѣмъ нужнымъ войска Массены. Между тѣмъ всѣ способы, которыми могла располагать въ это время ослабленная Франція, употреблены были на то, чтобы устроить армію Моро, доведенную уже до 130 тысячъ человѣкъ, но въ этомъ-то и заключалась сущность плана военныхъ дѣйствій, предположеннаго первымъ консуломъ, который онъ хранилъ въ глубокой тайнѣ.

Армія Моро должна была дѣйствовать наступательно противъ 150 тысячной австрійской арміи, находившейся подъ начальствомъ генерала Края, полководца даровитаго, но, конечно, уступавшаго по способностямъ эрцгерцогу Карлу, который, вслѣдствіе несогласія съ мнѣніями вѣнскаго военнаго совѣта, былъ устраненъ отъ начальства надъ войсками. Краю предписано было наоборотъ дѣйствовать оборонительно,—на первое время, на основаніи слѣдующаго разсчета вѣнскихъ стратеговъ. Когда Меласъ займетъ Геную, перейдетъ линію Вара и вторгнется во Францію, первый консулъ будетъ принужденъ отозвать войска съ Рейна, чтобы поспѣшить на помощь Массенѣ. Тогда генералъ Край, обойдя Швейцарію, долженъ былъ перейти Рейнъ и также вторгнуться во Францію.

По соображеніямъ перваго консула, Моро долженъ былъ, дѣлая ложныя распоряженія о переправѣ войскъ черезъ Рейнъ, скрыть отъ непріятеля настоящее мѣсто переправы. Затѣмъ быстро переправить всѣ свои войска между Базелемъ и Шафгаузеномъ, по четыремъ мостамъ, для сооруженія которыхъ, по его распоряженію, уже заготовлялись суда въ притокахъ Рейна. Но Моро представилъ возраженія противъ такого способа переправы. Онъ считалъ дѣломъ затруднительнымъ скрыть отъ непріятеля не только мѣсто переправы, но и самую переправу, когда бы она началась. Мгновенно нельзя приготовить четыре моста и переправить 130 тысячную армію со всѣми ея тяжестями и обозами въ виду многочисленнаго непріятеля, котораго расположеніе давало ему возможность скоро сосредоточить силы и помѣшать переправѣ. Неудача въ этомъ случаѣ была бы гибельна для рейнской арміи и отклонила бы исполненіе главной цѣли, къ которой стремились всѣ соображенія перваго консула. Эта цѣль заключалась въ томъ, чтобы, ударивъ во флангъ арміи Края, отбросить ее къ верхнему Дунаю, отрѣзать отъ Баваріи, разбить, и такимъ образомъ лишить возможности, въ случаѣ нужды, послать подкрѣпленія въ Италію. Моро предполагалъ, напротивъ, воспользоваться существующими мостами въ Страсбургѣ, Бризахѣ и Базелѣ, развлечь вниманіе непріятеля, переправляясь нѣсколькими колоннами, и потомъ тайно двинуть ихъ берегомъ Рейна къ Шафгаузену, чтобы прикрыть переправу остальныхъ войскъ. Конечно, первому консулу не полюбились возраженія, но онъ еще былъ не въ томъ положеніи, чтобы отвергать ихъ. Во всякомъ случаѣ, онъ желалъ настоять на своемъ: вызвалъ начальника штаба Моро, генерала Дессаля, три дня продержалъ его въ Парижѣ, объясняя превосходства своего плана дѣйствій съ тѣмъ, чтобы онъ убѣдилъ потомъ своего главнокомандующаго привести его въ исполненіе. Тонкій Дессаль, послѣ многихъ объясненій, говорилъ наконецъ: „Вашъ планъ болѣе геніаленъ, болѣе рѣшителенъ и, быть можетъ, болѣе надеженъ, но онъ не согласенъ со свойствами того, кто долженъ приводить его въ исполненіе. У Васъ особый способъ воевать, съ Вами никто не можетъ равняться. У Моро свой, который гораздо ниже Вашего; но такъ же очень хорошій. Позвольте ему дѣйствовать по-своему: онъ будетъ хорошо дѣйствовать; можетъ быть медленно, но вѣрно. Вы достигнете тѣхъ же послѣдствій, хоторыхъ желаете для успѣха общихъ соображеній всѣхъ военныхъ дѣйствій. Въ противномъ случаѣ, если Вы принудите исполнить Вашъ планъ, Вы его смутите, можетъ быть, оскорбите, и тогда Вы ничего не выиграете“.—„Вы правы“, отвѣчалъ первый консулъ, смягченный признаніемъ Дессаля пре-

восходства его военнаго генія надъ всѣми другими военачальниками,—„Моро не способенъ ни понять, ни исполнить на дѣлѣ мой планъ,—сказалъ онъ—„такъ пусть дѣйствуетъ по своему только бы онъ отбросилъ Края къ Ульму и Регенсбургу и потомъ, въ свое время, придвинулъ свой лѣвый флангъ къ Швейцаріи".

Послѣдними словами онъ нѣсколько разоблачилъ свой общій планъ; но онъ былъ слишкомъ смѣлъ, чтобы можно было его угадать. Дессаль не угадалъ и, кажется,—не угадалъ и Моро. Увеличивая составъ его арміи, онъ имѣлъ въ виду достигнуть двухъ цѣлей: съ одной стороны, вѣрнѣе, поразить Края и отбросить его къ Дунаю, съ другой отдѣлить впослѣдствіи отъ него значительный корпусъ для дѣйствій въ Италіи, на которую направлено было все его вниманіе. Подъ видомъ резервной арміи, которая бы въ случаѣ нужды подкрѣпила Моро, онъ приготовлялъ новую армію изъ такихъ элементовъ, изъ которыхъ, никто не вѣрилъ, чтобы возможно было ее составить при тогдашнемъ положеніи Франціи; радовался этому невѣрію и поощрилъ его, чтобы неожиданно для всѣхъ совершить дѣйствительно великій подвигъ, выразившій во всемъ блескѣ его военный геній.

Въ то время, когда его приготовленія къ этому подвигу шли успѣшно, но далеко еще не были приведены къ окончанію, его смутило неожиданное имъ обстоятельство: Меласъ началъ военныя дѣйствія въ Италіи ранѣе, нежели онъ предполагалъ; но эта неожиданность только еще болѣе усилила его дѣятельность. Онъ понималъ очень хорошо, что Массена не въ состояніи долго выдерживать напоръ многочисленной австрійской арміи, а потому настоятельно требовалъ, чтобы Моро началъ наступательныя дѣйствія, негодовалъ на его медлительность, которая вовсе не зависѣла отъ его воли, но оттого, что правительство не давало достаточно средствъ, чтобы приготовить армію къ походу. Онъ послалъ въ главную квартиру Моро одно изъ лицъ, пользовавшееся наибольшимъ его довѣріемъ, Бертье, съ тою цѣлію, чтобы побудить его къ скорѣйшему переходу черезъ Рейнъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Бертье получилъ и другое, весьма знаменательное, порученіе. Первый консулъ желалъ, чтобы, преслѣдуя Края, Моро не вводилъ въ Германію свое лѣвое крыло, находившееся подъ начальствомъ Лекурба,—но оставилъ его въ Швейцаріи. Моро, конечно, не согласился, не зная напередъ хода своихъ дѣйствій, ослабить свою армію на 25 тысячъ человѣкъ. Наполеонъ же разсчитывалъ присоединить ихъ къ той арміи, которую онъ самъ поведетъ, и потому поручилъ Бертье заключить *письменное условіе* съ главнокомандующимъ рейнскою арміею, по которому онъ обязывался, послѣ *первыхъ успѣш-*

ныхъ дѣйствій противъ Края, возвратить Лекурба въ Швейцарію. Впослѣдствіи онъ нарочно послалъ въ главную квартиру Моро военнаго министра Карно привести въ исполненіе это условіе, поручивъ ему оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока Лекурбъ не выступитъ въ обратный походъ въ Швейцарію. Могла ли гордость Бонапарта, достигшаго уже верховной власти надъ Франціей, долго выносить подобныя отношенія къ одному изъ ея генераловъ? Примирить съ ними не могли Бонапарта никакія блестящія дѣйствія Моро. Участь его была рѣшена въ его мысляхъ; но Наполеонъ былъ способенъ выжидать благопріятныхъ обстоятельствъ, для исполненія своего разъ задуманнаго намѣренія, а если бы они не представились скоро сами собою, то онъ не остановился бы передъ тѣмъ, чтобы нетерпѣливо вызвать и создать ихъ самому.

Походъ Моро противъ Края былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ. Рядомъ побѣдъ, слѣдовавшихъ непосредственно одна за другою въ продолженіе одного мѣсяца и двухъ дней, онъ отбросилъ Края къ Ульму и тѣмъ лишилъ его возможности войти въ сообщеніе съ арміею, дѣйствовавшею въ Италіи. При Ульмѣ находился укрѣпленный лагерь, который и занялъ Край; а Моро остановилъ дѣйствія и только наблюдалъ за своимъ противникомъ.

Въ то время, когда баронъ Меласъ сосредоточилъ большую часть своихъ силъ противъ Генуи и у линіи Вара, исполняя предписанія вѣнскаго двора, усиленно требовавшаго, чтобы онъ шелъ впередъ, не опасаясь резервной арміи, въ существованіе которой онъ не вѣрилъ, первый консулъ перевелъ ее чрезъ Сенъ-Бернаръ и оказался въ тылу австрійскихъ войскъ. Его армія, съ корпусомъ, пришедшимъ отъ рейнской арміи, простиралась до 60 тысячъ. Битва при Маренго рѣшила судьбу арміи Меласа и Италіи. По конвенціи, заключенной въ Александріи, Австрія обязывалась уступить Франціи всю сѣверную Италію по рѣку Минчіо, т. е. всѣ завоеванія Суворова. Въ одинъ день изчезли всѣ слѣды его блестящаго похода.

Нѣкоторые изъ боевыхъ сотрудниковъ Моро, не имѣвшіе въ виду общаго хода военныхъ дѣлъ, упрекали его за бездѣйствіе послѣ того, какъ онъ вогналъ Края въ укрѣпленный лагерь при Ульмѣ [1]). Это бездѣйствіе дѣйствительно лишило его славы новыхъ побѣдъ, давало возможность австрійскому главнокомандующему привести въ порядокъ войска и даже получить подкрѣпленія; но оно должно было доставить ему еще бо́льшую славу доблестнаго гражданина, готоваго отказаться даже отъ вѣрныхъ побѣдъ, столь

[1]) Saint-Syr, Mémoires, т. II, стр. 258 и слѣд.

лестныхъ для военачальника, въ виду общей государственной пользы. Моро уже зналъ въ это время о предпріятіи перваго консула и, конечно, понималъ, какое вліяніе будутъ имѣть происшествія въ сѣверной Италіи на дальнѣйшій ходъ дѣлъ во Франціи и въ Европѣ. „Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ извѣстій о вашихъ успѣхахъ“, писалъ онъ Бонапарту. „Мы съ Краемъ играемъ въ въ жмурки (nous tâtonnons), онъ съ цѣлію держаться при Ульмѣ, я—чтобы удалить его оттуда. Было бы опасно, особенно для Васъ, чтобы я перенесъ военныя дѣйствія на лѣвый берегъ Дуная. Занявъ теперешнее наше положеніе, мы принудили кн. Рейсса отодвинуться къ Тиролю, къ истокамъ Леха и Иллера, стало быть, онъ Вамъ не опасенъ. Прошу Васъ извѣстить меня о Вашихъ дѣйствіяхъ и скажите, что я могу сдѣлать въ Вашу пользу. Если Край пойдетъ на меня, я отступлю до Метмингена, присоединю къ себѣ Лекурба и мы подеремся. Если онъ отступитъ къ Аугсбургу, я пойду за нимъ, но въ этомъ случаѣ онъ оставилъ бы свою точку опоры при Ульмѣ. Тогда увидимъ, какъ надо будетъ дѣйствовать, чтобы обезпечить Ваши дѣйствія. Для насъ было бы выгоднѣе дѣйствовать на лѣвомъ берегу Дуная и брать контрибуцію съ Вартенберга и Франконіи; но это не соотвѣтствовало бы Вашимъ пользамъ, потому что непріятель, попуская насъ разорять этихъ князей имперіи, могъ бы отправить отряды въ Италію“ [1]). Не увлекаясь слѣпымъ низкопоклонствомъ передъ человѣкомъ дѣйствительно геніальнымъ и воздавая каждому свое, нѣтъ никакихъ поводовъ подозрѣвать въ неискренности это письмо. Его не подозрѣваютъ даже самые ревностные поклонники Наполеона; но въ такомъ случаѣ это письмо свидѣтельствуетъ, что онъ понималъ и оцѣнивалъ по достоинству предпринятый первымъ консуломъ походъ, желалъ ему успѣха и, жертвуя своими выгодами и славою новыхъ побѣдъ, сообразовалъ свои дѣйствія съ общею цѣлью, къ которой онъ стремился и которая дѣйствительно клонилась къ пользамъ отечества. И въ это важное въ исторіи Франціи время выразились во всей полнотѣ личныя свойства Моро, безукоризненно честнаго человѣка и гражданина. Но лишь только онъ получилъ—вѣрныя свѣдѣнія объ удачномъ переходѣ черезъ Альпы резервной арміи подъ предводительствомъ самого Бонапарта, а не Бертье, котораго выдавали за главнокомандующаго этою арміею, онъ снова открылъ наступленіе. Предусмотрительно и вѣрно разсчитанными движеніями и цѣлымъ рядомъ удачныхъ сраженій онъ вынудилъ Края оставить

---

[1]) Письмо Моро къ Бонапарту отъ 27 мая 1800 г. н. ст. (7 prairial, an VIII); Тьеръ, Hist. du Consulat, кн. III.

ульмскій лагерь. Край долженъ былъ отступить, чтобы не потерять сообщеній съ Вѣною, а Моро, преслѣдуя его, перешелъ Дунай при Гохштадтѣ. Край уже зналъ о битвѣ при Маренго и александрійской конвенціи. Отступая къ Инну, онъ предложилъ Моро заключить перемиріе, такъ какъ Бонапартъ уже заключилъ перемиріе съ барономъ Меласомъ. Хотя Край и скрывалъ отъ Моро о битвѣ при Маренго, но, получивъ извѣстіе о томъ, что первый консулъ заключилъ перемиріе, онъ понялъ, что его походъ увѣнчался успѣхомъ. Не одержавъ рѣшительной побѣды надъ австрійцами, Бонапартъ, конечно, не предложилъ бы перемирія и австрійцы со своей стороны не согласились бы принять его, если бы успѣхъ былъ на ихъ сторонѣ. Но онъ не имѣлъ извѣстій изъ италіанской арміи и потому не принялъ предложенія Края и продолжалъ военныя дѣйствія. Къ первымъ числамъ іюля онъ уже былъ въ серединѣ Баваріи, прогналъ изъ Тироля принца Рейсса, чтобы обезпечить свой правый флангъ, а Края—за Иннъ. Занявъ удобную мѣстность для квартиры своимъ войскамъ, получивъ достовѣрныя извѣстія о происшествіяхъ, совершившихся въ сѣверной Италіи, Моро заключилъ перемиріе съ австрійскимъ главнокомандующимъ и такъ же успѣшно окончилъ походъ, какъ его началъ. Дѣйствія Моро много способствовали успѣхамъ перваго консула въ Италіи; но слава Бонапарта покрыла побѣды Моро. На нихъ почти не обратили вниманія въ то время, когда Парижъ торжествовалъ успѣхи резервной арміи и восторженно встрѣчалъ Бонапарта. Моро находился при войскахъ въ Баваріи и не присутствовалъ при этихъ торжествахъ, что въ свою очередь способствовало тому, что про него забыли въ этомъ случаѣ. Но ему еще пришлось потомъ напомнить о себѣ новыми побѣдами. Въ концѣ іюля прибылъ въ Парижъ австрійскій генералъ Сенъ-Жюльенъ съ утвержденіемъ александрійской конвенціи императоромъ и съ согласіемъ приступить къ переговорамъ о мирѣ. Первый консулъ хотѣлъ такъ же скоро рѣшить дѣло мира, какъ рѣшилъ военное дѣло. Ловкій Талейранъ съумѣлъ склонить австрійскаго посла подписать предложенныя условія мирнаго договора, не имѣя на то уполномочій своего правительства. Императоръ не могъ утвердить ихъ, соблюдая тайное соглашеніе съ Англіею. Онъ потребовалъ присутствія уполномоченныхъ Великобританіи при переговорахъ и заключеніи мира съ обѣими державами. Несмотря на то, что заключеніе мира съ Англіею не входило въ виды перваго консула, онъ однако согласился на предложеніе Австріи—съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы Англія согласилась напередъ заключить такое перемиріе на морѣ, какое заключено на материкѣ Европы; а тѣмъ временемъ онъ предлагалъ открыть пред-

варительные переговоры въ Люневилѣ. Англія не могла принять предложеніе Бонапарта, котораго цѣль была слишкомъ очевидна: онъ хотѣлъ воспользоваться перемиріемъ на морѣ, чтобы спасти египетскую армію. Представлялось избрать одно изъ двухъ средствъ: или совершенно прервать переговоры о мирѣ и продолжать войну, или, не прерывая переговоровъ, поставить Австрію въ необходимость нарушить свои соглашенія съ Англіей и заключить отдѣльный миръ. Но заставить Австрію рѣшиться на такой поступокъ возможно было только новыми пораженіями ея войскъ, которыя она между тѣмъ устраивала, усиливала и, удаливъ отъ начальства Края, назначила главнокомандующимъ бывшею его арміею молодого эрцгерцога Іоанна, жаждавшаго пріобрѣсти славу полководца. Моро получилъ въ концѣ ноября предписаніе начать военныя дѣйствія. Несмотря на позднее время года, неудобное для военныхъ дѣйствій, онъ открылъ походъ и знаменитою битвою при Гогенлинденѣ вынудилъ Австрію къ заключенію отдѣльнаго отъ Англіи мира съ Франціею въ Люневилѣ. Ему пришлось заключить свои боевые подвиги на службѣ отечеству слѣдующимъ дѣломъ: чтобы спасти раненыхъ послѣ сраженія при Гогенлинденѣ, эрцгерцогъ Іоаннъ велѣлъ отпречь лошадей отъ пушекъ и увезти ихъ на нихъ. Эти, брошенныя безъ упряжи, пушки, конечно, достались побѣдителямъ. Моро отправилъ ихъ къ эрцгерцогу при письмѣ, въ которомъ просилъ считать его участникомъ въ такомъ великодушномъ поступкѣ [1]). Личныя достоинства, конечно, принадлежатъ лицу, но ими можетъ гордиться и та страна, которую это лицо считаетъ своимъ отечествомъ.

Ал. Поповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Beauchamp Vie de Moreau, p. 80.

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой) [1].

Глава VI.

Изъ Санъ-Стефано въ Берлинъ.

То, что произошло въ три мѣсяца, послѣ подписанія Санъ-Стефанскаго договора, не поддается описанію. Что должно приводить въ недоумѣніе каждаго, это разница между угрозами англійскаго правительства и дѣлаемыми имъ приготовленіями. Съ января по іюнь оно грозило войной Европѣ, а держало флотъ и армію на мирномъ положеніи. Голосовали кредитъ въ 6.000.000, а предлагали истратить пять. Говорили о посылкѣ 300.000 арміи въ Турцію, а не имѣли ни людей, ни транспортовъ, ни военныхъ припасовъ для похода, даже на третью часть этого количества. Они хвастались броненосцами предъ всѣмъ свѣтомъ, въ то время, какъ адмиралъ, командующій этими броненосцами, тщетно умолялъ дать ему крейсеровъ и судовъ меньшей силы, безъ которыхъ броненосцы не могутъ быть названы флотомъ. Это была страшно легкомысленная затѣя, но каждую минуту она могла довести до войны. Какъ ни пустяшно было хвастовство лорда Биконсфильда, его противники все же должны были придавать ему значеніе. Большинство его военныхъ и морскихъ предпріятій были такъ же практичны, какъ китайскій способъ встрѣчать завоевателя маханіемъ рисованными драконами. Что англичане

[1]) См. „Русская Старина“, май 1911 г.

могли терпѣть такое дурачество и позволить Биконсфильду грозить войной первоклассной военной державѣ, не принимая никакихъ мѣръ для военныхъ приготовленій, доказываетъ несомнѣнно, что Джонъ Буль расположенъ къ припадкамъ умопомѣшательства, къ чистому, неподдѣльному бедламству, по словамъ Карлайля. Трудно найти что-нибудь похожее на шутовство Биконсфильдовскаго правленія въ первую половину 1878 года.

Очевидною причиною всего рѣзкаго самохвальства, въ мартѣ, была ссылка на увѣренность, что русскіе откажутъ въ предъявленіи Санъ-Стефанскаго договора на разсмотрѣніе Европейскаго конгресса. Единственнымъ поводомъ къ такому предположенію была нѣсколько неясная фраза кн. Горчакова въ его депешѣ относительно цѣли конгресса. Рѣшено было считать отказъ равносильнымъ объявленію войны Англіи. Онъ писалъ: „Россія предоставляетъ право другимъ державамъ возбуждать на конгрессѣ такіе вопросы, какіе онѣ найдутъ нужнымъ обсуждать. Она же предоставляетъ себѣ право принять, или не принять обсужденіе этихъ вопросовъ“. Дипломатія кн. Горчакова, въ этомъ кризисѣ, не имѣла болѣе безпощаднаго критика, какъ генерала Игнатьева.

Прямымъ дѣйствіемъ политики хвастовства лорда Биконсфильда и молчаливо сдержанной политики кн. Горчакова было состояніе лихорадочнаго возбужденія, озлобленія и страха обѣихъ заинтересованныхъ націй. Г-жа Новикова была въ отчаяніи отъ Санъ-Стефанскаго договора при мысли, что въ угоду Биконсфильду договоръ этотъ, пожалуй, еще болѣе ослабѣетъ. Вотъ ея отзывъ о мирѣ.

„Объявлены условія мирнаго договора. Всѣ радуются за судьбу Черногоріи. Болгаріи не дурно, но было бы гораздо лучше, если бъ вовсе не было въ будущемъ году европейскаго вмѣшательства. Босніей и Герцоговиной жестоко пожертвовали въ угоду Австріи. Наши войска глубоко оскорблены запрещеніемъ пройти черезъ Константинополь въ угоду Англіи.

„Болгарскія крѣпости уничтожены въ угоду Европы, Адріанополь оставленъ Турціи въ угоду Великобританіи и султана“.

Огорченія ея раздѣляли многіе ея друзья англичане. Фриманъ, напримѣръ, не меньше негодовалъ, чѣмъ московскіе славянофилы. Въ письмѣ къ г-жѣ Новиковой изъ Палермо, отъ 7-го марта, онъ говоритъ:

„Вы спрашиваете, что я думаю о результатахъ Вашей войны? Говоря правду, мнѣ кажется, что Ваши дипломаты испортили все, что такъ благородно совершили Вашъ государь, Вашъ народъ и Ваша армія. Думаю, что имъ нелегко было справиться съ евреемъ и съ цыганомъ, но всѣ дипломаты ни на что не годны, они не пони-

маютъ или не хотятъ понять національныя чувства и національныя права. Я не имѣю причины думать, что русскіе дипломаты хуже другихъ, но не думаю, чтобы они были и лучше.

„Мнѣ кажется, что по этому договору Россія предлагаетъ взять то, что слѣдовало оставить, и оставить то, что должна была бы взять.

„Россіи слѣдовало бы взять себѣ сколько угодно территоріи въ Арменіи, чѣмъ больше, тѣмъ лучше, и ничего не брать въ Бессарабіи. Съ моей точки зрѣнія, армянинъ выигрываетъ, дѣлаясь русскимъ подданнымъ, румынъ же, принадлежа къ конституціонному государству, теряетъ при этой перемѣнѣ.

„Потомъ, Россіи слѣдовало завладѣть турецкимъ флотомъ или еще лучше потопить его; она не должна была бы требовать денегъ, потому, что у турка своихъ денегъ нѣтъ, онъ долженъ достать ихъ или воровствомъ, или обманомъ. Продайте султана и его пашей, но не берите ни гроша отъ его подданныхъ, христіанъ или мусульманъ. Тутъ является весь этотъ вздоръ: его величество султанъ и паши, высочества, превосходительства вмѣсто того, чтобъ назвать ихъ: „подлецы“, „воры“, „лгуны“, „убійцы“, которыхъ повѣсить надо за ихъ преступленія.

„Почему бы Болгаріи не быть такой же независимой, какъ Сербія? Почему она должна платить мошенникамъ, которые ее обокрали? Почему Боснія и Герцоговина должны ждать реформъ, которыхъ никогда не будетъ? Особенно тяжело это для Герцоговины, она вѣдь возбудила все дѣло освобожденія.

„И надъ всѣмъ этимъ вопросъ о Греціи; я вполнѣ понимаю чувства между Россіей и Греціей и причины, возбудившія недоброжелательство съ обѣихъ сторонъ, но со стороны Россіи было бы благородно и великодушно оказать Греціи то же, что славянамъ. Это было бы разумно. Теперь всякое государство можетъ возстановить Грецію противъ Россіи.

„Наконецъ, дѣло не совершено, пока варваръ остается въ новомъ Римѣ и невѣрующій въ Св. Софіи. Какъ могли Ваши войска оступить въ виду Св. Софіи, я не понимаю!

„Во всемъ этомъ я вижу совершенно что-то иное, чѣмъ благородный пылъ, одушевлявшій Вашъ народъ. Я въ этомъ вижу дипломатію. Дѣло людей съ изуродованными понятіями, цѣль которыхъ не обидѣть людей такихъ же изуродованныхъ понятій. Эти люди близоруки и дѣла ихъ не прочны. Они смотрятъ только на наружную сторону вещей. Я полагаю, они считаютъ, что хотя турокъ и оставленъ, все же онъ подчиненъ ими Россіи, Россія возвысилась бы гораздо болѣе и выполнила бы гораздо лучше желаніе своего народа,

если бъ не остановилась на полъ-дорогѣ, а искоренила совершенно турка изъ всѣхъ европейскихъ и христіанскихъ странъ.

„Вотъ какъ я понимаю вещи. Ничто, конечно, не можетъ извинить хвастливаго и вѣроломнаго еврея, который зналъ, въ чемъ договоръ, и лгалъ.

„Только-что просматривалъ III томъ „Великій и добрый Альбертъ“. Какое это откровеніе. Какъ могло столько кабинетовъ одинъ за другимъ мириться съ надоѣдливой дерзостью этого Альберта? Понять не могу. И теперь его книга выставлена для того, чтобы нами управляла его тѣнь.

„Пусть Вашъ народъ взвѣситъ и оцѣнитъ слова Гладстона о Бессарабіи. Я увѣренъ, что Вашъ императоръ выше такого мелкаго чувства. Пусть возьметъ себѣ Эрзерумъ и всю Арменію, это будетъ доброе дѣло. Крымская война и всѣ ея послѣдствія могутъ быть вознаграждены вполнѣ безъ бессарабскаго клочка земли. Пускай лучше Молдавію доведутъ до Днѣстра, какъ было въ старину. Вѣрьте мнѣ: было бы великое дѣло возвратить этотъ клочекъ Румыніи, какъ награду за заслуги. Искренно преданный

Эдуардъ Фриманъ“.

Сэръ Джорджъ Коксъ и многіе другіе были того же мнѣнія и горько сожалѣли, что Россія не избавила навсегда Европу отъ Оттоманской орды. Сожалѣнія Гладстона о Бессарабіи, сѣтованіе Фримана на то, что договоръ остановленъ на половинѣ, и угрозы англійскаго правительства войной за то, что Россіи досталось слишкомъ много,—все это дѣлало положеніе г-жи Новиковой крайне непріятнымъ.

Я жаловался ей на рѣдкія письма и говорилъ, что боюсь, что она забываетъ своихъ англійскихъ друзей. Она отвѣтила.

25/13 марта 1878 г.

„Какъ мало Вы меня знаете, если не видите разницы между молчаніемъ и забвеніемъ. Я просто переутомилась. Мнѣ приходится писать письма, статьи, прошенія, а у меня только двѣ руки и маленькая частичка мозга на всю эту работу.

„Что бы ни случилось въ политическомъ мірѣ, ничто не измѣнитъ моей глубокой симпатіи къ славянофильской Англіи и моимъ англійскимъ друзьямъ. Жалѣю, что бѣдной Англіей управляетъ ужасная шайка людей“.

Но г-жа Новикова иногда все-таки теряла терпѣніе. Вотъ доказательство. Она пишетъ:

21 марта 1878 г.

„Объявляйте войну, будьте мужественны и прямы, но бросьте оскорбленія и явную ложь. Послѣ этихъ постыдныхъ двухъ лѣтъ Вамъ никогда не удастся возвратить вѣру въ слово англичанина; англійское правительство употребляетъ всѣ усилія, чтобъ уничтожить свое высокое нравственное положеніе".

Чтобъ отвести душу, она пишетъ сочувствующему ей другу:

„Какъ долго будетъ англійскій флотъ грозить всей нашей арміи? Каждый день стоитъ намъ около двухъ милліоновъ рублей. Я знаю, разсчитываютъ на наше раздраженіе, а пока съ нами хотятъ играть для забавы? Хороша игрушка. Мы оказали слишкомъ много спокойствія и самообладанія. Войди мы въ Константинополь въ тотъ моментъ, какъ англійскія суда вошли въ Мраморное море, все было бы спасено. Мы не боимся жертвъ и самопожертвованій, но если мы жертвуемъ своимъ долгомъ, всѣмъ дѣломъ,—мы совершаемъ преступленіе.

„Что же остается дѣлать, если Англіей деспотически управляетъ злодѣй, и англичанъ топчутъ ногами, какъ невольниковъ, хотя наружно они толкуютъ о своей политической свободѣ. Мнѣ опротивѣли лицемѣріе и хвастовство.

„Фостеръ думаетъ, что время энергичнаго сопротивленія еще не настало. Боже мой. Чего же хочетъ онъ еще?

...„Пишите, какъ только есть время. Мы оба въ жестокой борьбѣ. Соединяетъ насъ сознаніе человѣколюбиваго и великодушнаго долга; задача благородная, достойная христіанина. Благослови Васъ Богъ".

Въ отвѣтъ на просьбу опровергнуть обвиненія, взводимыя на Россію ея врагами въ печати, Ольга Алексѣевна писала:

16 марта 1878 г.

„Я дамъ Вамъ всѣ свѣдѣнія, какія могу. Признаю трудность Вашего положенія. Но если бы Вы знали, съ какимъ презрѣніемъ смотрятъ у насъ на обвиненія въ родѣ тѣхъ, что дѣлаетъ Форбсъ? Вы хотите унизить Россію разсужденіями съ лгунами, подобными Элліоту и Биконсфильду. Вамъ нужно ихъ одобреніе? Вотъ что я получаю въ отвѣтъ на мои вопросы. Пусть еще больше лгутъ. Ваши религіозные друзья славятся своимъ христіанскимъ сочувствіемъ. Не могу выразить, какъ мнѣ больно слушать все, что говорятъ теперь въ Россіи противъ Англіи".

Когда 28-го марта лордъ Дерби вышелъ въ отставку, она писала почти съ отчаяніемъ:

„Вы говорите мнѣ: употребляйте всѣ мѣры, чтобы не уязвлять

нашихъ чувствъ. Увы, приближается время, когда вѣроятно не только нравственныя, но и физическія язвы нанесутъ другъ другу русскіе и англійскіе солдаты, но мы съ Вами заняты другимъ дѣломъ, дѣйствительно религіознымъ и человѣколюбивымъ. Я прихожу въ уныніе. Я вѣрила Гладстону, Фруду и Вамъ, и надѣялась, на перекоръ всякой надеждѣ, что обѣ націи останутся друзьями, такъ какъ Россія сдержала свое слово, она соблюдала интересы Англіи, принеся въ жертву болѣе важные. Отставка Дерби доказываетъ, въ какомъ умопомѣшательствѣ находится англійское правительство и какъ слабы либералы".

Положеніе въ Англіи было дѣйствительно унылое. Либеральная партія раздѣлилась на-двое. Лордъ Хартингтонъ прошелъ съ большимъ сопротивленіемъ, а Гладстонъ, обожаемый радикалами, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ очень не популяренъ. Вотъ письмо либерала изъ Лондона, писанное въ мартѣ 1878 г.:

„Всѣ здѣсь превратились во враговъ Россіи. Я былъ сегодня въ центральномъ либеральномъ комитетѣ и никогда не видѣлъ такого сборища людей безъ всякаго человѣческаго достоинства. Кандидатовъ не достаетъ на половину парламентскихъ мѣстъ и нѣтъ совсѣмъ на графства. Политика наша существуетъ только случайно, потому что членъ кабинета лордъ Дерби за насъ; лордъ Биконсфильдъ не смѣетъ удалить его, какъ онъ бы удалилъ всякаго другого, противящагося до такой степени его личной политикѣ. Почему-то вдругъ Гладстона возненавидѣли въ Лондонѣ, хотя онъ направлялъ ходъ корабля, но его экипажъ предпочелъ утонуть безъ него, чѣмъ плыть съ нимъ. Его modus operandi таково, что всякая дѣятельность безнадежна, слышалось съ разныхъ сторонъ".

Несмотря на это, провинціальные выборы съ необыкновеннымъ единствомъ были за Гладстона. Въ то время какъ подписывался Санъ-Стефанскій договоръ, Тамвортскіе выборы дали большинство двухъ противъ одного противъ правительства. — Ударъ въ высшей степени ощутительный. На сѣверѣ Англіи доблестные либералы говорили вещи, еле повторяемыя въ печати. Мысль, что Англія страна исторіи героевъ, государственныхъ людей и поэтовъ, вдругъ стала играть такую жалкую роль въ политикѣ, унижала, глубоко оскорбляла гордыхъ англичанъ.

Слѣдующее письмо, образецъ многихъ горестныхъ сообщеній, полученныхъ въ это мрачное время Ольгой Алексѣевной.

„Если Вы желаете настаивать на войнѣ, то Вы должны принять въ разсчетъ перемѣну положенія. Лордъ Биконсфильдъ наконецъ достигъ того, чѣмъ онъ еще не былъ никогда, онъ внезапно перетянулъ на свою сторону власть надъ военными силами Англіи.

„Съ Вами я говорю откровенно, Вы знаете, какъ я сильно надѣялся, и Вы поймете, насколько мраченъ долженъ быть взглядъ на вещи, если даже я теряю вѣру въ сдерживающую силу англійскаго здраваго смысла. Я получилъ письмо отъ Фруда; онъ, напротивъ, меня ободряетъ, такъ какъ все можетъ еще вскорѣ исправиться. Вы понимаете, какъ я былъ подавленъ, если даже Фрудъ является утѣшителемъ. Я не думаю, чтобы Вы были въ силахъ сдѣлать многое, быть можетъ, Вы вовсе ничего не можете сдѣлать, но я умоляю Васъ не жалѣть силъ, чтобъ убѣдить Вашъ народъ не ухудшать положенія вещей такъ, чтобъ Англіи не оставалось другого выхода, какъ самоубійство, потому что война съ Россіей это будетъ не что иное, какъ самоубійство. Бѣдная Англія!“

„Когда всматриваешься въ возможность несчастій, голова идетъ кругомъ и сердце замираетъ. Меня преслѣдуетъ страхъ, что англійскому народу, за его прегрѣшенія, можетъ быть, суждено погибнуть, и лордъ Биконсфильдъ назначенъ его убійцей, какъ Наполеонъ былъ убійцей Франціи. Націи, когда онѣ одержимы бѣсомъ, низвергаются въ пропасть, подобно евангельскому стаду свиней, и я боюсь, что Англія отдана во власть бѣсовскую“.

„Не мысль о жертвахъ смерти на полѣ битвы ожидаетъ насъ, но приговоръ судьбы за несправедливую войну, за неправое дѣло. Зачѣмъ я тревожу Вашъ слухъ моими тяжкими жалобами! Я бы сошелъ съ ума, не будь увѣренности, которую я сохранилъ въ премудрость и благость Всевышняго“.

Самый худшій моментъ былъ, когда лордъ Дерби подалъ въ отставку въ концѣ марта. Лордъ Биконсфильдъ рѣшилъ призвать запасныхъ и горсть сипаевъ въ Мальту, какъ доказательство англійской мощи. Предлогомъ было, что Россія не представить мирный договоръ Европейскому конгрессу, но фактъ былъ тотъ, что Биконсфильду необходимо было, съ партійной точки зрѣнія, дѣйствовать или дѣлать видъ, что онъ дѣйствуетъ, чтобъ удовлетворить своихъ туркофильскихъ приверженцевъ. Политика Гладстона торжествовала, съ туркомъ покончено, болгары освобождены, русскіе стояли въ виду Константинополя. Необходимо сдѣлать что-нибудь одуряющее, бросающееся въ глаза, поэтому сипаи были привезены въ Мальту, а это заставило лорда Дерби подать въ отставку.

Кинглекъ недавно сказалъ: Биконсфильдъ подражаетъ Канингу, который говорилъ: я призываю къ жизни новый свѣтъ для уравновѣшиванья стараго. Биконсфильдъ, призывая сипаевъ, говоритъ: я возрождаю миръ чернокожихъ, чтобъ уравновѣсить бѣлыхъ.

Но призывъ резервовъ не имѣлъ популярности; когда приказано

было резервисту Хартльпуля, извѣстному джингоисту, ненавидящему Россію, прибыть въ главную квартиру, его джингоизмъ исчезъ, онъ сказалъ, что желалъ бы Биконсфильду попасть въ адъ".

Преобладало такое чувство, что не столько Биконсфильду, какъ англійскому народу грозила гибель. Набожные люди задумывались надъ пророками Свящ. Писанія, боясь возмездія отъ Провидѣнія. Вотъ одно изъ такихъ размышленій:

„Непроницаемая тайна, почему діаволу и его позднѣйшимъ воплощеніямъ въ видѣ турка, лорда Биконсфильда и проч. разрѣшено тревожить міръ, но Богъ лучше знаетъ. Быть можетъ Его воля, чтобъ чрезъ страшную кару несчастной войны, Англія поняла бы свой долгъ къ побѣжденнымъ народамъ и опасность безпокойной, раздражающей политики. Быть можетъ мы такъ заражены роскошью, такъ изъѣдены пороками, такъ ослаблены скептицизмомъ, что насъ спасти отъ гибели могутъ только отрезвляющія страданія кары. Не мы, а Онъ это знаетъ. Война жжетъ, но очищаетъ, и Богъ своею строгостью намъ даетъ лучшую помощь. Конечно, это не есть разсужденіе въ пользу войны. Это только соображеніе, почему можно совмѣстить ужасъ грозящей войны съ благостью Всемогущаго Бога".

Послѣ отставки лорда Дерби, когда лордъ Сольсбери распространилъ свой знаменитый циркуляръ 1-го апрѣля, такъ зло критикующій мирный договоръ, что „Pall-Mall" газета напечатала его въ передовой статьѣ; казалось, что гроза разразилась и все потеряно. Однако это былъ только самый мрачный часъ передъ зарей. Рѣчь лорда Дерби, въ которой онъ пояснилъ, почему онъ вышелъ изъ кабинета, не только стремящагося къ войнѣ, но кидающагося въ нее, была трубнымъ звукомъ, призывающимъ благоразумную часть націи запретить безпричинную и несправедливую войну.

„Сѣверное эхо" перепечатало рѣчь лорда Дерби въ 500.000 экземплярахъ и распространило ее въ государствѣ. Королевѣ она была доставлена посредствомъ вліятельныхъ лицъ. Возобновились митинги противъ войны. Большія собранія устраивались въ Манчестерѣ и Бирмингамѣ. Лордъ Розбери мнѣ писалъ, что въ Шотландіи мнѣніе было такъ единодушно, что туда не стоило посылать рѣчь лорда Дерби.

Тѣмъ не менѣе антирусское чувство росло. Если сравнить національный взрывъ противъ турокъ 1876 г. съ антирусскимъ волненіемъ 1878 г., то разница будетъ такая, какъ между водопадомъ Ніагары и водосточной трубой.

Биконсфильдъ былъ во главѣ кабинета, лордъ Хартингтонъ, лидеръ оппозиціи, не пользовался симпатіями девяти десятыхъ страны.

Лондонскіе клубы и печать деморализировали Палату общинъ. Даже Фостеръ не вотировалъ съ Гладстономъ, когда сэръ Лосонъ раздѣлилъ Палату противъ призыва запасныхъ. Не удивительно, что въ Россіи даже г-жа Новикова не вѣрила въ мирный исходъ.

Гладстонъ, преувеличившій значеніе переуступки Бессарабіи, понялъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ, какой онъ далъ козырь въ руки врага. Въ тотъ день, когда лордъ Сольсбери писалъ свой циркуляръ, Гладстонъ писалъ г-жѣ Новиковой:

1-го апрѣля 1878 г.

„Дорогая г-жа Новикова,—положеніе дѣлъ весьма печальное. То, что я говорилъ о мирѣ и о соглашеніи Европы, появилось въ печати за январь и мартъ въ Nineteenth Century. Горькое разочарованіе видѣть въ заключеніи войны, съ вѣской причиной, опасность новой войны безъ всякой причины, которая, если произойдетъ, будетъ актомъ настоящаго беззаконія, отъ чего сохрани Богъ обѣ стороны“.

„Несчастный вопросъ о клочкѣ Бессарабіи, о которомъ я Вамъ высказалъ свое мнѣніе откровенно (потому что иначе нѣтъ смысла мнѣ писать), угрожаетъ сдѣлаться отчасти предлогомъ, отчасти причиной огромнаго вреда, и омрачитъ, по моему мнѣнію, и въ нѣкоторой части исказитъ военную славу, пріобрѣтенную Россіей въ смыслѣ военныхъ успѣховъ вполнѣ и долженствующую быть такой же въ смыслѣ нравственномъ.

Я думаю, что англійское правительство воспользуется несчастнымъ вступленіемъ Россіи въ часть Бессарабіи, чтобъ раздуть все это дѣло. Для меня это ясно, потому что напечатали обѣщаніе кн. Горчакова Румыніи согласиться на ея требованія. Если этого обѣщанія со стороны Россіи не было дано, то это слѣдуетъ пояснить. Если это правда, тогда это возбудитъ всякаго либеральнаго англичанина противъ Россіи, хотя многіе (я не въ ихъ числѣ) могутъ сказать: это не наше дѣло. Вѣрьте моей почтительной преданности

Гладстонъ“.

Слѣдующія выдержки изъ писемъ г-жи Новиковой даютъ намъ понятіе о положеніи въ Москвѣ.

4-го апрѣля 1878 г.

„Декларація лорда Сольсбери ужасна по своему цинизму. Какъ можетъ Россія отвѣтить на такое требованіе? Нельзя мирно разрѣшить дѣло, если турецкая юрисдикція составляетъ интересъ Англіи. Несомнѣнно будетъ война, и какая страшная“!

„Государь сказалъ на-дняхъ: „если будетъ война съ Англіей, я пожертвую всю частную собственность моей семьи“. Меня очень огорчаетъ политическій горизонтъ. Здѣсь всѣ точно онѣмѣли“.

6-го апрѣля 1878 г.

„Мы въ полномъ отчаяньи. Россія терпѣлива до послѣдней степени. Мы сложили руки и ничего не дѣлаемъ. Я оплакиваю Бессарабскій вопросъ, какъ оплакиваю судьбу Босніи и Герцоговины, которымъ достается только то, что было обѣщано Европой. Кто можетъ ожидать благодарности въ политикѣ? Румынія доказываетъ, какъ забываются благодѣянія, оказанныя ей Россіей. Болгарія, пока ее поддерживаетъ Россія, будетъ благодарна, но черезъ нѣсколько лѣтъ она едва-ли окажетъ больше преданности, чѣмъ другія покровительствуемыя страны. Мы, русскіе, имѣемъ вѣрный взглядъ на этотъ счетъ и не предаемся иллюзіямъ".

Г-жа Новикова въ полномъ унынiи, сказалъ кто-то, не будемъ слишкомъ оскорблять ея чувствъ. Да. Бѣдную О. К. часто упрекаютъ въ англоманіи, но она ничего не можетъ сдѣлать и все еще надѣется. Она вѣритъ въ Бога и въ здравомыслящую часть англійскаго народа.

9-го апрѣля 1878 г.

„Скажите, ради Бога, почему Вы думаете, что я желаю войны съ Англіей? Я бы всѣмъ пожертвовала, чтобъ ей помѣшать. Но что можетъ сдѣлать Россія, не потерявъ чести, не забывъ своихъ священныхъ обязательствъ, если Сольсбери хочетъ уничтожить весь трактатъ? Умоляю Васъ сказать мнѣ, что бы я должна была сказать, не забывая того, что дороже жизни, т. е. долгъ относительно тѣхъ, которые зависятъ вполнѣ отъ нашей поддержки?

„Скажите, что я могу сдѣлать на помощь благородному, высокому дѣлу, сердечно соединяющему англійскую оппозицію съ искренними, безкорыстными славянофилами... Дайте мнѣ надежду, что вся либеральная партія не забыла Божьяго правосудія".

О. К.

11-го апрѣля 1878 г.

„Заявленіе лорда Гренвиля, что оппозиція только разъ воспрепятствовала правительству вовлечь Англію въ войну, произвело весьма тяжелое впечатлѣніе на насъ, преданныхъ защитниковъ англійскаго союза съ Россіей. Рѣчь лорда Сольсбери всѣми читалась съ полнымъ негодованіемъ. Мысль, что война необходима, что мы теряемъ время, давая врагу возможность укрѣпиться, все больше распространяется. На меня смотрятъ, какъ на сумасшедшую, ослѣпленную любовью къ Англіи. Однако, Катковъ печатаетъ все, что я пишу. Сегодня утромъ появилась длинная статья моя, въ которой я привожу всѣ Ваши факты и разсужденія. Какъ видите, я служу орудіемъ въ добромъ дѣлѣ".

12-го апрѣля 1878 г.

„Думаю, что отвѣтъ Горчакова послѣдняя уступка, которую сдѣлаетъ Россія. Новыя уступки только даютъ поводъ къ новымъ требованіямъ; всѣ онѣ обращены противъ насъ. Англія противилась какому бы то ни было нашему вмѣшательству въ Египтѣ. Египетскія войска сражались противъ насъ. Англія препятствовала приближенію нашему къ Дарданелламъ. Присутствіе Вашего флота есть наша уступка къ Вашей просьбѣ. Мы должны были избѣгать Константинополя. Вы приблизились къ нему. Мы соблюдали всѣ Ваши интересы, Вы пренебрегли всѣми нашими и Ваша оффиціальная печать относится презрительно къ намъ. Что получили мы за наши жертвы? Скажите откровенно, что бы Вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? Дѣло въ томъ, что честные англійскіе голоса безсильны. Г. Фостеръ, лордъ Хартингтонъ воздержались отъ поддержки Гладстона. Никто здѣсь не можетъ понять, что это значитъ“.

17-го апрѣля 1878 г.

„Можете ли Вы вообразить, что телеграфъ, передавшій намъ слово въ слово, что говорили Биконсфильдъ и Харди, только упоминалъ объ отвѣтѣ лорда Дерби? не удивительно ли? Но это фактъ: мы узнали изъ англійскихъ газетъ, шесть дней позднѣе, объ этой замѣчательной, благородной рѣчи лорда Дерби, которую могъ бы сказать Гластонъ и Карнарвонъ. Я счастлива, что прочитала ее хотя и поздно. Вѣсть Ваша о голосахъ противъ войны великое счастіе. Я почти больна отъ волненій. Какъ бы желала я, чтобы этотъ несчастный вопросъ о Бессарабіи никогда не возбуждался“.

18-го апрѣля 1878 г.

„Я написала довольно пространную статью, убѣждая Россію сдѣлать послѣднюю жертву славянскому дѣлу и на угрозы Биконсфильда отвѣчать спокойствіемъ и самообладаніемъ. Доблесть и храбрость нашихъ войскъ достаточно доказаны. Не можемъ ли мы вспомнить, что, объявляя войну Англіи, мы тормозимъ успѣхи освобожденныхъ славянъ и затрудняемъ необходимыя имъ реформы. Словомъ, я писала на основаніи Вашихъ извѣстій и многимъ не понравилась. Люди теряютъ терпѣніе, а это плохой признакъ“.

24-го апрѣля 1878 г.

„Конгрессъ, я думаю, только продлитъ наше мученіе, лордъ Сольсбери и Биконсфильдъ рѣшили бороться за свой престижъ и каждый день истощаютъ наше терпѣніе и финансы. Намъ пришлось освобождать славянъ отъ Турціи и Англіи. Мы имѣли въ виду только первую, въ этомъ наша страшная ошибка“.

26-го апрѣля 1878 г.

„Какое время мы переживаемъ! Я завидую одной пріятельницѣ, которая заболѣла тифомъ сегодня утромъ. Она или умретъ или будетъ больна, безчувственна три-четыре недѣли. Страшно сознавать дѣйствительность. Я такъ упала духомъ, все такъ мрачно, что я только могу дышать, когда думаю о прошломъ".

Я послалъ нѣкоторыя выдержки изъ этихъ писемъ Гладстону. Онъ отвѣчалъ.

9-го апрѣля 1878 г.

Милостивый Гисударь,

„Меня не удивляетъ огорченіе г-жи Новиковой, потому что агентъ ли она, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, русскаго правительства или нѣтъ, объ этомъ я лично не знаю, я вѣрю въ ея сердечное расположеніе къ мирнымъ и дружескимъ отношеніямъ съ Англіей".

„Мы очень дурно поступили съ Россіей. Способъ, которымъ держится нашъ нейтралитетъ (и какой нейтралитетъ!) въ ея глазахъ величайшая наглость".

„Предложеніе его о Бессарабіи, въ отвлеченномъ смыслѣ, даетъ предлогъ военной партіи и приводитъ въ отчаяніе друзей мира и свободы. Не принимая этого въ разсчетъ, могутъ быть недостатки въ соглашеніи съ Турціей, но я не вижу такихъ, которые бы заслуживали порицанія. Я того мнѣнія, что хотя тонъ либеральной партіи понизился, за послѣдній мѣсяцъ или шесть недѣль изъ опасенія за свои мѣста, вчерашніе дебаты въ палатахъ должны были произвести благопріятное вліяніе въ пользу мира. Одинъ пріятель спросилъ у меня (до этого), что я думаю о возможности войны, я отвѣчалъ, что о возможности можно только держать пари и что шансы двухъ противъ одного за миръ".

„Положеніе улучшилось, а пока мы должны бороться твердо и мужественно за правое дѣло, какъ это дѣлаете Вы. Вамъ преданный

Гладстонъ".

По временамъ Фриманъ присылалъ издалека слова ободренія и веселости.

Палермо, 9-го апрѣля 1878 г.

„Я надѣюсь, что Ваши слова „мнѣ опротивѣла умѣренность" изображаютъ общее настроеніе Россіи. Что будетъ, никто отгадать не можетъ. Еврею, повидимому, наконецъ удается дѣлать по-своему".

Г-нъ Брайтъ былъ въ унынiи, несмотря на выборы въ Нортумберландѣ, на которыхъ графъ Грей соединился съ г-омъ Ридлей за мѣсто, прежде занятое консерваторами. Ридлей съ негодованіемъ

отвергъ обвиненіе, что онъ желаетъ возстановить турецкое могущество въ Европѣ. Г-нъ Брайтъ писалъ:

26-го апрѣля 1878 г.

„Я не знаю, какъ поступать съ теперешнимъ кризисомъ. Конституціоналисты создали министра и должны пожать, что посѣяли. Россія не занимаетъ Индію. Индія занимаетъ Россію или собирается это сдѣлать. Все же, безъ союза Англіи съ Австріей я не вижу возможности войны съ Россіей. Выборы въ Нортумберландѣ важный фактъ. Я не могу воевать, какъ 24 года назадъ. Я только могу протестовать и повиноваться". Вамъ преданный

Джонъ Брайтъ.

Генри Ричардъ, секретарь Общества мира, писалъ мнѣ о предполагаемомъ распространеніи рѣчи лорда Дерби:

„Я сомнѣваюсь, чтобъ это произвело то вліяніе, котораго Вы ожидаете. Народъ нашъ находится въ одномъ изъ своихъ періодическихъ припадковъ безумія, и ничто иное не приведетъ его въ чувство, какъ жестокое бѣдствіе. Во всякомъ случаѣ Вы смѣло сыграли Вашу роль".

Г-нъ Леонардъ, теперь лордъ Кортней, писалъ:

„Признаюсь, я имѣю мало надежды, развѣ на осторожность и настойчивость одного или двухъ министровъ (я полагаю, что это были сэръ Стафордъ Нортнотъ и г-нъ Кроссъ), а Вы знаете, какъ мало довѣрія можно имѣть тамъ. Есть ли признакъ успокоенія въ народѣ? Я бы хотѣлъ этому вѣрить, но колеблюсь".

Періодъ нерѣшимости продолжался весь май. Воинственное хвастовство военной партіи и театральная воинственность правительства отразились естественно на промышленности, результатомъ чего явились промышленные споры и опасныя возмущенія. Въ Блакбернѣ чернь такъ была возбуждена, что вызваны были войска и въ одномъ случаѣ принуждены были стрѣлять въ бунтовщиковъ.

Призывъ 7.000 сипаевъ изъ Индіи на островъ Мальту произвелъ большіе запросы въ Палатѣ общинъ по иниціативѣ Фаусета. Читая статьи газетъ того времени, въ сравненіи съ послѣдующими войнами въ Южной Африкѣ и Манчжуріи, болѣе чѣмъ когда-либо видишь смѣшную пустоту приготовленій къ войнѣ Биконсфильдскаго кабинета. Кажется невѣроятнымъ, чтобы люди, не изъ бедлама, могли довести Англію до крайности выступить въ бой съ первоклассной военной державой, не сдѣлавъ соотвѣтствующихъ приготовленій къ такъ легкомысленно вызываемому конфликту. Но кромѣ призыва 40.000 запасныхъ и 7.000 сипаевъ лордъ Биконсфильдъ и его коллеги ничего не сдѣлали. Если бы война загорѣлась вслѣдствіе ихъ политики угрозъ и оскорбленій, никто не за-

служилъ бы такого обвиненія въ измѣнѣ, какъ эти министры, рискующіе воевать съ Россіей, когда армія ихъ не соотвѣтствовала даже Трансваалю.

Послѣ Бланкбернскихъ волненій я написалъ нѣсколько тревожную статью о возможныхъ результатахъ политики Биконсфильда, которая, повидимому, возбудила сочувствіе Фруда, онъ мнѣ писалъ:

16-го мая.

„То, что Вы пишете, грустно и думаю, что довольно вѣрно. Вина правительства такъ велика и такъ очевидна, что я ни на минуту не сомнѣваюсь въ возмездіи за нее, а такъ какъ всѣ партіи, кромѣ радикаловъ, участвовали въ ней, то вѣроятно онѣ понесутъ свою долю наказанія.

„Предсказать я не могу, въ какой формѣ оно явится. Паденіе промышленности, причиняющее бунты, происходитъ отъ страха и неопредѣленности, вызванныхъ политикой Биконсфильда. Я надѣюсь, что на сѣверѣ рабочіе и хозяева сознаютъ, кому этимъ обязаны. Въ такомъ случаѣ бунты принесутъ пользу. Если нѣтъ, и произойдетъ война, я съ горькимъ хладнокровіемъ вижу неизбѣжныя послѣдствія. Я съ отвращеніемъ смотрю на парламентъ, на его партіи, его претензіи и его безсиліе. Иногда мнѣ отвратительны всѣ парламенты вообще. Но въ умѣ англичанина кроется суровая правильность и логичность; какъ только совѣсть въ немъ заговоритъ, кривое можетъ еще сдѣлаться прямымъ“.

„Вы можете сдѣлать пользу, настаивая на политической причинѣ бѣдствія. Я слышу, что въ Валлисѣ бѣдняки рабочіе на желѣзныхъ и угольныхъ рудникахъ проѣли свою мебель и платье. Десятки тысячъ голодаютъ. Радикалы отказались поддержать Генриха Смита въ Оксфордѣ за рѣчь, сказанную имъ о Восточномъ вопросѣ.

Онъ былъ позорно разбитъ, чему я сердечно радуюсь.

Въ началѣ предыдущаго мѣсяца Фрудомъ были недовольны за публичный совѣтъ либераламъ умыть руки отъ всякой отвѣтственности за угрожающую войну. Онъ писалъ:

„Партія либераловъ не одобряла съ самаго начала дѣйствій правительства. Всякій разъ, какъ являлась возможность мирнаго разрѣшенія Восточнаго вопроса, правительство нарушало европейскій концертъ и вело свою политику. Эта политика ускорила войну между Турціей и Россіей. Авторамъ ея будетъ принадлежать честь въ случаѣ успѣха и на нихъ же падаетъ отвѣтственность въ случаѣ ея неудачи. Въ успѣхѣ или неудачѣ на нихъ и на дѣтей

ихъ падаетъ кровь, пролитая въ борьбѣ, которую либеральная партія всегда считала ненужной. Долгъ лидеровъ оппозиціи умыть руки."

Однако совѣтовъ Фруда не слушали, и оппозиція войнѣ поддерживалась съ величайшей бодростью во всей странѣ.

Главная причина, по которой на континентѣ царила неопредѣленность, весной 1878 г., было превратное толкованіе англійскимъ правительствомъ нѣсколько неясной фразы кн. Горчакова въ его депешѣ, сообщающей державамъ о Санъ-Стефанскомъ договорѣ. Онъ сказалъ, что Россія сохраняетъ за собою полную свободу оцѣнки и дѣйствій касательно каждой оговорки конференціи. Это было принято за желаніе Россіи отклонить право конференціи измѣнить или уничтожить какое бы то ни было условіе, на которомъ бы Россія настаивала,

Напрасно протестовала Россія, говоря, что, сохраняя за собою свободу не участвовать въ обсужденіяхъ, которыя она уступала другимъ, она признавала право державъ обсуждать все въ договорѣ. Лордъ Биконсфильдъ настаивалъ на томъ, чтобы Россія представила полностью договоръ конференціи и, чтобы заставить ее это исполнить, онъ грозилъ ей войной. Это была смѣшная щепетильность, но на которой упорствовали нѣсколько мѣсяцевъ. Однако, смѣлая и непримиримая оппозиція войнѣ, поддерживаемая Гладстономъ и сильными людьми, слабыми въ парламентѣ, но сильными въ странѣ, убѣдила, наконецъ, Биконсфильда, что лучше ему ретироваться изъ угрожающаго положенія. Какъ только онъ пришелъ къ этому заключенію, отступленіе его легко было оформить. Говорятъ, что графъ Шуваловъ, при участіи кронпринца, впослѣдствіи императора Фридриха Германскаго, уладили дѣло въ Берлинѣ. Германія взяла на себя издать приглашеніе на конференцію и приглашеніе было такъ составлено, что служило неформальной гарантіей свободнаго обсужденія всего трактата. Въ то же время частнымъ соглашеніемъ съ англійскимъ кабинетомъ дана была гарантія Россіи, что конференція ректификуетъ въ договорѣ все то, что касается вознагражденія Россіи, и довольствуется измѣненіями въ статьяхъ, касающихся освобожденія славянъ. Болгарія должна была быть раздѣлена и Македонія предоставлена туркамъ; во всемъ остальномъ трактатъ оставался неизмѣненнымъ. Когда стали неоффиціально извѣстны условія Россіи, я писалъ 28 мая:

„Вотъ какъ я смотрю на дѣло: лордъ Биконсфильдъ воображалъ, два мѣсяца назадъ, что англійская нація лихорадочно стремится къ войнѣ съ Россіей; заблужденіе это было разсѣяно демонстраціей въ Манчестерѣ, общая враждебность къ войнѣ, появившаяся

на майскихъ митингахъ, пятьсотъ подписей, противящихся войнѣ, собраніе рабочихъ, выборы въ Нортумберландѣ, Тамвортѣ и Редингѣ вмѣстѣ съ отсутствіемъ всякаго энтузіазма къ войнѣ, убѣдили его въ томъ, что нація стоитъ за миръ. Въ то же время весьма правдоподобно вліяніе германскаго двора, дочь королевы могла открыть ей глаза на гибель, въ которую Биконсфильдъ ввергаетъ государство".

Мы всѣ вздохнули свободно, но недоумѣніе длилось слишкомъ долго и напряженіе было слишкомъ сильно, чтобъ почувствовать себя въ безопасности.

Лордъ Биконсфильдъ отошелъ съ своими стратегическими движеніями на задній планъ, въ то самое время, когда оффиціальные главари оппозиціи рѣшались сдаться. Гладстонъ, Брайтъ и храбрецы стояли твердо, но Хартингтонъ и Фостеръ ослабѣли духомъ.

Въ концѣ мая Фостеръ произнесъ рѣчь, въ которой, къ удивленію всѣхъ, онъ порицалъ затрудненія, дѣлаемыя правительству. Я написалъ ему протестъ противъ этой мѣры. Мнѣ казалось, что наша священная обязанность всячески мѣшать стремленіямъ правительства къ войнѣ. Въ результатѣ вотъ что я писалъ г-жѣ Новиковой:

„Мнѣ очень жаль, что сообщаю Вамъ непріятное извѣстіе. Вчера я получилъ письмо отъ Фостера, которое привело меня въ уныніе. Я писалъ ему, какъ Вы знаете, что, по моему мнѣнію, правительству должны препятствовать, и вотъ его отвѣтъ:

„Надо принять за правило, что оппозиція не должна ослаблять правительство передъ иностранными государствами, иначе, какъ если она пытается произвести окончательный переворотъ въ пользу мира, но, чувствуя свое безсиліе, она не должна компрометтировать существующее правительство.

„Логическимъ послѣдствіемъ продолженія оппозиціи была бы помощь иностранцу, о чемъ конечно не можетъ быть и рѣчи. Я полагаю, что настоящая разница между нами та, что я ставлю болѣе на первый планъ сохраненіе мира, чѣмъ Вы, потому что мнѣ уже нѣсколько времени стало ясно, что единственный способъ сохраненія мира заключается въ уступкахъ со стороны Россіи. Право или не право наше правительство въ томъ положеніи, которое оно приняло, оно очевидно имѣло поддержку страны и не желало отступать. Поэтому всякое поощреніе Россіи выдержать характеръ и сдѣлать войну неизбѣжной становится весьма серьезнымъ вопросомъ".

Въ отвѣтъ г-ну Фостеру я писалъ: „1) что правительство не

только не имѣло поддержки страны, но мнѣ казалось несомнѣннымъ совершенно противоположное; 2) что правительство не посмѣло бы рѣшиться на войну, если бы не разсчитывало на согласіе либеральныхъ лидеровъ идти на это преступленіе; 3) что касается ободренія иностранца, то если иностранецъ правъ, его слѣдуетъ ободрять. Я былъ огорченъ признаніемъ Фостера. Лидеры либераловъ очевидно пали духомъ и раздѣлились, разсчитывать на ихъ сопротивленіе Биконсфильду невозможно. Мнѣ стыдно за нихъ, но Вамъ лучше знать правду. Не выдайте имя Фостера и его письмо, но, конечно, если Вы думаете, что оно разсѣетъ иллюзіи, которыя я такъ усердно поддерживалъ, можете воспользоваться этимъ сообщеніемъ, гдѣ найдете нужнымъ. Гладстонъ, Брайтъ и около 50—60 человѣкъ изъ парламента, подкрѣпляемые всѣмъ, что есть лучшаго и благороднаго въ странѣ, противятся войнѣ".

Причины, одушевлявшія оппозицію такой страстной настойчивостью, были въ высшей степени патріотичны. Ихъ образъ мыслей вѣрно изображенъ въ моемъ письмѣ къ г-жѣ Новиковой.

25 марта 1878 г.

„Нѣтъ словъ выразить мою радость, если то, что я сдѣлалъ или написалъ, могло сколько-нибудь смягчить страшное раздраженіе въ Москвѣ противъ моей несчастной родины. Вы знаете, что, несмотря на ея ошибки, Англія имѣетъ много привлекательнаго даже для иностранца. Чѣмъ же она должна быть для человѣка, который въ ней родился, научился ее любить съ тѣхъ поръ, какъ научился читать? Англія мнѣ очень, очень дорога. Я рѣдко выставляю свою вѣрность и мало говорю о своемъ патріотизмѣ, но едва-ли кто-нибудь изъ самыхъ восторженныхъ шовинистовъ пойметъ чувства, наполняющія мою душу, когда я смотрю на прошлое и размышляю о будущемъ моей возлюбленной Англіи.

Англія, если она будетъ вѣрна Богомъ данной ей миссіи, будетъ править половиной міра. Англійскій языкъ станетъ всемірнымъ. Уже теперь нашъ скипетръ... Но къ чему писать рапсодіи Вамъ. Вы слишкомъ хорошо знаете, какъ блестящи мои мечты о судьбахъ Англіи. Но чтобы онѣ исполнились, Англія должна быть вѣрна себѣ, вѣрна Богу, но если,—страшная мысль,—она откажется отъ этой славной миссіи и свернетъ въ сторону войны съ той единственной націей, съ которой ей придется дѣлить будущее Азіи, у меня ужасное предчувствіе, что она падетъ, падетъ, какъ Вавилонъ въ Апокалипсисѣ. Да избавитъ Богъ Своею милостью отъ такого несчастья! Ужасно подумать, что Англія, т. е. я, получитъ смертный ударъ отъ Россіи, т. е. отъ Васъ, или наоборотъ, а между

прочимъ милліоны людей смотрятъ снисходительно, на правительство какъ бы ослѣпленные Богомъ для того, чтобы охотнѣй идти на рѣзню. Было бы похвально чѣмъ бы то ни было содѣйствовать идеѣ мира, быть въ состояніи хотя бы нѣсколько уменьшить лихорадочный пылъ, могущій сдѣлать столько зла. Я очень радъ и благодаренъ, что моя замѣтка о Вашихъ письмахъ О. К. принесла хотя бы маленькую пользу. Если бъ я могъ быть исполнителемъ воли Божіей въ томъ, чтобъ возобновить дружескія чувства между Англіей и Россіей, я былъ бы счастливъ. Нужно ли также сказать, что я въ восторгѣ отъ того, что моя статья Вамъ понравилась, я думалъ, что такъ будетъ, и не разочаровался. Я всегда доволенъ, когда могу угодить Вамъ, потому что это единственное средство, которымъ я могу засвидѣтельствовать мой глубокій долгъ благодарности передъ Вами. Не думаю, чтобы война возникла, я не могу повѣрить этому. Я не смѣю этому вѣрить. Наши страны ничего не выигрываютъ и все теряютъ отъ войны. Я нахожу вѣроятнымъ, что мы Васъ заставимъ войти въ Константинополь и уничтожить Оттоманскую имперію. Но и безъ войны съ Вами у насъ много дѣла. Мы завладѣемъ островами и проч. принадлежащими туркамъ. Увидите, Биконсфильдъ еще сокрушитъ Турцію. Онъ настоящій антитурокъ. Прощайте, благослови Васъ Богъ. Какъ бы я желалъ побольше сдѣлать для Васъ, но не могу.

Стедъ“.

Я привожу здѣсь два письма Фруда къ Ольгѣ Алексѣевнѣ, дающія вѣрное понятіе о положеніи, какимъ оно казалось наблюдателю лондонскаго Вестъ-Энда.

13 апрѣля 1878 г.

Дорогая г-жа Новикова. Мнѣ кажется, дѣла улучшаются. Послѣднія пренія въ парламентѣ были очень полезны. Рѣчь лорда Дерби принята сочувственно всей страной, совѣсть нѣкоторыхъ (все еще къ сожалѣнію меньшинства) заговорила, и либеральная партія, на сѣверѣ, опять становится дѣятельной. Если еще мѣсяцъ лорда Биконсфильда не допустятъ къ войнѣ, оппозиція соберетъ силы, и Англія пойметъ, что она была на краю огромнаго кризиса и столь же огромнаго безразсудства. Главная опасность теперь въ Константинополѣ, гдѣ интриги Лаярда могутъ заставить турокъ поступить опрометчиво. Дайте только собраться конгрессу, и все спасено. Миръ будетъ обезпеченъ и настанетъ судъ надъ шайкой бездѣльниковъ, причинившихъ зло. Мнѣ очень жаль Васъ. Знаю,

какія должны быть Ваши чувства. Изгнаніе Вами Турокъ изъ Болгаріи признается впослѣдствіи самымъ благодѣтельнымъ дѣломъ, совершеннымъ въ Европѣ за два столѣтія. Систематическая ложь скрывала отъ насъ правду, какъ она есть, но ее увидятъ и, если не произойдетъ ничего новаго, увидятъ очень скоро.

„Циркуляръ кн. Горчакова былъ хорошо принятъ. Я самъ приходилъ въ отчаяніе, когда писалъ послѣднее письмо, но теперь я снова надѣюсь. Вамъ горячо преданный

Фрудъ".

„Я написалъ на-дняхъ короткое письмо въ „Times" и судя по жестокости писемъ, которыя я получаю отъ поклонниковъ премьера, оно произвело впечатлѣніе. Настаивайте на конгрессѣ. Вся надежда врага истощить Ваше терпѣніе продолжительнымъ кризисомъ".

28 апрѣля 1878 г.

„Я получилъ вчера вечеромъ Ваши письма отъ 21 и 22. Вы конечно огорчены, огорчены должны быть всѣ мы, ненавидящіе ложь, вѣроломство, несправедливость. Я знаю, что моя страна поступала какъ нельзя болѣе дурно, но вопросъ въ томъ, какъ помѣшать тѣмъ, кто желаетъ зла Россіи, поступать по-своему. Положеніе таково: большая часть англійскаго народа стыдится турокъ и не пошевельнула бы пальцемъ, чтобъ ихъ возстановить. Но лордъ Биконсфильдъ воспользовался Румынскимъ дѣломъ и колебаніемъ кн. Горчакова представить трактатъ конгрессу, чтобъ убѣдить страну, что Россія преслѣдуетъ собственные, честолюбивые замыслы, для которыхъ покровительство славянамъ служило предлогомъ и потому не допускаетъ вмѣшательства оппозиціи. Настаивайте на конгрессѣ, и общественное мнѣніе измѣнится. Вы боитесь, что здѣшній кабинетъ стремится только выиграть время. Но время дорого обѣимъ сторонамъ. Всякій серьезный человѣкъ въ Англіи противъ войны. Теперь уже увеличивается партія противниковъ министерской политики. Выборы это доказываютъ. Только допустите конгрессъ съ Вашего согласія, и я увѣренъ, что либеральная партія будетъ настаивать на благопріятныхъ условіяхъ для Васъ.

Поставьте, пожалуйста, Вашимъ первымъ условіемъ, когда начнутся переговоры, чтобъ турку не возвратить ни одного клочка освобожденныхъ земель въ Европѣ. Биконсфильдъ долженъ согласиться или отказать. Если согласится, онъ лишился турокъ навсегда; если откажется, онъ потеряетъ поддержку здѣсь, и всѣ европейскія державы будутъ противъ него. Вотъ я пускаюсь совѣтовать, точно я дипломатъ. Вы сочтете это за нелѣпость и самонадѣянность съ моей стороны, но знаете ли, я хорошо знакомъ съ ходомъ дѣла, какъ

оно было представлено англійскому кабинету, и потому мнѣ кажется, я вижу, чѣмъ можно разстроить измѣну и плутовство Биконсфильда.

20 мая 1878 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Я написалъ Вамъ длинное письмо на прошлой недѣлѣ и сжегъ его, потому что оно могло ввести въ заблужденіе. Положеніе таково, я тѣмъ болѣе настаиваю на немъ, что въ Вашемъ письмѣ отъ 11-го, полученномъ мною сегодня утромъ, вижу тонъ надежды. Не довѣряйте возрожденію либеральной партіи. Она усилится впослѣдствіи, чтобъ отомстить за Васъ. Не могутъ и не желаютъ препятствовать правительству объявить войну, иначе какъ если Россія согласится на конгрессъ. Рѣшитесь на конгрессъ, и чувство чести англичанъ не допуститъ Биконсфильда и королеву долѣе лицемѣрить. Настаивайте, если хотите, на томъ, чтобы ни одна изъ освобожденныхъ національностей не была возвращена во власть Турціи. Возвратите себѣ то высокое нравственное положеніе, которое Вы бы заняли, если бъ немедленно послѣ перемирія призвали Европу на совѣщаніе. Тогда все будетъ хорошо. Вся Англія, за исключеніемъ ничтожнаго меньшинства и Порты, будетъ за Васъ. Либеральная партія въ парламентѣ плоха, сильныхъ около ста, остальные трусы или измѣнники. Сегодня вечеромъ будетъ битва по конституціонному вопросу индійской арміи. Въ этомъ вопросѣ вся оппозиція въ согласіи. Не будьте въ заблужденіи о числѣ раздѣленныхъ, какъ бы велико оно ни было. Повторяю, мы за войну отомстимъ, если она будетъ, но помѣшать ей мы не можемъ. Сдѣлайте любезную уступку теперь. Лордъ Б. и его друзья будутъ имѣть плохой тріумфъ, а черезъ два года будетъ перемѣна правительства. Тогда исторія этой ложной, слабой и вѣроломной политики ясно откроется, и воздана будетъ ей и Вамъ справедливая оцѣнка. Вамъ будетъ непріятно то, что я говорю, но едва-ли есть въ Англіи болѣе вѣрный другъ Россіи, чѣмъ я, поэтому Вы можете придать вѣру моимъ словамъ.

Плохое утѣшеніе будетъ для Васъ, если Вамъ представится новая борьба и загорится всемірная война (такой она должна быть), узнать лѣтъ черезъ десять, что англійская конституція разрушена, консервативная партія уничтожена, а, можетъ быть, и вся монархія съ ней.

Все же положеніе лучше, чѣмъ было двадцать четыра года назадъ. Тогда вся страна единодушно была Вашимъ противникомъ за исключеніемъ горсти людей. Теперь мы можемъ обезпечить честное отношеніе, какъ только дѣло поступитъ отъ дипломатовъ на міровой конгрессъ. Вашъ огорченный, но искренно преданный Фрудъ“.

Я кончаю эту главу характеристичнымъ письмомъ Фримана къ г-жѣ Новиковой.

„Что сдѣлаетъ еврейскій визирь императрицѣ Индіи, при помощи варваровъ той имперіи, посредствомъ которой онъ хочетъ попирать Англію и Европу и обратить міръ въ великую азіатскую загадку. (Не отъ того ли онъ озлобленъ противъ Сербіи, что тамъ много свиней?) Видите ли, лордъ Дерби настолько усовершенствовался, что не могъ долѣе дѣйствовать съ евреемъ, тогда какъ Сольсбери, бывъ воспитаннымъ, сталъ хуже еврея. Посмотрите на возмутительный циркуляръ. Ну, если они могутъ урѣзать Вашу Болгарію въ пользу Греціи, тогда хорошо, но они захотятъ урѣзать ее для Турціи. Диззи (Биконсфильдъ) обманулъ и огорчилъ грековъ обѣщаніями помощи, убѣждалъ ихъ увести войска и въ результатѣ тысяча лживыхъ обѣщаній реформъ со стороны турокъ въ Ѳессаліи и Эпирѣ. Сравнять всѣхъ оттомановъ: жителей Ѳессаліи и Македоніи обратить въ оттомановъ! Я говорю откровенно:

Вашъ Императоръ, котораго мы привыкли называть Александръ Освободитель, потерялъ въ нашихъ глазахъ изъ-за Бессарабіи и за оставленіе Греціи и всѣхъ почти славянъ на произволъ судьбы. Я говорю судьбы, потому что реформы пустой звукъ, единственно нужная реформа вырвать корень зла: турецкое господство. Не можете ли Вы просить его возвратить свое названіе, приведя на конгрессѣ все въ порядокъ. Сдѣлайте такое предложеніе, противъ котораго еврею стало бы стыдно противорѣчить, лишите его силы, только помните, что я сказалъ годъ тому назадъ. Мы можемъ имѣть довѣріе къ русскому Императору, мы можемъ вѣрить русскому народу, но русскимъ дипломатамъ мы такъ же мало довѣряемъ, какъ и дипломатамъ другихъ странъ. Развѣ это не оправдалось?

Сообщено Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ исторіи постройки С.-Петербургскаго Троицкаго собора.

Въ собраніи Правительствующаго Сената 30 марта 1742 года [1]) слушали. По вѣдѣнію Святѣйшаго Синода, которымъ требуетъ о разобраніи канцеляріи отъ строеній Санктъ-Петербургской Троицкой соборной обетшалой церкви, когда изъ той церкви утварь въ синодальный домъ вынесена будетъ, и по разобраніи—объ отдачѣ въ вѣдомство Святѣйшаго Синода оставшей въ Санктъ-Петербургѣ конторы, отъ которой-де оное роздано будетъ для топленія печей церковныхъ и просвирнямъ, приказалъ: въ Санктъ-Петербургѣ въ Сенатскую контору сообщить вѣдѣніе, велѣть означенную обетшалую церковь въ то время, когда изъ оной церковная утварь вынесена будетъ въ Синодальной домъ вся, канцеляріи отъ строеній разобрать и отдать въ вѣдомство Святѣйшаго Синода оставшей въ Санктъ-Петербургѣ конторѣ, о чемъ и въ Святѣйшій Синодъ сообщить вѣдѣніе. Гавріилъ Замятнинъ.

Въ собраніи [2]) Правительствующаго Сената 5 февраля 1743 года въ 11 часу въ половинѣ, Ея Императорское Величество соизволила вступить и слушавъ учиненныхъ разсужденій и докладовъ, оные а пробовать и собственною рукою подписать соизволила:

Имѣющуюся на Санктъ-Петербургскомъ острову Троицкую церковь, коя обѣтшала и божественной службы въ ней затѣмъ не совершаеца, разобрать, а въ мѣсто оной на томъ же мѣстѣ построить вновь деревянную церковь *равно такую-жъ какова прежде была*, и о томъ оной церкви строеніи соизволила изъустно указать дѣйствительному тайному совѣтнику и кавалеру Александру Львовичу Нарышкину: секретарь Гавріилъ Замятнинъ.

Сообщилъ И. С. Б.

---

[1]) Моск. Архивъ М. Ю. Книга Правит. Сената № 2202, л. 275.

[2]) Моск. Архивъ М. Ю. Книга Правит. Сената № 2212, л. 19.

Изъ Кавказскаго прошлаго.

(По воспоминаніямъ о трехгодичномъ плѣнѣ казачки Соломониды Капитоновны Гончаренко, по отцу Ярошенко, по плѣну Чупаханъ-Муляханъ-Перинъ).

Въ Терской области, въ Екатериноградской станицѣ, въ мартовскій вечерокъ, на скамеечкѣ у плетневой изгороди одного дома, въ собравшейся компаніи изъ 5 — 6 человѣкъ не разъ сиживала и не очень старая казачка Соломонида Капитоновна Гончаренко, или по просту „плѣнная бабка“. Такъ какъ кое-кто въ той компаніи зналъ, что меня нѣсколько интересуетъ казацкій бытъ и въ настоящемъ и въ прошломъ, то воспользовались случаемъ и, полу-шутя, предложили выслушать разсказъ „бабки“. Соломонида Капитоновна очень охотно отозвалась готовностью удѣлить мнѣ часикъ—другой времени на очень дорогія, видимо, для нея воспоминанія о всемъ происшедшемъ съ нею около 50 лѣтъ тому назадъ. Память разсказчицы, несмотря на все же преклонный ея возрастъ, оказалась довольно крѣпкой, и она весьма живо разсказывала о своемъ плѣнѣ, не упустивъ многихъ, очень характерныхъ, подробностей. Мѣстами повѣствовательница какъ бы вновь переживала свои бывшіе грустные дни, и въ голосѣ ея слышались слезы. Слушательницамъ тоже не разъ пришлось прослезиться вмѣстѣ съ разсказчицей, и я былъ счастливъ, присутствуя впервые въ своей жизни, при задушевной, простой, серьезной народной бесѣдѣ въ деревенской тиши.

Считая и интереснымъ и поучительнымъ все, что удалось услыхать отъ Соломониды Капитоновны, рѣшаюсь его предать огласкѣ, съ вѣдома собесѣдницы. Ея разсказъ имѣетъ значеніе для освѣщенія эпохи, послѣдовавшей за взятіемъ Шамиля въ Гунибѣ.

Да и личность самой разсказчицы, какъ истинно-русской патріотки съ молодыхъ лѣтъ, при томъ простодушной, выступаетъ въ немъ рельефно и правдиво.

Постараюсь въ передачѣ держаться близко къ дословной рѣчи Гончаренко.

— Года, въ который меня увели въ плѣнъ кабардинцы, я не упомнила,—начала свою рѣчь Соломонида Капитоновна. Думаю такъ, что было это почти въ одинъ годъ, какъ брали Шамиля и „воли“ еще не было. Тогда то мѣсто, гдѣ по нынѣшнему начинается Кавказъ, называлось линіей (границей). Мои родители жили въ Полтавской губерніи, Ромненскомъ уѣздѣ, въ станицѣ Боцланы и были вольные казаки, платили подати, а коней на службу не водили. Земли у насъ и тогда было мало, и всѣ съ окрестностей жители ходили на заработки въ „Черноморье“, гдѣ уже было замирено возлѣ линіи. Я съ отцомъ и съ братомъ, который постарше меня года на 2—3, въ тринадцать годовъ на четырнадцатомъ пошли на заработки и вмѣстѣ съ другими на покосъ и жатву. И, мѣсяца въ два пути, дошли мы до „Черноморья“ и нанялись въ Титоровской станицѣ, за Кубанью, въ степи косить и убирать сѣно.—Откосили сѣно и убрали и дали намъ Титоровскіе разсчетъ.—Пшеница еще не поспѣла, вотъ отецъ и собрался въ другую станицу „Астегайскую“, верстъ за 60. Пока, говоритъ, жниво спѣетъ, мы будемъ дорогой крыши крыть вдвоемъ, а ты будешь мазать. Это было въ воскресный день, и, позавтракавъ хозяйскій завтракъ, всѣ, работавшіе у Титоровскихъ, разошлись въ разныя стороны.

Побрели мы по линіи, гдѣ были казачьи посты съ казармами. На посту спросили, не будетъ ли опасно. Казаки насъ очень не обнадеживали, но и не пугали. А намъ деньги для дома нужны были и, ничего не подѣлать, мы продолжали путь. Миновали мы постъ и не очень отъ него далеко встрѣчаемъ трехъ конныхъ кабардинцевъ. Одинъ изъ нихъ былъ, какъ-будто, изъ бѣглыхъ русскихъ солдатъ.—Тогда въ войскахъ служили по 25 лѣтъ; служба была трудная-трудная, и многіе убѣгали изъ войскъ къ кабардинцамъ въ горы. Легче имъ казалось повиноваться кабардинцамъ, чѣмъ служить, и дѣлали у кабарды все, что заставляли; одни работали у хозяевъ дома, другіе, какъ дураки, разбойничали вмѣстѣ съ хозяевами. — Всѣ трое, коихъ мы встрѣтили, были на лошадяхъ разныхъ мастей и у русскаго была бѣлая. Онъ, поровнявшись съ нами, сказалъ:

— „Здравствуй, знакомый!“

— „Здравствуй“, отвѣтилъ отецъ.

— „Дай табаку на трубку“. Въ тѣ поры курили изъ черепичныхъ и глиняныхъ трубокъ.

— „Я не курю“, отвѣтилъ отецъ.

— „Огня дай!“—Спичекъ-сѣрняковъ еще не было тогда, а носили курящіе съ собой „кресало“; камешекъ кремневый и стальное „кресало“, чтобы выкрошить о камень искру на губочку и разжечь трубку.

— „У меня нѣтъ огня“ — отказалъ отецъ, чтобы они болѣе не приставали.

Братъ мой, какъ мы были въ Титоровской, пасъ барановъ и съ мирными кабардинцами разговаривать по-кабардински научился. Вотъ онъ услышалъ теперь, какъ кабардинцы эти повели между собой рѣчь про насъ.

— „Стараго надо „пупче“ (убить), говорятъ, а молодыхъ забрать.

Братъ это понялъ, закричалъ „караулъ“ и бросился бѣжать назадъ и отецъ тоже, а тѣхъ двое погнались за ними, выхватили шашки, которыя такъ и засверкали на солнцѣ. Я шашекъ ранѣе не видѣла и подумала, что это они съ ножами погнались за моими родными.—Послѣ я узнала, по возвращеніи изъ плѣна, что отецъ тогда обрѣзалъ себѣ большой палецъ, какъ схватился за шашку нападавшаго на него, и палецъ у него на всю жизнь остался „культявый“. Все же они уцѣлѣли и добѣжали на постъ. У нашихъ не было съ собой никакого оружія, только были косы, да и то снятыя съ „кистей“ (съ ручекъ), и они ничѣмъ обороняться не могли... Я стояла ни жива, ни мертва съ испуга. Возлѣ меня остался русскій и все меня потихонько плетью по головѣ похлестывалъ, да приговаривалъ: „стой, стой, не бѣги; мы тебѣ „баранчука“ (жениха) найдемъ“. Была у меня думка тоже оборотиться на постъ, коли будутъ отца рубить, да вижу, что кабардинцы, отогнавши его, вертаются, я осталась.

Вотъ они двое подхватили меня подъ руки и разомъ подали русскому на лошадь и мои руки продѣли подъ его подмышки, и онъ схватилъ ихъ крѣпко, крѣпко, чтобы я не упала, да и пустились всѣ прочь съ дороги. Дорога, по которой мы шли, была „на обѣдъ“ (къ югу), а они свернули на восходъ и въ траву, чтобы не такъ было видно насъ.—Травы были большія, выше пояса, густыя, прегустыя, и по этой травѣ росли и терны, и „глоды“ („шипшина колючая“), которые мнѣ уцѣпляли за ноги и рвали кожу. Отъ страха, я сначала не чуяла боли, а только, какъ одумалась, почувствовала, какъ больно ногамъ. Бѣжали шибко и не знаю, черезъ сколько часовъ, такъ должно быть за 15—20 верстъ въѣхали въ лощину-балку.

Молча меня какъ собаку, свалили на земь, и я подумала, что станутъ тутъ надо мной надругаться. По дорогѣ я растеряла всю свою одежду и подшальникъ, и кофту, и башмаки, и даже юбку. Осталась я въ одной рубахѣ, подпоясанной поясомъ краснымъ плетеннымъ (по-россійски), какъ кушакъ, широкимъ или ручникомъ. И лежала я почти безъ памяти.

У нихъ, у троихъ, оказалось четыре бурки и четыре шапки. Они пересадили меня на лошадь кабардинца, который накрылся буркой, и я попала подъ бурку; опять мои руки держали въ чужихъ подмышкахъ.—Мнѣ было и тяжко, и жарко подъ буркой, и отъ тѣла кабардинца грѣло, и отъ лошади грѣло, и солнце грѣло въ послѣднихъ дняхъ мая. И опять полетѣли мы шибко; я на лошади посединѣ, а двое тѣхъ по бокамъ.—Въ буркѣ была дырочка, какъ будто отъ кинжала. Я было хотѣла эту дырочку прокусить, чтобы хоть немножко вѣтерокъ до меня дошелъ... Въ нее я увидѣла, вдалекѣ, стадо скотины. Думала, не примѣчу ли пастуха, я бы ему закричала „караулъ“, и кинжала бы не побоялась. Но пастухъ такъ и не встрѣтился, да и скотина была не наша—буйволы, значитъ, и земля была уже не наша, а кабардинская. Еще я пока все надѣялась, что будетъ погоня за нами, если отецъ живой съ братомъ добрелъ до поста.

Проскакавъ еще одну-двѣ балки, попали мы въ лѣсъ и нашихъ слѣдовъ не стало видно. Лѣсъ то былъ чинаровый, густой, изъ толстѣнныхъ деревьевъ, безъ травяного покрова. Какъ нашли они чащу, такъ остановились, и я подумала, „ну, теперь мнѣ конецъ“! Солнце было уже на закатѣ, а жажда у меня была пребольшая, инда на губахъ заструпѣло отъ сухости, и я думала, что умру. Но не далъ мнѣ Господь умереть, а „пустилъ бѣднаго Никиту на волокиту“!

Вотъ послышалось, что кто-то лѣсъ рубитъ, и кабардинцы испугались, потому и своихъ тоже боялись, чтобы не доказали на нихъ. Одинъ изъ нихъ пошелъ осмотрѣть дорогу и узнать, кто былъ еще въ лѣсу.

Меня ссадили на сухіе листочки и дали мнѣ кусокъ „пышки“. Отъ сухости въ горлѣ я ее ѣсть не могла и спрятала подъ рубаху. Когда вернулся досмотрщикъ, то принесъ лѣсныхъ яблоковъ и далъ всѣмъ и мнѣ два. Послѣ яблоковъ кисленькихъ, я стала чувствовать слюну во рту и мнѣ чуть полегчало.—Бѣдные кони отъ жажды глодали кору деревьевъ. Послѣ часового тутъ отдыха, дали мнѣ шапку и бурку, при чемъ тотъ русскій сказалъ „надѣвай бурку“, кинувъ ее и шапку. Затѣмъ говоритъ: „сѣдай на лошадь“ и мнѣ было чуть отраднѣе, что онъ говорилъ со мной по-русски. Про себя

я гадала, хоть бы что ни гуторили, не такъ было бы жутко, а то какъ съ волками была.

Вдругъ, вижу, одинъ изъ нихъ досталъ изъ-за „гозыря“ (пазухи) пасму конопли и началъ сучить веревку. Рѣшила я, что хотятъ меня вѣшать, и будутъ сейчасъ обрѣзать кожу, какъ тому казаку Ивану Борустанскому, о коемъ шла молва еще на покосѣ. Да, полагалось мнѣ, если не надругались и не надсмѣялись, то стало быть покончатъ со мной! Ужасъ я такой перетерпѣла тогда, и о сю пору духъ замираетъ, даже и сказать не могу... Они же, ссучивъ веревку, надѣли мнѣ, полумертвой отъ страху, на шею ее и какъ я сѣла на коня, тогда кабардинецъ взялъ конецъ ея въ руку и повелъ въ поводу съ веревкой лошадь. Сидѣла я уже на сѣдлѣ по-мужски и одѣта была по-мужски, а они шли и задній слѣдилъ, чтобы я не спрыгнула въ кусты. Дорога пошла по горамъ, по тропиночкамъ, и шли потихонько, а гдѣ гладкая дорога приходила, бѣжали рысью рядомъ съ лошадями.—И стали черезъ аулы ѣхать, черезъ ихніе края. Было зорено, а мѣсяца не было. По ауламъ таково хорошо и зелено, а мнѣ грустно: не наши дома, не наши постройки и „жительство“. Въ домахъ по одному окну и то безъ стеколъ, а только ставни; дома сѣрые, не бѣленые—все не наше то. Подъ одной бѣлой горой послышали сильный шумъ падавшей изъ источника воды. Здѣсь они остановились на отдыхъ и набрали воды въ кожаный бурдюшекъ, сами напились и мнѣ дали и коней потомъ напоили. Сѣла я въ рубахѣ на камушекъ и колко мнѣ было и ногамъ босымъ колко.—Какъ кони отдохнули, да похватали травы, такъ поѣхали еще не много за полночь. Опять остановились и двое легли спать, а одинъ сторожилъ меня и лошадей.—Роса поднялась, и мы поѣхали и ѣхали до „обѣда“, а какъ солнце своротилось съ обѣда, мы подъѣхали къ ихъ дому; не ѣвши пробыли $1^1/_2$ сутокъ почти.

Съ дороги мы, какъ будто, сразу подъѣхали къ ихъ сараямъ плетенымъ, куда кладутъ кукурузу. Тутъ встрѣтилъ насъ мальчишка, лѣтъ 12-ти, да какъ заплескалъ въ ладоши, да какъ запрыгалъ, ажно пятками доставалъ до зада! Быстро онъ побѣжалъ въ саклю (домъ) и сказалъ всѣмъ, а мои вожатые, побросавъ уздечки на соху, сами ушли въ другую саклю и не показывались.—Я сижу въ буркѣ, и шапкѣ и смотрю, что будетъ; бросили меня одну...

Тогда вышла дѣвка, ихняя барышня, ростомъ большая, толстая и говоритъ мнѣ что-то по-своему, а я не понимаю. „Выпсихъ—выпсихъ“! Я это понять не могла, пока она не показала мнѣ, рукой

помахнувши на землю, значитъ „слѣзай“. Скоро она добавила по-русски „садись, садись“. У нихъ вѣдь жилъ бѣглый русскій, вотъ она и знала русское слово. Еще прибывшая, погодя „унемштуконьштъ“ и опять махнула рукой къ двери—„пойдемъ, дескать“, я пошла за ней въ саклю.

Въ саклѣ мнѣ показалось все некрасиво, не по-русски все. Сѣсть негдѣ, лавки нѣту, стола нѣту, стульевъ нѣтъ, среди сакли труба въ крышу надъ огнемъ. По одну сторону стоятъ сундуки въ два ряда,—сундукъ на сундукъ. Сундуки хорошіе, деревянные, не худо сдѣланы, зеленые, съ мѣдными гвоздиками.—Черезъ всю саклю протянута вѣшалка деревянная вродѣ палки длинной или жерди; на ней висятъ кабардинскія одѣяла, ватныя, ситцевыя, односпальныя и всѣ налицо; кроватей нѣтъ.—Садиться надо на заглинокъ кругомъ трубы, гдѣ намощена скамеечка изъ глины вокругъ огня. Пока огонь горитъ, они все коптятся у него, какъ цыгане.

Сбѣжались, въ ту пору, со всего аула кабардинки, женщины и дѣвки, смотрѣть на меня, а мужчинъ не было.—Для женщинъ и мужчинъ были отдѣльныя сакли.—Сняли съ меня шапку и бурку; разглядывали меня и волосы особенно, но не очень торкались объ меня. Подивились на крестъ шейный мѣдный и сняли его съ груди и серьги изъ ушей. Дѣтишки крестъ подхватили для игры; взяла меня жалость, что они считаютъ его за игрушку и не понимаютъ, для чего крестъ нуженъ.—Вглядѣвшись въ меня, старенькія старухи попримѣчали, что ноги у меня въ крови и струпья позасыхали на ногахъ, и стали говорить по-своему „Галла-Галла“! (Господи Господи)! „О, ухаменчкигушъ“!—(бѣдненькая)! Я не вѣдала, что онѣ меня жалѣли, какъ уже пожила съ ними, такъ поприпомнила слова, которыя стала понимать.—Принесла тутъ одна сноха ложку молоденькихъ сливокъ и показала на ногу, молъ, разотри и говорила что-то, чего я не поняла и не упомнила.

Нашли онѣ у меня тутъ закрученныя въ поясѣ деньги серебряныя на три рубля („абазы“—двугривенные и пяталтынники, что понадавалъ мнѣ отецъ, когда зналъ, что понапрасно я не истрачу ихъ). Взяла эти деньги дѣвка отъ меня, кои я берегла, чтобы съ отцемъ истратить... А принесли мнѣ въ деревянной чашкѣ кислаго молока со всыпанной въ него, паренной докрасна, кукурузной мукой; въ чашкѣ положена деревянная ложка.

Какъ повидѣла я, какую ѣду мнѣ принесли, такъ я загоревалась дюже, а сердце у меня запеклось. Мерѣкаю про себя! „Господи, Господи, вотъ до какой пищи я дожила; небось такъ-то собакъ у насъ кормятъ!.. И не знала я, какъ надо чего ѣсть по-ихнему, молоко ли сначала или муку, и попробовала молока, а муку не захо-

тѣла. Онѣ же, всѣмъ народомъ про меня „деркочатъ“ и балакаютъ и мнѣ сдавалось, что пищу эту дали въ насмѣшку. И тужила я, что и народъ со мной не нашъ, и харчи не наши; хлѣба у нихъ не было и пышки даже не давали ни крупинки...

Время подошло къ вечеру, и дѣвка взяла въ „кумчанъ“ (кувшинъ мѣдный) воды набрала и за горой, у дуба показала мнѣ умыться и сама покараулила и дала другую рубаху переодѣть. Рубаха была бѣлая, холстовая или парусовая-бязевая, съ вырѣзнымъ мужскимъ воротомъ, вся длиной до колѣнъ; а штановъ не дали.

Ночь пришла. Зачали спать ложиться. Двери у нихъ двухстворчатыя и ихъ забили на ночь клиньями, чтобы я не ушла. Мы съ дѣвкой легли на полу по одну сторону огня, а мать ея съ мальчишками по другую. Мои ноги дѣвка положила на ночь между своихъ; накрылась со мной однимъ одѣяломъ.

На утро, та же дѣвка, вставши, начала шить мнѣ штаны изъ цѣлаго полотнища кубоваго ситца, легкіе. Ходить въ нихъ я не могла, не умѣла. Какъ пойду, зацѣплю большимъ пальцемъ и разорву. Женщины смѣялись, ругали меня чернымъ словомъ: „Дьяворъ-манцыссъ“!

Обвыкая понемного, скоро научилась я ихнему языку и только старалась слушать ихъ разговоръ, чтобы понять проворнѣе, да миновать побоевъ.

Работать не заставляли ничего, и мнѣ надо было сидѣть дома, пока зажили мои ободранныя ноги.

Пищу давали, но не дюже хорошую и только два раза въ день. Утромъ получала кукурузную кашу (мѣшанной муки съ молокомъ больше не давали никогда), несоленую („пасту“), сыръ козій или бараній, да балыкъ—ветчину, копченую въ трубѣ сакли. Хлѣба не было и въ поминѣ; у нихъ пшеницу не сѣяли, и не видала я ни кусочка хлѣбнаго три года. Случалось, что наѣзжали къ нимъ гости и для всѣхъ варили харчей много; остатки я поѣдала съ дѣтишками безъ сроку.

Заставляли меня молиться ихнему Богу и уговаривали, объясняя, что „за это я буду „бессмэнъ“ (въ царствѣ); а не будешь молиться по-нашему, то станешь „дьяворъ—манцыссъ“. Показывая на собаку, приговаривали: какъ собака твоя будетъ. Не соглашалась я съ ними и все по-своему молилась. Чтобы они не видѣли моей молитвы, въ темную ночь я выходила въ высокую траву молиться. Въ свѣтлыя ночи я успѣвала перекреститься въ саклѣ, отвернувшись отъ огня. Имъ у огня не видно было, что я дѣлала, молилась ли, или такъ что-нибудь оправляла на себѣ. Не то, такъ, бывало, подъ одѣяломъ перекрещусь и сама и мѣсто постели своей

покрещу.—Одѣяльце было дано старенькое и рогожку старую дали, какъ собакѣ, для постели.

На третью ночь стали класть меня отдѣльно, и уже не боялись почти моего ухода. Однако, дверь все же заколачивали, чтобы слышно было, когда буду выходить. Но, можетъ быть, клали меня спать уже отдѣльно, чтобы не набраться отъ меня „нужей“ (вшей), чего у меня отъ думки завелось много—премного. Я не знала, какъ и отдѣлатьсл отъ этой нечистоты. Бывало, все хожу, да, сгребши въ горсть подъ рубашкой, бросаю нужей курамъ на кормъ. И куры меня попризнали и, завидя, бѣгали за мной, крича: „ко-ко-ко“. Съ головы насѣкомыя эти сыпались кучами, и кабардинка меня выстригла, чтобы я легче могла ихъ сгребать ногтями.

У этихъ хозяевъ меня называли мужскимъ именемъ „Чупаханъ“. Прозвища хозяевъ своихъ я не знала и, какъ аулъ прозывался, тоже не вѣдала. Понемногу, все же увидѣла, что ихъ аулъ стоялъ близко балки; кругомъ были горы и лѣса; кромѣ неба, ничего другого не было видно. Дороги были въ горы узкія, на арбахъ проѣхать нельзя. Хлѣбъ, просо, кукурузу возили въ мѣшкахъ кожанныхъ, на лошадей повѣшенныхъ или положенныхъ.

Къ концу мѣсяца, гляжу, почали шить для меня и кафтанъ полосатой матеріи (желтенькими съ красненькими полосками) на сѣрой подкладкѣ, не сходившійся на груди, какъ и надо по женскому покрою. И сказали мнѣ: „поѣдемъ въ Урусь, Чупаханъ“. Опять пришли тѣ трое кабардинцевъ, и мы поѣхали въ обѣденное время. Изъ аула свернули въ другую сторону отъ Россіи, такъ какъ я ранѣе видѣла свой путь, по коему пріѣхала въ аулъ. Только я заикнулась было, что не въ Русь—молъ, ѣдемъ, какъ на меня всѣ трое замахнулись кинжалами, даже я похолодѣла и слезы пропали. Проѣхавши горы и балки, добрались къ ночи до чужого аула и заночевали. Меня положили въ женской саклѣ съ кабардинками и ѣсть дали.—На другой день поѣхали по берегу рѣки Зеленчуцкой, гдѣ я увидѣла три маленькія (греческія) церковки съ узенькими оконцами. Спутники зачали меня спрашивать:

— „Чупаханъ, мересицъ (что это такое)?“

— „Не знаю“, говорю.

— „Это твой Урусь“, сказали и поѣхали дальше; я имъ не повѣрила.

Къ вечеру прибыли въ какой-то аулъ и продали меня новымъ хозяевамъ. Не смогу сказать, за сколько меня продали. Только стало мнѣ оттого еще грустнѣе, что меня, христіанку, русскую и

продавали, какъ товаръ или вещь какую-нибудь. Вотъ-де, до чего я дожила, никогда не знавши, что христіанъ продавать можно...

Продана я была и съ одеждой всей, въ кафтанѣ, съ шапкой и со штанами и рубашкой.—Въ новомъ мѣстѣ тоже дали мнѣ одѣяло старенькое и рогожку для спанья. Попала я уже въ хлопки и заставляли меня „кукургузъ“ молоть въ каменныхъ жерновахъ.—Жернова цѣплялись за зубцы палкой вверху и вертѣлись, и прыгали, и громыхали гулко-гулко. Насыпала я въ середину жерновъ зерна и молола съ утра, не ранняго, до обѣда.

Съ послѣобѣда мнѣ была воля. Я уходила въ лѣсъ, въ горы, будто фрукты искать. Тамъ бывало и помолюсь, и поплачу, и пожурюсь. Какъ приду домой, меня спрашиваютъ: „Муляханъ, (новое имя) „что твой плакалъ?“ Я говорю „мой не плакалъ“.—„Не плачь, твой въ Урусь пойдетъ“, разважали онѣ меня, чтобы я весела, да „тѣлиста“ была, на работу гожа.

И за работой, въ шумѣ, я молилась, не крестясь, а только словами и все спѣшила кончать работу, чтобы на горѣ помолиться понастоящему, чтобы никто не видѣлъ. Тутъ, на колѣнахъ, я плакала себѣ вволю и говорила съ ангелами и съ Богомъ, какъ не съ кѣмъ было говорить по-русски.—„Святые ангели и архангели, донесите, вы, до Господа, чтобы Господь показалъ, гдѣ я нахожусь въ чужой сторонѣ и въ чужой вѣрѣ!“ Помяну своихъ родныхъ и отца и брата, можетъ быть, они-де порублены, и матерь свою.—Съ тѣмъ и приду домой, и легче на душѣ станетъ. Лучше для меня не было, какъ опять пойти въ горы. Бывало, сегодня поплачу и на завтра жду, какъ бы скорѣе опять пойти плакать и такъ постоянно, постоянно все такимъ же манеромъ.

Жать почти не заставляли и другой работы не давали. Однажды я пожала съ ними просо и хвалили, что хорошо жну („кабзыдыть“), что чисто „кабзыдыть“ твой.—У нихъ работаютъ все мужчины, и пастухи доятъ козъ и скотину. Я попробовала разъ подоить сама, то заругали и вылили молоко на землю. Значитъ, брезговали и потому посуду тоже для меня отдѣльную держали вездѣ и бранили, если изъ ихняго „корца“ воду даже пила.

Ежедневно варили по полмѣры кукурузной каши и утромъ, и вечеромъ давали на ѣду.—По ихнему обычаю, кабардинцы ѣздятъ вездѣ безъ корма и харчей, а угощаются всегда по ауламъ, какъ въ какой заѣдутъ. Про такой случай варили гостямъ и кормили въ отдѣльной саклѣ—„гачечѣ“ (гостиной). Моя забота была готовить прозапасъ муку и два раза въ недѣлю я толкла еще просо въ ступѣ. Гостямъ изъ проса варили пшенную кашу на водѣ и безъ соли, вмѣсто которой подавали сыръ, или балыкъ мясной.

Трудно было привыкать къ несоленой-то пищѣ. Съ голоду, пробовала для себя подпекать кочанокъ кукурузы, но бранились за это и „чушкой“ называли. Сносила и брань, чтобы не голодать только. Дни уже были большіе, а у нихъ какъ хочешь, только два раза и даютъ пищу; какъ зимой, такъ и лѣтомъ, по утру да по вечеру.

Воду брали въ рѣчушкѣ, возлѣ коей стоялъ аулъ. Заберемъ съ кабардинкой котелъ, да „кумганъ“, мѣдный, луженый, на палкѣ и натаскаемъ воды вдвоемъ на всѣхъ. Большого расхода не было на воду, только для мытья и питья. Скотину не поили дома, она вся паслась въ лѣсу, лишь барановъ пригоняли на ночь въ аулъ. Стирки бѣлья почти не было ни у нихъ, ни у меня. Воду грѣли къ ночи и тогда мылись и окачивались на дворѣ, а бѣлья не мѣняли. Кое-когда я мыла лѣтомъ свою рубаху и сама оставалась въ кафтанѣ, пока рубаха высохнетъ на солнцѣ.

На зиму дровъ не припасали, а только дубовыхъ листьевъ для корму барановъ и топки. Зимы холодной не было вовсе. Топку я носила имъ и разъ занесла не въ свою саклю, и снова бранили, что я не понятлива. Горько мнѣ стало, и пошла я за саклю и громко заголосила навзрыдъ. Онѣ услышали и собрались уговаривать: „не плачь, твой въ Урусь пойдетъ“, говорила старуха, „не въ этотъ годъ пойдетъ, не на второй годъ пойдетъ, а тамъ, послѣ, пойдетъ“. Должно быть, они уже прослышали, что скоро войнѣ конецъ, а мнѣ неизвѣстно ничего не было.

Не спознала я, когда успѣли они договориться и продали меня третьему хозяину. Только въ одинъ день присылаетъ новый—третій хозяинъ за мной своего холостого сына для перевоза въ аулъ, куда-то еще дальше. Онъ сказалъ: „собирайся, Муля-ханъ! Наша будетъ звать тебя „Перинъ“. Поѣдемъ въ Урусь!“—Въ какое время деньги были заплачены, не догадалась я, и только послѣ у хозяйскихъ дочерей спровѣдала, что за меня взяли всего добра, съ сундукомъ и шашкой подъ серебро почти 700 рублей.

Поѣхали куда-то къ морю, и я сидѣла на сѣдлѣ впереди, а сынъ хозяйскій сзади на кульшахъ лошади и держалъ меня, немного обнявъ. Дорогой, онъ сталъ было заигрывать и по-безстыдному прижимать. Пріѣхавъ въ лѣсъ, подъ чинары, велѣлъ мнѣ слѣзать: „выпсихъ“. Поняла я, что не хорошее онъ задумалъ, и заголосила, зарыдала. Тутъ-то Богъ меня и не оставилъ, а послалъ случайнаго, пѣшаго кабардинца съ топоромъ. Мой хозяинъ посовѣстился его, не сѣлъ ужъ самъ на лошадь, а повелъ ее со мной въ поводу.

Осерчалъ онъ тогда на досадную встрѣчу, потому хотѣлъ надо мной надругаться, а Богъ-то и не попустилъ этого.

Въ новомъ аулѣ оказалось большое хозяйское семейство изъ отца, матери, двоихъ сыновей женатыхъ (по двѣ жены), холостого сына и двухъ дѣвокъ—дочерей. Дѣвочки были говорючія и меня жалѣли, и поразсказала я имъ, какъ братъ ихъ хотѣлъ надо мной надругаться. Онѣ и смѣялись, и плевали, и ругали его за то, что хотѣлъ опоганиться, связаться съ русской дѣвкой.

Снова я поселилась въ женской саклѣ, и была мнѣ дана опять та же работа у жернововъ. Свобода мнѣ была тутъ полная. Ознакомившись съ мѣстами, стала я ходить въ лѣсъ, нашла тамъ мѣстечко для молитвъ. И опять мнѣ становилось легче послѣ молитвъ, какъ будто съ кѣмъ погуторю. Здѣсь тоже дѣвки уговаривали меня молиться по-ихнему, да я отказалась. Молятся они три раза въ день, но только больше старики и старухи, молодые же не молятся никогда, и меня оставили въ покоѣ.

Устройство сакли было одинаково съ прежними аулами.

Дѣвки эти были много болѣе работящія, чѣмъ въ первыхъ аулахъ и, видимо, были побогаче тѣхъ. Онѣ работали и сапоги, чизмы (теплыя валенки), шапки, сѣдла, и ткали или плели золотой шнуръ.

Пища была такая же, какъ и вездѣ, и тутъ тоже я ѣла мясо лошадиное, какъ узнала о томъ у этихъ хозяевъ случайно. Копченая кобылятина сладкая на вкусъ; ну, прежде ѣла, такъ думала, что баранина. Ребрышки круглыя, бѣлыя, жирное мясо, красное, какъ хорошій окорокъ.

И тайкомъ, съ голоду я отрѣзала его себѣ кой разъ; чуть припеку на огнѣ и поѣмъ хоть безъ хлѣба или каши. Была молодая я и кушать хотѣлось не два раза на день, какъ у нихъ завелось. Случилось мнѣ такъ-то отыскать мясо, завернутое въ кожу. По шерсти кожи домекнулась я, какое это мясо, и разглядѣла лошадятину, да было уже поздно. Что дѣлать, ѣдятъ же люди, хотя и не крещеные. Лошадь вѣдь только что Богомъ не благословенная, а скотина чистая и ѣстъ сама все чистое, сѣно да овесъ или пшеницу, не какъ свинья. Послѣ, у себя, узнала, что наши по болѣзнямъ и молоко кобылье пьютъ по нуждѣ тоже, и поуспокоилась.—Ѣли иногда они и буйволятину, если мужчины уворовывали гдѣ и пригоняли въ аулъ. Составлялась вечерянка, и на ней были одни мужчины со всего аула, а женщины только хозяевъ той сакли, которые пригнали быковъ.

Повидала я и ихніе обычаи немного.—Дѣвки и ребята попѣвали пѣсни, но мало, а чаще при свадьбахъ и играли на чемъ-то тогда.

Свадебъ было много и на нихъ шла стрѣльба и скачку на лошадяхъ дѣлали.

Съ дѣтьми они добрые и бьютъ ихъ рѣдко и то матери. Грудью кормили трехлѣтнихъ даже ребятишекъ.

Припоминаю, что сюда, къ третьему хозяину, какъ-то привели еще одного, купленнаго закованнаго плѣнника Ивана Черноморскаго. Онъ былъ у насъ недолго; и его скоро какъ смѣняли или выкупили; я же осталась. Выходитъ, Богъ хотѣлъ, чтобы я еще потерпѣла—и я терпѣла. Мы, было, сначала, съ Иваномъ хотѣли убѣжать, и дѣдъ-пастухъ изъ бѣглыхъ солдатъ все подманивалъ насъ, понарочно. Дѣдъ говорилъ Ивану: „я какъ буду на ночь тебѣ оковы запирать на замокъ, такъ или ключъ оставлю или совсѣмъ не запру, а хозяину скажу, что молъ заперъ или тамъ ключъ потерялъ... вы же въ ту ночь бѣгите“. Мы не повѣрили дѣду, сомнителенъ онъ намъ былъ.

Скоро, подъ конецъ третьей зимы, стали всѣ по ауламъ собираться на войну съ русскими. Одинъ сосѣдъ въ тѣ-поры хвалился, что онъ одинъ всѣхъ русскихъ „пупче“. Мнѣ же досадно стало на его слова, и я крикнула, что-де тебя перваго русскіе убьютъ—такъ и случилось.—На третій день, по выходѣ жителей на войну, привезли этого сосѣда раненаго въ бедро. Онъ все мнѣ горевалъ, да жалился: „какъ Перинъ сказалъ, такъ и вышло; зачѣмъ твой такъ сказалъ, не надо такъ!“ И другіе всѣ мнѣ тоже долго выговаривали за мои недобрыя слова, какими я заступилась за русскихъ. Тотъ былъ человѣкъ безродный, бездомный и лежалъ въ чужой саклѣ. Кабардинки все лечили его сами и перевязывали и промывали, да не помогали, знать. Онѣ и пѣсни ему пѣли, плясали, чтобы былъ здоровѣе, но онъ все чахнулъ и къ веснѣ померъ.

Мужчины въ аулѣ собрались, обмыли его кисейной мочалкой съ водой. Положили на доски простыню длинную, въ одно полотнище, и изъ-подъ спины вытянули ее на ноги къ лицу покойника, да по-надъ головой его связали простыню уголъ съ угломъ, вышло какъ мѣшокъ. Послѣ, помѣстили на носилки и рогожи и стали молиться, разводя руками и обмахивая себѣ лицо. Вырыли могилу не совсѣмъ по-нашему, съ пещеркой въ ямѣ и тамъ похоронили его полусидя, полулежа.

Вотъ къ тому времени русское войско подошло къ аулу близко. Хозяевамъ довелось утекать и дома свои бросать. Они, хитрые, сперва понасыпали въ козлиные мѣшки просо, да кукурузу и свезли все куда-то, а сами, погодя, собрались и меня потащили. Я недомогала; у меня начиналась оспа. Съ горы, я увидѣла много

войска: пѣхоту казаковъ и пушки. Войска стрѣляли гулко, и кабардинцы кричали „вій“ (караулъ) и бѣжали дальше до тѣхъ мѣстъ, куда было свезено зерно. Мнѣ бы остаться, да больная боялась, что не успѣю закричать, какъ свои убьютъ нечаянно, или кабардинцы приколятъ. И шла я съ ними, а сама больная чувствовала себя, какъ неприкаянная.

Увидали они, что войска остановились, и тоже сами расположились въ разоренномъ, какомъ-то, аулѣ. Но бывали тогда и отъ нихъ перебѣжчики къ русскимъ и обратно. И донесли эти перебѣжчики, что въ аулѣ, въ плѣну русская дѣвка. Вышло приказаніе лазутчикамъ достать плѣнную. Кабардинцы же, провѣдавъ это, меня спрятали въ самой далекой саклѣ, и я лежала тамъ больная, одна—одинешенькая.—Скоро въ аулъ явились солдаты и съ крикомъ: „гдѣ тутъ, кто православной вѣры, выходи—выходи!“—все искали меня. До моей сакли солдаты не дошли и проникли къ моимъ хозяевамъ и требовали у нихъ русскую дѣвку. Тѣ вопили свое: аллабила (не знаемъ); „нѣту русская дѣвка“; „одинъ Богъ!“ и божились, руки поднимали къ небу. Ну и приказалъ тогда старшій взять вмѣсто меня въ плѣнъ самого кабардинца. Тому живо связали руки и пинками попхали изъ хаты, коль не хотѣлъ итти въ крѣпость Туапсе.

Это было на второй недѣлѣ великаго поста, какъ досчиталась я послѣ. Мнѣ только извѣстны были среда—пятница, да воскресенье съ субботой и то по кабардинскому названію. Ни постовъ, ни другихъ праздничныхъ дней я не могла считать и жила безъ Пасхи три года.

Къ этому времени съ кабардинцами наши уже замиряли, ибо они были разбиты и раззорены.

Ничего не оставалось моимъ хозяевамъ, какъ только отпустить меня въ обмѣнъ на кабардинца. Пришелъ на третій день за мной средній братъ плѣнника и позвалъ: „Перинъ, поѣдешь въ Урусь!“ Не могла я сразу повѣрить тому, чѣмъ меня многажды обманули, но собралась кое-какъ и доѣхала до хозяйскаго семейства.—Вижу, мать колотитъ себя въ грудь отъ горя и волосы рветъ отъ печали, что сына ея взяли. У дѣтей я свѣдала, отчего бабка такъ убивается. Грубо дѣтишки мнѣ сказали: черезъ тебя, дьяволъ манцыссъ, дядю и тятю нашего взяли. Я, какъ будто, его пожалѣла и разспросила, какъ и кто его взялъ. Дѣтишки показали на бичевку, какъ вязали отца солдаты, которые сначала выкрикивали („карамакали“) тебя. Немножко я порадовалась милости Господней ко мнѣ, а, все-таки, съ виду была горестна.—Надумали они и обшить меня немного хоть въ дорогу.—Дѣвка сшила мнѣ кофту, какъ нагруд-

никъ безъ рукавовъ, не очень новенькій и чизмы мнѣ починила. Собрали меня и на лошадь посадили, а сами боятся, что и лошадь со мной отберутъ у нихъ. Подали мнѣ бурку, башлыкъ и утречкомъ отправились въ путь по-хорошему, а не такъ, какъ въ плѣнъ везли. Боялись, что я буду жаловаться на всѣхъ. — Меня-то они самую не жалѣли, а дѣвки плакали, что колымъ пропалъ, что сами разорились, должны ѣхать въ Стамбулъ. Но деньги у нихъ еще были; не хотѣлось имъ, какъ бы не заставили еще выкупъ платить, чай, думали, что на одну плѣнницу не вымѣняютъ брата.

Со мной поѣхалъ кромѣ хозяина еще и сосѣдъ. Ѣхать надо было до крѣпости всего верстъ семь, и скоро изъ-за горы мы увидѣли, при морѣ, самую крѣпость съ палатками синими и зелеными. Меня спросилъ хозяинъ: „Перинъ, мересидъ? (что это)?“. Я сказала, не знаю („зуоребъ“). А какъ подъѣхали ближе, то разсмотрѣли городъ и все, что было кругомъ его и самой крѣпости Туапсе.

Ровно близко самой крѣпости увидѣла я, что солдатикъ велъ лошадь на водопой къ рѣчной (сладкой) водѣ. Отъ радости я закричала ему: „здравствуй, дядя“. Онъ отвѣтилъ, а самъ все смотрѣлъ, что я была одѣта по-мужски, да голосъ у меня былъ женскій.—У воротъ насъ остановили и стали спрашивать, не плѣнную ли привезли. Какъ поузнавали, какой я губерніи, солдаты, ужъ и земляки отыскались. Мнѣ было не то любо, что земляки не земляки, а нашъ православный народъ кругомъ повидѣла.

Доложили про насъ начальнику, и онъ изъ крѣпости отдалъ приказъ привесть насъ къ нему. Слышно было, какъ изъ-за стѣны начальникъ крикнулъ съ кургана (на курганѣ была его палатка): „пропустите ихъ сюда!“ Хозяинъ положилъ кинжалъ и шашку на земь у воротъ и повелъ меня на лошади къ начальнику, не очень старому еще, полковнику или генералу, я не разобрала. Тотъ и говоритъ мнѣ: „ну, слѣзай, умница!“ Отъ радости я вся затряслась и отъ страха какого-то ударилась въ слезы. Больше всего я боялась, что отвыкла отъ русскаго языка, а надо мнѣ теперь было по-русски гуторить.

Разспросили меня, какой губерніи, уѣзда и деревни; кто мои родители и родные поименно; гдѣ взята въ плѣнъ и когда. И такъ про все спрашивали, какъ я и въ плѣну это сама себѣ говорила, помолясь.

Начальникъ все самъ списывалъ, и солдаты собрались кругомъ болѣе тысячи и все смотрѣли на меня.—Глянула, ведутъ къ намъ сюда плѣннаго моего хозяина изъ ямы, гдѣ сидѣлъ онъ три дня на одной водѣ, и изморился дюже-дюже, даже не узнать было его.

Замѣтилъ начальникъ, что у меня на лицѣ подсохла оспа, и

позвалъ доктора или фельдшера, чтобы объяснить, опасно ли я больна; да спасибо, докторъ призналъ, не опасно.

Начали отъ меня отбирать одежду хозяева и уже башлыкъ взяли и бурку хотѣли брать, но не позволили имъ и научили меня, что постомъ еще холодно безъ бурки и она пригодится. Солдаты, какъ увидѣли, что на мнѣ остался худой, грязненькій платочекъ, стали мнѣ бросать свои ручные платочки, кто бѣленькій, кто цвѣтной. Начальникъ все приговаривалъ: „бери, умница, бери, пригодятся“. Подобрала я ихъ подъ бурку, принакрылась однимъ, посмѣлѣла.

Отвелъ меня въ палатку какую-то казакъ, съ краснымъ верш-комъ на шапкѣ. Въ палаткѣ былъ столъ, на немъ хлѣбъ ржаной, хорошій и сложенная кровать. Велѣно было кровать разложить и сѣна принести на нее, то бурка мнѣ пригодилась для одѣяла.— Осталась я одна и сѣла на кровать по-кабардински, поджавъ ноги. Вошелъ денщикъ и увидалъ мою посадку, засмѣялся, чуть не уронилъ стаканъ чаю, что прислали мнѣ, да грудочку сахару. Чай былъ хорошій, но не сладкій, и я не знала, что его надо пить съ сахаромъ; побоялась и не пить, чтобы не осерчали за „вередованье“ (брезгливость): потихонько вылила чай въ сѣно. Сахару, хотя я не видѣла тоже сроду, но лизнула и спознала, что онъ сладкій; того я припрятала подъ бурку. Сама все глазъ не свожу съ хлѣба на столѣ и гадаю, когда бы я его съѣла—вотъ какъ!.. Голодной мнѣ какой чай нуженъ?! Хлѣба мнѣ крѣпко хотѣлось, а тронуть жутко чужое, кто бы за меня не отвѣтилъ. — Принесли мнѣ супу въ чашкѣ съ индюшатиной, лодыжку большую положили, опять-таки безъ хлѣба. Солдатикъ не догадывался сказать про хлѣбъ, а я не смѣла спросить.—Немного погодя, онъ еще пришелъ съ развѣдкой отъ начальника, не нужно ли мнѣ чего. Вотъ и сказала про хлѣбъ; къ вечеру прислали французскую булку (съ цвѣтной горшокъ) двадцати-копѣечную. Въ лавкѣ купили булку-то у турка, что торговалъ въ крѣпости. Была мнѣ радость отъ булки и ѣла ее съ сахаромъ; а черный-то хлѣбецъ все лежитъ да лежитъ...

На ночь помолилась хорошо; ужъ не совѣстно было, и не боязно среди своего народа. Все же ночью я побаивалась, не забрался бы кто, да все прошло по-хорошему. Утромъ я вышла на кашеварню, что была противъ моей палатки, и погуторила съ солдатами.—Тамъ, пришли офицеры до меня и стали меня разспрашивать про кабардинцевъ. Что знала, повѣдала, не такъ же хотѣлось, противно было ихъ вспоминать. Смѣялись офицеры моимъ рѣчамъ хохлацкимъ и деньгами понадарили.

Разсудили, что я безъ одежды, и порѣшили сшить мнѣ кто

юбку, кто — пальто. Я была въ рубахѣ и сѣла на бурку какъ пенёкъ, да уголкомъ ея прикрылась. Они же мнѣ и шаль купили, и два головныхъ платка бѣлыхъ, и на двѣ юбки ситцу сѣренькаго, да „тику“ на рубахи. Все доставали у турка въ лавкѣ, и нитки, и иголку даже. Спросили, съумѣю ли сшить, сказала, что съумѣю. Трудно было у юбки поясъ собрать, но и это одолѣла.

Надо было переодѣться. — Вышла я за крѣпость; въ палаткѣ боялась—расползутся стряхнутыя „нужи“. Нашла кустикъ и за нимъ наскоро неремѣнила все свое и все боялась, не попасть бы опять кабардинцамъ, да и солдатъ стыдно. Было же возлѣ крѣпости собрано много кабардинцевъ. Съ берегу ихъ отправляли въ Турцію, съ женами и съ дѣтьми. Были многіе тамъ кабардинцы больные оспой и еще чѣмъ-то, умирали, и воздухъ былъ тамъ вонючій очень, очень.

Напослѣдокъ пришелъ въ палатку батюшка крѣпостной, разспросилъ, узналъ, что я родомъ съ его близкихъ мѣстъ. Звалъ меня въ услуженье при матушкѣ его быть, осенью жъ вернуться вмѣстѣ съ ними. Службѣ батюшкиной осенью наступалъ конецъ. Говорилъ онъ, что молъ этапомъ, умница, дольше пройдешь, настрадаешься. Мнѣ не повѣрилось и домой желалось. Подарилъ мнѣ и батюшка два рублика, да офицеры 13 рублей.

Стала я жить въ палаткѣ и у кашеваровъ гребешокъ добывала, да себѣ голову вычесывала. Позже въ лавкѣ для себя гребешокъ достала и почище себя держала; волосы же на мнѣ были короткіе.

Одинъ разъ, господа напоили меня въ ихъ палаткѣ чаемъ съ пуншемъ. И сами капали чего-то себѣ въ чай и мнѣ налили, и стала я хмѣльной и ушла скоро-скоро къ себѣ.

Обѣдать и ужинать иногда приносили, иногда я и сама ходила. Чаю тогда не пили всѣ, господа только; они меня два раза угощали съ булочкой, съ инжиремъ (винной ягодой) вязанкой.

Больше, я все съ солдатиками разговаривала и про свои мѣста и про ихнюю службу. И всѣ меня жалѣли и припоминали, какъ меня искали, да какъ моего хозяина заполонили. Они же мнѣ съ горы объясняли на морѣ, какой пароходъ съ чѣмъ приходитъ: тотъ интендантскій съ провіантомъ, тотъ турецкій съ народомъ. Все я ждала, когда за нами придетъ пароходъ. Полюбила смотрѣть на море; по три раза въ день глядѣла и все къ дому родному смотрѣлось...

За мной, дней черезъ трое, явились въ крѣпость бѣглые отъ кабардинцевъ, бывшіе солдаты, которыхъ Царь простилъ. Дальше того, пришелъ парень, лѣтъ 17-ти, Иванъ Борустанскій, тоже увезенный кабардинцами отъ отца въ полѣ, на уборкѣ сѣна въ семи-

лѣтнемъ возрастѣ. Ему задалось хитро убѣжать отъ кабардинцевъ. Былъ онъ тамъ пастухомъ при буйволовомъ стадѣ. Свилъ онъ изъ хмѣлины веревку, да попривязывалъ быковъ въ лѣсу, чтобы не сразу домой пошли, а самъ на утекъ въ крѣпость. Только, сначала вывѣдалъ онъ, гдѣ полки стоятъ и зори бьютъ. Забралъ съ собой оружіе и убѣжалъ. Онъ за десять лѣтъ мало забылъ русскій языкъ и скоро научился грамотѣ въ солдатской школѣ въ крѣпости. За Иваномъ, слѣдомъ, пришла женщина съ двумя сынами и съ дѣвочкой. Дочка была похожа на мать, а сыновья въ кабардинцевъ черноголовые. — Пришла и стала на колѣни передъ крѣпостными воротами и голоситъ: „моя урусь, моя урусь“. По-русски плохо знала; ребенкомъ малымъ увезли ее въ плѣнъ. Мужъ ея-то и всѣ его родные уѣхали въ Стамбулъ, а ея дѣти отказались быдто ѣхать туда. „Мы въ урусь хотимъ, тамъ бѣлый хлѣбъ ѣдятъ и въ сапогахъ ходятъ, коли холодно, не въ чизмахъ!“—Приняли и ее, стало мнѣ веселѣе, дѣтей тоже стали въ крѣпости учить грамотѣ.— Прошло еще много поста, и набралось народу бѣглаго много для этапа.

Пасху встрѣтили всѣ таково-то радостно, таково-то весело, какъ уже давно не встрѣчали. И куличей, и яичекъ намъ дали. На третій день назначили отправку этапа на пароходѣ въ Новороссійскъ. Радовались всѣ и болѣе всего мы съ Иваномъ; онъ звалъ меня съ собой въ Борустанъ повѣнчаться, да я не согласна была. Послѣ узнала, что, въ тѣ поры, отецъ работалъ въ Борустанѣ, я же не чуяла и трафила путь до дому.

Въ дорогу дали мнѣ черевики, портянки, юбку, денегъ, не помню сколько. Забрали на пароходъ всѣхъ, въ самый третій день Христова дня, вольныхъ, невольныхъ, меня, Ивана и ту женщину съ дѣтями. Въ обѣдъ выѣхали, къ вечеру были въ Новороссійскѣ. Размѣстили насъ съ этапа по квартирамъ у мужиковъ. Мужички попались добрые, жертвовали рубахи, когда узнали, что мы были плѣнныя женщины. — Провіантъ получали отъ людей, по квартирамъ. Деньги казенныя получали на пропитаніе, на покупку вещей. Деньжатъ понабралось довольно и одну пятирублевую бумажку я зашила въ подкладку пальто. Однако дорогой кто-то у меня скралъ ее, выкусилъ подкладку зубами и унесъ.

Въ Новороссійскѣ побыла немного дней, пока собрался этапъ въ мою сторону, и пошла сначала съ Иваномъ три этапа. Дальше пришлось идти одной съ арестантами. Я-то на подводѣ сидѣла, тѣ же въ кандалахъ-шли пѣшкомъ. Иванъ ушелъ подъ Пятигорьемъ къ себѣ, меня направили въ Полтавскую губернію. По

дорогѣ, никто тоже не обижалъ и арестанты были добрые всѣ. Только, въ какомъ-то городѣ, въ (волостномъ) правленіи, гдѣ сдавали насъ для отвода по квартирамъ, какой-то писарекъ окликнулъ меня. — „Умница, зайди сюда, въ комнатку!“ Я взглянула, комочка маленькая, и остановилась у двери. Онъ былъ одинъ и просилъ меня познакомиться. Я сказала: „какое мнѣ знакомство, я не въ такихъ рукахъ была, да не знакомилась!“ Онъ опять свое началъ баить: „не можетъ быть, коли ты въ такихъ рукахъ была и знакомствъ не знала!“ Я тоже ему свое отвѣтила: „ничего мнѣ ненужно, иду я домой, всѣмъ довольна и деньги имѣю и пропитаніе!“ Хлопнула дверью и пошла себѣ. Писарекъ пригорюнился: „смотри, плохо будетъ тебѣ!“ И вправду, сѣла я на подводу, а десятникъ меня не выкликнулъ на квартиру и отправили сейчасъ на этапную избу, на женскую половину. Тамъ затосковала и загоревала. Особо журилась, какъ ночью надѣли на меня кандалы и на слѣдующихъ этапахъ стали приковывать къ другимъ женщинамъ, кои встрѣчались съ партіей нашей и шли закованныя за свои дѣла. — Какъ только на этапѣ я оставалась одна, я снимала кандалы черезъ мои маленькія руки. Довелось какъ-то, что одинъ арестантъ меня пожалѣлъ и научилъ пожаловаться начальнику этапа въ Бахмутѣ, гдѣ арестантовъ должны были тому сдать. Послушавшись, стала было жаловаться, да сама и расплакалась отъ горя; ужъ солдатъ и арестанты досказали ему за меня всю правду.—Она-де шла вольной, а потомъ, такъ и такъ стали заковывать въ ручники.—Начальникъ тотъ сжалился и промолвилъ, „не плачь, дѣвочка!“ Въ бумаги нужныя посмотрѣлъ да и выругался: „ахъ онъ, такой-то сынъ!“ и успокоилъ меня и отправилъ на квартиру. — И молюсь я Богу и за арестанта того, и за начальника, коли живы, чтобы далъ имъ Господь благополучно здравствовать, а ежели умерли, то послалъ бы небесное Свое царствіе.

Шли мы по 7—10 верстъ въ день этапную станцію и больше ждали, чѣмъ шли. Мнѣ бы такъ и бѣжалось. Попыталась было проситься, пустили бы одну, да не позволили. Мнѣ-то чѣмъ ближе, тѣмъ охотнѣе домой. Шли мы до Покрова такъ-то и на Покровъ дошли до Роменъ; оттуда на станицу Бацланы.

Отъ станицы нашъ домъ стоялъ версты за три, да и дома-то вовсе не было, по-настоящему. Мать жила на хуторахъ, изъ милости, у пана Верещаки, въ господской хатенкѣ, водила только гусей. Отецъ былъ въ Борустанѣ на заработкахъ, а братъ, что былъ со мной до плѣна, пасъ Верещакинскихъ быковъ. Братъ первый и запримѣтилъ меня издалека, какъ я шла съ десятникомъ къ дому изъ станицы; по походкѣ опозналъ тогда меня.

Дома, какъ разъ, былъ обѣдъ; поѣли уже борщъ, и мать несла дурашную (тыквенную) кашу съ загнѣдки на столъ.—Собака забрехала, а сестренка въ окно увидѣла меня и сказала: „мама, Соломонида идетъ!“ Мать, какъ бросила чугунъ съ кашей, да какъ выбѣжала въ сѣнцы и обхватила меня и заголосила. „Гость мой, гость дорогой мой! Ужъ откуда ты взялся, гость дорогой!“ И она плакала, и я плакала; а сестра и плакать не могла отъ радости; прочія дѣти были на дворѣ.—Десятникъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на насъ, подивовался и пошелъ обратно... „Ну, раздѣвайся, съ дороги надѣвай рубаху!“ говоритъ мнѣ мать.—„Да на мнѣ все чистое, мама, и „нужей“ нѣтъ ни одной. — Когда сердце отошло, сѣли обѣдать и ѣли, не ѣли, а больше смотрѣли другъ на дружку.

Къ вечеру, братъ, какъ загналъ скотину барскую, такъ и прибѣжалъ повидаться. Тутъ онъ разсказалъ, какъ они съ отцомъ обернулись тогда на казачій постъ, какъ собрали погоню и по слѣдамъ меня искали и одежину мою подобрали, а въ лѣсу слѣдъ потеряли и остановились.

Тоже и я ему разсказала, какъ всѣ годы проплакала и думала, что они оба не живы.

Матери-то они про меня не говорили ничего худого цѣлый годъ, обманули ее, что я, будто гдѣ, тамъ нанялась далеко, въ Черноморьи. Отецъ все надѣялся скоренько меня выхлопотать и скрывалъ отъ матери. Ушелъ съ тѣмъ изъ дома, чтобы деньги добывать на мою свободу, и все высылалъ на хлопоты обо мнѣ да приказнымъ. Случайно матери про меня сказала одна женщина всю правду и братъ подтвердилъ все.

Закручинилась мама тогда отъ того разговора и пошла по ворожеямъ. На соли, углѣ, хлѣбѣ да печинѣ (глинѣ изъ печного чела) все ворожили ей. И за упокой меня поминала, чтобы мнѣ быть живой. Мнѣ-то отъ этого въ плѣну только досадливѣе было, какъ поминъ творили. Отойдетъ поминъ, и мнѣ легче становилось.

По приходѣ моемъ, на другой день, мать позвала меня къ бабушкѣ, коей было 108 лѣтъ. Бабушка была слѣповата, и мать ей объяснила, что Господь меня домой принесъ, и такъ-то всѣ радовались сильно крѣпко.

Пришла я изъ плѣна, ужъ воля дана была и замиренье было по Черноморью.

Отъ радости ли тутъ, или отъ чего иного, мама скоро заболѣла водянкой, и черезъ семь недѣль, подъ вечеръ скончалась на 40-мъ году жизни. Была я при матерней кончинѣ и жуткота на меня напала. Открыла я окно и смотрю на улицу, а въ хату взглянуть на

мертвую боюсь, пока не пришли люди. Дивилась на себя, сколько горя повидѣла и страху всякаго натерпѣлась, да мало чего боялась, а мертвой родной мамы запугалась, обробѣла.

Схоронивши мать, мы съ братамъ хотѣли, раздавши роднымъ дѣтей, идти къ отцу. Вдругъ, пришла бумага съ взысканіемъ съ меня 7 р. 50 к. казенныхъ денегъ за этапный путь и за содержаніе, за портянки и черевички. Пришлось мнѣ наняться въ работницы за 8 рублей въ годъ, чтобы заплатить казнѣ, да получить билетъ на дорогу къ отцу.—Отправились мы, на другой годъ, съ народомъ на Кубань, какъ и прежде ходили на заработки и какъ и теперь ходятъ наши люди. Перешли мы 700 верстъ въ два мѣсяца и отыскали отца въ работникахъ и повидались съ нимъ и пораловались обо мнѣ и погоревали о матери и дѣтяхъ малыхъ.

Тутъ же я нанялась въ работницы къ отставному солдату за 18 рублей, отъ Троицы до Покрова.—Срокъ за работой ушелъ скоро, и я осталась ни съ чѣмъ опять. На мое счастье, у солдата была тетка, имѣвшая двоюродную сестру въ Екатеринодарѣ. Онѣ переписывались кое-когда, и та двоюродная сестра имѣла сына взрослаго и все думала, какъ лучше бы его оженить на хорошей дѣвкѣ. Писала она объ этомъ солдатской теткѣ и просила, чтобы та высматривала для ея Ванюхи дѣвку изъ россійскихъ, какъ придутъ наниматься. Вотъ тетка и извѣстила ту про меня, что я не гулящая, работала, никуда не уходила отъ дома. Тогда тѣ пріѣхали и просватали меня у отца за Ивана Сухорукаго; дали отцу „на столъ“ денегъ 9 р. с. и только. Перевѣнчались мы въ Екатеринодарской, и я осталась тутъ навсегда.

Батюшка ко мнѣ сюда пріѣзжалъ изъ Борустана два раза и внучку няньчилъ; да все же скоро и умеръ. Братъ тоже умеръ еще ранѣе отца въ Борустанѣ же.

Живя здѣсь, услышала я, что люди ходятъ все молиться на Новый Аѳонъ и баютъ, что, ѣдучи туда, садятся на пароходѣ въ Новороссійскѣ да заѣзжаютъ въ Туапсе. Тогда я надумала, ужъ кому-кому, а мнѣ прежде другихъ надо сходить помолиться вблизи тѣхъ мѣстъ, откуда меня Господь вывелъ на свѣтъ и на родину.—Побывала я пѣшкомъ съ мужемъ и одна на Аѳонѣ Новомъ, заходила и въ Туапсе однажды. Многое въ Туапсе тамъ теперь измѣнилось, на крѣпость не стало похоже. Поплакала я тамъ, вспоминая лихую „былинку“ свою.—Подходя, впервые къ Новому Аѳону, признала я то мѣсто, гдѣ теперь монастырская мельница, ту самую гору съ падающей водой, гдѣ допрежъ мнѣ плѣнщики-лиходѣи мои дали водицы.—По Зеленчуцкой рѣкѣ припомнила три греческія церкви,

тогда загономъ для скотины бывшія у кабардинцевъ, теперь обстроенныя и вычищенныя.

На Аѳонѣ я и поговѣла и родителей помянула, и дивно таково мнѣ показалось все былое мое, какъ его устроилъ Господь Богъ и для меня самой, и для матушки Россіи.

Надо сознаться, что про такихъ Соломонидъ Капитоновыхъ и подобныхъ имъ мы мало знаемъ и плохо ихъ понимаемъ. Онѣ, между тѣмъ, „видавшія виды“, не мудрствуя лукаво, доживаютъ свой вѣкъ, въ добрѣ воспитывая уже третье молодое поколѣнье на пользу Царю и Отчизнѣ.

Д-ръ Е. Аничковъ-Платоновъ.

Къ исторіи монастырей.

(Изгнаніе игумена изъ монастыря. 1682 г.)

Государю преосвященному Симону, архіепископу Вологодскому и Бѣлоозерскому, бьетъ челомъ богомолецъ твой Николая-Озерского монастыря игуменъ Иоасафъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 191 (т. е. 1682)-мъ году іюля въ 19 день тогожь Николаевскаго Озерского монастыря старцы и крестьяне: конюшей старецъ Паисея, да польщикъ старецъ Аѳонасей, соборный старецъ Моисей, житенной старецъ Пахомей, да хлѣбодаръ старецъ Корнило, сенадишной старецъ Геласія, чашникъ старецъ Галахтіонъ, поваренной старецъ Иасафъ, да два старца пономари: Данило да Иона, да мирской староста Сергѣй да крестьяне Куска съ товарыщы пришли ко мнѣ, богомольцу твоему, въ кѣлью и бранили меня и безчестили и отъ игуменства мнѣ безъ твоего святительскаго указу невѣдомо для чего и за какую вину отказали, и старцомъ меня называли, и посохъ у меня просили съ насиліемъ. И видя, государь, то ихъ насиліе наглое, я, богомолецъ твой, того жь числа въ вечеръ на мѣстѣ тотъ свой игуменской посохъ поставилъ и изъ монастыря по ихъ высылкѣ я, богомолецъ твой, пошелъ пѣшъ, а борошника моего мнѣ ис-кѣленцы ничего онѣ не отдали. А что, государь въ кѣлье у меня книгъ, и платья, и посуды оловяной и мѣдной осталось послѣ меня, и о томъ тебѣ, государю, будетъ у меня челобитная. Милостивый государь, преосвященный Сімонъ, архіепископъ Вологодскій и Бѣлоозерскій, пожалуй меня, богомольца своево, прикажи, государь, въ томъ ихъ изгоненіи на тѣхъ старцовъ и крестьянъ свой святительской указъ учинить, чтобъ мнѣ въ напрасномъ расхищеніи не быть. Государь, смилуйся, пожалуй.

Наобор. рукоприкладство: „К сеі челобитноі игуме[н]“ Иоасафъ руку приложилъ.

Собщ. Ив. Суворовъ.

Примѣчаніе. Николаевскій Озерскій монастырь въ 35 верстахъ отъ г. Вологды, нынѣ приписанъ къ Волог. женскому Успенскому монастырю.

М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны [1].

боевыхъ пріемахъ генерала Штейнмеца и объ его необыкновенной твердости Мих. Ив. Драгомировъ разсказывалъ мнѣ въ то время, когда мы съ нимъ въ одинъ очень жаркій, свѣтлый солнечный день поднимались, уже не въ первый разъ, вдвоемъ на гору Іоганнисбергъ въ Наугеймѣ.

— Я уже не говорю — разсказывалъ М. И.—о дальнѣйшихъ, болѣе мелкихъ соображеніяхъ, которыя этотъ генералъ приводилъ, доказывая невозможность или излишество производства смѣны атакующихъ частей. Когда установлено разъ навсегда неизмѣннымъ правиломъ, что идущія на приступъ части не смѣняются, и назначеніе ихъ состоитъ въ томъ, что онѣ должны довести дѣло до успѣшнаго конца или, — будемъ говорить прямо, — обрекаются на уничтоженіе въ случаѣ, если не съумѣютъ достигнуть успѣха,—то все дѣло стоитъ на нормальной, здравой точкѣ, на точкѣ общаго для всѣхъ руководящаго начала и это самое важное въ смыслѣ цѣледостижимости.

„Возьмемъ такой моментъ: часть атаковала и отступила; вы ей дозволяете остаться въ этой недоконченной роли; развѣ всѣ чины, шедшіе въ атаку, съ одинаковымъ чувствомъ примутъ это? нѣтъ, нимало, а въ хорошо обученныхъ и богатыхъ высокимъ боевымъ духомъ частяхъ много найдется такихъ людей, которые это „отставленіе отъ обязанности взять позицію“ сочтутъ для себя обидой; они, вслѣдствіе этого, конечно не упадутъ духомъ, но задумаются,

---

[1]) См. „Русск. Стар.“ октябрь 1911 года.

въ нихъ разовьется недовольство; они не начнутъ роптать только благодаря желѣзной дисциплинированности и неизмѣнной склонности къ повиновенію; разнообразіе же настроенія въ части—будь то капральство, взводъ, отдѣленіе, рота или батальонъ,—ведетъ къ ослабленію духа части; вѣдь единство расположенія духа части является однимъ изъ главныхъ элементовъ нравственнаго устоя.—Вотъ и выходитъ, что, покидая установленную нормальность въ пріемахъ и въ дѣйствіяхъ, вы порождаете ослабленіе подчиненной вамъ части.—Никто не окажется въ состояніи недовольства, если знаетъ, что разъ навсегда, идя въ своей части на приступъ, онъ закончитъ его или полнымъ успѣхомъ или своею гибелью, которая въ свою очередь,—онъ это твердо знаетъ,—должна служить залогомъ успѣха для другихъ частей—для всей арміи. Вотъ положеніе опредѣленное, ясное, точное, категорическое, а какъ это важно, объ этомъ и говорить не приходится".

Эти крайнія рѣчи и убѣжденія генерала Штейнмеца, говорилъ Мих. Ив., больше и больше раскрываютъ его, какъ рѣзко опредѣленнаго человѣка и указываютъ на цѣлую массу совершенно особыхъ взглядовъ его и людей ему подобныхъ; съ такимъ человѣкомъ идетъ много такихъ же, какъ онъ, головорѣзовъ (не въ дурномъ смыслѣ) и рождается цѣлая школа, открывающая путь къ суворовскому величію.

Мы вотъ съ вами поднимаемся на эту мирную гору, въ мирное время, при самой мирной обстановкѣ; еще вчера въ разговорѣ мы рѣшили подняться на нее; значитъ, задались одною цѣлью; сегодня рано утромъ сошлись у подножія этой благодатной, богатой виноградниками возвышенности, идемъ бодрые, одинаково подкрѣпленные ночнымъ отдыхомъ и одинаково увѣренные въ томъ, что до цѣли дойдемъ.—Въ настоящую минуту мы дошли до половины этого склона и уже начинаетъ сказываться различіе нашихъ желаній и намѣреній; это различіе обусловливается не капризомъ вашимъ или моимъ; нѣтъ, вы какъ болѣе молодой, сильный, здоровый, идете себѣ, безпечно подымаясь выше и выше, а я болѣе слабый, одолѣваемый одышкой, подумываю о томъ, какъ бы полегче, да поскорѣй уже очутиться тамъ наверху, или пожалуй не присѣсть ли отдохнуть, а то еще, пожалуй, не прекратить ли эту пробу силъ, не счесть ли, что довольно поднялись, не пора ли и вспять; и ужъ конечно, если бы мы подняли вопросъ объ этомъ вслухъ, да стали бы его обсуждать, какая разноголосица вышла бы у насъ; а если бъ еще вдобавокъ рѣшено было бы (вѣрнѣе сказать, если бы у насъ рѣшилось) спуститься обратно,—сколько горечи явилось бы въ вашихъ чувствахъ, сколько недовольства въ васъ народило бы

такое рѣшеніе въ то время, когда я, быть можетъ, обрадовался бы тому рѣшенію.

А вѣдь насъ только двое. Почему же это такъ? да потому, что мы отступили бы отъ рѣшенія принятаго съ самаго начала, отъ рѣшенія, которымъ задались еще вчера, съ которымъ шли сюда, сходились къ намѣченному пункту; потому, что измѣнили бы себѣ.

Какъ же правъ былъ Штейнмецъ, указывая на этотъ резонъ между прочими безконечными поводами держаться принятаго имъ пріема съ цѣлыми частями! Несомнѣнно правъ и математически точенъ: тамъ у него, установленное разъ навсегда, неизмѣнное, хотя и жестокое, правило, твердо исполнять приготовились сотни или тысячи людей (не двое), всѣ они неизбѣжностью обязательнаго пронизаны одинаково; у одного это сходится съ его высокимъ, если хотите, геройскимъ духомъ, у другого нѣсколько не вяжется съ его нравомъ малодушнымъ,—но всѣ одинаково пропитаны, у каждаго всѣ чувства, помышленія и желанія направлены къ одному и тому же: къ обязательству взять или умереть;—вдругъ является среднее рѣшеніе,—отойти, испытывать все, что вызывается отсутствіемъ твердости и неполнымъ исполненіемъ долга; вотъ и пошелъ въ части тотъ развалъ,—который создаетъ изъ нея слабосильный элементъ арміи. А если въ этой арміи одну часть постигнетъ такая бѣда, и другую, и третью,—во что обратится вся армія и чего она, кромѣ жалости, будетъ заслуживать?—Не дай Богъ!

Та армія, въ которой все это можетъ чувствоваться съ тѣмъ мужествомъ, съ какимъ несомнѣнно чувствовалъ Штейнмецъ,—носитъ въ себѣ залогъ непобѣдимости.

* * *

— Почему, спрашивалъ не разъ Мих. Ив. какъ бы самого себя, австрійская армія, состоявшая всегда, не менѣе, чѣмъ всякая другая нѣмецкая, изъ безусловно развитыхъ, храбрыхъ солдатъ, офицеровъ и генераловъ, хорошо вооруженная, обученная и въ изобиліи снабженная всѣмъ необходимымъ, — вообще была всегда и вездѣ всѣми неизмѣнно бита?

Потому, говорятъ многіе, вспоминая обиліе въ ней разноплеменности, что она состояла и состоитъ „изъ множества языковъ“. Потому, съ увѣренностью твердятъ другіе, что вооруженіемъ она всегда отставала отъ противника, съ которымъ ей приходилось имѣть дѣло, а также развитостью не досягала до него и храбростью была много слабѣе.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Мих. Ив. съ увѣренностью твердо убѣжденнаго человѣка, этого мало; къ этому надо мимоходомъ добавить общую „безпринципность австрійца“; но и это не все; причина

кроется не только въ этомъ; причина главнымъ образомъ та, что въ высшихъ чинахъ австрійской арміи никогда не было и быть не могло необходимѣйшей самоувѣренности; не знала она благороднѣйшей, образцово выработанной въ Пруссіи несмѣняемости тѣхъ чиновъ и вообще начальниковъ отдѣльныхъ частей; во всѣ времена, искони вѣковъ, была она заѣдаема тупѣйшимъ воздѣйствіемъ гофкригсрата, притуплявшаго всякую сообразительность въ арміи и замораживавшаго волю въ тѣхъ начальникахъ.

Нападки на гофкригсратъ,—на это давнее порожденіе іезуитизма,—далеко не представляютъ собою чего-либо новаго, свѣжаго; эти нападки, практикуемые, какъ способъ доказательства также издавна, уже успѣли въ достаточной мѣрѣ измельчать, почти опошлились и во всякомъ случаѣ обратились въ нѣчто избитое.—Указаніе же того противовѣса, который подчеркнутъ М. И. Драгомировымъ во время его ближайшаго знакомства съ одной изъ лучшихъ въ мірѣ армій и съ достоинствами ея близкихъ къ идеалу военачальниковъ, является чрезвычайно солидною новинкою въ дѣлѣ веденія детальныхъ сужденій о результатахъ того или иного „подхода къ путямъ побѣдъ и возможности широкаго на этихъ путяхъ размаха“.

Разбираясь въ такихъ дѣлахъ и желая быть въ нихъ опредѣленно точнымъ, говаривалъ Мих. Ив., не надо и нельзя стыдиться отмѣчать и надо стараться не пропускать подчеркивать тѣ мелочи, которыя безусловно доказательны; онѣ только кажутся мелочами, а въ сущности являются многозначущими и, лишь не будучи во-время отмѣчены, обращаютъ всякія на нихъ основанныя сужденія въ общія мѣста, значитъ, становятся какъ бы безплодными, малозначущими и пустыми.

* * *

Собственно гофкригсратъ въ Австріи, какъ учрежденіе, можетъ быть уже давно уничтоженъ; но его дѣло, его способность вмѣшиваться въ дѣйствія и распоряженія отдѣльныхъ начальниковъ до такой степени привилась, пріобрѣла права гражданства, что австрійская армія „безъ какого-нибудь гофкригсрата“ обойтись никогда не могла и не обходится; если и не дѣйствуетъ настоящій „узаконенный“ гофкригсратъ, его функціи принимаетъ на себя какой-либо штабъ, какое-либо управленіе, какая-либо высшая канцелярія, или эти функціи исполняются какимъ-нибудь, вѣсъ и связи имѣющимъ, фельдмаршалъ-лейтенантомъ единолично.—Такъ или иначе, не тотъ такъ другой, кто-нибудь да выплыветъ и возьметъ на себя обязанность критиковать распоряженія всѣхъ и каждаго изъ начальствующихъ лицъ;—кто палку взялъ,—тотъ и капралъ; не успѣетъ онъ хорошенько ухватиться за эту палку, какъ уже всѣмъ въ арміи

становится извѣстнымъ, что вся суть въ немъ, что центръ составляетъ и распорядителемъ судьбы развѣнчиваемыхъ военачальниковъ состоитъ онъ,—этотъ всесильный фельдмаршалъ-лейтенантъ, обычно бездарнѣйшій и самъ не несущій ни въ чемъ рѣшительно никакой отвѣтственности, субъектъ.

Результатъ этого всегда одинъ и тотъ же,—быстрое парализованіе самостоятельности начальниковъ, нерѣдко начиная съ главнокомандующаго, обезволеніе и обезличеніе ихъ,—значитъ, полное отнятіе возможности доставленія пользы своей арміи,—иначе хотя и неразсчитанное, но не менѣе того преступное, вѣроломное оказаніе помощи врагу, служеніе его интересамъ, прислуживаніе въ его пользу.

* * *

Для пруссаковъ въ 1866-мъ году было до очевидности ясно, въ какой мѣрѣ австрійскіе военачальники являлись трусами,—не въ смыслѣ малаго проявленія храбрости и мужества въ дѣлѣ вступленія въ огонь, въ бой, а въ отношеніи рѣшимости взять на себя и выдержать съ твердостью отвѣтственность за то или иное свое же распоряженіе и довести до конца ими же намѣченное.

Часто тамъ же, на боевыхъ поляхъ, въ минуту благодушнаго разсужденія въ своемъ кругу о результатахъ того или другого, только что окончившагося боя, прусскіе военные начальники говорили: не своей распорядительности и доблести мы сегодня обязаны, такой счастливый исходъ сраженія далеко не всецѣло себѣ должны мы приписать; мы, правда, съ своей стороны сдѣлали все къ тому, чтобы этотъ тяжелый день завершился успѣхомъ для насъ, но большое спасибо должны мы сказать командиру такого-то австрійскаго корпуса или такой-то австрійской дивизіи, — не выдержалъ онъ до конца; такъ у него ладно шло дѣло по началу, и вдругъ онъ, видимо, перемѣнилъ свои намѣренія, — испугался критики сверху или со стороны, вспомнилъ, что „Бенедекъ“ [1]), или кто-нибудь старшій, сурово смотритъ на него откуда-нибудь и уже разрываетъ его на части.

Такой разговоръ былъ очень похожъ на шутку, но, въ сущности, въ немъ шутки было немного; болѣе чѣмъ на три-четверти въ немъ бывало обыкновенно чистой правды. Помимо прекрасныхъ качествъ арміи, большая часть кампаніи,—можно смѣло сказать,—была пруссаками выиграна только съ одной стороны изъ-за того, что всѣ распоряженія высшихъ начальниковъ у нихъ исполнялись

---

[1]) Главнокомандующій австрійской арміи, дѣйствовавшей противъ пруссаковъ въ Богеміи.

въ полнѣйшей точности низшими и что вообще ихъ командиры были разъ навсегда ободрены собственною самоувѣренностью, порождавшеюся довѣріемъ къ нимъ, высоко стоявшихъ надъ ними начальниковъ, учителей-наставниковъ,—много, съ другой стороны, имъ помогало отсутствіе такой самоувѣренности въ начальникахъ у ихъ противника. Зная твердо объ этомъ отсутствіи, пруссаки, какъ извѣстно, пользовались имъ съ большимъ искусствомъ.

Въ австрійской арміи не только начальники большихъ частей, а они несомнѣнно больше, чѣмъ командиры частей малыхъ, свою неувѣренность выказывали ясно, отнимая изъ за-нея у себя и у своихъ частей всякую возможность успѣха; въ каждомъ отрядномъ начальникѣ, въ каждомъ, самостоятельно дѣйствовавшемъ командирѣ части извѣстнаго рода оружія, трусость не только передъ врагомъ, но и передъ своимъ же братомъ, стоявшимъ или поставившимъ себя гдѣ-то выше его, выказывалась до очевидности:

пѣхотный начальникъ съ мужествомъ начнетъ атаку, затѣмъ, какъ бы смѣшавшись, останавливаетъ ее на полпути, боясь осужденія за то, что подвергаетъ свою часть риску зайти слишкомъ далеко, остаться безъ поддержки со стороны резерва или что создаетъ себѣ положеніе быть легко обойденнымъ;

кавалерійскій начальникъ, съ большимъ эффектомъ, кидается преслѣдовать врага и вдругъ прерываетъ это преслѣдованіе въ такой моментъ, когда остается лишь въ одну минуту довести ударъ до полнаго пораженія преслѣдуемаго непріятельскаго отряда;

солидный артиллерійскій командиръ, занявъ съ большимъ разсчетомъ и умѣньемъ превосходную боевую позицію, крайне удачно громитъ противопоставленную ему прусскую батарею; но, въ то время, когда обозначился явный успѣхъ его дѣйствій—онъ, безъ всякой видимой причины, прекращаетъ огонь, снимается съ позиціи и уходитъ, предавая себя не только успѣшному обстрѣлу врага, но прямо разстрѣлу.

Въ этомъ случаѣ и у храбраго пѣхотинца, и у лихого кавалериста и у искуснаго артиллериста защемило волю одно и то же,—соображеніе о томъ, что гдѣ-нибудь, по близости, уже народилось осужденіе смѣлыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій каждаго изъ нихъ. Этими и подобными разсужденіями Мих. Ив. съ большимъ раздраженіемъ пересыпалъ свои разсказы объ австро-прусской кампаніи, въ особенности когда касался послѣдняго, рокового для Габсбургской монархіи и для ея арміи, дня этой необыкновенной, всѣхъ изумившей, войны XIX вѣка.

— Утрировки въ этомъ съ моей стороны, говорилъ онъ, положительно нѣтъ никакой; я твердо убѣжденъ въ томъ, что именно

изъ-за этой критикоосудительной системы, а главное благодаря ея полновластію, въ австрійской арміи не могло народиться такихъ генераловъ, какіе въ изобиліи вырабатывались тогда въ прусской арміи. Не что иное, какъ эта же система была причиной того, что въ Австріи званіе военнаго вообще и генерала не считалось особенно почетнымъ и заманчивымъ; отъ этого и могло случиться, что, въ минуту необходимости выбора главнокомандующаго, пришлось его искать среди разнаго сброда; не было того регулярнаго состава генераловъ, прошедшихъ военную и боевую школу, изъ которой, какъ изъ готоваго кадра, можно было бы прямо взять готоваго полководца и посадить его главнымъ надъ всѣми.

Избранный въ концѣ концовъ Бенедекъ не былъ и не могъ считаться съ общей точки зрѣнія такимъ генераломъ, за которымъ водилось что-либо, дававшее право спокойно поставить его во главѣ правильно-подготовленной и организованной арміи и послать ее, вступить подъ его начальствомъ въ равную борьбу съ вполнѣ регулярной арміей, какою была армія прусская. Онъ имѣлъ скорѣй какое-то цыганское прошлое, смѣшанное съ чѣмъ-то, свидѣтельствовавшимъ объ его,—самое большое,—партизанской подготовкѣ.

— Бенедекъ и Фридрихъ Карлъ! или Штейнмецъ и Бенедекъ! воскликнулъ Мих. Ив.; эти двѣ величины нельзя сопоставлять, онѣ совершенно несравнимыя, несоразмѣримыя; нельзя, добавлялъ онъ въ шутливомъ тонѣ, при сравненіи разныхъ сортовъ чего-либо одинаковаго, ставить на одну доску, ну хоть бы ананасъ и капусту или персикъ и картофель.

Про Бенедека можно сказать, что онъ, будучи сыномъ очень бѣднаго человѣка,—фармацевта,—въ сущности, въ карьерѣ своей, продвинулся богатырскими шагами на неизмѣримую высоту и это благодаря постоянному проявленію безпримѣрной личной храбрости; не будучи вовсе подготовленъ теоретически, онъ поднялся на высоту только потому, что служилъ въ Австріи; австрійскіе порядки давали къ этому возможность.—Отличаться онъ началъ въ 1848 году: въ большомъ сраженіи подъ Наварою онъ, командуя полкомъ, счастливыми дѣйствіями рѣшилъ побѣду цѣлаго корпуса; слѣдующее его отличіе было большое, но не такое, какое вообще выпадаетъ въ европейской войнѣ на долю офицера регулярной арміи,—въ томъ же 1848 году при обложеніи итальянской крѣпости Брешіи, онъ переодѣлся капуциномъ, пробрался въ городъ, все высмотрѣлъ и, благодаря этому, взялъ городъ или, вѣрнѣе, способствовалъ взятію его.

Подъ Сольферино (въ 1859 году) только онъ одинъ со своей дивизіей не былъ побитъ, а напротивъ нанесъ пораженіе итальянцамъ; долго послѣ того онъ разсказывалъ, какая несправедливость

выпала на его долю: ему пришлось отступить только потому, что отступила вся армія.—Послѣ этой войны (франко-австрійской за Италію) Бенедекъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Венеціанскую область.

Кромѣ храбрости и энергіи, онъ вообще проявилъ еще всѣ тѣ качества, которыя создали ему громадную любовь среди солдатъ; онъ цѣнилъ эту любовь и дѣлалъ все къ тому, чтобы она была вполнѣ заслуженною; при этомъ врядъ-ли очень сильно брезгалъ исканіемъ популярности, сказалъ бы Штейнмецъ.

Всѣхъ этихъ качествъ и заслугъ недостаточно было для того, чтобы быть поставленнымъ во главѣ войскъ, которыя готовились дѣйствовать противъ лучшей изъ европейскихъ армій. — Онъ умѣлъ направлять войска къ достиженію намѣченной цѣли, но далекъ былъ отъ умѣнья намѣчать цѣль.

Рутинно изучивъ итальянскіе театры войны, онъ могъ бы оказаться въ Италіи полководцемъ похожимъ на прусскаго, но внѣ изученаго онъ долженъ былъ рѣшительно пасовать. Сознавалъ это и онъ самъ.

При самомъ назначеніи его на должность главнокомандующаго вышло нѣчто такое, что могло выйдти только въ пропитанной интригами арміи, какою всегда представлялась австрійская. Къ моменту объявленія пруссаками войны, Бенедекъ командовалъ войсками въ Италіи; къ Пруссіи, какъ извѣстно, присоединялась Италія, война предполагалась на два фронта, и Бенедеку, какъ хорошо знавшему и армію, занимавшую итальянскія провинціи и самый характеръ мѣстности въ нихъ и въ Пьемонтѣ, естественно было остаться тамъ.

Но совершенно неожиданно для всѣхъ, въ томъ числѣ и для него, онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ арміей, которой предстояло дѣйствовать на богемско-австрійскомъ театрѣ войны, эрцгерцогъ же Альбрехтъ, еще болѣе неожиданно для всѣхъ, кромѣ его самого, сталъ во главѣ арміи, приготовившейся къ дѣйствіямъ въ Италіи.

* * *

Какъ ни равнодушно въ Австріи все, т. е. и народъ и армія, къ тому, что происходитъ, какъ ни привычны всѣ въ дунайской имперіи ко всевозможнымъ и невозможнымъ интригамъ,—эта комбинація вызвала общій ропотъ, въ которомъ слышались отзывы о томъ, что эрцгерцогъ, выбравъ себѣ легчайшую задачу, избравъ себѣ прямой „путь къ пожинанію лавръ за счетъ Бенедека“, съ тѣмъ вмѣстѣ, предалъ Австрію, обрекъ ее на лишній и вѣрный шансъ понести пораженіе, т. к. во главѣ ея арміи поставилъ своего замѣстителя,

совершенно незнакомаго ни съ арміей, ни съ предстоявшимъ театромъ дѣйствій. Самъ замѣститель Бенедекъ былъ объ этомъ того же мнѣнія,—онъ ясно понималъ, чувствовалъ, сознавалъ это и отъ должности упорно отказывался; но его съумѣли успокоить и разными, въ сущности, обманными доводами, убѣдили принять фатальное командованіе.

Слѣдствіемъ этого вышло то, что, какъ этотъ генералъ ни былъ храбръ и энергиченъ, пришлось ему нерѣдко падать духомъ, а также терять остатки и безъ того небольшого запаса собственной иниціативы; къ этому присоединилось еще и то, что самостоятельность, обѣщанная ему въ минуты уламыванья принять должность, была рѣшительно отнята отъ него: ни одинъ изъ ближайшихъ помощниковъ не былъ ему данъ согласно его желанію, а какіе и были назначены, то не на тотъ постъ, на который онъ дерзалъ ихъ готовить.

Все это несомнѣнно шло къ выгодѣ пруссаковъ.

Въ прусской арміи, съ самаго начала кампаніи, Мих. Ивановичу приходилось слышать по этому поводу относительно эрцгерцога Альбрехта такіе разговоры: „слава Богу, эта хитрая лисица прекрасно обставила себя въ нашу пользу“.

Дѣйствуя съ неизмѣнною личною храбростью, Бенедекъ съ первыхъ дней своими войсками распоряжался и съ ними выступалъ робко, на каждомъ шагу показывая, что, если онъ и былъ, до нѣкоторой степени тактикомъ, то стратегомъ не былъ вовсе.

Нерѣдко Мих. Ив. касался деталей, выставлявшихъ направленіе дѣятельности и способностей Бенедека; приведеніе ихъ показало бы съ моей стороны отступленіе отъ взятой на себя задачи; оно заставило бы меня слишкомъ углубиться собственно „въ описаніе кампаніи“, чего я отнюдь не бралъ на себя, какъ о томъ и высказался въ началѣ этого „очерка воспоминаній“.

Нельзя однако не остановиться на одномъ дѣлѣ, которое Мих. Ив. въ своихъ разсказахъ рѣзко ставилъ въ укоръ Бенедеку и за которое грѣхъ, по его мнѣнію остается всецѣло на душѣ и на совѣсти этого подведеннаго со всѣхъ сторонъ и растерявшагося „главнокомандующаго“.—Вотъ эта исторія.

А. Е. К.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 23 іюня по 14 іюля 1911 г.

Сборникъ статей и матеріаловъ по исторіи Юго-Западной Россіи, издаваемой Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, состоящей при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генералъ-Губернаторѣ. Вып. I. Кіевъ. 1911. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ - Новицкаго (Меринг., 6). 8° (18×27). 24+171+37 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 24 л. 400 экз.

Сумцовъ, Н. Ф., проф. Исторія въ Л. Н. Толстомъ и Л. Н. Толстой въ Исторіи. Вступительная рѣчь. Харьковъ. 1911. Тип. М. Зильберберга и С-вей (Донецъ-Захарж., с. д.). 8° (17×26). 8 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Труды Курской губернской ученой архивной коммиссіи. Вып. I. Посвящается памяти перваго предсѣдателя Курской губернской ученой архивной коммиссіи Николая Николаевича Городѣева. Курскъ 1911. Тип. Губ. Зем. (Московская, 65). 8° (18×25). VII+150 стр.+7 табл.+1 карта. Вѣсъ 1 ф. 21 л. 625 экз.

Тулуповъ, Н. В. и Шестаковъ, П. М. Бѣлинскій о повѣстяхъ Гоголя. Съ приложеніемъ краткаго біографическаго очерка Бѣлинскаго. М. 1911. Изд. журн. „Для Народнаго Учителя“. Тип. Рябушинскаго (Страстной б., Путниковск., соб. д.). 16° (13 × 18). 52 стр. Съ портр. Ц. 8 к. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

Боклевскій, подполковникъ. Краткая Памятка Дагестанскаго Солдата о славной службѣ родного полка 1845—1911 г. Грозный. 1911. Тип. С. И. Тюкова. 8° (15×20). 60 стр. Вѣсъ 7 л. 500 экз.

Валишевскій, К. Происхожденіе Современной Россіи. Первые Романовы. Перев. съ франц. В. Ф. М. 1911. Изд. Книгоизд. Современныя проблемы (Садовники, 16). Тип. Печатное Дѣло (Газетный пер., 9). 8° (15×23). 476+III стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 22 л. 2.100 экз.

Волжинскій, Г. И. Освобожденіе крѣпости Баязета отъ блокады турокъ. Изъ боевыхъ и военно-походныхъ воспоминаній о Русско-Турецкой войнѣ 1877—1878 годовъ. Варшава. 1911. Изд. Автора (Бѣлостокъ). Тип. Окр. Штаба (Саксон. пл., 7). 8° (15×23). 24 стр.+2 плана, Ц. 25 к. Вѣсъ 4 л. 5.000 экз.

Глубоковскій, Н. Н., орд. проф. Историческое положеніе и значеніе личности Ѳеодорита, епископа Киррскаго. Рѣчь и библіографическій указатель новѣйшей литературы о блаж. Ѳеодоритѣ. Спб. 1911. Тип. Монтвида (Гончарная, 7). 8° (16×24). 30 стр. Вѣсъ 5 л. 200 экз.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ. Библіотека „Новой народной школы“ Вып. Л. Подъ ред. Ѳ. П. Борисова, Н. И. Лаврова и А. А. Сольдина. М. 1911. Изд. Книгоизд. К. И. Тихомирова (Кузнецкій мостъ, д. Захарьина). Тип. Русск. Тов. (Чистые Пруды, св. д.). 8⁰ (15×22). 24 стр. съ рис. Ц. 6 к. Вѣсъ 2 л. 3.000 экз.

Ивинъ, И. С. Народное сказаніе объ Иванѣ-царевичѣ, Жаръ-птицѣ и сѣромъ волкѣ. Кіевъ. 1911. Изд. Т. А. Губанова (Подолъ, соб. д.). Тип. Конъ и Одерфельдъ (Ченстоховъ). 18⁰ (12×17). 108 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 5 л. 3.000 экз.

Иллюстрированный Каталогъ Акц. О-ва Издат. и Печатн. Дѣла „Самообразованіе“. Спб. 1911. Тип. Т-ва „Просвѣщеніе“ (Забалканскій, 75). 8⁰ (16×24). 52+4 нен. стр. Съ рис. Вѣсъ 4 л. 110.000 экз.

Камышанъ, Н. Г. Историко-біографическій очеркъ. Кошевой атаманъ Сидоръ Игнатьевичъ Бѣлой. Шефъ 1-го Полтавскаго полка Кубанскаго казачьяго войска. Эривань. 1911. Изд. автора. Тип. А. С. Гуламирянцъ. 16⁰ (12×16). 44 стр. Вѣсъ 3 л. 102 экз.

Кананова, М. З., др. Краткій отчетъ по призрѣнію подкидышей въ Закавказскомъ Ольгинскомъ Повивальномъ Институтѣ за 36 лѣтъ (1874—1910 г.). Тифлисъ. 1911. Изд. автора. Тип. А. И. Петрова. 8⁰ (15×22). 36 стр. Съ табл. Вѣсъ 8 л. 500 экз.

Карѣевъ, Н. Главныя обобщенія Всемірной Исторіи. Учебное пособіе для самообразованія и для средней школы. Спб. 1911. Изд. 3-е. Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. Остр., 5 лин., 28). 8⁰ (15×21). 146 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 11 л. 2.100 экз.

Кипріановичъ, Н. Я. Древнія русскія монеты времени Ивана Грознаго и Ѳеодора Ивановича. Юрьевъ. 1911. Тип. Г. Лаакманъ. 4⁰ (37×26). 1 стр. Вѣсъ 1 л. 25 экз.

Мачтетъ, Г. А. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. и съ критико-біографическимъ очеркомъ Д. П. Сильчевскаго. Томъ III. Спб. 1911. Изд. „Просвѣщеніе“. Тип. „Самообразованіе“. 12⁰ (13×18). 327 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 25 л. 3.000 экз.

Соколова, М. Учебникъ Русской исторіи. Элементарный курсъ. М. 1911. Изд. Сотрудникъ школъ А. К. Залѣсской (Воздвиженка, д. Армандъ). Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздв. пер., д. Лисснера). 8⁰ (16×23) 130 стр. Съ рис.+26 лист. рис. и портр. Ц. 60 к. Вѣсъ 25 л. 2.100 экз.

Ткачевъ, Г. А. Ингуши и Чеченцы въ семьѣ народностей Терской Области. Вып. 1. (2). Владикавказъ. 1911. Изд. Терскихъ Вѣдомостей. Тип. Терскаго Областного Правленія. 8⁰ (17×24). 156 стр. Вѣсъ 14 л. 1.300 экз.

Тулуповъ, Н. В. и Шестаковъ, П. М. Бѣлинскій о Кольцовѣ. М. 1911. Тип. П. П. Рябушинскаго (Страстн. бульв., Путник. п., с. д.). 16⁰ (13×17). 70 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

Чернозубовъ, Ѳ. Изъ прошлаго Терцевъ. Разсказы для казачатъ. Владикавказъ. 1911. Тип. Терскаго Областнаго Правленія. 8⁰ (17 × 22). 23 стр. Адр. склада и изд.: Владикавказъ. Штабъ Терскаго Казачьяго Войска. Ц. 5 к. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

Чижовъ, С. И. Первыя русскія государственныя ассигнаціи. М. 1911. Тип. Синональная. 8⁰ (23 × 29). 16 стр. + 1 листъ рис. Вѣсъ 8 л. 100 экз.

В. А. Бородинское сраженіе 26 августа 1812 г. Краткій историческій очеркъ. По порученію Спасо-Бородинскаго монастыря. М. 1911. Изд. 2-е.

Тип. А. И. Снегиревой. 16⁰ (12 × 17). 64 стр. + 1 карта. Вѣсъ 5 л. 4.000 экз.

Виноградовъ, Павелъ. Учебникъ всеобщей исторіи. Ч. II. Средніе вѣка. М. 1911. Изд. 11-е, А. А. Карцева (Моховая, 20). Тип. т-ва Печатня С. П. Яковлева (Петровка. Салтыковскій пер., 9). 8⁰ (16×23). II+197+XIII стр. Ц. 90 к. Вѣсъ 19 л. 20.000 экз.

Галаховъ, А. Историко-литературная хрестоматія новаго періода русской словесности. Т. I. (Отъ Петра до Карамзина). Подъ ред. В. И. Орлова. М. 1911. Изд. 17-е, кн. маг. В. В. Думнова. Тип. т-ва Печатня С. П. Яковлева (Салтыков. пер., 9). 8⁰ (16 × 24). VIII + 485 стр. Ц. 2 т. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 2.500 экз.

Галаховъ. А. Историко-литературная хрестоматія новаго періода русской словесности. Т. II. (Отъ Карамзина до Пушкина). Подъ ред. В. И. Орлова. М. 1911. Изд. 17-е, кн. маг. В. В. Думнова. Тип. т-ва Печатня С. П. Яковлева (Петровка, Салтыковскій пер., 9). 8⁰ (15×24). VII+476 стр. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 2.500 экз.

Галаховъ, А. Русская хрестоматія. Томъ I. М. 1911. Изд. кн. маг. В. В. Думнова, 34-е, Тип. Печ. С. П. Яковлева (Петровка, Салтык. п., 9). 8⁰ (17 × 25). VII + 403 стр. Ц. за два т. 2 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 15.000 экз.

Галаховъ, А. Русская хрестоматія. Томъ II. М. 1911. Изд. кн. маг. В. В. Думнова, 34-е, Тип. Печатня С. П. Яковлева (Петр., Салтык. п., 9). 8⁰ (17 × 25). XII + 609 стр. Ц. 2 р. 25 к. за два т. Вѣсъ 1 ф. 22 л. 15.000 экз.

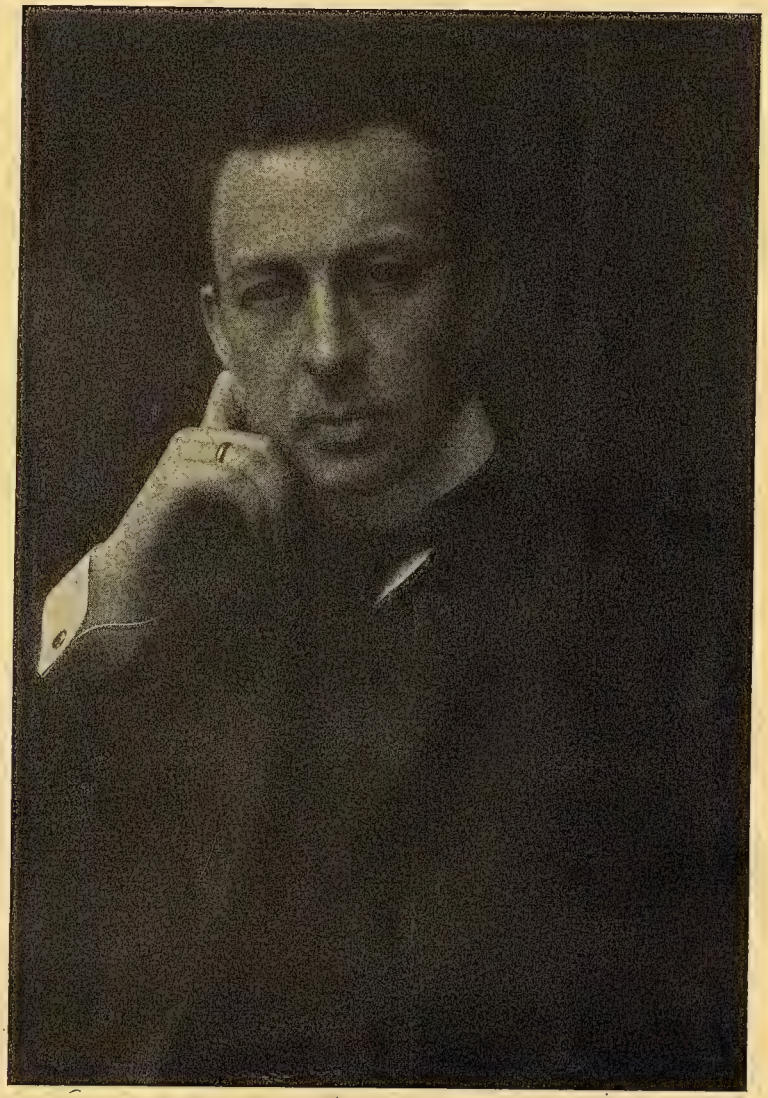
Достоевскій, Ѳ. М. Собраніе сочиненій. Дневникъ писателя за 1873 г. Политическія статьи. Критическія статьи. Спб. 1911. Изд. Кн-ства „Просвѣщеніе“, 8-е. Тип. Акц. Общества „Самообразованіе“ (Забалканскій пр., 75). 12⁰ (13 × 19). VIII + 427 стр. Ц. 1 руб. 50 коп. Вѣсъ 20 л. 5.000 экз.

Достоевскій, Ѳ. М. Полное собраніе сочиненій. Съ многочисленными приложеніями. Томъ двадцать первый. Дневникъ писателя за 1877, 1880—81 гг. Спб. 1911. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“. Тип. Акц. Об-ства „Самообразованіе“ (Забалканскій пр., 75). 12⁰ (13×19). IX+523 стр. Ц. 28 р. за 21 т. Вѣсъ 28 л. 10.000 экз.

Московскій Кремль. Патріаршій домъ и въ немъ Соборъ 12-ти апостоловъ. М. 1911. Тип. А. И. Снегиревой (Савельевскій пер., св. д.). 16⁰ (13×18). 16 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 л. 2.000 экз.

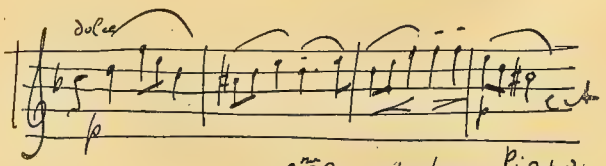
Н. С. Исторія Николаевской круглой церкви на Аскольдовой могилѣ, въ Кіевѣ. (Къ столѣтію ея существованія). Кіевъ. 1911. Тип. Кіево-Печерской Успенской Лавры. 8⁰ (15 × 23). 55 стр. Съ рис. Вѣсъ 9 л. 1.000 экз.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.



C. Saint-Saëns.

Moscou.
28 Avr. 1910.



3me Concerto pour Piano
op. 30.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА"
на 1912 годъ.

Вступая въ 1912 году въ сорокъ третій годъ своего существованія, **Русская Старина**", благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ 1912 году: Статьи и матеріалы о 1812 годѣ. **А. Ф. Кони.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля". „Житейскія встрѣчи". Воспоминанія **И. И. Янжула** о пережитомъ и видѣнномъ. **А. А. Мазона**—Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова. **В. М. Спасской.**—Воспоминанія о Гончаровѣ. **Н. А. Вилламовъ.**—Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. **А. А. Лебедева.**—Г. Е. Благосвѣтловъ и Н. Г. Чернышевскій. **Бар. Ш.**—Изъ воспоминаній о Некрасовѣ. **Анучина.**—Берлинскій конгрессъ 1878 г. (авторъ пишетъ о кн. Горчаковѣ, гр. Шуваловѣ, гр. Милютинѣ, кн. Бисмаркѣ, кронпринцѣ Фридрихѣ, Дизраэли, гр. Андраши и др). **Е. Лермомонтовой.**—Вопросъ о самодержавіи Царевны Софіи Алексѣевны.—По неизданнымъ документамъ. **Р. И. Сементковскаго.**—Встрѣчи и столкновенія съ Л. Н. Толстымъ, С. П. Боткинымъ, С. П. Бѣляевымъ, Е. А. Кожуховымъ, М. П. Соловьевымъ, А. К. Пыпинымъ, М. О. Вольфомъ, И. А. Гончаровымъ, Н. К. Шильдеромъ, И. К. Мердеромъ, И. Е. Андреевскимъ, А. Д. Градовскимъ, П. Г. Рѣдкинымъ, П. А. Гайдебуровымъ, К. В. Трубниковымъ, В. В. Стасовымъ, Ф. Ѳ. Павленковымъ, А. Ф. Марксомъ, П. И. Вейнбергомъ, А. М. Скабичевскимъ, В. П. Безобразовымъ, М. М. Шершевскимъ, Робертомъ Молемъ и др. **Н. А. Мурзанова.**—Къ біографіи декабристовъ: кн. С. А. Волконскаго, В. А. Давыдова и М. С. Лунина. **В. В. Шереметевскаго.**—Басурманская неволя. **М. В. Безобразовой.**—Дневникъ академика В. П. Безобразова. **П. К. Козлова.**—Николай Михайловичъ Пржевальскій. **А. И. Слезскинскаго.** — Тайный другъ Пушкина. **В. Н. Свѣтозарова.**—Развитіе легенды о смерти Царевича Дмитрія. **П. Л. Юдина.**—Къ дѣлу Мировича. Изъ астраханской жизни Суворова. **Е. Г. Вейденбаума.**—Присяга Ермолова Императору Николаю I-му. **И. П. Мордвинова.**—Письма Г. Р. Державина къ Е. И. Горихвостовой. **В. Д. Корсаковой.**—Князь Платонъ Степановичъ Мещерскій и письма къ нему Екатерины II, Павла I, Румянцева-Задунайскаго и др. **А. И. Сергѣева.**—Изъ быта духовенства. **Н. А. Лашкова.**—Посѣщеніе Спасо-Яковлевскаго монастыря Императрицей Маріей Ѳеодоровной и Императоромъ Александромъ I. **Е. А. Разгозиной.**—Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг., при чемъ авторъ, описывая жизнь Турціи и ея обитателей, касается гр. Игнатьева, Нелидова, Ону, Макѣева, кн. Церетели, Гобартъ-паши, сэра Эллиота, Зичи, гр. Корти, лорда Сольсбери, бар. Каличе, Кіамиль-паши, Османъ п., Керимъ, Намукъ, Сивфетъ, Мухтаръ-пашей и др. **Е. К. Андреевскій.**—М. И. Драгомировъ—командующій войсками округа и генералъ-губернаторъ. **А. Н. Смѣловскаго.**—К. С. Аксаковъ. **А. Ф. Петрушевскаго.**—Изъ моихъ воспоминаній. **А. Г. Воронова.**—Іоганъ Урсиніусъ. **И. И. Онноре.**—11 лѣтъ въ театрѣ. **М. Ф. Чулицкаго.**—Изъ старыхъ дѣлъ („Сонное видѣніе", „Преступная мысль" и „О сумасбродѣ Иванѣ Андреевѣ"). **М. М. Мариной.**—Лэди Портеръ. **П. А. Данилова.**—Сибирская дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 гг. **Л. Н. Любимова.**—Изъ жизни инженера путейсообщенія. **В. Ф. Руднева.**—На крейсерѣ „Африка". **Н. А. Попова.**—Изъ замѣтокъ стараго ремонтера. **А. Синицына.**—Изъ воспоминаній стараго врача. **Е. В. Андріашевой.**—Воспоминанія стараго педагога. Воспоминанія **Веселовскаго, Леваковскаго, Виноградскаго, Скворцова** и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса”.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Новаго Времени“, Невскій, 40;

„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостиный дв., 18, и Невскій, 13,

и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждаго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля [1]).

Изъ предыдущихъ моихъ воспоминаній о процессахъ Овсянникова, игуменьи Митрофаніи, Колемина и др., производившихся въ Петербургѣ, видно, *какъ* относилась въ мое время прокуратура къ возбужденію уголовныхъ преслѣдованій.

Это возбужденіе, возлагаемое закономъ, по ст. 297 Уст. Угол. Суд., на прокурора, должно слагаться изъ двоякаго рода дѣйствій: по *провѣркѣ* свѣдѣній, дающихъ основаніе и даже обязывающихъ начать уголовное преслѣдованіе, и по самому *начатію* преслѣдованія путемъ предложеній о производствѣ слѣдствія, привлеченіи обвиняемаго и принятіи противъ него предупредительныхъ отъ побѣга мѣръ. Уголовное преслѣдованіе слишкомъ серьезная вещь, чтобы не вызывать самой тщательной обдуманности. Ни послѣдующее оправданіе судомъ, ни даже прекращеніе дѣла до преданія суду—очень часто не могутъ изгладить матеріальнаго и нравственнаго вреда, причиненнаго человѣку поспѣшнымъ и неосновательнымъ привлеченіемъ его къ уголовному дѣлу. Знаменитый канцлеръ Дагессо называлъ осужденіе невиновнаго une calamité publique. Такое же *бѣдствіе*, только менѣе громкое, но одинаково тяжелое и далеко не всегда поправимое, вносящее скорбь, смущеніе и боль въ жизнь человѣка и окружающихъ его—составляетъ неправильное привлеченіе къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго. Предвзятость взгляда,—малодушное желаніе „jurare in verba magistri“,

[1]) См. „Русская Старина“, ноябрь, 1911 г.

когда такой magister, въ лицѣ высшаго судебнаго чина высказываетъ свое мнѣніе о „несомнѣнной“ виновности того или другого лица,—и наконецъ хмѣль власти, бросающійся иногда въ молодую и непривычную къ ней голову—все это способствуетъ той поспѣшности въ привлеченіи, о которой не могутъ не пожалѣть всѣ друзья истиннаго правосудія. Отсюда необходимость самой точной провѣрки дошедшихъ до прокурора свѣдѣній о событіи преступленія и объ участіи въ немъ опредѣленнаго лица.

Средствомъ для такой провѣрки служитъ, согласно указаніямъ закона, полицейскій розыскъ и дознаніе, при чемъ производство ихъ можетъ состоять или въ „негласномъ полицейскомъ развѣдываніи“ или въ разспросѣ разныхъ лицъ, не облекаемомъ въ строгія формы допроса. Каждый опытный судебный дѣятель знаетъ, какъ часто такая провѣрка обращаетъ суровыя очертанія преступленія въ простой несчастный случай и какъ удостовѣренная дознаніемъ дѣйствительность опровергаетъ тревожную молву, разбиваетъ подозрѣнія и рисуетъ событіе въ его настоящемъ, иногда даже нѣсколько комическомъ видѣ. Въ семидесятыхъ годахъ, на полуразгруженной дровяной баркѣ, стоявшей на Фонтанкѣ, обнаружены были случайно кости запястья человѣческихъ рукъ, завернутыя въ бумагу, носившую слѣды крови. Для мѣстныхъ властей было очевидно, что тутъ скрыты слѣды или убійства,—при чемъ члены лишеннаго жизни умышленно разбрасывались въ разныхъ мѣстахъ, чтобы затруднить открытіе преступленія,—или, по крайней мѣрѣ, какого-то звѣрскаго изувѣченія. Извѣстіе о страшной находкѣ проникло въ мелкую прессу,—и „пошла писать губернія“. Прежде, однако, чѣмъ предлагать слѣдователю о производствѣ слѣдствія на основаніи составленнаго полиціей протокола, я поручилъ мѣстному товарищу прокурора произвести личное дознаніе—и что же оказалось!?—Онъ обратился къ профессору Ландцерту, и тотъ объяснилъ, что это дѣйствительно кости ступней и запястья, но только не человѣка, а небольшого медвѣдя, а дальнѣйшее дознаніе выяснило, что кости были выброшены изъ близлежащаго магазина скорняка, приготовлявшаго мѣховую подстилку изъ шкуры только что убитаго на охотѣ медвѣдя... Надо замѣтить однако, что полицейскіе чины, отвлеченные обыкновенно отъ порученій судебнаго свойства массою дѣла по наружной полиціи, не всегда имѣли время и надлежащій навыкъ для успѣшнаго производства дознаній по серьезнымъ, въ смыслѣ сложности и тонкости уликъ, дѣламъ, а иногда бывали и подъ вліяніемъ предвзятыхъ или рекомендованныхъ взглядовъ. Достаточно указать изъ дѣлъ, въ которыхъ я выступалъ обвинителемъ, хотя бы на то, что по собраннымъ полиціей свѣдѣніямъ—поджогъ Овсянниковской

милльонной мельницы представлялся простою печальною случайностью, которой мѣсто въ „дневникѣ приключеній“, и что утопленная самымъ жестокимъ образомъ своимъ мужемъ въ Ждановкѣ жена служителя номерныхъ бань Емельянова — утонула по собственной оплошности. Поэтому приходилось прибѣгать въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ производству дознаній лично или чрезъ своихъ товарищей. Не говоря уже о блестящемъ дознаніи, произведенномъ А. А. Марковымъ по дѣлу о поджогѣ Овсянниковымъ своей мельницы, не могу не вспомнить о порученныхъ мною товарищамъ моимъ—Кесселю и Гогелю, дознаніяхъ по поводу распространившихся въ обществѣ слуховъ (оказавшихся ложными) о погребеніи мнимо-умершей баронессы Ф., по которому возникало обвиненіе въ отсутствіи обращенія надлежащаго со стороны читальщика и сторожа церкви въ Сергіевой пустыни вниманія на раздававшіеся изъ запаяннаго гроба стоны,—и о камеръюнкерѣ Ф., задавившемъ, въ Петергофѣ, во время непомѣрно быстрой ѣзды, дѣвочку и успѣвшаго ускакать, пользуясь растерянностью свидѣтелей несчастія.

Мнѣ лично пришлось не разъ производить такія же дознанія. Изъ нихъ мнѣ памятны особенно три: о смотрителѣ Литовскаго замка маіорѣ Н., подговаривавшемъ, по заявленію двухъ арестантовъ, нѣкоторыхъ изъ содержащихся въ замкѣ нанести побои товарищу прокурора Ш., завѣдывавшему арестантскою частью;—о самоубійствѣ мѣщанки Р. и о цѣлой компаніи шантажистовъ. Въ *первомъ* случаѣ личное дознаніе было необходимо, чтобы безпристрастною рукою закрѣпить данныя, при краснорѣчивой наличности которыхъ начальству предпріимчиваго маіора не оставалось бы ничего другого, какъ предать его суду. Во *второмъ*—дѣло шло о несчастной женщинѣ, бывшей въ связи съ однимъ изъ титулованныхъ представителей „золотой молодежи“ и покинутой имъ съ выдачею, на черный день, векселя. Когда она, подвигнутая нуждою, заявила ему, что предъявитъ вексель ко взысканію, онъ обратился, съ обвиненіемъ ея въ шантажѣ, въ учрежденіе, когда-то основанное, по мысли Императора Николая Павловича, „для утиранія слезъ“ страждущимъ, но вскорѣ поставившее себѣ другія цѣли. Для „выясненія обстоятельствъ“ былъ командированъ очень представительный и сладкорѣчивый видный чиновникъ, вызывавшій „шантажистку“ въ зданіе у Цѣпного моста въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ рядъ ежедневно и державшій ее въ страхѣ и томительномъ ожиданіи своихъ уговоровъ „бросить это дѣло“, по нѣскольку часовъ кряду. Она возвращалась домой голодная, истомленная и въ ужасѣ предъ тѣмъ, „что день грядущій ей готовитъ“. Наконецъ взвинченные нервы

ея не выдержали, и она наложила на себя руки, оставивъ письмо на имя своей „жертвы“ съ укорами ему за то, что вслѣдствіе его заявленій она была подвергнута такимъ испытаніямъ. Необходимо было и въ этомъ случаѣ, по тѣмъ же соображеніямъ, какъ и въ предыдущемъ, произвести, внѣ всякихъ вліяній, личное дознаніе, съ разспросомъ разнородныхъ свидѣтелей прежде, чѣмъ на нихъ могло быть оказано давленіе. Узнавъ, что мною не только начато, но и продолжается дознаніе, за которымъ вырисовывается на горизонтѣ обвиненіе въ злоупотребленіи властью, побудившемъ къ самоубійству, сладкорѣчивый „уговариватель“ сталъ являться въ мою камеру и осаждать меня настойчивыми просьбами выслушать его объясненія. Я это исполнилъ, но—грѣшный человѣкъ!—заставивъ его въ нѣкоторой мѣрѣ испытать на себѣ тѣ часы томительнаго ожиданія, на которые онъ такъ щедро обрекъ несчастную самоубійцу.

Третій случай представляетъ своеобразный интересъ. Уже и тогда, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, въ Петербургѣ, конечно въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ теперь, былъ распространенъ тотъ противуестественный порокъ, который въ послѣднее время, найдя себѣ якобы научныхъ защитниковъ и апологетовъ, въ родѣ профессора Аллетрино, распустился пышнымъ махровымъ ядовитымъ цвѣткомъ въ Берлинѣ, гдѣ „урнинги“ (спеціальное названіе этихъ господъ) устраиваютъ свои балы и маскарады, имѣютъ свой клубъ и, по временамъ, всплываютъ во всей красѣ своего порочнаго недуга въ громкихъ процессахъ, какъ напримѣръ графа Эйленбурга и другихъ. Хотя теперь въ литературѣ по уголовному праву и проводится нѣкоторыми мысль о ненаказуемости этого порока, какъ извращенія, вложеннаго въ иные организмы самою природой, но нашъ законъ еще грозитъ строгими карами свободному упражненію въ этихъ утонченностяхъ. Онъ безъ сомнѣнія имѣетъ въ виду, что обыкновенно удовлетвореніе порочныхъ наклонностей направляется съ жадностью прозелитизма на болѣе или менѣе беззащитныхъ, вслѣдствіе ихъ возраста, неразвитія, бѣдности или психопатической организаціи. Ограждая послѣднихъ, законъ не можетъ допускать, чтобы порокъ выступалъ, со всѣми своими матеріальными соблазнами, явно и съ гордо поднятымъ челомъ. Тамъ, гдѣ понятіе о *грѣхѣ* утратило свою силу, гдѣ исчезло изъ общественнаго оборота понятіе о *стыдѣ*, единственной защитой общественной нравственности—является *страхъ* наказанія. Оно, это наказаніе, можетъ быть слабо и, по человѣчеству, снисходительно, но оно должно существовать, доказывая, что вопросы общественной нравственности не безразличны для государства, исполняющаго свое культурное назначеніе. Этотъ страхъ наказанія и связаннаго съ нимъ позора можетъ однако являться средствомъ для

шантажа, и это обязываетъ судебную власть къ особой осторожности во всѣхъ случаяхъ, когда имѣется на лицо обвиненіе въ склоненіи кого-либо къ этому пороку. Такой именно случай и былъ въ моей практикѣ. Градоначальникъ Ѳ. Ѳ. Треповъ прислалъ мнѣ въ февралѣ 1875 г. три протокола, составленные сыскною полиціей по заявленію пяти лицъ о любодѣйныхъ предложеніяхъ имъ стороны людей, занимавшихъ различные служебные посты въ провинціи и временно проживавшихъ въ Петербургѣ. Каждое такое заявленіе опиралось на свидѣтельскія показанія. Разсматривая внимательно эти разновременно составленные протоколы, я замѣтилъ, что обвинители и свидѣтели все одни и тѣ же лица, лишь мѣняющіяся, въ разныхъ комбинаціяхъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Въ одномъ заявленіи о сдѣланномъ ему предложеніи и о сопровождавшихъ таковое дѣйствіяхъ обиженнымъ являлся сынъ коллежскаго регистратора Михайловъ, а свидѣтелями—мѣщанинъ Мироновъ, солдатскій сынъ Процекъ, лифляндецъ Андерсонъ и шведскій подданный Норбергъ; въ другомъ—негодующее заявленіе исходило отъ Процека, а Михайловъ и другіе были свидѣтелями,—въ третьемъ заступникомъ за свою оскорбленную стыдливость выступалъ Андерсонъ, а свидѣтелями были Процекъ и остальные и т. д.

Я вызвалъ къ себѣ этихъ „потерпѣвшихъ“ для личнаго съ ними ознакомленія и увидѣлъ молодыхъ людей, очевидно уже прошедшихъ „огонь, воду и мѣдныя трубы“, съ наглыми лицами, „безпокойною ласковостью взгляда“, развязными ухватками и въ очень странныхъ костюмахъ. На 17-лѣтнемъ Михайловѣ, заявившемъ, что онъ *кончилъ* гимназію, т. е.—прибавилъ онъ—вышелъ изъ второго класса, служилъ писаремъ, состоялъ „по домовой конторѣ“ и ничѣмъ опредѣленнымъ не занимается, была яркая канаусовая рубашка, съ очень низко вырѣзаннымъ воротомъ, подпоясанная серебрянымъ шнуркомъ, плисовыя истертыя шаровары и сапоги съ красными отворотами,—на 19-лѣтнемъ Мироновѣ, по занятіямъ пѣвчемъ и бывшемъ лакеѣ у гробовыхъ дѣлъ мастера, былъ старый сюртукъ, изъ котораго онъ давно выросъ, съ тальей на груди и рукавами, кончающимися немного ниже локтя, и длинная, не по росту, бархатная жилетка. Они путались въ объясненіяхъ, постоянно ссылаясь другъ на друга и не приготовясь подтвердить эти ссылки—и сходились лишь въ томъ, что постоянно пребываютъ въ верхней галлереѣ (тогда такая существовала) Пассажа, въ билльярдной тамъ же, и при входѣ въ циркъ—и что всѣ они отлично выпили и вкусно поужинали въ дорогомъ ресторанѣ Дюссо, подписавъ, вмѣсто уплаты, счетъ именемъ одного изъ „обидчиковъ“, оставивъ при этомъ въ удостовѣреніе личности распорядителя обѣда, его оффи-

ціальную визитную карточку, взятую вмѣстѣ съ деньгами изъ бумажника, „оброненнаго“ имъ, когда онъ дѣлалъ недостойныя предложенія. Я пригласилъ и злополучныхъ провинціаловъ, желавшихъ испить изъ чаши удовольствій Петербурга, посѣщая циркъ и Пассажъ,—и тамъ попадавшихъ на удочку этой темной компаніи. Оказалось, что отдѣльные члены этой шайки то просили имъ, юнымъ и неимущимъ, подарить билетъ для входа въ циркъ, то умоляли посѣтить тяжко больную мать, то взывали о помощи для уплаты въ училище, изъ котораго исключены за неплатежъ, то, заведя разговоръ въ качествѣ сосѣдей по мѣсту въ театрѣ или въ конкѣ, приглашали къ себѣ, обѣщая познакомить съ интересной и ласковой къ пріѣзжимъ дамой—и везли въ сыскное отдѣленіе, или въ домъ, гдѣ помѣщаются бани или номера—и тамъ или просто на улицѣ подымали скандалъ на почвѣ своего оскорбленнаго цѣломудрія, требуя денегъ за безчестье и пользуясь оторопѣлостью своего новаго знакомаго для похищенія у него разныхъ цѣнныхъ вещей. При отказѣ или малой готовности растерявшагося и легковѣрнаго „благотворителя“, они призывали полицію и составлялся протоколъ, заставлявшій послѣдняго терять голову, умолять о прекращеніи этого срама и т. д. Наиболѣе типичный изъ этихъ случаевъ былъ даже не съ провинціаломъ, а съ пользовавшимся общимъ уваженіемъ, весьма пожилымъ столичнымъ почетнымъ мировымъ судьею, который, направляясь на Михайловскую площадь, въ сельско-хозяйственный клубъ, былъ при проходѣ чрезъ роковой Пассажъ, остановленъ молодымъ человѣкомъ (Процекомъ), просившимъ помощи для умирающей отъ злой чахотки матери. Они вышли вмѣстѣ на Итальянскую, и здѣсь судья далъ просителю три рубля. „Что это?—спросилъ тотъ нахально и вызывающе мѣняя тонъ—развѣ мнѣ три рубля слѣдуетъ? ахъ ты, старый песъ! такія гадости предлагаешь, да тремя рублями думаешь отдѣлаться! *пятьдесятъ*! и сію же минуту!—Что? да вы съ ума сошли!—А! ты такъ... ей!“ — и съ противуположнаго тротуара явился другой молодой человѣкъ. „Ты слышалъ, что этотъ старый чортъ предлагалъ?—Да! конечно...—Ну, видишь—плати сейчасъ с... с...—Да вы оба съ ума сошли! Я позову полицію! —А! полицію... господинъ городовой! господинъ городовой!—пожалуйте сюда: вотъ этотъ господинъ и т. д.“... Начала собираться толпа, а городовой сказалъ старику: „пожалуйте въ участокъ: тамъ разберутъ“... и повелъ всѣхъ трехъ въ участокъ, въ сопровожденіи любопытныхъ. „Дай десять рублей, отпущу“—въ полголоса сказалъ несчастный сынъ умирающей матери. „Я ничего ему не отвѣтилъ,—объяснялъ мнѣ мировой судья,—въ глазахъ у меня ходили какіе-то зеленые круги, ноги подгибались, въ ушахъ звенѣло одно

слово:—позоръ! позоръ!—а въ головѣ, когда я думалъ о семьѣ и о товарищахъ, мелькала мысль о самоубійствѣ. Такъ мы подошли къ участку. „Ну, давай хоть три рубля, чортъ съ тобой".—Я молчалъ. Мы стали подниматься на лѣстницу. „Пожалуйте хоть рубликъ!" Я отрицательно качнулъ головой, чувствуя, что готовъ зарыдать отъ этого дерзкаго надъ собой глумленія... Заявитель свистнулъ и чрезъ мигъ ни его, ни свидѣтеля около меня не было. „Идите съ Богомъ домой, господинъ", сказалъ флегматично городовой и пошелъ на свой постъ, а я сѣлъ на подоконникъ, внезапно ослабѣвъ и чувствуя, что теряю сознаніе..."

Къ концу дознанія картина организованнаго и смѣло осуществляемаго шантажа стала для меня настолько ясной, что я рѣшилъ вывернуть, такъ сказать, наизнанку сообщеніе градоначальника, обративъ обвинителей въ обвиняемыхъ—и предложилъ судебному слѣдователю приступить къ слѣдствію о мошенничествѣ и кражахъ этихъ „изъ молодыхъ да раннихъ" вымогателей, вѣроятно къ немалому удивленію чиновъ сыскной полиціи, имя одного изъ которыхъ мелькало въ объясненіяхъ, данныхъ при дознаніи. Судебная Палата раздѣлила мой взглядъ, а присяжные признали всѣхъ ихъ виновными и даже не нашли ихъ заслуживающими снисхожденія.

Нужно ли говорить, какъ были необходимы именно личныя прокурорскія дознанія въ тѣхъ случаяхъ, когда съ одной стороны беззащитность дѣтей или безпомощность больныхъ лишала ихъ возможности принесть жалобу и заставляла молча страдать отъ жестокаго или бездушнаго обращенія, а съ другой неосновательное или непродуманное вмѣшательство судебной власти въ сокровенныя стороны семейной жизни могло лишь безплодно осложнить и усугубить тяжесть сложившагося для страждущей стороны положенія. Сколько трагическихъ признаній, горькихъ слезъ, безвыходнаго горя и мрачныхъ картинъ семейной жизни и такъ называемаго „супружескаго счастія" видѣли и слышали стѣны моего прокурорскаго кабинета! Сколько разъ приходилось, начавъ дознаніе въ виду *возможности* будущаго слѣдствія, оставлять его безъ дальнѣйшаго движенія вслѣдствіе сознанной *одними* своей неправильности и жестокости, а *другими* выраженной готовности простить и забыть! Какъ нерѣдко грозное quos ego! обращалось въ успокоенное за обѣ стороны „миръ вамъ!"...

Вообще, при возбужденіи уголовныхъ преслѣдованій и я и товарищи мои держались строгой разборчивости въ оцѣнкѣ имѣвшихся данныхъ, не увлекаясь видимою, внѣшней убѣдительностью ихъ случайнаго иногда сцѣпленія между собою. Я помню лишь одинъ случай, когда пришлось пожалѣть о необдуманной поспѣшности одного изъ моихъ неудачныхъ товарищей, московскаго барича съ

громкимъ именемъ, болѣзненное самолюбіе и обидчивость котораго были обратно пропорціональны его скуднымъ способностямъ и дѣловой неуравновѣшенности. Однажды, рано утромъ онъ явился ко мнѣ, нервно возбужденный и повидимому очень довольный собой. „Я провелъ всю ночь на слѣдствіи—заявилъ онъ мнѣ—такъ какъ на дняхъ получилъ анонимное письмо о томъ, что чиновникъ Т. живетъ со своей сестрой, а становой приставъ, на мое требованіе, донесъ мнѣ, что „поговариваютъ“. Считая, что въ такихъ дѣлахъ надо дѣйствовать быстро, я далъ предложеніе слѣдователю и сегодня ночью мы туда, уже за городомъ, въ уединенно стоящую хибарку налетѣли и...“—„Застали ихъ in flagranti?“ спросилъ я.—„Н-н-ѣтъ,—но при нихъ живутъ дѣти,—одинъ даже трехмѣсячный, и эта женщина предерзко заявила, что дѣти ея незаконные, и такими въ метрикахъ записаны, а отъ кого они—она никому говорить не обязана. Это какая-то фурія! представьте, сначала она рыдала, прощаясь съ дѣтьми—мы ее отправили въ Литовскій замокъ—а потомъ схватила грудного и хотѣла разбить ему голову объ стѣну,—насилу вырвали“.—„Есть свидѣтели ихъ связи, очевидцы?—Н-нѣтъ!—Что же говоритъ онъ?—Да его мнѣ, признаться, жаль,--тихій такой, скромный, жалкій,—онъ служитъ канцелярскимъ чиновникомъ въ Сенатѣ... Я впрочемъ уже написалъ оберъ-прокурору о его привлеченіи и его вѣроятно сегодня же уволятъ. Такъ онъ объяснилъ, что его сестра, по окончаніи института, поѣхала жить къ отцу, вдовцу-помѣщику, а у того дома цѣлый гаремъ и ее всячески унижали и преслѣдовали. Однажды, когда отцу показалось, что она за обѣдомъ непочтительно отвѣтила его „барской барынѣ“, онъ облилъ ее супомъ и надѣлъ ей миску на голову. Она ночью бѣжала и кое-какъ добралась до Петербурга, гдѣ служилъ, еще раньше выгнанный изъ дому за непочтеніе, братъ ея. Онъ ее пріютилъ, а отъ кого у нея дѣти, онъ не знаетъ и ее не спрашивалъ. Бѣдность у нихъ ужасная... — И это все, чѣмъ вы располагали, привлекая ихъ какъ обвиняемыхъ?.—Н-да—все!“—Мнѣ пришлось сдѣлать большое надъ собою усиліе, чтобы, не выдавая своего негодованія, объяснить этому представителю усердія не по разуму всю неумѣстную поспѣшность его дѣйствій, которыя онъ, повидимому, считалъ достойными особой похвалы. Но дѣло уже было сдѣлано, гнѣздо двухъ гонимыхъ судьбою несчастливцевъ разворочено и разорено, они осрамлены, упрятаны въ тюрьму, а дѣти, дѣти—брошены на произволъ судьбы... Это былъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ, по приведенному уже мною прекрасному выраженію Лабуле la justice doit se defier de ses forces et craindre d'avoir trop raison... Пришлось писать оберъ-прокурору, прося не увольнять Т. до разсмотрѣнія судебной

палатой вопроса о преданіи его суду—и разсказать все дѣло министру юстиціи. Супруга его, графиня Паленъ, приняла участіе въ злополучной женщинѣ и посѣтила ее въ Литовскомъ замкѣ, найдя ее въ состояніи отчаянія, доходящаго до изступленія. У нея пропало молоко, и товарищи прокурора, въ маленькую складчину, купили козу, которая, ради питанія младенца, также была подвергнута тюремному заключенію. Судебная палата прекратила слѣдствіе за недостаткомъ уликъ.

Меня лично укрѣпляло въ моей осторожности въ пользованіи правомъ возбуждать уголовное преслѣдованіе, кромѣ уже приведенныхъ соображеній, еще одно особое воспоминаніе. Въ 1867 году въ Харьковъ при введеніи судебной реформы были назначены товарищами прокурора я и мой покойный другъ съ университетской скамьи, сынъ извѣстнаго московскаго профессора Сергѣй Ѳедоровичъ Морошкинъ. Насъ связывали неизмѣнно всю жизнь, до его смерти въ 1900 году, не смотря на разность нашихъ темпераментовъ, самыя теплыя душевныя отношенія. Мы наняли общую квартиру, куда должна была, оправясь отъ недавнихъ родовъ, вскорѣ пріѣхать изъ Москвы жена Морошкина. Поселившись въ Харьковѣ нѣсколько ранѣе меня (я былъ сначала назначенъ въ Сумы), Морошкинъ, къ моему пріѣзду, уже успѣлъ рѣзко разойтись съ прокуроромъ суда, узкимъ и бездарнымъ человѣкомъ, относившимся съ затаенною завистью къ „московскимъ Демосѳенамъ“, какъ онъ насъ называлъ. Мы изучали вмѣстѣ Судебные Уставы, но часто расходились во взглядахъ на нѣкоторыя статьи и много, и горячо спорили, что обыкновенно привлекало особое вниманіе нашего общаго слуги, глупаго и чрезвычайно любопытнаго отставного улана, который даже спросилъ меня однажды—за что мы съ барином всѣ бранимся?—Получивъ извѣстіе, что жена выѣзжаетъ въ Харьковъ, мой другъ собрался къ ней навстрѣчу. Какъ разъ въ день, предназначенный имъ для выѣзда—тогда до Тулы изъ Харькова надо было ѣхать на лошадяхъ—мы утромъ живо и громко поспорили, какъ сейчасъ помню, объ обязательности для слѣдователя вторичныхъ предложеній прокурора по одному и тому же предмету, а затѣмъ я хотѣлъ разставлять на полкахъ шкафа, при помощи нашего Емельяна, мою маленькую библіотеку, но Морошкинъ, одержимый лихорадкой отъѣзда, потребовалъ, чтобы онъ шелъ немедленно за разными покупками, и взявъ его шутя за плечи со словами „иди! иди!“ вывелъ его за дверь передней и заперъ ее за нимъ. Мы остались одни. „А ты заявилъ прокурору о своемъ отъѣздѣ или взялъ кратковременный отпускъ?“ спросилъ я. „Ну вотъ еще! пойду я къ нему спрашиваться—отвѣчалъ онъ—а вотъ

что:—надо взять револьверъ въ дорогу,—дай мнѣ пожалуйста твой,—мой вѣдь ты самъ называешь игрушечнымъ"—и онъ шутя привѣсилъ къ поясу свою маленькую кобуру съ револьверомъ Лефоше, который служилъ болѣе для украшенія, чѣмъ для устрашенія. Я подалъ ему свой, чрезъ раздѣлявшій насъ ломберный столъ, предупредивъ, что пистолетъ заряженъ. Онъ попробовалъ вдвинуть его въ кобуру и не замѣтилъ какъ при этомъ взвелся курокъ. Но я это ясно видѣлъ и только что хотѣлъ его предупредить, какъ онъ, со словами „нѣтъ! не входитъ" приподнялъ револьверъ, чтобы возвратить мнѣ, но гладкая костяная ручка выскользнула у него изъ пальцевъ и револьверъ полетѣлъ на полъ, ударившись о край стола. Раздался выстрѣлъ, что-то меня какъ будто тронуло за лѣвый бокъ—и удушливый дымъ наполнилъ комнату. Сквозь него я увидѣлъ искаженное ужасомъ лицо Морошкина. Блѣдный, какъ полотно, онъ бросился ко мнѣ—„ты живъ?! живъ!?" едва могъ онъ пролепетать. Когда дымъ разсѣялся, мы увидѣли, что у моего домашняго сюртука съ лѣвой стороны какъ будто вырѣзана полоска сукна, а большая коническая пуля глубоко ушла въ стѣну сзади меня. Морошкинъ долго не могъ успокоиться и понять, какъ произошелъ выстрѣлъ, съ нѣкоторымъ недовѣріемъ относясь къ моему разсказу о видѣнномъ самолично и думая, что я это говорю, чтобы оправдать ту неосторожность, въ которой онъ себя обвинялъ. „Послушай,—сказалъ я ему, невольно задумавшись надъ происшедшимъ,—а нѣтъ ли въ этомъ случаѣ, такъ счастливо окончившемся для насъ обоихъ, особаго смысла. Намъ предстоитъ прокурорская дѣятельность,—придется возбуждать уголовныя преслѣдованія, поддерживать обвиненія на судѣ. Какъ важно здѣсь избѣжать ошибокъ, увлеченій, односторонности!—какъ легко поддаться общему впечатлѣнію, не разбирая частностей, или наоборотъ сдѣлать изъ частностей поспѣшный выводъ,—какъ соблазнительно, сказавъ себѣ, что *вотъ* преступленіе и *вотъ* виновникъ, начать притягивать къ этому, не замѣчая логическихъ скачковъ, отдѣльныя данныя дѣла... Представь себѣ, что пуля прошла бы немного лѣвѣе. Она, по тому положенію, въ которомъ я стоялъ, могла попасть въ сердце и убить меня на мѣстѣ. Ты самъ послалъ бы или даже побѣжалъ, въ виду отсутствія Емельяна, за полиціей. Явилась бы она и судебный слѣдователь.—„Вы говорите, что это несчастный случай, но объясните, какъ же онъ произошелъ?—Не знаю, не понимаю...—Вы взвели курокъ?—тронули собачку?—Нѣтъ. И пистолетъ самъ выстрѣлилъ?—Да! самъ.—Это вашъ револьверъ? Нѣтъ, убитаго... Почему же онъ былъ у васъ, а не у него?—Я уѣзжалъ и хотѣлъ его взять въ дорогу.—А у васъ былъ свой ре-

вольверъ?—Да былъ, вотъ этотъ, маленькій... Гмъ! А вы получили отпускъ? заявили прокурору объ отъѣздѣ? вы вѣдь уѣзжали на нѣсколько дней... Нѣтъ, не заявлялъ. Но кто-нибудь зналъ о вашемъ предполагаемомъ отъѣздѣ, напр. ваша супруга?—Нѣтъ, она не знала, я хотѣлъ ей доставить нечаянную радость встрѣчи"... Обращаются къ Емельяну. „Что жъ,—скажетъ онъ вѣроятно,—господа были хорошіе, только промежъ себя все бывало бранятся, когда по-русски, а когда, если видятъ, что слушаешь, такъ не по-нашему. И въ этотъ день съ утра страсть какъ бранились—все книжку какую-то смотрѣли, повернутъ страничку и давай спорить; потомъ убитый баринъ хотѣлъ со мной книги разставлять, а другой говоритъ:—иди, иди за покупками, взялъ меня за руку и вывелъ за дверь передней, да и дверь заперъ"... Спрашиваютъ экспертовъ-оружейниковъ, и тѣ, конечно говорятъ, что пистолетъ, если не взведенъ курокъ и не тронута собачка—самъ выстрѣлить не можетъ. Мало по малу у слѣдователя являются вполнѣ понятныя, сначала отрывочныя мысли: люди новые здѣсь, ихъ взаимныя отношенія неизвѣстны;—жили вмѣстѣ, но при совмѣстной жизни и затаенная вражда развивается сильнѣе;—выстрѣлъ почти въ упоръ, прямо въ сердце,—не могъ же револьверъ самъ выстрѣлить;—револьверовъ два—одинъ боевой, сильный, принадлежалъ убитому, но зачѣмъ-то онъ въ рукахъ у стрѣлявшаго;—хотѣлъ уѣзжать, однако гдѣ доказательства этого?—выстрѣлъ въ пустой квартирѣ, откуда настойчиво удаленъ единственный свидѣтель;—утромъ какіе-то раздраженные разговоры;—ужъ не умышленное ли убійство здѣсь, или не американская ли дуэль, прикрываемая довольно неискуснымъ разсказомъ о несчастной случайности?.. и т. д. On va vite dans ce chemin! И вотъ, въ одинъ прекрасный день этотъ слѣдователь или одинъ изъ замѣнившихъ тебя и меня товарищей прокурора, можетъ быть и самъ, столь ненавистный тебѣ, прокуроръ (вѣдь на дѣло было бы обращено исключительное вниманіе Министерства Юстиціи и печати, а въ мѣстномъ обществѣ толкамъ и цѣлымъ легендамъ не было бы конца) сказалъ бы тебѣ: „послушайте, *господинъ* Морошкинъ, вы вѣдь занимали должность, требующую знакомства съ Уложеніемъ о наказаніяхъ, и мнѣ излишне вамъ напоминать, что собственное сознаніе всегда служитъ смягчающимъ обстоятельствомъ, не исключающимъ даже и полнаго оправданія, особливо если потерпѣвшій самъ вызвалъ въ обвиняемомъ раздраженіе своими дѣйствіями. Конечно, это тяжело, но не думаете ли вы, что человѣкъ, готовившійся служить правосудію, выкажетъ уваженіе къ этому правосудію, дѣйствуя откровенно и не вступая съ нимъ, посредствомъ неправдоподобныхъ объясненій, въ борьбу, которая,

къ сожалѣнію, не можетъ окончиться въ его пользу? Что если бы... подумайте-ка... Намъ больно вамъ сказать, но не скроемъ, что мы во всякомъ случаѣ, въ виду данныхъ слѣдствія, вынуждены привлечь васъ въ качествѣ обвиняемаго... и лишить васъ свободы"! Случай этотъ произвелъ на Морошкина сильнѣйшее впечатлѣніе. Онъ хранилъ всю жизнь пулю, съ трудомъ вытащенную изъ стѣны, и мы оба смотрѣли всю жизнь на происшедшее, какъ на таинственное предупрежденіе намъ обоимъ на порогѣ нашей обвинительной дѣятельности...

Былъ однако случай въ моей практикѣ, когда я сознательно поспѣшилъ съ возбужденіемъ уголовнаго преслѣдованія и даже вызвалъ этимъ опредѣленіе Правительствующаго Сената о передачѣ допущенныхъ мною отступленій отъ закона на усмотрѣніе Министра Юстиціи.—20 октября 1874 года я получилъ телеграмму, въ которой предсѣдатель Лужскаго уѣзднаго земскаго собранія отъ имени собранія извѣщалъ меня, что предсѣдатель уѣздной управы Анненскій,—о преступныхъ дѣяніяхъ котораго по должности мирового посредника мною была возбуждена еще за годъ предъ этимъ переписка съ губернаторомъ,—уличенный ревизіонною комиссіею въ растратѣ и присвоеніи свыше 14 тысячъ рублей земскихъ денегъ, скрылся изъ Луги. Вслѣдъ за тѣмъ, по опредѣленію того же собранія, были мнѣ присланы и протоколы ревизіи, подтверждающіе содержаніе телеграммы, а начальникъ сыскной полиціи Путилинъ увѣдомилъ меня, что Анненскій проживаетъ безъ прописки въ Петербургѣ и судя по его дѣйствіямъ — выходу изъ дому лишь съ наступленіемъ сумерекъ и размѣну кредитныхъ билетовъ на золото—собирается скрыться за границу. На основаніи положенія о земскихъ учрежденіяхъ передача на распоряженіе судебной власти дѣйствій предсѣдателя управы дѣлается по постановленію губернскаго земскаго собранія. Но такое собраніе должно было состояться лишь въ половинѣ декабря. Поэтому мнѣ предстояло — или оставить сообщенія уѣзднаго земскаго собранія безъ послѣдствій и пребывать молчаливымъ и равнодушнымъ зрителемъ обнаруженнаго у меня на глазахъ расхищенія земскихъ денегъ— или дѣйствовать энергично, имѣя въ виду, что рѣшеніемъ Сената по дѣлу Пересыпкина было разъяснено, что возбужденіе слѣдствія помимо начальства обвиняемаго въ случаяхъ, гдѣ по закону производство слѣдствія неизбѣжно (см. 1089 Уст. Уг. С.)—не составляетъ нарушенія правъ начальства, такъ какъ предварительное слѣдствіе не предрѣшаетъ вопроса о виновности, а лишь служитъ къ разъясненію дѣла. Я избралъ второй путь и предложилъ судебному слѣдователю Бѣлявскому (впослѣдствіи вице-директору таможеннаго департамента)

привлечь Анненскаго, который немедленно сознался въ растратѣ и подлогахъ, возвративъ значительную часть произведеннаго на него начета—и былъ, согласно постановленію губернскаго земскаго собранія, преданъ первымъ департаментомъ Сената суду палаты съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей... Представляя Сенату о преданіи Анненскаго суду, земское собраніе сочло однако необходимымъ принести жалобу на нарушеніе мною его правъ, и Сенатъ, истолковавъ по новому свое рѣшеніе по дѣлу Пересыпкина, эту жалобу уважилъ, между прочимъ, на томъ основаніи, что прокурору не предоставлено никакого участія въ охраненіи хозяйственныхъ интересовъ земства. Послѣднее конечно справедливо, но я, очевидно ошибочно, считалъ, что на меня была возложена обязанность охранять интересы общества своевременнымъ и цѣлесообразнымъ преслѣдованіемъ нарушителей закона, не занимаясь, по словамъ поэта, однимъ лишь „караньемъ маленькихъ воришекъ для удовольствія большихъ“... И судебная практика, и юридическая литература, и потерпѣвшіе отъ преступныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ давно уже вопіютъ о томъ, что между прокуроромъ и судомъ стоитъ всегда начальство виновныхъ, обыкновенно медлительное, а подчасъ и равнодушное до попустительства. Это больное мѣсто сознано, наконецъ, и законодательствомъ, и разсмотрѣнію Государственной Думы предлежитъ проектъ министра юстиціи, открывающій гораздо большее поле дѣятельности для обвинительной власти по дѣламъ о преступленіяхъ должности.

Когда наличность событія и преступная прикосновенность къ нему заподозрѣннаго бывала достаточно выяснена, прокуратура моего времени, начиная преслѣдованіе, уже не отдавалась никакимъ соображеніямъ о томъ, чье неудовольствіе это вызоветъ, не взирала на лица и на отголосокъ, который встрѣтятъ ея дѣйствія въ обществѣ и во вліятельныхъ кругахъ. Правило Мольтке „erst wägen—dann wagen“ соблюдалось и нами. Имѣя достаточныя данныя, мы предлагали о привлеченіи заподозрѣннаго къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго, не отодвигая этого ad calendas graecas. Съ половины восьмидесятыхъ годовъ въ судебной практикѣ сталъ однако довольно часто встрѣчаться достойный осужденія пріемъ по отношенію ко времени обращенія подозрѣваемаго въ обвиняемаго, пріемъ, вызываемый, къ сожалѣнію, не заботою о томъ, чтобы поспѣшнымъ привлеченіемъ не повредить человѣку, который можетъ оказаться невиннымъ, а совсѣмъ другими цѣлями. Слѣдователемъ и прокуратурой въ этихъ случаяхъ руководитъ желаніе достигнуть *успѣха* обвиненія лишеніемъ заподозрѣннаго возможности защищаться, молчаливо и безпомощно видя и чувствуя, какъ куется противъ

него цѣлая цѣпь уликъ и доказательствъ, своевременно опровергнуть или иначе освѣтить которыя онъ лишенъ возможности. Обвиняемый, по закону, имѣетъ право присутствовать при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ и при допросѣ свидѣтелей, которые только въ случаяхъ необходимости и то лишь *первоначально* допрашиваются въ его отсутствіе; онъ можетъ приносить жалобы суду на всякое слѣдственное дѣйствіе, нарушающее или стѣсняющее его права. И вотъ теперь зачастую, по дѣламъ особой важности, будущій несомнѣнный обвиняемый, противъ котораго уже есть вполнѣ достаточныя данныя, допрашивается лишь какъ свидѣтель, иногда по нѣскольку разъ въ теченіе слѣдствія. Онъ знаетъ, что дѣло ведется о немъ, что допрашивается рядъ свидѣтелей, противъ которыхъ онъ могъ бы выступить съ возраженіями и опроверженіями, что производятся экспертизы, результатъ которыхъ отъ него скрытъ,—наконецъ, что, можетъ быть, слѣдствіе касается, вслѣдствіе плохого знанія слѣдователемъ гражданскаго права и процесса (такіе случаи бывали), чисто-гражданскаго дѣла, вовсе не подлежащаго разсмотрѣнію уголовнаго суда—и не можетъ жаловаться, такъ какъ онъ не *участвующее въ дѣлѣ лицо*, а простой свидѣтель. Легко себѣ представить, что переживаетъ такой псевдо-свидѣтель, какіе ложные и опасные для себя шаги онъ дѣлаетъ „оглушенный шумомъ внутренной тревоги“ и измученный этой слѣдственной игрой „въ кошку и мышку“. А когда, наконецъ, его привлекаютъ въ качествѣ обвиняемаго, ему предъявляютъ сразу огромное производство, иногда въ нѣсколькихъ томахъ, а на обдумываніе возраженій противъ подавляющаго иногда количества данныхъ, содержащихся въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, даютъ весьма краткій срокъ, торопясь направить дѣло къ прокурору, который, получивъ слѣдственное производство, уже не обязанъ допускать обвиняемаго къ дальнѣйшему съ нимъ ознакомленію... Эта практика представляется особенно вредной въ виду недавно состоявшагося рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента (по дѣлу Лицкевича и др.), которымъ существенно поколеблено одно изъ основныхъ правъ подсудимаго, право *молчанія*, разрѣшеніемъ прочитывать показаніе, данное имъ слѣдователю, хотя бы онъ не былъ на это согласенъ. Судебная практика моего времени встрѣтила бы такое произвольное толкованіе одного изъ принциповъ новаго процесса съ недоумѣніемъ. При обвиненіяхъ на судѣ и я, и нѣкоторые изъ моихъ товарищей старались не опираться на собственное сознаніе подсудимаго, даже сдѣланное на судѣ, и строить свою рѣчь такъ, какъ бы сознанія вовсе не было, почерпая изъ дѣла объективныя доказательства и улики, не зависящія отъ того или другого на-

строенія подсудимаго,—отъ его подавленности, нервности, желанія принять на себя чужую вину или смягчить свою, сознаваясь въ меньшемъ, чѣмъ то, въ чемъ его обвиняютъ... Увы! Tempora mutantur!..

Осторожность въ привлеченіи вещь—необходимая. Это не только юридическое, но и нравственное требованіе. Но осторожность не должна быть смѣшиваема съ умышленною медлительностью, сводящею на ничто права обвиняемаго, подлежащаго рано или поздно неизбѣжному привлеченію. Медлительность, допускаемая слѣдователемъ Порфиріемъ Петровичемъ въ привлеченіи Раскольникова, находитъ себѣ оправданіе въ условіяхъ стараго слѣдственнаго порядка, когда присутствія обвиняемаго при дѣйствіяхъ слѣдователя (въ данномъ случаѣ—пристава слѣдственныхъ дѣлъ) вовсе не допускалось,—да и наконецъ, чтобы подражать Порфирію Петровичу, надо быть и психологомъ его калибра, т. е. калибра Достоевскаго.

Въ дѣятельности прокурорскаго надзора, какъ участвующаго въ судебныхъ засѣданіяхъ, наблюдающаго за производствомъ слѣдствій и направляющаго дѣла съ обвинительными актами или заключеніями о прекращеніи слѣдствій—встрѣчается много вопросовъ, требующихъ всесторонняго обсужденія и разрѣшенія на почвѣ обдуманно выработаннаго взгляда, единообразно примѣняемаго каждымъ изъ чиновъ прокуратуры одного и того же Окружного суда. Ставъ во главѣ прокуратуры петербургскаго суда, я организовалъ общія собранія товарищей прокурора подъ своимъ предсѣдательствомъ. Въ нихъ обсуждались разные, возникавшіе въ нашей дѣятельности, вопросы, по которымъ представлялись подробные доклады. Послѣ обмѣна мнѣній производилось голосованіе—и результатъ его, облеченный въ форму краткаго опредѣленія, сообщался мною циркулярно къ руководству по ввѣренному мнѣ надзору. У меня сохранились нѣкоторые доклады, сдѣланные въ этихъ общихъ собраніяхъ, напр. докладъ И. С. Денисьева по вопросу о толкованіи 1460 ст. Уложенія (сокрытіе матерью тѣла мертворожденнаго младенца),—К. И. Кесселя по вопросу объ обязательности для прокурорскаго надзора присутствія его членовъ въ судебныхъ засѣданіяхъ по дѣламъ, производимымъ въ порядкѣ частнаго обвиненія; —С. А. Андреевскаго по вопросу объ обязательности для слѣдователей предложеній прокурора;—С. Ф. Платонова по вопросу объ условіяхъ допущенія гражданскаго истца въ засѣданіе по уголовному дѣлу;—В. И. Жуковскаго о содержаніи и назначеніи обвинительнаго акта. Послѣдній докладъ—крайне обстоятельный и блестяще изложенный, былъ напечатанъ затѣмъ въ „Журналѣ уголов-

наго и гражданскаго права". По поводу этого доклада въ „Кіевскомъ Словѣ" 1899 года, въ некрологѣ Жуковскаго, бывшій мой товарищъ прокурора В. Г. Вильямсонъ писалъ: „я сошелся съ Владиміромъ Ивановичемъ въ періодъ незабвенныхъ дней 1871—75 г.г., когда во главѣ петербургской прокуратуры стоялъ А. Ѳ. Кони. Не могу безъ слезъ вспомнить это время, когда Судебные Уставы, не вызывавшіе тогда подчистокъ и помарокъ, служили всѣмъ намъ путеводною звѣздой. Прокуратура тогда жила единою тѣсною семьею. По иниціативѣ прокурора были устроены въ его камерѣ вечернія засѣданія. На первыхъ порахъ они вызвали протестъ со стороны нѣкоторыхъ товарищей прокурора и главнымъ образомъ В. И. Жуковскаго, находившаго безцѣльнымъ тратить время тамъ, гдѣ всѣ служебные вопросы могутъ въ концѣ концовъ разрѣшаться единоличною властью прокурора, но затѣмъ неудовольствіе улеглось, засѣданія возбудили во всѣхъ живѣйшій интересъ и о нихъ у всѣхъ сохранилось самое свѣтлое воспоминаніе. На одномъ изъ нихъ Жуковскій прочелъ свой рефератъ, и я забыть не могу, какъ до поздней ночи, не проронивъ словечка, слушали мы его лекцію, которой могъ бы позавидовать любой юридическій факультетъ".—Опираясь на положенія, выработанныя общимъ собраніемъ, товарищи прокурора предъявляли единообразныя заключенія въ распорядительныхъ и судебныхъ засѣданіяхъ, а я имѣлъ не разъ удовольствіе заявлять въ общемъ собраніи отдѣленій суда, что во мнѣніи своемъ я руковожусь постановленіемъ общаго собранія моихъ товарищей. Это не всегда и не всѣмъ нравилось... „Вы дали у себя конституцію", говорили мнѣ, употребляя, быть можетъ не безъ задней мысли, запретное въ то время слово. „Да! — далъ" — отвѣчалъ я спокойно, въ сознаніи, что ни обвинительная власть, ни правосудіе ничего не проигрываютъ отъ обращенія товарищей прокурора изъ механическихъ исполнителей распоряженій и циркуляровъ своего начальника въ связанныхъ общимъ обсужденіемъ и соглашеніемъ дѣятелей единаго по цѣлямъ учрежденія.—Полезность такихъ общихъ собраній сказывалась и тамъ, гдѣ почему-либо требовался отъ лицъ прокурорскаго надзора отвѣтъ по поводу того или другого общественнаго явленія. Такъ въ 1874 году Министерство Юстиціи, начавшее хмуриться на судъ присяжныхъ и собирать данныя противъ него, потребовало отъ товарищей прокурора сообщенія свѣдѣній о числѣ оправдательныхъ приговоровъ, выносимыхъ присяжными, и о причинахъ таковыхъ. Можно себѣ представить, какую разноголосицу въ сообщеніяхъ могло бы вызвать это требованіе, сколько субъективнаго и односторонняго могло бы быть въ нихъ внесено—и какъ умѣли бы услужливыя канцелярскія руки

„разработать“ нѣкоторыя „причины оправданія“ во вредъ суду общественной совѣсти. Мы посвятили нѣсколько засѣданій нашего общаго собранія на выработку системы отвѣтовъ, и результатомъ нашего совѣщанія былъ мой циркуляръ, въ которомъ, находя необходимымъ причины оправдательныхъ приговоровъ отыскивать въ фактической обстановкѣ каждаго отдѣльнаго дѣла, не входя въ оцѣнку организаціи судебныхъ учрежденій и правильности дѣятельности ихъ отдѣльныхъ органовъ,—я просилъ моихъ товарищей искать этихъ причинъ въ выясненіи на судѣ свойствъ вмѣняемаго дѣянія въ личности и поведеніи потерпѣвшаго, въ личности и житейской обстановкѣ обвиняемаго, въ характерѣ побужденій къ преступленію,—во времени, протекшемъ со дня совершенія преступленія,—въ размѣрѣ строгости мѣръ пресѣченія, принятыхъ противъ обвиняемаго до суда, и въ несоотвѣтствіи карательнаго закона съ народнымъ или общественнымъ правосознаніемъ. Наконецъ и для правильности кассаціонной дѣятельности прокурорскаго надзора въ Петербургѣ эти общія собранія были весьма полезны, подвергнувъ не разъ тщательному обсужденію и критическому разбору тѣ нарушенія въ производствѣ дѣла на судѣ или въ примѣненіи закона, которыя, по мнѣнію присутствовавшаго въ засѣданіи обвинителя, могли послужить основаніемъ къ отмѣнѣ состоявшагося оправдательнаго приговора. Благодаря этому мы почти не знали оставленія нашихъ протестовъ Сенатомъ безъ уваженія и кассаціонному суду, признававшему во время двѣнадцати-лѣтней бытности моей его оберъ-прокуроромъ лишь 54% протестовъ правильными, не приходилось внушать намъ, что наши домогательства объ отмѣнѣ приговора лишены основаній, или построены на несущественныхъ нарушеніяхъ, а иногда и на разсужденіяхъ о существѣ дѣла, или, наконецъ, на нарушеніяхъ, которыя мы же сами допустили, не оградивъ своевременно своихъ правъ. Съ моимъ уходомъ изъ прокуратуры суда—эти общія собранія, къ сожалѣнію, прекратились...

Обращаясь къ *личностямъ* изъ прокурорскаго надзора, оставившимъ наибольшій слѣдъ въ моихъ воспоминаніяхъ, я прежде всего съ глубокимъ уваженіемъ останавливаюсь на прокурорѣ московскаго окружного суда конца шестидесятыхъ годовъ Михаилѣ Ѳедоровичѣ *Громницкомъ*. При открытіи новыхъ судовъ въ Москвѣ прокурорскій надзоръ былъ составленъ довольно пестро. Въ него вошли изъ чиновъ старыхъ судебныхъ установленій и изъ Сената наиболѣе способные не только писать бумаги, но и тѣ, о комъ предполагалось, что они будутъ умѣть и говорить. Въ этомъ числѣ было нѣсколько губернскихъ и уѣздныхъ стряпчихъ стараго порядка. Далеко не всѣ изъ нихъ оказались умѣющими „словомъ

твердо править“ и владѣть имъ въ сдержанномъ жару судебныхъ преній. Этому неумѣнью какъ бы противорѣчило случайное соединеніе фамилій товарищей прокурора (Костылевъ, Громницкій, Крушинскій), вызывавшее невольно представленіе о „карающей десницѣ“ правосудія. Между ними оказывались весьма добросовѣстные, но очень неудачные обвинители: gute Leute, aber schlechte Musikanten. Невольно вспоминается мнѣ одинъ изъ нихъ—высокій, статный и красивый представитель одной изъ юго-восточныхъ, вошедшихъ въ составъ Россіи, народностей. Ему пришлось обвинять по весьма несложному дѣлу. Поздно вечеромъ въ плохо освѣщенномъ, совершенно пустынномъ переулкѣ у прохожаго были сорваны часы. По звуку удалявшихся шаговъ бѣгущаго ограбленный пустился въ преслѣдованіе и вскорѣ наткнулся на человѣка, упавшаго, запнувшись за что-то на дорогѣ, и разбившаго себѣ носъ. На крикъ потерпѣвшаго сбѣжался народъ, и упавшій былъ торжественно отведенъ въ участокъ. Сорванныхъ часовъ ни при немъ, ни около него не нашли, но по справкамъ оказалось, что онъ уже не разъ судился у мировыхъ судей. Величавый красавецъ—товарищъ прокурора—составилъ обвинительный актъ и выступилъ его поддерживать на судѣ. „Господа присяжные!—воскликнулъ онъ:—виновность подсудимаго настолько очевидна, что доказывать ее значило бы злоупотреблять вашимъ временемъ. Поэтому я буду кратокъ и обращу ваше вниманіе лишь на три важныхъ обстоятельства: подсудимый бѣжалъ, подсудимый упалъ, подсудимый разбилъ себѣ носъ. Въ справедливомъ негодованіи на дерзкое похищеніе вы оцѣните эти улики. Я кончилъ...“ Присяжные и оцѣнили: оправдали.

Одинъ изъ этихъ бывшихъ стрянчихъ не по примѣру своихъ товарищей сразу занялъ не только выдающееся, но и безспорно первое мѣсто въ рядахъ русской прокуратуры. Скромный, задумчивый и молчаливый, блѣдноликій, съ непокорными волосами и бородой—онъ какъ-то вдругъ, сразу—sans crier gare—выросъ на обвинительной трибунѣ, и изъ устъ его полилась рѣчь, скованная желѣзной силой логики и блиставшая непревзойденною съ тѣхъ поръ суровой красотой скупого слова и щедрой мысли. Это и былъ Громницкій. Кто слышалъ въ свое время, сорокъ лѣтъ назадъ, этотъ ровный металлическій голосъ, кто вдумывался въ построеніе его рѣчи и испыталъ на себѣ эти неотразимые и въ то же время простые, повидимому, доводы, обнимавшіе другъ друга, какъ звенья неразрывной цѣпи, тотъ не можетъ его позабыть. Сочетаніе силы слова съ простотою слова, отсутствіе всякихъ ненужныхъ вступленій и какого-либо паѳоса, спокойное въ своей твердости убѣжденіе и самое подробное изученіе и знаніе всѣхъ обстоятельствъ

и особенностей разбираемаго преступленія—дѣлали изъ его рѣчи то неотразимое „стальное копье закона“, о которомъ говоритъ король Лиръ. Почти по всѣмъ большимъ и сложнымъ дѣламъ того времени, о которомъ я говорю, Громницкій выступалъ обвинителемъ, являясь не только достойнымъ, но и опаснымъ противникомъ талантливыхъ защитниковъ, которыхъ въ изобиліи выдѣляла изъ своей среды тогдашняя московская адвокатура. Иногда и самая случайная обстановка судебнаго засѣданія придавала особое значеніе его рѣчи. Я помню громкое дѣло студента Данилова, убившаго ростовщика и его служанку въ обстановкѣ, аналогичной съ описаніемъ Достоевскимъ преступленія Раскольникова и впослѣдствіи сходной съ убійствомъ, совершеннымъ Ландсбергомъ въ Петербургѣ, при чемъ надо замѣтить, что Достоевскій написалъ свой романъ до преступленія Данилова, но напечаталъ его позже. По этому дѣлу, взволновавшему всю Москву, едва Громницкій всталъ, чтобы начать свою рѣчь въ залѣ суда, которую начинали окутывать раннія зимнія сумерки, совсѣмъ рядомъ, въ Чудовомъ монастырѣ, ударили къ вечернѣ, и звуки колокола съ такой силой влились въ залу, что прокуроръ могъ начать свою рѣчь, лишь когда прозвучалъ послѣдній ударъ колокола. Спокойствіе, безпристрастіе и привлекательная простота его пріемовъ оказывали несомнѣнное вліяніе на присяжныхъ. Это сказалось въ знаменитомъ процессѣ Матовыхъ, обвинявшихся въ устройствѣ въ окрестностяхъ Москвы умѣло организованной шайки для поддѣлки кредитныхъ билетовъ. Подсудимыхъ было болѣе двадцати человѣкъ и столько же защитниковъ, такъ что зѣсѣданіе происходило въ знаменитой ротондѣ московскаго сенатскаго зданія. Засѣданіе длилось много дней, и когда Громницкій всталъ, чтобы возражать своимъ противникамъ, всталъ и старшина присяжныхъ и отъ ихъ имени заявилъ предсѣдателю, что засѣдатели просятъ прокурора на утруждать себя возраженіемъ, такъ какъ они достаточно усвоили себѣ его обвинительную рѣчь.

Мнѣ не приходилось слышать особо выдающихся провинціальныхъ обвинителей, но мой сослуживецъ по Харькову Евгеній Ѳедоровичъ де-Росси имѣлъ несомнѣнныя ораторскія свойства, доказанныя въ состязаніяхъ съ такими сильными защитниками, какъ Спасовичъ и Арсеньевъ. Этотъ прекрасный человѣкъ, проявившій въ званіи судьи и затѣмъ сенатора глубокое пониманіе судейскаго долга и широкій взглядъ на интересы истиннаго правосудія, въ свои обвинительныя рѣчи вносилъ, однако, нѣкоторую желчность, вызываемую, повидимому, свойствами его личнаго темперамента. Зато петербургская прокуратура обогатила меня многими живыми воспоминаніями. Не говоря уже о томъ, что прокурорами въ сто-

лицѣ назначались люди, выдающіеся своею юридическою подготовкой, какъ первый прокуроръ Шрейберъ, спеціально изучившій постановку обвинительной власти на западѣ, — или несомнѣннымъ ораторскимъ талантомъ, какъ Роде, или и тѣмъ и другимъ, какъ Баженовъ, — ряды товарищей прокурора настойчиво пополнялись всѣмъ, что можно было найти лучшаго въ провинціи, почему въ первое десятилѣтіе по введеніи реформы петербургская прокуратура могла мѣряться, съ увѣренностью въ своихъ силахъ, съ корифеями петербургской адвокатуры. Министръ юстиціи графъ Паленъ и прокуроры—въ томъ числѣ и я—чутко прислушивались и, если можно такъ выразиться, „причитывались“ ко всѣмъ слухамъ и вѣстямъ о талантливыхъ представителяхъ обвиненія въ провинціи, переводя ихъ при первой возможности въ Петербургъ. Конечно, при этомъ бывали невольныя ошибки и разочарованія и случалось, что „une célebrité du clocher“ какого-нибудь губернскаго города, дивившая—особливо въ первые годы судебной реформы—свой муравейникъ, оказывалась добросовѣстною посредственностью или любителемъ громкихъ фразъ, плохо скрывавшихъ жидкое содержаніе, лишенное анализа и системы. Когда въ прокуратурѣ петербургской судебной палаты игралъ вліятельную роль В. А. Половцовъ, онъ имѣлъ обычай, по соглашенію съ прокуроромъ окружного суда, назначать новичковъ, только что переведенныхъ въ Петербургъ, обвинителями по дѣламъ, въ которыхъ выступали защитниками болѣе или менѣе сильные противники. Веденіе такого дѣла на судѣ было своего рода экзаменомъ для провинціальной „знаменитости“ и лишь послѣ успѣшнаго выдержанія этого искуса, успѣшнаго, конечно, не въ смыслѣ непремѣннаго обвинительнаго приговора—относительно новоприбывшаго говорилось dignus est intrare, и онъ зачислялся въ передовой рядъ боевой прокуратуры. Испыталъ это на себѣ и я, будучи переведенъ изъ Харькова въ Петербургъ на должность товарища прокурора. Половцовъ назначилъ меня обвинителемъ по дѣлу нѣкоего Флора Францева, обвинявшагося въ приготовленіи на убійство. Обвиненіе было построено на косвенныхъ уликахъ и отчасти на сознаніи самого Францева, отъ котораго онъ на судѣ отказался. Я сказалъ рѣчь, которая на уровнѣ харьковскихъ требованій, предъявляемыхъ въ то время къ оратору, могла бы сама по себѣ, независимо отъ исхода, считаться сильной и, пожалуй, яркой. Но противникомъ моимъ былъ К. К. Арсеньевъ, который тончайшимъ разборомъ уликъ, инымъ ихъ освѣщеніемъ и сочетаніемъ и житейской окраской отношеній между подсудимымъ и его предполагаемой жертвой, а также наглядною оцѣнкой приготовленнаго для убійства ножа—о чемъ мнѣ и въ голову не

приходило—разбилъ меня и все обвиненіе въ пухъ и прахъ. Урокъ былъ чувствителенъ и поучителенъ. Оставалось опустить руки и зачислить себя въ рядовые исполнители обвинительныхъ функцій или начать переучиваться и постараться воспринять новые для меня пріемы и систему судебнаго состязанія... Я избралъ второе.

Въ Петербургѣ я засталъ еще нѣсколькихъ товарищей прокурора изъ времени первоначальныхъ назначеній. Между ними были оригиналы, которые понимали и примѣняли свое ораторское краснорѣчіе въ видѣ умѣнія сказать нѣсколько высиженныхъ не безъ труда и напряженія громкихъ и подчасъ непроизвольно комическихъ фразъ или представить суду грозную картину преступленія, тоже не лишенную комизма по своей формѣ и содержанію. Таковъ былъ, напримѣръ, товарищъ прокурора В—ій, изъ бывшихъ секретарей Гражданской Палаты, который дебютировалъ обвиненіемъ одного мѣщанина въ нанесеніи тяжкой раны въ нижнюю часть живота своей возлюбленной, служившей кухаркой въ одномъ семействѣ. Зная, что ея хозяева не любили, чтобы она принимала у себя гостей, онъ вызывалъ ее обыкновенно по черной лѣстницѣ на чердакъ. Заподозрѣвъ ее въ невѣрности и распаленный ревностью, онъ, вызвавъ ее на чердакъ, въ то время, когда она хотѣла ему отдаться, нанесъ ей ножомъ жестокій ударъ. На судѣ онъ во всемъ сознался и горько каялся въ своемъ поступкѣ. Но В—ій нашелъ необходимымъ оттѣнить всю злостность послѣдняго и сказалъ присяжнымъ: „вы только представьте себѣ, господа, всю ужасную картину злодѣянія подсудимаго: онъ пришелъ къ любящей его женщинѣ, сдѣлалъ ей заманчивое предложеніе и, когда она довѣрчиво раскрыла свои объятія, то вмѣсто обѣщаннаго вонзилъ ей острый ножъ!!“. Съ этого времени его перестали назначать обвинителемъ, а сдѣлали такъ называемымъ камернымъ товарищемъ для завѣдыванія дѣлопроизводствомъ прокурорской камеры. Тамъ онъ и пребывалъ много лѣтъ, начиная свои письменныя сношенія „за прокурора“ съ оффиціальными мѣстами и лицами по разнымъ вопросамъ неизмѣнно со словъ: „опытъ показалъ, что“...

Другой товарищъ прокурора, почтенный старикъ, мрачно смотрѣвшій изъ-подъ нависшихъ бровей сквозь круглыя очки, которыя во время рѣчи онъ подымалъ на лобъ, оказался вскорѣ по своемъ назначеніи непригоднымъ для обвиненій передъ присяжными засѣдателями, и его пришлось выпускать по дѣламъ о бродягахъ и о паспортныхъ нарушеніяхъ. Но и здѣсь онъ умѣлъ стать на высоту общихъ соображеній и, обвиняя какого-то несчастливца между прочимъ, и въ проживаніи по просроченному виду, сказалъ торжествен-

нымъ тономъ: „преступленіе, въ которомъ обвиняется подсудимый, имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ кажется. При убійствѣ, при разбойномъ нападеніи, при поджогѣ—злая воля преступника напрягается единожды, и злое дѣло совершается. А затѣмъ, быть можетъ, наступаетъ и раскаяніе. Но здѣсь, господа, злая воля упорствуетъ и постоянно, въ самой себѣ почерпаетъ новыя силы, знаменуя свою закоренѣлость: день проходитъ, наступаетъ ночь и влечетъ за собою новый день и снова наступаетъ ночь, и опять восходитъ солнце, и съ нимъ для всѣхъ живущихъ наступаетъ новый день, а *онъ* все просрочиваетъ, все просрочиваетъ, все просрочиваетъ!“...

Несомнѣнными и большими, спеціально обвинительными дарованіями, между моими товарищами отличался покойный Владиміръ Ивановичъ *Жуковскій*, умный, блестяще образованный и опытный Мефистофель петербургской прокуратуры. Его сухая, чуждая всякихъ фразъ, пропитанная безпощадной ироніей, но всегда очень обдуманная и краткая рѣчь какъ нельзя болѣе гармонировала съ его жидкой фигурой, острыми чертами худого зеленовато-блѣднаго лица, съ ядовитою улыбкою тонкихъ губъ, рѣдкою заостренною бородкой и насмѣшливо приподнятыми бровями надъ косыми глазами, изъ которыхъ свѣтился недобрымъ блескомъ критическій умъ. Вкрадчивымъ голосомъ и рѣдкимъ угловатымъ жестомъ руки съ исхудалыми пальцами вилъ онъ обвинительную, нерасторжимо-логическую паутину вокругъ подсудимаго и, внезапно прерывая рѣчь передъ ея обычнымъ заключеніемъ, садился, судорожно улыбаясь и никогда не удостаивая отвѣтомъ безпомощнаго жужжанія растерянаго защитника. Лучшими его рѣчами за мое время въ Петербургѣ были рѣчи по дѣлу Маркварда, обвинявшагося въ поджогѣ своего застрахованнаго имущества, и по знаменитому дѣлу Овсянникова. Въ первомъ случаѣ подсудимый—содержатель сарептскаго магазина, открытіе котораго задолго подготовлялось замысловатыми рекламами, былъ преданъ суду судебной палатой вопреки заключенію прокуратуры о недостаточности уликъ (съ чѣмъ однако не былъ согласенъ Жуковскій), и былъ настолько увѣренъ въ своемъ оправданіи, что явился на судъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ и, на предложеніе предсѣдателя давать объясненія на показанія свидѣтелей, только презрительно пожималъ плечами. Жуковскій произвелъ такое дѣйствіе своею рѣчью, въ которой шагъ за шагомъ съ необыкновеннымъ искусствомъ прослѣдилъ возникновеніе, развитіе и осуществленіе преступнаго замысла обвиняемаго, что Марквардъ не только былъ обвиненъ, но присяжные даже отказали ему въ снисхожденіи. Рѣчь Жуковскаго по дѣлу Овсянникова была великолѣпна по житейской наблюдательности и по изображенію убѣжден-

наго въ своей безнаказанности милліонера, одинаково презиравшаго и находившуюся во власти его капитала „мелкоту“ и всякаго рода начальство, къ слабымъ сторонамъ котораго онъ хорошо изучилъ доступъ. Когда послѣ окончанія дѣла Овсянникова министръ юстиціи собралъ у себя лицъ, возбудившихъ дѣло, т. е. меня (хотя я былъ уже вице-директоромъ департамента Министерства Юстиціи), подготовившихъ его до суда, т. е. товарища прокурора Маркова и слѣдователя Книрима и проведшихъ это дѣло на судѣ, т. е. Жуковскаго, для передачи о томъ, что имъ доведено до Высочайшаго свѣдѣнія объ ихъ успѣшныхъ дѣйствіяхъ и трудахъ, вызвавшихъ обвинительный приговоръ противъ подсудимаго, который по своимъ средствамъ и связямъ считалъ себя стоящимъ на недосягаемой для судебной власти высотѣ, Жуковскій остался вѣренъ себѣ и нарушилъ оптимистическое настроеніе ядовитыми словами: „да, мы вѣдь именно этимъ и отличаемся отъ администраціи: мы всегда бьемъ стоячаго, а она всегда лежачаго“. Этою мыслью онъ, вѣроятно, руководился и тогда, когда прокуроръ судебной палаты Лопухинъ потребовалъ отъ него принятія на себя обвиненія по дѣлу Вѣры Засуличъ. Ссылаясь на то, что преступленіе Засуличъ имѣетъ политическій характеръ и потому не подлежитъ обсужденію суда присяжныхъ, онъ заявилъ, что этимъ обвиненіемъ онъ поставитъ въ непріятное и даже трудное положеніе своего брата-эмигранта, проживающаго въ Женевѣ, и наотрѣзъ отказался отъ этого предложенія. Бывъ, за этотъ отказъ, назначенъ товарищемъ прокурора въ Пензу, онъ вышелъ въ отставку и поступилъ въ присяжные повѣренные. Дѣятельность защитника была, однако, не по немъ, хотя онъ имѣлъ въ ней успѣхъ. Гораздо охотнѣе выступалъ онъ повѣреннымъ гражданскихъ истцовъ. Тутъ онъ былъ совсѣмъ въ своей области, блистая остроуміемъ, находчивостью и умѣніемъ сводить высокое пареніе своихъ противниковъ на каменистую почву житейской прозы.

Противоположность Жуковскому составлялъ Сергѣй Аркадьевичъ *Андреевскій*, бывшій у меня товарищемъ въ Казани и Петербургѣ. Онъ тоже былъ выдающимся по своимъ дарованіямъ обвинителемъ, но совершенно въ другомъ родѣ. Мягкій и человѣчный, литераторъ и поэтъ въ душѣ, независимый и благородный въ своихъ ораторскихъ пріемахъ, онъ былъ на обвинительной трибунѣ однимъ изъ говорящихъ судей, никогда не забывавшимъ предписанія закона не извлекать изъ дѣла одни лишь обстоятельства, уличающія подсудимаго. Изъ всѣхъ моихъ товарищей онъ былъ наиболѣе склоненъ и способенъ оцѣнивать въ дѣяніи подсудимаго то, что итальянцы именуютъ непереводимымъ словомъ „ambiente“, что одновременно озна-

чаетъ условія, обстановку и среду того или другого явленія. Поэтому, когда за отказомъ Жуковскаго и ему было предложено то же самое обвиненіе, онъ поставилъ вопросъ о томъ, дозволено ли ему будетъ отозваться съ осужденіемъ о тѣхъ незаконныхъ распоряженіяхъ по дому предварительнаго заключенія, которыя вызвали, по словамъ Засуличъ, ея кровавый и преступный протестъ. Дозволенія этого, необходимаго, по мнѣнію Андреевскаго, для силы и достоинства самаго обвиненія—не послѣдовало, и онъ поступилъ по примѣру Жуковскаго, а затѣмъ, причисленный къ министерству, вышелъ въ отставку и вскорѣ занялъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ петербургской адвокатурѣ.

Благодаря присутствію въ прокуратурѣ за мое время, кромѣ Жуковскаго и Андреевскаго, еще и такихъ образованныхъ, проникнутыхъ глубокимъ уваженіемъ не только къ буквѣ, но и къ духу Судебныхъ Уставовъ товарищей прокурора, какъ В. К. Случевскій, А. Ф. Масловскій, И. С. Денисьевъ, В. А. Желеховскій, Я. А. Плющевскій, В. Г. Вильямсонъ и А. А. Марковъ—представлялось возможнымъ спеціализировать обвинительныя функціи. Гдѣ нужно было оттѣнить общественную сторону преступленія—выступалъ Масловскій;—гдѣ играла роль бытовая обстановка и нужно было знаніе практическихъ условій народной жизни, выступалъ Плющевскій;—гдѣ являлась необходимость тщательной разработки уликъ и доказательствъ и стойкой борьбы за ихъ правильную оцѣнку—обвиненіе поручалось Желеховскому, Денисьеву или Маркову;—тонкій юридическій анализъ состава преступленія, изложенный въ убѣдительной и проникнутой достоинствомъ формѣ, былъ обыкновенно связанъ съ появленіемъ на каѳедрѣ В. К. Случевскаго. И въ гражданскихъ засѣданіяхъ суда прокуратура этого времени была представлена настолько сильно, что по отношенію къ ней обычный нынѣ упрекъ въ томъ, что она ничего не вноситъ своего въ разрѣшеніе дѣла и служитъ лишь напраснымъ отяготительнымъ привѣскомъ къ засѣданію—не былъ бы справедливъ. Мои товарищи, предъявлявшіе заключенія по гражданскимъ дѣламъ, являлись представителями не только солиднаго знанія гражданскаго права и процесса, но и обладателями той „цивилистической“ складки мышленія, которая далеко не всегда бываетъ свойственна юристамъ по образованію. Область уголовнаго и гражданскаго права настолько обособлены—и въ преподаваніи, и въ практикѣ—что нерѣдко дѣятели въ одной изъ нихъ никакъ не могутъ пріучить себя становиться на точку зрѣнія дѣятелей въ другой. Формальныя доказательства гражданскихъ правъ и процессуальныя условія ихъ оцѣнки съ трудомъ умѣщаются въ сознаніи криминалиста, при-

выкшаго, не стѣсняясь предустановленными правилами, оцѣнивать улики исключительно по внутреннему убѣжденію. Съ другой стороны истинный *цивилистъ* не безъ суевѣрной боязни принимаетъ на себя, въ случаѣ необходимости, изслѣдованіе и оцѣнку мотивовъ, побужденій и цѣлей тѣхъ или другихъ, подлежащихъ его обсужденію, дѣйствій, привыкнувъ обращаться къ толкованію *намѣренія* лишь въ точно опредѣленныхъ закономъ случаяхъ. Я помню, какъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ предсѣдательствовавшій въ консультаціи при министерствѣ юстиціи товарищъ министра О. В. Эссенъ съ тонкой улыбкой обращался къ младшему изъ членовъ консультаціи, имѣвшему репутацію выдающагося *криминалиста*, съ вопросомъ: „а вы, вѣроятно, не находите *достаточныхъ уликъ* для признанія за жалобщикомъ права собственности?“—Въ то время, о которомъ я вспоминаю, еще существовала превосходная школа для практиковъ-цивилистовъ: старые гражданскіе департаменты Сената. Исчезновеніе этой школы и отсутствіе въ нашемъ судебномъ устройствѣ начала roulement между личнымъ составомъ отдѣленій суда грозитъ оскудѣніемъ хорошо подготовленныхъ для гражданскихъ дѣлъ дѣятелей и возможностью нѣкотораго осуществленія того опредѣленія, которое ядовито давалъ нашимъ судьямъ покойный Лохвицкій, говорившій, что у насъ члены судовъ строго раздѣляются на криминалистовъ и цивилистовъ, при чемъ первыми считаютъ себя тѣ, кто *ничего не понимаетъ* въ гражданскомъ правѣ, а вторыми тѣ, кто тоже ничего не понимаетъ въ уголовномъ правѣ... Конечно, это чрезвычайно преувеличено, но тѣ, кому пришлось заниматься уголовною кассаціонною практикой, знаютъ, какъ часто въ дѣлахъ, гдѣ возникаютъ преюдиціальные (предсудимые) вопросы, или преступленіе касается сдѣлокъ съ имуществомъ и договоровъ, чувствуется отсутствіе живого знакомства съ коренными началами гражданскаго права и процесса въ уголовныхъ судьяхъ.

Перейдя изъ Казани въ Петербургъ, я нашелъ, что заключенія по гражданскимъ дѣламъ предъявляетъ тотъ „камерный“ товарищъ В—ій, о которомъ я уже говорилъ выше, какъ обвинителѣ. Я пошелъ послушать его—и только руками развелъ... Когда, согласно докладу, дѣло было простое и несложное, заключеніе его тоже не было сложнымъ. „Полагаю въ искѣ отказать“ или „удовлетворить исковыя требованія“, говорилъ онъ внушительно, не утруждая ни себя, ни судей изложеніемъ мотивовъ,—и садился. Но если дѣло было спорнымъ или мало-мальски сложнымъ, онъ величественно поднимался и съ чрезвычайною серьезностью изрекалъ: „имѣю честь заявить суду, что къ разрѣшенію этого дѣла

со стороны прокурорскаго надзора препятствій не встрѣчается", при чемъ его личное мнѣніе оставалось, говоря словами И. Ѳ. Горбунова, „покрыто мракомъ неизвѣстности". Очевидно, что въ такомъ положеніи дѣло оставить было невозможно, и мнѣ удалось пріобрѣсти для предъявленія заключеній по гражданскимъ дѣламъ двухъ выдающихся цивилистовъ: С. Ѳ. Платонова и А. Л. Боровиковскаго, которые въ гражданскихъ отдѣленіяхъ петербургскаго суда были не „докучными собесѣдниками", но желательными сотрудниками.

Съ *Боровиковскимъ* мы встрѣтились въ жизни еще весьма молодыми людьми: я—товарищемъ прокурора Харьковскаго окружнаго суда, онъ—начинающимъ адвокатомъ. Уже тогда и вслѣдъ затѣмъ въ должности товарища прокурора Симбирскаго окружного суда онъ заявилъ себя талантливымъ и знающимъ цивилистомъ. Несмотря на то, что въ мое время составъ гражданскихъ отдѣленій Петербургскаго окружного суда былъ превосходный по познаніямъ и опыту большинства входившихъ въ нихъ товарищей предсѣдателя и членовъ, Боровиковскій почти сразу послѣ своего перевода въ Петербургъ пріобрѣлъ среди нихъ не только общее уваженіе, но и авторитетъ. Къ его блестящимъ заключеніямъ судъ сталъ прислушиваться съ необычнымъ вниманіемъ, а самъ онъ сдѣлался въ юридическихъ и литературныхъ кругахъ популярнымъ человѣкомъ. Это объясняется тѣмъ, что все въ его натурѣ и дѣятельности литературно-юридической и учено-учебной (онъ былъ нѣсколько лѣтъ къ ряду преподавателемъ гражданскаго судопроизводства въ Новороссійскомъ университетѣ) стояло въ противорѣчіи съ узко-формальнымъ и подъяческимъ отношеніемъ къ дѣйствительности, къ ея условіямъ и запросамъ, и это, вмѣстѣ съ яркой логикой и прочнымъ знаніемъ, не могло не придавать его взглядамъ особой цѣны и вѣса. Слушая его заключенія въ судѣ и знакомясь впослѣдствіи съ его взглядами, какъ оберъ-прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента и члена различныхъ законодательныхъ комиссій, приходилось видѣть, какъ въ его устахъ правда матеріальная, правда житейская выступала наружу, пробивая кору формальной и условной истины. У насъ было время, когда звѣздами большой величины между цивилистами нерѣдко считались люди приказнаго склада, для которыхъ мертвыя правовыя схемы казались скрижалями завѣта, заставлявшими чаянія и упованія жизни смолкать передъ своимъ мертвымъ глаголомъ. Такого рода цивилистамъ обыкновенно казалось, что не юридическія нормы должны расширяться и принимать въ себя жизнь, но что самую жизнь можно втолкнуть, болѣзненно и насильственно, въ ихъ узкія рамки. Отсюда вытекали тѣ толкованія, которыя исходили отъ „духомъ хладныхъ скопцовъ" и, восхищая подобныхъ

имъ, оставляли въ недоумѣніи здравомыслящихъ людей. Послѣднимъ трудно было забыть, что „не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка“, и что слова одного изъ героевъ Щедрина: „по естеству тебѣ ѣсть хочется, а въ регламентахъ этого не написано—ну и попался“—были остроумной шуткой, а не торжественно провозглашеннымъ мнѣніемъ патентованныхъ юристовъ. Противъ этой-то бездушной узкости и казуистичности всѣми силами своего ума и знанія вооружался Боровиковскій. Это былъ человѣкъ оригинальный во всемъ, съ живой и остроумной рѣчью, проникнутой милымъ малороссійскимъ юморомъ. Русскій человѣкъ со всѣми его свойствами, начиная съ неравномѣрности работы подъ вліяніемъ настроеній и кончая нѣкоторой наружной небрежностью—онъ привлекалъ къ себѣ незлобивостью, отсутствіемъ всякой ходульности, умѣніемъ искренно подсмѣиваться надъ самимъ собою и большою скромностью въ оцѣнкѣ своихъ способностей и трудовъ. Наши добрыя отношенія не прерывались до самой его смерти. Издавъ свою замѣчательную книгу „Отчетъ судьи“ въ 3 томахъ, онъ прислалъ мнѣ ее со слѣдующимъ посвященіемъ:

„Вы—жрецъ, а я дьячокъ, но Богъ у насъ одинъ,
(Митрополитъ въ дьячкѣ повиненъ видѣть брата).
Въ нашъ храмъ, украшенный отъ васъ вѣнкомъ изъ злата,
Несу и я свой даръ—клочокъ моихъ сѣдинъ“.

Назначеніе оберъ-прокуроромъ, вполнѣ имъ заслуженное, очень его встревожило. „Я просто подавленъ смущеніемъ,—писалъ онъ мнѣ— достаточны ли мои силы и знанія для высокаго дѣла, на которое меня зовутъ? Для меня въ этомъ отношеніи было большимъ облегченіемъ узнать, что Вы относитесь съ сердечнымъ сочувствіемъ къ павшему на меня выбору. Если и Вы не считаете задачу превосходящею мои способности, то это поистинѣ окрыляетъ меня“...

Будучи „прирожденнымъ цивилистомъ“, Боровиковскій захотѣлъ однако испытать себя въ уголовномъ обвиненіи. Уголовный процессъ былъ ему достаточно знакомъ по его адвокатской дѣятельности въ Харьковѣ, словомъ онъ владѣлъ прекрасно, и я, согласно его желанію, назначилъ его обвинителемъ по дѣлу объ отравленіи женою ненавистнаго ей мужа подачею ему, пьяному, вмѣсто квасу кружки, наполненной мѣднымъ купоросомъ. Подсудимая говорила, что мужъ отравился самъ по неосторожности, съ пьяныхъ глазъ, перепутавъ кружки. Объясненіе это было не лишено правдоподобія, хотя нескрываемая злоба подсудимой противъ мужа и неоднократныя заочныя ея угрозы „показать себя старому пьяному чорту“, удостовѣренныя рядомъ свидѣтелей и говорили

противъ нея. Желудокъ отравленнаго, прожженный и проѣденный кислотою, находился въ банкѣ со спиртомъ на столѣ вещественныхъ доказательствъ.

Предсѣдательствовалъ бездарнѣйшій и тяжкодумный товарищъ предсѣдателя, отличавшійся нелѣпою постановкою вопросовъ, за редакцію которыхъ обыкновенно стоялъ горою со всѣмъ упорствомъ самолюбивой ограниченности,—и не менѣе удачными руководящими напутствіями присяжнымъ. Тоска и злость брали слушать, какъ иногда, послѣ блестящихъ рѣчей сторонъ—послѣ Спасовича или Арсеньева—онъ начиналъ жевать свои „разъясненія“ и отрыгать эту жвачку въ безконечныхъ повтореніяхъ и неидущихъ къ дѣлу якобы юридическихъ примѣрахъ. Однажды, въ дѣлѣ о подлогѣ векселей, затянувшемся далеко за полночь, онъ сталъ, безъ всякой надобности и повода, объяснять присяжнымъ совершенно ясную разницу между заявленіемъ о подлогѣ и споромъ о недѣйствительности документа, да такъ объяснять, что я подъ конецъ самъ сталъ сомнѣваться, понимаю ли я эту разницу. Вотъ съ такимъ кормчимъ пришлось впервые плыть Боровиковскому между Сциллой и Харибдой обвиненія и защиты! Въ виду сомнѣнія въ наличности событія преступленія присяжнымъ долженъ былъ быть поставленъ прежде всего вопросъ о томъ, послѣдовала ли смерть потерпѣвшаго отъ даннаго ему съ умысломъ ядовитаго вещества. Отрицательнымъ отвѣтомъ присяжные признали бы наличность собственной неосторожности отравившагося. Но мудрый кормчій ухитрился поставить вопросъ въ такой лаконической формѣ: „умеръ ли N. N. отъ даннаго ему яда?“ Присяжные засѣдатели, повѣривъ объясненіямъ подсудимой и будучи обязаны отвѣчать утвердительно или отрицательно словами *да* или *нѣтъ*,—вынесли вердиктъ, гласившій на первый вопросъ: „нѣтъ!“ и оставили прочіе вопросы безъ отвѣта... Боровиковскій, не искусившійся въ томъ, какую важность имѣетъ въ уголовномъ процессѣ редакція вопросовъ, и потому не возражавшій своевременно противъ принятой судомъ, былъ ошеломленъ и пришелъ ко мнѣ, въ прокурорскій кабинетъ, совсѣмъ разстроенный. „Помилуйте!“ восклицалъ онъ, „что же это такое? Предо мною, возбуждая мое отвращеніе, стоитъ банка и въ ней какіе-то грязные лоскутья, бывшіе желудкомъ потерпѣвшаго, а присяжные мнѣ говорятъ: „нѣтъ! не умеръ“... Какъ вамъ нравится это *нѣтъ*?! Ужъ увольте меня на будущее время отъ обвиненій: я участвовать въ воскрешеніи мертвыхъ не желаю“... И онъ снова погрузился въ любимую имъ область гражданскихъ дѣлъ.

А. Ѳ. Кони.

Трагическая кончина астраханскаго епископа Меѳодія.

9 іюня 1755 года умеръ астраханскій епископъ Иларіонъ и на свободную архіерейскую каѳедру былъ назначенъ, 10 мая 1758 года, архимандритъ Спасо-Преображенскаго Астраханскаго монастыря—Меѳодій. Хиротонія новаго владыки была совершена въ Казани архіепископомъ казанскимъ Гавріиломъ Кременецкимъ.

Свѣдѣній о времени и мѣстѣ рожденія епископа Меѳодія, а также о его происхожденіи и о прохожденіи имъ духовной службы не имѣется. Астраханскую каѳедру епископъ Меѳодій занималъ почти 18 лѣтъ и скончался 29 мая 1776 года. О кончинѣ владыки Астраханская духовная консисторія донесла Синоду, 3-го іюня 1776 года, слѣдующее:

„Его Преосвященство, Меѳодій, епископъ Астраханскій и Ставропольскій, со свитою своею, прошедшаго апрѣля, 28 дня, соизволилъ отправиться изъ Астрахани для посѣщенія епархіи въ г. Кизляръ, а іюня 3-го, присланнымъ въ оную консисторію вѣдѣніемъ, объявлено, что-де минувшаго мая мѣсяца, 28 дня, Его Преосвященство, будучи противъ Червленской станицы, на теплыхъ водахъ, на самомъ ихъ теченіи съ поставленной, для потѣнія на парахъ отъ ревматизма, кибиткѣ, нечаяннымъ образомъ съ настланныхъ подмостокъ упалъ въ горячую воду и отъ того обжогся, тотчасъ же впалъ въ жестокую болѣзнь, отъ которой, на другой день, то есть 29-го того же мая, въ началѣ 5-го часа, съ исправленіемъ, по христіанской обязанности, исповѣди, св. причащенія и елеосвященія, въ вѣчное блаженство преставился, при кончинѣ завѣщавъ, чтобы тѣло его для погребенія въ Соборной церкви отвезти въ Астрахань. Объ упокоеніи души Его Преосвященства въ Астраханскомъ Успенскомъ соборѣ сего 3-го числа, а въ приходскихъ и монастырскихъ

церквахъ 4-го числа іюня отправлено было панихидное пѣніе и затѣмъ уже во всѣхъ церковныхъ служеніяхъ на эктиніяхъ и прочемъ, имя Его Преосвященства епископа Меѳодія не возносится".

Въ заключеніе, Астраханская духовная консисторія испрашиваетъ разрѣшеніе Св. Синода на погребеніе тѣла почившаго епископа въ нижней соборной Владимірской Божіей Матери церкви каѳедральнаго собора, гдѣ и прежніе астраханскіе владыки погребены.

Въ засѣданіи 1-го іюля 1776 года Синодъ постановилъ:

1) Тѣло покойнаго Преосвященнаго Меѳодія по церковному чиноположенію погребсти священническимъ погребеніемъ въ Астраханской соборной нижней церкви и оное погребеніе отправить консисторскимъ присутствующимъ и настоятелямъ близь находящихся монастырей съ прочими священнослужителями, на каковое погребеніе и поминовеніе души усопшаго Преосвященнаго надлежащій коштъ употребить изъ оставшагося послѣ Преосвященнаго собственнаго имѣнія.

2) По консисторіи присутствующимъ быть тѣмъ же, кои и нынѣ находятся до опредѣленія на Астраханскую каѳедру Преосвященнаго.

Сообщ. А. Н. Сергѣевъ.

Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова.

XII. И. А. Гончаровъ—членъ Санктъ-Петербургскаго Цензурнаго Комитета [1]).

Въ хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ перепискѣ И. А. Гончарова съ А. А. Краевскимъ [2]), находятся, между прочимъ, девять писемъ, простыхъ, бѣгло набросанныхъ записокъ, относящихся къ 1856—1857 годамъ, т. е. къ тому времени, когда Иванъ Александровичъ начиналъ свою цензурную дѣятельность при С.-Петербургскомъ Цензурномъ Комитетѣ [3]). Эти письма и записки доставляютъ намъ, хотя и небольшой, но весьма цѣнный матеріалъ для исторіи русской цензуры въ ту эпоху и, въ особенности, для освѣщенія той роли, которую игралъ въ ней И. А. Гончаровъ: онѣ дополняютъ, такимъ образомъ, то, что уже извѣстно по его болѣе позднимъ цензорскимъ рапортамъ въ Совѣтъ по дѣламъ книгопечатанія и въ Главное Управленіе по дѣламъ печати, опубликованнымъ

---

[1]) См. „Русск. Стар.“, кн. 10, 1911, стр. 34—62.

[2]) „Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки“ за 1889, Спб. 1893, стр. 224, и „Приложеніе“ къ этому отчету, стр. 4.

[3]) И. А. Гончаровъ былъ членомъ С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета отъ 19-го февраля 1856 г. до 1-го февраля 1860 г. (формулярный списокъ, хранящійся въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати).

К. А. Военскимъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и нами въ „Русской Старинѣ“ [1]).

Литературные дебюты графа П. А. Валуева, предпринятые при посредствѣ Гончарова, и столкновеніе будущаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ съ той цензурой, которою впослѣдствіи онъ долженъ былъ такъ ловко управлять; мнительность цензоровъ при истолкованіи нѣкоторыхъ стиховъ Я. П. Полонскаго; разрѣшеніе къ печати, хотя и не безъ опасеній и со всей возможной осторожностью, перваго крупнаго труда Н. И. Костомарова объ украинской старинѣ („Богданъ Хмѣльницкій“); уговоръ молчанія о разрѣшенномъ, по ошибкѣ, сборникѣ стихотвореній Некрасова; строгое отношеніе къ статьѣ объ освобожденіи отъ помѣщичьей власти эстляндскихъ крестьянъ; требованіе существенныхъ измѣненій въ одной статьѣ С. С. Дудышкина,— таковы главныя данныя, заключающіяся въ приведенныхъ здѣсь документахъ.

Личность „цензора Гончарова“ обнаруживается въ нихъ вполнѣ искренно и живо, со всѣми ея оттѣнками и противорѣчіями. Передъ нами добродушный и услужливый литераторъ, увѣдомляющій своихъ собратьевъ по оружію о всемъ томъ, что ихъ касается, и готовый всегда имъ помочь. Въ его готовности къ услугамъ нельзя сомнѣваться; да и сами его коллеги по Комитету, кажется, не сомнѣваются въ ней и находятъ ее вполнѣ естественной. Его близкія связи съ главными редакторами журналовъ, такъ же какъ и уравновѣшенный, примиряющій образъ мышленія, какъ бы предназначаютъ его къ роли посредника между властями и писательскимъ міромъ: черезъ него же, напримѣръ, тогдашній попечитель князь Г. А. Щербатовъ приглашаетъ къ себѣ литераторовъ на пріемные дни. Князь очень желаетъ познакомиться съ ними „чтобы имѣть постоянныя и прямыя личныя съ ними сношенія, между прочимъ для объясненій по литературнымъ и журнальнымъ дѣламъ“ [2]). Между тѣмъ Гончарову такая роль не по плечу: нѣтъ у него ни достаточно твердости, ни достаточно авторитета. Даже при самомъ горячемъ желаніи заступиться за того или иного автора, ему это не удается; его робкій и привыкшій къ дисциплинѣ характеръ не позволяетъ ему быть слишкомъ настойчивымъ въ своихъ просьбахъ. По натурѣ своей онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые пугаются всяческой иниціативы и избѣгаютъ отвѣтственности. Эта черта, замѣченная

---

[1]) См. „Русскій Вѣстникъ“, 1906, кн. 10, стр. 571—619, и „Русская Старина“, 1911, кн. 3, стр. 471—484.

[2]) Ср. дальше стр. 495.

уже нѣкоторыми изъ его современниковъ [1]), характеризуетъ всю его цензорскую дѣятельность. Она ярко проявляется почти въ каждомъ изъ нижеслѣдующихъ писемъ. „Потрудитесь сдѣлать это сами, пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, а на меня и начальство и авторъ могутъ быть въ претензіи [2])“... „Статья о Некрасовѣ вовсе не пойдетъ; получено объ этомъ *наконецъ* [3]) строгое предписаніе“ [4]), сообщаетъ онъ своему пріятелю съ едва скрытымъ удовольствіемъ. „Наконецъ“, т. е.: „Кончено недоумѣніе! Будемъ знать теперь, какъ поступать, и за насъ будетъ отвѣчать предписаніе“...

Приведены здѣсь эти девять писемъ или записокъ въ хронологическомъ порядкѣ.

24 мая [1856 г.].

Митавскій губернаторъ Валуевъ [5]) перевелъ (и отлично) изъ Revue des Deux Mondes [6]) статью Форкада о Франц[узскомъ] Банкѣ: я спрашивалъ вчера Дудышкина, когда Вы бываете въ городѣ, чтобы предложить Вамъ, если Вы не читали этой статьи по франц[узски], прочесть ее и напечатать въ Отеч[ественныхъ] Зап[искахъ]. Дудышкинъ, который знаетъ статью, и отлично отзывается о ней, сказалъ, что Вы будете здѣсь сегодня часу во 2-мъ, посовѣтовалъ послать статью пораньше, въ предположеніи, что Вы успѣете замѣнить его другую статью предназначенную въ „Науки“. При статьѣ приложена записка переводчика, съ условіями [7]), на которыхъ онъ желалъ бы помѣстить статью. Про условія я сказалъ уже тому, кто мнѣ далъ эту статью, что плата за переводы положена очень небольшая; второе условіе показалось мнѣ капризнымъ;

---

[1]) „Русская Старина“, 1911, кн. 3, стр. 472.

[2]) Ср. дальше, стр. 499.

[3]) Курсивъ нашъ.

[4]) Ср. дальше, стр. 499.

[5]) Гр. П. А. Валуевъ состоялъ курляндскимъ гражданскимъ губернаторомъ въ теченіе пяти лѣтъ (1853—1858). Объ его отношеніяхъ къ Гончарову, см. брошюру К. А. Военскаго „И. А. Гончаровъ въ неизданныхъ письмахъ къ графу П. А. Валуеву (1877—1882)“. Спб., 1906.

[6]) Статья Eugène Forcade была напечатана въ Revue des Deux Mondes, 15 марта 1856 г., стр. 296—347, подъ заглавіемъ: „Les institutions de crédit en France. La Banque de France“.

[7]) Въ приложенной къ письму Гончарова запискѣ переводчикъ Валуевъ предлагаетъ главному редактору „Отечественныхъ Записокъ“ слѣдующія условія: 1) редактору предоставляется carte blanche на гонораръ за переводъ; 2) переводчикъ желаетъ получить 30 оттисковъ; 3) статья должна быть помѣщена на видномъ мѣстѣ, по возможности первой.

а третье Вамъ очень легко выполнить [1]). Но вообще очень бы желательно было напечатать эту статью. Во второмъ часу я зайду къ Вамъ и объясню Вамъ все подробнѣе: если же Васъ сегодня не будетъ въ городѣ, то не потрудитесь-ли Вы дать мнѣ знать, когда Васъ можно видѣть.

Вашъ
Гончаровъ.

31 мая [1856 г.].

Посылаю обратно рукопись Валуева: К. В. [2]) ѣдетъ въ Митаву и покажетъ ему исключенныя мѣста; если тотъ согласится, тогда можно приступить къ печатанію, если же захочетъ удержать ихъ, тогда можно будетъ рукопись передать обратно г. Фрейгангу. Я, можетъ-быть, переѣду на дачу, отъ того боюсь держать тетрадь у себя: возить на дачу ее не зачѣмъ, а здѣсь, пожалуй, пропадетъ.

До свиданія
Вашъ
Гончаровъ.

К. В. третьяго дня уже писалъ къ Валуеву.

8 іюня [1856 г.].

Вчера кн. Щербатовъ получилъ отъ Валуева письмо, гдѣ тотъ жалуется на ценсуру. Дѣло рѣшится большинствомъ голосовъ, но князь желаетъ видѣть рукопись. Вѣроятно пропустятъ все. Потрудитесь, сдѣлайте одолженіе, отослать статью Валуева къ князю Щербатову, въ Моховой улицѣ, въ собственномъ домѣ, а не ко мнѣ, потому что я завтра переѣзжаю на Безбородкину дачу.

Я сказалъ князю, что рукопись будетъ доставлена къ нему не позже понедѣльника. Онъ самъ торопится, чтобъ она поспѣла въ въ нынѣшнюю книжку.

До свиданія—въ одно изъ воскресеній.

Вашъ
Гончаровъ.

---

[1]) Можно предположить, что по ошибкѣ въ перечисленіи предложенныхъ условій, Гончаровъ находитъ „капризнымъ“ не второе (т. е. желаніе получить 30 оттисковъ), а третье условіе (т. е. помѣщеніе статьи на первомъ мѣстѣ).

[2]) Такъ въ подлинникѣ. Такъ какъ ни у одного изъ коллегъ Гончарова по службѣ (въ С.-Петербургскомъ Цензурномъ Комитетѣ и въ Главномъ Управленіи Цензуры) не было имени и отчества съ иниціалами К. В., можно предположить, что, по всей вѣроятности, это сокращеніе обозначаетъ тогдашняго товарища Министра Народнаго Просвѣщенія к[нязя] В[яземскаго].

Воскресенье, 25 ноября [1856 г.].

Князь Щербатовъ [1]) *просилъ* [2]) меня *просить* [2]) Васъ пожаловать къ нему въ эту пятницу и жаловать въ прочія пятницы вечеромъ: онъ очень желаетъ познакомиться съ редакторами и литераторами [3]), чтобы имѣть постоянныя и прямыя личныя съ ними сношенія, между прочимъ для объясненій по литературнымъ [3]), и журнальнымъ дѣламъ. Онъ просилъ также извинить его *пожалуйста* [2]), что онъ заваленный по утрамъ докладами и просителями не имѣетъ возможности сдѣлать визитовъ, а проситъ обойти эту церемонію. У князя найдете и профессоровъ, и цензоровъ, и Дружинина... etc.

Хотя я надѣюсь видѣть Васъ въ понед[ѣльникъ] вечеромъ у Кушелева [4]), но счелъ нужнымъ заранѣе предувѣдомить Васъ о пятницѣ, на случай, если Вы можетъ быть вздумаете завезти какънибудь утромъ свою карточку къ князю, а не то такъ отправимтесь къ князю вмѣстѣ прямо вечеромъ, какъ заблагоразсудите.

Вѣроятно Васъ уже извѣстили, что Отеч[ественныя] Записки поступили на цензуру ко мнѣ и что съ декабря я буду упражняться въ весьма пристальномъ чтеніи ихъ.

До свиданія

Вашъ

Гончаровъ.

Мнѣ было дали Соврем[енникъ], (но я упросилъ И. И. Лажеч[никова] [5]) перемѣниться: такъ и утверждено [6]).

Гр. П. В. Валуевъ былъ женатъ на дочери кн. Петра Андреевича Вяземскаго, и тотъ нерѣдко гостилъ у Валуевыхъ (ср. „Дневникъ гр. П. А. Валуева“, въ „Русской Старинѣ“, 1891, кн. 6, стр. 611).

[1]) Князь Григорій Алексѣевичъ Щербатовъ, тогдашній попечитель петербургскаго университетскаго и учебнаго округа.

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ

[3]) Такъ въ подлинникѣ.

[4]) Графъ Григорій Алексѣевичъ Кушелевъ-Безбородко, основатель журнала „Русское Слово“ и авторъ разсказовъ и путевыхъ замѣтокъ.—У него часто собирались, вмѣстѣ съ великосвѣтскимъ обществомъ, многіе петербургскіе беллетристы, между прочимъ: Гончаровъ, Краевскій, Мей, Кроль, Горбуновъ и др.

[5]) Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ, цензоръ С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета.

[6]) Гончаровъ началъ цензурованіе „Отечественныхъ Записокъ“ съ тома CX-го, который появился въ январѣ 1857 г. Это обстоятельство позволяетъ отнести приведенное письмо Гончарова къ 1856 г., какъ и было выше указано въ скобкахъ.

Воскресенье, 18 ноября [1856 г.]

Я вчера вечеромъ видѣлъ Полонскаго и уже объяснился съ нимъ. Ни князь Щерб[атовъ], ни Лажечниковъ не замѣтили этого мѣста, единственнаго по моему мнѣнію, которое слѣдовало бы измѣнить, а они обратили вниманіе на Нептуна съ трезубцемъ и на его рѣчь къ Наядамъ, и князь рѣшилъ (отнюдь не я и не Лажечн[иковъ]), что надо подождать печатать это стихотвореніе, которое такъ поддается разнымъ произвольнымъ толкованіямъ. Полонскій уже хочетъ и самъ посылать его въ Москву [1]).

Корректуры Ваши прочту сегодня же вечеромъ и никогда не задерживаю [2]) долѣе того времени, какое понадобится для прочтенія. Какой чудакъ этотъ Ив[анъ] Ив[ановичъ] [3])! Не я ли въ четвергъ просилъ рѣшить одинъ разъ, но уже прочно, чего онъ хочетъ. Сначала онъ отказалъ вовсе читать, потомъ взялъ опять все и не хотѣлъ уступить ни одной статьи. А теперь опять новое. Ну, ничего: почитаю и я, найду время.

За пастора спасибо. Вчера Рюль [4]) принесъ мнѣ прелестнѣйшую коллекцію пейзажей, передъ которой блѣднѣетъ моя, всего штукъ пять одного тона и стоютъ [5]) они по 5, по 4 и по 6 руб., всего, кажется, на 20 съ чѣмъ-то рублей. Онъ въ четвергъ принесетъ ихъ къ Вамъ, или пришлетъ, если будетъ дежурить, охотникъ вѣрно найдется.

Еще я хотѣлъ назваться на полученіе Вашей газеты [6]), если не теперь, то хоть съ Новаго Года, вотъ почему: я не получаю никакихъ вѣдомостей и потому лишенъ возможности слѣдить за поли-

---

1) Здѣсь рѣчь идетъ несомнѣнно о стихотвореніи „Наяды (фантазія)“, которое находится въ т. 4, стр. 273—275 „Полнаго собранія стихотвореній Я. П. Полонскаго“, изд. Маркса, Спб.. 1896, съ заимствованнымъ у Вергилія эпиграфомъ: „Quos ego!..“ Оно заключается слѣдующими строками:

„...Блѣдныя нимфы морей,
Не титанъ я, безсмертнаго міра творецъ.
Обманули васъ пѣсни отчизны моей!
Испугалъ васъ ревнивый отецъ!“.

2) Такъ въ рукописи: „*прочту*... и никогда *не задерживаю*“...

3) Т. е. Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ.

4) Этотъ Рюль, по устному сообщенію А. Ѳ. Кони, славился въ петербургскомъ обществѣ своимъ веселымъ нравомъ, остроуміемъ и разными салонными талантами.

5) Такъ въ подлинникѣ.

6) Т. е. Санктъ-Петербургскія Вѣдомости, которыя А. А. Краевскій редактировалъ въ теченіе десяти лѣтъ (1852—1862).

тическими и другими новостями, а иногда придется конечно упоминать о многомъ въ Отеч[ественныхъ] Запискахъ, что уже напечатано, а мнѣ неизвѣстно, и что можетъ иногда показаться мнѣ новымъ.

Экземпляръ я могу по прочтеніи возвращать съ Вашимъ же разсыльнымъ назадъ: оставлять мнѣ его у себя не для чего.

До свиданія

Вашъ

Гончаровъ.

1-го декабря 1856 г. Суббота.

Рукопись Костомарова [1]) возвратится къ Вамъ еще черезъ нѣсколько дней: мнѣ она прислана, чтобы сообразить съ дѣломъ и рапортомъ А. И. Фрейганга [2]), а потомъ доставлена будетъ къ Вамъ изъ Комитета при отношеніи. Какъ только я освобожусь отъ Вашихъ корректуръ, такъ и посмотрю, что надо будетъ исключить или исправить изъ тѣхъ мѣстъ, на которыя Фрейг[ангъ] обратилъ вниманіе Комитета. Рукопись печатать дозволено, но не безусловно: на обязанность Комитета возложена вся цензурная обязанность.

Не напечатаете ли Вы прежде введеніе, чтобы потомъ въ слѣдующей книжкѣ три главы могли быть напечатаны рядомъ, и 2-ая глава пришлась бы въ серединѣ, а не на виду, чтобы на ней не сосредоточивалось вниманіе читателя, какъ желаетъ начальство [3]).

---

[1]) Рѣчь идетъ о рукописи Н. И. Костомарова „Вѣкъ царя Алексѣя Михайловича; Богданъ Хмѣльницкій и возвращеніе Южной Руси къ Россіи“, предполагавшейся къ помѣщенію въ журналѣ „Отечественныя Записки“.

[2]) Андрей Ивановичъ Фрейгангъ, членъ Санктъ-Петербургскаго Цензурнаго Комитета.

[3]) По разсмотрѣніи рукописи цензоръ А. И. Фрейгангъ, „принимая во вниманіе съ одной стороны важность и достоинство сочиненія г. Костомарова, а съ другой то обстоятельство, что оно заключаетъ въ себѣ довольно рѣзкія описанія нѣкоторыхъ событій и при томъ назначается къ помѣщенію въ періодическомъ изданіи, пришелъ къ заключенію, что Комитетъ долженъ представить дѣло въ Главное Управленіе Цензуры. Такъ и было сдѣлано. Главное Управленіе Цензуры опредѣлило, 22-го ноября 1856 г., „предоставить С.-Петербургскому Цензурному Комитету разрѣшить напечатаніе въ журналѣ „Отечественныя Записки“ сочиненія Н. И. Костомарова подъ заглавіемъ *„Вѣкъ царя Алексѣя Михайловича: Богданъ Хмѣльницкій и возвращеніе Южной Руси къ Россіи“*, съ тѣмъ, чтобы помѣщаемо было каждый разъ не менѣе трехъ главъ его сочиненія въ книжкахъ журнала, и чтобы Комитетъ, при такомъ выборѣ главъ, обращалъ особенное вниманіе на то, чтобы въ нихъ не было какого-либо неблагонамѣреннаго направленія или сочетанія такихъ событій и описаній, которыя могли бы произвести вредное на читателей впечатлѣніе“ (Архивъ Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія по Главному Управленію Цензуры (дѣло 151, 313, № 227, 1856 г.).

Статья Дудышкина [1]) должна подвергнуться такимъ измѣненіямъ, что онъ на это никакъ не согласится: онъ конечно предпочтетъ подождать, а не исключить изъ нея сущность [2]).

До свиданія—вѣроятно уже въ Комитетѣ.

Я переговорю о статьѣ съ Дудышк[инымъ] при свиданіи.

[безъ подписи].

2-го дек[абря 1856 г.].

Въ *Соврем[енной] Хроникѣ* Отеч[ественныхъ] Зап[исокъ] составлена изъ Полн[аго] Собр[анія] Законовъ статья о порядкѣ освобожденія крестьянъ Остзейской губ[ерніи] отъ помѣщичьей власти: такъ какъ это щекотливый предметъ, то я покажу завтра пораньше утромъ князю Щербатову и полагаю, что затрудненій не встрѣтитъ. Если можно, то зайду къ нему даже сегодня. Не сѣтуйте за небольшое промедленіе, но у насъ на этотъ счетъ, особенно теперь, есть особыя приказанія.

До свиданія

Вашъ

Гончаровъ.

Я задержалъ только двѣ формы: прочее все сбылъ.

3-го дек[абря 1856 г.].

Выписку изъ Собран[ія] Закон[овъ] о Эстл[яндскихъ] Курл[яндскихъ] и Лиф[ляндскихъ] крестьянахъ велѣно исключить [3]).

---

[1]) Относительно дружескихъ отношеній Гончарова съ С. С. Дудышкинымъ, ср. статью А. В. Старчевскаго въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, 1886, кн. 3, стр. 360—386; „Одинъ изъ забытыхъ журналистовъ“.

[2]) Гончаровъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду статью С. С. Дудышкина о разсказахъ и повѣстяхъ Тургенева, которая была напечатана въ февральской и мартовской книжкахъ „Отечественныхъ Записокъ“, т. CX, отд. II, стр. 1—28, и т. CXI, отд. II, стр. 49—72.

[3]) Рѣчь идетъ вѣроятно о рукописи подъ заглавіемъ „Положеніе о крестьянахъ Эстляндской губерніи“, о которой, вслѣдствіе новаго ходатайства автора, предсѣдатель С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета князь Щербатовъ писалъ Министру Народнаго Просвѣщенія, 26-го февраля 1857 г., слѣдующее: „Цензоръ Гончаровъ, разсмотрѣвъ эту рукопись, донесъ, что, такъ какъ предметомъ ея послужилъ разборъ обнародованнаго и дѣйствующаго „Положенія о крестьянахъ Эстляндской губерніи“ и разсмотрѣніе вліянія изложенныхъ въ немъ законовъ на развитіе земледѣлія, при чемъ авторъ касается неоднократно отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ и во всей имперіи, то онъ полагалъ бы препроводить эту статью по важности ея содержанія на предварительное разсмотрѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, тѣмъ болѣе, что авторъ о нѣкоторыхъ изъ статей означеннаго положенія отзывается неодобрительно“. Министръ Народнаго Просвѣщенія сообщилъ предсѣдателю С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета, 14 марта 1857 г., что „въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ сдѣланы въ

Статья о Некрасовѣ вовсе не пойдетъ: получено объ этомъ наконецъ строгое предписаніе [1]).

Теперь сижу за Костомаровымъ и завтра думаю отправить его въ Комитетъ [2]).

До свиданія.

Вашъ

Гончаровъ.

21-го дек[абря 1856 г.].

Я полагаю, что, согласно предписанію, всего лучше помѣстить *введеніе и двѣ первыя главы* за разъ, чтобы это составило *три главы*. Но надо только наблюсти, чтобы 2-ая глава не была закончена чѣмъ-нибудь рѣзкимъ. Я раздѣлять на главы не буду и не могу, потому что не помню, сколько всего главъ: потрудитесь сдѣлать это сами, а на меня и начальство, и авторы могутъ быть въ претензіи.

Постараюсь послѣзавтра возвратить все это, т. е. въ воскресенье; если же не успѣю, то въ понедѣльникъ около обѣда.

До свиданія.

Вашъ

Гончаровъ.

А. А. Мазонъ.

рукописи нѣкоторыя исправленія необходимыя для соглашенія съ сущностью дѣла отзывовъ автора, относительно значенія нѣкоторыхъ статей эстляндскаго положенія и что затѣмъ ничего противнаго видамъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ не находится въ сей рукописи (Архивъ Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія по Главному Управленію Цензуры, № 151.428, № 61, начатое 27-го февраля 1857 г.).

[1]) Первый сборникъ стихотвореній Некрасова былъ напечатанъ въ Москвѣ въ 1856 г., съ дозволенія цензора С.-Петербургскаго Комитета Бекетова. Рѣшеніе цензора Бекетова было признано Министромъ Народнаго Просвѣщенія А. Норовымъ до того несвоевременнымъ, что попечителю московскаго учебнаго округа было предписано, 26-го ноября 1856 г., принять мѣры, „чтобы въ московскихъ періодическихъ изданіяхъ не было печатаемо ни статей, касающихся этой книги, ни, въ особенности, выписокъ изъ оной“ (Архивъ Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія по Главному Управленію Цензуры дѣло 151.334, № 248, 1856 г.). Гончаровъ находится, повидимому, подъ впечатлѣніемъ этого предписанія, хотя оно и не относится къ С.-Петербургскому Цензурному Комитету.

[2]) Трудъ Н. И. Костомарова подъ заглавіемъ „Богданъ Хмѣльницкій и возвращеніе Южной Руси къ Россіи“ былъ напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ слѣдующимъ образомъ: введеніе и гл. I—II первой части въ т. CX, отд. I, стр. 200—290;—гл. III—VI въ т. CX, отд. I, стр. 515—575;—гл. VII—IX въ т. CXI, отд. I, стр. 207—264. гл. I—III второй части въ т. CXI, отд. I, стр. 529—574; гл. IV—IX въ т. CXII, отд. I, стр. 323—424; гл. X—XII въ т. CXIII, стр. 1—50; и, наконецъ, гл. XIII—XIV въ т. CXIII, стр. 315—358.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XIII[1]).

Однако, дѣло уладилось проще, чѣмъ надо было ожидать: когда я проснулась, то узнала, что въ домѣ шла хлопотливая суматоха вслѣдствіе полученнаго изъ Константинополя телеграфнаго увѣдомленія о прибытіи въ хіосскія воды къ вечеру того же дня яхты съ туристами, изъ которыхъ нѣсколько лицъ предполагали остаться у насъ до слѣдующаго обратнаго рейса. Въ числѣ таковыхъ находились совѣтникъ нашего посольства Ону и старшій драгоманъ Макѣевъ.

Однимъ словомъ, благодаря наплыву гостей, все какъ-то устроилось такъ, что обо мнѣ точно забыли и ни о чемъ не спрашивали. Али также молчалъ.

Вначалѣ эта неопредѣленность чрезвычайно угнетала меня; но затѣмъ подъ вліяніемъ тайной переписки съ Тафти, мое настроеніе измѣнилось, и я пассивно отдалась на волю своей причудливой судьбы.

Наступала четвертая недѣля Великаго поста, и я начала говѣть.

О нравахъ и порядкахъ въ греческой церкви на турецкомъ Востокѣ уже достаточно разсказано мною, а теперь еще одна подробность въ томъ же стилѣ.

Глава епархіи, митрополитъ Адріанъ Дракополи былъ всегда убѣжденнымъ политическимъ недругомъ моего дяди, и отношенія эти создавали нерѣдко весьма нежелательныя послѣдствія для

---

[1]) См. „Русская Старина“ ноябрь 1911 г.

обоихъ защитниковъ православія въ странѣ, гдѣ шла кровавая борьба за „преимущественное вліяніе“ надъ полумѣсяцемъ Ислама.

Вотъ, напримѣръ, картинка мѣстнаго характера, которая не требуетъ комментарій и наглядно изображаетъ нѣкоторыя черты изъ жизни греческаго духовенства на фонѣ, такъ называемой, „политики охраненія православія отъ схизмы“.

Мнѣ случалось иногда сопровождать мою тетушку въ церковь итальянской колоніи. Ходила я туда съ большимъ удовольствіемъ, чтобы послушать игру на органѣ артиста-патера и пѣніе великолѣпнаго хора, да наконецъ еще, какъ говорится на обыденномъ языкѣ, просто такъ—отъ нечего дѣлать для разнообразія впечатлѣній.

Это незначительное повидимому обстоятельство не укрылось отъ зоркаго ока нашего духовнаго пастыря.

Но владыко не ограничился въ данномъ случаѣ одними только наблюденіями платоническаго свойства, а пошелъ дальше и вызвалъ дипломатическую переписку черезъ Константинопольскій патріархатъ.

Въ изложеніи факта совращенія невинной овечки, причисленной къ его стаду, авторъ не пожалѣлъ красокъ и фантазіи, лишь бы насколько возможно рельефнѣе отмѣтить тотъ гибельный путь, которымъ вели ее къ подножію латинскаго престола. И чего же не было тамъ по нашей россійской прибауткѣ „для краснаго словца!“ Прежде всего, конечно, интриги моей тетушки при благосклонномъ участіи ея супруга, консула православной державы; далѣе: воротнички и манжеты епископа итальянской миссіи, сеньора Моренго; туфля Папы Римскаго; прелаты, строившіе якобы глазки дамамъ въ моменты богослуженія; статуэтки католическихъ святыхъ, заполнявшихъ будто бы всѣ углы въ моей комнатѣ—послѣднее отчасти соотвѣтствовало истинѣ: у меня на этажеркѣ дѣйствительно красовались два скульптурныхъ образца изъ бѣлаго мрамора: Ганимедъ похищенный орломъ и Діана—охотница, а на каминной доскѣ Амуръ и Психея.

Генералъ Игнатьевъ приказалъ дать этой литературѣ законный ходъ, и дѣло разгорѣлось.

Весь городъ было охваченъ волненіемъ, точно въ дни величайшихъ государственныхъ потрясеній: создавались легенды и басни; разсказывали невѣроятныя вещи о нашемъ представительствѣ на берегахъ Босфора; сплетни и толки вкривь и вкось катились волнами по улицамъ, проникая даже за рѣшетки гаремовъ—турчанки, напримѣръ, пресерьезно спрашивали меня, когда же, наконецъ, русская дипломатія заберетъ въ плѣнъ греческаго митрополита и посадитъ

его на колъ? Однимъ словомъ, произошло что-то нелѣпое, дикое и вмѣстѣ съ тѣмъ очень смѣшное.

Когда же строго оффиціальнымъ дознаніемъ былъ установленъ безспорный фактъ плохо замаскированной интриги и клеветы, то святой отецъ запылалъ такимъ гнѣвомъ, что иному робкому человѣку небо показалось бы съ овчинку; но такъ или иначе, а игра не удалась.

Зато не таковъ былъ и Адріанъ Драконоли, чтобы капитулировать: неудача окрыляла его энергію, и тѣмъ упорнѣе онъ велъ свою агрессивную, задорную политику.

Моему дядѣ по званію консула волей-неволей приходилось имѣть дѣловыя сношенія съ греческимъ духовенствомъ вообще, а съ главой хіосской епархіи почти ежедневно. И вотъ однажды между ними произошелъ слѣдующій діалогъ, который я передаю для болѣе яснаго представленія о томъ, что будетъ ниже.

— Россійская церковь слишкомъ много усвоила латинской обрядности,—авторитетно говорилъ митрополитъ, не слушая возраженій:—у васъ и порядокъ исповѣди позаимствованъ отъ католиковъ: ну, пристойно ли священникамъ въ храмѣ Божьемъ шептаться по угламъ съ женщинами, да еще прикрываясь епитрахилью!? Прямо ересь какая-то! Къ глубочайшему сожалѣнію — продолжалъ онъ:—ваша племянница очень слаба въ греческомъ языкѣ, а въ моихъ причтахъ никто рѣшительно не знаетъ другихъ нарѣчій, кромѣ своего родного „галика“. Отсюда вытекаетъ довольно сложная для рѣшенія задача: какъ прикажете исповѣдывать ее при наличіи такихъ неблагопріятныхъ условій?

— Но, ваше преосвященство — возразилъ дядя: — все же онъ настолько владѣетъ языкомъ, чтобы отвѣчать на немудреные вопросы—какіе тамъ грѣхи у молодой дѣвушки?

— Ахъ, извините!—съ горячностью перебилъ владыко:—она все-таки не ребенокъ и требуетъ чрезвычайно внимательнаго отношенія къ своему духовному міру! Въ данномъ случаѣ на мою совѣсть ложится прямая обазанность самолично и непосредственно заняться ея вольными и невольными прегрѣшеніями—кстати, я говорю немного по-французски, что хорошо извѣстно вамъ и, такимъ образомъ, намъ будетъ не трудно бесѣдовать.

Цѣль оказалась слишкомъ прозрачной, и бѣлыя нитки по черному бросались въ глаза; но спорить не приходилось вслѣдствіе того, что по существу дѣла глава епархіи стоялъ на точкѣ якобы законнаго требованія.

Однако дядя все-таки набрался храбрости и не совсѣмъ увѣренно возразилъ:

— Прекрасно! тѣмъ лучше для моей племянницы. Только мнѣ какъ-будто помнится, что согласно каноническому уставу не полагается лицамъ высшаго духовнаго сана совершать церковныя требы для прихожанъ?

Это подѣйствовало на благочестиваго отца Адріана, какъ шпоры въ бока ретивому коню. Сначала онъ наговорилъ столько дерзостей, что у насъ за это потянули бы къ мировому и въ заключеніе добавилъ:

— Критика моихъ дѣяній и распоряженій подлежитъ компетенціи Вселенскаго патріарха, а не чиновниковъ дипломатіи...

Но вернемся къ темѣ.

Въ субботу вечеромъ я отправилась въ каѳедральный соборъ къ исповѣди. Да не нарисуетъ передъ собою фантазія читателя ту полумистическую обстановку, которая царитъ въ нашемъ храмѣ наканунѣ дня принятія св. Тайнъ: благоговѣйно склоненныя головы надъ крестомъ и Евангеліемъ, неуловимая для посторонняго уха бесѣда истомленной души съ тѣмъ, кто имѣетъ власть „прощать и разрѣшать“; тишина; религіозное настроеніе, мерцаніе лампадокъ и свѣчъ—о, нѣтъ! ничего подобнаго не увидѣлъ бы онъ (т. е. читатель) въ домѣ молитвы нашихъ просвѣтителей отъ тьмы языческой. И какъ же любятъ они подчеркивать при малѣйшихъ разногласіяхъ свои великія заслуги и свою цивилизаторскую роль въ нашей исторіи!

Шла вечерняя служба. Я сидѣла въ гинекеѣ[1]), наблюдая сверху толпу, которая имѣла такой видъ, словно она пришла не въ храмъ, а на биржу или аукціонъ; невѣроятный хаосъ звуковъ, отражаясь эхомъ подъ сводами купола, заглушалъ возгласы и пѣніе клира—впрочемъ, все это казалось окружавшимъ въ порядкѣ вещей и никого не поражало.

Богослуженіе закончилось чтеніемъ правилъ, которыхъ никто не слушалъ.

— Пора и намъ къ исповѣди!—говорили на хорахъ гречанки и уходили внизъ. Я также послѣдовала за ними.

Еще дома мнѣ предварительно было сказано, чтобы послѣ всенощной находиться въ консульской ложѣ и тамъ ожидать распоряженій его преосвященства; но протискаться впередъ сквозь непроницаемую стѣну людской массы не имѣлось шансовъ, а потому невольно пришлось задержаться далеко отъ назначеннаго мѣста свиданія.

И вотъ картина на фонѣ священнодѣйствія: она все разскажетъ сама за себя.

---

[1]) Боковые хоры для женщинъ въ греческихъ церквахъ на Востокѣ.

Набожное нетерпѣніе захватываетъ толпу: каждый хочетъ непремѣнно раньше другихъ свалить бремя грѣховъ исповѣднику и уйти домой; но такъ какъ спросъ превышаетъ наличность, то, конечно, по естественному ходу вещей, разгорается борьба, и въ результатѣ—нѣсколько добавочныхъ украшеній на физіономіяхъ.

Такова бытовая сценка! Впрочемъ, все это находитъ себѣ объясненіе въ темпераметтѣ грека, почему и разсматривается тамъ, на Востокѣ, какъ обыкновенное, заурядное явленіе. Но продолжаю рисовать картинку.

Дѣйствительно, митрополитъ былъ правъ, когда утверждалъ, что его священники не шепчутся по угламъ съ кающимися, и я вижу ихъ собственными глазами въ толпѣ прихожанъ, грязными, растрепанными, безъ всякихъ признаковъ должнаго облаченія и совершающими святое дѣло таинства по чрезвычайно упрощенному способу:

— Ну, что еще—говори!—раздается окрикъ:—Григорій, Христофоръ, Александръ и всѣ вы, нечестивые, подходите сразу—чего тамъ разводить исторіи: нагрѣшили?

— Да! да!—отвѣчаютъ.

— Ладно, ладно! можете убираться!.. властью мнѣ данной...—бормочетъ исповѣдникъ, энергичнымъ взмахомъ здоровенныхъ кулаковъ расчищая себѣ путь и пробиваясь дальше, но штурмъ возгорается съ новой силой, и онъ опять въ засадѣ:

— Батюшка!—кричатъ десятка два—три удалыхъ поликаровъ, окружая его со всѣхъ сторонъ:—и насъ отпусти—грѣхи тѣ же, что и въ прошломъ году...

— Хорошо! хорошо! властью мнѣ данной. . . . . .

Что же касается дамъ, то здѣсь по преимуществу наблюдается тяготѣніе къ tête-à-tête'амъ.

Вотъ почти рядомъ со мной остановилась парочка: іерей, довольно все-таки приличнаго вида, и молодая, красивая гречанка, жена милліонера-плантора, Зигомоля.

Сначала оба говорятъ о житейскихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ: о коммерческихъ успѣхахъ въ экспортѣ оливкаго масла, о фрахтахъ на Марсель, Одессу и пр., а затѣмъ уже начинается исповѣдь наболѣвшаго сердца, жаждавшаго духовнаго исцѣленія, и я съ большимъ удовольствіемъ слушаю занимательную бесѣду.

— Ахъ, батюшка,—лепечетъ дамочка сокрушаясь и преклоняетъ головку въ знакъ глубочайшаго раскаянія:—вы даже и представить не можете, какъ она морочитъ своего мужа—прямо, ни стыда, ни совѣсти...

— Такъ, такъ!—загораясь любопытствомъ, повторяетъ духовникъ и спрашиваетъ:—говорятъ, что кирія Параскева бьетъ свою невѣстку?

— О, да! конечно, да! но бьетъ за дѣло—кто же этого не знаетъ: замужняя женщина, а строитъ глазки Григорію Афенисъ,—и скорбная нотка дрожитъ въ голосѣ кающейся.

— Такъ, такъ!—продолжаетъ собесѣдникъ:—но ваша задушевная подруга, кирія Харита, ведетъ себя, кажется, очень благопристойно.

— Что вы, что вы, отецъ Михаилъ—Богъ съ вами! а похожденія ея въ Смирнѣ и Александріи? мнѣ-то все рѣшительно извѣстно...

Здѣсь покаянное настроеніе окончательно захватило щепетильную совѣсть добродѣтельной гречанки, и она вполнѣ чистосердечно разсказала о грѣховныхъ заблужденіяхъ своихъ друзей, знакомыхъ и родныхъ. Это было нѣчто хоть на страницы юмористическаго листка!

Вдругъ произошло общее смятеніе, точно непріятель и въ самомъ дѣлѣ наступалъ съ оружіемъ въ рукахъ: „Despotis! despotis!“—рѣзало воздухъ и все какъ-то перемѣшалось. Что же случилось?

Да ничего особеннаго, кромѣ того, что преосвященный Адріанъ изволилъ шествовать ко входу въ ризницу, чтобы тамъ переодѣться, при чемъ удары пастырскаго жезла такъ и сыпались, какъ изъ рога изобилія, на головы тѣмъ, кто встрѣчался по пути.

— Чего мечетесь, бараны, прочь съ дороги!—раздаются окрики:—а! пришли—въ добрый часъ!—это уже по моему адресу.

Вскорѣ митрополитъ вернулся, сопровождаемый тѣмъ же гвалтомъ и восклицаніями: „Despotis! despotis!“ Наконецъ, онъ усѣлся подъ балдахинъ своей ложи, движеніемъ руки приглашая меня подойти къ нему.

— Итакъ, мое возлюбленное чадо, вы желаете открыть мнѣ двери въ глубину вашей души—прекрасно!—съ такимъ предисловіемъ на очень плохомъ французскомъ языкѣ, комично не выговаривая букву „ж“ и сюсюкая, повелъ свою рѣчь мой духовникъ:—въ угоду вашему дядюшкѣ, господину консулу, я охотно берусь совершить таинство по ритуалу, допущенному въ русской церкви; но, конечно, въ предѣлахъ закона нашей общей религіи—наклонитесь! Съ этими словами онъ приподнялъ край епитрахили и взглянулъ на меня, не скрывая надменной усмѣшки.

— Ахъ, нѣтъ, ваше преосвященство,—отступая назадъ, проговорила я:—это уже когда священникъ читаетъ разрѣшительную молитву:—у насъ исповѣдываютъ передъ аналоемъ, на которомъ лежатъ крестъ и евангеліе...

— Какъ? какъ? повторите!—разливаясь хохотомъ, спрашивалъ владыко, и ему вторила публика, съ величайшимъ интересомъ на-

блюдавшая за ходомъ дѣйствія, какъ бы перенесеннаго изъ театральной залы въ домъ молитвы:—передъ аналоемъ! ужъ не думаете ли вы, милая барышня, что мы собираемся вѣнчаться съ вами?! Тогда, извините: я не женихъ!..

Что послѣдовало затѣмъ—я не стану разсказывать: достаточно упомянуть, что даже митрополитъ смутился:

— Черти окаянные! дурачье!—взбѣсились, что-ли? завтра же римскіе патеры чего только не наговорятъ!.. Опомнитесь, бараны безтолковые!..

Послѣднимъ доводомъ удалось возстановить сравнительную тишину, и бурный приливъ веселія пошелъ на убыль.

— Не подобаетъ мнѣ, какъ лицу, облеченному властью, отпускать грѣхи, становиться во фронтъ передъ кающимися: извольте тотчасъ же преклонить колѣно—пусть будетъ такъ!—сурово и въ тонѣ, не допускающемъ возраженія, обратился ко мнѣ преосвященный владыко.

Ошеломленная, ничего не соображая, безъ участія ума и воли, подобно автомату опустилась я къ его ногамъ.

— Ближе! ближе! ну, что еще за церемоніи!—раздражаясь, говорилъ онъ, быстрымъ движеніемъ запахивая надо мной епитрахиль и наклоняя мою голову къ себѣ на колѣни.

— О, Господи, какой сумбуръ!—думалось мнѣ:—зачѣмъ все это? зачѣмъ? а моя восхитительная шляпа—прощай надежда удивить Элиме и ея подругъ!..

Да, пожалуй и было надъ чѣмъ задуматься: грубыя, потныя ладони безъ всякой жалости комкали и мяли прелестную гирлянду сирени, chet d'oeuvre изъ Парижа!.. Но слѣдуетъ добавить сюда, что не здѣсь еще заключался источникъ глубокой тревоги, наполнявшей меня: нѣтъ, онъ лежалъ глубже, скрываясь въ тайникахъ моего сердца отъ проницательнаго ока исповѣдника.

Однако, я заблуждалась: Адріану Дракополи и на умъ не приходило углубляться въ дебри человѣческой души—его поглощала другая мысль:

— Устами моими говоритъ Всевышній,—въ такомъ стилѣ началъ онъ и вдохновенно продолжалъ:—покайтесь во грѣхахъ и уходите отсюда чистой, непорочной, какъ лилія, свѣтлой, какъ серафимъ у престола Благодати! Врагъ нашей церкви не спитъ и куетъ цѣпи ада—уйди отъ него подальше, исполни долгъ набожности и не утаи ничего, дочь моя...

Какъ раненая ударомъ ножа рванулась я отъ него — хотѣла что-то сказать, объяснить; но слова не шли съ языка...

— Что съ вами?—снова закрывая мнѣ лицо епитрахилью, спро-

силъ владыко:—не волнуйтесь, успокойтесь и разскажите мнѣ съ полнѣйшей откровенностью рѣшительно все, что вамъ извѣстно о перепискѣ вашего дядюшки съ генераломъ Игнатьевымъ? Не можетъ того быть, чтобы вы этого не знали?

А, вотъ оно что! Ну, слава Богу!—подумала я, вздрагивая отъ радости, хотя въ слѣдующій моментъ меня заставили опять вернуться къ альтернативѣ:

— Итакъ, дочь моя, что знаете вы о письмѣ изъ Константинополя?

— Нѣтъ, нѣтъ! здѣсь не святое дѣло,—шепнулъ мнѣ тайный голосъ:—здѣсь интрига и политиканство—не надо, не надо!

— Ваше преосвященство,—таковъ былъ мой отвѣтъ:—я не имѣю ни малѣйшаго понятія о дѣлахъ консульства, не интересуюсь этимъ и даже не могу сообразить, о чемъ вы спрашиваете?

Эффектъ получился самый неожиданный: митрополитъ рѣзкимъ движеніемъ отбросилъ меня въ сторону и вскочилъ на ноги. Гнѣвная вспышка не ускользнула отъ вниманія публики, и стѣны храма огласились шумными восклицаніями—это уже, какъ извѣстно, въ обычаяхъ и нравахъ греческаго темперамента, и безъ скандала у нихъ нигдѣ не обходится.

Но глава хіосской епархіи при всѣхъ своихъ положительныхъ и отрицательныхъ качествахъ былъ еще къ тому же весьма тонкій дипломатъ: замѣтилъ ли онъ мой жалкій, растерянный видъ и съ присущей ему быстротой соображенія учелъ могущія возникнуть отсюда послѣдствія, или же—чего только не бываетъ на свѣтѣ?—призракъ генерала Игнатьева мелькнулъ передъ нимъ—неизвѣстно; но такъ или иначе, а туча, висѣвшая надо мной, прошла мимо и разрядилась дальше.

— Молчать, скоты, болваны! Молчать!—ревѣлъ пастырь на овецъ своихъ и показалъ буйному стаду громаднѣйшіе кулаки.

Таковымъ воздѣйствіемъ удалось очистить атмосферу отъ скопленія электричества, и налетавшій ураганъ повернулъ въ сторону.

— И намъ съ вами пора на покой—завтра рано вставать,—протянулъ отецъ Адріанъ съ гримасой, зѣвая во весь ротъ; но въ голосѣ его слишкомъ рѣзко звучала нотка разочарованія и горькой обиды:—а какъ читаете вы символъ вѣры—позвольте хоть объ этомъ узнать? на латинскомъ или французскомъ языкѣ?

— По-русски и только по-русски, владыко!—отвѣтила я.

— Ну, и слава Богу! очень радъ, очень радъ!—похвалилъ онъ, притискивая опять мой несчастный носъ къ своимъ колѣнямъ, чтобы заставить меня снова дышать ароматомъ его рясы, пропи-

танной деревяннымъ масломъ и чѣмъ-то еще ужасно отвратительнымъ:—однако, вы не станете отрицать, что когда бываете съ вашей тетушкой въ католической церкви, то читаете по книжкѣ ихъ мессу?—и не давая мнѣ времени хоть что-нибудь сказать, митрополитъ усѣлся на своего любимаго конька, пришпорилъ его и галопомъ поскакалъ въ Римъ. А я, не возражая, думала только о томъ, какъ бы ему не пришла охота завернуть кстати и въ область Ислама, откуда уже не далеко было до самыхъ интимнѣйшихъ уголковъ моего сердца. Но, нѣтъ! „туфля“ Папы оказалась сильнѣй „полумѣсяца“,

Стали гасить огни, прихожане уходили, клирошане дремали, а могучій басъ его преосвященства все еще гремѣлъ подъ сводами опустѣвшаго храма, обличая нашу матушку—Россію въ неблагодарности, измѣнѣ древнимъ преданіямъ Византіи и въ симпатіяхъ къ Риму.

Что же касалось лично меня и моихъ грѣховныхъ заблужденій, то объ этомъ даже и рѣчи не было между нами...

Наконецъ-то къ моему душевному облегченію краснорѣчивому проповѣднику дѣйствительно захотѣлось спать: онъ сладко зѣвнулъ и, мѣняя тонъ изъ мажорнаго въ минорный, устало проговорилъ:

— Держитесь твердо православной вѣры, не соблазняйтесь блескомъ латинства, гоните прочь отъ себя патеровъ, враговъ нашей религіи, и Господь украситъ васъ добродѣтелями христіанки!

Исполнивъ, такимъ образомъ, долгъ благочестія и высокаго подвига, отецъ Адріанъ, приподнявъ руку надъ моей всклокоченной головой, произнесъ священную формулу о прощеніи и отпущеніи грѣховъ.

— Итакъ, повторите же мнѣ, что вы не забудете моихъ совѣтовъ?

Я съ великимъ удовольствіемъ обѣщала ему исполнить все, что онъ требовалъ отъ меня, лишь бы уйти отъ него подальше.

Въ притворѣ ожидалъ меня кавасъ, чтобы проводить домой.

— Ну, о чемъ разговаривалъ съ тобой греческій Имамъ!—спросилъ Али, когда мы вышли на улицу:—а про своего бея сказала ему?

— О, нѣтъ! къ чему? вообрази, какое счастіе, онъ ровно ничего не знаетъ, и все толковалъ о католическихъ священникахъ!..—Али, дорогой мой,—продолжала я, заглядывая ему въ лицо:—завтра рано утромъ отнеси письмо...

— Нѣтъ! моя кокоиица, нѣтъ! лучше и не проси!—убѣжденно произнесъ онъ:—благодари, что еще молчу, и то прямо изъ жалости къ высокородному бею, но обманывать своихъ господъ, хлѣбъ которыхъ я ѣмъ—не стану: Аллахъ не велитъ!..

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ жизни Н. И. Костомарова въ Саратовѣ.

(Новыя данныя къ его характеристикѣ).

Изъ жизни и дѣятельности Николая Ивановича Костомарова писалось у насъ довольно много; однако фигура этого маститаго историка до сей поры далеко еще не очерчена въ полной мѣрѣ, чтобы судить о немъ какъ о писателѣ и какъ о человѣкѣ. Даже написанная съ его словъ Н. А. Бѣлоозерской „*Автобіографія*“ не даетъ необходимыхъ для того указаній. Въ послѣдней, кромѣ того, встрѣчается не мало промаховъ и ошибокъ, хотя В. И. Семевскій (помѣстившій „Автобіографію“ въ „Русской Мысли“ за 1885 г., кн. V и VI) и увѣряетъ, что г-жа Бѣлоозерская „передала съ полнѣйшей точностью все то, что ей было продиктовано Н. И-чемъ.“ Но трудно этому повѣрить, если сличить данныя сей послѣдней съ изданнымъ вдовой историка въ 1890 году „*Литературнымъ наслѣдіемъ*“, гдѣ первое произведеніе подвергнуто значительной передѣлкѣ, что, конечно, не могло бы имѣть мѣста, если бы факты были сообщены самимъ писателемъ [1]). Особенно невѣрными свѣдѣніями страдаетъ „Автобіографія“ изъ періода Саратовской ссылки Костомарова. Почему рѣшаемся пополнить этотъ пробѣлъ, на основаніи свидѣтельствъ современниковъ и архивныхъ документовъ.

Прибылъ Н. И. въ житницу Поволжья, подъ конвоемъ поручика

---

[1]) Однако нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ считаютъ автобіографію эту документомъ неопровержимымъ. Такого убѣжденія держится профессоръ Юрьевскаго университета Евгеній Бобровъ въ своей статьѣ „Матеріалы для біографіи Е. А. Бѣлова“ (помѣщ. въ „Сборникѣ учено-литерат. об-ва при Юрьевск. университетѣ“, т. XII, стр. 34—72.

С.-Петербургскаго жандармскаго дивизіона Алпина 24 іюня 1848 г. [1]), въ самый разгаръ холерной эпидеміи, когда по словамъ А. Ф. Леопольдова, „жители мерли, какъ мухи“. Смертность росла быстро. Съ двадцати въ началѣ къ концу іюня дошла она до 600 человѣкъ въ день. Собравшійся въ дворянское собраніе холерный комитетъ опустилъ руки. Пріѣхалъ начальникъ губерніи и говоритъ: „что будемъ дѣлать?“ Страхъ сковалъ умы. Лавки, училища, присутственные дома были закрыты, на улицахъ ни души. Умершихъ отпѣвали вечеромъ, а по ночамъ увозили на кладбище безъ родныхъ и близкихъ. Надъ Саратовомъ стояло какъ бы облако зеленой гари, непрочищаемой вѣтромъ; жара доходила до 40 градусовъ, и чернь въ городѣ была объята такимъ разслабленіемъ организма, что не хотѣла помышлять о какомъ-либо трудѣ—все ей было не мило“ [2]).

Конечно, въ такую пору, несмотря на требованія шефа жандармовъ графа Орлова [3]) „быть къ нему милостиву“, ибо „человѣкъ съ достоинствами, но заблуждался и искренно раскаивается“—у саратовскихъ властей не было ни времени, ни охоты заниматься съ присланнымъ по высочайшему повелѣнію политическимъ ссыльнымъ, хотя бы и профессорскаго званія. Лишь когда жизнь города вошла въ обычную колею, губернаторъ Кожевниковъ обратился къ попечителю Кіевскаго учебнаго округа съ просьбой о высылкѣ формуляра Костомарова для опредѣленія его на службу, согласно высочайшаго соизволенія, „не по ученой части“. А пока ходила о томъ переписка, Матвѣй Львовичъ далъ ему какую-то должность въ своей канцеляріи „по вольному найму“ [4]).

Отвѣтъ отъ попечителя (отъ 25 ноября за № 6418) былъ полученъ въ Саратовѣ въ началѣ декабря. Тогда Н. И—ча уже оффиціально назначили помощникомъ старшаго секретаря губернскаго правленія (въ каковой должности онъ былъ утвержденъ приказомъ

---

[1]) Между тѣмъ въ „Автобіографіи“ (стр. 20) пріѣздъ Костомарова въ Саратовъ обозначенъ 24 мая въ сопровожденіи жандармскаго офицера фонъ-Альпена. (См. ниже).

[2]) „Истор. очеркъ Саратова и Пугачевщины“, 1873 г., стр. 62.

[3]) Изъ хранящагося въ архивѣ Саратов. учен. архивной комиссіи письма его саратов. губернатору М. Л. Кожевникову отъ 11 іюня 1848 г. изъ Стрѣльны, при которомъ былъ присланъ въ Саратовъ Костомаровъ.

[4]) О томъ, какую Н. И. занималъ тамъ должность, въ дѣлахъ архивныхъ и его формулярѣ не сохранилось указаній, вслѣдствіе, очевидно, того, что онъ „исполнялъ ее частно“. По словамъ учителя Безручкова, ему дали мѣсто завѣдующаго казначейской частью, но оказался къ этой работѣ неподготовленнымъ.

по гражданскому вѣдомству 13 января 1849 года). А мѣсяцъ спустя (14 февраля) ему дали еще мѣсто переводчика при томъ же правленіи. И обѣ должности эти онъ удержалъ за собой до конца своей службы въ Саратовѣ [1]), несмотря на свои слабости и недостатки въ служебныхъ отправленіяхъ, за которые (какъ удостовѣряетъ въ „Автобіографіи“ и самъ писатель) ему пришлось вынести не мало непріятностей отъ совѣтника Горохова, „взяточника и мошенника“, обращавшагося съ Н. И—чемъ довольно грубо. Однажды послѣдній даже сказалъ Костомарову: „удивляюсь, какъ вы могли быть профессоромъ, когда десяти строкъ не умѣете составить“.

Очевидно, отзывъ такой былъ вызванъ служебной халатностью Н. И—ча и его довольно страннымъ характеромъ, которые могли вывести изъ терпѣнія любого ретиваго начальника.

Какъ указываютъ сохранившіеся журналы губернскаго правленія, послѣ назначенія его 31 марта 1849 г. редакторомъ „Губернскихъ Вѣдомостей“ онъ сталъ чаще игнорировать службу; „рѣдко являлся“ на должность, „отзываясь болѣзнью, отчего дѣлопроизводство газетнаго стола, по предмету своему нетерпящее промедленія, исполнялось не съ надлежащей быстротой“ [2]). Вслѣдствіе этого, 20 октября должность начальника газетнаго стола была передана помощнику секретаря Эрихову, а Н. И. оставленъ лишь „исполняющимъ обязанности редактора „Вѣдомостей“, о чемъ имъ объявили своевременно „для сдачи отъ одного другому дѣлъ на законномъ основаніи“. Однако, повѣствуетъ далѣе журналъ губернскаго правленія отъ 31 марта 1850 года, „Костомаровъ сдачи сей до сихъ поръ не произвелъ. Между тѣмъ у него и за симъ составленіе „Вѣдомостей“, а у Эрихова производство дѣлъ газетнаго стола идетъ неуспѣшно; у перваго по тѣмъ же причинамъ, что онъ рѣдко является въ правленіе, а у послѣдняго потому, что онъ имѣетъ и безъ того, по прямой своей обязанности, многосложное производство по ревизіонному столу“; почему губернское правленіе

---

[1]) Что видно изъ его формуляра, хранящагося въ архивѣ Петербург. университета (дѣло № 90 за 1859 г.), а также изъ дѣлъ Саратов. губер. правленія за 1849 г. №№ 33 и 343.—Между тѣмъ въ „Автобіографіи“ (стр. 21) онъ жалуется, что „вслѣдствіе происковъ правителя дѣлъ канцеляріи губернатора Дурасова, „мошенника первой руки“, его вскорѣ смѣнили съ должности помощника секретаря, хотя становится довольно страннымъ, какое отношеніе могъ имѣть правитель губернаторской канцеляріи къ чиновникамъ губернскаго правленія. Должно быть, на склонѣ лѣтъ память измѣнила писателю.

[2]) Дѣло Саратов. губер. архива 1850 г., № 343.

„признало необходимымъ“ передать обязанности этихъ чиновниковъ другому лицу [1]).

И все-таки, несмотря на эти недостатки, какъ Кожевниковъ, такъ и смѣнившій послѣдняго въ 1854 году губернаторъ Игнатьевъ очень благоволили къ Н. И—чу, очевидно не столько преклоняясь предъ его ученой дѣятельностью, сколько вслѣдствіе указаній свыше. Поэтому въ выданномъ въ 1859 г. аттестатѣ Костомарову была сдѣлана отмѣтка, что онъ „къ полученію знака безпорочной службы препятствій не имѣлъ“ и аттестовался „способнымъ и достойнымъ“.

Чтобы, должно быть, загладить свою вину въ смѣнѣ его съ должности редактора „Вѣдомостей“, Кожевниковъ въ слѣдующемъ 1852 году назначилъ Н. И—ча дѣлопроизводителемъ губернскаго статистическаго комитета [2]). Благодаря чему онъ получилъ свободный доступъ во всѣ мѣстные архивы, давшій ему возможность собрать богатый матеріалъ для „Стеньки Разина“ и по Пугачевщинѣ.

Слѣдовательно, съ первыхъ же дней пребыванія въ Саратовѣ Костомаровъ не могъ нуждаться въ средствахъ, хотя онъ жалуется на это въ своемъ жизнеописаніи,—ибо кромѣ получаемаго жалованія (сначала по двумъ должностямъ около 800 р., а затѣмъ съ 1852 г. по тремъ—болѣе 1.500 р. въ годъ) онъ имѣлъ еще нѣкоторые доходы съ воронежскаго имѣнія [3]). Мало того, нашъ историкъ не брезговалъ извлекать барыши и отдачей денегъ подъ купчія и закладныя.

Въ дѣлахъ упраздненной Саратовской Палаты Гражданскаго Суда намъ удалось отыскать нѣсколько документовъ, указывающихъ на эту его „коммерческую“ дѣятельность.

Сначала оперировала такими дѣлами въ Саратовѣ его мать „капитаньша“ [4]) Татьяна Петровна, ссудившая 3 ноября 1849 года

---

[1]) Такимъ образомъ увѣреніе „Автобіографіи“, будто Кожевниковъ смѣнилъ Н. И—ча съ должности редактора за его настойчивость въ дѣлѣ убійства евреями двухъ русскихъ мальчиковъ—является невѣрнымъ, какъ невѣрно и свѣдѣніе о смѣнѣ въ 1855 г. Кожевникова, по тому же дѣлу.

[2]) Судя по формуляру, должность эту Костомаровъ сохранилъ за собой до 1858 г.—Между тѣмъ въ „Автобіографіи“ назначеніе это указано въ 1855 г. при Игнатьевѣ.

[3]) По формуляру за нимъ числилось родовое имѣніе въ слоб. Горасовкѣ, Острогож. у., въ 300 дес. земли съ 18 крестьянами муж. пола.

[4]) Судя по этому титулу, Костомаровъ происходилъ изъ дворянъ, или, какъ выражались въ то время оффиціальнымъ языкомъ, былъ „оберъ-офицерскій сынъ“. Между тѣмъ въ выданномъ ему Саратов. губернс. правленіемъ

мѣщанкѣ Печенкиной 1.000 руб. сереб., „за указные проценты“, подъ залогъ дома съ дворовымъ мѣстомъ въ приходѣ церкви Св. Пророка Иліи, при чемъ было поставлено въ обязательство, чтобы должница непремѣнно застраховала свой домъ выше занятой суммы, „дабы слѣдуемыя за оный отъ страха деньги служили ей, Костомаровой, обезпеченіемъ“ и „обязалась въ точности исполнять всѣ условія страхового общества“.

Черезъ три года по стопамъ матери пошелъ и самъ историкъ. Такъ 11 сентября 1852 г. онъ даетъ въ займы провинціальной секретаршѣ Пономаревой 2 тыс. руб. подъ земельный участокъ въ Петровскомъ уѣздѣ въ 300 десят., годъ спустя (18 сентября) снабжаетъ тысячью руб. купеческую жену Ковалеву по запродажной записи на дворовое мѣсто съ каменнымъ домомъ. Проценты по этому долгу Н. И. получалъ до 23 сентября 1859 года, когда уѣхалъ изъ Саратова въ Петербургъ на каѳедру русской исторіи въ тамошнемъ университетѣ. Капитальный же долгъ взысканъ имъ лишь черезъ семь лѣтъ, послѣ предъявленія къ наслѣдникамъ Ковалевой иска.

Потомъ, 3 августа того же 1853 года занимаетъ у него тысячу руб., также подъ запродажную дома на Армянской улицѣ, капитанъ Муравьевъ. Наконецъ, въ 1854 г. Костомаровъ совершаетъ почти одновременно три закладныхъ: „за указные проценты“. 19 мая на 1.000 руб. съ прапорщицей Гуровой подъ домъ на Царицынской улицѣ, позади дворянскаго собранія [1]); 23 іюля—на 1.500 руб. подъ 589 десят. земли въ Новоузенскомъ уѣздѣ прапорщицы Шевыревой, и 27 числа того же мѣсяца—2.500 руб. съ подполковникомъ Иваномъ Александровичемъ Шахматовымъ „подъ ненаселенную землю“ въ количествѣ 1.130 десят. 305 саж. при рѣчкахъ Хмелевкѣ и Горючкѣ Саратовскаго уѣзда. При этомъ, ограждая свои интересы, историкъ очень искусно связываетъ должниковъ, на случай несвоевременнаго платежа, то неустойками въ размѣрѣ, вдвое превышающемъ сумму долга, то обязательствами—выдать ему на заложенныя имѣнія купчія крѣпости.

Послѣдній, отысканный нами въ архивѣ, такого рода документъ относится къ 1855 году, когда у Костомарова заняла 700 руб. подъ

формулярѣ онъ показанъ „изъ купеческихъ дѣтей“. Очевидно, ошибка эта произошла оттого, что его мать была „купеческаго происхожденія“.

[1]) Въ сентябрѣ этого года Гурова перезаложила домъ матери Костомарова, за 1.500 руб., чтобы уплатить долгъ писателю. Послѣднія деньги были внесенычерезъ годъ саратовскимъ гостемъ Як. Пальцеръ, купившимъ у Гуровой домъ.

300 десят. земли въ Новоузенскомъ уѣздѣ жена штабсъ-капитана Ольга Жарская (долгъ уплаченъ 17 октября 1857 г.).

Можетъ быть, были и другіе случаи займа у писателя денегъ, но объ этомъ трудно дознать, такъ какъ въ архивѣ не сохранилось многихъ актовъ послѣдующаго времени. И нельзя поэтому съ точностью опредѣлить, какой доходъ приносили историку всѣ эти операціи. Во всякомъ случаѣ, судя по архивнымъ документамъ и разсказамъ старожиловъ, Костомаровъ, при его скромности и аккуратности, не только могъ безбѣдно проживать въ Саратовѣ, но еще имѣлъ возможность совершать ежегодныя поѣздки въ Крымъ, Петербургъ и даже за границу.

Жилъ онъ въ житницѣ Поволжья, какъ говорятъ, довольно скупо. По словамъ покойнаго директора Саратовской классической гимназіи М. А. Лакомте, навѣщая часто своихъ друзей, Бѣлова, Варенцова, Мордовцевыхъ, Чернышевскаго и другихъ,—Н. И. не отказывался отъ предлагаемыхъ ему угощеній, но у себя принималъ знакомыхъ рѣдко и не охотно, „угощая малиновымъ квасомъ по Домострою“ [1]).

Даже по „Автобіографіи“ можно замѣтить, что Костомаровъ былъ очень занятъ собою и не любилъ чьихъ-либо противорѣчій. Мнѣ, напримѣръ, разсказывали, какъ однажды онъ едва не поссорился съ Е. А. Бѣловымъ за то, что тотъ не хотѣлъ признать его мнѣнія относительно Іоанна Грознаго.

Лакомте, занимавшій при немъ должность старшаго учителя въ гимназіи, такъ характеризуетъ его:

„Любезностью, готовностью помочь молодому педагогу, начинающему учителю совѣтомъ, какою-либо книгою, нашъ историкъ не отличался. Напротивъ, тогда еще мало знающій [2]), мало начитанный, я не встрѣтилъ въ Н. И—чѣ готовности подѣлиться со мною своими знаніями, дать мнѣ указанія по части преподаванія исторіи. Онъ даже отказалъ мнѣ въ прочтеніи дотолѣ неизвѣстной мнѣ „Исторіи XVIII столѣтія“ Шлоссера. А между тѣмъ дѣлалъ мнѣ упреки въ незнаніи нѣкоторыхъ спеціальностей по исторіи“.

Къ сожалѣнію, объ этихъ-то недостаткахъ покойнаго профессора г-жа Бѣлоозерская не обмолвилась ни единымъ словомъ въ „Автобіографіи“, несмотря на видимую важность ихъ для уясненія характера, жизни и дѣятельности Костомарова, какъ человѣка.

П. Юдинъ.

---

[1]) Изъ письма ко мнѣ Лакомте отъ 5 декабря 1904 года.

[2]) Лакомте былъ назначенъ въ Саратовскую гимназію въ 1855 г. прямо изъ Петербург. педагогическаго института.

С. В. Рахманиновъ.

„Издавна сердце съ жизнью боролось“...
Гр. Ал. К. Толстой.

Наше музыкальное искусство имѣетъ недолгое прошлое. Мы не имѣемъ стараго стиля, потому что вся наша свѣтская музыка насчитываетъ семьдесятъ съ небольшимъ лѣтъ своей исторіи. Конечно, русское народное творчество и духовныя пѣснопѣнія зародились въ глубинѣ вѣковъ, но плодотворный моментъ возникновенія свѣтской музыки изъ религіозной, какъ то было на западѣ, у насъ отсутствовалъ, равно какъ не было признанія народной пѣсни искусствомъ, выражающимъ настроенія всего общества. Причины достаточно извѣстны, важнѣйшею изъ которыхъ было отчужденіе такъ называемой интеллигенціи отъ народа, что составляетъ первородный грѣхъ нашего существованія. Творчество Глинки, связавшее формы, вѣками выработанныя западными композиторами, съ пріемами русской пѣсни и глубоко народнымъ содержаніемъ, есть одинъ изъ немногихъ мостовъ, перекрывающихъ пропасть между высшими и низшими. Но Глинка пришелъ еще недавно, и всѣ переживанія нашихъ классиковъ, романтиковъ и байронистовъ XVIII и начала XIX столѣтія не нашли своего выразителя въ искусствѣ музыки, какъ то было въ литературѣ, живописи и даже архитектурѣ. Не было нужной техники, не было серьезныхъ эстетическихъ требованій. Между тѣмъ нѣкоторыя теченія европейской художественной мысли такъ глубоко залегли въ душу русскаго человѣка, что освободиться отъ нихъ онъ не былъ въ силахъ вплоть до настоящихъ дней. Такъ возрожденіе романтизма и классическихъ стремленій происходитъ на нашихъ глазахъ съ тѣмъ большимъ подъемомъ, что вкусы дѣдовъ еще не успѣли вывѣтриться и въ свое время во многомъ не смогли высказаться, такъ какъ явилась важная необходимость заняться обще-

ственными вопросами; послѣдніе заняли въ умахъ людей творчества первенствующее мѣсто. Къ числу возрождающихся теченій мы относимъ и байронизмъ. Намъ думается, что въ наши дни онъ оказался въ произведеніяхъ художника Врубеля и композитора Рахманинова. Мы беремъ конечно этотъ байронизмъ не какъ общественное явленіе, хотя несомнѣнно возрожденіе его не случайно, но какъ настроеніе, т. е. именно то, о чемъ и слѣдуетъ преимущественно говорить, когда дѣло касается искусства. Можно возразить, что уже въ симфоніяхъ Чайковскаго съ геніальною мощью сказалась міровая скорбь XIX вѣка и сказалась до конца. Но эта сущность лучшихъ страницъ музыки покойнаго композитора не составляетъ того, что именуется байронизмомъ. Для послѣдняго у Чайковскаго слишкомъ мало сопротивленія, борьбы, слишкомъ много безпорывнаго лиризма. Мрачный протестъ, глухая, длительная борьба сердца съ жизнью даетъ содержаніе многимъ вдохновеннымъ сочиненіямъ современнаго автора—Сергѣя Васильевича Рахманинова.

Біографическія свѣдѣнія о композиторѣ таковы:

Въ семьѣ его отца встрѣчались серьезные любители музыки, умѣвшіе прекрасно исполнять Шумана и Шопена, что для того времени (тридцать, сорокъ лѣтъ назадъ) было явленіемъ довольно исключительнымъ. У самого Р. влеченіе къ музыкѣ сказалось въ очень раннемъ дѣтствѣ и уже четырехъ лѣтъ (род. 20 марта 1873 г. въ имѣніи Онѣгѣ Новгородской губерніи) онъ бралъ уроки музыки у своей матери, а затѣмъ до 9-лѣтняго возраста его занятія продолжались подъ руководствомъ піанистки Орнатской. Поступивъ въ 1882 г. въ Петербургскую консерваторію, онъ сталъ заниматься съ отличнымъ успѣхомъ по фортепіано у Демянскаго и по теоріи у Сакетти; любовь къ искусству стала сильно развиваться уже въ это время. Благодаря семейнымъ обстоятельствамъ Рахманинову пришлось въ 1885 г. перевестись въ Московскую консерваторію. Здѣсь онъ поселился и жилъ у преподавателя Н. С. Звѣрева, поддерживавшаго завѣты братьевъ Рубинштейновъ, что оказало значительное вліяніе на художественный складъ молодого музыканта. Послѣ Звѣрева Р. перешелъ въ высшій фортепіанный классъ А. Зилоти, гдѣ онъ могъ усвоить музыкальные идеалы листовской школы (Зилоти—ученикъ Ник. Рубинштейна и Листа), по теоріи же проходилъ курсъ у Аренскаго и Танѣева. Преподаваніе С. И. Танѣева (воспринявшаго свои идеи у теоретика Г. А. Ларош) имѣетъ историческое значеніе для русскаго музыкальнаго дѣла; положенное имъ въ основу тщательное изученіе контрапункта дало въ результатѣ его ученикамъ возможность красиваго и свободнаго голосоведенія, не оказывая давленія на способности молодыхъ

авторовъ къ мелодіи, его система съ тѣмъ большимъ успѣхомъ давала проявиться ихъ индивидуальностямъ. Этой особенности московской науки мы обязаны появленіемъ Рахманинова, Скрябина, Метнера и др., какими теперь ихъ знаемъ. Наконецъ послѣднее, сильнѣйшее хотя и не личное, но всегда ощутимое, вліяніе на Р. оказалъ П. И. Чайковскій, твореніями котораго въ тѣ годы дышала вся музыкальная Москва. Благоговѣніе передъ его памятью не оставляетъ С. В. доселѣ. Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что Шопенъ, Шуманъ, Вагнеръ, а въ романсѣ Мусоргскій въ разное время способствовали развитію богатаго рахманиновскаго дарованія. Въ 1892 г. Р. кончилъ консерваторскій курсъ, представивъ выпускную работу—одноактную оперу „Алеко“, за которую получилъ золотую медаль. Въ томъ же году выступилъ впервые какъ піанистъ въ Москвѣ, на электрической выставкѣ, съ выдающимся успѣхомъ. Весною слѣдующаго года его опера была поставлена въ Московскомъ Большомъ театрѣ, а потомъ обошла почти всѣ русскія оперныя сцены, всюду встрѣчая сочувствіе, благодаря свѣжести и пылкости вдохновенія. Изъ консерваторскихъ его сочиненій сохранился въ рукописи въ частныхъ рукахъ квинтетъ для струнныхъ инструментовъ, родъ сочиненія, въ которомъ Р. больше пока не писалъ. Въ творческой работѣ композитора замѣчается порывистость; временами, быть можетъ, ободренный успѣхомъ, онъ проявляетъ усиленную дѣятельность, въ другіе годы его энергія какъ-бы ослабѣваетъ. Такъ въ одинъ только первый годъ по окончаніи консерваторіи появился фортепіанный концертъ (ор. 1, написанный, впрочемъ, еще въ годы ученья), пять фортепіальныхъ пьесъ, фантазія для двухъ роялей, двѣ віолончельныя пьесы и двѣ скрипичныхъ, шесть романсовъ, оркестровая фантазія „Утесъ“ и элегическое тріо, посвященное памяти Чайковскаго. Всѣ эти произведенія сразу поставили начинающаго автора въ первые ряды русскихъ композиторовъ, а нѣкоторыя фортепіанныя пьесы, какъ напримѣръ „Прелюдія„ cis-moll ор. 3 или „Баркаролла“ ор. 5 пріобрѣли исключительную популярность.

Въ послѣдующіе два года появились семь фортепіанныхъ вещей въ 2 руки, шесть романсовъ, шесть фортепіанныхъ пьесъ въ 4 руки, Каприччіо на цыганскія темы для оркестра и написана оставшаяся доселѣ въ рукописи первая симфонія. Какъ говорятъ, неуспѣхъ этой симфоніи (исполнена въ 1896 г. въ Петербургѣ въ Русскомъ Симфоническомъ Собраніи подъ управленіемъ Глазунова) и нѣкоторыя личныя обстоятельства сдѣлали перерывъ въ композиторской дѣятельности Р.; два сезона онъ былъ дирижеромъ московской частной оперы С. И. Мамонтова.

Въ 1889 г. началось новое, наиболѣе значительное въ его твор-

чествѣ, время. Двѣнадцать романсовъ, шесть хоровъ, шесть Moments Musicaux, сюита для двухъ роялей, при всѣхъ своихъ привлекательныхъ свойствахъ, еще не даютъ представленія объ истинныхъ размѣрахъ таланта композитора, являются подготовительными ступенями къ тому лучшему, что создалось непосредственно вслѣдъ за ними. Второй фортепіанный концертъ, соната для фортепіано и віолончели и кантата „Весна“ показали, на что способна очаровательная, полная поэзіи музыкальная сущность Рахманинова. Первое изъ этихъ произведеній пріобрѣло міровую извѣстность, этотъ концертъ одно изъ прекраснѣйшихъ явленій современной фортепіанной литературы по силѣ и красотѣ своего искренняго, мечтательнаго содержанія, по законченности формы. Такими же высокими достоинствами отличается віолончельная соната съ разнообразнымъ, богатымъ матеріаломъ, благородными мыслями и изящнымъ изложеніемъ, а кантата своею воздушностью, истинно весеннею свѣжестью и бодростью (какъ и въ одномъ изъ его раннихъ романсовъ „Весеннія воды“). Какъ бы найдя себя, овладѣвъ чѣмъ-то, что прежде не находило средствъ для выраженія, Р. даетъ три крупныхъ произведенія, вполнѣ зрѣлыхъ и мастерскихъ. Вслѣдъ за ними появляется серія романсовъ (двѣнадцать—ор. 21), нѣкоторые изъ нихъ, какъ намъ кажется, имѣютъ выдающееся значеніе въ исторіи русской музыки; о нихъ скажемъ дальше; затѣмъ выходятъ техническія, но по существу во многомъ интересныя варіаціи на тему Шопена (c—moll'ная прелюдія), десять, быстро пріобрѣтшихъ извѣстность, звучныхъ, красивыхъ и содержательныхъ прелюдовъ, двѣ одноактныхъ оперы—„Скупой Рыцарь“ на неизмѣнный текстъ Пушкина и „Франческа да Римини“—драматическій эпизодъ V пѣсни „Ада“ Данте, далѣе романсы, еще болѣе тонкіе и интимные, чѣмъ въ предыдущемъ выпускѣ. Въ 1907 году была закончена вторая симфонія (вышедшая изъ печати очень недавно), исполнявшаяся въ ближайшемъ сезонѣ въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Критика отнеслась къ этому произведенію довольно строго, между тѣмъ какъ у публики оно имѣетъ всегда большой успѣхъ, въ особенности при безукоризненно художественномъ дирижированіи самого автора. За эти три года она уже неоднократно была исполнена въ московскихъ и петербургскихъ симфоническихъ собраніяхъ. Мрачный иногда лиризмъ, наводящій на мысль о духовномъ родствѣ съ „Пиковой Дамой“ Чайковскаго, безъ подражательности, такъ какъ Р. сталъ уже достаточно силенъ, благородная глинкинская манера письма, при вполнѣ современномъ оркестрѣ—таково общее впечатлѣніе отъ симфоніи. Намъ кажется, что та неудовлетворительность, которая слышится въ разговорахъ и мнѣніяхъ музыкантовъ объ этомъ типичномъ рахмани-

новскомъ сочиненіи, происходитъ отъ спѣшности и нетерпѣнія, съ какими ждутъ отъ современныхъ авторовъ новаго и новѣйшаго слова. Для славы, идущей за Рахманиновымъ, онъ молодъ, онъ еще развиваетъ свое „я“, и естественно, что, высказываясь почти впервые въ столь широкихъ формахъ, способенъ напомнить кое въ чемъ свои же болѣе раннія вдохновенія, но созданныя въ другихъ рамкахъ, въ оправѣ камерной музыки. Онъ не останавливается, хотя и не поражаетъ радикализмомъ въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ. Послѣдующая за симфоніей бетховенски-трагическая соната, тонкая, выстраданная музыка „Острова смерти“, дивно инструментованнаго, наконецъ 3-ій фортепіанный концертъ составляютъ пока хронологическое завершеніе творчества композитора. Лѣтомъ 1910 года имъ написана литургія, что должно представить исключительный интересъ, тѣмъ болѣе, что Р., если не ошибаемся, находится подъ вліяніемъ ученій Ст. В. Смоленскаго. Немаловажное значеніе въ дѣятельности Р. имѣютъ его выступленія въ качествѣ дирижера и піаниста; кромѣ указаннаго двухлѣтняго пребыванія въ московской частной оперѣ онъ былъ черезъ нѣсколько лѣтъ приглашенъ въ Московскій Императорскій Большой театръ, гдѣ и дирижировалъ тоже два года. Кромѣ того неоднократно выступаетъ въ симфоническихъ собраніяхъ, всегда обращая вниманіе своимъ вдумчивымъ отношеніемъ, темпераментомъ и художественною закоченностью въ исполненіи какъ своихъ, такъ и чужихъ композицій. Его фортепіанная игра носитъ на себѣ слѣды счастливаго вліянія эпохи Рубинштейновъ и Чайковскаго, жизненность, непосредственность и аристократическая тонкость передачи—ея отличительныя черты. Техника для него лишь средство, сила переживаній—смыслъ его исполненія. Въ послѣдніе годы Р. уже не исполняетъ фортепіанныхъ сочиненій другихъ композиторовъ, играя лишь свои. Для полноты біографическихъ свѣдѣній прибавимъ, что въ настоящее время онъ большую часть года живетъ въ Дрезденѣ, расширяя свою заграничную дѣятельность; давно признанный въ Англіи и Германіи, онъ сталъ теперь съ весьма большимъ успѣхомъ выступать въ Америкѣ.

Переходя къ общей оцѣнкѣ дѣятельности Рахманинова, слѣдуетъ прежде всего выдѣлить его романсы; полагая большимъ недоразумѣніемъ отрицать у него способность къ речитативу, мы напротивъ въ его вокальной музыкѣ видимъ послѣднее завершеніе пути, пройденнаго отъ Глинки, создателя мелодическаго речитатива, черезъ Балакирева, Мусоргскаго и Чайковскаго. Декламація Р. поражаетъ естественностью, лирика его всегда задушевна, своеобразна, въ его свѣжей передачѣ самыя простыя жизненныя воспріятія охвачены глубокой поэзіей; романсы нѣсколько трудны для исполненія,

и, быть можетъ, этимъ объясняется непопулярность многихъ, тогда какъ пять или шесть изъ нихъ стали чрезвычайно извѣстны, любимы даже до крайности. Въ техническомъ отношеніи сочиненія Р. отличаются большою мелодическою и ритмическою изобрѣтательностью, краски его оркестра богаты и разнообразны; при томъ у него, какъ и у Чайковскаго, инструментовка является лишь однимъ изъ средствъ для воплощенія авторскихъ намѣреній, а не главною цѣлью. Гармонія и контрапунктъ сливаются въ одно прекрасное цѣлое, не развиваясь одно въ ущербъ другому.

Яркій талантъ Рахманинова само собою не увлекается однимъ во многомъ (хотя и не въ музыкѣ) пережитымъ, а потому ставшимъ ограниченнымъ, байроническимъ теченіемъ, о чемъ сказано раньше, но оно для него столь же характерно, какъ для Шумана мужественная романтика, для Вагнера героическій паѳосъ, для Мусоргскаго народная стихійность, для Бородина эпическое прошлое; такими словами мы, не давая опредѣленій, лишь подмѣчаемъ наиболѣе волнующіе мотивы творчества того или другого композитора. И если возстановить въ своей памяти его романсы, фортепіанныя пьесы, его симфонію (2-ую) и оперы, то очень часто, въ тонкомъ и нѣсколько даже элегантномъ письмѣ найдемъ отзвуки того бурнаго поэтическаго недуга, который охватилъ русскую талантливую молодежь первой четверти XIX вѣка и тѣ „пѣсни полныя печали, что наши бабушки пѣвали“, не нашедшія современнаго выраженія въ музыкальномъ искусствѣ. Съ такимъ тяготѣніемъ меньшій талантъ создалъ бы только рядъ „альбомныхъ“ произведеній; Р. глубже, при томъ онъ чуждъ эстетическаго сектантства, слѣдовательно, разностороннѣе. Отъ своей, хотя и нарядной, но серьезной и скрытой печали, отъ мрачныхъ подваловъ съ золотомъ скупого рыцаря онъ переходитъ къ прелестному звуковому пейзажу, отъ крайняго субъективизма уравновѣшенности, отъ динамическаго къ статическому. И эта сторона его творчества не только привлекательна, она носитъ въ себѣ залоги прекраснаго будущаго. Намъ думается, что если бы композиторъ обратилъ бы большее вниманіе на это свойство своего таланта, то кромѣ „Утеса“, „Весны“, „Острова смерти“, moment musical Des—dur, прелюдовъ D—dur, Es—dur, Ges—dur, романсовъ—„Сумерки“, „Здѣсь хорошо“, „Фонтанъ“, могъ бы дать совершенно самобытные образцы импрессіонистской музыки, независимо отъ восхищающихъ насъ современниковъ—француза Дебюсси и русскаго Лядова. Но какое-то суровое, давнее, непостижное уму видѣніе тяготитъ его индивидуальность и, будучи не ницшеанцемъ (какъ Скрябинъ), а байронистомъ, т. е. глубоко человѣчнымъ, онъ подобно своимъ духовнымъ предкамъ все же уходитъ туда, гдѣ „нѣтъ людей, гдѣ тишина“. В. Я.

Встрѣчи и столкновенія.

Изъ множества встрѣчъ и столкновеній, освѣтившихъ или омрачившихъ мой длинный жизненный путь, нѣкоторыя, кажется, заслуживаютъ вниманія читателя. Я ихъ и заношу на бумагу.

А. П. Чеховъ.—М. Ф. Калерджи.—С. Монюшко.—М. М. Стасюлевичъ.

А. П. Чеховъ.

Съ Антономъ Павловичемъ столкновеніе? Не можетъ быть,— воскликнетъ всякій, кто зналъ этого мягкаго, добраго человѣка. Однако столкновеніе у меня съ нимъ было, и вотъ по какому поводу.

Покойный издатель „Нивы“, А. Ф. Марксъ, какъ извѣстно, пріобрѣлъ сочиненія Чехова и, слѣдовательно, надо было ихъ собрать и издать. Чеховъ ихъ самъ редактировалъ, при чемъ выкидывалъ много, очень много, между прочимъ и такія вещи, которыя Марксу нравились. Я тогда состоялъ редакторомъ „Нивы“, и по этому поводу у меня съ Чеховымъ произошелъ разговоръ. Какъ писатель, я понятно былъ на его сторонѣ.

Улыбаясь своею кроткою улыбкою, Чеховъ мнѣ говорилъ, что писатель не родится готовымъ, какъ Минерва изъ головы Юпитера, что онъ постепенно развивается и вырабатывается, такъ что ему иногда можетъ быть стыдно за прежнія его произведенія. Только самъ писатель можетъ быть судьей въ вопросѣ, что должно и не

должно войти въ собраніе его сочиненій. Нельзя отъ него требовать, чтобы онъ включалъ то, что уже не можетъ признать ни художественнымъ, ни даже просто грамотнымъ. „Чехонте“ могъ многое написать, чего „Чеховъ“ никогда не напишетъ. Конечно, напечатанное нельзя уничтожить, но если бы произведенія его сохранились только въ видѣ рукописей, то онъ немедленно сжегъ бы то, что теперь вымарываетъ краснымъ карандашемъ. Пусть библіографы и критики соберутъ вычеркнутое, чтобы уяснить себѣ ходъ его творчества (они вѣдь любятъ заниматься пустяками, разсмѣялся Чеховъ); но публикѣ это никогда не должно быть предложено. Писатель долженъ давать читателю только то, что онъ въ своихъ произведеніяхъ признаетъ лучшимъ.

— Правъ ли я?—спросилъ меня въ заключеніе Чеховъ, мягкимъ движеніемъ положивъ свою руку на мою.

Я ничего не отвѣтилъ, но благодарно взглянулъ на него за то, что онъ такъ честно и высоко держитъ знамя писателя.

Другихъ столкновеній у меня съ нимъ не было.

М. Ф. Калерджи.

Заговоривъ о Чеховѣ, я вспомнилъ чистые, свѣтлые годы дѣтства, вспомнилъ и ту женщину, которая первая пробудила во мнѣ сознаніе, что искренность и правдивость—нѣчто прекрасное, возвышенное, идеальное.

Мой опекунъ—видный русскій администраторъ въ Варшавѣ временъ Паскевича—былъ, конечно, хорошо знакомъ съ другими администраторами того времени, между прочимъ съ графомъ Ф. В. Нессельроде, котораго онъ часто навѣщалъ въ домѣ Потоцкихъ на Краковскомъ предмѣстьи. Какъ хорошо помню я этотъ домъ! Онъ виднѣлся бѣленькій, чистенькій въ глубинѣ двора, за высокой чугунной рѣшеткой. Это былъ какъ бы отдѣльный мірокъ, въ сторонѣ отъ варшавской уличной жизни, уже тогда, въ второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, довольно шумной. Я любилъ, когда меня мой опекунъ бралъ въ гости къ старому графу, высокому, какъ лунь сѣдому, съ нафабренными густыми черными усами и еще огненными черными глазами. Его оригинальная фигура въ сѣромъ сюртукѣ-халатѣ придавала особый интересъ дому, и такъ уже почему-то возбуждавшему мое любопытство. Я все ожидалъ, что въ этомъ домѣ случится что-то необыкновенное, что-то непохожее на то, что происходитъ въ другихъ домахъ. Вотъ почему я,

одиннадцати-лѣтній мальчикъ, вѣроятно, не скучалъ, когда два старика иногда долго бесѣдовали въ кабинетѣ о политикѣ, предоставляя мнѣ заниматься въ другихъ комнатахъ или въ саду, чѣмъ мнѣ вздумается.

Изъ гостиной былъ прямой выходъ на балконъ и въ небольшой, но тѣнистый садъ. Я его помню только весной, когда онъ мнѣ казался особенно привлекательнымъ, хотя въ мое время въ Варшавѣ было вездѣ много зелени. Но здѣсь царствовала такая тишина, и все казалось такимъ таинственнымъ, что я всегда радовался случаю попасть къ графу Нессельроде. Иногда я бралъ изъ гостиной для виду какую-нибудь книгу и уходилъ съ нею въ садъ, гдѣ тихо сидѣлъ на скамейкѣ, рѣдко читалъ и больше мечталъ, ожидая того, что должно было случиться—недаромъ же этотъ бѣлый домъ какъ бы замеръ, недаромъ высокія комнаты казались заброшенными, хотя и были наполнены дорогою мебелью и картинами, недаромъ деревья и кусты въ садикѣ, отдѣленномъ отъ города высокими стѣнами, стояли завороженные, и ни одна былинка не шелохнется, ни одинъ листикъ не дрогнетъ...

И необыкновенное дѣйствительно случилось. Со скамейки въ саду я, бросивъ разсѣянный взглядъ на балконъ, вдругъ увидѣлъ въ дверяхъ женскую фигуру, которая навсегда запечатлѣлась въ моей памяти. Чѣмъ она меня такъ поразила — не могу сказать. Красивыхъ женщинъ въ Варшавѣ вообще много, да и среди нашихъ знакомыхъ были женщины большой красоты, напримѣръ, двѣ сестры Теннеръ, Луиза и Леонтина, дочери начальника тріангуляціи въ Царствѣ Польскомъ, извѣстнаго геодезиста генералъ-лейтенанта Теннера, въ семьѣ котораго я часто бывалъ. Нѣтъ, тутъ дѣло было не въ красотѣ, а въ чемъ-то другомъ, что сразу овладѣло моимъ вниманіемъ, такъ что я не могъ оторвать взгляда отъ женщины, появившейся на балконѣ и, казалось, кого-то высматривавшей. Не меня ли? Мнѣ хотѣлось куда-нибудь скрыться, мнѣ стало жутко, и въ то же время меня что-то такъ и тянуло къ ней. Я зналъ, кто она. Я теперь вспомнилъ, что графъ упомянулъ о пріѣздѣ къ нему дочери изъ-за границы. Но я тогда не обратилъ на его слова вниманія, сказавъ себѣ, что въ Варшавѣ будетъ одной дамой больше— вотъ и все. А теперь...

Она меня тихо окликнула и въ то же время направилась въ мою сторону. Вѣжливость заставила меня встать и пойти ей навстрѣчу. Но она меня опять усадила на скамейку и долго говорила мнѣ что-то по-французски. Хотя я хорошо зналъ этотъ языкъ, но не вникалъ въ ея слова, подчиняясь привычкѣ дѣтей довѣрять больше глазамъ и слуху, чѣмъ смыслу рѣчи. Я изучалъ сидѣвшую передо

мною женщину съ напряженнымъ вниманіемъ, потому что мнѣ все казалось, что она и есть то необыкновенное, чего я ожидалъ. И тѣмъ не менѣе я ничего необыкновеннаго въ ней уловить не могъ. Отъ нея пахло тонкими духами, какъ отъ всѣхъ женщинъ моего круга, платье было такое же изящное, руки такія же холеныя, нѣжныя, мягкія. Но чѣмъ больше сходства я находилъ между нею и остальными женщинами, тѣмъ напряженнѣе я слѣдилъ за тѣмъ, какъ она говорила: внутренній голосъ мнѣ настойчиво нашептывалъ, что въ этой женщинѣ есть что-то особенное, чего нѣтъ въ другихъ, хотя я тогда не зналъ, что она воспѣта знаменитыми поэтами, что ея общества ищутъ и цари, и художники, и писатели, и мыслители. Раза два она наклонилась близко ко мнѣ, какъ бы желая заглянуть мнѣ въ душу, я тоже заглядывалъ ей въ глаза: было что-то чистое, свѣтлое въ ихъ глубинѣ и столь прекрасное, что трудно было отъ нихъ оторваться.

Она улыбнулась мнѣ и сказала: „Пойдемъ, я тебя угощу“. (Viens, mon garçon, je te régalerai).

Я обидѣлся. Я нашелъ необыкновенное, и вдругъ — конфекты, сладости. Мы пришли въ гостиную; тутъ она меня усадила на диванъ и спросила,—люблю ли я музыку? Я все еще чувствовалъ себя обиженнымъ. Къ тому же отъ экзерсисовъ сестры у меня часто голова болѣла, а выписанная для меня изъ Берлина учительница музыки мнѣ такъ не нравилась и своею наружностью, и своею строгостью, и своими манерами, что, помню, я на дачѣ забивался на сѣновалъ, когда она меня звала, чтобъ дать урокъ. Зоветъ она меня, бывало, зоветъ—и умолкнетъ. Въ домѣ рѣшили, что у меня нѣтъ способностей къ музыкѣ, и освободили меня отъ уроковъ. И вдругъ этотъ вопросъ. Я нехотя отвѣтилъ, что музыки совсѣмъ не люблю. Облачко удивленія или недовѣрія пробѣжало по прекрасному лицу, склоненному надо мною. Но вслѣдъ затѣмъ въ комнатѣ раздались звуки. Нѣтъ, это не были экзерсисы или пьесы сестры; это не были и рубленные звуки учительницы музыки. Это было нѣчто совсѣмъ другое. Не можетъ быть, чтобы они извлекались изъ стоявшаго передо мною инструмента; они неслись откуда-то издалека, нѣжно, невнятно, словно мечта. Потомъ понемногу становились все опредѣленнѣе, все яснѣе, все звонче и веселѣе. Что-то назрѣвало, что-то подготовлялось,—вотъ-вотъ прорвется безумное веселіе. И дѣйствительно, оно прорвалось, да такъ, что я еле усидѣлъ на мѣстѣ. Пустынныя комнаты ожили, наполнились гостями, я видѣлъ, какъ нарядныя пары съ увлеченіемъ танцовали мазурку, дамы граціозно поводили красивыми руками, кавалеры лихо притоптывали ногами и позвякивали шпорами, темпъ мазурки

все ускорялся, лица разгорались, танецъ достигъ такой быстроты, такого увлеченія, что, казалось, пары столкнутся, все смѣшается... но вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, музыка оборвалась, и каждый кавалеръ склонилъ колѣно передъ своею дамою. Потомъ все исчезло. Звуки снова неслись издалека. Теперь ихъ было много, слишкомъ много. Они меня смущали своимъ обиліемъ, пока я не понялъ, что это не звуки, а журчаніе ручья, что возлѣ ручья кто-то сидитъ и тихо плачетъ. Плачетъ дѣвушка, и она вовсе не у ручья, а сидитъ за роялемъ, нѣтъ, она у ручья: я вѣдь слышу его журчанье. Я не могу разобраться, но чувствую, какъ грусть все сильнѣе щемитъ сердце, какъ она подступаетъ къ горлу... вотъ-вотъ я сейчасъ заплачу...

Звуки оборвались, и я оказался въ объятіяхъ волшебницы, заставлявшей меня то плакать, то смѣяться. Она обнимала меня одной рукой, а другой вытирала мнѣ слезы и нѣжно упрекала меня за то, что я ей сказалъ неправду, будто бы музыки не люблю. Я не оправдывался, я опять смотрѣлъ ей въ глаза и теперь уже твердо зналъ, что необыкновенное мною найдено...

Она подвела меня къ роялю и, взявъ звукъ, просила повторить его голосомъ, затѣмъ другой, третій, все новые и новые, пока я не пропѣлъ ей такимъ образомъ отчетливо двѣ краткія мелодіи. И, дѣлая это, она радовалась, какъ ребенокъ, что все идетъ такъ хорошо, и ея улыбка шла отъ большого ея сердца къ маленькому моему сердцу и наполняла его неизвѣданнымъ еще чувствомъ, которому я и теперь еще затрудняюсь прибрать названіе. Но я твердо помню, что съ этихъ поръ искренность и правда для меня слились съ красотою, что я полюбилъ съ тѣхъ поръ и музыку, которой, какъ и правдѣ, обязанъ лучшими минутами въ моей жизни.

М. Ф. Калерджи оставила въ моей душѣ богатое наслѣдство, хотя я ее видѣлъ только въ дѣтствѣ, да и то вѣроятно не болѣе четверти часа...

С. Монюшко.

Кстати вспомню о моемъ столкновеніи съ знаменитымъ авторомъ „Гальки“, Монюшко, въ судьбѣ котораго Калерджи приняла такое живое и благотворное участіе.

Я былъ тогда уже студентомъ и только на каникулы пріѣзжалъ въ Варшаву. Любовь къ музыкѣ, открытая во мнѣ Калерджи, развилась. Я маралъ бумагу, сочиняя романсы и, главное, съ увлече-

ніемъ изучалъ классиковъ и новыхъ композиторовъ, между прочимъ и Монюшко, пріобрѣлъ даже клавираусцуги „Графини“ и „Гальки“. „Галька“ мнѣ такъ понравилась, что я зналъ ее почти наизусть. Мнѣ очень хотѣлось ее прослушать въ хорошемъ исполненіи. Но въ Петербургѣ она тогда еще не давалась. Въ первый разъ я ее услышалъ въ Варшавѣ, кажется, въ 1865 г.

Дирижировалъ самъ Монюшко, состоявшій съ 1858 г. дирижеромъ варшавской казенной оперы. Я зналъ, что опера пролежала больше двѣнадцати лѣтъ у него въ портфелѣ раньше, чѣмъ удостоилась постановки. Зналъ я вообще печальную судьбу этого даровитаго композитора, которому пришлось почти двадцать лѣтъ пробиваться скуднымъ хлѣбомъ провинціальнаго органиста и учителя музыки прежде, чѣмъ онъ добился признанія.

Исполненіе увертюры меня разочаровало. Монюшко дирижировалъ вяло, да и оркестръ послѣ петербургскихъ оперныхъ (итальянскаго и русскаго) показался мнѣ ужъ очень жидкимъ. Но вотъ началась самая опера. Я сильно интересовался тѣмъ, вѣрно ли я понялъ композитора. Но почти ничего новаго мнѣ его толкованіе не дало, и — что окончательно меня сконфузило — цѣлыя страницы партитуры, такія, которыя мнѣ казались прямо ея украшеніемъ, были немилосердно вычеркнуты. Я недоумѣвалъ, и если бы не прекрасное пѣніе и игра тенора Добрскаго, создавшаго роль Іонтка, разочарованіе мое не знало бы границъ.

Въ антрактѣ между вторымъ и третьимъ дѣйствіемъ мой опекунъ предложилъ познакомить меня съ Монюшко. Я конечно обрадовался этому предложенію.

Мы встрѣтились съ Монюшко въ корридорѣ. Бритый, въ золотыхъ очкахъ, онъ произвелъ на меня впечатлѣніе скорѣе пастора или учителя, чѣмъ выдающагося художника. И въ манерѣ его держать себя было что-то робкое, даже приниженное. Недаромъ онъ такъ долго бѣдствовалъ. Опекунъ меня отрекомендовалъ поклонникомъ его музыкальныхъ произведеній. Онъ спросилъ меня, музыкантъ ли я, и на мой отвѣтъ, что я простой любитель, съ скромною улыбкой замѣтилъ, что и онъ въ сущности—только любитель, потому что его музыкальное образованіе кончилось уже въ 19 лѣтъ, и его учительницею была мать, никогда, какъ и онъ самъ, не имѣвшая сколько-нибудь выдающихся учителей. Я не утерпѣлъ и спросилъ его, почему онъ, исполняя „Гальку“, пропускаетъ столько прекрасныхъ мѣстъ, и перечислилъ нѣкоторыя изъ нихъ. Должно быть, въ тонѣ моемъ слышалось большое сожалѣніе, потому что онъ внимательно посмотрѣлъ на меня, затѣмъ спросилъ,—какая публика

наполняетъ театръ, и кто занимаетъ самыя дорогія мѣста? Я сказалъ, что среди публики преобладаетъ, по крайней мѣрѣ въ партерѣ и въ ложахъ, военный элементъ. На это онъ замѣтилъ: „Господа офицеры и ихъ знакомые любятъ балетъ,—вотъ въ полонезѣ и мазуркѣ я ничего не пропустилъ, не пропущу ничего и въ пляскѣ горцевъ“. Сказавъ это, онъ какъ-то безнадежно махнулъ рукой.

Я вспомнилъ тѣ двадцать лѣтъ, когда онъ въ Вильнѣ бѣгалъ по частнымъ урокамъ, вспомнилъ и тѣ двѣнадцать лѣтъ, когда партитура „Гальки“ мирно покоилась въ его письменномъ столѣ, и подумалъ, что послѣ такого искуса онъ конечно не желаетъ подвергать свою судьбу новому испытанію и даетъ публикѣ то, что ей нравится.

Потомъ, когда я остался одинъ, мнѣ въ первый разъ въ жизни ясно представилось, что искусство—одно, а успѣхъ—другое; я понялъ, какая сила заключалась въ этомъ скромномъ человѣкѣ, если онъ могъ лихорадочно творить, создавать одно произведеніе за другимъ, не находя себѣ признанія, посѣтовалъ на польское общество, чуть-ли не давшее погибнуть Монюшко, и съ благодарностью вспомнилъ Глинку и Даргомыжскаго, горячо поддержавшихъ его въ Петербургѣ, и въ особенности Калерджи, сдѣлавшую для него безконечно много.

М. М. Стасюлевичъ.

Съ нимъ у меня было два столкновенія: одно въ концѣ 80-хъ годовъ на почвѣ общественной, другое—нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на почвѣ личной, писательской.

Начну съ перваго. Четверть вѣка тому назадъ, какъ и теперь, въ Петербургѣ усиленно обсуждался вопросъ о питьевой водѣ. Городъ во главѣ съ Стасюлевичемъ, состоявшимъ съ 1883 г. предсѣдателемъ исполнительной комиссіи по надзору за водоснабженіемъ, требовалъ отъ общества городскихъ водопроводовъ устройства фильтровъ; но была и другая партія, относившаяся къ фильтрамъ не особенно довѣрчиво; при чемъ однако возраженія противъ нихъ формулировались какъ-то робко. Это мнѣ показалось тѣмъ болѣе непонятнымъ, что у насъ уже были солидныя подготовительныя работы для правильнаго рѣшенія вопроса. Первымъ тутъ выступилъ позднѣйшій профессоръ патологіи Варшавскаго университета, ординаторъ С. П. Боткина, М. Д. Лапчинскій, а затѣмъ и будущій профессоръ гигіены при Военно-Медицинской академіи С. В. Шидлов-

скій, завѣдывавшій фильтрами, впервые введенными въ Петербургѣ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Оба ученые очень подробно ознакомились съ водоснабженіемъ въ европейскихъ городахъ, но, кромѣ того, оба занялись спеціально невской водой, при чемъ одинъ (покойный проф. Лапчинскій) посвятилъ себя изученію сродства между микроорганизмами (спирохетами), встрѣчающимися въ крови при нѣкоторыхъ болѣзняхъ (главнымъ образомъ, при возвратномъ тифѣ) и встрѣчающимися въ невской водѣ, а другой (проф. Шидловскій) спеціально занялся вопросомъ объ очисткѣ пескомъ воды для питья въ большихъ городахъ. Выводъ обоихъ профессоровъ оказался смертнымъ приговоромъ для фильтровъ: проф. Шидловскій выяснилъ на основаніи строго-провѣренныхъ фактовъ, что даже при самыхъ усовершенствованныхъ фильтрахъ, какіе имѣлись тогда въ Лондонѣ, Гамбургѣ, Дортмундѣ и т. д., вода посредствомъ фильтраціи можетъ быть лишена всего „около половины растворенныхъ въ ней органическихъ веществъ“; выводъ же проф. Лапчинскаго былъ тотъ, что микроорганизмы свободно проходятъ черезъ песчаный слой фильтровъ и даже прекрасно размножаются въ нихъ, и что поэтому фильтрованная вода даже опаснѣе для здоровья, чѣмъ нефильтрованная. Къ такому выводу пришли наши ученые уже тридцать лѣтъ тому назадъ.

Руководствуясь ихъ работами, я помѣстилъ въ „Новостяхъ“ статью подъ заглавіемъ: „Фауна и флора невской воды“, въ которой доказывалъ, что фильтры дѣлу помочь не могутъ, и что невскую воду надо во что бы то ни стало замѣнить другой.

Вотъ на этой почвѣ и разыгралось мое столкновеніе съ покойнымъ Стасюлевичемъ. Въ качествѣ предсѣдателя исполнительной комиссіи по надзору за водоснабженіемъ онъ съѣздилъ въ Европу и вынесъ оттуда твердое убѣжденіе, что фильтры удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ, какъ надежное средство очистки воды отъ болѣзнетворныхъ микробовъ. Гдѣ онъ составилъ себѣ подобное убѣжденіе,—трудно понять, потому что уже въ 1874 г. наиболѣе компетентные западные спеціалисты по водоснабженію городовъ пришли къ единодушному мнѣнію, что фильтрованіе воды недостаточно для ея оздоровленія, и что холера и тифъ главнымъ образомъ распространяются рѣчной водой, какъ нефильтрованной, такъ и фильтрованной. Но Стасюлевичъ этого знать не хотѣлъ. Однимъ изъ мотивовъ, побуждавшихъ его энергически агитировать за фильтры, какъ я догадывался, была возможность заставить водопроводное общество построить фильтры, а вмѣстѣ съ тѣмъ избавить городъ отъ значительнаго расхода на устройство болѣе раціональ-

наго водоснабженія столицы. Стасюлевичъ вступилъ въ борьбу съ водопроводнымъ обществомъ, отказавшимся строить фильтры, готовился защищать свое дѣло даже въ судѣ, а тутъ вдругъ явилась моя статья, въ которой выяснялось, что фильтры совершенно безполезны.

Конечно, эта статья не могла понравиться Стасюлевичу. Но издатель „Вѣстника Европы“ пользовался репутаціей очень корректнаго человѣка. Не даромъ мой другъ В. О. Михневичъ въ своемъ остроумномъ „Словарѣ современниковъ“ далъ ему слѣдующую характеристику: „Вся его (т. е. Стасюлевича) трудолюбивая дѣятельность и всѣ предпріятія, не блистая какой-нибудь чрезвычайностью, носятъ печать солидности, обдуманной зрѣлости и безупречной порядочности“. Дѣйствительно таково было общее мнѣніе. Поэтому я съ большимъ интересомъ ждалъ, что Стасюлевичъ возразитъ на мою статью. Можетъ быть, говорилъ я себѣ, онъ меня убѣдитъ, что фильтры въ самомъ дѣлѣ спасутъ столичное населеніе отъ тифа и холеры.

Какъ только моя статья появилась въ „Новостяхъ“, Михаилъ Матвѣевичъ пріѣхалъ въ редакцію съ бурнымъ протестомъ. Насилу удалось его успокоить согласіемъ напечатать его возраженіе. Въ чемъ же заключалось оно? Стасюлевичъ ехидно въ немъ замѣчалъ, что культурная Европа, вводя у себя фильтры, конечно, знаетъ, что дѣлаетъ, а что намъ слѣдуетъ учиться у Европы и не обращать вниманіе на статьи доморощенныхъ публицистовъ и изслѣдованія малоизвѣстныхъ отечественныхъ ученыхъ, но что во всякомъ случаѣ Шидловскій несравненно авторитетнѣе какого-то Лапчинскаго.

Вотъ и все возраженіе. Чтобы должнымъ образомъ его оцѣнить, вспомнимъ, что проф. Шидловскій вопроса о болѣзнетворныхъ микробахъ, содержащихся въ рѣчной водѣ, вовсе не касался и изучилъ только вопросъ о способности фильтровъ очищать воду отъ органическихъ веществъ; профессоръ же Лапчинскій путемъ долгихъ и тщательныхъ наблюденій надъ невской водой, фильтрованной и нефильтрованной, установилъ то, что нынѣ составляетъ уже общее мѣсто, именно, что рѣчная вода, особенно же рѣчная вода загрязненная, хотя бы и фильтрованная, служитъ прекрасною средою для размноженія болѣзнетворныхъ микроорганизмовъ. Согласиться съ проф. Лапчинскимъ значило отказаться отъ фильтровъ; поэтому надо было отвергнуть его авторитетъ и признать развѣ авторитетъ проф. Шидловскаго, совершенно не возбуждавшаго опаснаго вопроса; сослаться на тѣ западноевропейскіе города, которые поторопились устроить у себя безполезные фильтры, и дискредитировать или

игнорировать тѣхъ западныхъ спеціалистовъ, которые на основаніи богатаго фактическаго матеріала выяснили, что фильтры нисколько не охраняютъ городского населенія отъ повальныхъ болѣзней, и что вѣрнымъ средствомъ тутъ служитъ только ключевая вода и канализація.

Стасюлевичъ выигралъ на судѣ дѣло противъ водопроводнаго общества и заставилъ его построить фильтры, которые остались въ вѣчномъ владѣніи города, правда, избавили столичныхъ обывателей отъ смѣхотворной корюшки въ кухонныхъ раковинахъ, но не отъ двухъ холерныхъ эпидемій, изъ которыхъ вторая длится уже четвертый годъ, и хроническаго тифа, который вмѣстѣ съ холерой уноситъ десятки тысячъ жертвъ и вызываетъ безконечные расходы. Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что оздоровленіе питьевой воды въ столицѣ было тогда отложено на четверть вѣка.

Второе мое столкновеніе съ издателемъ „Вѣстника Европы“ произошло по слѣдующему поводу. Въ 1906 г. принята была моя повѣсть въ упомянутомъ журналѣ. Я попросилъ присылать мнѣ корректуру, но мнѣ было въ этомъ отказано на томъ-де основаніи, что „корректура „Вѣстника Европы“ образцова“. Тутъ я вспомнилъ, что почтеннѣйшій Михаилъ Матвѣевичъ дѣйствительно гордился тщательностью своей корректуры. Я, правда, вспомнилъ и извѣстныя нареканія Тургенева и А. Толстого на корректуру „Вѣстника Европы“, но не протестовалъ и глубоко въ этомъ раскаялся. Искаженіямъ моя повѣсть подверглась почти невѣроятнымъ. Для примѣра укажу хотя бы на слѣдующія два. Вмѣсто: „Въ Испаніи республика провозглашена тридцать три года тому назадъ“—напечатано: „Въ Испаніи республика провозглашена три года тому назадъ“, а вмѣсто: „Во главѣ ея (т. е. Бразиліи), какъ у насъ, стоялъ Императоръ“—напечатано: „Во главѣ ея, какъ у насъ, стоялъ король“. Выходило, что Испанія и до сихъ поръ республика, и что у насъ, какъ прежде въ Бразиліи, царствуетъ король. Это говоритъ въ повѣсти дипломатъ. Откуда взялся этотъ король—уму непостижимо, но ясно одно: тщательность корректуры „Вѣстника Европы“ подлежитъ большому сомнѣнію.

Впрочемъ, это только мимоходомъ. Несмотря на эти искаженія, я въ февралѣ 1908 г. предложилъ журналу новую повѣсть. Она была также принята съ обѣщаніемъ въ виду ея злободневности, что она не залежится. Однако до сентября она не появлялась. Обезпокоенный ея судьбой, я обратился съ запросомъ и получилъ отвѣтъ, что она въ этомъ году не можетъ пойти, потому что редакція съ новаго года переходитъ въ другія руки, но что она

пойдетъ въ 1909 г. при новой редакціи. Однако въ концѣ сентября картина круто измѣняется. Стасюлевичъ пишетъ мнѣ два письма, въ которыхъ старается меня, совершенно чужого ему человѣка, разжалобить тѣмъ, что онъ старъ, очень утомленъ, принялъ редакцію „Вѣстника Европы“, когда ему было уже 40 лѣтъ, и въ концѣ концовъ проситъ меня взять мою рукопись обратно. Такимъ образомъ я жилъ въ теченіе 7 мѣсяцевъ въ увѣренности, что рукопись моя пристроена, и вдругъ получаю увѣдомленіе, что она мнѣ возвращается. Я махнулъ на Стасюлевича рукой и помѣстилъ повѣсть въ другомъ журналѣ; но не трудно понять, въ какое тяжелое положеніе подобный образъ дѣйствій могъ бы поставить многихъ авторовъ, какъ и то, что корректный издатель при такихъ обстоятельствахъ просто призналъ бы свою вину и выразилъ бы готовность нести ея послѣдствія, а не прибѣгъ бы къ жалостнымъ отговоркамъ.

Р. Сементковскій.

Колтовской дьячекъ.

(Эпизодъ изъ жизни Императора Николая I).

I.

Былъ мартъ 1847 года. Въ Петербургѣ начиналась весна, и цѣлые потоки грязной, талой воды неслись по улицамъ, образуя на мостовыхъ безчисленные ухабы и рытвины. На центральныхъ улицахъ, гдѣ шла усиленная чистка, можно еще было проходить и проѣзжать безъ труда, но зато на городскихъ окраинахъ это было сопряжено почти что съ рискомъ для жизни.

Въ наиболѣе тяжелыхъ условіяхъ оказались жители зарѣчной и, слѣдовательно, болѣе отдаленной отъ всякаго начальственнаго взгляда, Петербургской стороны. Не убиравшіеся въ теченіе всей зимы сугробы снѣга, растаявъ, превратили переулки и улицы, пустыри и огороды въ венеціанскіе каналы и швейцарскія озера. Въ началѣ невзыскательные обыватели Колтовской, Пушкарской, Бармалеевой и иныхъ улицъ патріархальной стороны не обращали особеннаго вниманія на оттепель, и лишь многочисленная дѣтвора, высыпавшая на улицу съ разбитыми корытами, досками и щепками, наслаждалась до самозабвенія свѣтомъ, теплomъ и свободой. Но скоро радость дѣтей смѣнилась слезами взрослыхъ. Не находившая выхода вода стала заливать первые этажи ветхихъ деревянныхъ домишекъ, густо населенныхъ бѣднотой всякаго званія. Неожиданное наводненіе ставило жителей въ отчаянное положеніе: имъ грозила опасность не только быть затопленными, но и умереть съ голоду. Къ счастью

власть встрепенулась во́ время, и тогдашній оберъ-полицейместеръ Кокошкинъ энергично принялся за дѣло: вызвалъ солдатъ, велѣлъ рыть канавы, и черезъ сутки усиленной работы, вода стала спадать— испуганная бѣднота вздохнула свободнѣе!

Дольше всего вода держалась на Колтовской, улицѣ, и обширный лугъ, окружавшій церковь Спаса-Преображенія, представлялъ изъ себя большое озеро, такъ что рѣдкимъ богомольцамъ, желающимъ посѣтить церковь, приходилось пробираться къ церковной паперти съ великимъ трудомъ, по разбросаннымъ бревнамъ и доскамъ, ежеминутно рискуя свалиться въ воду. Это неудобство, само собою разумѣется, прежде всего отразилось на доходахъ причта, такъ какъ прихожане, несмотря на первую недѣлю Великаго поста, почти перестали ходить на богослуженія. Да и вообще Колтовскій приходъ считался въ столицѣ наименѣе доходнымъ. Населеніе его состояло частью изъ отставныхъ, частью изъ служащихъ мелкихъ чиновниковъ, мелкаго торговаго люда, ютящагося по угламъ и подваламъ, и лишь главными и наиболѣе почетными прихожанами считались нѣсколько купеческихъ семей, владѣльцевъ ближайшихъ лавокъ.

Съ однимъ изъ членовъ причта Спасо-Колтовской (какъ звали ее обыкновенно) церкви и произошло описываемое нами событіе, кореннымъ образомъ измѣнившее всю его дальнѣйшую судьбу, виновницей чего оказалась весенняя оттепель... [1]).

II.

— „Ну и недѣлька выпала!...“ проговорилъ входя и сердито бросая шапку на столъ, дьячекъ Благосвѣтловъ,—„никакихъ требъ; въ кружкѣ [2]) хоть шаромъ покати... Придется видно въ воскресенье опять безъ пирога обойтись“,—полушутливо добавилъ онъ, обращаясь къ сидѣвшей у окна женѣ.

— „Ужъ искалъ бы ты, Иванъ Павловичъ, другого какого мѣста: попроси прихожанъ, къ владыкѣ съѣзди, поклонись ему въ ноги!... Не умирать же съ голоду...“—отвѣтила ему жена, и въ ея голосѣ послышались скрытыя слезы.

— „Что же сдѣлаемъ?... видно, Божья воля!... переждемъ немножко,

---

[1]) Происшедшее сообщено намъ внукомъ героя этого событія. Всѣ фамиліи участвующихъ лицъ, по весьма понятнымъ причинамъ, измѣнены.

[2]) По установившемуся среди духовенства обычаю, всѣ доходы по церкви за недѣлю собираются въ такъ наз. „кружку“. Въ концѣ же недѣли сумма дѣлится между причтомъ.

авось, что-нибудь и наклюнется, а то просить-то мнѣ, вотъ какъ не хочется"...—съ неудовольствіемъ проговорилъ Благосвѣтловъ.

— „Да ужъ ты извѣстно, безсребренникъ,"—раздраженно возразила дьячиха,—„о семьѣ то тебѣ и заботы мало, все на Бога ссылаешься, а забылъ про пословицу: что Богъ-то Богъ, да и самъ не будь плохъ!.."

— „Ну, пошла—поѣхала!.. брось ты, матушка, ради Бога укоры, и безъ того тоска на сердцѣ... Дай лучше поѣсть чего-нибудь—усталъ какъ собака".

— „Да и обѣдъ-то нынче не по тебѣ—одни щи; Филимоновъ обѣщалъ крупъ прислать, да видно обѣщаннаго три года ждать надо..." недовольно говорила жена—накрывая на столъ.

— „Пришлетъ, не бойся, чай, сама видишь: не пройти, не проѣхать... чистое наказаніе... оттого и требъ нѣтъ..."

— „Какія у тебя требы, если ты съ отцомъ Ѳедоромъ въ очереди; онъ скорѣй съ тебя возьметъ, чѣмъ тебѣ выдѣлитъ, да ты же и виноватъ будешь!.." „Да, вотъ что",—спохватилась она,—„чуть не забыла: отецъ Ѳедоръ сторожа присылалъ, въ три часа у него крестины богатыя, такъ онъ съ дьякономъ пойдетъ, а тебѣ велѣлъ вечерню отправить не въ очередь... вотъ тебѣ и еще доходъ!.."—съ горечью добавила Благосвѣтлова.

— „Это ужъ изъ рукъ вонъ!.." возмутился Иванъ Павловичъ,—„какъ треба получше, такъ онъ сейчасъ съ дьякономъ!.. Нѣтъ, будь что будетъ, а я поѣду въ понедѣльникъ къ владыкѣ, пусть хоть въ деревню переведетъ, все лучше..."

Долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ возмущенный явной несправедливостью Благосвѣтловъ, и мечты его унеслись далеко: онъ мысленно получалъ уже отъ Владыки-митрополита просимое мѣсто, но не въ деревнѣ, а въ богатомъ, доходномъ приходѣ. Понемногу онъ успокоился и, взглядывая по временамъ на жену, что-то шившую у окна, и видя ея заплаканные глаза, онъ думалъ, что съ перемѣной мѣста и въ семьѣ у него наладится, пройдутъ безконечныя слезы и попреки жены, да и самому станетъ легче... А онъ вдобавокъ и не старъ еще: три года какъ семинарію кончилъ, женился по любви и не разбирая, не выждавъ, взялъ первую открывшуюся вакансію и поступилъ псаломщикомъ въ церкви Спаса. Временно можно было бы помириться и съ этимъ мѣстомъ, если бы не отецъ Ѳедоръ, жадный и корыстолюбивый попъ, не взлюбившій почему-то молодого псаломщика. Ко всему придирался отецъ Ѳедоръ: и читать-то ты не умѣешь, и поешь нескладно и не въ тонъ ему, протоіерею. Послѣднее было уже совсѣмъ несправедливо, такъ какъ Благосвѣтловъ имѣлъ отличный музыкальный слухъ, и въ тонъ не,

попадалъ самъ отецъ Ѳедоръ, не обладавшій этимъ талантомъ. Голосъ же молодого дьячка звучалъ прекрасно, и церковный староста не разъ говаривалъ ему, послѣ прекрасно прочитаннаго апостола: „эхъ, Иванъ Павловичъ, быть-бы тебѣ у насъ дьякономъ, а не дьячкомъ!..“

Окончательно успокоившись, Благосвѣтловъ легъ уснуть до вечерни, не подозрѣвая, что за ней, самымъ удивительнымъ образомъ, рѣшится его судьба.

III.

Между тѣмъ молва о наводненіи на Петербургской сторонѣ разрослась какъ снѣжный комъ и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сдѣлала изъ мухи слона. Говорили о десяткахъ погибшихъ, о разрушенныхъ домахъ и о несчастныхъ семьяхъ, оставшихся безъ крова. Слухи достигли наконецъ до Зимняго Дворца, и Государь потребовалъ отъ оберъ-полицеймейстера подробный докладъ о происшедшемъ. Выслушавъ отъ генерала Кокошкина [1]) рапортъ о бѣдствіи, постигшемъ жителей Петербургской стороны, и освѣдомившись о томъ, приняты ли всѣ мѣры для облегченія несчастія и обезпечены ли неимущіе жители пищей и кровомъ, Государь выразилъ желаніе лично осмотрѣть мѣсто наводненія.

Въ три часа по полудни, знаменитый рысакъ, запряженный въ легкія одиночныя сани, мчалъ Императора по улицамъ столицы. По въѣздѣ на Петербургскую сторону, кучеру пришлось сдержать лошадь, такъ какъ дорога была изрыта глубокими ухабами и въ изобиліи усѣяна досками, бревнами и дровами, принесенными водою.

Миновавъ церковь Николы Мокраго [2]), Государь приказалъ кучеру ѣхать по направленію къ Спасской церкви. Проѣздъ по Колтовской улицѣ былъ труденъ: громадныя лужи не позволяли разсмотрѣть выбоинъ, и лошади приходилось идти шагомъ, осторожно нащупывая твердую почву. На улицѣ было пустынно, близился вечеръ, и рѣдкіе встрѣчные не узнавали закутанную въ шинель фигуру Императора Николая Павловича.

---

[1]) Генералъ-Маіоръ С. А. Кокошкинъ, спб. оберъ-полицеймейстеръ 1830—1847 г.г.

[2]) Такъ звали въ простонарѣчіи нынѣшній Князь-Владимірскій Соборъ. Названіе это произошло оттого, что до построенія Владимірскаго Собора, здѣсь была церковь во имя Св. Николая, на урочищѣ, называемомъ „мокрушей.“

Тишина улицы вдругъ нарушилась ударомъ колокола—звонили къ вечернѣ у Спаса Колтовскаго. Государь снялъ каску и набожно перекрестился. Рѣдкіе, великопостные удары колокола гулко разносились въ вечернемъ воздухѣ и какъ-то невольно передавали душѣ молитвенное настроеніе. Взглянувъ на историческую церковь и вспомнивъ, что когда-то здѣсь, въ „Колтовскихъ“ слободахъ [1]), жили Петровскіе солдаты, онъ велѣлъ кучеру подвезти себя къ церкви.

Въ церкви былъ полумракъ; лишь вдали у иконостаса тускло теплилось нѣсколько свѣчекъ. Богомольцевъ не было, если не считать нищей старухи да исполнявшаго обязанности церковнаго старосты сторожа, стоявшаго за свѣчной выручкой.

Приходъ Государя не возбудилъ ничьего вниманія, и онъ безпрепятственно прошелъ нѣсколько шаговъ впередъ и сталъ у колонны. Изъ алтаря раздался тихій возгласъ священника и въ отвѣтъ ему могучій, бархатный басъ началъ чтеніе канона.

Канонъ читалъ скрытый за иконой Благосвѣтловъ.

Чудныя, богодухновенныя слова дивнаго произведенія Андрея Критскаго звучно разносились по пустынному храму. Собственное горе, мысли о будущемъ и его неизвѣстность, все это какъ будто находило отвѣтъ въ священныхъ фразахъ, и Благосвѣтловъ читалъ артистически. Голосъ его звучалъ то глубокой вѣрой въ милосердіе Божіе, то съ грустью молилъ о ниспосланіи мира мятущейся душѣ...

Николай Повловичъ стоялъ изумленный и растроганный... Бѣдная ли обстановка небольшого храма и вдохновенное чтеніе, или вечерняя тишина и навѣянныя ею воспоминанія, или что иное, но Государю показалось, что никогда еще онъ не былъ такъ близокъ къ Богу, какъ теперь. Голосъ чтеца онъ нашелъ необыкновенно красивымъ и звучнымъ, болѣе красивымъ, чѣмъ голоса придворныхъ псаломщиковъ. „Его надо взять къ себѣ“, мысленно рѣшилъ Императоръ и, повернувшись, подошелъ къ свѣчной выручкѣ и спросилъ дремавшаго сторожа:

— „Какъ фамилія дьячка“?

Вздрогнувшій отъ неожиданности старикъ еще болѣе растерялся, когда увидѣлъ передъ собою извѣстную всѣмъ петербуржцамъ высокую фигуру Государя.

— „Виноватъ... Ваше... Ваше Императорское Величество...“—еле могъ выговорить онъ,—Благосвѣтловъ его фамилія“...

---

[1]) Церковь Преображенія Господня (нынѣшняя Спасъ-Колтовская) была основана въ 1722 году при Невскомъ полку,—слобода котораго отъ фамиліи командира получила, до настоящаго времени дошедшее, прозваніе „Колтовскихъ“.

— „Хорошо, старикъ“,—милостиво сказалъ Императоръ и вышелъ изъ церкви.

Выбѣжавшій вслѣдъ за нимъ сторожъ увидѣлъ выѣзжавшія уже изъ церковной ограды сани съ царственнымъ сѣдокомъ и, понявъ, что за сонъ ему приснился, всплеснулъ руками и бросился прямо въ алтарь, гдѣ заплетающимся языкомъ сообщилъ служившему вечерню настоятелю, *кто* былъ сейчасъ въ церкви.

— „Да ты, Степанъ, не пьянъ, нѣтъ?“—строго взглянулъ на него протоіерей, но, увидѣвъ растерянный видъ старика, понялъ, что это не шутка и самъ, въ свою очередь взволновавшись, сталъ его разспрашивать.

— „И не знаю какъ,“—весь трясясь, разсказывалъ сторожъ,—„задремалъ я что ли, грѣшнымъ дѣломъ, а только вижу—стоитъ *Онъ* предо мною у выручки и спрашиваетъ: а какъ дьячка зовутъ?.. а я и сказать-то что, не знаю... какъ ужъ Господь сподобилъ отвѣтить и не вдомекъ“...

— „Ну, что-то будетъ...“—сокрушенно вздохнулъ настоятель,—„что-то будетъ!.. Храни Богъ, Высокопреосвященный узнаетъ: и старосты нѣтъ, и вечерню безъ дьякона правимъ... а все отецъ Ѳедоръ: не пойду съ Благосвѣтловымъ, да не пойду, а вотъ и дождались!“.

Наскоро окончивъ службу, настоятель сообщилъ о происшедшемъ Благосвѣтлову и добавилъ, что Государь спросилъ о его фамиліи.

— „Храни тебя Богъ, Иванъ Павловичъ!.. что, если чѣмъ прогнѣвилъ Государя?..“— сочувственно говорилъ ему старикъ протоіерей.

— „Да чѣмъ же я прогнѣвить-то могъ?“— недоумѣвалъ тотъ,—„читалъ я, кажется, отецъ настоятель, вѣрно, безъ пропусковъ, а что Государя не замѣтилъ, такъ вѣдь мнѣ изъ-за иконы-то не видно“.

— „Такъ-то такъ... а все таки... вонъ и отецъ Ѳедоръ жалуется: дерзишь ты много... вотъ что!..“

— „Воля ваша, отецъ настоятель, а только и отецъ Ѳедоръ неправъ: придирчивъ очень“...

— „А ты терпи, помни, что сказано: претерпѣвый до конца—спасется!“.

— „И такъ ужъ терплю, да, кажется, до того натерпѣлся, что скоро у Владыки въ деревню проситься буду“,—съ горечью отвѣтилъ Благосвѣтловъ.

— „Ну, ладно, ладно, иди ужъ, не гнѣви Бога!“—сокрушенно проговорилъ протоіерей,—„утро вечера мудренѣе, авось, минетъ насъ чаша сія“.

IV.

Придя домой и разсказавъ женѣ о царскомъ посѣщеніи, Иванъ Павловичъ совсѣмъ упалъ духомъ. Казалось, что послѣдняя надежда на лучшую перемѣну жизни рухнула. Въ самомъ дѣлѣ: зачѣмъ Государю понадобилось знать фамилію какого-то дьячка, какъ не за тѣмъ, чтобы наказать его. Вотъ только причины, навлекшей на него гнѣвъ монарха, онъ никакъ не могъ найти. Онъ ломалъ себѣ голову и такъ и сякъ, и все-таки ничего не могъ выяснить. Измученный въ конецъ и собственными мыслями, и рыданіями жены, горько плакавшей о томъ, какъ ея Ваню по царскому приказу казнятъ на Конной площади безвинно,—Благосвѣтловъ только подъ утро забылся тяжелымъ, болѣзненнымъ сномъ.

— „Вставай, Ваня“,—услышалъ онъ утромъ голосъ будившей его жены,—„вставай, свѣтикъ, чуяло мое сердце, что осиротѣю я съ дѣтками...“ заливалась она горькими слезами.

— „Въ чемъ дѣло?“—вскакивая, спросилъ поблѣднѣвшій Иванъ Павловичъ,—„говори толкомъ, не мучь...“

— „Сторожъ пришелъ отъ настоятеля, тебя зовутъ, говоритъ, отъ Царя офицеръ за тобой пріѣхалъ... и что ты такое надѣлалъ вчера въ церкви, и ума не приложу!?“.

— „Ничего я не надѣлалъ и предъ Царемъ не виноватъ; а ты не плачь—хуже не будетъ“,—стараясь быть спокойнымъ, говорилъ Благосвѣтловъ,—„давай сюртукъ, да перестань плакать! авось, Богъ не оставитъ!“.

Подходя къ настоятельскому крыльцу, Иванъ Павловичъ не безъ волненія увидѣлъ стоявшую около фельдъегерскую тройку. Сердце у него сжалось, и вдругъ мелькнула мысль: не бѣжать ли? но разсудокъ сейчасъ же отвѣтилъ: куда?—бѣжать было некуда.

Блѣдный, но спокойный, онъ вошелъ въ квартиру настоятеля. Въ прихожей толпилась вся многочисленная семья послѣдняго, и появленіе Ивана Павловича было встрѣчено съ какимъ-то смущеніемъ и страхомъ. Матушка протопопша, какъ звали ее въ приходѣ, добрая, тучной комплекціи женщина, подошла къ нему и, положивъ руку на плечо, проговорила: „эхъ, Иванъ Павловичъ...“ и быстро, быстро заморгавъ глазами, отошла. Все это, повидимому, предвѣщало мало хорошаго. Мысленно перекрестившись, онъ тихо постучалъ въ притворенную дверь гостиной и, услышавъ въ отвѣтъ голосъ настоятеля „входите“, отворилъ дверь.

Въ небольшой гостиной, увѣшанной по стѣнамъ портретами архіереевъ и иныхъ лицъ духовнаго званія, въ креслахъ сидѣли настоятель и молодой офицеръ въ формѣ фельдъегерскаго корпуса. Они о чемъ-то оживленно бесѣдовали, и протоіерей, съ довольнымъ лицомъ поглаживалъ свою сѣдую бороду.

— „Вы псаломщикъ Благосвѣтловъ?“ обратился къ вошедшему, щелкая шпорами, фельдъегерь.

— „Къ вашимъ услугамъ“,—слегка дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ Иванъ Павловичъ,—„чѣмъ могу служить?“

— „По именному предписанію Его Императорскаго Величества, которое я сообщилъ отцу протоіерею,—я обязанъ препроводить васъ немедленно къ настоятелю придворнаго Собора, для нѣкоторыхъ переговоровъ. Благоволите быть готовымъ въ возможной скорости“,—вѣжливо, но рѣшительно заявилъ офицеръ.

— „Идите скорѣй домой, одѣньтесь“,—добавилъ настоятель,—„и успокойтесь: счастье вамъ большое выпало, Иванъ Павловичъ“!

Ничего не понимая, какъ въ туманѣ, вышелъ Благосвѣтловъ изъ настоятельской квартиры; онъ инстинктивно чувствовалъ, что дурного быть не можетъ, что предстоитъ что-то хорошее, свѣтлое, но что именно,—казалось непонятнымъ, какъ было непонятно все происшедшее, гдѣ событія смѣшались какъ въ калейдоскопѣ: пріѣздъ Государя, страхъ его гнѣва, фельдъегерь и неизвѣстное будущее.

Успокоивъ наскоро жену, онъ вернулся обратно, и скоро фельдъегерская тройка, провожаемая изумленными взглядами Колтовскихъ обывателей, увезла его по направленію къ Зимнему Дворцу.

V.

Протопресвитеръ, солидный, весь увѣшанный орденами, благообразнаго вида протоіерей, принялъ его сейчасъ же по пріѣздѣ. Фельдъегерскій офицеръ, почтительно доложивъ что-то, удалился, и Иванъ Павловичъ остался наединѣ съ важной духовной персоной, теряясь отъ непривычной ему обстановки.

— „Вы, конечно, знаете, молодой человѣкъ, причину, которая привела васъ сюда?“—обратился къ нему протопресвитеръ, приглашая его сѣсть легкимъ движеніемъ руки.

— „Простите, Ваше Высокопреподобіе, но я, право, ничего не знаю... и убѣдительно прошу дать мнѣ какія-нибудь разъясненія!..“—взволнованно отвѣтилъ Благосвѣтловъ.

— „Вотъ что!.. ну, такъ я вамъ поясню: дѣло въ томъ, что

Государь Императоръ, посѣтивъ вчера вашу церковь, такъ остался доволенъ вашимъ чтеніемъ, что повелѣлъ мнѣ зачислить васъ въ штатъ придворныхъ псаломщиковъ. Сообщая объ этомъ, я надѣюсь, что вы оправдаете довѣріе Его Величества."

— „Ваше Высокопреподобіе..."—пролепеталъ Иванъ Павловичъ,— „Ваше Высоко..."—дальше онъ не могъ продолжить фразы, спазма сдавила ему горло, и непрошенныя слезы появились на глазахъ.

— „Успокойтесь, выпейте воды и разскажите мнѣ о себѣ",— ласково успокаивалъ его протопресвитеръ,— „отъ счастья не умираютъ, не бойтесь!"

Слегка оправившись, но все-таки сильно волнуясь, Благосвѣтловъ принялся разсказывать свою біографію, не забылъ упомянуть о бѣдности прихода, не упомянувъ лишь о мздоимствѣ отца Ѳедора. Получивъ благословеніе и приказаніе быть готовымъ къ скорой службѣ въ Высочайшемъ присутствіи, онъ, не чувствуя подъ собою земли отъ радости, отправился домой.

Нечего и говорить о томъ, что произошло по его возвращеніи: счастью и разговорамъ не было конца, весь причтъ, не исключая и отца Ѳедора, перебывалъ у Ивана Павловича, и всѣ наперерывъ поздравляли счастливца и всѣ ему завидовали.

Благосвѣтловъ былъ назначенъ псаломщикомъ къ церкви Аничковскаго дворца и уже на Пасхѣ участвовалъ въ торжественныхъ придворныхъ службахъ. Въ этой должности онъ прослужилъ много лѣтъ и долго, до самой смерти, любилъ вспоминать о чудодѣйственномъ, какъ онъ называлъ, дѣлѣ, съ нимъ приключившемся, и свято чтилъ память своего благодѣтеля Императора Николая I.

Сообщ. М. Я. Корольковъ.

Изъ Подольской старины[1]).

VI.

С. Матвѣйковцы.—Мой предшественникъ.—Прихожане, ихъ бытъ и нравы.—Помѣщики.—Панъ Гадомскій.—Отношенія его къ крѣпостнымъ и ко мнѣ.—Объявленіе свободы.—Поведеніе помѣщиковъ-поляковъ.—Издѣльная повинность.—Заведеніе школы.—Подготовленіе къ польскому мятежу въ с. Матвѣйковцахъ.—Послѣ мятежа.—Контрибуція.—Благоустроеніе быта духовенства послѣ освобожденія крестьянъ.

Село Матвѣйковцы оказалось приходомъ во всѣхъ отношеніяхъ худшимъ, чѣмъ Иванковцы. Тамъ, хотя и не важное, но все же было помѣщеніе для священника, а здѣсь приходилось жить въ простой крестьянской хатѣ. Она была холодна, низка и малопомѣстительна. Жена, страдавшая страшнымъ недугомъ, поставленная въ такія неблагопріятныя гигіеническія условія, несмотря на предпринятое лѣченіе, здѣсь и скончалась въ 1858 году 26 августа. Я остался вдовцомъ. Что пережилъ, перечувствовалъ тогда, не хочу и вспоминать. Послѣ смерти жены ко мнѣ на житье переселились мать и сестра.

Церковь въ Матвѣйковцахъ была деревянная и настолько стара и ветха, что, при ремонтѣ крыша ея не выдержала еврея-подрядчика, который провалился, едва не забившись на смерть.

Въ виду того, что въ сосѣднихъ селахъ Тростянцѣ и Новомъ Свѣтѣ не было храмовъ, тамошніе священники ѣздили попеременно ко мнѣ служить и отправлять требы. Иногда мы совершали богослуженіе соборне.

---

[1]) См. „Русская Старина“ ноябрь 1911 г.

Новые прихожане мои были народъ очень распущенный, отъ церкви совершенно отвыкшій. Въ этомъ послѣднемъ, впрочемъ, не мало былъ виновенъ мой предшественникъ, священникъ Волошановичъ, не заботившійся о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи своихъ пасомыхъ. Онъ сильно запивалъ, вслѣдствіе чего по мѣсяцамъ не заглядывалъ въ церковь. Волошановичъ отъ пьянства и погибъ. Однажды онъ въ нетрезвомъ видѣ совершилъ неблаговидный поступокъ. Дѣло состояло въ слѣдующемъ. Принадлежащій ему поросенокъ зашелъ въ чужой огородъ и сильно попортилъ его. Сотскій, человѣкъ уже старый и почтенный, изъ николаевскихъ солдатъ, пришелъ къ батюшкѣ и просилъ его не пускать своихъ свиней, чтобы не быть въ отвѣтѣ и не заплатить штрафу. Батюшка былъ пьянъ, разсердился, ударилъ сотскаго и оборвалъ у него Георгіевскій крестъ. Если бы онъ возвратилъ послѣдній старику, дѣло по всей вѣроятности осталось бы въ тайнѣ; но Волошановичъ не отдалъ его, а при первой возможности спряталъ въ церкви въ щели бревна за запрестольной иконой, гдѣ при чисткѣ я уже нашелъ его. Сотскій пожаловался на священника приставу. Возникло дѣло. Волошановичу грозили судъ и значительное наказаніе, которые могли сильно повредить ему въ отношеніи службы. Онъ избѣгъ того и другого. Въ одинъ день его нашли мертвымъ. По разсказамъ жены онъ влилъ въ себя два „ока“ крѣпкаго спирту и такимъ образомъ покончилъ съ собою.

Главнымъ порокомъ, губившимъ достояніе и здоровье матвѣйковецкихъ крестьянъ, было пьянство, развитое въ сильной степени. Въ селѣ было 3 корчмы, гдѣ уже орудовали евреи, при чемъ прибѣгали ко всякимъ средствамъ, чтобы одурманить своихъ покупателей и стянуть съ нихъ лишнюю копейку. Для приданія большей крѣпости водкѣ они не стѣснялись отравлять ее табакомъ. Съ самаго поступленія на этотъ приходъ я энергично боролся съ пьянствомъ въ селѣ, но результаты получались не вполнѣ удовлетворительные, хотя я и достигъ того, что корчмы стали закрываться въ 10 часовъ вечера, пьянство мало сократилось, и мнѣ же сопастыри угрожали строгою отвѣтственностью за мои яко-бы незаконные поступки.

Плохъ былъ Собанскій въ Хребтіевѣ, но, въ сравненіи съ помѣщиками съ Матвѣйковецъ, онъ могъ считаться хорошимъ и гуманнымъ человѣкомъ. Матвѣйковцами владѣли три помѣщика: панъ Щалковскій, панъ Небельскій и панъ Гадомскій. Это все были завзятые поляки, люди безъ имени, безъ образованія и добрыхъ традицій. Гадомскій еще немного учился въ Кременецкомъ лицеѣ, а первые два не получили никакого школьнаго образованія.

Пану Гадомскому принадлежала средина села — дворовъ 18, и жилъ онъ вблизи церкви, а потому чаще всего происходили у меня съ нимъ и столкновенія. Гадомскій былъ грубіянъ, пьяница и развратникъ.

Пьянствовалъ онъ до безобразія и до потери чувства стыда. Его можно было часто видѣть шествующимъ въ кормчу и обратно въ одной сорочкѣ безъ невыразимыхъ. Моего предшественника Волошановича собственно Гадомскій и споилъ, а слѣдовательно и погубилъ. Думалъ онъ и со мною поступить такимъ же образомъ, но я устоялъ и при всякомъ его поползновеніи на спаиваніе давалъ рѣшительный отпоръ. Бывало, идешь мимо его дома; онъ увидитъ, выбѣгаетъ и насильно тащитъ меня въ свою комнату. У него постоянно стоялъ на столѣ графинъ со спиртомъ. Усадивъ меня, онъ наливалъ громадную рюмку и заставлялъ меня пить. Я обыкновенно рѣшительно отказывался отъ предложенія, заводилъ какой-нибудь разговоръ, а потомъ, улучивъ удобную минутку, безъ прощанія покидалъ домъ помѣщика.

Въ пьяномъ видѣ онъ допускалъ много безобразій. Иногда заходилъ въ церковь съ трубкою въ рукахъ. Много приходилось употреблять усилій, чтобы какъ-нибудь выпроводить изъ храма пьянаго самодура.

Страшно онъ и развратничалъ, хотя и имѣлъ жену и сына. Кажется, не было ни одной его крѣпостной дѣвицы, которая не стала бы его жертвою. Отъ многихъ онъ имѣлъ и дѣтей. Время было безправное, а потому его каверзы почти всегда сходили съ рукъ, и забитые крестьяне примирялись съ фактами. Помнится такой случай. Въ Матвѣйковцахъ жилъ мельникъ, имѣвшій дочку, отличавшуюся красотою и здоровьемъ. Гадомскій часто подговаривался къ ней, но безъ успѣха, а потому онъ рѣшилъ дѣйствовать насиліемъ. Былъ Свѣтлый праздникъ. Весь народъ и старый и малый, закусивши „свяченымъ“, собрался по обыкновенію около церкви. Молодежь обоего пола справляла такъ называемую „гаивку“ [1]), а старые, воспользовавшись праздничнымъ отдыхомъ,

---

[1]) Подъ именемъ „гаивка“ въ Малороссіи извѣстенъ обычай собираться въ первые дни Пасхи на церковномъ погостѣ и производить особаго рода игры около церкви. Молодые люди обоего пола танцуютъ особенный, такъ называемый „кривой“ танецъ и поютъ гаивочныя пѣсни. По содержанію этихъ пѣсенъ и по устному преданію можно заключать, что обычай этотъ установился въ то время, когда еще была въ Малороссіи унія, и малороссы находились подъ владычествомъ поляковъ. Тогда, какъ извѣстно, поляки отдавали правосл. церкви на откупъ евреямъ, иногда содержавшимъ и корчму. Безъ разрѣшенія арендатора, у котораго находились и ключи, нп-

бесѣдовали между собою, любовались на игры и играющихъ, вспоминали былое. Здѣсь же, конечно, была и приглянувшаяся пану дѣвушка съ своими родителями и родственниками. Узнавши, что она около церкви, Гадомскій высылаетъ туда своихъ „возьмителей“, которые являются туда, незамѣтно и неожиданно выхватываютъ ее изъ круга играющихъ и тащатъ къ помѣщику.

Она, конечно, закричала благимъ матомъ. Крестьяне начали догадываться, въ чемъ дѣло, поднялись и пустились въ догонку за похитителями. Явились во дворъ къ пану; но было уже поздно. Они были лишь невольными свидѣтелями гнуснаго поступка своего властелина. Отъ этой дѣвушки Гадомскій имѣлъ дѣвочку.

Прижитыя дѣти обыкновенно бросались Гадомскимъ на произволъ судьбы, и только на нѣкоторыхъ онъ обращалъ вниманіе и пристраивалъ. Нѣсколько дѣвочекъ по достиженіи ими извѣстнаго возраста были выданы замужъ. На одной былъ даже женатъ одинъ полякъ, чиновникъ Заницкій. Это тоже былъ интересный субъектъ. Когда я прибылъ на приходъ, у него трое дѣтей оказались некрещенными. Очевидно, проволочкой времени онъ хотѣлъ ихъ окатоличить, обойти законъ, по которому дѣти, рожденныя отъ православной матери, должны были воспитываться въ православіи. Мнѣ донесли о дѣйствіяхъ Заницкаго, и я письменно потребовалъ отъ него, чтобы онъ представилъ своихъ дѣтей къ крещенію. Тотъ сначала не соглашался, думалъ подкупить меня, давши 10 рублей, но я оставался непреклоненъ. Видя, что ничто на меня не дѣйствуетъ, и что ему придется окрестить дѣтей по православному обряду, онъ смирился и только заявилъ: „Не хочу, чтобы крестилъ этотъ попъ. Пусть пріѣдетъ изъ Новаго Свѣта“. Меня же просилъ быть лишь воспріемникомъ дѣтей. Я долженъ былъ согласиться на его желаніе. Крестили, конечно, черезъ погруженіе. Двухъ младшихъ еще не трудно было погружать, что же касается старшаго, которому было

кто не имѣлъ права отпереть церковь. Въ одномъ селѣ люди собрались къ церкви на Свѣтлый праздникъ. Церковь заперта и ключей нельзя достать, потому что еврей-арендаторъ со всѣмъ семействомъ и родственниками поѣхалъ въ мѣстечко на „шабашъ“. Бѣдные крестьяне рады были бы, чтобы батюшка хоть освятилъ хлѣбъ и яства, но и ризы и св. вода въ церкви. Уже и солнышко взошло, а люди все ждутъ около церкви. Разъ 10 посылали посмотрѣть, не ѣдетъ ли еврей, нѣтъ... Наконецъ арендаторъ со всѣмъ своимъ „кодломъ“ показывается съ горы. Крестьяне съ радости издали еще кланяются ему, привѣтствуютъ: панагабугъ (помогай Боже) и просятъ ключей отъ церкви. Во время „гаивки“ поется и доселѣ такая пѣсня: „Йіде Жельманъ, йіде, йіде его братъ, йіде, йіде Жельманова, і братова, і вся родына пана Жельмана“ (Зельмана).

не менѣе четырехъ лѣтъ, то его пришлось крестить въ 4 руки; онъ махалъ руками и ногами.

Женѣ Гадомскаго трудно было жить съ нимъ. Будучи человѣкомъ вообще неуживчивымъ, во хмелю онъ былъ невозможенъ, издѣвался всячески надъ женою и въ пьяномъ видѣ наводилъ на нее прямо страхъ. Спали они въ разныхъ комнатахъ. Для успокоенія себя Гадомская взяла было себѣ служанку, но онъ настоялъ на томъ, чтобы послѣдней не было при ней. Впрочемъ, Гадомская не выдержала долго поведенія мужа и сбѣжала отъ него. Ближайшимъ поводомъ къ такому поступку послужилъ слѣдующій случай. Однажды умирала одна крестьянка изъ крѣпостныхъ Гадомскаго. Узнавъ, что жены нѣтъ дома, онъ задумалъ подшутить надъ ней; приказалъ перенести мертвую женщину и поставить ее въ углу въ комнатѣ жены. Та вечеромъ, ничего не подозрѣвая, входитъ къ себѣ и видитъ мертвеца. Ужасъ ея былъ настолько великъ, что она тутъ же упала въ обморокъ, на другой же день съ сыномъ уѣхала къ родственникамъ и болѣе уже не возвращалась къ мужу, а черезъ нѣсколько времени получила формальный разводъ,

Я всегда горячо отстаивалъ интересы крѣпостныхъ пана Гадомскаго, ни въ чемъ не уступалъ ему, а потому онъ страшно не взлюбилъ меня. Часто происходили у насъ столкновенія, доходившія иногда до перебранки. Гадомскій нерѣдко прямо ни съ того, ни съ сего выйдетъ на горбокъ предъ своимъ домомъ и, видя меня на противоположномъ горбкѣ, кричитъ: „попъ такой, сякой!..“ Погрозишь ему въ отвѣтъ кулакомъ и поневолѣ скрываешься въ хату, чтобы не наскочить на большій скандалъ и не скомпрометтировать себя предъ прихожанами. Онъ въ раздраженіи и опьяненіи способенъ былъ прибѣжать ко мнѣ и вступить въ драку.

Понятно, что такой помѣщикъ не могъ относиться даже по-человѣчески къ своимъ крѣпостнымъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на вьючныхъ животныхъ, помимо барщины бралъ у нихъ все, что хотѣлъ. Понравится ему воликъ, беретъ, понравится лошадка—тоже, не гнушался и веревкой и самодѣльной „спідныцей“. Въ этомъ случаѣ онъ руководился и оправдывался однимъ самоизмышленнымъ закономъ: „то мое. Ты мой и все, что ты имѣешь, тоже мое“: Большинство помѣщиковъ сами платили опредѣленное количество оброковъ за своихъ крѣпостныхъ, а наши не хотѣли этого дѣлать. Въ виду всего этого народъ въ Матвѣйковцахъ былъ крайне бѣденъ.

Помѣщики—ляхи, кромѣ того сильно унижали своихъ крѣпостныхъ. Напр. я засталъ такой обычай, что вступающіе въ бракъ наканунѣ вѣнчанья ходили къ евреямъ на поклонъ, при этомъ

несли имъ курицу. Мало того они кланялись имъ въ ноги и цѣловали руки. Еврей угощалъ ихъ дешевой, сдобренной табакомъ, водкой. Зачѣмъ? „Такъ панъ велѣлъ: его воля“. По пріѣздѣ своемъ, какъ только узналъ объ этомъ обычаѣ, запретилъ прихожанамъ такъ унижаться. Евреи были очень недовольны моимъ распоряженіемъ; они начали ходить ко мнѣ и говорили: „зачѣмъ вы запретили ходить?.. Развѣ вамъ жалко, если хлопы принесутъ намъ куру? Чѣмъ мы будемъ теперь жить?..“

Впрочемъ, панскому произволу близился конецъ. Подходилъ памятный въ русской исторіи 1861 годъ. Еще ранѣе начали ходить упорные слухи о приближеніи дарованія „свободы“. Какъ-то въ мартѣ мѣсяцѣ (въ вел. постъ) я былъ у сосѣдняго священника и переночевалъ у него. Не успѣлъ я еще подняться съ постели, какъ изъ Матвѣйковецъ прибылъ посланецъ съ извѣстіемъ, что становой приставъ просилъ быть рано утромъ въ церкви, такъ какъ нужно читать какой-то манифестъ. Я сейчасъ же сѣлъ на своихъ лошадей и поѣхалъ домой. Пристава еще не было. Спѣшу въ церковь. Гадомскій какъ разъ идетъ навстрѣчу.

— А чего, ксенже, въ церковь идетъ?—заговорилъ онъ по-польски.

— Слышно, что скоро пріѣдетъ приставъ и объявитъ людямъ свободу,—отвѣтилъ я.

— Того и быть не можетъ,—возразилъ онъ и, быстро повернувшись, пошелъ въ свой дворъ, откуда я скоро услышалъ его распоряженіе, чтобы его крѣпостные немедленно шли молотить хлѣбъ.

Въ церкви мнѣ пришлось ждать около часу. Наконецъ, пріѣхалъ помощникъ пристава и оповѣстилъ селянъ, чтобы всѣ они немедленно собирались въ церковь. Дѣйствительно, скоро она наполнилась крестьянами обоего пола и разнаго возраста въ одеждѣ, въ какой застало ихъ распоряженіе, а крѣпостные Гадомскаго, какъ ни странно, даже съ цѣпами въ рукахъ. Было уже часовъ 11 дня. Отслуживши благодарственный молебенъ, я внятно прочиталъ манифестъ — объявилъ свободу, послѣ чего сказалъ прихожанамъ на малороссійскомъ понятномъ имъ языкѣ приличное случаю поученіе. Въ церкви стоялъ шумъ и стонъ отъ рыданій радости. Вѣковыя цѣпи спали съ плечъ русскаго народа. Несмотря на свою нравственную испорченность, матвѣйковецкіе крестьяне это радостное событіе ознаменовали рѣшеніемъ капитально отремонтировать свою ветхую церковь, на что ассигновали по единодушному согласію по 2 рубля съ души, кромѣ того, купили хоругви, давали на молитвы за Царя-Освободителя.

Объявленіе свободы очень не нравилось помѣщикамъ. Нашъ приставъ даже и пострадалъ, и за что? Когда въ канцеляріи его полученъ былъ пукъ листковъ съ манифестомъ, перевязанный шнуркомъ, онъ, показывая на этотъ шнурокъ и разрѣзывая его, сказалъ: „этою веревкою Царь развязалъ руки крестьянъ, а связалъ помѣщиковъ“. Слова эти дошли до слуха помѣщиковъ, которые написали по начальству бумагу, обвиняя пристава въ томъ, что онъ-де возмущаетъ крестьянъ противъ помѣщиковъ. Было по этой жалобѣ особое слѣдствіе; пристава, впрочемъ, не лишили должности.

На нашего Гадомскаго манифестъ объ освобожденіи крестьянъ произвелъ удручающее впечатлѣніе. Онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить совершившемуся, ходилъ, какъ сумасшедшій, и еще болѣе сталъ запивать. Разъ встрѣчаетъ меня, схватываетъ за руку и тянетъ къ себѣ въ домъ. Былъ онъ, положимъ, очень пьянъ. Я вошелъ за нимъ. Онъ вдругъ схватываетъ со стола большой ножъ и, смотря въ зеркало, подноситъ къ горлу со словами: „хорошо ли будетъ, если я зарѣжусь?“ Потомъ набросился на меня и началъ кричать: „ты мòскаль!.. За москалями тянешь... Это мòскаль Александръ насъ сгубилъ... Онъ насъ съѣлъ“... Далѣе послышались грубыя выраженія по адресу Императора. „Я зарѣжусь“... иногда выкрикивалъ Гадомскій. Видя, въ какомъ состояніи онъ находится въ данную минуту, и сознавая, что это лишь одни слова, я сказалъ: „рѣжьтесь, только не при мнѣ“, и ушелъ, боясь, чтобы онъ въ изступленіи не ударилъ меня.

Послѣ манифеста объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и всѣ вообще поляки-помѣщики заволновались, и тогда уже заговорили о польскомъ крулѣ. Разъ они собрались въ Каменецъ на выборы. Здѣсь они между прочимъ выработали и написали адресъ, въ которомъ высказывали Императору Александру II свое недовольство за то, что онъ несправедливо поступилъ съ ними, обидѣлъ ихъ, отнявъ у нихъ собственность—крестьянъ. Адресъ предположено было представить чрезъ губернатора Брауншвейга.

Послѣдній былъ еще человѣкъ не старый и рѣшительнаго характера. Онъ, какъ только узналъ о затѣѣ польскихъ пановъ, приказалъ солдатамъ окружить зданіе дворянскаго собранія, гдѣ они находились. Произошелъ сильный переполохъ, и бывшіе здѣсь по обыкновенію пустились „до лясу“, кто чрезъ окно, кто въ заднія двери.

Впрочемъ и среди русскихъ были люди недовольные манифестомъ. Въ села являлись агитаторы, которые проповѣдывали, что данная свобода не полная и потому не слѣдуетъ подчиняться распоряженіямъ правительства. Въ большинствѣ случаевъ это были студенты. Переодѣвшись въ казацкую одежду, они ходили по корчмамъ

и вообще по мѣстамъ, гдѣ собиралось много празднаго народа, и произносили рѣчи. „Братья, приставайте къ намъ... будемъ вси казаками“... и тогда было приглашеніе бить пановъ, поповъ и евреевъ. Нѣкоторые изъ крестьянъ, дѣйствительно, склонялись на слова непризванныхъ учителей и не хотѣли приставать „на грамоты“, какъ говорили. Мнѣ стоило большихъ усилій, чтобы удержать крестьянъ отъ незаконныхъ дѣйствій. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ происходили настоящіе крестьянскіе бунты. Какъ извѣстно, „положеніе о крестьянахъ“ было издано въ листочкахъ, которыхъ было довольно много. Изложеніе ихъ было темное, такъ что трудно было въ нихъ разобраться, особенно людямъ темнымъ. Сверху каждаго листочка было напечатано: „Быть по сему“, а внизу: „Графъ Блудовъ“. Эта послѣдняя подпись между прочимъ породила нѣкоторыя недоразумѣнія въ крестьянахъ. Одинъ дьячекъ ходилъ по селамъ и побуждалъ населеніе не слушать опубликованнаго манифеста и, показывая листы, говорилъ: „видите... Блудовъ вінъ наблудывъ“ (надѣлалъ ошибокъ, неправильностей), а будетъ другой указъ, по которому вамъ больше земли дадутъ“... Этого дьячка полиція схватила. Слова его тѣмъ не менѣе произвели свое дѣйствіе, и въ селѣ Радковицахъ крестьяне взбунтовались. Даже не было и внѣшнихъ побужденій къ тому, потому что помѣщики (2 брата) были люди съ университетскимъ образованіемъ, гуманные и давали крестьянамъ больше земли, чѣмъ полагалось.

Разъ я поѣхалъ для совершенія богослуженія въ с. Хмелевку, гдѣ былъ наблюдающимъ за отсутствіемъ тамъ священника. Послѣ утрени я вышелъ изъ церкви. Смотрю, вблизи лежатъ на травѣ солдаты, а возлѣ нихъ офицеръ, оказавшійся моимъ знакомымъ капитаномъ Андреевымъ. Разговорились. Оказалось, что они шли „драть крестьянъ въ Радковицу“. Въ скоромъ послѣ того времени я встрѣтился съ нимъ, и онъ разсказалъ, какъ было тамъ дѣло. Пришли солдаты. Крестьяне были собраны. Капитанъ распорядился: „лозъ!“ Солдаты моментально притащили громадные пуки лозъ.

„Возьми его“, указалъ онъ на перваго попавшагося мужичка. Тотъ въ ноги, плачетъ горькими слезами: „простите, ваше высокородіе, не буду“... „Пустите его“... „Слѣдующаго“... То же самое и т. д. Такимъ образомъ не пришлось никого бить, и бунтъ былъ усмиренъ. Народъ, конечно, бунтовалъ по своей глупости, темнотѣ.

Послѣ объявленія воли вышло распоряженіе заводить школы. Надежда на содѣйствіе въ этомъ отношеніи нашихъ помѣщиковъ была плохая. Пришлось обо всемъ позаботиться самому. Представилась необходимость въ книжкахъ и пособіяхъ для обученія. Во время пребыванія въ Каменцѣ я рѣшилъ обратиться съ просьбою

отпустить нужныя книги къ губернатору Брауншвейгу. Онъ принялъ меня довольно благосклонно. Выслушавъ мою просьбу, онъ заявилъ, что такихъ книгъ не имѣетъ, а можетъ дать денегъ на пріобрѣтеніе ихъ, при чемъ вручилъ мнѣ 5 рублей. Помѣщеніе нашлось, учительствовать думалъ самъ. Дѣло оказалось за учениками. Въ виду существованія издѣльной повинности, отъ которой не были освобождены и дѣти школьнаго возраста, я написалъ пану Небельскому письмо, въ которомъ просилъ его дать списокъ дѣтей школьнаго возраста и предлагалъ посылать ихъ въ новооткрытую школу. И этотъ панъ показалъ себя съ худой стороны. Онъ захотѣлъ посмѣяться надо мною и представилъ списокъ дѣвицъ въ возрастѣ отъ 16—18 лѣтъ. Меня, какъ человѣка вдоваго, обидѣла эта выходка. Я тотчасъ же пошелъ объясняться къ Небельскому. „Что вы за глупости пишете? Я васъ просилъ дать мальчиковъ, а вы что представили? Все это возрастныя дѣвицы, которымъ замужъ выходить пора“. Панъ лишь нагло смѣялся. Я плюнулъ и, хлопнувъ дверью, вышелъ. Небельскій озлился на меня и даже написалъ архіерею жалобу на такія мои, оскорбительныя для него, дѣйствія. Архіерей сдалъ бумагу въ консисторію, которая предписала благочинному разузнать все. Благочинный, не производя формальнаго слѣдствія, потребовалъ отъ меня письменнаго объясненія. Несмотря на то, что разговоръ мой съ Небельскимъ происходилъ съ глазу на глазъ, я ничего не утаилъ и представилъ дѣло такъ, какъ оно произошло, не умолчалъ даже и о томъ, что нагрубилъ ему, хлопнулъ дверью и плюнулъ. Консисторія это дѣло оставила безъ послѣдствій, а, можетъ быть, и прямо спрятала подъ сукно. По крайней мѣрѣ, когда я уже былъ экономомъ семинаріи, столоначальникъ консисторіи по суднымъ дѣламъ въ шутку пугалъ меня: „а ваше дѣло еще не кончено!“...

Выше я упомянулъ объ издѣльной повинности. По опубликованному „Положенію о крестьянахъ“ помѣщики обязывались отводить своимъ бывшимъ крѣпостнымъ усадебную и полевую землю въ постоянное пользованіе. За предоставленные имъ надѣлы крестьяне обязывались выполнять „издѣльную повинность“ своимъ бывшимъ помѣщикамъ работою или же деньгами. Наши помѣщики-поляки очень злоупотребляли этимъ временно даннымъ имъ правомъ. Такъ, крестьяне должны были идти на работу къ помѣщику и сдѣлать за день то, что имъ будетъ назначено, но на дѣлѣ выходило, что данной урочной работы никакой человѣкъ не могъ выполнить и въ два дня. Положимъ, даютъ урочную работу сдѣлать „драбины“ къ сноповой телѣгѣ (возу). Нужно было сначала выбрать изъ предоставленнаго матеріала подходящее дерево (ясень по преимуществу),

распилить его на четыре части и каждую вытесать въ шесть граней, потомъ сдѣлать, какъ слѣдуетъ, перечки, выдолбить дыры, сколотить „драбины“, т. е. работу, для выполненія которой необходимо два дня. Въ нашемъ краю это право издѣльной повинности, впрочемъ, существовало недолго, такъ какъ со времени польскаго мятежа помѣщики, по преимуществу поляки, лишены были этой привилегіи.

Дѣло польскаго мятежа подготовлялось постепенно. Къ нему готовились и наши помѣщики-поляки. Но всѣ ихъ дѣйствія въ этомъ отношеніи до мятежа не вызывали опасеній и поняты были лишь послѣ обнаруженія мятежа и его подавленія. Я собственными глазами изъ окна своей квартиры часто наблюдалъ, какъ наши помѣщики съ родственниками и лакеями собирались верхомъ на лошадяхъ на опушкѣ лѣса за селомъ, гарцевали, производили примѣрныя сраженія. У нихъ былъ особенный командиръ-сержантъ гвардіи, который обучалъ ружейнымъ пріемамъ. Женскій же персоналъ, какъ передавали мнѣ, занимался дерганьемъ корпіи. Съ нашимъ матвѣйковецкимъ импровизированнымъ отрядомъ мнѣ нечаянно пришлось встрѣтиться. Я даже струхнулъ, потому что предполагалъ наскочить на непріятности со стороны озлобленныхъ поляковъ. А въ данное время они были очень недовольны на меня за то, что я не хотѣлъ держать ихъ сторону. Стремясь къ достиженію своихъ цѣлей, поляки вооружали и возбуждали противъ Россіи не только польское, но даже и чисто русское населеніе. Думали они и во мнѣ найти сторонника и человѣка сочувствующаго ихъ исканіямъ. Однажды они подбросили даже мнѣ письмо съ предложеніемъ встать на ихъ сторону. Въ другой разъ пріѣзжалъ ко мнѣ родственникъ помѣщика Щалковскаго, Богуцкій, недоучка, молодой человѣкъ, носившій чемерку со шнурками и конфедератку, ходившій въ лакированныхъ сапогахъ, за которые были забраны панталоны. Этотъ Богуцкій въ разговорѣ со мною началъ издалека подходить, желая узнать мое настроеніе. Я скоро понялъ, къ чему клонится дѣло, и молчалъ, давая возможность ему высказаться вполнѣ. Видя, что меня трудно изловить на словѣ, Богуцкій тогда прямо предложилъ мнѣ взять ихъ сторону и располагать своихъ прихожанъ помочь побѣдить ненавистную Россію. При этомъ онъ обѣщалъ, что и мужикамъ и ксендзу, т. е. мнѣ, будетъ дано больше земли. Я, конечно, рѣшительно отказался отъ его предложенія и доказывалъ всю неосновательность и опасность, и неосуществимость польскихъ затѣй. Богуцкій уѣхалъ ни съ чѣмъ. Мнѣ же пришлось зорко слѣдить за настроеніемъ своихъ прихожанъ и при всякомъ удобномъ случаѣ предостерегать ихъ отъ польскихъ замысловъ и уговаривать не вставать на ихъ сторону.

Послѣ бесѣды съ Богуцкимъ матвѣйковецкіе помѣщики, ихъ родичи и знакомые начали вызывающе дѣйствовать по отношенію ко мнѣ. Разъ я ѣду въ поле на своихъ лошадяхъ, запряженныхъ въ натачанку. Едва я достигъ конца своего поля, какъ встрѣчаю нѣсколькихъ всадниковъ. Оказалось, что это 3 молодыхъ сына помѣщика съ лакеями. Подъѣзжаютъ ближе и насмѣшливо привѣтствуютъ: „Наше шанованье, ксендзу!“ Потомъ кто-то изъ нихъ выкрикнулъ: „А что, ксендже, бендзе?“ „Что будетъ, то увидимъ“, говорю. „Скоро ксендзу бороду оголятъ“. Меня это возмутило, я не удержался и сказалъ: „скорѣе вамъ лбы обреютъ“, и ударилъ по лошадямъ. Вслѣдъ услышалъ лишь по своему адресу проклятія и ругательства и, чтобы болѣе не встрѣчаться съ шелопаями, возвратился домой другою дорогою.

Въ другой разъ я былъ около церкви, которая ремонтировалась на собранныя крестьянами деньги. Подъѣзжаетъ Градовскій, зять Щалковскаго, офицеръ русской службы, и спрашиваетъ:

— „Что вы дѣлаете?“ Я объясняю. „Но зачѣмъ вамъ починять церковь?“ „Какъ зачѣмъ?“ „Да изъ этой церкви скоро каплица будетъ“, говоритъ онъ. „Когда?“... „Скоро“. „Пока что будетъ, а поправлять церковь мы будемъ“, замѣтилъ я.

Вмѣстѣ съ поляками подняли голову и евреи. Бывало, идешь по мѣстечку и слышишь, какъ изъ-за угла кричатъ тебѣ: „гой, галахъ, кудлатый песъ!“ Священники тогда боялись заходить въ лавки, чтобы въ присутствіи крестьянъ не подвергнуться оскорбленіямъ и насмѣшкамъ со стороны евреевъ.

Много способствовало подготовкѣ къ мятежу католическое духовенство. Ксендзы по костеламъ говорили зажигательныя рѣчи, настраивали къ рѣшительнымъ мѣрамъ своихъ фанатичныхъ слушателей, подчиняющихся имъ безпрекословно. Мнѣ самому лично пришлось случайно выслушать одну изъ такихъ проповѣдей. Недалеко отъ о. Матвѣйковецъ въ М. Городкѣ обыкновенно ежегодно происходилъ католическій отпускъ въ честь Антонія Падуанскаго, привлекавшій множество народу иногда изъ далекихъ мѣстъ. Въ противовѣсъ католикамъ и для отвлеченія православнаго населенія Городецкій священникъ устраивалъ въ своемъ храмѣ православное торжество и для сослуженія приглашалъ сосѣднихъ священниковъ, въ числѣ ихъ и меня. Въ костелѣ были даже заграничные (изъ Австріи) ксендзы. Костелъ въ Городкѣ былъ малый и не могъ вмѣстить собиравшихся въ громадномъ количествѣ католиковъ, а потому послѣ совершенія „мши“ (мессы) и разныхъ церемоній, „казаня“ (поученія) говорились съ крыльца подъ открытымъ небомъ. И вотъ ксендзъ, назначенный для ея произношенія, громко

выкрикивалъ: „не слушайте правительства, москалей, будетъ другая свобода, будутъ давать золотыя грамоты, приставайте къ намъ“ и др. въ томъ же родѣ.

Вообще для польскаго дѣла ксендзы работали очень дѣятельно. Они даже въ мелочахъ помогали своимъ единовѣрцамъ, пасомымъ и чисто по-іезуитски не разбирали средствъ для достиженія своихъ цѣлей. Много они производили обмановъ, подлоговъ для того, чтобы услужить полякамъ. Кстати сказать, мнѣ извѣстенъ случай, когда, благодаря ксендзамъ, полякъ, подлежащій призыву, избѣгъ солдатчины. Жилъ нѣкто Иванъ Коваль—полякъ. У него былъ сынъ Стефанъ. Послѣдній зналъ грамоту и имѣлъ очень красивый почеркъ, что помогло ему выйти сначала въ подписари казеннаго имѣнія, а по упраздненіи его въ писаря губернскаго предводителя дворянства—Лиснѣвича. Въ это именно время онъ долженъ былъ поступить въ солдаты по своему селу. Старшина Бамбуля, узнавши о его мѣстопребываніи, взялъ съ собою писаря и поѣхалъ въ Каменецъ на розыски рекрута. Явились въ канцелярію предводителя дворянства, но не застали Коваля. Пришлось явиться въ его квартиру. Стефанъ Коваль оказался дома и спросилъ старшину о причинѣ ихъ прибытія. Тѣ, ничего не скрывая, прямо заявили: „Степане, треба тобі идти съ нами, такъ какъ ты подлежишь по набору солдатчинѣ“.

— Кто? я?.. Я дворянинъ... рѣшительно заявилъ тотъ.

— Ты дворянинъ? Давно-ли?.. съ недоумѣніемъ спрашивали тѣ. Ты же сынъ Ивана Коваля изъ нашего села.

— Я—дворянинъ Леонъ Ковальскій—и съ этими словами вышелъ въ другую комнату и чрезъ минуту принесъ какія-то бумаги.

— Смотрите сами, если грамотны... Я—Леонъ Ковальскій, а вы шукайте (ищите) себѣ Стефана Коваля.

Писарь, дѣйствительно, увидѣлъ, что это документъ на дворянское достоинство, и имъ пришлось уѣхать ни съ чѣмъ. Оказалось, что ксендзы дали Стефану Ковалю по его просьбѣ подложныя бумаги, метрику, по которой онъ причислялся къ дворянскому сословію.

Въ январѣ 1863 года, какъ извѣстно, послѣ продолжительныхъ приготовленій открылось въ Варшавѣ возстаніе поляковъ. Объ этомъ стало скоро извѣстно и въ с. Матвѣйковцахъ. Разъ ночью, когда всѣ еще спали, я былъ разбуженъ громкимъ стукомъ въ двери и крикомъ. Оказалось, что это сотскій явился съ повѣсткой, въ которой было написано, что въ Варшавѣ поляки вырѣзали русскихъ солдатъ, и предписывалось собрать крестьянъ и отслужить молебствіе.

Послѣ этого полиція начала дѣятельно производить обыски у подозрѣваемыхъ полячковъ. Многіе изъ жившихъ въ с. Матвѣйковцахъ куда-то неожиданно скрылись.

Отряды бунтовщиковъ разсѣялись по разнымъ мѣстамъ Западной Россіи, проникали они и на Волынь и въ Подолію. Въ виду того, что народъ въ большинствѣ не сочувствовалъ возстанію съ одной стороны, а съ другой—благодаря строгимъ правительственнымъ мѣрамъ, мятежъ скоро потухъ. И въ нашей мѣстности поднявшіе было голову поляки и евреи смирились особенно послѣ того, какъ вышло распоряженіе раздать крестьянамъ оружіе для подавленія волненій. Не минуло это распоряженіе и наши Матвѣйковцы. Помню, разъ въ субботу послѣ Троицына дня одна прихожанка пригласила меня на домъ отправить елеосвященіе надъ ея больною матерью. По окончаніи его возвращаясь домой, я проходилъ мимо сельской кузницы. Смотрю, около нея собралась значительная толпа крестьянъ. Меня заинтересовало это. Я подошелъ ближе и послѣ привѣтствія спросилъ: „Что вы дѣлаете, люди?..“ Смотрю черезъ заборчикъ, тамъ лежитъ цѣлая куча пикъ. „Что такое?“ спрашиваю снова уже въ недоумѣніи. Крестьяне тотчасъ же удовлетворили мое любопытство. „Приказано пики дѣлать... на поляковъ пидемъ“... Я понялъ, въ чемъ дѣло. Всмотрѣвшись ближе, узналъ и какого сорта это оружіе. Оказывалось, что оно представляло изъ себя обыкновенные наральники. Кузнецъ дѣлалъ то, что умѣлъ. Эти доморощенныя, такъ сказать, пики надѣвались на деревянныя древки. Посмѣялся я въ душѣ надъ этимъ страшнымъ оружіемъ и, попрощавшись съ присутствующими, продолжалъ свой путь домой. Здѣсь я засталъ сосѣдняго священника. Пока приготовлялась закуска, мы разговорились, и я сообщилъ ему о томъ, что только-что видѣлъ. Тотъ, видимо, заинтересовался моимъ сообщеніемъ и живо спросилъ: „Пики роблятъ?.. Я куплю“... Отъѣзжая домой, онъ, дѣйствительно, нарочно завернулъ въ кузницу и купилъ пику за 15 коп., тутъ же надѣлъ ее на древко и заложилъ въ шарабанъ. Потомъ разсказывалъ, что за селомъ онъ встрѣтилъ цѣлую кавалькаду всадниковъ: то были родственники и гости нашихъ помѣщиковъ. Батюшка былъ человѣкъ, хотя старый, но бѣдовый. Онъ всталъ на свой шарабанъ и, потрясая пріобрѣтенной пикою, кричалъ: „ляховъ буду колоть!“ Конечно, это была шутка со стороны стараго человѣка; но встрѣтившіеся съ нимъ приняли это въ серьезъ и даже занесли жалобу на него приставу, называя священника бунтовщикомъ.

Нѣсколько позднѣе, когда мятежники принуждены были укрываться въ лѣсахъ, для преслѣдованія ихъ начали раздавать кре-

стьянамъ запасныя ружья. На село Матвѣйковцы пришлось 10 шт. старыхъ курковыхъ ружей, которыя были въ неисправности и, кажется, скорѣй могли нанести вредъ стрѣлявшему, чѣмъ преслѣдуемымъ. Между тѣмъ на нашихъ мятежниковъ эта мѣра произвела сильное впечатлѣніе, и они окончательно притихли, перестали вести себя вызывающе. Однажды я встрѣтилъ послѣ того упомянутыхъ выше шелопаевъ и спрашиваю: „кому обрили голову?“...

— А что же дѣлать, когда хлопамъ раздали оружіе? заговорили они.

Я разсмѣялся и говорю:

— То вы такіе храбрые!.. Испугались ружей!.. Да вѣдь изъ нихъ и стрѣлять-то нельзя.

Послѣ подавленія мятежа поляки потеряли къ себѣ всякое довѣріе. Ихъ не назначали уже на отвѣтственныя должности въ краѣ. Мировыхъ посредниковъ выбирали уже изъ русскихъ.

Для того, чтобы возбудить большую ненависть къ русскимъ и на почвѣ религіознаго чувства ксендзы разрѣшали вскорѣ послѣ подавленія мятежа продавать на базарахъ эмблемы: иконки Божіей Матери съ 7 мечами въ сердцѣ, которые якобы вонзили „москали“, сломанные латинскіе кресты (съ отломаннымъ кускомъ на перекрестѣ и вверху). Это означало, что русское владычество сломало вѣру польскую, католическую, которая лучше и выше православной.

Поляки поплатились матеріально за свой мятежъ. Съ нихъ стали взыскивать „контрибуцію“. Поляки-помѣщики сильно возставали противъ ея и не желали добровольно платить назначеннаго каждому изъ нихъ количества денегъ. Многіе, впрочемъ, не имѣли средствъ, потому что потратили ихъ на поддержаніе мятежа. Въ виду этого полиціи приходилось для взысканія „контрибуціи“ прибѣгать къ публичной продажѣ чего-либо изъ принадлежащаго полякамъ, преимущественно живого, инвентаря: лошадей, коровъ, овецъ, свиней и пр. Обыкновенно пріѣзжалъ въ село приставъ, вмѣстѣ съ представителями мѣстной полиціи (сельской) захватывали у недоимщика подходящее и продавали съ молотка. Оцѣнка была очень низкая. Иногда лошадей, стоющихъ 500 рублей и дороже, оцѣнивали въ 100 рублей, и такъ какъ никто больше не давалъ, и продавали за эту цѣну.

Брали „контрибуцію“ даже и съ тѣхъ поляковъ, которые не участвовали въ мятежѣ. Былъ въ Матвѣйковцахъ одинъ посессоръ, арендовавшій за 300 руб. у Гадомскаго 90 десятинъ земли. Раньше онъ служилъ по акцизу, скопилъ немного и взялъ посессію. Жилъ онъ очень бѣдно. Съ него причиталось „контрибуціи“ 11 рубл., но

онъ и того не могъ уплатить къ сроку. Въ возмѣщеніе недоимки у него забрали единственную (не рабочую) трехгодовалую кобыличку, стоившую не менѣе 50 руб. Оцѣнилъ ее приставъ въ 10 руб. Одинъ крестьянинъ набавилъ нѣсколько копѣекъ, еврей—цѣлый рубль, а дальше уже никто не пошелъ, и хорошая лошадка пошла за 11 рублей. Бѣдный посессоръ даже зарыдалъ. Обыкновенно покупателями съ публичнаго торга были евреи, имѣвшіе денежныя средства и вслѣдствіе этого наживавшіеся на счетъ своихъ друзей, поляковъ.

Послѣ паденія крѣпостного права духовенство вообще совершенно освободилось отъ унизительной зависимости своей отъ пановъ-католиковъ. Бытъ его началъ постепенно благоустрояться. Вмѣсто натуральной обработки церковной земли крестьяне должны были по предписанію начальства уплачивать по соглашенію извѣстное количество денегъ. Крестьяне, положимъ, давали немного на указанный предметъ, напр. въ Матвѣйковцахъ лишь 50 руб., когда на обработку всей земли требовалось не менѣе 100 руб., но уже въ 1865 г. назначено было содержаніе духовенству на счетъ 65 тысячъ, отпущенныхъ въ пособіе ему изъ процентнаго сбора съ помѣщичьихъ имѣній. Благосостояніе священниковъ очень много зависѣло отъ отношенія и расположенія къ нимъ прихожанъ. Мнѣ, напр., совсѣмъ мало стоила обработка земли. Бывало выйдешь на поле, пора уже скосить овесъ. Къ вечеру возвращается мимо толпа моихъ прихожанъ съ работы по найму отъ помѣщика. Я говорю имъ: „помогите, братцы, скосите овесъ“... „Хорошо, батюшка! Давайте по чаркѣ“. Дашь имъ выпить, закусить—и мигомъ скосили овесъ или что-нибудь другое.

Въ 1866 году прихожане построили мнѣ и плохенькій домикъ въ 3 комнаты съ кухней, но въ немъ не пришлось мнѣ долго жить, такъ какъ я перешелъ на службу въ г. Каменецъ.

В. Сл. и Ѳ. Ф—ко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Нѣсколько листковъ изъ семейнаго архива въ связи съ воспоминаніями объ Императорѣ Александрѣ II.

Черновики писемъ, дневниковъ, донесеній, замѣтокъ и разныхъ отрывковъ, представленные Императору Николаю I г.-а. Кавелинымъ въ разное время.

I.

Полагаю нелишнимъ по званію моему представить Вашему Величеству нѣкоторый сравнительный обзоръ,—касающагося до Наслѣдника,—прошлаго года съ предшествовавшимъ оному.

I. Нравственность; чувства религіозности не только кажется не убавились, но получили нѣкоторую зрѣлость и разсудительность, неубавляющія однако же силу оной; В. К. и не пускался въ излишнія умствованія о необъяснимомъ, и когда иногда доходило до нихъ дѣло извнѣ, то онъ молчалъ; можетъ быть, что эта осторожность происходитъ не отъ лѣности ума, но отъ вѣры, которой одной можно постигнуть необъяснимое, какъ и Ваше В. однажды справедливо мнѣ изволили (замѣтить).

Въ продолженіе всего года В. К. не сдѣлалъ ни одного поступка, который бы могъ подать поводъ къ заключенію, что доброта сердца его перемѣнилась. Празднество совершеннолѣтія [1]) было для него хорошимъ испытаніемъ, такой критическій возрастъ опасенъ, въ его званіи дурное могло обнаружиться, но его не видалъ, и потому

[1]) Ко дню совершеннолѣтія упоминаемому здѣсь, Кавелинъ поднесъ своему царственному питомцу саблю, впослѣдствіи постоянно служившую Александру Николаевичу: она была передѣлана на золотое оружіе, которымъ Наслѣдникъ награжденъ былъ за дѣло при р. Валерикъ на

благодаря Бога можно сказать, что вѣрно его и не существуетъ; первыя движенія души всегда прекрасны; но когда рѣшаться должно... ума или характера, то то[гда]... (не дописано)

II.

Имѣю щастіе донести Вашему Императорскому Величеству, что 2-го сего мѣсяца прибыли мы благополучно въ Комо; прекраснѣйшая погода благопріятствовала намъ, кромѣ дня пріѣзда сюда. Его Высочество благодаря Бога совершенно здоровъ, дорогой иногда бывалъ задумчивъ, но большей частью бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа. Нашъ консулъ въ Венеціи, Фрейгангъ, на котораго возложено было приготовить квартиру въ Комо, выѣхалъ къ намъ навстрѣчу въ Бресчіо и увѣдомилъ, что выборъ мѣстопребыванія Его Высочества въ Вареннѣ весьма неудаченъ, Варенна подвержена въ это время года очень холоднымъ вѣтрамъ съ горъ и съ озера, но что Комо не имѣетъ сихъ неудобствъ, и при томъ докторъ Франкъ, бывшій лучшимъ нашимъ профессоромъ въ Вильнѣ, поселившійся здѣсь въ 1823 году, узнавъ о пріѣздѣ Великаго Князя, предложилъ безъ платы свой прекрасный домъ съ виноградным садомъ. Мы тамъ и остановились чрезвычайно удобно и покойно; двери и окна могутъ затворяться, что въ Италіи большая рѣдкость, печи также устроены хорошо.

24-го числа въ 8-мь часовъ утра оставили мы Мюнхенъ, заѣхавъ въ Греческую церковь и выслушавъ молебенъ и осмотрѣвъ строющуюся вновь великолѣпную церковь въ форштадтѣ; ночевали въ Партенкирхенѣ, пріѣхавъ туда въ 7 часовъ вечера.

25-го числа выѣхавъ въ 8 часовъ, на Австрійской границѣ были встрѣчены генераломъ графомъ Вурбно и камергеромъ капитаномъ Рейтахомъ, назначеннымъ сопровождать Его Высочество; прибыли въ Инсбрукъ въ 9 часовъ, отобѣдавъ, ѣздили осматривать мѣста, гдѣ въ 1809 году тирольцы взяли въ плѣнъ 5.000 баварцевъ; смотрѣли, какъ егеря австрійскіе стрѣляютъ въ цѣль; потомъ, осмотрѣвъ замѣчательности города, возвратились домой въ 7 часовъ. Вечеромъ подъ окнами играли два хора военной отличной музыки.

26-го числа выѣхали въ 7 часовъ, переѣхали черезъ озеро благопо-

---

Кавказѣ. Сабля эта лежала на гробу покойнаго Царя-Освободителя и вмѣстѣ съ принадлежавшимъ Ему портретомъ Кавелина оставлена Государемъ Александромъ II по духовному завѣщанію старшему сыну Его покойнаго воспитателя,—въ то время свиты генералъ-маіору А. А. Кавелину.

лучно, недоѣзжая до Бриксена осматривали укрѣпленіе Франценсфестъ, состоящее изъ двухъ отдѣльныхъ фортовъ, одинъ на горѣ, другой въ долинѣ совершенно замыкающій проходъ, работа прекрасная высѣчена большей частью въ скалѣ, расположеніе линій по моему мнѣнію благоразумно; можно только упрекнуть въ роскоши укрѣпленій на мѣстности самой по себѣ весьма сильной.

III.

Имѣю счастіе донести Вашему Императорскому Величеству, что Его Высочество, благодаря Бога, чувствуетъ себя совершенно здоровымъ и въ хорошемъ расположеніи духа; по утрамъ продолжаетъ пользованіе виноградомъ, расположеніе дня приноровлено къ этому по совѣту докторовъ: Его Высочество встаетъ въ 8-мъ часу, кушаетъ виноградъ, черезъ часъ завтракаетъ и вообще все утро до 11-ти часовъ занимается; потомъ прогуливается пѣшкомъ, въ первомъ часу завтракаетъ и послѣ длиннаго partie de plaisir по озеру или верхомъ въ 5 часовъ обѣдаетъ, до 8-ми занимается, а отъ 8-ми проводитъ въ бесѣдѣ со своими; ужинать докторами запрещено.

4-го числа Его Высочество началъ кушать виноградъ, въ 11 часовъ ѣздилъ верхомъ, а въ часъ до 4-хъ гуляли по озеру въ лодкѣ, заѣзжая въ загородные дома чѣмъ-нибудь примѣчательные, обѣдали въ 5 часовъ, вечеръ провелъ со своими.

5-го числа утро прошло обыкновеннымъ порядкомъ, въ 11-ть Его Высочество принималъ генерала Вальмодена, потомъ навѣстилъ княгиню Голицыну и нашего посла, прибывшаго вчерась изъ Венеціи; въ часъ прогуливался верхомъ; передъ обѣдомъ навѣщалъ больного Віельгорскаго, которому благодаря Бога лучше—остальная часть дня проведена по-вчерашнему.

6-го числа день проведенъ обыкновеннымъ порядкомъ, только осматривали городскія церкви и сдѣлали большую прогулку верхомъ верстъ съ 20-ть въ одну дачу, отличающуюся живописнымъ мѣстоположеніемъ; и эта прогулка вовсе не утомила Великаго Князя.

7-го Его Высочество чрезвычайно обрадованъ былъ полученнымъ курьеромъ отъ 25-го сентября изъ Ревеля, и что Ваше Величество благополучно прибыть изволили въ Ревель, хотя и не безъ приключеній. Въ 10 часовъ по своему обычаю Его Высочество бралъ итальянскаго языка урокъ. Въ 11-ть часовъ ѣздилъ смотрѣть здѣсь квартирующій батальонъ; сначала показали два взвода фехтованіе на штыкахъ въ родѣ Варшавской школы подпрапорщиковъ, только

гораздо хуже; потомъ учили батальонъ и довольно плохо; по моему мнѣнію уставъ ихъ есть верхъ нелѣпости, какъ для сомкнутаго, такъ и для разсыпного строя. Послѣ ученія Его Высочество ѣздилъ гулять верхомъ, передъ обѣдомъ принималъ генерала Гардега, пріѣхавшаго изъ Венеціи, и пригласилъ его обѣдать.

Здѣшнія власти вообще стараются сдѣлать пріятнымъ мѣстопребываніе здѣсь для Его Высочества; изъ Милана присланъ сюда нарочно хоръ полковой музыки, и даже обѣщаютъ оперную труппу; приведено лошадей 20 верховыхъ гусарскихъ, для нашихъ прогулокъ. Графъ Вурбно очень нравится Великому Князю, и въ самомъ дѣлѣ онъ чрезвычайно пріятенъ въ обхожденіи, откровененъ и кажется чуждъ дипломатическихъ тонкостей; всегда почти сопровождаетъ Великаго Князя, приглашается къ обѣдамъ и на вечера какъ свой.

Имѣю счастіе донести Вашему Императорскому Величеству, что Его Высочество, благодаря Бога, совершенно здоровъ и въ хорошемъ расположеніи духа и былъ несказанно обрадованъ послѣднимъ письмомъ Вашего Величества отъ 27-го числа, возвѣстившимъ намъ обрученіе Великой Княгини Маріи Николаевны. Мы всѣ какъ русскіе раздѣляемъ радость эту и осмѣливаемся принести поздравленіе Вашему Величеству.

6-го числа утромъ былъ у обѣдни въ Греческой церкви; въ часъ осматривали замѣчательности города, прогулка, обѣдъ съ гостями; вечеромъ былъ въ театрѣ.

7-го занимался дома съ Лауницемъ и Жуковскимъ, осматривали съ замѣчаніями въ хронологическомъ порядкѣ Pont de Rialto, церковь св. Марка, прогулка, обѣдали дома, вечеромъ у губернатора.

8-го числа занятія, обѣдня, поздравленіе отъ русскихъ, прогулка, вечеромъ въ театрѣ.

8-го утромъ занятія; наканунѣ пропустилъ—у Татищева, въ одну изъ знаменитыхъ церквей Венеціи, потомъ осмотръ дворца дожей, и великолѣпный праздничный обѣдъ у посла, вечеръ въ театрѣ.

9-ое четвергъ, занятія, осмотръ des Plombs et. des Puits du Chateau St. George.

Пребываніе въ Венеціи хотя благодаря Бога и не было вредно для здоровья Его Высочества, но чтобы успѣть объѣхать всѣ мѣста, назначенныя въ маршрутѣ, и прибыть къ Страстной недѣли въ Гагу для говѣнія, мы предполагаемъ выѣхать изъ Венеціи 22-го ноября и прибыть въ Римъ къ 6-му декабря.

10-ое занимался письмами, ѣздилъ гулять, обѣдъ и день дома; вечеромъ у Людольфи на раутѣ, отправленъ курьеръ.

11-ое обѣдня, прогулка; Его Высочество ѣздилъ по разнымъ церквамъ и осматривалъ нѣкоторыя ателье русскихъ; обѣдъ съ гостями — два посла, два герцога — Девонширъ и... (неразборчиво) и наши русскіе.

12-ое панихида по покойномъ Государѣ; осматривали ателье, ѣздили въ церковь Св. Петра, гдѣ самъ папа служилъ вечерню, и вечеръ дома съ русскими.

13-ое обѣдню слушали въ церкви Св. Петра, въ особенной трибунѣ; тамъ были — саксонская принцесса, сардинская королева, датская принцесса, и донъ-Мигуэль въ разныхъ трибунахъ, возвращаясь, осматривали, заѣзжая, въ разныя церкви; обѣдъ съ гостями изъ русскихъ, вечеръ на раутѣ у французскаго посла, который былъ очень учтивъ.

14-ое благодарственный молебенъ; за завтракомъ пили здоровье Государя, осматривали ателье Торвальдсена, Bien aimé итальянцевъ; къ обѣду гости, вечеръ въ театрѣ.

15-го утро занятія; полученъ курьеръ, — Капитолій, jeu de la... (неразборчиво); обѣдъ съ гостями, вечеръ дома.

16-ое занятія, Ватиканъ, прогулка, обѣдъ дома съ гостями, вечеръ у австрійскаго посла и концертъ.—Медаль папы.

17-ое утро занятія, Ватиканъ; обѣдъ съ гостями, вечеръ дома. Гоголь читалъ комедію.

18-ое воскресенье — обѣдня, ризница папы; обѣдъ съ гостями вечеръ у кн. Голицына.

19-ое — охота, обѣдъ дома съ гостями, вечеръ дома.

20-го занятія, визитъ папѣ, осмотръ достопримѣчательностей, обѣдъ съ великолѣпнымъ тріо изъ... (неразборчиво) пѣнія; вечеръ дома. — Визитъ Васильчикову.

21-го занятія—поѣздка по магазинамъ, прогулка верхомъ, обѣдъ посланникамъ; вечеръ въ театрѣ.

22-го утромъ осматривали поправляющуюся церковь Св. Павла, ставили мраморную колонну, на которой папа приказалъ сдѣлать надпись, что колонна сія поставлена въ присутствіи Его Высочества; обѣдъ былъ съ гостями, вечеръ проведенъ съ своими.

23-го утромъ осматривали мастерскую иностранныхъ художниковъ, потомъ Е. В. прогуливался, вечеръ провелъ у кн. Голицына. Въ ночь полученъ былъ курьеръ, которымъ Его Величество выговаривать изволитъ, что пора двинуться отсюда, чтобъ не отмѣнять переѣздъ въ Германію.

Мы всѣ благодаря Бога здоровы кромѣ кн. Ливена, который

дней 8 назадъ заболѣлъ и довольно серьезно—родъ горячки, но теперь ему получше.

24-го утромъ В. К. былъ у обѣдни, потомъ осматривалъ замѣчательности города.

Послѣ отправленія послѣдняго курьера 31-го числа въ 10-ть час. утра, отправились мы съ Богомъ въ Дармштадтъ. В. К. съ нѣкоторымъ смущеніемъ и неувѣреннымъ въ дѣлѣ; на послѣдней станціи встрѣтилъ Великаго Князя наслѣдный принцъ, съ нимъ въ коляскѣ прибыли они въ Дармштадтъ въ 12 часовъ въ ихъ вербное воскресеніе. Герцогъ и вся фамилія встрѣчала Великаго Князя и тотчасъ завтракали вмѣстѣ. Въ тотъ же день былъ обѣдъ во дворцѣ и вечеръ, гдѣ играли aux petits jeux. Его Высочество нашелъ, что принцесса очень похорошѣла, и дѣйствительно она очень мила, только въ смущеніи, въ какомъ можетъ быть влюбленная дѣвушка, неувѣренная въ своей участи.

1-го апрѣля Его Высочество утро занимался дома и потомъ ѣздилъ гулять съ тремя принцессами; обѣдъ былъ большой, а вечеромъ театръ и ужинъ. 2-го числа получили мы радостное извѣстіе о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени Е. В. В. К. Маріи Николаевны [1]). Завтракалъ В. К. у пр. Елизаветы и опять ѣздилъ съ принцессами гулять, обѣдъ былъ во дворцѣ, а вечеромъ концертъ и игры. Принцесса Марія была очень весела, мила и ловка съ необыкновеннымъ приличіемъ и благородствомъ, и кажется, замѣчаю, что Наслѣдникъ клонитъ на ее сторону. В. К. былъ до чрезвычайности веселъ, между тѣмъ по собраннымъ свѣдѣніямъ о характерѣ и умѣ принцессы подтвердились всѣ прежнія показанія, а что всего важнѣе, чувство религіозное у ней чрезвычайно сильно и основательно; 3-го числа утромъ полученъ курьеръ отъ Вашего Величества отъ 26-го марта; Е. В. затѣмъ долго все утро катался съ принцессами, обѣдъ у Герцога и вечеромъ театръ. — За радостную вѣсть о благополучномъ разрѣшеніи В. Княгини мы не остались въ долгу ко Свѣтлому Празднику; Богъ умилостивился надъ нами, разсѣявъ тучи, которыя прошлую осень и зиму причинили такъ много горя Вашему Величеству, иославъ намъ лучъ надежды, предвѣщающій для Россіи день. Осмѣливаюсь принести поздравленіе Ея Императорскому Величеству.

Начну донесеніе мое Вашему Императорскому Величеству съ поздравленія съ счастливѣйшимъ для насъ событіемъ; благодаря Бога участь Его Высочества рѣшилась, и рѣшилась самымъ утѣ-

[1]) Извѣстіе это пришло къ намъ по эстафетѣ отъ Мейндорфа, полученное имъ съ курьеромъ изъ Варшавы.

шительнымъ образомъ для Вашего Величества. Съ самаго перваго дня нашего сюда пріѣзда, В. К. нашелъ принцессу похорошѣвшей и чрезвычайно милой; со всякимъ днемъ чувство это усиливалось, наконецъ нынче утромъ, когда я пришелъ къ Е. В., онъ бросился цѣловать меня со слезами и объявилъ мнѣ, что рѣшилъ идти къ Герцогу и просить руки его дочери; Ваше Величество можете себѣ представить, сколько я этимъ былъ обрадованъ, узнавши здѣсь столько необыкновенно прекраснаго о качествахъ ума и сердца принцессы. Сказано и сдѣлано! Въ 11 часу В. К. отправился къ Герцогу и объявилъ о причинѣ своего прихода; старикъ растроганный послалъ за дочерью; она только что пріѣхала изъ церкви, очевидно хорошо молилась; сцена была самая трогательная; Герцогъ благословилъ Высокую Чету, и они поцѣловались. В. К. возвратился растроганный домой, послалъ за нами и цѣловалъ насъ въ восхищеніи; мы тутъ же выпили здоровье отъ души. Въ 1-мъ часу В. К. пошелъ къ принцессѣ и понесъ письмо, отъ котораго (какъ сказывалъ мнѣ принцъ Эмиль) принцесса въ восхищеніи и также понесъ и подарки; пробылъ у ней болѣе часа и возвратясь домой писалъ; обѣдали въ загородномъ дворцѣ, куда натурально В. К. ѣхалъ съ невѣстой и другими принцессами, вечеръ провелъ въ фамиліи Герцога. Весело смотрѣть на Его Высочество, въ какомъ онъ счастливомъ расположеніи духа; она, какъ говорятъ, влюблена была до крайности и ужасно боялась, чтобъ дѣло не разстроилось; а между тѣмъ скромность и какая-то неизъяснимо благородная манера неразлучны съ ней.

Предполагая, что Ваше Величество по причинѣ хлопотъ первыхъ двухъ дней праздника не изволите имѣть время для отправленія курьера прежде вторника, мы ожидали его не прежде вторника вечера или среды; и чтобы не оставить долго безъ извѣстій, рѣшились отправить курьера сего дня, и потому письмо мое было уже написано, какъ вдругъ въ 10-мъ часу утра пріѣзжаетъ Будбергъ; Великій Князь былъ внѣ себя отъ радости и вполнѣ могъ ощутить, сколько онъ здѣлалъ щастливыхъ и можетъ надѣяться, что Господь Богъ его наградитъ за то счастіемъ.

Генералъ-адъютантъ Кавелинъ.

Дармштадтъ
22 апрѣля 1840 г.

Донесеніе отъ 26 іюля.

О здоровьи. Понедѣльникъ утро Его Высочество гулялъ съ Императрицей, занимался дома, обѣдъ былъ фамильный, вечеромъ

ѣздили въ Нассау пить чай, а Его Высочество съ принцемъ Нассаускимъ поѣхалъ верхомъ далѣе по дорогѣ навстрѣчу принцессѣ, потомъ съ Императрицей возвратился въ Эмсъ—и былъ съ визитомъ у Великой Княгини и у Гроссъ-Герцога; вечеромъ былъ у Императрицы; послѣ ужина Его Высочество ходилъ гулять съ принцемъ Нассаускимъ. 25-го утромъ Его Высочество гулялъ съ Императрицей, въ 11-ть часовъ была обѣдня, всѣ русскіе въ полной формѣ, принцъ Александръ въ кавалергардскомъ мундирѣ, обѣдъ былъ фамильный, вечеромъ Его Высочество ѣздилъ прогуляться съ Императрицей, а потомъ былъ вечеромъ у Императрицы. Сегодня послѣ ужина Его Высочество ходилъ гулять съ принцемъ. Утро 26-го Е. В. провелъ обычнымъ порядкомъ, принцъ сегодня уѣхалъ, тутъ остался Александръ, обѣдъ былъ фамильный.

О здоровьи. Въ ночь съ 26 на 27-ое Е. В. отправился въ Гомбургъ и пріѣхали въ 10-мъ часу, а обѣдали въ Висбаденѣ у Великой Княгини, вечеръ провели у вдовств. герцог. Нассауск. Въ ночь отправились обратно въ Эмсъ и прибыли 28-го числа въ 6 часовъ утра. Отдохнувъ часа два, гуляли съ Императрицей. Обѣдъ былъ фамильный; въ 7-мъ часу Е. В. съ принцемъ Александромъ поѣхалъ навстрѣчу къ Константину Николаевичу, несмотря на дождь здѣлали три мили, но оттуда, не дождавшись Константина Николаевича, возвратились въ коляскѣ въ 10 часовъ; Константинъ Николаевичъ прибылъ ½ 12-го ночи, благодаря Бога, здоровымъ.

О здоровьи. Въ ночь съ 12 на 13-ое Его Высочество отправился въ Дармштадтъ, а нынѣшній день утромъ возвратился благополучно съ молодымъ принцемъ Оранскимъ, котораго онъ нашелъ въ Бибрихѣ, дорогой заѣзжалъ къ Великой Княгинѣ въ Висбаденъ, во все время въ Дармштадтѣ былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа. Во время отсутствія Великаго Князя пріѣзжалъ сюда принцъ Эмиль и говорилъ, что онъ имѣетъ порученіе отъ Гроссъ-Герцога условиться касательно свиты принцессы, которая онъ бы хотѣлъ, чтобъ проводила ее до Польской границы; что въ Германіи на это очень обращаютъ вниманіе, и такъ какъ онъ имѣетъ много завистниковъ, то если принцесса поѣдетъ хотя и съ Императрицей, но безъ всякой свиты, то это можетъ подать поводъ ко многимъ толкамъ, непріятнымъ для Гроссъ-Герцога; и при томъ спрашивалъ моего совѣта; я совѣтовалъ Герцогу приступить съ этимъ объясненіемъ самому, лично избѣгалъ.—Впрочемъ, прибавилъ онъ, братъ мой приказалъ только объясниться касательно его желанія, но не

настаивать, если Вашему Величеству угодно и желательно, чтобы съ принцессой никого не было, кромѣ M-lle Grass.

Записка Великой Княгини Александры Николаевны, возвѣщающая М. П. Кавелиной о помолвкѣ Наслѣдника Александра Николаевича. Великой Княгинѣ было въ то время 14 лѣтъ

Chère Madame Kavéline [1]),

Je sais combien vous prenez part à tout ce qui se passe dans notre famille, aussi ne puis-je m'empécher de Vous communiquer l'heureuse nouvelle que nous avons reçu: Sacha est promis à la Princesse Marie, le 4 de ce mois, la nouvelle est arrivé par thélégraphe de Varsovie... Прощайте.

Adini.

Сообщ. М. К.

[1]) Милая г-жа Кавелина, зная, какое участіе Вы принимаете во всемъ, что происходитъ въ нашей семьѣ, не могу удержаться, чтобы не сообщить Вамъ полученную нами радостную новость: Саша помолвленъ съ принцессой Маріей, извѣстіе это пришло къ намъ по телеграфу изъ Варшавы... прощайте.

Адина.

М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны [1].

(Окончаніе).

* * *

Въ дни, предшествовавшіе, совершенно неожиданно доставленной въ концѣ концовъ кронпринцемъ, развязкѣ бойни у позиціи Хлумъ-Липы-Кёнигсгрецъ-Кёнигсгофъ, въ австрійской арміи происходило то, что еще разъ, быть можетъ нагляднѣе, чѣмъ когда-либо, показало всему міру, насколько зловредная гофкригсратская система разъѣдала весь организмъ той арміи и, дѣлая его гнилымъ, уничтожала всякую возможность извлекать въ трудныя минуты изъ обстоятельствъ хода войны пользу для себя и для дѣла своего отечества.

Прежде всего происходившее выяснилось для пруссаковъ черезъ того же прозорливаго и энергичнаго генерала Фойгтсъ Реца, котораго король Вильгельмъ неизмѣнно продолжалъ считать своимъ лучшимъ другомъ. Онъ, своими особыми путями самостоятельной развѣдки узналъ, что лучшіе изъ австрійскихъ корпусныхъ командировъ фельдмаршалъ-лейтенанты Раммингъ [2]) и Эдельсгеймъ совершенно разумно вдругъ додумались считать Липо-Кёнигсгофскую позицію крайне слабою для непріятеля, почувствовавъ, что на ней и около нея пруссаки уже не дерутся со свойственной имъ бѣшеной энергіей, а лишь надрываются надъ потерявшими силы остатками австро-саксонскихъ войскъ.

---

[1]) См. „Русск. Стар.“ ноябрь 1911.

[2]) Въ австрійской арміи лучшими генералами признавались Габленцъ, Эдельсгеймъ и Раммингъ; послѣдній считался геніемъ; онъ былъ начальникомъ штаба арміи у генерала Ганау, командовавшаго арміей въ Венгріи въ 1849 г. (См. оффиц. отчетъ ген. Драгомирова о войнѣ 1866 г.).

У Раммінга и Эдельсгейма, поэтому, созрѣло рѣшеніе соединенно двинуться туда со своими сравнительно сохранившими свѣжесть корпусами.

Своевременное прибытіе этихъ двухъ корпусовъ, безъ сомнѣнія, отодвинуло бы въ тотъ день грозу и бѣду отъ австрійцевъ, а пруссакамъ несомнѣнно надѣлало бы много хлопотъ и вреда. Богъ знаетъ, какъ для нихъ обернулось бы счастье. Затаенныя предвидѣнія, основанныя на силѣ штейнмецкихъ побѣдъ, уже готовы были померкнуть; всѣ лица, окружавшія короля и стоявшія близко къ Мольтке, также молча, какъ возгорѣлись надеждой, готовы были отъ всякой надежды на большой успѣхъ отречься,—когда вдругъ обнаружилось, что два способнѣйшихъ австрійскихъ военачальника—Раммингъ и Эдельсгеймъ создаютъ для пруссаковъ и дарятъ имъ капитальную и рѣшительную побѣду. Дѣло въ томъ, что они въ одно мгновенье своему мудрому рѣшенію,—устремиться на Хлумъ-Кёнигсгрецъ,—легко, просто и свободно измѣнили; какъ въ тысячѣ подобныхъ случаевъ, всѣ ихъ соображенія помрачились, вся ихъ воля разбилась о сомнѣніе въ томъ, „что скажутъ наверху?“.

Послѣ этого ужъ все пошло навыворотъ: несмотря на то, что многіе изъ подчиненныхъ тѣмъ генераламъ начальниковъ частей энергично поддерживали ихъ первоначальное геніальное рѣшеніе, идти на угрожавшій пруссакамъ пунктъ, Раммингъ и Эдельсгеймъ пропустили нѣкоторое время въ раздумываніи надъ поставленнымъ ими самими проклятымъ вопросомъ. Какъ ни было это время коротко, пропускъ его несомнѣнно оказался въ высшей степени пагубнымъ; а къ этому присоединилось еще новое преступное рѣшеніе—запросить „наверху“—можно ли двинуться? Наверху нашли обязательнымъ для себя послать запросъ еще выше.

Пока шло ожиданіе отвѣта, сначала на этотъ вопросъ, а потомъ на посланную съ гонцами вслѣдъ просьбу, во что бы то ни стало разрѣшить, и пока тѣ два гонца успѣли привезти сверху отрицательные отвѣты на оба эти запроса,—Фрицъ успѣлъ прилетѣть, втянуться въ позицію и на ней раскатать многострадальную австро-саксонскую, мужественно въ тотъ день дравшуюся армію[1]).

Углубившись въ свою фатальную нерѣшимость, и Раммингъ и Эдельсгеймъ совсѣмъ забыли о необходимости высылать хотя бы какіе-нибудь разъѣзды въ ту сторону, съ которой грозно надвигался

[1]) Въ оффиціальномъ отчетѣ генерала Драгомирова объ этомъ сказано такъ: говорятъ, что, съ постепеннымъ ослабленіемъ у Хлума, Раммингъ три раза предлагалъ передвинуть туда свой корпусъ, но не получилъ разрѣшенія; говорятъ также, что Эдельсгейму положительно было „запрещено предпринимать что-либо безъ приказанія“.

кронпринцъ; такимъ образомъ ему была доставлена возможность пройти къ Хлуму на поддержку своихъ, форсированнымъ маршемъ, какъ въ мирное время,—ни одинъ мостъ не былъ испорченъ, и ни одна переправа не была сколько-нибудь затруднена.

* * *

Невѣроятные и совершенно нежданные, какъ громъ грянувшіе, результаты этого равненія двухъ австрійскихъ, лучшихъ боевыхъ корпусныхъ командировъ на неизмѣнный и вѣчный кошмаръ, повелѣвавшій ожидать свыше, то одобренія или осужденія, то разрѣшенія или воспрещенія, отразились на содержаніи отправленной въ столицу телеграммы, которою Бенедекъ завершилъ и кампанію и свое пребываніе въ должности главнокомандующаго; онъ очень искусно прикрасилъ свое донесеніе іезуитскими изворотами, правда краткими, но, не менѣе того, излишними и напрасными.

Извлекаю это донесеніе изъ оффиціальнаго отчета генерала Драгомирова; вотъ оно:

Гогенмутъ 4-го Іюля 3 ч. у. Въ Вѣну. Его Императорскому Величеству.

„Послѣ блестящаго пятичасового боя всей арміи и саксонцевъ „на отчасти укрѣпленной позиціи, впереди Кенигсгреца съ центромъ „Липы, непріятелю удалось незамѣтнымъ образомъ утвердиться въ „Хлумѣ.—Дождь осадилъ дымъ къ землѣ: ничего нельзя было видѣть. „Благодаря этому, противнику удалось проникнуть на нашу позицію „у Хлума.

„Неожиданно, обстрѣливаемыя съ фланга и съ тыла, близъ сто- „явшія, войска дрогнули и, не взирая на всѣ усилія, нельзя было „остановить ихъ отступленія. Сіе послѣднее сначала исполнено безъ „поспѣшности, но, мало-по-малу, оно становилось быстрѣе, по мѣрѣ „того, какъ тѣснилъ непріятель, пока наконецъ всѣ отступили черезъ „мосты на Эльбѣ или къ Пардубицу.

„Потери еще не опредѣлены, но онѣ навѣрное значительны".

Какъ видно, телеграмма послана изъ того пункта, къ которому назначено было отступать—изъ Гогенмута. (См. ниже стран. 605).

Не разъ М. И. Драгомировъ останавливался на этомъ донесеніи; въ немъ, говорилъ онъ, выказался человѣкъ хитрый, храбрый, изворотливый, энергичный, пожалуй и боевой, но не чисто военный, отвѣчающій за ввѣренную ему армію, которою предводительствовать онъ считалъ бы за высшую для себя честь.

Относительно роли, сыгранной Бенедекомъ въ дѣлѣ генераловъ Рамминга и Эдельсгейма, М. И. сказалъ: Бенедекъ долженъ былъ бы прозрѣть и чувствовать, что на запросъ этихъ двухъ генераловъ ему, не взирая на принадлежность его къ чудовищной австрійской арміи, надлежало дать отвѣтъ прямо отъ себя: идти во что бы то ни стало! хотя бы изъ Вѣны была получена не одна тысяча запрещеній.

Поставивъ всю эту исторію въ громадную вину Бенедеку и считая его нерѣшительность въ этомъ эпизодѣ пагубною, а потому непростительно преступною, Мих. Ив. почти все остальное, касавшееся этого генерала, старался, такъ или иначе объяснить и какъ бы „перенести вину съ Бенедека на пославшихъ его". Это ясно проглядывало въ его разсказахъ, и усматривается въ его оффиціальномъ отчетѣ [1]).

Отсутствіе теоретической подготовки на столько замѣнялось для Бенедека практическимъ знаніемъ дѣла, что онъ могъ считаться богатымъ практикой болѣе, нежели кто-либо изъ пруссаковъ; всѣ, начиная съ Франца-Іосифа, знали, что это богатство практикой имѣло громадную цѣну въ Бенедекѣ лишь на изученномъ имъ вдоль и поперекъ итальянскомъ театрѣ войны.

* * *

Бенедекъ, получивъ назначеніе на самый высокій постъ въ сѣв. арміи, ясно видѣлъ, что положеніе его непрочно; а развѣ тотъ же Францъ-Іосифъ и присные не видѣли въ немъ этого? Они должны были чувствовать, что такого главнокомандующаго надо было или замѣнить другимъ, т. е. не назначать или щедро „снабдить силою престижа",—азбука для всякаго служебнаго начинанія и для всякаго дѣла.

Народъ хотѣлъ видѣть Бенедека главнокомандующимъ; а если верхи захотѣли это желаніе народа исполнить, увидя въ немъ удовлетвореніе всѣмъ симпатіямъ и надеждамъ, то прежде всего надо было додать Бенедеку все недостававшее,—обставить его такъ, чтобы онъ увѣровалъ въ себя и почувствовалъ подъ собой твердую почву. Тогда не установилось бы сразу какое-то фальшивое положеніе, при которомъ все, неладно сшитое, начало сразу же пороться по всѣмъ швамъ.

Втянули Бенедека увѣреніями, что до войны дѣло не дойдетъ и что для выбора не только прямыхъ помощниковъ, но и вообще командировъ частей, онъ получитъ самыя широкія полномочія.—Если ему давали такія увѣренія чуть ли не въ ту минуту, когда послы—австрійскій и германскій выѣхали изъ Берлина, а прусскій покинулъ Вѣну,—значитъ, одинаково твердо, т. е. нагло лгали и относительно полномочій; ихъ ему не дали и никого онъ себѣ не выбралъ самостоятельно.

Начальникъ штаба Геникштейнъ былъ ему навязанъ только потому, что угоденъ былъ Вѣнѣ; правда, Бенедекъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, горячо рекомендовалъ его на какую-то

[1]) См. въ томъ отчетѣ главу „Характеристика личностей въ австрійской арміи".

должность; но въ Вѣнѣ съ одной стороны видѣли, что должность та не имѣла ничего общаго съ должностью начальника штаба арміи, а съ другой—знали, что Бенедекъ тогда сдѣлалъ свое представленіе лишь для того, чтобы сбыть Геникштейна, отдѣлаться отъ него! Такимъ образомъ въ этомъ назначеніи была видна скорѣе насмѣшка.

Помощники начальника штаба: Крисманнъ урывками имѣлъ вліяніе на Бенедека; но Бенедекъ сбрасывалъ съ себя его вліяніе; въ Вѣнѣ же онъ былъ извѣстенъ тѣмъ, что, не допуская чужихъ идей, самъ былъ лишенъ нужнаго взгляда для оцѣнки обстоятельствъ и для быстраго принятія рѣшеній; онъ былъ по просту интриганъ и не терпѣлъ рядомъ съ собой никого, кто былъ способенъ затмить его.

Не такого дѣятеля могъ желать себѣ Бенедекъ, какъ и не такого, какимъ является второй помощникъ начальника штаба Нейпергъ,—это человѣкъ очень способный въ военномъ смыслѣ, но онъ страдаетъ огромнымъ недостаткомъ, затмевающимъ большую часть военныхъ качествъ,—скроменъ, какъ самая робкая институтка.

Отъ двухъ лучшихъ корпусныхъ командировъ Бенедекъ открещивался и считалъ для себя желательнымъ замѣнить ихъ своими: Габленцъ, по его мнѣнію, при всѣхъ своихъ талантахъ и способностяхъ, былъ больше богатъ дипломатическою изворотливостью, чѣмъ боевыми качествами; нерѣшительность Эдельсгейма была извѣстна Бенедеку неменѣе, чѣмъ Вѣнѣ. Только Рамминга онъ признавалъ, ибо считалъ его военнымъ геніемъ, который заявилъ себя вообще не только изобрѣтательнымъ въ придумываніи способовъ и средствъ борьбы на войнѣ, но и рѣшительнымъ въ исполненіи намѣченнаго. И вдругъ онъ, въ важную минуту, такъ жестоко провалился, поддавшись, какъ Эдельсгеймъ, сомнѣніямъ, чѣмъ рѣзко показалъ, что „на всякаго мудреца простоты довольно“.

Между прочимъ Мих. Ив. съ яростью нападалъ на австрійскіе верхи за то, что они нашли нужнымъ въ одномъ изъ параграфовъ диспозиціи послѣднихъ дней назначить путь отступленія (черезъ Голидсъ на Гогенмутъ). Всякому ясно, насколько неудобно говорить объ общемъ отступленіи въ документѣ, который дѣлается извѣстнымъ частнымъ начальникамъ.

Долго я дѣло о введеніи въ диспозицію чуть-ли не подробнаго порядка отступленія ставилъ въ вину Бенедеку, говорилъ Мих. Ив.; для меня было непонятно, какъ онъ, будучи прежде всего и больше всего практичнымъ военачальникомъ, не могъ разсчитать, что включеніе такого параграфа въ диспозицію всѣмъ одинаково и всесторонне вредило (между прочимъ на легкомыслен-

ныхъ, означенный параграфъ могъ подѣйствовать, какъ дурное предзнаменованіе). Впослѣдствіи, однако, я узналъ отъ капитана Фельдмана, состоявшаго нашимъ военнымъ агентомъ въ Вѣнѣ, что диспозиція эта была дѣломъ рукъ военно-походнаго кабинета императора Франца-Іосифа, и Бенедеку она была навязана, т. е. по̀ просту предписана, какъ многое другое, связывавшее его самого по рукамъ и по ногамъ.

* * *

Что же явилось окончательнымъ результатомъ слабой бенедековской распорядительности, вызвавшей хитросплетенную телеграмму?

Явилось назначеніе эрцгерцога Альбрехта главнокомандующимъ всѣхъ австрійскихъ, дѣйствовавшихъ противъ пруссаковъ, силъ.

Хитрая лисица успѣла, подъ шумокъ, нанести пораженіе итальянской арміи при Кустоццѣ [1]) и, будучи прославлена этой побѣдой, ничего не имѣла противъ того, чтобы стать во главѣ арміи; вѣдь въ такую минуту, когда прусская армія подкатила къ стѣнамъ Вѣны, кромѣ заключенія мира нельзя было ничего ожидать.

Хотя нападки на прусскихъ военачальниковъ за то, что они послѣ Кенигсгрецкаго боя не преслѣдовали непріятеля, генералъ Драгомировъ смягчалъ и старался промахъ этихъ начальниковъ извинить тѣмъ, что прусская армія была совершенно обезсилена и истощена, тѣмъ не менѣе онъ говорилъ, что она кореннымъ образомъ забыла уроки безсмертнаго учителя своего Блюхера [2]),

[1]) Село, расположенное недалеко отъ крѣпости Вероны; эрцгерцогъ Альбрехтъ, нанесшій въ 1866 году пораженіе итальянской арміи, былъ не первый побѣдитель на этой позиціи: въ 1848 году австрійская армія при этомъ же селѣ нанесла пораженіе предводительствовавшему пьемонтскими войсками королю Карлу-Альбрехту—отцу и предшественнику Виктора-Эммануила II-го; побѣда эта сильно возвеличила фельдмаршала Радецкаго, т. к. побѣжденный имъ король, благодаря массѣ своихъ побѣдъ, назывался „мечемъ Италіи“ и считался непобѣдимымъ.—Армія, которой нанесъ пораженіе эрцгерцогъ Альбрехтъ, находилась подъ начальствомъ знаменитаго генерала Ла-Марморы.

[2]) Блюхеръ—знаменитый кавалеристъ, фельдмаршалъ прусскихъ войскъ. Однажды Мих. Ив., ведя разговоръ о немъ, сказалъ: какъ жаль, что онъ не достался намъ! при этомъ онъ, какъ тогда же оказалось, вспомнилъ извѣстный фактъ, что Блюхеръ, состоя на шведской службѣ, былъ во время семилѣтней войны взятъ пруссаками въ плѣнъ; тогда онъ перешелъ на службу въ прусскую кавалерію; полкъ, которымъ онъ командовалъ, до сихъ поръ носитъ названіе Блюхеровскіе гусары. Блюхеръ представлялъ собою такую силу, что Наполеонъ, диктуя условія мира въ Тильзитѣ въ 1807 г., потребовалъ, между прочимъ, смѣны главнокомандующаго въ Помераніи, вслѣдствіе этого Блюхеръ былъ уволенъ въ отставку. Съ большимъ ожесточеніемъ сталъ онъ бить этого врага своего, получивъ вновь въ 1813-мъ г. назначеніе на постъ главнокомандующаго; за этотъ періодъ своей службы

который, послѣ битвы при Ватерлоо (1815 г.), гналъ врага нѣсколько верстъ съ одними лишь трубачами и барабанщиками, заставивъ ихъ идти ускореннымъ маршемъ съ трубнымъ звукомъ и съ барабаннымъ боемъ; иллюзія была полная для побитыхъ учениковъ великаго полководца,—какимъ былъ императоръ Наполеонъ, и эти ученики очень старательно убѣгали.

* * *

Однажды въ концѣ марта 1877 года, въ послѣдніе дни „кишиневскаго сидѣнья", когда на сравнительно небольшомъ пространствѣ Бессарабіи была, подъ начальствомъ Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, сосредоточена дѣйствующая армія, ожидавшая объявленія войны Турціи и выступленія въ военный походъ,—мнѣ случилось зайти въ кишиневскій клубъ позавтракать. Въ небольшой компаніи знакомыхъ артиллеристовъ усѣлся я за малымъ столикомъ недалеко отъ входа, когда въ залъ вошелъ командиръ VIII армейскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Ѳед. Ѳед. Радецкій въ сопровожденіи начальника 14-ой пѣх. дивизіи свиты Е. В. ген.-м. Драгомирова, командира бригады той дивизіи ген.-м. Петрушевскаго и начальника штаба VIII корпуса ген.-м. Дмитровскаго.—Генералы, поздоровавшись съ нами, заняли сосѣдній столикъ. М. И. Драгомировъ, ведя разговоръ, какъ бы дѣлалъ его общимъ и не разъ обращался къ намъ.

Въ ожиданіи подачи кушанья, онъ взялъ газету „Моск. Вѣд." и, разсѣянно пробѣжавъ ея столбцы, показалъ замѣтку, въ которой, со словъ какой-то берлинской газеты, разсказывалось, что, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, въ Берлинѣ сломалъ ногу и, кажется, палъ знаменитый конь, ходившій не разъ въ бояхъ во время войны 1866 года подъ королемъ Вильгельмомъ и носившій его бо́льшую часть дня въ рѣшительномъ, завершившемъ кампанію сраженіи подъ Кенгсгрецомъ. Берлинская газета, съ нѣкоторымъ варіантомъ, разсказала, а катковскія вѣдомости перепечатали, разсказъ о томъ самомъ эпизодѣ, который Мих. Ив. въ болѣе полномъ видѣ запомнилъ со словъ самого Бисмарка.

онъ, послѣ Лейпцига, два раза вступалъ въ Парижъ (31 марта 1814 и 7 іюня 1815 г.г.), закончивъ свою славную боевую карьеру побѣдными битвами при Белль-Алліансѣ и при Ватерлоо. Въ 1814 году прусскій король далъ ему титулъ „князя вальштадтскаго"; Наполеонъ же постоянно вспоминалъ его, какъ самаго серьезнаго противника и соперника своего; онъ скончался съ именемъ Блюхера на устахъ, хотя тотъ умеръ двумя годами раньше его. Едва-ли не его слова сожалѣнія повторялъ М. И. Драгомировъ. Наполеонъ имѣлъ большое основаніе жалѣть, что этотъ въ высшей степени искусный и талантливый полководецъ, въ свое время, изъ шведскихъ полковниковъ не оказался въ числѣ его маршаловъ.

За время похода въ Богеміи М. И. Драгомирову случилось нѣсколько разъ вступать въ разговоры съ гр. Бисмаркомъ; то не были долгія, интимныя бесѣды, но разговоры, которые велись совершенно просто, что зависѣло всецѣло отъ простоты, съ которою этотъ могучій, разнообразный и своеобразный человѣкъ, глава нѣмецкой державы, умѣлъ себя держать вообще. Встрѣчаться съ нимъ Мих. Ивановичу случалось больше всего у графа В. П. Голенищева-Кутузова, къ которому желѣзный канцлеръ очень благоволилъ.

— Меня всегда больше влекло поговорить съ гр. Мольтке, говаривалъ Мих. Ив., но этотъ молчаливый, сосредоточенный стратегъ не всегда шелъ на бесѣду. Бисмаркъ былъ разбросаннѣе и бесѣдъ не избѣгалъ; онъ съ готовностью всегда толковалъ обо всемъ, очевидно не теряя въ то же время ни главнаго предмета, занимавшаго его, ни цѣлой нити дѣлъ, ожидавшихъ его рѣшенія.

Черезъ нѣсколько дней послѣ Кёнигсгрецкаго сраженія, несомнѣнно еще занятый разборомъ результатовъ великаго дня, онъ зашелъ въ походѣ на нѣсколько минутъ къ графу Вас. Павл. Голенищеву-Кутузову, и въ совершенно дружеской бесѣдѣ говорилъ о той, поглотившей всѣхъ, неожиданности, которая „выпала на долю благословеннаго Богомъ прусскаго оружія“.—„Король сегодня съ утра былъ занятъ изложеніемъ сообщенія мельчайшихъ подробностей Императору Александру; въ день боя прежде всего вашему Государю было отправлено краткое извѣщеніе о дарованной намъ побѣдѣ, теперь же надо сообщить детали этого радостнаго событія.“

— Я думаю, вы теперь вздохнули и отдохнули, сказалъ гр. Кутузовъ.

— „Вздохнуть я, конечно, вздохнулъ, какъ и всѣ мы, а отдохнулъ, надо полагать, больше Мольтке, которому конечно пришлось тяжело: моя работа только теперь начинается.

„Хотя я долженъ сознаться, съ моихъ плечъ свалилась гора въ томъ отношеніи, что пришелъ благополучный конецъ постоянной необходимости неустанно проявлять заботу объ охраненіи короля отъ увлеченій въ бою: на каждомъ шагу онъ, безъ всякой нужды, какъ юноша, стремится въ самыя опасныя мѣста; это просто невѣроятно и непостижимо. Никакія указанія не помогаютъ,—ласково молчитъ и упорно идетъ въ самое пекло.

„А когда, невзирая ни на что, выйдешь изъ себя и позволишь себѣ высказать напоминаніе въ формѣ похожей на рѣзкость, тогда онъ, неизмѣнно принимая суровый видъ, лишь отвѣтитъ что-либо въ такомъ родѣ: „верховный вождь не можетъ во время боя быть тамъ, гдѣ ему удобнѣе, онъ долженъ чувствовать, гдѣ его присутствіе болѣе всего необходимо, и обязанъ находиться именно тамъ“.

„Въ послѣдній день король былъ особенно невыносимъ; припоми-

ная о томъ, какъ онъ остался невредимъ, чувствуешь, что все это рѣшительно укрѣпляетъ вѣру въ чудеса.—Ядра свищутъ кругомъ него, а онъ, ни о чемъ иномъ не помышляя, кромѣ того, чтобы войска были лучше, согласно его мыслей и плановъ, направляемы, отдаетъ приказаніе за приказаніемъ. Вы видѣли, что онъ лично направилъ близъ деревни Липы часть кавалеріи къ центру; ну и довольно, нѣтъ, летитъ съ нею въ самый сильный огонь, продолжая давать приказанія".

— Такое вмѣшательство могло принести вредъ дѣлу, такъ какъ могло нарушить планъ дѣйствій и намѣренія прямыхъ, отвѣтственныхъ начальниковъ, невольно вставилъ М. И. Драгомировъ.

— „Ну, положимъ, король прекрасно знаетъ и понимаетъ, какими распоряженіями онъ можетъ помѣшать, а какими помочь дѣлу, лукаво возразилъ Бисмаркъ; но вѣдь моя нескончаемая забота клонилась къ тому, чтобы оберечь короля отъ опасности, которой онъ подвергался, подобно несовершеннолѣтнему.—Тутъ же передъ эскадрономъ я ему, въ пылу самаго тревожнаго опасенія за него, сказалъ, что онъ не подъ Парижемъ показываетъ чудеса храбрости на пятнадцатомъ году жизни[1]); онъ же смотритъ добрыми глазами и снова обращается къ эскадронному ротмистру.

— Ваше величество, обратился я къ нему вторично, вы не хотите заботиться о себѣ, не хотите поберечь себя; сжальтесь же надъ вашимъ министромъ-президентомъ; вѣдь въ случаѣ,—не дай Богъ,—бѣды, которая такъ близка, вашъ возлюбленный прусскій народъ съ него спроситъ отвѣтъ за короля. Покиньте же это мѣсто во имя народа, который постоянно молитъ Бога за васъ,—долженъ былъ я умолять короля, сказалъ Бисмаркъ спокойно[2]). Только тогда король, подавъ мнѣ руку, произнесъ: ну, хорошо, любезный Бисмаркъ, поѣдемъ отсюда, удалимся; дѣйствительно король повернулъ коня, но поѣхалъ самымъ медленнымъ курцъ-галопомъ, какъ будто бы находился не у деревни Липы въ бою въ Богеміи, а у себя въ Берлинѣ на прогулкѣ „подъ Липами". (Унтеръ-денъ-Линденъ—одна изъ лучшихъ улицъ въ столицѣ короля прусскаго).

„Я почувствовалъ какое-то необычайное нетерпѣніе, хотѣлось дать волю и рукамъ и ногамъ; вы знаете горячій нравъ стараго

---

[1]) Извѣстно, что Вильгельмъ шестнадцатилѣтнимъ юношей участвовалъ въ бояхъ подъ Парижемъ; тамъ онъ заслужилъ желѣзный крестъ и орденъ св. Георгія 4-й степени.

[2]) Какая громадная разница въ тонѣ сравнительно съ тѣмъ, что Бисмаркъ, судя по народнымъ толкамъ, говорилъ королю настаивая на рѣшеніи объявить войну (см. „Русскую Старину" 1910 г. апрѣль, стр. 184).

Бисмарка; я пришпорилъ своего коня и, почти поровнявшись съ лошадью короля, ударилъ ее со всей силы носкомъ своего сапога въ бокъ, приноровивъ ударъ какъ разъ за шпорой короля; лошадь дала скачекъ впередъ и пошла быстрѣе. Король съ видимымъ удивленіемъ оглянулся. Полагаю, что онъ замѣтилъ мою дерзость; но не сказалъ ни слова.

„Вечеромъ, когда шталмейстеръ, завѣдывавшій военно-походною конюшнею короля, явился къ его величеству съ докладомъ о томъ, что, разсѣдлывая коня, королевскій рейткнехтъ усмотрѣлъ у лошади довольно значительную ссадину, сдѣланную осколкомъ гранаты,—король сказалъ: вотъ отъ чего она у самой деревни Липы дала крупную лансаду.

„Тогда я покаялся во всемъ: нѣтъ, ваше величество, сказалъ я, винюсь, лансаду вызвалъ я дерзкимъ движеніемъ ноги; желая ускорить движеніе вашей лошади, я ударилъ её въ правый бокъ; осколокъ же задѣлъ ее въ лѣвую сторону зада; раненой быть она имѣла тысячу случаевъ и моментовъ, для этого вы сдѣлали все зависѣвшее отъ васъ“.

Король засмѣялся: „не забудьте же, Бисмаркъ, сказалъ онъ, что въ бою подъ Кенигсгрецомъ вы явились погонщикомъ королевской лошади; а ее надо переименовать; вмѣсто „Веранда“ дать ей и сохранить названіе „Садова“[1]), затѣмъ поставить ее на пенсію, на покой“.

Оканчивая передачей разсказа объ этомъ мелкомъ, но характерномъ эпизодѣ, статью, описывающую кое-что изъ пребыванія М. И. Драгомирова въ главной квартирѣ прусскаго короля во время войны 1866 года,—считаю долгомъ повторить, что статьей этой я никоимъ образомъ не имѣлъ въ виду дать, не только полнаго изображенія, но даже чего-либо похожаго на частичное описаніе хода самой кампаніи [2]).

Какъ съ первыхъ строкъ я уже заявилъ, статья эта представляетъ собою простое извлеченіе изъ воспоминаній, излагавшихся покойнымъ въ совершенно случайныхъ частныхъ бесѣдахъ и мною не безъ его вѣдома, отъ времени до времени заносившихся на страницы моихъ тетрадей.

Е. Андреевскій.

---

[1]) Вблизи мѣстечка Кёнигсгреца въ Богеміи находится село Садова; многіе военные историки, преимущественно нѣмецкіе, считаютъ, что сраженіе, рѣшившее 3 іюля 1866 года участь арміи Бенедека, произошло на поляхъ, принадлежавшихъ селу Садовѣ; поэтому они это сраженіе больше называютъ „битва при Садовѣ“.

[2]) См. „Русскую Старину“, апрѣль 1910 г. стр. 177.

Изъ архива князя Л. А. Ухтомскаго [1].

6 іюня отбитъ блестяще штурмъ союзниковъ.

28 іюня—печальный день: убитъ П. С. Нахимовъ.

Число геройскихъ защитниковъ Севастополя рѣдѣло. Да и не было такихъ вліятельныхъ, какъ покойный Нахимовъ.

Между тѣмъ, Горчаковъ настойчиво торопилъ—подготовить отступленіе изъ Севастополя, почему рвеніе защитниковъ Севастополя слабѣло.

Тотлебенъ былъ раненъ и, въ своихъ запискахъ, говоритъ, что это время, т. е. іюнь мѣсяцъ, было безъ пользы потеряно нами: съ 29 іюня у насъ прибавлено было только 110 р., а непріятель возвелъ 8 батарей съ 80 орудіями.

Въ то же время снова сталъ ощущаться недостатокъ въ порохѣ, но не по бездорожью зимняго времени, а по недостатку предусмотрительности.

Мы, защитники Севастополя, не мало винили въ томъ начальника штаба Коцебу, его штабныхъ, въ средѣ которыхъ было много поляковъ.

Горчаковъ съ своей точки зрѣнія былъ правъ, говоря, что нужно оставить Севастополь, гдѣ безполезно погибаетъ столько людей.

Кн. Меншиковъ былъ другого взгляда: онъ находилъ необходимымъ поддерживать Севастополь, будучи увѣренъ, что союзники, принужденные еще зимовать, снимутъ осаду.

Впослѣдствіи одинъ старый англійскій морякъ, обсуждая

[1] См. „Русская Старина“, ноябрь, 1911 г.

японско-русскую войну и ночное нападеніе на русскіе броненосцы въ Портъ-Артурѣ, говоритъ, что этотъ ударъ, отозвавшись на самолюбіи русскихъ, возбудитъ въ нихъ энергію, о которой могутъ имѣть понятіе лишь тѣ, кто участвовалъ въ осадѣ Севастополя. И тотъ, кто сравнилъ русскихъ съ медвѣдемъ, былъ хорошо знакомъ съ русской природою и тонкимъ психологомъ: подобно медвѣдю русскій добродушенъ, тяжелъ на подъемъ, покладистъ, но горе тому, кто его разозлитъ и выведетъ изъ терпѣнія!..“

IV.

На сколько вдумчиво относился молодой кн. Ухтомскій къ осадѣ Севастополя, видно изъ того, что, во время осады, велъ онъ особую алфавитную тетрадь подъ заглавіемъ „буквенная тетрадь характеристики офицеровъ“.

Подаривъ мнѣ эту тетрадь, въ которой имѣются справки о службѣ и участіи въ Севастопольской оборонѣ многихъ моряковъ, князь передалъ въ мое полное распоряженіе и записки, вложенныя въ тетрадь, двухъ дѣятелей Севастополя, на сколько онъ зналъ, нигдѣ не напечатанныя, предоставивъ мнѣ огласить ихъ, если это я найду нужнымъ.

Такъ какъ то были сослуживцы князя и сказанное ими относится къ эпохѣ, о которой говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ князь, и такъ какъ документы эти имѣютъ не только личный, но и общественный интересъ, а замѣтки Тимирязева говорятъ и о Нахимовѣ, то я приведу ихъ здѣсь полностью.

I. „Записка о служебныхъ занятіяхъ лейтенанта Дмитрія Афонасьева во время осады Севастополя съ 10 сентября 1854 г. по 28 августа 1855 г.

Командированный изъ Балтійскаго флота, отъ 14 флотскаго экипажа, въ Черноморскій, состоялъ на фрегатѣ „Сизополь“, а, по затопленіи фрегата 10 сентября 1854 г., поступилъ въ составъ своднаго баталіона, составленнаго изъ командъ фрегатовъ „Сизополь“ и „Флора“, подъ командою капитанъ-лейтенанта, нынѣ капитана 1 ранга, Воеводскаго 3-го, и находился сначала на позиціи, на правомъ флангѣ Сѣвернаго укрѣпленія, а съ 13-го на лѣвомъ флангѣ 3-го отдѣленія, у боковой балки, при постройкѣ 4-хъ пушечной батареи и для прикрытія цѣпью фланга по балкѣ и по дорогѣ отъ бойни. По расформированіи баталіоновъ по экипажамъ, 1 октября поступилъ въ прикомандированіе къ баталіону 36 флотскаго экипажа на Малаховомъ Курганѣ при постройкѣ укрѣпленій—сначала подъ коман-

дою капитана 2 ранга Скоробогатаго, а съ 5-го октября подъ командою капитанъ-лейтенанта Воеводскаго 3-го. Съ 26 ноября—въ составѣ означеннаго баталіона на 5 отдѣленіи при постройкѣ Ростиславскаго редута по 2 апрѣля 1855 года, съ котораго времени поступилъ въ штабъ командира Севастопольскаго порта старшимъ адъютантомъ съ состояніемъ по флоту и былъ въ этой должности въ гарнизонѣ Севастополя по день отступленія, завѣдывалъ строевой частію.

Получилъ награды: 26 ноября 1854 г. произведенъ въ лейтенанты за отличную храбрость и мужество при защитѣ Севастополя 5-го октября. Въ этотъ день находился съ партіею при доставкѣ снарядовъ и орудій по батареямъ Малаховаго Кургана.

Мая 21 дня 1855 г. награжденъ орденомъ Св. Анны 3 степ. съ бантомъ за храбрость и мужество, оказанныя во время состоянія на 5 отдѣленіи.

Августа 17 дня 1855 года награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4 степ. съ бантомъ за отличную распорядительность и мужество при потушеніи пожара въ артиллерійскихъ погребахъ на дѣловомъ дворѣ 6-го іюня.

Октября 26 дня награжденъ золотою саблей съ надписью „за храбрость“ — за отличную распорядительность въ ночь съ 27 на 28 августа при исполненіи личнаго порученія г. главнокомандующаго—завѣдывать переправой войскъ и обозовъ съ Корабельной Стороны черезъ мосты въ Южной Бухтѣ, а потомъ уничтожить въ докахъ пароходъ „Корниловъ“ и мастерскія и, по переправѣ войскъ, обозовъ и прикрытій, развести мостъ, что успѣлъ окончить къ 10 часамъ утра.

II) „Два мѣсяца на Камчатскомъ Люнетѣ (съ 27 марта по 26 мая). Изъ журнала, мною веденнаго. 4 экипажа лейтенанта Тимирязева.

27 марта 1855 г.

День Воскресенія Христова прошелъ тихо и спокойно. Мы, православные, этого дня не покушались ни на какія мѣры противъ непріятеля. Послѣдній изрѣдка палилъ, но не приносилъ большого вреда.

Съ разсвѣтомъ, 28 марта, непріятель открылъ сильную бомбардировку по городу и по батареямъ; но Богъ, помогая намъ, не допустилъ врага насъ уничтожить. Ночью непріятель исправилъ свои поврежденія. 29-го повторилъ бомбардировку съ большою энергіей, но тоже не принесъ себѣ этимъ желаемаго успѣха. Потеря съ обѣихъ сторонъ была значительна (показанія плѣнныхъ).

30 марта.

Бомбардировка продолжается съ той же силой. Батареи съ обѣихъ сторонъ порядочно пострадали. Но благодаря Богу, посылающему намъ силу и крѣпость, во время самаго жестокаго огня, удалось исправить поврежденія. Орудія наши не переставали громить враговъ, между тѣмъ какъ послѣдній скоро переставалъ дѣйствовать.

Въ 8 ч. утра я имѣлъ счастье съ парохода фрегата „Владиміръ“ быть назначеннымъ на Камчатскій люнетъ.—Герои Владимірскіе по-братски пожелали мнѣ при прощаньи отличій и скораго возвращенія. Командиръ корабля, Григорій Ивановичъ Бутаковъ, кромѣ словеснаго приказанія, отдалъ приказъ по пароходу въ ниже-слѣдующихъ лестныхъ для меня выраженіяхъ:

„Получивъ предписаніе немедленно отправить лейтенанта Тимирязева въ распоряженіе начальника 4-го отдѣленія оборонительной линіи, я поздравляю его съ тѣмъ, что выборъ начальства палъ прямо на него и, хотя истинно сожалѣю, что „Владиміръ“ лишился съ тѣмъ прекраснаго офицера, но надѣюсь, что лейтенантъ Тимирязевъ не потеряетъ на дѣйствительномъ поприщѣ, куда его призываетъ потребность войны. Прощаясь съ нимъ до свиданія, желаю ему всевозможныхъ успѣховъ и достойной награды за всегда примѣрную службу. Съ такими офицерами начальству всегда жаль разставаться“.

Приказъ этотъ, прочитанный командѣ парохода при сослуживцахъ, сильно растрогалъ меня. Я поторопился къ новому назначенію, какъ на балъ. Желаніе мое было поскорѣй отблагодарить моего капитана и сослуживцевъ Георгіевскимъ крестомъ и у новаго начальства заслужить такую же рекомендацію. Въ 10 часовъ утра я пошелъ на Корниловъ бастіонъ, а оттуда на Камчатскій люнетъ, гдѣ и вступилъ въ командованіе лѣвымъ фасомъ изъ 7-и орудій.

Командиръ редута—В. Е. Лазаревъ, праваго фаса—М. Н. Нееловъ, передняго фаса—ластоваго экипажа прапорщикъ Кондратьевъ, содержатель порхового погреба и снарядовъ—прапорщикъ Москвинъ. Команда изъ 186 человѣкъ разныхъ экипажей и два артиллерійскихъ кондуктора. На люнетѣ всѣхъ было 18 орудій, изъ нихъ 4-е единорога 1-го пуда и 4-е двадцати четырехъ-фунтовыхъ пушекъ.

31 марта.

Съ обѣихъ сторонъ бомбардировка, начавшаяся съ разсвѣта, продолжалась до сумерекъ съ большой энергіей. Всю ночь непріятель не переставалъ бросать въ городъ и на батареи бомбы и гранаты. Въ 6 часовъ пополудни, при обходѣ мною люнета съ начальникомъ

саперовъ, флигель-адъютантомъ, полковникомъ Е. И. Тотлебеномъ, на лѣвомъ фасѣ, около второго траверза, ранило меня въ правое плечо штуцерной пулей вскользь, неопасно. Я ограничился тѣмъ, что сходилъ на перевязочный пунктъ, гдѣ докторъ, перевязавши меня, далъ мнѣ средство — пользоваться на люнетѣ, и я снова явился въ ряды сослуживцевъ Камчатскаго люнета. Плечо безпокоило меня до 7-го апрѣля, а потомъ, мало по малу, я началъ забывать боль. 8 апрѣля, въ 8 ч. утра, сдавши вахту М. Н. Неелову, не успѣлъ я еще сойти въ блиндажъ, какъ храбрый сослуживецъ лишился обѣихъ ногъ, имѣя, при этомъ, такое присутствіе духа, что удостоилъ насъ и команду, сказавши: „Прощайте, друзья!“.

До 10-го апрѣля бомбардировка продолжалась съ большой силой съ обѣихъ сторонъ; съ сего же числа непріятельскій огонь замѣтно началъ ослабѣвать. Но мы все-таки продолжали дѣйствовать съ обыкновенной быстротой; видя же, къ вечеру, что непріятель совсѣмъ прекратилъ огонь, прекратили и мы дѣйствія нашей артиллеріи. До 19 апрѣля съ батарей нашихъ изрѣдка стрѣляли по смѣнамъ и въ ночное время—по работамъ непріятеля, на что послѣдній отвѣчалъ мортирными бомбами, которыя вреда большого не приносили. Убыль людей въ эту бомбардировку была отъ 80 до 100 человѣкъ въ сутки. Суточная же потеря въ непріятельскихъ войскахъ намъ неизвѣстна; но, надо полагать, что числительность потери непріятеля не менѣе нашей.

19 апрѣля.

Пальба съ обѣихъ сторонъ была довольно усиленная. Мортиры непріятельскія въ числѣ четырехъ двухъ-пудовыхъ, поставленныхъ въ траншеяхъ, и пяти-пудовыхъ, числомъ шесть, поставленныя по три, на французской и англійской батареяхъ, дѣйствовали по нашему редуту. Нехвастливая пальба непріятеля: бомбы ихъ не причиняли большого вреда. На десять большого калибра мортиръ мы отвѣчали 6-ю полу-пудовыми — въ траншеи непріятеля. Замѣтно было, что непріятель нашъ, получивши отвѣтъ на свои выстрѣлы, начиналъ всегда хуже палить. Снаряды, попадавшіе до того въ амбразуры, начинали то недолетать, то перелетать. Пользуясь этимъ, мы могли исправлять поврежденія днемъ. Артиллерійскіе кондукторы, командуя мортирками такъ искусно разоряли мерлоны штуцерниковъ, что и послѣдній огонь, съ постановкой на люнетѣ мортирокъ, началъ слабѣть. Вслѣдствіе ранъ командира люнета В. Е. Лазарева, отправленнаго на Сѣверную Сторону, честь командовать люнетомъ досталась мнѣ. Принявъ въ свое командованіе 18 орудій, 2 фальконета, 3 фунтовыхъ и 6 полу-пудовыхъ мортирокъ, командировъ праваго фаса — В. И. Чистякова, лѣваго фаса — М. А. Харламова,

передняго фаса—прапорщика Кондратьева, содержателя порохового погреба и снарядовъ прапорщика Москвина, двухъ артиллерійскихъ кондукторовъ и 199 матросовъ разныхъ экипажей, я счелъ за нужное, обойдя редутъ, собрать вокругъ себя команду и сказать имъ спасибо за усердіе при предмѣстникѣ моемъ и выразить свою надежду въ будущемъ видѣть въ нихъ такихъ же молодцевъ. Вотъ нѣсколько словъ, проговоренныхъ мною Камчатскимъ молодцамъ.

„За особенное счастье считаю я командовать вами, молодцы. Если Богу угодно будетъ оставить меня съ вами до изгнанія враговъ нашего отечества, то увѣряю васъ, друзья мои, эта награда будетъ лучшимъ воспоминаніемъ всей моей жизни. Прошу я васъ быть такими, какими я васъ уже знаю. Въ успѣхѣ же нашего оружія будемъ полагаться на Бога и Его милосердіе."

Дѣйствительно я нашелъ въ своихъ молодцахъ настоящихъ героевъ. Не разъ начальникъ благодарилъ меня за прекрасное дѣйствіе людей артиллеріи. Потеря прислуги у орудій ежедневно была не очень значительна. Она не уменьшала нравственнаго духа команды а, напротивъ, давала болѣе средствъ каждому изъ матросовъ, на каждомъ шагу, выказывать самоотверженіе и усердіе къ службѣ. Разбитый мерлонъ до апрѣля исправили подъ сильнымъ штуцернымъ огнемъ и огнемъ съ батарей. Подбитыя орудія замѣнялись новыми въ пылу жаркаго дѣла, такъ что непріятель ни разу не могъ замѣтить нашего поврежденія и хвастать своимъ успѣхомъ.

26 апрѣля я сдѣлалъ первый воскресный смотръ командѣ и редуту подъ ядрами (какъ въ мирное время водится у насъ на судахъ). По окончаніи смотра пробилъ на молитву и передъ образомъ Божьей Матери читалъ вслухъ молитвы. Несмотря на неугомоннаго непріятеля, мы кончили очень благополучно молитву, послѣ которой отплатили свое безпокойство врагу: скоро, очень скоро заставили замолчать. Во всемъ—милосердіе Божье сопутствуетъ намъ. Съ нами Богъ, разумѣйте языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!

1 мая 1855 г.

Вспоминаю былые годы. Недальше, какъ въ 1854 г. день этотъ былъ встрѣченъ въ Голландіи; было очень весело и мирно. Теперь этотъ день я встрѣчаю на люнетѣ, ужъ очень не по-прошлогоднему. Всѣ дни съ 25 и до 6 мая пушки люнета говорили языкомъ мести съ врагомъ нашимъ. Такъ какъ мнѣ разрѣшено было располагать (по случаю пребыванія моего, впереди нашихъ укрѣпленій) по усмотрѣнію своему зарядами и снарядами, то я и тратилъ ихъ столько, сколько нужно было, чтобы заставить непріятеля молчать. Въ командованіе мною люнетомъ, я замѣтилъ, что батареи противъ Кам-

чатки очень неискусны въ пальбѣ: всякій непріятельскій выстрѣлъ, направленный прямо въ амбразуру къ комендорамъ 39-го экипажа (Стадниченко, Кузьминъ, Молосниченко) или недолетаетъ до редута, или перелетаетъ его и совершенно безъ вреда останавливается въ полѣ. Четыре двухпудовыхъ мортиръ (траншейная), дѣйствующія на переднемъ фасѣ люнета, безъ пристрастія, дѣйствуютъ хорошо, тогда какъ пушки Епурова, 10-е и 11-е Лошкова (39-го экипажа) отдыхаютъ. Но коль скоро они приступаютъ къ дѣйствію, то у союзниковъ, кажется, начинаютъ руки дрожать: или пороху переложатъ въ мортиру, или не доложатъ—отъ чего бомба то перелетитъ, то не долетитъ, и, падая, не приноситъ вреда. Непріятельскія траншеи, расположенныя вокругъ всего передняго фаса, исходящіе углы праваго и лѣваго фасовъ, въ разстояніи 130 саж. (отъ редута) сильно безпокоили насъ штуцернымъ огнемъ. Но шесть полу-пудовыхъ мортирокъ, въ которыя кладется порохъ русскими смѣлыми руками, такъ искусно раззоряютъ мерлоны штуцерныхъ, что въ самое краткое время угощенія ихъ маленькими гранатками совершенно молкнутъ, какъ птички передъ грозой. Но безъ того пули ихъ такъ часто и громко визжатъ, что думаешь, что пчелы летятъ въ редутъ угощать жителей Камчатки своимъ медомъ. Безъ сомнѣнія иногда штуцерники непріятеля стрѣляютъ очень хорошо: многія пули убивали нашихъ штуцерниковъ прямо въ глазъ смотрѣвшаго въ штуцерную амбразуру. Но иногда какъ, напримѣръ, Павелъ Степановичъ [1]), навѣщая мой люнетъ почти каждый день, или Эдуардъ Ивановичъ [2]), стоятъ на банкетѣ по нѣсколько минутъ, не измѣняя своего положенія, наблюдая за какой-нибудь батареей, или смотря на вновь выводящаго траншеи непріятеля, и при всемъ усиленномъ огнѣ пули все—въ полѣ да въ полѣ.

Также 25-го и 26-го мая я, командуя залпы съ траверза, съ ногъ до головы былъ открытъ, но ни одна пуля не задѣла. Видно, правду говоритъ преданіе: „пуля виновнаго найдетъ.“

6 мая.

Я узналъ, что братъ мой младшій, находившійся на Волынскомъ редутѣ, контуженъ въ голову и пользуется на пароходѣ „Владиміръ“. Начальникъ 4-го отдѣленія позволилъ мнѣ отлучиться съ люнета, для свиданія съ раненымъ братомъ, который 9 мая готовился отправиться въ отпускъ.

Съ первыхъ чиселъ мая предпринята постройка двухъ батарей:

---

[1]) Нахимовъ.

[2]) Тотлебенъ.

1-я изъ четырехъ орудій 24-фунтоваго калибра—по продолженію лѣваго фаса Камчатскаго люнета; 2-я изъ четырехъ орудій 24-фунтоваго калибра—перпендикулярно лѣвому фасу, въ разстояніи отъ онаго въ 30-ти саженяхъ.

Первой батареей назначенъ былъ командовать П. П. Лесли, лейтенантъ 35-го флотскаго экипажа. Батарея назначена въ помощь лѣвому фасу Камчатскаго редута. Камандовать второй батареей назначенъ былъ корпуса морской артиллеріи поручикъ Вороновъ. Она должна помогать переднему фасу Камчатскаго люнета, дѣйствовала по траншеямъ. Съ праваго фаса Камчатскаго редута, въ разстояніи отъ него тоже 30 саженъ, построенъ былъ валъ для мортирной батареи, которая не вооружена была до взятія редута. Всѣ эти батареи, по приказанію Павла Степановича, для сосредоточенія выстрѣловъ, подчинялись моему распоряженію. По сооруженіи выше сказанныхъ батарей, мы открыли канонаду — сначала пробными выстрѣлами для пріобученія комендоровъ, а потомъ батальнымъ огнемъ дѣйствовали по батареямъ непріятеля.

Послѣднему стало труднѣй выдерживать огонь нашъ и прибавленныхъ къ Камчатскому люнету 8-и орудій. Тогда непріятель отдѣлилъ еще 5 мортиръ противъ люнета пятипудового калибра. До 25 мая, постоянно перестрѣливаясь днемъ съ непріятелемъ, ночью имѣли хоть малый покой. Команды располагались для отдыха (по окончаніи исправленія амбразуръ) около своихъ орудій, имѣя одного человѣка съ зажженнымъ фитилемъ. Въ ночное время орудія заряжались ядрами съ картечью въ жестяномъ корпусѣ на шнурѣ и наводились въ тѣ мѣста, откуда ожидали нападенія.

25 мая.

Въ три часа по полудни непріятель открылъ сильнѣйшую бомбардировку по люнету. Дѣйствовало у непріятеля 41 орудіе большого калибра, изъ нихъ два были десятидюймовыхъ и 15 мортиръ 2, 3, и 5 пудового калибра. Итого, съ непріятельской линіи дѣйствовало по люнету, по батареѣ Лесли и Торопова 56 орудій. Залпы непріятелей были бы совершенно разрушительны относительно моихъ снарядовъ, но, благодаря Богу, можетъ быть и четвертой части снарядовъ не осталось въ люнетѣ. На всѣ эти, ужаснаго калибра орудія, ввѣренныя мнѣ батареи отвѣчали 26-ю двадцати-четырехъ фунтовыми пушками, да 6-ю полу-пудовыми мортирками.

Убыль была въ матросахъ и въ прикрытіи значительна, но артилерія страдала мало. Къ закату солнца на батареяхъ было только три подбитыхъ орудія и два подбитыхъ станка. По неимѣнію готовыхъ, привозимыхъ на люнетъ, орудій и станковъ для пере-

мёны, амбразуры были заставлены турами. Неизвѣстны поврежденія этого дня у непріятеля, но видно было, что у него, къ закату солнца, многія амбразуры были заставлены, и что уже не изъ всѣхъ орудій продолжалъ онъ пальбу.

Въ этотъ день командиръ перваго фаса В. И. Чистяковъ смертельно раненъ штуцерною пулею. Мѣсто его замѣнилъ мичманъ 42 экипажа Бѣгичевъ, присланный по распоряженію начальника артиллеріи М. А. Перелешина. Съ наступленіемъ ночи непріятель не переставалъ бросать въ люнетъ бомбы; изъ нихъ были многія очень удачны, онѣ замедляли наши исправленія. Но какъ ни трудно было въ короткую ночь переправить почти всѣ амбразуры и перемѣнить нѣсколько орудій, но силы велики у русскаго человѣка, желаніе у матроса такъ велико—получить „спасибо“, что онъ, забывая усталость свою, не выйдетъ изъ амбразуры, не кончивши ее.

Такимъ образомъ люнетъ и сосѣднія батареи къ разсвѣту 26 мая были совершенно готовы—отвѣчать на всякія покушенія непріятеля. Утромъ штурма невозможно было ожидать, потому что непріятель въ артиллеріи моей нашелъ сильное сопротивленіе вчера и съ разсвѣтомъ, видѣвши, что редутъ готовъ опять помѣрить свои силы, къ половинѣ пятаго открылъ бомбардировку болѣе энергическую, такъ что я принужденъ былъ замѣнить чрезъ три часа дѣла, т. е. къ 8 часамъ, всѣ пять орудій, привезенныхъ ночью въ запасъ. Не прекращая пальбы ни на секунду, артиллеріи моей удалось подбить нѣсколько орудій у непріятеля, поэтому огонь къ полдню сталъ нѣсколько легче. Но не легко намъ было смотрѣть, что изъ 26 орудій на батареяхъ нашихъ осталось только 10. Невозможно было даже ожидать привоза орудій раньше ночи. И такъ мы съ десятью орудіями должны были продолжать дѣло. Къ тремъ часамъ по полудня годныхъ орудій для дѣйствія на люнетѣ не было уже. Позвавши фасныхъ командировъ, я предложилъ имъ позаботиться на случай штурма, положить орудія своихъ фасовъ въ такое положеніе, чтобы можно было на самомъ близкомъ разстояніи хоть по разу выстрѣлить изъ каждаго орудія, зарядивъ для того двумя мѣточными картечами. Собравъ прислугу свою, сотрудники мои мичмана Харламовъ и Бѣгичевъ принялись снова за работу, а, по случаю отправленія раненаго командира передняго фаса прапорщика Кондратьева въ госпиталь, я самъ занялся приведеніемъ въ порядокъ орудій передняго фаса.

Непріятель, увидя превосходство свое, продолжалъ палить батальнымъ огнемъ, иногда и залпами по рабочимъ людямъ въ амбразурахъ и въ пороховомъ погребѣ. На послѣдній упало вдругъ двѣ бомбы. И какъ ни трудно было забросить воронку, бывши со-

вершенно открытымъ, подъ штуцернымъ огнемъ, но съ большимъ успѣхомъ исполнили это дѣло солдаты 4-го баталіона Полтавскаго полка подъ командою маіора Щепетникова съ матросами, отдѣленными нарочно для этого отъ орудій. Предполагая навѣрное штурмъ, я предложилъ капитану Забалканскаго полка Горяниву (?) сходить къ начальнику отдѣленія и лично передать ему, въ какомъ положеніи находится люнетъ. Но съ трехъ до пяти часовъ не было никакого распоряженія о подкрѣпленіи. Между прочимъ, изъ 4-го баталіона Полтавскаго полка, находящагося въ эти сутки на люнетѣ, въ прикрытіи осталось (по заявленію баталіоннаго командира) 80 человѣкъ, а изъ 200 матросовъ осталось 48 человѣкъ.

Пять часовъ по полудни.

Каждую секунду ожидать штурма, видѣть, какъ войска стягиваются и наполняютъ непріятельскія траншеи, какъ туристы, желая любоваться кровавой драмой, собираются толпой въ англійскую, ближайшую къ люнету, батарею—признаюсь, положеніе было самое незавидное для того, кто долженъ былъ защищать редутъ: 125 человѣкъ команды и надежда на помощь Божію—вотъ были данныя, на которыхъ я полагалъ защиту люнета.

Но вдругъ невидимо Господь послалъ люнету Павла Степановича, который не задумался въ эти критическія минуты навѣстить тѣхъ, которымъ совѣтъ его былъ необходимъ. Адмиралу сопутствовалъ адъютантъ его, лейтенантъ Финьгаузенъ. Въ короткихъ словахъ передалъ я адмиралу положеніе своего люнета и неизбѣжность штурма. Но все-таки онъ приказалъ показать поврежденія въ артиллеріи. Едва лишь прошло пятнадцатое орудіе, какъ докладъ вахтеннаго офицера, мичмана Харламова, о наступленіи непріятеля заставилъ меня просить адмирала удалиться и прислать подкрѣпленія. Но, не внемля просьбѣ людей, адмиралъ, обнажая кортикъ, вскочилъ на банкетъ. Просьбу я повторилъ во второй разъ и увѣрялъ его, что безполезно его пребываніе, но что можно будетъ сдѣлать для защиты редута, будетъ исполнено. Удивило немало меня, однако, то, что адмиралъ въ первый разъ послушалъ убѣжденій. Не разъ случалось мнѣ говорить ему, при посѣщеніи люнета, когда онъ, взойдя на банкетъ, довольно долго стоялъ открытымъ до половины груди. Обыкновенно, въ отвѣтъ, его словами были: „Сойдите сами, если хотите!“

Непріятель, изъ Киленбалки, ударилъ во флангъ батареи Торопова, началъ обходить насъ съ горжи. Люнетъ мой открылъ съ лѣваго фаса картечный огонь; въ вѣрности онаго невозможно ру-

чаться: орудія стрѣляли съ подошвы амбразуръ, нѣкоторыя были безъ дульной части. Съ приближеніемъ непріятеля батареи союзниковъ сдѣлали по люнету общій залпъ, и послѣдній совершенно разрушили. Меня ранило въ это время камнемъ въ правый високъ, но я былъ еще въ состояніи постоять за себя. Штуцерная пуля прострѣлила мнѣ ногу насквозь, лишивъ меня возможности долѣе сопротивляться. Маіоръ Щепетниковъ сбитъ съ горжи и отступаетъ. Пришлось и мнѣ, наконецъ, сказать: „заклепывай пушки! Бери принадлежности и отступай за прикрытіемъ!“.

При отступленіи находился мичманъ Бѣгичевъ, а мичману Харламову поручено было заклепывать орудія съ артиллерійскими кондукторами. Прикрытіе было выбито изъ отступной траншеи штыками непріятеля, направилось на батарею Жерве, чему послѣдовалъ мичманъ Бѣгичевъ. Но такъ какъ батарея Жерве открыла картечный огонь по преслѣдовавшему насъ непріятелю, то прикрытіе люнета и матросы много пострадали. И когда меня проносили по этому же пути, я увидалъ убитаго мичмана Бѣгичева. Думаю, что онъ былъ убитъ своей картечью, ибо лежалъ головой отъ батареи. Благополучно, лишившись своихъ, однако, конвоировъ, я доползъ уже до рва батареи. Благодаря картечному огню, преслѣдованіе было замедлено и дало возможность спастись отъ плѣна или смерти. Меня подняли изъ рва, положили на носилки и принесли сначала къ „Владиміру“, а потомъ переправили на корабль „Ягудіилъ“, гдѣ и была сдѣлана владимірскимъ медикомъ А. Н. Новиковымъ первая перевязка ноги. Падающія въ корабль бомбы (одна изъ нихъ даже сдѣлала на кораблѣ пожаръ) заставили переправить всѣхъ насъ, раненыхъ, на Сѣверную Сторону, въ офицерскій госпиталь, что было уже на третій день моей раны.

Не могу до сихъ поръ забыть вниманія, которымъ я пользовался, въ болѣзни своей, отъ капитана своего Г. И. Б., отъ экипажнаго командира В. И. Б., отъ смотрителя госпиталя И. И. К. и отъ сестеръ милосердія.

На третій день раны своей я подалъ рапортъ съ представленіемъ донесенія о 26 маѣ и просилъ назначить слѣдствіе—во избѣжаніе нареканій, могущихъ быть за оборону люнета. Результатомъ просьбы моей было письмо отъ Павла Степановича, которое при семъ помѣщаю, какъ живое доказательство справедливости всего журнала моего, такъ и вниманія героя-начальника къ своимъ питомцамъ.

Вотъ письмо, полученное мною (отъ 4 іюня) на Сѣверной Сторонѣ.

„Бывши личнымъ свидѣтелемъ разрушеннаго и совершенно без-

защитнаго состоянія, въ которомъ находился редутъ Вашъ, и, несмотря на это, бодраго и молодецкаго духа команды, и тѣхъ усилій, которыя употребляли Вы къ очищенію амбразуръ и приведенію въ возможность дѣйствовать хоть нѣсколькими орудіями; наконецъ, видѣвши прикрытіе значительно уменьшеннымъ огнемъ непріятеля, я не только не нахожу нужнымъ назначенія какого-либо слѣдствія, но признаю поведеніе Ваше въ эти критическія минуты въ высшей степени благороднымъ. Защищая редутъ до послѣдней крайности, заклепавши орудія и взявши съ собою хотя принадлежность, чѣмъ отняли у непріятеля возможность вредить Вамъ при отступленіи, и, наконецъ, оставивши редутъ послѣднимъ, когда были два раза ранены, Вы выказали настоящій военный характеръ, вполнѣ заслуживающій награды, и я не замедлю ходатайствовать объ этомъ передъ г. Главнокомандующимъ.

На подлинномъ подписано:

„Адмиралъ Нахимовъ".

Получивъ продолжительный отпускъ для излеченія ранъ, я лишенъ былъ возможности участвовать при штурмѣ 27 августа, доставившемъ сослуживцамъ моимъ столько славы. Нынѣ, получивъ легкое облегченіе, возвратился снова на службу и нахожусь въ г. Николаевѣ, въ прикомандированіи къ 39-му флотскому экипажу".

Въ письмѣ ко мнѣ (отъ 25 іюня 1908 г.), кн. Ухтомскій сообщилъ, между прочимъ, отвѣчая на мои вопросы, вызванные подаренными мнѣ бумагами, слѣдующее:

„О запискахъ лейтенанта Тимирязева съ Камчатскаго люнета ничего не могу припомнить и едва-ли онѣ гдѣ либо печатались, потому что Тимирязевъ былъ убитъ въ концѣ обороны Севастополя. Сколько помню, смерть его была трагическая.

Въ концѣ обороны непріятельскіе стрѣлки были отъ нашихъ баталіоновъ въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ, вооруженные штуцерами, чего у насъ не было, — они могли убивать каждаго изъ насъ, на выборъ. Большая часть орудійной прислуги, матросы были перебиты и замѣнены вялыми и трусливыми солдатами. Орудія за день сбивались. Единственное спасеніе было въ блиндажахъ, и то ненадежное, такъ какъ насъ поражали навѣсными бомбами. И вся жизнь, и работа сосредоточивались ночью. По приказанію адмирала Нахимова съ батарей отпускали флотскихъ офицеровъ не иначе, какъ дѣйствительно раненыхъ. Понятно, въ какомъ угнетенномъ состояніи находились наши моряки — и потерять разсудокъ было

очень возможно. Такъ случилось и съ Тимирязевымъ: въ одинъ день, въ припадкѣ умоизступленія, онъ вскочилъ на оборонительную линію: „одна изъ французскихъ пуль уложила его на мѣстѣ“.

V.

Окончилась героическая эпопея Севастопольской обороны, оставившая въ душѣ молодого князя Ухтомскаго глубокіе, неизгладимые слѣды, превратившая его изъ барича-сибарита въ служаку, въ друга солдата—не на словахъ только, а на дѣлѣ, заставившая его еще болѣе полюбить и русскій простой народъ, и флотъ. Молодому сердцу его, его національной гордости была нанесена на всю жизнь болѣзненная, незаживающая рана.

Неудивительно, поэтому, что, съ наступленіемъ мирнаго времени, неудержимо тянуло покойнаго—посѣтить мѣста, особенно прославившіяся подвигами русскаго офицера, русскаго солдата, щедро политыя родной кровью.

И вотъ—дневники князя наполняются описаніями его поѣздокъ по Севастопольскимъ руинамъ, по другимъ пунктамъ Крымскаго полуострова.

Онъ вдумывается скорбно въ повѣствованія очевидцевъ, тщательно изучаетъ наиболѣе интересныя въ историческо-боевомъ значеніи окрестности, занося въ свои путевые журналы даже незначительныя мелочи, набожно молится у „братскихъ могилъ“ и, въ то же время, кипитъ благородной жаждою—отомстить когда-либо восторжествовавшему врагу. Въ душѣ его все крѣпнетъ первоначальный планъ—со временемъ, въ качествѣ очевидца, сдѣлать подробное описаніе обороны Севастополя.

Но приведемъ лучше соотвѣтствующія страницы дошедшихъ до насъ дневниковъ князя.

18 мая 1856 года покойный заноситъ: „Я не воображалъ, чтобы мнѣ удалось еще разъ увидѣть Севастополь... А теперь я на пароходѣ „Тамань“—и черезъ нѣсколько часовъ мы дѣйствительно снимаемся съ якоря (изъ Спасска). Опять я увижу тѣ мѣста, которыя мнѣ такъ дороги!—Эту ночь я почти не спалъ, тѣмъ болѣе, что вечерній разговоръ еще до сихъ поръ не выходитъ изъ головы. Неужели я расчувствовался?—Мнѣ кажется, это—совершенно лишнее. Прекрасная погода. Свѣжій весенній воздухъ, вездѣ—зелень по берегамъ...

Вотъ мы подошли къ Кинбурну, миновали французскую эскадру, очень грязную и конструкціей своихъ судовъ похожую на купеческую, кромѣ двухъ прекрасныхъ пароходовъ, и черезъ полчаса вошли въ Черное море. Морской воздухъ, вѣрно, мнѣ родной! Какъ свѣжо и какъ легко дышать! Предо мною опять эта ясная и голубая безконечность! Я какъ будто-бы ожилъ, какъ будто-бы помолодѣлъ!..

Къ вечеру мы, бросивъ якорь на Одесскомъ рейдѣ, прожили здѣсь сутки и потомъ пошли въ Севастополь. На другой день, около полдня, мы уже подходили къ Крымскимъ берегамъ. Знакомыя мѣста!—Вотъ Чатырдагъ. Вотъ—Балаклава. Но окрестности измѣнились. Въ Камышевой бухтѣ, виденъ лѣсъ кораблей; берега обстроены; двигаются обозы, блестятъ штыки войскъ. Это—наши побѣдители. Въ кажной бухтѣ стоятъ тоже суда подъ иностраннымъ флагомъ. Мы подошли къ Севастопольской бухтѣ и я не узналъ города. Александровской, Николаевской и Павловской батарей нѣтъ. Самый городъ почернѣлъ и безъ всякаго признака жизни. При видѣ того огромнаго кладбища, при вспоминаніи объ осадѣ Севастополя, невольно слезы показались у меня на глазахъ, и многіе изъ насъ, снявъ фуражки, набожно перекрестились. Обогнувъ затопленные корабли наши, мы вошли въ бухту и бросили якорь около Сѣверной Стороны. Черезъ часъ мы были уже на Графской пристани. Хотя лѣстницы и колонны пристани—цѣлы, но статуй уже нѣтъ и многое повреждено. (Вѣроятно взрывомъ 26 августа 1855 г.). На площадкѣ—французскіе часовые; въ сторонѣ—нѣсколько французскихъ офицеровъ. На мѣстѣ разворенаго Екатериненскаго дворца стоитъ деревянный баракъ и надъ нимъ французская надпись гостиницы.

Собраніе совсѣмъ разрушено, Михайловскій придѣлъ тоже. Въ недостроенномъ же соборѣ устроенъ костелъ: тамъ стоитъ алтарь и нѣсколько родовъ скамеекъ. На улицѣ мы встрѣчали много французскихъ солдатъ; нѣкоторые изъ нихъ отдавали намъ честь. Адмиралтейская башня—цѣла, но часы вынуты и находятся теперь въ французской главной квартирѣ, около дома маршала Пелисье. Екатерининская улица разрушена. Мы поднялись по лѣстницѣ къ Греческой церкви, мимо дома Панфилова, гдѣ живетъ комендантъ города генералъ Вазій. Эта церковь и старый соборъ тоже разрушены. Отсюда мы прошли на могилу адмираловъ. Хотя говорили, что гробъ Нахимова открытъ, но мы нашли его въ томъ же видѣ, какъ и прежде. Ставъ на колѣни, мы помолились объ упокоеніи ихъ душъ и просили Небо—ниспослать намъ силъ для отомщенія непріятелю.

Библіотека обгорѣла и представляла развалины; статуи и барельефы, украшавшіе это прекрасное зданіе, взяты непріятелемъ. При входѣ въ библіотеку стояли два мраморныхъ сфинкса: они тоже взяты, а пьедесталы, которыхъ не могли поднять, испорчены непріятелемъ. Отсюда мы пошли на 1-е отдѣленіе оборонительной линіи.

Весь городъ положительно разрушенъ; палаты и хижины сравнялись и лишь остатки стѣнъ едва возвышались надъ грудами щебня. Нигдѣ нельзя было найти куска дерева. Бастіоны обсыпались, амбразуры обвалились; орудія уже были всѣ увезены, и фран-

цузы забирали послѣдніе снаряды. Лучше всѣхъ сохранился 6-й бастіонъ. Около Ростиславскаго редута стояло нѣсколько грузовыхъ повозокъ, каждая запряженная шестью лошадьми; изъ рва рабочіе вынимали ядра. Пройдя 5-й бастіонъ, около батареи Титова, идетъ дорога во французскій лагерь и на доскѣ прибита французская надпись: „запрещается вырывать деревья и портить растенія“. Мы невольно захотѣли прочитать эту надпись: непріятель ни въ одномъ домѣ не пожалѣлъ частной собственности, нигдѣ не оставилъ даже куска дерева, а заботился о сохраненіи въ городѣ деревьевъ, которыхъ едва-ли наберется десятокъ. Французы вездѣ останутся французами! На батареяхъ—караулъ. Мы подошли къ одной будкѣ, чтобы закурить папиросу, и разговорились съ французскими солдатами.

— „Я думаю, вамъ тутъ немного скучно?“ спросилъ одинъ изъ насъ.

— „Да, это правда“, отвѣчалъ солдатъ.

— „Такъ вы сами виноваты. Зачѣмъ до такой степени разрушили все!“

— „Что дѣлать!“ отвѣчалъ тотъ: „это участь войны. Впрочемъ, мы не имѣемъ права жаловаться одни на другихъ: вы тоже намъ хорошо отплатили“.

Черезъ батарею Забуцкаго мы спустились къ шоссе, которое идетъ отъ театра за шлагбаумъ. На лѣвой рукѣ, гдѣ у насъ когда-то ставились качели, выстроены деревянные шалаши, въ которыхъ живутъ солдаты, Черезъ 4-ю батарею идетъ шоссе къ непріятельскому лагерю. Въ театрѣ устроена харчевня, которую содержитъ сардинецъ. Было очень жарко, и мы зашли освѣжиться. За столами сидѣли солдаты очень прилично: одни закусывали, другіе пили. При насъ вошли нѣсколько офицеровъ. Мы выпили портеру и пошли дальше.

Подходя къ дому Рожественскаго, мы остановили французскаго солдата, у котораго на груди были двѣ медали: одна англійская съ портретомъ королевы Викторіи.—Эту медаль французы не очень цѣнятъ, говоря, что получили ее за спасеніе англійской арміи, и что, при возвращеніи во Францію, имъ будетъ совѣстно носить ее. Другая была французская, Почетнаго Легіона, украшенная одноглавымъ орломъ. Она даетъ солдату отъ 100 до 300 франковъ ежегоднаго пенсіона, и солдаты гордятся ею. У каждаго французскаго солдата на рукавѣ вышито или ружье, или горнъ, или шанцевый инструментъ, такъ что легко узнать родъ его службы.

Отъ дома Унтона мы пошли влѣво и спустились къ Южной бухтѣ. Прежній плавучій мостъ возобновленъ, и по немъ мы перешли къ развалинамъ Морского госпиталя. Здѣсь же въ Корабель-

ной Слободкѣ идутъ англійскія владѣнія. Большая часть англійскихъ солдатъ въ красныхъ мундирахъ и брюкахъ. Около воротъ госпиталя стоялъ часовой. Отсюда мы прошли на 3-й бастіонъ: вездѣ разрушеніе. Одинъ изъ насъ, постоянно служившій во время осады на 3 отдѣленіи, едва узнавалъ батареи—до того онѣ перемѣнились. Около исходящаго угла, передъ рвомъ, англичане поставили памятникъ солдатамъ, павшимъ во время штурма.

Потомъ мы пошли вправо и черезъ доковый оврагъ, отъ Камчатскаго люнета, вышли къ Малахову кургану. Около маленькой будки, передъ рвомъ, разведенъ цвѣтникъ. Въ сторонѣ какой-то туристъ съ карандашомъ въ рукахъ снималъ видъ окрестностей. Самый ровъ передъ башнею почти цѣлъ, хотя передъ штурмомъ онъ былъ засыпанъ непріятельскими выстрѣлами; но видно, что онъ расчищенъ для того, чтобы показать всю трудность перехода черезъ него во время штурма. Черезъ ровъ перекинутъ мостикъ (штурмовая лѣстница). На мѣстѣ прежней башни стоитъ деревянный баракъ, на которомъ французы имѣли телеграфъ. Траверзы обвалились, горжи тоже; но ворота съ тыльной стороны—цѣлы. Во рву 2-го бастіона, гдѣ въ послѣдній штурмъ французы были отбиты шесть разъ, и груды непріятельскихъ труповъ завалили мѣстность, еще и теперь разбросаны клочки мундировъ, изломанное оружіе, галстуки и пр. Тамъ французы поставили много могильныхъ крестовъ.

Около Корнилова бастіона они сдѣлали общій памятникъ павшимъ въ день штурма. На немъ—слѣдующая надпись:

„Unis par la Victoire,
Reunis par la mort
Des soldats c'est la gloire,
Des braves c'est le sort".

Отсюда мы спустились въ Корабельную Слободку. Какое ужасное вездѣ разрушеніе! Я до сихъ поръ не могъ вообразить, чтобы до такой степени можно было уничтожить городъ. Не было цѣлой ни одной стѣны; ни дверей, ни оконъ; крышъ не существовало. Какъ будто-бы ураганъ прошелъ по этой части города, сравнявъ всѣ зданія и оставивъ только груду камней и разбитыхъ стеколъ.

Дойдя до Павловскаго мыска, мы взяли мальтійскую шлюпку и возвратились на пароходъ часу въ шестомъ вечера. Завтрашній день будетъ очень интересенъ: мы поѣдемъ въ Камышъ и Балаклаву, о которыхъ столько разсказываютъ.

Сообщ. А. В. Жиркевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой) [1].

Глава VII.

Берлинскій конгрессъ.

Къ концѣ мая борьба кончилась. Министерство сознало свое пораженіе, но, повидимому, оно себѣ выговорило разрѣшеніе европейскаго конгресса проявить видъ побѣдителя: Россія на эту комедію добродушно согласилась. Капитуляція была подписана 30 мая, но оставалась тайной до 14-го іюня, когда, благодаря чистой случайности, она стала извѣстна. Временному писцу (Мартину) въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ была поручена копія секретнаго меморандума. Тотъ утверждалъ, что сохранилъ въ памяти содержаніе этого документа и продалъ его консервативной газетѣ „Globe“. Эта газета основательно гордилась пріобрѣтеніемъ государственнаго секрета.

До появленія меморандума положеніе оставалось натянутымъ. Историкъ Фриманъ злился (по обыкновенію); онъ писалъ:

„Надѣюсь, Вы замѣтили, что ренегатъ Хобартъ-паша вкушалъ обѣдъ съ императрицей Индіи, а также гостилъ въ Хатфильдѣ, превращенномъ теперь въ еврейское Гетто“.

Извѣстіе, что Биконсфильдъ ѣдетъ на конгрессъ въ Берлинъ первымъ уполномоченнымъ Англіи, еще болѣе обозлило Фримана. Въ письмѣ къ г-жѣ Новиковой онъ говоритъ:

---

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1911 г.

„Я страшно золъ на вашихъ дипломатовъ; чѣмъ больше думаю, тѣмъ больше злюсь. Они погубили одно изъ величайшихъ дѣлъ, какое совершила какая бы то ни была нація. Мало этого, теперь еврей ѣдетъ представлять Англію въ Берлинѣ; желалъ бы я, чтобъ какой-нибудь турокъ или лѣшій поймалъ его по дорогѣ и уничтожилъ, какъ это случилось съ нѣкими еврейскими посланниками. Турокъ тоже участвуетъ на конгрессѣ; что можетъ выйти хорошаго изъ всего этого? новыя возмущенія, новая рѣзня, новая ложь, опять конгрессы, а со всѣмъ этимъ можно было разомъ покончить.

Что будетъ говорить еврей съ разными превосходительствами“?

6-го іюня въ отвѣтъ на мое письмо о перемѣнѣ фронта г. Фостера, г-жа Новикова прислала мнѣ письмо, въ которомъ упоминается свиданіе ея съ кн. Горчаковымъ послѣ Сентъ-Джемской конференціи.

„Я въ восторгѣ отъ откровенности, выказанной Вами въ письмѣ г-ну Фостеру. Тотъ ужъ черезчуръ трусливъ, по-моему, даже не патріотиченъ, уступая политикѣ лорда Биконсфильда. Боюсь, что наши усилія ни къ чему не приведутъ теперь, когда Вашъ кабинетъ, очевидно, заставилъ либераловъ молчать, но, тѣмъ не менѣе, я горжусь тѣмъ, что вы и я, мы оба честно исполнили свой долгъ (я безъ малѣйшей поддержки), и меня радуетъ мысль, что, хотя мы писали самостоятельно, не сговорившись предварительно, мы пришли къ тѣмъ же убѣжденіямъ.

„Въ прошедшемъ году, вскорѣ послѣ Сентъ-Джемскаго митинга, проѣздомъ черезъ Петербургъ, гдѣ я видѣлась съ моимъ братомъ Александромъ, я воспользовалась свиданіемъ съ кн. Горчаковымъ, чтобъ объяснить ему великолѣпную роль, сыгранную либеральной партіей на Сентъ-Джемскомъ митингѣ. Мой разговоръ такъ его заинтересовалъ, что онъ передалъ мой разсказъ въ тотъ же вечеръ Государю Императору. Тѣмъ не менѣе канцлеръ мнѣ замѣтилъ: „Все это очень хорошо, но всѣ эти либералы безсильны, а Биконсфильдъ ихъ проведетъ безъ труда и согнетъ ихъ въ дугу“. „Увѣряю Васъ, что Вы дурно освѣдомлены, возразила я, эти люди не такъ безсильны, какъ Вамъ кажется: „Вы пристрастны“—сказалъ онъ.

„Нѣтъ, отвѣчала я, я знаю только истинные факты.

Многіе, желающіе разрыва съ Англіей, закрываютъ на нихъ глаза. Вы выставляете вопросъ односторонне, говорятъ они, въ концѣ концовъ вся страна поддастся Биконсфильду. Оппозиція раздѣлится, а правительство усилится.

Назначеніе Биконсфильда на конгрессъ поддерживаетъ эти опасенія, съ этимъ я согласна. Историкъ г. Фрудъ съ самаго начала

тоже меня предостерегалъ, но я вѣрю тѣмъ, которые борются за порабощенныхъ христіанъ и „не потеряли вѣру въ успѣхъ“.

На это Стэдъ отвѣтилъ: кн. Горчаковъ дурно освѣдомленъ, не забудьте, что мы сдерживали лорда Биконсфильда, даже до вашего разгромленія турокъ.

Извѣстіе о созывѣ конгресса обрадовало Эмиль Лавелей, который писалъ г-жѣ Новиковой 9-го іюня, чтобъ утѣшить и предостеречь ее.

„Благоразумныя уступки—вѣрьте мнѣ—не помѣшаютъ достиженію конца. Турція не существуетъ. Будущее южныхъ славянъ въ зачатіи, но помните—на все необходимо время. Дороги, разработка богатствъ—все это въ рукахъ иностранныхъ капиталистовъ.

„Развитіе экономическое должно предшествовать развитію политическому. Слабость Россіи заключается въ томъ, что ея богатства и производительность не на уровнѣ еще съ ея пространствомъ и законной ролью въ Европѣ и Азіи“.

8-го іюня лордъ Биконсфильдъ выѣхалъ въ Берлинъ. Лордъ Сольсбери послѣдовалъ за нимъ 10-го. Банкетъ по случаю открытія Берлинскаго конгресса состоялся 14-го. Для Биконсфильда и Сольсбери это было что-то въ родѣ пира Валтасара, потому что въ тотъ же день „Globe“ опубликовалъ полный текстъ секретной капитуляціи Биконсфильда.

Я немедленно написалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

„Радуйтесь, радуйтесь, радуйтесь. Побѣда одержана. Гладстонъ восторжествовалъ. Биконсфильдъ побѣжденъ. Прилагаю французскій текстъ Русско-англійскаго соглашенія, лучше сказать, договора между Россіей и Англіей, который остается въ силѣ даже въ томъ случаѣ, если конференція не удастся. Въ немъ Биконсфильдъ изъявляетъ согласіе на все и въ дѣйствительности поддерживаетъ политику Гладстона. Хотя мы въ слабомъ меньшинствѣ, но вѣрьте мнѣ, мы все же имѣемъ возможность сдерживать нашего еврейскаго премьера. Война съ Россіей изъ-за турокъ теперь невозможна. Я этимъ очень счастливъ. Познакомившись съ меморандумомъ газеты „Globe“, Туркофильскія газеты торіевъ проклинаютъ Биконсфильда.

„Рѣдко достаются смертнымъ минуты такого истиннаго наслажденія, какія испытывали храбрые гладстонцы, читая ожесточенныя рѣчи джингоистской печати. Одинъ разгнѣванный торійскій журналистъ писалъ, что лордъ Биконсфильдъ укралъ и осуществилъ политику Гладстона. Я думаю, что Ваша реплика, если смѣю такъ выразиться, должна настаивать на томъ, чтобы англійское правительство, видя, что народъ не допуститъ его до войны, что рабочее

населеніе не хочетъ идти въ армію, что непопулярная война произвела бы мятежи, отступило, отказалось отъ циркуляра Сольсбери, бросило турокъ и заключило тайный договоръ съ Россіей. Въ концѣ концовъ англичане, Ваши друзья, сокрушили Биконсфильда; слава Богу, мы, кажется, вышли изъ лѣса. Долгая борьба увѣнчалась побѣдой. Извѣстное изреченіе Гладстона, повторенное во всемъ цивилизованномъ свѣтѣ: „Руки прочь“, оправдалось на дѣлѣ“.

Бѣгло прочитавъ меморандумъ, Ольга Алексѣевна его не вполнѣ оцѣнила. 18-го іюля она мнѣ писала:

„Великое несчастье, если допустятъ раздѣлъ Болгаріи. Гораздо лучше было бы видѣть ее сильной и независимой. Было бы большимъ стыдомъ забыть нашъ долгъ передъ Балканскими христіанами. Я возмущена моимъ зятемъ Евгеніемъ Петровичемъ Новиковымъ, посломъ въ Вѣнѣ и Шуваловымъ, но вѣрю въ Государя. Россія искренно надѣется на миръ, но дѣлаются серьезныя приготовленія къ войнѣ. Наслѣдникъ престола Вел. Кн. Александръ будетъ командовать южной арміей, и генералъ Обручевъ, очень способный человѣкъ, будетъ у него начальникомъ штаба. Очень тяжела неизвѣстность и нерѣшительность, въ которой мы живемъ. Фриманъ правъ: наши жалкіе дипломаты портятъ то, что сдѣлалъ русскій народъ, но эти трусливые эгоисты не стоятъ, слава Богу, во главѣ государства и есть надежда, что мы мирно и честно выполнимъ свои обѣщанія“.

Въ ней говорилъ славянофильскій энтузіазмъ, который ей внушалъ гораздо болѣе ужаса и отвращенія отъ измѣны Южной Болгаріи, чѣмъ удовлетворенія въ томъ, что войны съ Англіей не будетъ. Мы не были довольны раздѣломъ Болгаріи, но для насъ это только мелкое обстоятельство въ сравненіи съ огромнымъ преимуществомъ мирнаго рѣшенія всего дѣла.

Вотъ характерное письмо Фруда отъ 22 іюня:

„Мы здѣсь ничего не знаемъ и ждемъ, какъ и весь міръ, рѣшеній конгресса. Предполагаютъ, что восточный вопросъ будетъ теперь разрѣшенъ и въ этомъ воздаютъ честь лорду Биконсфильду, но такъ какъ онъ былъ фигляромъ съ самаго начала, то когда въ воздухѣ настанетъ успокоеніе, настоящій характеръ его поведенія будетъ виденъ и оцѣненъ по достоинству. Онъ и его партія виновники въ теченіе трехъ лѣтъ всѣхъ европейскихъ тревогъ и нельзя даже сказать, чтобы ими руководила какая бы то ни была политика, хотя бы самая ошибочная. Они просто желали, чтобы ихъ замѣтили, подобно шалуну мальчику, бросавшему камень на рельсы, чтобы сдѣлать крушеніе поѣзда. Почему Богъ не убьетъ діавола? спросилъ Пятница у Робинзона. Такъ и мы, почему Богъ позволилъ существовать Биконсфильду, сказать не можемъ. Никогда

еще мои соотечественники не были въ такомъ нелѣпомъ настроеніи, но я думаю, что Англія никогда болѣе не вмѣшается въ дѣла континента. Промышленность въ ужасномъ состояніи и продолжаетъ ухудшаться. Придется дорого расплачиваться, и тогда появится негодованіе".

„Меня все меньше и меньше занимаетъ политика. За то время, что мнѣ остается жить, я ничего добраго для моего отечества не увижу, поэтому я буду держаться своей линіи, литературы. Отчего Вы не напишете романа? Вы могли бы превосходно писать. Самые лучшіе романы написаны женщинами, а кто лучше Васъ знаетъ современныхъ людей?

„Карлайль здоровъ по виду, но онъ очень слабѣетъ. Интересъ къ жизни у него быстро угасаетъ, и глаза его устремлены „по ту сторону". А тамъ что? Начнемъ ли мы снова борьбу страстей, надеждъ и проблесковъ счастья, чтобъ кончить усталостью и разочарованіемъ? И это должно называться вѣчнымъ покоемъ? Дай Боже намъ лучше сонъ непробудный, а въ особенности безъ сновидѣній.

Вамъ преданный Фрудъ".

1-го іюля я писалъ:

„Джингоисты сумасшествуютъ, но вниманія на нихъ не стоитъ обращать, разъ правительство пошло на миръ. Туркофилы, какъ я Вамъ говорилъ, по количеству и по качеству ничтожны. Значеніе имъ придавало сочувствіе къ нимъ Биконсфильда, а съ тѣхъ поръ, какъ онъ ихъ покинулъ, ни одинъ человѣкъ не посмѣетъ говорить въ пользу войны. Достойно презрѣнія, но совершенная правда, что всѣ подлые трусы, кричавшіе два мѣсяца назадъ о войнѣ, увѣряютъ теперь, что они никогда войны не желали, и что единственнымъ обезпеченіемъ мира была политика Биконсфильда".

Гладстонъ писалъ на слѣдующій день:

Лондонъ, 2-го іюля 1878 г.

„Дорогая г-жа Новикова, я не думаю, что настало уже время, чтобы Вы, или я, могли сдѣлать безпристрастную оцѣнку результатамъ великаго Восточнаго кризиса. Но нѣкоторыя вещи достаточно ясны сквозь завѣсу, прикрывающую дѣйствія конгресса. Несомнѣнно совершено великое дѣло освобожденія. Кому принадлежитъ честь его, это вопросъ, который моимъ соотечественникамъ слишкомъ тяжело обсуждать. Но нѣтъ никакого сомнѣнія въ верховномъ приговорѣ исторіи. Я могу Вамъ повторить то, что сказалъ на-дняхъ женѣ американскаго посланника въ Петербургѣ: царствованіе русскаго Государя будетъ велико, пока на небѣ восходитъ и заходитъ солнце".

„Главный мой долгъ говорить непріятныя вещи тѣмъ, которымъ я больше симпатизирую. Я рѣзко отвѣтилъ грекамъ, получивъ отъ нихъ копію меморандума, приготовленнаго ими для конгресса, за тонъ его относительно славянъ. О Бессарабіи я сохраняю всѣ прежнія мои возраженія. Конгрессъ, такого сорта, можно сравнить съ бѣгами, на которыхъ каждая лошадь несетъ извѣстную тяжесть. Обременивъ себя Бессарабіей, Россія должна сбавить тяжесть въ другихъ направленіяхъ. Такимъ образомъ она не могла сдѣлать то, чего желала для Черногоріи. Что касается нелѣпой идеи англійскаго протектората въ Азіи, она еще слишкомъ мало развита, чтобы о ней серьезно толковать: тѣ, кто одного мнѣнія со мной, считаютъ своей обязанностью молчать въ настоящее время".

„Я только читаю часть газетъ и не видѣлъ всего, что Вы могли писать въ „Сѣверномъ Эхо". Что же касается прочитаннаго мною изъ Вашихъ сочиненій, мое мнѣніе не много значитъ, но справедливость требуетъ отъ меня сказать, что я думаю: я нахожу все прекраснымъ по характеру, чувству и таланту. Богъ въ Своемъ милосердіи дастъ намъ, какъ я надѣюсь, приблизиться къ выходу изъ этой тяжелой борьбы. Если Россія желала бы имѣть предлоги къ вмѣшательству, то слабая Болгарія больше будетъ уязвима, чѣмъ большая. Вѣрьте моей искренней преданности.

Гладстонъ".

„Около двадцатаго надѣюсь уѣхать въ Харденъ".

Берлинскій трактатъ былъ подписанъ 23-го іюля 1878 г.

Вотъ, что писала г-жа Новикова, думавшая только о славянахъ:

Москва 13 іюля 1878 г.

„Дорогой г-нъ Гладстонъ, то, что Англія сдѣлала относительно Греціи, Россія сдѣлала относительно всѣхъ славянъ. Мы обманули ихъ надежды и довѣріе. Я такъ огорчена, такъ несчастна, что не имѣла силъ немедленно благодарить Васъ за Ваши строки отъ 2 іюля, хотя онѣ мнѣ доставили единственную пріятную минуту за весь этотъ ужасный мѣсяцъ. Читать выраженныя Вами мужественныя, благородныя, великодушныя мысли было наслажденіемъ. Я перевела на-дняхъ послѣднюю рѣчь Аксакова. Надѣюсь, что г-нъ Стедъ Вамъ ее пришлетъ. Пожалуйста прочтите ее, если хотите знать, почему вся Москва чувствуетъ себя такой же несчастной, какъ я. Да благословитъ Васъ Богъ за все, что Вы продолжаете дѣлать, несмотря на нашу никуда негодную политику".

Вамъ преданная О. К.

Въ то время, какъ засѣданія конгресса продолжались, я написалъ Гладстону нѣкоторые вопросы по предметамъ, на которые мнѣ

хотѣлось воспользоваться его сужденіемъ, прежде чѣмъ я началъ писать исторію турецкаго движенія. Онъ уже обѣщалъ для облегченія моей задачи предоставить свои бумаги въ мое распоряженіе. Копію съ моего письма я не сохранилъ, но отвѣтъ Гладстона достаточно указываетъ на его цѣль и содержаніе.

Харлей Стритъ, 4-го іюля 1878 г.

„Я не берусь объяснить поведеніе либераловъ, какъ партіи, въ этомъ важномъ дѣлѣ, или въ частности лидеровъ между ними, Фостера, напримѣръ, по его возвращеніи осенью 1876 г. Я придерживался системы, насколько находилъ возможнымъ согласоваться съ ихъ взглядами. Тщетно я настаивалъ на необходимости принять угрожающій тонъ съ Турціей. Не достигнувъ успѣха, я написалъ статью объ этомъ, но она привлекла очень мало вниманія. Признаюсь, что перемѣнчивость мнѣній въ Сити между декабремъ и мартомъ мнѣ совершенно непонятна“.

Эта перемѣна, столь удивившая Гладстона, объяснилась. Она была лишь наружная. Послѣдующіе выборы доказали, что даже, когда лондонскіе джингоисты болѣе всего безумствовали, англійскіе избиратели дали большинство голосовъ Гладстону, что и случилось въ 1880 г. въ остальной Англіи.

Гладстонъ писалъ мнѣ слѣдующее:

„Торійская пресса приписываетъ мнѣ заявленіе, котораго я никогда не дѣлалъ“.

Что думалъ лордъ Биконсфильдъ о народномъ мнѣніи 1878 г., неизвѣстно. Вѣроятнѣе всего, что онъ самъ былъ обманутъ. Два года спустя, когда онъ распустилъ парламентъ, онъ надѣялся, что консерваторы возвратятся въ большинствѣ; лордъ Биконсфильдъ жестоко ошибся.

Сообщено Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Повелѣнія Императора Павла I графу П. А. Палену.

Петербургъ. 10 іюля 1800 г.

Въ сегодняшнемъ Вашемъ рапортѣ сказано, что дочь портного Клокенбергъ отъ любви къ регистратору Максимову хотѣла утопиться; но такъ какъ я ничего не имѣю противъ этого брака, то препоручаю Вамъ исполнить ихъ желаніе.

(Павелъ).

NB. Въ тотъ же день Синодскій регистраторъ Максимовъ, не думавшій о женитьбѣ, былъ обвѣнчанъ съ названной дѣвушкой въ присутствіи оберъ-полицеймейстера.

Высочайшія повелѣнія ему же черезъ Генералъ-Адъютантовъ.

7 іюля 1799 г.

Государь Императоръ соизволилъ указать: препровождаемаго при семъ отставного подполковника Аленина, за дерзость и сумасшествіе, посадить въ С.-Петербургѣ въ домъ сумасшедшихъ.

20 іюля 1799 г.

Государь Императоръ по рапорту вашего сіятельства о приключившемся въ С.-Петербургѣ несчастіи, что ѣхавшая карета дѣйствительнаго камергера князя Щербатова задавила семилѣтняго сына придворнаго лакея Конельникова до смерти: указать соизволилъ: бывшихъ въ то время кучера, и лакея, и форейтора взять и судить уголовнымъ судомъ, яко смерто-убійцъ, и по наказаніи кнутомъ сослать на каторгу.

NB. А ѣхавшую въ каретѣ княгиню Щербатову повелѣно было выслать изъ Петербурга съ воспрещеніемъ въѣзда въ него и Москву. 23 іюля, т. е. черезъ три дня, Государь простилъ ее, но повелѣлъ платить отцу и матери задавленнаго пожизненную пенсію.

Сообщилъ В. Федоровъ.

Императоръ Николай Павловичъ и Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ ихъ письмахъ 1825—1831 гг.

(Ихъ характеристика и взаимныя отношенія) [1]).

Въ письмахъ, коими Императоръ Николай Павловичъ и Цесаревичъ обмѣнялись во время пребыванія Государя въ дѣйствующей арміи, обнаруживается одна любопытная черта характера Великаго Князя — его нелюбовь къ войнѣ. Замѣчательно, что при всей его склонности къ военному дѣлу, которому была посвящена главнымъ образомъ его дѣятельность, которымъ онъ занимался чрезвычайно добросовѣстно и неутомимо въ теченіе всей своей жизни, обучая и организуя войска, онъ отвергалъ практическое примѣненіе войска для той цѣли, для которой оно содержится, и утверждалъ, что война только портитъ, но никакъ не улучшаетъ армію; идеаломъ войска онъ признавалъ не боевую силу, а строгую дисциплину и муштровку.

Этотъ взглядъ былъ причиною того, что Цесаревичъ воспротивился намѣренію Императора двинуть польскую армію въ Турцію, между тѣмъ какъ совмѣстное появленіе поляковъ и русскихъ на полѣ битвы могло имѣть большое значеніе для ихъ сближенія и до извѣстной степени могло отвлечь польскую молодежь отъ участія въ тайныхъ обществахъ.

Когда нашими войсками были понесены на театрѣ военныхъ дѣйствій чувствительныя потери, и стала очевидна необходимость отдѣлить часть войска для блокады турецкихъ укрѣпленій, для при-

---

[1]) См. „Русская Старина“ ноябрь 1911 г.

крытія высадки войскъ и выгрузки съѣстныхъ припасовъ, доставляемыхъ моремъ, и было необходимо подумать о подкрѣпленіяхъ, Императоръ рѣшилъ воспользоваться сдѣланнымъ ему Цесаревичемъ предложеніемъ передвинуть часть польской арміи къ границѣ.

„Мы оказываемся слишкомъ слабы, чтобы энергично вести кампанію, писалъ Государь брату, между тѣмъ намъ придется нынѣшнимъ лѣтомъ блокировать или осадить Силистрію, Рущукъ, Журжево и Варну. Рѣшайте, дорогой Константинъ, считаете ли вы возможнымъ прислать намъ двѣ польскія дивизіи пѣхоты и кавалеріи, которыя образовали бы нашъ резервъ; мы будемъ имъ рады, говорю это отъ души. Въ такомъ случаѣ укажите сами, кто будетъ командовать ими, и сдѣлайте немедля всѣ надлежащія распоряженія. Если я невѣрно понялъ ваши намѣренія, если не захотите послать намъ эти двѣ дивизіи, я и на это буду согласенъ, хотя первое было бы для меня удобнѣе“.

Цесаревичъ высказался категорически противъ посылки польскаго войска на театръ военныхъ дѣйствій и, доказывая нецѣлесообразность подобнаго движенія политическими соображеніями, объяснилъ, что, предлагая двинуть нѣкоторыя части къ границѣ, онъ имѣлъ въ виду лишь перевести ихъ на другія квартиры, чтобы чѣмъ-нибудь занять войска. Намекъ Государя на необходимость избрать, въ случаѣ посылки войска въ Турцію, лицо, которое могло бы имъ командовать, оскорбилъ Цесаревича, и въ его отвѣтномъ письмѣ слышится на это обида и раздраженіе.

„Позвольте мнѣ теперь сказать вамъ о себѣ, что мнѣ всегда бываетъ не легко, писалъ онъ въ заключеніе своего письма, но я не могу иначе и дѣлаю это опять таки отвѣчая на ваше письмо, дорогой братъ. Если бы мнѣ пришлось сформировать отрядъ поляковъ, находящихся подъ моимъ начальствомъ, и я не пошелъ бы вмѣстѣ съ ними, что бы они подумали обо мнѣ? Какого бы они были мнѣнія обо мнѣ, послѣ того какъ я пробылъ съ ними свыше 13 лѣтъ и послѣ того, какъ я, такъ сказать, создалъ и обучилъ ихъ. Подумайте, въ какомъ бы я очутился ложномъ положеніи. Я могъ учить ихъ въ мирное время, а когда настала опасность, я остаюсь въ тылу и отпускаю ихъ однихъ, безъ поддержки. Вы поймете, дорогой братъ, всю унизительность моего положенія, что, надѣюсь, мною не заслужено на томъ посту, который я занимаю по волѣ покойнаго Императора, котораго я не домогался, о которомъ я даже не мечталъ“.

Императоръ подчинился желанію Цесаревича и отказался отъ мысли послать въ Турцію польскій отрядъ.

Антипатія Цесаревича къ войнѣ доходила до того, что даже

извѣстія объ одержанныхъ побѣдахъ не слишкомъ радовали его и вызывали всегда съ его стороны пессимистическіе комментаріи. Поздравляя напр. Государя со взятіемъ Браилова, онъ писалъ: „несмотря на славу, которой покрыли себя наши войска, невольно испытываешь чувство глубокаго огорченія при мысли о понесенной нами при этомъ огромной потерѣ людьми, потерѣ, по моему крайнему разумѣнію, совершенно излишней, ибо, потерпи мы еще немного, и крѣпость была бы въ нашихъ рукахъ. Признаюсь, я не сторонникъ штурмовъ, которые часто бываютъ источникомъ безпорядковъ, могущихъ имѣть самыя злополучныя послѣдствія. Такую огромную потерю храбрыхъ солдатъ пополнить нелегко; впрочемъ,— прибавляетъ Цесаревичъ свой обычный припѣвъ,—это меня отнюдь не касается, но если бы мнѣ пришлось высказать по этому поводу свое мнѣніе, то я запретилъ бы всѣ штурмы".

Когда Государь, послѣ ряда неудачъ, могъ наконецъ сообщить Цесаревичу преисполнившую его радостью вѣсть о паденіи Варны, Константинъ Павловичъ и тутъ не могъ удержаться отъ пессимистическихъ разсужденій.

Онъ поздравилъ Государя съ блестящей побѣдой, съ живѣйшимъ удовольствіемъ принялъ знакъ его вниманія къ полякамъ, выразившійся въ пожалованіи Варшавѣ, въ память этой побѣды, двѣнадцати пушекъ, но онъ прежде всего желалъ мира, его тревожила мысль о томъ, что военныя дѣйствія, съ наступленіемъ весны, должны были возобновиться. „Мы достаточно убѣдились на опытѣ", писалъ онъ Государю въ отвѣтъ на его радостное письмо, въ которомъ Императоръ Николай Павловичъ описывалъ ему подробности сдачи турками Варны, „какъ легкомысленно мы были втянуты въ войну, вызванную нашими, такъ называемыми, друзьями. Впрочемъ, я не буду говорить о прошломъ; что сдѣлано, то къ несчастью сдѣлано, съ этимъ приходится мириться какъ съ полученнымъ нами урокомъ, лишь бы онъ принесъ намъ пользу въ будущемъ и научилъ насъ быть благоразумнѣе въ своихъ поступкахъ.

Простите мнѣ мою откровенность, но я не могу лучше оправдать довѣріе, которое вы питаете къ моимъ слабымъ познаніямъ и къ моей опытности, какъ высказавъ вамъ свои мысли".

Когда Императоръ, въ исходѣ 1828 г., возвратился изъ арміи, первою его заботою было обсудить планъ предстоявшей весною кампаніи, для чего былъ созванъ, подъ его личнымъ предсѣдательствомъ, особый комитетъ. О ходѣ совѣщаній Государь, по своему обыкновенію, сообщалъ Цесаревичу самыя подробныя свѣдѣнія, а, когда на очередь сталъ вопросъ о назначеніи главнокомандующаго, онъ пожелалъ выслушать и его мнѣніе. Государь назначилъ на этотъ отвѣт-

ственный постъ графа Дибича, давъ ему въ начальники штаба гр. Толя; получивъ извѣстіе объ этихъ назначеніяхъ, Цесаревичъ отнесся къ этому неодобрительно. „Что касается назначенія Дибича и Толя и удаленія фельдмаршала гр. Витгенштейна, я ничего не могу сказать, какъ выразить лишь пожеланіе насчетъ исполненія вашихъ повелѣній; но если уже вы соблаговолили говорить со мною объ этомъ, я не считаю себя въ правѣ обойти молчаніемъ общее недовольство, которое господствуетъ противъ генерала Дибича, въ особенности же въ арміи, въ командованіе которой онъ вступитъ, гдѣ онъ съумѣлъ, за малыми исключеніями, всѣхъ не расположить къ себѣ. Генералъ Толь тоже не изъ наиболѣе любимыхъ, но онъ отличается лучшимъ обхожденіемъ и имѣетъ болѣе сторонниковъ. Я откровенно высказываю вамъ это, дорогой братъ, не умѣя скрывать отъ васъ истину и будучи крайне огорченъ, что приходится говорить дурно о двухъ лицахъ, съ которыми я нахожусь въ наилучшихъ отношеніяхъ и которыхъ особенно уважаю".

Когда Императоръ отказался отъ личнаго участія во второй турецкой кампаніи, и когда политическій процессъ надъ членами польскихъ тайныхъ обществъ былъ наконецъ оконченъ, онъ рѣшилъ совершить намѣченную имъ еще при воцареніи коронацію въ Варшавѣ „дабы, какъ онъ писалъ Цесаревичу, не оставаться вѣчно чуждымъ странѣ, въ которой я не могу быть отвѣтственнымъ за что бы то ни было, такъ какъ я едва знаю ее и еще менѣе знаю лицъ, дѣйствующихъ тамъ моимъ именемъ".

Обсуждая съ братомъ разные вопросы, имѣвшіе отношеніе къ предстоявшему торжеству, Государь высказалъ въ своихъ письмахъ подробно свой взглядъ на этотъ политическій актъ, который онъ считалъ необходимымъ и которому придавалъ огромное значеніе: еще до своего коронованія въ Москвѣ, онъ постарался выяснить на этотъ счетъ мнѣніе Цесаревича, но Великій Князь, въ то время, отказался высказать по этому поводу какой-либо опредѣленный взглядъ, сославшись на то, что этотъ вопросъ не былъ выясненъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ.

„Опочининъ говорилъ со мною о Вашемъ коронованіи здѣсь (въ Варшавѣ), писалъ Цесаревичъ и передалъ мнѣ, что Вы желали знать по этому поводу мое мнѣніе. При всей, Вамъ извѣстной откровенности моей и при всемъ желаніи быть Вамъ пріятнымъ, высказавъ свое мнѣніе, я не могу этого сдѣлать, ибо хотя въ польской конституціонной хартіи и говорится объ обязательномъ коронованіи преемниковъ того, кто даровалъ эту конституцію, и что все должно происходить такъ, какъ было установлено, но такъ какъ, въ сущности, ничего установлено не было, то я очень затрудняюсь сказать

Вамъ что-либо положительное; благоволите дозволить мнѣ поступить такъ, какъ я поступалъ при жизни покойнаго Императора, я поговорю объ этомъ съ Новосильцевымъ, чего я не могъ сдѣлать безъ Вашего согласія; мы обсудимъ вмѣстѣ это дѣло, чтобы представить его на Ваше благоусмотрѣніе“ [1]).

Государь изъявилъ на это свое согласіе и просилъ сообщить ему, что будетъ выработано.

„Я очень желаю, чтобы это могло произойти съ возможно меньшими церемоніями, а въ остальномъ полагаюсь на васъ, писалъ Императоръ повторяю, чѣмъ меньше будетъ шутовства, тѣмъ это будетъ лучше для меня (le moins il y aura de *farces*, le mieux cela vaudra pour moi)“.

„Записка Новосильцева *чрезвычайно удивила* меня“, писалъ Государь, прочитавъ проектъ коронаціи, въ которомъ предлагалось совершить церемонію коронованія на Вольскомъ полѣ, „и вотъ что я Вамъ предлагаю: я уже принесъ присягу, требуемую закономъ; я далъ ее по собственному побужденію и добровольно, какъ лучшій залогъ искренности моихъ намѣреній въ отношеніи польскихъ подданныхъ Императора и короля; поэтому я считаю себя выполнившимъ въ отношеніи ихъ все то, что хартія представляетъ для меня *обязательнаго по части формы;* что же касается способа коронованія, то всякая церемонія, которую мнѣ *заблагоразсудится избрать*, будетъ имѣть силу закона; такимъ образомъ, если я созову чрезвычайный сеймъ и повторю присягу, уже данную мною народу, и если *затѣмъ*, въ завершеніе, предпишу отслужить по римскому обряду благодарственное молебствіе на открытомъ полѣ, чтобы избѣжать этого въ соборѣ и имѣть возможность совершить службу въ присутствіи войскъ,—этого будетъ довольно, какъ мнѣ думается; если же прибавить еще торжественный въѣздъ и обычныя празднества въ городѣ, то этого хватитъ съ меня, Вашего бѣднаго брата. Вотъ откровенное изложеніе моихъ мыслей для Васъ, которое я Вамъ представляю. Во всякомъ случаѣ я прикажу выработать, въ этомъ смыслѣ, проектъ церемоніала, который я Вамъ пришлю“.

Цесаревичъ настаивалъ на присягѣ и на молебствіи въ соборѣ.

„По моему мнѣнію, писалъ онъ, помимо того, что духовенству будетъ предложено отправиться въ сенатъ, и принесенія Вами присяги, Вы должны отправиться для молебствія въ соборъ, что будетъ доказательствомъ вѣротерпимости и покровительства всѣмъ вѣроисповѣданіямъ; оттуда Вы должны отправиться въ замковую церковь, гдѣ будетъ отслужено молебствіе по нашему обряду, и все будетъ

[1]) Письма отъ 24 мая и 26 іюня 1826 г.

какъ должно. Богъ призвалъ Васъ царить надъ народомъ другой вѣры, чѣмъ Ваша; поэтому Вамъ слѣдуетъ защищать ее, уважать и поддерживать, а не подвергать ее, такъ сказать, съ Вашей стороны запрещенію. Вамъ не предоставлено, какъ кому бы то ни было другому, вмѣшиваться въ споры; оставьте людямъ ихъ вѣрованія, отъ этого они не будутъ менѣе вѣрны и признательны Вамъ; помимо того, молебствіе не таинство, вы будете тамъ въ качествѣ присутствующаго. Вотъ мое мнѣніе, и я не могу измѣнить его".

Императоръ подчинился желанію брата и согласился на молебствіе въ католическомъ соборѣ, разъ оно со стороны брата признано было необходимымъ. „Молебствіе же въ нашей церкви кажется мнѣ совершенно ненужнымъ, писалъ онъ, по той причинѣ, что всякому русскому извѣстно, что король польскій *для нихъ* короновался въ Москвѣ; слѣдовательно, эта церемонія повторяется только для поляковъ, *поскольку* этотъ религіозный актъ можетъ повториться. Что касается короны, то я никоимъ образомъ не могу измѣнить своего убѣжденія. *Королевство польское соединено съ россійской Имперіей навсегда*, это основа теперешняго порядка вещей. У нихъ общій монархъ, и то, что его характеризуетъ, такъ сказать, знакъ его достоинства, также долженъ быть общимъ для обѣихъ странъ; монархъ, переступивъ границу, считается королемъ; *корона*, перенесенная въ Польшу, становится *королевскою короною*; она собственность Имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ королевства. Церемонія, которая повторится въ Варшавѣ, будетъ не коронованіемъ, но лишь повтореніемъ коронованія для поляковъ, это будетъ какъ-бы залогомъ сліянія обѣихъ странъ на всегда. Если бы корона *существовала* отдѣльно, безъ сомнѣнія *ее* слѣдовало бы употребить; но ея не существуетъ, и тотъ, кто позаботился обо всемъ въ своей мудрости, какъ бы умышленно оставилъ этотъ пунктъ невыясненнымъ, сказавъ: *„въ столицѣ, согласно церемоніалу, который будетъ нами установленъ"*.

Въ вопросѣ о присягѣ Государь остался непреклоненъ: „Вопросъ о присягѣ особенно важенъ; но такъ какъ присяга не можетъ быть принесена вторично ни *монархомъ*, ни *подданнымъ*, ибо она уже была принесена обоими три съ половиною года тому назадъ, то объ ней можетъ только быть упомянуто, какъ о фактѣ уже совершившемся".

Оставалось рѣшить не менѣе важный и щекотливый вопросъ о созывѣ сейма. Относительно этого пункта взгляды Государя и Цесаревича также разошлись.

Государь считалъ необходимымъ созвать сеймъ въ первый же свой пріѣздъ въ Варшаву.

„Прошло четыре установленныхъ закономъ года и необходимо создать сеймъ, писалъ Императоръ Николай Павловичъ Цесаревичу [1]). Я полагаю, что объ этомъ слѣдуетъ подумать своевременно и принять соотвѣтствующія мѣры. Припомните, что когда рѣчь шла о сеймѣ, то было рѣшено, что онъ будетъ созванъ лишь для присутствія на церемоніалѣ, между тѣмъ, если дѣло идетъ о коронованіи или о подобіи его, то надобно рѣшить, какъ установить разницу между сеймомъ, созваннымъ только для присутствія на коронаціи, и тѣмъ *совѣщательнымъ* сеймомъ, который долженъ собраться въ виду истеченія срока. Установить это различіе весьма важно".

По мнѣнію Цесаревича, за сеймомъ надлежало сохранить законосовѣщательныя функціи, какъ это было установлено покойнымъ Императоромъ, но онъ полагалъ, что настроеніе сейма будетъ оппозиціоннымъ правительству, и, чтобы не омрачать торжества коронаціи, настоятельно совѣтовалъ отложить созывъ его до осени [2]), до тѣхъ поръ, когда возбужденіе умовъ, вызванное процессомъ о тайныхъ обществахъ, успокоится.

Императоръ Николай Павловичъ рѣшилъ поступить согласно съ мнѣніемъ Цесаревича и, не откладывая далѣе коронацію, извѣстилъ его о томъ,что онъ вмѣстѣ съ женою и старшимъ сыномъ выѣзжаетъ въ Варшаву 23 апрѣля (5 мая).

Въ Россіи извѣстіе о предстоявшей варшавской коронаціи не вызвало сочувствія; „говорили, что не было примѣра, чтобы два раза короновались цари, а особенно въ покоренныхъ царствахъ, въ самомъ торжествѣ усматривали умаленіе Императорскаго достоинства и негодовали, что помазанника Божія коснется рука нечестивца".

Въ виду того исключительнаго, ненормальнаго положенія, въ которое судьба поставила Николая Павловича по отношенію къ старшему брату, предстоявшая поѣздка и пребываніе въ Польшѣ чрезвычайно смущали и самого Императора; его волновало свиданіе съ Цесаревичемъ, строптивый и непокладистый характеръ котораго онъ хорошо зналъ, и мысль удручала о томъ, какъ наладятся ихъ взаимныя отношенія въ Варшавѣ.

Душевная тревога, которую Государь испытывалъ по этому поводу, вылилась въ заключительныхъ словахъ его письма къ Цесаревичу, въ которомъ онъ сообщалъ ему о своемъ отъѣздѣ изъ Петербурга [3]).

---

[1]) Письмо отъ 24 января 1829 г.

[2]) Письмо отъ 16 февраля 1829 г.

[3]) Письмо изъ Петербурга отъ 20 марта (1 апрѣля) 1829 г.

„Заканчивая это письмо, прошу позволенія выразить Вамъ чистосердечное и горячее желаніе найти Васъ въ Варшавѣ тѣмъ же по отношенію ко мнѣ, какъ и въ прошломъ: *превосходнымъ братомъ и безупречнымъ другомъ* (excellent frère et parfait ami); будьте снисходительны ко мнѣ и поймите всю затруднительность моего положенія, единственнаго въ мірѣ и болѣе труднаго тамъ, возлѣ Васъ, въ мѣстѣ Вашего обычнаго пребыванія, чѣмъ каково оно всюду въ другихъ мѣстахъ. Пусть Ваша снисходительная дружба будетъ моимъ руководителемъ и моею поддержкою, чтобы я могъ черпать въ ней бодрость, и чтобы я нашелъ въ ней поощреніе, въ которомъ часто нуждаюсь, когда мой духъ слабѣетъ подъ тяжестью заботъ. Я надѣюсь на Бога; Онъ знаетъ мои добрыя намѣренія, они чисты, такъ какъ это—намѣренія брата, посвятившаго Вамъ свое существованіе; Онъ вдохновитъ также и Васъ“.

Цесаревича, очевидно, также волновала мысль о посѣщеніи Императора, ибо въ его письмахъ чувствуется въ это время какая-то особенная нервность и раздражительность; сознавая прекрасно, что не одинъ голосъ поднимется противъ его самовластнаго образа дѣйствій и противъ его произвольной, часто переходившей всякую мѣру, строгости, онъ страшился проницательности Императора; къ тому же до него стали доходить въ это время слухи о происках нѣкоторыхъ лицъ въ Петербургѣ, удаленныхъ имъ въ административномъ порядкѣ изъ мѣстъ ихъ жительства, со времени его управленія западными губерніями; эти лица, какъ передавали Цесаревичу, выдавали себя жертвами произвола и находили себѣ покровителей въ нѣкоторыхъ вліятельныхъ людяхъ, между прочимъ въ лицѣ князя Любецкаго, министра финансовъ Царства Польскаго, „человѣка“, по отзыву Цесаревича „тщеславнаго, способнаго на всякія подлости и униженія, чтобы достигнуть своихъ цѣлей и выгодъ“. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ видѣлъ въ этомъ интригу и заговоръ, чтобы вывести его изъ терпѣнія и, если можно, „выжить его“, и это безмѣрно раздражало его.

Съ осени 1828 г. письма Цесаревича полны жалобъ и нападокъ на Любецкаго; Государь дорожилъ имъ, считая его человѣкомъ дѣльнымъ и способнымъ; этого не отрицалъ и Цесаревичъ; онъ признавалъ его „прекраснымъ работникомъ“ и человѣкомъ способнымъ [1]), но полагалъ, что ему не слѣдовало давать воли, что его надобно было держать, какъ говорится по-русски, „*въ черномъ тѣлѣ*“, иначе „посади с... за столъ, то и ноги на столъ“, писалъ онъ. „Однимъ словомъ,—это честолюбецъ, болтунъ, всегда желающій

[1]) Письма изъ Варшавы, отъ 15 октября 1828 г.

показать, что онъ знаетъ болѣе другихъ, что ему извѣстны самыя сокровенныя ваши мысли; „кто бы ни сказалъ бѣлое, онъ говоритъ черное, а если на другой день присоединятся къ его мнѣнію, то онъ переходитъ на сторону противника; „повторяю, онъ даетъ здѣсь всѣмъ понять, что ему одному извѣстны ваши намѣренія, и онъ съ каждымъ днемъ становится болѣе дерзкимъ и даже наглымъ".

Вскорѣ случился одинъ фактъ, вызвавшій еще болѣе рѣзкіе нападки на Любецкаго со стороны Цесаревича, вынудивъ Императора отвѣтить ему въ тонѣ совершенно необычномъ между ними. Дѣло шло о порученіи, возложенномъ Императоромъ на Любецкаго безъ вѣдома Цесаревича, и о которомъ послѣдній узналъ изъ перлюстрованнаго письма графа Грабовскаго къ Любецкому [1]).

12 апрѣля 1829 г., незадолго до своего отъѣзда въ Варшаву, Императоръ писалъ Цесаревичу:

„Замѣтка съ перлюстраціями и съ Вашими собственноручными помѣтами глубоко огорчила меня по тѣмъ предположеніямъ, которыя сдѣланы Вами, да позволено мнѣ будетъ сказать, столь незаслуженно мною. Вамъ лучше меня извѣстны мои сношенія съ Грабовскимъ и тотъ способъ, какимъ ведется эта переписка; при томъ я узналъ содержаніе документа три недѣли спустя послѣ его написанія, тогда какъ Вамъ онъ былъ извѣстенъ ранѣе меня! Сознайтесь, заслужилъ ли я столь нелестное мнѣніе, будто я хочу Васъ обманывать да еще столь пошлымъ образомъ. Мой отвѣтъ, написанный на этой же бумагѣ, въ томъ же тонѣ „Императорскаго Высочества", какъ Вы пишете „Его Императорское Величество", есть самая чистѣйшая правда. Къ этому я ничего не имѣю прибавить; предоставляю остальное Вашей собственной совѣсти; но тягостное чувство, какое все это вызываетъ во мнѣ, еще долго будетъ тяготѣть надъ моей душою, ибо я слишкомъ горячо люблю Васъ, чтобы подобные нападки не оскорбили меня и могли быть мнѣ безразличны".

Къ этому письму была приложена выписка изъ письма графа Грабовскаго къ князю Любецкому, въ которой говорилось между прочимъ что въ виду предстоящаго пріѣзда Государя въ Варшаву графъ считалъ долгомъ напомнить Любецкому, чтобы онъ занялся вопросомъ о милостяхъ, которыя Государь долженъ былъ пожаловать въ королевствѣ по случаю коронаціи: „Государь повелѣлъ мнѣ поручить Вамъ заняться этимъ дѣломъ, не говоря о томъ

[1]) Письма отъ 15 октября, 26 окт., 6 дек. и 20 дек.

кому бы то ни было, и подготовить все ко дню его пріѣзда 1 мая стар. ст.".

Пересылая это письмо Императору, Цесаревичъ сдѣлалъ на немъ помѣтку:

„Коль скоро Ваше Величество рѣшили это такимъ образомъ, мнѣ весьма тягостно напомнить Вашему Величеству то, что я счелъ долгомъ представить Вамъ въ моихъ предыдущихъ замѣткахъ, при томъ неоднократно, что князь Любецкій, видя себя облеченнымъ дискреціонной властью, выдаетъ себя за диктатора или намѣстника, въ чемъ никто такъ не увѣренъ, какъ онъ самъ, публика также въ этомъ убѣждена, и его надменность отъ этого только возрастаетъ. Сверхъ того, этотъ способъ дѣйствій не можетъ не быть вреденъ для установленнаго порядка, ибо князь Любецкій все-таки не болѣе какъ министръ. Пока я не осмѣливаюсь сказать ничего болѣе, но повторяю, что этотъ коварный, тщеславный, дерзкій и мстительный человѣкъ, присвоивающій себѣ безмѣрную власть, вмѣшивающійся во все вкривь и вкось, большой софистъ и льстецъ тамъ, гдѣ онъ считаетъ это для себя выгоднымъ. Ваше Величество повелѣли мнѣ говорить Вамъ правду, и я исполняю это такъ, какъ мнѣ повелѣваетъ совѣсть, безъ всякихъ уловокъ, не заблуждаясь относительно послѣдствій, какія это можетъ повлечь для меня и относительно того ложнаго положенія, въ какое ставятъ меня письма, коими Ваше Величество удостоили меня и письмо, которое графъ Грабовскій пишетъ князю Любецкому по его словамъ, по повелѣнію Вашего Величества".

Крайне раздраженный тонъ этой замѣтки и необычный, въ перепискѣ между августѣйшими братьями, способъ обращенія вызвали строгую отповѣдь со стороны Императора. На той же выпискѣ, на которой Цесаревичемъ была сдѣлана вышеприведенная помѣтка, рукою Императора написаны слѣдующія строки: „Я принималъ съ благодарностью свѣдѣнія, которыя Ваше Императорское Высочество благоволили сообщить мнѣ въ разное время касательно происковъ князя Любецкаго. Всякій разъ какъ я считалъ долгомъ принять *оффиціальныя мѣры*, которыя я признавалъ *совершенно неумѣстными*,—я это дѣлалъ, я полагаю, что Ваше Императорское Высочество припомнитъ это, — болѣе этого я не могъ ничего сдѣлать. Что касается предмета, вызвавшаго, повидимому, нынѣ, неудовольствіе Вашего Императорскаго Высочества, вотъ оно, безъ всякихъ прикрасъ: во время перваго пребыванія князя Любецкаго въ Петербургѣ, куда онъ прибылъ съ прекрасной рекомендаціей Вашего Императорскаго Высочества и какъ лицо, которое могло освѣдомить меня касательно того, что мнѣ необходимо было знать о положеніи дѣлъ въ Вар-

шавѣ — собственныя выраженія изъ письма, которое Ваше Императорское Высочество благоволили мнѣ написать въ то время, предупреждая меня о пріѣздѣ польской депутаціи; и такъ, повторяю, въ этотъ свой пріѣздъ, князь Любецкій, говоря со мною о посѣщеніи моемъ Варшавы, замѣтилъ, что онъ считаетъ долгомъ подготовить къ этому времени проектъ милостей въ видѣ уменьшенія *налоговъ* и *сложенія недоимокъ*, что, не составляя особеннаго ущерба для казны, было бы большимъ облегченіемъ для неимущаго класса; я вполнѣ одобрилъ это и разрѣшилъ. Такъ какъ поѣздка моя не состоялась, то это осталось невыполненнымъ. Графъ Грабовскій во время работы со мною незадолго до прибытія курьера съ письмомъ, въ которомъ Ваше Императорское Высочество высказывали свое мнѣніе о своевременности коронованія, спросилъ меня, не полагаю ли я своевременнымъ напомнить князю Любецкому его обѣщаніе; само собою разумѣется, я одобрилъ это, замѣтивъ однако, что такъ какъ коронація еще не рѣшена, то говоря объ этомъ Любецкому, онъ долженъ умолчать о томъ, по какому поводу это дѣлается, это и побудило его не говорить объ этомъ никому, что вызвало, въ свою очередь, неудовольствіе Вашего Императорскаго Высочества.

„Я воздерживаюсь отъ отвѣта на сдѣланное Вами замѣчаніе, что Вы не заблуждаетесь на счетъ послѣдствій, какія это можетъ имѣть для Васъ, ни о томъ ложномъ положеніи, въ какое, по Вашимъ словамъ, Вы поставлены письмами, которыя я имѣлъ честь писать Вамъ и которыя графъ Грабовскій писалъ, по моему повелѣнію, князю Любецкому.

„Вашему Императорскому Высочеству извѣстно, что графъ Грабовскій никогда не сообщаетъ мнѣ письма, посылаемыя имъ его корреспондентами въ Варшаву“.

Отвѣтъ Цесаревича (отъ 25 апр.—7 мая) былъ написанъ въ самомъ примирительномъ тонѣ, онъ искренно огорчался по поводу того, что доставилъ брату непріятное, и объяснялъ необычный въ ихъ перепискѣ титулъ „Ваше Величество“ тѣмъ, что письмо было дѣловое, и могло случиться, что Государю понадобилось бы показать его кому-нибудь постороннему.

Отвѣтъ Цесаревича былъ полученъ Императоромъ наканунѣ отъѣзда изъ Петербурга; подъ вліяніемъ этого недоразумѣнія и своихъ прежнихъ опасеній относительно пребыванія въ Варшавѣ, Государь еще разъ далъ исходъ волновавшимъ его чувствамъ въ письмѣ къ Цесаревичу, писанномъ въ пути 2 (14) мая изъ Бѣлостока, съ послѣдняго ночлега передъ Варшавой.

„Позвольте, дорогой Константинъ, писалъ онъ наканунѣ пріѣзда къ Вамъ, еще разъ просить Вашего снисхожденія и Вашего добраго

отношенія ко мнѣ, въ коемъ я такъ нуждаюсь, какъ я это чувствую ежеминутно. Соблаговолите простить мнѣ заранѣе всѣ неловкости, въ коихъ я могу быть повиненъ, несмотря на все стараніе съ моей стороны не причинять вамъ огорченія. Только увѣренность въ Вашей добротѣ даетъ мнѣ бодрость предпринять предстоящее мнѣ дѣло; отъ Васъ будетъ зависѣть поддержать ее; разъ навсегда будьте увѣрены, что если я погрѣшу въ чемъ-нибудь, то безъ умысла".

Благодаря выдержкѣ, самообладанію и твердости Императора все обошлось благополучно. Его встрѣча съ Цесаревичемъ была самая сердечная. На слѣдующій день совершился торжественный въѣздъ Императора въ Варшаву. Это было 5-го мая [1]).

„По словамъ одного очевидца, въ ту минуту, какъ Государь со всею свитою проѣхалъ на мостъ, лошадь Цесаревича вдругъ повернула назадъ и, несмотря на всѣ усилія, не захотѣла ему повиноваться. Взбѣшенный Великій Князь долженъ былъ сойти съ нея и слѣдовать по мосту и отчасти по городу пѣшкомъ, пока привели другую лошадь. Командуя парадомъ и слѣдуя за Государемъ съ опущенною шпагою, Цесаревичъ отъ этой непріятной случайности потерялъ все удовольствіе, которое онъ ощущалъ при представленіи своихъ блестящихъ польскихъ войскъ. Черты лица его совершенно измѣнились. Эта случайность, какъ она ни была маловажна, всѣхъ поразила" [2]).

„На слѣдующее утро, во время развода на Саксонской площади; Цесаревичъ старался подавать собою примѣръ почтительности и усердія. У развода онъ суетился, какъ бы простой генералъ, устрашенный высочайшимъ присутствіемъ, при церемоніальномъ маршѣ становился самъ на правый флангъ и при второмъ проходѣ войскъ шелъ въ замкѣ, съ карманною книжкою въ рукѣ, для отмѣтки тутъ же высочайшихъ приказаній".

Государь, со своей стороны, оказывалъ старшему брату всевозможное вниманіе и предупредительность. Вообще, „по наружности между обоими братьями царствовало полнѣйшее согласіе", и Императоръ Николай Павловичъ прилагалъ всѣ силы, чтобы его поддерживать и ничѣмъ не поколебать. Тѣмъ не менѣе пребываніе Государя въ Варшавѣ тяготило Великаго Князя, привыкшаго въ продолженіе почти пятнадцати лѣтъ не нести иныхъ обязанностей, кромѣ тѣхъ, которыя онъ самъ на себя налагалъ, и повелѣвать, какъ первое лицо, тогда какъ теперь ему приходилось, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ

---

[1]) Шильдеръ, 219.
[2]) Шильдеръ, 217.

подавать примѣръ покорности. Очевидцы упоминаютъ о тогдашней его „humeur massacrante“.

„Въ личномъ обращеніи съ Государемъ, также какъ и въ своихъ письмахъ, Цесаревичъ представлялся любящимъ братомъ и почтительнымъ и покорнымъ подданнымъ, но въ разговорахъ со своими приближенными онъ нисколько не таилъ постоянной оппозиціи. Малѣйшее противорѣчіе причиняло ему досаду, даже похвалы Государя кому-либо изъ мѣстныхъ чиновниковъ, военныхъ или гражданскихъ, возбуждали горькіе пересуды, нерѣдко и неудовольствіе Цесаревича противъ этихъ самыхъ чиновниковъ, награжденныхъ по его собственному представленію“ [1]), и онъ скрывалъ свое неудовольствіе.

Разсказываютъ, что однажды, возвращаясь вмѣстѣ съ Государемъ въ Варшаву съ бывшаго за городомъ смотра войскамъ, Великій Князь спросилъ Государя: „знаете ли, Государь, о чемъ я мечтаю?“ и прибавилъ: „я хочу уѣхать на постоянное житье во Франкфуртъ на Майнѣ и жить тамъ частнымъ человѣкомъ. Такое мое желаніе раздѣляетъ и княгиня. Я хочу только отбыть на службѣ полныя сорокъ лѣтъ“.

Утомленный тѣмъ образомъ жизни, столь отличнымъ отъ его бельведерскихъ привычекъ, который ему пришлось вести во время пребыванія въ Варшавѣ Государя, Цесаревичъ сталъ еще болѣе раздражителенъ; это отразилось въ его письмахъ, писанныхъ Государю послѣ его отъѣзда изъ Польши; въ нихъ онъ все чаще и чаще жалуется на свою старость, на недомоганіе, признаетъ себя неспособнымъ къ дальнѣйшей службѣ и выражаетъ желаніе „удалиться на покой“.

„Тяжело сознаться, пишетъ онъ 25 іюня 1829 г., тотчасъ послѣ отъѣзда Государя, что физическія силы мѣшаютъ мнѣ проявить все усердіе, и я все болѣе и болѣе начинаю чувствовать свои 50 лѣтъ, а равно и то, что рано или поздно надобно перестать разыгрывать молодого человѣка. Все это продолжается уже свыше 34 лѣтъ,— срокъ довольно долгій, посвященный службѣ обществу“... Взволнованный слухами о навѣтахъ, сдѣланныхъ на него Государю, онъ продолжаетъ: „я прекрасно знаю, что мой надзоръ весьма стѣсняетъ нѣкоторыхъ лицъ, которыя хотѣли бы прослыть жертвою клеветы. Я не добивался своего положенія и умолялъ покойнаго Императора въ Вильно, въ 1822 г., не давать мнѣ его. Онъ не внялъ моимъ просьбамъ и повелѣлъ, чтобы все было такъ, какъ оно есть. Если бы вамъ заблагоразсудилось измѣнить это, я вполнѣ подчинюсь,

[1]) Шильдеръ, 277.

но вмѣстѣ съ тѣмъ буду умолять васъ освободить меня и отъ командованія войскомъ, что будетъ какъ нельзя болѣе на руку тѣмъ, коихъ стѣсняетъ мой бдительный надзоръ; тѣмъ болѣе, что я чувствую съ каждымъ днемъ, что я старѣюсь, но я унесу съ собой сознаніе, что я служилъ съ честью и предупредилъ многіе происки, многія гнусности и не злоупотреблялъ своей властью. Меня хотятъ обмануть, хотятъ выказать не тѣмъ, что они есть на самомъ дѣлѣ, но я не поддаюсь этимъ происканъ... Повторяю, я готовъ сложить съ себя командованіе, ибо я считаю вопросомъ чести сохранить его лишь въ томъ видѣ, въ какомъ покойный Императоръ препоручилъ его мнѣ... Я сознаю всю трудность своего положенія, я не заблуждаюсь на этотъ счетъ, но я бы погрѣшилъ противъ себя и не оправдалъ бы довѣрія, коимъ удостоивалъ меня мой незабвенный благодѣтель, если бы въ настоящемъ случаѣ я не изложилъ вамъ, дорогой и несравненный братъ, вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Я не честолюбивъ, я ничего не домогаюсь въ будущемъ, но я дорожу своимъ прошлымъ, когда я имѣлъ счастье пользоваться вполнѣ довѣріемъ моего благодѣтеля.

„Скажу одно: я не могу быть въ противорѣчіи съ самимъ собою. Благоволите простить мнѣ мою откровенность, но я обязанъ быть съ Вами откровененъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ дань признательности за всю Вашу доброту ко мнѣ“.

„Позвольте мнѣ ничего не отвѣчать на то мѣсто Вашего письма, писалъ Императоръ Николай Павловичъ, которое такъ тягостно для меня, что я не нахожу словъ, чтобы отвѣтить на него; ужъ *если Вы сочли своимъ долгомъ изложить* мнѣ это, я Вамъ отвѣчу одно *„не разрушайте дѣло рукъ своихъ*!“.

Въ томъ же письмѣ Императоръ изъявилъ Цесаревичу свое согласіе на поѣздку въ Эмсъ, куда Цесаревичъ и отбылъ въ началѣ августа 1829 г., пробывъ за границей до конца ноября.

Въ слѣдующемъ году судьба готовила Константину Павловичу тяжкое испытаніе: въ Польшѣ вспыхнуло возстаніе. Изъ переписки, которая велась въ это время Императоромъ Николаемъ Павловичемъ и Цесаревичемъ [1]) видно, до какой степени Великій Князь оказался недальновиденъ въ дѣлахъ ввѣреннаго ему края, и какъ онъ невольно ввелъ довѣрявшаго ему Императора въ заблужденіе относительно состоянія умовъ въ Польшѣ; вообще, изъ писемъ, въ которыхъ ему приходилось высказываться по вопросамъ внѣшней политики или внутренняго управленія, видно, что Цесаревичъ не былъ одаренъ обширнымъ государственнымъ умомъ, какимъ обладалъ

[1]) См. „Рус. Стар.“ 1911 г. кн. май и окт.

Императоръ Николай Павловичъ; хотя, по установившемуся еще при Императорѣ Александрѣ I правилу, всѣ русскія посольства и миссіи, находящіяся при иностранныхъ дворахъ, посылали въ Варшаву для освѣдомленія, Константину Павловичу, копіи со всѣхъ депешъ, и Императоръ изъ уваженія къ старшему брату, выражалъ всегда желаніе выслушать его мнѣніе, но, имѣя на все свой собственный, совершенно опредѣленный взглядъ, онъ рѣдко руководствовался въ своихъ рѣшеніяхъ мнѣніемъ Константина Павловича, а со свойственной ему твердостью и рѣшительностью поступалъ сообразно со своими собственнымъ убѣжденіемъ.

Усвоивъ себѣ привычку держаться въ отношеніи брата въ положеніи вѣрноподданнаго, съ преувеличенной покорностью и „безпредѣльной преданностью“, Цесаревичъ какъ-то особенно старательно подчеркивалъ въ своихъ письмахъ эти чувства; онъ то изъявлялъ Государю „почтительную благодарность“ за дозволеніе употреблять присланную ему на память печать покойнаго Государя, то „почтительно благодарилъ его“ за присылку доставшихся ему, при раздѣлѣ, лошадей, изъ числа принадлежавшихъ Императору Александру, то въ преувеличенно почтительныхъ выраженіяхъ, нерѣдко огорчавшихъ Государя и вызывавшихъ его неудовольствіе, изъявлялъ ему свою преданность и готовность служить ему, но сквозь эту почтительность чувствуется постоянно скрытое желаніе дать понять Государю, что всѣ эти знаки почтенія и преданности относятся къ нему лишь постолько, посколько онъ является „преемникомъ или замѣстителемъ“ покойнаго Императора Александра Павловича, всѣ распоряженія котораго свято чтились Цесаревичемъ. Такъ держалъ себя вначалѣ и Императоръ Николай Павловичъ, просившій у Цесаревича совѣтовъ, поддержки, благословенія на предстоявшій ему трудный жизненный путь, но съ теченіемъ времени въ тонѣ его писемъ все болѣе и болѣе проглядываетъ увѣренный въ себѣ и въ своихъ силахъ, непреклонный самодержецъ, какимъ онъ былъ по своей натурѣ.

В. Тимощукъ.

Сибирская казачья дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 годахъ [1]).

(Дневникъ участника съ 2 февраля 1904 года по 30 іюля 1905 года).

20 апрѣля. Иннокентьевская.

Ледоколъ, повидимому, и сегодня не пробился до Танхоя, ибо запасные сѣли было въ вагоны, да опять вернулись въ казармы. Все это показываетъ, что засѣли мы здѣсь крѣпко, и разсчеты подполковника Домелунксена не оправдываются... Что дѣлать? изъ ничего и будетъ ничего.

Говорятъ, что задержка Сибирской казачьей дивизіи будетъ не продолжительна, но я уже индиферентно отношусь ко всякимъ разговорамъ и увѣреніямъ, ибо вижу самъ, что здѣсь нѣтъ средствъ исправить то, что сдѣлано и создано многими обстоятельствами. Полки дивизіи, въ своей послѣдовательности (5, 8, штабъ дивизіи, 7 и 4), войдутъ въ очередь съ пѣхотными полками Сибирскихъ дивизій и, такимъ образомъ, движеніе ихъ нѣсколько растянется. Это было ясно еще въ Красноярскѣ. Начальникъ штаба маньчжурской арміи ген.-лейт. Сахаровъ прислалъ генералу Симонову телеграмму и проситъ дать генералу Волкову двѣ сотни головного полка дивизіи (это видоизмѣненіе бывшаго уже распоряженія). Послалъ приказаніе о семъ В. Ст. Алексѣеву съ указаніемъ высадить двѣ сотни въ Цицикарѣ и подумалъ, что, можетъ быть, эта чаша еще минуетъ эти сотни. Мы никто не вѣримъ въ настоятельную потребность этихъ сотенъ генералу Волкову.

21 апрѣля.

Сидимъ на Иннокентьевской и ждемъ, когда Байкалу заблагоразсудится пропустить ледоколъ къ Танхою и тѣмъ оказать намъ свою

---

[1]) См. „Русская Старина“ ноябрь 1911 г.

милость начать рейсы съ войсками и грузами. Положеніе создалось прямо глупое: уперлись въ Байкалъ и сидимъ. Ну о чемъ только думали строители этой дороги, когда работали здѣсь? Полагаемъ, что обо всемъ, кромѣ своего прямого дѣла, да вѣроятно они и Байкалъ самый не замѣчали, какъ тотъ Крыловскій пріятель, который въ кунсткамерѣ видѣлъ и высмотрѣлъ все до мельчайшихъ букашекъ и таракашекъ, а слона-то и не примѣтилъ... Было бы смѣшно, если бы не душила злость отъ досады и рука судорожно не сжимала рукоятку заряженнаго нагана... Иначе, какъ предательствомъ это дѣло назвать нельзя.

Теперь здѣсь начинается тотъ хаосъ, который напоминаетъ свои времена Крымской войны. Ледоколъ бьется и пробиться не можетъ.

Войска спѣшатъ, но двинуться никуда не могутъ. Въ пути всякіе запасы, да тамъ-то впереди ихъ нѣтъ и попасть туда они не могутъ. Здѣсь и по станціямъ кругомъ Байкала сидятъ уже три казачьихъ полка, Иркутскій пѣхотный полкъ, подходятъ эшелоны Красноярскаго пѣх. полка, понтонный баталіонъ, одна батарея артиллеріи, масса запасныхъ (значитъ, гдѣ-то еще не кончена мобилизація).

И это въ разгаръ перевозокъ войскъ Сибирскаго округа!—А на Ялу 18-го апрѣля японцы совершили переправу, разбили войска генерала Засулича, преслѣдовали его, захватили нашу артиллерію (о ужасъ, ужасъ!..), когда, слѣдовательно, до крайности нужны были именно всѣ войска этого округа (три пѣхотныхъ дивизіи) 48 баталіоновъ (съ артиллеріей и 24 сотни казаковъ), которыхъ два мѣсяца заставляли изнывать на сборныхъ пунктахъ совершенно готовыхъ къ походу... и которые теперь ждутъ милости Байкала и ледокола.

Нѣтъ, это безуміе, позоръ и преступленіе, вмѣстѣ взятые...

20 и 21 апрѣля головныя сотни 5-го Сибирскаго полка начали движеніе и пошли на Читу.

Обозы этого полка все еще здѣсь на Иннокентьевской. Опять нарождается масса волненія и безпокойствъ: обозы сотнямъ необходимы, а ихъ разъединили съ казаками и конскимъ составомъ...

22-го апрѣля. Иннокентьевская.

Говорилъ по телефону съ ген. штаба подполковникомъ Домелунксеномъ.

Оказывается, что сегодня ледоколъ „Байкалъ“ началъ рейсы, пошла и „Ангара“. Войска начали переправляться на ст. Танхой, а здѣсь,на Иннокентьевской, стали убывать. Съ 23-го апрѣля движеніе поѣздовъ и рейсовъ „Байкала“ и „Ангары“ разсчитаны такъ, что ежедневно будутъ проходить по 4 эшелона пѣхоты и по 2 эшелона Сибирскихъ казаковъ. — Результаты, конечно, печальные, но

средствъ измѣнить ихъ въ лучшую сторону нѣтъ. Надо благодарить Бога, что и это-то стало возможнымъ.

Отъ Танхоя на Читу сегодня пошли и послѣднія 4 сотни 5-го Сиб. казачьяго полка. Подполковникъ Н. Ф. Домелунксенъ приказалъ сегодня же перевезти обозы этого полка на ст. Танхой и отправить ихъ вслѣдъ за полкомъ на присоединеніе. Гдѣ и когда состоится это присоединеніе, мнѣ осталось неизвѣстнымъ.

Съ сотнями 7 и 8 Сибирскихъ казачьихъ полковъ и съ лошадьми и казаками штаба дивизіи, которые пошли по этапной дорогѣ вокругъ Байкала большое неблагополучіе. Обезпеченіе ихъ фуражемъ и довольствіемъ сразу разстроилось: 21-го апрѣля сотни 8-го полка въ Мотахъ оказались безъ фуража, а на Введенщинѣ весь 7-й полкъ и штабъ дивизіи—безъ фуража и безъ хлѣба. Вотъ, какъ оказывается, надежно были обезпечены эти этапы фуражемъ и довольствіемъ. Въ нашихъ вагонахъ всего этого хватило бы на двѣ такихъ этапныхъ линіи; все это осталось на Иннокентьевской, а казакамъ и лошадямъ въ пути ѣсть нечего. Положеніе возмутительное.

Генералъ Симоновъ получилъ донесеніе о бѣдственномъ положеніи этихъ частей, одновременно я получилъ два такихъ же донесенія о томъ же отъ капитана Егорова и отъ есаула Водопьянова; 7-й полкъ прислалъ сотника Грибанова о томъ же...

Генералъ Симоновъ рѣшилъ вернуть 7-й полкъ на Иннокентьевскую, безпокоясь за благополучный исходъ похода этого полка въ дальнѣйшемъ пути кругомъ Байкала, но до окончательнаго распоряженія я отправился къ Н. Ф. Домелунксену по этому дѣлу. Засталъ у него въ управленіи еврея поставщика фуража (и здѣсь это дѣло оказалось въ рукахъ еврея). Еврей, конечно, говорилъ, что „все будетъ сейчасъ, непремѣнно сейчасъ“... Доводы еврея меня не успокаивали и довѣрять имъ я не могъ. Ясно было только одно, что Н. Ф. Домелунксенъ принялъ мѣры устранить бѣду, но для исполненія необходимо было время. Обстоятельства заставляли казаковъ потерпѣть, и они... потерпѣли. Н. Ф. Домелунксенъ для прочнаго водворенія порядка на этапной линіи послалъ туда своего помощника, капитана генеральнаго штаба Дзѣвановскаго...

Подполковникъ Посоховъ и М. В. Левинъ отправились такъ же по этапной линіи кругомъ Байкала вмѣстѣ съ нашимъ штабомъ дивизіи.

26 апрѣля. Иннокентьевская.

Всѣ эти дни хлопотали по обезпеченію нашихъ полковъ и штаба дивизіи на этапной линіи фуражемъ и довольствіемъ. Съ большими трудами, но дѣло кое-какъ шло, и казаки наши съ задержками подвигались впередъ. Вотъ еще „милліонъ-то терзаній“...

А здѣсь мы все еще сидимъ и сидимъ, ожидая своей очереди.

Съ этаповъ „Глубоковское“ и „Кунтукъ“ приходятъ извѣстія о пререканіяхъ комендантовъ этихъ этаповъ съ нашими офицерами; послѣдніе жалуются мнѣ на грубость и дерзость комендантовъ.

Все это непріятно, конечно; но своимъ офицерамъ написалъ о необходимости считаться съ положеніемъ этихъ комендантовъ; теперь не время заниматься разборомъ этихъ жалобъ.

Вотъ уже недѣля потраченнаго зря времени въ этомъ сидѣніи здѣсь, на Иннокентьевской... не такъ-то просто перескочить черезъ Байкалъ, а когда будетъ готова Кругобайкальская жел. дорога, это одному Богу извѣстно!

Бѣдняга Н. Ф. Домелунксенъ: онъ видитъ все возмутительное положеніе вещей, стремится помочь дѣлу, но и съ его способностями и талантами тутъ ничего не подѣлаешь.

28 апрѣля. Мысовая.

Только вчера около 12 час. 40 мин. дня, наконецъ-то, насъ тронули въ дальнѣйшій путь. Даже не вѣрилось, что мы опять поѣхали.

До Байкала ѣхали (вмѣстѣ со штабомъ 2 Сиб. пѣх. дивизіи) красивою долиною рѣки Ангары съ ея прозрачными водами. Но вотъ и озеро Байкалъ! Ледяная его поверхность еще блеститъ на солнцѣ.

Вдали синѣютъ горы съ сѣдыми снѣговыми вершинами, окаймляя озеро чудною панорамою. Только истоки Ангары свободны отъ льда, и селеніе Лиственничное уже пользуется лодочною переправою.

Къ нашему берегу приближается ледоколъ „Байкалъ“, подбирая подъ себя ледъ, и, казалось, онъ скользитъ по этой ледяной поверхности, влекомый какою-то невидимой силой. Картина величественная, достойная кисти великаго художника. Я стоялъ на пристани и не могъ оторваться отъ этой необъятной дали и отъ всей невиданной красоты и силы природы.

„Байкалъ“ подошелъ къ пристани, и теперь началась довольно кропотливая работа по его установкѣ такъ, чтобы рельсы ледокола и полотна дороги совпали. Наконецъ и это сдѣлано, и вотъ вагоны цѣлаго поѣзда медленно покатились и стали исчезать въ его „нутрѣ“. Ледоколъ точно и не чувствовалъ такого груза... Все это очень интересно и остроумно устроено, но вся эта организація перевозки поѣздовъ съ одного берега на другой больше всего походитъ на забавную игрушку для взрослыхъ. Серьезнаго значенія она не имѣетъ и только, за отсутствіемъ сплошного рельсоваго пути, приходится смотрѣть на эту игрушку какъ на средство переправы.

Игрушка эта снабжена отличной столовой и буфетомъ, каютами, ваннами и т. п. Все это роскошно отдѣлано и всюду электричество.

Въ машинномъ отдѣленіи и въ отдѣленіи котловъ просторно и чисто... Раздались свистки, и мы незамѣтно отдѣлились отъ берега.

Поднялся на палубу. Среди ледяного поля озера было хорошо, но холодно. Стало совершенно темно, и путь нашъ освѣщался довольно сильнымъ прожекторомъ. Стоя на носу ледокола, казалось, что ледъ куда-то проваливается внизъ подъ всю массу этого огромнаго судна... Двигаемся довольно быстро. Видѣлъ нѣсколько трещинъ во льду, были въ 2—3 сажени шириною. Это одно изъ самыхъ опасныхъ явленій на Байкалѣ; трещины эти образуются совершенно неожиданно и также незамѣтно уничтожаются сами, или расходятся еще больше... Наѣхать ночью на такую трещину очень легко, и тогда злополучному человѣку нѣтъ спасенія ни ему, ни его лошадямъ, ни кибиткѣ...

Около часа ночи подошли къ пристани ст. Танхоя и стали высаживаться. Эта ночь была полна мытарствъ. Въ вагонахъ не оказалось мѣста никому изъ чиновъ штаба дивизіи. Провести ночь на станціи мѣста тоже не было. Выгруженныя вещи валялись вдоль пути. Комендантъ относился ко всему съ полнымъ индиферентизмомъ, ибо помочь дѣлу не могъ. Пришлось примириться со своею участью и вмѣстѣ съ нижними чинами штаба 2 Сиб. пѣх. дивизіи тащиться на „Мысовую“. Жаль было генерала Симонова, измученнаго и усталаго. Утромъ уже на „Мысовой“ штабъ дивизіи, наконецъ, опять размѣстился въ своемъ вагонѣ.

Здѣсь опять мы сидимъ. Извѣстій о нашихъ казакахъ и лошадяхъ нѣтъ. Цѣлый день сегодня не могъ добиться узнать, двинулись ли они со ст. Кунтукъ, или нѣтъ. Послалъ телеграмму Н. Ф. Домелунксену, но отвѣта нѣтъ.

Стыдъ и срамъ нашимъ порядкамъ. Создался такой хаосъ, въ которомъ разобраться нельзя. Вотъ оно согласованіе-то.

Съ театра войны вѣсти доходятъ одна хуже другой:

21-го апрѣля японцы высадились у Бидзыво и отрѣзали Артуръ отъ арміи генерала Куропаткина...

Искалѣченный флотъ нашъ загнанъ въ Амурскій бассейнъ и даже не пытался помѣшать этой высадкѣ...

Просидѣли 9 дней на ст. Иннокентьевская и опять сидимъ здѣсь...

Прямо ужасъ беретъ!..

Г. А. Даниловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія стараго педагога.

Движеніе впередъ, обуявшее всѣхъ педагоговъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, не могло не отразиться и на самомъ ходѣ дѣлъ въ гимназіи. Директоръ сталъ почти въ дружескія отношенія къ учителямъ. Инспекторъ пересталъ сѣчь учениковъ, а сами учителя, въ особенности молодые, начали популярничать въ средѣ учениковъ, нерѣдко изъ одного пустого желанія пококетничать предъ дѣтьми своимъ либерализмомъ. Всѣ махнуло рукою на прошлое, не выключая и своихъ обязанностей, строгое исполненіе которыхъ чуть не начали считать ретроградствомъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали чего-то новаго и главное извнѣ отъ начальства и правительства. Ученики чуть не съ пятаго класса начали воображать себя студентами и, не окончивъ курса гимназіи, спѣшили въ Кіевъ для поступленія въ университетъ, гдѣ благодаря новымъ вѣяніямъ вступительные экзамены производились крайне слабо. Число моихъ учениковъ начало быстро уменьшаться и, наконецъ, въ 1860 г. осталось всего три ученика, желавшихъ слушать законовѣдѣніе. Имъ посовѣтовалъ я обратиться къ изученію латинскаго языка, а моя каѳедра упразднилась de facto.

Такъ разрѣшилось общее стремленіе учащихся въ университетъ на мнѣ лично. Нельзя сказать, чтобы оно имѣло благотворное вліяніе и на общій ходъ обученія и воспитанія въ гимназіи. Благодаря необыкновенной снисходительности пріема въ университетъ и въ Нѣжинскій лицей случались такіе курьезы, что ученики отпѣтые,

[1]) См. „Русская Старина“, ноябрь 1911 г.

не захотѣвшіе учиться въ гимназіи, успѣвшіе вырости, но не достигшіе 7-го и даже 6-го класса, успѣвали безъ большого труда проскочить въ высшее учебное заведеніе и появиться въ средѣ своихъ товарищей, продолжающихъ трудиться въ гимназіи, и возбуждать и зависть, и желаніе подражать имъ. Сознаніе необходимости систематическаго и законченнаго образованія совершенно ослабѣвало, а вмѣстѣ съ тѣмъ и падалъ уровень успѣховъ учащихся, въ особенности въ высшихъ классахъ. Учились по большей части только ученики болѣе посредственныхъ способностей, которые боялись, такъ сказать, потерять почву подъ ногами, т. е. и гимназію бросить, и университета не достигнуть. Ученики болѣе даровитые кропотливое приготовленіе ежедневныхъ уроковъ считали ниже своего достоинства и нерѣдко прямо заявляли, что они не желаютъ готовить уроковъ, такъ какъ они готовятся въ университетъ. Между тѣмъ воздѣйствіе со стороны инспекціи было крайне слабо. Инспекторъ какъ бы любовался и шутилъ надъ паденіемъ дисциплины. „Погодите, будетъ еще и не то“, говаривалъ онъ иногда, какъ бы обиженнымъ тономъ, намекая по всей вѣроятности на какія-то бѣдствія, угрожающія гимназіи вслѣдствіе вынужденнаго начальствомъ отсутствія „спасительной розги“. Старые порядки въ гимназіи были похоронены и отошли въ область исторіи, а новые еще не были созданы. Мы очутились въ положеніи неопредѣленномъ, между двухъ стульевъ. Началось въ гимназіи броженіе умовъ, которое впрочемъ было только отраженіемъ общаго умственнаго броженія и въ средѣ тогдашняго русскаго общества, и въ тогдашней литературѣ.

IX.

Мой переѣздъ въ Кіевъ и назначеніе инспекторомъ Кіевской 1 гимназіи.—Реформы по хозяйственной части.—Пріѣздъ Пирогова.—Дѣло о княжескомъ коврѣ. — Пріѣздъ въ Кіевъ семейства моего. — Состояніе Кіевской 1 гимназіи.—Моя борьба съ полонизмомъ.

Но не буду забѣгать впередъ. Въ 1860 г. я, поощряя учениковъ къ переходу на латинскій языкъ, въ видахъ устраненія препятствія къ поступленію въ университетъ, дошелъ до того, что лишился слушателей. Это случилось какъ разъ въ ту пору, когда семейство мое увеличилось, и когда финансовое мое положеніе все болѣе и болѣе разстраивалось, частію вслѣдствіе значительнаго возвышенія цѣнъ на всѣ жизненные припасы, а частію вслѣдствіе того, что братъ, немного помогавшій мнѣ, женился и зажилъ особой своей семьей. Нужно было серьезно подумать о будущемъ. Признаюсь,

въ душѣ я не разъ пожалѣлъ, что погорячился и форсировалъ упраздненіе своего преподаванія. Но дѣло было сдѣлано! Приходилось считаться съ совершившимся фактомъ. Я рѣшился отправиться въ Кіевъ и тамъ попытать счастія. Въ началѣ іюля 1860 г. я прибылъ въ Кіевъ. Пирогова въ Кіевѣ не оказалось. Онъ проводилъ вакаціи въ своемъ имѣніи въ с. Вишнѣ Винницкаго уѣзда, Подольской губерніи. Я явился къ управлявшему округомъ помощнику попечителя округа Михневичу. Михневичъ поразилъ меня новостью, о которой я и не мечталъ. Онъ объявилъ, что попечитель приказалъ пригласить меня на должность инспектора Кіевской 1 гимназіи, и что онъ, Михневичъ, приказалъ уже послать мнѣ въ Черниговъ телеграмму съ такимъ предложеніемъ. Онъ просилъ меня немедленно явиться къ директору гимназіи Александру Карловичу Деллену и приступить къ принятію имущества гимназіи и пансіона, такъ какъ предмѣстникъ мой, князь Дабижа, получилъ новое назначеніе и спѣшилъ выѣхать изъ Кіева. Я явился къ директору, по его предложенію въ тотъ же день переселился въ одинъ изъ классовъ гимназіи, такъ какъ квартира инспектора была занята, и приступилъ къ принятію имущества гимназіи.

Въ странное положеніе попалъ я, вступивши въ должность инспектора Кіевской 1 гимназіи. Во всю свою жизнь я питалъ органическое отвращеніе къ казнокрадству и ко всякой незаконной наживѣ, а сдѣлавшись инспекторомъ, долженъ былъ, такъ сказать, стать у самаго источника казнокрадства, т. е. быть распорядителемъ въ большомъ заведеніи, въ которомъ пансіонъ состоялъ изъ 150 душъ, ровно изъ такого числа душъ, какъ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ въ университетѣ. Директоръ гимназіи, занятый профессурой, стоялъ вдали отъ хозяйства, бывшій инспекторъ князь Дабижа держалъ себя по-княжески, не вмѣшиваясь въ дѣла. Полнымъ хозяиномъ являлся экономъ — полякъ, совершеннѣйшій типъ экономa добраго стараго времени, со всѣми привычками старыхъ моихъ кормителей въ университетѣ. Это явно обнаружилось при первомъ нашемъ знакомствѣ. Едва я успѣлъ переѣхать въ гимназію, экономъ явился ко мнѣ и любезно предложилъ свои услуги по части стола. Я его любезно поблагодарилъ и просилъ не безпокоиться, объяснивъ, что у меня есть все свое, и что я ни въ чемъ не нуждаюсь. Такое категорическое заявленіе по всей вѣроятности не порадовало экономa. По крайней мѣрѣ я не могъ не замѣтить его смущенія. Скоро открылась и причина такого смущенія. Я потребовалъ приходо-расходныя книги и нашелъ ихъ совершенно бѣлыми, а между тѣмъ по справкамъ въ дѣлахъ дирекціи оказалось, что въ распоряженіе экономa съ

января по іюль мѣсяцъ отпущено болѣе десяти тысячъ. Въ то же время я потребовалъ росписаніе кушаньевъ и нашелъ, что обѣды воспитанниковъ, несмотря на громадную затрату, состояли изъ самыхъ простыхъ блюдъ: борщу или супу и разнаго рода кашъ. Хлѣбъ давался порціями, на приготовленіе чаю употреблялся сахарный песокъ; вообще въ отношеніи питанія дѣтей скаредность была полная. Все это достаточно убѣждало меня, что даваемое экономомъ продовольствіе было крайне недостаточно для питанія молодыхъ желудковъ. Я рѣшился все это сообщить директору и съ его согласія принялъ мѣры къ прекращенію подобнаго безобразія. Я началъ вникать во всѣ статьи пансіоннаго хозяйства. Пошли открытія за открытіями. Но и экономъ не дремалъ. Первымъ дѣломъ онъ атаковалъ меня неоплаченными счетами разныхъ торговцевъ за отпущенные будто бы для пансіона продукты. Я категорически заявилъ, что за прошлое время не заплачу ни мѣднаго гроша, и что всѣ счета за продукты, купленные по день моего вступленія въ должность, должны быть оплачены изъ денегъ, уже полученныхъ экономомъ на руки. Тогда претензіи сами собою улетучились. Экономъ потерпѣлъ неудачу и началъ жаловаться своимъ прихлебателямъ (которые играли въ карты на его журфиксахъ, какъ мнѣ сдѣлалось достовѣрно извѣстно), что я хочу его пустить по міру. Самое главное обвиненіе состояло въ томъ, что я не позволилъ отпускать ему денегъ наобумъ общими цифрами, а ввелъ отпускъ по дѣйствительнымъ расходамъ, требуя лично подаваемаго торговцемъ счета. Распоряженіе это, исключавшее всякую возможность злоупотребленія суммами, привело въ ужасъ эконома. Смотритель дома, очень почтенный старикъ, пришелъ убѣждать меня, что я затѣялъ совершенно невозможный порядокъ, и что такой порядокъ окончательно свяжетъ по рукамъ и ногамъ его, смотрителя, и еще болѣе эконома. Экономъ былъ въ отчаяніи, но того и не предполагалъ, что мои первые шаги только цвѣточки, а что еще найдутся и ягодки. Для того, чтобы окончательно убить казнокрадство, я рѣшился вывести все на чистую воду. Прежде всего я считалъ необходимымъ уяснить себѣ, какой именно столъ можно дать ученикамъ за отпускавшіяся въ то время на человѣка 22 коп. въ день. Съ этою цѣлью я обратился къ помощи старшихъ учениковъ и посредствомъ ихъ дежурствъ при выдачѣ продуктовъ на кухню, а также во время приготовленія пищи и выдачи оной воспитанникамъ, съ точностію опредѣлилъ количество продуктовъ, необходимыхъ ежедневно для стола, и составилъ таблицу количествъ ихъ на каждый день и на каждое кушанье. Такъ мнѣ удалось на отпускавшіяся деньги устроить сытный и болѣе или менѣе питательный

столъ, ввести мясные завтраки, ввести двѣ говядины для обѣда, особую для борща и особую для жаркого, котлетъ, битковъ и проч. Получивъ такое расписаніе, экономъ возопилъ, что отпускаемой суммы недостаточно для такого кормленія, и что онъ не имѣетъ возможности кормить учениковъ на свой счетъ. На эти жалобы я отвѣтилъ, что все беру на свою отвѣтственность, и дѣйствительно при помощи ключника Панкова, послужившаго дѣлу вѣрою и правдою, доказалъ, что не только назначенною суммою прокормилъ учениковъ, но еще сдѣлалъ за полгода сбереженіе до тысячи руб.

Устроивши продовольствіе, я принялся за освѣщеніе. У меня въ квартирѣ горѣли собственныя мои лампы и стеариновыя свѣчи. Я практически изслѣдовалъ, сколько въ часъ сгораетъ масла и свѣчей (тогда еще не знали керосина). Результаты изслѣдованій были таковы, что при томъ же количествѣ лампъ и свѣчей оказалось возможнымъ сальныя свѣчи замѣнить стеариновыми. При всемъ томъ расходъ на освѣщеніе, назначенный по смѣтѣ въ 1.500 руб., уменьшенъ втрое; а именно: всего израсходовано 500 руб., что и внесено въ смѣту на будущій годъ.

Такъ мало-по-малу изслѣдованы были всѣ статьи расходовъ и прекращены были всѣ пути къ наживѣ. Дошло дѣло до того, что экономъ обратился ко мнѣ съ просьбою дозволить ему брать хотя тарелку борщу изъ общаго котла; но я велѣлъ отпускать изъ того же котла не только тарелку борщу, но цѣлый обѣдъ.

Въ концѣ августа возвратился въ Кіевъ и попечитель Пироговъ, который уже зналъ отъ Михневича о моихъ подвигахъ и вполнѣ остался доволенъ. Скоро еще болѣе выяснилась необходимость принятыхъ мною мѣръ. Бывшій инспекторъ Дабижа въ письмѣ на имя Пирогова заявилъ претензію о какомъ-то коврѣ. Пироговъ это странное письмо передалъ мнѣ и поручилъ произвести подробное разслѣдованіе. По слѣдствію оказалось: въ пансіонѣ вслѣдствіе дурного продовольствія воспитанники проѣдали всѣ свои карманныя деньги, а когда ихъ не стало, прибѣгали къ займамъ и къ продажѣ своихъ вещей. Доходило дѣло даже и до воровства. Дальнѣйшія разслѣдованія открыли и виновника всей переводки, который служилъ умывальщикомъ при пансіонѣ. Онъ завелъ настоящую торговлю и, торгуя продуктами, сбывалъ всѣ заложенныя и проданныя вещи другимъ переводчикамъ. Этою же дорогою отправился и коверъ князя, такъ какъ ему прислуживалъ тотъ же умывальщикъ. Вышелъ курьезъ довольно поучительный. По порученію Пирогова я сообщилъ князю результатъ моихъ изслѣдованій и получилъ въ отвѣтъ нелюбезное письмо. Князю не понравилось, видите ли, что

по собственной винѣ онъ попалъ въ просакъ, а потому и постарался своими репримандами замаскировать свою ошибку.

Въ концѣ августа 1860 г. переѣхало въ Кіевъ и мое семейство, и мы зажили съ бѣдой пополамъ, потому что при тогдашнемъ жалованьѣ, всего 98 р. въ мѣсяцъ, при кіевской дороговизнѣ, прожить было на эти деньги довольно трудно. Приходилось жить какъ можно скромнѣе, избѣгая всякихъ излишнихъ расходовъ. Тѣмъ не менѣе мы умѣли сводить концы съ концами, не входя въ долги, которыхъ я всегда боялся, какъ огня.

Но довольно! Ничего нѣтъ скучнѣе, какъ всякіе денежные разговоры.

А. Ѳ. Андріяшева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Послѣ войны—изъ арміи въ нѣдра читинской революціи.

(Это было въ самомъ началѣ 1906 года).

Въ началѣ декабря 1905 года, находясь въ арміи на зимнихъ квартирахъ и живя въ небольшой китайской деревушкѣ близъ станціи Яомынь при условіяхъ самой мирной обстановки, я узналъ о своемъ назначеніи въ Читу. Нерадостно было для меня это назначеніе: я зналъ, что ѣду на такую должность, сидя на которой придется окунуться въ чернильное море и зарыться въ разныя входящія и исходящія, въ большинствѣ случаевъ не имѣющія ровно никакого значенія для того дѣла, которому служишь и мараемыя только для того, чтобы отбыть какой-то неизвѣстно кѣмъ и для какой цѣли установленный номеръ. Жаль было покидать и ту среду милыхъ и симпатичныхъ людей, съ которыми такъ тихо жилось среди убогой обстановки бѣдной китайской фанзы; жаль было нашихъ общихъ ежедневныхъ обѣдовъ и ужиновъ, во время которыхъ мы хлебали неизмѣнныя солдатскія щи, ѣли кашу и вели постоянно оживленныя бесѣды на разныя животрепещущія темы, которыя въ то время были столь многочисленны. Иной разъ для услажденія нашего слуха и для развитія въ насъ эстетическаго вкуса приносился въ фанзу чей-то граммофонъ, съ безконечнымъ количествомъ пластинокъ; заводилъ всегда эту хитроумную машину одинъ серьезнаго вида капитанъ, которому почему-то очень нравилась самая процедура пусканія въ ходъ этого перла созданія американскаго изобрѣтателя. Капитанъ всегда былъ серьезенъ, и его лицо не мѣ-

няло суроваго выраженія даже и тогда, когда г. Вяльцева веселила насъ неподражаемымъ тембромъ своего голоса. Серьезный капитанъ тогда только крякалъ и вздыхалъ.

Слухи о разныхъ забастовкахъ, прокламаціяхъ, марсельезахъ, красныхъ тряпкахъ и прочихъ благоглупостяхъ конечно достигали и до насъ, и каждый день кто-нибудь изъ нашей компаніи передавалъ какой-нибудь слухъ, который исходилъ „изъ вѣрнаго источника“, о томъ или иномъ родѣ насилія, которое позволили себѣ эти „передовые люди“: то слышно было объ арестѣ на дорогѣ какого-то генерала, то—объ убійствѣ полковника, всѣмъ намъ извѣстнаго, который послѣ войны получилъ отпускъ и, вотъ, ѣдучи къ своимъ роднымъ послѣ двухлѣтней разлуки, былъ убитъ какимъ-то „товарищемъ“ на одной изъ станцій ж. д.; а за что—про это конечно никто не зналъ.

Все это возмущало и нервировало нашу небольшую компанію, но оставалось только извергать хулу по адресу „товарищей“ и безсильно потрясать кулаками въ воздухѣ, что мы и дѣлали.

Про Читу разсказывали нѣчто невозможное: говорили, что тамъ полная анархія, что губернаторъ и командующій войсками въ этомъ городѣ будто бы находится всецѣло въ рукахъ революціонеровъ, посѣщаетъ ихъ митинги и будто-бы сочувствуетъ образу дѣйствій „просвѣщенныхъ товарищей“, которые съумѣли склонить и гарнизонъ этого города на свою сторону и, какъ доказательство этого, показывали даже пресловутое „постановленіе солдатъ читинскаго гарнизона“, написанное, очевидно, все тѣми же милыми и добрыми „товарищами“. Читая и слыша все это, каждый изъ насъ мысленно проклиналъ этихъ людей, но отъ этого они конечно ничего не теряли. Говорили, что въ Читѣ „всякъ мужескій полъ“ представляетъ изъ себя революціонную банду, и что даже такія „милыя созданія“, какъ невинныя читинскія гимназистки—эти „голубицы“ по кротости и чистотѣ—и тѣ объявили кому-то бойкотъ и, вооружившись браунингами, разгуливаютъ по городскимъ площадямъ и улицамъ съ красными флагами, орутъ марсельезу и, поддерживаемыя юношами еврейскаго происхожденія, облеченными въ гимназическую форму, чинятъ публично всякія безчинства и безобразія. Словомъ, горизонтъ со стороны Читы былъ очень мраченъ, и провожавшіе меня на станцію Яомынь сожители не поздравляли меня съ новымъ назначеніемъ и говорили, что лучше уже сидѣть тутъ въ маньчжурскихъ трущобахъ, чѣмъ ѣхать въ это становище „тушинцевъ“, какъ они называли всѣхъ революціонеровъ и забастовщиковъ. Но что было дѣлать—приходилось исполнять волю начальства.

Глухой и темной ночью 10 декабря 1905 года, помню, я покинулъ Яомынь, а слѣдовательно и армію и простился съ жизнью, полною боевыхъ лишеній, оставившихъ на душѣ какой-то грустный и неизлѣчимо болѣзненный осадокъ. Неудачная кампанія, всѣ эти злополучныя отступленія и пораженія закончились такимъ грустнымъ аккордомъ, какъ мукденскій погромъ, и кто же изъ участниковъ этой несчастной войны въ состояніи забыть всѣ эти потрясенія, у кого изъ нихъ въ теченіе остатка дней земной сутолоки заглохнетъ этотъ грустный и вмѣстѣ съ тѣмъ потрясающій аккордъ, который всѣ они слышали въ злополучный день 25 февраля 1905 года на окрестныхъ съ Мукденомъ поляхъ. Ни у кого, ни у кого онъ не заглохнетъ, и я увѣренъ въ томъ, что когда придется, безъ сожалѣнія и безъ слезъ, разстаться съ этимъ міромъ, переполненнымъ тоской и воздыханіемъ, то и тогда вспомню день 25 февраля.

А теперь поѣздъ, лязгая желѣзомъ, уносилъ меня среди непроницаемаго ночного мрака на сѣверъ отъ этихъ манчьжурскихъ гаоляновыхъ полей, отъ этихъ фанзъ, но уносилъ на поля своей родины, раненой, несчастной и облитой уже кровью, пущенной рукой дьявола, окончательно смутившаго сердца русскихъ людей и заставившаго ихъ позабыть и про Бога, и про святые завѣты доблестныхъ предковъ и втоптать въ грязь все то, что когда-то было чтимо, какъ святыня.

Въ вагонѣ было такъ тѣсно, что не было рѣшительно ни пяди свободнаго мѣста: множество офицеровъ и солдатъ положительно заполнили собою не только всѣ купе, но даже корридоръ и наружныя площадки: освѣщеніе было очень тусклое, а воздухъ былъ насыщенъ табачнымъ дымомъ, благодаря которому вся эта огромная и сбившаяся въ кучу толпа превратилась въ сплошную массу силуэтовъ, теряющихся въ тускломъ полумракѣ. Единственная свѣтлая мысль, которая меня ободряла и оживляла, была о свиданіи съ братомъ, который стоялъ со своей батареей гдѣ-то значительно въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, но гдѣ именно—про это я, какъ ни старался узнать—не могъ добиться опредѣленныхъ свѣдѣній, а потому и рѣшилъ дѣйствовать на удачу. На какомъ-то полустанкѣ, съ невѣроятными усиліями протолкавшись черезъ наполнявшую вагонъ массу изъ человѣческихъ существъ и неся въ рукахъ свои вещи, состоящія изъ небольшого чемодана и корзины, я спрыгнулъ съ подножки вагона и очутился среди какой-то пустыни, окутанной ночнымъ мракомъ. Съ покрытаго темными тучами неба сыпалась промозглая мокрота—нѣчто среднее между дождемъ и снѣгомъ; немного въ сторонѣ тускло коптѣлъ фонарь; мимо пробѣжали

двѣ какихъ-то темныхъ, закутанныхъ въ шубы, фигуры, и я стоялъ одинъ и не зналъ, что мнѣ дѣлать и куда идти. Первое, что я началъ дѣлать—это неистово орать фамилію своего денщика: Петровъ! Петровъ! вопилъ я что есть мочи, но въ отвѣтъ на эти вопли заревѣлъ паровозъ, и поѣздъ, совершенно равнодушный къ моему безпомощному положенію, тяжело тронулся впередъ, громыхая своей могучей громадой по рельсамъ. Нѣсколько могучихъ вздоховъ гиганта-паровоза, и поѣздъ, какъ-бы насмѣхаясь надъ моимъ трагикомичнымъ положеніемъ, началъ ускорять ходъ и вскорѣ покинулъ это „веселенькое мѣстечко“. Мой Петровъ, не предупрежденный мною о мѣстѣ нашей выгрузки, очевидно, былъ погруженъ въ сладкую дремоту, какъ человѣкъ, влившій въ себя на проводахъ нѣсколько стаканчиковъ живительной влаги, до которой, кстати сказать, онъ былъ большой охотникъ, а потому, натурально, онъ и не слышалъ моихъ отчаянныхъ воплей. Пославъ ему въ слѣдъ надлежащія пожеланія, я сталъ осматриваться и думать—гдѣ мнѣ найти брата съ его батареей среди этого пустыря. Ругая себя безсмысленнымъ осломъ за то, что не могъ на мѣстѣ толкомъ навести нужныя мнѣ справки, я стоялъ со своими вещами среди ровной и мрачной манчьжурской пустыни. Наконецъ глазъ мой различилъ среди ночного мрака силуэтъ какой-то постройки шагахъ въ 100 отъ дороги, и такъ какъ въ окошечкѣ этой постройки мерцалъ слабый свѣтъ, то я и заключилъ, что домъ сей обитаемъ кѣмъ-то. Взявъ вещи, спотыкаясь и падая въ какіе-то ямы и сугробы, я пошелъ на огонекъ въ надеждѣ встрѣтить добрыхъ людей, которые конечно оріентируютъ меня во-первыхъ среди этой пустыни, а во вторыхъ и помогутъ мнѣ выйти изъ этого не очень пріятнаго положенія. Послѣ долгихъ усилій и борьбы съ разными препятствіями, я достигъ наконецъ до постройки, которая оказалась небольшимъ сколоченнымъ изъ досокъ баракомъ, и, открывъ дверь, очутился въ жарко натопленной желѣзной печью комнатѣ, въ которой, сидя на табуреткѣ, сладко дремалъ солдатъ, одѣтый въ свою неуклюжую шинель. Въ другой комнатѣ помѣщался молодой человѣкъ, очевидно служащій на желѣзной дорогѣ, и что-то писалъ на грязномъ столѣ, освѣщенномъ небольшой лампочкой. Разбудивъ солдата, я началъ спрашивать о мѣстѣ своего нахожденія, но онъ пялилъ на меня свои заспанные глаза и никакъ не могъ понять, о чемъ я его спрашиваю. Тогда на помощь мнѣ пришелъ чиновникъ, и отъ него я узналъ, что нахожусь уже въ такомъ раіонѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ войскъ, а слѣдовательно и поиски мои той батареи, въ которую я хотѣлъ во что бы то ни стало поѣхать, въ этомъ пустырѣ ни къ чему не привели бы. Единственное, что оставалось дѣлать—

и что посовѣтывалъ мнѣ любезный чиновникъ—это возвращаться назадъ до ст. Талайчжоу, на которую кстати въ скоромъ времени отходилъ товарный поѣздъ съ теплушкой и тамъ уже навести нужныя мнѣ справки. Такъ я и сдѣлалъ. Заспанный солдатъ отнесъ мои вещи въ теплушку, и я водворился близъ чьихъ-то ногъ, принадлежащихъ неизвѣстному мнѣ человѣку, голова котораго, утопая во мракѣ угла вагона, была занята воспроизведеніемъ разныхъ руладъ и трелей, издаваемыхъ при помощи присущаго каждому человѣку инструмента, называемаго носомъ, тогда, когда человѣкъ погружается въ міръ грезъ и фантазій. Печка грѣла невыносимо, грязь была классическая, и я, сидя на своемъ чемоданѣ, какъ на развалинахъ Карѳагена, ждалъ той счастливой минуты, когда тронется поѣздъ и повлечетъ насъ обратно на югъ. Наконецъ кто-то невидимый и могучій заревѣлъ среди ночной темноты, вагонъ нашъ, влекомый ужасной силой этого горластаго богатыря, заскрипѣлъ и закряхтѣлъ, какъ бы негодуя за то, что нарушили его покой, и нехотя покатилъ по рельсамъ, вздрагивая на стыкахъ и жалобно повизгивая своими желѣзными частями. Мы покатили. Ноги выдѣлывавшаго замысловатыя рулады человѣка вдругъ возымѣли желаніе выпрямиться, благодаря чему я ощутилъ изрядный толчекъ въ спину, послѣ чего и рѣшилъ пересѣсть подальше отъ столь пріятнаго сосѣдства.

Такъ въ обществѣ этой пары временами вздрагивающихъ ногъ я и доѣхалъ до Талайчжоу, а тамъ при помощи телефона узналъ о томъ мѣстѣ, куда нужно было ѣхать, и уже поздно ночью прибылъ въ небольшую китайскую деревушку, въ которой стояла батарея брата.

Здѣсь въ милой и симпатичной средѣ артиллеристовъ пришлось пробыть нѣсколько дней, и съ удовольствіемъ вспоминаю это время. Здѣсь также скучали, какъ и вездѣ тогда въ арміи:—тѣ же, знакомыя уже мнѣ условія жизни въ китайскихъ фанзахъ, какъ и у насъ около Яомыня; тоже ничегонедѣланіе и ожиданія обѣда, ужина, чая, которыя и составляли единственное развлеченіе въ теченіе каждаго дня. Компанію оживляли иногда ветеринарный врачъ, хорошо пѣвшій цыганскіе романсы и аккомпанирующій себѣ на гитарѣ да молодой и симпатичный докторъ, завѣдывавшій офицерскимъ столомъ и выказавшій недюжинныя кулинарныя способности, иногда веселившій скучающую публику анекдотами, которые онъ недурно разсказывалъ, чѣмъ и подзадоривалъ своего конкуррента въ этой спеціальности—молодого и красиваго поручика заставляя его прекрасно разсказать нѣсколько смѣшныхъ анекдотовъ. Оживленіе, вносимое этими веселыми людьми, бывало обыкновенно не очень продолжи-

тельнымъ, и послѣ него снова погружались въ мрачное молчаніе, и каждый, казалось, переваривалъ свою тяжелую думу и переживалъ общее наше военное горе, вызванное позоромъ неудачной войны. Офицеры, уже достаточно долго послужившіе, негодовали по поводу несвоевременнаго заключенія мира. „Сосредоточили огромную армію“, говорили они: „приготовились къ бою на жизнь и на смерть и все же, имѣя въ рукахъ козыри, сказали: „пасъ“, какъ бы желая угодить высокопоставленному партнеру и не желая допустить его, ради особой какой-то любезности, до проигрыша. Нѣкоторые говорили, что изъ дальнѣйшаго продолженія войны ровнымъ счетомъ ничего хорошаго не вышло бы: снова начались бы эти несносныя отступленія, путаница, а тутъ еще и гаолянъ выросъ выше всадника, благодаря чему могла легко произойти и паника; не даромъ же на Сыпингайскихъ позиціяхъ мы все больше оглядывались назадъ, уготовляя себѣ скатертью дорожку для движенія на сѣверъ. Словомъ, на эти темы велись тѣ же разговоры, которые впослѣдствіи почти цѣликомъ прошли на страницахъ нашей прессы, и сказать о томъ, правы или неправы были въ своихъ сужденіяхъ эти почтенные люди, конечно трудно, но все же радовалось сердце, когда приходилось выслушивать убѣжденныя рѣчи противниковъ всякихъ отступленій и нерѣшительности и видѣть, что эти люди не забавляются только напраснымъ словоизверженіемъ, а что они говорятъ отъ души, какъ убѣжденные фанатики своего дѣла, за которое готовы положить душу; отрадно было сознавать, что въ военной средѣ есть еще не мало такихъ убѣжденныхъ людей, столь цѣнныхъ для арміи.

Особенно симпатиченъ былъ одинъ, уже посѣдѣлый полковникъ, съ лихо по-военному закрученными усами, который убѣжденнѣе всѣхъ говорилъ не только на чисто военныя стратегическія темы, но и о нашемъ общемъ современномъ распутствѣ, охватившемъ всю нашу Русь и проникшемъ въ народныя массы; онъ часто говорилъ о томъ, что теперь всѣ забыли и Бога и свои обязанности какъ передъ Нимъ, такъ и передъ родиной, словомъ—всю нашу современную жизнь онъ, съ убѣжденіемъ фанатика, клеймилъ какъ какое-то позорное существованіе, достойное людишекъ съ мелкими, продажными душонками; онъ почти со слезами на глазахъ вспоминалъ все великое наше историческое прошлое, вспоминалъ дѣянія нашихъ доблестныхъ предковъ, съумѣвшихъ сколотить Русь и воздвигнуть ее на высшую ступень политической жизни, и проводилъ параллель между тѣмъ, что было прежде и что стало теперь, когда начали увлекаться какими-то несбыточными мечтами о равенствѣ и свободѣ.

Вотъ и у насъ въ арміи эти новшества пошли, говорилъ полковникъ: какъ же молъ, солдатикъ,—бѣдный солдатикъ, страдалецъ и страстотерпецъ,—сѣрая святая скотинка и прочія кислосладкія слова. И пошли этого „несчастнаго солдатика“ обнюхивать со всѣхъ сторонъ: бѣдный, тебѣ быть можетъ спать жестко, такъ мы тебѣ тюфячекъ постелемъ, и постлали ему тюфячекъ, да еще и простынку и одѣяльце дали: спи себѣ, милый солдатикъ, ты и дома, болѣзный, довольно уже поспалъ на прокисломъ полушубкѣ, а теперь про это забудь; можетъ быть тебѣ и носовой платочекъ нуженъ, такъ на, возьми, голубчикъ, сморкайся себѣ на здоровье. И вотъ эти мелочи конечно не способствовали въ пользу поддержанія спартанскаго духа среди солдатъ; они и въ самомъ дѣлѣ увѣровали въ то, что и безъ простыньки, и безъ платочка имъ никакъ не прожить, забывъ про то, что ихъ прадѣды, „чудо богатыри“ Суворова, не знали этихъ нѣжностей и были закаленные спартанцы.

А наказанія! Вѣдь въ той чрезмѣрной гуманности, которая заложена въ основу этого вопроса, невольно приходится убѣдиться въ незнаніи нашего народа и взятаго изъ его же среды солдата. Унизительно, молъ, для человѣческаго достоинства, если какому-нибудь балбесу, парню лѣнивому и нерадивому, всыпать штукъ 25 хорошихъ лозановъ. Это, молъ, оскорбляетъ человѣка, это издѣвательство надъ его личностью и прочія кислосладкія причитанія теоретиковъ, никогда не видѣвшихъ мужика и не имѣвшихъ никакого общенія съ солдатомъ. Отчего, рѣшая вопросъ объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній въ арміи, ничего не спросили насъ, строевыхъ офицеровъ, уже десятки лѣтъ провозившихся съ солдатомъ и изучившихъ его во всѣхъ мелочахъ и подробностяхъ, возмущался молодецъ полковникъ; я не врагъ Россіи, люблю ее и потому не покривилъ бы душою высказать правду, а вотъ не спросили, а только приказали, а какъ и чѣмъ мнѣ наказывать вотъ хотя бы во время военныхъ дѣйствій всѣхъ этихъ нерадивыхъ Петровыхъ и Сидоровыхъ, которыхъ у меня не мало въ батареѣ. Что же мнѣ ихъ подъ ранецъ ставить, такъ вѣдь теперь морозъ, подъ арестъ сажать—такъ вѣдь я знаю, что для нихъ это не наказаніе, а облегченіе, потому что они вмѣсто того, чтобы лошадей своихъ чистить—разлягутся на полу и будутъ дрыхать;—читать имъ душеспасительныя наставленія, — но это уже прямо даже и глупо — вѣдь въ самомъ дѣлѣ въ насъ, офицерахъ, какъ будто бы видятъ какихъ-то апостоловъ Павловъ, которые всѣ должны умѣть проникать своимъ огневымъ словомъ въ самыя глубины души человѣческой, тогда какъ забываютъ, что всѣ мы самые заурядные люди, а что апостолы Павлы родятся быть можетъ одинъ разъ въ теченіе тысячелѣтій.

— Но какъ же... полковникъ, перебиваетъ какой-нибудь молодой поручикъ, видимо колеблющійся между современными взглядами и тѣмъ направленіемъ, которое было въ арміи до нихъ,—вѣдь, согласитесь же вы, что пороть человѣка не хорошо:—это значитъ унижать и свое достоинство—вообще бить беззащитное существо—это, знаете ли... Тутъ поручикъ старается подобрать по возможности болѣе вѣжливое выраженіе, но полковникъ его перебиваетъ.

— А вы, Петръ Петровичъ,—спрашиваетъ онъ—читали когда-нибудь Евангеліе?

— Да, конечно,—отвѣчаетъ нѣсколько смущенный этимъ вопросомъ поручикъ,—но почему вы объ этомъ...

— Нѣтъ, вы мнѣ отвѣчайте, я знаю, конечно, что вы прочитываете эту книгу, но я васъ спрашиваю—*читали ли* вы ее, т. е. такъ, какъ и надо читать, съ полнымъ вниманіемъ и вдумчивостью?

— Такъ не читалъ,—сознается немного сконфуженный поручикъ.

— То-то вотъ и есть, да я думаю, вы и не прочитывали всю эту книгу, а такъ когда уже рѣшительно вамъ нечего дѣлать и когда вмѣсто какой-нибудь пустяшной книжонки, вамъ вдругъ на глаза попадалось Евангеліе, а подобный случай тоже очень рѣдокъ, потому что у васъ навѣрно и нѣтъ даже этой книги, такъ вы, говорю, скуки ради, проглотите налету нѣсколько стиховъ и, закрывъ книгу, скажете мысленно: какая скука,—лучше спать уже лягу—ну, что не правду развѣ говорю?—спрашиваетъ полковникъ.

— Правду,—нехотя соглашается поручикъ,—но я все не понимаю, зачѣмъ вы все это говорите.

— А вотъ я вамъ прочитаю сейчасъ одинъ такой случай, описанный на страницахъ Евангелія, который бросаетъ яркій свѣтъ на затронутый нами вопросъ; и, взявъ со своего столика Священную книгу, съ которой онъ видимо никогда не разставался, полковникъ быстро нашелъ нужный ему стихъ и прочелъ:

„Приближалась пасха Іудейская и Іисусъ пришелъ въ Іерусалимъ.

И нашелъ, что въ храмѣ продавали воловъ, овецъ и голубей, и сидѣли мѣновщики денегъ.

И связавъ бичъ изъ веревокъ, выгналъ изъ храма всѣхъ, такъ же и овецъ и воловъ; и деньги у мѣновщиковъ разсыпалъ, и столы ихъ опрокинулъ.

И сказалъ продающимъ голубей: возьмите это отсюда, и дома Отца Моего не дѣлайте домомъ торговли“.

— Слышали,—спросилъ полковникъ, окончивъ чтеніе,—и конечно скажете, что это грубое насиліе,—что фактъ этотъ не дол-

женъ быть приводимъ на страницахъ Евангелія:—вѣдь теперь по почину нашего великаго писателя (по правдѣ говоря, я не вижу правды въ этомъ названіи и думаю, что люди впослѣдствіи поймутъ свое заблужденіе въ этомъ отношеніи) начали перекраивать эту святую книгу каждый по-своему—и какой только белиберды и вздора не говорятъ и не пишутъ, а главное все сводятъ къ отрицанію:—какъ только заговорятъ о какомъ-нибудь фактѣ, идущемъ въ разрѣзъ своего мышленія, такъ и увѣряютъ, что этого не было вовсе, что это вымыселъ, или досужая фантазія, но вѣдь, позвольте, фактъ этотъ свидѣтельствуется четырьмя Евангелистами, и всѣ они повѣствуютъ въ одномъ духѣ. Тотъ, кто это сдѣлалъ, надо полагать, имѣлъ право это сдѣлать. Попробуйте-ка вотъ хоть вы пойти, ну хотя скажемъ, на какой-нибудь Апраксинскій рынокъ, или въ Охотный рядъ въ Москвѣ, гдѣ самымъ лучшимъ образомъ надуваютъ почтеннѣйшую публику и, придя домой, попробуйте вознегодовать на это надувательство и прибѣгнуть къ той же мѣрѣ, какъ это сказано въ Евангеліи. Что изъ этого будетъ? Да конечно то, что вамъ самымъ лучшимъ образомъ накостыляютъ бока возмущенные вашимъ самоуправствомъ торгаши и кулаки, а тамъ въ храмѣ ничего подобнаго не было, а слѣдовательно Тотъ, Кто это дѣлалъ, чувствовалъ въ себѣ сверхъ-человѣческую нравственную силу, которая и подавила собою мелкія стремленія жадныхъ до наживы людишекъ.

— Все это такъ,—соглашается поручикъ, но вотъ зачѣмъ этотъ бичъ, эти удары, опрокидыванія столовъ и прочія бурныя проявленія и зачѣмъ объ этомъ было помѣщать на страницахъ этой книги, которая проповѣдуетъ любовь и кротость.

— А затѣмъ это здѣсь и помѣщено, чтобы дать людямъ понять о томъ, чтобы они не были чрезмѣрно сантиментальны тамъ, гдѣ нужно дѣйствовать круто, чтобы помнили о томъ, что есть на землѣ *люди*, которымъ можно и должно говорить для того, чтобы ихъ убѣдить, но такихъ меньшинство,—большинство же человѣческихъ тварей обросли такой толстой шкурой, что ее только и можно прошибить веревочнымъ жгутомъ, для того, чтобы заставить ея обладателя поступать такъ, а не иначе. Вѣдь у насъ теперь такъ: какой-нибудь двуногій гадъ рѣжетъ, грабитъ, жжетъ, мутитъ слабыхъ духомъ простаковъ, а съ нимъ, съ этой тварью, стоящей въ нравственномъ отношеніи ниже всякаго животнаго, сантиментальничаютъ, считая этого урода за несчастнаго, котораго нужно направить на истинный путь нравоученіями и нравственными воздѣйствіями. Отвратительную тварь, раскроившую голову младенцу ради только того, что онъ попался ему на глаза, когда онъ „при-

шивалъ“ прочихъ жертвъ своей кровожадности, судятъ, допрашиваютъ, оберегаютъ отъ оскорбленій толпы и въ концѣ-концовъ сажаютъ на казенную квартиру и на казенные хлѣба и начинаютъ считать его „несчастненькимъ“. Прочитайте письма Дорошевича о Сахалинѣ, такъ увидите,—какіе тамъ были гады, съ которыми возились да няньчились.

Такъ частенько разглагольствовалъ полковникъ по поводу событій переживаемаго нами періода. И что касается до меня, то я любовался этой прямой и честной, солдатской душой и мысленно всегда повторялъ, что если бы въ арміи было бы побольше такихъ людей, представлявшихъ собою какъ бы остатокъ прежнихъ поколѣній, то и въ эту войну наша армія оказалась бы на той же высотѣ своей доблести, на которую она была возведена своими почившими уже вождями, мирно спящими послѣ исполненнаго ими честно и безъ кривляній солдатскаго долга.

Наконецъ, уже передъ Рождественскими праздниками, я принужденъ былъ покинуть эту милую компанію артиллеристовъ и ѣхать, напутствуемый самыми добрыми пожеланіями.

На станціи Талайчжоу пришлось просидѣть нѣсколько часовъ въ ожиданіи поѣзда. Небольшой вокзалъ былъ биткомъ набитъ офицерами. Тутъ были все сибирскіе стрѣлки, зимовавшіе по сосѣдству съ этой станціей и приходящіе сюда коротать время. Разговоры всюду велись на тему о „читинской республикѣ“ и о томъ, что творили теперь революціонеры. Передавали съ возмущеніемъ о томъ, что здѣсь въ арміи недавно принимали какихъ-то представителей революціоннаго комитета, и о томъ, что командующій третьей арміей подвергся бойкоту въ томъ отношеніи, что революціонеры объявили, что не повезутъ его по желѣзной дорогѣ за то, что онъ на одномъ изъ праздниковъ сказалъ солдатамъ рѣчь, стараясь поддержать въ нихъ воинскій духъ; возмущались также и тѣмъ, что командующій тыломъ долженъ былъ уѣхать изъ Харбина не по желѣзной дорогѣ, а на Гиринъ и оттуда на Владивостокъ, опять таки въ силу того же бойкота. И все это были не вздорные слухи, а сущая правда, и командующій третьей арміей принужденъ былъ дѣйствительно какъ бы пробиваться силой, имѣя въ своемъ поѣздѣ, на всякій случай, даже пулеметы,—такъ, по крайней мѣрѣ говорили объ этомъ уже въ Читѣ. Съ возмущеніемъ офицеры говорили о томъ, что революціонеры заморозили множество паровозовъ на жел. дорогѣ, благодаря чему движеніе воинскихъ поѣздовъ задерживается ужасно. И это русскіе люди!—возмущались офицеры, и съ ними еще церемонятся, принимаютъ ихъ тутъ же въ арміи, для которой они сдѣлали такъ много зла, бесѣдуютъ съ ними, завтраками ихъ угощаютъ

и въ концѣ-концовъ ровнымъ счетомъ никакихъ мѣръ не принимаютъ:—безчинствуйте, молъ, голубчики, а мы здѣсь посидимъ и подождемъ, а пока что—не угодно ли позавтракать.

— „А я слышалъ, господа", вмѣшивается въ разговоръ пожилой капитанъ, съ Владиміромъ,—что хотятъ послать отсюда Ренненкампфа водворить порядокъ".

— „Было бы не дурно",—слышатся общія одобренія.

— „А я слышалъ",—вмѣшивается въ разговоръ другой офицеръ, что на—дняхъ посылаютъ въ Читу одну изъ дивизій".

— „Свѣжо преданіе, да вѣрится съ трудомъ",—слышатся суровые голоса: мы теперь кажется потеряли въ себѣ всякую иниціативу и предпочитаемъ нерѣшительность и бездѣйствіе всякой рѣшительности и быстротѣ, — не даромъ же со времени злополучнаго Мукдена и до самаго заключенія мира, мы простояли у Сыпингаевъ, Маймакаевъ и т. п. безъ всякаго порыва впередъ,—все больше назадъ оглядывались, да устраивали у себя въ тылу скатертью дорожку: что, молъ, если опять отступать придется. Нѣтъ, господа, отучили насъ отъ порыва впередъ, и теперь не такъ-то скоро мы раскачаемся.

Въ общемъ все это говорилось отъ души, и видно было, что эти люди дѣйствительно сбиты съ толку тѣмъ, что творилось на ихъ глазахъ.

Поздно ночью поѣздъ, снова перегруженный до предѣла разнымъ военнымъ людомъ, двинулся въ Харбинъ и часовъ въ 10 утра подходилъ къ декадентскому вакзалу. По обыкновенію здѣсь была толчея и давка. Къ военному элементу здѣсь примѣшались въ изрядномъ количествѣ женскія фигуры, въ необъятныхъ по величинѣ шляпахъ и со слоями бѣлилъ и румянъ на своихъ, по большей части еврейскаго тица, лицахъ. Вообще въ городѣ былъ огромный наплывъ женщинъ, которыя очень хорошо зарабатывали, выгягивая съ офицеровъ всѣ остатки отъ сбереженій, но борьба съ этимъ зломъ была, надо думать, безполезной и всегда, кажется, въ тылу арміи во время всякой войны находятъ себѣ выгодный заработокъ разныя личности, можду которыми женщинамъ легкаго поведенія должно быть отведено первое мѣсто. Но все же, если сравнивать турецкую войну на кавказскомъ театрѣ съ этой войной, то пальма первенства въ смыслѣ швырянія деньгами въ тылу арміи должна быть все же отдана этой войнѣ. Ни въ Александрополѣ, ни въ Тифлисѣ, помню, въ прошлую войну не было столь широкаго размаха, какъ было это въ Харбинѣ, гдѣ нерѣдко какой-нибудь юнецъ въ поручичьемъ чинѣ въ одинъ вечеръ ухитрялся спускать по 1.000 рублей, сбереженныхъ имъ на позиціи и ловко выужен-

ныхъ изъ его неглубокаго кармана представительницами „Веніами-нова колѣна“, послѣ чего ощипанный поручикъ и возвращался въ свой полкъ съ повѣшеннымъ носомъ и съ пустотой въ карманѣ.

Въ Харбинѣ слухъ о движеніи въ Читу одной изъ стрѣлковыхъ дивизій дѣйствительно подтвердился и, будучи у командующаго тыломъ—симпатичнаго и боевого артиллерійскаго генерала, я уже отъ него узналъ, что на-дняхъ для этой цѣли пойдетъ пятая В.-Сиб. стр. дивизія, полки которой во время войны показали себя съ самой лучшей стороны.

— Лучше всего,—говорилъ мнѣ командующій тыломъ: обождите прибытія сюда перваго эшелона этой дивизіи и тогда съ нимъ и поѣдете, иначе рискуете застрять гдѣ-нибудь на дорогѣ при современныхъ безпорядкахъ и безобразіяхъ. Конечно, я воспользовался этимъ благимъ совѣтомъ, началъ ждать прибытія перваго эшелона и только въ ночь съ перваго на второе января 1906 года, дождавшись этого эшелона, я очутился въ вагонѣ среди дружной семьи офицеровъ перваго батальона 17-го В.-Сиб. стр. полка. Тутъ же ѣхалъ и командиръ этого полка,—молодой, подвижной и энергичный полковникъ, украшенный георгіевскимъ крестомъ.—Дня черезъ 3—4 будемъ въ Читѣ, говорили между собою офицеры, когда поѣздъ покинулъ Харбинъ и понесся по скучнымъ манчжурскимъ равнинамъ, запорошеннымъ мелкимъ снѣгомъ и ничего, кромѣ тоски и печали не вызывающимъ въ душѣ. И дѣйствительно 3—4 дня намъ всѣмъ казались такимъ долгимъ промежуткомъ времени, въ теченіе котораго можно было смѣло доѣхать не только до Читы, но даже и до Иркутска; но „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“, говоритъ пословица, и въ данномъ случаѣ пришлось убѣдиться, что эта пословица создалась на основаніи вѣрныхъ наблюденій надъ жизнію, производимыхъ тысячелѣтнею народною мудростью. Вмѣсто предполагаемыхъ 3—4 дней намъ пришлось ѣхать въ теченіе почти 20-ти дней; на нѣкоторыхъ станціяхъ мы стояли по нѣсколько дней, задержанные распоряженіями, исходящими изъ поѣзда генерала Ренненкампфа, который шелъ значительно позади нашего эшелона. Во многихъ мѣстахъ были произведены аресты разныхъ интеллигентовъ, занимавшихся распространеніемъ смуты среди желѣзнодорожныхъ служащихъ; между этими интеллигентами попадались и израильтяне, и одинъ изъ нихъ, будучи приведенъ въ вагонъ, со страхомъ спрашивалъ—скоро ли его повѣсятъ.

Помню одинъ довольно комичный случай: на одной изъ станцій, во время продолжительной остановки, докладываютъ командиру полка о томъ, что какой-то субъектъ говоритъ солдатамъ разный вздоръ.

Пошелъ командиръ полка и видитъ, что среди толпы солдатъ стоитъ какой-то парень, съ глуповатымъ лицомъ, похожимъ на круглую сковороду.

— Ваше Высокоблагородіе,—говорятъ солдаты:—дозвольте арестовать человѣка N, онъ тутъ такое непутёвое говоритъ, что слушать срамно.

— Ты кто такой? обращается командиръ полка къ парню.

— Я сицилистъ—отвѣчаетъ парень, нисколько не смутившись и не снимая, конечно, шапки.

— Шапку сними, сицилистъ,—говоритъ ему полковникъ.

— Зачѣмъ я буду снимать, когда ей на головѣ мѣсто?

— А ну ка, — обращается полковникъ къ унтеръ-офицеру,— сними-ка, братъ, съ него шапку.

Шапка летитъ далеко въ сторону; лицо парня становится совсѣмъ глуповатымъ, среди солдатъ слышится дружный смѣхъ.

— Ну, а теперь я съ тобой буду говорить.

— Теперь объясни мнѣ толкомъ, кто ты такой,—снова спрашиваетъ полковникъ.

— Сицилистъ,—упорно стоитъ на своемъ эта „круглая сковорода".

— Какой такой сицилистъ,—допрашиваетъ полковникъ, говорю: объясни толкомъ.

— Извѣстно какой, теперь всѣ сицилистами стали, такой и я сицилистъ.

— Связать этого господина!—приказываетъ полковникъ, да посадить въ холодный вагонъ, авось поумнѣетъ.

Приказаніе быстро исполнено, и „сицилистъ" водворенъ въ холодный вагонъ.

— Такъ съ энтимъ народомъ и надо поступать,—говорятъ, расходясь, солдаты.

— А я бы и еще ему штукъ 50 шемполовъ бы всыпалъ, чтобы чувствительнѣе было,—добавляетъ другой.

— Мерзавцы, только мутятъ, чтобы имъ колъ осиновый въ глотку.

Подъ аккорды такихъ пріятныхъ созвучій, парня запираютъ въ вагонъ, въ которомъ онъ и проводитъ въ уединеніи цѣлую ночь, а на слѣдующее утро начинаетъ слезно просить о помилованіи, завѣряя всѣхъ, что никогда не будетъ такимъ дуракомъ, какимъ былъ до сихъ поръ.

Конечно, большинство забастовщиковъ и были именно такими „сицилистами", какимъ показалъ себя этотъ глуповатый парень, но между интеллигентами попадались люди убѣжденные, вѣрившіе въ правоту своихъ воззрѣній, а главнымъ образомъ и въ то, что если ихъ химеры осуществятся на дѣлѣ, то они съумѣютъ извлечь для

себя личную пользу. Эти интеллигенты были, повидимому, непоколебимо увѣрены, во-первыхъ, въ правотѣ своего дѣла, а во-вторыхъ и въ томъ, что ихъ дѣло вѣрное и уже поставлено на прочномъ основаніи, такъ что разорить воздвигнутое ими зданіе очень нелегко.—Здѣсь, говорили они: на маленькихъ станціяхъ, конечно, наша организація слаба, а вотъ погодите, еще посмотримъ, какъ-то встрѣтитъ васъ Чита, и видимо на такъ называемую „читинскую республику“ они возлагали большія надежды и считали, что тамъ свито не только гнѣздо революціи, но и построена крѣпость этого движенія. По дорогѣ до насъ то и дѣло доходили свѣдѣнія о томъ, что въ нѣсколькихъ верстахъ недоѣзжая Читы революціонерами занята и хорошо укрѣплена позиція, на которой стоятъ пушки и пулеметы, и что мы должны ожидать подобающей встрѣчи. Кѣмъ-то распространенъ былъ и такой слухъ, что при нашемъ приближеніи намъ навстрѣчу будетъ пущенъ паровозъ, который и произведетъ крушеніе нашего поѣзда. Конечно, никто изъ насъ не относился къ этимъ слухамъ какъ къ чему-то безусловно вѣрному, но въ то же время никто не считалъ все это и за вздоръ, потому что и въ самомъ дѣлѣ — развѣ тутъ было что-нибудь неправдоподобное и почему нельзя было допустить осуществленія всѣхъ этихъ мѣръ со стороны толпы, взвинченной нѣсколькими десятками фанатиковъ, быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ готовыхъ „лечь костьми“ за свои убѣжденія.

Верстахъ въ 70 отъ Читы нашъ эшелонъ нагналъ поѣздъ, нагруженный вторымъ батальономъ полка, и съ этимъ поѣздомъ слѣдовалъ какъ начальникъ передвигаемой дивизіи со своимъ штабомъ, такъ равно и вновь назначенный забайкальскимъ губернаторомъ генералъ Сычевскій, который тутъ же и рѣшилъ пересѣсть на нашъ поѣздъ, съ тѣмъ, чтобы прибыть въ Читу во главѣ войскъ.

Здѣсь въ первый разъ я познакомился съ этимъ благороднѣйшимъ человѣкомъ и всегда буду благодаренъ судьбѣ за то, что она въ это тяжелое время подчинила меня такому разумному, симпатичному и внушающему къ себѣ полное уваженіе человѣку, какимъ былъ Аркадій Валеріановичъ Сычевскій. Это былъ еще молодой человѣкъ, съ очень пріятной и влекущей къ себѣ внѣшностью, мягкій, деликатный, но въ то же время твердый и мужественный. Грудь генерала была украшена георгіевскимъ крестомъ, который онъ получилъ въ то время, когда, командуя полкомъ, показалъ свою храбрость и доблесть въ періодъ шахейскихъ боевъ. Говорили, что онъ-то и былъ настоящимъ героемъ такъ называемой „Путиловской сопки“, но почему эта сопка названа не его именемъ—про это распространяться не буду, такъ какъ фактъ этотъ, вѣроятно,

уже извѣстенъ большинству участниковъ войны, отъ себя же добавлю, что только въ скромности этого человѣка нужно искать причину этого факта.

Эти послѣднія 60—70 верстъ, помню, мы тоже плелись довольно долго и только лишь поздно вечеромъ 19-го января, когда было уже совершенно темно и былъ страшный морозъ, поѣздъ нашъ подошелъ къ Песчанкѣ,—мѣстности верстахъ въ 8-ми недоѣзжая Читы, гдѣ было построено множество бараковъ для госпиталей, въ которыхъ теперь предполагалось размѣстить два полка прибывающей дивизіи.

Поѣздъ остановился, и люди начали выходить изъ вагоновъ. „Пріѣхали въ чортово болото“, говорили солдаты, выходя изъ своихъ теплушекъ и выгружая свой скарбъ.

Часа черезъ два выгрузка была окончена, и генералъ Сычевскій рѣшилъ сейчасъ же, съ этимъ же поѣздомъ и съ одной ротой, ѣхать въ Читу съ тѣмъ, чтобы приступить къ дѣйствію, не теряя ни минуты. О своихъ планахъ и намѣреніяхъ онъ никому изъ насъ не сказалъ, и въ этомъ проглядывала конечно его твердая воля, которая не нуждалась въ трудную минуту ни въ чьихъ совѣтахъ. Очень нерѣдко колеблющійся человѣкъ передъ трудной минутой, требующей отъ него рѣшительности въ дѣйствіяхъ,—все же не выдержитъ и сообщитъ свой планъ хотя бы даже одному—самому приближенному человѣку, желая въ то же время выслушать его взглядъ на дѣло, но генералъ Сычевскій рѣшалъ самъ и ни съ кѣмъ не говорилъ о своемъ рѣшеніи.

Часовъ въ 11 ночи поѣздъ нашъ, въ которомъ осталась только одна рота стрѣлковъ, отошелъ отъ Песчанки и понесся къ Читѣ, куда и прибылъ очень скоро и безъ всякихъ приключеній.

Мы вышли на площадку вокзала, который былъ погруженъ въ полное безмолвіе и, казалось, что на вокзалѣ не было ни души. Морозъ былъ жесточайшій, и единственный человѣкъ, который встрѣтилъ вновь прибывшаго губернатора, былъ жандармскій унтеръ-офицевъ,—мужчина очень высокаго роста, отъ котораго и узнали, что бывшій губернаторъ помѣщается въ домѣ—тутъ же у вокзала,—вонъ тамъ, на той сторонѣ площади,—указалъ жандармъ на слабо освѣщенныя окна губернаторскаго дома.

Верстахъ въ двухъ, дальше за городомъ на другомъ берегу рѣки Читинки, былъ устроенъ другой вокзалъ, откуда несся оглушительный ревъ парового гудка и казалось, что какое-то огромное чудовище реветъ въ морозной ночной мглѣ, какъ бы страдая и тоскуя отъ стужи. Гудокъ ревѣлъ однообразно, завывая и казалось, не будетъ конца этому дикому и все потрясающему воплю.

— Это они на митингъ собираются, пояснилъ жандармъ; прознали, значитъ, что войско подошло и вотъ сборъ затрубили; тутъ завсегда эти митинги по этому гудку собираются и сколько тамъ этого народу,—забастовщиковъ этихъ,—такъ страсть и всѣ съ ружьями; сказываютъ, и пулеметы у нихъ припасены. Такъ пояснялъ мнѣ жандармъ на мой вопросъ по поводу могучаго рева парового гудка.

На этомъ, такъ называемомъ,—„Дальнемъ вокзалѣ", гдѣ теперь ревѣлъ гудокъ, и было сосредоточеніе революціонеровъ и забастовщиковъ. Огромныя зданія мастерскихъ они превратили въ крѣпость, забаррикадировавъ окна и двери; свезли туда множество боевыхъ и жизненныхъ припасовъ и рѣшили обороняться въ этой крѣпости на жизнь и на смерть, имѣя въ своемъ распоряженіи до 4.000 вооруженныхъ 3-хъ линейными винтовками бойцовъ и большіе запасы динамита и прочихъ взрывчатыхъ веществъ и оружія.

Такова въ общихъ чертахъ была обстановка. Пламя пожара, не потушенное въ самомъ началѣ, разгорѣлось съ невѣроятной силой и теперь тушить его было не такъ-то легко, и просто, какъ это могло казаться.

Мы пошли къ дому губернатора черезъ пустынную и погруженную во мракъ площадь. Позади насъ, тяжело отбивая шагъ по морозной почвѣ, двигалась рота стрѣлковъ, и въ ночномъ мракѣ казалось, что это двигается не какая-нибудь ничтожная часть, а что идетъ цѣлая громада солдатъ, одѣтыхъ въ неуклюжія и тяжелыя папахи,—идетъ сурово, безмолвно, какъ какая-то грозная сила.

И дѣйствительно эта горсточка людей состояла большею частью изъ закаленныхъ бойцовъ, испытавшихъ на себѣ всѣ тяжести войны отъ самаго ея начала, и въ этомъ отношеніи они дѣйствительно являли собою грозную силу, съ которой можно было пуститься въ опасное предпріятіе и быть увѣреннымъ въ томъ, что эта сила не выдастъ.

Губернатора мы застали въ очень удрученномъ и подавленномъ состояніи. Конечно, все то, что творилось теперь въ раіонѣ его власти, въ соединеніи съ постигшимъ его, на-дняхъ, семейнымъ горемъ, не могло способствовать бодрому настроенію этого человѣка и послѣ часовой бесѣды съ нимъ у насъ осталось одно только грустное впечатлѣніе той подавленности, которая, само собою, не располагала къ проявленію энергіи въ дѣйствіяхъ.

Узнавъ отъ губернатора, что въ нашемъ распоряженіи есть огромная квартира, въ которой жилъ начальникъ областного штаба, мы и пошли туда, имѣя въ виду въ зданіи штаба расположить

и сопровождавшую насъ роту, люди которой сильно промерзли на ночной стужѣ.

Темнота была непроглядная; улицы этого унылаго города почти не освѣщались, и мы шли, сопровождаемые полицеймейстеромъ, который указывалъ намъ дорогу и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомилъ новаго губернатора со всѣмъ тѣмъ, что для него было интересно.

Гудокъ на дальнемъ вокзалѣ по-прежнему продолжалъ ревѣть, и полицеймейстеръ высказалъ предположеніе, что вѣроятно плохо собираются на митингъ, иначе бы, если бы собрались всѣ, то гудокъ замолкъ бы. Пропутешествовавъ по темнымъ улицамъ, мы наконецъ подошли къ зданію областного штаба, представлявшему собою огромный двухъ-этажный, деревянный домъ, въ которомъ, хотя и не особенно свободно, но все же могла размѣститься прибывшая съ нами рота. На дворѣ помѣщался другой домъ—одноэтажный и очень обширный, предназначенный для квартиры начальника штаба, и вотъ сюда-то мы и направились. Это была неуютная и непривѣтливая хоромина, съ огромными комнатами, обитыми темнымъ ситцемъ, благодаря чему свѣтъ внесенныхъ сюда лампъ положительно не распространялся и освѣщалъ только небольшую часть пространства, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ лампой.

Здѣсь же я, сверхъ всякаго ожиданія, встрѣтилъ и своего Петрова, котораго я такъ тщетно звалъ на пустынномъ полустанкѣ и который, потерявъ меня самъ, благодаря присущей ему сметкѣ и расторопности, съумѣлъ добраться до Читы и уже внѣдрился именно туда, куда было нужно. Встрѣча эта меня, помню, обрадовала потому, что я уже началъ сильно безпокоиться за участь Петрова, писалъ по пути разнымъ комендантамъ, прося ихъ направлять Петрова, буде такой солдатъ (носъ и ротъ умѣренный и т. д.) объявится на одной изъ станцій, а тутъ оказалось, что самъ Петровъ, съ своимъ умѣреннымъ ртомъ и носомъ, предсталъ предо мною и доложилъ, что все, молъ, обстоитъ благополучно и это „благополучно“ въ такомъ далеко неблагополучномъ мѣстѣ, хотя и прозвучало какимъ-то диссонансомъ, но въ немъ было что-то отрадное—успокоительное.

Сейчасъ же были приглашены нѣкоторые представители власти въ Читѣ и командиръ полка, не задолго передъ этимъ прибывшій съ полкомъ изъ арміи въ Читу. Еще на дорогѣ мы слышали, что полкъ этотъ представляетъ собою надежную силу, находящуюся въ надежныхъ рукахъ, и дѣйствительно, когда генералъ Сычевскій обратился къ командиру полка и спросилъ—ручается ли онъ за свой полкъ, то полковникъ тотчасъ же отвѣтилъ въ утвердительномъ

тонѣ. Этого только и нужно было новому губернатору. Видимо обрадованный этимъ извѣстіемъ, онъ сказалъ, обращаясь къ командиру полка: „въ такомъ случаѣ потрудитесь сейчасъ же привести полкъ съ боевыми патронами, и я самъ поведу его на дальній вокзалъ возстановить порядокъ".

Но тутъ произошла непріятная заминка. Командиръ полка, видимо не ожидавшій ничего подобнаго, началъ говорить, что хотя полкъ и надежный, но благодаря тому, что въ его составъ въ послѣднее время прибыло много бунтовавшихъ матросовъ, онъ положительно не можетъ ручаться за успѣхъ дѣйствій, тѣмъ болѣе въ ночное время. Не думаю, конечно, чтобы командиръ полка этимъ какъ бы отказывался отъ предлагаемаго образа дѣйствій. Это былъ боевой человѣкъ, какъ потомъ говорили, человѣкъ, пользовавшійся любовью своихъ солдатъ и авторитетомъ среди своихъ подчиненныхъ, но и дѣйствительно онъ могъ быть поставленъ въ затруднительное положеніе въ виду той важной отвѣтственности, которая невольно приближалась къ нему въ данный моментъ. Эти бунтари-матросы, которыхъ тогда разсовывали по многимъ доблестнымъ полкамъ, честно и по присягѣ несшимъ свою трудную боевую службу въ теченіе войны, дѣйствительно не могли не внести нѣкоторой расшатанности въ дисциплинѣ, и всѣ офицеры перекрестились теперь и вздохнули свободнѣе, когда эта накипь, проникшая въ поры организма арміи, теперь, слава Богу, испарилась, но еще, Богъ знаетъ, быть можетъ и теперь придется немало повозиться съ вопросомъ окончательнаго оздоровленія организма арміи, т. к. гангрена, какъ извѣстно, не всегда проходитъ послѣ того, какъ вырѣзана зараженная часть тѣла.

Въ данномъ случаѣ я нисколько не хочу бросать тѣнь на командира доблестнаго полка, очутившагося въ этомъ отвѣтственномъ положеніи; онъ и долженъ былъ предупредить о томъ, что въ организмъ его полка привита отвратительная гангрена, съ которой такъ или иначе но нужно было считаться, а тѣмъ болѣе при условіи дѣйствій въ ночное время. Страшно даже и подумать, что бы могло произойти, если бы эти ночныя дѣйствія не привели бы къ желательнымъ результатамъ. Срамъ, позоръ, подъемъ духа въ революціонномъ лагерѣ—это все такія бѣды, послѣдствія которыхъ трудновато было бы исправить.

Въ виду всего этого было рѣшено отложить дѣйствія до утра, а потому генералъ Сычевскій и приказалъ командиру полка привести полкъ къ 9 часамъ утра, намѣреваясь вести его къ вокзалу на штурмъ образовавшагося тамъ „форта Шаброль". Объ этомъ генералъ Сычевскій такъ же донесъ и начальнику прибывшей на

Песчанку дивизіи, который остался съ первымъ эшелономъ на Песчанкѣ, будучи назначенъ на должность вр. генералъ-губернатора и командующаго войсками въ Забайкальѣ.

Въ ожиданіи разсвѣта, мы рѣшились немного отдохнуть и, закусивъ чѣмъ Богъ послалъ, легли спать въ мрачныхъ и пустыхъ „сараяхъ“ квартиры начальника областного штаба. Помню, я долго не могъ уснуть. Воспоминанія о пережитомъ давили мозгъ какимъ-то кошмаромъ. Вотъ такая же темная и холодная ночь ровно годъ тому назадъ была и у деревни Чжантань, у которой полкъ, которымъ я командовалъ, занималъ окопы и лежа въ нихъ перестрѣливался съ невидимымъ врагомъ. Помню, ровно годъ тому назадъ, какъ разъ въ этотъ же часъ было получено приказаніе о томъ, что полкъ, въ числѣ прочихъ частей нашего корпуса, долженъ штурмовать деревню Чжантань-Хенань. Никогда эта лихая и молодецкая атака не изгладится изъ моей памяти, и теперь мнѣ ясно припомнилось, какой неудержимой волной, съ крикомъ „ура“ и безъ выстрѣла, мы стремились къ занятой японцами деревнѣ, какъ падали убитые и раненые, корчась въ мукахъ, а лавина наша грозно катилась и катилась къ деревнѣ. Вотъ-вотъ уже близко. Господи, помоги добѣжать. И мы добѣжали и ворвались въ деревню, оставивъ назади себя нѣсколько сотъ павшихъ съ честью воиновъ. Да, это была поистинѣ суворовская атака, показавшая только то, что если бы мы не оборонялись, а всегда наступали, то, вѣроятно, результаты войны были бы не столь печальны. Вотъ и теперь—черезъ нѣсколько часовъ, намъ предстоитъ такая же атака, но только не Чжантань-Хенани, занятой японцами, а Читинскаго вокзала, построеннаго не на Манчьжурской территоріи, а на своей же русской землѣ и занятаго не японскими солдатами, а своими же русскими людьми, у которыхъ бѣсъ затмилъ разумъ, и они обратились во враговъ своего же отечества и вынудили по отношенію себя примѣненіе такихъ мѣръ, какъ сила оружія. Не вѣрилось какъ-то, что все это происходитъ въ дѣйствительности, но это былъ не сонъ, а самая настоящая и при томъ очень печальная дѣйствительность.

Помню, уже передъ самымъ разсвѣтомъ, дремавшему со мною въ комнатѣ Аркадію Валеріановичу принесли телефонограмму изъ Песчанки отъ начальника дивизіи, которой онъ категорически приказывалъ до прибытія генерала Ренненкампфа отнюдь никакихъ активныхъ дѣйствій не предпринимать. Чѣмъ было вызвано это распоряженіе, не знаю, но въ данномъ случаѣ приходилось повиноваться, а потому сейчасъ же командиру полка и было послано соотвѣтствующее приказаніе, и мы уснули до наступленія утра.

Съ разсвѣтомъ генералъ Сычевскій рѣшилъ прибѣгнуть къ со-

вершенно неожиданному и крайне для себя рискованному образу дѣйствій: онъ объявилъ, что если его не пускаютъ дѣйствовать противъ революціонеровъ силою оружія, каковыя дѣйствія онъ считалъ при данныхъ обстоятельствахъ самыми раціональными (глазомѣръ, быстрота и натискъ) и полезными въ моральномъ отношеніи, то онъ попытаетъ теперь воздѣйствовать на этихъ людей силою слова и попробуетъ убѣдить ихъ не допускать кровопролитія.

Для этого онъ рѣшилъ сейчасъ же ѣхать на дальній вокзалъ, гдѣ пригласить къ себѣ главарей революціоннаго движенія и поговорить съ ними, дабы склонить ихъ къ повиновенію власти. Рѣшеніе было очень смѣлое, но вполнѣ достойное личности этого выдающагося начальника и человѣка. Ѣдучи въ самое гнѣздо революціонеровъ, онъ конечно рисковалъ, во-первыхъ, быть разстрѣленнымъ еще на дорогѣ, т. к. никто не мѣшалъ этой фанатически настроенной толпѣ, вооруженной современнымъ оружіемъ и даже, какъ говорили, и пулеметами—пустить все это въ ходъ по ѣдущему къ нимъ генералу, а во-вторыхъ, эти господа могли узнать, что къ нимъ пріѣхалъ самъ губернаторъ и арестовать его и, продержавъ его въ видѣ заложника до прибытія генерала Ренненкампфа, попытаться затормозить и рѣшительныя дѣйствія этого генерала угрозою казни ихъ узника. Помню, по окончаніи уже всѣхъ бурныхъ событій, приходилось нерѣдко слышать разговоры про то, что гг. революціонеры сильно сожалѣли о томъ, что не арестовали губернатора, когда это такъ легко было сдѣлать. Не знаю—чѣмъ въ самомъ дѣлѣ объяснить подобное упущеніе съ ихъ стороны, но думаю, что формула: „Никто, какъ Богъ“ есть единственное объясненіе этого счастливаго для Аркадія Валеріановича и всѣхъ насъ, бывшихъ съ нимъ, исхода. Все это могло случиться, но рѣшеніе генерала Сычевскаго было неизмѣнно. Сравнивая какъ въ данномъ случаѣ, такъ и вообще въ продолженіе всей послѣдующей дѣятельности этого генерала на посту военнаго губернатора, его образъ дѣйствій съ образомъ дѣйствій, обыкновенно практикуемымъ, невольно приходится воздать должное той рѣшительности и быстротѣ, каковыя всегда проходили красной нитью въ дѣятельности этого человѣка. Скажу кратко: генералъ Сычевскій не имѣлъ обыкновенія садиться за письменный столъ тогда, когда обстоятельства дѣла требовали его личнаго присутствія тамъ, гдѣ это присутствіе было неминуемо сопряжено съ опасностью его жизни. Въ такихъ случаяхъ нерѣдко генералъ Сычевскій летѣлъ къ мѣсту происшествія даже безъ конвоя, а просто садился на перваго попавшагося ему извозчика и мчался въ даль, а конвой уже потомъ карьеромъ догонялъ его, при чемъ нерѣдко заставалъ уже его въ самомъ центрѣ безпорядка.

Такъ и теперь генералъ рѣшилъ ѣхать, и ровно въ 9-ть часовъ утра пара сытыхъ штабныхъ лошадей понесла насъ по ровному снѣжному полю по направленію къ вокзалу. Позади насъ ѣхали жандармскій ротмистръ Б., полицеймейстеръ П. и адъютантъ губернатора, поручикъ Р., вмѣстѣ съ нимъ прибывшій въ Читу. Нашъ кортежъ замыкали 10 молодцовъ конныхъ охотниковъ, лихо скакавшихъ на своихъ маленькихъ маньчжурскихъ лошадкахъ и едва поспѣвавшихъ за нами, потому что штабный кучеръ Алексѣй, какъ потомъ оказалось, не имѣлъ привычки ѣздить тихо, и всегда, сѣвъ на облучекъ какъ-то немного бокомъ „для крѣпости“, какъ онъ говорилъ, онъ подхватывалъ вожжи и пускалъ лошадей полнымъ ходомъ, не очень приноравливаясь при этомъ къ качествамъ дороги. Такъ было и теперь: коренникъ чесалъ полной иноходью, а сытая и красивая пристяжная, свившись въ кольцо, махала за коренникомъ полнымъ галопомъ. Вздымаемый копытами снѣгъ хлесталъ намъ въ лицо, и мы съ необычайной быстротой неслись по направленію къ вокзалу. Вотъ уже ясно видны громадныя постройки депо и мастерскихъ, окруженные со всѣхъ сторонъ разнохарактерными каменными и деревянными домами и домиками. А что, если вотъ-вотъ сейчасъ изъ-за какого-нибудь закрытія вдругъ загрохочетъ канонада, или заговорятъ пулеметы—подобно тому, какъ это было годъ тому назадъ при штурмѣ Чжантань-Хенани, невольно вертѣлась навязчивая мысль: „вѣдь тогда немного отъ всѣхъ насъ останется, и всѣ мы, конечно, не исключая нашихъ лошадей и молодца Алексѣя, будемъ исключены изъ числа обитателей нашей планеты. Алексѣй, видимо, объ этомъ не помышлялъ, онъ по-прежнему лихо сидѣлъ на облучкѣ и по справедливости „раздавалъ награды“ при помощи кнута своимъ четвероногимъ подчиненнымъ, подбадривая ихъ, если это по его мнѣнію было нужно къ болѣе рачительному исполненію ихъ обязанностей—тѣмъ же инструментомъ.

Все ближе и ближе до вокзала, и почему-то вдругъ начинаешь вѣрить въ то, что никакой стрѣльбы не будетъ и даже и быть не можетъ, вѣдь тамъ въ самомъ дѣлѣ не японцы, а свои же русскіе люди, съ которыми случилось какое-то дикое недоразумѣніе и которые всегда готовы раскаяться въ своихъ поступкахъ для того, чтобы снова стать такими же русскими гражданами, какими они были до того времени, пока не смутилъ ихъ чортъ. Вотъ уже и первыя постройки вокзальной слободы, небольшіе чистенькіе, деревянные домики смотрятъ ласково и привѣтливо и какъ-будто бы говорятъ намъ: добро пожаловать, добрые люди,—мы всегда рады васъ видѣть. Мы поѣхали по длиннымъ улицамъ предмѣстья; ничто

не напоминало здѣсь тревожнаго времени; видимо, жизнь текла своимъ чередомъ, и мнѣ почему-то невольно вспомнилось мѣсто изъ „Разгрома“ Золя; когда передъ началомъ сраженія подъ Седаномъ на поле выѣхалъ какой-то пахарь и началъ преспокойно дѣлать свое мирное дѣло, руководствуясь той истиной, что громъ пушекъ не имѣетъ ничего общаго съ ростомъ пшеницы. Здѣсь было то же. Революціонеры распинались въ разрѣшеніи какихъ-то неразрѣшимыхъ вопросовъ и готовились даже пролить кровь за свои убѣжденія, а жизнь текла своимъ чередомъ. Также, какъ и всегда, по улицамъ предмѣстья ходили стаи голубей, такъ спокойно слетая съ дороги и тогда только, когда переднія ноги нашихъ скакуновъ едва не касались ихъ; стаи воробьевъ, подбирая всякій соръ, весело щебетали; бродили собаки, апатично посматривавшія на нашу скачущую кавалькаду и какъ бы раздумывая—лаять, молъ, на нихъ, или оставить въ покоѣ этихъ сумасшедшихъ, такъ бѣшено несущихся по улицѣ, и такъ какъ большинство изъ этихъ симпатичныхъ четвероногихъ тварей обладали, вѣроятно, философскимъ складомъ мышленія, то онѣ молча сторонились отъ насъ, при чемъ на ихъ мордахъ была написана приблизительно такая мысль: чего же тутъ лаять, все равно этихъ дьяволовъ лаемъ не остановишь. Но были между ними и не очень глубокіе философы, а самыя заурядныя твари; эти съ ожесточеніемъ старались забѣжать впередъ нашихъ лошадей и остановить ихъ угрозою ухватить за морды, при чемъ эти угрозы конечно сопровождались ожесточеннымъ лаемъ; но и эти, видя полную безуспѣшность своего порыва, отбѣгали къ своимъ умнымъ товарищамъ, какъ бы спрашивая съ ихъ стороны одобренія своему легкомыслію, но физіономіи „философовъ“ оставались попрежнему мрачны, изъ чего и можно было заключить о ихъ неподкупности въ смыслѣ всякаго легкомысленнаго образа дѣйствій.

Такъ же, какъ и всегда, были открыты разныя мелочныя лавчонки, обладатели которыхъ—„собиратели дани“ съ покупателей, надувая ихъ вѣроятно по издревле заведенному обычаю. Въ окнѣ одного изъ домовъ я мелькомъ замѣтилъ самоваръ, вокругъ котораго сидѣли какіе-то люди и вѣроятно „баловались чайкомъ“,—такъ же по заведенному обычаю. Все было мирно и невольно навязывался вопросъ:—гдѣ же собственно эта самая революція, про которую было такъ много самыхъ разнообразныхъ толковъ.

Вскорѣ однако мы миновали эту мирную улицу предмѣстья и, обогнувъ большую площадь, заставленную вагонными и паровозными колесами, въѣхали въ раіонъ расположенія вокзальныхъ построекъ. Здѣсь картина хотя и измѣнилась нѣсколько, но все же она носила болѣе мирный, нежели возбужденный характеръ, и если бы

не какіе-то вооруженные люди, бродящіе по улицѣ и мрачно, съ сознаніемъ своего достоинства провожающіе насъ глазами, то и здѣсь, говорю, можно было бы совершенно забыть про все то, чѣмъ была переполнена душа. Вотъ навстрѣчу бредетъ невѣрными и заплетающимися шагами какой-то подгулявшій обыватель и самъ съ собою разговариваетъ на какую-то, только для него понятную, тему, нисколько не обращая на насъ вниманія. Вотъ изъ одной изъ лавченокъ „честью попросили“ другого такого же обывателя, и этотъ, съ глупымъ выраженіемъ на пьяной физіономіи, начинаетъ поднимать свалившуюся съ косматой головы шапку, посылая „добрыя пожеланія“ хозяину лавки за ласку и привѣтъ. Только, говорю, эти вооруженные субъекты и наводили уныніе, заставляя вспоминать про то, что мы теперь попали на бочку съ порохомъ, въ которую стоитъ только бросить ничтожный тлѣющій уголекъ для того, чтобы произошелъ страшный взрывъ, разметывающій въ клочья все то, что находится на линіяхъ сопротивленія.

Вглядываясь въ лица этихъ вооруженныхъ людей, я вынесъ слѣдующее впечатлѣніе, которое, быть можетъ, было и ошибочнымъ. Мнѣ казалось, что всѣ эти люди, таскающіе неумѣло на своихъ плечахъ тяжелыя солдатскія винтовки со штыками, хотя и старались придать своимъ физіономіямъ строгій и внушительный видъ, хотя и измѣряли насъ, проѣзжающихъ мимо нихъ, якобы непривѣтливыми и озлобленными взорами, но почему-то я видѣлъ въ нихъ дѣтей, затѣявшихъ игру въ „казаки-разбойники“. Дѣти такъ же бываютъ необыкновенно важны, когда, вооружившись деревянными ружьями и саблями, начинаютъ изображать собою казаковъ или разбойниковъ, и я думаю, что если бы дать имъ возможность разыграть игру между тѣми и другими до конца, то они такъ вошли бы въ свои роли, что и въ самомъ дѣлѣ, считая себя молодцами-казаками и лихачами-разбойниками, начали бы квасить другъ другу носы и украшать физіономіи радужными подтеками, въ просторѣчіи именуемыми „фонарями“. Если старшіе не желаютъ такого дикаго финала этой занятной забавы, то, конечно, они должны заблаговременно принять мѣры къ предотвращенію столкновенія воюющихъ сторонъ, иначе и дѣти временно превратятся въ злыхъ и задорныхъ звѣрковъ, жаждущихъ пролитія крови.

Такъ и теперь: въ этихъ бородатыхъ и совсѣмъ юныхъ людяхъ, вооруженныхъ винтовками, чувствовалось что-то наивное—дѣтское, и казалось, что они очень заняты той игрой, въ которую имъ позволили поиграть, но что они сейчасъ же послушаютъ строгаго окрика рачительнаго педагога, который, благоразумія ради, не захочетъ допустить ихъ до свалки, дабы они не понаставили бы себѣ

фонарей подъ глазами. Всѣ эти люди по умственному своему складу очевидно нисколько не стояли выше того глуповатаго парня, который на одной изъ станцій гордо именовалъ себя „сицилистомъ“, но, будучи посаженъ въ холодный вагонъ, быстро рѣшилъ отречься отъ этого, какъ казалось ему прежде, почетнаго званія. Эти люди были страшны только потому, что они были не умны и ихъ очень легко было подбить на что угодно, и я думаю, стоило только одному изъ нихъ крикнуть: „бей ихъ—чаво смотришь“, какъ всѣ они начали бы палить изъ своихъ винтовокъ не потому, что они были до безконечности злы, а только потому, что этотъ окрикъ разрѣшилъ имъ начать ту игру, къ которой они готовились съ дѣтскимъ пыломъ. Точно такъ же, если бы своевременно кто нибудь примѣнилъ бы по отношенію ихъ крутыя мѣры и сказалъ бы: „шабашъ“—а главарей и зачинщиковъ наказалъ бы за ихъ шалости, то эта „игра“ прекратилась бы очень скоро. Не всѣ, конечно, между этими людьми были таковы,—нѣтъ, здѣсь, внѣ всякаго сомнѣнія, были и убѣжденные фанатики, но ихъ было значительное меньшинство, большею же частью всѣ эти люди были только „сицилисты“, подобные выше описанному глуповатому парню. И я убѣжденъ, что если бы въ самомъ началѣ этого пресловутаго движенія, нашелся бы такой человѣкъ, который строго прикрикнулъ бы на смутьяновъ, то былъ бы и смутѣ конецъ, но къ сожалѣнію такого человѣка не нашлось тогда, когда именно онъ былъ нуженъ.

Сопровождаемые этими непривѣтливыми взглядами „бородатыхъ дѣтей“ и барано-подобныхъ юношей, увлеченныхъ правомъ таскания на плечахъ солдатскихъ винтовокъ (хорошо бы было, если бы къ этимъ господамъ можно было бы примѣнить солдатскую муштру, въ полномъ и строжайшемъ значеніи этого слова,—это отбило бы у многихъ охоту играть въ солдатики), мы подъѣхали къ какой-то конторѣ и, войдя въ комнату, застали въ ней господина, который сидѣлъ за письменнымъ столомъ и былъ занятъ бумагами.

И здѣсь, подумалъ я, жизнь идетъ по-прежнему, и люди продолжаютъ скрипѣть перьями и читать разныя входящія и исходящія.

Вѣжливо поздоровавшись съ нами, господинъ, который былъ, если не ошибаюсь, какимъ-то главнымъ чиновникомъ въ этой желѣзнодорожной конторѣ, освѣдомился о цѣли нашего пріѣзда и, узнавъ, что генералъ Сычевскій желаетъ видѣть и говорить съ вожаками революціоннаго движенія—тутъ же назвалъ нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ и сказалъ, что онъ сейчасъ пригласитъ ихъ сюда. Сказавъ это, онъ вышелъ въ прихожую, но, черезъ минуту вернувшись, съ нѣкоторой дрожью въ голосѣ, сказалъ: „а они и сами уже пришли и всѣ вооруженные—ихъ тамъ человѣкъ 10“.

— Вы позволите мнѣ на время занять вашъ кабинетъ? — спросилъ ген. Сычевскій у чиновника и, получивъ вѣжливое разрѣшеніе, снялъ съ себя шашку и, поставивъ ее въ уголъ, попросилъ и насъ всѣхъ сдѣлать то же и пройти въ сосѣднюю комнату, дабы оставить его одного для переговоровъ.

Когда мы начали снимать шашки, то въ комнату входили уже вооруженные люди, которые, увидѣвъ, что генералъ, снявъ оружіе, ставитъ его въ уголъ комнаты, какъ-бы устыдились, и посовѣщавшись, вышли въ прихожую и, оставивъ тамъ свои винтовки, снова вернулись къ комнату, мы же всѣ, за исключеніемъ генерала, вышли въ сосѣднее помѣщеніе, въ которомъ занимались чиновники, встрѣтившіе насъ очень удивленными вопросительными взглядами.

Какъ потомъ разсказывалъ генералъ Сычевскій, между всѣми этими представителями революціонеровъ только и былъ одинъ человѣкъ, повидимому, довольно образованный и начитанный; кажется, это былъ студентъ какого-то университета, который собственно и велъ переговоры, остальные были здѣсь въ качествѣ статистовъ. Это были люди почти безъ всякаго образованія и, судя по тѣмъ репликамъ, которыя они только временами вставляли въ разговоръ, можно было заключить, что и умственный горизонтъ этихъ людей былъ далеко нешироко и эти „сицилисты“ были нечто иное, какъ глуповатые субъекты, напичканные высокопарными фразами о равенствѣ, свободѣ и прочихъ глубокихъ понятіяхъ, которыя при современномъ скотоподобномъ состояніи нравственнаго уровня человѣческихъ обществъ производятъ впечатлѣнія какой-то небесной симфоніи, разыгрываемой въ свиномъ хлѣву.

Велерѣчивый и пропитанный до мозга костей идеями самаго крайняго анархизма, студентъ и былъ главнымъ вожакомъ революціоннаго движенія и видимо пользовался большимъ вліяніемъ на подчиненное ему стадо полуграмотныхъ барановъ, и если онъ замѣчалъ, что кто-нибудь изъ этихъ барановъ въ репликахъ своихъ начинаетъ пороть дичь, то безцеремонно осаживалъ говорящаго и тотъ сейчасъ же умолкалъ, какъ бы сознавая, что онъ и впрямь порeть дичь.

На предложеніе положить оружіе—студентъ отвѣтилъ категоричнымъ отказомъ и при этомъ выразилъ даже полную увѣренность, что пришедшая въ Читу дивизія черезъ недѣлю вся будетъ на ихъ сторонѣ. Сумазбродное и дикое это предположеніе, говорящее въ пользу пылкой фантазіи студента, показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ту степень увѣренности въ своихъ силахъ, каковая была въ то время у людей этого лагеря. Такъ или иначе, но только въ теченіе нѣсколькихъ часовъ генералъ Сычевскій старался убѣдить своихъ

слушателей въ полной безполезности ихъ сопротивленія, которое, внѣ всякаго сомнѣнія, поведетъ только къ кровопролитію, и хотя вожакъ этихъ представителей и увѣрялъ генерала, что имъ это кровопролитіе не страшно, что ихъ трудъ будетъ вознагражденъ даже и тогда, когда во время этого кровопролитія будетъ пролита кровь хотя нѣсколькихъ человѣкъ изъ лагеря бюрократіи, но я думаю, что остальные слушатели не были настроены столь фанатично и конечно они тогда же, такъ сказать, чутьемъ поняли то, что имъ дается совѣтъ такимъ человѣкомъ, который хочетъ предохранить ихъ отъ бѣды и ради этого и говоритъ съ ними и, понявъ эту нетрудную для усвоенія мысль, они тогда же рѣшили послушаться этого совѣта и не доводить дѣла до крови.

Какъ потомъ говорили, послѣ этого совѣщанія революціонеры почти перестали ходить на митинги и, сколько ни вопилъ несносный паровой гудокъ, но въ залахъ мастерскихъ уже собирались не тысячи, какъ прежде, а десятки; многіе въ этотъ же день побросали выданное имъ оружіе, понявъ, вѣроятно, что дальнѣйшая игра въ казаки-разбойники до добра не доведетъ—и она бы конечно не довела бы до добра, но не тѣхъ, которые учили это стадо правиламъ этой игры и которые скрылись бы при первой же опасности, а само же стадо, которое было бы разстрѣляно только потому, что оно было глупымъ и довѣрчивымъ стадомъ, не могущимъ разобраться въ своихъ поступкахъ. Заслуга генерала Сычевскаго въ данномъ случаѣ и важна тѣмъ, что онъ избавилъ не одну тысячу неумныхъ людей отъ преждевременной смерти и пресѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ разгорающееся зло.

Между тѣмъ во время этихъ длительныхъ переговоровъ, для насъ, не принимавшихъ въ нихъ никакого участія, время тянулось необычайно медленно. Не вступая ни въ какіе разговоры съ сидящими въ комнатѣ чиновниками, которые, будучи заинтересованы этимъ необычайнымъ и неожиданнымъ для нихъ событіемъ—то и дѣло вскакивали съ своихъ мѣстъ и выбѣгали изъ комнаты для какихъ-то, какъ мнѣ казалось, важныхъ и экстренныхъ дѣлъ, о чемъ и можно было заключить по той поспѣшности, съ которой они это дѣлали, мы слонялись по комнатѣ, старались вести другъ съ другомъ разговоры на совершенно не относящіяся къ событіямъ темы, сидѣли, курили и наконецъ подходили къ окнамъ, дабы посмотрѣть, что дѣлается на улицѣ, съ которой до насъ временами доносился шумъ какъ бы отъ говора большой толпы народа. И вотъ, помню, приблизительно черезъ часъ послѣ начала переговоровъ, посмотрѣвъ въ окно, я замѣтилъ большую толпу вооруженныхъ людей, запрудившихъ улицу напротивъ дома, въ которомъ мы

были Большинство этихъ людей были уже довольно пожилые, но между ними попадались и 15-ти лѣтніе подростки, и эти были въ особенности необычайно дѣловиты; держа въ рукахъ винтовки со штыками, они опирались на нихъ и съ необычайно важнымъ и сосредоченнымъ видомъ старались прислушиваться къ разговорамъ старшихъ; эти же послѣдніе, какъ-бы о чемъ-то совѣщаясь, поглядывали на занимаемый нами домъ, при чемъ, по выраженію ихъ лицъ можно было заключить, что они обсуждаютъ какой-то важный вопросъ, къ которому относятся очень строго и серьезно. Наши конные охотники молча стояли у воротъ дома, держа въ поводу своихъ лошадей; къ нимъ также подходили эти вооруженные люди и, какъ-бы стараясь склонить ихъ на какое-то дѣло, вступали съ ними въ разговоры, но видимо не находя сочувствія къ себѣ со стороны солдатъ, отходили отъ нихъ, съ выраженіемъ презрѣнія и злобы на своихъ лицахъ.

Вскорѣ въ комнату вошелъ жандармскій унт.-офицеръ и, шепча на ухо ротмистру, сообщилъ, что пришедшіе люди собрались сюда за тѣмъ, чтобы насъ арестовать, и настроеніе между ними очень бурное. Ничего тутъ нельзя было сдѣлать, приходилось только ожидать, чѣмъ, окончатся ихъ переговоры, и быть готовыми на всякое рѣшеніе съ ихъ стороны. Снова почему-то мнѣ припомнилось съ необычайной ясностью то, что было въ этотъ же день и въ это же время въ прошломъ году; я вспомнилъ, какъ, по окончаніи штурма Чжантань-Хенани, мы заняли оврагъ, и какъ въ теченіе цѣлаго дня непріятель держалъ насъ подъ страшнымъ огнемъ, не давая возможности выйти изъ-за закрытья. То же былъ въ своемъ родѣ арестъ, подъ страхомъ смертной казни за желаніе получить свободу въ дѣйствіяхъ.—Здѣсь тоже собираются насъ арестовать, но свои же русскіе люди, и они, подобно японцамъ, видимо не расположены шутить съ нами, а готовы использовать силу своего оружія, если мы вздумаемъ оказать протестъ ихъ замысламъ—и тяжело стало на душѣ отъ сознанія своего безсилія направить дѣло въ свою пользу; но, что дѣлать,—приходилось только ждать событій, подчинивъ пока себя ихъ нормальному теченію. Такое непріятное и выжидательное положеніе длилось съ полчаса, и, наконецъ, мы замѣтили, что толпа начинаетъ мало-по-малу расходиться, вскорѣ она и совсѣмъ разошлась, а у всѣхъ у насъ отлегло отъ сердца и вновь появилась надежда на то, что намъ явится возможность благополучно выбраться изъ этого „Тушинскаго становища“.

Но не прошло и получаса, какъ снова начала собираться толпа, снова начался галдежъ, снова эти сердитыя физіономіи—упорныя и видимо готовыя привести свое намѣреніе въ исполненіе. Опять по-

явился жандармъ и такимъ же таинственнымъ шопотомъ доложилъ о томъ, что событія принимаютъ оборотъ далеко не въ нашу пользу. Снова—томительное ожиданіе развязки событій и непоказываніе своего волненія окружающимъ. Но и на этотъ разъ дѣло кончилось ничѣмъ; толпа, пошумѣвъ и погалдѣвъ около дома, начала расходиться, и на улицѣ осталось только нѣсколько вооруженныхъ людей.

Наконецъ переговоры кончились; мы одѣваемся, выходимъ на улицу, проходимъ мимо оставшихся на ней вооруженныхъ людей, которые смотрятъ на насъ со злобой.

Снова ожиданіе, что вотъ-вотъ кто-нибудь крикнетъ:—держи ихъ!—бей!—и т. д., но и этого не происходитъ, и мы несемся по тѣмъ же улицамъ слободы, но только въ обратную сторону.

Генералъ Сычевскій радъ и доволенъ; повидимому, онъ чувствуетъ, что взятая имъ на себя миссія, столь рискованная и опасная, выполнена имъ, и хотя революціонеры и не высказали ему окончательно о своемъ намѣреніи положить оружіе, но они были сильно поколеблены его основательными доводами, и онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что когда послѣдуетъ приказаніе о выдачѣ оружія, то оно будетъ выдано. И дѣйствительно такъ и было на самомъ дѣлѣ; и черезъ два-три дня мы снова были на вокзалѣ и на этотъ разъ уже расхаживали по мастерскимъ среди залъ, въ которыхъ такъ недавно собирались тысячи вооруженныхъ людей и раздавались рѣчи ораторовъ, старавшихся заставить этихъ людей прибѣгнуть къ силѣ выданнаго имъ на руки оружія. Огромные запасы этого оружія были найдены въ запечатанныхъ вагонахъ; тутъ же были и патроны, а также и сильно взрывчатыя вещества, всего этого, а также и жизненныхъ припасовъ было заготовлено въ изобиліи, и по всему было видно, что у тѣхъ людей, которые это дѣлали, было намѣреніе упорно отстаивать свои убѣжденія, но это упорство было сломлено рѣшительностью одного человѣка, который съумѣлъ сломить его безъ кровопролитія и крайнихъ мѣръ, и тѣмъ сохранилъ тысячи жизней такихъ людей, которые, хотя и именовали себя „сицилистами“, но въ то же время не отличали правой руки отъ лѣвой.

Л. Н. Бѣльковичъ.

Замѣтки о Пушкинѣ.

I.

Объ одной замѣткѣ Пушкина.

Среди множества разсѣянныхъ въ черновыхъ рукописяхъ Пушкина стиховъ, прозаическихъ работъ, замѣтокъ, писемъ, денежныхъ счетовъ и проч., есть отдѣльныя мѣста, нуждающіяся въ объясненіи и до сихъ поръ не объясненныя. В. Е. Якушкинъ въ своемъ описаніи хранящихся въ Румянцовскомъ музеѣ пушкинскихъ бумагъ, напримѣръ, приписалъ Пушкину лишь переписанную имъ замѣтку Жуковскаго о прекрасномъ [1]) и стихи Жуковскаго изъ посланія къ кн. П. А. Вяземскому и В. Л. Пушкину [2]). Намъ уже пришлось въ свое время разъяснить, что записанные въ тѣхъ же бумагахъ французскіе стихи „Je t'aime tant"... [3]) не принадлежатъ Пушкину [4]), а представляютъ собою начало моднаго въ тѣ годы романса [5]).

---

[1]) „Рус. Стар. „1884, декабрь, 553—554; 1885 г., апрѣль, обложка, стр. 2; замѣтка А. Филонова въ „Нов. Времени" 29 декабря 1884, № 3174.

[2]) „Рус. Стар." 1884, мартъ, 660; Соч. Пушкина, академич. изд., II, XIX, примѣч., 173; „Рус. Стар." 1908, мартъ, 657; Соч. Пушкина, изд. Венгерова, II, 546; „Труды и дни Пушкина", изд. 2-е, стр. 440.

[3]) „Рус. Стар." 1884, мартъ, 648; Соч. Пушкина, академич. изд., II, примѣч., стр. 67.

[4]) „Историч. Вѣстн". 1905, іюнь, 1069.

[5]) Соч. Пушкина, изд. Венгерова, II, 541; см. также записки Ѳ. П. Леонтьевой („Рус. Вѣстн." 1884, февраль, 703). Копія этого популярнаго романса, который исполнялъ знаменитый французскій пѣвецъ P.-J. Garat,

Рядомъ съ относящимся къ 1828 г. наброскомъ „Волненьемъ жизни утомленный“... [1]) Пушкинъ приписалъ [2]):

25 іюня
Фанни
Няня +
Elisa e Claudio

Что значатъ эти строки, сказать трудно, но для разъясненія ихъ, можетъ быть, будетъ нелишнимъ указаніе на смыслъ послѣдней строки. „Elisa e Claudio“ — названіе прошумѣвшей въ началѣ двадцатыхъ годовъ по всей Европѣ оперы Меркаданте. 21 или 22 іюня она была впервые поставлена въ петербургскомъ Большомъ театрѣ [3]); черезъ нѣсколько дней появился въ „Сѣв. Пчелѣ“ фельетонъ: „Италіянскій театръ. Первое представленіе Оперы *„Элиза и Клавдіо (Elisa e Claudio)*, соч. Меркаданте, 21 іюня“, за подписью „32—2“ [4]). Шла она и въ 1829 г. [5]), между прочимъ 25 іюня, но такъ какъ въ 1829 г. Пушкинъ былъ въ это самое время съ войсками Паскевича на театрѣ турецкой войны, то въ Большомъ театрѣ онъ могъ быть только въ 1828 г. и, вѣроятно, присутствовалъ на первомъ представленіи оперы. Должно быть, она произвела на поэта, любителя легкой итальянской музыки (Меркаданте былъ послѣдователемъ любимаго Пушкинымъ Россини), нѣкоторое впечатлѣніе, если онъ записалъ ея названіе въ своей тетради, съ которою часто бесѣдовалъ наединѣ.

II.

Источникъ эпиграммы „Глухой глухого звалъ“...

„У одного изъ нашихъ извѣстныхъ писателей“ — говоритъ Пушкинъ въ своихъ критическихъ замѣткахъ—„спрашивали, зачѣмъ не возражаетъ онъ никогда на критики.—Критики не понимаютъ

сохранилась въ бумагахъ Рылѣева („Архивъ К. Ѳ. Рылѣева“—„Извѣстія Имп. Академіи Наукъ“ 1910 г., № 12, стр. 921); Жуковскій перевелъ его подъ названіемъ „Пѣсня“ („Мой другъ, хранитель-ангелъ мой“..., 1808 г.).

[1]) Румянцовс. муз., тетр. № 2371, л. 16 об.

[2]) Въ передачѣ В. Е. Якушкина („Рус. Стар.“ 1884, іюль, 41) эта приписка приведена не совсѣмъ точно. Курсивомъ набраны подчеркнутыя въ подлинникѣ слова.

[3]) „Сѣв. Пчела“ 1828, 21 іюня, № 74.

[4]) 28 іюня, № 77.

[5]) „Сѣв. Пчела“ 1829, №№ 13, 19, 70, 73, 76, 88, 102, 109, 121, 133.

меня, отвѣчалъ онъ,—а я не понимаю критиковъ. Если будемъ судиться передъ публикой, вѣроятно и она насъ не пойметъ, и мы напомнимъ старинную эпиграмму:

Глухой глухого звалъ на судъ судьи глухого.
Глухой кричалъ: „моя имъ сведена корова".
— „Помилуй, возопилъ глухой тому въ отвѣтъ,
Сей пустошью владѣлъ еще покойный дѣдъ".—
Судья рѣшилъ: „Почто идти вамъ братъ на брата?
Не тотъ и не другой, а дѣвка виновата!"

Эпиграмму впервые напечаталъ Анненковъ, говоря, что Пушкинъ „состояніе критики въ его время объяснялъ слѣдующей, довольно забавной эпиграммой, похожей, впрочемъ, на извѣстную шутку Пелиссона: *Les trois sourds*"...[1]) Затѣмъ эпиграмма вошла во всѣ слѣдующія критическія изданія сочиненій Пушкина—оба изданія Геннади, оба П. О. Морозова, всѣ три Ефремова и Венгерова. Геннади перепечаталъ ее изъ „Матеріаловъ" безъ всякихъ комментаріевъ; Ефремовъ просто повторилъ во всѣхъ своихъ изданіяхъ слова Анненкова о сходствѣ эпиграммы съ шуткой Пелиссона. Г. Морозовъ въ первомъ своемъ изданіи [2]), повторяя указаніе Анненкова, назвалъ Пелиссона—„Палиссо" (?!).

Профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ [3]), слѣдуя указанію Анненкова, пытался разыскать Пелиссона и его эпиграмму: „къ сожалѣнію Анненковъ не дѣлаетъ указанія, какого это Пелиссона онъ имѣетъ въ виду. Я нашелъ одного лишь Пелиссона—въ словарѣ Бешереля (въ другихъ крупныхъ словаряхъ такого имени совсѣмъ нѣтъ), да и то, кажется, не относящагося сюда"; здѣсь Н. Ѳ. Сумцовъ выписалъ изъ „Nouveau dictionn. nation." Bescherelle'я нѣсколько словъ о писателѣ Paul Pellisson (1624—1693), историкѣ и стихотворцѣ, а самаго стихотворенія не разыскалъ. Во второмъ изданіи г. Морозова [4]) фантастическій „Палиссо" уже не упоминается, и о шуткѣ, о которой говоритъ Анненковъ, сказано: „проф. Сумцову и намъ не удалось ея отыскать". Въ своемъ послѣднемъ комментаріи къ пушкинской эпиграммѣ г. Морозовъ [5]) снова приводитъ слова

---

[1]) П. В. Анненковъ, „Матеріалы для біографіи Пушкина", изд. 1855 г., стр. 249—250; подлинникъ находится въ московскомъ Румянцовскомъ музеѣ, тетр. № 2387, лл. 15 об. и 16.

[2]) Литерат. фонда, V, 112.

[3]) „Изслѣдованія о Пушкинѣ"—„Харьковскій университетскій сборникъ въ память Пушкина", Хар., 1900, стр. 256—257.

[4]) „Просвѣщ.", VI, 630.

[5]) Сочин. Пушкина, изд. Венгерова, т. V, стр. L.

Анненкова, повторяетъ ссылку проф. Сумцова на Paul Pelisson и прибавляетъ: „въ доступныхъ намъ собраніяхъ его сочиненій не оказалось шутки о трехъ глухихъ; Анненковъ же, сославшись на нее, къ сожалѣнію, не отмѣтилъ, гдѣ ее можно найти".

Анненковъ не ошибся, указывая на сходство пьесы Пушкина съ шуткою Пелиссона. Послѣднюю не трудно было найти. Она помѣщена въ „Oeuvres diverses de Monsieur Pellisson", t. I, P., MDCCXXXV, p. 216 [1]).

Epigramme.

Un sourd fit un sourd ajourner
Devant un sourd en un village,
Et puis s'en vint haut entonner
Qu'il avoit volé son fromage.
L'autre répond du labourage:
Le Juge étant sur ce suspens
Déclara bon le mariage,
Et les renvoya sans dépens.

Эпиграмма снабжена примѣчаніемъ. „M. Pellisson a imité ici Jean Second: voici l'Epigramme du Poete Latin.

Surdum judicium.

Cum surdo lis est surdo, sub judice surdo,
Ut similem simili jungit ubique Deus.
Ille petit pretium pro menses quinque locatis
Aedibus, hic noctu se moluisse refert.
His judex: an non ex aequo mater utrique est?
Quid porro restat? tollite uterque simul."

Въ исчерпывающе полномъ и тщательно составленномъ „Grand dictionnaire universel" Ларусса [2]) нѣтъ имени „Pélisson", но есть другое—Paul Pellisson-Fontanier, то, о которомъ упоминается въ словарѣ Бешерелля, и надо думать, что Pélisson—просто неправильное начертаніе имени Pellisson.

Оба стихотворенія дѣйствительно довольно схожи и по общему замыслу, и по аналогіямъ, но неизвѣстно, имѣлъ ли Пушкинъ въ виду шутку Пеллиссона, и не пользовался ли онъ другимъ старинным анекдотомъ на ту же тему. Недоразумѣніе между глухими—одинъ изъ обычныхъ сюжетовъ народнаго творчества. Въ данномъ случаѣ, какъ вѣрно замѣчаетъ Н. Ѳ. Сумцовъ, вѣроятнѣе можно предположить литературный источникъ; къ тому же, самъ Пушкинъ

[1]) Имѣется въ Имп. Публ. Библіотекѣ (шифръ: 16—59—1—41).

[2]) Въ немъ помѣщена приведенная эпиграмма, подъ словомъ „sourd", съ подписью: „Pélisson".

указываетъ на „старинную эпиграмму“. Въ греческой антологіи, Пушкину, замѣтимъ, довольно хорошо знакомой, есть, напримѣръ, такая эпиграмма: „Глухой судился съ глухимъ. Судья ихъ былъ куда болѣе глухой, чѣмъ оба они. Одинъ требовалъ квартирныя деньги за пять мѣсяцевъ; другой говорилъ, что онъ „мололъ ночью муку“. Судья пристально поглядѣлъ на нихъ и сказалъ:—„И изъ-за чего вы таскаетесь по судамъ! Она ваша мать, ну, и кормите ее оба“... [1]) Приведенная пьеса Jean Second [2]) представляетъ собою, повидимому, переложеніе антологической эпиграммы. Пушкинъ, быть можетъ, зналъ не древній подлинникъ, а пьесу новаго латинскаго стихотворца.

III.

Ляже-Брюлловскій портретъ Пушкина.

Этотъ портретъ пріобрѣлъ извѣстность въ пушкинской иконографіи начиная съ 1880 г., когда появился на московской пушкинской выставкѣ, въ „Альбомѣ“ которой и былъ воспроизведенъ. А. А. Венкстернъ [3]) отнесъ его къ 1836 г., такъ какъ въ письмахъ этого года къ женѣ „встрѣчаемъ частыя упоминанія о Брюлловѣ, что доказываетъ ихъ близкія отношенія и даетъ намъ право предполагать, что небольшой портретъ Пушкина работы Брюллова, доставленный на выставку О. Ѳ. Кошелевой, относится именно къ этому времени“. На портретѣ крупными и четкими буквами изображено имя художника: „К. Брюловъ“.

С. Ф. Либровичъ въ своемъ изслѣдованіи „Пушкинъ въ портретахъ“ [4]) высказалъ нѣсколько значительныхъ соображеній объ этомъ портретѣ. Онъ „очень похожъ на портретъ работы Кипренскаго. Брюлловъ такъ же, какъ и Кипренскій, изобразилъ Пушкина съ накинутымъ на плечо плащемъ, en face; но голова поэта обращена въ правую сторону, между тѣмъ какъ у Кипренскаго она обращена въ лѣвую [5]). Лицо Брюлловскаго Пушкина далеко не обладаетъ

---

[1]) „Избранныя эпиграммы греческой антологіи“, перел. В. Алексѣева, С.-Пб., 1896, стр. 109—110, 151.

[2]) Jean Everaerts, по прозвищу Jean Second (1511—1536 г.г.), написалъ сборникъ латинскихъ стихотвореній, въ свое время очень популярный и не разъ переиздававшійся. Мирабо перевелъ его на французскій языкъ (изд. 1796 г.).

[3]) Альбомъ Московской Пушкинской выставки 1880 года, М., 1882, стр. 163; изд. 2-е, М., 1887, стр. 154.

[4]) СПб., 1890, стр. 52—54.

[5]) Это невѣрно. Поворотъ головы на обоихъ портретахъ одинъ и тотъ же.

тою живостью выраженія глазъ и тѣмъ поэтическимъ „духомъ“, которымъ отличается работа Кипренскаго, хотя въ общемъ черты у Брюллова похожи вполнѣ на черты лица у Кипренскаго, что доказываетъ сходство съ натурою обоихъ портретовъ, если только портретъ Брюллова не составляетъ копіи съ портрета Кипренскаго. Это предположеніе вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что трудно допустить, чтобы оба художника рисовали Пушкина въ одномъ и томъ же костюмѣ, съ одной и тою же подробностью накинутаго плаща“. Ссылаясь на цитированное заключеніе Венкстерна о хронологіи портрета, г. Либровичъ прибавляетъ: „довольно странно, что никакихъ болѣе точныхъ указаній относительно портрета Брюллова и времени его происхожденія не имѣется. Въ письмахъ Пушкина разъ только упомянуто о портретѣ, писанномъ Брюлловымъ, а именно въ письмѣ къ П. В. Нащокину изъ Петербурга отъ 29 января, безъ обозначенія года. „Портретъ мой“—пишетъ Пушкинъ—„Брюлловъ напишетъ на дняхъ“. На конвертѣ этого письма находится штемпель: „29 января 1832 г.“. Выходитъ, такимъ образомъ, что портретъ написанъ въ 1832 г. А. Сомовъ, біографъ Брюллова, въ своей монографіи „К. П. Брюлловъ и его значеніе въ русскомъ искусствѣ“ не упоминаетъ даже совсѣмъ объ этомъ портретѣ, и въ списокъ всѣхъ работъ Брюллова, составляющій приложеніе къ этой монографіи, портретъ Пушкина не включенъ.

Въ альбомѣ слѣдующей московской пушкинской выставки имя К. Брюллова подъ снимкомъ съ этого портрета появилось уже съ знакомъ вопроса, а въ каталогѣ сказано: „въ данномъ портретѣ представляется страннымъ, что одежда Пушкина, плащъ и галстухъ писаны по Кипренскому; голова и лицо иныя: Пушкинъ представленъ болѣе пожилымъ“ [1]).

Съ еще большею подозрительностью отнесся къ этому портрету Д. Н. Анучинъ [2]), подвергшій обслѣдованію всѣ существующія изображенія Пушкина. „Портретъ Пушкина, приписываемый К. Брюллову и имѣющій, дѣйствительно, полную подпись этого художника, представляетъ нѣсколько видоизмѣненную копію съ Кипренскаго. Портретъ этотъ, небольшой величины (въ альбомѣ Пушкинской выставки 1880 г. онъ снятъ въ размѣрѣ оригинала), копируетъ въ подробностяхъ костюма и въ поворотѣ головы—Кипренскаго, но въ отсутствіи рукъ, въ шевелюрѣ, формѣ носа, губъ слѣдуетъ скорѣе

[1]) „Альбомъ Пушкинской выставки, устроенной Обществомъ любит. росс. словесн. въ залахъ Историч. Музея въ Москвѣ“. М., 1899, табл. 5 и прилож., л. 2, № 11.

[2]) „А. С. Пушкинъ. (Антропологическій эскизъ)“ „Рус. Вѣдом.“ 1899 г., и отд. отт., М., 1899, стр. 37.

за Уткинымъ. Повидимому, художникъ и въ передачѣ глазъ подражалъ болѣе Уткину, но они вышли открытѣе, болѣе что называется на выкатѣ, хотя на оригиналѣ это менѣе замѣтно, чѣмъ на фотографіяхъ съ него... Портретъ этотъ принадлежалъ О. Ѳ. Кошелевой, а нынѣ составляетъ собственность ея внучки, О. Ѳ. Вельяминовой; о происхожденіи этого портрета не сохранилось свѣдѣній; г-жа Вельяминова полагаетъ, что онъ былъ пріобрѣтенъ случайно. Извѣстно, что Пушкинъ былъ знакомъ съ Брюлловымъ; онъ видѣлся съ нимъ въ Москвѣ въ маѣ 1836 г., о чемъ сообщаетъ въ письмахъ оттуда къ женѣ, а въ письмѣ къ Нащокину, отъ 29-го января 1832 г. изъ Петербурга, говоритъ между прочимъ: „Портретъ мой Брюлловъ напишетъ на дняхъ". Съ другой стороны, и въ бумагахъ Брюллова есть указаніе на исполненный имъ портретъ Пушкина. Въ 1867 г. вышла за границей брошюра: „Неизданныя письма К. П. Брюллова и документы для его біографіи, съ предисловіемъ и примѣчаніями художника Михаила Желѣзнова"; къ этой брошюрѣ приложенъ снимокъ съ автографа Брюллова, собственноручнаго его списка фамилій, очевидно лицъ, съ которыхъ художникъ писалъ портреты. Большинство портретовъ указанныхъ лицъ дѣйствительно извѣстны (Демидова, Жуковскаго, двухъ Кукольниковъ и мн. др.) и находятся въ петербургскихъ дворцахъ, Третьяковской галлереѣ, Румянцовскомъ музеѣ и частныхъ собраніяхъ. Въ числѣ этихъ лицъ значится и Пушкинъ, у фамиліи котораго стоитъ цифра „44"; эта цифра, впрочемъ, какъ и нѣкоторыя другія—„43", „42", и т. д., повторяются противъ нѣсколькихъ именъ, и какое значеніе ихъ—неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что Желѣзновъ не присоединилъ къ этому автографу никакого комментарія. И, тѣмъ не менѣе, принадлежность портрета, находящагося у г-жи Вельяминовой, кисти Брюллова является весьма сомнительною. Во-первыхъ, невѣроятно, чтобы Брюлловъ, изображая Пушкина, написалъ его портретъ только копируя Кипренскаго и Уткина и даже въ размѣрахъ слѣдуя за гравюрой послѣдняго; во-вторыхъ, объ этомъ портретѣ вовсе не упоминаетъ Сомовъ въ его монографіи о Брюлловѣ и въ составленномъ имъ спискѣ работъ этого художника. По мнѣнію нѣкоторыхъ, описываемый портретъ — только плохая копія съ Кипренскаго и Уткина и отнюдь не работа Брюллова. Настоящій же портретъ кисти Брюллова (если таковой былъ дѣйствительно написанъ) остается неизвѣстнымъ".

Извѣстно, какъ высоко цѣнилъ Пушкинъ талантъ Брюллова, бывшаго кумиромъ 30 — 40-хъ годовъ. Свою мысль о томъ, что „талантъ не воленъ и его подражаніе не есть постыдное похищеніе, признакъ умственной скудости, но благородная надежда на свои

собственныя силы, надежда открыть новые міры, стремясь по слѣдамъ генія, или чувство въ смиреніи своемъ еще болѣе возвышенное, желаніе изучить свой образецъ и дать ему вторичную жизнь",— Пушкинъ иллюстрировалъ примѣромъ Брюллова, который, „усыпляя свою творческую силу, съ пламеннымъ и благороднымъ подобострастіемъ списывалъ Аѳинскую школу Рафаеля,—а между тѣмъ въ головѣ его уже шаталась поколебленная Помпея, кумиры падали, народъ бѣжалъ по тѣсной улицѣ, чудно освѣщенной Волканомъ"... [1]) Сохранилась черновая стихотворенія Пушкина, посвященнаго этой картинѣ („Послѣдній день Помпеи"). Обстановка, въ которой была выставлена другая извѣстная картина Брюллова „Распятіе", дала Пушкину поводъ написать „Когда великое свершалось торжество"...

Другу поэта, П. В. Нащокину, очень хотѣлось имѣть портретъ Пушкина. „Не забудь портретъ" — писалъ онъ ему въ концѣ мая 1831 г., — „мнѣ сдается, боюсь вымолвить, что я тебя иначе не увижу". Въ слѣдующемъ письмѣ (9 іюня) онъ повторялъ: „ а что жъ портретъ? Портретъ непремѣнно! Сдѣлай милость, напомни Натальѣ Николаевнѣ, что она мнѣ обѣщалась тебѣ объ ономъ напоминать почаще"; вскорѣ (20 іюня) опять: „не могу не напомнить—портретъ, портретъ, хорошій портретъ! Я его, право, заслуживаю, и я требую мнѣ должное". Пушкинъ отвѣчалъ ему (26 іюня) изъ Царскаго Села, что сообщеніе съ Петербургомъ, гдѣ тогда свирѣпствовала холера, и за нѣсколько дней разыгрался бунтъ на Сѣнной площади, прервано: „по той же причинѣ не получишь ты скоро и моего образа, Брюловъ въ П. Б. и женатъ, слѣдственно въ Италію такъ скоро не подымется". Очевидно, портретъ долженъ былъ написать Брюловъ, и Пушкинъ просилъ Нащокина подождать, благо художникъ еще не собирался уѣзжать. Но въ 1831 г. портрета Пушкина Нащокинъ не получилъ и въ слѣдующемъ году (во второй половинѣ января) снова напоминалъ ему, чтобы онъ „не забылъ *Портретъ*". Пушкинъ черезъ нѣсколько дней отвѣчалъ ему: „портретъ мой Брюлловъ напишетъ на дняхъ". Но и на этотъ разъ портретъ не былъ написанъ Брюлловымъ, и еще черезъ годъ (10 января 1833 г.) Нащокинъ писалъ Пушкину: „о портретѣ я уже говорить не буду".

Съ К. Брюлловымъ Пушкинъ видался часто, и ихъ отношенія, по всему судя, были неизмѣнно добрыя. Въ концѣ января 1836 г. Нащокинъ написалъ Пушкину довольно большое письмо о недавнемъ пребываніи Брюллова въ Москвѣ, цѣлую „статью о Брюл-

---

[1]) „Рус. Стар." 1884, декабрь, 541.

ловѣ“ [1]). Въ началѣ мая Пушкинъ навѣстилъ Брюллова въ Москвѣ и писалъ женѣ (4 мая): „у него видѣлъ я нѣсколько начатыхъ рисунковъ и думалъ о тебѣ, моя прелесть. Неужто не будетъ у меня твоего портрета, имъ писаннаго? невозможно, чтобъ онъ, увидя тебя, не захотѣлъ срисовать тебя; пожалуйста, не прогони его, какъ прогнала ты пруссака Криднера. Мнѣ очень хочется привезти Брюллова въ П. Б. А онъ настоящій художникъ, добрый малой и готовъ на все“. Очевидно, Брюлловъ тогда еще ни разу не видѣлъ Н. Н. Пушкиной; „Брюловъ пишетъ ли твой портретъ?“ спрашивалъ Пушкинъ жену въ письмѣ 8 декабря 1831 г.; конечно, это былъ не К. П. Брюлловъ, а его братъ, А. П., написавшій прекрасный акварельный портретъ Натальи Николаевны. Въ слѣдующихъ письмахъ Пушкина къ женѣ есть еще нѣсколько упоминаній о К. Брюлловѣ. „Зазываю Брюллова къ себѣ въ П. Б. Но онъ боленъ и хандритъ“ (14 мая). „Брюлловъ сей часъ отъ меня ѣдетъ въ П. Б. скрѣпя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утѣшить и ободрить“... (18 мая). За нѣсколько дней до своей смерти Пушкинъ въ Петербургѣ посѣтилъ студію Брюллова. „Сегодня“ — читаемъ въ запискахъ его ученика Мокрицкаго 25 января 1837 г. [2])—„въ нашей мастерской... были Пушкинъ и Жуковскій. Сошлись они вмѣстѣ, и Карлъ Павловичъ угощалъ ихъ своею портфелью и альбомами. Весело было смотрѣть, какъ они любовались и восхищались его дивными акварельными рисунками; но когда онъ показалъ имъ недавно оконченный рисунокъ: „Съѣздъ на балъ къ австрійскому посланнику въ Смирнѣ“, то восторгъ ихъ выразился крикомъ и смѣхомъ. Да и можно ли глядѣть безъ смѣха на этотъ прелестный, забавный рисунокъ? Смирнскій полиціймейстеръ, спящій посреди улицы на коврѣ и подушкѣ, такая комическая фигура, что на нее нельзя глядѣть равнодушно. Позади него, за подушкой, въ тѣни, видны двое полицейскихъ стражей: одинъ сидитъ на корточкахъ, другой лежитъ упершись локтями въ подбородокъ и болтая босыми ногами, обнаженными выше колѣнъ; эти ноги, какъ двѣ кочерги, принадлежащія тощей фигурѣ стража, еще болѣе выдвигаютъ полноту и округлость формъ спящаго полиціймейстера, который, будучи изображенъ въ ракурсъ, кажется отъ

---

[1]) Въ концѣ октября онъ совѣтовалъ Пушкину въ „Современникѣ“ „помѣщать кой-что по художественной части, т. е. говорить о Брюлловѣ, что онъ дѣлаетъ“.

[2]) А. И. Мокрицкій, „Воспоминаніе о Брюлловѣ“,—„Отечеств. Записки“, т. CIII, 1855 г., отд. II, стр. 165 — 166; ср. „Рус. Стар.“ 1880, январь, 189. Мокрицкому принадлежитъ рисунокъ, изображающій Пушкина въ гробу („Русс. Стар.“ 1880 г., іюль, 531).

того еще толще и шире. Пушкинъ не могъ разстаться съ этимъ рисункомъ, хохоталъ до слезъ и просилъ Брюллова подарить ему это сокровище; но рисунокъ принадлежалъ ужъ княгинѣ Салтыковой, и Карлъ Павловичъ, увѣряя его, что не можетъ отдать, обѣщалъ нарисовать ему другой; Пушкинъ былъ безутѣшенъ; онъ, съ рисункомъ въ рукахъ, сталъ передъ Брюлловымъ на колѣни и началъ умолять его: „Отдай, голубчикъ! Вѣдь другаго ты не нарисуешь для меня; отдай мнѣ этотъ". Не отдалъ Брюлловъ рисунка, а обѣщалъ нарисовать другой. Я, глядя на эту сцену, не думалъ, что Брюлловъ откажетъ Пушкину. Такіе люди, казалось мнѣ, не становятся даромъ на колѣни передъ равными себѣ. Это было ровно за четыре дня до смерти Пушкина"... [1]). Черезъ два дня послѣ смерти Пушкина Брюлловъ велѣлъ Мокрицкому [2]) „читать стихи Пушкина и восхищался каждой строкой, каждой мыслью и жалѣлъ душевно о ранней кончинѣ великаго поэта. Онъ упрекалъ себя въ томъ, что не отдалъ ему рисунка, о которомъ тотъ такъ просилъ его, вспоминалъ о томъ, какъ Пушкинъ восхищался его картиной „Распятіе" [3]) и эскизомъ „Гензерихъ грабитъ Римъ"... [4]) 31 марта, разсказываетъ далѣе Мокрицкій [5]), у Брюллова были Венеціановъ, Ѳедоръ Брюлловъ и самъ разсказчикъ: „скоро пришелъ А. А. Краевскій и прочелъ намъ нѣкоторыя стихотворенія Пушкина, найденныя въ рукописи послѣ его смерти: „Отцы пустынники и жены непорочны", „Русалку", нѣсколько сценъ изъ „Каменнаго Гостя" и „Галуба". Когда Краевскій разсказалъ Брюллову о послѣднихъ часахъ жизни Пушкина и о томъ, что хотятъ издать полное собраніе его сочиненій, Брюлловъ выразилъ желаніе нарисовать къ нимъ фронтискисъ, въ которомъ хотѣлъ изобразить Пушкина съ лирой въ рукахъ, на скалѣ кавказскихъ горъ, посреди величественной кавказской природы,—намѣреніе, какъ извѣстно, оставшееся безъ исполненія" [6]).

[1]) О томъ же разсказываетъ племянникъ Брюллова П. П. Соколовъ („Воспоминанія"—„Историч. Вѣстн." 1910 г., августъ, 399).

[2]) Мокрицкій, ор. c., 167.

[3]) См. „Записки" А. О. Смирновой, I, 241, 245, 271.

[4]) Пушкинъ писалъ объ этой „недоконченной картинѣ" женѣ 11 мая 1836 г.

[5]) Мокрицкій, 170.

[6]) Впослѣдствіи Брюлловъ иллюстрировавъ одну сцену изъ „Бахчисарайскаго Фонтана"; воспроизведеніе ея въ гравюрѣ помѣщено въ изданіи В. Генкеля „Сѣверное Сіяніе" 1862 г., т. I. Н. В. Соловьеву („Русская книжная иллюстрація XIX вѣка и произведенія Пушкина"—„Русс. Библіофилъ" 1911 г., № 5, стр. 48) эта картина кажется носящей „яркіе слѣды спѣшной работы по заказу", но Ѳ. Глинка писалъ о пей еще въ 1849 г. какъ о законченномъ произведеніи („Мастерская Брюлова"—сборн. „Раутъ" изд. Н. В. Сушкова, М., 1851, стр. 57—58.

Брюлловъ восхищался не только произведеніями Пушкина, но и имъ самимъ, его открытой, жизнерадостной натурой, и говорилъ: „Какой Пушкинъ счастливецъ! Такъ смѣется, что словно кишки видны!“ [1]).

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Пушкина К. П. Брюлловъ однажды разсказалъ Т. Г. Шевченкѣ, внесшему его разсказъ въ свою автобіографическую повѣсть „Художникъ“ [2]), „какъ покойный Александръ Сергѣевичъ просилъ его написать съ его жены портретъ, и какъ онъ безцеремонно отказалъ ему, потому что жена его косая. Онъ предлагалъ Пушкину съ самого его написать портретъ, но Пушкинъ отплатилъ ему тѣмъ же. Вскорѣ послѣ этого поэтъ умеръ и оставилъ насъ безъ портрета. Кипренскій изобразилъ его какимъ-то денди, а не поэтомъ“.

Это показаніе Брюллова рѣшаетъ вопросъ. Портрета Пушкина К. П. Брюлловъ не написалъ, И. А. Кубасовъ [3]) говоритъ, что „Пушкинъ не разъ просилъ (?) геніальнаго портретиста написать портретъ съ него и его жены. Карлъ Павловичъ исполнилъ первую просьбу поэта, о чемъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что фамилія Александра Сергѣевича помѣщена въ собственноручномъ, Брюллова, спискѣ лицъ, съ которыхъ этотъ художникъ писалъ портреты. Можетъ быть, это тотъ самый портретъ Пушкина, который находился на послѣдней Пушкинской выставкѣ въ Москвѣ. Такимъ образомъ, свидѣтельство Т. Г. Шевченки (передаваемое имъ со словъ Карла Павловича), будто бы самъ Пушкинъ отказалъ Брюллову писать съ него портретъ, можно считать невѣрнымъ, тѣмъ болѣе, что оно отчасти противорѣчитъ и письмамъ Пушкина. „Портретъ мой Брюлловъ напишетъ на дняхъ“, сообщалъ онъ Нащокину отъ 29 января 1832 г.“. Однако, у насъ не только нѣтъ данныхъ для утвержденія, что Пушкинъ предлагалъ Брюллову писать его портретъ (г. Кубасовъ, конечно, никакихъ доказательствъ не приводитъ), но мы располагаемъ противоположнымъ показаніемъ Брюллова. Слова Пушкина отъ 1832 г.: „портретъ мой Брюлловъ напишетъ на дняхъ“ аргументомъ служить не могутъ, потому что, какъ мы видѣли, портретъ не былъ написанъ (считаемъ необходимымъ прибавить, что рѣчь здѣсь идетъ, можетъ быть, даже не о К. П. Брюлловѣ, а о его братѣ). Судя по разсказу К. П. Брюллова, въ связи съ другими приведенными данными, переговоры его съ Пушкинымъ о

[1]) „Изъ разсказовъ А. О. Россета про Пушкина“ — „Рус. Арх.“ 1882, I, 246.

[2]) „Кіевск. Старина“, 1887, февраль, 205; „Поэмы, повѣсти и разсказы Т. Г. Шевченки на русскомъ языкѣ“, Кіевъ, 1888, стр. 306.

[3]) „Рус. Стар.“ 1899, февраль, 311.

портретахъ поэта и его жены, которой Брюлловъ до мая 1836 г. не видѣлъ, относятся приблизительно ко второй половинѣ 1836 г., и ясно, что въ 1832 г. этихъ переговоровъ не было. Брюлловскій списокъ указываетъ, вѣроятно, лишь на намѣреніе художника написать портретъ поэта долго послѣ его смерти, намѣреніе, оставшееся неосуществленнымъ, такъ какъ нельзя приписывать Брюллову скверную копію съ Кипренскаго [1]). По сообщенію Шевченки трудно судить, кому принадлежитъ неблагопріятный отзывъ о портретѣ кисти Кипренскаго [2]), самому ли Брюллову или Шевченкѣ, во всякомъ случаѣ находившемуся подъ сильнымъ вліяніемъ Брюллова, но не обинуясь можно сказать, что знаменитый живописецъ, къ тому же хорошо помнившій Пушкина, не сталъ бы копировать, и плохо копировать, работу Кипренскаго [3]).

К. П. Брюллову были невѣрно приписаны портретъ Кипренскаго [4]) и рисунокъ Ѳ. А. Бруни, изображающій Пушкина въ

---

[1]) „Пушкинъ“ въ опубликованномъ Желѣзновымъ спискѣ, замѣтимъ, можетъ быть даже не „просто Пушкинъ, но Мусинъ“, не А. С. Пушкинъ, а какой-нибудь другой носитель этой фамиліи.

[2]) Современники большею частью считали портретъ Кипренскаго самымъ лучшимъ по сходству и выразительности. Булгаринъ („Сѣв. Пчела“ 1827 г., № 110) писалъ: „благодаримъ художника отъ имени всей образованной публики за то, что онъ сохранилъ драгоцѣнныя для потомства черты любимца Музъ... Это—живой Пушкинъ“. А. В. Никитенко отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ (изд. 2-ое, I, 174): „видѣвъ его хоть разъ живого, вы тотчасъ признаете его проницательные глаза и ротъ, которому не достаетъ только безпрестаннаго вздрагиванія“. И. И. Панаевъ („Литературныя воспоминанія“, изд. 3-е, стр. 40), встрѣтивъ впервые Пушкина на улицѣ, сразу узналъ его по портрету Кипренскаго. „Лучшій портретъ сына моего“—писалъ отецъ поэта („Отеч. Записки“ 1841 г., № 4, особ. пагин., стр. IV)—„есть тотъ, который написанъ Кипренскимъ и гравированъ Уткинымъ“. Эта гравюра была приложена къ „Сѣвернымъ Цвѣтамъ“ на 1828 г. Боратынскій писалъ тогда Пушкину: „портретъ твой въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ чрезвычайно похожъ и прекрасно гравированъ“. То же находилъ и П. А. Катенинъ: „какъ твой портретъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ хорошъ и похожъ: чудо!“ И. А. Гончаровъ („Изъ университетскихъ воспоминаній“ — „Вѣстн. Евр.“ 1887, апрѣль, 503) говорилъ: „лучше всего по-моему напоминаетъ его гравюра Уткина съ портрета Кипренскаго“. „Наиболѣе схожій изо всѣхъ донынѣ выпущенныхъ“, сказано объ этомъ портретѣ (въ гравюрѣ Уткина), въ „Художественной Газетѣ“ 1837 г. (№№ 9—10, стр. 160, „Письмо въ Парижъ“). См. о немъ у Либровича, стр. 25—33, и Сочин. Пушкина, изд. С. А. Венгерова, наши примѣч. къ № 514.

[3]) Мокрицкій, составившій списокъ работъ Брюллова (ор. с., 184), такъ же, какъ и Сомовъ, не упоминаетъ ни о какомъ портретѣ Пушкина.

[4]) Либровичъ, 33.

гробу [1]). Ему же часто приписывается [2]) принадлежащій его брату А. П. рисунокъ для гравированной С. Ф. Галактіоновымъ виньетки на заглавномъ листѣ сборника „Новоселье“ 1833 г., гдѣ изображенъ Пушкинъ. Приписывается К. П. Брюллову и самый ранній изъ извѣстныхъ портретовъ Пушкина [3])—приложенный въ гравюрѣ Е. Гейтмана къ „Кавказскому Плѣннику“ въ 1822 г., гдѣ Пушкинъ изображенъ мальчикомъ лѣтъ 12—14. Вопросъ объ его авторѣ до сихъ поръ не рѣшенъ. Подлинникъ, служившій для гравюры, неизвѣстенъ. „Когда“ — разсказываетъ собравшій свѣдѣнія о немъ С. Ф. Либровичъ [4])—„въ пятидесятыхъ (?) годахъ обратились по этому поводу за справками къ племяннику поэта, Н. И. Павлищеву, очень интересовавшемуся портретами Пушкина и тщательно ихъ собиравшему, онъ заявилъ, что портретъ этотъ сдѣланъ былъ учителемъ рисованія въ Царскосельскомъ лицеѣ С. Г. Чириковымъ. На Пушкинской выставкѣ, устроенной въ Москвѣ въ 1880 г., находился тотъ же портретъ, сдѣланный карандашемъ и принадлежавшій П. Е. Басистову, утверждавшему, что это—оригиналъ изображенія, приложеннаго къ „Кавказскому Плѣннику“, т. е. оригиналъ перваго по времени извѣстнаго портрета Пушкина. Это мнѣніе Басистова и было занесено А. А. Венкстерномъ въ „Альбомъ“ означенной выставки. Кромѣ Н. И. Павлищева, заявившаго, что этотъ первый портретъ Пушкина сдѣланъ былъ С. Г. Чириковымъ, и родственники Чирикова утверждали, что послѣдній, дѣйствительно, разсказывалъ о какомъ-то портретѣ, снятомъ имъ съ лицеиста Пушкина, „въ которомъ главную роль играла рука“. Съ этими показаніями находится, однако жъ, въ совершенномъ противорѣчіи несомнѣнно заслуживающая довѣрія замѣтка въ „Художественной Газетѣ“ Кукольника 1837 г., № 9—10 [5]). Въ замѣткѣ сказано, что „сей портретъ нарисованъ наизусть, безъ натуры, К. Б., и обличаетъ руку художника, въ нѣжной молодости уже обратившаго на себя вниманіе всѣхъ тоговременныхъ любителей“. Подъ

---

[1]) Либровичъ, 78, 81; Межовъ, „Puschkiniana“, № 3650.

[2]) Либровичъ, 48—49; Описаніе Пушкинскаго музея Имп. Александровскаго Лицея, СПб., 1899, стр. 148; „Каталогъ Пушкинской выставки, устроенный комитетомъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“, СПб., 1880, стр. 7, № 47; В. И. Межовъ, „Puschkiniana“, № 3582, и друг.

[3]) О какомъ-то портретѣ Пушкина писалъ въ 1815 г. его лицейскій товарищъ А. Д. Илличевскій своему другу П. Н. Фуссу (Я. К. Гротъ, „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, изд. 2-ое, стр. 64).

[4]) Либровичъ, стр. 6—7.

[5]) „Письмо въ Парижъ“, стр. 160.

буквами „К. Б.“ здѣсь разумѣлся знаменитый К. П. Брюлловъ [1]), и вѣроятно на этомъ основаніи на петербургской Пушкинской выставкѣ, устроенной въ 1880 г. комитетомъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, гравюра съ упомянутаго портрета была названа „копіей съ оригинала К. П. Брюллова“ [2]). Брюлловъ или Чириковъ?—вопросъ остается открытымъ, и редакція изданія сочиненій Пушкина, выпущеннаго въ 1887 г. обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, прилагая портретъ въ новой гравированной копіи, тоже не рѣшилась окончательно приписать подлинникъ тому или другому и оставила въ силѣ неразрѣшимое пока „или“. Мнѣ кажется, что вопросъ этотъ разрѣшается слѣдующимъ образомъ. Противорѣчіе здѣсь кажущееся, и обѣ спорившія стороны, не понимая одна другую, были правы. Нарисованный Чириковымъ портретъ, можетъ быть тотъ самый, который былъ доставленъ на московскую выставку Басистовымъ, и который А. А. Венкстернъ [3]) называетъ „весьма схожимъ“ съ приложеннымъ къ „Кавказскому Плѣннику“, могъ быть нѣсколько измѣненъ молодымъ Брюлловымъ („Художественная Газета“ указываетъ несомнѣнно на него) по заказу издателя „Кавказскаго Плѣнника“, Н. И. Гнѣдича, которому Пушкинъ писалъ 27 сентября 1822 г.: „Александръ Пушкинъ мастерски литографированъ, но не знаю, похожъ ли“; эти слова показываютъ, что портретъ былъ сдѣланъ со стараго и не совсѣмъ удачнаго оригинала, которымъ пользовался, за неимѣніемъ другого, Брюлловъ, такимъ образомъ рисовавшій Пушкина „наизусть“. „Кукольникъ прибавилъ“—говоритъ П. А. Ефремовъ [4]),—„что портретъ „разосланъ, какъ воспоминаніе о молодыхъ лѣтахъ и поэта, и художника“ („Худ. Газ.“, стр. 160). Конечно, Уткинъ [5]) зналъ, съ чьего оригинала гравировалъ портретъ его ученикъ... Но какой-то пустословъ бездоказательно пустилъ слухъ, будто портретъ нарисованъ былъ лицейскимъ гувернеромъ [6]) С. Г. Чириковымъ, котораго ни Уткинъ, ни Ку-

[1]) „Не означаютъ ли буквы К. Б. Карла Брюллова?“—спрашивалъ П. И. Бартеневъ („Пушкинъ въ Южной Россіи“—„Русс. Арх.“ 1866, ст. 1177): „Когда Пушкинъ былъ въ Лицеѣ, тамошній учитель рисованія и надзиратель лицеистовъ Чириковъ снялъ съ него портретъ; но гдѣ онъ теперь, не извѣстно“.

[2]) См. „Каталогъ“ этой выставки, СПб., 1880, стр. 2, № 8.

[3]) „Альбомъ московской Пушкинской выставки 1880 г.“, М., 1882, стр. 26 изд. 2-е., М., 1887, стр. 25.

[4]) Сочин. Пушкина, изд. А. С. Суворина, т. VIII, 1905 г., стр. 383—384.

[5]) Н. И. Уткинъ, учитель Гейтмана, въ 1837 г. доставилъ „Художественной Газетѣ“ сохранившуюся у него доску, съ которой былъ отпечатанъ портретъ для приложенія къ „Кавказскому Плѣннику“.

[6]) Чириковъ былъ не только гувернеромъ, но, какъ вѣрно указалъ Бартеневъ, и учителемъ рисованія. (И. Селезневъ, „Историческій очеркъ Имп.

кольникъ не могли называть художникомъ, такъ какъ ни единаго изъ произведеній его никому неизвѣстно, да при томъ Чириковъ не видѣлъ Пушкина „ребенкомъ“, какъ видѣлъ (?) его Брюлловъ. На московской Пушкинской выставкѣ 1899 г., показывая этотъ портретъ, я передавалъ слухъ о Чириковѣ одному изъ московскихъ художниковъ и получилъ въ отвѣтъ: „да посмотрите только на ухо: развѣ кто-нибудь кромѣ Брюллова могъ такъ нарисовать его?— никакой Чириковъ, никогда!“ Рисунокъ, съ котораго была исполнена гравюра, конечно, хорошъ съ технической стороны, но не такое ужъ онъ высокое произведеніе искусства (не надо забывать, что мы знаемъ его въ обработкѣ гравера), чтобы его можно было приписывать только исключительно выдающемуся художнику, а незнакомство съ работами Чирикова не позволяетъ утверждать, что „никакой Чириковъ“ не могъ хорошо нарисовать ухо. Если рисунокъ дѣйствительно можно назвать „воспоминаніемъ о молодыхъ лѣтахъ“ Брюллова, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ „видѣлъ Пушкина ребенкомъ“; въ началѣ двадцатыхъ годовъ, когда Брюлловъ исполнилъ рисунокъ для изданія Гнѣдича, онъ былъ, конечно, „въ молодыхъ лѣтахъ“, и толковать иначе слова Кукольника нѣтъ никакихъ основаній.

Итакъ, мы можемъ приписывать Брюллову лишь участіе въ самомъ раннемъ изъ извѣстныхъ намъ изображеній поэта, а другой носящій его имя портретъ Пушкина должны признать грубой поддѣлкой, за что ручаются не только его техническіе недостатки, но и приведенныя здѣсь историческія данныя.

IV.

Изъ псевдо-пушкиніаны.

Въ 1883 г. „Историческій Вѣстникъ“ [1]) напечаталъ, въ качествѣ пушкинскихъ, извѣстные шуточные стихи, сообщенные владѣльцемъ подлинника, покойнымъ П. Я. Дашковымъ:

Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ,
Въ пятой ротѣ, въ домикѣ низкомъ,
Жилъ поэтъ Баратынскій
Съ Дельвигомъ, тоже поэтомъ.

бывшаго Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго Лицея“, СПб., 1861, стр. 61, 62, 134—135, 161, 373.

[1]) Февраль, 468.

Тихо жили они,
За квартиру платили не много,
Въ лавочку были должны,
Дома обѣдали рѣдко.
Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,
Шли они въ дожжикъ пѣшкомъ
Въ панталонахъ трекотовыхъ тонкихъ,
Руки спрятавъ въ карманъ (перчатокъ они не имѣли).
Шли и твердили шутя:
К а к о е в ъ р о с с і я н а х ъ ч у в с т в о!

„Самое содержаніе (?) ихъ“—замѣтила редакція—„и то, что они написаны рукою Пушкина, удостовѣряютъ ихъ подлинность“. Л. Н. Павлищевъ въ своихъ „воспоминаніяхъ“ о Пушкинѣ [1]) уже прямо, конечно, назвалъ пьесу принадлежащей Пушкину, а П. О. Морозовъ включилъ ее въ оба свои изданія сочиненій Пушкина [2]). П. А. Ефремовъ, не внесшій ее въ свое послѣднее изданіе, сообщаетъ, что Л. Н. Майковъ, внимательно разсматривавшій рукопись, призналъ въ ней руку не Пушкина, а его брата, Льва Сергѣевича [3]). Почерки обоихъ братьевъ были, какъ это бываетъ часто, довольно сходны между собою, и еще вопросъ, правъ ли былъ Майковъ [4]). Однако, изъ появившагося въ 1907 г. въ печати [5]) письма А. П. Марковой-Виноградской (Кернъ) къ П. В. Анненкову видно, что не Пушкинъ былъ авторомъ шутки. Посылая эти гекзаметры Анненкову, Кернъ прибавила, что они были ей „сообщены женою барона Дельвига и сложены когда-то вмѣстѣ съ Баратынскимъ“.

Приведенныя мнѣнія и показанія можно было бы обсуждать такъ или иначе, если бы мы не располагали гораздо болѣе цѣннымъ показаніемъ объ этой пьесѣ. Весною 1827 г., въ Москвѣ, Пушкинъ, разсказываетъ К. А. Полевой [6]), провелъ вечеръ у Н. А. Полевого, „гдѣ собрались всѣ пишущіе друзья и недруги... Пушкинъ вспоминалъ шутливые стихи Дельвига, *Баратынскаго* и заставилъ *послѣдняго* припомнить написанные *имъ съ Дельвигомъ*

---

[1]) „Историч. Вѣстн.“ 1888 г., т. XXXII, май, стр. 330—331; отд., М., 1890, стр. 193.

[2]) Литерат. фонда, I, 347; „Просвѣщ.“, II, 11.

[3]) „Мнимый Пушкинъ въ стихахъ, прозѣ и изображеніяхъ“—„Нов. Время“ 1903 г., № 9851.

[4]) Мы подозрѣваемъ, что не поэтомъ, а его братомъ писанъ извѣстный автографъ „Моей родословной“, принадлежащій библіотекѣ Кіевскаго университета; снимокъ приложенъ къ юбилейному Пушкинскому № „Извѣстій“ Кіевскаго университета, 1899 г., май.

[5]) „Пушкинъ и его современники“, вып. V, стр. 146.

[6]) Записки, СПб., 1888, стр. 209.

когда-то разсказы о житьѣ-бытьѣ въ Петербургѣ. Его особенно смѣшило то мѣсто, гдѣ въ пышныхъ гексаметрахъ изображалось столько же вольное, сколько невольное убожество обоихъ поэтовъ, которые „въ лавочку были должны, руки держали въ карманахъ (перчатокъ они не имѣли)!“ . . . . “[1]).

Переданное К. А. Полевымъ показаніе *самого Пушкина* вполнѣ подтверждаетъ слова А. П. Керн[2]) и окончательно рѣшаетъ вопросъ. Гекзаметры написаны не Пушкинымъ, а барономъ А. А. Дельвигомъ и Е. А. Баратынскимъ, на самихъ себя, и должны быть включены въ собранія произведеній какъ одного, такъ и другого поэта.

Н. Лернеръ.

---

[1]) Объ этомъ періодѣ жизни Дельвига и Баратынскаго см. у В. П. Гаевскаго („Дельвигъ“—„Соврем.“ 1853 г., т. XXXIX, отд. III, стр. 40—49), у кн. П. А. Вяземскаго („Старая записная книжка“—Сочин., VIII, 238—239) и въ „Перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“, III, 405.

[2]) Намъ уже приходилось указывать на рѣдкую въ мемуарной литературѣ вѣрность и точность воспоминаній Керн (Сочин. Пушкина, изд. С. А. Венгерова, примѣч. къ №№ 401, 540, 571, 574).

О декабристахъ Вегелинѣ и Игельстромѣ.

(Архивная записка)

Особымъ судомъ, въ іюнѣ 1827 г. были судимы поручикъ А. И. Вегелинъ и капитанъ піонернаго баталіона К. Е. Игельстромъ, какъ прикосновенные къ дѣлу декабристовъ. Они были сосланы въ Читинскій острогъ и Петровскую тюрьму. Впослѣдствіи, оба они были отправлены на Кавказъ, гдѣ принимали участіе въ борьбѣ съ горцами и дослужились до офицерскихъ чиновъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, оба они были поселены, первый въ Полтавѣ, а второму разрѣшено было жить въ Гродненской или Харьковской губерніяхъ.

Высочайшимъ приказомъ отъ 27 января 1843 г. былъ уволенъ отъ службы прапорщикъ Кабардинскаго Егерскаго полка Вегелинъ съ правомъ проживать тамъ, гдѣ онъ пожелаетъ, но безвыѣздно и подъ строгимъ секретнымъ надзоромъ. Вегелинъ избралъ Полтаву, куда и прибылъ въ маѣ мѣсяцѣ 1843 г.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ просилъ разрѣшенія переѣхать на жительство въ Орловскую губернію, Малоархангельскаго уѣзда, въ имѣніе барона Ипполита Вревскаго, гдѣ ему было предложено мѣсто управляющаго имѣніемъ. Но военный министръ нашелъ это излишнимъ, такъ какъ баронъ Вревскій, какъ писалъ онъ, „принялъ иныя мѣры для управленія имѣніемъ“. Въ сентябрѣ 1844 г. Вегелину разрѣшено было отлучаться въ Одессу и Новую Прагу (Херсонской губ.) по „собственнымъ дѣламъ“ и для свиданія съ начальникомъ 2 кирасирской дивизіи, генераломъ Эссеномъ, женатымъ на его племянницѣ. Скончался онъ въ Одессѣ, въ 1860 г. [1]).

Въ февралѣ 1843 г. былъ уволенъ отъ службы подпоручикъ Кавказскаго сапернаго баталіона К. Е. Игельстромъ. Онъ былъ отданъ подъ „секретный надзоръ“, о чемъ и дано было знать генералъ-губернатору Черниговской, Харьковской и Полтавской губерній кн. Н. А. Долгорукову. Въ августѣ мѣсяцѣ того же года ему было разрѣшено жить вездѣ, кромѣ столицъ. Вскорѣ онъ получилъ мѣсто завѣдующаго донецкими питейными сборами. Скончался въ Таганрогѣ, въ 1866 году [2]).

Сообщ. И. Ф. Павловскій.

---

[1]) Арх. Полт. Губ. Правл. 1843. № 59, св. 7.

[2]) Арх. Полт. Губ. Правл. 1843. № 45, св. 10.

Отрывочныя воспоминанія изъ прожитой мною жизни на морѣ и на сушѣ.

Предлагаемыя здѣсь воспоминанія были написаны мною на память, т. к. никогда, къ сожалѣнію, дневника не велъ. Разсказъ мой относится къ эпохѣ семидесятыхъ годовъ когда я почти непрерывно, въ теченіе десяти лѣтъ, служилъ на Амурѣ. Сухость и отрывочность изложенія, вмѣстѣ съ обличительнымъ его характеромъ, дѣлаютъ разсказъ мой пожалуй похожимъ на простой перечень мелкихъ фактовъ, но что жъ дѣлать, иначе не съумѣлъ бы написать. Амурскій край въ то время только зарождался и потому понятно, что жизнь въ немъ могла быть переполнена шереховатостью и ненормальными случаями. Все это впрочемъ было при старыхъ порядкахъ и общей въ странѣ неурядицѣ—но съ тѣхъ поръ прошло уже почти полстолѣтія.

Теперь, разумѣется, многое измѣнилось къ лучшему и прежнее захолустье замѣтно просвѣтлѣло. Надо однако сказать, что даже и въ то далекое время многіе изъ нашихъ амурскихъ піонеровъ приносили краю большую пользу своей честной и трудолюбивой службой; вѣдь не всѣ же пользовались тѣмъ, что до Царя было далеко, а до Бога высоко. По моимъ воспоминаніямъ читатель можетъ подумать, что тамъ творились только безобразія, при чемъ всѣми вмѣстѣ выпивалось несмѣтное количество водки; но это не такъ: на-ряду съ худымъ, было и много хорошаго, даже очень много хорошаго. Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю я всегда молодцовъ-матросовъ Амурской флотиліи, обыкновенно набиравшихся

изъ сибирскихъ линейныхъ батальоновъ. Это сплошь были умные, развитые и трудолюбивые люди. Надо думать, что вся Сибирь заселена такимъ народомъ. Эти сибирскіе солдаты обыкновенно черезъ какія-нибудь двѣ или три недѣли послѣ поступленія на судно становились прекрасными моряками.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія во главѣ правленія Кронштадтскаго порта стоялъ человѣкъ высокой честности и огромной энергіи, но въ то же время горячій и нервный. Помнится мнѣ, какъ я на похоронахъ одного корабельнаго инженера, будучи назначенъ начальникомъ воинской команды для погребальной церемоніи, едва успѣлъ пропустить мимо фронта колесницу, какъ по близости проѣзжалъ по улицѣ главный командиръ и кому-то велѣлъ узнать мою фамилію; на слѣдующій день онъ призвалъ меня къ себѣ на квартиру вмѣстѣ съ моимъ экипажнымъ командиромъ и разнесъ за то, что я будто при выносѣ покойника изъ церкви не командовалъ „на краулъ“; въ сущности же такого факта не было, потому что иначе музыканты не стали бы играть „коль славенъ“. Моихъ доводовъ горячій Степанъ Степановичъ не принялъ во вниманіе и приказалъ экипажному командиру меня на лѣто въ плаваніе не назначать ввиду того, что я не знакомъ съ воинскимъ уставомъ. Меня эта несправедливость до того разстроила, что я тутъ же рѣшилъ бросить службу въ Балтикѣ и совсѣмъ разстаться съ Кронштадтомъ, который мнѣ и по многимъ другимъ причинамъ уже давно былъ ненавистенъ.

Надо сказать, что около того же времени въ министерствѣ шли назначенія офицеровъ въ Сибирскій флотъ, и я, какъ лейтенантъ, имѣлъ право просить о переводѣ меня на Амуръ. Преимущественно туда посылали желающихъ. 5 апрѣля 1869 года состоялся приказъ о зачисленіи меня въ Амурскій фл. экипажъ, находившійся въ Николаевскѣ на Амурѣ, а 15 числа того же мѣсяца я уже выѣхалъ въ путь. Моимъ попутчикомъ въ этомъ путешествіи былъ старый и угрюмый лейтенантъ К. К. Дегеръ; онъ принялъ на себя и распорядительную и казначейскую часть. Доѣхавъ на пароходѣ до Перми, мы уже продолжали путь на перекладныхъ, и только къ 10 августа я былъ на мѣстѣ, несмотря на то, что остановки въ городахъ были крайне рѣдки и кратковременны. Дегеръ былъ до крайности разсчетливъ, а потому весь путь обошелся намъ чрезвычайно дешево. Онъ былъ также скупъ и на слова, общительности никогда не выказывалъ, но въ то же время былъ чрезмѣрно деликатенъ; это нерѣдко проявлялось у него тѣмъ, что всякій разъ,

когда на ухабахъ при толчкахъ онъ нечаянно задѣвалъ меня локтемъ, то непремѣнно извинялся. Повозка наша была имъ раздѣлена умственной линіей на двѣ совершенно равныя части, такъ что когда ему приходилось напримѣръ просушивать свои носовые платки, сполоснутые въ рѣчкѣ, то протягивалъ веревочку только на своей половинѣ кузова, строго наблюдая нерушимость демаркаціонной линіи. Мы ѣхали вмѣстѣ четыре мѣсяца и за все время другъ съ другомъ не проронили ни одного лишняго слова. Говорили только про остановки, самоваръ, ночлегъ и о ямщикахъ, а больше все спали или дремали, а когда бодрствовали, то тупо устремляли взоры въ далекое пространство, при чемъ каждый думалъ свою собственную думушку. Природа его нисколько не трогала; никакія красоты ея не могли привести его въ умиленіе. Онъ упорно молчалъ, и я боялся, какъ бы эта нелюдимость не повліяла на мой впечатлительный характеръ. Дегеръ былъ родомъ финнъ, и угрюмость его была ему присуща вѣроятно съ самаго рожденія.

Прибывъ въ Николаевскъ, гдѣ въ то время главнымъ командиромъ состоялъ адмиралъ И. В. Фуругельмъ, а экипажнымъ командиромъ кап. 1 ранга Жиркевичъ, я явился по начальству и тотчасъ получилъ назначеніе вахтеннымъ офицеромъ на транспортъ „Манджуръ“ подъ команду капит.-лейт. Шефнера. Плаванія наши на этомъ суднѣ ограничивались переходами до Декастри или Дуэ; дальше этого не ходили, т. к. Шефнеръ не любилъ моря и большихъ плаваній; пользуясь своими связями въ штабѣ, онъ устраивалъ себѣ скорѣе нѣчто похожее на пикники, чѣмъ на серіозныя порученія. Болѣе суровая служба края тогда доставалась на долю другихъ судовъ амурской флотиліи; тамъ еще оставались: „Америка“, „Японецъ“, „Моржъ“, „Горностай“, „Соболь“, „Сахалинъ“, „Востокъ“, „Пурга“ и „Куегда“.

Однажды, идя амурскимъ лиманомъ при совершенно попутномъ вѣтрѣ подъ парами, я вздумалъ на своей вахтѣ среди бѣла дня поставить паруса. Командиръ тогда спалъ въ своей каютѣ и никогда ни подъ какимъ видомъ не позволялъ себя будить, а я и воспользовался этимъ. Росписаній на транспортѣ для разныхъ маневровъ не существовало, и парусовъ раньше никогда не ставили, а потому я приказалъ боцману наскоро разсчитать людей по снастямъ и на марсы. Паруса были наконецъ безъ большихъ хлопотъ надраены, и я уже радовался увеличенію хода, какъ вдругъ на палубѣ показался заспанный Шефнеръ, одѣтый въ мѣховой пиджакъ и такую же шапку. Увидѣвъ паруса, онъ разразился гнѣвнымъ потокомъ ругательствъ и велѣлъ все убрать. „Это что за нововведеніе“? закричалъ онъ, „вы пріѣхали къ намъ изъ Петер-

бурга учить насъ! Видали мы и безъ васъ такихъ учителей, уберите все немедленно!“ Паруса этого судна были между прочимъ уже давно сгноены, вслѣдствіе того, что ихъ очень рѣдко просушивали. Вообще же, надо сказать, что порядки на „Манджурѣ“ были архаическіе, и большая часть команды состояла изъ подсудныхъ. Случалось, что грузы гражданскаго вѣдомства, подлежавшіе сдачѣ въ Дуэ для обмундированія сахалинскихъ каторжниковъ, нерѣдко расхищались изъ тюковъ самой командой. Однажды, при отдачѣ парусовъ для просушки, изъ марселей посыпались на палубу: кожаныя рукавицы, варяжки, осташи и даже полушубки. Вещи эти систематически выкрадывались всякій разъ при перегрузкѣ и прятались въ рубашкахъ парусовъ. Дознанія по этому дѣлу такъ и не производили.

Вообще и на другихъ судахъ амурской флотиліи того времени порядки были не лучше этихъ. Напримѣръ при встрѣчѣ двухъ кораблей флотиліи въ морѣ, командиры другъ другу салютовали орудіями, чего по уставу вовсе не полагалось; число выстрѣловъ при этомъ нерѣдко зависѣло отъ степени личной симпатіи командировъ одного къ другому. Въ такихъ случаяхъ ходъ на судахъ обыкновенно останавливали, одинъ изъ командировъ ѣхалъ къ своему пріятелю въ гости, и тамъ они уже обмѣнивались новостями и распивали по доброму стакану грога.

Суда флотиліи всегда зимовали близъ Николаевска въ протокѣ Пальво.—Это въ 30 или 40 верстахъ отъ порта. Въ началѣ октября, по окончаніи кампаніи и нашъ „Манджуръ“ попалъ туда на зимовку. На берегу стоялъ офицерскій флигель, гдѣ во время вооруженія и разоруженія офицеры флотиліи столовались. И на этотъ разъ офицеры наши перебрались во флигель, а меня командиръ на другой же день при свѣжемъ вѣтрѣ отправилъ въ Николаевскъ заготовлять командѣ казармы; для этой цѣли онъ мнѣ далъ судовую четверку съ парусомъ отъ вельбота и кромѣ 4 матросовъ назначилъ мнѣ въ помощь шкипера Клепикова (крещеный еврей), который, къ слову сказать, стоялъ у насъ на транспортѣ по распоряженію командира офицерскую вахту и даже носилъ почему-то мичманскіе погоны, хотя былъ въ чинѣ коллежскаго регистратора.

Выйдя изъ протока, я на четверкѣ скоро попалъ на отмель, гдѣ нѣкоторое время побился при сильной пургѣ. Въ портъ я прибылъ лишь поздно ночью. Погода была собачья, и какъ только мы не погибли на глубинѣ Амурскаго фарватера, это извѣстно лишь одному Богу! Мы всѣ вымокли и продрогли.

Что касается Клепикова, то надо сказать, что Шефнеръ къ нему почему-то очень благоволилъ и, когда принялъ въ командованіе

Сибирскій экипажъ, то взялъ его къ себѣ казначеемъ, а вскорѣ затѣмъ возложилъ на него очень серіозное порученіе: послалъ его въ Иркутскъ, чтобы вынуть изъ банка 60.000 рублей экономическихъ экипажныхъ денегъ. Какъ исполнилъ Клепиковъ это порученіе и кому онъ сдалъ деньги, если выручилъ ихъ, это мнѣ и другимъ осталось неизвѣстнымъ.

Первая моя зимовка въ Николаевскѣ познакомила меня съ береговой жизнью этого замѣчательнаго въ своемъ родѣ города.

Привожу здѣсь стихотвореніе, которымъ кто-то воспѣлъ прелести Николаевска; стихотвореніе это—переложеніе стиховъ подъ заглавіемъ „Неаполь“, было уже давно написано, какъ кажется, какимъ-то Головнинымъ.

Николаевскъ.

Ночь тихая, сырости полная,
Сугробы и голые пни,
И скользко тропинка окольная
Проходитъ по этой глуши.
Направо общипанный ельникъ,
Налѣво замерзшій Амуръ,
Трещитъ подъ ногами валежникъ,
И берегъ во мглѣ потонулъ.
А прямо всегда такой мрачный
Природою жалкой своей,
Стоитъ Николаевскъ печальный
Средь мусора, щепокъ и пней.
Прекрасны тамъ обѣ слободки,
Возможнѣйшей дряни хаосъ,
Тамъ всюду разбросаны кочки,
И свиньи копаютъ навозъ.
Порою летаютъ вороны
Надъ прежней землею Гилякъ.
То взвоютъ на разные тоны
Голодныя стаи собакъ.
Все такъ, но зачѣмъ же невольно
Мнѣ сердце сжимаетъ печаль,
И бьется оно какъ-то больно,
Какъ будто бы просится вдаль.
Туда, гдѣ Нева протекаетъ
И льетъ свои воды въ заливъ,
Гдѣ городъ Петра процвѣтаетъ,
Невзгоды въ себѣ притаивъ.

Ковшами въ немъ черпаютъ счастье
И крѣпко его берегутъ,
А здѣсь отъ тоски и ненастья
Лишь въ карты играютъ и пьютъ.
Тамъ пурги проклятой не знаютъ
И юколы нѣту гнилой,
И ваши глаза не встрѣчаютъ
Гиляковъ съ косматой косой.

Николаевскъ, какъ портъ, былъ основанъ еще въ Крымскую кампанію, вскорѣ послѣ занятія нами Амурскаго края. Портъ былъ перенесенъ сюда изъ Петропавловска и Аяна. Николаевскъ былъ въ свою очередь и самъ закрытъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Городъ стоитъ на лѣвомъ берегу Амура и имѣетъ двѣ большія слободки: Мокриловку и Теребиловку; посрединѣ между этими слободками находились домъ главнаго командира, полиція, острогъ, присутственныя мѣста, клубъ и женское училище. Казармы были въ Мокриловкѣ. Въ Теребиловкѣ жило купечество, и также имѣлись лавки, какъ и въ центрѣ города. Почта доставлялась въ Николаевскъ рѣдко и нерегулярно, но не взирая на это, общественная жизнь въ городѣ почти всегда била ключомъ. Балы, пикники, спектакли, свадьбы и проч. никогда не переводились, также, какъ и карты, и вино.

Нижніе чины имѣли право въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ покупать для себя спиртъ, но не иначе, какъ по запискамъ отъ ротныхъ командировъ. Водки въ Николаевскѣ вовсе не было, и вмѣсто нея интеллигенція распивала разведенный спиртъ, а матросы охотно пробавлялись и одеколономъ, который они могли свободно покупать безъ особаго разрѣшенія.

Судъ въ краѣ былъ еще дореформенный, и тамъ предсѣдатель и члены величались презусомъ и асессорами. Зимой и я попалъ въ асессоры морского суда. Презусомъ суда былъ кап.-лейт. Вас. Ив. Рыковъ. Мы собирались обыкновенно одинъ разъ въ недѣлю, но, какъ мнѣ помнится, за всю сессію ни одного дѣла не рѣшили. Засѣданія наши заключались обыкновенно въ томъ, что аудиторъ прочитывалъ о подсудности того или другого чина, затѣмъ въ законахъ отыскивались статьи наказаній, и по этимъ статьямъ часто тянулись долгіе разговоры и споры, а послѣ уже все заканчивалось тѣмъ, что презусъ суда напоминалъ объ адмиральскомъ часѣ, и всѣ не спѣша расходились по домамъ, по пути сообщая другъ другу какіе-нибудь старые анекдоты. Нижніе чины такимъ образомъ подолгу оставались подъ судомъ въ неизвѣстномъ состояніи. Этихъ-то

подсудимыхъ Шефнеръ и бралъ къ себѣ на транспортъ; онъ даже какъ будто кичился тѣмъ, что у него среди команды было много головорѣзовъ. Я и по-сейчасъ помню на „Манджурѣ“ такихъ, какъ Похорькова, Найденова, Непомнящаго и др., состоявшихъ подъ судомъ за убійства.

Для офицеровъ и чиновниковъ морского вѣдомства въ городѣ имѣлась казенная баня; однажды пошелъ я съ товарищемъ помыться и страшно былъ удивленъ, что горячая вода сильно отдавала рыбой и на поверхности была подернута жирнымъ налетомъ. На замѣчаніе объ этомъ матросу-банщику, онъ отвѣчалъ, что вода хорошая, чистая, но что въ ней варилась уха изъ кэты. Этотъ случай ужъ на долго отнялъ у меня охоту пользоваться казенной баней.

Женское училище или институтъ, какъ его тамъ называли, находился черезъ улицу противъ полиціи, и между этими зданіями довольно часто происходили экзекуціи каторжниковъ, наказываемыхъ плетьми. Дѣвицамъ института это зрѣлище доставляло повидимому не мало развлеченія. Онѣ съ особеннымъ любопытствомъ карабкались на подоконники, чтобъ не пропустить никакихъ подробностей. Читатель можетъ легко себѣ представить, какъ все это дѣйствовало на души юныхъ дѣвицъ въ воспитательномъ отношеніи. Начальница пансіона г-жа Урядова съ трудомъ выхлопотала, чтобъ нижнія стекла оконъ были наконецъ закрашены масляной краской.

Я жилъ въ Мокриловкѣ и помню, какъ съ наступленіемъ первой моей тамъ зимы однажды поднялась такая пурга, что двери и окна нашего дома были сплошь занесены снѣгомъ; цѣлый день нельзя было выйти изъ дома, пока наконецъ люди извнѣ не пришли къ намъ на помощь и не отгребли снѣгъ. Морозы нерѣдко доходили до 40°.

По вечерамъ ѣздовыя собаки поднимали непріятный вой, а въ довершеніе всего, улицы были немощеныя и освѣщались масляными фонарями. Однако, несмотря на всѣ эти прелести, интеллигенція города и главнымъ образомъ офицеры коротали вечера по-своему очень весело. Зимой ни у кого изъ послѣднихъ никакой службы не было, если не считать очередныхъ дежурствъ по порту и экипажу.

Во время одного изъ моихъ дежурствъ по экипажу, фельдфебель нестроевой роты Зиндовичъ разсказалъ мнѣ, что когда онъ раньше служилъ въ арміи, то однажды участвовалъ въ экспедиціи небольшого отряда, посланнаго гр. Муравьевымъ изъ Петровскаго зимовья въ Благовѣщенскъ по бездорожью тайгой и что вслѣдствіе нераспорядительности подлежащаго начальства, на большомъ протяженіи

пути слѣдованія, не оказалось заготовленнаго правіанта. Отрядъ голодалъ и страдалъ отъ цынги, мошкары и ранъ на ногахъ. На одномъ переходѣ послѣ того какъ люди въ теченіе четырехъ сутокъ оставались безъ всякой пищи, они пришли наконецъ въ такое отчаяніе, что по общему соглашенію рѣшились бросить жребій, чтобъ пожертвовать однимъ изъ товарищей для утоленія голода остальныхъ.

Узнавъ объ этомъ соглашеніи, одинъ юнкеръ, бывшій въ отрядѣ, зная, что ему во всякомъ случаѣ не дойти до мѣста живымъ, вызвался самъ лишить себя жизни и такимъ образомъ дать возможность всѣмъ прочимъ его съѣсть. Онъ застрѣлился, и его дѣйствительно съѣли. Послѣ двухъ послѣдующихъ большихъ переходовъ отрядъ пришелъ къ мѣсту, гдѣ его уже ожидали съѣстные припасы. Этому разсказу я сначала никакъ не хотѣлъ вѣрить, но позже слышалъ подтвержденіе его отъ отст. подполковника Урядова, жившаго въ томъ же Николаевскѣ. Онъ мнѣ говорилъ, что самъ участвовалъ въ походѣ того отряда и поневолѣ былъ однимъ изъ числа совершившихъ страшный актъ каннибальства, „голодъ не тетка“, сказалъ онъ въ свое оправданіе, „за то вѣдь весь отрядъ дошелъ до мѣста, а все разстояніе равнялось 2000 верстъ!“

Ранней весной 1870 года я еще по зимнему пути выѣхалъ по назначенію начальства во Владивостокъ для службы на канонерской лодкѣ „Горностай“, которая готовилась тогда для заграничнаго плаванія въ водахъ Китая и Японіи, и главнымъ образомъ, чтобы состоять въ распоряженіи А. Е. Влангали, бывшаго тогда посломъ въ Пекинѣ. Прекрасный санный путь по Амуру и Уссури доставилъ меня благополучно черезъ озеро Ханко до поста Камень Рыболова, а затѣмъ началась распутица, и далѣе мнѣ пришлось продолжать путешествіе верхомъ на лошади. Такъ какъ я ѣхалъ по казенной подорожной, то по всему тракту отъ поста къ посту меня провожали два казака, и все это странствованіе продолжалось около двухъ недѣль, причемъ я еще везъ съ собой въ трехъ мѣшкахъ казенное серебро въ рубляхъ для передачи его начальнику Владивостокскаго поста, кап.-лейт. Этолину. Однажды, при переходѣ со вьюкомъ вбродъ черезъ рѣчку Сѣданку, лошадь моя споткнулась, и одинъ изъ мѣшковъ съ деньгами, вѣсомъ около двухъ пудовъ сорвался съ вьюка и упалъ въ воду; деньги конечно тотчасъ нашлись, хотя ихъ изъ воды доставали съ большимъ трудомъ, т. к. вода была выше брюха лошади. Дорогой мы вдали на склонахъ горъ видѣли тигровъ, которые грѣлись и рѣзвились на солнцѣ. Насъ они не трогали, хотя часто глядѣли и въ нашу сторону.

Прибывъ на мѣсто, я представилъ по назначенію деньги и явился къ командиру лодки, лейтенанту Астолопову. Вооруженіе

„Горностая“ тянулось довольно долго. Тутъ я случайно встрѣтился на берегу съ лейтенантомъ Гекомъ, который меня познакомилъ со своимъ братомъ и съ первыми поселенцами Уссурійскаго края; это все были финляндцы, прибывшіе на Амуръ на частномъ китобойномъ бригѣ „Александръ“. Самый бригъ представлялъ собой четыреугольный деревянный ящикъ съ очертаніями едва похожими на корабль. На бакѣ этого брига помѣщался большой чугунный котелъ, въ которомъ команда вываривала китовый жиръ. Командиромъ былъ вольный шкиперъ, братъ Гека; это былъ настоящій обвѣтрившійся морской волкъ съ сиплымъ голосомъ; когда вы съ нимъ говорили, то казалось, что его отвѣты шли откуда-то изъ-подъ киля, а не отъ него. Весь комплектъ команды доходилъ численностью до 60 человѣкъ: все были профессора въ очкахъ, студенты, рабочіе и нѣсколько женщинъ съ повивальной бабкой включительно. Колонія этихъ финлянскихъ поселенцевъ на первыхъ порахъ поселилась въ бухтѣ „Стрѣлокъ“, гдѣ она впрочемъ продержалась не долго; о дальнѣйшей ея участи я ничего не знаю.

Помню, что, выходя на „Горностаѣ“ первый разъ въ море, мы не имѣли достаточнаго запаса масла для машины и принуждены были изъ частныхъ лавокъ скупать все имѣвшееся тамъ прованское столовое масло въ бутылкахъ; за каждую такую бутылку платили по рублю. Помытарствовавъ затѣмъ по Южнымъ нашимъ гаванямъ, мы направились въ Шанхай съ заходомъ по пути въ Нагасаки, а позже на зимовку въ Ханькоу и уже оттуда окончательно въ Тянь-Тзинь на станцію. Ошвартовившись тамъ у пристани близъ дома нашего почтеннаго коммерсанта г. Старцева, мы было уже совсѣмъ расположились на отдыхъ, какъ вдругъ въ это время на берегу среди китайскаго населенія вспыхнулъ мятежъ. Въ китайской части города рѣзали и убивали на улицахъ всѣхъ встрѣчныхъ европейцевъ, а потому понятно, въ какомъ страшномъ переполохѣ были послѣдніе, тѣмъ болѣе, что кромѣ нашего „Горностая“ въ портѣ не было ни одного стаціонера. Китайцы перерѣзали въ католическомъ женскомъ монастырѣ всѣхъ монахинь, а затѣмъ сожгли и самое ихъ жилище; они убили также на улицѣ русскую молодую чету Иконниковыхъ, въ то время, когда они въ паланкинѣ дѣлали свои послѣсвадебные визиты.—Всѣ дальнѣйшіе безпорядки однако скоро окончились, и европейское населеніе успокоилось, когда нашей командой были къ тому приняты всѣ мѣры. Скоро въ Тянь-Тзинь пришли также французская и англійская лодки.

Б. К. де-Ливронъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Молодцеватый новобранецъ.

Почти до самыхъ послѣднихъ годовъ прошлаго столѣтія все умственное образованіе, которымъ снабжался молодой солдатъ въ полку, состояло въ заучиваньи наизусть разныхъ свѣдѣній изъ солдатской памятки. Въ 70-хъ и 80-хъ же годахъ это обстояло еще проще.

По прибытіи въ часть, новобранецъ съ перваго же дня долженъ былъ заучивать, кромѣ молитвъ, свѣдѣній о знамени, присягѣ, долгѣ службы, имена всѣхъ особъ Царской фамиліи, братьевъ и дядей Государя и всю лѣстницу многочисленныхъ начальствующихъ лицъ, начиная съ военнаго министра, начальника главнаго штаба и кончая своимъ дядькою.

Этотъ отдѣлъ военнаго образованія назывался „словесностью". Отвѣты на смотрахъ требовались ясные и отчетливые, и нечего говорить, что при сплошной безграмотности нашего мужичка и крайнемъ его неразвитіи, это обученіе превращалось въ форменную пытку какъ для солдата, такъ и для его обучающаго.

Обыкновенно, повторенное одинъ и два раза объясненіе офицера тотчасъ же забывалось, и приходилось заставлять новобранцевъ заучивать со словъ дядьки.

Стоитъ дядька передъ новобранцемъ и говоритъ:

— Ну, повторяй за мною: военный министръ его высокопревосходительство, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, Петръ Семеновичъ Ванновскій.

Новобранецъ, какъ попугай, повторяетъ слово за словомъ.

— Ну, повторимъ еще разъ.

И дядька снова повторяетъ съ новобранцемъ титулъ военнаго министра.

— Ну, скажи теперь мнѣ: кто у насъ военный министръ? пробуетъ провѣрить дядька.

— Не могу знать, господинъ ефлеторъ.

— Вотъ дубина! Ну, повторяй еще.

И начинается опять обоюдное мученье.

А когда, бывало, дойдутъ до такой трудной фамиліи, какъ начальникъ окружнаго штаба, генералъ-лейтенантъ Шафгаузенъ-Шэнбергъ Экъ фонъ-Шауфусъ, то и съ дядьки и съ новобранца градомъ валитъ потъ.

Дѣло осложнялось больше, если попадались новобранцы изъ сѣверныхъ или западныхъ губерній, незнающіе русскаго языка. Это было тяжелымъ испытаніемъ и для новобранца и для дядьки и для наблюдающаго офицера, въ большинствѣ случаевъ молчаливаго свидѣтеля этой экзекуціи.

Кромѣ заучиванья наизусть фамилій, новобранецъ долженъ былъ, ни разу не видавши въ глаза своего начальника, безошибочно узнавать его на улицѣ, чтобы отдавать установленную положеніемъ честь: становясь во фронтъ или не становясь во фронтъ. Въ этомъ отношеніи не было никакихъ послабленій, и по исправному отданію чести судили о порядкѣ въ части, а за ошибки сильно подтягивали.

Дѣло происходило въ N. въ концѣ 70-хъ годовъ.

Дядька стоитъ передъ новобранцемъ и учитъ:

— Ну, говори за мною: начальникъ мѣстныхъ войскъ N...скаго военнаго округа, его превосходительство генералъ-лейтенантъ...

Новобранецъ повторяетъ и наконецъ заучиваетъ.

— Ну, вотъ, радостно говоритъ дядька, когда встрѣтишь его на улицѣ, то за четыре шага становись ему во фронтъ, прикладывай руку къ головному убору, а самъ во всѣ глаза гляди на него. А какъ проѣдетъ мимо тебя, то поворачивайся; не опуская руки и не поворачивая головы, сдѣлай два шага по новому направленію, а потомъ опускай руку, поверни голову и иди дальше.

И дядька продѣлываетъ передъ новичкомъ весь ритуалъ отданія чести, становясь во фронтъ.

— Да смотри, не прозѣвай его, подтверждаетъ дядька, а то будетъ тебѣ баня. Онъ сердитый и зѣвакъ не любитъ. А узнаешь его ты еще издали. Онъ ѣздитъ въ тарантасѣ, парой, и такой изъ себя маленькій, пузатый, рожа корявая.

Въ слѣдующее воскресенье послѣ обѣда новобранецъ попросился на базаръ. Дядька осмотрѣлъ его, чтобы чисто и по формѣ былъ одѣтъ, и снабдилъ надлежащимъ наставленіемъ.

Новобранецъ былъ смышленый и шелъ, бодро поглядывая по сторонамъ, чтобы—не дай Богъ!—не просмотрѣть кого-либо изъ начальства.

Не успѣлъ новобранецъ пробѣжать трехъ кварталовъ, какъ

видитъ, что катитъ тарантасъ парою, и въ немъ сидитъ генералъ, точь въ точь такой, какъ описывалъ дядька.

Новобранецъ ловко сталъ во фронтъ, приложивъ руку къ головному убору, и ѣстъ начальство глазами.

Генералъ еще издали увидалъ солдата, и опытный военный глазъ сразу узналъ въ немъ новобранца. Генералу понравилась молодцеватость и лихое отданіе чести молодого солдата. Онъ не утерпѣлъ и, захотѣвъ поощрить такого молодца, велѣлъ кучеру остановиться и знакомъ подозвалъ къ себѣ новобранца.

— Резервнаго баталіона? спросилъ его генералъ.

— Такъ точно, Ваше Превосходительство! гаркнулъ новобранецъ.

— Новобранецъ?

— Такъ точно, Ваше Превосходительство.

— Какъ фамилія?

— Мишаринъ, Ваше Превосходительство.

— Какой роты?

— Второй, Ваше Превосходительство.

— Кто у тебя ротный командиръ?

— Его Благородіе, командиръ 2-й роты, капитанъ...., Ваше Превосходительство.

— Молодецъ, Мишаринъ! похвалилъ генералъ.

— Радъ стараться, Ваше Превосходительство!

— А ты меня знаешь?

— Такъ точно, Ваше Превосходительство.

— Кто же я?

— Вы изволите быть командующій мѣстными войсками N...ковскаго военнаго округа, его превосходительство, генералъ-лейтенантъ...

— Молодецъ, молодецъ! говорилъ генералъ.

— Радъ стараться, Ваше Превосходительство, кричалъ ободренный новобранецъ.

— А ты видалъ меня когда-нибудь прежде?

— Никакъ нѣтъ, Ваше Превосходительство.

— А почему же ты узналъ меня?

— По корявой рожѣ, Ваше Превосходительство.

— Поѣзжай! закричалъ генералъ кучеру.

Встрѣча эта прошла безслѣдно и для новобранца, и для ротнаго командира.

К. О.

Порядки на дальнемъ востокѣ въ концѣ XVIII столѣтія.

(Копія съ письма Ивана Спиридонова графу Николаю Петровичу Шереметеву отъ 13 апр. 1792 г.)

Сіятельнѣйшій графъ
Милостивый Государь
Николай Петровичъ.

Раболѣпно падаю предстопы вашего сіятельства государя и отца моего вжизнь еще в бозѣ почивающей блаженные памяти вашей родительницы милосердой ко мнѣ матери Графини Государыни Варвары Алексіевны милостію вашихъ родителей 1759 году уволенъ я рабъ вашъ из Суздальской Вашего Сіятельства вотчины из села Иванова всибирския города, даже и до камчатки зданнымъ мнѣ пашпортомъ от суздальской Правинціальной Канцеляріи для работъ и промысла а потем моим трудамъ неусыпным и обращениям приобрѣлъ достатокъ вкапитале из коего за раздачею въ долги а по несобраніи оныхъ сразнаго чина и звания людей продолжалъ житіе свое въ камчаткѣ до времени. На послѣдокъ же когда я намеренъ былъ ис того краю выехать и явитца къ Вашему Графскому Сіятельству тогда случился образцовой казусъ совершеннаго мне притеснения раззорения отъ главнаго бывшаго в камчаткѣ командира Надворнаго Совѣтника Франца рейникена прошлаго 1786 году августа 13 дня почему выезжалъ я ис камчатки на судне въ охотскую область и подалъ господину коменданту Козлову Угреніну на Всевысочайшее Ея Императорскаго Величества имя жалобницу въ притеснении меня и раззореніи до конца по которой моей жалобнице возвращенъ я тогдажъ былъ обратно въ камчатку для изследованія того дела на месте взятія формальныхъ допросовъ

отъ показанныхъ мною свидетелей и дѣло сіе отъ охотской области препоручено Нижнекамчатскому земскому Исправнику господину Коллежскому Ассесору Штенгейлю но защищая того господина рейникена бывшей тогда нижнекамчатской городничей господинъ Коллежской Ассесоръ Орленковъ помянутаго исправника Штенгейла ко изслѣдованию не допустилъ и людей для взятія допросу и достовѣрнаго свидетельства не далъ и такъ я оставался до получения вторичного охотской области повеления кое и воспоследовало прошлаго 1790 году кое и прислано было на имя господина Секундъ-Маиора Василья Шмалева коимъ во обездѣ ево по камчаткѣ изследованиемъ и приведено ко окончанию съ яснымъ свидетельствомъ которое дело отъ господина Маиора Шмалева и представлено вдешнее наместнеческое правленіе и какъ я приведенъ до такой крайности что мнѣ выехать без помощи знающихъ меня добрыхъ людей роду купецкаго не имелъ силъ должася имъ выехать вгородъ Иркутскъ вкоемъ и надеялся скорого решительнаго по сему исковому делу окончания точіи предвидетца соперникъ мой рейникенъ человекъ отъ камчатскаго пребывания богатой золотомъ бобрами соболями и черными лисицами и жемчугомъ то уже вразсужденіи моей бѣдности а ево полномочія более раболѣпствуютъ время чести на ево сторону снисхожденіемъ а на мои дѣла протяженіемъ такъ что не действуетъ еще и то что онъ за потраву одной курицы дѣйствительно служащаго казака Якова Мошкова в камчаткѣ замучилъ плетми которой на другой день отъ того и жизнь свою кончилъ. Симъ донеся Вашему Графскому Сиятельству о своемъ здесь нахождении осмеливаюсь просить милостивѣйшаго вашего покровительства защиты и помиловать отъ именитаго полномочнейшаго соперника я бѣдной безпомощи Вашего Графскаго Сиятельства а колми паче не имѣю себѣ за раззорениемъ всего моего нажитаго трудами имущества господиномъ рейникенымъ а паче того по изувеченію имъ ни кмалейшимъ трудамъ силы не имѣю и врукахъ достатку страшусь и къ справедливымъ моимъ деламъ дальнейшихъ и напрасной волокиты происходящаго отъ натяжекъ рейникена обвинения всякими домогательствами меняжъ разтерзаннаго обвинить я бѣдной предаю себя Вашему Сиятельству по старости моихъ лѣтъ при послѣднихъ еще дыханіяхъ моихъ въ покровительство и защиту принять слугу вашего и о семъ изяснить Вашему Сиятельству осмѣливаюсь и то что противъ желания моего принужденно записанъ былъ по тамошнему месту вкупцы почему и имелъ неоспоримое право торговать и какъ онъ меня рейникенъ мучилъ въ камчаткѣ болно на смерть и притомъ вызывался что де ныне своихъ господъ не просишъ они де вмоскве а я здесь вотъ

тебе графы такъ сказалъ когда меня мучилъ и твоя де жизнь состоитъ въ моей волѣ: тогда и отъ лавки моей и ключи у меня отобралъ и тогда я былъ при самой моей кончине то тогда въ лавку мою посылалъ якобы для описи товаровъ а я единственно почитаю для единаго грабительства какъ отъ меня и въ поданной жалобнице подробно наместническому правленію да и самому Господину Генералъ-Губернатору сдешнему Пилю представлено да не токмо мнѣ бѣднейшему крестьянину вашему но и полномочнымъ купцамъ морскихъ галиотовъ компанионамъ помянутой камчатской командиръ рейникенъ зделалъ купцу якутскому Лебѣдеву Ласточкину напрасныхъ раззорительныхъ убытковъ более 40000 рублевъ кой здесь чрезъ шестилѣтнее продолженіе по присутственнымъ местамъ не могъ получить еще удовольствия почему уже принужденъ дело свое на апеляцію перевесть въ Правительствующій Сенатъ Санктъ Петербургской во второй департаментъ а я бѣдной что могу зделать стакимъ богатымъ чиновникомъ болие ничево какъ во ожидании бѣдственнаго себѣ приключения а толко ныне буду во ожидании отъ Вашего Графскаго Сиятельства милостивой себѣ защиты и покровительства размученному и раззоренному сироте вашему сколько я странствовалъ наживалъ и то у меня разграбилъ онъ рейникенъ тунно потому Ваше Графское Сиятельство для воспоминовенія своихъ родителей меня бѣднаго защитите какъ есть я вашъ рабъ слѣдовательно и все ваше только чтобъ напрасно не потерялось. А саперникъ мой человѣкъ очень достаточной съ коего взыскать есть надежда сверхъ же того тотемскаго купца Алексея Холодилова котораго прикащики воспользовались полученіемъ двойнымъ по одной вексельной и не засвидетельствованной копіи денегъ и кои подделомъ обязались: 783 года ноября дня подпискою естьли о полученныхъ ими денгахъ воспоследуетъ какое дело какъ я обяснилъ что они уже и заплачены то чтобъ они оныя съ того времени возвратить спроцентами: довольно сего что они безъ всего приступили ко взысканію должны тоже ответствовать по елику отъ сего самого проистекъ источникъ моего раззоренія простирающаго более 17000 рублей гдеже искать угнетенному раззоренному и безсильному отъ руки силнаго защіты кромѣ какъ только отъ Вашего Графскаго Сиятельства сия всепокорнѣйшая прозба не отъ слезъ но отъ сущей крови пролитой тѣмъ господиномъ рейникеномъ вопиетъ и помилования угнетенной сирота вашъ слуга в здешнихъ отдаленныхъ отъ Россіи местахъ отъ помощи руки вашей ожидаю; лишенной здоровья; и всего трудами моими приобретеннаго более 17000 рублей имения даже лишилъ меня тотъ господинъ рейникенъ дневнаго пропитания а

только добродетельными людми которые въ доставке меня знали пищею не оставляютъ и за честь имени вашего Сиятельства тоже обиженной отъ моего раззорителя и мучителя якутской купецъ Лебѣдевъ Ласточкинъ сей человеколюбивый и снисходительный ко всемъ бѣднымъ человекъ и самъ страждетъ отъ него же рейникена своего тоже угнетениемъ лишившагося капиталу более 40000 рублевъ не оставляетъ меня пищею и квартирою и оной впродолжении шести годичнаго времени безъ всякаго въ здешнемъ отдаленномъ краю противу полномочности рейникена и подъ разными видыухищренностями и выкрутками удовлетворения получить не можетъ благодѣяния его ко мне есть великія столь что я принялъ смелость просить Ваше Графское Сиятельство о поданіи ему благотворную руку вашу помощі и по делу до него касающемуся которое по неправому решению здесь въ гражданской полате в двухъ судахъ рейникенъ совсемъ обвиненъ и по затменію великобогатого рейникена двухъ полатскихъ членовъ взялъ тотъ компанѣйщикъ аппеляцію въ правительствующій сенатъ во 2 депортаментъ простите дерзновенію моему и всей прозбе вашего ходатайствования поелику сей человекъ кромѣ всякаго мнѣ вспоможения и благотворства всеревностно вступаетца за честь и имя ваше не щадя для услуги Вашему Сиятельству своего капиталу и для совершеннаго и обстоятельнаго знанія дела моего осмеливаюсь при семъ приложить точныя копіи.

1. споданной мною въ охотскѣ на Всевысочайшее имя жалобницы тамошнему коменданту Господину полковнику Григорью Алексеевичу Козлову Угреніну изъ коей Ваше Графское Сиятельство всю подробность и видете тоже и по прибытіи выркутскъ къ Его Высопревосходительству здешней губерніи правящему должность Генералъ-Губернатора Ивану Алферьевичу Пилю; 2, каковое отъ него вышло на оное предписаніе; 3, стребование Господина Штенгейла отъ городничаго Орленкова объ изследованіи дела моего на месте и тоже по числамъ видима совершенно моя проволочка и угнетение а кзакрытію богопротивныхъ поступковъ того рейникена затмеваютъ мракомъ по богатству ево и священной справедливой высокомонаршей законъ остаетца а только говоритъ злато и драгоценной господина рейникена пушной товаръ (также) черные лисицы соболи и протчее также слухомъ онъ здесь наполнилъ: не токмо де здесь но и правительствующей сенатъ во всемъ меня оправдаетъ и по всемъ деламъ и есть за что довольно де отослано отъ меня добреца: а ктому есть тамоде и меня свой свиніинъ лебъ шрургіусъ блокъ при дворе то онъ де вырабатываетъ все по мне и о семъ донести Вашему Графскому Сиятельству осмеливаюсь вразсужденіи

Вашего родства и дружества о сейже оказіей писалъ о всемъ происхожденіи къ Графу Алексею Кириловичу Разумовскому съ испрашиваніемъ вспомоществованія и заступленія такового же защищенія проливаю слезы понапрасну мученной раззоренной и страждущей всего тиранства учиненнаго мнѣ бѣднѣйшему.

Вникните Милостивѣйшей Государь вразсмотреніе моего дела заступите своего слугу безвинно страждущаго и не дайте впосмеяние свое имя гремящему вдешнемъ месте моему сопернику торжествовать и завладеть немалотысячною суммою капитала моего которой капиталъ такъ равно и я совсемъ вашъ и принадлежитъ квамъ. все дело представивъ краземотрѣнию Вашего Графскаго Сиятельства: а безъ того пропащей я сирота вашъ затмитъ и помрачитъ соперникъ мой господинъ рейникенъ богатствомъ своимъ по уголовной полатѣ какъ известно ему другъ Совѣтникъ Рязановъ оной полате а къ тому и о капитале разграбленномъ моемъ имѣть симъ формальной судъ кто сыщетца за меня говорить безъ денегъ и гербовую бумагу купить не на что утвердительныя уже формальные суда съ нимъ достаточныя люди какъ выше донесено Лебѣдевъ Ласточкинъ и Ситниковъ со слезнымъ имѣютъ но мучатца а ничего не получаютъ прошу моего создателя чтобъ всердце ваше всевышне вдохновение преподало сожаление неповинно замученному и раззоренному рабу вашему ниспослать помощь туда дело и меня или повѣреннаго сюда вашего прислать а я бѣдной нахожусь вчахотной отъ тиранства побой и вжизни своей безнажежнымъ.

Въ ожиданіи остаюсь с совершенною надеждою защиты
Вашего Графскаго Сиятельства
неисключимый и всегдашній
слуга Іванъ Спиридоновъ

Сообщилъ Д. Бурылинъ.

Апрѣля 13-го дня
1792 г.

Пребываніе Цесаревича Александра Николаевича въ Пензѣ въ 1837 году.

(Письмо Д. Олсуфьева къ М. Н. Муспну-Пушкину, попечителю Казанскаго учебнаго округа).

5-го Іюля 1837 г. Пенза.

По желанію в. пр-ва спѣшу сообщить Вамъ, что Е. И. Выс-во Цесаревичъ прибылъ въ Пензу Іюня 29 числа 11 часовъ вечера.

На другой день послѣ представленія чиновниковъ, дворянства и обозрѣнія тюремнаго замка и заведеній Приказа общественнаго призрѣнія, въ 12 часовъ осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ гимназію. Такъ какъ день былъ учебный, то учащіе и учащіеся находились при своихъ мѣстахъ, а ученики училищъ: уѣзднаго и приходскаго размѣщены были въ залѣ гимназіи, вмѣстѣ съ учителями своими, и учителями гимназіи, которые въ тотъ день не имѣли классовъ. Рисунки, карты, опыты чистописанія на всѣхъ преподаваемыхъ въ гимназіи языкахъ и сочиненія нѣкоторыхъ, разложены были на столѣ въ парадной залѣ гимназіи.

При самомъ входѣ Е. И. Вы-ва я имѣлъ счастіе подать рапортъ о состояніи гимназіи и прочихъ учебныхъ заведеній въ губерніи находящихся.

При посѣщеніи Е. Выс-ва въ первомъ классѣ преподавался латинскій языкъ, во второмъ классѣ ариѳметика, въ третьемъ Законъ Божій, въ семъ послѣднемъ Е. Выс-во приказалъ сдѣлать при себѣ нѣсколько вопросовъ, въ четвертомъ классѣ преподавалась россійская граматика, изъ которой Цесаревичу угодно было также приказать дать вопросы, въ пятомъ классѣ изъ всеобщей исторіи также по приказанію Наслѣдника сдѣланы были вопросы, въ шестомъ въ урокъ словесности также по приказанію Е. Выс-ва предлагались вопросы, при чемъ Государь Цесаревичъ самъ обратился къ учителю Савельеву и желалъ знать, по чьей именно

книгѣ преподается словесность; наконецъ, въ седьмомъ классѣ, въ присутствіи Е. Выс-ва преподавалась математика и также по приказанію предлагаемы были вопросы, при чемъ Е. Выс-во относясь къ Г-ну директору, замѣтилъ, что вообще въ Казанскомъ Округѣ математика преподается съ большимъ успѣхомъ въ сравненіи съ другими учебными округами, что подтвердилъ потомъ и Василій Андреевичъ Жуковскій, у котораго я былъ вмѣстѣ съ директоромъ и инспекторомъ Антроповымъ.

Въ залѣ привѣтствовалъ учениковъ училищъ и тутъ же были представлены мною Е. Выс-ву Наслѣднику Престола: почетный смотритель Жедринскій, учителя тутъ бывшіе и два студента Московскаго университета, находящіеся въ отпуску. Ученики отвѣчали при семъ случаѣ удовлетворительно.

Въ залѣ портретъ Государя Императора обратилъ вниманіе Е. Выс-ва, при чемъ по ходу разговора Г-нъ губернаторъ не преминулъ довести до свѣдѣнія Е. Выс-ва о предположеніи дворянства устроить пансіонъ при гимназіи.

Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ, и Е. Выс-во осчастливилъ своимъ присутствіемъ балъ, данный дворянствомъ и купечествомъ въ галлереѣ, устроенной особенно по сему случаю на гуляньѣ и на другой день по утру въ шесть часовъ изволилъ отправиться въ дальнѣйшій путь и переѣхалъ границу Пензенской губерніи благополучно 2-го числа, въ чемъ могу увѣрить в. пр-во, потому что самъ Г-нъ губернаторъ имѣлъ счастіе провожать Е. Выс-во.

Вотъ все, что могу сказать замѣчательнаго въ столь краткое пребываніе у насъ Государя Наслѣдника, которое какъ бы вновь возвратило намъ незабвенныя минуты пребыванія Государя Императора въ Пензѣ прошедшаго года.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и
совершенною преданностію на всегда пребыть честь имѣю,
Милостивый Государь,
Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Дмитрій Олсуфьевъ.

Сообщила В. Корсакова.

Къ біографіи композитора Д. Бортнянскаго.

Послѣ кончины Д. Бортнянскаго остались у него 84 пьесы его сочиненій, выгравированныя на 227 мѣдныхъ и 662 оловянныхъ доскахъ, что ему обошлось 25 тысячъ асс. Дѣтей у него не было, и наслѣдниками были его жена Анна Бортнянская, дворянка Анна Уманцова, жена капитана Елена Мазилева съ дѣтьми и Марья Ляшенкова. Вдова Бортнянская, съ согласія остальныхъ наслѣдницъ, подала въ январѣ мѣсяцѣ 1826 года на Высочайшее имя прошеніе, въ которомъ просила принять эти доски для придворнаго „пѣвческаго корпуса“. Прошеніе это было отослано на имя министра двора кн. П. М. Волконскаго, которому она писала и просила за это вознагражденіе наслѣдниковъ „по Высочайшему назначенію“. Не получая долго никакого отвѣта отъ кн. Волконскаго, вдова Бортнянскаго обратилась съ просьбой къ кн. Н. Г. Репнину, занимавшему тогда постъ малороссійскаго генералъ-губернатора.

Кн. Репнинъ сочувственно отнесся къ этому и просилъ съ своей стороны министра двора оказать просьбѣ вдовы благосклонное вниманіе „почитая себя въ обязанности быть ходатаемъ о просительницахъ, какъ принадлежащихъ краю, Высочайше управленію моему ввѣренному“.

Кн. Репнинъ писалъ 27 марта 1827 года, а 17 мая того же года онъ получилъ отъ кн. Волконскаго увѣдомленіе, что Высочайше повелѣно выдать наслѣдницамъ изъ кабинета Его Величества пять тысячъ рублей асс. При этомъ, кн. Волконскій сообщаетъ, что эти деньги выдаются за поднесенныя вдовою Бортнянскаго нотныя доски и разныя сочиненія въ рукописяхъ... Такимъ образомъ, послѣ знаменитаго композитора остались и рукописи. Къ сожалѣнію, не указано въ этомъ отношеніи министра къ Репнину количество ихъ и не перечислено какія именно рукописи.

Но ассигнованная сумма долго не получалась наслѣдниками, что побудило ихъ еще разъ обратиться къ кн. Репнину съ ходатайствомъ о скорѣйшей высылкѣ. Наслѣдники жили въ Петербургѣ, въ домѣ покойнаго композитора. „Но какъ денегъ сихъ, писали они, мнѣ и другимъ наслѣдникамъ до сего времени кабинетомъ не только не выдано, но и надежды въ скоромъ полученіи оныхъ не предвидимъ, между тѣмъ, какъ живя здѣсь въ Петербургѣ, болѣе полутора года совершенно издержались и нынѣ требуемыхъ городскою думою за домъ Бортнянскаго поземельныхъ денегъ не можемъ заплатить, домъ же Бортнянскаго не приноситъ никакого дохода".

Кн. Репнинъ вторично принялъ въ нихъ участіе и писалъ объ этомъ Н. И. Селявину, вѣроятно, служившему въ министерствѣ Двора или въ кабинетѣ Его Величества, и просилъ его о скоромъ удовлетвореніи просьбы наслѣдницъ. Н. И. Селявинъ увѣдомилъ князя Репнина, что деньги будутъ уплачены во вторую половину 1827 года. И нужно думать, что онѣ были уплачены, иначе еще сохранились бы просьбы наслѣдницъ къ кн. Репнину.

(Архивъ Полтав. губ. правленія, 1827 года, № 129, св. 28.)

Сообщ. И. Ѳ. Павловскій.

Къ исторіи Кирилло-Меѳодіевскаго общества въ Кіевѣ.

Съ 1847 г. въ Кіевѣ, какъ извѣстно, образовано было Кирилло-Меѳодіевское общество или, какъ оно называлось въ оффиціальной перепискѣ „украинско-славянское“. Въ немъ принимали участіе Н. И. Костомаровъ, писатели Шевченко, Кулишъ, Наврацкій и мн. др. Открыто оно было съ цѣлью просвѣтительною, но правительство преслѣдовало въ то время всякаго рода организаціи, хотя бы и цѣль ихъ была просвѣтительною. Да и время это было, когда на западѣ шли революціонныя движенія, и правительство, подъ вліяніемъ этихъ движеній, не допускало въ Россіи никакихъ организацій. Многіе изъ участниковъ этого общества, или почти всѣ, были малороссы, поэтому о розыскѣ ихъ получилъ предписаніе и харьковскій, черниговскій и полтавскій генералъ-губернаторъ кн. Н. А. Долгоруковъ [1]). 20 марта 1847 года шефъ жандармовъ, графъ Орловъ послалъ по эстафетѣ слѣдующее отношеніе къ кн. Долгорукову, которое приводимъ цѣликомъ, такъ какъ въ немъ виденъ взглядъ правительства на это общество.

„По встрѣтившейся чрезвычайной надобности снять весьма важное показаніе съ бывшаго студента университета св. Владиміра Александра Наврацкаго, который въ недавнемъ времени отправился изъ Кіева въ Полтаву для опредѣленія на службу, Государь Импе-

[1]) Архивное дѣло, изъ котораго мы подчерпнули эти данныя, носитъ заглавіе: „Дѣло по отношенію шефа жандармовъ графа Орлова объ арестованіи и отправленіи въ С.-Петербургъ студента университета Св. Владиміра Александра Наврацкаго, дворянина Василія Бѣлозерскаго и художника С.-Петербургской Академіи Художествъ Тараса Шевченко и о проч. Архивъ Полт. Губ. Правл. № 187 по описи № 11.

раторъ мнѣ повелѣть соизволилъ, покорно просить Ваше Сіятельство, дабы вы приказали немедленно задержать Навращкаго, всѣ бумаги его, не разсматривая на мѣстѣ, тщательно опечатать и вмѣстѣ съ сими бумагами, тотчасъ отправить его въ С.-Петербургъ въ сопровожденіи самаго благонадежнаго и вѣрнаго чиновника, вмѣнивъ сему послѣднему въ найстрожайшую обязанность имѣть въ пути самый бдительный надзоръ за Навращкимъ, а по прибытіи въ Петербургъ представить его въ 3-е отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Какъ настоящее дѣло требуетъ особенной тайны, то и благоволите принять мѣры, дабы означенныя распоряженія совершились самымъ секретнымъ образомъ и чтобы сколько возможно не распространилась молва объ арестованіи и отправленіи въ Петербургъ Навращкаго". Исполняя симъ Высочайшую волю его Императорскаго Величества, имѣю честь и проч.

Графъ Орловъ [1]).

Спустя два дня 22 марта 1847 г. графъ Орловъ послалъ вторую бумагу князю Долгорукову, гдѣ предлагалъ арестовать Василія Михайловича Бѣлозерскаго, поэта Т. Г. Шевченко, находившагося въ то время въ Борзенскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи. Предписывалось еще розыскать офицера, воспитывавшагося въ Пажескомъ корпусѣ и отправленнаго въ сентябрѣ 1846 г. на службу въ Полтаву. Фамилія этого офицера не названа, а потому и предписывалось разузнать, кто былъ этотъ офицеръ [2]). Кн. Долгоруковъ тотчасъ, конечно, принялъ мѣры.

О Навращкомъ губернаторъ Ознобишинъ [3]) узналъ, что онъ былъ воспитанникомъ полтавской гимназіи и принадлежитъ къ дворянамъ Золотоношскаго уѣзда, куда и отправилъ адъютанта генералъ-губернатора, поручика Александра Палицина. Сохранилось письмо этого поручика, гдѣ онъ пишетъ:

„Вчера въ 7 ч. вечера я прибылъ или, лучше сказать, приплылъ въ Полтаву. Дорога ужасная, нѣтъ средствъ ѣхать. О возложенномъ на меня порученіи скажу Вамъ, что дѣло не такъ дѣлается, какъ предполагалося, за всѣми секретными розысками г. Навращкаго здѣсь не оказалось; по слухамъ будто бы онъ долженъ быть въ Золотоношѣ, но и то не навѣрно, и потому Николай Ильичъ снабдилъ меня предписаніями, коихъ вы прочитавши, увидите, что подъ личиною оныхъ весьма хорошо дѣйствовать. Дай Богъ (какъ говорятъ), мнѣ за хвостъ волка поймать, впрочемъ, сколь возможно

[1]) Отношеніе отъ 20 марта 1847 г. № 438.
[2]) Отношеніе графа Орлова 22 марта 1847 № 446.
[3]) Николай Ильичъ Ознобишинъ, полтавскій губернаторъ.

употреблю все свое стараніе порученіе это исполнить хорошо и благоразумно, сейчасъ выѣзжаю въ Золотоношу, что окажется, Васъ подробно извѣщу. Кн. Николаю Андреевичу [1]) прошу доложить, что я хлопочу и дѣйствую не на шутку, дай Богъ только, чтобы онъ выздоровѣлъ, желаю это отъ души. И такъ до свиданія. Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

Александръ Палицынъ [2]).

Наврацкаго удалось найти въ Золотоношскомъ уѣздѣ. 3 апрѣля 1847 г. онъ былъ доставленъ въ Полтаву и въ сопровожденіи того же Палицына и жандарма былъ отправленъ въ Петербургъ. Выдано было на проѣздъ 435 р. 4½ к. с., считая въ этомъ и поѣздку изъ Полтавы въ Золотоношу и обратно [3]).

Наврацкій Александръ Александровичъ (р. 28 іюля 1823 † 10 окт. 1892 г.), родился въ с. Антоновкѣ, Золотоношскаго уѣзда. Послѣ ареста, онъ былъ сосланъ въ Вятку, гдѣ полгода былъ въ тюрьмѣ, а затѣмъ его выслали въ Елабугу для занятія должности писаря въ земскомъ судѣ. Въ судьбѣ его принялъ большое участіе вятскій губернаторъ А. И. Середа. Въ 1849 г. онъ былъ переведенъ въ Курскъ, а въ 1853 г. былъ снятъ надзоръ. Послѣдніе годы жизни своей онъ провелъ на Кавказѣ, сначала въ Теминъ-ханъ-шурѣ, а затѣмъ въ Эривани. Это былъ поэтъ, писавшій стихи на малорусскомъ языкѣ, переводилъ изъ Байрона, Гете, Одиссеи. Послѣ его смерти найдено не мало стихотвореній (102), что находится въ редакціи „Кіевской Старины“ [4]).

Въ предѣлахъ генералъ-губернаторства кн. Долгорукова, никого, кромѣ Наврацкаго, не нашли. Василій Михайловичъ Бѣлозерскій въ Полтавѣ былъ недолго.

1 августа 1846 г. онъ поступилъ въ Полтавскій кадетскій корпусъ преподавателемъ исторіи и географіи, пробылъ всего до 22 января 1847 г., когда былъ уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ и поселился на жительство въ своемъ имѣніи, въ Черниговской губерніи.

Бѣлозерскаго не нашли въ имѣніи. 22 февраля 1847 года онъ выѣхалъ вмѣстѣ съ Кулишемъ и своей сестрой (жена Кулиша) для лѣченія въ Варшаву, и мать Бѣлозерскаго писала имъ письма,

---

[1]) Генералъ-губернаторъ кн. Долгоруковъ. Онъ былъ тяжко боленъ въ это время. Скончался 7 апрѣля 1847 г. въ Харьковѣ.

[2]) Письмо это см. дѣло № 5.

[3]) Отношеніе губернатора 4 апрѣля 1847, № 32.

[4]) О Наврацкомъ см. статью Науменка. „Кіевская Старина“ 1902 г. Ю. Петровъ. Очерки украинской литературы, стр. 257—269, „Кіев. Старина“, 1902. 12.

адресуя письма на имя другого сына своего Помпея Михайловича Бѣлозерскаго, поручика гусарскаго Его Величества короля Нидерландскаго полка. Черниговскій губернаторъ Гессе далъ эстафетой знать о Бѣлозерскомъ варшавскому военному губернатору.

Шевченко также не было въ этихъ губерніяхъ. Прогостивъ нѣкоторое время въ домѣ кн. Кекуатова, въ Черниговскомъ уѣздѣ, онъ 4 апрѣля выѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ и былъ арестованъ [1]). Въ домѣ помѣщика Николая Даниловича Бѣлозерскаго хранились 6 пакетовъ съ бумагами, оставленными Кулишомъ. Объ этомъ былъ увѣдомленъ шефъ жандармовъ, предписавшій означенные пакеты съ бумагами немедленно опечатать и съ нарочнымъ доставить въ Петербургъ, въ 3-е отдѣленіе. Сохранился реестръ этимъ бумагамъ, подписанный извѣстнымъ генералъ-лейтенантомъ Дубельтомъ.

Подъ № 1. Экземпляръ Мих. Чернышенко, на писчей бумагѣ.

Подъ № 2. Письма, полученныя до переѣзда въ С.-Петербургъ и тѣ, что получены въ Малороссіи при проѣздѣ за границу. Тамъ же извлеченія изъ писемъ къ Е. Н. Красковской, разныя историческія выписки и др.

Подъ № 3. Автографъ Literatury i kritike; брульонъ помершихъ душъ; записки Репнина о козакахъ.

Подъ № 4. Извлеченіе изъ реляціи 1790 марта 26; о допросѣ участниковъ бунта, брульонъ Ориси и разныя выписки.

Подъ № 5. Автографъ Koliszczysny; Stepan; вопль жидовъ во время воинъ Хмельницкаго, часть писемъ, полученныхъ въ Малороссіи въ 1847 г.

Подъ № 6. Разныя бумаги второстепенной важности [2]). Что касается офицера, о которомъ предписано было собрать свѣдѣнія, то это былъ подпоручикъ Орловъ, служившій въ Образцовомъ полку и присланный въ 1846 г. на службу въ Полтавскій кадетскій корпусъ для обученія кадетъ фронтовой службѣ. Но въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года онъ выѣхалъ обратно въ Петербургъ.

Бѣлозерскій былъ сосланъ въ Олонецкую губернію, гдѣ поступилъ на службу въ губернское правленіе. Въ 1851 году онъ былъ уволенъ въ отпускъ на три мѣсяца, въ Черниговскую губернію, въ Борзенскій уѣздъ, на хуторъ Матроновку, гдѣ жила его мать. Объ этомъ былъ увѣдомленъ генералъ-губернаторъ Кокошкинъ, по приказанію 3-го отдѣленія, надъ нимъ было учреждено „секретное наблюденіе“.

12 апрѣля 1851 г. титулярный совѣтникъ Бѣлозерскій прибылъ

---

[1]) Бумага Гессе, отъ 8 апрѣля 1847 г. № 381.

[2]) Архивное дѣло, стр. 18.

на родину, но въ концѣ мая, онъ уѣхалъ обратно въ Петрозаводскъ [1]).

Къ этому обществу принадлежалъ и студентъ Кіевскаго университета Аѳанасій Марковичъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ Императоръ Николай I повелѣлъ студенту этому „за недонесеніе объ одномъ тайномъ обществѣ и храненіи у себя стиховъ возмутительнаго содержанія, вмѣнить въ наказаніе содержаніе подъ арестомъ въ крѣпости и выслать на службу въ Орловскую губернію“, при этомъ запрещено было увольнять его въ отпускъ въ Малороссію „доколѣ не докажетъ безвредность своего образа мыслей усердною службою и степеннымъ поведеніемъ“.

Въ Орлѣ онъ служилъ правителемъ канцеляріи орловскаго губернатора. Въ 1850 г. его двоюродная сестра Екатерина Керстенъ подала прошеніе съ ходатайствомъ, въ виду его болѣзненнаго состоянія, о переводѣ въ одну изъ южныхъ губерній. Императоръ Николай I, въ виду отличнаго усердія къ службѣ и примѣрнаго поведенія, засвидѣтельствованнаго орловскимъ губернаторомъ, разрѣшилъ ему, подъ личною порукою сестры его, Керстенъ, свободно проживать въ мѣстахъ, которыя будутъ признаны полезными для его здоровья, не исключая и Малороссіи и съ дозволеніемъ продолжать службу, гдѣ пожелаетъ. Секретный надзоръ не былъ, впрочемъ, отмѣненъ [2]). Марковичъ былъ малорусскій этнографъ, занимался собираніемъ пословицъ, вошедшихъ въ изданіе Номиса.

Общество это сдѣлалось извѣстнымъ правительству по доносу нѣкоего Алексѣя Петрова, жившаго въ томъ же домѣ, гдѣ были собранія его членовъ.

Родомъ онъ былъ изъ Стародуба, Черниговской губерніи, гдѣ проживала его мать, тогда уже старуха и больная. По обычаю того времени и у доносчиковъ производились обыски. Такой обыскъ былъ произведенъ чиновникомъ особыхъ порученій при черниговскомъ губернаторѣ и въ домѣ этой больной старухи, гдѣ жилъ и ея сынъ, губернскій секретарь Алексѣй Петровъ. Найденныя бумаги были отправлены въ 3-е отдѣленіе [3]).

И. Ф. Павловскій.

---

[1]) Арх. Г. Пр. 1851 г. № 437, св. 16.
[2]) Арх. Г. Правл. 1850, № 377, св. 15.
[3]) Арх. Г. Правл. 1849, № 289, св. 13.

Къ столѣтію библіотеки Генеральнаго и Главнаго Штаба.

Въ 1911 году исполнилось 100 лѣтъ существованія одного изъ самыхъ богатыхъ книгохранилищъ Россіи.

Еще за 5 лѣтъ до этого юбилея въ 1906 г. была издана книга „Къ предстоящему 100-лѣтію библіотеки Генеральнаго и Главнаго штаба". Этотъ, обстоятельно и прекрасно исполненный, трудъ съ изящными приложеніями и рисунками, составленъ А. С. Лацинскимъ, бывшимъ завѣдующимъ этой библіотекой и прослужившимъ въ ней 32 года. Изъ этого сочиненія и заимствованы приведенныя въ статьѣ свѣдѣнія.

Въ 1811 году князь П. М. Волконскій, начальникъ Главнаго Штаба Его Величества, испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на учрежденіе при названномъ штабѣ библіотеки съ цѣлью доставленія офицерамъ генеральнаго штаба возможности развивать свое научное образованіе. Императоръ Александръ I вполнѣ сочувственно отнесся къ этой мысли, и изъ собственныхъ средствъ пожаловалъ значительныя суммы на обзаведеніе библіотеки. Князь Волконскій пожертвовалъ въ библіотеку 500 книгъ, а поручикъ Дурново 200 томовъ.

Въ позднѣйшее время, библіотека обогатилась рѣдкими коллекціями книгъ историка Вихмана, князя Лобанова-Ростовскаго, князей Чарторыжскихъ, графа Сухтелена, историка Смита, Липранди и др. Въ 1815 году, во время Вѣнскаго конгресса, флигель-адъютантъ полковникъ Михайловскій-Данилевскій, завѣдывавшій этой библіотекой съ 1815—1820 г., купилъ въ Вѣнѣ 3.000 томовъ лучшихъ заграничныхъ изданій.

Библіотека постепенно увеличивалась и въ настоящее время состоитъ изъ 163.000 томовъ [1]).

[1]) Русскій Инвалидъ 1910 г. № 241. Библ. Генеральнаго и Главнаго Штаба.

Вмѣстѣ съ тѣмъ библіотека расширила свое назначеніе и была предоставлена въ пользованіе не только всѣмъ военно-служащимъ офицерскаго званія, но и всѣмъ лицамъ, занимающимся учеными трудами.

24 февраля 1900 года библіотеку постигло большое несчастіе: въ одной изъ квартиръ, расположенной подъ библіотекой произошелъ пожаръ, захватившій самую библіотеку и лишившій ея 11.742 томовъ.

Десять лѣтъ понадобилось для того, чтобы возстановить библіотеку въ прежнемъ видѣ и, передъ днемъ ея столѣтняго существованія она опять готова выполнять свою почтенную дѣятельность.

По книгамъ этой библіотеки занимались наши профессора, академики, историки, археологи, художники и даже иностранные ученые. Офицеры генеральнаго, штаба слушатели Николаевской Академіи генеральнаго штаба, составители полковыхъ исторій и всѣ офицеры, заявившіе себя военными трудами, пользовались книгами библіотеки Генеральнаго и Главнаго Штаба.

Здѣсь работали: Богдановичъ, Милютинъ, Драгомировъ, Лееръ, Обручевъ, Голицынъ, Стрѣльбицкій, Пржевальскій, Масловскій, Пузыревскій, Шильдеръ, Войде и много другихъ.

Въ этой библіотекѣ хранятся: „Воинскіе артикулы Петра Великаго“ съ собственноручными помѣтками Императора[1]), молитвенникъ Петра I, бывшій на груди Царя, подъ мундиромъ, въ день Полтавскаго боя, „Ученіе и Хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей“ изд. въ Москвѣ 1647 г., автографы Петра Великаго, чернильница Императора Александра I, изъ которой подписанъ Тильзитскій трактатъ, подлинный манифестъ Императора Александра I объ учрежденіи медали въ память войны 1812 г., много древнѣйшихъ манускриптовъ, а также рѣдчайшихъ печатныхъ изданій, относящихся какъ къ первымъ годамъ книгопечатанія (инкунабулы), такъ и къ болѣе позднему времени XVI, XVII и XVIII стол.

Позволимъ себя пожелать библіотекѣ Генеральнаго и Главнаго Штаба полнѣйшаго преуспѣянія и благоустройства на грядущія столѣтія, и выразить увѣренность, что въ ней никогда не будетъ пожара, и, что библіотека, переформированная по штатамъ 1903 г. въ столъ съ столоначальникомъ, библіотекаремъ, обратиться въ прежнее самостоятельное учрежденіе.

---

[1]) Послѣ пожара въ этой книгѣ не оказалось нѣсколькихъ страницъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1911 г.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ВОСЬМОЙ

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и воспоминанія. СТРАН.

I. Изъ подольской старины. В. Сл. и Ѳ. Ф—ко. . 80—97
299—312 541—555

II. Воспоминанія 50-хъ годовъ. Е. М. Новосельской. . . . . 98—111

III. Воспоминанія о Николаѣ Ильичѣ Стороженко. (Дорогой памяти Николая Ильича и Ольги Ивановны Стороженко). В. С. . . . . 146—150

IV. Воспоминанія стараго педагога А. Ѳ. Андріяшевой. . . . . 151—158
345—352 619—624

V. Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ II.—Н. А. Наркевичъ. Сообщено М. Н. Кулябко-Корецкимъ. . . . . 175—181

VI. М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны. (Изъ воспоминаній) А. Е. К. . . . . 182—190
449—457 565—574

VII. Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля. А. Ѳ. Кони. . . . . 231—269
461—488

VIII. Нѣсколько листковъ изъ семейнаго архива въ связи съ воспоминаніями объ Императорѣ Александрѣ II. М. К. . . . . 283—297

IX. Изъ воспоминаній о Царскомъ Селѣ. М. Мариной. . . . . 327—337

X. Депутатъ отъ Россіи. (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М. . . . . 405—425

XI. Изъ Кавказскаго прошлаго. (По воспом. о

СТРАН.

трехгод. плѣнѣ казачки Соломониды Капитоновны Гончаренко.) Д-ра Е. Аничкова-Платонова. . . . . 427—447
XII. Встрѣчи и столкновенія. Р. Сементковскаго. . . . . 521—531
XIII. Нѣсколько листковъ изъ семейнаго архива въ связи съ воспоминаніями объ Императорѣ Александрѣ II. Сообщ. М. К. . . . . 556—564
XIV. Послѣ войны—изъ арміи въ нѣдра Читинской революціи. Л. Н. Бѣлькевича. . . . 625—652
XV. Отрывочныя воспоминанія изъ прожитой мною жизни на морѣ и на сушѣ. Б. К. де-Ливрона. . . . . 671—679

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы. — Матеріалы и замѣтки.

I. Памяти П. А. Столыпина . . . . . 1—2
II. Французская Академія. Статья А. С. Пушкина съ послѣсловіемъ Н. О. Лернера. . . . . 3—33
III. Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова. А. А. Мазона. . . 34—62, 491—499
IV. Дневникъ академика В. П. Безобразова. Сообщ. М. В. Безобразова. . . . . 63—70
V. Къ біографіи Л. А. Мея. Левъ Александровичъ и Софья Григорьевна Мей, ихъ родные и знакомые. (Семейная хроника). А. Г. Полянской. . . . . 71—79
VI. Датская экспедиція 1850 г. Н. А. Епанчина. . . . . 112—127
VII. Императоръ Николай I и Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ 1830—1831 г. (Изъ переписки Николая I и Цесаревича Константина Павловича съ 14-го января 1830 г. по 15 іюня 1831 г.). В. Тимощукъ. . . . 128—145, 599—613
VIII. Изъ архива князя Л. А. Ухтомскаго. Сообщ. А. В. Жиркевичъ . . . . . 159—174, 353—368, 575—590
IX. Курьезы цензуры. Д. В. Баланина. . . . 191—194
X. По Подляшью. (Посадъ Ломазы и его окрестности). В. П. М—на. . . . . 195—213

		стран.
XI.	(Книжная лѣтопись) Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 6-го апрѣля по 30-е іюня 1911 г.	214—230
XII.	О цѣнѣ за ревизскую душу въ 1827 г. въ Малороссіи. Сообщ. И. Ф. Павловскій. .	270
XIII.	М. В. Ломоносовъ.	271—281
XIV.	Къ біографіи художника Д. Г. Левицкаго. Сообщ. И. Ф. Павловскій	282
XV.	Отпускъ въ Москву на коронацію Импер. Елизаветы Петровны комедіантовъ Сообщ. И. С. Б.	298
XVI.	Изъ дневника русской въ Турціи предъ войной 1877—1878 г. Е. А. Рагозиной. .	313—320 500—508
XVII.	Страницы изъ годовъ моей жизни. (Проекты памятниковъ Ломоносову и Островскому). Анатолія Егорова.	321—326
XVIII.	Переписка Ле Дюра съ гр. Аракчеевымъ въ 1818—1819 г.г. о бронзовой люстрѣ. Н. Лашкова.	338—342
XIX.	О принудительномъ обученіи дворянскихъ дѣтей въ 1743 г. Сообщ. И. С. Б.	343—344
XX.	Императоръ Николай Павловичъ и Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ ихъ письмахъ 1825—1831 г.г. (Ихъ характеристика и взаимныя отношенія). В. Тимощукъ. . .	369—384
XXI.	Сибирская казачья дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 годахъ. (Дневникъ участника съ 2-го февраля 1904 г. по 30 іюля 1905 г.) Г. А. Данилова.	385—391 614—618
XXII.	Изъ архивныхъ мелочей. Сообщ. В. А. Алексѣевъ.	392—394
XXIII.	Генералъ Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ. (Изъ бумагъ Ал. Н. Попова). Ал. Попова.	395—404
XXIV.	Къ исторіи постройки С.-ПБ. Троицкаго собора. Сообщ. И. С. Б.	426
XXV.	Къ исторіи монастырей. (Изгнаніе игумена изъ монастыря 1682 г.). Сообщ. Ив. Суворовъ.	448
XXVI.	Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 23-го іюня по 14 іюля 1911 г. .	458—460

		стран.
XXVII.	Трагическая кончина Астраханскаго епископа Меѳодія. Сообщ. А. Н. Сергѣевъ.	489—490
XXVIII.	Изъ жизни Н. И. Костомарова въ Саратовѣ. Новыя данныя къ его характеристикѣ . . .	509—514
XXIX.	С. В. Рахманиновъ. Сообщ. В. Я.	515—520
XXX.	Колтовской дьячекъ. (Эпизодъ изъ жизни Императора Николая I). Сообщ. М. Я. Корольковъ.	332—340
XXXI.	Повелѣнія Императора Павла I графу П. А. Палену. Сообщ. В. Федоровъ.	598
XXXII.	Замѣтки о Пушкинѣ. Н. Лернеръ.	653—669
XXXIII.	О декабристахъ Вегелинѣ и Игельстромѣ. Сообщ. И. Ѳ. Павловскій.	670
XXXIV.	Молодцеватый новобранецъ. К. О.	680—682
XXXV.	Порядки на дальнемъ востокѣ въ концѣ XVIII столѣтія. Сообщ. Д. Бурылинъ.	683—687
XXXVI.	Пребываніе Цесаревича Александра Николаевича въ Пензѣ въ 1837 г. Сообщ. В. Корсакова	688—689
XXXVII.	Къ біографіи композитора Д. Бортнянскаго. Сообщ. И. Ф. Павловскій.	690—691
XXXVIII.	Къ исторіи Кирилло-Меѳодіевскаго общества въ Кіевѣ. И. Ф. Павловскаго.	692—696
XXXIX.	Къ столѣтію библіотеки Генеральнаго и Главнаго Штаба.	697—698

Приложенія:

Портреты:

I. П. А. Столыпина (при 10-й книгѣ).
II. И. П. Епанчина 2-го (тамъ же).
III. М. В. Ломоносова (при 11-й книгѣ).
IV. С. В. Рахманинова (при 12-й книгѣ).

Библіографическій листокъ.

1. Исторія Правительствующаго Сената за двѣсти лѣтъ 1711—1911 г.г. Томы I—V Спб. 1911 г. (на оберткѣ октябрьской книги).

2. Проф. Д. И. Багалѣй. Очерки изъ русской исторіи. Томъ I. Статьи по исторіи просвѣщенія. Харьковъ. 1911 (тамъ же).

3. Сборникъ Новгородскаго общества любителей древности. Вып. IV. Новгородъ. 1910 (тамъ же).

4. Опись дѣла архива Государственнаго Совѣта. Томы IV и V. Спб. 1910 (тамъ же).

5. Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской Имперіи. Царствованіе Государыни Императрицы Екатерины II. Т. I. 1762—1772 г.г. Спб. 1910 (тамъ же).

6. В. М. Хвостовъ, б. профессоръ Московскаго университета. Нравственная личность и общество. Очерки по этикѣ и соціологіи. VII. Историческое міровозрѣніе В. О. Ключескаго. М. 1911 г. Изд. Н. Н. Клочкова (на оберткѣ ноябрьской книги).

7. Сандепу и Мукденъ. Воспоминанія участника очевидца П. Н. Баженова. С.-Петербургъ 1911 г. (тамъ же).

8. Тактика Японской арміи. Василія Кривенко. Изд. Ек. Вл. Ксидо. Петербургъ 1911 (тамъ же).

9. А. Черткова. Что поютъ русскіе сектанты. Сборникъ сектантскихъ напѣвовъ съ текстомъ словъ. Выпускъ первый: отдѣлъ I. „Псалмы и стишки“ духоборцевъ. М. Изд. П. Юргенсона. 1910 г. (тамъ же).

10. Ю. Александровичъ. Исторія новѣйшей русской литературы. 1880—1910 г. Часть 1-я. Чеховъ и его время (тамъ же).

11. Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина. Томъ четвертый. М. 1911 (на оберткѣ декабрьской книги).

12. Н. Р. Политуръ. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ и жизнь XVIII вѣка. Спб. 1912 (тамъ же).

13. Ю. Г. Жуковскій. Крестьянское дѣло и общественная инициатива. Спб. 1911 (тамъ же).

14. Протоіерей И. П. Кречетовичъ. Крестьянская реформа въ Оренбургскомъ краѣ (по архивнымъ даннымъ). Томъ I. Подготовка реформы. Изданіе Имп. Общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. М. 1911 (тамъ же).

15. Великая реформа. Юбилейное изданіе, т. I—V. Москва. 1911. Изданіе т-ва И. Д. Сытина (тамъ же).

16. Н. Н. Златовратскій. Какъ это было. Очерки и воспоминанія изъ эпохи 60-хъ годовъ. М. 1911 (тамъ же).

17. А. Я. Ефименко. Элементарный учебникъ русской исторіи. Курсъ эпизодическій. Для младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. Спб. 1911 (тамъ же).

18. Русская женщина въ гравюрахъ и литографіяхъ. Выставка портретовъ. Спб. 1911 (тамъ же).

19. Походъ въ Москву въ 1812 году. Мемуары графа де Сегюра.—Пожаръ Москвы. По перепискѣ и воспоминаніямъ современниковъ. Изд. т-ва „Образованіе“. М. 1911 (тамъ же).

20. De la Martinière. Путешествіе въ сѣверныя страны. Переводъ, объясненія и примѣчанія В. Н. Семенковича. Изданіе Московскаго Археологическаго Института. М. 1911 (тамъ же).

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Будильникъ

(48-й годъ изданія).

Никакихъ ограниченій при подпискѣ на 1912 годъ.

Журналъ откровенно-прогрессивный, „Будильникъ“ признаетъ всеобщее равноправіе. Подписчицы пользуются у насъ тѣми-же правами, что и подписчики, дѣтей и нижнихъ чиновъ мы не отличаемъ отъ взрослыхъ и высшихъ чиновъ.

Каждый, у кого есть 9 рублей, безъ различія пола, возраста, національности и соціальнаго положенія, имѣетъ право подписаться на „Будильникъ“.

Получивъ 9 рублей, мы даемъ нашимъ подписчикамъ безплатно: пятьдесятъ два номера „Будильника“ съ рисунками въ нѣсколько красокъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ каррикатуристовъ на самыя животрепещущія темы,—и съ текстомъ, вышедшимъ изъ-подъ пера лучшихъ русскихъ юмористовъ.

Лицъ, у которыхъ по уплатѣ упомянутыхъ выше 9 рублей, остается въ карманѣ еще 1 руб., мы покорнѣйше просимъ прислать и этотъ рубль намъ. Въ благодарность за такую щедрость мы дадимъ имъ премію:

„1812-й годъ въ каррикатурѣ“.

Альбомъ, составленный по самымъ рѣдкимъ источникамъ, въ которомъ будутъ воспроизведены каррикатуры, относящіяся къ войнѣ 1812 года и ея дѣятелямъ. Альбомъ будетъ отпечатанъ въ нѣсколько красокъ и представитъ собою рѣдкое по цѣнности матеріала и художественному его воспроизведенію изданіе.

Редакція не принимаетъ на себя отвѣтственности, если кто-нибудь изъ подписчиковъ умретъ отъ смѣха!

Находя совершенно безсмысленнымъ скрывать свой адресъ, мы объявляемъ его во всеуслышаніе: **Москва, Леонтьевскій пер., 12.**

Для того чтобы попасть въ число нашихъ подписчиковъ, совершенно достаточно прислать намъ:

Въ Москвѣ: 1 годъ—8 руб., 1/2 года—4 руб. 50 коп.
Въ др. городахъ: 1 годъ—9 руб., 1/2 года—5 руб.
Внѣ Россіи: 1 годъ—12 руб., 1/2 года—7 руб.

Премію получатъ лишь **годовые подписчики,** внесшіе сверхъ подписной платы еще **одинъ** рубль.

Надѣемся, что каждый въ своихъ же интересахъ поспѣшитъ подписаться на журналъ заблаговременно.

„Будильникъ“.

3—1

Открыта подписка на 1912 годъ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

ДВА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основ. С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые подъ ред. И. М. ОЛЬХИНА.

XXXVI годъ изданія.

Подписной годъ съ 1-го ноября 1911 г.—Первые №№ высылаются немедленно.

Гг. годов. подписч. журн. „З. Сл.“ для дѣтей младшаго возраста (отъ 5 до 9 лѣтъ) **получатъ:**

52 №№ и 48 премій.

въ числѣ которыхъ:

- ◆ **Большая картина** въ хромолеографическихъ краскахъ: „ТРЕЗОРЪ ВЕРНУЛСЯ“ художника **Артура Эльслея.**
- 12 **Занимательныхъ игръ**, работъ, рукод. и т. п. на раскр. черн. лист.
- 12 **Иллюстрированныхъ книжекъ** разсказовъ, повѣстей, сказокъ, шутокъ и пр. для маленькихъ дѣтей.
- 12 **Вып. иллюстр. изданія „Лѣсные человѣчки и ихъ новыя путешествія по бѣлому свѣту“**, съ иллюстр. **П. Кокса.**
- 10 **Вып. „Знаменитые русскіе мальчики“**, составл. для дѣтей младш. возраста **Вик. Русаковымъ**, съ портр. и илл.
- 6 **Таблицъ „Школа Раскрашиванія“** для маленькихъ дѣтей, составл. проф. **А. Л. Зонъ.**
- 6 **Тетрадей изданія „Моя первая ариеметика“**, составл. **Н. П. Анненскимъ**, съ иллюстр.
- ◆ **Театръ мурзилки**, веселая и забавная игра для дѣтей **и мн. др.**

Гг. годовые подписчики „З. Сл.“ старшаго возраста (отъ 9 до 14 лѣтъ) **получатъ:**

52 №№ и 48 премій,

въ числѣ которыхъ:

- ◆ **„Царство камней“** 12 таблицъ въ краскахъ, въ видѣ атласа, съ популярнымъ объясн. текстомъ проф. **Г. Керта.**
- 12 **Выпусковъ „Книги чудесъ“ Натаніэля Готорна**, съ илл. **Гранвилля.**
- 8 **Книжекъ „Исторія свѣчки“**, проф. **Фарадея**, съ илл. и вступит. стат.
- 10 **Вып. „Звенья добра“**, собраніе разсказовъ для юношества, съ илл.
- 6 **Книжекъ. „Библіотеки полезныхъ свѣдѣній“**, для юношества.
- 10 **Вып. „Жемчужины русской поэзіи“**, для юношества, собр. **М. Р. Лемке.** (Новая серія).
- 12 **Табл. въ краскахъ „Человѣкъ и строеніе его тѣла“** съ объяснительн. текстомъ проф. **Г. Клюнца.**
- ◆ **Дѣтскій театръ.** Сборникъ пьесъ **Е. А. Чебышевой-Дмитріевой**, съ рисунками **И. Гурьева.**
- ◆ **Спутникъ школы.** Календарь и записная книжка для учащихся на 1912-13 учебный годъ въ изящн. коленк. переплетѣ **и мн. др.**

Кромѣ того, при кажд. изд. высылаются: „ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНІЕ“ и „ДѢТСКІЯ МОДЫ“.

Подписная цѣна каждаго издан. „Задушевнаго Слова“, со всѣми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой—за годъ **ШЕСТЬ** рублей. Допуск. разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февр. и 3) къ 1 мая—по **ДВА** р.

Съ требованіями, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаться: въ конторы „ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА“, при книжн. маг. Т-ва М.В. Вольфъ—С.-Петербургъ: 1) Гост. Дв., 18, и 2) Невскій, 13.

ВЫШЕЛЪ ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ ВЫПУСКЪ
РОСКОШНАГО ХУДОЖЕСТВЕННАГО АЛЬБОМА
„НАШЕСТВІЕ НАПОЛЕОНА“
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 г.

Все изданіе состоитъ изъ репродукцій въ краскахъ свыше 40 картинъ извѣстныхъ художниковъ формата 11 на 7 дюймовъ безъ полей, воспроизведенныхъ по способу трехъ-цвѣтной печати художественными фотомеханическими мастерскими **С. М. Прокудинъ-Горска о**, наклеенныхъ на темное паспарту, размѣромъ 12½ на 16½ дюймовъ, **съ пояснительнымъ текстомъ**, приложеннымъ къ каждой картинѣ отдѣльно, и общимъ очеркомъ событія подъ редакціей **члена учредителя военно-историческаго О-ва И. Н. Божерянова.** Подписка продолжается до 1-го декабря с. г. **Подписная цѣна** въ изящной папкѣ въ краскахъ 12 руб. По окончаніи подписки—15 руб, въ роскошной папкѣ на 3 руб. дороже. Допускается **разсрочка платежа:** при подпискѣ уплачивается 5 руб., а остальная сумма наложеннымъ платежомъ при полученіи альбома; почтовые расходы по пересылкѣ за счетъ покупателя.

Подробности въ циркулярахъ, высылаемыхъ по первому требованію безплатно.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ КОНТОРѢ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ФОТО-МЕХАНИЧЕСКИХЪ МАСТЕРСКИХЪ
С. М. ПРОКУДИНЪ-ГОРСКАГО, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Б. ПОДЪЯЧЕСКАЯ, 22, ОТД.
А ТАКЖЕ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ РОССІИ И ФРАНЦІИ.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ 145, 146, 147 и 148 томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ"

изд. 1911 года.

А

Абаза, Александръ Аггеевичъ, мин. фин. 1880 г., т. CXLV, мартъ, 632, т. CXLVI, апр., 141—145.

Аббасъ-Мирза, персид. принцъ, р. 1781 † 1833 г., т. CXLVI, іюнь, 608.

Августъ II, король польскій. † 1733 г., т. CXLVII, іюль, 75, 76.

Августъ III, король польск., † 1763 г., т. CXLVII, іюль, 76, 77.

Агаларъ-харъ, † 1846 г., т. CXLV, мартъ, 624.

Адлербергъ, гр., Александръ Влад., мн-ръ двора, р. 1819 † 1889 г., т. CXLV, янв., 101, февр., 421, мартъ, 474—476, т. CXLVIII, нояб., 332.

Адлербергъ, гр., Влад. Өед., мин. двора, р. 1791 † 1884 г., т. CXLVI, май, 397, т. CXLVII, авг., 379, т. CXLVIII, нояб., 302—394.

Адлеръ, раввинъ, т. CXLVI, іюнь, 498.

Айвазовскій, Ив. Конст., художн., р. 1817 † 1900 г., т. CXLV. мартъ, 493, 494, т. CXLVI, май, 353, 399, 400, 410, т. CXLVII, сент. 718, т. CXLVIII, нояб., 335.

Аксаковъ, Ив. Сергѣев., писат., р. 1823 † 1866 г., т. CXLVI, май, 327, т. CXLVII, авг., 306.

Аксаковъ, Констант. Сергѣев., р. 1817 † 1860 г., т. CXLVI, май, 319.

Алавердянцъ, М. Я., сообщ.: „Новыя данныя изъ армянской литературы о Нинѣ Александровнѣ Грибоѣдовой" (матеріалы для біографіи А. С. Грибоѣдова), т. CXLV, мартъ, 613—624.

Аладьинъ, Е., издат. „Невск. Альманаха", 1829 г., т. CXLVI, іюнь, 597, т. CXLVII, іюля, 171, 179, 182, авг., 337, 338.

Александра Іосифовна, великая княгиня, † 1911 г., т. CXLVIII, окт., 123.

Александра Николаевна, великая княгиня, CXLVIII дек., 564.

Александра Петровна, супруга великаго князя Николая Николаевича, т. CXLVIII. окт., 177, 178.

Александра Ѳеодоровна, императрица, † 1860 г., т. CXLVII, сент., 504.

Александра Ѳеодоровна, императрица, 1911 г., т. CXLVI, апр., 158, 159, т. CXLVIII, нояб., 297.

Александръ I, императоръ, р. 1777 † 1825 г., т. CXLV, янв., 129—139, февр., 363—378, 384, 449, мартъ, 521—536, 555, 556, 570, 579, 662, 674, т. CXLVI, апр., 41—42, 71—85, май, 392, іюнь, 525—533, 536—538, 594, т. CXLVII, іюль, 83, 84, 134, 172, авг., 220, 268, 273, 305, сент., 441,

445, т. CXLVIII, нояб., 297, 338, 339, 342, 370, 372, 377, 378, декаб., 602, 613.

Александръ II, императоръ, р. 1818 † 1881 г., т. CXLV, февр., 285, 301, 306, 307, 337, 344, 348, 349, 402, 419, 420, 437. 440, 441, 448, 451—456, мартъ, 609, т. CXLVI, май, 391, 404, т. CXLVII, іюль, 86, 111, авг., 220—222, 305, сент., 481, 503, 506, т. CXLVIII, окт., 151, 175—181, нояб., 283—297, 328, 329, 332, 347, 392, декаб., 556—564, 572, 688,—689.

Александръ III, императоръ, р. 1845, † 1894 т., т. CXLV, мартъ, 631, т. CXLVI, апр., 142—148, 157—159, т. CXLVIII, іюль, 49, 99, авг., 306, т. CXLVIII, нояб., 331, 336, 337, дек., 594,

Александръ, кн. литовск., 1501 г., т. CXLVII, іюль, 66.

Алексѣевъ, В. Ст., 1904 г., т. CXLVIII, дек., 614.

Алексѣевъ, В. А., сообщ.: „Изъ архивныхъ мелочей", т. CXLVIII, нояб., 392—393.

Алексѣй Михайловичъ, царь, р. 1629 † 1676 г., т. CXLVII, іюль, 73, 74, авг., 308.

Александръ Михайловичъ, великій князь, т. CXLVII, іюнь, 64.

Аленинъ, подполк., 1799 г., т. CXLVIII, дек., 598.

Алексѣевъ, В. А., сообщ.: „Изъ архивныхъ мелочей", т. CXLVIII, нояб., 392—394.

Алексѣевъ, худож., т. CXLV, мартъ, 493.

Алексѣевъ, Мих. Вас., ген.-маіоръ, 1904 г., т. CXLV, янв., 211.

Алексѣевъ, войсковой старшина, т. CXLV, мартъ, 590.

Аленинъ, подполк., 1799 г., т. CXLVIII, дек., 598.

Альбрантъ, маіоръ, т. CXLV, мартъ, 460, 461.

Альтенбургская, Елена Георгіевна, принцесса, 1900 г., т. CXLVI, май, 413.

Альчаниновъ, жандарм. полковникъ, т. CXLVII, сент., 393.

Амвросій, старецъ, 1880 г., т. CXLVII, іюль, 32.

Амвросій, (Подобѣдовъ), спб. митроп., р. 1742 † 1818 г., т. CXLV, мартъ, 526.

Амосовъ, поэтъ, 1845 г., т. CXLV, янв., 103, 104.

Ангерлинъ, педаг., 1859 г., т. CXLV, янв., 83.

Андреевскій, Е., сообщ.: „М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны", т. CXLVII, дек., 565—574.

Андреевскій, протоіер., 1840 г., т. CXLV, янв., 192.

Андреевскій, С. А., юристъ, т. CXLVIII, дек., 475, 483, 484.

Андреевъ, чиновн. минист. финансовъ, т. CXLV, мартъ, 502.

Андріяшевъ, Алексѣй Ѳомичъ, директ. 1-й кіевск. гимназіи, р. 1826 т., сообщ.: „Воспоминанія стараго педагога", т. CXLV, янв., 184—194, мартъ, 571—578, т. CXLVI, апр., 95—101, май, 431—436, т. CXLVIII, окт., 151—158, нояб., 345—352, дек., 619—624

Андріяшевъ, Ѳома Петров., 1826 г., т. CXLV, янв., 185.

Андріяшъ, Петръ, родонач. семейства Андріяшевыхъ. т. CXLV, янв. 185.

Андріяшъ, полковн., т. CXLV, янв., 184.

Андрониковъ, кн., Ревасъ, кавказ. офиц., 1845 г., т. CXLV, янв., 103.

Анисимовъ, Алексѣй Максим., помѣщ., 1831 г., т. CXLV, янв., 185.

Аничковъ - Платоновъ, Е., сообщ.: „Изъ кавказскаго прошлаго (по воспоминаніямъ о трехгодичномъ плѣнѣ казачки Соломониды Капитоновны Гончаренко, по отцу Ярошенко"), т. CXLVIII, нояб., 427—447.

Аничковъ, Н. М., директ. деп. мин. нар. просв.. т. CXLV, февр., 264, 265.

Анна Іоанновна, императрица, герцогиня Курляндская, р. 1693 † 1740 г., т. CXLV, янв., 138, февр., 383, т. CXLVI, іюнь, 508—515.

Анна Павловна, великая княгиня, въ супруж. королева нидерландская, † 1865 г., т. CXLV, мартъ, 521.

Анненкова, Алекс. Карл., рожд. Мердеръ, начальн. Екатер. гимназ.,1896 г., т. CXLVIII, нояб., 329.

Анненкова, Вѣра Ив , 1899 г., т. CXLVI, май, 405, 412, 421.

Анненковъ, Мих. Николаев., 1887 г., т. CXLV, февр., 385, 388, т. CXLVI, май, 405, 406, 412, 421.

Анненковъ, Никол. Никол., ген.-ад., р. 1800 † 1865 г., т. CXLVII, іюль, 87.

Анненковъ, Пав. Вас., писат., издат. сочин, Пушкина, р. 1812 † 1887 г., т. CXLV, февр., 286, 288, т. CXLVI, май, 247, 250, 295, 322, т. CXLVIII, окт., 25, дек., 655, 656, 668.

Анненскій, предсѣд. уѣздной управы, 1874 г., CXLVIII, дек., 472, 473.

Антроповъ, инспект. пензенск. гимн., 1837 г., т. CXLVIII, дек, 689.

Антоній, спб. митроп., 1901 г., т. CXLV, мартъ, 632, т. CXLV, май, 415, 416.

Антоновичъ, В. В., проф., р. 1834 † 1908 г., т. CXLVI, апр., 145.
Анучинъ, Д. Н., т. CXLVIII, дек., 658.
Апраксинъ, Петръ Матв., казанск. губернат., 1712 г., т. CXLV, февр., 382.
Апраксинъ, Ѳед. Матв., сподвижн. Петра I, р. 1661 † 1728 г., т. CXLV, февр., 381.
Апухтина, Наталія Дмит., въ зам. Фонвизина, по второму браку Пущина, т. CXLVI, апр., 169.
Апухтинъ, Дмит. Аким., кологривскій предводитель дворян., 1824 г.; р. 1879 † 1838 г., т. CXLVI, апр., 169.
Аракчеевъ, Алексѣй Андр., р. 1769 † 1834 г., т. CXLV, мартъ, 549—570, т. CXLVIII, нояб., 338—342.
Аргиропуло, К. М., послан. въ Персіи, т. CXLV, февр., 387.
Арендтъ, лейбъ-медикъ, 1837 г., т. CXLVIII, нояб., 293.
Аренскій, композиторъ, т. CXLVIII, дек., 516.
Аретинъ, Петръ, итальянск. сатирикъ, поэтъ, р. 1492 † 1557 г., т. CXLVII, авг., 327.
Армфельдъ, графиня, см. Демидова.
Армфельдъ, гр., Алексд. Густав., ст.-секрет. финлянд., † 1875 г., т. CXLV, мартъ, 664.
Арнольдъ, см. Загуляева.
Арнольдъ, М. Ю., 1858 г., т. CXLVIII, окт., 71, 72.
Арсеній, митропол., кіевск., въ мірѣ Ѳед. Павл. Москвинъ, р. 1795 † 1876 г., т. CXLVII, авг., 218, сент., 385, 395, 399.
Арсеньева, см. Ивашкевичъ.
Арсеньевъ, В. С., сообщ.: „Письмо архимандрита Фотія къ неизвѣстному", т. CXLVI, апр., 86. „Записка Людовика XVII къ Н. И. Арсеньеву", май, 392—394.
Арсеньевъ, Д. Н., адъют. имп. Александра I, 1812 г., т. CXLVI, апр., 76.
Арсеньевъ, Д. С., ген.-ад., т. CXLVI, май, 392.
Арсеньевъ, К. К., юристъ, т. CXLVIII, нояб., 268, дек., 480, 488.
Арсеньевъ, Николай Ив., курляндскій губерн., р. 3 XI 1760 † 2 II 1830 г., т. CXLVI, май, 392.
Архарова, см. Римская-Корсакова.
Архарова, Александра Ив., въ зам. Васильчикова, т. CXLV, мартъ, 674.
Архарова, Екат. Александр., т. CXLV, мартъ, 673—675, т. CXLVI, апр., 87, 88.
Архарова, Софія Ив., въ зам. графиня Соллогубъ, т. CXLV, мартъ, 674.
Архаровъ, Ив. Петров., ген.-отъ-инф., † 1815 г., т. CXLV, мартъ, 662, 673.
Архаровъ, Николай Петров., московск. губернат., † 1814 г., CXLV, мартъ, 662, 673.
Арцымовичъ, Викт. Антонов., сенат., 1892 г., т. CXLI, апр., 151.
Аскоченскій, Викт. Игнатьев., писат., † 1879 г., т. CXLVII, сент., 393—395.
Астолоновъ, ист. 1870 г., т. CXLVIII, дек., 679.
Ауеръ, профес., скрипачъ, т. CXLV, мартъ, 488.
Афонасьевъ, Дмит., лейт., 1854 г., т. CXLVIII, нояб., 367, дек. 576.
Афутинъ, 1905 г., т. CXLVI, май, 236.
Ахвердовъ, ген.-маіоръ, 1800 г., т. CXLVII, авг., 273, 246.
Аѳанасій, еписк. саратов. съ 1848 по 1856 г., т. CXLV, янв., 88, 89, 96.

Б

Багалѣй, проф., 1898 г., т. CXLVI, іюнь, 494.
Багратіонъ, кн., Петръ Ив., ген.-отъ-инф. р. 1761 † 1812 г., т. CXLV, янв., 134, т. CXLVII, авг., 259—262.
Бажановъ, Георгій Ильичъ, черниг. губерн. прокур., 1827 г., т. CXLVIII, ноябр., 270.
Баженовъ, Василій, архит., 1772 г., т. CXLVI, іюнь, 515, 522.
Базили, Александръ Констант., дипломатъ, т. CXLV, февр., 399.
Базили, Константинъ Михайл., генеральн. консулъ въ Бейрутѣ, т. CXLV, февр., 399.
Бакунинъ, Мих., эмигрантъ, р. 1814 † 1876, т. CXLVI, май, 247, 249, 291, 294, 297, 298, 319.
Балакиревъ, Милій Алексѣев., композиторъ, т. CXLVI, май, 355, т. CXLCIII, декаб., 519.
Баланинъ, Д. В., сообщ.: „Памяти К. Д. Кондзеровскаго", т. CXLVII, іюль, 119 — 122, „Курьезы цензуры", т. CXLVIII, отк., 191—194.
Балинскій, психіатръ, т. CXLV, февр., 239, 240.
Балкъ, контръ - адм., 1850 г., т. CXLVIII, окт., 115—117.
Бальби, Андр., физикъ, географъ, р. 1782 † 1848 г., т. CXLVI, іюнь, 594, 595, 603, 604, 609, 610, 615, т. CXLVII, іюль, 168.
де-Бальменъ, гр., кавказ. офиц. 1845 г., т. CXLV, янв., 104, т. CXLV, мартъ, 461.

Бантышъ-Каменская, см. Бибитинская.
Бантышъ-Каменскій, Дм. Николаев., писат., историк., р. 1788 † 1850 г., т. CXLVII, авг., 372.
Барадіинъ, Б. Б., т. CXLVII, іюль, 44—47.
Баранкуръ, Луиза Александр., въ зам. Ону, т. CXLV, февр., 399.
Баранова, графиня, см. Васильчикова.
Барановичъ, полковн., т. CXLVII, авг., 306.
Барановъ, гр., Пав. Троф., т. CXLI, апр., 87.
Барановъ, Эдуардъ Трофим., ген.-ад., † 1884, т. CXLV, мартъ, 465.
Барановъ, гр., 1899 г., т. CXLVI, май, 406.
Баратынскій, Евг. Абрам., пис., р. 1800 † 1844 г., т. CXLVI, іюнь, 594. т. CXLVII, іюль, 172, т. CXLVIII, дек., 664, 668, 669.
Бардакова, см. Марина.
Бардакова, см. Слѣпцова.
Бардаковъ, Мих. Ив., чиновн. Минист. Госуд. Имущ., † 1884 г., т. CXLVIII, нояб., 332.
Барклай-де-Толли, кн., Мих. Богд., фельдмаршалъ, р. 1761 † 1818 г., т. CXLV, янв., 133, 134, т. CXLVII, іюль, 137, 140, авг., 268.
Барковъ, Д. Н., перев., т. CXLVI, іюнь, 598, т. CXLVII, іюль, 164.
Баротци, грекъ, 1812 г., т. CXLVII, авг., 258, 260.
Барсова, т. CXLV, мартъ, 499.
Бартеневъ, П. И., издат. Рус. Архива, т. CXLVIII, дек., 666.
Бартоломей, А. И., 1812 г., адъют. Александра I, 1812 г. т. CXLVI, апр., 76.
Барятинская, княжна, Анна Ив., въ зам. графиня Толстая, † 1825 г., т. CXLVII, авг., 372.
Барятинская, княгиня, Екат. Петр., рожд., принц. Гольштейнъ-Бекская, р. 1755 † 1811 г., т. CXLVII, авг., 372.
Барятинская, княжна, см. Грудева.
Барятинскій, кн., Александръ Ив., фельдмаршалъ, р. 1814 † 1879 г., т. CXLV, февр., 451, мартъ, 462, 468, т. CXLVI, май, 290.
Барятинскій, кн., Ив. Серг., р. 1738 † 1811 г., т. CXLVII, авг., 372.
Басанинъ, Маркъ, сообщ.: „Дѣло поручика Гартлинга“, т. CXLI, май, 258—266.
Басарскій, педаг., 1838 г., т. CXLVII, авг., 204.
Басистовъ, Пав. Ефим., филогъ, р. 1823 † 1882 г., т. CXLVIII, дек., 665, 669.
Батюшкова, см. Слѣпцова.
Батюшковъ, Конст. Никол., пис., р. 1787 † 1855 г., т. CXLVI, іюнь, 613 т. CXLVII, іюль, 158, авг., 335.
Баумгартенъ, юнкеръ, † 1845 г., т. CXLV, февр., 280.
Бахрушинъ, собиратель старины, т. CXLV, мартъ, 495.
Бахтинъ, Александръ Ив., поруч., 1828 г., т. CXLI, іюнь, 621.
Бахтинъ, Никол. Ив., ст.-секр. р. 1796 † 1864 г., т. CXLV, мартъ, 597—604, т. CXLVI, апр., 169—176, май, 426—430, іюнь, 584—628, т. CXLVI, іюль, 148—192, авг., 326—384, сент, 527—543.
Бахъ, Θед. Θед., доктор. т. CXLV, янв., 139.
Башиловъ, офиц., 1845 г., т. CXLV, мартъ, 461.
Бебутовъ, кн., Вас. Осип., ген.-отъ-инф. р. 1791 † 1858 г. т. CXLV, янв., 97.
Бедряга, см. Извѣкова.
Бедряга, Николай Θед., дѣйств. ст.-сов., т. CXLVII, сент., 463.
Баженовъ, юристъ, т. CXLVIII, декаб., 480.
Безакъ, 1809 г., т. CXLVII, авг., 271.
Безобразова, М. В., сообщ.: „Дневникъ академика В. П. Безобразова, т. CXLVIII, окт., 63—70.
Безобразовъ, Влад. Павлов., акад., сенат., р. 1828 † 1889 г., т. CXLVIII, февр., 396, 397, т. CXLVIII, окт., 63—70.
Безобразовъ, Мих., камергеръ, 1861 г., т. CXLV, февр., 440.
Безобразовъ, ген., 1845 г., т. CXLV, янв., 103.
Бейдеманъ, художн., 1862 г., т. CXLV, мартъ, 486.
Бекетовъ, цензоръ, т. CXLVIII, декаб., 499.
Беклемишевъ, капит., 1845 г., т. CXLV, февр., 276, мартъ, 466.
Бельгардъ, полк., 1845 г., т. CXLV, янв., 109.
Бемъ, Елизав Меркурьевна, рожд., Эндаурова, художн., т. CXLV, мартъ, 485—500.
Бемъ, Іосифъ, проф. скрипки, т. CXLV, мартъ, 488.
Бемъ, Людвигъ Франц., профес. Спб. консерват., т. CXLV, мартъ, 488.
Бемъ, Юліусъ, т. CXLVI, май, 282.
Бенкендорфъ, гр., Александръ Христ., шефъ жанд., ген.-ад., р. 1783 † 1844 г., т. CXLVI, май, 381—385 т. CXLVIII, окт., 132.
Бепкендорфъ, гр., Констант. Конст., его воспоминанія о кавказск экспедиціи, 1845 г., т. CXLV, янв., 97—112, февр., 270—284, мартъ, 604.

Бенуа, А. Н., худож. акварелистъ, т. CXLV, мартъ, 493.
Бергеръ, ген - маіоръ, 1812 г., т. CXLVII, авг., 270.
Бергъ, Никита Вас., знатокъ славянск. литерат. переводч. † 1884 г., т. CXLVI, апр., 91.
Бергъ, Ѳ. Н., т. CXLVI, май, 355.
Бергъ, гр. Ѳед. Ѳед., фельдмарш., намѣстникъ Цар. Польскаго, р. 1793 † 1874 г., т. CXLVIII, окт., 68.
Березовскій, полякъ, 1867 г., т. CXLVII, авг., 305.
Берендсъ, Э. Н., профес., т. CXLV, т. CXLV, февр., 383, 384.
Бержинская, Ек. Ст., графиня, въ зам. Мердеръ, т. CXLVIII, нояб., 330.
Беринъ, Вѣра Александр., въ зам. Норова, т. CXLV, мартъ, 664.
Беринъ, Меропа Александровна, въ зам. Новосильцева, т. CXLV, мартъ, 664.
Беринъ, см. Панина.
Бернадотъ, король Швеціи, р. 1780 † 1844 г., т. CXLVI, іюнь, 532, 533.
Бернаръ, Сара, драм. артистка, т. CXLV, февр., 256.
Бестужевъ, (Марлинскій) Ал. А., пис., † 1837 т., т. CXLVI, май, 427, іюнь, 592, т. CXLVII, іюль, 153, 158.
Бестужевъ, А. О., 1835 г., т. CXLVII, іюль, 168, сент., 538
Бетховенъ, композ., т. CXLV, мартъ, 488.
Бибиковъ, Дм. Гав., ген.-отъ инфант., кіевск. ген.-губернаторъ., впосл. мн-ръ внутр. дѣлъ, † 1870 г., т. CXLV, февр., 419, т. CXLVI, апр., 98.
Бибиковъ, полковн., т. CXLV, мартъ, 460.
Бибитинская, см. Загряжская.
Бибитинская, Елиз. Ив., въ зам. Бантышъ-Каменская, † 1834 г., т. CXLVII, авг., 372.
Бидзевская, М. К., рожд. Мердеръ, т. CXLVIII, нояб., 329.
Билинскій, педаг., 1837 г., т. CXLVII, авг., 201—203.
Бирюлькинъ, Николай Николаев., мичманъ, т. CXLVII, авг., 274 — 280, 286—298, 301.
Бисмаркъ, гр., канцлеръ, 182, т. CXLVIII, декаб., 572, 573, 574.
Битюговъ, Влад. Николаев., офиц., т., CXLVII, авг., 274, 280—289, 293, 296—302.
Благосвѣтловъ, редакт. „Русскаго Слова", т. CXLVIII, окт., 76—78.
Блиновъ, И. А., инспект. сенатск. архива, 1712 г., т. CXLV, февр., 383, 384.
Блудова, Антон. Дм., графиня т. CXLVII, авг., 305.
Блудовъ, Дм. Никол., мн-ръ вн. дѣлъ, р. 1785 † 1864 г., т. CXLV, февр., 421, 445, т. CXLVII, іюль, 172, 179.
Блудовъ, гр., 1886, т. CXLV, февр., 387.
Блюхеръ, прусск., фельдм., т. CXLVIII. декаб., 570.
Боборыкинъ, Петръ Дм., пис., р. 1836 г., CXLV, мартъ, 493.
Бобриковъ, Ник. Ив., ген.-губерн. Финляндіи 1898 г., т. CXLVI, май, 404.
Бобринская, графиня, Юлія Павл., фрейлина, 1850 г., т. CXLVI, апр., 91.
Бобринскій, гр., Алексѣй Павл., 1850 г. т. CXLVI, апр., 91.
Бобровъ, Евгеній, проф. Юрьевск. унив., т. CXLVIII, декаб., 509.
Богаевскій, Александръ Мих., директ. Черниговск. гимназ., 1852 г. т. CXLVI, май, 433, т. CXLVIII, ноябр., 348.
Богдановичъ, И. Ѳ., писатель, р.1743 г., т. CXLVI, май, 427.
Боголѣповъ, Никол. Павл., мн-ръ народн. просв., т. CXLV, февр., 262—267, т. CXLVI, май 402, 409.
Богородскій, проф. кіевск. унив.,1847 г., т. CXLV, мартъ, 576.
Богушевскій, ген., 1855 г., т. CXLV, мартъ, 636, 637.
Бозіо, Анж., пѣвица † 1859 г., т.CXLV, февр., 256, мартъ, 633.
Болотовъ, В. В., профес. † 1903 г., т. CXLVI, май 423.
Болтинъ, Ив. Николаев., р. 1735 † 1792 г., т. CXLVI, іюль, 180.
Борнъ, адъют. Александра I. 1912 г., т. CXLVI, апр., 76.
Боровиковскій, А. Л., адвок., т. CXLVIII, декаб., 486, 487.
Бороздинъ, И., т. CXLV. янв. 113.
Бортнянская, Анна, т. CXLVIII, дек.,
Бортнянскій, Д., композит., т. CXLVIII, дек. 690—691.
Боткинъ, Вас. Петр., пис., р. 1811 † 1869 г., т. CXLVI, май, 249, 252, 255, 308—312.
Боткинъ, Серг. Петр., проф., † 1889 г., т. CXLV, февр., 327, т. CXLVIII, декаб., 327.
Брандъ, проф., т. CXLV, февр , 251.
Бродерсенъ, экспортный агентъ, т. CXLVI, май, 286.
Брокъ, чл. комитета по крестьян. дѣламъ 1857 г., т. CXLV, февр., 421.
Бруни, Ѳед. Ант., ректк. акад. худож., р. 1800 † 1875 г., т. CXLVI, май, 353, т. CXLVIII, дек., 664.
Брунъ, акварелистъ, 1896 г., т. CXLV, мартъ, 493.
Брюлловъ, Александръ Павл., художн.,

р. 1798 г., † 1877 г., т. CXLVIII, дек. 661, 665.
Брюлловъ, Карлъ Павл., художн., † 1852 г., т. CXLVIII, дек., 655—666.
Брюлловъ, Ѳедоръ Павл., художникъ, † 1869 г., т. CXLVIII, дек., 662.
Бугаевъ, Н. В., проф., 1873 г., т. CXLV, февр., 328.
Будбергъ, кавказс. ген., 1851 г., т. CXLVI, апр., 104.
Буевскій, учит. чистопис., т. CXLV, февр., 249.
Букгевденъ, гр., Ѳед. Ѳед., ген.-отъ-инфант., р. 1750 † 1811 г., т. CXLVI, іюнь. 529.
Булатовъ, ген., 1812 г., т. CLVII, авг., 255, 256.
Булгаковъ, 1812 г., т. CXLVII, авг., 261.
Булгаринъ, Ѳад. Венедикт., пис., р. 1789 † 1860 г., т. CXLVI, апр., 170 — 173, май, 250, 302, 428, 429, іюнь, 584, 593, 623, т. CXLVII, іюль, 161, 163, 168, 171, 172, авг., 332, 333, т. CXLVIII, дек., 664.
Бумбергъ, бар., Ѳед. Ѳед., докторъ, т. CXLVII, авг., 274, 286—291, 294, 299—301.
Бунге, Николай Христіанов., мн-ръ фин., р. 1823 † 1895 г., т. CXLV, янв., 41, 45, 48—58, февр., 261, 263, мартъ, 503, 504, 519, т. CXLVI, апр., 145, 160, май, 274
Бурдинъ, артистъ, т. CXLV, мартъ, 633.
Бурылинъ. Д., сообщ.: „Порядки на дальнемъ востокѣ въ концѣ 18 столѣтія“, т. CXLVIII, дек., 683—687.
Буръ, т. CXLVI, май, 347.
Буссе, Николай Вас., ген., р. 1828 † 1866 г., т. CXLVIII, окт., 59.
Бутаковъ, Гр. Ив., адм.-ген.-ад. чл. Гос. Сов., р. 1820 † 1882 г., т. CXLVIII, окт., 167, декаб., 578.
Бутковъ, Вл. Петр., госуд. Секр., р. 1813 † 1881 г., т. CXLV, февр., 421, 446.
Бутурлинъ, посолъ, 1654 г., т. CXLVII, іюль, 74.
Бѣгичевъ, мичманъ, 1854 г., т. CXLVII, декаб., 583.
Бѣгичевъ, Степ. Никит., полк., 1824 г., т. CXLVI. іюнь, 601.
Бѣлавенецъ, лейт., 1856 г., т. CXLV, мартъ, 580.
Бѣлинская, Александра Григорьевна, т. CXLVI, май, 255.
Бѣлинская, Марія Ив., 1811 г., т. CXLVI, май, 256.
Бѣлинскій, Виссаріонъ Григорьев., р. 1811 † 1848 г., т. CXLV, февр., 455 т. CXLVI, май. 242—257, 291—328, т. CXLVII, авг., 371, сент., 458, 459, т. CXLVIII, окт., 24, 25.
Бѣлинскій, Григ. Никиф., штабъ-лѣкарь, 1829 г., т. CXLVI, май 256.
Бѣловъ, Евг. Александр., проф., р. 1826 † 1895 г., т. CXLV, янв., 68, 84. т. CXLVIII, декаб., 514.
Бѣлоозерская, Н. А., т. CXLVIII, декаб., 509, 514.
Бѣлозерскій, Вас. Мих., писатель, т. CXLVIII, дек. 693, 694.
Бѣлозерскій, М., сообщ.. „Исчезнувшія могилы русскихъ генераловъ въ Сіонскомъ соборѣ въ Тифлисѣ“ т. CXLVII, авт., 237—246.
Бѣлозерскій, Помпей Мих. поруч. гусаръ, 1849 г., т. CXLIII, дек., 695.
Бѣлосельская, см., княгиня Волконская.
Бѣлосельскій, кн , Александръ Мих., оберъ - шенкъ, р. 1752 † 1809 г., т. CXLVI, май, 430.
Бѣлявскій, судебн. слѣд. 1874 г., впосл. вице-директ. таможен. департ., т. CXLVIII, дек., 472.
Бѣлявскій, ген., 1845 г., т. CXLV, февр., 274 284, мартъ, 461.
Бѣляевъ, А. П., декабристъ, 1848 г., т. CXLV, янв., 87.
Бѣляевъ, полковн., 1904 г., т. CXLV, янв., 211.
Бѣльковичъ, Л. Н.,: сообщ. „Послѣ войны—изъ арміи въ нѣдра читинской революціи. 1906 г.“, т. CXLIII, дек. 625—652.
Бюлеръ, баронъ, Ѳ. А., дипломатъ, т. CXLV, февр., 399.
Бюффонъ, натуралистъ род. 1707 † 1788 г., т. CXLVI, іюнь, 628, іюль, 154.
Бэръ, А. Б., директ. Департ. Торговли и Мануфактуръ, т. CXLV, мартъ, 504.

В

Вайновичъ, ген. - маіоръ, 1812 г., т. CXLVII, авг., 270.
Валуевъ, гр., Петръ Александр., писат., мн-ръ госуд. имущ., р. 1814 † 1890 г., т. CXLV, февр., 390, мартъ, 472, т. CXLVII, авг., 305, т. CXLVIII, декаб., 492, 493, 494.
Вальберхова, Марья Ив., актриса, р. 1788 † 1867 г., т. CXLVI, іюнь, 610 т. CXLVII, іюль, 165, авг., 339.
Вандаль, Альбертъ, писатель, т. CXLVI, іюнь, 524—527, 532.
Ванновскій, Петръ Семенов., мн-ръ народн. просвѣщ., † 1904 г., т.CXLVI, май, 402, 412, 413.
Василій Дмитріевичъ, великій князь московскій, т. CXLVII, іюль, 64.

Васильева, М. Е., сообщ. „Записки крѣпостной", т. CXLV, янв., 140—151.
Васильевъ, А. В., 1899 г., т. CXLVI, май, 407.
Васильевъ, архитек., т. CXLV, фев., 406.
Васильевъ, поруч., 1855 г., т. CXLV, мартъ, 636.
Васильчикова, Александра Иван., т. CXLVI, апр., 87.
Васильчикова, Анна Алексѣев., въ зам. графиня Баранова, т. CXLVI, апр. 87.
Васильчикова, Екатерина Алексѣевна, въ зам. княгиня Черкасская.
Васильчикова, Марія Вас., въ зам. Кочубей, т. CXLVI, апр., 88.
Васильчикова, см. Архарова.
Васильчиковъ, Алексѣй Вас., 1850 г., внукъ гетмана Разумовскаго, т. CXLV, мартъ, 674, апр., 87, 91.
Васильчиковъ, кн. Викт. Иллар., нач. штаба южн. арміи, 1856, т. CXLV, фев. 411, т. CXLVIII, окт., 165, нояб., 367, 368.
Васильчиковъ, кн., Серг. Илар., кавказ. офиц., 1845 г., т. CXLV, янв., 103.
Васнецовъ, Викт. Мих., художн., т. CXLV, февр., 332, 333, мартъ, 497.
Введенскій, Арс. Иван., писат., т. CXLV, мартъ, 613.
Вегелинъ, А. И., декабр., т. CXLVIII, дек., 670.
Веймарнъ, маіоръ, т. CXLV, мартъ, 557.
Велепольскій, 1898 г., т. CXLVI, май, 404.
Веліо, бар., чл. госуд. совѣт., † 1899 г., т. CXLVI, май, 406.
Вельтманъ, Александръ Ѳомичъ, романистъ, археологъ, р. 1800 † 1870 г., т. CXLVII, авг., 371.
Вельяминовъ, Алексѣй Александров., начальникъ кавказск. области, р. 1785 † 1838 г., т. CXLVII, сент., 528, 539.
Вельяминовъ, О. Ѳ., т. CXLIII, 659.
Венгеровъ, Сем. Аѳан., писатель, проф., т. CXLVI, май, 248, т. CXLVII, іюль, 151, т. CXLVIII, окт., 25, дек., 655, 664.
Веневитиновъ, Дм. Владим., р. 1805 † 1827 г., т. CXLVII., авг., 335.
Венеціановъ, Алексѣй Гаврилов., художн., р. 1780 † 1847 г., т. CXLVIII, нояб., 322—325, дек., 662.
Веніаминъ, въ мірѣ Владиміръ Боркуновъ, архимандр., ректоръ кутаисск. духовной семинар., епископъ горійскій, 1902 г., т. CXLVII, авг., 242, 243.
Венкстернъ, А. А., т. CXLVIII, 657, 665, 666.
Веревкинъ, Ал. Ник., капит. ген. штаба, 1845 г., т. CXLV, янв., 103.
Верещагинъ, Вас. Вас., художн., † 1904 г., т. CXLVI, апр. 36.
Верещагинъ, Мих. Ив., поэтъ, т. CXLVIII, окт., 168.
Верховскій, директ. кредитн. канцеляр., 1889 г., т. CXLV, фев. 396, 397.
Веселовскій, Конст. Степанов., секр. акад. наукъ, † 1901 г., т. CXLV, янв., 41—58.
Вешняковъ, В. Н., 1896 г., т. CXLVI, апр., 164.
Видовъ, архитект., т. CXLVIII, нояб., 334.
Викторовъ, ген., начальн. жандарм. управл. кавказ. окр., † 1845 г., т. CXLV, янв., 107 фев., 279.
Вильямсъ, 1890 г., т. CXLV, мартъ, 629.
Вильбуа, Конст. Петр., композиторъ, р. 1817 † 1883, т. CXLVI, май, 355.
Вильвальдъ, проф. живоп., 1869 г., т. CXLVIII, нояб., 328.
Вильгельмъ, императоръ германск., † 1888 г., т. CXLV, фев., 392, т. CXLVI, май, 424.
Вильдъ, акварелистъ, 1896 г., т. CXLV, мартъ, 493.
Вильяменъ, секрет. франц. акад., т. CXLVIII, окт., 15, 26, 33.
Вильямсонъ, В. Г., товарищъ прокурора, 1899 г., т. CXLVIII, дек., 476, 484.
Виніусъ, Андр. Андр., думный дьякъ, р. 1641 1714 г., т. CXLVI, апр., 177—211.
Виноградовъ, проф., субъ-инспект. подольск. дух. семинар., т. CXLVII, сент., 387, 388.
Вирховъ, Рудольфъ, антропологъ, т. CXLV, мартъ, 611.
Висковатовъ, поэтъ, 1830 г., т. CXLVII, іюль, 60.
Виталисъ, ген., начальн. восточн. Румелійской милиціи, 1879 г., т. CXLVI, іюнь, 560—562, 565, 566.
Витмеръ, Александръ Николаевичъ, ген., сообщ.: „Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ". Генералъ Церпицкій (Константинъ Викентіевичъ). т. CXLVI, апр., 34—40.
Витовтъ, кн. литовскій, т. CXLVII, іюль, 64—66.
Витте, Сергѣй Юльевичъ, мн-ръ финанс., т. CXLV, янв., 53—58, т. CXLVI, апр., 44, 46, 49, 52, 63, 139, 142—148, 161, 163, 167, май, 398, 402, 405, 409, 412, 419, 420, 424.
Вишневецкій, Дм., князь, т. CXLVII, іюль, 72, 73.
Віардо-Гарсія, Паулина, пѣвица, CXLV, мартъ, 633.
Владиміръ Александровичъ, великій князь, † 1909 г., т. CXLV, мартъ, 493, 494, 584.

Владиміръ Мономахъ, † 1125 г., т. CXLVII, іюль, 61, 62.
Владиміръ, Святой, † 1015 г., т. CXLVII, іюль, 82.
Владиславъ IV, король польск., † 1648 г., т. CXLVII, іюль, 70, 73.
Влангали, А. Е., т. CXLV, мартъ, 580, т. CXLVIII, дек., 678.
Вогоридисъ, кн., ген.-губерн. восточн. Румеліи, 1879 г., т. CXLVI, іюнь, 560, 563—566.
Волковъ, Ѳед. Павл., педаг., 1846 г., т. CXLV, янв., 74, 93.
Водопьяновъ, Н. А., войсковой старшина, 1904 г., т. CXLV, мартъ, 593.
Воеводскій, капит.-лейт. 1854 г., т. CXLVIII, дек., 576, 577.
Военскій, Конст. Адамов., т. CXLV, мартъ, 473.
Войтковскій, субъ-инспект. подольск. дух. семинар., т. CXLVII, сент., 388.
Волковъ, ген., 1904 г., т. CXLVIII, дек., 614.
Волконская, княгиня, Варвара Яков., рожд. Татищева, р. 1764 † 1792 г. т. CXLVI, май, 430.
Волконская, княгиня, Зинаида Александровна, рожд. княжна Бѣлосельская, р. 1792 † 1862 г., т. CXLVI, май. 430.
Волконскій, Г., сенаторъ, 1711 г., т. CXLV, фев., 380.
Волконскій, кн., Никита Григ., † 1844 г., т. CXLVI, май, 430.
Волконскій, кн., Петръ Мих., мн-ръ двора, фельдмарш., р. 1776 † 1852 г., т. CXLVI, май, 383, т. CXLVIII, дек., 690, 697, 698.
Волконскій, кн., 1902 г., т. CXLVI. май, 420.
Вольфъ, А. П., 1829 г., т. CXLVII, іюль, 164.
Воробьевъ, капит., т. CXLVIII, нояб., 367
Воронихинъ, Андрей Никиф., академ., проф. архитект., р. 1759 † 1814 г., т. CXLVI, іюнь, 522.
Вороновъ, поручикъ, 1854 г., т. CXLVIII, дек., 582.
Вороновъ, М., т. CXLV, янв., 92.
Воронцовъ - Шуваловъ, гр. Мих. Андр., † 1904 г., т. CXLVI, май, 401, 419, 425.
Воронцовъ-Дашковъ, гр. Мих. Сем., новорос. ген.-губ., впосл. намѣстн. Кавказа, р. 1782 † 1856 г., т. CXLV, янв., 102, 107, 111, 112, фев., 271, 276, 279—283, мартъ, 458 — 465, 469, 621, т. CXLVI, май, 402.
Воронцовъ, гр., Алексд. Романов., госуд. канцл., † 1805 г., т. CXLVII, іюль, 83.
Воронцовъ, гр., ген.-маіоръ, 1811 г., т. CXLII, іюль, 125—128.
Воскресенскій, Ив. Ив., педагогъ, 1863 г., т. CXLVII, сент., 467.
Врангель, гр., фельдмаршалъ, 1849 г., т. CXLV, мартъ, 610, 612.
Врангель, бар., офиц., 1845 г., т. CXLV, фев., 273.
Вревскій, ген.-адъют., т. CXLVIII, нояб., 364, 366.
Вревскій, бар., помѣщ. 1843 г., т. CXLVIII, дек., 670.
Вронченко, гр., 1849 г., т. CXLV, мартъ, 621.
Врубель, художн., т. CXLVIII, дек., 516.
Врублевскій, студ. виленск. унив., 1850 г., т. CXLV, янв., 89.
Вукотичъ, адм., т. CXLVIII, нояб., 353.
Вышнеградскій, Ив. Алексѣев., р. 1831 † 1892 г., т. CXLV, фев., 394—397, мартъ, 519, 629—634, т. CXLVI, апр., 139—149, 159, 160, май, 404.
Вяземскій, кн., Петръ Андр., писат., р. 1792 † 1878 г., т. CXLVI, май, 426, 437, іюнь, 590, 611, т. CXLVII, іюль, 170, авг., 326, 330—332, 336, 343. т. CXLVIII, дек., 653, т. CXLVIII, дек., 678.
Воейковъ, Александръ Ѳед., писат., акад., 1819 г.; р. 1773 † 1839 г., т. CXLVI, апр., 175, май, 428, іюнь, 642, т. CXLVII, авг., 349.

Г

Гавріилъ, Кременецкій, архіеп. казанск., т. CXLVIII, дек., 489.
Гагарина, княгиня, Елисавета Петр., рожд. Соймонова, 1837 г., т. CXLV, янв., 60.
Гагарина, княгиня. 1862 г., т. CXLV, мартъ, 487.
Гагарина, княгиня, ст. Семенова.
Гагаринъ, кн., Вас. Ѳед., 1825 г., т. CXLVI, май, 426, іюнь, 592, т. CXLVII, авг., 328.
Гагаринъ, кн., Григ. Ив., т. CXLV, янв. 60.
Гагаринъ, князь, Ив. Алексѣев., камергеръ, управл. дворомъ великой княгини Екатерины Павловны, сенат., р. 1771 † 1832 г., т. CXLV, янв., 139.
Гагаринъ, кн. Ив. Серг., іезуитъ, род. 1814 † 1882 г., т. CXLV, янв., 59—67.
Гагаринъ, кн., К. Д., тов. мн-ра Внутр. Дѣлъ, сенат., 1887 г., т. CXLV, фев., 387, 388, 396.
Гагаринъ, князь, чл. комитета по крестьян. дѣламъ, 1857 г., т. CXLV, фев., 421.

Гагаринъ, кн., т. CXLV, мартъ, 486.
Гагенъ, В. А., т. CXLV, фев., 384.
Гаевскій, Викторъ Павлов., юристъ, 1850 г., т. CXLVI, апр., 91.
Галаганъ, чл. комиссіи о крестьянск. дѣлахъ, 1861 г., т. CXLV, фев., 432.
Галактіоновъ, С. Ф., граверъ, т. CXLVIII, 665.
Галинскій, 1812 г., т. CXLVII, авг., 261.
Ганскау, Як. Өед., губернат. арханг., съ 1807—1824 г.; костромск. съ 1828—1830 г.; курск. т. съ 1830 — 1831 г., въ CXLVI, іюнь, 624.
Ганусовичъ, Ив. Антонов., инспект. уѣздн. учил. въ Сарат., т. CXLV, янв., 73.
Гарри, Ив. Ив., хирургъ, т. CXLV, янв., 139.
Гартингъ, Ив. Марков., ген., инжен., 1812 г., т. CXLVII, авг., 254.
Гартлингъ, Николай, поруч., 1800 г., т. CXLVI, май, 258—266.
Гауке, гр., Іосифъ, участн. польск. войн., 1863 г., т. CXLVI, май, 383, т. CXLVII, іюль, 87.
Гауке, графиня, 1850 г., т. CXLVI, апр. 92.
Гваренги, архит., т. CXLVI, іюнь 515.
Гвоздевъ, Ив. Мих., проф. судебн. медиц., † 1896 г., т. CXLV, фев., 236—240.
Гедеминъ, великій князь литовскій, † 1341 г., т. CXLVII, іюль, 64.
Гедеоновъ, Степ. Александр., директ. Имп. театровъ, драмат., р. 1816 † 1878 г., т. CXLVII, авг., 381.
Гейманъ, ген.-лейт., 1877 г., т. CXLVI, апр., 37.
Гейтманъ, Е., граверъ, 1822 г., т. CXLVIII, 665, 666.
Гекъ, лейт. 1870 г., т. CXLVIII, дек., 679.
Гельгудъ, участн. польск. возстанія, 1830 г., т. CXLVII, іюль, 84.
Георгіевскій, Алексд. Ив., предсѣд. ученаго комитета мин. нар. просв., т. т. CXLVI, май, 402.
Георгій, Александровичъ, великій князь, † 1899 г., т. CXLVI, май, 409.
Георгій, Черный, 1811 г., т. CXLVII, іюль, 129.
Георгъ, принцъ, Гольштейнъ-Ольденбургскій, т. CXLV, мартъ, 530.
Герардъ, Н. Н., юристъ, 1899 г., т. CXLVI, май, 405, т. CXLVII, нояб., 239.
Герардъ, ген.-маіоръ, 1812 г., т. CXLVII, авг., 270.
Герасименко, Ю. И., инспект. черниговск. гимназ., 1856 г., т. CXLVIII, нояб., 347, 348.
Герасъ, Леонидъ Констант., лейтенантъ, т. CXLVII, авг., 274, 275, 280, 287—298, 301.
Гербель, Никол. Вас., писатель, р. 1827 † 1883 г., т. CXLVI, май, 353, т. CXLVIII, окт., 76.
Гернгросъ, ген., т. CXLVII, іюль, 5, 7.
ф.-Гернетъ, А. О., т, CXLV, февр., 384.
Герценштейнъ, Мих. Яковл., проф., т. CXLV, фев., 261, 262.
Герценъ, Александръ Ив., писат., р. 1812 † 1870 г., т. CXLV, фев., 455, т. CXLVI, май, 242, 249, 307, 311, 325, т. CXLVIII, окт., 76.
Гершельманъ, ген., 1904 г., т. CXLV, янв., 217, т. CXLVI, апр., 121.
Гершензонъ, Г. М., біогр. В. С. т. CXLV, янв., 59, 66.
Гершензонъ, М., составилъ библіограф. указатель (на оберткѣ).
Геснеръ, Саломонъ, р. 1730 † 1787 г., т. CXLVII, авг., 361.
Гикъ, кн. ген.-лейт., 1812 г., т. CXLVII, авг., 270.
Гильфердингъ, Александръ Фед., славяноф., учен., писат., р. 1831 † 1872 г., т. CXLVII, авг., 306.
Гинкель, ген.-маіоръ, 1812 г., т. CXLVII, авг., 270.
Гирей, ханъ, т. CXLVII, іюль, 73.
Гладстонъ, Екатерина, 1877 г., т. CXLV, мартъ, 648, т. CXLVI, май, 360.
Гладстонъ, англійск. госуд. дѣятель, т. CXLV, фев., 340—342, мартъ, 638—648, 652—656, т. CXLVI, апр., 127—138, май, 359—375, іюнь, 496—499, т. CXLVIII, нояб., 413, 415, 420—422, дек., 593, 596.
Глазенапъ, флиг.-адъют., капитанъ, 1850 г., т. CXLVIII, окт., 115, 117, 120, 125.
Глазовъ, мин. народн. просв., 1897 г., т. CXLVI, май, 402.
Глазуновъ, книгопродав.-издатель, 1833 г., т. CXLVII, авг., 367—370, 373.
Глама-Мещерская, А. Я., артистка Лентовск. театра, т. CXLV, фев., 254.
Глинка, Мих. Ив., композ., р. 1804 † 1857 г., т. CXLV, мартъ, 473, т. CXLVIII, дек., 515, 519, 527.
Глинка, Сергѣй Николаев., писат., р. 1774 † 1847 г., т. CXLVI, іюнь, 599.
Глинка, Өед. Никол., р. 1788 † 1880 г., т. CXLVII, іюль, 170.
Глѣбовъ, кавказ. офиц., 1845 г., т. CXLV, янв., 103.
Гнѣдичъ, Ник. Ив., писат., род. 1784 † 1833 г., т. CXLVI, май, 427, іюнь,

586, 588, 593, 594, 613, т. CXLVII, іюль, 158, 167, 181, 183, авг., 327, 337, 344, 348—350, 354, 365, т. CXLVIII, дек., 666. 667.

Гоберъ, франц. филантропъ, р. 1807 † 1833 г., т. CXLVI, іюнь, 524.

Гогель, С. К., т. CXLV, фев., 384.

Гоголь, Ник. Вас., писат., р. 1809 † 1852 г., т. CXLV, фев., 399 т. CXLVI, май, 250—254, 257, 296, 297, 300, 307, 318, 319, 326, т. CXLVIII, окт., 26, 31.

Гоголь-Яновскій, маіоръ, т. CXLV, мартъ, 558.

Голенищевъ-Кутузовъ, гр., см. Кутузовъ.

Голенищевъ-Кутузовъ, гр., Вас. Пав., т. CXLVIII, дек., 572.

Голенищевъ-Кутузовъ, гр., т. CXLV, мартъ, 612.

Голицынъ, кн., Вас. Вас., бояринъ, † 1714 г., т. CXLVI, апр., 210.

Голицынъ, кн., Гр.С. 1812 г., т. CXLVI, апр., 151.

Голицынъ, кн., Дм. Влад., главноком. въ Москвѣ, р. 1771 † 1844 г., т. CXLVI, іюнь, 595.

Голицынъ, кн., Евгеній, т. CXLVII, сент., 478.

Голицынъ, К. Николаев., 1825 г., т. CXLVI, іюнь, 593, 595, 605, 627, т. CXLVII, іюль, 152, 179, 182, авг., 346.

Голицынъ, кн., Николай Серг., редакт. „Русскаго Инвалида", т. CXLVI, іюнь, 596, 601, т. CXLVII, іюль, 158, 159, 162, 166, 168, авг., 329, 341—344, 354, 368.

Голицынъ, П., сенаторъ, 1711 г., т. CXLV, февр., 380, т. CXLVII, іюль, 75.

Голицынъ, кн., Пав. Борис., 1834 г., т. CXLVII, авг., 368.

Голицынъ, кн., Сергѣй Мих., т. CXLVIII, нояб., 291.

Голицынъ, кн., т. CXLV, мартъ, 665.

Головинъ, Влад. Ив., влад. типограф., 1860 г., т. CXLVIII, окт., 73—76.

Головкинъ, гр., Гавр. Ив., канцл., † 1734 г., т. CXLV, февр., 381.

Головкинъ, посолъ, т. CXLV, мартъ, 521.

Головнинъ, Александръ Вас., мн-ръ нар. просв., † 1886 г., т. CXLV, февр., 445, 446, 451, т. CXLVII, авг., 227.

Голубцова, см. Кроль.

Голубцовъ, Д. П., 1897 г., т. CXLVI, май, 397.

Гольштейнъ-Бекская, см. Барятинская.

Гонто, 1768 г., т. CXLVII, іюль, 78.

Гончаренко, Соломонида Капитон., казачка, т. CXLVIII, нояб., 427—447.

Гончарова, Авдотья Матв., мать писат., 1882 г. CXLVIII, окт., 41—43.

Гончаровъ, Александръ Иванов., симбирск. купецъ, т. CXLVIII, окт., 43, 44.

Гончаровъ, Ив. Александр., писат., р. 1812 † 1891 г., т. CXLV, мартъ, 471, т. CXLVI, май, 355, матеріалы для біографіи, т. CXLVIII, окт., 34—62, дек., 591—499, нояб., 325, дек., 664.

Гончаровъ, Николай Александров., 1820 г., т. CXLVIII, окт., 41—43.

Горбовскій, прокур., 1818 г., т. CXLVIII, ноябр., т. CXLVIII, нояб., 282.

Горбуновъ, Д. К., переводч. поэмы Мицкевича „Конрадъ Валленродъ", 1859 г., т. CXLV, янв., 86.

Горбуновъ, Ив. Ѳед., артистъ, т. CXLVI, май, 357, т. CXLVIII, дек., 486.

Горемыкинъ, Ив. Логинов., мн-ръ внутр. дѣлъ, 1894 г., т. CXLVI, апр., 162, май, 409, 419,

Горленко, В. П., писат., т. CXLVIII, нояб,, 282.

Горчаковъ, кн., Александ. Мих., канцлеръ, р. 1798 † 1883 г., т. CXLV, мартъ, 654, т. CXLVI, май, 362. 370, 373, 374, т. CXLVII, авг., 305, т. CXLVIII, нояб., 406, 415, 423, дек., 592.

Горчаковъ, кн., Дм. Петр., р. 1756 † 1824 г., т. CXLVII, іюль, 169.

Горчаковъ, кн., Мих. Дм., главноком. крымск. арміей, 1855 г., варшавск. ген.-губернат., р. 1756 † 1861 г., т. CXLV, февр. 420. т. CXLVIII. окт., 163, нояб., 364—367, декаб., 575.

Горчаковъ, кн., К. А., 1890 г., т. CXLV, мартъ, 630.

Горчаковъ, кн., послан. въ Мадридѣ, 1892 г., т. CXLVI, апр,, 141.

Горчаковъ, кн., 1812 г., т. CXLVII, авг., 260.

Готовцевъ, прокур. палаты, т. CXLVII, сент., 393.

Граббе, гр., Пав. Христофоров., наказн. атам. Донск. казач. войска, † 1875 г., т. CXLV, мартъ, 469.

Грабовскій, ст.-секр. Царства Польскаго, 1830 г., т. CXLVI, май, 383, т. CXLVIII, дек., 607, 609.

Граве оберъ-секрет. 1-го департам., т. CXLV, февр., 383.

Грановскій, Тимоф. Никол., профес., р. 1813 † 1855 г., т. CXLVI, май, 249, 311.

Грейгъ, Алексѣй Самуилов., адм., чл.

Госуд. Совѣта, р. 1766 † 1845 г., т. CXLVII, іюль, 149, 166, сент., 417.

Грейгъ, Самуилъ Карловичъ, герой Чесменскаго боя, р. 1735 † 1793 г., т. CXLVII, іюль, 149.

Гречъ, Никол. Ив., писат., р. 1787 † 1867 г., т. CXLVI, апр., 170, 172, май, 250, 302, 436, 429, іюль, 584, 592, 593, 608, 609, 616, 624, т. CXLVII, іюль, 162—165, 172, авг., 333, 362, 365, 377, 380.

Грибоѣдова, Настасья Ѳед., † 1834 г., т. CXLVII, іюль, 148.

Грибоѣдова, Нина Александровна, т. CXLV, мартъ, 613—624.

Грибоѣдовъ, Александръ Серг., писат., р. 1795 † 1829 г., т. CXLV, февр., 454, т. CXLVI, апр., 174, май, 296, 306, 316, 427, 428, іюнь, 584, 586, 590—593, 601, 613, т. CXLVII, іюль, 148, 149, 164, авг., 365,

Григоровичъ, Дм. Васил., писат., т. CXLV, мартъ, 492, 493, т. CXLVI, май, 294, 323.

Григорьевъ, Апол. Александр., писат., 882 † 1864 г., т. CXLVI, май, 355, т. CXLVIII, окт., 78.

Григорьевъ, Конст. Никифоров., якутск. губерн. съ 1851 по 1856 г., т. CXLVIII, окт., 51, 52.

Грильпарцеръ, Францъ, пис., р. 1790 † 1872 г., т. CXLVI, іюнь, 586.

Гранингъ, англ. кооператоръ, т. CXLVI, іюнь, 492.

Громницкій, Мих. Фед., прокур. моск. окружн. суда, 1870 г., т. CXLVIII, дек., 477, 478, 479.

Грудева, рожд. княжна Барятинская, т. CXLVII, авг., 372.

Грудевъ, Геннадій Влад., р. 1796 † 1895 г., т. CXLVII; авг., 370—372. 377.

Гротъ, Конст. Карл., ст.-секрет., чл. Госуд. Совѣта, губ. въ Самарѣ, 1897 г., т. CXLV, янв., 184, т. CXLVI, май, 400, 401.

Гротъ, Николай Яков., проф., р. 1852 г., т. CXLV, февр., 259, 260,

Грубе, Вильгельмъ Ѳед., проф. унив., т. CXLV, февр. 229—233, 240.

Грузинцовъ, Александръ Никол., 1811 г., т. CXLVI, іюнь, 607.

Губастовъ, К., сообщ.: „Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера". Поправки, т. CXLV, февр., 399—400.

Губертъ, директ. Москов. консер., т. CXLVI, май, 355.

Гувеніусъ, Николай Максимов., т. CXLVII, сент., 408, 409.

Гудима, Егоръ Вас., директ. Черниг. гимназ., 1856 г., т. CXLVIII, нояб., 348.

Гулакъ-Артемовская, т. CXLV, янв., 14.

Гумани, г-жа, 1812 г., т. CXLVII, авг., 257—259, 273.

Гурко, Іосифъ Влад., ген., варш. ген.-губерн., фельдмарш., р. 1828 † 1886 г., т. CXLV, февр., 301—308, 338, картъ, 464, 505, 520

Гусевъ, Иванъ, 1800 г., т. CXLVI, май, 266.

Гэпгудъ, Варвара, переводчица сочиненій Льва Толстого на англ. яз., т. CXLVI, апр., 56—58, 61.

Д

Дабижа, кн., т. CXLVIII, дек., 621, 623,

Давыдова, Елена Семенов., въ зам. Полянская, т. CXLV, мартъ, 662, 671—673.

Давыдова, т. CXLV, мартъ, 494.

Давыдовъ, А. Ю., проф., 1873 г., т, CXLV, февр., 328.

Давыдовъ, Д. Д., пис., т. CXLVII, авг., 334, т. CXLVIII, окт., 26, 27.

Давыдовъ, ген.-маіоръ, 1812 г., т. CXLV, авг., 270.

Дадьянъ, кн., Александръ Леонов., фл.-ад., р. 1880 † 1865 г., т. CXLVII, сент., 537.

Дадьянъ, княгиня, см. бар. Розенъ.

Далай-Лама, духовн. глава ламаитовъ, 1904 г., т, CXLVI, май, 231—241, т. CXLVII, іюль, 48.

Даль, Влад. Ив., лексикографъ, р. 1801 † 1872 г., т. CXLV, февр., 287, 288, т. CXLVIII, окт., 73.

Дальтонъ, пасторъ, 1877 г., т. CXLV, февр., 388, 389.

Данзасъ, Н. К., † 1888 г., т. CXLV, февр., 387, 388.

Данилевскій, Григ. Петр., редакт. „Правительственнаго Вѣстника", писат., р, 1829 † 1890 г., т. CXLV, май, 353.

Данилевскій, проф. въ Харьковѣ, 1898 г., т. CXLVI, іюнь, 494.

Даниловъ, Георгій Алексѣев., полковн., сообщ.: „Сибирская казачья дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 годахъ. (Дневникъ участника, съ 2 февраля 1904 г. по 30 іюля 1905 года"), т. CXLV, янв., 209—218, мартъ, 589—596, т. CXLVI, апр., 119—126, т. CXLVIII, нояб., 385—391, дек., 614—618.

Даргомыжскій, композиторъ, † 1869 г., т. CXLV II, дек., 527.

Дашковъ, П. Я., т. CXLV, мартъ, 471, т. CXLVIII, дек., 667.
Дверницкій, Іосифъ, польскій ген., р. 1779 † 1867 г., т. CXLVII, іюль, 84.
Дегеръ, К. К. лейт. 1869, т. CXLVIII, дек., 672, 673.
Делленъ, Александръ Карлов., деректг. гимназ., т. CXLVIII, дек., 621
Дельвигъ, бар., Антонъ Антонов., писат., р. 1798 † 1831 г., т. CXLVI, іюнь, 586, 618, 624. т. CXLVII, іюль, 171, 172, 187, 188, авг., 328, 338, 348, 349, т. CXLVIII, дек., 668, 669.
Дельвигъ, бар., ген. шт. капит., 1845 г., т. CXLV янв., 103, мартъ, 461.
Деляновъ, гр., Ив. Давидов., мн-ръ народн. просвѣщ. † 1898 г., т. CXLV, янв. 53, февр., 263—265, мартъ, 478, т. CXLVI, май, 400, 402.
Дембовецкій, сенат., 1892 г., т. CXLVI, апр., 152.
Демидова, см. Панина.
Демидова, Александра Никол., въ зам. графиня Армфельдъ, т. CXLV, мартъ, 664.
Демидовъ, Николай Петр., т. CXLV, мартъ, 553.
Денисьевъ, И. С., юристъ, т. CXLVIII, дек., 475, 484.
Державинъ, Гавр. Романов., поэтъ, р. 1743 † 1816 г., т. CXLV, мартъ, 599, 602, т. CXLVI, май, 296, 427, іюнь, 611, 612, т. CXLVII, авг., 380.
Дерикеръ, докторъ гомеопатъ, т. CXLVIII, нояб., 332.
Дибичъ, гр., Ив. Ив., фельдмаршалъ, р. 1785 † 1831 г., т, CXLVIII, окт., 129, 132, 133.
Діонисій, инспект. духовн. Подольск. семинар., т. CXLVII, сент., 385.
Дихеусъ, полковн., т. CXLVII, іюль, 117.
Дмитріевъ, Ив. Ив., пис., р. 1760 † 1837 г., т. CXLVI, апр., 175, іюнь, 612.
Дмитріевъ Ѳ. М., сенат., 1893 г., т. CXLVI, апр., 156.
Дмитріевъ, т. CXLV, мартъ, 662.
Дмитріевъ - Кавказскій, художникъ, т. CXLV, мартт, 493.
Дмитровскій, ген. - м., 1877 г., т. CXLVIII, декаб., 571.
Добровольскій, К. Н., сообщ.: „г. Степанъ Александровичъ Хрулевъ", т. CXLV, янв., 152, „Исторія съ ксендзомъ", т. CXLV, мартъ, 636 — 637, «Гимпазистъ, военно - плѣнный. (Изъ жизни М. Н. Муравьева Виленскаго)», т. CXLVII, сент., 400.
Добровольскій, Н. А., сенат., т. CXLV, февр., 383.
Добролюбовъ, Николай Александров., критикъ, р. 1836 † 1861 г., т. CXLV, янв., 82, 86, 92.
Добрскій, пѣвецъ, т. CXLVIII, декаб., 526.
Добрянскій, подполковн., 1830 г., т. CXLVIII, окт., 128.
Долгорукая, княжна, Е. Д., т. CXLVI, апр., 86.
Долгорукій, кн., Ив. Мих., поэтъ, р. 1764 † 1833 г., т. CXLVI, май, 427.
Долгорукій, М., сенаторъ, 1711 г., т. CXLV, февр., 380.
Долгорукій, Юрій Владимировичъ, † 1157 г., т. CXLVII, іюль, 62.
Долгорукій, т. CXLVII, сент., 408.
Долгорукій, кн., 1902 г., т. CXLVI, май, 419.
Долгоруковъ, кн., Вас. Вас., чл. театральн. Комитета, шталмейст., р. 1787 † 1858 г., т. CXLV, мартъ, 598.
Долгоруковъ, кн., Вас., ген.-маіоръ, 1812 г., т. CXLVII, авг., 270.
Долгоруковъ, кн. Н. А., ген.-губернат. Чернигов., Харьков. и Полтавск губ., 1843 г., т. CXLVIII, дек., 670., 694.
Долгоруковъ, кн., С. И., т. CXLVI, май, 429, CXLVII, іюль, 169, авг., 328.
Долгоруковъ, кн., чл. комитета по крестьян. дѣламъ 1857 г., т. CXLV, февр., 421.
Домапскій, еписк. иркутскій, т. CXLVII, авг., 197.
Домелунксенъ, Н. Ф., подполк., 1904 г., т. CXLVIII, декаб., 615—618.
Домонтовичъ, Ив. Ив., гласный спб. думы, 1891 г., т. CXLVIII, нояб. 321—325.
Доржіевъ, Агванъ, ближайш. совѣтникъ Далай ламы, 1904 г., т. CXLVI, май, 232, 233, 241.
Дорошевичъ, В. М., журналистъ, 1904 г., т. CXLVIII, декаб., 634.
Достоевскій, Ѳед. Мих., писат., р. 1821 † 1881 г., т. CXLV, мартъ, 654, т. CXLVI, май, 315, 317, 323, 420.
Драгомировъ, Мих. Ив., ген. - ад., р. 1830 † 1905 г., т. CXLV, янв., 219—226, мартъ, 605—612, т. CXLVI, апр., 111 — 118, т. CXLVIII, окт., 182—190, нояб., 449 — 457, декаб., 565—574.
Древинскій, Лаврентій, волынскій депутатъ, т. CXLVII, іюль, 69.
Дрепякинъ, ген., 1804 г., т. CXLV, авг., 243.
Дризенъ, бар., А. О., т. CXLVIII, нояб., 335.
Дружининъ, Алексд. Васильев., писатель, † 1864 г., т. CXLVI, май, 355.

Дружининъ, Ник Яков. кавказ. офиц., 1845 г., т. CXLV, янв., 103.

Дубровинъ, Никол. Θед., ген.-лейт., акад., писат., † 1904 г., т. CXLV, мартъ, 616.

Дудетцло, гр., ген.-губерн. Малой-Валахіи, 1812 г., т. CXLVII, авг., 259.

Дудышкинъ, С. С., писат., т. CXLVIII, окт., 49, 56, декаб., 492, 493, 498.

Дузе, Элеонора, драм. артистка, т. CXLV, февр., 256.

Дундуковъ-Корсаковъ, кн., Ал. Мих., кавказ. офиц., 1845 г., т. CXLV, янв., 103, февр. 272, 273. мартъ, 461.

Дурасовъ, Виссаріонъ Ив., т. CXLV, янв., 76, 77.

Дурново, Ив. Николаев., мн-ръ, вн. дѣлъ, † 1903 г., т. CXLV, февр., 396. т. CXLVI, апр., 142, 146, 149, май, 422.

Духовниковъ, Ф. В., сообщ.: „Николай Гавриловичъ Чернышевскій", т. CXLV, янв., 68—96.

Дьяконовъ, директ. школы, „Общест. поощр. художн.", т. CXLV, мартъ, 486.

Дьяченко, М., сообщ.: „Эволюція литературныхъ взглядовъ Бѣлинскаго", т. CXLVI, май, 291—328.

Дюковъ, психіатръ, т. CXLV, февр., 239, 240.

Дюма, Александръ, писатель, т. CXLVI, май, 355.

Дюръ, Любовь Осиповна, въ зам. Каратыгина, актриса, р. 1805 † 1828 г., т. CXLVI, апр., 172, іюнь, 606.

Е

Евдокимовъ, маіоръ, 1820 г., т. CXLV, мартъ, 559.

Евгеній, принцъ, Виртембергскій 1811 г., т. CXLVII, іюль, 138.

Евсевій, (Ильинскій), еписк., т. CXLVII, сент., 392, 393, 396, 397.

Евѳимій, архимандр., т. CXLVII, сент., 390.

Егорновъ, художн.-акварелистъ, т. CXLV, мартъ, 493.

Егоровъ, Александръ Ив., есаулъ, 1905 г., т. CXLVI, апр., 122.

Егоровъ, Анатолій, сообщ.: «Страницы изъ годовъ моей жизни. (Проэкты памятниковъ Ломоносову и Островскому)», т. CXLVIII, нояб., 321—326.

Егоровъ, капит., 1904 г., т. CXLVIII, декаб., 616.

Екатерина I, Императрица, р. 1679 † 1727 г., т. CXLV, февр., 383, іюнь, 511.

Екатерина II, императрица, р. 1729 † 1796 г., т. CXLV, янв., 128, мартъ, 555, 662, т. CXLVI, іюнь, 514, 518—521, т. CXLVII, іюль, 77—85 авг., 324, т. CXLVIII, нояб., 321, 374.

Екатерина Михайловна, Великая княгиня, т. CXLV, февр., 389, т. CXLVI, апр., 156, т. CXLVII, сент., 488.

Екатерина Павловна, Великая Княгиня герцог. Ольденбургская, во втор. бракѣ—кор. Виртембергская, р. 1788 † 1819 г., т. CXLV, янв., 129—139, февр., 363 — 378, т. CXLV, мартъ, 521—537, т. CXLVI, апр., 71—85.

Екзетерскій, еписк., т. CXLVI, май, 360.

Езерскій, гр., Я., депутатъ польск. сейма, 1830 г., т. CXLVI, май, 382—385.

Ежова, Екат. Ив., актриса † 1837 г., т. CXLVI, іюнь, 601.

Елагинъ, Ив. Перфильев., р. 1725 † 1793 г., т. CXLVII. іюль, 180.

Елена Павловна, принцесса Виртембергская, Великая княгиня, р. 1806 † 1873 г., т. CXLL, февр., 420, 422, 432, 444, 455, 456, мартъ, 625, т. CXLVI, апр., 156, май, 403, т. CXLVII, авг., 221, 227.

Елизавета Алексѣевна, Императрица, супруга Императора Александра I, р. 1779 † 1826 г., т. CXLVI, апр., 74, 75, май, 396.

Елизавета Петровна, Императрица, р. 1709 † 1761 г., т. CXLV, янв., 128, февр., 383, т. CXLVI, іюнь, 507, 509, 512—514, т. CXLVII, іюль, 76.

Елизавета Ѳеодоровна, Великая Княгиня, т. CXLV, мартъ, 491.

Елпидифоръ, (Бенедиктовъ), епископъ, т. CXLVII, сент., 396.

Ельскій, 1830 г., т. CXLVI, май, 386.

Енохинъ, докт., 1837 г., т. CXLVIII, нояб., 290, 291.

Епанчинъ, Ив. Петров., вице-адм., 1850 г., т. CXLVII, сент., 474, 477, т. CXLVIII, окт., 112, 117—127.

Епанчинъ, Н. А., сообщ.: „Датская экспедиція 1850 г.", т. CXLVIII, окт., 112—127.

Ерковскій, полковн., 1904 г., т. CXLV, янв., 216.

Ермакъ, Тимоѳеев., завоев. Сибири., 1577 г., т. CXLVI, апр., 124.

Ермолова, Марія Николаевна, по мужу Шубинская, артиска московск. Малаго театра, р. 1853 г., т. CXLV, февр., 254.

Ермоловъ, 1815 г., т. CXLVII, авг., 240, 241.

Ермоловъ, А. С., мн-ръ землед., т. CXLVI, апр., 44, май, 419.

Есаулова, см. Лыкова.

Есаулова, Екат. Ив., т. CXLVI, май, 347.
Есауловъ, Ив. Петр., помѣщ., т. CXLV, мартъ, 665.
Ефимьевъ, пис., р. 1768 † 1804 г., т. CXLVI, іюнь, 612.
Ефремовъ, Вас. Пав., 1850 г., т. CXLVI, апр., 91, т. CXLVIII, окт., 74.
Ефремовъ, Петръ Александр., библіогр., р. 1830 † 1907 г., т. CXLVIII, окт., 25 дек. 655, 666, 668.
Ефремъ, католикосъ, т. CXLV, мартъ, 618.

Ж

Жабокритскій, ген., т. CXLVIII, нояб., 368.
Жандръ, Андр. Андр., писат., сенат., р. 1789 † 1873 г., т. CXLVI, апр., 170, 171, май, 426—428, іюнь, 593, 596, 597, 602, 607, 613, 625, 626, т. CXLVII, іюль, 165, сент., 527, 531.
Жандръ, Алекс. Павл., директ. пароходн. общества „Кавказъ и Меркурій", т. CXLVIII, окт., 168.
Жвирждовскій, 1863 г., т. CXLVII, іюль, 87.
Ждановъ, ген., нач. отдѣл. штаба кавказ. окр., 1886 г., т. CXLVI, іюнь, 547.
Жедринскій, управляющ. сенатск. типограф., т. CXLV, февр., 383.
Желеховскій, В. А., товар. прокур., т. CXLVIII, декаб., 484.
Желѣзновъ, Мих., Художн., т. CXLVIII, дек., 659.
Желѣзнякъ, Максимъ, предв. гайдамаковъ, 1768 г., т. CXLVII, іюль, 78.
Жераръ, ген., 1812 г., т. CXLVII, авг., 271.
Жерве, 1855 г., т. CXLVIII, нояб., 360.
Жилинскій, ген. - маіоръ, 1812 г., т. CXLVII, авг., 270.
Жилинскій, ген.-лейт. нач. полев. штаба намѣстн. на Дальн. Востокѣ, 1904 г., т. CXLV, янв., 211.
Жиль, Флоріанъ Антоновичъ, директ. Эрмитажа, † 1865 г., т. CXLVIII, нояб., 392, 393.
Жиркевичъ, А. В., сообщ.: „Изъ архива князя Л. А. Ухтомскаго", т. CXLV, янв., 195—202, мартъ., 579—587, т. CXLV, апр., 103—110, т. CXLVII, сент., 401 — 420, т. CXLVIII, окт., 159—174, нояб., 353—358, декаб., 575—590.
Жомини, бар., Александр Генрих., дипломатъ, р. 1814 † 1888 г., т. CXLV, февр., 399.
Жоховъ, 1827 г., т. CXLVI, іюнь, 609,
Жуковскій, Вас. Андр., писат., р. 1783 †1852 г., т. CXLV, мартъ, 597, т. CXLI. апр., 175, май, 300 — 303, 428, іюнь, 608, т. CXLVII, іюль, 158, 164, авг., 335, 348—350, 355, 359, 364, 365, 380, т. CXLVIII, нояб., 284, 329, дек., 653, 661, 689.
Жуковскій, Влад. Ив., юристъ, т. CXLVIII, декаб., 475, 476, 482, 483, 484.
Жуковскій, дѣйст. ст. совѣтн. 1837 г., т. CXLVIII, нояб., 291.
Жуковскій, управл. госуд. банкомъ, 1889 г., т. CXLV, февр., 397.
Жуковскій, уніатскій свящ. т. CXLVI, іюнь, 570.
Жуковъ, Андрей, голова г. Гжатска, т. CXLVIII, нояб., 295.
Жуковъ, 1829 г., т. CXLVII, іюль, 182.

З

Забѣлинъ, Ив. Ефимов., писат., р. 1820 † 1908 г., ученый т. CXLV, мартъ, 494.
Завадскій, студ. виленск. унив., 1850 г., CXLV, янв., 89.
Завадская, графиня, 1897 г., т. CXLIII, май, 397.
Завальевскій, полковн., т. CXLV, мартъ, 461.
Загоскинъ, Мих. Никол., пис., р. 1789 † 1852 г., т. CXLVI, май, 429, т. CXLVII, авг., 378.
Загряжская, Анастасія Ив., рожд. Бибитинская, р. 1797 † 1866 г., т. CXLVII, авг., 372.
Загряжская, Наталія Кирил., рожд. Разумовская, т. CXLVI, апр., 88
Загряжскій, Александръ Мих., симбир. гражд. губерн., 1835 г. т. CXLVIII, окт., 42.
Загряжскій, Борисъ Мих., кам.-юнкеръ, р. 1785 † 1825 г., т. CXLVII, авг., 372.
Загуляева, Надежда Андр., въ зам. Арнольдъ, 1858 г., т. CXLIII, окт., 71.
Заикинъ, 1833 г., т. CXLVII, авг., 368.
Заіончикъ, Іосифъ, генер., съ 1815 г. намѣстн. царства польскаго, р. 1752 † 1826 г., т. CXLVII, іюль, 80
Закржевскій, ген., царскосельск. комендантъ, т. CXLVIII, нояб., 329.
Закревскій, гр. Арсеній Андреев., финлянд. ген.-губ. 1826 г. ми-ръ вн. дѣлъ 1828 г., моск. ген.-губерн., † 1865 г., т. CXLV февр., 424.

Зарубаевъ, Влад. Николаев., хорунжій, 1905 г., т. CXLVI, апр., 122.
Зарудный, Викт. Ив., гидрографъ, астрономъ, т. CXLVIII, окт. 168, нояб., 357.
Засъ, Андр. Павл., ген., р. 1753 † 1815 г., т. CXLVII, іюль, 123—129, авг., 261, 271.
Засуличъ, Вѣра, т. CXLVIII, декаб., 483.
Засуличъ, ген., 1904 г., т. CXLVIII, декаб., 615.
Захарій, (Сухановъ), протоіер., т, CXLVII, іюль, 95.
Захарьинъ, Григ. Антонов., проф., медикъ, 1892 г., т. CXLVI, апр., 140.
Захарьинъ, Ив. (Якунинъ), т. CXLV, мартъ, 630, 631.
Збіевскій, ген., 1811 г., т. CXLVII, іюль, 126.
Звѣревъ, Н. С., преподават. 1885 г., т. CXLVIII, декаб. 516.
Звѣревъ, сенат., т. CXLV, февр., 383.
Звѣревъ, 1897 г., т. CXLVI, май, 402.
Зелинскій, Автономъ, педаг. 1837 г., т. CXLVII, іюль, 203—205.
Зенгеръ, мн-ръ народн. просв. 1897 г., т. CXLVI, май, 402, 413.
Зилоти, А., піанист, т. CXLVIII, декаб., 516.
Зиманъ, д-ръ, 1877 г., т. CXLV, мартъ, 642, 643.
Зиновьевъ, губерн., 1902 г., т. CXLVI, май, 419.
Зичи, художникъ, т. CXLV, мартъ, 494.
Златовратскій, А. П., т. CXLV, янв., 92.
Знаменскій, С. И., т. CXLV, февр., 405.
Золотарева, см. Молчанова.
Зосимовичъ, Софроній Лукичъ, прот., р. 1835 г., † 17 іюня 1896 г., т. CXLVII, іюль, 95—108.
Зотовъ, Влад. Рафаилов., писат., т. CXLVI, апр., 91, т. CXLVIII, окт., 77, 79.
Зотовъ, Никита Моисеев., учитель Петра Великаго, т. CXLV, янв., 114, 115, т. CXLVI, апр. 199.
Зубовъ, гр. 1825 г., т. CXLVI, май, 429.
Зыковъ, Д. П., т. CXLVI, іюнь, 600.

И

Ивановъ, Ард. Вас., 1828 г., т. CXLVI, іюнь, 625, т. CXLVII, авг., 379.
Ивановъ, В. А., директ. департ. иностр. исповѣд., † 1904 г. т. CXLVII, сент. 441.
Ивановъ, Д. П., родственникъ В. Г. Бѣлинскаго, т. CXLVI, май, 255, 292.
Ивановъ, инжен.-механикъ, 1904 г., CXLVII, авг., 274.
Ивашкевичъ, С. Д., рожд. Арсеньева, т. CXLVI, май, 393, 394.
Ивковъ, Авениръ, офиц., т. CXLVIII, окт., 169.
Игельстромъ, Е. К., декабр., † 1866 г., т. CXLVIII дек., 670.
Игельстромъ, государств. казначей Ц. Польскаго, 1793 г., т. CXLVII, іюль, 80.
Игнатій, еписк., т. CXLVII, іюль, 104.
Игнатьевъ, К. Л., т. CXLVIII, нояб., 363.
Игнатьевъ, гр., Пав. Никол., спб. ген.-губерн., предсѣдат. Комитета Министровъ, р. 1797 † 1879 г., т. CXLVI, май, 373—375, т. CXLVII, авг., 365.
Извѣкова, Марія Евграфовна, въ зам. Бедряга, р. 1794 † 1830 г., т. CXLVII, сент., 458—464.
Измайловъ, Александръ Ефим., писатель, р. 1779—1821 г., т. CXLVI, іюнь, 611.
Измаилъ-Бей, 1811 г., т. CXLVII, іюль, 123—134.
Изотовъ, педаг., т. CXLVII, сент., 502.
Изяславъ Мстиславовичъ, великій князь кіевскій, т. CXLVII, іюль 62.
Иларіонъ, астраханск. еписк. † 1755 г., т. CXLVIII, декаб., 489.
Ильинъ, Алексѣй Афиногенов., ген., учред., картографич. завед., † 1889 г., т. CXLV, мартъ, 486, 494, 495.
Ильинъ, А. Н., т. CXLVII, авг., 306.
Ильинъ, Н. П., директ. Технологич. Института, т. CXLV, мартъ, 504—508.
Илорихъ, банкиръ, 1895 г., т. CXLVI, май, 275.
Индогуръ, т. CXLV, мартъ, 486.
Ипсиланти, кн., Александ. Конст., предвод. грековъ въ борьбѣ за незав., † 1828 г., т. CXLVII, авг., 259.
Исааковъ, 1902 г., т. CXLVI, май, 420.
Исаевъ, ген.-маіоръ, 1812 г., т. CXLVII, авг., 270.
Исаевъ, проф., 1899 г., т. CXLVI, май, 406, 407.
Истоминъ, Влад. Ив., контръ-адм., † 1855 г., т. CXLVIII, окт., 164, 165, нояб., 356, 364.
Истоминъ, Каріонъ, писат., т. CXLVI, апр., 210.
Италинскій, посолъ въ Константинополѣ, 1812 г., т. CXLVII, авг., 264.

І

Іаннуарій, (Поповъ), іеромонахъ, т. CXLVII, сент., 396.
Іедлинскій, Альбертъ Артуровичъ, ген.-лейт., р. 1813 † 1876 г., т. CXLV, янв., 203—208, февр., 320, мартъ, 588, т. CXLVI, апр., 102, май, 290, іюнь, 546—548.
Іоакимъ, патріархъ, т. CXLVII, іюль, 69.
Іоанникій, еписк., 1795 г., т. CXLVII, авг., 196.
Іоаннъ, Кронштадскій, протоіерей, т. CXLVI, апр., 142.
Іоаннъ III, Великій князь., р. 1462 † 1505 г., т. CXLV, мартъ, 486, т. CXLVII, авг., 308.
Іоаннъ IV, Васильевичъ, Грозный, царь, р. 1530 † 1584 г., т. CXLVI, апр., 182, 209, іюнь, 512, т. CXLVII, іюль, 68, авг., 310.
Іоаннъ, Дмитріевичъ Державинъ, впосл. еписк. Псковск. Антонинъ, т. CXLVII, сент., 467, 468.
Іоасафъ, архимандр., т. CXLVII, сент., 388—390.
Іонинъ, министръ резидентъ въ Черноріи, 1887 г., т. CXLV, февр., 389.
Іосафатъ, Кунцевичъ, католич. еписк., т. CXLVII, іюль, 69.
Іосифъ, Сливычъ, свящ., т. CXLVII, сент., 397.
Іохимъ, скрипачъ, т. CXLV, мартъ, 488.

К

Кавелина, М. П., т. CXLVIII, нояб., 284, декаб., 564.
Кавелинъ, Александръ Александр., ген.-ад., директ. пажескаго корпуса, р. 1793 † 1850 г., т. CXLVIII, нояб., 283—289, 291—295, 329, декаб., 556—564.
Кавелинъ, Конст. Дм., проф., р. 1818 1885 г., т. CXLV, февр. 420, 428, 429, 433, 455, т. CXLVI, май, 319, 325.
Кавосъ, Катерино Альбертов., капельм., композит., р. 1775 † 1840 г., т. CXLVI, іюнь, 605.
Казаковъ, архит., т. CXLVI, іюнь, 519, 522.
Казанскій, свящ. с. Михайловскаго, 1895 г., т. CXLVI, апр., 209.
Казиміръ, польск. король, 1340 г., т. CXLVII, іюль, 63.
Казнаковъ, А. Н., поруч. 1893 г., т. CXLVI, апр., 7, 20, 21.
Кайсаровъ, полковн., команд. Вятскимъ полк. 1812 г., т. CXLVII, авг., 254—260.
Калачевъ, войсковой старшина, 1904 г., т. CXLV, мартъ, 589, 593.
Калиновскій, издат. „Свѣточа“, т. CXLVI, май, 355.
Калошинъ, Сер. Пав., 1850 г., т. CXLVI, апр., 91.
Каменская, Софія Ѳед., 1862 г., т. CXLV, мартъ 487.
Каменскій, Е., сообщ.: „Записки графа Ланжерона. Война съ Турціей (1806—1812 г.,) Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго“, т. CXLVII, іюль, 123—147, авг., 249—273.
Каменскій, гр., Николай Мих., ген.-отъ-инфант., р. 1778 † 1811 г., т. CXLVII, авг., 270.
Кампенгаузенъ, баронесса, т. CXLVII, сент., 543.
Кампистронъ, писатель, р. 1656 † 1723 г., т. CXLV, мартъ, 599.
Канищевъ, прапорщ., 1845 г., т. CXLV, янв., 103.
Кантемиръ, кн., Антіохъ Дм., писат. † 1744 г., т. CXLVIII, нояб., 271.
Капнистъ, Вас. Вас., пис., р. 1757 † 1823 г., т. CXLVI, іюнь, 611.
Капнистъ, гр., сенат. посолъ въ Вѣнѣ, 1892 г., т. CXLVI, апр., 152.
Капустинъ, М. И., предсѣд. переселен. об-ва 1899 г., т. CXLVI, май, 406.
Капустинъ, Петръ Степ., 1830 г., т. CXLVII, іюль, 60.
Капцевичъ, Сем. Мих., полт. губ., 1827 г., т. CXLVIII, нояб., 270.
Караваевъ, докт., 1840 г., т. CXLVII, авг., 209.
Карамзинъ, Николай Мих., историкъ, р. 1766 † 1826 г., т. CXLV, мартъ, 662, т. CXLVI, май, 300, іюнь, 596, 612, т. CXLVII, іюль, 168, 172, 179—182, авг., 380, т. CXLVIII, нояб., 281.
Каратыгина, см. Дюръ.
Каратыгина, см. Колосова.
Каратыгинъ, Вас. Андреев., артистъ, † 1853 г., т. CXLV, февр., 256, т. CXLVI, апр., 170, 172, іюнь, 586, 593, 597—607, 614, 618, т. CXLVII, іюль, 152, 158, 160, 164, 165, 170, 179, 337—340, 343, 353, 366, 374, 375, 380.
Каратыгинъ, Петръ Андр., артистъ, † 1879 г., т. CXLV, мартъ, 598, т. CXLVI, іюнь, 606, т. CXLVII, іюль, 165, сент., 527, 528, 531, 535, 538.

Карбоньеръ, ген.-маіоръ, 1819 г., т. CXLVII, нояб., 341, 342.

Карлъ XII, король Шведскій, † 1718 г., т. CXLVII, іюль, 75, 76.

Карницкій, Вас. Ив., свящ., 1880 г., т. CXLVII, іюль. 31, 32.

Картрайтъ, 1877 г., т. CXLV, мартъ, 644.

Карцовъ, Сергѣй Николаев., д. с. с., т. CXLV, февр., 400.

Карцовъ, Ю. С., т. CXLV, февр., 399.

Карякинъ, пѣвецъ, т. CXLV, мартъ, 493.

Катанаевъ, ген., 1905 г., т. CXLVI, апр., 121.

Катенинъ, Ал. Андр., 1834 г., т. CXLVII, авг., 382, 383.

Катенинъ, Ив. Никол., подполк. Чухломской предвод. дворянств. 1823 г., т. CXLVI, іюнь, 620.

Катенинъ, Пав. Александр., писат., р. 1792 † 1853 г., т. CXLV, мартъ, 597—604, т. CXLVI, апр., 169—176, май, 426—430. іюнь, 584—628, т. CXLVII, іюль, 148—192, авг., 326—384, сен., 527—543.

Катенинъ, Петръ Александров., т. CXLVII, сент., 543, т. CXLVIII, дек. 664.

Катковъ, Мих. Никифор., публиц., р. 1818 † 1887 г., т. CXLV, мартъ, 652, 654, т. CXLVI, 402, т. CXLVII, авг., 306, т. CXLVIII, окт., 65.

Кахановъ, М. С., предсѣд. департ. промышл. и торговли, гл. госуд. сов. 1896 г. † 1900 г., т. CXLVI, апр., 167, май, 410.

Катовскій, 1791 г., т. CXLVII, іюль, 80.

Каченовскій, Мих. Трофимов., историкъ, † 1842 г., т. CXLVI, май, 426, іюнь, 584, 592, т. CXLVII, авг., 336.

Кафтыревъ, переводчикъ, т. CXLVI, іюнь, 619, т. CXLVII, іюль, 153.

Кейзерлингъ, гр. Александр. Андр., попечит. дерит. учебн. окр., р. 1805 † 1891 г., т. CXLVI, май, 423, 424.

Кейзеръ фонъ-Нилькгеймъ, т. CXLV, мартъ, 479, 480.

Кессель, К. И., юристъ, т. CXLVIII, декаб., 475.

Келяковъ, полковн. команд. филиппольск. бригады, 1879 г., т. CXLVI, іюнь, 549.

Кернъ, Анна, Петров., см. Макарова—Виноградская.

Кинглекъ, писатель, 1877 г., т. CXLV, мартъ, 650.

Кипренскій, художн., т. CXLVIII, дек. 657—664.

Кирилинъ, А. Н., 1850 г., т. CXLVI, апр., 91.

Кириллъ, (Богословскій-Платоновъ), архіеп. подольск. т. CXLVI, іюнь, 573—575.

Кирѣева, Анна, рожд. княжна Несвижская, т. CXLV, мартъ, 641.

Кирѣевская, въ зам. Лыкова, т. CXLV, мартъ, 664,

Кирѣевскій, Ив. Вас., славяноф., пис., р. 1806 † 1856 г., т. CXLVII, авг., 335.

Кирѣевскій, † 1831 г., т. CXLVIII, нояб., 329.

Кирѣевъ, Александръ Дм., управл. конторой Императ. театр. 1847 г., т. CXLVII, авг., 378.

Кирѣевъ, Николай, т. CXLV, мартъ, 641, 653.

Китлеръ, проф., т. CXLV, мартъ, 493.

Кицкій, 1830 г., т. CXLVI, май, 386.

Клейнмихель, Петръ Андр., главноуп. пут. сообщ., р. 1793 † 1869 г., т. CXLV, февр. 420, т. CXLVI, май, 354.

Клингенбергъ, Екат. Ив., рожд. Лабынцева, сообщ.: По поводу статьи „Воспоминанія гр. К. К. Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г.“, т. CXLV, мартъ, 604.

Клочковъ, М., сообщ.: „Къ юбилею Сената“, т. CXLV, февр., 379—384.

Клушинъ, пис., † 1804 г., т. CXLVI, іюнь, 612.

Клюки-фонъ Клюгенау, ген., 1845 г., т. CXLV, февр., 274, 276, 280.

Ключевскій, В. О., проф., т. CXLV, янв., 113—128, февр., 379, т. CXLVI, іюнь, 489.

Книримъ, слѣдоват., т. CXLVIII, декаб. 483.

Княжевичъ, Дм. Максимов., т. CXLVI, май, 400, 401.

Княжнинъ, Яковъ Борисов., пис., р. 1742 † 1791 г., т. CXLVI, іюнь, 612.

Коблей, Генріетта Александр., дочь англійск. консула, т. CXLVII, сент., 447, 448.

Ковальскій, В. И., директ. Департ. Торговли и Мануфакт., 1892 г., т. CXLVI, апр., 44—48, 62, 63, май, 273.

Ковалевскій, Мих. Ив., прот. подольск. епарх., р. 1827, т. CXLVI, іюнь, 570—575.

Ковальскій, учен. Приворотскаго духовнаго учил., 1837г., т. CXLVII, авг., 196—219.

Козакевичъ, Петръ Вас., адмиралъ, т. CXLVIII, окт., 59.

Козловскій, И. П., сообщ.: „Андрей Виніусъ сотрудникъ Петра Великаго“, т. CXLVI, апр., 177—208.

Козловскій, кн., кавказ. офицер., 1845 г., т. CXLV, янв., 103, февр., 279, т. CXLV, мартъ, 466.
Козловъ, Ив. Ив., поэтъ р. 1779 † 1840 г., т. CXLVI, іюнь, 622, т. CXLVII, авг., 335, 380.
Козловъ, Петръ Кузмичъ, изслѣдов. Центр. Азіи, полковн., сообщ.: „Монголо—Сычуаньская экспедиція Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, подъ начальствомъ подполковника П. К. Козлова, 1907—1909 г.“, т. CXLVI, апр., 3—33, май, 231—241, іюнь, 453—487, т. CXLVII, іюль 33—59.
Кожевниковъ, Матвѣй Львов., саратов. губерн., 1848 г., т. CXLV, янв., 87, 88, 96, т. CXLVIII, декаб., 510, 512.
Койтено, ген., 1812 г., т. CXLVII, авг., 262.
Кокориновъ, Александръ Филип., архит., р. 1726 † 1772 г., т. CXLVI, іюнь, 515, 519.
Кокошкинъ, С. А., ген.-маіоръ Спб. об.-полиц., 1847 г., т. CXLVIII, декаб., 533, 535.
Кокошкинъ, Ѳед. Ѳед., управл. Московск. театр., р. 1773 † 1838 г., т. CXLVI, апр., 174, т. CXLVII, авг., 339.
Коленкуръ, франц. послан. въ Россіи, р. 1772 † 1821 г., т. CXLVI, іюнь, 526—538.
Колерджа, М. Ф., т. CXLVIII, декаб., 521, 522, 525, 527.
Колесниковъ, Сергѣй Алексѣев., педаг., 1859 г., т. CXLV, янв., 82.
Колосова, Александра Мих., въ зам. Каратыгина, артистка † 1880 г., т. CXLV, мартъ, 597, 598, т. CXLVI, апр., 170—174, май, 429, іюнь, 586, 595—599, 603, 606, 607, 617, 622, т. CXLVII, іюль, 155, 164, авг., 339, 340.
Колосовъ, акушеръ, т. CXLV, янв., 5.
Колотинскій, подполковн., 1811 г., т. CXLVII, іюль, 124.
Кольцовъ, Алексѣй Вас., поэтъ, р. 1808 † 1842 г., т. CXLVI, май, 252, 307, 323.
Колюбакинъ, Б. М., сообщ.: „Вспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года“. (Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845 г.), т. CXLV, янв., 97—112, февр., 270—284, мартъ, 457—470.
Колюбакинъ, ротный команд., 1845 г., т. CXLV, янв., 109. февр., 278.
Колюпановъ, Николай Николаев., 1829 г., т. CXLVII, іюль,, 161.
Комаровская, графиня, А. Е., гофмейстерина Вел. Кн. Александры Іосифовны, 1897 г., т. CXLVI, май, 396.а
Комаровская, графиня, М. В., рожд. Панина, 1888 г., т. CXLV, февр., 387.
Кондоиди, Григ. Влад., 1850 г., т. CXLVI, апр., 91, т. CXLVIII, окт., 74.
Кондзеровскій, Константинъ Данилов., полковн., начальн. 2 воен. Констант. училища 1874 г., т. CXLVII, іюль, 119—122.
Кондратьевъ, прапорщикъ, 1854 г., т. CXLVIII, декаб., 578, 580.
Кони, Анат. Ѳед., сенат., сообщ.: „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля“, т. CXLV, янв., 3—40, февр., 227—256, т. CXLVIII, нояб., 231—269, декаб., 461—488, упом. декаб., 476.
Копіаръ, губернаторъ, т. CXLV, мартъ, 582.
Контскій, Антонъ, піанистъ, р. 1817 г., т. CXLVI, май, 355.
Константинъ, Острожскій, воевода кіевскій, кн., р. 1526 † 1608 г., т. CXLVII, іюль, 68, 69.
Константинъ Константиновичъ, Великій Князь, т. CXLV, февр., 390, 361, мартъ, 630, т. CXLVI, май, 396.
Константинъ Николаевичъ, Великій Князь, р. 1827 † 1882 г., т. CXLV, янв., 12, февр., 420, 421, 425, 441, 444—447, 456, т. CXLVII, авг., 221, 229, сент., 477—480, т. CXLVIII, окт., 123. 171, нояб., 354, 363, декаб., 563.
Константинъ Павловичъ, Великій Князь, Цесаревичъ, р. 1779 † 1831 г., т. CXLVI. май, 255, 256, 376—391, т. CXLVII, іюль. 84, т. CXLVIII, окт., 128—145, нояб., 369—384, декаб., 569—613.
Корбъ, т. CXLVI, апр., 210.
Корвинъ-Милевскій, гр,, т, CXLVII, авг., 313.
Корженевскій, Іосифъ, драмат. пис., р. 1797 † 1863 г., т. CXLVII, авг., 330, 331.
Корнелли, 1809 г., т. CXLVII, авг., 271.
Корниловъ, Влад. Алексѣев., вице-адм. начальн. шт. черноморск. флота, р. 1808 † 1854 г., т, CXLV, янв., 202, т. CXLVIII, окт,, 163, 164, 157, 170, нояб., 357, 358.
Корольковъ, М. Я., сообщ.: „Колтовской дьячекъ“, (Этюдъ изъ жизни Императора Николая I), т. CXLVIII, декаб., 532—540.
Коронелли, 1812 г., т. CXLVII, авг.,258.
Коростовцевъ, Яковъ Ив., мор. офиц., 1875 г., т. CXLV, мартъ, 580.
Корсаковъ, В., сообщ.: „Пребываніе цесаревича Александра Николаевича въ Пензѣ въ 1837 г., т. CXLVIII, дек., 688—689.

Корсаковъ, Михаилъ Семенов., т. CXLVIII, окт., 59.
Корсаковъ, Петръ Александр., цензоръ, писат., р. 1790 † 1844 г., т. CXLVI, іюнь, 595.
Кортецъ, Фердин., завоеват. Мексики, р. 1485 † 1547 г., т. CXLVII, іюль, 150.
Корфъ, бар., Модестъ Андр., род. 1800 † 1876 г., т. CXLV, мартъ, 476, т. CXLVII, сент., 535, 536, 538, т. CXLVIII, нояб., 283.
Корфъ, Николай Андр., полк., т. CXLVII, сент., 535.
Корфъ, Өед. Андр., † 1839 г., т. CXLVII, сент., 535.
Корфъ, бар., чл. комитета по крест. дѣламъ, 1857 г., т. CXLV, фев., 421.
Коршуновъ, Вас. Ив., смотрит. саратовск. уѣздн. учил., 1851 г., т. CXLV, янв., 74.
Косовскій, 1811 г., т. CXLVII, авг., 271.
Костомарова, Татьяна Петр., мать историка Н. И. Костомарова, 1849 г., т. CXLVIII, дек. 512.
Костомаровъ, Ник. Ив., проф., писат., р. 1817 † 1885 г., т. CXLV, янв., 72, 89—96, мартъ, 576, т. CXLVIII, дек., 492, 497, 499, 509—514, 692.
Костанда, моск. ген.-губерн., 1893 г., т. CXLVI, апр., 59, 60.
Костровъ, Ермилъ Ив., писат., † 1796 г., т. CXLVI, іюнь, 611, 612.
Коссовскій, А., сообщ.: „Воспоминанія", т. CXLVII, сент., 427—436.
Коссовскій, Альфонсъ Францов., судебн. слѣдоват., 1862 г., т. CXLVII, сент., 427—436.
Косцюшко, Ѳаддей, главнокоманд. польск. войскъ, р. 1746 † 1817 г., т. CXLVII, іюль, 80, т. CXLVIII, окт., 3.
Котляревская, Любовь Николаевна, въ зам. Терсинская, т. CXLV, янв., 90.
Коцебу, офиц. воен. акад., 1894 г., т. CXLVI, апр., 156, 157.
Коцебу, гр., Пав. Евстафьев., начальн. штаба арміи, 1853 г., CXLVIII, нояб., 364, 365.
Кочубей, см. Васильчикова.
Кочубей, кн., Викторъ Павл., мн-ръ внут. дѣлъ, впослѣдств. вице-канцл., р. 1768 † 1834 г., т. CXLVI, апр., 87, 88, т. CXLVII, іюль, 83.
Кошелева, О. О., т. CXLVIII, дек. 657, 658.
Кошелевъ, Александръ Ив., публиц., р. 1807 † 1883 г., т. CXLV, фев., 346—348, 432, 433.
Кояловичъ, Мих. Осип., профес., † 1891 г., т. CXLVII, авг., 305.
Краббе, Яковъ Өед., подполковн., т. CXLVII, сннт., 503—507.
Краевская, Елизавета Яковлевна, т. CXLVIII, окт., 49.
Краевскій, Андрей Александр., издат. „Отечественныхъ Записокъ", р. 1810 † 1889 г., т. CXLV, февр., 396, т. CXLVIII, окт., 45—51, 60, дек. 491, 662.
Крамаржъ, д-ръ, т. CXLVI, май, 277.
Крамарева, Ольга, т. CXLV, мартъ, 619.
Крамской, Ив. Ив., художникъ, р. 1837 † 1887 г., т. CXLV, мартъ, 486, 490.
Крапоткинъ, кн., Петръ, т. CXLVI, апр., 91.
Красинскій, 1768 г., т. CXLVII, іюль, 78.
Красовскій, Александръ Ив., цензоръ, р. 1776 † 1857 г., т. CXLVI, іюнь, 590, т. CXLVII, авг., 331.
Крачковскій, живоп., 1897 г., т. CXLVI, май, 398.
Крестовскій, Всев. Влад., пис., р. 1840 † 1895 г., т. CXLVI, май, 355.
Кречетниковъ, Мих. Никит., ген., 1768 г., т. CXLVII, іюль, 78, 80.
Кривошеинъ, мн-ръ путей сообщ., 1892 г., т. CXLVI, апр., 147, 159, май, 408.
Криденеръ, баронес., Юліана, урожд. Фитингофъ, писательница, р. 1766 † 1824 г., т. CXLVI, апр., 81, 82.
Криднеръ, ген., 1877 г., т. CXLV, фев., 338.
Криштафовичъ, С. М., т. CXLV, фев., 400.
Кроль, Алекс. Ив., въ зам. Юмъ, т. CXLVI, май, 355.
Кроль, Любовь Ив., по 1-му браку Пенхержевская, по 2-му браку Голубцова, по 3-му Кушелева, т. CXLVI, май, 354.
Кроль, Николай Ив., т. CXLVI, май, 354, 355, т. CXLVIII, окт., 76.
Кронъ, начальница Александр. малолѣтняго корпуса, т. CXLVII, іюль, 117.
Кропоткина, княжна, Варвара Александров., въ зам. Мей, т. CXLVI, май, 352.
Кропотовъ, Ив., переводч., т. CXLV, мартъ, 601.
Кропотовъ, Д., полковн., т. CXLVII, авг., 306.
Кротковъ, Г. А., сообщ.: „Прощальное письмо моимъ слушателямъ". (Б. Чичерина), т. CXLV, янв., 165—166.
Кроунъ, лейт., 1854 г., т. CXLVIII, окт., 50.
Кругловъ, Любимъ Петров., директ. учил. Саратовск. губ., ст. совѣтн., р. 1809 г. † 24 авг. 1847 г., т. CXLV, янв., 73, 74.

Круковскій, Адр., сообщ.: „Одинъ изъ людей Іосифа Сѣмашко“, (къ исторіи возникновенія русскихъ поселеній въ Ковенской губерніи), т. CXLVII, іюль, 88—108, „Могила одного изъ участниковъ войны 1812 года“, сент., 425—426.

Крупинскій, 1812 г., т. CXLVII, авг., 262.

Крыловъ, Ив. Андр., баснописецъ, р. 1768 † 1844 г., т. CXLV, мартъ, 599, т. CXLVI, май, 296, 427, іюнь, 594, 613, т. CXLVII, авг., 339, 350, 362, 365—369, 373—375.

Ксенія Александровна, Великая Княгиня, т. CXLV, мартъ, 491.

Кубасовъ, И. А., т. CXLVIII, дек., 663.

Кувшинникова, г-жа. 1898 г., т. CXLVI, іюнь, 501.

Куинджи, проф., живоп., т. CXLV, мартъ, 493.

Кукольникъ, Несторъ Вас., писат., р. 1809 † 1868 г., т CXLVII, авг., 378, 381, т. CXLVIII, дек., 665.

Кулаковскій, педагогъ, 1837 г., т. CXLVII, авг., 198, 199, 202.

Куломзинъ, А. Н., управл. дѣлами комит. министровъ, 1894 г., т. CXLVI, апр., 160, май, 400, 419.

Кулябко-Корецкій, М. Н., сообщ.: „Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ II — Н. А. Наркевичъ“, т. CXLVIII, окт., 175—181.

Кумерау, подполк., т. CXLV, фев., 399.

Кумингъ, акварелистъ, т. CXLV, мартъ, 493.

Куникъ, Аристъ Аристовичъ, историографъ, академ., т. CXLVIII, нояб., 276.

Куракинъ, кн., Александръ Борис., виде-канцлеръ, посолъ въ Парижѣ, р. 1752 † 1818 г., т. CXLV, мартъ, 521, 523, 526—533.

Курбскій, кн., Андрей Михайл., воевода, р. 1529 † 1583 г., т. CXLVII, іюль, 68, авг., 310.

Куріаръ, П. П., т. CXLV, мартъ, 493.

Куропаткинъ, Алексѣй Николаев., воен. мн-ръ, 1904 г., т. CXLVI, апр., 34, 35, 39, т. CXLVIII, дек., 618.

Курочкинъ, Вас. Степ., писат., р. 1831 † 1875 г., т. CXLVI, май, 353.

Курочкинъ, Н. Ст., т. CXLVI, май, 353.

Кутайсовъ, гр., Пав. Ив., чл. театр. ком., р. 1782 † 1840 г., т. CXLV, мартъ, 598.

Кутайсовъ, гр., сенат., 1892 г., т. CXLVI, апр., 152, май, 429.

Кутейниковъ, казацк. ген., 1812 г., т. CXLVII, авг., 255.

Кутузова, Матрена Мих., въ зам. Шаховская, т. CXLVIII, нояб., 330.

Кутузова, Ольга Николаев., въ зам. Полянская, 1850 г., т. CXLVI, апр., 92.

Кутузовъ, Александръ Петров., воен. губерн. Грузіи, † 1817 г., т. CXLVII, авг., 237—241.

Кутузовъ, В. Н., лицеистъ, 1850 г., т. CXLVI, апр., 92.

Кутузовъ, гр. Вас. Пав., т. CXLVI, апр., 114—116, т. CXLVIII, окт., 185, 189.

Кутузовъ - Смоленскій, кн., Мих. Иллар., фельдм., р. 1745 † 1813 г., т. CXLV, янв., 134, 137, т. CXLVII, іюль, 123, 124, 128 — 135, авг., 249—266, 271—273.

Кутузовъ, гр., 1888 г., т. CXLV, янв., 153, 154.

Кутыгинъ, контръ - адм., 1850 г., т. CXLVIII, окт., 121, 122.

Кутюковъ, штабсъ-капит., т. CXLV, мартъ, 565.

Кучепбахъ, бар., т. CXLVI, іюнь, 547.

Кушелева, см. Кроль.

Кушелевъ - Безбородко, гр. Ал., т. CXLVI, май, 352.

Кушелевъ - Безбородко, гр., Григ. Алексѣев., основ. журнала „Русское Слово“, т. CXLVIII, дек., 495.

Кушелевъ - Безбородко, гр., Никол., 1862 г., т. CXLV, мартъ, 487.

Кушелевъ - Безбородко, гр., Григ. Александр., псевдонимъ, Грицко-Григоренко, почетн. попеч. лицея кн. Безбородко съ 1858 г., р. 1832 † 1870 г. т. CXLVI, май, 354, 355, т. CXLVIII, окт., 74—77,

Кушниковъ, 1812 г., т. CXLVII, авг., 255, 262.

Кэрнеджи, америк. милліонеръ, т. CXLVI, іюнь, 497—501.

Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карлов., р. 1797 † 1846 г., т. CXLVI, апр., 173, май, 427—429, іюнь, 593, т. CXLVII, іюль, 158, 164, 172, авг., 338.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 18 ноября по 25 ноября 1910 г., т. CXLV, февр., на оберткѣ.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 25 ноября по 2 декабря 1910 г., т. CXLVI, іюнь, на оберткѣ.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 12 по 26 янв. 1911 г., т. CXLVII, іюль, на оберткѣ.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 15 января по 2 февраля 1911 г., т. CXLVII, августъ, на оберткѣ.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи

литературы съ 26 февраля по 6 апрѣля 1911 г., т. CXLVII, сент., 544—572.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 6 апрѣля по 30 іюня 1911 г., т. CXLVIII, окт., 214—230.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 23 іюня по 14 іюля 1911 г., т. CXLVIII, нояб., 458—460.

Л

Лабзинъ, Алексдр. Θед., мистикъ, писат., р. 1766 † 1825 г., письмо къ нему Θ. Михайлова, т. CXLVII, сент., 511—526.

Лабынцева, см. Клингенбергъ.

Лабынцевъ, Ив. Мих., ген., 1845 г., фев., 274—282, мартъ, 466, 604.

Лаврентьева, С., сообщ.: „Другъ дѣтей“, Е. М. Бемъ, (Біографическій эскизъ), т. CXLV, мартъ, 485—500.

Лагарпъ, Фредерихъ - Цезарь, воспит. Александра I, р. 1754 † 1838 г., т. CXLVII, іюль, 83.

Лаговскій, Алексѣй Евѳимов., т. CXLV, фев., 399.

Лагода, Ив. Григ., дѣйств. ст. сов., ген.-контр. военно - счетной экспедиц., 1827 г., т. CXLVI, іюнь, 602.

Лагоріо, художн. - акварелистъ, т. CXLV, мартъ, 493.

Ладыгинъ, В. Θ., 1900 г., т. CXLVI, апр., 25—29.

Лазаревскій, В. М., чл. совѣта мн-ра внут. дѣлъ, беллетристъ, этнографъ, р. 1817 † 1890 г., т. CXLV, фев., 287.

Лазаревскій, Серг. Вас., т. CXLV, фев., 287.

Лазаревъ, В. Е., морской офиц., 1845 г., т. CXLVIII, дек., 578, 579.

Лазаревъ, Ив. Лазар., основ. „Армянское Лазаревское училище“, впосл. Лазаревскій Институтъ восточн. яз., 1815 г., т. CXLV, мартъ, 624,

Лазаревъ, Ив. Петр., ген., † 1803 г., т. CXLVII, авг., 237—241, 246.

Лазаревъ, Іоакимъ Лазар., основ. „Армянское Лазаревское училище“, 1815 г., т. CXLV, мартъ, 624.

Лазаревъ, Лазарь Екимычъ, т. CXLV, мартъ, 624.

Лазаревъ, Мих. Петр., адм., р. 1788 † 1851 г., т. CXLVIII, окт., 166, 174, нояб. 354—358.

Лазаревъ, Θеодосійскій губернаторъ, 1897 г., т. CXLVI, май, 399.

Лазовъ, А. А., правит. канцел., 1850 г., т. CXLVI, май, 431, т. CXLVIII, нояб., 348.

Лажечниковъ, Ив. Ив., писат., цензоръ, р. 1792 † 1869 г., т. CXLVI, май, 244, 292, т. CXLVIII, декаб., 495, 496.

Лакомте, М. А., авторъ статьи „Воспоминанія педагога“, журналъ „Гимназія“, 1889 г., дирек. Саратовск. клас. гимназіи, т. CXLV, янв., 81—80, т. CXLVIII, дек., 514.

Лактанцій, писатель † 332 г., т. CXLVII, авг., 372.

Ламанскій, Евг. Ив., управл. госуд. банк. съ 1855—1881 г., т. CXLVI, апр., 91.

Лангевичъ, диктаторъ, 1863 г., т. CXLVII, іюль, 86, 87.

Ланговой, Н. П., т. CXLV, мартъ, 504.

Ландцертъ, проф., т. CXLVIII, дек., 462.

Ланжеронъ, гр., Алексѣй Θед., † 1831 г., его записки, т. CXLVII, іюль, 123—147, авг., 249—273.

Ланжеронъ, гр., т. CXLVII, сент., 411.

Ланской, гр., Сергѣй Степ., мн-ръ внутр. дѣлъ, р. 1787 † 1862 г., т. CXLV, февр., 344, 345, 420—426, 430, 432, 437, 441, т. CXLVII, авг., 220—223.

Лапчинскій, М. Д., проф., т. CXLVIII, дек., 527, 528, 229.

Лапчинскій, сельскій свящ., т. CXLVI, Іюнь, 574.

Ларовскій, консулъ, т. CXLVII, авг., 289.

Ларошъ, Германъ Августов., музык. критикъ, 1872 г., т. CXLVIII, дек., 516.

Лаубе, скрипачъ, т. CXLV, мартъ, 488.

Латышевъ, В. В., вице-директ. департамента министер. народн. просвѣщ., т. CXLV, февр., 263.

Лацинскій. А. С. завѣд. библ. Генер. Штаба, 1911 г., т. CXLVIII, дек. 697.

Лашковъ, Н., сообщ.: „Переписка Ле Дюра съ граф. Аракчеевымъ въ 1818—1819 годахъ о бронзовой люстрѣ“, т. CXLVIII, нояб., 398—342.

Лаярдъ, Л., послан. въ Констант., 1880 г., т. CXLVI, май, 367, 369.

Ле Дюръ, бронзовыхъ дѣлъ мастеръ въ Парижѣ, 1818 г., т. CXLVIII, нояб., 338—342.

Лебедевъ, Александръ, сообщ.: „Николай Гавриловичъ Чернышевскій“, (статья Ф. В. Духовникова, съ предисловіемъ и примѣчаніями Александра Лебедева), т. CXLV, янв., 68—96.

Лебедевъ Александръ Алексѣев., протоіер., 1893 г., т. CXLV, апр., 154, май, 403.

Левашева, графиня, Ольга Викторовна, рожд. Панина, 1887 г., т. CXLV, февр., 385—387.

Левашовъ, В. В., 1887 г., т. CXLV, февр., 386, т. CXLVI, май, 404.
Левинъ, М. В., 1904 г., т. CXLVIII, дек., 616.
Левицкій, Д. Г., † 1822 г., т. CXLVIII, нояб., 282.
Левинъ, Мих. Витальев., надв. сов., 1905 г., т. CXLVI, апр., 122, т. CXLVIII, нояб., 385, 391.
Левицкій, Ѳеодосій, педагогъ Приворотск. духовн. учил., 1837 г., т. CXLVII, авг., 199—205.
Левиссонъ, подпол. ген. шт., † 1845 г., т. CXLV, февр., 272, 273.
Левицкій, свящ., т. CXLVIII, окт., 87, 88.
Левшинъ, Алексѣй Ираклiев., тов. мин. внут. дѣлъ, 1855 г., чл. госуд. совѣта, р. 1799 † 1879 г., т. CXLV, февр., 421, 423, 426, 432, т. CXLVII, авг., 220, 221.
Легонинъ, деканъ спб. унив., т. CXLV, февр., 262.
Лелевель, польск. историкъ, 1810 г., т. CXLVII, іюль, 84.
Леонова, Дарья Мих., пѣвица, р. 1835 † 1854 г., т. CXLV, май, 355.
Лепанди, начальн. тайной полиціи, 1851 г., т. CXLVI, апр., 107, 108.
Лепечевъ, мичманъ, т. CXLVIII, авг., 289, 296, 297.
Лермонтовъ, Мих. Юрьев., писат., р. 1814 † 1841 г., т. CXLV, февр., 455, т. CXLVI май, 250, 252, 307, 310, 316.
Лернеръ, Н. О., сообщ. „Неизданная статья И. С. Тургенева о крестьянскомъ вопросѣ", т. CXLV, февр., 285—289, „Французская Академія". Статья А. С. Пушкина, съ послѣсловіемъ Н. О. Лернера, т. CXLVIII, окт., 3—33, „Замѣтки о Пушкинѣ", дек., 652—669. упом. февр. 401, т. CXLVI, іюнь, 598.
Лернеръ, О. М., т. CXLV, февр., 401.
Лесли, П. П., лейт., 1854 г., т. CXLVIII, дек., 582.
Лешитицкая, пѣвица, 1862 г., т. CXLV, мартъ, 487.
Лещинская, Марія, 1733 г., т. CXLVII, іюль, 76.
Лещинскій, Станис., король польск., р. 1677 † 1766 г., т. CXLVII, іюль, 76.
Либровичъ, С. Ф., т. CXLVIII, дек., 617, 658, 664, 665.
Ливенъ, княгиня, Дарья Христофор., рожд. Бенкендорфъ, р. 1785 † 1857 г., т. CXLV, февр., 366—378.
Ливенъ, кн., Андр. Александр., мн-ръ госуд. имущ., 1879 г., т. CXLV, февр., 387, т. CXLVI, май, 398, 408.
Ливенъ, Д. А., рус. посолъ въ Лондонѣ, 1814 г., т. CXLV, февр., 363, 364, 368—372, т. CXLVII, авг., 254.
Ливенъ, ген.-ад., 1800 г., т. CXLVI, май, 265.
Де-Ливронъ, Б. К., сообщ. „Отрывочныя воспоминанія изъ прожитой мною жизни на морѣ и на сушѣ", т. CXLVIII, дек., 671—679.
Лидерсъ, адъют. кн. Воронцова, т. CXLV, мартъ, 461.
Линева, Е. Э., пѣвица, рожд. Покрицъ, 1893 г., т. CXLVI, апр., 54, 56.
Линевъ, техникъ, 1893 г., т. CXLVI, апр., 63.
Линицкій, 1863 г., т. CXLVII, сент., 470.
Линниченко, И. А., проф., т. CXLV, февр., 401.
Липина, Любовь Николаевна, въ зам. Маслова, т. CXLVI, май, 352.
Липина, см. Мей.
Лишинъ, Ник. Ив., ген. путей сообщ., т. CXLVI, май, 352.
Липскій, лейт., т. CXLVIII, окт., 169.
Лисаневичъ, ген., 1811 г., т. CXLVII, іюль, 127.
Лисовскій, Ст. Ст., управл. морск. министерст., т. CXLVIII, окт., 168, 174, дек., 672.
Листъ, Францъ, композит., т. CXLVIII, дек., 516.
Лишинъ, дипломатъ, т. CXLV, февр., 399.
Лобановъ-Ростовскій, кн., Алексѣй Борис., посолъ въ Конст., впосл. мн-ръ иностр. дѣлъ, т. CXLVI, іюнь, 566.
Лобановъ, Мих. Естафьев., писат., академ. р. 1787 † 1846 г., т. CXLVI, іюнь, 593, 613, т. CXLVII, іюль, 169, авг., 366 — 369, 373 — 379, 382, т. CXLVIII, окт., 29, 30.
Лобановъ, 1845 г., т. CXLV, янв., 108, мартъ, 466.
Лобко, Л. Л., ген.-маіоръ, воен. цензоръ, т. CXLVIII, окт., 192.
Лобко, П. Л., 1900 г., т. CXLVI, май, 413.
Лобойковъ, В. П., секрет. Академ. худож., 1891 г., т. CXLV, мартъ, 634.
Ловейко, ген.-маіоръ, 1812 г., т. CXLVII, авг., 270.
Ловичъ, княгиня, Жанета Антонов. (Іоанна Грудзинская), супруга цес. Константина Павловича, р. 1795 † 1831 г., т. CXLVIII, окт., 145.
Ломоносовъ, Вас. Дорофѣев., 1711 г., т. CXLVIII, нояб., 272.
Ломоносовъ, Мих. Вас., акад., писат., р. 1711 † 1765 г., т. CXLVI, май, 296, іюнь, 611, 621, т. CXLVIII, нояб., 271—281, 321—326.

Ломтевъ, Евлампій Ив., педаг., 1859 г., т. CXLV, янв., 84.
Лонгиновъ, Мих. Ник., орловск. губернат., библіогр., р. 1823 † 1875 г., т. CXLVI, іюнь, 624.
Лонгиновъ, Ник. Ник., ст.-секр., т. CXLVI, іюнь, 624.
Лонгиновъ, кавказ. офиц., 1845 г., т. CXLV, янв., 102, мартъ, 461.
Лопухинъ, прокур. судебн. палаты, т. CXLVIII, дек., 483.
Лорисъ-Меликова, см. Новикова.
Лорисъ-Меликовъ, гр., Мих. Таріел., ген.-ад., р. 1825 † 1888 г., т. CXLV, февр., 338, т. CXLVI, апр., 44, 45.
Лотоцкій, протоіер., т. CXLVIII, окт., 81.
Лотрекъ, гр., т. CXLV, февр., 320.
Лотцъ, проф., т. CXLV, февр., 269,
Лохвицкій, юристъ, т. CXLVIII, дек., 485.
Лубкинъ, Валерьянъ Александр., директ. учил. Саратовск. губ., 1851 г., т. CXLV, янв., 74.
Лукомскій, т. CXLV, февр., 384.
Лукьяновъ, 1902 г., т. CXLVI, май, 420.
Лутовникова, см. Тургенева.
Лухманова, писат., т. CXLV, мартъ, 492.
Лучицкій, проф., т. CXLVII, сент., 391, 392.
Лыкова, см. Кирѣевская.
Лыкова, Анна Ив., т. CXLV, мартъ, 665.
Лыкова, Пелагея Ив., въ зам. Есаулова, т. CXLV, мартъ, 665.
Лыковъ, Ив. Николаев., т. CXLV, мартъ, 664.
Львовъ, директ. школы „Общества поощр. художн.“, конференцъ-секрет. Академіи худож., т. CXLV, мартъ, 486.
Любецкій, кн., Ф. К., мн-ръ финанс. Царства Польскаго, 1830 г., т. CXLVI, май, 382—385, т. CXLVIII, дек. 606—609.
Людовикъ XV, король франц. † 1774 г., т. CXLVII, іюль 76.
Людовикъ XVIII, король франц., † 1793 г., т. CXLVI, май, 392—394.
Лютинскій, т. CXLVII, сент., 476.
Люце, ген., 1834 г., т. CXLVII, авг., 379.
Лямблъ, Душанъ Өед., проф., анатомъ, р. 1824 † 1895 г., т. CXLV, февр., 229—334, 240.

М

Мазарикъ, проф., т. CXLVI, май, 277.
Мазаровичъ, Семенъ Ив., повѣрен. въ дѣлахъ въ Персіи, 1818 г., т. CXLVII, іюль, 149.
Мазепа, Ив. Степан., малорос. гетманъ, † 1709 г., т. CXLVII, іюль, 75, 76, авг., 324.
Мазилева, Елена, жена капитана, наслѣдница композит. Бортнянскаго, т. CXLVIII, дек., 640.
Мазини, пѣвецъ, т. CXLV, мартъ, 633.
Мазонъ, А. А., собщ.: „Гончаровъ какъ цензоръ. Къ освѣщенію цензорской дѣятельности И. А. Гончарова“, т. CXLV, мартъ, 471—484, „Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова“, т. CXLVIII, окт., 34—62, дек., 491—499.
Мазуровскій, акварелистъ, т. CXLV, мартъ, 493.
Майковъ, Аполлонъ Александр., т. CXLV, мартъ, 598.
Майковъ, Апол. Никол., поэтъ, р. 1821 † 1897 г., т. CXLV, мартъ, 473, 494, т. CXLVI, май, 320, 355, т. CXLVIII, окт., 62, нояб., 324, 325.
Майковъ, Вас. Ив., поэтъ, р. 1726 † 1788 г., т. CXLVI, іюнь, 611, т. CXLVIII, дек., 668.
Майковъ, Леонидъ Никол., академ., р. 1739 † 1900 г., т. CXLV, янв., 51, мартъ, 493, т. CXLVII, авг., 371.
Майковъ, Н. А., живопис., т. CXLVIII, окт., 39.
Макаровъ, М., 1830 г., т. CXLVII, сент., 459, 430.
Макаровъ, Степ. Осип., вице-адмир., р. 1848 † 1904 г., т. CXLV, мартъ, 629.
Макаровъ, Алексѣй Васильев., кабинетъ-секрет., † 1750 г., т. CXLV, февр., 381.
Макаровъ, 1833 г., т. CXLVII, авг., 376.
Маковскій, Конст. Егоров., ректоръ Акад. худож., 1886 г., т. CXLV, февр., 244, 268, мартъ, 493.
Максимовъ, С. В., т. CXLVI, май, 353.
Максимовъ, артистъ, т. CXLV, мартъ, 633.
Максіановичъ, Елисей, учитель Приворотск. духовн. учил., 1838 г., т. CXLVII, авг., 204, 205.
Максутова, княжна, см. Посьетъ.
Малиновскій, Өед., протоіер., т. CXLVIII, нояб., 342.
Малыхинъ, Н. П., полковн., 1889 г., т. CXLV, февр., 304, 305.
Малышевскій, 1863 г., т. CXLVII, сент., 470.
Мальцевъ, С., владѣл. Брянскихъ заводовъ, т. CXLVIII, окт. 163.
Мамоновъ, гр., Матв. Александр., т. CXLV, мартъ, 663.
Мамонтовъ, содержат. оперн. труппы въ Москвѣ, 1903 г., т. CXLVI, май, 422.

Маннингъ, т. CXLVI, іюнь, 498.
Марина, М., рожд. Бардакова, сообщ.: «Изъ воспоминаній о Царскомъ Селѣ», т. CXLVIII, нояб., 327—337.
Маринъ, С. Н., 1819 г., т. CXLV, іюнь, 586.
Маріо, пѣвецъ, т. CXLV, мартъ, 633.
Марія, царица, вдовств. супруга грузинскаго царя Георгія XIII, т. CXLVII, авг., 238, 239, 246.
Марія Александровна, великая княжна, герцогиня Эдинбургская, т. CXLV, мартъ, 631.
Марія Александровна, Императрица, р. 1824 † 1880 г., т. CXLVII, авг., 305, 306, т. CXLVIII, окт., 177—180, т. CXLVIII, нояб., 287.
Марія Николаевна, великая княгиня, къ супруж. герцог. Лейхтенбергская, р. 1819 † 1879 г., т. CXLV, мартъ, 487, т. CXLVII, сент., 490, т. CXLVIII, дек., 561.
Марія Павловна, великая княгиня, въ зам. вел. герцогиня Саксенъ-Веймар., † 1859 г., т. CXLV, маргъ, 607, т. CXLVI, апр., 80.
Марія Ѳеодоровна, Императрица, р. 1759 † 1828 г., т. CXLV, мартъ, 521—526, 530, 535—537, 657, т. CXLVI, апр., 73, 76, 82, май, 401, іюнь, 586, т. CXLVII, сент., 459, 474, т. CXLVIII, нояб., 285, 297.
Марія Ѳеодоровна, Императрица, супруга Императора Александра III, т. CXLVIII, окт., 178.
Маркевичъ, А. И., проф., т. CXLV, февр., 401, 404.
Маркевичъ, студ. кіевск. унив., 1846 г., т. CXLV, мартъ, 577.
Маркова-Виноградская, (Кернъ), А. П. т. CXLVIII, 668, 669.
Марковичъ, Афанасій, этнографъ, 1859 г., т. CXLVIII, дек. 696.
Марковичъ, Б. А., т. CXLVI, май, 255.
Марковъ, А. А., товар. прокур., т. CXLVIII, декаб., 483, 484.
Марковъ, Вл., сообщ.: „Генералъ-лейтенантъ А. А. Іедлинскій (изъ далекаго прошлаго Кавказа“, т. CXLV, янв., 203—208, февр., 320, мартъ, 588, т. CXLVI, апр., 102, май, 290, іюнь, 546—548.
Марковъ, Евг. Ив., ген., 1811 г., т. CXLVII, іюль, 127, 129, 132, авг., 252, 261.
Марковъ, С. В., чл. госуд. совѣта, 1902 г., т. CXLVI, май, 419.
Марковъ, директ. департ. неокладныхъ сборовъ, 1993 г., т. CXLVI, апр., 64,
Марковъ, Евг. Львов., писат., т. CXLV, мартъ, 493, 495.
Марковъ, ген., 1877 г., т. CXLVI, апр., 38.
Маркусъ, В. М., † 1901 г., т. CXLVI, май, 415.
Маркусъ, В. Н., 1896 г., т. CXLVI, апр., 164, 167.
Марксъ, А. Ф., издат. „Нивы“, т. CXLVIII, декаб., 521.
Марошкинъ, контръ-адм., 1850 г., т. CXLVIII, окт., 123.
Мартосъ, адъют. Аракчеева 1820 † 1866 г., т. CXLV, мартъ, 566.
Мартыновъ, Ив. Матв., членъ общ. Іисуса, т. CXLV, янв., 66.
Мартыновъ, Алексд. Евстафьев., артистъ, † 1860 г., т. CXLV, мартъ, 633.
Мартыновъ, есаулъ, адъют. ген.-губерн. восточн. Сибири, т. CXLVIII, окт., 59.
Марушевскій, В. В., капит. ген.-шт., 1904 г., т. CXLV, янв., 212, т. CXLVI, апр., 120.
Масаловъ, А. Д., издат. „Мірскаго слова“, 1860 г., т. CXLVIII, окт., 73, 77.
Маслова, см. Липина.
Масловскій, А. Ф., товар. прокур., т. CXLVIII, декаб., 484.
Матвѣева, Прасковья Петр., 1827 г., т. CXLVI, іюнь, 605.
Матвѣевъ, Гаврилъ Евстигнеев., 1827 г., т. CXLVI, іюнь, 605, 607,
Мацотти, подпоруч. папской службы, т. CXLVIII, нояб., 296.
Мевесъ, полковн., т. CXLV, мартъ, 557.
Медемъ, бар. Николай Никол., варш. губ., ген.-лейт. губерн. сенат., 1889 г., т. CXLV, февр., 303, 304.
Мей, см. княжна Кропоткина.
Мей, см. Никотина.
Мей, см. Шлыкова.
Мей, Александръ Ив., герой отечеств. войны, т. CXLV, мартъ, 658, т. CXLVIII, окт., 77.
Мей, Вячеславъ Александровичъ, 1862 г., т. CXLV, мартъ, 661, т. CXLVIII, окт., 76.
Мей, Елизавета Александр., въ зам. Шлыкова, т. CXLVI, апр., 90.
Мей, Ив. Карлов., т. CXLV, мартъ, 657, 658.
Мей, Левъ Александровичъ, р. 1822 г. † 1862 г., т. CXLV, мартъ, 657, т. CXLVI, апр., 87—92, май, 346—358, т. CXLVIII, окт., 71—79.
Мей, Ольга Ив., † 1849 г., т. CXLVI, апр., 90.
Мей, Пет. Ив., главноначальств. воспит. дома, 1850 г., т. CXLV, мартъ, 658—660, т. CXLVI, апр., 91, май, 352.
Мей, Петръ Петр., т. CXLVI, май, 352.
Мей, Софія Григорьевна, рожд. Полянская, т. CXLV, мартъ, 657, т. CXVLI,

апр., 87—92, май, 346—358, т. CXLVIII, окт., 71—79.

Мей, Юлія Ив., въ зам. Липина, т. CXLVI, май, 352.

Мейендорфъ, А., бар., сообщ.: „Письмо о кончинѣ Императора Александра I, найденное въ бумагахъ барона Петра Казиміровича Мейендорфа, среди другихъ бумагъ того же года", т. CXLVI, апр., 41—42.

Мейендорфъ, бар. Петръ Казимір., секрет. при русскомъ посольствѣ въ Мадридѣ, 1825 г., т. CXLVI, апр., 41—42.

Мейеръ, Алексѣй Андр., директ. Саратовскаго уѣздн. учил., 1851 г., т. CXLV, янв., 74, 77—85.

Мелантовичъ, студ. виленск. унив., 1850 г., т. CXLV, янв., 89—93.

Мелентьевъ, подполковн., 1811 г., т. CXLVII, іюль, 127.

Меллеръ-Закомельскій, полковник., 1845 г., т. CXLV, февр., 272, 284.

Мельба, пѣвица, 1891 г., т. CXLV, мартъ, 633.

Мельниковъ, Ив. Александр., пѣвецъ, т. CXLV, мартъ, 493.

Мельниковъ, П., 1855 г. т. CXLVII, авг., 220.

Мельниковъ, юнкеръ, † 1845 г., т. CXLV, янв., 103, февр., 273.

Мельниковъ, казакъ, 1812 г., т. CXLVII, авг., 255.

Мельницкій, сенаторъ, 1711 г., т. CXLV, февр., 380.

Меншиковъ, Александръ Данил., сподвижникъ Петра I, р. 1673 † 1729 г., т. CXLV, февр., 381, т. CXLVI, іюнь, 508, 511.

Меншиковъ, кн., Александръ Серг., адм., морск. министръ, р. 1787 † 1869 г., т. CXLV, февр., 424, т. CXLVI, іюнь, 602, 623, т. CXLVII, іюль, 155, т. CXLVIII, 116—120, 163, нояб., 363, 364, декаб., 575.

Менщиковъ, К., 1829 г., т. CXLVII, іюль, 184, авг., 334—337, 362.

Мердеръ, см. Бержинская.

Мердеръ, см. Михайловская.

Мердеръ, см. Святополкъ-Четвертинская.

Мердеръ, Дмит. Өед., предвод. дворянства Рузовск. уѣзда Моск. губ., т. CXLVIII, нояб., 330.

Мердеръ, Петръ Карл., ген.-ад., т. CXLVIII, нояб., 329, 332.

Мердеръ, Сарра Николаевна, т. CXLVIII, нояб., 329.

Мердеръ, полковн., 1830 г., т. CXLVIII, нояб., 286.

Мердеръ, Ив. Карлов., почетн. опекунъ, † 1901 г. т. CXLVIII, нояб. 329.

Мержеевскій, психіатръ, т. CXLV, янв., 239. 240.

Метерлинкъ, актриса, супруга писателя т. CXLVI, май, 425.

Мещерскій, кн., губерн. въ Саратовѣ, т. CXLV, февр., 258.

Мещерскій, проф., т. CXLV, мартъ, 493.

Мещерскій, кн. В. П., издат. „Гражданина" т. CXLV, мартъ, 472.

Меѳодій, Астраханск. еписк., † 1776 г., т. CXLVIII, декаб., 489—490.

Микулинъ, Вас. Яковл., ген.-ад., р. 1791 † 1841 г., т. CXLVI, іюнь, 601.

Микѣшинъ, Мих. Осипов., скульпторъ, т. CXLVI, май, 357.

Милашевичъ, сен., 1812 г., т. CXLVII, авг., 262.

Милорадовичъ, гр., Гр. Ал., т. CXLVI, май, 354.

Милорадовичъ, гр. Мих. Андреев. спб. воен. губернат., р. 1770 † 1825 г., т. CXLV, мартъ, 598, т. CXLVI, май, 429, т. CXLVII, авг., 271.

Милютинъ, гр., Дм. Алекс., воен. мн-ръ, ген.-ад., р. 1816 г., т. CXLV, янв., 12, т. CXLVI, апр., 118.

Милютинъ, Николай Алексѣев. тов. мн-ра вн. дѣлъ, р. 1818 † 1872 г., 1857 г., т. CXLV, февр., 400, 423, 425, 432—437, 444, 445, 451, 456, т. CXLVII, авг., 221, 223.

Милютинъ, 1902 г., т. CXLVI, май, 420.

Минаевъ, Д. Д., сотрудн. „Молвы", т. CXLVI, май, 355.

Минкусъ, музыкантъ, т. CXLV, мартъ, 488, т. CXLVI, май, 354, 355.

Минута, архит., 1819 г., т. CXLVIII, нояб., 341.

Минъ, профес., переводч. Данте, т. CXLV, февр., 233.

Митрофанія, (баронесса, Прасковья Григорьевна Розенъ), игуменья, Владычне—Покровскаго монаст. въ Серпуховѣ, 1888 г., т. CXLV, февр., 249, т. CXLVIII, дек., 461.

Митуричъ, педаг., т. CXLVII, тент., 502.

Митусовъ, Ст. Ник., сообщ.: „Изъ моихъ воспоминаній о послѣ Е. П. Новиковѣ", т. CXLVI, апр., 93—94.

Михайловская, А. Ю., въ зам. Мердеръ, т. CXLVIII, нояб., 330.

Михайловскій, чинов. Минист. Финансовъ, т. CXLV, мартъ, 502.

Михайловъ, Мих. Иллар., литерат. поэтъ-переводч. р. 1826 г., т. CXLVI, май, 353.

Михайловскій, студ. виленск. унив. 1850 г., т. CXLV, янв., 89.

Михайловъ, Ѳ., письмо къ А. Ѳ. Лабзину т. CXLVII, сент., 511—526.

Михайловъ, дьякъ, 1690 г., т. CXLVI, апр., 182.
Михаилъ, свящ., т. CXLVII, сент. 419.
Михаилъ, еписк., 1863 г., т. CXLVII, сент., 470.
Михаилъ Александровичъ, Великій князь, 1900 г., т. CXLVI, май, 414, т. CXLVII, авг., 194.
Михаилъ Николаевичъ, Великій князь, р. 1832 † 1909 г., т. CXLV, янв., 203, мартъ, 644, т. CXLVI, апр., 168, май, 409.
Михаилъ Павловичъ, Великій князь, р. 1798 † 1849 г., т. CXLVII, іюль, 118, т. CXLVIII, окт., 136, 138.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь, 1620 г., т. CXLVII, іюль, 73.
Михельсонъ, Ив. Ив., ген.-отъ кавал., р. 1740 † 1807 г., т. CXLVII авг., 270.
Мицкевичъ, Адамъ, писат., р. 1750 † 1855 г., т. CXLVI, май, 303, 313, т. CXLVII, сент., 475, т. CXLVII, авг., 331, т. CXLVIII, окт., 175.
Михневичъ, помощ. попечит. кіевск. учеб. окр. 1860 г., т. CXLVIII, декаб, 521, 623.
Михневичъ, В. О., т. CXLVIII, декаб., 529.
Мичуринъ, ген.-маіоръ, 1812 г., т. CXLVII, авг., 270.
Модзалевскій, Б. Л., т. CXLVII, сент., 539.
Мокрицкій, т. CXLVIII, дек., 662, 664.
Моллеръ, режис. т. CXLVI, май, 353—355.
Молоствовъ, В. П., ген., попечит. Казанскаго учебн. окр., 1851 г., т. CXLV, янв., 75.
Молчанова, Ольга Иларіоновна, рожд. Золотарева, т. CXLV, янв., 94.
Мольтке, прусск. фельдмарш., т. CXLV, мартъ, 607, 612.
Монферранъ, Августинъ Августиновъ, архит., р. 1784 † 1858 г., т. CXLVI, іюнь, 522.
Монюшко, Станиславъ, композиторъ, р. 1819 г. † 1872 г., т. CXLVIII, декаб., 525, 526, 527.
Мордвиновъ, гр., Никол. Семен., адм., морск. министръ † 1845 г., т. CXLVII, сент., 441, 446, 448.
Мордвиновъ, С. А., 1896 г., т. CXLVI, апр., 164, май, 415.
Мордовцевъ, Даніилъ Лукичъ, писатель, р. 1830 г., т. CXLV, янв., 95.
Моро, ген. т. XLVIII, нояб., 395—404.
Морозовъ, П. О., издат. сочин. Пушкина, т. CXLVIII, окт., 25, дек., 655, 668.
Морошкинъ, Серг. Ѳед., моск. проф., т. CXLVIII, декаб., 469, 471, 472.
Москвинъ, прап., 1854 г., т. CXLVIII, декаб., 578, 580.
Москвинъ, т. CXLVII, авг., 306.
Мочаловъ, Пав. Степ., артистъ москов. театра, т. CXLV, февр., 255.
Муравьевъ-Амурскій, т. CXLVIII, дек., 677.
Муравьевъ, Александръ Ник. декаб., нижегород, воен. губ. съ 1856—1861 г., р. 1792 † 1863 г., Андрей Никол., писат., 1806 † 1874 г., т. CXLVII, авг., 220.
Муравьевъ, гр., Мих. Ник., мн-ръ государств. имущ., ген.-губерн. сѣв.-зап. края, р. 1796 † 1866 г., мн-ръ юстиціи, т. CXLV, февр., 421, 424, 426, 431, 446, т. CXLVII, іюль 87, 95, авг., 303, 304, сент., 400.
Муравьевъ, мн-ръ юстиціи, впослѣд. послан. въ Римѣ, 1895 г., т. CXLVI, апр., 159.
Муравьевъ-Амурскій, гр. Никол. Никол., ген.-губернат. вост. Сибири, р. 1809 † 1881 г., т. CXLVII, сент., 408.
Мурузи, кн. Дмитр., 1811 г., т. CXLVII, іюль, 136.
Мурузи, † 1831 г., т. CXLVIII, нояб. 329.
Мусинъ-Пушкинъ, М. Н., попечит. Казанскаго учебн. округа 1837 г., т. CXLVIII, дек., 688, 689.
Мусинъ-Пушкинъ, сенаторъ, 1711 г., т. CXLV, февр., 380.
Мусоргскій, Модестъ Петр., композ., р. 1839 † 1881 г., т. CXLVIII, дек., 519.
Муханова, С., т. CXLV, мартъ, 522.
Мухановъ, Н. А., тов. мн-ра народн. просвѣщ., 1859 г., т. CXLV, мартъ, 474, 475.
Мѣщаниновъ, Н. В., тов. мин. народ. просв. 1900 г., т. CXLVI. май, 413.
Мясниковъ, адъют. главнаго начальн. III отдѣл., т. CXLVIII, нояб., 264.

Н

Навроцкій, писат., т. CXLVIII, дек., 692.
Навроцкій, Александ., род. 1823 г. † 1892 г., т. CXLVIII, дек., 692—694.
Нагель, 1812 г., адъютантъ Александра I т. CXLVI, апр., 76.
Надеждинъ, Никол. Ив., проф., р. 1804 † 1856 г., т. CXLVI, май 297.
Назимовъ, Влад. Ив., попеч. моск. унив., 1855 г., ген.-губ. С.-З. края, р. 1802 † 1874 г., т. CXLV, февр., 422, 425, 449, 450.
Назимовъ, полковник., 1837 г., т. CXLVII, нояб., 291.

Наливайко, гетманъ, 1597 г., т. CXLVII, іюль, 72.
Напалковъ, П. Я., воен. топографъ, 1907 г., т. CXLVI, май, 240, іюнь, 454, 464, 485, т. CXLVII, іюль, 50.
Наполеонъ I, императоръ, р. 1769 г., † 1821 г., т. CXLV, мартъ, 530—549, 611, 612, т. CXLVI, 524 — 538, т. CXLVII, 83, 133 135, авг., 263, 265, 268—270, 273, сент., 464, 500.
Наполеонъ, III, императоръ, р. 1808 † 1873 г. т. CXLVII, іюль, 86.
Наркевичъ, Наталья Александровна, рожд. Туганъ - Мирза-Барановская, т. CXLVIII, окт., 175—181.
Наркевичъ, ген., т. CXLVIII окт., 175.
Нарышкина, Ел. Ал., 1887 г., т. CXLVI, май, 395.
Нарышкина, Марія Антоновна, рожд. кн. Четвертинская, р. 1779 † 1854 г., т. CXLVI, апр., 73.
Нарышкинъ, А. А. 1896 г., т. CXLVI, апр., 164, май, 398.
Наумовъ, Петръ, сообщ.: „Воспоминанія бывшаго штурманскаго офицера", т. CXLVII, сент., 474—502.
Нахимовъ, Пав. Степ., адм., р., 1803 † 1853 г., т. CXLV, янв., 198, 202, мартъ, 580, 583, т. CXLVII, сент., 401, 416, т. CXLVIII, окт., 159—162, 165, 168,—174, нояб., 353—363, 366, 368, декаб., 575, 576, 581, 582, 584, 586, 588.
Нащокинъ, П. В. т. CXLVIII, дек., 658, 660, 663.
Наоанаилъ, архимандритъ, 1837 г., т. CXLVII, авг., 196.
Небогатовъ, адм., 1904 г., т. CXLV, янв., 195.
Неворотинъ, купецъ, т. CXLVI, іюнь, 539—545.
Невѣровъ, Януарій Мих., писат., дирек. Черниговск. гимназіи, р. 1801 † 1893 г., т. CXLVI, май, 432, 433.
Нееловъ, М. Н., 1854 г., т. CXLVIII, декаб., 578, 579.
Нейдгардъ, ген., главноупр. Кавказа, 4518 г., т. CXLV, янв., 103, 111.
Неймановская, Прасковья Ив., р. 1789 † 1841 г., т. CXLVI, іюнь, 616.
Некрасовъ, Никол. Алексѣев., писат., р. 1821 † 1877 г., т. CXLVI, май, 250, т. CXLVII, іюль, 90, т. CXLVIII, декабр., 492, 493, 499.
Нектарій, ректъ. Петерб. духовн. акад., архіеп., харьковск., т. CXLVII, авг., 205, 218.
Нелидова, Е. Н., 1899 г., т. CXLVI, май, 405,
Неширъ, адм., т. CXLVII, сент., 477.
Нерсесъ, армянскій патріархъ. † 1857 г., т. CXLVII, мартъ, 617.
Несвижская, княжна, см. Кирѣева.
Несвѣтаевъ, Петръ Данил., ген., команд. Саратовск. пѣхотн. полка р. 1804 † 1808 г., т. CXLV, мартъ, 616, т. CXLVII, авг., 243—246.
Нессельроде, гр., Карлъ, Вас. канцл., р. 1780 † 1862 г., т. CXLVI, май, 383.
Нессельроде, гр., Ф. В., т. CXLVIII, декаб., 522, 523.
Нессельроде, гр., 1829 г., т. CXLV, мартъ, 621.
Нечаевъ, адъют. гр. Воронцова, т. CXLV, мартъ, 460.
Никитенко, Александръ Вас., писат., его „Дневникъ", † 1877 г., т. CXLV, февр., 404, мартъ, 472, т. CXLVIII, дек., 664.
Никитинъ, докторъ, бібліотек. медико-хируг. акад., т. CXLV, янв., 5.
Николай, I, Императоръ, р. 1796 † 1855 г., т. CXLV, янв., 64, 130, февр., 288, 384, 449, мартъ, 570, 579, 584, 607, 659, т. CXLVI, май, 325, 376—391, іюнь, 542 т. CXLVII, іюль, 84—86, 118, авг., 220, 304, 310, 319, сент., 476, 479, 480, т. CXLVIII, окт., 84, 100, 112, 114, 126, 128—145. 151, 161. нояб., 283—289, 297, 302, 328—331, 357, 369—384, дек., 463, 532—540, 556—564, 599—613.
Николай II, Императоръ, 1907 г., т. CXLVI, апр., 158, 159, іюнь, 454, т. CXLVII, іюль, 37
Николай Александровичъ, Наслѣдн. Цесаревичъ, † 1865 г., т. CXLVI, апр., 118, т. CXLVII, сент., 432.
Николай Михаиловичъ, Великій Князь, 1910 г., т. CXLV, янв., 129 — 139, мартъ, 521, т. CXLVI, апр., 71—85.
Николай Максимиліановъ., герцогъ Лейхтенберскій, † 1890 г., т. CXLI, мартъ. 630.
Николай Николаевичъ, Великій Князь, главнокоманд., р. 1831 † 1891 г., т. CXLVI, май, 366, 373, т. CXLVIII, окт., 176, 177, декаб., 571.
Николай, свящ., т. CXLVII, авг., 288.
Николаи, бар. Александръ Павл., завѣд. гражд. частью управл. Кавказа, мн-ръ народн. просв., р. 1821 г., т. CXLV, янв., 108, мартъ, 461.
Николаевъ, Николай Петров., пис., р. 1758 † 1815 г., т. CXLVII, іюль, 151.
Никольскій, С., т. CXLVI, май, 256.
Никонъ, т. CXLVII, авг., 310.
Никотина, Екатерина Екимовна, въ зам. Мей, т. CXLV, мартъ, 661.
Никотинъ, докторъ, т. CXLV, мартъ, 661.
Нильсонъ, пѣвица, т. CXLVI, май, 355.
Новгородцевъ, проф.. 1898 г., т. CXLVI, іюнь, 494.

Новикова, рожд. гр-ня Лорисъ-Меликова, 1887 г., т. CXLV, февр., 388.
Новикова, Ольга Алексѣев. рожд. Кирѣева, ея воспоминанія, р. 1840 г., т. CXLV, февр., 336—343, мартъ, 638—656, т. CXLVI, апр., 127—138, май, 359 — 375, т. CXLVIII, нояб., 405—425, декаб., 591—597.
Новиковъ, А. Н., медикъ, 1854 г., т. CXLVIII, декаб., 585.
Новиковъ, Евгеній Петр., посолъ въ Вѣнѣ, 1877 г., т. CXLV, мартъ, 642, т. CXLVI, апр. 93—94.
Новиковъ, 1887 г., т. CXLV, февр., 388.
Новицкій, ген.-маіоръ, 1812 г., т. CXLVII, авг., 270.
Новоселова, Е. М., сообщ.: „Воспоминанія 50-хъ годовъ". Памяти отца, т. CXLVIII, окт., 98—111.
Новосельскій, † 1898 г., т. CXLVI, май, 404.
Новосильцева, т. CXLV, мартъ, 494.
Новосильцева, см. Берингъ,
Новосильцевъ, Никол., Николаев., госуд. дипломатъ, † 1838 г., т. CXLVI, іюнь, 532, т. CXLVII, іюль, 84. т. CXLVIII, декаб., 603.
Новосильцевъ, моск. граждан. губерн., т. CXLV, мартъ, 664.
Норова, см. Берингъ.
Норовъ, Абр. Сер., мн-ръ народн. просв., р. 1795 † 1869 г., т. CXLV, мартъ. 601, 664, т. CXLVI, май, 352, т. CXLVII, авг., 227, т. CXLVIII, окт., 39, декаб., 499.
Ностицъ, гр., Гр. Ив., 1831 г., т. CXLVIII, нояб., 328.
Ностицъ, гр., тов. министра земледѣл., т. CXLVI, май, 398.

О

Ободовскій, Плат. Григ., драмат., р. 1803 † 1864 г., т. CXLVII, іюль, 164.
Оболенскій, кн., А. Д., 1902 г., т. CXLVI, май, 419, 420.
Оболенскій, кн., В. П., адъют. Александра I. 1812 г., т. CXLVI, апр., 75, 76.
Обольяниновъ, Петръ Хрисанф., фаворитъ Павла I, ген.-прокуроръ., р. 1752 † 1841 г., т. CXLVI, май, 264, 265.
Обрезковъ, посолъ, 1768 г., т. CXLVII, іюль, 78.
Обручевъ, Влад. Афанасьев., оренб. ген.-губ. съ 1842 по 1851 г., ген.-отъ-инф., р. 1795 † 1866 г., т. CXLVI, іюнь, 483.
Обручевъ, ген., т. CXLVIII, дек., 594.
Овсяниковъ, Степ. Тарасов., Коммерц. совѣтн. 1874 г., т. CXLVIII, дек., 461, 483.
Огаревъ, Николай Плат., писат., р. 1813 † 1877 г., т. CXLVI, май, 249.
Оголина, Наталья Мих., т. CXLV, мартъ, 674.
Оголинъ, Александр. Степ., т. CXLVI, апр., 89.
Оголинъ, Алексѣй Степанов., т. CXLVI, апр., 89.
Одоевскій, кн., Влад. Θед., писат., р. 1803 † 1869 г., т. CXLV, мартъ, 575, т. CXLVI, апр., 173.
Озерова, Марія, т. CXLVI, май, 347, 349.
Озеровъ, Бор. Сем., сенат., 1850 г., т. CXLVI, апр., 91, май 346—358.
Озеровъ, Влад. Александр., драмат. писат., р. 1769 † 1816 г., т. CXLVI, іюнь, 613, т. CXLVII, іюль, 169, авг., 331, 332.
Озеровъ, И. Х., проф., 1894 г., т. CXLV, февр., 258.
Озеровъ, Н. А., 1819 г., т. CXLVI, іюнь, 586.
Озеровъ, 1830 г., т. CXLVI, май, 390.
Ознобишинъ, капит. генер. штаба, 1877 г., т. CXLVI, апр., 37.
Олесницкій, А., проф., 1863 г., т. CXLVII, сент., 470.
Оливницкій, проф., т. CXLVII, сент., 388. 392, 394.
Олинъ, писат., т. CLXVII, іюль 159.
Олсуфьевъ, Д., его письмо къ М. Н. Мусину-Пушкину, т. CXLVIII, дек., 688—689,
Ольга Александровна, Великая Княжна, 1902 г., т. CXLVII, авг., 194.
Ольгердъ, Вел. Князь Литовскій, † 1377 г., т. CXLVII, іюль, 64.
Ольденбургская, принцесса, Евгенія Максимиліановна, т. CXLV, мартъ, 494.
Ольденбургскій, принцъ, Петръ Георгіев., 1820 г., т. CXLVI, апр., 92, т. CXLVII, авг., 365, т. CXLVIII, окт., 176, 178, 181.
Ольхинъ, С. А., 1898 г., май, 404.
д'Омонъ, герцогъ, т. CXLVI, май, 393.
Ону, Мих. Констант., драгом. рус. посольства въ Константинопол. 1878 г., т. CXLV, февр., 399, т. CXLVI, май, 375.
Ону, см. Баранкуръ.
Опекушинъ, художн.-скульпт., 1889 г., т. CXLV, февр., 307.
Опочининъ, Θ. П., 1830 г., т. CXLVI, май, 380, т. CXLVIII, окт., 140, 141.
Опухтинъ, сенаторъ, 1711 г., т. CXLV, февр., 380.

Ореусъ, Максимъ, выборгск. губерн., 1800 г., май, 263—265.
Оржевскій, П. В., виленск. губерн., т. CXLVIII, нояб., 333.
Оржевскій, сенат., 1892 г., т. CXLVI, апр., 152.
Оришичъ, † 1899 г., т. CXLVI, май, 408.
Орлова, Е. Н., 1898 г., т. CXLVI, іюнь, 494.
Орловъ, гр., Алексѣй, Өед., шефъ жанд., р. 1787 † 1862 г., т. CXLV, февр., 421, 434, 445, т. CXLVI, апр., 107, т. CXLVIII, декаб., 510, 692, 693.
Орловъ, Н. А., ген., т. CXLV, мартъ, 589.
Орловъ, Өед., 1827 г., т. CXLVI, іюнь, 601.
Орловъ, сенат., 1892 г., т. CXLVI, апр., 152.
Орнатскій, Серг. Николаев., проф., юристъ † 1884 г., т. CXLVII, сент., 470.
д'Оруркъ, гр., 1811 г., т. CXLVII, іюль, 124—126.
Остенъ-Сакенъ, т. CXLVIII, нояб., 365.
Остолоповъ, Николай Өед., Управ. петерб. театр., р. 1782 † 1833 г., т. CXLVI, іюнь, 598, 608.
Островскій, Алекс. Никол., писат., р. 1823 † 1886 г., т. CXLVI, апр., 91, т. CXLVIII, окт., 49, нояб., 321—326.
Островскій, М. И., 1892 г., т. CXLV, апр., 145, 146.
Остроградскій, Мих. Вас., акад. матем., р. 1801 † 1851 г., т. CXLVII, сент., 481.
Острожскій, Князь, Конст. Конст., см. Константинъ.
Охотинъ, педаг., т. CXLVII, сент., 482.

П

Павелъ I, Императоръ, р. 1754 † 1801 г., т. CXLV, февр., 449, мартъ, 555, 556, 607, 662, т. CXLVI, май, 394, іюнь, 521, т. CXLVII, іюль, 82, 83, авг., 238, 266, т. CXLVIII, нояб., 297, декаб., 598.
Павелъ Александровичъ, Великій Князь, т. CXLIII, окт., 65.
Павлищевъ, Н. И., т. CXLVIII, дек., 665, 668.
Павловскій, И. Ф., сообщ.: „О цѣнѣ за ревизскую душу въ 1827 г., въ Малороссіи“, т. CXLVIII, нояб., 270, „Къ біографіи художника Д. Г. Левицкаго“, 282, „О декабристахъ Вегелинѣ и Игельстромѣ“, дек., 670, „Къ біографіи композитора Д. Бортнянскаго“, 690, 691. „Къ исторіи Кирилло-Меѳодіевскаго общества въ Кіевѣ“, 692—696.
Павловъ, Мих. Григ., проф. Моск. унив., р. 1783 † 1840 г., т. CXLVI, іюнь, 623.
Павловъ, Никол. Филип., писат., журналистъ, р. 1805 † 1864 г., т. CXLVI, май, 429, іюнь, 595, т. CXLVII, іюль, 151, 153.
Пазухинъ, 1889 г., т. CXLV, февр., 395, 396.
Паленъ, гр., Констант. Иван., мн-ръ финанс., р. 1833 г., т. CXLVI, апр., 164, т. CXLVIII, декаб., 480.
Паленъ, гр., Петръ Алексѣев., спб. воен. губерн., р. 1746 † 1826 г., 1800 г., т. CXLVIII, дек., 598.
Паленъ, гр., Петръ Петров., ген.-маіоръ, р. 1778 † 1864 г., т. CXV, янв., 134.
Палицынъ, Александ., дек., 694.
Панаевъ, Ив. Ив., писат., р. 1812 † 1862 г., т. CXLVI, май, 250, т. CXLVIII, дек., 664.
Панина, Анна Егор., въ зам. Берингъ, т. CXLV, мартъ, 664.
Панина, Анна Өед., въ зам. Шварцъ, т. CXLV, мартъ, 664.
Панина, Вѣра Егор., въ зам. Демидова, т. CXLV, мартъ, 664.
Панина, Олимпіада Өед., въ зам. Щулепова, т. CXLV, мартъ, 664.
Панина, Руфина Ив., т. CXLV, мартъ, 664, 665.
Панинъ, Александръ Өедор., камеръ-пажъ, т. CXLV, мартъ, 664.
Панинъ, гр., Викт. Никит., мн-ръ юстиціи, ст.-секрет., р. 1801 † 1874 г., т. CXLV, фев., 348, 385, 431, 441, 444—447, 450, т. CXLVII, авг., 222, 223.
Панинъ, Өед. Александр., т. CXLV, мартъ, 663, 664.
Панинъ, гр., т. CXLVII, сент., 422.
Панкратьевъ, Никита Петр., ген.-ад., р. 1788 † 1836 г., т. CXLV, мартъ, 622, 623.
Панфиловъ, вице-адм., т. CXLVIII, нолб., 367.
Пасенко, В., сообщ.: „Адмиралъ гр. Н. С. Мордвиновъ и его способъ вспомоществованія участникамъ Отечественной войны“. (Матеріалы для войны 1812 г.), т. CXLII, сент., 441—448.
Паскевичъ,—Эриванскій, кн. Варшавскій, Ив. Өед., ген.-фельдмаршалъ, р. 1782 † 1856 г., т. CXLV, мартъ, 619—623, т. CXLVII, іюль, 84, 86, 155.
Паскевичъ, гр., Ѳ. И., 1845 г., т. CXLV, фев., 276.

Паскевичъ, кп., 1861 г., т. CXLV, февр., 435, 436.
Пассекъ, Ольга Вл., т. CXLV, мартъ, 495.
Пассекъ, Татьяна Петровна, издат. и редакт. дѣтск. журнала „Игрушечка", † 1889 г., т. CXLV, мартъ, 495—499.
Пассекъ, Діомидъ Васильев., ген., † 1845 г., т. CXLV, фев., 276, 279.
Пасхаловъ, Викторъ Никандров., композиторъ, р. 1840, † 1871 г., т. CXLV, янв., 71, 72.
Паткуль, А. В., ген., т. CXLVIII, нояб., 332, 335, 336.
Паткуль, М. А., рожд. маркиза де-Траверсе, т. CXLVIII, нояб., 335.
Патти, пѣвица, т. CXLV, фев., 256.
Пахарнаевъ, А., сообщ.: „Игры кадетъ неранжированной роты 2 кадетскаго корпуса въ присутствіи Императора Александра II и Августѣйшихъ Его Дѣтей, въ 1861 году", т. CXLVII, сент.. 503—510.
Пашута, проф., т. CXLVII, сент., 389, 395.
Пекарскій, І. М., т. CXLV. фев., 384.
Пенхержевская, см. Кроль.
Перелешинъ, М. А., 1854 г., т. CXLVIII, дек., 583.
Перецъ, Егоръ Абрам., † 1899 г., т. CXLVI, май, 401, 409, 410.
Перовскій, гр., Левъ Алексѣев., мн-ръ внут. дѣлъ, р. 1792 † 1856 г., т. CXLV, фев., 287, 288, т. CXLVII, сент., 408.
Перскій, Д., сообщ.: „Новый директоръ". (Очеркъ изъ далекаго прошлаго), т. CXLVI, іюнь, 576 — 587, „Міокоти - Санъ", т. CXLVII, авг., 274—302, „На абордажѣ", сент., 437—440.
Перскій, Мих. Степ., ген.-ад., директ. корпуса, р. 1776 † 1832 г., т. CXLVII, авг., 270.
Перятовъ, Дм. Александр., подполк., † 1808 г., т. CXLVII, авг., 245, 246.
Петрашевскій, Мих. Вас., (Буташевичъ - Петрашевскій), р. 1819 † 1867 г., т. LCLVI, апр., 107.
Петринскій, педагогъ 1838 г., т. CXLVII, авг., 205.
Петровъ, В. П., переводчикъ Энеиды, 1770 г., т. CXLVI, іюнь, 611, 612.
Петровъ, Пав. Петр., ген. - маіоръ, подольск. губерн., р. 1792 † 1871 г., т. CXLV, мартъ, 557, т. CXLVII, сент. 535.
Петрушевскій, Александръ Ѳомичъ, ген.-лейт., р. 1826 † 1904 г., т. CXLVIII, дек., 571.
Петръ I, Императоръ, р. 1672 † 1725 г., т. CXLV, янв. 113—128, фев., 379—384, мартъ, 634, т. CXLVI, апр., 177—211, май, 265, 296, 299, 323, іюнь, 465, 507—512, 515, т. CXLVII, іюнь, 75, 76, авг., 310, т. CXLVIII, нояб., 271, дек., 698.
Петръ II, императоръ, р. 1715 † 1730 г., т. CXLV, фев., 383, т. CXLVI, іюнь, 511, 512.
Петръ III, императоръ, род. 1728 † 1762 г., т. CXLV, янв., 128, февр., 383.
Петръ Николаевичъ, Великій Князь, т. CXLVIII, окт., 178.
Петръ, Могила, митр. кіевск., † 1647 г., т. CXLVII, іюль, 69.
Печеринъ, Влад. Серг., род. 1808 † въ 1880-хъ годахъ, проф., т. CXLV, янв., 59—67.
Пизани, 1811 г., т. CXLVII, іюль, 134.
Пименовъ, скульпторъ, т. CXLVIII, окт., 98.
Пирлингъ, П., сообщ.: „Владиміръ Сергѣевичъ Печеринъ въ перепискѣ съ Иваномъ Сергѣевичемъ Гагаринымъ", т. CXLV, янв., 59—67.
Пироговъ, Влад. Никол., одесск. проф., т. CXLV, фев., 402.
Пироговъ, Николай Ив., хирургъ, р. 1800 † 1881 г., т. CXLV, янв., 184 фев., 390 — 392, 402, 403, т. CXLVII, авг., 224—236, т. CXLVIII, окт., 63, нояб., 349, 350, дек., 620, 621, 623.
Пиронъ, Алексѣй, драмат. писат., р. 1689 † 1773 г., т. CXLV, мартъ, 600,
Писаревъ, прокуроръ, т. CXLV, фев., 231.
Писаревъ, чиновн., т. CXLV, мартъ, 506.
Писемскій, Алексѣй Ѳеофилакт., писат., р. 1820 † 1881 г., т. CXLVI, май, 353, т. CXLV, мартъ, 472, т. CXLVII, іюль, 92.
Писемскій, художн. - акварелистъ, т. CXLV, мартъ, 493.
Питра, проф. спб. унив., 1860 г., т. CXLV, фев., 231, 233, 240.
Платеръ, гр., участн. польск. возст., 1863 г., т. CXLVII, іюль, 87.
Платоновъ, Сергѣй Ѳед., историкъ, проф., директ. женск. педагог. института, р. 1860 г., т. CXLV, фев., 383, т. CXLVII, авг., 193—195.
Платоновъ, адвокатъ, т. CXLVIII, дек., 486.
Платоновъ, С. Ф., юристъ, т. CXLVIII, дек., 475.
Плевако, адвок., 1898 г., т. CXLVI, іюнь, 500.
Фонъ-Плеве, Вячеславъ Константинов.,

мн-ръ внутр. дѣлъ, т. CXLV, фев., 263, 268, т. CXLVI, мартъ. 519, апр., 168.
Племянниковъ, сенаторъ, 1711 г., т. CXLV, фев., 380.
Плеске, Эдуардъ Дм., управл. госуд. банкомъ, 1897 г., т. CXLVI, май, 397, 424.
Плетневъ, Петръ Александр., проф. спб. унив., р. 1792 † 1865 г., т. CXLVII, іюль, 158, 164.
Плѣшивцевъ, Прокопій Григ., педаг., 1859 г., т. CXLV, янв., 84, 85.
Плошаръ, Адольфъ Александр., изд. словаря книгопродав., р. 1801 † 1865 г., т. CXLVII, авг., 369.
Плющевскій, Я. А., товар. прокур., т. CXLVIII, дек., 484.
Плятеръ, гр.-ня, т. CXLVII, сент., 475.
Пнинъ, Ив. Петр., р. 1773 † 1805 г., т. CXLVII, іюль, 168.
Погодинъ, Вас. Вас., писат., род. 1790 † 1863 г., т. CXLVI, іюнь, 597, 598.
Погодинъ, Мих. Иван., 1850 г., т. CXLV, апр., 91, май, 351.
Погодинъ, М. М., т. CXLVIII, окт., 78.
Погодинъ, Мих. Петр., историкъ, р. 1800 † 1875 г., т. CXLV, янв., 184, фев., 420, т. CXLVI, май, 351, іюнь 622, 624, т. CXLVII, іюль, 152.
Погорѣльскій, Антоній, писат., т. CXLVII, авг., 326.
Подолинскій, Андрей Ив., поэтъ, р. 1806 † 1886 г., т. CXLVII, іюль, 164, 172.
Подшиваловъ, Вас. Сергѣев., р. 1765 † 1813 г., т. CXLVII, іюль, 168.
Позднѣевъ, А. М., проф., т. CXLVI, май, 233,
Позенъ, полтавск. помѣщикъ, 1861 г., т. CXLV, фев., 426.
Познанскій, полковн., † 1845 г., т. CXLV, янв., 104.
Покрицъ, см. Липева.
Полевой, Конст. Алексѣев., писат., т. CXLVII, авг., 365, т. CXLVIII, дек., 668, 669.
Полевой, Николай Алексѣев., писат., р. 1796 † 1846 г., т. CXLV, фев., 289, мартъ, 474, т. CXLVI, іюнь, 584, 592, 593, 603—615, 623, 624, т. CXLVII, іюль, 158 — 179, авг., 328, 336, 339, 364 371, 372, 377, т. CXLVIII, дек., 668.
Полежаевъ, Александръ Ив., поэтъ, † 1838 г., т. CXLVI, май, 305.
Полиновскій, А. М., юристъ, т. CXLV, янв., 68.
Половцова, Надежда Дмитр., т. CXLVI, апр., 90.
Половцовъ, Валеріанъ Александров., прокур., т. CXLVIII, дек. 480.
Половцевъ, Мих. Андр., т. CXLVI, апр., 90.
Половцовъ, чл. гос. сов., 1896 г., т. CXLVI, апр., 167.
Полонскій, Яковъ Петр., поэтъ, р.1820 г. т. CXLVI, май, 353, 355, т. CXLVIII, дек., 492.
Полторацкій, Сергѣй Дмитріевичъ, библіофилъ и библіографъ, р. 1803 † 1884 г., т. CXLVI, апр., 172, май, 426.
Полторацкій, полковн., 1811 г., т. CXLVII, іюль, 129.
Полторацкій, ген., 1879 г., т. CXLVI, іюнь, 551, 563, 566.
Поль, маіоръ, т. CXLV, мартъ, 559.
Полютовъ, урядн., 1907 г., т. CXLVI, іюнь, 476, 485, т. CXLVII, іюль, 47.
Полянская, м. Давыдова.
Полянская, см. Кутузова.
Полянская, см. Мей.
Полянская, А. Г., сообщ.: «Къ біографіи Л. А. Мея. Левъ Александровичъ и Софья Григорьевна Мей, ихъ родные и знакомые». (Семейная хроника), т. CXLV, мартъ, 657—675, т. CXLVI, апр., 87—92, май, 346—358, т. CXLVIII, окт., 71—79.
Полянская, Анна Ив., т. CXLV. мартъ, 669, 670.
Полянская, Екатер. Мих., т. CXLV, мартъ, 662.
Полянская, Софія Григ., т. CXLV, мартъ, 673.
Поляпскій, Григ. Мих., т. CXLV, мартъ, 663—666, 669, 672, т. CXLVI, апр., 89, май, 346—349.
Полянскій, Ив. Григор., 1850 г., т. CXLVI, апр., 92.
Полянскій, Мих. Григ., т. CXLVI, апр., 89.
Поморскій, Мих. Карпов., тамбовск. дворянинъ, т. CXLV, мартъ, 661. 662, 670—673.
Поморскій, А. П., 1819 г., т. CXLVI, іюнь, 586, 595.
Помяловскій, профес., ректор. спб. унив., т. CXLVIII, нояб., 329.
Понятовскій, Іосифъ, главнок. польск, войскъ, р. 1763 † 1813 г., т. CXLVII, іюль, 80.
Попандопуло, ген.-маіоръ, † 1810 г., т. CXLVII, авг., 270.
Попельницкій, Алексѣй, сообщ.: «Письмо депутата перваго призыва. (Къ исторіи участія дворянскихъ депутатовъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ)», т. CXLV, фев., 344—362.
Поповъ, А. Н., сообщ.: «Генералъ Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ, т. CXLVIII, нояб., 395—404.

Поповъ, Нилъ Александр., историкъ, проф. москов. универ., р. 1833 † 1891 г., CXLV, янв., 184—194.

Поповъ, маіоръ, т. CXLVI, іюнь, 565.

Посоховъ, Андрей Андреев., подполк. 1905 г., т, CXLV, янв., 216, мартъ, 590, т. CXLVI, апр., 122, т. CXLVIII, нояб., 391, дек., 616.

Поспѣловъ, Ѳед. Тимоф., чл. акад., 1811 г., т. CXLVI, апр., 175.

Постниковъ, І., сообщ.: «Король», т. CXLVI, іюнь, 539—545.

Постниковъ, дьякъ, 1690 г., т. CXLVI, апр., 182.

Посьетъ, Конст. Никол., мн-ръ путей сообщ., † 1899 г., т. CXLV, февр., 393, т. CXLVI, май, 409, т. CXLVIII, нояб., 331.

Посьетъ, офиц., † 1845 г., т. CXLV, фев., 277—279.

Посьетъ, Роз. Ил., рожд. Максутова, т. CXLVIII, нояб., 331.

Посяда, студ. кіевск. унив., 1847 г., т. CXLV, мартъ, 577.

Потанинъ, Г. Н., путеш., т. CXLVI. іюнь, 458, т. CXLVIII, окт., 47.

Потаповъ, ген.-маіоръ, † 1812 г., т. CXLVII, авг., 270.

Потемкинъ, гр., Серг. Павлов., т. CXLVII, сент., 527.

Потоцкая, гр-ня, 1897 г., т. CXLVI, май, 396.

Потоцкій, Николай, т. CXLVII, іюль, 72.

Потѣхинъ, Алексѣй Антипов., беллетристъ, т. CXLVI, май, 353. т. CXLVIII, окт., 79.

Поэтовъ, Василій Вас., подпоруч., т. CXLVII, авг., 274, 280 — 289, 293, 296—302.

Прадонъ, Николай, пис., р. 1632 † 1698 г., т. CXLVII, авг., 341.

Пржевальскій, Николай Мих., путешественникъ, † 1888 г., т. CXLVI, апр., 4, 5, 8, май, 239, іюнь, 453, 454, 457, 469, т. CXLVII, іюль, 37, 46, 58, 59.

Примацци, художн., 1862 г., т. CXLV, мартъ, 486.

Прозоровскій, кн., Алексд. Алексдр., ген.-фельдмарш., † 1809 г., т. CXLVII, авг., 270.

Прокоповичъ, священ., т. CXLVII, сент., 398.

Протасовъ, Николай Александров., гр., оберъ-прокуроръ синода, р. 1799 † 1855 г., т. CXLV, янв., 88, т. CXLVII, іюль, 85.

Прянишниковъ, Ѳед. Ив., почтъ-директ., масонъ, т. CXLV, мартъ, 665.

Пузеревскій, Николай Николаев., сотникъ, 1905 г., т. CXLVI, апр., 122.

Путилинъ, И. Д., начальн. сыскной полиц., 1875 г., т. CXLVIII, дек., 472.

Путинцевъ, Георгій Николаев., хорунжій, 1905 г., т. CXLVI, апр., 122.

Путинцевъ, Ив. Флегонтовичъ, интендантъ, полковн., 1904 г., т. CXLVI, апр., 122.

Путинцевъ, Н. Г., полковн., 1904 г., т. CXLV, янв., 217, т. CXLVI, апр., 121.

Путята, Д. В., ген.-ад., т. CXLV, фев., 400.

Путятинъ, Д. В., ген.-ад., т. CXLV, фев., 400.

Путятинъ, гр., Евфимъ Вас., адмир., мн-ръ народн. просвѣщенія, † 1883 г., т. CXLVIII, окт., 39, 50, нояб., 356.

Пухальскій, полякъ, 1768 г., т. CXLVII, іюль, 78.

Пушкина, Нат. Никол., супруга поэта, т. CXLVIII, дек., 660, 661.

Пушкинъ, Алексѣй Мих., т. CXLV, мартъ, 601.

Пушкинъ. Александръ Серг., поэтъ, р. 1799 † 1837 г., т. CXLV, фев., 387, 401, 405, 406, 454, т. CXLVI, апр., 88, 170, май, 245, 250—257, 296, 302, 306, 314, 316, 427, 428, іюнь, 586, 593, 594, 598, 601, 602 — 605, 608, 613, 618—627, т. CXLVII, іюль, 151, 152, 155, 157, 162 — 166, 172, авг., 317, 332 — 338, 348, 352, 353, 380, сент., 463, 528, 531, 535, т. CXLVIII, окт., 3—33, 38, т. CXLVIII, нояб., 281, 324, 325, дек., 653—670.

Пушкинъ, Вас. Львов., пис., р. 1770 † 1830 г., т. CXLVI, іюнь, 611, т. CXLVIII, дек., 653.

Пушкинъ, Левъ Серг., т. CXLVIII, дек., 664.

Пущина, см. Фонвизина.

Пущинъ, Ив. Ив., декабр., т. CXLVI, апр., 169.

Пыпинъ, Александръ Никол., акад., писат., р. 1833 г., т. CXLVI, май, 245, 255, 292, 296, 307, 319, 353.

Пѣвцовъ, М. В., полковн., 1883 г., т. CXLVI, апр., 5, іюнь, 453.

Р

Раабъ, ген., т. CXLVIII, нояб., 365.

Рааденъ, Эдита Ѳед., баронесса, гофмейстерина вел. кн. Елены Павловны. т. CXLVI, май, 401.

Рагозина, Е. А., сообщ.: „Изъ дневника русскоѣ въ Турціи передъ войной 1877 — 1878 г.г.“, т. CXLV, янв., 167 — 183, февр., 309 319, мартъ,

538—548, т. CXLVI, май, 329—345, т. CXLVIII, нояб., 313—320, декаб., 500—508.
Радецкій, Θед. Θед., ген.-отъ-инфан., р. 1820 † 1890 г., т. CXLV, мартъ, 609, 610, т. CXLVIII, декаб., 571.
Рагуля, ген.-маіоръ, т. CXLVIII, нояб., 353.
Раевскій, С., сообщ.: „Къ постройкамъ стараго Петербурга", т. CXLVI, іюнь, 507—523.
Раевскій, т. CXLVII, сент., 408.
Разумовская, см. Загряжская.
Ранжевскій, полковн., † 1845 г., т. CXLV, февр., 279.
Растопчинъ, гр., С. О., 1812 г., т. CXLVI, апр., 76.
Растрелли, гр. Варѳоломей, архитект., † 1771 г., т. CXLVI, іюнь, 514—516, 522, т. CXLVII, авг., 247.
Раффаловичъ, Артуръ, агентъ Министерства финанс., т. CXLVI, май, 287.
Рахманиновъ, Сергѣй Вас., композит., р. 1873 г., т. CXLVIII, декаб., 515—520.
Рациборовскій, полякъ, т. CXLVI, іюнь, 571—575.
Ребиндеръ, Николай Романов., попеч. Кіевск. учебн. окр., 1856 г., т. CXL III,нояб., 347, 348.
Ребиндеръ, ген. - маіоръ, 1812 г., т. CXLVII, авг., 270.
Редигеръ, 1830 г., т. CXLVII, іюль, 84.
Рейтернъ, Мих. Христоф., мн-ръ финанс., р. 1820 † 1890 г., т. CXLVI, апр., 149, май, 401.
Ремезовъ, И. С., т. CXLVIII, окт., 35.
Ремезовъ, Сем., боярск. сынъ, 1896 г., т. CXLVI, апр., 185.
Репнина, Варвара Алексѣевна, княгиня, 1826 г., т. CXLVIII, нояб., 270.
Репнинъ, кн., Н. Г., малорос. ген.-губ. 1827 г., т. CXLVIII, нояб., 270, 282.
Репнинъ, кн., Петръ Ив., т. CXLVII, іюль, 168.
Репнинъ, кн., посолъ, 1762 г., т. CXLVII, іюль, 77, 78.
Рехневскій, Алекс. Сим., офицеръ, Путей Сообщ., т. CXLVIII, окт., 71.
Рехневскій, С. Ст., 1858 г., т. CXLVIII, окт. 71, 72.
де-Рибасъ, Л. М., составит. сборн. „Изъ прошлаго Одессы", т. CXLV, февр., 404.
Ризниковъ, педаг., т. CXLVII, сент., 502.
Римская-Корсакова, Екат. Александр., въ зам. Архарова, т. CXLV, мартъ, 662.
Риттихъ, А. Ф., сообщ.: „Обиженный край", т. CXLVII, іюль, 61—87, авг., 303—325.
Рихтеръ, А. А., директ. департ. окладн. сборовъ, 1898 г., т. CXLVI, май, 403, 404.
Ришелье, герцогъ, ген.-лейт., 1812 г., т. CXLVII, авг., 269.
Роборовскій, штабсъ-капит. изслѣдов. средн. Азіи 1893 г., т. CXLVI, апр., 6, іюнь, 453.
Ровинскій, А. Г., т. CXLV, янв., 73.
Роде, юристъ, т. CXLVIII, декаб., 480.
Розенъ, баронесса, Лидія Григ., въ зам. кн. Дадьянъ, т. CXLVII, сент., 538.
Розенбергъ, херсон. воен. губерн., 1814 г., т. CXLV, февр., 412.
Розенъ, бар., Андр. Евген., т. CXLV, мартъ, 473, 474.
Розенъ, бар., Григ. Влад., команд. отдѣльн. кавказ. корпуса, р. 1782 † 1841 г., т. CXLVII, сент., 534, 538.
Розенъ, бар., Егоръ Θед., цензоръ, р. 1800 г., т. CXLV, мартъ, 473—477.
Рождественскій, П. А., прис. пов., 1898 г., т. CXLVI, іюнь, 494.
Розингъ, т. CXLIII, іюль, 153, 158.
Розовъ, Н., сообщ.: „Очеркъ организаціи военныхъ силъ южной Болгаріи", (посвящается Царству Болгарскому), т. CXLVI, іюнь, 549—569.
Романовъ, В. Р., подполк. ген. штаба, 1904 г., т. CXLV, янв. 217.
фонъ-Роонъ, ген., прусскій воен. мн-ръ, 1858 г., т. CXLV, мартъ, 610, 612.
де-Росси, Евгеній Фед., юристъ, т. CXLV/II, декаб., 479.
Росси, архит., т. CXLVI. іюнь, 522.
Ростовцевъ, Як. Ив., нач. шт. учебн. зав., предсѣд. редакц. комис., ген.-адъют., чл. Госуд. Совѣта и комитета мн-ровъ, 1803 † 1860 г., т. CXLV, февр., 345—347, 421, 436—435, 438, 441—444, 450, 456, т. CXLVII, авг., 222.
Ростопчина, графиня, Евдок. Петр., 1850 г., т. CXLVI, апр., 90, 91, май, 351.
Ростопчинъ, гр., Θед. Вас., р. 1765 † 1862 г., т. CXLV, мартъ, 662.
Ростопчинъ, Мих. Ил., т. CXLV, янв., 134, 135.
Ромешуартъ, кн., полковн. главн. штаба, † 1814 г., т. CXLVII, авг., 264.
Рубини, пѣвецъ, т. CXLV, мартъ, 633.
Рубинштейнъ, Антонъ Григ., комп., р. 1830 † 1894 г., т. CXLV, мартъ, 491, 627, т. CXLVI, апр., 159.
Рубинштейнъ, Ник. Гр., композит., т. CXLVIII, дек., 516.
Рудаковъ, т. CXLVI, май, 256, 257.
Рудневъ, В. Ф., сообщ.: „Стихотвореніе Висковатова", т. CXLVII, іюль, 90.
Рудольфъ, эрцгерцогъ, 1885 г., CXLV, мартъ, 626.

Рузскій, магистръ, т. CXLI, февр., 251.
Румянцевъ, гр., Никол. Петров., госуд. канцлеръ, р. 1754 † 1826 г., т. CXLV, мартъ, 533, 534.
Румянцевъ-Задунайскій, гр., Петръ Александр., фельдм., р. 1725 † 1796 г., т. CXLVI, іюнь, 529, 530, 538, т. CXLVII, іюль, 79, 80, 125.
Румянцевъ, гр., главн. библіотекарь москов. библіот. гр. Румянцева, т. CXLV, янв., 52.
Рыковъ, Вас. Ив., кап. лейт., презусъ суда въ Николаевскѣ, 1869 г., т. CXLVIII, дек., 676.
Рыльскій, К., сообщ.: „Вліяніе Наполеона на событія русско-шведской войны 1808—1909 гг.“, т. CXLVI, іюнь, 524—538.
Рылѣевъ, Кондр. Θед., поэтъ, дек., р. 1795 † 1826 г., т. CXLVI, іюнь, 594.
Рышковъ, офиц., 1804 г., т. CXLVII, авг., 243.
Рѣпинъ, Илья Ефимов., живописецъ, 1905 г., т. CXLV, мартъ, 493, 494.
Рѣпнинскій, Сергѣй, ген., т. CXLLII, авг., 259—262.
Рѣпнинскій, Степанъ, ген., 1811 г., т. CXLVII, іюль, 126, 129.
Рэдстокъ, лордъ, проповѣдн., 1897 г., т. CXLVI, май, 395.
Рязанцевъ, артистъ, 1829 г., т. CXLVII, іюль, 165, авг., 339.

С

Сабанѣева, Е. В., т. CXLV, мартъ, 493.
Сабанѣевъ, ген., 1812 г., т. CXLVII, авг., 253, 260—264.
Савинъ, Н. И., инспект. Черниг. гимназіи, 1850 г., т. CXLV, май, 432, т. CXXVIII, нояб., 347.
Сагайдачный, гетманъ, 1620 г., т. CXLVII, іюль, 73.
Саитовъ, Влад. Ив., т. CXLVI, іюнь, 625, т. CXLVII, авг. 332.
Сакенъ, кн., Фабіанъ Вильгельм., фельдмарш., р. 1752 † 1837 г., т. CXLVIII, нояб., 291.
Сакенъ, гр., начальн. гарнизона, т. CXLVIII, окт., 165.
Салтыковъ (Щедринъ), Мих. Евграф., писат., р. 1826 † 1889 г., т. CXLV, янв., 93, февр., 419, 452, мартъ, 473, 481.
Салтыковъ, ковенск. губерн., т. CXLVII, іюль, 95.
Салтыковъ, кн., т. CXLVII, авг., 380.
Самарина, г-жа, 1898 г., т. CXLVI, іюнь, 500.
Самаринъ, Юрій Θед., славяноф., писат., р. 1819 † 1876 г., т. CXLV, февр., 432, 451.
Самаринъ, сенаторъ, 1711 г., т. CXLV, февр., 380.
Самойловъ, Вас. Вам., артистъ, р. 1813, † 1887 г., т. CXLV, мартъ, 633, т. CXLVI, май, 357.
Самойловъ, Вас. Мих., пѣвецъ, р. 1782 † 1839 г., т. CXLVI, апр., 174.
Сандерсъ, ген., 1811 г., т. CXLVII, іюль, 127.
Саранчовъ, ген., виленскій полицейм. 1863 г., т. CXLVII, сент., 400.
Сахаровъ, Викт. Викт., воен. мн-ръ, 1904 г., т. CXLV, янв., 212, т. CXLVIII, дек., 614.
Сватковскій, цензоръ, т. CXLV, мартъ, 481.
Сверчковъ, Ник. Егор., проф. акад., т. CXLVIII, нояб., 335.
Свѣчина, Софія Петровна, рожд. Соймонова, писат., р. 1782 † 1859 г., т. CXLV, янв., 60.
Святополкъ-Четвертинская, въ зам. Мердеръ, начальн. общины, т. CXLVIII, нояб., 330.
Селивановъ, А. Н., 1907 г., т. CXLVI, іюнь, 454.
Селявинъ, Н. И., чиновн. мин. двора, 1826 г., т. CXLVIII, дек. 691.
Семевскій, Вас. Ив., историкъ, р. 1848 г., т. CXLV, февр., 403, т. CXLVIII, дек. 509.
Семевскій, Мих. Ив., основат., журн. „Рус. Старина“, р. 1837 † 1892 г., т. CXLVI, май, 355, т. CXLVIII, нояб., 321.
Семенова. Екат. Сем., актриса, въ зам. княг. Гагарина, р. 1786 † 1849 г., т. CXLV., янв., 139, т. CXLVI, апр., 161, іюнь, 586, 610.
Семенова, Нимфодора Семен., оперная артистка, р. 1789 † 1876 г., т. CXLVI, іюнь, 600, т. CXLVII, авг. 339.
Семеновъ, Вас. Ник., цензоръ, попеч. кавказск. учебн. окр., 1846 г., т. CXLVII, авг., 362, 363.
Семеновъ-Тянъ-Шанскій, П. П., вице-президентъ Импер. Русск. Географ. Общ., членъ Госуд. Сов., р. 1827 г., т. CXLV, февр., 434, т. CXLVI, апр., 151, май, 241, 419, т. CXLVII, іюль, 59.
Семеновъ, полковн., 1845 г., т. CXLV, февр., 273.
Сементковскій, Р., сообщ., „Встрѣчи и столкновенія“, т. CXLVIII, дек., 521—531.
Сенковскій, Осипъ Ив., р. 1800 † 1850 г., писатель, т. CXLVI, май, 250, т. CXLVII, авг., 380, 381.

Сенъ-При, гр., ген., † 1813 г., т. CXLV, авг., 256.
Сенявинъ, Левъ Григ., управл. минист. иностр. дѣлъ, 1850 г., т. CXLVIII, окт., 116.
Серафимъ, митроп. Новгородск. и С.-Петербургск., т. CXLV, мартъ, 562.
Сербиновичъ, Конст. Степ., директ. канц. об.-прокур. свят. синода, писат., р. 1797 † 1874 г., т. CXLVII, іюль, 172.
Сергіевскій, Н. А., попечит. Виленск. учебн. округа, т. CCLVII, іюль, 101.
Сергѣевичъ, юристъ, т. CXLVIII, нояб., 258.
Сергѣевъ, А. Н., сообщ.: „Трагическая кончина астраханскаго епископа Меѳодія", т. CXLVIII, дек., 489—490.
Сергѣй Александровичъ, великій князь, 1898 г., т. CXLV, мартъ, 491, 494, т. CXLVI, май, 404.
Серебряковъ, капит.-лейт., т. CXLVIII, окт., 169.
Середа, А. И., вятскій губернаторъ, 1849 г., т. CXLVIII, дек., 694.
Сиверсъ, Яковъ Ефимов., посолъ въ Польшѣ, † 1808 г. т. CXLVII, іюль, 80.
Сиверсъ, ген.-маіоръ, 1812 г., т. CXLVII, авг., 270.
Сигизмундъ I, король польск., 1516 г., т. CXLVII, іюль, 71.
Сигизмундъ II, Августъ, король польскій, † 1572 г., т. CXLVII, іюль, 71.
Сигизмундъ III, король польскій, † 1632 г., т. CXLVII, іюль, 68, 69.
Сизовъ, секрет. Историч. музея, т. CXLV, мартъ, 494.
Сикорскій, психіатръ, 1863 г., т. CXLV, февр., 239, т. CXLVIII, сент., 473.
Силивестръ, еписк., 1863 г., т. CXLVII, сент., 470.
Симановичъ, Ѳед. Филип., ген., т. CXLVII, авг., 237—241, 246.
Симевская, Анна Николаевна, т. CXLV, мартъ, 674.
Симоновъ, Николай Алексѣев., ген.-маіоръ, начальн. Сибирск. каз. див., 1904 г., т. CXLV, янв., 216, мартъ, 584, 590, 594, т. CXLVI, апр., 119—123, т. CXLVIII, нояб., 388—391, дек., 614—618.
Сипягина, т. CXLV, мартъ, 495.
Сипягинъ, Дм. Серг., мн-ръ внутр. дѣлъ, 1899 г., т. CXLVI, май, 409, 420, 421.
Сирочинскій, проф., т. CXLVII, окт., 394.
Скабичевскій, Александръ Мих., писат., т. CXLVI, май, 314, 320.
Скалонъ, ген., т. CXLVIII, нояб., 372.
Скальковскій, А. А., т. CXLV, февр., 401.
Скальковскій, Конст. Апол., горн. инж., писат., т. CXLV, февр., 404.
Скарятинъ, лейт., т. CXLV, мартъ, 583.
Скаржинскій, Викт. Петров., 1826 г., т. CXLVII, нояб., 270.
Скворцовъ, протоіер., 1846 г., т. CXLV, мартъ, 576, т. CXLVIII, окт., 87, 88.
Скипдеръ, врачъ, т. CXLV, февр., 228.
Скобелевъ. Мих. Дм., ген., † 1882 г., т. CXLVI, апр., 34, 35, іюнь, 551, 561.
Скоробогатый, капит. 2 ранга, 1854 г., т. CXLVIII, дек., 577.
Скоропадскій, Ив., полковн., стародубск. гетманъ, 1709 г., т. CXLVII, іюль, 75.
Скуратовъ, Алексѣй Петров., 1829 г., т. CXLVII, іюль, 174.
Скуратовъ, Пав. Петров., † 1829 г., т. CXLVII, іюль, 174, 182.
Скрибъ, писат., т. CXLVIII, окт., 3, 4, 26, 20—32.
Сластниковъ, С. И., сообщ.: „Царево сердце", (разсказъ—быль), т. CXLVII, іюль, 109—116.
Сленинъ, Ив., Вас., книгопрод.-издат., р. 1789 † 1836 г., т. CXLVII, авг., 348, 368.
Случевскій, В. К., товар. прокур., т. CXLVIII. дек., 484.
Случевскій, К. К., писат., т. CXLVI, май, 355.
Слободчиковъ, директ, департ. окладн. сборовъ, 1893 г., т. CXLV, апр., 51,
Слѣпцова, Екат. Петр., рожд. княгиня Шаховская, т. CXLVIII, нояб., 327, 330, 336.
Слѣпцова, С. Н., въ зам. Бардакова, т. CXLVIII, нояб., 329, 332.
Слѣпцова, С. Н., рожд. Батюшкова, т. CXLVIII, нояб., 334.
Слѣпцовъ, А. П., педаг., 1859 г., т. CXLV, янв., 85.
Слѣпцовъ, Николай Серг., ротмистръ, † 1831 г., т. CXLVIII, нояб. 328.
Слѣпцовъ, Павелъ Никол., ген.-ад., † 1882 г., CXLVIII, нояб., 329, 332—336.
Смирдинъ, Александръ Филип., издат. † 1857 г., т. CXLVII, авг., 362, 365, 368, 373—377, сент., 535, 537.
Смитъ, Адамъ, т. CXLI, май, 267.
Смоленскій, Ст. В., т. CXLVIII, декаб., 519.
Снѣжницкій, Г. И., т. CXLV, янв., 93.
Снѣткинъ, т. CXLVI, май, 355.
Собко, т. CXLV, мартъ, 494.
Содбоевъ, казакъ. 1907 г., т. CXLVI, іюнь, 487.
Соймонова, см. кн-ня Гагарина.

Соймонова, см. Свѣчина.
Солдатенковъ, Козьма Терент., р. 1818 г., CXLVI, іюнь, 500, 501.
Солинъ, проф. кіевск. унив., 1846 г., т. CXLV, мартъ, 576.
Соллогубъ, гр-ня, см. Архарова.
Соллогубъ, гр., Влад. Александр., пис., р. 1814 † 1822 г., т. CXLV, мартъ, 473, 478, 480, 674, т. CXLVI, май, 320, т. CXLVIII, окт., 28, 56.
Соллогубъ, гр., Левъ Алекс., офиц., т. CXLV, мартъ, 674.
Солнцевъ, Николай Дм., полк., 1389 г., т. CXLV, февр., 303—305.
Соловьевъ, Влад., т. CXLVI, май, 277.
Соловьевъ, В. С., 1902 г., т. CXLVI, май, 420.
Соловьевъ, Сергѣй Мих., проф., историкъ, р. 1829 † 1879 г., т. CXLVIII, нояб., 273.
Соловьевъ, Яковъ Александ., чл. редакц. коммис., † 1876 г., т. CXLV, февр., 425, 428, 435, 445.
Соломко, художн. акварел. т. CXLV, мартъ, 493.
Соломонъ, Шарль, товарищъ предсѣд. общ. соціальнаго музея, во Франціи т. CXLVI, май, 287.
Солтыкъ, еписк., 1768 г., т. CXLVII, іюль, 77.
Сольская, графиня, 1902 г., т. CXLVI, май, 418.
Сольскій, Дмит. Мартынов., предсѣд. департам. экономіи, 1892 г., т. CXLVI, апр., 145, 149, 167, 168, май, 418.
Сомовъ, А., біографъ Брюллова, т. CXLVIII, дек., 658, 659.
Сомовъ, Орестъ Мих., критикъ и переводчикъ, 1828 г., т. CXLVI, іюнь, 618, 620, 624, т. CXLVII, іюль 162, 163, 171, 173, 179, 184, 187—192, авг., 326—338, 344—348, 351.
Сомовъ, хранитель эрмитажа, т. CXLV, мартъ, 494.
Сосницкая, артистка, 1828 г., т. CXLVII, іюль, 164.
Сосницкій, артистъ, 1820 г., т. CXLV, мартъ, 633, т. CXLVI, іюнь, 597, т. CXLVII, іюль, 164.
Софія Алексѣевна, царевна, правительница, † 1704 г., т. CXLV, янв., 114.
Софоній, ректоръ Подольск. семинар., 1837 г., т. CXLVII, авг., 202.
Сочавъ, земскій докторъ, т. CXLV, мартъ, 625.
Спасовичъ, Влад. Данил., адвокатъ, р. 1829 г., т. CXLV, янв., 34, т. CXLVIII, ноябрь, 238, 239, 269, декаб., 488.
Спиридоновъ, Ив., его письмо къ Н. П. Шереметеву 1792 г., т. CXLVIII, дек., 683—687.
Ставицкій, генер.-маіоръ, 1812 г., т. CXLVII, авг., 270.
Станиславскій, артистъ, 1911 г., т. CXLVI, май, 422.
Станиславъ Понятовскій, король польскій † 1768 г., т. CXLVII, іюль, 77—79, 83.
Станиславъ-Августъ IV, Понятовскій, король польск., р. 1732 † 1798, т. CXLVII, іюнь, 80.
Станкевичъ, Ник. Влад. писатель, † 1840 г., т. CXLVI, май, 242, 245—249, 294, 301, 309, 312.
Станюковичъ, адм., т. CXLVIII, окт., 165.
Старковъ, войск. старш., 1904 г., т. CXLV, мартъ, 593.
Старосивильскій, С., сообщ.: «Н. И. Пироговъ, великій цѣлитель тѣла и воспитатель души», т. CXLVII, авг., 224—236.
Старцевъ, коммерсантъ 1870 г., т. CXLVIII, дек., 679.
Стасовъ, Влад. Вас., писат., т. CXLV, мартъ, 489, 493, 494.
Стасовъ, Вас. Петр., придв., архит., ак., р. 1769 † 1348 г., т. CXLVI, 517.
Стасюлевичъ, Мих. Матв., историкъ, проф., р. 1826 г., т. CXLVIII, декаб., 527—531.
Стаховичъ, 1902 г., т. CXLVI, май, 420.
Стединкъ, бар., 1808 г., т. CXLVI, іюнь, 529, 530.
Стейнбокъ, гр., т. CXLV, мартъ, 460.
Стенбокъ, гр., полковн., 1845 г., т. CXLV, февр., 283.
Степановъ, А. П., проф. живописи, 1847 г., т. CXLVIII, нояб., 335.
Степановъ, царскос. комендантъ. ген.-лейт., т. CXLVIII, нояб., 335.
Степановъ, маіоръ, 1845 г., т. CXLV, фев., 273.
Степановъ, лейт., т. CXLVII, сент., 415, 416.
Стефанъ, Баторій, т. CXLVII, іюль, 71, 72.
Стоговъ, капит., т. CXLV, мартъ, 558.
Столыпинъ, Аркадій Дм., ген.-лейт., ген.-губерн. восточн. Румеліи, 1879 г., т. CXLVI, іюнь, 549—551, 560—563.
Столыпинъ, Петръ Аркадьев., прем.-министръ, р. 1862 † 1911 г., т. CXLVIII, окт., стр. I, II.
Столѣтовъ, Ник. Григ., ген.-лейтен., 1887 г., т. CXLVIII, окт., 190.
Стороженко, Ольга Ив., т. CXLVIII, окт., 145—150.
Стороженко, Николай Ильичъ, главн. библіот. московск. библіот., CXLV, янв., 52, т. CXLVIII, окт. 146—150.

Стоу, Леонидъ, офиц., т. CXLVII, авг., 302.

Страховъ, писат., † 1896 г., т. CXLVI, апр., 163.

Стремоуховъ, ст. сов., чиновн. мин. иностр. дѣлъ, т. CXLV, фев., 414.

Стрепетова, Пелагея Антиповна, артистка, 1888 г., т. CXLVIII, окт.,

Стрешневъ, сенаторъ, 1711 г., т. CXLV, февр., 380.

Строгановъ, гр., Александръ Григ., попечит. одесск. уч. окр., 1861 г.; т. CXLV, фев., 402 — 407, 416, 418, т. CXLVI, іюнь, 532, т, CXLVII, іюль, 83, сент., 490.

Строгановъ, Александръ Серг., гр., президент. акад. худож., р. 1738 † 1811 г., т. CXLVI. іюнь, 522.

Строевъ, Павелъ Мих., археографъ, р. 1796 г., т. CXLVII, іюль, 153.

Строцкій, Діомидъ, педаг. приворотск. духовн. учил., 1838 г., т. CXLVII, авг., 205.

Струве, проф. астрономіи, директ. Пулковской обсерваторіи, т. CXLVIII, окт., 71.

Стрѣльбицкій, Даніилъ, архіеп. волынскій, 1837 г., т. CXLV, авг., 199.

Струйскій, Дм. Юрьев., псевд., Трилунный, писат., р. 1806 † 1851 г., т. CXLVII, авг., 341.

Стурдза, Роксана С., фрейлина, 1815 г., т. CXLVI, апр., 81, 82.

Суворовъ, кн. итал., Александръ Вас., фельдмарш., р. 1729 † 1800 г., т. CXLV, мартъ, 468, 606 611, т. CXLVII, авг., 308, т. CXLVIII, нояб. 397, 398.

Суворовъ, Ив., сообщ.: „Къ исторіи монастырей". (Изгнаніе игумена изъ монастыря 1682 г.), т. CXLVIII, нояб., 448.

Суворовъ, кн., ген.-лейт., 1812 г., т. CXLLII, авг., 253, 270.

Сумароковъ, Александръ Петров., писат., р. 1718 † 1777 г., т. CXLV, мартъ, 600, т. CXLVI, май, 245, 427, іюнь, 592, 610, т. CXLVII, авг., 339, т. CXLVIII, нояб., 280.

Сумцовъ, Н. Ѳ., професс., т. CXLIII, дек., 655, 656.

Суперанскій, М. Ѳ. 1861 г. т. CXLVIII, окт., 34, 36, 4 .

Сургуновъ, полиціймейст., т. CXLVII, авг., 239.

Суржкова, г-жа, 1834 г., т. CXLVII, сент., 422.

Сухотинъ, Н. Н., чл. госуд. совѣта., ген.-отъ-кавал., генер., 1904 г., т. CXLV, янв., 214, мартъ, 590, т. CXLVI, апр., 119, 121.

Сфурсъ-Жиркевичъ, кап. I ранга 1869 г., т. CXLVIII, дек., 673.

Списловскій, педаг., 1850 г., т. CXLVI, май, 432.

Сычевскій, Аркадій Валер., ген., Забайкальск. губ., 1904 г., т. CXLVII, дек., 638, 639, 641, 642, 643, 644, 648, 649, 650.

Сычуговъ, полковн., 1846 г., т. CXLV, мартъ, 575.

Сѣверцевъ, Н. А., т. CXLVI, май, 353, 357.

Сѣмашко, Іосифъ, митроп. литовск., р. 1798 † 1868 г., т. CXLVIII, іюль, 85—108.

Сѣраковскій, участн. польск. возстан., 1863 г., т. CXLVII, іюль, 87.

Т

Тамберликъ, пѣвецъ, т. CXLV, мартъ, 633.

Тамбурини, пѣвецъ, т. CXLV, мартъ. 633.

Тапѣевъ, С. В. т. CXLVI, май, 429.

Тапѣевъ, С. И., композиторъ, т. CXLVIII, декаб., 516.

Тарноградскій, свящ. т. CXLVI, іюнь, 575.

Татариновъ, Петръ Петр., дѣйст. ст. сов., † 1858 г., т. CXLVII, іюль, 153.

Татариновъ, ВалеріанъАлексѣев., госуд. контролеръ 1861 г., т. CXLV, февр., 432.

Татищева, см. княгиня, Волконская.

Татищевъ, гр., Ник. Дм., 1890 г., т. CXLV, мартъ, 627.

Татищевъ, гр., Сергѣй Дмит., † 1889 г., т. CXLV, февр. 388, 396—398, мартъ, 627.

Татищевъ, Сер. Спиридон., диплом., т. CXLVIII, окт., 126.

Таубертъ, т. CXLVIII, нояб., 279.

Телешовъ, казакъ, 1905 г. т. CXLVI, май, 236, іюнь, 454.

Тимирязевъ, лейт., т. CXLVIII, декаб., 578, 586, 587.

Теннеръ, Леонтина, т. CXLVIII, декаб., 523.

Теннеръ, Луиза, т. CXLVIII, декаб., 523.

Теннеръ ген.-лейт., геодезистъ, т. CXLVIII, декаб., 523.

Тепловъ А. И., сообщ.: „Одинъ изъ памятниковъ наступающаго въ русской жизни пятидесятилѣтія", т. CXLV, февр., 301—308.

Теребеневъ, Александръ Ив., скульпторъ, 1814 г. † 1859 г., т. CXLVIII, нояб., 392—394.

Терещенко, Григ. Ѳомичъ, 1851 г., т. CXLVIII, нояб., 345.

Терещенко, Стефанія 1851 г., т. CXLVIII, нояб., 345.

Терлецкій, аббатъ, 1847 г., т. CXLV, янв., 62.

Терперъ, Марья Густавовна, 1903 г., т. CXLVI, май, 421.

Терперъ, Ѳ. Г., его воспоминанія, т. т. CXLV, февр., 385—400, мартъ, 625—635, CXLVI, апр., 139—168, май 395—425.

Терсинская, см. Котляревская.

Тиммерманъ, подполк., т. CXLV, мартъ, 466.

Тиммъ, издатель „Русскаго художеств., листка", 1859 г., т. CXLVIII, окт., 34.

Тимощукъ, Вѣра Вас., сообщ.: „Переписка Императора Александра I съ сестрой Великой княгиней Екатериной Павловной", т. CXLV, янв., 129—139, „Пребываніе Императора Александра I, въ Лондонѣ въ 1814 г., февр., 362—378, „Брачные проекты Великихъ Княженъ Екатерины Павловны и Анны Павловны", т. CXLV, мартъ, 521—537, т. CXLVI, апр., 71—85, «Императоръ Николай I, и Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ 1830—1831 г.", май, 376—391, т. CXLVIII, окт., 128—145, нояб., 369—384, декаб., 599—613.

Тимротъ, адъютантъ Александра I, 1812 г., т. CXLVI, апр., 76.

Тиннеръ, д-ръ, 1877 г., т. CXLV, мартъ, 643.

Тихменевъ, А. Г., 1846 г., т. CXLV, янв., 74.

Тихонравовъ, Николай Савичъ, проф. писат., р. 1832 † 1893 г., т. CXLV, февр., 251, т. CXLVIII, нояб., 278, 281.

Тишбейнъ, т. CXLV, мартъ, 527.

Тобординъ, педаг., т. CXLVII, сент., 502.

Толстая, грифиня, Александра Андр., камеръ-фрейлина, р. 1817 г., т. CXLV, мартъ, 630, 631, т. CXLVI, апр., 154.

Толстая, графиня, Софія Андр., т. CXLVI, апр., 56, май, 415, 416.

Толстая, гр., Татьяна Львовна, 1880 г., т. CXLVII, іюль, 32.

Толстая, см. княжна Барятинская.

Толстой, А., т. CXLVIII, декаб., 530.

Толстой, гр., Дм. Андр., мн-ръ народн. просв., мн-ръ внут. дѣлъ, р. 1823 † 1889 г., т. CXLV, февр., 394—396. мартъ, 631,

Толстой, гр., И. И., вице-президентъ Акад. Худож., 1896 г., т. CXLV, мартъ, 493, 634.

Толстой, гр., Левъ Львов., 1880 г., т. CXLVII, іюль 32.

Толстой, гр., Левъ Николаев., писат., † 1910 г., т. CXLV, мартъ, 488, 495, 497, 631, т. CXLVI, апр., 53—58, май, 415—419, т. CXLLII, іюль, 31—32.

Толстой, гр., Николай Александров., р. 1761 † 1816 г., т. CXLVII, авг., 372.

Толстой, гр., Сергѣй Львов., 1830 г., 1880 г., т. CXLVII, іюль, 32.

Толстой, гр., Ѳед. Петр., вице-президентъ Акад. худож., скульпторъ, р. 1783 † 1873 г., т. CXLVI, май, 352, т. CXLVII, авг., 367, 369.

Толстой, Я. Н., т. CXLV, мартъ, 599, т. CXLVII, авг., 380.

Толстой, 1830 г., т. CXLVI, май, 383.

Толченовъ, Пав. Ив., трагич. актеръ, р. 1768 г., т. CXLVII, іюль, 172.

Топильскій, чиновн. минист. юстиціи, 1861 г., т. CXLV, февр., 447.

Тотлебенъ, гр., Эдуардъ Ив., воен. инж. виленск. ген.-губ., † 1884 г., т. CXLV, мартъ, 580, т. CXLVIII, окт., 163, нояб., 359, декаб., 575, 579, 581.

де-Траверсе, маркиза, см. Паткуль.

Траскинъ, ген., попечит. кіевск. унив., 1846 г., т. CXLV, мартъ, 573, т. CXLVI, апр., 98.

Третьяковскій, Васил. Кирилов., писатель, † 1769 г., т. CXLVII, авг., 349, т. CXLVIII, нояб., 271, 272, 275, 276, 280.

Треповъ, Ѳед. Ѳед., Спб. градонач., † 1889 г., т. CXLV, февр., 396, мартъ, 625, т. CXLVIII, декаб., 465.

Третьяковъ, Николай Вас., есаулъ, 1904 г., т. CXLV, янв., 213, т. CXLVI, апр., 122.

Третьяковъ, Пав. Мих., основ. картин. галлереи, 1866 г., т. CXLV, февр., 333, мартъ, 495.

Третьяковъ, П. Н., 1899 г., т. CXLVI, май, 406.

Троепольскій, еписк., т. CXLVII, сент., 392.

Тугановъ, родонач. семьи Туганъ-Барановскихъ, 1410 г., т. CXLVIII, окт., 175.

Туганъ-Мирза-Барановская, см. Наркевичъ.

Туганъ - Мирза - Барановскій, Александръ Амуратовичъ, подполк., воен. писат., р. 1847 † 1884 г., т. CXLVIII, окт., 176.

Туганъ-Мирза-Барановскій, Алексѣй Амуратов., т. CXLVIII, окт., 178.

Туганъ-Мирза-Барановскій, Амуратъ, † 1864 г., т. CXLVIII, окт., 175, 176.

Туганъ - Мирза - Барановскій, Влад.

Амуратов., участв. въ походѣ на Геокъ-тепе, впосл. служ. въ канц. Гос. Сов., издалъ „Русскіе въ Ахалъ-Текѣ, † 1887 г., т. CXLVIII, окт. 178.

Туманскій, Вас. Ив., поэтъ р. 1802 † 1860 г., т. CXLVII, іюль, 158.

Тургенева, Варвара Петровн., мать писат., рожд. Лутовникова. р. 1787 † 1850 г., т. CXLV, февр., 287.

Тургеневъ, Александръ Ив., писат., дир. ден. духовн. дѣлъ, † 1845 г., т. CXLVI, окт., 30, 33.

Тургеневъ, Ив. Серг., писат., р. 1818 † 1883 г., т, CXLV, февр., 285—300, 445, мартъ, 498, т. CXLVI, май, 246, 250, 291, 294. 355, т, CXLVIII, декаб., 530.

Турчаниновъ, ген., 1911 г., т. CXLVII, іюль, 134, авг., 256.

Тутрюмовъ, И. М., т. CXLV, февр., 384.

Тучковъ, ген., 1812 г., т, CXLVII, авг., 254, 271.

Тютчевъ, Аѳан. Петр., дѣйст. ст. сов., 1840 г., т. CXLVIюнь, 625.

Тютчевъ, Ѳед., Ив., поэтъ, р. 1803 † 1873 г., т. CXLV, мартъ, 472.

Тюфякинъ, кн., П. И., директ. театр., т. CXLV, мартъ, 599.

У

Уварова, графиня, предсѣдат. Археологич. Общ., т. CXLV, мартъ, 494.

Уваровъ, гр., А. А., членъ Государств. Думы, т. CXLV, мартъ, 505, 520.

Угрюмовъ, ген.-маіоръ, 1821 г., т. CXLV, мартъ, 559, 563, 565, 569.

Украинцевъ, Емельянъ Иги., думн. дьякъ, 1696 г., т. CXLVI, апр., 192.

Уланіусъ, ген.-маіоръ, 1812 г., т. CXLVII, авг., 270.

Уманцова, Анна, наслѣдница композит. Портнянскаго, 1826 г., т. CXLVIII, дек., 690.

Унгеръ-Штернбергъ, бар., послан. въ Копенгагенѣ, 1850 г., т. CXLVIII, окт., 116.

Унковскій, А. И., тверской предв. дворянства., 1859 г., т. CXLV, февр., 429, 433, 456.

Уньковскій, Ив. Сем., лейт., т.CXLVIII, окт., 167, нояб., 356.

Усовъ, офиц. воен. акад., 1891 г., т. CXLVI, апр., 156, 157.

Успенскій, Гѣбъ Ив., писат., т. CXLVI, май, 244, 252.

Успенскій, Сем. Грит., смотрит. духовн. школъ, 1863 г., т. CXLVII, сент., 468.

Уткинъ, Н. И., саперъ, т. CXLVIII, дек., 659, 664, 666.

Ухтомскій, К., 1902 г., т. CXLVI, май, 420.

Ухтомскій, кн., Леонидъ Алексѣев., вице-адм., † 1909 г., т. CXLV, янв., 195—202, мартъ, 579—587, т. CXLVI, апр., 103—110, т. CXLVII, сент., 401—420, т. CXLVIII окт., 159—174, нояб., 353—368, декаб., 575—590.

Ушаковъ, ген., 1855 г., т. CXLVIII, нояб., 365.

Ушинскій, Конст. Дм., педаг., т. CXLVII, авг., 225, 236.

Ф

Фальцъ-Фейнъ, О. Э. т. CXLVII. іюль, 50.

Фарфоровскій, С., сообщ.: «Дѣятельность графа С. С. Ланского въ проведеніи крестьянской реформы. (Къ юбилею крестьянской реформы)»,т.CXLVII, авг. 220—223, „Страничка изъ исторіи крѣпостного права наканунѣ его отмѣны“ (къ 50 лѣтію освобожденія крестьянъ), т. CXLVII, сент., 421—424.

Федоровъ, В. П., сообщ.: „Аракчеевъ въ приказахъ его по военнымъ поселеніямъ. По поводу столѣтія устройства поселеній. 1810—9 ноября—1910“, т. CXLV, мартъ, 549—570, „Повелѣнія Императора Павла I графу П. А. Палену“, т. CXLVIII, декаб., 598.

Федоринъ, подпоруч., т. CXLV, мартъ, 559.

Ферзенъ, 1793 г., т. CXLVII, іюль, 80.

Фетъ, (Шеншинъ) Аѳанасій Аѳанас., поэтъ, р. 1820 † 1892 г., т. CXLVI, май, 252.

Филаретъ, Вас. Мих. Дроздовъ, митроп., моск., р. 1782 † 1867 г., т. CXLV, мартъ, 482.

Филипеско, 1812 г., т. CXLVII, авг., 259.

Филипповскій, Николай Мих., врачъ, надв. сов., 1905 г., т. CXLVI, апр., 122.

Филипповъ, А. Н., профес., т. CXLV, февр., 383.

Филипповъ, Тертій Ив., государст. контрол. † 1899 г., т. CXLVI, апр., 91, май, 409.

Филоновъ, А., 1859 г., т. CXLVIII, окт., 34—36.

Финьгаузенъ, лейт., 1845 г., т.CXLVIII, декаб., 584.

Фихте, т. CXLVI, май, 247.
Фейгъ - Рецъ, ген., т. CXLV, мартъ, 612.
Фольбортъ, А. А., ген. консулъ въ Лондонѣ, 1898 г., т. CXLVI, май, 404.
Фальбортъ, В. А., † 1889 г., т. CXLV, февр., 396.
Фольбортъ, Екат. Ѳед., † 1991 г., т. CXLV, мартъ, 634.
Фонвизина, Марія Павл., въ зам. Апухтина, † 1842 г., т. CXLVI апр., 169.
Фонвизина, см. Апухтина.
Фонвизинъ, Денисъ Ив., писат., р. 1792 г., т. CXLVI, іюнь, 612, т. CXLVII, авг., 327, 330.
Фонвизинъ, Мих. Ал., декабристъ, 1824 г., т. CXLVI, апр., 169, іюнь, 584.
Форбсъ, 1877 г., т. CXLV, мартъ, 642.
Фоссъ, экспортный агентъ, т. CXLVI, май, 285.
Фотій, Петръ Никитичъ Спасскій, архимандритъ Новг. монастыря, р. 1792 † 1838 г., т. CXLVI, апр., 86.
Фреднъ, ген.-маіоръ, 1812 г., т. CXLVII, авг., 270.
Фрейгангъ, Андрей Ив., чл. спб. цензурнаго комитета, т. CXLVIII, декаб., 497.
Фрейтагъ, ген., т. CXLV, мартъ, 465, 466.
Фридвергъ, цензоръ, т. CXLV, мартъ, 481.
Фриде, пѣвица, т. CXLV, мартъ, 495.
Фридрихъ II, Прусскій 1763 г., т. CXLVII, іюль, 77—80.
Фридрихъ - Карлъ, Прусскій принцъ, р. 1828 † 1885 г., т. CXLV, мартъ, 610—612.
Фридрихъ, императоръ германскій, † 1888 г., т. CXLV, янв. 220, 221, февр., 392, 393.
Фонъ-Фрикенъ, полковн., т. CXLV, мартъ, 557.
Фриманъ, 1877 г., т. CXLV, февр., 338, 339, 342, 343, мартъ, 646.
Фроловъ, 1902 г., т. CXLVI, май, 420.
Фроловъ-Багрѣевъ, 1812 г., т. CXLVII, авг., 262.
Фрудъ, И., т. CXLVI, май, 368.
Фуксъ, Э. Я., сенат., 1892 г., т. CXLVI, апр., 152.
Фуругельмъ, И. В., адм., 1869 г., т. CXLVIII, дек. 673.

Х

Харинъ, педаг., т. CXLVII, сент., 481, 502.
Харламовъ, М. А., морск. офиц., 1854 г., т. CXLVIII, декаб., 579, 584, 585.
Хатовъ, ген.-лейт., директ. Александровск. малолѣтняго корпуса, † 1876 г., т. CXLVII, іюль, 117.
Хасаевъ, кн., т. CXLV, мартъ, 465.
Хвостовъ, гр., Дм. Ив., поэтъ † 1835 г., т. CXLVI, іюнь, 624, т. CXLVII, авг., 338.
Хемницеръ, пис., т. CXLVI, іюнь, 612, 613.
Херасковъ, Мих. Мат., писат., куратор моск. унив., р. 1793 † 1807 г., т. CXLVI, май, 427.
Хилковъ, кн., М. И., мн-ръ путей сообщ., т. CXLVI, апр., 148. 159.
Хитрово, Алексѣй Захарьев., государст. контролеръ, р. 1775 † 1854 г., т., CXLVI, іюнь, 603.
Хитровъ, камеръ-юнкеръ, т. CXLVII, авг., 348, 353.
Хлаповскій, 1831 г., т. CXLVIII, окт., 142, 143.
Хлопицкій, Іосифъ, польск. ген., 1830 г., т. CXLVI, май, 387, 389, т. CXLVIII, окт., 129.
Хмѣльницкій, Богданъ, гетманъ, т. CXLVII, іюль, 72—74, 77, 81, авг., 324.
Хмѣльницкій, Н., пис. 1825 г., т. CXLV, мартъ, 601, т. CXLVI, май, 429, іюнь, 597, 613, т. CXLVII, авг., 350.
Ходкевичъ, полякъ, 1812 г., т. CXLVII, авг., 258, 259.
Хомяковъ, Алексѣй Степ., проф., моск. унив., пис., р. 1804 † 1860 г., т. CXLV, февр., 286, т. CXLVII, іюль, 101, т. CXLVIII, нояб., 325.
Храповицкій, ген. - ад., т. CXLVIII, нояб., 285.
Хрещатицкій, ген., т. CXLV, мартъ, 464.
Хрулевъ, Степ. Александр., ген. р. 1807 † 1870 г., т. CXLV, янв., 152, т. CXLVIII, окт., 163, 165, нояб., 360, 365, 368.
Хрущовъ, Дм. Петр., тов. мн-ра госуд. Имущ., директ. деп. духовн. дѣлъ, 1857 г., т. CXLV, февр., 348.

Ц

Цвѣтковъ, Евменій, свящ., р. 1845 г., т. CXLV, февр., 321.
Цвѣтковъ, Ив. Евменіев., членъ Акад. Художест., основат. карт. галлер. въ Москвѣ, р. 1845 г., т. CXLV, февр., 321—335.
Цвѣтковъ, проф. Кіевск. унив., 1846 г., т. CXLV, мартъ, 576.
Церпицкій, Конст. Викент., ген., т. CXLVI, апр., 34—40, т. CXLVI, іюль, 10, 15, 16.

Цигліпиъ, -дръ, директоръ Штутгартскаго музея, 1895 м., т. CXLVI, май, 275.
Цильхъ, Елизав., 1740 г., т. CXLVIII, нояб., 277.
Цимсенъ, Алексѣй Вас., Управляющ. Госуд. Банкомъ, † 1889 г., т. CXLV, февр., 396, т. CXLVI, апр., 149.
Ціціановъ, кн., ген., главноком. кавказск. арміей, т. CXLVII, авг., 237—239, 244, 246.
Ціонглинскій, И. Ф., живопис., 1891 г., т. CXLV, мартъ, 634.
Ціонъ, докторъ, проф. Медико-хирургической акад., 1892 г., т. CXLVI апр., 148, 149.
Цукато, гр., ген.-маіоръ, 1812 г., т. CXLVII, авг., 270.

Ч

Чайковскій, Петръ Ильичъ, композит., † 1893 г., т. CXLVIII, декаб., 516, 517, 518, 519, 520.
Чарторыйскій, кн., Адамъ Адам., мн-ръ иностр. дѣлъ, попечит. виленск. учебн. окр., р. 1770 † 1861 г., т. CXLVI, май, 386, іюнь, 532, т. CXLVII, іюль, 77, 83—85, т. CXLVIII окт., 128, 129.
Чебышевъ, А., сообщ.: „Матеріалы для исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину", т. CXLV, мартъ, 597—604, т. CXLVI, 169—176, май, 426—430, іюнь, 584—628, т. CXLVII, іюль, 148—192, авг., 326—384, сент., 527—543. упом. іюнь, 603, іюль, 165.
Чевакинскій, архит., т. CXLVI, іюнь, 515.
Чевкинъ, чл. комитета по крестьян. дѣламъ, 1857 г., т. CXLV, февр., 421.
Чепеговъ, пис., 1826 г., т. CXLVI, іюнь, 597, 601, 607, 609, 616, т. CXLVII, іюль, 179.
Черемшанскій, психіатръ, т. CXLV, февр., 239, 240.
Черкасская, княгиня, см. Васильчикова.
Черкасскій, кн. В. А., чл. редакціон. Комиссій, 1861 г., гл. учредит. комит. въ Польшѣ 1864, управл. гражд. частью въ Болгаріи въ 1877 г., † 1878 г., т. CXLV, февр., 329, 400, 432, 435, 442, 465, т. CXLIV, апр., 87.
Черновъ, А. А., геологъ 1907 г., т. CXLVI, май, 240, іюнь, 454, 464, 477—480, 484—487.
Чернышевскій, Гавр. Ив., 1847 г., т. CXLV, янв., 87, т. CXLVI, май, 297.
Чернышевскій, Николай Гавр., писат., р. 1828 † 1889 г., т. CXLV, янв., 68—96, т. CXLVI, май, 353.
Чернышевъ, гр., Александръ Ив., ген. ад., воен. мн-ръ, р. 1785 † 1852 г., т. CXLV, янв., 110, 111, мартъ, 469.
Четвериковъ, т. CXLVII, авг., 305.
Четвертинская, кн., см. Нарышкина.
Четыркинъ, С. С., 1907 г., т. CXLVI, іюнь, 454, 464, 477, 479, 484, 485.
Чеховъ, Антонъ Павлов., т. CXLVI, май, 252 т. CXLVIII, декаб., 521, 522.
Чечоттъ, Оттонъ Антонов., психіатръ, т. CXLV, февр., 239.
Чечулинъ, Н. Д. докторъ русской исторіи, т. CXLV, февр., 383.
Чижевичъ, О. О., т. CXLV, февр., 404.
Чириковъ, учит. рисов., т. CXLVIII, дек., 665—667.
Чириковъ, ген., 1904 г., т. CXLV, мартъ, 589, 595.
Чистяковъ, В. И., морск. офиц., 1854 г., т. CXLVIII. декаб., 579, 583.
Чистяковъ, художн., 1862 г., т. CXLV, мартъ, 486.
Чихачева, Марія Павловна, т. CXLVIII, ноябр., 285, 286.
Чичаговъ, Вас. Яковл., адм., морск. мн-ръ, 1811 г., † 1849 г. т. CXLVII, іюль, 129, 134. авг., 265—269.
Чичаговъ, Н. М., чл. о-ва пароход. и торговли 1889 г., т. CXLV, февр., 394.
Чичеринъ, Борисъ Никол., проф., писат., 1867 г., т. CXLV, янв., 165—166.
Чупровъ, Александръ Ив., проф. Моск. унив., т. CXLV, янв., 41, 49, февр., 257—269, т. CXLVI апр., 48, 49.

Ш

Шабельская, т. CXLI, мартъ, 494, 495.
Шайтановъ, ин., 1905 г., т. CXLVI, апр., 121.
Шаликовъ, кн., Петръ Ив., писат., р. 1768 † 1852 г., с. CXLVI, май, 427, 430.
Шамиль, Имамъ Чечни и Дагестана, † 1871 г., т. CXLV, янв., 106, февр., 274, 275, 282, мартъ, 468, 469, т. CXLVII, іюль, 118, т. CXLVIII, нояб., 427, 428.
Шанцъ, вице-адм., т. CXLVII, сент., 478, 479.
Де-Шаплетъ, Самуилъ Самуиловъ, подполк., † 1834 г., писат., т. CXLVII, авг., 377.
Шаплетъ, С. Я., переводчикъ, т. CXLVII, іюль, 172.
Шапошниковъ, Петръ Ѳед., капит., т. CXLVII, сент., 527.

Шараповъ, Сергѣй, т. CXLV, мартъ, 504, 519.

Шараповъ, чиновн., кол. ассесоръ, 1904 г., т. CXLV, янв., 213, т. CXLVI, апр., 122.

Шарлеманъ, А., художн., 1562 г., т. CXLV, мартъ, 487, 488, 493.

Шатровъ, Николай Мих., поэтъ, р. 1767 † 1841 г., т. CXLVII, іюль, 151.

Шаховская, княгиня, см. Кутузова.

Шаховская, княгиня, см. Слѣпцова.

Шаховская, княгиня Наталія Димитр., рожд. княжна Щербатова, т. CXLVIII, нояб., 329—331.

Шаховскій, кн., Александръ Александр., драм. пис., р. 1777 † 1846 г., т. CXLV, мартъ, 598, т. CXLVI, май, 427, 429, іюнь, 601, 614, 618, 622, 625, т. CXLVII, іюль, 169, авг., 330.

Шаховскій, кн., Ив. Ѳед., ген.-адъют. † 1891 г., т. CXLVIII, нояб. 330—333.

Шаховской, К., 1831 г., т. CXLVII, авг., 350.

Шаховскій, Ник. Ев., полковн. Уланск. полка, т. CXLVIII, нояб., 333.

Шаховскій, кн., Петръ Ив., Новгор. ген.-губерн., т. CXLVIII, нояб., 330.

Шаховскій, кн., Ѳед. Петр., декабр., т., CXLVIII, нояб., 329.

Шашвари, секрет. Венгерск. Торг. музея, т. CXLVI, май, 287.

Шванебахъ, П. Хр., тов. м-ра земледѣлія 1902 г., т. CXLVI, май, 419.

Шварцъ, см. Панина.

Шварцъ, секретарь Экспортн. Союза, т. CXLVI, май, 277.

Швахеймъ, поруч., т. CXLV, мартъ, 462.

Шевченко, Тарасъ Григ. поэтъ, р. 1814 † 1861 г., т. CXLVI, май, 325.

Шевченко, препод. рисов., 1846 г., т. CXLV, мартъ, 577, т. XLVIII, дек., 663, 664.

Шелгуновъ, Николай Вас., писат., † 1891 г., т. CXLVII, сент., 435.

Шелехова, актриса, 1829 г., т. CXLVII, іюль, 165.

Шемякинъ, подпоруч., т. CXLV, мартъ, 565.

Шешинъ, т. CXLV, мартъ, 459—462.

Шереметевъ, Борисъ Петров., сподвижн. Петра I, фельдм., р. 1652 † 1719 г., т. CXLV, февр., 381.

Шереметевъ, гр., Никол. Петр., письмо къ нему Ив. Спиридонова 1792 г., т. CXLVIII, дек., 683—687.

Шереметевъ, гр., С. Д., т. CXLV, мартъ, 491.

Шереметевъ, гр., 1902 г., т. CXLVI, май, 419, 420.

Шестаковъ, Ив. Ал., лейт., т. CXLVIII, окт., 167, 173, нояб., 356.

Шефнеръ, кап.-лейт. 1869 г., т. CXLVIII, дек. 673, 674, 677.

Шидловскій, Н. В., сенат., чл. госуд. совѣта 1892 г., т. CXLVI, апр., 152, май, 402.

Шидловскій, С. В., проф. гигіены, т. CXLVIII, декаб., 527, 528, 529.

Шидловскій, депутатъ отъ Симбирск. дворянск. комитета, 1861 г., т. CXLV, февр., 440, 441.

Шильдеръ, Ник. Карл., ген.-лейт., историкъ, р. 1842 † 1902 г., т. CXLVI, май, 392, т. CXLVIII, нояб., 372, 374.

Шимановскій, М. В., т. CXLV, февр., 404—407.

Шиповъ, Ив. Павл., ген.-маіоръ, р. 1793 † 1845 г., т. CXLVII, сент., 537, 538.

Ширинскій-Шихматовъ, кн., Платонъ Александр., мн-ръ народн. просв., р. 1790 † 1853 г., т. CXLVI, іюнь, 599, т. CXLVII, сент., 529.

Ширинскій-Шихматовъ, кн., Сергѣй Александр., р. 1783 1837 г., т. CXLVI, май, 427, 428, іюнь, 588, 597.

Ширяевъ, 1833 г., т. CXLVII, авг., 370, 371, 377.

Шихмановъ, контръ-адм., 1850 г., т. CXLVIII, окт., 123.

Шихматовъ, К., 1827 г., т. CXLVI, іюнь, 607, 613, т. CXLVII, авг., 350.

Шишкинъ, Ив. Ив., художникъ, т. CXLV, мартъ, 494.

Шишковъ, Александръ Семен., мн-ръ народн. просв., р. 1754 † 1841 г., т. CXLVI, іюнь, 595, 599, 613, 619, т. CXLVII, авг., 364, сент., 441, 446.

Шишмаревъ, Я. П., ген., консулъ, 1900 г., т. CXLVI, апр., 33, т. CXLVII, іюль, 57.

Шлеттеръ, ген.-маіоръ, 1812 г., т. CXLVII, авг., 270.

Шлыкова, Аграфена Станислав., т. CXLV, мартъ, 658.

Шлыкова, Екат. Мих., т. CXLV, мартъ, 667, 673, 674.

Шлыкова, Елисавета Ив., † 1851 г., т. CXLV, мартъ, 658, 659, т. CXLVI, апр., 90.

Шлыкова, Ольга Ив., въ зам. Мей, 1821 г., т. CXLV, мартъ, 658, 673.

Шлыкова, Софія Ив., т. CXLV, мартъ, 669.

Шлыкова, см. Мей.

Шлыковъ, Александръ Алексѣев., офиц., т. CXLV, мартъ, 673.

Шлыковъ, Алексѣй Дм., т. CXLVI, апр., 90.

Шмидтъ, лейт., 1906 г., т. CXLV, янв., 195.

Шляпкинъ, Илья Александр., проф.,

1900 г., т. CXLVI, май, 428, т. CXLVIII, окт., 26.
Шмуккеръ, М. И., земскій врачъ въ Саратовск. губ., т. CXLV, февр., 258.
Шнейдеръ, проф. римск. права въ Петерб. унив., т. CXLV, мартъ, 664, 665.
Шомпулевъ, В. А., сообщ.: „Свѣтлое воспоминаніе объ Александровскомъ малолѣтнемъ въ Царскомъ Селѣ, корпусѣ. (Изъ записокъ стараго помѣщика), т. CXLVII, іюль, 117—118.
Шрейберъ, прокур. 1870 г., т. CXLVIII, декаб., 480.
Штакеншнейдеръ, Андр. Ив., архитек., т. CXLVI, май, 352, 353.
Штиллингъ, т. CXLVII, сент., 524.
Штиръ, Францъ Ив., 1830 г., т. CXLVII, авг., 334.
Штрадманъ, 1811 г., т. CXLVII, авг., 271.
Штрайхъ, С. Я., сообщ., Изъ эпохи освобожденія крестьянъ: (По неизданнымъ матеріаламъ), т. CXLV, февр., 401—418.
Штрекеръ-Пата, начальн. войскъ Восточно-Румелійской милиціи, т. CXLVI, іюнь, 566.
Шуваловъ, Ив. Ив., перв. кураторъ москов. унив. 1797 г., т. CXLVIII, нояб., 274, 280.
Шуваловъ, Петръ Пав., Петерб. губерн. предв. дворянства, 1861 г., т. CXLV, февр., 433—436.
Шуваловъ, посолъ въ Берлинѣ, 1888 г., т. CXLV, янв., 158.
Шуваловъ, гр., 1880 г., т. CXLVI, май, 367, 397, 402.
Шуленниковъ, Сергѣй, студ. Спб. унив., 1847 г., т. CXLV, янв., 61.
Шумахеръ, А. А., предсѣдат. попечит. по учрежд. Вел. Кн. Елены Павловны, 1898 г., т. CXLVI, май, 403.
Шумахеръ, А. Д., сенат., 1892 г., т. CXLVI, апр., 151.
Шумахеръ, т. CXLVIII, нояб., 279.

Щ

Щастный, В., переводчикъ, т. CXLVII, авг., 330.
Щедринъ, см. Салтыковъ.
Щелкуновъ, врачъ, т. CXLV, февр., 231.
Щепетниковъ, маіоръ, 1854 г., т. CXLVIII, декаб., 584, 585.
Щепкина, Е., сообщ.: „Марія Извѣкова“, т. CXLVII, сент., 458—464.
Щербатова, Анна Ѳед., т. CXLVIII, нояб., 330.
Щербатова, княжна, т. CXLV, февр., 249.
Щербатова, княжна, см. Шаховская.
Щербатовъ, А. Г., дѣятель по сельск. хоз., 1902 г., т. CXLVI, май, 419.
Щербатовъ, кн., Григ. Алексѣев., попечит. петербургск. университ. и учебнаго округа 1856 г., т. CXLVIII, декаб., 492, 494, 495, 496.
Щербатовъ, кн., Мих. Мих., писат., историкъ, р. 1733 † 1790 г., т. CXLVII, іюль, 180.
Щербачевъ, Ю. Н., т. CXLV, февр., 399.
Щербина, Ник. Ѳед., поэтъ, † 1869 г., т. CXLVI, май, 353.
Щербининъ, Мих. Павл., кавказ. офиц., 1845 г., т. CXLV, янв., 108, мартъ, 462.
Щукинъ, Анисимъ, оберъ-секрет. сената, 1711 г., т. CXLV, февр., 380.
Щулепова, см. Панина.
Щулеповъ, Александр. Ѳед., т. CXLV, мартъ, 664.

Э

Эйхвальдъ, докторъ, † 1889 г., т. CXLV, февр., 396.
Эккъ, подполк., нынѣ команд. гренад. корп., т. CXLV, февр., 399.
Эльканъ, Александръ Львов., 1834 г., т. CXLVII, авг., 379.
Эльканъ, Алексѣй. Львов., писат., 1854 г., т. CXLVIII, окт., 56.
Энгельгартъ, 1811 г., т. CXLVII, іюль, 123.
Эндаурова, Екат. Меркурьевн., т. CXLV, мартъ, 495, 497.
Эндаурова, Любовь Меркурьевна, худ., 1887 г., т. CXLV, мартъ, 490, 496, 497.
Эндуарова, Юлія Иванов., т. CXLV, мартъ, 496.
Эндауровъ, Меркурій Николаев., т. CXLV, мартъ, 496.
Эрисманъ, проф., т. CXLV, янв., 48.
Эристовъ, кн., Захарій, т. CXLV, мартъ, 458.
Эристовъ, кн., Николай, т. CXLV, мартъ, 416.
Эриховъ, чиновн. Саратовск. губерн. правленія, 1848 г., т. CXLIII, декаб., 511.
Эристъ, скрипачъ, т. CXLV, мартъ, 488.
Эссенъ, О. В., товар. ан-ра юстиц., 1577 г., т. CXLVIII, декаб., 485.
Эссенъ, ген.-лейт., 1811 г., т. CXLVII,

іюль, 130, 131, 134, 145, т. CXLVIII, дек., 670.
Шевченко, Тарасъ Григ., писат., т. CXLVIII, дек. 692—695,
Этолинъ, кап. лейт., начальн. Владивостокск. поста 1850 г., т. CXVLIII, дек., 678.

Ю

Юдинъ, П., сообщ.: „Изъ жизни Н. И. Костомарова въ Саратовѣ“, (Новыя данныя къ его характеристикѣ), т. CXLVIII, декаб., 509—514.
Юзефовичъ, помощ. попечит. кіевск., унив., 1846 г., т. CXLV, мартъ, 576.
Юмъ, медіумъ, т. CXLVI, май, 355.
Юмъ, см. Кроль.
Юрьевичъ, полковн., 1837 г., т. CXLVIII, нояб., 291.
Юрьевская, княгиня, т. CXLV, мартъ, 631.

Я

Ягайло, 1412 г., т. CXLVII, іюль, 64—66, 76.
Ягужинскій, гр., Пав. Ив., ген.-прокур., впосл. кабинетъ министр. 1722 г., р. 1683 † 1736 г., т. CXLV, февр., 381.
Языковъ, Александръ Мих., чиновн. канц. коммиссіи прошеній, р. 1799 † 1874 г., т. CXLVI, іюнь, 601, 605.
Языковъ, Д. И., адъютантъ Александра I., 1812 г., т. CXLVI, апр., 76.
Языковъ, Николай Мих., писат., р. 1803 † 1846 г., т. CXLVI, іюнь, 594, 624, т. CXLVIII, окт., 27.
Яковлевъ, Сем. Ѳед., 1828 г., т. CXLVI, іюнь, 619.
Янжулъ, Ив. Ив., его „воспоминанія о пережитомъ и видѣнномъ“, т. CXLV, янв., 41—58, февр., 257—269, мартъ, 501—520, т. CXLVI, апр., 43—70, май, 267—289, іюнь, 488—506, сообщ.: „И. Цвѣтковъ, (основатель Цвѣтковской картинной галлереи въ Москвѣ), февр., 321—335.
Янишъ, д-ръ, географъ, т. CXLVI, май, 266.
Янсонъ, Карлъ, 1800 г., т. CXLVI, май, 266.
Янсонъ, Ю. Э., проф., т. CXLV, янв., 50.
Янчукъ, Н., писат., т. CXLVIII, окт., 26.
Ястребовъ, Іоаннъ, протоіер., 1881 г., т. CXLVIII, окт., 43.
Яшвиль, кн., т. CXLV, мартъ, 466.

Ѳ

Ѳедоровъ, Борисъ Мих., писат., драмат., журналистъ, р. 1798 † 1875 г., т. CXLVI, іюнь, 597, т. CXLVIII, окт., 79.
Ѳедотовъ-Чеховскій, профес., кіевск. унив., 1846 г., т. CXLV, мартъ, 575, 576.
Ѳеодоръ Алексѣевъ, царь, р. 1661 † 1682 г., т. CXLVI, апр., 209.
Ѳеодоръ, Іоанновичъ, царь, р. 1557 † 1598 г., т. CXLVI, апр., 209.

Указатель составила В. Тимощукъ.

Московской об... библіотеки

Н. Н. Златовратскій. Какъ это было. Очерки и воспоминанія изъ эпохи 60-хъ годовъ. М. 1911.

Если окутанныя дымкой полустолѣтія воспоминанія стараго писателя о прошломъ и кажутся слишкомъ розовыми, если въ нихъ гораздо больше „настроенія“, внутреннихъ переживаній, чѣмъ внѣшнихъ событій, интересныхъ фактовъ и бытовыхъ подробностей, все-же тотъ, кто изучаетъ эпоху гражданскихъ реформъ, найдетъ въ нихъ кое-что для себя. Міровоззрѣніе и общественные взгляды автора, правда, неглубоки и несложны, но въ нихъ есть крѣпкая цѣльность, которая свойственна истинной вѣрѣ и которая помогала людямъ того времени творить большое историческое дѣло. Разсказанныя въ полубеллетристической формѣ воспоминанія Н. Н. Златовратскаго написаны тѣмъ хорошимъ, чистымъ и сочнымъ языкомъ, которымъ рѣдко радуетъ читателя литература нашихъ дней.

А. Я. Ефименко. Элементарный учебникъ русской исторіи. Курсъ эпизодическій. Для младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. Спб. 1911.

Для того возраста, который имѣла въ виду составительница учебника, изложеніе предмета по эпизодическому плану самое раціональное. Исполнена задача вполнѣ удовлетворительно; историческія событія разсказаны и освѣщены правильно, языкъ простъ и вразумителенъ. Книжка издана очень прилично, на хорошей бумагѣ, съ рисунками и нѣсколькими раскрашенными картами.

Русская женщина въ гравюрахъ и литографіяхъ. Выставка портретовъ. Спб. 1911.

Эта книжка была издана кружкомъ любителей русскихъ изящныхъ изданій, какъ каталогъ устроенной кружкомъ выставки портретовъ русскихъ женщинъ XVIII и XIX вѣковъ, воспроизведенныхъ гравюрой и литографіей. Не гоняясь за исчерпывающей полнотою, устроители старались представить все лучшее и характерное и въ увѣковѣченныхъ портретами женскихъ образахъ, и въ ихъ художественномъ воспроизведеніи. Прекраснымъ памятникомъ выставки остался каталогъ, внимательно составленный по системѣ Ровинскаго Н. В. Соловьевымъ и превосходно изданный и иллюстрированный. На выставкѣ фигурировали портреты изъ собраній такихъ коллекціонеровъ, какъ великій князь Николай Михаиловичъ, Е. Е. Рейтернъ, А. Ф. Фельтенъ, С. Н. Казнаковъ, И. Д. Орловъ, Е. Н. Тевяшевъ и друг. Баронъ Н. Н. Врангель предпослалъ каталогу вдумчиво и чутко написанное краткое введеніе, „Русская женщина въ искусствѣ“, это не только обзоръ двухсотлѣтней исторіи русской женщины въ портретахъ, но цѣнный вкладъ въ исторію русской женщины.

Походъ въ Москву въ 1812 году. Мемуары графа де Сегюра.—Пожаръ Москвы. По перепискѣ и воспоминаніямъ современниковъ. Изд. тов-ва „Образованіе“. М. 1911.

Хотя записки Сегюра переведены довольно неумѣло, а изъ воспоминаній современниковъ о московскомъ пожарѣ можно было бы составить болѣе интересную, систематическую и цѣнную книгу, но оба изданія принесутъ свою долю пользы читателю-спеціалисту и займутъ вниманіе неспеціалиста. Жаль, что имъ предпосланы ненужныя и странныя предисловія, гораздо болѣе компрометтирующія серьезность редакціи, чѣмъ всѣ другіе промахи.

De la Martinière. Путешествіе въ сѣверныя страны. Переводъ, объясненія и примѣчанія В. Н. Семенковича. Изданіе Московскаго Археологическаго Института. М. 1911.

Совершивъ въ серединѣ XVII столѣтія путешествіе по сѣверу Европы и посѣтивъ такія мѣста, гдѣ до него не побывалъ ни одинъ европеецъ, да и сейчасъ рѣдки путешественники, Ламартиньеръ въ 1671 г. издалъ эту книгу, „въ которой описаны нравы, образъ жизни и суевѣрія норвежцевъ, лапландцевъ, килоновъ, борандайцевъ, сибиряковъ, самоѣдовъ, повоземельцевъ и исландцевъ“; въ теченіе сорока лѣтъ она была напечатана еще тремя изданіями. Несмотря на то, что нѣсколько главъ ея посвящены сѣверо-востоку нашего отечества, о ней и ея авторѣ въ русской исторической и географической литературѣ сохранились самыя незначительныя упоминанія, и лишь черезъ двѣсти сорокъ лѣтъ появился русскій переводъ ея и русское изслѣдованіе о ней. Рядомъ съ научными ошибками, безудержнымъ подчасъ размахомъ географической и этнографической фантазіи, суевѣріемъ, недостаткомъ научныхъ свѣдѣній и тому подобными грѣхами, добрую половину которыхъ нужно отнести на счетъ эпохи, Ламартиньеръ обнаруживаетъ немало вѣрныхъ этнографическихъ, географическихъ и бытовыхъ знаній, большую наблюдательность и несомнѣнное сочувственное отношеніе къ русскому народу. Его книга усердно читалась въ Европѣ и не могла не вліять благопріятнымъ образомъ на отношеніе Европы къ Россіи, вступавшей тогда на путь сближенія съ европейскимъ міромъ. Между прочимъ, онъ правдиво описалъ путь съ Печоры на Обь, тотъ полузабытый путь русскихъ промышленниковъ, по которому скоро, быть можетъ, опять хлынутъ тысячи людей и милліоны грузовъ. Ученому переводчику и редактору пришлось, можно сказать, почти „открыть“ для русской исторіи Ламартиньера; сдѣлалъ онъ эту работу чрезвычайно старательно, точно передавъ текстъ, снабдивъ его тщательнымъ критическимъ комментаріемъ, изслѣдовавъ все, что извѣстно о Ламартиньерѣ, не безъ остроумія разобравшись въ нѣкоторыхъ вопросахъ, представившихся при изученіи различныхъ изданій „Путешествія“ Ламартиньера.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1912 г.

СОРОКЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **«Новое Время»**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе быть русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ**, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину“** за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1911 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **П. Н. Вороновъ**. Тип. т-ва п. ф. „Эл.-тип. П. Я. Стойковой“. Спб. Знаменская, 27.